

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 12

КНИГА ВТОРАЯ

1917—1922 годы

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Нарышкин С.Е., доктор экономических наук
(председатель)
Макаров Н.А., академик РАН (зам. председателя)
Петров Ю.А., доктор исторических наук
(зам. председателя)
Артизов А.Н., доктор исторических наук
Бородин А.И., член-корреспондент РАН
Васильева О.Ю., академик РАО
Деревянко А.П., академик РАН
Карпов С.П., академик РАН
Крадин Н.Н., академик РАН
Левыкин А.К., кандидат исторических наук
Липкин М.А., член-корреспондент РАН
Магомедов М.М., доктор экономических наук
Могилевский К.И., кандидат исторических наук
Никифоров К.В., доктор исторических наук
Пивовар Е.И., академик РАН
Побережников И.В., член-корреспондент РАН
Полонский В.В., член-корреспондент РАН
Рышков В.М., доктор исторических наук
Сиренов А.В., член-корреспондент РАН
Тишков В.А., академик РАН
Торкунов А.В., академик РАН
Христофоров В.С., член-корреспондент РАН
Чубарьян А.О., академик РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Петров Ю.А., доктор исторических наук (отв. редактор)
Горский А.А., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Журавлев С.В., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Захаров В.Н., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Плех О.А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
Булдаков В.П., доктор исторических наук
Вовина В.Г., доктор исторических наук
Гайдуков П.Г., член-корреспондент РАН
Голдин В.И., доктор исторических наук
Зверев В.В., доктор исторических наук
Зубкова Е.Ю., доктор исторических наук
Кондрашин В.В., доктор исторических наук
Кошлянская Е.А., доктор филологических наук
Кудряшов С.В., кандидат исторических наук
Кукин В.А., доктор исторических наук
Лисейцев Д.В., доктор исторических наук
Мироненко С.В., член-корреспондент РАН
Пихоя Р.Г., доктор исторических наук
Редин Д.А., доктор исторических наук
Рогожин Н.М., доктор исторических наук
Соловьев К.А., доктор исторических наук
Трепавлов В.В., член-корреспондент РАН
Флоря Б.Н., член-корреспондент РАН
Христофоров И.А., доктор исторических наук
Шелохаев В.В., доктор исторических наук
Шестаков В.А., доктор исторических наук
Юрасов А.В., кандидат исторических наук

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 12

КНИГА ВТОРАЯ

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В РОССИИ. 1917–1922 годы**

**ВЛАСТЬ. ЭКОНОМИКА.
ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА**

Ответственные редакторы

доктор исторических наук В. И. ГОЛДИН

доктор исторических наук В. В. КОНДРАШИН

МОСКВА • НАУКА • 2024

Редакционная коллегия тома:

В. И. Голдин (ответственный редактор), *В. В. Кондрашин* (ответственный редактор),
И. Н. Слепнев (ответственный секретарь), *А. В. Ганин*, *Р. Г. Гаскуев*,
С. М. Исхаков, *Д. Б. Павлов*, *В. М. Рышков*

Рецензенты:

доктор исторических наук *П. С. Кабытов*,
доктор исторических наук *В. В. Калашиников*

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
фонда «История Отечества»*

*Выражаем глубокую признательность за поддержку
ПАО «Транснефть» и лично Николаю Петровичу Токареву*

История России: в 20 т. / Ин-т российской истории РАН. — М.: Наука, 2024—. — ISBN 978-5-02-040487-8.

Т. 12: Гражданская война в России. 1917—1922 годы. **Кн. 2:** Власть. Экономика. Общество. Культура. — 2024. — 919 с.

ISBN 978-5-02-041024-4

Показаны особенности формирования и функционирования в годы Гражданской войны структур советской и белой государственности: исполнительной и законодательной власти, спецслужб, репрессивно-карательных систем. Дана характеристика деятельности основных политических партий, состояния экономики на территории противоборствующих сторон, положения различных категорий населения в условиях войны. Рассмотрены демографическая ситуация, состояние культуры, образования, науки на подконтрольных советской власти и антибольшевистским режимам территориях. Раскрыты особенности национальных процессов и движений в различных регионах страны.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-040487-8
ISBN 978-5-02-041024-4 (Т.12, кн. 2)

© Коллектив авторов, 2024
© Институт российской истории РАН, 2024
© Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2024

Страшных времен мы дождались,
ибо гражданская война изо всего плохого — самое наихудшее.
Уголка не найдется для мирных людей.

Генрих Сенкевич

ВВЕДЕНИЕ

Исход фронтовой Гражданской войны в решающей степени определялся политическим, экономическим, военным, культурным, человеческим и иным потенциалом противоборствующих сторон. По обе стороны фронта жили люди, ввергнутые в пучину ожесточенного противостояния со своими проблемами и бедами, которые ежедневно вынуждены были решать местные и центральные власти. Худо ли бедно ли, работали школы, университеты, больницы, театры, развивалась наука, верующие посещали храмы и т.д.

В годы войны на разделенной ею огромной территории бывшей Российской империи действовали разные политические режимы со своей государственностью, политической программой, идеологией, стремившиеся победить своих противников. Главными из них были большевистский режим, создавший Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику, и белые правительства со своей государственностью. Но им противостояли или были их союзниками и многочисленные правительства бывших национальных окраин и территорий за пределами исконно русского исторического «ядра» Российского государства, появившиеся в результате Великой российской революции, уничтожившей многовековую империю.

Политические режимы, существовавшие в период Гражданской войны, создавали свои государственные структуры: органы исполнительной, законодатель-

ной и судебной власти, спецслужбы и репрессивно-карательные системы проводили внутреннюю и внешнюю политику. От того, как они это делали и каковы были плюсы и минусы этих структур и политики, во многом зависела судьба режимов, среди которых лишь один — большевистский — доказал свои преимущества и победил в войне.

Гражданская война стала моментом истины для политических партий России, получивших реальный шанс доказать на практике преимущества своих программ и планов обустройства страны. Во время войны столкнулись не только вооруженные силы сторон, но и их идеологии, выразителем которых выступали политические партии: большевики, меньшевики, эсеры, кадеты, анархисты и др. Победителями из войны вышли большевики во главе с создателем партии В.И. Лениным. Програвшие сошли с исторической арены России, оказавшись или выброшенными войной за пределы страны, или выдавленными с политического поля победителями.

Концентрированным выражением политики противоборствующих в Гражданской войне сторон была экономика, которая жила и развивалась в это непростое для нее время. По-другому и не могло быть, поскольку, несмотря на войну, население страны, чтобы выжить, работало, искало любые пути выживания, обеспечения себя самым необходимым: продуктами и товарами. На территории, подконтрольной всем

существующим режимам, в годы войны с разной степенью интенсивности и эффективности работали промышленные и финансовые предприятия, транспорт, миллионы сельских тружеников по-прежнему в крестьянской России продолжали возделывать поля и ухаживать за скотиной, производить сельскохозяйственную продукцию для себя и городских жителей.

Но экономика оказалась под жестким прессом государственной власти, поскольку ей необходимы были ее материальные и человеческие ресурсы, чтобы выстоять и победить в Гражданской войне. С этой целью большевики разработали и решительно реализовывали в подвластных им регионах политику «военного коммунизма». Их противники также шли по пути концентрации на военные нужды ресурсов подконтрольной им территории. «Все для фронта, все для победы!» — таков был лозунг всех участников войны. При всех из-

держках успешнее оказалась политика «военного коммунизма», благодаря которой и победили большевики.

Их противостояние с антибольшевистскими режимами проходило и по линии социальных преобразований, развития культуры, науки, образования, решения национального вопроса. И красные, и белые, и все остальные участники Гражданской войны предпринимали действия в данном направлении: пытались решать жилищную проблему, организовывать здравоохранение, систему народного образования, пенсионного обслуживания, бороться с детской беспризорностью, эпидемиями, поддерживать науку и культуру, взаимодействовать с религиозными конфессиями и т.д. Именно от этого во многом зависела поддержка населением противоборствующих сторон, а значит, и исход Гражданской войны.

Обо всем этом — вторая книга тома.

Часть I

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
ПО ОБЕ СТОРОНЫ
ФРОНТА

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ — ОСНОВА СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Историография проблемы

После Октябрьской революции большевики из преследуемой властями крайне левой оппозиции превратились в правящую партию, и она стала основой советской государственности. В годы Гражданской войны на подконтрольной советской власти территории партия большевиков разрабатывала и проводила политику, руководила всеми государственными, общественными структурами и, разумеется, Красной армией. И.В. Сталин назвал компартию «орденом меченосцев» внутри советского государства, направляющим «органы последнего» и одухотворяющим «их деятельность»¹.

В советской историографии большевистская партия выступала объектом идеологического поклонения. В соответствии

с ленинско-сталинской концепцией она «по богатству опыта» не имела «себе равной в свете»² и всегда действовала безошибочно и победоносно, в том числе в период Гражданской войны³. Тем не менее советскими исследователями было сделано немало в изучении важнейших аспектов деятельности партии большевиков и ее лидеров (прежде всего В.И. Ленина)⁴ в этот период, хотя они и следовали устоявшимся в партийной литературе и официальной идеологии оценкам⁵. Например, делали «фигурами умолчания» или резко критического анализа ближайших соратников В.И. Ленина в годы Гражданской войны — Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, а затем и И.В. Сталина⁶.

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 71.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1981. С. 8.

³ Маслов Н.Н. Краткий курс истории ВКП(б) — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938—1988 // Советская историография. М., 1996. С. 240—273 (Россия. XX век).

⁴ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. 1917—1918. М., 1987; Генкина Э.Б. Ленин — председатель Совнаркома и СТО: Из истории государственной деятельности В.И. Ленина в 1921—1922 гг.; Она же. Государственная деятельность В.И. Ленина в 1921—1923 гг. М., 1969; Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. — январь 1918 г. М.; Л., 1966; Он же. Председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917—1918 гг. Л., 1974; Он же. Председатель Совнаркома и Совета Обороны В.И. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в июле 1918 — марте 1920 г. Л., 1980; Савицкая Р.М. Очерк государственной деятельности В.И. Ленина. Март—июль 1918 г. М., 1969; Тихун А.Т. В.И. Ленин — руководитель Совета Труда и Обороны в 1920 году. Киев, 1970; и др.

⁵ История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 3. Кн. 1—2. М., 1967—1968; Кулышев Ю.С., Носач В.С. Партийная организация и рабочие Петрограда в годы гражданской войны. Л., 1971; КПСС — организатор защиты социалистического Отечества. 2-е изд., доп. М., 1977; и др.

⁶ Данилов В.П., Якубовская С.И. О фигуре умолчания в исторической науке // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке: Избранные труды: В 2 ч. Ч. 1. М., 2011. С. 384—387.

В постсоветский период в отечественной историографии интерес к истории партии в годы Гражданской войны резко ослаб, поскольку исследователи перекледили свое внимание на изучение «не-пролетарских», по старой терминологии, партий. Но исследование проблемы продолжалось. В «духе времени» появились публикации о большевистской партии и ее лидерах в годы Гражданской войны критического характера, особенно в отношении В. И. Ленина⁷. Но одновременно выходили в свет и новые справочные издания о руководящих органах большевистской партии, в большинстве своем основанные на достоверных источниках⁸,

а также монографические исследования, в которых авторы предпринимали попытку взвешенного анализа и деятельности партии и ее лидеров в годы Гражданской войны⁹.

По мере открытия новых комплексов документов изучение проблемы активизировалось. Продолжилось изучение аппарата ЦК большевистской партии¹⁰, деятельности В. И. Ленина и других большевистских вождей в годы Гражданской войны¹¹. Среди новейших исследований обобщающего характера¹² следует выделить работы С. С. Войтикова о взаимоотношениях в годы войны ЦК РКП(б) и Совнаркома, В. И. Ленина, Я. М. Свердлова и Л. Д. Троцкого¹³.

⁷ Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996; Волкогонов Д. А. Ленин: В 2 кн. М., 1999; Арутюнов А. А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992; Он же. Досье Ленина без ретуши. М., 2002; Он же. Ленин: Личностная и политическая биография. [2-е изд.] Т. 1—2. М., 2003; и др.

⁸ См., напр.: Состав руководящих органов Центрального Комитета КПСС — Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата ЦК (1919—1991) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 69—136; Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС: Справочник. М., 1990; Чернев А. 229 кремлевских вождей: Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. М., 1996; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний. 1919—1952: Каталог: В 3 т. Т. 1. М., 2000; Гузаров В. Н. Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков. 1917—1925 гг. Томск, 2007; и др.

⁹ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 78—83; Леонов С. В. Рождение советской империи: Государство и идеология. 1917—1922 гг. М., 1997; Кривенький В. В. Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 123—130; Лельчук В. С., Тютюкин С. В. Большевики // Политические партии России: История и современность. М., 2000. С. 256—259; Журавлев В. В. РСДРП(б) — РКП(б) на этапе превращения в правящую партию (октябрь 1917—1920 гг.) // Там же. С. 387—404; Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917—1929. М., 2008; и др.

¹⁰ См., напр.: Анфертьев И. А. Первая генеральная чистка правящей коммунистической партии: Причины, итоги, последствия. 1920—1924 гг. // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 167—177; Зеленов М. В., Пивоваров Н. Ю. Партия у власти: Аппарат ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в октябре 1917 — апреле 1922 г. (структура, функции, штаты, сохранность документов) // Великая российская революция, 1917: Сто лет изучения: Материалы международной научной конференции. Москва, 9—11 октября 2017 г. М., 2017. С. 782—787; и др.

¹¹ См.: Логинев В. Т. Владимир Ленин: Выбор пути. Биография. М., 2005; Он же. Неизвестный Ленин. М., 2010; Данилкин Л. А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2017; В. И. Ленин: Неизвестные документы. 1891—1922. М., 2017; Зеленов М. В. В. И. Ленин и ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917—1923 гг.: Методология, языки описания и предварительные итоги исследования // Становление советской государственности: Выбор пути и его последствия: Материалы XIV Международной научной конференции. Екатеринбург, 22—25 июня 2022 г. М., 2022. С. 233—247; и др.

¹² См.: Зеленов М. В. Российская коммунистическая партия (большевиков) // Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. М., 2021. С. 74—77; Савельев П. Ю. РСДРП(б) — РКП(б) // Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. М., 2022. С. 836—862; и др.

¹³ Войтиков С. С. Узда для Троцкого: Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016; Он же. История противостояния: ЦК или Совнарком. М., 2018; Он же. Центральный комитет: Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущева. 1890—1964 гг. М., 2019; Он же. Ленин, Свердлов и Троцкий. Партия, власть и террор: Очерки советской политической истории. М., 2021.

История большевистской партии и деятельности В. И. Ленина на посту председателя Совнаркома в период Гражданской войны традиционно привлекала внимание зарубежных исследователей. В зарубежной историографии существуют различные

оценки роли партии и ее вождей в рассматриваемый период¹⁴.

В целом история партии большевиков в годы Гражданской войны нуждается в дальнейшем изучении, в том числе в создании специального обобщающего труда.

В. И. Ленин — вождь большевистской партии

Успех большевистской партии в годы Гражданской войны в огромной степени был обусловлен нахождением во главе партии и правительства Советской Республики (Совета Народных Комиссаров) В. И. Ленина.

Существует обширная историография на эту тему. Советскими историками фигура вождя в рассматриваемый период изображалась исключительно в позитивном плане¹⁵. Как уже отмечалось, в современной российской историографии содержатся различные, в том числе диаметрально противоположные оценки роли Ленина в Гражданской войне.

Так, например, в связи с рассекречиванием ранее не доступных исследователям документов о деятельности Ленина в годы Гражданской войны на него выплеснулись негативные эмоции ряда авторов, стремившихся показать лидера большевиков как безжалостного политика, готового жертвовать человеческими жизнями ради сохранения

власти¹⁶. Настроенные критически к Ленину исследователи называют его «злым порождением злой эпохи», политиком, который бы не состоялся, если бы не было Первой мировой войны¹⁷. В литературе и общественном мнении получила распространение идея о том, что федеративный принцип, заложенный Лениным при создании СССР, стал «миной замедленного действия для всей бывшей Российской империи»¹⁸.

В других работах современных авторов содержатся позитивные оценки личности Ленина и его деятельности в годы Гражданской войны. В частности, утверждается, что это был его «звездный час» как политика, сумевшего в сложнейших условиях отказаться «от неработающих лозунгов» и проявить «крайний прагматизм», который позволил удержать «под контролем» исторический процесс¹⁹. По мнению ряда авторов, участие Ленина в Гражданской войне обеспечило Красной армии «по-

¹⁴ См., напр.: *Пайнс Р.* Создание однопартийного государства в Советской России (1917—1918 гг.) // Политические исследования. 1991. № 1. С. 215—223; *Сервис Р.* Ленин / Пер. с англ. Г. И. Левитан. М., 2002; *Rabinowich A.* The Bolsheviks in Power. First Year of Soviet Rule in Petrograd. Indiana Univ. Press, 2007; *Модсли Э., Уайт С.* Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный комитет и его члены. 1917—1991 гг. М., 2011; *Каррер д'Анкокс Э.* Ленин. 4-е изд. М., 2017; и др.

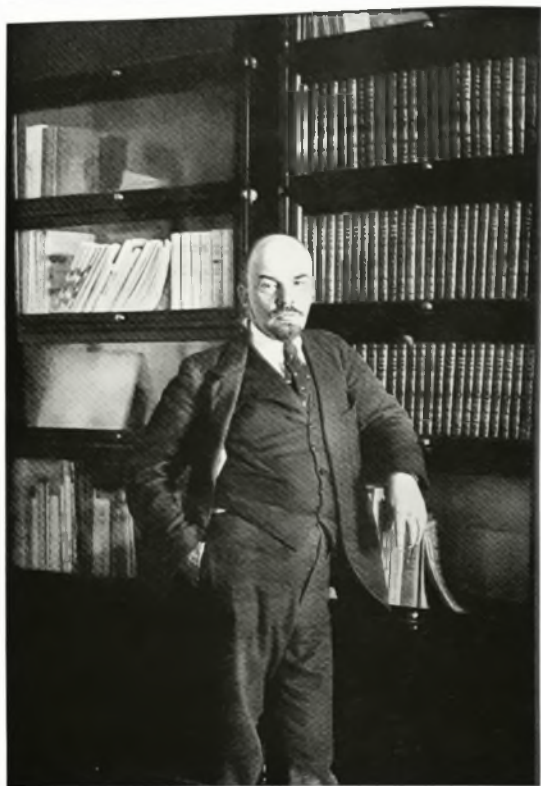
¹⁵ См.: *Генкина Э. Б.* Ленин — председатель Совнаркома и СТО: Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 гг. М., 1960; *Генкина Э. Б.* Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923 гг. М., 1969; *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979; *Ирошников М. П.* Председатель Совнаркома и Совета Обороны В. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в июле 1918 — марте 1920 г. Л., 1980; *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства. 1917—1918. М., 1987; и др.

¹⁶ *Арутюнов А. А.* Ленин: Личностная и политическая биография. [2-е изд.] Т. 1—2. М., 2003; и др.

¹⁷ *Булдаков В.* Марксизм, Ленин, революция: Метаморфозы великой легенды // Российская история. 2020. № 2. С. 14, 24.

¹⁸ Российская история. 2020. № 2. С. 43.

¹⁹ Там же. С. 36, 43.

Председатель СНК РСФСР В. И. Ленин
в своем рабочем кабинете в Кремле.
Москва. 16 октября 1918 г.
Фотограф не установлен. РГАСПИ

литическое преимущество над противниками»²⁰ и создало «государственную систему неслыханной мощи и устойчивости, которая пережила своего создателя на 67 лет»!²¹ Подобные исследователи подчеркивают тот факт, что, завоевав власть, Ленин после очень короткого периода адаптации показал исключительный талант политика, который, совершенно ничего не зная о функционировании вла-

сти, превратился в государственного деятеля и укрепил эту власть²².

Исключительную роль Ленина в большевистской партии и советском государстве в период Гражданской войны признавали многие ее участники и современники. Например, В. М. Чернов назвал его «некоронованным королем» возглавляемого им движения²³. Меньшевик В. И. Талин дал определение Ленину как «первосвященнику» и «рыцарю» власти, который овладел ее тайной, став ее «материализованным духом»²⁴. На выдающиеся организаторские способности вождя указал один из участников Ноябрьской революции 1918 г. и основателей Веймарской республики Г. Штресеман: «Ленин обладал великой способностью объединять все силы, направленные к одной цели, и смелостью приводить свои планы в сочетание с достижимым. В этом смысле он был гением и как таковой займет свое место в истории»²⁵. Квинтэссенцией оценки Ленина как успешного политика, обеспечившего победу большевиков в Гражданской войне, является суждение Л. Д. Троцкого: «В Ленине мы имеем личность, созданную для этой эпохи крови и железа»²⁶. Он же подчеркнул характерную черту Ленина, на которую особое внимание обращали его враги и современные критики: «Глубокое и неукротимое убеждение в могущественных возможностях человеческого развития, заплатить за которое можно и должно любой ценой жертв и страданий, составляло всегда главную пружину ленинского духа»²⁷.

Учитывая масштаб личности и драматизм потрясений России в рассматривае-

²⁰ Данилкин Л. А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 633, 636—637.

²¹ Каррер д'Анкосс Э. Ленин. 4-е изд. М., 2017. С. 487.

²² Там же. С. 493.

²³ Родина. 1990. № 4. С. 14.

²⁴ Талин В. И. У гроба Великого Диктатора // Заря. 1924. № 1. С. 8, 9.

²⁵ Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине. М., 1924. С. 26.

²⁶ Троцкий Л. Д. О Ленине. М., 1924. С. 52.

²⁷ Троцкий о Ленине: Материалы для биографии. М., 1924. С. 112—113.

мый период, дискуссия в историографии о Ленине в Гражданской войне будет продолжаться. Одно можно сказать с полной уверенностью, что при всех оценках этой личности неизменными будут осознание ее исторической величины и признание огромной роли в создании Советской России и победе большевиков в войне²⁸.

В период Гражданской войны В. И. Ленин превратился в крупнейшего политика эпохи. Он обосновывал неизбежность этой войны в России и необходимость использования для победы в ней всех средств классовой теории марксизма. В «Письме к американским рабочим» от 20 августа 1918 г. он отмечал: «[...] в эпоху революции во всех странах классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах формы гражданской войны, а гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны»²⁹.

Ленин презирал буржуазию и буржуазную интеллигенцию, считал всех ее представителей заведомыми трусами³⁰. Но, несмотря на доктринальный фанатизм, нетерпимость к «ревизии» марксизма и вообще к иным политическим взглядам, Ленин обладал ясностью цели и прагматизмом. На заседании ВЦИК 4(17) ноября 1917 г. он доказывал, что «социализм не создается по указам сверху», ибо «его духу чужд казенно-бюрократический бюрократизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс». Позднее он добавлял, что социалист должен полагаться «на опыт и инстинкт трудящихся масс»³¹.

Ленина отличали энергия и исключительная целеустремленность, воля к власти, тонкое политическое чутье, тактическая гибкость и «вседозволенность» в средствах. Он был реальным лидером большевистской партии с непререкаемым авторитетом. К концу 1918 г. авторитет Ленина был настолько велик, что Л. Б. Каменев, часто расходившийся во мнениях с председателем Совнаркома, констатировал: «А я чем дальше, тем больше убеждаюсь, что Ильич никогда не ошибается. В конце концов, он всегда прав [...] Сколько раз казалось, что он сорвался — в прогнозе или в политическом курсе, и всегда, в конечном счете, оправдывались и его прогноз, и курс»³².

Ленин не был «тираном» и «диктатором» в классическом понимании этих терминов. В условиях Гражданской войны его окружали яркие и неординарные личности, признававшие его первенство. С 1917 г. в партии оказались или проявились новые масштабные и относительно самостоятельные фигуры, «вожди революции»: Л. Д. Троцкий и Я. М. Свердлов. В то же время такие «вожди», как Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев, с конца 1917 г. потеряли самостоятельность и во многом — влияние на выработку политического курса. С осени 1918 г. с помощью Ленина, отчасти как противовес Свердлову³³ и Троцкому, стал усиливать свои позиции И. В. Сталин. С весны 1919 г., после смерти Свердлова, данный процесс ускорился. С этого времени начал было набирать аппаратный вес и Н. Н. Крестинский, но в 1921 г. за поддержку Троцкого в дискуссии о профсоюзах он был удален Лениным из Политбю-

²⁸ См. на эту тему: Ленин и его время: Сборник статей. М., 2020; В. И. Ленин: Pro et contra: Рефлексия ленинизма в мировой философской и социально-политической мысли. СПб., 2022; В. И. Ленин: Pro et contra: Образ Ленина в мировом искусстве, антология. СПб., 2022; и др.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. М., 1969. С. 57—58.

³⁰ Старцев В. И. Мы — с Лениным // О Ленине — правду: Дайджест прессы. Л., 1991. С. 120, 121.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1962. С. 57, 275.

³² Суханов Н. Записки о революции. Т. 7. Берлин, 1923. С. 244.

³³ Об одном из аспектов противоречий между вождями см.: Леонов С. В. К вопросу о политическом контроле над ВЧК // Исторические чтения на Лубянке. XX лет. М., 2017. С. 57—62.

Председатель ВЦИК РСФСР Я. М. Свердлов
в рабочем кабинете. Москва. 1919 г.
Фотограф П. А. Оцуп. РГАКФД

ро и даже из ЦК. Н. И. Бухарин, несмотря на «громкое» участие в ряде дискуссий и популярность, членом высшего политического руководства еще не был. В целом до 1920 г. взаимоотношения большевистских вождей в основном укладывались в принятые рамки политической борьбы. При этом Ленин играл определяющую роль в формировании курса и, как правило, тактики партии.

В современной историографии признается, что вопреки классическим трудам советских историков при Ленине «железной, единообразной организацией» партия большевиков не являлась³⁴. В годы Граж-

данской войны противостояние большевистских лидеров и стоявших за ними партийных группировок проявлялось ничуть не менее остро, чем во времена оппозиций 1920-х гг.³⁵

В современной историографии наиболее полно перипетии этого противостояния отражены в исследованиях С. С. Войтикова, в которых автор выдвигает тезис о борьбе за лидерство в партии Я. М. Свердлова летом—осенью 1918 г., особенно после ранения Ленина. По мнению исследователя, в этот период Свердлов превратился из «члена ЦК» в его «Председателя». Он действовал в тандеме с Л. Д. Троцким, назначенным по его инициативе во время болезни Ленина председателем РВСР. Выздоровление вождя изменило ситуацию. В январе 1919 г. Ленин поставил в ЦК вопрос о недопустимости развития в аппарате ЦК «личной политики» и предложил выделить из ЦК Организационное бюро (Оргбюро) для решения важнейших кадровых и иных вопросов. Затем, по решению VIII съезда партии, было создано Политбюро ЦК. Были приняты меры и по ограничению амбиций Троцкого (создание Совета рабочей и крестьянской обороны в ноябре 1918 г., Политуправления РВСР — РККА весной 1919 г. и т. п.)³⁶.

Таким образом, В. И. Ленин в годы Гражданской войны — вождь мировой революции и большевистской партии. Важным фактором лидерства Ленина стало его руководящая деятельность в Совете Народных Комиссаров РСФСР и (с декабря 1918 г.) Совете Рабочей и Крестьянской Обороны. Ленин ни единого дня не был формальным руководителем. Из всех лидеров большевиков именно Ленин находил

³⁴ Логинов В. Т. *Неизвестный Ленин*. М., 2010. С. 143.

³⁵ См.: Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917—1929.

³⁶ Войтиков С. С. *Узда для Троцкого: Красные вожди в годы Гражданской войны*. С. 285, 366, 367, 371, 373; *Он же*. Центральный комитет: Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущева. 1890—1964 гг. С. 292, 295; *Он же*. Ленин и Сталин против Троцкого и Свердлова. М., 2023.

баланс теории и практики. Будучи гениальным тактиком, он чувствовал, когда обстоятельства момента требуют временного отступления. Это ни в малейшей степени не отменяло факта фанатичной преданно-

сти Ленина делу борьбы с мировым капитализмом, делу рабочего класса. Феномен Ленина явился важным преимуществом большевиков над всеми другими политическими силами России.

Место РКП(б) в советской государственности. Структура, численность, социальный состав партии

В Конституции РСФСР 1918 г. нет ссылки на особый статус большевистской партии в советской государственности. Тем не менее в годы Гражданской войны она занимала центральное место в ее политической системе, играла решающую роль в государственном управлении, формировала идеологию советского государства.

Это была правящая партия, которая в годы Гражданской войны непосредственно и через своих представителей направляла деятельность исполнительных, законодательных и судебных органов советской власти. Характерным в этом плане является заявление В. И. Ленина на X съезде РКП(б): «Наша партия — правительственная партия, и то постановление, которое вынесет партийный съезд, будет обязательным для всей Республики»³⁷. В июле 1919 г. в письме организациям РКП(б) Секретариат ЦК партии разъяснил, что «роль члена партии, стоящей у государственной власти [...] заключается в том, чтобы быть основой аппарата государственной власти, а в равной степени [...] военной силы»³⁸.

Создатель и вождь партии В. И. Ленин возглавлял Совет Народных Комиссаров (СНК) — ключевой орган власти, выполнявший не только исполнительные, но и законодательные функции. Также и другие лидеры партии (Я. М. Свердлов,

Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, Ф. Э. Дзержинский и др.) возглавляли основные наркоматы и силовые структуры. Уже в первые месяцы советской власти все партийные силы были брошены на «советскую работу», т.е. укрепление органов советской власти на подконтрольной ей территории страны. Как заявлял председатель ВЦИК Я. М. Свердлов при закрытии VII съезда РКП(б) 8 марта 1918 г., «[...] Мы всю свою душу, все свои главные силы» вливали в «советскую работу»³⁹.

Механизм реализации большевиками своих функций правящей партии менялся в годы Гражданской войны под влиянием объективных причин и по мере укрепления аппарата партии. Например, до формирования работоспособного аппарата ЦК партии СНК выполнял некоторые его функции, тем более что из его 15 членов 7 состояли в ЦК, еще 3 — в ЦК предшествующих созывов⁴⁰. Деятельность ЦК и СНК протекала по соседству, а неотложность решения острых практических вопросов побуждала сосредотачивать работу в СНК. 7 декабря 1917 г. ЦК РСДРП(б) извещал местных большевиков: «Если же вам нужно знать линию ЦК, то рекомендуем вашему вниманию все декреты Совета Народных Комиссаров [...]»⁴¹. Для В. И. Ленина в 1918 г. приоритетом был Совнарком, а не ЦК при реше-

³⁷ X съезд РКП(б). Март 1921 г. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 407.

³⁸ Цит. по: Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 76.

³⁹ Политические партии России: История и современность. С. 397.

⁴⁰ Леонов С. В. Рождение советской империи: Государство и идеология. 1917—1922 гг. С. 130—131.

⁴¹ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.). Т. 2. М., 1957. С. 81, 82, 78, 79; и т. д.

нии оперативных вопросов, и Совнарком являлся не только советским правительством, но и политическим центром, взявшим на себя часть функций ВЦИК и ЦК РСДРП(б)⁴².

Ситуация менялась по мере укрепления и создания структур партии: в ЦК — Политбюро, Оргбюро, Секретариата, на местах — губкомов в губернии, укомов в уездах, волкомов в волостях. В результате усилилась роль чисто партийных органов в принятии ключевых решений. Происходило это в силу централизации власти в условиях эскалации Гражданской войны и установления партийной диктатуры после подавления мятежа левых эсеров и изгнания их из Советов, как ранее эсеров и меньшевиков. На местах к концу 1918 г. реальная власть перешла из рук Советов к партийным комитетам, ЧК и ревкомам. В Центре нити руководства партийными комитетами сосредотачивались в Политбюро, Оргбюро, Секретариате, созданным по решению VIII съезда партии. Политбюро предназначалось для политического руководства, Оргбюро курировало управленческий аппарат, Секретариат ЦК отвечал за подбор партийных кадров. В какой-то мере два последних органа призваны были компенсировать отсутствие умершего в марте 1919 г. Свердлова — главного, уникального организатора и «кадровика» партии.

Парткомы во главе ЦК стали «нервной системой» нового государственного устройства, связавшей в единое целое и приводившей в движение все органы советской власти. Г.Е. Зиновьев, информируя партийную общественность об итогах VIII съезда партии, говорил: «Всем известно, ни для кого не тайна, что фактическим руководителем советской власти

в России является ЦК партии»⁴³. К 1919 г. по «неписанной конституции» все выборы в центральные советские и партийные учреждения производились по спискам, составляемым в ЦК. Эту ситуацию очень четко описал один из делегатов VIII съезда РКП(б) В.А. Аванесов: «Мы (т.е. партия) стали государством»⁴⁴.

Доминирование ЦК партии в лице Политбюро и партийного аппарата в целом в связке с ВЧК и другими силовыми органами над структурами исполнительной власти продолжалось все оставшиеся годы Гражданской войны.

До марта 1918 г. большевистская партия имела название РСДРП(б). На VII съезде (6—8 марта 1918 г.) название партии было изменено на РКП(б) — Российскую коммунистическую партию (большевиков), чтобы подчеркнуть различие с социал-демократическими партиями Европы, поддерживавшими империалистическую войну и критиковавшими политику большевиков после Октябрьской революции⁴⁵.

С весны 1917 г., и особенно после захвата власти большевиками, на повестку дня встала задача принятия новой программы партии, поскольку важнейшие положения старой программы, принятой на II съезде РСДРП в 1903 г., были выполнены (свергнуто самодержавие, установлена «диктатура пролетариата»). Новая программа должна была закрепить эти изменения и зафиксировать первоочередные задачи построения в Советской России социалистического общества. Все эти положения нашли отражение в брошюре Н.И. Бухарина «Программа коммунистов (большевиков)», вышедшей летом 1918 г., которую Секретариат ЦК рекомендовал приобретать для ознакомления и обсуж-

⁴² Леонов С.В. Рождение Советской империи: Государство и идеология. 1917—1922 гг. С. 130—131.

⁴³ Зиновьев Г.Е. Об итогах VIII съезда РКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 187.

⁴⁴ Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 178.

⁴⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 27.

дения всем большевикам и сочувствующим⁴⁶.

В марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) единогласно и без особых дискуссий принял новую программу партии. Она закрепила результаты большевистской революции, принципы организации советской власти и ее политики, определила роль РКП(б) как «организатора» и «вождя» пролетариата⁴⁷. Распространение «советской формы» в Программе фиксировалось как единственно правильное и для мирового революционного движения, направленного к осуществлению «диктатуры пролетариата». Все остальные течения рабочего и социалистического движения объявлялись «буржуазным извращением социализма», требовавшим со стороны коммунистов «принципиального решительного разрыва и беспощадной борьбы»⁴⁸.

Годы Гражданской войны — период значительного роста численности рядов большевистской партии. Это всячески подчеркивалось в советской историографии. Отмечалось, что в октябре 1917 г. в партии состояло около 350 тыс., в марте 1918 г. — 400 тыс., в марте 1919 г. «в связи с потерями на фронтах» — 350 тыс., в марте 1920 г. — 612 тыс., в марте 1921 г. — 732,5 тыс. человек⁴⁹. Однако эти цифры нуждаются в уточнении.

Численность РСДРП(б) в октябре 1917 г. (350 тыс.) представляется преувеличенной. Сами большевистские лидеры не называли таких цифр. После захвата

власти они говорили лишь о 200 или максимум 240 тыс. большевиков, т.е. использовали оценки кануна Октября⁵⁰.

В марте 1918 г. на VII съезде РКП(б), по оценке Я.М. Свердлова, в партии было 300 тыс. членов, но не 400 тыс., как утверждали советские историки⁵¹. На самом съезде мандатная комиссия признала бесспорным представительство лишь от 135 тыс. партийцев, причем выявилось многократное завышение количества членов в ряде парторганизаций⁵². Данный факт позднее подтвердил ЦСУ СССР, оценив численность большевистской партии в России на начало 1918 г. в 115 тыс. человек⁵³. С учетом Украины и других «несоветских» областей она могла быть до 150 тыс. человек. Резкое падение численности большевистской партии в начале 1918 г. произошло прежде всего в связи с демобилизацией и утратой связи с партией вступивших в нее солдат, которые сыграли важнейшую роль в Октябрьской революции. Особенно сильное сокращение парторганизации произошло в Петрограде. В октябре 1917 г. в ней было около 50 тыс. членов, в феврале 1918 г. — 36 тыс., в середине июня — 13,4 тыс., а в сентябре 1918 г. — лишь 6 тыс. человек⁵⁴.

По данным Л.М. Спирина, к середине 1918 г. в РКП(б) было около 150 тыс.⁵⁵ Однако явная завышенность официального количества большевиков в начале 1918 г. и масштабы их «отлива» из партии позволяют предположить, что на самом деле их оставалось еще меньше.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 3. Л. 4, 57.

⁴⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2.

⁴⁸ Политические партии России: История и современность. С. 392—393.

⁴⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 507; Гражданская война в СССР: В 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 398.

⁵⁰ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стеногр. отчет. М., 1962. С. 1, 3, 4, 239.

⁵¹ История КПСС: В 6 т. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 243, 540.

⁵² Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стеногр. отчет. С. 1, 3, 4, 114—120.

⁵³ Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917—1927. М., [1927]. С. 18.

⁵⁴ См.: Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стеногр. отчет. С. 4, 116; Рабинович А. Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 502, 571.

⁵⁵ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 124, 125.

Падение численности большевиков было компенсировано быстрым развертыванием партаппарата, особенно нижних его звеньев. Если в феврале 1918 г. действовало 39 губкомов, 52 уездных комитетов и всего 16 волостных, то к концу года было создано 4 ЦК национальных компартий, работало 50 губкомов, 350 уездных комитетов (рост в 6,7 раза) и 1139 волостных комитетов⁵⁶ (рост в 71,2 раза).

На VIII съезде РКП(б) делегаты представляли 314 тыс. большевиков, а к октябрю 1919 г., после перерегистрации — фактически первой чистки партии и массовых мобилизаций на фронт, в партии осталось менее 120 тыс. человек.

Весной 1920 г. в результате «партийной недели» произошел взрывной рост, и в марте 1920 г. на IX съезде РКП(б) констатировалось наличие 612 тыс. партийцев. Осенью 1920 г. в ходе перерегистрации произошло уменьшение числа членов партии примерно на одну треть. Далее ситуация изменилась, и число коммунистов снова возросло: в марте 1920 г., на IX съезде, делегаты представляли 612 тыс. партийцев, в марте 1921 г., на X съезде, — 732,5 тыс., а в марте 1922 г. на XI съезде — 532 тыс. членов.

Сильный удар по партийной структуре на селе нанесли переход к нэпу и голод. Если на сентябрь 1920 г. по учтенным 15 губерниям в деревенских организациях числилось 88 705 членов партии, то, по данным переписи 1922 г., их осталось всего 24 343 человека. Партия сохранилась в сельской местности в виде волячек, номинально объединявших всех разрозненных на десятки верст коммунистов волости⁵⁷.

Зафиксированные в документах партийных съездов цифры численности членов партии в годы Гражданской войны

существенно завышены. Они были скорректированы после ее окончания органами советской статистики. В результате была получена следующая наиболее достоверная динамика численности большевистской партии в годы Гражданской войны: на начало 1919 г. — 251,5 тыс. человек, 1920 г. — 431,4 тыс., 1921 г. — 585 тыс., 1922 г. — 528,4 тыс.⁵⁸

Пик численности партии в этот период пришелся на начало 1921 г., после которого произошло очередное ее уменьшение. Главной его причиной была чистка РКП(б), прошедшая с августа до конца 1921 г. В ходе нее, по неполным данным, было исключено 21% ее членов, а 3,1% вышли сами. В марте 1922 г. на XI съезде делегаты представляли 532 тыс. членов⁵⁹. Докладывая на XI Всероссийской партконференции о предварительных итогах чистки, член Президиума и секретарь ВЦИК П. А. Залуцкий подчеркнул: «Ни один партийный комитет не знал, сколько у него членов партии»⁶⁰.

Каков был социальный состав большевистской партии в годы Гражданской войны? Его анализ затруднен из-за ненадежности имеющихся данных. Например, в анкетах членов партии зачастую фиксировалась не реальная социальная принадлежность большевика, а прошлая или даже вымышленная. Многие вступившие в партию лица, желая соответствовать «классовому подходу», стремились причислить себя к рабочим или беднейшим крестьянам.

Советские историки, чтобы не разрушить идеологизированную картину состава партии, избегали развернутого его анализа и подчеркивали сохранение «пролетарского» характера партии на протяжении всей Гражданской войны. Для

⁵⁶ История КПСС. Т. 3. Кн. 2. М., 1968. С. 59, 119.

⁵⁷ Павлюченков С. А. «Орден мечаосцев»: Партия и власть после революции. 1917—1929. С. 125.

⁵⁸ Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917—1927. М., [1927]. С. 18.

⁵⁹ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 77.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3. Л. 130.

этого они, например, механически переносили социальный состав РСДРП(б) начала 1917 г., когда в большевистской партии рабочие составляли 60%, служащие — 26%, крестьяне — 7,6%, на период Октябрьской революции и последующие годы⁶¹. Таким образом отстаивалась незыблемость «пролетарского ядра». При этом признавался факт вовлечения в партию и других слоев населения. В частности, к концу 1920 г. в РКП(б) состояло 34% рабочих, 24% крестьян и кустарей, 25% служащих и интеллигенции, 7% «прочих»⁶². Уменьшение рабочей прослойки в партии и рост представительства других слоев, прежде всего служащих советских учреждений, были следствием бюрократизации и милитаризации общества. В декабре 1921 г. П. А. Залуцкий отмечал: «[...] До сих пор у нас господствовало убеждение, что наша партия по своему составу является пролетарской партией. При чистке обнаружилось, что это далеко не так». В большинстве организаций, кроме крупных промышленных городов, доля рабочих составляла 32—35%. Партия «вросла в госаппараты»⁶³.

О том, насколько она действительно «вросла», позволяют судить сведения, собранные в 1920 г. к IX съезду РКП(б): 53% коммунистов являлись служащими советских учреждений, 27% — служили в Красной армии (итого — 80%), на фабриках и заводах работало лишь 11% членов партии⁶⁴. Даже в «пролетарском» Петрограде уже в сентябре 1918 г. 58% парторганизации составляли советские, военные и «общественные» служащие⁶⁵. Таким обра-

зом, вопреки официальным декларациям, с 1918 г. в РКП(б) стало преобладать совпартчиновничество.

Размывание «пролетарского ядра» РКП(б) и превращение ее в партию служащих, чиновников, комиссаров и т.п. стало особенно очевидным к концу Гражданской войны. В начале 1922 г. в партии из общего числа коммунистов (свыше 401 тыс. человек) условно считалось 44,4% рабочих. На самом деле такие пролетарские центры, как Петроград, на 17 тыс. членов партии показывали только 12% рабочих «у станка». В Москве этот процент был еще ниже, на 25 тыс. — всего 9%⁶⁶.

В годы Гражданской войны в большевистской партии возросла доля военных. Ее динамика была следующей: в октябре 1918 г. в РККА насчитывалось 30 тыс. коммунистов, в октябре 1919 г. — 121 тыс., в августе 1920 г. — 278 тыс., в начале 1921 г. — 160 тыс. Партийные мобилизации дали РКП(б) порядка 260 тыс. человек. С весны 1918 г. в Красной армии начали создаваться партячейки. В октябре 1918 г. в действующей армии их было 800, в августе 1920 г. уже 7 тыс. Подобного явления не было у противников большевиков. В частях белых армий не существовало ячеек антибольшевистских партий. На фронтах Гражданской войны, защищая советскую власть, погибло примерно 50 тыс. большевиков⁶⁷.

В годы войны заметно увеличилось крестьянское представительство в партии: с 4 тыс. в конце 1917 г. до 54,9 тыс. к 1922 г.⁶⁸ Тем не менее крестьян в партии было меньше, чем служащих, военных, рабочих.

⁶¹ Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С. 440.

⁶² История КПСС. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 243; Кн. 2. М., 1968. С. 503, 504.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3. Л. 129, 131.

⁶⁴ Девятый съезд РКП(б): Протоколы. М., 1960. С. 573.

⁶⁵ См.: Рабинович А. Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 502.

⁶⁶ Павлюченков С. А. «Орден меча носцев»: Партия и власть после революции. 1917—1929. С. 273—274.

⁶⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 443, 514; История КПСС. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 16.

⁶⁸ Политические партии России: История и современность. С. 398.

Их доля в общем составе членов РКП(б) к концу войны составила около 11%⁶⁹.

В этническом срезе большинство рядовых коммунистов в рассматриваемый период были русскими. По некоторым, возможно, завышенным данным, в 1922 г. они составляли 72% от их общего числа, затем шли украинцы — 6% и евреи — 5%⁷⁰. В целом партия большевиков была интернациональной, что отражало ее программу по национальному вопросу и ее главный политический лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

При анализе количественных показателей членства в РКП(б) и его социального состава в годы Гражданской войны следует учитывать наличие в партии ее «ядра», так называемой революционной элиты, ленинской гвардии, которая «цементировала» и партию, и госаппарат, и вооруженные силы, обеспечивала их работу, выявляла и устраняла все «пороки» в партии и советской власти. К началу 1921 г. менее 10% большевиков имели дооктябрьский стаж. Также в партии насчитывалось до 7% выходцев из других партий с опытом дореволюционной борьбы, которых условно можно причислить к «революционной элите» правящей партии⁷¹. Большинство партийцев с дореволюционным стажем, составлявшие «золотой фонд» партии, занимали ключевые посты в партийных и советских органах.

Заслуживает внимания исследование состава ЦК РКП(б) — партийного «штаба» в Гражданской войне, проведенное Э. Модсли и С. Уайтом⁷². Авторы проанализи-

ровали участие в работе органов государственной власти 78 членов и кандидатов в члены ЦК в 1917—1923 гг. Хотя их процент участия в этих органах (наркоматах) в общей массе чиновников был невелик (всего 9%), они определяли содержание и результаты работы всего государственно-го аппарата и в центре, и на местах.

Ядро «революционной элиты» РКП(б) составляли большевики с дореволюционным стажем: А. С. Бубнов, Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, А. С. Киселев, В. И. Ленин, В. П. Милютин, Г. И. Петровский, К. Б. Радек, Х. Г. Раковский, А. И. Рыков, Я. М. Свердлов, Ф. А. Сергеев (Артем), А. Г. Шляпников, В. В. Шмидт, И. Т. Смилга, И. Н. Смирнов, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, М. П. Томский, Л. Д. Троцкий, Е. М. Ярославский и др. Как точно охарактеризовали их Т. П. Коржихина и Ю. Ю. Фигатнер, это были «профессиональные революционеры, выходцы по преимуществу из семей квалифицированных, потомственных рабочих и разночинной интеллигенции»⁷³.

По подсчетам Э. Модсли и С. Уайта, 47% представителей «ленинской гвардии» имели высшее и 37% среднее образование⁷⁴. По другим данным, в отличие от сплошь высокообразованной кадетской элиты, только каждый пятый большевистский лидер имел высшее и каждый четвертый — неполное высшее образование. 24% остановились на уровне среднего образования. Для сравнения: высшим и неполным высшим образованием обладали 45 и 37%

⁶⁹ От 528,4 тыс. коммунистов в 1922 г.

⁷⁰ Rigby T. H. *Communist Party Membership in the USSR. 1917—1967*. Princeton, 1968. P. 366.

⁷¹ История КПСС. Т. 3. Кн. 2. М., 1968. С. 249, 342, 343, 380, 503; Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 16, 17, 85.

⁷² Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный комитет и его члены. 1917—1991 гг. М., 2011.

⁷³ Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: Становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25—38.

⁷⁴ Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный комитет и его члены. 1917—1991 гг. С. 43.

лидеров эсеров и 27 и 42% меньшевиков соответственно⁷⁵.

Представители большевистского руководства были этнически смешанной группой. Порядка половины из них являлись великороссами. Каждый пятый был евреем, каждый пятнадцатый соответственно украинцем, представителем народов Кавказа и Прибалтики. Также в состав «ленинской гвардии» входили татары, поляки, обрусевшие немцы и др. Этот состав, как и состав эсеровского руководства, по национальному признаку отражал многонациональный облик страны. Такой его репрезентативностью другие партии не отличались⁷⁶.

Возраст половины представителей руководства партии колебался в диапазоне от 26 до 35 лет (каждый пятнадцатый был моложе даже 26 лет). В этом окружении 47-летний Ленин воспринимался соратниками как «патриарх», «Старик»⁷⁷.

По своему социальному происхождению каждый третий представитель большевистских верхов происходил из низов города и из деревни, каждый второй — из средних слоев провинциального города и каждый четвертый — из нестоличной элиты и провинциальных верхов⁷⁸.

О том, что в рассматриваемый период «ядро» госаппарата советского государства было здоровым и эффективным, говорит тот факт, что из «вычищенных» из партии в 1918—1921 гг. за различные проступки и преступления коммунистов лишь 4% принадлежали к «старой гвардии»⁷⁹.

В годы Гражданской войны в высшие органы государственной власти выдвинулась и «новая революционная элита». Это члены ЦК РКП(б) А. А. Андреев,

А. Е. Бадаев, К. Е. Ворошилов, С. И. Гусев, И. А. Зеленский, С. М. Киров, Н. П. Комаров, И. И. Коротков, Т. С. Кривов, В. В. Куйбышев, И. И. Кутузов, Д. З. Лебедь, И. И. Лепсе, С. С. Лобов, Д. З. Мануильский, В. М. Михайлов, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Осинский, Г. Л. Пятаков, И. А. Пятницкий, А. Р. Рахимбаев, Я. Э. Рудзутак, Г. И. Сафаров, Т. В. Сапронов, Д. Е. Сулимов, И. Я. Тунтул, Н. А. Угланов, В. Я. Чубарь, М. В. Фрунзе и др.⁸⁰

Образовательный уровень «новой революционной элиты» был ниже «ленинской гвардии», но он компенсировался решительными действиями ее представителей при проведении в жизнь политики партии. М. Левин, автор книги «Последняя схватка Ленина», отметил: «[Гражданская] война и ее последствия сказались и на персональном составе партийного руководства. Уже вскоре стало ясно, что в нем появляются люди определенного типа, претендующие на лидерство в партийной иерархии». Представители нового поколения «принадлежали к особой “расе” реалистов и практиков»⁸¹. Впоследствии именно представители «новой гвардии» большевистской партии составили основу сталинской номенклатуры. Имея опыт Гражданской войны, они осуществили сталинскую модернизацию СССР, не считаясь с издержками и человеческими потерями.

В период Гражданской войны сложилась централизованная система партийных органов, которыми руководил Центральный комитет РКП(б). Согласно Уставу партии 1919 г., ЦК направлял «работу центральных советских и общественных орга-

⁷⁵ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. М., 2022. С. 848.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. С. 848.

⁷⁹ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 675—676.

⁸⁰ *Модели Э., Уайт С.* Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный комитет и его члены. 1917—1991 гг. М., 2011. С. 36.

⁸¹ *Lewin M.* Lenin's Last Struggle. N.Y., 1968. P. 32, 59.

низаций через партийные группы в них»⁸². Но на деле ЦК непосредственно руководил государственными и общественными организациями.

Как уже отмечалось, в марте 1919 г. VIII съезд принял решение о создании Политбюро. ЦК отныне мог собираться лишь дважды в месяц. На Пленуме ЦК 25 марта 1919 г. в Политбюро были избраны Ленин, Троцкий, Сталин, Крестинский, Каменев, кандидатами Зиновьев, Бухарин, Калинин. После XI съезда РКП(б) на Пленуме ЦК 3 апреля 1922 г. членами Политбюро были выбраны Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков; кандидатами в члены Политбюро — Молотов, Калинин, Бухарин. Политбюро в годы Гражданской войны решало все вопросы внутренней и международной политики, формирования советской политической системы, создания конституционных и партийных норм.

Согласно резолюции VIII съезда партии, Оргбюро ЦК направляло « всю организационную работу партии ». Его членами были избраны Н. Н. Крестинский, И. В. Сталин, А. Г. Белобородов, Л. П. Серебряков, Е. Д. Стасова, кандидатом в члены — М. К. Муранов. Затем в состав Оргбюро вошли Молотов, Ярославский, Рыков, Томский, Калинин и др. В заключительном слове на XI съезде РКП(б) 28 марта 1922 г. В. И. Ленин подчеркивал: « Чем у нас отличается Оргбюро от Политбюро? Ведь нельзя точно разграничить, какой вопрос политический, и какой организационный. Любой политический вопрос может быть организационным, и наоборот. И только установленная практика, что из Оргбюро можно перенести в Политбюро любой вопрос, дала возможность правильно наладить работу ЦК »⁸³.

Исполнительным органом Центрального комитета партии (« аппаратом ЦК »)

в годы Гражданской войны был Секретариат ЦК. Он обеспечивал связь между ЦК РКП(б) с местными легальными и нелегальными партийными организациями в России и за рубежом, центральными государственными органами власти и управления, профсоюзными, хозяйственными, общественными организациями и т. д. Секретарями ЦК были Е. Д. Стасова, Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский, Л. П. Серебряков. 3 апреля 1922 г. на Пленуме ЦК РКП(б) была введена должность генерального секретаря. Им стал И. В. Сталин. Можем предположить, что этот термин был заимствован у Коминтерна, где чуть ранее была учреждена такая должность.

В должности генерального секретаря Сталин заведовал вопросами, связанными с работой Политбюро ЦК и сношениями с партийными комитетами, осуществлял контроль над Бюро Секретариата. Это позволило ему руководить аппаратом партии, формировать повестку дня Политбюро и контролировать все информационные потоки в ЦК РКП(б). В качестве лидера партии и правительства по-прежнему оставался Председатель СНК РСФСР Ленин.

Устав РКП(б) 1919 г. ввел единообразие в оргструктуре, членстве и функциях структурных единиц парткомитетов. В годы Гражданской войны сложилась следующая структура партийных органов: ЦК на территории РСФСР, областные комитеты на территориях советских республик и областей, губернские комитеты на территории губерний, уездные комитеты на территории уездов, волостные комитеты на территории волости, бюро ячеек предприятия, селения, красноармейской части, учреждения. Кроме территориального был закреплен ведомственный принцип создания парторганизаций (специальные организации, военные, же-

⁸² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 203—204.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1970. С. 122—123.

лезнодорожные, национальные и др.), которые существовали на правах отделов центральных, областных и губернских комитетов⁸⁴.

На подконтрольной антибольшевистским режимам территории страны большевистские организации существовали в подполье, в условиях конспирации. Для руководства ими и военно-хозяйственной,

партийной работой в прифронтовых зонах и оккупированных территориях ЦК РКП(б) образовывал областные бюро: Сибирский областной комитет РКП(б), Кавказский областной комитет РКП(б), Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных областей при ЦК РКП(б), Польское и Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) и др.

РКП(б) как правящая партия

Вопреки постулатам советской историографии, большевистская партия по большей части не была готова к приходу к власти. Когда на I съезде Советов вождь большевиков публично заявил, что его партия готова взять всю полноту власти, и изложил ее программу, А. Ф. Керенский небезосновательно назвал примитивные средства, предлагавшиеся Лениным для лечения экономики (опубликование военных прибылей и арест 50 или 100 «крупнейших миллионеров»), детскими рецептами. «Вы предлагаете путь дальнейшего разрушения. Из этого хаоса, как феникс из пепла, восстанет диктатор [...]», — указывал он⁸⁵.

Часть большевиков осознавала сложности и авантюризм «броска к власти», контраст между своими обещаниями и грядущей реальностью. На собрании членов Петербургского комитета 5 октября 1917 г. М. М. Володарский говорил: «Взять власть мало. [...] Мы должны знать, что, став у власти, нам придется понизить заработную плату, увеличить количество выходов на работу, придется ввести террор [...]». «Не будем, товарищи, себя обманывать, —

вторил ему М. М. Лашевич. — Хлеба мы не дадим. Имеется много шансов, что и мира мы не можем дать»⁸⁶.

Роль партии большевиков в новом обществе не была теоретически проработана. Ленин первоначально не хотел идти в правительство, предпочитая руководить страной (возможно, и международным революционным движением) в качестве лидера партии, и возглавлял Совнарком лишь под давлением ЦК⁸⁷. Вопрос о будущем правительстве, по-видимому, впервые был поставлен в перерыве заседания ЦК РСДРП(б) в ночь с 24 на 25 октября. Из-за остроты ситуации попытку наметить состав правительства некоторые большевики приняли поначалу за шутку, а многие — отказывались туда идти. Ленину приходилось буквально ловить их в коридорах Смольного и, держа за пуговицу, чтобы не сбежали, убеждать их войти в Совнарком⁸⁸. Все последующие дни и месяцы Гражданской войны были отмечены риском, «импровизациями», непомерными усилиями и непрерывной борьбой не только с бесчислен-

⁸⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 202—203.

⁸⁵ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стеногр. отчет. М.; Л., 1930. Ч. 1. С. 65, 70—77, 80.

⁸⁶ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.: Сборник материалов и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г. с речами В. И. Ленина. М.; Л., 1927. С. 296—306.

⁸⁷ См.: Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. М., 1992. С. 361.

⁸⁸ Леонов С. В. Рождение советской империи: Государство и идеология. 1917—1922 гг. М., 1997. С. 109.

ными противниками извне, но и с внутрипартийной оппозицией.

Еще после Февральской революции в РСДРП(б) обозначилось правое течение. Неформальными его лидерами были Л. Б. Каменев, В. П. Ногин, А. И. Рыков, В. П. Милютин, Д. Б. Рязанов и др. С сентября до ноября 1917 г. к ним совершил временный «дрейф» Г. Е. Зиновьев. Накануне и в первые месяцы после Октябрьской революции «правая оппозиция», выражавшая социал-демократическую традицию⁸⁹, была главным оппонентом Ленина в партии. Она пыталась не допустить изоляции большевиков от социалистических партий, избежать террора и Гражданской войны. Она боролась за «однородное социалистическое правительство» и хотела «встроить» Учредительное собрание в советскую систему. После своего поражения и роспуска Учредительного собрания «правые большевики» уже не представляли собой единого и влиятельного течения. Лишь некоторые его представители периодически призывали к умеренным решениям при обсуждении продовольственной политики, «красного» террора и т. д.

С начала 1918 г., с активного обсуждения проблемы сепаратного мира, В. И. Ленин, который ранее выступал с левых позиций, неожиданно для себя оказался на «правом» крыле в этой дискуссии и в меньшинстве не только в ЦК, но и в партии. В острейшей дискуссии большинство крупнейших ее организаций оказались на стороне «левых коммунистов» (Н. И. Бухарина, В. В. Осинского, Г. И. Ломова, Е. А. Преображенского и др.), а также Л. Д. Троцкого. 23 февраля 1918 г. Ленин второй раз (после 29 сентября 1917 г.) вынужден был прибегать к ульти-

матуму о выходе из состава ЦК, а также из Совнаркома⁹⁰. Победа далась вождю крайним напряжением сил. Экстренно созванный для одобрения мирного договора VII (чрезвычайный) съезд партии был малочислен. В советской историографии считалось, что на нем присутствовали 47 депутатов с решающим голосом. Однако мандатная комиссия съезда отметила лишь 39 мандатов, а признала бесспорными и вовсе 30, представляющих 135 тыс. из 300-тысячной (официально) партии. Чтобы не оказаться неправомерным, съезд утвердил 7 из опротестованных комиссией мандатов, а 10 делегатов с решающим голосом были приписаны «задним числом»⁹¹.

Многие «левые коммунисты» не смирились с поражением по вопросу Брестского мира и весной 1918 г. развернули критику уже не только внешнеполитического, но и внутреннего курса ленинского руководства. «При проведении декретов мы наталкиваемся на затруднения не только со стороны меньшевиков и правых [эсеров], но и со стороны так называемых “левых” (коммунистов. — *Авт.*). [...] Они идут нога в ногу с саботажниками», — негодовал Я. М. Свердлов в мае 1918 г.⁹² Левые коммунисты выступали за продолжение «красногвардейской» атаки на капитал, против «бюрократической централизации, господства различных комиссаров, лишения местных Советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющегося с низов государства-коммуны», против превращения пролетариата «в пассивный объект» организации производства⁹³. Выработать модель, сочетающую широкую демократию для трудящихся с эффективными мерами по стабилизации экономики, они не мог-

⁸⁹ Троцкий Л. Д. Уроки Октября. Л., 1991. С. 120.

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. М., 1969. С. 282; М., 1974. Т. 35. С. 369.

⁹¹ См.: Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стеногр. отчет. С. 114—120, 200—203.

⁹² Деятельность ЦК партии в документах // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 145.

⁹³ Коммунист. 1918. № 1. С. 8.

ли и надеялись главным образом на мировую революцию. Несмотря на близость своих позиций с левыми эсерами, на союз с ними — вопреки ожиданиям последних — они не пошли.

После 6 июля 1918 г. под влиянием обострившейся обстановки движение «левых коммунистов» окончательно распалось. Н. И. Бухарин и многие другие его представители в силу собственного радикализма из ярых сторонников пролетарской демократии стали превращаться в апологетов централизма и государственного принуждения. Небольшая часть «левых коммунистов» во главе с Т. В. Сапроновым и Н. Осинским сохранила приверженность партийной и советской демократии и создала группу «демократического централизма». Целый ряд других деятелей: В. М. Смирнов, А. С. Бубнов, Г. И. Сафаров, Г. Л. Пятаков, Е. М. Ярославский и др. составили костяк «военной оппозиции».

С осени 1918 г. внутривнутрипартийная оппозиция вновь активизировалась. Часть большевиков не хотела мириться с резительным контрастом между первоначальными лозунгами, представлениями о социализме и практикой Советской России. Вплоть до завершения Гражданской войны дискуссии сотрясали РКП(б) почти непрерывно, порой наслаиваясь друг на друга: «военная оппозиция», дискуссии о ЧК, о советском строительстве, о «верхах и низах» партии, о профсоюзах, о принципах создания СССР и др. В какой-то мере они создавали нестабильность, но в целом являлись фактором тактической гибкости и жизнеспособности партии. Хотя все дискуссии имели «практический» характер, большую, чем в 1917 г., роль в них играла теория. Большевики не только отстаивали советскую власть и свою «пролетарскую диктатуру», но и пытались реализовать идеологическую доктрину. Она — во многом усилиями Ленина и результатами

внутрипартийных дискуссий — менялась, адаптировалась к реальности. После Брестского мира лидерство Ленина в РКП(б) возрасло и вплоть до конца 1920 г. было почти бесспорным.

Все дискуссии, активно шедшие с осени 1918 г., так или иначе касались советской государственности и политической системы⁹⁴. В связи с централизацией власти и бюрократизацией ее органов росли привилегии руководства, ограничивалась внутривнутрипартийная демократия, распространялись преследования коммунистов за критику, выражавшиеся чаще всего в не включении неугодных лиц в те или иные органы, в их публичных обвинениях и в перемещениях, в занесении их в разрядки по военной и другим мобилизациям.

Среди широких партийных масс уже с 1919 г. получила распространение идея о перерождении партии, ее неприкрытом расхождении на низы и привилегированные верхи. Вот отрывок из письма замначпоарма 9-й армии Д. Фурманова от 4 ноября 1920 г. под красноречивым заголовком «Довольно!»: «Российская коммунистическая партия засаривается у нас на глазах. Все мы, члены партии, отлично видим, что она по качеству своих членов далеко не та и значительно ниже, чем в Октябрьские или дооктябрьские дни 1917 года [...] Я говорю о шкурниках и карьеристах, которые, несмотря на все препоны, прорываются в ряды РКП [...] Необходимо немедленно положить предел вступлению в нашу партию непролетарским элементам»⁹⁵.

Большевистское руководство пыталось реагировать на подобные обращения и на разразившуюся с 1919 г. дискуссию «о верхах и низах» партии. IX Всероссийская конференция (сентябрь 1920 г.) подчеркнула недопустимость каких бы то ни было репрессий «[...] против товарищей за то, что они являются инакомыслящими по тем

⁹⁴ См. об этом: т. 12, кн. 1, ч. II, гл. 1, 6.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 228. Л. 176.

или ным вопросам, решенным партией»⁹⁶. Была создана комиссия для обследования «кремлевских привилегий», предлагалась ротация кадров, прикрепление всех ответственных работников к первичным парторганизациям и пр. 8 декабря 1920 г. Пленум ЦК обсудил борьбу с протекционизмом.

Однако указанные меры не остановили процессы бюрократизации партии, дальнейшую централизацию в работе ее органов.

Об этом свидетельствовала «дискуссия о профсоюзах». Состоявшаяся в ноябре 1920 — марте 1921 г., она стала самой острой и масштабной в партии со времен Брестского мира. Поводом послужили предложения Л.Д. Троцкого «перетряхнуть кадры», огосударствить и милитаризовать профсоюзы. А.Г. Шляпников и другие представители «рабочей оппозиции», отстаивая прежние большевистские идеи о «рабочей демократии», напротив, предлагали меры в духе Программы РКП(б) 1919 г., которая провозгласила, что профсоюзы «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством»⁹⁷. Близкие позиции занимали и «децисты». Ленин защищал (и защитил) сложившуюся модель, где профсоюзы были формально не огосударствлены, но находились под жестким партийным, а фактически и государственным контролем и руководством, и играли незначительную, главным образом декоративно-пропагандистскую роль.

Дискуссия захватила всю партию. Впервые с весны 1918 г. было поставлено под сомнение лидерство Ленина и возникла угроза раскола РКП(б). По своей ожесточенности дискуссия порой напоминала борьбу большевиков с меньшевиками после II съезда

РСДРП. В ней проявилось не только личное соперничество Ленина и Троцкого⁹⁸, по форме проявившееся в обсуждении проблемы отношения партии к рабочему классу. В скрытом виде дискуссия отразила поиски путей развития страны. Она была порождена политическим и доктринальным кризисом, в котором оказалась РКП(б) в условиях завершавшейся широкомасштабной войны в Европейской России, катастрофического падения своей популярности⁹⁹ и отсутствия реальных путей выхода из тупика. Это стало очевидным после того, как в феврале 1920 г. Ленин и большинство ЦК отвергли предложение Троцкого о переходе к продналогу, обвинив автора во фритредерстве¹⁰⁰ (тот, впрочем, особенно и не спорил), но не предложили действительно новых идей.

Это подтвердила небывало широкая и резкая критика ленинского руководства на X съезде РКП(б), сопоставимая с VII съездом. Но сторонники Ленина в итоге вышли победителями в «дискуссии о профсоюзах». Они использовали все имеющиеся в их распоряжении методы борьбы с оппозицией: тайные фракционные собрания и решения, «подкуп» (в виде повышения в должности, избрания в президиум съезда и т.п.), перемещения и «ссылки», угрозы, обман, клевету, шельмование, массовое удаление сторонников Троцкого, «рабочей оппозиции» из руководящих органов и даже исключения из партии. Использование подобных методов было проявлением острого кризиса внутрипартийной демократии и кризиса политики «военного коммунизма» в целом.

Последнее отразил вал крестьянских восстаний и рабочих забастовок. Нарастало отчуждение партии от масс и рост недоволь-

⁹⁶ Девятая конференция РКП(б): Протоколы. М., 1972. С. 279.

⁹⁷ Программа РКП(б) // Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 403.

⁹⁸ См.: Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917—1929. М., 2008. С. 37—48.

⁹⁹ «На собраниях случается, что если указываешь на коммуниста, который пользуется доверием масс, то про него говорят, что он и на коммуниста-то не похож, потому что к нему есть доверие, он не такой, как другие», — признала А.М. Коллонтай (Десятый съезд РКП(б). 8 марта — 16 марта 1921 г. М., 1933. С. 105).

¹⁰⁰ Десятый съезд РКП(б). 8 марта — 16 марта 1921 г. С. 352.

ства самих большевиков. В марте 1921 г., по признанию Л. Д. Троцкого, примерно 30% кронштадтских коммунистов участвовали в восстании, 40% были нейтральными и лишь 30% поддерживали власть. Переходы коммунистов на сторону повстанцев наблюдались в ходе многих антисоветских восстаний в годы Гражданской войны¹⁰¹.

Все это заставило руководство РКП(б) перейти к нэпу. То, что инициатором этого выступил Ленин, в значительной мере укрепило его лидерство в партии. При этом он инициировал решения X съезда о запрете фракционной деятельности в партии, а также санкционировал подключение к борьбе с внутрипартийной оппозицией (с «рабочей оппозицией») чекистов¹⁰². В частности, 14 октября 1921 г. Политбюро постановило: все исключенные из партии должны находиться «на учете органов ВЧК», а местные парторганизации должны предоставлять чекистам «все имеющиеся у них материалы»¹⁰³.

Одновременно с целью оздоровления рядов партии, очищения ее от шкурников и недопущения подобных им впредь в партийные ряды в 1921 г. была проведена масштабная чистка партии¹⁰⁴.

Таким образом, мощная, дисциплинированная, гибкая в своей политике большевистская партия во главе с В. И. Лениным решала в годы Гражданской войны все проблемы страны и успешно решила главные из них — организацию вооруженной борьбы с противниками советской власти и создание Советского государства.

Доминирование партии в Советской России было связано с ее особым статусом и устранением из политической жизни

на подконтрольной советской власти территории других партий. РКП(б) стала важной частью госаппарата, и большинство ее членов составляли не «рабочие и крестьяне», а бюрократия, гражданская и военная. При этом многие ее представители в недавнем прошлом были рабочими и крестьянами. Представители «децистов» с трибуны X съезда партии справедливо заявили о «диктатуре партийного чиновничества» как о реальности, появившейся взамен официально провозглашаемой большевиками в 1917 г. диктатуры пролетариата¹⁰⁵.

В марте 1922 г. и В. И. Ленин назвал большевистскую партию «недостаточно пролетарской» по составу (как и самих фабрично-заводских рабочих) и «менее политически воспитанной», чем было необходимо «для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент»¹⁰⁶. Отчасти этим и объяснялись усилия ленинского руководства по централизации партии, свертыванию внутрипартийной демократии, подключению к внутрипартийной борьбе ВЧК. Это качественно меняло первоначальный облик и статус партии.

В период Гражданской войны обозначились тенденции, которые способствовали «окаменению» РКП(б), ее движению в сторону «вождистской партии», не допускавшей серьезной оппозиции. В дальнейшем эти тенденции приведут к победе сталинской группировки в партии и сталинизму как новому политическому режиму в истории России. Но в годы Гражданской войны при всех ее недостатках и ошибках РКП(б) как правящая партия смогла победить всех своих политических противников.

¹⁰¹ См.: Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 77, 78, 83, 84, 255, 281, 287, 293.

¹⁰² См.: В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов. 1917—1922 гг. М., 1987. С. 410, 415; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 117. Л. 1.

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 215. Л. 13.

¹⁰⁴ Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История Советской России. СПб., 2001. С. 150.

¹⁰⁵ Политические партии России: История и современность. М., 2000. С. 399—400.

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 19, 20.

СОВЕТСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
В ВОЕННУЮ ЭПОХУ

Организационные основы советской власти

История создания Советского государства в годы Гражданской войны активно изучалась и изучается в историографии¹. Среди многочисленных работ на эту тему следует выделить, как сохранивших свою научную значимость, труды советских историков М.П. Ирошникова, Е.Г. Гимпельсона и Т.П. Коржихиной и др.². Тема получила освещение в публикациях зарубежных авторов³, ряд которых подметили преемственность части методов государственного

управления дореволюционного и постреволюционного периодов⁴. Современными исследователями продолжается изучение проблемы на новых источниках и в рамках авторских концептуальных подходов⁵.

Придя к власти, В.И. Ленин и большевистская партия взяли курс на создание государства-коммуны, по их мнению, — «высшего типа демократии», предоставляющего широчайшие права «большинству» и выступающего диктатором лишь по от-

¹ См.: Становление советской государственности: Выбор пути и его последствия: Материалы XIV Международной научной конференции. Екатеринбург, 22—25 июня 2022 г. М., 2022.

² Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. — январь 1918 г. 2-е изд. Л., 1967; Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР: Материалы к источниковедению и историографии (1917—1990 гг.). М., 1992; Она же. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М., 1995; Она же. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968; Она же. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917—1920 гг. М., 1982; Она же. Формирование советской политической системы 1917—1923 гг. М., 1995; Она же. Советские управленцы 1917—1920 гг. М., 1998; Денисов А.И. Советское государство. М., 1967; Николаев В.В. Советское социалистическое государство. М., 1968; Советское государство — год первый. М., 1973; и др.

³ См., напр.: Пайнс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917—1918 г.) // Полис: Политические исследования. 1991. № 1. С. 215—223; и др.

⁴ Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge; L., 2002. P. 238—239.

⁵ См., напр.: Леонов С.В. Рождение советской империи: Государство и идеология. 1917—1922 гг.; Земцов Б.Н. Конституционные основы большевистской власти: (Первая Советская Конституция 1918 г.) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 65—74; Фельдман Н.А. Большая тайна советской истории: (Историография Советов в годы Гражданской войны) // Общественные науки и современность. 2013. С. 127—137; Архипова Т.Г. Организация и деятельность государственного аппарата России в первые месяцы советской власти в отечественной историографии // Великая российская революция. 1917: Сто лет изучения: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 9—11 октября 2017 г. М., 2017. С. 190—197; Бутыко Л.В., Лепешкина О.В. Создание концептуальных основ местной власти в первые годы Советского государства // Конституционализм: Симбиоз науки и практики. Белгород, 2017. С. 33—37; и др.

Участники заседания президиума ВЦИК Российской Советской Республики.

Среди присутствующих (сидят в 1-м ряду слева направо):

комиссар Всероссийской комиссии по делам созыва Учредительного собрания М. С. Урицкий, народный комиссар по иностранным делам Л. Д. Троцкий, председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Г. Е. Зиновьев, член президиума ВЦИК М. М. Лашевич. Петроград. Не позднее декабря 1917 г.

Фотограф не установлен. РГАКФД

ношению к «меньшинству» — эксплуататорам. Поскольку власть впервые переходила к трудящимся, большевики полагали, что народ сам, с «простотой и легкостью», сможет подавить сопротивление буржуазии «без особого аппарата, простой организацией вооруженных масс (типа Советов рабочих и солдатских депутатов)». Поэтому предполагалось заменить постоянную армию всеобщим вооружением народа, свести до минимума роль чиновничества, сделать его полностью выборным, получающим зарплату не выше, чем у среднего квалифицированного рабочего, и устранить ненужное при социализме разделение властей⁶. Взгляды лидера большевиков и большинства членов пар-

тии к моменту захвата власти отражали идеи К. Маркса и были созвучны ситуации в стране, характеризовавшейся дискредитацией прежних государственных институтов, слабостью власти, повышенной активностью революционизированных масс и верой их в свои силы⁷.

Исходя из этого, большевики разрушали структуры исполнительной, законодательной и судебной власти Временного правительства, в большинстве своем сохранивших дореволюционные организационные формы, и создавались структуры новой советской государственности. После Октябрьского переворота ее организационные основы и правовая база были законодательно закреплены в резолюции III Все-

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. М., 1969. С. 41—44, 46, 84—91, 109, 115; Т. 35. С. 21, 27, 39, 57, 61, 68, 69, 110, 139, 198, 274, 275.

⁷ См.: Леонов С. В. Рождение советской империи: Государство и идеология. 1917—1922 гг. С. 8—27, 76—84.

российского съезда Советов (23—31 января 1918 г.) «О федеральных учреждениях Российской Республики». Подчеркнув федеративный характер нового государства, резолюция провозгласила высшим органом власти Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, а в перерывах между съездами — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Наряду со съездом Советов он должен избирать и смещать правительство. «Способ участия советских республик, отдельных областей в федеральном правительстве, областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, равно как разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Российской Республики...» должны были определить ВЦИК и Центральные Исполнительные Комитеты этих республик. «Все местные дела решаются исключительно местными Советами». На основе этих положений ВЦИКу было поручено подготовить Конституцию⁸.

1 апреля 1918 г. ВЦИК создал Комиссию по составлению проекта Конституции. Председателем ее стал Я. М. Свердлов. В состав комиссии вошли: И. В. Сталин как представитель Совнаркома, Н. И. Бухарин и М. Н. Покровский, Ю. М. Стеклов — редактор газеты «Известия», и представители комиссариатов внутренних дел, юстиции, по делам национальностей, по военным и морским делам и народного хозяйства. Проект был опубликован 3 июля 1918 г. и в тот же день представлен на утверждение Центральному комитету партии большевиков, который под председательством В. И. Ленина утвердил проект⁹. 10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов принял Конституцию РСФСР на изложен-

ных в резолюции III съезда Советов принципах государственного устройства Советской Республики¹⁰.

Конституция 1918 г. законодательно закрепила результаты большевистской революции: «диктатуру пролетариата» в форме федеративной республики Советов. Целью советского государства, по Конституции 1918 г., объявлялось «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, установление социалистической организации общества»¹¹.

Конституция подчеркивала классовый характер нового государства, в котором декларировались свобода совести, союзов, собраний, а также равноправие граждан независимо от их национальной и расовой принадлежности, но в то же время ущемлялись права ряда категорий населения, прежде всего так называемых «нетрудящихся» слоев, которые лишались избирательных прав. Право избирать и быть избранными в Советы предоставлялось по достижении 18 лет лицам, «не пользующимся наемным трудом с целью извлечения прибыли», голос одного рабочего приравнивался к 5 голосам крестьян.

Конституция закрепила многоступенчатую систему выборов в Советы, прямыми были выборы только в сельские и городские Советы, а депутаты всех последующих уровней избирались на соответствующих съездах Советов. Голосование было открытым. Тем самым создавались фильтры для отсева «чуждых элементов». Конституция содержала положение о праве избирателей отзываться из Советов депутатов, не оправдавших их доверия.

В соответствии с классовым подходом Конституция гласила: «Не трудящийся

⁸ Третий Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Петербург, 1918. С. 93—94.

⁹ Беспалов В. В. Исторический опыт становления и развития (эволюции) государственного и военного управления России в период с 1917 — до середины 1960-х годов. М., 2012. С. 58—59.

¹⁰ Известия ВЦИК. 1918. 19 июля.

¹¹ Там же.

да не ест». По Конституции право защищать революцию с оружием в руках предоставлялось только трудящимся.

Конституция РСФСР 1918 г. определила компетенцию центральных органов власти и структуру (но не конкретную компетенцию) местных Советов и порядок их формирования. Городские Советы избирались из расчета 1 депутат на 1000 человек. В городах с населением менее 1000 человек, в деревнях, селах, станицах, местечках, аулах, хуторах 1 депутат должен был представлять 100 человек. Для текущей работы местных Советов из числа избранных делегатов формировался исполнительный комитет, подотчетный Совету¹².

Многие, если не большинство, из положений Конституции РСФСР носили агитационно-пропагандистский характер и были далеки от советской действительности, где реальная власть принадлежала не Советам, а партийным, чрезвычайным, военным и исполнительным органам.

Конституция РСФСР 1918 г. стала образцом для первых конституций других советских республик, возникших на территории бывшей Российской империи в рассматриваемый период¹³.

Хотя ВЦИК имел статус высшего между съездами советского органа, уже с ноября 1917 г. он оттеснялся на задний план Совнаркомом и ЦК партии. Е. Д. Стасова отмечала по этому поводу в апреле 1918 г.: «Никто из нас не думал оспаривать того, что и в Питере ЦИК был в значительной мере фикцией, не раз мы говорили об этом с Я. М. (Свердловым. — *Авт.*), и сейчас это стало еще сильнее. ВЦИК как правительственный орган, как политическое учреждение — фикция, так как он является только печатью, которая прикладывается к [...] уже совершенному»¹⁴. Попытка

Свердлова осенью 1918 — зимой 1919 г. вернуть политические функции ВЦИК его Президиуму была пресечена Лениным.

Конституция закрепила сложившийся к этому времени статус Совета Народных Комиссаров. В значительной мере СНК состоял из высокопоставленных партийных функционеров. Фактически возглавлявший Центральный Комитет партии всю Гражданскую войну В. И. Ленин при этом сохранял пост председателя СНК. Поэтому на заседаниях Совнаркома поначалу рассматривались и вопросы партийного характера. В дальнейшем важные решения чаще всего принимались в ЦК, а затем направлялись в Совнарком для дальнейшего рассмотрения и реализации, нередко с участием беспартийных специалистов. Подобная практика свидетельствовала о сращивании ЦК партии и его руководящих структур и правительства в единое целое.

Из-за большой загруженности в СНК в конце ноября 1917 г. была создана комиссия для решения мелких вопросов, позже названная Малым Совнаркомом. В структуре СНК действовали народные комиссариаты (наркоматы), руководители которых (наркомы) отвечали за конкретную отрасль или сферу управления и входили в состав советского правительства.

Централизация управления в годы Гражданской войны способствовала постоянному росту государственных структур и их штатов. В результате к началу 1921 г. только в Наркомате просвещения было 35 отделов и 198 подразделов, а в ВСНХ РСФСР — более 70 крупных подразделений. Огромная роль центральных ведомств, их подразделений (главков), использовавших приказные (административно-командные) методы управления, породила феномен «главкизма».

¹² Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. [СПб.]: Первая гос. тип., [1918]. С. 11—12.

¹³ См.: Таранов А. П. История Конституции Украинской ССР. Киев, 1957; и др.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 11. Л. 24, 25.

Заседание СНК Российской Советской Республики. Среди присутствующих (слева направо): народный комиссар финансов В. Р. Менжинский, народный комиссар юстиции И. З. Штейнберг, член ВЦИК Б. Д. Камков, управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич, народный комиссар местного самоуправления В. Е. Трутовский, народный комиссар труда А. Г. Шляпников, народный комиссар почт и телеграфов П. П. Прошьян, председатель СНК В. И. Ленин, народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин, народный комиссар государственного призрения А. М. Коллонтай, народный комиссар по морским делам П. Е. Дыбенко, секретарь СНК Е. К. Кокшарова, народный комиссар по военным делам Н. И. Подвойский, секретарь СНК Н. П. Горбунов, заместитель народного комиссара путей сообщения В. И. Невский, заместитель наркома почт и телеграфов А. В. Шотман, заместитель народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерин. Петроград. 1 января — 10 марта 1918 г. Фотограф не установлен. РГАСПИ

Гражданская война оказывала огромное влияние на организацию и деятельность Советского государства и способствовала его милитаризации. 2 сентября 1918 г. республика была провозглашена военным лагерем. 30 ноября 1918 г. декретом ВЦИК и СНК был создан Совет рабочей и крестьянской обороны во гла-

ве с В. И. Лениным¹⁵. Это был чрезвычайный орган власти для координации усилий всех госучреждений в условиях военного времени. В его состав вошли представители ВЦИК, военного ведомства, профсоюзов. Постановления Совета рабочей и крестьянской обороны были обязательны для всех ведомств. В апреле

¹⁵ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 92—94.

1920 г. он был преобразован в Совет труда и обороны (СТО)¹⁶.

Данный орган взял на себя значительную часть функций Совнаркома. Если с декабря 1918 по 1922 г. Совнарком провел 313 заседаний, то Совет Обороны — 376¹⁷. На завершающем этапе Гражданской войны, после разгрома основных сил Белого движения, необходимости в СТО как чрезвычайном органе уже не было. Его роль в управлении страной стала ослабевать. 22 декабря 1920 г. на заседании комфракции VIII съезда Советов В.И. Ленин заявил: «Сейчас нельзя решать, будет ли СТО органом переходного времени, который должен объединить экономические наркоматы, а потом упраздниться, или же он — основа будущего единого хозяйственного плана»¹⁸. В тот же день на VIII съезде Советов вождем предложил сделать СТО комиссией СНК¹⁹.

Весной 1918 г. большевистское правительство изменило административно-территориальное деление страны. Было создано шесть крупных областей с несколькими губерниями в каждой и полуавтономным статусом: Москва с девятью прилегающими губерниями; Уральская, сосредоточенная вокруг Екатеринбурга; Союз коммун Северной области, охватывающий восемь губерний со столицей в Петрограде; Северо-Западная губерния, расположенная вокруг Смоленска; Западно-Сибирская с центром в Омске и Центрально-Сибирская вокруг Иркутска²⁰.

В каждой из этих областей создавалась собственная администрация и созывались съезды Советов. В 1918 г. о создании

национальных республик заявляли жившие среди русского населения башкиры и волжские татары. Летом 1918 г. на территории бывшей Российской империи возникло до 30 «правительств». Некоторые губернские и уездные Советы, объявив себя «республиками», создали свои «Совнаркомы», которые попытались самостоятельно решать насущные проблемы региона, опираясь на «революционизированные массы».

На территории края и губернии в рамках нового административно-территориального деления создавались более мелкие самоуправляющиеся административные единицы, основной из которых была волость. Именно на этом уровне власти и при участии ее структур (волысполкомов) крестьянское население активно перераспределяло полученную в результате революции землю. Лидер меньшевиков Ю.О. Мартов отмечал: «Мы всегда указывали, что очарование, которым в глазах крестьянских и отсталой части рабочих масс пользовался лозунг “Вся власть Советам”, в значительной мере объясняется тем, что в этот лозунг они вкладывают примитивную идею господства местных рабочих или местных крестьян над данной территорией, как в лозунг рабочего контроля вкладывается идея захвата данной фабрики, а в лозунг аграрной революции — захват данной деревней данного поместья»²¹.

Таким образом, в годы Гражданской войны была создана разветвленная и централизованная сеть высших и местных органов, которые проводили политику советской власти на местах.

¹⁶ См. подробнее об этом наст. изд., т. 12, кн. 1, ч. VI, гл. I.

¹⁷ Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 38—540; Оп. 3. Д. 1—376.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 16. Л. 139.

¹⁹ Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. (22—29 дек. 1920 г.). М., 1921. С. 28.

²⁰ Власть Советов. Май 1919. № 6—7. С. 9—10.

²¹ М[артов] Л. Конституция Трутовского // Новый луч. 1918. 18 янв., № 10/34.

Советы

После захвата власти большевики овладевали госаппаратом и разрушали прежние государственные структуры. Эти задачи реализовывались в рамках концепции советского государства-коммуны, делавшей ставку на самостоятельность революционных масс. Отступлением от нее было лишь создание ВЧК и постоянной армии из-за эскалации Гражданской войны.

В первые месяцы советской власти главные усилия Наркомата внутренних дел советского правительства были сосредоточены на налаживании «государственной связи», создании губернских и уездных Советов²². Эти Советы самостоятельно или при поддержке из крупных городов брали власть у еще действующих в новых условиях земских органов. В декабре 1917 г. местные Советы разогнали более 7% губернских земств, в январе—феврале 1918 г. — 47,5%, а в марте—июне — последние 45%. К началу февраля 1918 г. было распущено свыше 23% уездных земств, в феврале и марте — более 50%, а в апреле—июле — 26%²³. К июлю 1918 г. массовое упразднение земств завершилось, структура земского и городского самоуправления, существовавшая в дореволюционной России, была ликвидирована и заменена советской.

В 1918 г. сформировались организационные структуры Советов — отделы их исполкомов. Как правило, при исполкомах создавались отделы народного хозяйства, труда, финансов, земельный, путей сообщения и пр. Каждый отдел наделялся объемом прав и обязанностей для реализации своих функций²⁴. В частности, на отдел народного хозяйства возлагалась организация производства необходимых продуктов фабрично-заводской и ремесленной промыш-

ленностью и снабжение ее сырьем и топливом. Обязанностью отдела финансов было составление местного бюджета, сбор местных и общегосударственных налогов и т.д. Земельный отдел занимался учетом земли, лесов, других угодий, отведением их в пользование крестьянам и «трудовым элементам». В ведении отдела путей сообщения были вопросы национализации железных дорог и пароходства, руководство ими, строительство дорог местного значения и т.д.

Несмотря на отсутствие опыта государственной деятельности и насильственный характер захвата власти, Советы пользовались поддержкой части масс, поскольку соответствовали (особенно поначалу) их настроениям, сформировавшимся в революционную эпоху.

Процесс взаимодействия центральных и местных органов советской власти проходил сложно. Большевистское руководство, особенно в 1918 г., сталкивалось с последствиями своей политики, направленной на повышение активности «низов» и местной самостоятельности. Советы нередко игнорировали директивы центра, противились его попыткам накладывать на их деятельность какие-то ограничения²⁵. Многие из них действовали исключительно в интересах местного населения: реквизировали провозившееся по их территории продовольствие и другие грузы, разрешали на подконтрольной территории свободу торговли, чем подрывали хлебную монополию советской власти и т.п.

С весны 1918 г. в местных Советах на подконтрольной Советской Республике территории в связи с голодом и экономическим кризисом стала уменьшаться доля

²² РГАСПИ. Ф. 375. Оп. 1. Д. 7. Л. 6, 7.

²³ Подсчитано по: Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 221, 227.

²⁴ Вестник отдела местного управления Комиссариата внутренних дел. 1918. № 4. С. 2.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

депутатов от большевистской партии, поскольку для населения указанные тяготы ассоциировались именно с ее политикой. 20 мая 1918 г. председатель ВЦИК и секретарь ЦК партии Я. М. Свердлов признал, что в волостных Советах «руководящая роль принадлежит кулацко-буржуазному элементу»²⁶. В ходе перевыборов Советов в апреле—мае 1918 г. в 18 городах из 30 на подконтрольной большевикам территории победили умеренные социалисты²⁷. Одновременно свои позиции в Советах укрепили левые эсеры, что позволило им усилить свое представительство на всероссийских съездах Советов. В частности, если на IV Всероссийском съезде Советов из общего числа делегатов левые эсеры составляли 20,4%, то на V съезде их было уже 30%²⁸. Чтобы изменить ситуацию, «неблагонадежные» Советы на местах разгонялись и «вычищались» большевиками, некоторые — по 2—3 раза.

Пока Советы выполняли функции разрушения прежнего госаппарата, подавления саботажа чиновничества и оппозиции, реализации первых декретов советской власти, большевистское руководство не видело опасности в самостоятельности Советов. Но весной 1918 г., столкнувшись с тяжелейшими проблемами в экономике, ростом оппозиционных настроений и эскалацией Гражданской войны, оно изменило свою позицию. 8 марта 1918 г., закрывая VII экстренный съезд РКП(б), Я. М. Свердлов указал на необходимость перераспределения управленческих функций от Советов к большевистской партии²⁹. «До сих пор в своей работе наибольшее внимание обращалось на советские организации», —

заявил он. — «[...] Мы всю свою душу, все свои главные силы вливаем поныне в советскую работу. [...]. Но теперь перед партией [...] стоят задачи проделать значительную часть работы, которую проделывали до сих пор советы»³⁰.

Важнейшим фактором перераспределения властных полномочий от Советов в пользу большевистской партии стал Брестский мир. Партийным органам необходимо было взять на себя пропагандистско-агитационную работу в широких массах по разъяснению условий «мира», вооружению рабочих, созданию Красной армии. Положение усугубилось выходом левых эсеров из Совнаркома, которые при этом сохранили широкое представительство в различных советских структурах. Все это вело к повышению роли РКП(б) в управлении страной. В новых условиях речь уже не шла о провозглашенной большевиками идее государства-коммуны, реализовавшейся через систему Советов³¹. Встала задача централизация власти в центре и на местах. В. И. Ленин считал, что при ослаблении влияния большевиков в местных Советах партия должна была взять на себя всю полноту власти, чтобы проводить политику без оглядки на «текущие настроения масс»³².

В связи с переносом акцента на партийную работу у Петроградского Бюро ЦК, объединявшего 6 членов ЦК РКП(б) после переезда правительства в Москву, появилась идея сделать Петроград своего рода партийной столицей, поскольку некоторые из них выполняли общероссийские функции, а в Петрограде еще оставались многие центральные организации. 20 апреля

²⁶ Свердлов Я. М. Избранные произведения. Т. 2. М., 1959. С. 212.

²⁷ Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. М., 1996. С. 65.

²⁸ Леонтьев Я. В. Выборы на V съезд Советов и кризис правительственного блока большевиков и левых эсеров // Вестник Московского ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2016. № 1. С. 42.

²⁹ См. т. 12, кн. 2, ч. I, гл. 1.

³⁰ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г.: Стеногр. отчет. С. 171.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1974. С. 206.

³² Там же. Т. 36. С. 199; Т. 35. С. 94.

1918 г. секретарь ЦК Е. Д. Стасова писала заведующей аппаратом ЦК К. Т. Новгородцевой о необходимости Питеру «взять на себя работу партийную в общерусском масштабе»³³. Однако В. И. Ленин не мог пойти на создание двоецентриа, тем более когда значение партии возрастало и общая ситуация на фронтах Гражданской войны осложнялась.

В годы Гражданской войны на контролируемой большевиками территории, и особенно в прифронтовой зоне, Советы повсеместно отодвигались от реальной власти партийными комитетами, центральными ведомствами (ВЧК, продовольственным, железнодорожным, военным и др.) и различными чрезвычайными органами (военно-революционными комитетами, комбедами и т. п.). С октября 1917 до весны 1918 г. было создано до 600 военно-революционных комитетов, после роспуска их сменили комбеды, а затем — ревкомы. С июня 1918 г. и до конца года было учреждено 660, а в 1919—1922 гг. действовало уже 30,7 тыс. ревкомов. Особенно массовый характер организация ревкомов приобрела на освобожденных Красной армией или охваченных антисоветскими восстаниями территориях³⁴. Ревкомы доминировали на «верхних этажах» регионального управления и уступали по численности исполкомам на губернском уровне, уездном и на порядок — на низшем волостном уровнях. С июня 1918 г. на волостном и сельском уровнях в массовом масштабе стали создаваться комбеды, которые «чистили» Советы или вообще отодвигали их от власти. Совокупное количество ревкомов и комбедов в 1918 г. составило 140,5 тыс. и превышало численность исполкомов в 23 раза.

Во второй половине 1918 г. политика большевистского руководства по усилению

роли партии в органах государственной власти в связи с эскалацией Гражданской войны реализуется через «окоммунизацию» Советов всех уровней, т. е. замену большевистских депутатов большевиками и их сторонниками. Это хорошо видно по представительству делегатов от РКП(б) на всероссийских и губернских съездах Советов в 1918—1920 гг. На VI съезде Советов (ноябрь 1918 г.) доля большевиков и сочувствующих (кандидатов) составляла 97%, на VII съезде (декабрь 1919 г.) — 93%, на VIII съезде (декабрь 1920 г.) — 95%; на губернских съездах Советов в июле—декабре 1918 г. — свыше 90%, в 1919 г. — свыше 75%, в 1920 г. — 78,6%; на уездных съездах Советов — соответственно 73, 55 и 43%. Снижение доли представителей РКП(б) на губернских и уездных съездах объяснялось прежде всего мобилизациями коммунистов. Но это не меняло общей картины: полного контроля РКП(б) над местными структурами советской власти. В частности, в губисполкомах удельный вес большевиков в 1919 и 1920 гг. превышал 91%, в уездных исполкомах — 78%³⁵.

В области экономики порожденная централизацией управления система «главкизма» привела к тому, что главки и центры ВСНХ подчинили себе местные органы управления народным хозяйством и сосредоточили в своих руках почти все производство и распределение промышленной продукции. Это привело к сужению прав и возможностей Советов влиять на организацию промышленного производства. В деятельности самих Советов эта централизация вела к подчинению отделов исполкомов отраслевым центральным ведомствам (наркоматам), к установлению прямых связей отделов исполкомов местных Советов с наркоматами. Наркоматы, используя

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 11. Л. 25, 26.

³⁴ Подсчитано по: Бугай Н. Ф. Чрезвычайные органы советской власти: Ревкомы 1918—1921. М., 1990. С. 288—293.

³⁵ См.: Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917—1923 гг. М., 1995. С. 107.

свой авторитет и финансовую зависимость от них местных органов, добивались подчинения им отделов исполкомов. На практике двойное подчинение отделов — исполкому Совета и наркомату — означало в большинстве случаев решающую роль ведомств³⁶.

Центральные ведомства, ограничивая полномочия Советов, уступали руководящие функции партийным органам, а те, в свою очередь, своим «вождям». Важнейшие вопросы страны принципиально решались на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) узким кругом «вождей» во главе с В. И. Лениным. По существу, сам Ленин превратился в самостоятельный, хотя и не выделенный формально, элемент советской политической системы, в «своеобразный организационный центр, непосредственно связанный с миллионами»³⁷.

По данным Народного комиссариата внутренних дел на 1 ноября 1918 г., на территории 32 губерний, где существовала советская власть, имелось 6550 исполнительных комитетов Советов; из них 2 областных, 30 губернских, 121 городской, 286 уездных, 6083 волостных и 28 районных³⁸. В 1918—1922 гг. состоялось 8 всероссийских съездов Советов, 232 губернских съезда и около 2 тыс. уездных³⁹. На них обсуждались животрепещущие вопросы, касающиеся повседневной жизни миллионов советских людей. Исполкомы Советов занимались рутинной, но необходимой и чрезвычайно важной для населения работой: управлением городским хозяйством, бытовыми вопросами, народным образованием, культурой, здравоохранением, ох-

раной общественного порядка (милиция), борьбой с топливным кризисом, голодом, строительством колхозов и совхозов, продразверсткой и т. п.⁴⁰ При этом они согласовывали свои действия с партийными комитетами. Все годы войны местные Советы испытывали большой дефицит кадров из-за мобилизаций работников на фронт. Особенно в тяжелой ситуации находились сельские Советы, работники которых имели крайне низкий уровень образования и квалификации⁴¹.

Обратной стороной милитаризации и централизации советского государства стала деградация Советов, чудовищный бюрократизм и отрыв от масс советских органов. В фокус внимания эти вопросы попали в период передышки на фронтах в конце 1918 — начале 1919 г., в ходе подготовки VIII съезда РКП(б), а затем и на самом съезде партии (март 1919 г.). Для их обсуждения была образована организационная секция съезда. Выступая на съезде, В. И. Ленин и председатель исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев (который после смерти Я. М. Свердлова стал докладчиком по оргвопросам) признали наличие серьезных проблем в советской государственности, но не смогли предложить конкретных мер по их решению. Лишь благодаря содействию Осинского, острым выступлениям Т. В. Сапронова, И. В. Мгеладзе и других «децистов» удалось отчасти перевести дискуссию в деловую плоскость. Съезд принял решения, направленные на упорядочивание взаимоотношений между партийными и советскими структурами, указав, что «свои решения партия должна проводить через

³⁶ Гимпельсон Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 124—127.

³⁷ Преображенский Е. А. Ленин: Социологический набросок. М., 1924. С. 40.

³⁸ Гимпельсон Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. С. 37.

³⁹ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 270.

⁴⁰ См.: Лепешкин А. И. Советы — власть трудящихся. 1917—1936 гг. М., 1996; Советы в первый год пролетарской диктатуры. М., 1967.

⁴¹ Тимкин Ю. Н., Головизнин А. М. Деятельность Советов как органов государственной власти в 1919—1920 гг. (по архивным материалам Вятской губернии) // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 42—48.

советские органы в рамках Советской Конституции», не заменяя их другими⁴². Однако при этом было подчеркнуто, что РКП(б) «должна завоевать для себя безраздельное политическое господство» в Советах и «фактический контроль над их работой», комфракции в Советах должны «строжайше подчиняться партийной дисциплине»⁴³. Это был призыв к монополизации Советов, по сути исключавший повышение их роли. Чтобы преодолеть отрыв от масс, было решено «рабочих, пробывших на чисто советской работе более трех месяцев подряд», возвращать на заводы на «1 месяц»⁴⁴.

Проблема взаимоотношений партии и Советов вновь попала в поле зрения большевистского руководства на VIII конференции РКП(б) (2—4 декабря 1919 г.). Выступивший на конференции с докладом о советском строительстве заместитель наркома внутренних дел М. В. Владимирский констатировал факт развала многих исполкомов, указав на необходимость их укрепления. Председатель Московского горисполкома Т. В. Сапронов в содокладе и поддержавшие его участники конференции продемонстрировали нараставшую озабоченность коммунистов, советских работников системой управления страной, характеризовавшейся атрофией Советов и их исполнительных органов, начиная с сельсоветов и кончая Президиумом ВЦИК, с одной стороны, и «сплошным диктатом центра», с другой⁴⁵.

Сразу же после VIII конференции РКП(б) состоялась острая дискуссия на тему советского строительства на VII съезде Советов (5—9 декабря 1919 г.)⁴⁶. Политбюро

ЦК отклонило предложения секции РКП(б) на съезде об упразднении Советов в уездных и некоторых губернских городах, слиянии губернских, городских и уездных исполкомов, передаче в подчинение губсовнархозам предприятий общегосударственного значения, поручив разработать инструкцию о взаимоотношениях центральных органов ВСНХ и губсовнархозов⁴⁷.

В резолюции съезда о советском строительстве ставилась задача смягчения централизации руководства местной хозяйственной жизнью. Все губернские, уездные, районные органы главков и центров вливались в губернский совнархоз, а последний включался в губернский исполком в качестве его отдела. Губернские управления совнархозов, которые до этого были исключены из ведения местных Советов, объединялись с земельными отделами губернских Советов под общим руководством губернских исполкомов. То же самое было на уездном уровне. Резолюция съезда не определяла права и обязанности центральных и местных хозяйственных органов по отношению к особо важным государственным предприятиям, но местные Советы получили право использовать эти предприятия для удовлетворения местных потребностей⁴⁸.

Съезд рассмотрел вопросы о полномочиях ВЦИК, исполкомов, порядке выборов съездов Советов и др., приняв по согласованию с Политбюро ЦК соответствующие решения⁴⁹. В частности, в основу взаимоотношений между органами местной и центральной власти закладывался принцип двойного подчинения. Исполком под-

⁴² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1971). Т. 2. М., 1970. С. 77.

⁴³ Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 428, 429.

⁴⁴ Там же. С. 424, 427.

⁴⁵ Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г.: Протоколы. М., 1961. С. 66.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 44. Л. 1, 2.

⁴⁷ Там же. Д. 45. Л. 1. Д. 46. Л. 1, 2.

⁴⁸ Гимпельсон Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и Гражданской войны. С. 180—181.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 3. Л. 5—23.

чинялся вышестоящему исполкому, ВЦИК и Совнаркому. Народные комиссариаты, если они находили какое-либо постановление исполкома неправильным, нецелесообразным, должны были обращаться с предложением о его отмене или в вышестоящий исполком, или в Совнарком (если речь шла о губисполкомах)⁵⁰.

С целью повышения эффективности работы местных Советов VII съезд предложил привлекать каждого депутата к выполнению определенной государственной работы с отчетами перед избирателями не реже одного раза в две недели⁵¹. Что было явной утопией.

В феврале 1920 г. ВЦИК принял положение о сельских Советах⁵². Оно предусматривало организацию при сельских Советах ячеек содействия Рабоче-Крестьянской инспекции и комиссий по всем отраслям работы из сельских жителей, имеющих избирательное право.

Обязанности Советов по помощи семьям красноармейцев были закреплены декретом СНК от 25 марта 1920 г. Советы и исполкомы обязаны были в порядке трудовой повинности привлекать свободное сельское и городское население на работы по обработке и уборке полей в тех хозяйствах красноармейцев, в которых не было рабочей силы и инвентаря⁵³.

О позитивных сдвигах в работе Советов год спустя после VII съезда Советов было сказано 22 декабря 1920 г. на заседании комфракции VIII съезда Советов председателем Московского горисполкома Т.В. Сапроновым. Он заявил, что под «дружным напором представителей с мест» на VII съез-

де Советов удалось повернуть ход советского строительства «от централизма по ведомствам к централизации горизонтальной», ВЦИК стал заслушивать отчеты отдельных наркоматов (НКПС), обсуждать вопросы о хозяйственном строительстве. В то же время Сапронов указал на факты противодействия со стороны центральных ведомств, «отдельных товарищей» и даже Совнаркома решениям VII съезда⁵⁴.

После разгрома Врангеля, в конце 1920 — начале 1921 г., большевистское руководство активизировало внимание к вопросам работы госаппарата. 14 января и 8 февраля 1921 г. Совнарком сократил выдачу служащим привилегированных пайков. ЦК РКП(б) поручил провести обследование тюрем, заявил о необходимости борьбы с бюрократизмом, предоставил право совещательного голоса на VIII съезде Советов представителям некоторых социалистических партий и групп, при этом максимально регламентировав работу съезда и расписав сценарий его проведения⁵⁵.

На VIII съезде Советов (22—29 декабря 1920 г.) В.И. Ленин признал «громадные недостатки» советского аппарата, а его улучшение впервые назвал «одним из главнейших вопросов». Вождь подчеркнул, что «высочить из аппарата, который создан в течение трех лет, мы не можем»⁵⁶. Правомерность данной оценки подтверждают современные исследователи. Они отмечают, что советская система была не просто поражена болезнями бюрократизма, но «фактически не функционировала как система широкой организации масс», превратившись в сугубо бюрократическую,

⁵⁰ Гиммельсон Е. Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. С. 181—182.

⁵¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 553.

⁵² СУ. 1920. № 11. Ст. 68; Известия ВЦИК. 1920. 27 марта.

⁵³ СУ. 1920. № 21. Ст. 114.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 3. Л. 76, 77.

⁵⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 43. Л. 2; Д. 45. Л. 2; Д. 46. Л. 1—3; Д. 47. Л. 1, 2; Д. 48. Л. 1; Д. 49. Л. 1—6; Д. 50. Л. 1; Д. 51. Л. 1.

⁵⁶ Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. (22—29 дек. 1920 г.). М., 1921. С. 27.

аппаратную структуру, в которой главную роль играли партийные руководители⁵⁷. На местах становился популярным лозунг «Советы без коммунистов»⁵⁸.

VIII съезд Советов расширил полномочия ВЦИК. За ним признавалось право рассматривать все важнейшие декреты, он должен был усилить контроль за работой наркоматов и главков, ему давалось право менять состав их коллегий. В резолюции подчеркивалось, что все «центральные ведомства» обязаны были вести свои

дела «через местные Советы и их отделы, упраздняя неподведомственные им органы»⁵⁹. Однако существенного эффекта эти меры так и не возымели.

Таким образом, в годы Гражданской войны в Советской России реальная власть оказалась сосредоточена в руках партийных и чрезвычайных органов, более приспособленных к осуществлению властных функций в условиях военного времени, чем Советы. Советы стали инструментом власти большевистской партии.

Госаппарат

Весной 1918 г. был окончательно подавлен саботаж чиновников и развернута работа всех наркоматов. Двойное наименование членов правительства (комиссар по соответствующему министерству, комиссариату и нарком) исчезло, осталось лишь «нарком». Происходил отход и от такого провозглашенного большевиками принципа государства-коммуны, как уравнивание жалованья чиновников с зарплатой среднего квалифицированного рабочего. С 29 апреля 1918 г. была введена повышенная оплата труда для высших управленцев и специалистов.

В 1918 г. стремительно росло число наркоматов и ведомств. В январе были учреждены Совет врачебных коллегий (с июля — Наркомат здравоохранения) и Центральная Контрольная коллегия (в мае 1918 г. реорганизованная в Наркомат госконтроля), 22 февраля — Наркомат по морским делам; в апреле — реорганизованный из Наркомата государственного призрения Наркомат социального обеспечения. В апреле

1918 г. в списке комиссариатов, составленном Управлением делами СНК, числились следующие наркоматы и приравненные к ним ведомства: 1) юстиции, 2) торговли и промышленности, 3) почт и телеграфов, 4) земледелия, 5) труда, 6) внутренних дел, 7) военных дел, 8) просвещения, 9) продовольствия, 10) финансов, 11) иностранных дел, 12) призрения, 13) ВСНХ, 14) Центральный Комитет Государственного Контроля⁶⁰, 15) Совет врачебных коллегий и 16) Комиссариат по национальным делам⁶¹. Кроме того, существовали не указанные в справке наркоматы государственных имуществ и местного самоуправления (они были упразднены летом 1918 г.), а также по морским делам и путей сообщения.

Незнание Управделами СНК перечня наркоматов отражало хаотический процесс госстроительства. Всего за полгода после Октябрьской революции число наркоматов выросло с 13 до 20. В июле 1918 г. первая советская Конституция зафиксировала 18 наркоматов и приравненных к ним

⁵⁷ Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 197—198.

⁵⁸ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 270.

⁵⁹ Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет (22—29 дек. 1920 г.). С. 277—280.

⁶⁰ Образован в январе 1918 г.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 6а. Л. 1.

ведомств. Процесс реорганизации старых и создания новых органов исполнительной власти не прекращался на протяжении всей Гражданской войны.

«Централизаторский» курс большевистской партии усиливал бюрократизацию советской власти. Точную численность совслужащих еще предстоит определить, но приводимые в научной литературе цифры свидетельствуют, что численность советских чиновников превысила число чиновников в бывшей Российской империи. В 1913 г. в 178-миллионной Российской империи общая численность управленцев не дотягивала и до полумиллиона человек⁶², на государственной службе находилось лишь 253 тыс. человек⁶³. По имеющимся сугубо приблизительным оценкам, в 1917 г. в связи с тотальной Первой мировой войной число управленцев выросло примерно до 1 млн человек. (Для сравнения в Германии, население которой более чем в 2,5 раза уступало России, в 1918 г. было 1,5 млн чиновников.) Спустя 10 месяцев после захвата власти большевиками в Советской России только по Москве и по неполным данным численность госслужащих составила 231 тыс. человек⁶⁴. Аппарат ЦК РКП(б), насчитывавший к весне 1919 г. 30 человек, через два года вырос до 602, в то время как в Канцелярии Совета министров в 1913 г. работало 106 человек. Уже в 1920 г. более 40% трудоспособного населения Москвы и Петрограда составляли служащие (в 1910 г. в Петербурге их было 6,7%). В 1921 г. их общая численность в Советской России составляла по-

рядка 2,5 млн человек. «Бюрократизация» страны в годы Гражданской войны была прежде всего следствием централизации власти, милитаризации общества, а также стремления большевиков, опираясь на государственное принуждение, непосредственно перейти к социализму⁶⁵.

Потребность в грамотных чиновниках открыла возможность поступления на государственную службу в советские учреждения бывших царских чиновников и выходцев из «непротетарских слоев». Измученные голодом и потерявшие надежду на скорое крушение советского режима, они буквально хлынули в советский аппарат⁶⁶. Данный факт отражен в первой переписи совслужащих, проведенной в Москве в августе 1918 г. Согласно ей, удельный вес старого чиновничества составлял: в ВЧК — 16,1%; в НКВД — 22,2%; во ВЦИК, Ревтрибунале при ВЦИК, Наркомназе и Управделах Совнаркома — 36,5—40%; в НКВД — 46,2%; в ВСНХ — 48,3%; в Наркомосте — 54,4%; в Наркомате по морским делам — 72,4%. Среди руководящих сотрудников доля старослужащих доходила до 55,1% в Наркомвоенне, 68,8% в Наркомпроде, 80% в Наркомате Госконтроля, 88,1% в НКПС и 97,5% в Наркомфине. В целом, по имеющимся данным, среди сотрудников центрального госаппарата доля служащих бывших государственных, общественных и частных организаций в рассматриваемый период превышала 58%⁶⁷.

В низовом аппарате исполкомов Советов также оказалось немало выходцев из интеллигенции и бывших «буржуев», которые, по мнению местного населения, в первую

⁶² Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 265, 286; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 2. СПб., 2003. С. 202.

⁶³ Без военного и морского ведомств. — См.: Россия. 1913 год: Статистико-документальный. С. 16, 265.

⁶⁴ Включая служащих центральных и местных московских учреждений, см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 250.

⁶⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 197, 199.

⁶⁶ См. подробнее: Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.

⁶⁷ Ирошников М. П. Председатель Совнаркома Владимир Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917—1918 гг. Л., 1974. С. 424—427; Он же. Рожденное Октябрем: Очерки истории становления советского государства. Л., 1987. С. 109.

очередь крестьян, больше всего страдавших от тягот военного времени, «переворачивали советскую власть другой стороной», вредили ей своими действиями⁶⁸.

Наряду с членами большевистской партии и выходцами из «непролетарских слоев» госаппарат Советской Республики в годы Гражданской войны в значительной мере формировался за счет привлечения на государственную службу представителей рабочих и крестьян. В городах в качестве «резервуара» государственной власти выступали профсоюзы, чья численность доходила до 2,6 млн человек. Из-за слабости госаппарата в первые месяцы советской власти профсоюзы осуществляли прямое правление такими отраслями народного хозяйства, как речной флот и железнодорожный транспорт. В условиях «военного коммунизма» они выполняли функции государственных органов, играя роль вспомогательного аппарата Советского государства, особенно при осуществлении советской властью политики национализации, проведения мобилизаций в Красную армию, борьбе с неграмотностью, формировании Наркомата труда, который возглавил председатель Союза металлистов А. Г. Шляпников. Наркомат продовольствия также получил поддержку профсоюзов при формировании продовольственных отрядов. Представители профсоюзов участвовали в работе коллегий и главков ВСНХ, местных СНХ и заводоуправлений, бирж труда и т. д.⁶⁹

Советская власть создала лифт для тысяч выходцев из низов (рабочих и крестьян), широко открыв им двери на государ-

ственную службу, прежде всего в исполнительные органы местных Советов. В промышленных городах в исполкомах нередко было внушительное представительство рабочих. В марте 1918 г. на IV Всероссийском съезде Советов 41,6% делегатов были рабочими. В составе делегатов 500 уездных и 80 губернских съездов Советов в 1920 г., по данным Е. Г. Гимпельсона, было 15 тыс. рабочих уездных съездов и около 5 тыс. губернских. В 1919—1920 г. в промышленных губерниях процент рабочих в волостных исполкомах составлял примерно 10—15%⁷⁰.

С августа 1918 г. по 15 апреля 1921 г. Военпродбюро направило на ответственную продовольственную работу 5403 человек с промышленных предприятий⁷¹. На 1 августа 1920 г. в центральном аппарате НК РКИ насчитывалось 1558 сотрудников, из которых рабочие составляли 8,8%. По имеющимся сведениям, в 1921 г. на командных должностях в промышленности трудилось более 3,5 тыс. рабочих. По данным ВСНХ, на 1 июля 1921 г. среди 831 управляющего предприятиями и председателя коллегий рабочие составляли 33,5%. В 1921 г. была проведена Всероссийская перепись ответственных работников-коммунистов. Из 11 070 отработчиков 31 губернии (в основном партийно-советского аппарата) рабочие составляли 35%, крестьяне 16%⁷². Вопрос о подлинности указываемого в документах социального статуса людей, тем не менее, остается открытым.

На протяжении всей Гражданской войны происходило уменьшение доли рабочих

⁶⁸ Кондрашин В. В. Пензенская губерния в годы Гражданской войны глазами Всероссийской чрезвычайной комиссии // Жизнь, полная смысла: Профессор В. И. Голдин: историк, политолог, науковед, международник, путешественник. Архангельск, 2021. С. 863—888.

⁶⁹ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. М., 2021. С. 860—861; Киселев А. Ф. Профсоюзы и советское государство: Дискуссии 1917—1920 гг. М., 1991.

⁷⁰ Гимпельсон Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917—1920 гг. М., 1982. С. 37—50, 159—160, 192.

⁷¹ Отчет ВЦСПС (март 1920 г. — апрель 1921 г.). М., 1921. С. 179.

⁷² Гимпельсон Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917—1920 гг. С. 92, 107, 241, 274, 287, 288, 289.

в Советах, как «рабочих от станка». Например, в «цитадели пролетарской революции» Петрограде к 1921 г. в Петроградском Совете на долю рабочих «от станка» приходилось только 10,9% депутатов⁷³. Подобная ситуация была характерна для подавляющего большинства местных Советов РСФСР к концу Гражданской войны⁷⁴.

Для борьбы с бюрократизацией госаппарата 4 января 1921 г. ЦК РКП(б) принял решение о привлечение «двух—трех практиков крестьян в члены коллегии» Наркомзема, причем одного из них следовало «постараться провести в наркомы»⁷⁵. 24 февраля, рассмотрев доклад комиссии Президиума ВЦИК по пересмотру состава наркоматов, ЦК признал работу комиссии неудовлетворительной и поручил ей вве-

сти в каждую коллегию «минимум одного рабочего, способного поддерживать неразрывную связь с массами»⁷⁶. Однако все эти меры не могли дать эффекта, для этого требовалась радикальная перестройка системы управления Советской Россией. В.И. Ленин на X съезде РКП(б) признал: «Мы не можем вполне обеспеченно бороться с бюрократизмом и проводить последовательно демократизм, потому что мы слабы, нет сил»⁷⁷.

Таким образом, в годы Гражданской войны большевиками был создан огромный госаппарат, осуществлена сверхцентрализация власти. Госаппарат имел кардинальные недостатки, с которыми большевистское руководство пыталось периодически бороться, но не могло их устранить.

Военная проблема

С лета 1918 г. первоочередной и самой масштабной проблемой в области советского государственного строительства стала военная. Партийные и советские органы должны были всеми силами укреплять Красную армию, мобилизовывать все ресурсы народного хозяйства, населения для достижения победы над врагом⁷⁸. Эта задача потребовала предельного напряжения усилий советского и партийного аппаратов по мобилизации всех имеющихся в распоряжении власти ресурсов. «Военное ведомство пожирает все», — жаловались большевики⁷⁹, но терпели сами и заставляли терпеть население.

Советская социально-экономическая и политическая модель с лета—осени 1918 г.

во многом определялась потребностями массовой армии, гражданской войны. Ключевым фактором военных успехов стал верно выбранный курс на регулярную, дисциплинированную армию на основе принудительной воинской повинности и массового привлечения офицеров с правом решающего голоса по военным вопросам.

Постоянная Красная армия и в особенности оказавшиеся в ней офицеры вызывали подозрение, а последние — и ненависть со стороны партийцев. Наркомвоену Л.Д. Троцкому приходилось ломать сопротивление широких масс большевиков, чекистов, а иногда преодолевать и колебания самого Ленина, которые грозили уничтожить всю проводившуюся военную

⁷³ Глаголевский А. В. Петроградский Совет в годы гражданской войны. Л., 1982. С. 65, 187.

⁷⁴ Фельдман Н. А. Большая тайна советской истории: (Историография Советов в годы Гражданской войны) // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 133—135.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 53. Л. 1.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Десятый съезд РКП(б). 8 марта — 16 марта 1921 г. М., 1933. С. 118.

⁷⁸ См.: Молодцыгин М. А. Красная армия: Рождение и становление. 1917—1920 гг. М., 1997. С. 61—64.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 72. Д. 1. Л. 11.

политику⁸⁰ и порой вдохновляли некоторых ее противников. Влиятельная группа партийцев, негласным лидером которой был И. В. Сталин, выступала против назначения на командные должности в Красной армии «золотопогонников».

Троцкий буквально бился за «военных специалистов», которых большевики, чекисты, советские работники в массовом порядке арестовывали и расстреливали, в том числе используя для этого регистрации бывших офицеров. В конечном итоге ситуация разрешилась в пользу Троцкого. Были установлены правила привлечения на службу в Красную армию «военных специалистов» из числа бывших офицеров и их проверки на благонадежность. 9 августа 1918 г. по предложению Я. М. Свердлова вышло постановление Совнаркома о порядке освобождения задержанных при регистрации бывших офицеров, которые были «необходимы для работы в советских учреждениях»⁸¹. 13 октября 1918 г., в разгар красного террора, председатель РВСР Троцкий потребовал освобождения бывших офицеров, взятых в заложники, против которых не было выдвинуто «прямых серьезных обвинений». 23 октября Троцкий телеграфировал В. И. Ленину и Я. М. Свердлову о том, что ему удалось добиться освобождения арестованных ранее офицеров Генштаба⁸². 25 октября 1918 г. ЦК РКП(б) проинформировал председателя РВСР об условиях приема в Красную армию бывших офицеров: они «должны представить список своих семейств» и знать, что семьи будут арестованы в слу-

час их «перехода к белогвардейцам»⁸³. 26 октября СНК по докладу заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского рассмотрел и утвердил «декрет о доставлении сведений о бывших офицерах и военных чиновниках, служащих в советских учреждениях»⁸⁴.

Председатель РВСР последовательно проводил линию на привлечение военспецов к службе в Красной армии, в ряде случаев буквально вырывая их из застенков ВЧК. Характерным примером служит телеграмма Л. Д. Троцкого члену РВС Южного фронта П. Е. Лазимиру от 2 ноября 1918 г.: «Предъявитель сего гражданин Иосиф Михайлович Рождественский находился в городе Царицыне под заключением, по-видимому, в качестве заложника. Никаких обвинений против него предъявлено не было. Я счел необходимым содействовать его немедленному освобождению и, зная нужды Южного фронта в опытных работниках, направить его в распоряжение Реввоенсовета Южного фронта»⁸⁵.

В результате всех этих усилий в 1918 г. старые офицерские кадры составили 3/4 командного состава Красной армии. К концу Гражданской войны их доля в структурах Красной армии сократилась до 33,7%⁸⁶.

Военное строительство осложнялась конфликтами между командным составом и комиссарами, большевистскими комитетами и организациями. Выстраивая баланс между политическим контролем над армией большевистской партии и самостоятельностью в принятии решений военного командования, Л. Д. Троцкий добился от ЦК

⁸⁰ В частности, 23 августа 1918 г. Ленин предложил Троцкому рассмотреть предложение о замене всех бывших офицеров генштаба большевиками. Троцкий категорически отказался. В марте 1919 г. Ленин вновь вернулся к этой идее, но Троцкий сумел его переубедить, на этот раз окончательно. См.: *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 78—81.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 2. Л. 195.

⁸² РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 466. Л. 103, 107.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 5. Л. 1 об.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 2. Л. 288.

⁸⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 40. Л. 283.

⁸⁶ IX Всероссийский съезд Советов: Стеногр. отчет. М., 1921. № 5. 27 дек. С. 5, 6.

партии запрещения создания в армии партийных организаций с широкими полномочиями. Допускались «только ячейки для пропагандистской агитации»⁸⁷.

В конце августа 1918 г. под Свияжском по распоряжению Троцкого были расстреляны командир, комиссар и еще 18 красноармейцев Петроградского рабочего полка, бежавшие с поля боя⁸⁸. Это вызвало возмущение в партийных кругах и особенно у противников Троцкого, сторонников всеобщего вооружения народа и «партийного братства». Казнь коммунистов поставила под вопрос всю политику военного ведомства. Конфликт разрешился благодаря позиции Ленина, который поддержал «драконовские меры» Троцкого. При этом были запрещены расстрелы членов партии без согласования с ЦК. 19 декабря 1918 г. Бюро ЦК РКП(б), обсудив вопрос о работе коммунистов на фронте, постановило формировать состав прифронтовых трибуналов, выносящих приговоры коммунистам, только с участием и одобрением ЦК⁸⁹. 25 декабря 1918 г. вышло постановление ЦК РКП(б) «О политике Военного ведомства», поддержавшее линию Л. Д. Троцкого в военном строительстве⁹⁰.

Тем не менее недовольство действиями Троцкого по привлечению в Красную армию военспецов, а также недостатками молодого армейского организма сохранялось в большевистской партии. В марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) оно выплеснулось наружу, вызвав острейшие дискуссии и широкую «военную оппозицию». Эта оппозиция отражала не только нежелание части большевистских руководителей делиться

властью с «военспецами», но и протест против отбрасывания прежних лозунгов и растущего сходства «рабоче-крестьянской» армии с царской. 37 голосами против 20 «военная оппозиция» победила в военной секции съезда⁹¹. Вмешательство Ленина вновь изменило ситуацию. Вождь подтвердил свою поддержку Военному ведомству, пойдя при этом на некоторые уступки его критикам: продекларировав классовый принцип формирования армии, усиление роли партийных работников и т. д.

Лидер большевиков поддержал Троцкого и его военную политику в годы Гражданской войны потому, что это помогло одерживать победы на фронтах. При этом, не желая упускать военную сферу из-под своего контроля, он не отстранил от участия в ее управлении И. В. Сталина. Одобрение в целом политики Троцкого Лениным и большинством ЦК партии свидетельствовало о гибкости большевистского руководства, сумевшего, пусть и под давлением обстоятельств, поставить государственные интересы выше узкопартийных, посягнув при этом на некоторые партийные традиции. Подобный подход являлся одной из важнейших составляющих успехов большевиков в военном строительстве.

Значимым событием стало создание в июне 1919 г. военно-политического союза советских республик с целью объединения усилий для борьбы с врагами советской власти на территории бывшей Российской империи. В. Я. Гросул отметил, что «четкая установка на союз советских республик» прослеживается «по документам» уже с «января—марта 1919 г.»⁹² Проект ди-

⁸⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 2. Д. 5. Л. 1 об., 2.

⁸⁸ См. подробнее: *Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии.* М., 1991. С. 384—385; *Чернявский Г. И. Лев Троцкий.* М., 2010. С. 236; *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Лев Троцкий.* Кн. 2: Большевик. 1917—1924 гг. М., 2012. С. 237.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 2. Д. 7. Л. 1 об.—4.

⁹⁰ Правда. 1918. 26 дек.

⁹¹ VIII съезд РКП(б): Стенограмма заседаний военной секции съезда 20 и 21 марта 1919 г. и закрытого заседания съезда 21 марта 1919 г. // *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 9. С. 171.

⁹² *Гросул В. Я. Образование СССР (1917—1924 гг.).* М., 2007. С. 45.

рективы о военном единстве советских республик был рассмотрен на заседаниях ЦК РКП(б) и Президиума ВЦИК⁹³. По мнению В. Я. Гросула, в мае—июне 1919 г. в большевистском руководстве речь шла не просто о создании военно-политического союза, но и ставился вопрос о возможности вхождения национальных республик в состав РСФСР, однако обострение Гражданской войны не позволило провести подобное объединение⁹⁴.

24 апреля 1919 г. в связи со сложной обстановкой на фронтах В. И. Ленин дал указание заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому подготовить от имени ЦК РКП(б) директиву об объединении вооруженных сил советских национальных республик («о единстве (слиянии) военном»)⁹⁵. 4 мая 1919 г. ЦК РКП(б), обсудив вопрос «О едином командовании над армиями как России, так и дружественных социа-

листических республик», в директивной форме обратился к ЦК компартий Украины, Литвы, Белоруссии, Латвии и Эстонии с предложением об установлении такого командования над общими вооруженными силами⁹⁶. Получив согласие властных органов советских республик, 1 июня 1919 г. ВЦИК РСФСР издал декрет «Об объединении Советских Республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом»⁹⁷.

В декрете от 1 июня 1919 г. на самом деле речь шла не только о военном союзе (объединению подлежали «советы народного хозяйства, железнодорожное хозяйство и управление, финансы, комиссариаты труда этих республик»), хотя именно военно-политическое направление было приоритетным⁹⁸. Военно-политический союз советских республик стал одним из факторов победы советской власти в Гражданской войне⁹⁹.

Советская власть как фактор победы большевиков в войне

Советское государство стало важнейшим фактором победы большевиков в Гражданской войне. В структуре советской власти, несмотря на крупные недостатки, относительно эффективно действовали те центральные и местные органы, которые были связаны с решением военных проблем и со снабжением Красной армии продовольствием и сырьем. Прежде всего это были Совнарком, возглавляе-

мый В. И. Лениным, и отдельные звенья его механизма. Они работали с огромным напряжением, по мнению некоторых исследователей, превосходя соответствующие структуры антибольшевистских правительств и даже западных правительств в решении первоочередных проблем военного времени¹⁰⁰. К таким структурам следует отнести «военное ведомство» (РВСР, Наркомат по военным делам), возглавляе-

⁹³ Войтиков С. С. Узда для Троцкого: Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016. С. 407—412; РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 118. Л. 46—53.

⁹⁴ Гросул В. Я. Образование СССР (1917—1924 гг.). С. 46, 47.

⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1970. С. 287.

⁹⁶ История КПСС. Т. 3. Кн. 2. М., 1968. С. 323.

⁹⁷ СУ. 1919. № 21. Ст. 264.

⁹⁸ Гросул В. Я. Образование СССР (1917—1924 гг.). С. 46.

⁹⁹ См. подробнее: Экономические отношения Советской России с будущими союзными республиками. 1917—1922: Документы и материалы. М., 1996; Эбдихалык Т. О., Қасымов М. С. Военно-политический союз советских республик в период гражданской войны и иностранной интервенции (лето 1918—1920 гг.) // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. Исторические и социально-политические науки. 2020. Т. 1 (64). С. 108—111; и др.

¹⁰⁰ Ригби Т. Х. Правительство Ленина: Совнарком 1917—1922 // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994. С. 122.

мое Л. Д. Троцким, и органы исполнительной власти, связанные с решением проблем данного ведомства¹⁰¹.

По мобилизационным возможностям Советское государство превзошло белых, а по отдельным параметрам — с учетом небывалого разорения и дезорганизации страны — оказалось сопоставимым с царским государством в годы Первой мировой войны. В 1918—1920 гг. в РККА было привлечено на службу 6,7 млн чел., — 4,9% от 137,6-миллионного населения РСФСР на начало 1920 г. Если взять среднюю — с осени 1918 г. численность населения республики — 99,45 млн, то доля привлеченных — 6,7% — оказывается недалеко от показателя Первой мировой войны — 9,1%¹⁰².

Еще одним важнейшим и в основном успешным ведомством был Народный комиссариат продовольствия с его продармией, продотрядами, сумевшими, хотя и на минимальном уровне, и за счет ущемления интересов крестьян, но все же обеспечить хлебом Красную армию¹⁰³.

В этом же ряду была ВЧК, жестко и успешно осуществлявшая борьбу с противниками советской власти¹⁰⁴. Эта карательная структура значительно превосходила по численности и разветвленности аппарата правоохранные органы царской России. Если численность жандармского корпуса к 1917 г. не превышала 16 тыс. чел., Департамента полиции — 25 тыс., то ВЧК доходила до 270—300 тыс. человек. И это, не считая огромно-

го аппарата НКВД (только милиция насчитывала до 300 тыс. чел.), который с 1919 г. был объединен с ВЧК «личной унией» Ф. Э. Дзержинского¹⁰⁵.

В годы Гражданской войны существенно сократился слой рабочих. Численность рабочих (цензовой промышленности), которые, по выражению председателя Московского губернского совета профсоюзов С. А. Лозовского, служили «базисом» большевистской партии и питали ее «лучшими соками», упала с 2,6 млн в 1917 г. до 1,2 млн в 1920 и 1,1 млн — в 1922 г.¹⁰⁶ По свидетельству Л. Д. Троцкого, зимой 1920 г. рабочих в Советской России оставалось всего 850 тыс.¹⁰⁷ Из-за голода, разрухи и репрессивной политики падала поддержка рабочих власти большевиков. «Пролетарское государство» в годы войны потрясали непрерывные рабочие забастовки. В 1921—1922 гг., несмотря на репрессии, только в Москве ежемесячно проходило по 30—40 забастовок (в основном экономических)¹⁰⁸.

Ослабление своей главной опоры стало осознаваться большевиками уже с весны 1919 г. На VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин признал: «Слой рабочих, которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составляли нашу силу, [...] неимоверно тонок [...] и за истекшую борьбу надорвался, переработался, сделал больше, чем мог»¹⁰⁹. В последующем эта проблема вызвала острую полемику среди большевиков. На XI съезде партии лидер «рабочей оппозиции»

¹⁰¹ См. т. 12, кн. 1, ч. VI, гл. 1.

¹⁰² См.: Россия и СССР в войнах XX в.: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М., 2001. С. 138; *Леонов С. В.* О влиянии Первой мировой войны на Россию и Германию // Первая мировая война 1914—1918 гг. Т. 6. М., 2017. С. 392, 393.

¹⁰³ См. т. 12, кн. 2, ч. IV, гл. 1.

¹⁰⁴ См. там же, ч. II, гл. 1.

¹⁰⁵ См.: *Леонов С. В.* К вопросу о политическом контроле над ВЧК // Исторические чтения на Лубянке. XX лет. М., 2017. С. 56.

¹⁰⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 497, 498.

¹⁰⁷ Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 292; Десятый съезд РКП(б). Март—апрель 1920 г. М., 1934. С. 100.

¹⁰⁸ XI съезд РКП(б). 27 марта — 2 апреля 1922 г. М., 1936. С. 251.

¹⁰⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1969. С. 145.

А. Г. Шляпников иронизировал: «Владимир Ильич вчера сказал, что пролетариат как класс, в том смысле, каким имел его в виду Маркс, не существует. Разрешите поздравить вас, что вы являетесь авангардом несуществующего класса»¹¹⁰.

С весны 1918 г. стало меняться отношение к политике советской власти и большевистской партии крестьян — основной массы населения страны. Происходили восстания на почве недовольства комбедами, а затем продразверстки и других мер «военного коммунизма», достигшие кульминации в 1921 г.¹¹¹

Если в 1917—1918 гг. большевики пользовались поддержкой «национальных меньшинств» благодаря своей гибкой национальной политике, то к концу Гражданской войны она ослабевала из-за их попыток установить контроль над созданными национальными гособразованиями, ограничить их права¹¹².

Тем не менее, несмотря на очевидное падение уровня поддержки большевистской власти рабочими и крестьянами из-за тягот Гражданской войны, эта поддержка до конца не прекращалась. В отдельные периоды войны она возрастала. Так было летом и осенью 1919 г. во время наступлений Деникина на Москву и Юденича на Петроград¹¹³. С устранением этой угрозы поддержка власти большевиков в массах рабочих и крестьян ослабевала, поскольку они не желали терпеть тяготы «военного коммунизма». Начиналась полоса рабочих и крестьянских волнений и восстаний. И только нэп отчасти восстановил доверие крестьян к советской власти.

Реалии Гражданской войны ускорили эволюцию советского строя. Советы потеряли свой демократизм, попали под контроль партийных и чрезвычайных органов. Советская государственность представляла собой гигантский конгломерат различных, в том числе неконституционных органов. Но огромный госаппарат позволил сконцентрировать ресурсы и разгромить врагов.

После Октябрьской революции большевики смогли поставить под контроль центральный госаппарат и основную часть прежней государственности, оживив их вливанием «свежей крови»: выходцами из трудящихся слоев и членами партии. За счет целенаправленных, крайне напряженных усилий и всплеска социальной мобильности населения большевики сравнительно быстро реанимировали и трансформировали государство. Костяком нового, невиданного по масштабам госаппарата стала большевистская партия. Большевики сохранили не только многие прежние структуры и кадры, но и саму парадигму существования огромной разнородной империи, сумев объединить ее распадавшиеся элементы новыми государственными и идеологическими «скрепами».

Несмотря на большие недостатки государственного строя Советской Республики, большевики победили в Гражданской войне. Советская государственность выстояла в жесточайшей борьбе и стала важнейшим фактором этой победы. «Создание военного и государственного аппарата», как отмечал В. И. Ленин, позволило «победоносно выдержать испытания 1917—1921 гг.»¹¹⁴

¹¹⁰ XI съезд РКП (б). 27 марта — 2 апреля 1922 г. С. 109.

¹¹¹ См. подробнее об этом: т. 12, кн. 1, ч. V, гл. 1, 2.

¹¹² См.: История Востока: В 6 т. Т. 5. М., 2006. С. 32, 33, 37—39; *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 183, 185—198.

¹¹³ См. т. 12, кн. 2, ч. IV, гл. 2.

¹¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 106.

БЕЛАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Формирование белой государственности на Юге России

Процесс создания первых антибольшевистских государственных образований и формирования его общегосударственных структур в лице Директории (Временного Всероссийского правительства) и пришедшего ему на смену в результате переворота в Омске 18 ноября 1918 г. Верховного правителя адмирала А. В. Колчака и созданного им в Омске Российского правительства рассматривался уже в первой книге этого тома¹. В конце 1918 — первой половине 1919 г. происходил процесс признания власти адмирала Колчака как Верховного правителя другими антибольшевистскими правительствами и формирования белой государственности.

Изучение политико-правовой истории Белого движения в отечественной историографии представлено целым рядом исследований, затрагивающих различные аспекты политических программ белых

правительств, особенности состояния периодической печати, сложности отношений фронта и тыла, специфику эволюции аграрной и рабочей политики, состояние финансов, региональные особенности деятельности правительственных структур. По данным направлениям можно особенно выделить исследования В. Д. Зиминной, Г. А. Трукана, Л. А. Молчанова, А. В. Ганина, А. Н. Никитина, В. Г. Медведева, В. А. Кожевникова, О. А. Кудинова, О. В. Будницкого, В. П. Булдакова, С. В. Карпенко².

Таким образом, перспективы развития историографии социально-политической, социальной-экономической, социально-культурной составляющих российского Белого движения остаются достаточно высокими.

Верховный правитель Российского государства адмирал А. В. Колчак и возглав-

¹ См. т. 12, кн. 1, ч. II, гл. 5.

² *Зимина В. Д.* Белое движение в России. М., 1996; *Трукан Г. А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2003; *Молчанов Л. А.* Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство. М., 2007; *Ганин А. В.* Семь почему Гражданской войны в России. М., 2018; *Никитин А. Н.* Государственность «белой» России: Становление, эволюция, крушение. М., 2004; *Медведев В. Г.* Белое движение как результат кризиса политико-правового развития России в 1917—1918 гг. М., 2002; *Кожевников В. А.* Организационно-правовые основы государственной власти антибольшевистских движений в годы гражданской войны (1918—1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2003; *Кудинов О. А.* Конституционные проекты Белого движения и конституционно-правовые теории российской белоэмиграции (1918—1940-е гг.), или За что их расстреливали и депортировали (для тех, кто хочет понять смысл права). М., 2006; *Будницкий О. В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. М., 2008; *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; *Карпенко С. В.* Очерки по истории Белого движения на Юге России (1917—1920). М., 2003; и др.

Особое совещание при главнокомандующем ВСЮР.

Среди присутствующих: председатель совещания генерал от кавалерии А. М. Драгомиров (сидит 8-й справа), помощник главнокомандующего ВСЮР начальник Военного и Морского управления генерал-лейтенант А. С. Лукомский (сидит 9-й справа). Таганрог. [1919]
Фотограф не установлен. ГАРФ

ляемое им Российское правительство находилось на Востоке России, но изначально Белое движение, как часть антибольшевистского, сформировалось на Юге страны.

Большую часть 1918 г. Добровольческая армия не имела собственной территории, содействуя кубанским и терским казакам в антибольшевистском сопротивлении. Но к концу 1918 г. под ее контролем оказались Ставропольская и Черноморская губернии и следовало уже продумать организацию управления. Спецификой белой государственности на Юге России оставалось ее формирование «сверху», со стороны военного командования, с пресобладанием единоначалия и административного руководства. Показательную характеристику этой модели дал начальник Управления юсти-

ции деникинского правительства В. Н. Челищев. По его мнению, условия войны привели к возникновению диктатуры, «неограниченной в своих полномочиях, но ограниченной во времени определенной задачей» (то есть до момента окончания боевых действий). Челищев разъяснял и часто употребляемый в Белом движении термин «национальная диктатура»: «...диктатура эта в то же время мыслилась, как диктатура народная, национальная, и поэтому она, имея всю полноту власти, должна насыщаться народной мыслью, быть с нею неразрывной, чтобы в этом общении почерпать свои силы и иметь возможность бороться с силами, старающимися свести ее с пути действий исключительно национальных к достижению поставленной

перед ней цели. Соответственно с этим, общение могло вылиться лишь в форму создания законосовещательного учреждения, а на местах — широкого самоуправления»³.

Таким образом, для упрочения социальной базы Белого движения требовалось пойти и на союз с общественными силами, но при сильной исполнительной власти.

9 сентября 1918 г. увидело свет «Временное Положение об управлении губерниями и областями, занимаемыми войсками Добровольческой армии». Это был первый документ, определявший статус как центральной, так и местной власти. В нем отмечалось: «Впредь до воссоздания разрозненных частей Российского Государства и создания законной Общерусской власти, вся полнота государственной власти в областях, занимаемых Добровольческой Армией, принадлежит Верховному руководителю Добровольческой армии». Им был генерал М. В. Алексеев, и это вполне соответствовало его стремлению руководить внутренней и внешней политикой.

«Для облегчения работы в сфере гражданского управления и для составления необходимых распоряжений и законодательных актов» 18 августа учреждалось Особое Совещание⁴. После кончины Алексеева (25 сентября) разделение полномочий военной и гражданской властей стало более четким, но общее политическое руководство сохранялось у военных. Генерал А. И. Деникин был Главнокомандующим Добровольческой армией, генерал от кавалерии А. М. Драгомиров стал заместителем Деникина по политической части, а генерал-лейтенант А. С. Лукомский — заместителем главкома по военной части. Драгомиров был первым руководителем Особого Совещания (с октября 1918 г.),

а Лукомский сменил его в этой должности (с сентября по декабрь 1919 г.)⁵.

«Положение» об Особом Совещании отмечало, что оно «в области законодательства и Верховного Управления» было «совещательным органом при Главнокомандующем»⁶. В 1919 г. руководство белого Юга располагалось в двух главных центрах: Ставка находилась в Таганроге, а Особое Совещание — в Екатеринодаре (до августа) и затем в Ростове-на-Дону.

Ведущее положение в Совещании занимали беспартийные или члены кадетской партии. Большим влиянием пользовался Всероссийский Национальный Центр, проправительственная структура. Центр не был сугубо партийной структурой, хотя по идеологии и основным программным заявлениям был близок к кадетам. Его руководство (Н. И. Астров, М. М. Федоров) состояло в Совещании, будучи «министрами без портфелей». Менее влиятельной в 1919 г. политической структурой был правоцентристский Совет государственного объединения России, однако и его представители (А. Д. Билимович, Н. В. Савич, Н. Н. Чебышев, А. В. Кривошеин) работали в правительстве.

Персональный состав Совещания отражал стремление проводить центристскую политику и не допускать отклонений «вправо» или «влево». В Совещании состояли: начальник штаба главнокомандующего генерал-лейтенант И. П. Романовский, главы Управления земледелия и землеустройства В. Г. Колокольцев и А. Д. Билимович (последовательно сменявшие друг друга), бессменный председатель Управления финансов М. В. Бернацкий, бывший глава Министерства иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов, занимавший аналогичную должность одновремен-

³ ГАРФ. Ф. 6611. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁴ ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 2. Л. 26 об.

⁵ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. София, 1921. С. 44.

⁶ ГАРФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 1. Л. 19—21.

но в колчаковском и деникинском правительствах, главы Управления внутренних дел Н. Н. Чебышев и В. П. Носович, главы Управления торговли и промышленности В. А. Лебедев и А. И. Фенин, возглавлявший Управление по делам исповеданий кн. Г. Н. Трубецкой, глава Управления юстиции В. Н. Челишев, Государственный контролер В. А. Степанов, глава Управления пропаганды К. Н. Соколов и др. Правительство уделяло большое внимание разъяснению своей политики среди населения, что в условиях Гражданской войны обеспечивало степень доверия и поддержки Белого дела. Деникиным было создано специальное Осведомительное агентство (ОСВАГ), которое помимо пропагандистских задач занималось сбором информации о положении в белом и советском тылу и за границей.

Для решения актуальных вопросов внутренней политики — земельного и рабочего — при Особом Совещании функционировали отдельные комиссии. Их задачи состояли не столько в разработке конкретных законодательных актов, сколько в составлении законопроектов, которые следовало принять после окончания войны.

В целях максимально выгодного представления своей политической программы деникинское правительство и сам Деникин периодически издавали официальные «декларации». В одной из них, опубликованной 23 апреля 1919 г., провозглашалось, что основные законы будут приняты на всероссийском Национальном Собрании, которое соберется не после достижения кворума участников Собрания созыва 1917 г., а в результате новых всероссийских выборов. Декларировалось «уничтожение большевистской тирании и восстановление порядка», «созыв Национального Собрания на основах всеобщего и тайного голосова-

ния», «восстановление могущественной единой и неделимой России», «установление широкого местного самоуправления», «разработка аграрного и рабочего законодательства»⁷.

Принципиальным пунктом политической программы Белого дела в 1918—1919 гг. оставалось «непредрешение» основных проблем государственной политики до созыва учредительно-санкционирующего Собрания. Это не означало неопределенности, например, основных положений будущей аграрной политики. Весной 1919 г. Деникин издал достаточно радикальную «Декларацию» (официальное название — «Предписание Особому Совещанию») по земельному вопросу. И хотя в ней говорилось, что «полное разрешение земельного вопроса» предстоит осуществить «законодательным учреждением, через которые русский народ выразит свою волю», было ясно, что возвращение к прежним поземельным отношениям не произойдет. Заявлялось об «обеспечении интересов трудящегося населения», о «создании и укреплении прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель»⁸. Предполагался как добровольный путь поземельных сделок с бывшим помещиком, так и принудительное отчуждение частновладельческой земли за плату. Правда, при этом земли «высокопроизводительного сельскохозяйственного назначения» отчуждению не подлежали, что означало стремление не только удовлетворить крестьянские запросы, но и сохранить товарную основу земледелия. Говорилось о «поднятии производительности сельскохозяйственного труда»⁹.

Осенью 1919 г. аграрная комиссия под руководством членов Совещания Билимовича и Челищева разработала законо-

⁷ ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 110. Л. 230—235.

⁸ ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 51. Л. 23—23 об.

⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 212.

проект, предусматривавший реализацию объявленных Деникиным принципов уже в масштабах всего государства.

В «рабочем вопросе» не удалось разработать развернутого законопроекта. Деникин декларировал сохранение большей части демократических перемен, происшедших после февраля 1917 г., а правительственная комиссия во главе с Федоровым предполагала сохранить 8-часовой рабочий день, развивать страхование, не препятствовать деятельности профессиональных союзов, поощрять создание примирительных камер с целью разрешения производственных конфликтов¹⁰.

Местный административный аппарат деникинскому правительству приходилось создавать во многом «с нуля», так как в различных регионах Юга России и Украины к моменту прихода туда белых уже сменилось несколько режимов. Создать прочную исполнительную вертикаль не удалось. Местная власть создавалась по «областному» принципу (проект Комиссии по национальным делам при Особом Совещании под руководством профессора П. И. Новгородцева). «Область» на белом Юге объединяла несколько губерний, близких между собой по экономико-географическим, социально-культурным признакам. В тех условиях это означало, в частности, признание невозможности Украины как отдельного территориального образования. Областное деление было эволюцией от принципа унитарного управления, поскольку предполагало введение определенной административной самостоятельности новых создаваемых структур.

Деникин контролировал назначение на должности главномачальствующих конкретными областями. Главным образом

это были командующие воинскими подразделениями, оперировавшие в тех или иных регионах. В течение 1919 г. главнокомандующий утвердил создание следующих областей: Харьковской (включала в свой состав Харьковскую, Полтавскую, Черниговскую, Курскую, части Орловской и Воронежской губерний), во главе которой стал генерал-лейтенант В. З. Май-Маевский; Киевской (включала Киевскую, части Подольской и Волынской губерний) во главе с генералом от кавалерии А. М. Драгомировым; Новороссийской (включала Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии), управляемой генерал-лейтенантом Н. Н. Шиллингом. Похожим по административному положению был и Терско-Дагестанский край (объединял территории горских народов и Область Терского казачьего войска) под руководством генерала от кавалерии И. Г. Эрдели¹¹.

Восстанавливались структуры местного самоуправления — земства и городские думы. Принципиальным отличием от 1917 г. стало исключение из ведения города правоохранительных структур. Создаваемые «станы» Государственной стражи (на губернском, уездном и городском уровнях) подчинялись Управлению внутренних дел. Управы, как органы исполнительно-распорядительной власти, получали больше полномочий в сравнении с думами. Изменился и избирательный закон. Общей тенденцией для Белого дела стал отказ от демократических «излишеств» 1917 г., из-за которых в органах местного самоуправления усилилось партийное влияние. Всеобщее избирательное право было заменено двухлетним цензом оседлости (выборы в городские думы) и имущественным цензом (земские выборы)¹².

¹⁰ ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 47. Л. 72—76.

¹¹ Временное Положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под Верховным управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России. Ставрополь, 1919. С. 4—5.

¹² Астров Н. И. Временное Положение об общественном управлении городов в местностях, находящихся под верховным управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России // Местное самоуправление. Вып. 1. Прага, 1925. С. 251.

Власть Верховного правителя адмирала Колчака

На Востоке России Белое дело утвердилось в антибольшевистском фронте после политических событий, связанных с так называемым «омским переворотом».

Верховный правитель России
адмирал А. В. Колчак. Омск. 1919 г.
Фотограф З. И. Жданова. РГАСФД

Его итогом стало установление власти Верховного правителя адмирала Колчака. Здесь важна была основа, созданная решениями Уфимского Государственного Собрания и Уфимской Директорией, утвердивших приоритеты единой все-русской власти перед региональными правительствами.

Переход от коллегиального управления Временного Всероссийского правительства (Директории) к единоличной власти Верховного правителя произошел в ходе переворота, подготовленного группой офицеров во главе с В. И. Волковым. Эти действия поддерживались кадетами, правыми организациями в Омске, министрами И. А. Михайловым и Г. Г. Тельбергом. В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. глава Директории Н. Д. Авксентьев и ее члены А. А. Аргунов и В. М. Зензинов были арестованы. Собравшийся на экстренное заседание Совет министров признал факт «распада» правительства и не стал восстанавливать прерванные полномочия арестованных «директоров». Вместо этого власть была «вручена» военному и морскому министру Колчаку, произведенному в чин полного адмирала (аналогичного «ранга» в Сибири не имел никто из претендентов на должность диктатора). Колчак получил статус Верховного Правителя Российского государства и Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами. Последняя должность уже существовала в период Директории, но занимавший ее генерал Болдырев согласился передать свои полномочия адмиралу. Авксентьев, Аргунов и Зензинов были освобождены, но затем высланы за границу. В свою очередь арестовавшие их казачьи офицеры были отданы под суд, но вскоре оправданы под предлогом того, что их действия диктовались стремлением предотвратить эсеровское антиправительственное выступление, якобы готовившее-

ся под руководством арестованных ими членов Директории¹³.

Омский «переворот» вызвал неоднозначное отношение внутри антибольшевистского лагеря. Безоговорочно осудили действия заговорщиков участники съезда членов Учредительного собрания и ЦК эсеровской партии во главе с В. М. Черновым¹⁴. После этого эсеры почти полностью отошли от поддержки Белого движения и выступили за «активную борьбу демократии в Сибири с колчаковщиной», после чего следовало вернуться к борьбе против большевиков, за Учредительное собрание. Схожую позицию занял и ЦК РСДРП (меньшевиков). Тем самым создававшаяся после октября 1917 г. широкая антибольшевистская коалиция раскололась, и активную вооруженную борьбу против советской власти стало вести Белое движение¹⁵.

Но и среди сторонников Белого дела единое отношение к событиям в Омске сложилось не сразу. Атаман Семенов из Читы потребовал оправдания казачьих офицеров — участников переворота и заявил, что Верховным правителем мог бы стать генерал Хорват или атаман Дутов (показательно, что тот и другой признали власть Колчака). Только в конце мая 1919 г. после назначения Семенова главным начальником Приамурского края конфликт Омска и Читы представлялся исчерпанным, хотя забайкальский атаман сохранял заметную степень самостоятельности¹⁶.

Заявили протест по поводу «событий в Омске» члены Чехословацкого Национального Совета, отметив, что «чехосло-

вацкая армия, сражаясь за идеалы свободы и народовластия, не может и не будет симпатизировать насильственным переворотам». В ноябре—декабре 1918 г. легионеры ушли с фронта в тыл, обеспечивая охрану Транссибирской магистрали, но не из-за «омского переворота», а ввиду окончания Первой мировой войны и отсутствия необходимости вести борьбу с «большевиками — союзниками немцев»¹⁷.

Резкий протест по поводу событий в Омске с отказом «подчиниться диктаторской власти» направил в декабре 1918 г. в адрес А. В. Колчака и председателя Совета министров П. В. Вологодского председатель Временного правительства Северной области Н. В. Чайковский¹⁸. Правда, в дальнейшем он изменил свое отношение к Колчаку и к «омским событиям».

Так или иначе единоличная власть Верховного правителя утвердилась на Востоке России, а правопреемственность от Временного Всероссийского правительства сохранялась Российским правительством. Так теперь называлась высшая структура исполнительной и законодательной власти белой государственности. Директорию заменил Верховный правитель, но Совет министров остался практически в неизменном виде. «Столицей» оставался Омск, трехцветный (бело-сине-красный) национальный флаг признавался государственным, гербом был двуглавый орел (без символов монархической власти), а государственным гимном стал молитвенный канон «Коль славен наш Господь в Сионе»¹⁹.

¹³ Правительственный вестник (Омск). 1918. № 3, 21 нояб.

¹⁴ Чернов В. М. Перед бурей. Нью-Йорк. 1953. С. 392.

¹⁵ Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 425—426, 454—455, 461.

¹⁶ Семенов [Г. М.], атаман. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. [Дайрен], 1938. С. 113, 129.

¹⁷ 28 октября 1918 г. (Десятилетие чехословацкой независимости и чехословацкие легионы в России) // Вольная Сибирь. Т. IV. Прага, 1928. С. 8.

¹⁸ Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929. С. 90—92.

¹⁹ Правительственный вестник (Омск). 1918. № 21, 13 дек.

Постепенно произошло официальное признание власти Колчака остальными белыми правительствами. Временное правительство Северной области сделало это 30 апреля 1919 г. Отдельным приказом (10 июня 1919 г.) адмирал утвердил генерал-лейтенанта Е. К. Миллера и генерала от инфантерии Н. Н. Юденича в должностях главнокомандующих Северным и Северо-Западным фронтами соответственно²⁰. Усилились полномочия исполнительной власти, поскольку в условиях развития боевых операций на региональных фронтах военное командование и правительственные структуры получали приоритет перед представительными органами власти, местным самоуправлением и общественными организациями. Деникин признал верховенство власти Российского правительства и полномочия адмирала Колчака в своем приказе от 30 мая 1919 г.²¹ Хотя заявления о поддержке «омского переворота» со стороны военных и политиков белого Юга неоднократно звучали и до приказа Главнокома ВСЮР. Крупнейший по территории и населению регион Европейской России вошел в общий фронт Белого движения, а потенциально опасная конкуренция о «первенстве» между Омском и Ростовом-на-Дону была устранена.

Главой Совета министров Российского правительства на протяжении почти всего 1919 г. оставался бывший глава Временного Сибирского правительства П. В. Вологодский. Должность управляющего министерства иностранных дел (не министра) в Омске последовательно занимали Ю. В. Ключников и И. И. Сукин. И. А. Михайлов занимал пост министра финансов, С. С. Старынкевич был министром юсти-

ции, а А. Н. Гаттенбергер и В. Н. Пепеляев — министрами внутренних дел (последовательно). Ведомством народного просвещения руководил В. В. Сапожников, И. И. Серебренников — ведомством снабжения. Л. И. Шумиловский был министром труда. Должность военного министра последовательно занимали генералы Н. А. Степанов, Д. А. Лебедев, А. П. Будберг, а должность управляющего делами — Г. Г. Тельберг и Г. К. Гинс соответственно. Высшей судебной и кассационной инстанцией являлся воссозданный 24 декабря 1918 г. Правительствующий Сенат. 29 января 1919 г., согласно традициям российской государственности, Сенат привел к присяге Колчака и членов его правительства²².

Колчаковское правительство действовало в соответствии с принятым «Положением о временном устройстве государственной власти в России», нередко называемым «Конституцией 18 ноября». Совету министров принадлежали полномочия издания подзаконных актов, тогда как окончательное утверждение законов принадлежало Колчаку. Адмирал, в порядке чрезвычайных обстоятельств и по законам военного времени, мог издавать указы и распоряжения самостоятельно, без согласования с Совмином. Его полномочия были большими в сравнении с Особым Совещанием. Совет министров имел право законодательной инициативы, из его состава выделялся Совет при Верховном правителе, решавший текущие политические и экономические проблемы. На протяжении весны—лета 1919 г. несколько министров (Ключников, Серебренников, Сапожников) покинули правительство, мотивируя это своим несогласи-

²⁰ Правительственный вестник (Омск). 1919. № 170, 27 июня.

²¹ ГАРФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 3. Л. 8—8 об.

²² Правительственный вестник (Омск). 1919. № 57, 31 янв.

ем с усилением диктаторских тенденций Верховного правителя и его окружения (Вологодский, Михайлов, Тельберг, Пепеляев, Сукин).

Общественная поддержка колчаковского правительства отличалась от белого Юга. Здесь не было таких влиятельных политических структур, как Национальный Центр или Совет государственного объединения России. Официозный Омский блок включал в свой состав лояльных власти политиков, но его авторитет не распространялся широко. Заметным влиянием пользовались наряду с областниками кадеты. Бывший секретарем Восточного отдела ЦК партии В. Н. Пепеляев осенью 1919 г. стал премьером, заменив на этом посту Вологодского.

Программные заявления колчаковского правительства принципиально не отличались от программ других белых правительств, что позволяет говорить о сложившемся в 1919 г. идеологическом единстве. Российское правительство декларировало правопреемство от меньшевистских правительств, выступало за сохранение демократических перемен. Односторонне партийные лозунги должны были уступить место общегосударственным: «Излишне говорить, что ныне, после событий 18 ноября, правительство, возглавляемое Верховным Правителем, совершенно не имеет в своем составе реакционных элементов и не одиноко. Оно поддержано все теми же государственными элементами, умеренно-социалистическими, кооперативными, демократическими, буржуазными и военными, которые все с самого начала шли за Сибирским правительством»²³.

«Национальная диктатура» Колчака провозглашала обязательный созыв все-

российского представительного органа власти, но сделать это предполагалось после окончания войны и на основании нового избирательного закона. В соответствии с проектом о выборах в Национальное собрание (вместо «Учредительного»), всеобщее голосование заменялось голосованием на мажоритарной основе. В селе вводилось двухступенчатое избирательное право (как более «привычное» для крестьян, не обладавших должной «правовой культурой»). В городах сохранялись прямые выборы. В выборах могли участвовать военные. А члены ликвидируемых белой властью партий большевиков и левых эсеров лишались избирательных прав²⁴.

Но до новых выборов, даже в условиях диктатуры, представительный орган, пусть и ограниченный в правах, признавался необходимым. Колчаковское правительство пошло по пути «сотрудничества с общественностью» через посредство созданного 19 июня 1919 г. Государственного экономического совещания. Оно состояло из делегированных членов Совета министров, представителей коммерческих структур, кооперативов, органов земского и городского самоуправления. Компетенция Совещания ограничивалось изначально обсуждением сугубо экономических проблем. Вскоре, однако, стало очевидным, что в условиях Гражданской войны ограничиться сферой хозяйства и финансов невозможно без решения существенных проблем внутренней и внешней политики.

Аграрно-крестьянская политика Колчака определялась «Грамотой Верховного Правителя о земле» (26 марта 1919 г.). В ней провозглашалось, что «все, в чем пользовании земля сейчас находится, все,

²³ Правительственный вестник (Омск). 1918. № 6, 24 нояб.

²⁴ ГАРФ. Ф. 4707. Оп. 1. Д. 3. Л. 44—44 об.; Правительственный вестник (Омск). 1919. № 203, 6 авг.

кто ее засеял и обработал, хотя бы он не был ни собственником, ни арендатором, имеют право собрать урожай». В дальнейшем государственная власть брала на себя землеустройство: «Правительство примет меры для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян и на будущее время, воспользовавшись прежде всего частновладельческой и казенной землей, уже перешедшей в фактическое обладание крестьян». Но если в отношении помещичьей земли полной реституции не было, то к крестьянам-собственникам, столыпинским «укрепленным» и «переселенцам», подход был иной: «земли, которые обрабатывались [...] силами семьи владельцев, — земли хуторян, отрубщиков, укрепленцев, — подлежат возвращению их законным владельцам»²⁵.

В области внешнеполитического курса колчаковское правительство исходило из необходимости сохранения правопреимства от дореволюционной России (в отношении обязательств перед Антантой, «царских долгов» и др.).

Сохранялись профсоюзы и 8-часовой рабочий день на заводах. Но достаточно демократичные лозунги не означали господства правопорядка в повседневности. В истории белой государственности целесообразно отделять законотворчество (понимая под этим разработку актов для «будущей» России) от законодательства (во многом ориентированного на решение временных проблем, местного масштаба). Здесь преобладала практика «военного времени», характерная для начального периода Белого движения. Наиболее показательно тут репрессивное законодатель-

ство, связанное, в частности, с подавлением восстаний в белом тылу. Когда весной 1919 г. в Иркутской и Енисейской губерниях вспыхнуло повстанческое движение, то по распоряжению Колчака здесь было введено военное положение и военные власти получили чрезвычайные полномочия. Опираясь на них, генерал-лейтенант С. Н. Розанов приказал «при занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются — расстреливать каждого десятого [...], селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и т.д. отбирать в пользу казны [...]»²⁶.

Жестокость данного распоряжения очевидна, но в июле 1919 г., после подавления основных центров повстанчества, Розанов отменил режим военного положения, а рядовым участникам партизанских отрядов была объявлена амнистия²⁷. Аналогичные действия предпринимались белым командованием и в других регионах, например, при подавлении Висунской и Баштанской партизанских республик на Юге России. Эти проявления репрессивной политики вошли в историю под наименованием «белого террора», однако в отличие от советской власти «террор», как форма классовой борьбы и метод противодействия своим противникам, не провозглашался в официальных декларациях белой государственности. Но на деле он был реальностью²⁸.

²⁵ Бонч-Осмоловский А. Грамота Верховного Правителя о земле. Омск, 1919. С. 3—7.

²⁶ Сельская жизнь (Красноярск). 1919. № 3, 9 апр.

²⁷ Там же. № 29, 16 июля.

²⁸ Подробнее см. т. 12, кн. 2, ч. II, гл. 3.

Образование и деятельность Северо-Западного правительства

Образование и деятельность Северо-Западного правительства показательны в плане взаимодействия военных и гражданских структур. Поскольку приказом Колчака генерал Юденич был утвержден в качестве главнокомандующего Северо-Западным фронтом, то дополнительной поддержки со стороны гражданских властей в принципе не требовалось. Тем не менее в регионе приходилось считаться с активными лидерами земско-городского самоуправления (Псков и Псковская, Петроградская губернии), уже участвовавшими в антибольшевистском движении в 1918—1919 гг. (Ф. Г. Эйшинский, П. А. Богданов, В. Л. Горн, Ф. А. Эрн). Заметным авторитетом пользовались и политики, проживавшие в Гельсингфорсе (Хельсинки) и непосредственно участвовавшие в разработке программ Белого дела на Северо-Западе (бывший царский премьер А. Ф. Трепов, известный нефтепромышленник С. Г. Лианозов, философ П. Б. Струве, деятель кадетской партии, историк и философ А. В. Карташов). С партийно-политических позиций «псковская» группа оказалась более левой, чем «гельсингфорсская».

Весьма важными оказались и недвусмысленные заявления британского командования о важности «демократизации» режимов и о необходимости признания независимости Финляндии и прибалтийских республик. Считалось, что политики смогут сделать это успешнее военных. В результате прямого давления со стороны главы британской военной миссии Ф. Марча 10 августа 1919 г., на основе коалиции

«псковской» и «гельсингфорсской» групп было образовано Северо-Западное правительство во главе с Лианозовым, а Юденич вошел в его состав на правах военного министра. На следующий день правительство приняло декларацию о независимости Эстонии²⁹.

Программные заявления северо-западников отличались от всех белых правительств наибольшим стремлением сохранить добольшевистские, «революционные завоевания» 1917 г. Во время «похода на Петроград» осенью 1919 г. неоднократно заявлялось о самоопределении «отдельных территорий и народностей, входящих в состав единой возрождающейся России», о решении земельного вопроса в интересах крестьянства, о восстановлении местного самоуправления на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, о неукоснительном соблюдении «демократических свобод». С точки зрения полномочий, правительство считалось «высшим законодательным и исполнительным органом Северо-Западной области», ему давалось право законодательной инициативы. Разрабатывались проекты созыва Областного Народного Собрания из представителей от Петроградской, Псковской и Новгородской губерний³⁰.

Но реальная власть на территориях, занимаемых войсками Юденича во время «похода на Петроград», принадлежала военным. Само правительство постоянно находилось в Ревеле (Таллине), а генерал даже не присутствовал на его заседаниях. Верховный правитель не признавал

²⁹ Образование Северо-Западного правительства. Объяснения членов Политического Совещания при Главнокомандующем Северо-Западным фронтом В. Д. Кузьмина-Караваева, А. В. Карташова и М. Н. Суворова. Гельсингфорс, 1919. С. 42—43.

³⁰ Кирдецов Г. У ворот Петрограда (1919—1920). Берлин, 1921. С. 229—231; Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 116—117, 259, 261.

деклараций Северо-Западного правительства (в том числе и в отношении Эстонии) и продолжал считаться только с Юденичем. По распоряжению последнего руководство местной администрацией осуществлял ге-

нерал-губернатор Северо-Западной области генерал-майор П. В. Глазенап³¹. А после поражения «осеннего наступления» правительство заявило 5 декабря 1919 г. о самороспуске.

Органы государственной власти в Северной области

После отставки в конце сентября 1918 г. членов Верховного управления Северной области с передачей верховной власти председателю ВУСО Н. В. Чайковскому им 7 октября было создано Временное правительство Северной области, где он остался единственным социалистом, а костяк правительства составили кадеты. Тем не менее сам Чайковский характеризовал новое правительство как «беспартийное», а основополагающей идеей декларации ВПСО стал призыв «поступиться местными и классовыми интересами» и «отложить партийные разномыслия» ради совместной работы с союзниками³². Правительство пыталось проводить «средний курс», балансируя между «левыми» и «правыми».

Существенные изменения в конструкции власти произошли в январе 1919 г., что было обусловлено двумя обстоятельствами: отъездом на совещание в Париж председателя ВПСО Н. В. Чайковского и приездом из-за границы генерала Е. К. Миллера. Последний был приглашен на должность генерал-губернатора и командующего русскими войсками Северной области, но так как с ноября 1918 г. эти обязанности исполнял генерал В. В. Марушевский, то 15 января на заседании ВПСО было принято компромиссное решение: он оставался членом прави-

тельства и командующим с подчинением генералу Миллеру как генерал-губернатору, имеющему в отношении войск Северной области права командующего отдельной армией³³.

В связи с отъездом Чайковского заместителем председателя ВПСО на период его поездки назначался его ближайший соратник и сторонник политики «среднего курса» кадет П. Ю. Зубов, возглавивший и отдел земледелия. Но реальная власть сосредотачивалась в руках генерала Миллера, к которому на время поездки Чайковского перешло и заведование отделом иностранных дел. Опасаясь усиления его позиций и превращения в фактического военного диктатора, Чайковский принял единоличное решение о назначении губернского правительственного комиссара, народного социалиста В. И. Игнатьева, временно управляющего отделом внутренних дел, членом правительства с возложением на него обязанностей управления указанным отделом. Но под давлением правого крыла правительства Игнатьев по должности губернского комиссара был подчинен генерал-губернатору. Впрочем, сам Игнатьев утверждал, что Миллер должен был подчиняться как генерал-губернатору ему в качестве управляющего отделом внутренних дел.

³¹ Приказы и распоряжения генерал-губернатора Северо-Западной области // Заря России (Псков). 1919. № 19, 21 авг.; Гдовская газета (Гдов). 1919. № 4, 14 окт.

³² Вестник Временного правительства Северной области. 1918. 9 окт.

³³ Там же. 1919. 17 янв.

По мнению Н. В. Чайковского, созданная конструкция государственной власти в Северной области была призвана способствовать взаимоуравновешиванию военной и гражданской властями. Передача в руки социалиста управления внутренними делами должна была стать гарантией защиты «демократических принципов», а генерал Миллер своим участием в этих делах должен был как бы страховать политику правительства в глазах британского главнокомандования. В письме генералу А. И. Деникину из Парижа 23 декабря 1919 г. Чайковский утверждал, что в Северной области удалось решить актуальную для всей страны проблему налаживания оптимальных отношений между военной и гражданской властями, а также с представителями командования стран Антанты, рекомендуя использовать накопленный опыт. Впрочем, сам генерал Деникин скептически оценивал его, как и предложение внедрить созданную на Севере систему «демократической власти» на Юге³⁴. Да и сама жизнь сурово корректировала умозрительные схемы.

22 января 1919 г. Н. В. Чайковский покинул Архангельск, направляясь в Париж и предполагая вернуться обратно, но это возвращение так и не состоялось, хотя до падения Северной области в 1920 г. он номинально оставался председателем ВПСО.

10 июня приказом Верховного правительства адмирала Колчака войска и флот Северной области были слиты в единое целое с сибирскими вооруженными силами, а генерал Миллер был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков на Северном фронте. 12 июля на засе-

дании ВПСО был обсужден вопрос о его упразднении в настоящем составе и передаче всей власти главнокомандующему, ибо при наличии Всероссийской Верховной власти в Омске самостоятельное существование правительства в Архангельске не отвечало «целям воссоздания единого русского государства и укрепления Верховной власти». Ходатайство о сложении полномочий в пользу генерала Миллера было направлено в Омск с исполнением правительством обязанностей до получения согласия Колчака³⁵.

Но это решение вызвало сомнения в левоцентристских кругах Севера, где полагали, что момент для создания военной диктатуры был выбран несвоевременно, о чем руководитель архангельских эсеров А. А. Иванов писал Чайковскому в Париж. Намеченная реорганизация не была одобрена в телеграмме из Парижа за подписями князя Львова, Сазонова и Маклакова³⁶. Положение обострилось и серией восстаний в белогвардейских войсках, а также решением о выводе в ближайшее время войск Антанты из Северной области, что и произошло осенью 1919 г.

В этих условиях 2 августа 1919 г. ВПСО отменило свое решение от 12 июня, а следом было принято решение о реконструкции правительства. За это высказалось и созданное в августе земско-городское совещание, где звучала критика деятельности правительства за недемократичность и репрессивность. Введение в его состав представителей умеренных социалистов призвано было расширить социальную базу власти. Но подобная реконструкция правительства столкнулась с директивами из Омска о назначении генерала

³⁴ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 53—54; Ф. 5805. Оп. 1. Д. 204. Л. 2—4; Возрождение Севера. 1919. 19 янв.; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. 5. С. 353—354.

³⁵ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 7—9; Ф. 176. Оп. 3. Д. 17. Л. 21, 25.

³⁶ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 219. Л. 3—4; Ф. 16. Оп. 1. Д. 88. Л. 22.

Миллера Главным начальником Северного края с подчинением непосредственно Колчаку. Правительство Северной области получало статус Совета при Миллере. Финансовая политика, высшая судебная власть должны были контролироваться из Омска. Представительную власть в регионе мог осуществлять Финансово-экономический совет при правительстве, ограничиваясь хозяйственными вопросами³⁷. Это привело к конфликту с умеренными социалистами, настаивавшими на созыве земско-городского совещания для обсуждения этого вопроса, и к выходу эсеров П. П. Скоморохова и Е. В. Едовина из правительства, что означало конец кратковременной «демокра-

тической эры» и сокращение социальной опоры власти³⁸.

Поражения сибирских войск и их отступление все далее на восток привели и к разрыву связей ВПСО с Всероссийским правительством. Разработанное в Омске «Временное Положение об управлении Северным Краем» не было реализовано. В этих условиях правительство Северной области сохранилось, но превратилось, по существу, в совещательный орган при главнокомандующем, генерале Миллере. Вместе с тем кризис власти все более углублялся, что необратимо приближало ее падение, которое и произошло в феврале 1920 г.

Система управления в казачьих областях

Своеобразная система управления сложилась в казачьих областях. После того как в апреле 1917 г. военный министр А. И. Гучков издал распоряжение о восстановлении традиционных казачьих органов управления, в войсках на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права (при тайном голосовании) прошли выборы парламентов и атаманов. Избирательные права получили женщины и неказачье население. Атаманом донского казачества стал генерал от кавалерии А. М. Каледин, а Войсковой Круг — носителем высшей представительной власти. Было сформировано правительство во главе с М. П. Богаевским, создавались структуры хуторского, станичного и областного управления³⁹.

В ходе антисоветского восстания на Дону весной 1918 г. органы власти были сформированы снова. Временно действовал Чрезвычайный Круг Спасения Дона, представлявший «низовые станицы». 3 мая атаманом был избран генерал от кавалерии П. Н. Краснов. По его инициативе Круг принял свод Основных законов Всевеликого войска Донского. Власть атамана усилилась, он мог самостоятельно назначать управляющих отделами правительства, членов Войскового суда. Правительство получило законодательные права⁴⁰.

В сентябре 1918 г. Большой Войсковой Круг окончательно утвердил Основные законы. Донское войско признавалось «самостоятельным Государством, основанным на началах народоправства». «Верховная и зако-

³⁷ ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 21. Л. 33—34, 36—37, 52—53.

³⁸ Голдин В. И. Государственные органы Северной области // Белая гвардия. 2006. № 9: Белое движение на Севере России. С. 17—23.

³⁹ Каклюгин К. П. Организация власти на Дону в начале революции // Донская летопись. [Вена], 1923. № 2. С. 105—106.

⁴⁰ Каклюгин К. П. Донской атаман Краснов и его время // Донская летопись. [Белград], 1924. № 3. С. 323, 326.

подательная власть» отдавалась Войсковому Кругу, «высшая исполнительная» — атаману, «судебная власть» — «судебным Уставным Уложениям». Круг мог «издавать, изменять, дополнять и отменять законы», «избирал атамана», «утверждал бюджет». Атаман избирался на три года и был ответствен перед Кругом. В области военного командования атаман имел более широкие права. Он получал право «заключения международных договоров», назначал главу правительства и управляющих ведомствами. На Дону начал работу Правительствующий Сенат, ставший фактически всероссийской структурой, распространяя свои полномочия и на все территории белого Юга.

Донская государственность считалась базой для антибольшевистского движения. Однако серьезной ошибкой внешнеполитической «ориентации» атамана Кривошапкин оказался его сотрудничество с кайзеровской Германией, контакты с Вильгельмом II. После поражений Донской армии под Царицыным в конце 1918 г. и победоносного для стран Антанты окончания Первой мировой войны Краснову было высказано недоверие, и он ушел в отставку. Его преемник, генерал-лейтенант А.П. Богаевский (избран атаманом 6 февраля 1919 г.), занял позицию сотрудничества с командованием Добровольческой армии⁴¹.

Значительными «парламентскими» полномочиями отличалась система управления на Кубани. Здесь действовал принцип двухпалатного парламента, при котором Законодательная Рада разрабатывала законы, а Краевая Рада их утверждала. Избирательным правом наделялись казаки и «староселы» из иногородних. Войсковое правительство было подотчетно парламенту, войсковой атаман избирался и также был

подотчетен ему. В октябре 1917 г. атаманом стал полковник А.П. Филимонов.

Депутаты Рады неоднократно заявляли о том, что Кубань является «самостоятельным государственным образованием», и подчеркивали важность сохранения федеративного и республиканского статуса для будущей России. В этом заключалась и позиция главы краевого правительства Л.Л. Быча. Примечательно, что именно кубанские политики из всех деятелей Белого движения заявляли о приоритете «республиканской основы» при построении общегосударственного устройства. 5 декабря 1918 г. было утверждено «Временное положение об управлении Кубанским Краем» («кубанская Конституция»), деклариовавшее: «мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью».

Краевая Рада провозглашала собственность войска на земли, леса и воды. Автономия Кубани заключалась в «охране внутреннего порядка», «местном самоуправлении» (хутора, станицы и поселки), «санитарно-медицинском деле», «местных налогах», «народном просвещении», «продовольствии», «землепользовании и землеустройстве» и «других делах местного значения». «Внешние сношения», «командование вооруженными силами», «уголовное и гражданское законодательство, судоустройство и судопроизводство», «почту и телеграф», «пути сообщения общегосударственного и стратегического значения», «прямое и косвенное обложение на общегосударственные нужды», «государственные монополии», «акционерное и торговое

⁴¹ Основные Законы Войска Донского; Положение о Войсковом Круге // Донская летопись. [Белград], 1923. № 1. С. 301—317.

Представители высшей военной и гражданской властей казачьих войск Юга России за чаепитием в «Атаманском» (Александровском) саду. Среди присутствующих: председатель Терского войскового Круга П. Д. Губарев (сидит 1-й слева), председатель Донского войскового Круга В. А. Харламов (сидит 2-й слева), войсковой атаман Терского казачьего войска генерал-майор Г. А. Вдовенко (сидит 4-й слева), атаман Всевеликого войска Донского генерал-лейтенант А. П. Богаевский (стоит 3-й слева), командующий Донской армией генерал-майор В. И. Сидорин (сидит 2-й справа), начальник штаба Донской армии генерал-лейтенант А. К. Кельчевский (сидит 4-й справа), председатель Донского правительства генерал от кавалерии П. Х. Попов (стоит 4-й слева) и др. Новочеркасск. Весна—лето 1919 г. Фотограф не установлен. ГАРФ

законодательство» предполагались в ведении «всероссийской власти»⁴².

Терское казачество заявляло о «единой демократической России с правами широкой местной автономии, с правом местного законодательства». В отличие от кубанских политиков здесь не провозглашались требования максимально широкой автономии. Терское казачество в большинстве своем поддерживало лозунги «Единой, Недели-

мой России». Причины подобной позиции во многом определялись сложностью национальных отношений на Северном Кавказе, из-за чего поддержка Добровольческой армии, выступавшей с позиций государственного единства, представлялась необходимой. Так, например, в принятой в июле 1919 г. декларации Войскового Круга заявлялось: «Условия настоящего момента [...] побуждают Терское Войско принять реше-

⁴² Быч Л. Л. От Южно-Русского Союза к Федеративной России. 1919 г. Екатеринодар, 1919. С. 6, 13, 22—23; Кубанская Чрезвычайная Краевая рада созыва 28 октября 1918 г.: Стеногр. отчет пленарных заседаний. Вып. 2. Екатеринодар, 1918; Конституция Кубанского края 1918 г. Прага, 1929.

тельные шаги к объединению однородных демократических государственных образований Юга России в Единый Союз, дабы, соединяя разрозненные части бывшей Российской империи в свободный Союз [...], укрепить идею Единой, Свободной России». Вполне лояльным по отношению к Деникину был и терский атаман генерал-лейтенант Г. А. Вдовенко.

Временное Положение об управлении Терским Войском было принято Большим Войсковым Кругом в июле 1919 г. В нем повторялись основные принципы управления, принятые на Дону и Кубани. Большой Круг носил учредительно-санкционирующий характер, а Малый Круг действовал постоянно и занимался законодательной работой. Большой Круг на три года избирал войскового атамана, полномочия которого заключались в осуществлении «всей исполнительной и распорядительной власти». Исполнительная власть имела на Тереке более широкие полномочия. Атаман утверждал состав правительства и сам созывал Большой Круг, мог налагать «вето» на законы, принимаемые Малым Кругом.

Отмечалось, что «в порядке Верховного управления Терское войско и его войсковое начальство подчиняется Главнокомандующему», при этом, если местные законы нарушали «пределы полномочий» региона, то они могли отменяться решениями Деникина⁴³.

На Востоке России принципиальных отличий от южнорусских политических моделей Белого движения не было, хотя специфические черты того или иного региона здесь проявлялись. В Уральском казачьем войске первоначально не предусматрива-

лось введение должности атамана, а высшая власть принадлежала «высшему выборному» войсковому съезду (избранному без «иногородних») и утвержденному им войсковому правительству. И лишь в марте 1919 г. съезд «временно избрал» атаманом генерал-майора В. С. Толстова. Атаман незамедлительно произвел «переворот» и объявил съезд распушенным, взяв на себя полномочия высшей законодательной и исполнительной власти. Уральская казачья армия с осени 1919 г. подчинилась Деникину, а после поражения совершила переход вдоль берега Каспийского моря в Иран⁴⁴.

Непростыми были отношения между представительной властью и атаманом в Уссурийском казачьем войске. Здесь в 1918 г. 5-й Войсковой Круг (прозванный также «ликвидационным») принял решение об упразднении структур казачьей власти и сотрудничестве с советской властью. В ответ на эти решения избранный ранее уссурийским атаманом есаул И. П. Калмыков заявил о неправомерности подобных решений и о принятии на себя «полноты власти» в войске. В начале 1919 г. структуры казачьей власти были восстановлены, а Калмыков признал власть адмирала Колчака⁴⁵.

В целом в отношении казачьего самоуправления показательно принятая Верховным правителем адмиралом Колчаком особая «Грамота казачьим войскам» (1 мая 1919 г.), гарантировавшая всему «российскому казачеству» право самоуправления, посредством признания выборности войсковых парламентов и атаманов. Этой же «Грамотой» подтверждалась «незыблемость всех правовых особенностей земельного быта казаков, образа их служения, уклада жизни и управления военного

⁴³ Временное Положение об управлении Терским Войском. Владикавказ, 1919. С. 1—7.

⁴⁴ Масынов Л. Л. Гибель Уральского казачьего войска // Казачий Круг. 1991. Вып. 1. С. 50; Коноватов В. Уральцы (за полтора года борьбы). Омск, 1919. С. 20—21, 24—28.

⁴⁵ Савченко С. Н. Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 43, 47—63, 113—114, 121—125.

и гражданского, слагавшихся веками», «неприкосновенность занимаемых казачьими войсками земель и прав их на владение и распоряжение этими землями»⁴⁶.

При всей демократичности системы войскового самоуправления одним из наиболее сложных вопросов внутренней жизни казачьих регионов на протяжении всей Гражданской войны оставался «иногогородний». Суть его заключалась в уравнивании социального статуса всех жителей казачьих областей с собственно казачьим сословием. Политика советской власти строилась на принципах «расказачивания», то есть ликвидации особых сословных прав и обязанностей казачества. В то же время политику Белого движения отличало следование принципам «оказачивания», то есть предоставления «иногогородним» казачьих сословных признаков. В сентябре 1918 г. Донской Круг принял решение о возможности перевода «иногогородних» в казачье сословие при обязательной их службе в рядах «сражающихся с большевиками армий». Более тысячи человек было принято в «войсковое сословие» за период с августа 1918 по январь 1919 г. Был разработан законопроект «О гражданстве» на территории Войска Донского, предусматривавший введение общего статуса «гражданина Донской области» как для казаков, так и для «иногогородних». Однако в 1919 г. осуществить его не удалось.

Аналогичные решения принимались в казачьих войсках на Востоке России. Иногогородние наделялись равными избирательными правами с казаками в Сибирском войске. При создании, с санкции Колчака, Енисейского и Иркутского казачьих войск многие села «оказывались», переводились в разряд станиц. Но массового характера данная тенденция не получила.

Еще одним вариантом решения «иногогороднего вопроса» стало установление равенства в представительстве казачьего и неказачьего населения в политической и экономической сферах («паритет», введенный на Дону в конце 1917 г., при создании коалиционного правительства с одобрения Большого Круга и атамана Каледина)⁴⁷.

В конце 1918 — начале 1919 г. на белом Юге шли процессы сближения казачьих структур и командования Добровольческой армии не только в военном, но и в политическом отношении. Важным этапом в объединении стало признание на Дону верховенства военного руководства в лице генерала Деникина (кубанские вооруженные формирования признали приоритет добровольческого командования еще в период 1-го Кубанского похода). И если летом — осенью 1918 г. довольно популярной была идея создания Юго-Восточного Союза, в котором деникинское правительство имело бы равные права с казачеством, то в конце года Деникин и Особое Собрание настаивали уже на подчинении. Главком Добровольческой армии ссылался при этом на признание своей власти странами Антанты (хотя и не официальное), на военные успехи на Северном Кавказе, а также на необходимость единоличного командования в условиях расширения масштабов боевых операций. В речи на заседании Кубанской Краевой Рады (1 ноября 1918 г.) Деникин заявлял: «Пора бросить споры, интриги и местничество [...]. Не должно быть Армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская Армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью, и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти». И после пере-

⁴⁶ Правительственный вестник. Омск, 1919. № 131, 9 мая.

⁴⁷ Каклюгин К. П. Войсковой атаман А. М. Каледин и его время // Донская летопись. [Вена], 1923. № 2. С. 151—152; Он же. Донской атаман Краснов и его время // Донская летопись. [Белград], 1924. № 3. С. 115; Временное Положение о порядке перехода в казаки и образовании поселков и станиц. Минусинск, 1919. С. 1—6.

говоров делегаций Дона и Добровольческой армии, 8 января 1919 г., приказом № 1 Деникин объявил о «вступлении в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России». Так были созданы Вооруженные силы Юга России (ВСЮР), а главнокомандующий Добровольческой армией стал главнокомандующим ВСЮР. Было достигнуто формальное военнополитическое единство белого Юга⁴⁸.

В течение 1919 г. интенсивно работала Южнорусская конференция, разрабатывавшая проекты федеративного устройства будущей России. Признавалось необходимым сочетать принципы областного устройства с казачьим самоуправлением. Работы конфе-

ренции не были завершены, однако главным предварительным итогом следовало считать сохранение структур местной представительной и исполнительной власти (атаманы и «парламенты»). Далеко не последнее значение имело официальное признание Деникиным верховной власти адмирала Колчака (приказ № 145 главкома ВСЮР от 12 июня 1919 г. и последующее его назначение «заместителем» верховного главнокомандующего). Теперь при переговорах с казачьими делегациями ссылка на верховное руководство Омска поддерживала авторитет Деникина в отношении к южнорусским «государственным образованиям»⁴⁹.

«Смена курса» государственной политики на завершающем этапе Белого движения

Поражения белых армий на всех фронтах осенью 1919 г. диктовали необходимость перемен во внутренней политике. Для достижения военных успехов признавалась необходимой не столько «единоличная власть», сколько расширение ее социальной базы, «сотрудничество с общественностью», лояльной в отношении к Белому делу. Колчак решил преобразовать Государственное экономическое совещание в Государственное земское совещание, выборный представительный орган, получавший право законодательной инициативы и запросов в отношении политики правительства. В начале ноября, в условиях наступления Красной армии, Российское правительство переехало в Иркутск. 23 ноября новым премьером В. Н. Пепеляевым был

предложен Колчаку проект реорганизации Совета министров, усиливавший полномочия этого органа. В декабре популярной стала идея созыва Всесибирского Земского Собора или восстановления полномочий Сибирской областной думы⁵⁰.

Но это не спасло власть Верховного правителя. В конце декабря вспыхнуло антиколчаковское восстание в Прибайкалье, власть в Иркутске перешла к эсеровскому Политическому центру. 4 января 1920 г. Колчак заявил о передаче полномочий Верховного правителя и Верховного главнокомандующего Деникину, а атаману Семенову передавались полномочия руководителя Российской Восточной окраины⁵¹. Колчак и Пепеляев были арестованы и 7 февраля расстреляны по ре-

⁴⁸ Поляков И. А. Донское казачье войско в борьбе с большевиками. Мюнхен, 1963. С. 339—353; Вечернее время (Ростов н/Д.). 1918. № 157, 28 дек.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 37. Л. 3—5, 49—50, 63—65.

⁵⁰ Правительственный вестник (Омск). 1919. № 276, 7 нояб.; Якушев И. А. Комитет содействия созыву Земского Собора // Сибирский архив. Т. 2. Прага, 1929. С. 76—77, 88—90.

⁵¹ Борисов Б. Дальний Восток. Вена, 1921. С. 17.

шению Иркутского ревкома, принявшего власть от Политцентра.

В условиях углубляющегося кризиса власти в Северной области осенью 1919 г. обсуждалась идея создания представительного органа, не завершившаяся ничем. В конце января — феврале 1920 г. были предприняты последние попытки реорганизации власти с участием губернского земского собрания и главнокомандующего генерала Е. К. Миллера. Но созданному новому правительству с участием умеренных социалистов суждено было просуществовать лишь несколько дней. 16 февраля 1920 г. состоялось его первое заседание, а 19 февраля белый Архангельск пал⁵².

Еще более радикальные перемены произошли на Юге. В течение октября—ноября 1919 г. Деникин еще выступал с позиций усиления диктатуры и бескомпромиссно подавил оппозицию в Кубанской Раде, приняв решение об аресте нескольких ее членов (Л. Л. Быч, В. Д. Савицкий, А. А. Намитоков, А. И. Калабухов), совершивших акт «государственной измены» (переговоры с представителями непризнанной республики горских народов в Париже). Позднее депутат Калабухов был казнен, атаман А. П. Филимонов ушел в отставку, а его преемником стал генерал-майор Н. М. Успенский, поддерживавший Деникина. В декабре главком ВСЮР издал «Наказ» Особому Совещанию, в котором подтверждались приоритеты диктаторской власти, говорилось о необходимости направить «все силы, средства — для армии, борьбы и победы»⁵³.

Однако после отступления белых армий за Дон, потери Ростова и Новочеркасска Деникин заявил о «смене курса». 18 января 1920 г. собравшийся в Екатеринодаре Верховный Круг Дона, Кубани и Терека принял решение о создании «южнорусской власти» на основе соглашения с казачеством. Особое Совещание заменялось Южнорусским правительством во главе с бывшим членом Учредительного собрания, главой донского правительства Н. М. Мельниковым. В состав правительства был введен прибывший из Парижа Н. В. Чайковский. Деникин сохранял за собой лишь военные полномочия. Правительственная программа предполагала «демократические преобразования», в том числе «земельную реформу». Но после поражения белых армий на Кубани и эвакуации в Крым Деникин распустил Южнорусское правительство (29 марта 1920 г.)⁵⁴.

С весны 1920 г. наступил последний этап в истории белой государственности, связанный с деятельностью правительств на окраинах России — в Крыму, Забайкалье и Приморье. Данный период отличался сочетанием принципов диктатуры и элементов представительных структур, попытками создания политических коалиций. В белом Крыму произошла смена руководства: 4 апреля Военный совет в Севастополе принял отставку Деникина и высказался за генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля в качестве преемника в должности главкома ВСЮР. Врангель заявил о невозможности скорого «похода на Москву» и о необходимости безотлагательного проведения ряда

⁵² ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 25. Л. 147, 149—149 об.; Возрождение Севера. 1920. 12 февр.; Северное утро (Архангельск). 1920. 13 февр.; За Россию. 1920. 15 февр.; Соколов Б. Падение Северной области // Архив русской революции. Т. IX. Берлин, 1923. С. 56—57; Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Т. 3. Берлин, 1921. С. 121.

⁵³ ГАРФ. Ф. 6611. Оп. 1. Д. 4. Л. 193—193 об.; Организация власти на Юге России в период гражданской войны (1918—1920 гг.) // Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922. С. 247—249.

⁵⁴ Л. Б. Городское самоуправление в Крыму в 1919 и 1920 гг. // Местное самоуправление. Вып. 1. Прага, 1925. С. 268—269.

Главнокомандующий Русской армией генерал-лейтенант П. Н. Врангель
в расположении 5-го авиаотряда. Крым. 1920 г.
Фотограф не установлен. РГАКФД

реформ, прежде всего земельной. Налицо был отказ от «испременения». Врангель являлся сторонником единоличной власти, однако для оперативного управления «гражданской частью» 11 апреля 1920 г. им был создан Совет при главнокомандующем, выполнявший первоначально совещательные функции. Персональный состав врангелевского правительства стал более правым в сравнении с Особым Совещанием. Кадеты, представители Национального центра перестали играть ведущую роль. В органах власти работали либо беспартийные, либо члены Совета государственного объединения России: генерал-лейтенант

В. Е. Вязьмитинов (военное управление), вице-адмирал А. М. Герасимов (морское), С. Д. Тверской (гражданское), П. Б. Струве (иностранных сношений), М. В. Бернацкий (финансов), Н. Н. Таганцев (юстиции), Н. В. Савич (государственный контролер), В. С. Налбандов (управление торговли и промышленности), Г. В. Глинка (управление земледелия и землеустройства). Проведение реформ позволяло назвать политический курс Врангеля «левой политикой правыми руками».

Возглавлял Совет помощник главнокома генерал-лейтенант П. Н. Шатилов, однако в июне главой гражданской власти

стал бывший глава управления земледелия в Российской империи и бывший помощник П. А. Столыпина А. В. Кривошеин.

Возросла роль Правительствующего Сената, санкционировавшего основные решения власти. 24 марта Сенат указал, что генералу Врангелю, как «новому народному вождю... отныне принадлежит вся полнота власти, военной и гражданской, без всяких ограничений». Сенатом были утверждены акты по земельной реформе от 27 июня 1920 г.⁵⁵

Летом 1920 г., в результате успешных боевых операций, наметилась перспектива возвращения белыми армиями казачьих областей. В этой связи Врангель ввел в состав Совета представителей Дона, Кубани, Терка и Астрахани (А. П. Богаевского, В. Н. Иваниса, Г. А. Вдовенко, В. П. Ляхова). 4 августа в Севастополе было торжественно подписано соглашение с казачьими лидерами, вошедшими в состав Совета, который после этого был переименован в Правительство Юга России. Начал осуществляться федеративный принцип в организации власти, причем если финансы, военное командование оставались в ведении Врангеля, то проведение хозяйственной политики переходило к регионам.

Главными во внутренней политике Врангеля стали земельная и земская реформы, ориентированные на максимальное возможный быстрый эффект. Первая строилась на основе признания совершившегося после 1917 г. «черного передела» и переводила аграрные отношения в русло закрепления за крестьянами «захваченной» ими земли за выкуп государству (в разме-

ре «пятикратного среднего от урожая зерновых текущего года» в данном районе). Распределением земли ведали избираемые крестьянами земельные советы. Осуществление реформы должно было привести к утверждению крестьянина-собственника как основного производителя товарной продукции. Государство выступало посредником между бывшими собственниками и крестьянами⁵⁶.

Земская реформа стала продолжением земельной, основываясь на принципе «кому земля — тому и распоряжение земским делом». Предполагалась передача основных полномочий местного самоуправления избираемому волостному земству, преимущество в котором получали крестьяне-собственники⁵⁷.

Полномочия губернского земства передавались уездному. По воспоминаниям председателя Таврической губернской земской управы кн. В. А. Оболенского: «губернское земство совершенно упразднялось [...], уездным земствам лишь предоставлялось право в случае признанной ими необходимости объединяться в деловые союзы по отдельным отраслям хозяйства [...]. Волостное земство восстанавливалось, но покоящееся не на всеобщем избирательном праве, а на минимальном цензе владения недвижимым имуществом, причем ценз являлся обязательным условием, как активного, так и пассивного избирательного права. Таким образом, бесцензовая земская интеллигенция устранялась от решающего влияния в земских делах»⁵⁸.

Врангелевским правительством был разработан проект школьной реформы, ис-

⁵⁵ Врангель П. Н. Записки. Ч. 2 // Белое дело: Летопись белой борьбы. Т. VI. Берлин, 1928. С. 23—24.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 27. Л. 71; Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России о Земле. От 25 мая 1920 года (со всеми дополнениями) // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. VI. Берлин, 1928. С. 243—250.

⁵⁷ Крестьянский путь (Симферополь). 1920. № 1, 11 авг.

⁵⁸ Оболенский В. А. Земства в Крыму во время гражданской войны // Местное самоуправление. Вып. 1. Прага, 1925. С. 286—287.

ходившей из унификации обучения в мужских и женских учебных заведениях, а также из перспектив введения всеобщего начального образования⁵⁹.

Успех проводимых и намеченных реформ зависел от положения на фронте.

После поражения в ходе Перскопско-Чонгарской операции в ноябре 1920 г. армия Врангеля и десятки тысяч гражданских беженцев эвакуировались в Константинополь, и 11 ноября Правительство Юга России прекратило работу.

Белая государственность в Забайкалье и на Дальнем Востоке

В Забайкалье, где весной—осенью 1920 г. существовал режим атамана Г. М. Семенова, прошла эволюция от военной диктатуры к системе управления с влиятельными общественно-политическими структурами. В начале года, опираясь на полномочия, полученные от Колчака, Семенов действовал исходя из приоритетов военной власти. Его помощником по гражданской части был кадет С. А. Таскин. Но уже в начале июня в Чите приступило к работе Краевое Народное совещание. И хотя выборы в него проводились с цензовыми ограничениями и функции предполагались законосовещательными, создание регионального представительного органа отличало режим атамана Семенова от классической диктатуры. В качестве общественной опоры власти активно работал Крестьянский Союз России⁶⁰.

Существенно ослабили позиции атамана после ухода из Забайкалья японских войск, оказывавших ему военную поддержку. В августе—сентябре 1920 г. Семенов согласился на расширение полномочий Краевого Совещания. Совещание было переименовано в Собрание с наделением его законодательными функциями. В краевом парламенте усилилась оппозиция и в сентябре Семенов отказался от своих полномочий главы военной и гражданской власти, сохранив за собой статус атамана Забайкальского казачьего войска. В ноябре Семенов

отдал приказ-призыв о прекращении Гражданской войны, и остатки белых армий отступили в Маньчжурию.

В Приморье белая государственность просуществовала до ноября 1922 г. Администрация Колчака (генерал Розанов, атаман Калмыков) была упразднена здесь в феврале 1920 г. Политический режим Дальневосточной республики, существовавший в 1920—1921 гг., допускал многопартийность, и весной 1921 г. во Владивостоке сложился оппозиционный Несоциалистический блок общественных организаций, поддержанный бывшими бойцами белых армий. В результате в мае в городе произошел переворот под руководством генерал-лейтенанта Д. А. Лебедева, сформировавшего Национальный революционный комитет. Несмотря на влияние военных, ревком передал власть Совету Съезда представителей несоциалистического населения. На его основе создано Временное Приамурское правительство во главе с братьями С. Д. и Н. Д. Меркуловыми (первый — юрисконсульт городской управы, второй — член местной торгово-промышленной палаты). Восстанавливалось колчаковское законодательство в судебной системе и самоуправлении. Представительную власть выражало выборное Народное Собрание. Предполагалось, что оно будет «осуществлять законодательную

⁵⁹ Юг России (Севастополь). 1920. № 125, 28 авг.

⁶⁰ Борисов Б. Дальний Восток. Вена, 1921. С. 23—28.

власть совместно с Временным Приамурским Правительством», и «ни один закон не может воспринять силу без принятия его Народным Собранием и без одобрения его Временным Приамурским Правительством».

Правительство заявило о возврате к системе выборов в Учредительное собрание 1917 г., хотя «противогосударственные партии» (большевики, анархисты, левые эсеры) из них исключались. За отказ от голосования полагался штраф. В городах вводилась пропорциональная система выборов, а в селе — мажоритарная⁶¹.

Победу на выборах в Народное собрание одержали проправительственные Национал-демократический блок и правый блок Несоциалистического Съезда. Оппозицией стали центристский Демократический Союз и группа Дальневосточного комитета сибиряков-областников. С. Меркулов в речи на открытии Собрания (21 июля 1921 г.) отметил, что «возрождение Приморья [...], этой маленькой точки на необъятном пространстве России [...], родит надежду, и влед за ним последует повсюду возрождение [...] путем внутренней непримиримой борьбы с той разрушительной силой, которая задалась целью [...] разрушить нашу Родину»⁶².

Боевых действий против Советской России и ДВР не велось, но к концу года, в связи с ростом повстанческого движения в Сибири, правительство решило воспользоваться этим, чтобы расширить территорию. Под названием «Белоповстанческой армии» бывшие части колчаковцев начали наступление на Хабаровск и к началу января 1922 г. успешно продвинулись в Приамурье. Однако после поражения под Во-

лочасевкой и отступления к Владивостоку авторитет власти упал. В июне 1922 г. Собрание выступило против правительства, предлагая провести выборы Учредительного съезда с участием большевиков. Собрание объявило правительство «низложенным», а С. Д. Меркулов распустил Собрание. В условиях политического раскола было решено вернуться к «единоличной власти». Во Владивосток из Харбина пригласили генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, бывшего главнокомандующего Восточным фронтом осенью 1919 г., председателя Комиссии по расследованию обстоятельств гибели царской семьи, известного своими монархическими взглядами.

«Вручил власть» Дитерихсу Приамурский Земский Собор, созданный на основе делегирования представителей от отдельных сословий и организаций (члены правительства, епископат, генералитет, представители казачества, высшей школы, старообрядческих общин, профсоюзов, сельских обществ). Собор стал последним примером представительной власти в истории Белого движения.

31 июля Собор утвердил, что «права на осуществление Верховной Власти в России принадлежат династии Дома Романовых», Дитерихс же был избран Правителем Приамурского земского края⁶³.

8—9 августа генерал издал указы, согласно которым представительная власть в регионе осуществлялась Земской думой и Церковным собором. Основой местного самоуправления становился церковный приход. Армия была переименована в Земскую рать и Дитерихс стал ее Воеводой⁶⁴.

В сентябре—октябре после неудачных боев в Приморье и эвакуации японских

⁶¹ Положение о выборах в Приамурское Народное Собрание // Приложение к Указу Временного Приамурского правительства от 14 июня 1921 г. № 13.

⁶² Приамурское Народное Собрание. Сессия I. 1-е заседание. 21 июля 1921 г. [Б.м., б.г.]. С. 2—5.

⁶³ ГАРФ. Ф. 5194. Оп. 1. Д. 4. Л. 169; Русская Армия (Владивосток). 1922. № 159, 11 авг.

⁶⁴ Филимонов Б. Конец Белого Приморья. [Б.м.], 1971. С. 72—73.

Воевода Земской рати генерал-лейтенант М. К. Дитерихс и сопровождающие его лица на торжественном молебнии в день открытия Земского собора. Владивосток. 8 июня 1922 г.
Кинооператор М. И. Зувев. РГАКФД

войск существование земского края оказалось под угрозой. Отказавшись от переезда на Камчатку или в Охотск, бывший еще под контролем белых, Дитерихс приказал отступать в Китай. 26 октября был оставлен Владивосток, а 3 ноября последние белые отряды ушли в Маньчжурию. В России осталась Сибирская Добровольческая дружина генерала Пеняева, сражавшаяся в Якутии до июня 1923 г. История белой государственности завершилась.

Таким образом, в годы Гражданской войны на подконтрольной Белому движе-

нию территории было создано несколько государственных образований, формально подчинявшихся Верховному правителю адмиралу Колчаку, но фактически существовавших самостоятельно. Все они представляли собой военную диктатуру, целью которой была борьба с большевиками, которую они вели самостоятельно, опираясь на собственные возможности и ресурсы. Белая государственность предполагала принципиальное решение основных социально-экономических и общественно-политических проблем после победы в войне.

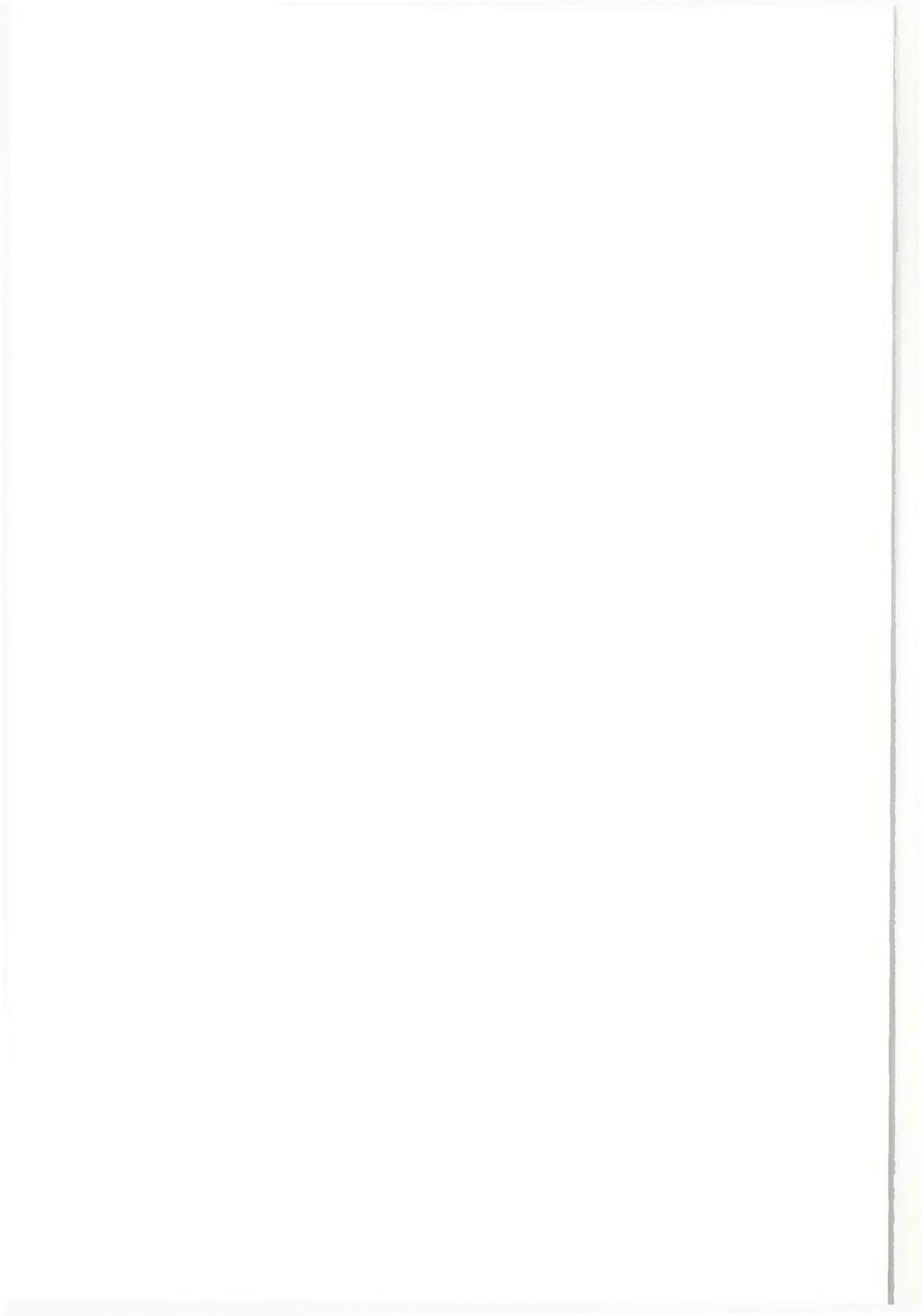
Государственность красных и белых — основных противников в Гражданской войне — имела общие и особенные черты. Их объединяло стремление использовать все возможности государственной власти для организации борьбы с противником, и они пошли по пути ее централизации и превращения в военную диктатуру, что было естественно в данной ситуации. В то же время между государственностью красных и белых были принципиальные различия. Основой советской государственности, ее неотъемлемой частью, «душой» установившегося в Советской России полити-

ческого режима являлась партия большевиков, многочисленная, дисциплинированная, организационно готовая к работе в условиях военного времени, возглавляемая выдающимися лидерами, превосходящими по своим организаторским способностям разобщенных лидеров Белого дела. В отличие от своих противников большевики смогли создать колоссальный и управляемый госаппарат, с помощью которого удалось сконцентрировать и направить на военные цели материальные и людские ресурсы. В конечном итоге это и обеспечило им победу в Гражданской войне.

Часть II

СПЕЦСЛУЖБЫ И РЕПРЕССИВНО- КАРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН

Организация и деятельность Всероссийской чрезвычайной комиссии достаточно широко отражена в отечественной историографии, а также в литературе русского зарубежья.

Первые публикации появились еще во времена существования ВЧК и ОГПУ, авторами этих работ являлись лидеры большевиков и сами чекисты¹. Издания того времени были небольшими по объему, но имели ярко выраженный публицистический характер и имели крайне слабую научную составляющую. В 1930-х гг. в условиях растущей закрытости общества выпускаемая литература о чекистах приобрела свою специфику. Она посвящалась борьбе органов госбезопасности с различными заговорами и вредительством².

Настоящий подъем интереса к рассматриваемой проблематике начинается с середины 1950-х гг. Все представители советской исторической науки исходили из исключительно позитивной роли Коммунистической партии и чекистских органов в жизни советского общества³. В 1960-х гг. наблюдается рост публикаций архивных документов⁴. Первой и единственной в советский период фундаментальной работой по истории ВЧК является монография А. С. Велидова⁵.

В 1990-х гг. кризис советской методологии привел к крушению многих исторических концепций советского общества. В этот период на первый план выступает тема «красного террора». Анализируется роль политических факторов в возникно-

¹ Антипов Н. Очерки из деятельности Петроградской ЧК // Петроградская правда. 1919. 1, 3, 4, 5, 7, 12, 15, 22 янв.; Лацис (Судрабс) М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 156—158; Мороз Г. ВЧК и Октябрьская революция // Власть Советов. 1919. № 1; Климов М. Е. Контрреволюционные организации эпохи Гражданской войны. М., 1928; Артузов А. Х. Лекции по истории ВЧК—ОГПУ: Стенограммы 1928 года. [Б.м.], 1928; и др.

² 20 лет ВЧК—ОГПУ—НКВД. М., 1938; Минаев В. Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. М., 1940; Панферов В. Разгром «левых» эсеров. М., 1940; и др.

³ Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М., 1965; Дорошенко И. А. История органов и войск государственной безопасности СССР: В 2 ч. М., 1959—1960; Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917—1922 гг.). М., 1960; Венедиктов Б. Н. Очерки по истории особых отделов ВЧК—ОГПУ (1918—1925 гг.). М., 1960; Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: В 2 кн. М. 1975; Васильев И. И. Истоки // Военные контрразведчики. М., 1978; и др.

⁴ В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917—1922 гг.). М., 1975; Внутренние войска Советской Республики (1917—1922 гг.): Документы и материалы. М., 1972; Советская военная контрразведка: Сборник документов. Вып. 1: 1918—1922 гг. М., 1978; и др.

⁵ Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК (1917—1920 гг.). М., 1970.

влении ВЧК⁶. Среди научных работ того периода необходимо отметить исследование А. М. Плеханова⁷.

Вызывает недоумение появление в это время работ, в которых изложение материала имеет односторонне критический характер по отношению к ВЧК⁸. Их анализ показывает слабое применение авторами исследовательского инструментария. По обоснованному мнению В. И. Голдина, в начале 1990-х гг. наблюдалось целое «идеологическое наступление» на системы органов советской госбезопасности⁹. Эти зачастую голословные выводы и интерпретации нуждаются в переосмыслении, а нередко и в кардинальной переоценке. В последние десятилетия исследователи активно работают в этом направлении¹⁰. В частности, столетие Великой российской революции, Гражданской войны в России и ВЧК способствовали выходу в свет ряда работ, где приводятся новые факты о деятельности ВЧК в указанный период и со-

держатся более взвешенные ее оценки, основанные на анализе достоверных источников, впервые введенных в научный оборот¹¹.

25 октября 1917 г. партия большевиков во главе с В. И. Лениным успешно осуществила вооруженное восстание. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов объявил о передаче власти Советам. Непосредственное руководство восстанием осуществлял Петроградский военно-революционный комитет (ВРК), одними из важнейших задач которого были охрана революционного порядка и борьба с контрреволюцией¹².

Первоначально Ленин и его сторонники не планировали создавать специальных служб нового государства¹³. Однако реалии политической борьбы заставили их пересмотреть свои взгляды. Это было связано с тем, что в начале декабря 1917 г. были получены сведения о подготовке низложенным Временным правительством забастов-

⁶ Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. Казань, 1995; Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917—1941). Уфа, 1994; Ратьковский В. С. Всероссийская чрезвычайная комиссия и политика красного террора в Советской России в 1918 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996; Леонов С. В. Рождение советской империи: Государство и идеология. 1917—1922 гг. М., 1997; и др.

⁷ Плеханов А. М. Деятельность ВЧК—ОГПУ в первой половине двадцатых годов. 1921—1925 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.

⁸ Красный террор в годы гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. М., 2013; Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917—1922. М., 2008; и др.

⁹ Голдин В. И. Россия в гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е гг.). Архангельск, 2000. С. 171.

¹⁰ Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). М., 2006; Он же. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ (1918—1953 гг.). М., 2016; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926. М., 2007; Скоркин К. В. На страже завоеваний Революции. Местные органы НКВД—ВЧК—ОГПУ. 1917—1923: Справочник. М., 2010; Христофоров В. С. История советских органов госбезопасности 1917—1991 гг.: Учебное пособие. М., 2015; Зданович А. А. К вопросу изучения истории ВЧК—НКВД на современном этапе: Полемические заметки // Клио. СПб., 2018. № 3 (135). С. 196—205; и др.

¹¹ ВЧК (1917—1922 гг.): К столетию создания. М., 2017; Политбюро и органы государственной безопасности: Сборник документов. М., 2017; Мозохин О. Б. Сталин и органы государственной безопасности. М., 2017; Он же. ВЧК—ОГПУ—НКВД: На защите экономической безопасности государства. 1917—1941 годы. М., 2018; Исторические чтения на Лубянке: 100-летие ВЧК. Уроки истории. М., 2018; Леонов С. В. Историография ВЧК // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 59—88; и др.

¹² Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы. М., 1966. Т. I. С. 351.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 42, 90—91.

ки служащих государственных учреждений во всероссийском масштабе. Для предотвращения этой акции возникла необходимость в создании органа борьбы с контрреволюцией, подчиненного непосредственно СНК и имевшего более широкие права, чем у военно-революционного комитета¹⁴. Эта реформа была также вызвана необходимостью исключения участия в нем левых эсеров, с которыми у большевиков возникали разногласия в ВРК.

18 декабря 1917 г. ВРК прекратил свое существование.

На следующий день СНК принял решение о создании особой комиссии. На пост ее председателя предлагалась кандидатура Ф. Э. Дзержинского, которому В. И. Ленин написал записку о необходимости принятия срочных мер для противодействия угрозе саботажа.

20 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров на заседании под председательством Ленина заслушал доклад Дзержинского об организации и составе комиссии, постановил назвать ее Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК и утвердил ее состав.

Общее руководство ВЧК осуществлялось Коллегией и Президиумом во главе с председателем. Первоначально под руководством коллегиальным органом понималось заседание членов ВЧК. Только 15 ноября 1918 г. Президиум принял положение о Коллегии ВЧК, персональный состав которой был официально утвержден 27 марта 1919 г. постановлением СНК РСФСР¹⁵.

В первое время аппарат ВЧК был небольшим, численностью 40 человек. На организационном заседании была определена первоначальная структура Комиссии, кото-

рая состояла из трех отделов: информационного (сбор политической и оперативной информации), организационного (организация деятельности), отдела по борьбе с контрреволюцией и саботажем¹⁶. Однако почти сразу, под влиянием складывающейся обстановки в столице, был образован Отдел по борьбе со спекуляцией, а в конце января 1918 г. в Отделе по борьбе с контрреволюцией был создан Банковский подотдел для борьбы с преступлениями по должности банковских чиновников. Позже на базе этого подотдела был создан Отдел по борьбе с преступлениями по должности.

Структура ВЧК впоследствии неоднократно менялась. Согласно постановлению I Всероссийской конференции, прошедшей 12 июня 1918 г., она была уточнена и стала состоять из четырех линейных отделов: Иногородного, Контрреволюционного, Спекулятивного, Преступлений по должности и трех вспомогательных: Хозяйственного, Комendantского, Автомобильного. Был создан Особый корпус войск ВЧК, его руководство возлагалось на председателя ВЧК и штаб. В корпус входило 35 батальонов, которые на местах поступали в распоряжение председателей губернских ЧК¹⁷.

ВЧК с момента ее образования работала в теснейшем контакте с аппаратом Центрального Комитета РКП(б), информируя ЦК и Ленина о принципиальных вопросах обеспечения государственной безопасности, о конкретных мероприятиях по предупреждению и пресечению подрывной деятельности враждебных сил.

В это время непосредственно лидер большевиков определял основные направления ее работы, а в ряде случаев осуществлял прямое руководство мероприятиями чекистских органов по борьбе

¹⁴ Соколов А. С. От Петроградского военно-революционного комитета к Всероссийской чрезвычайной комиссии // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2019. № 2. С. 134—141.

¹⁵ Архив ВЧК: Сборник документов. М., 2007. С. 294.

¹⁶ Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926: Сборник документов. М., 2007. С. 12.

¹⁷ Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991: Справочник. М., 2003. С. 312—313.

с вооруженными выступлениями против Советского государства его внутренних и внешних врагов. Поэтому, оценивая роль органов безопасности в ноябре 1918 г. Ленин, выступая на митинге-концерте сотрудников ВЧК, отмечал: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом»¹⁸.

В конце 1918 — начале 1919 г. в ВЧК были созданы Секретно-оперативный, Следственный (с 21 марта по 26 июня 1919 г. был упразднен), Транспортный, Особый, Оперативный, Инструкторский отделы, Бюро информации и Контрольно-ревизионная коллегия. К 24 января 1919 г. штат Центрального аппарата разрастается до 493 человек, а коллегия до 21 человека¹⁹.

На 1 декабря 1921 г. структура ВЧК включала пять управлений — Управление делами, Административно-организационное управление, Секретно-оперативное управление, Экономическое управление, Управление войск ВЧК и пять отделов — Транспортный, Снабжения, Специальный отдел (шифры), Следственная часть и второй Специальный отдел (по охране). При этом Президиум ВЧК не был выделен в качестве самостоятельной единицы²⁰.

Создание местных чрезвычайных комиссий началось в феврале 1918 г. В январе 1918 г. ВЧК направила в местные Советы телеграмму, в которой предлагалось немедленно создать отделы по борьбе с контрреволюцией и установить связь с ВЧК²¹.

Одной из первых была образована Московская ЧК. Вслед за ней стали создаваться отделы и комиссарнаты по борьбе с контрреволюцией в других городах, как правило они возникали в моменты наибольшего обострения политической обстановки.

7 марта 1918 г. в связи с предстоящим переездом в Москву ВЧК приняла решение о создании Петроградской ЧК. 9 марта образуется отдел по борьбе с контрреволюцией при Омском Совете. Возникают Пензенская, Пермская, Новгородская, Череповецкая, Ростовская и Таганрогская чрезвычайные комиссии.

18 марта было принято решение о преобразовании Организационного отдела в иногородний, который стал координировать работу местных чрезвычайных комиссий. Спустя несколько дней в «Известиях ВЦИК» было опубликовано постановление ВЧК о создании чрезвычайных комиссий на местах.

Создание губернских чрезвычайных комиссий в основном завершилось в августе 1918 г. В это время в РСФСР было 38 губчека²². Наряду с губернскими ЧК весной 1918 г. были созданы чрезвычайные комиссии Западной и Уральской областей, Союза коммун Северной области, Сибири, Кубано-Черноморской (затем Северо-Кавказской) республики.

Уездные и районные чрезвычайные комиссии начали образовываться в мае 1918 г. I Всероссийская конференция ЧК приняла «Основные положения об организации чрезвычайных комиссий» не только при областных и губернских, но также при крупных уездных Советах.

В августе 1918 г. насчитывалось 75 уездных чрезвычайных комиссий²³, а к кон-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. М., 1969. С. 174.

¹⁹ Отчет Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 г. — 20 декабря 1921 г.). М., 1921. С. 83.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 42. Л. 34—36.

²¹ Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК. 1917—1920 гг. С. 72.

²² Известия ВЦИК. 1918. 28 авг.

²³ Там же.

цу года 356²⁴. Кроме того, в районах крупных городов, в некоторых поселках и селах с развитым промышленным производством создавались районные ЧК. В это же время начали возникать волостные чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, изготовлением и продажей самогона, были учреждены должности волостных чрезвычайных комиссаров.

К осени 1918 г. местный чекистский аппарат включал в себя областные, губернские, уездные, районные, волостные ЧК, районных и волостных чрезвычайных комиссаров. В систему местных чекистских органов входили пограничные ЧК. Одной из важных особенностей формирования аппарата ЧК на местах был стихийный характер их образования. На первых порах штатная структура не учитывала административно-территориальное деление страны. Были случаи образования ЧК при заводах или структур, не имеющих никакого отношения к ВЧК. Необходимо отметить, что период первых месяцев был не простым, что предопределило в том числе наличие ошибок в деятельности чекистов.

В сентябре 1918 г. было принято «Положение ВЧК о губернских и уездных чрезвычайных комиссиях», согласно которому в структуру местных органов предписывалось в обязательном порядке включить: отдел по борьбе с контрреволюцией, отдел по борьбе со спекуляцией, отдел по борьбе с преступлением по должности и иного родный отдел. Впоследствии система местных органов ВЧК неоднократно реформировалась.

В октябре 1918 г. ВЧК упразднила волостные ЧК, а также институт чрезвычайных комиссаров, а 7 января 1919 г. Президиум ВЧК постановил упразднить и уездные чрезвычайные комиссии. После их ликви-

дации ответственность за борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности на территории губерний ВЧК возложила на губернские ЧК. Эта реформа, с одной стороны, имела целью централизовать деятельность местных ЧК для минимизации имевших место ошибок в их деятельности, а с другой — добавила проблем чекистам в связи с очередной реорганизацией.

Необходимо отметить, что руководство чрезвычайными комиссиями на местах также занимало важное место в деятельности местных партийных органов. Вопросы, связанные с работой ЧК, постоянно обсуждались на заседаниях областных и губернских бюро ЦК. Так, Нижегородский губком и его президиум с июня 1918 г. до конца 1919 г. рассматривали эти вопросы на 51 заседании, Московский комитет и его исполнительная комиссия с августа 1918 г. по 1920 г. включительно — на 78 заседаниях, Саратовский губком и его президиум — только в 1919 г. на 64 заседаниях²⁵.

11 января 1920 г. Коллегия ВЧК возложила розыскные функции на начальников уездной милиции, которые должны были отвечать за эту работу перед губернской ЧК. 16 января Президиум ВЧК утвердил проект о создании политбюро при уездной милиции. Во главе политбюро должен был стоять начальник уездной милиции, коммунист с не менее чем двухгодичным стажем. Непосредственное заведывание деятельностью политбюро возлагалось на специального помощника начальника милиции.

Уездные политбюро в основном успешно справлялись с возложенными на них задачами. Однако на их работе отрицательно сказывался принцип тройного подчинения — милиции, чекистам и партии, что мешало губернским ЧК оперативно руководить деятельностью бюро. Поэтому в 1921 г.

²⁴ Отчет Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 г. — 20 декабря 1921 г.). С. 83.

²⁵ Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК. 1917—1920 гг. С. 159.

уездные политбюро перешли в непосредственное подчинение губернских ЧК. Их правовой статус был определен приказом ВЧК от 12 июля 1921 г. С этого времени политбюро, ведя борьбу с государственными преступлениями на территории уезда, имели двойное подчинение в лице губЧК и уездного исполкома²⁶.

В 1921 г. в ряде крупных экономических и национальных районов были созданы аппараты полномочных представителей ВЧК, которые руководили работой местных ЧК.

Одной из важных задач в годы Гражданской войны являлось создание специальных органов по борьбе с контрреволюцией и шпионажем в вооруженных силах. Процесс образования этих органов был весьма сложным и длительным.

Летом 1918 г. функции борьбы с nepřательским шпионажем выполняли четыре учреждения, подчиненные различным центральным органам военного и военно-морского управления. Было очевидно, что существование нескольких органов, борющихся с контрреволюцией и шпионажем в воинских частях и военных учреждениях, приводит к распылению сил, порождает трения и конфликты. Необходимо было эти функции сосредоточить в одном ведомстве.

Такой орган с большим трудом был создан в лице Особого отдела республики, который затем был преобразован в Особый отдел ВЧК. Этому способствовали не только успешные операции чекистов в борьбе со шпионажем, но и наличие во многих делах прямой связи шпионажа, контрреволюции и спекуляции. 6 февраля 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил «Положение об Особых отделах при ВЧК». Его структура была определена следующим образом: Особый отдел ВЧК, Особый отдел фронта и Особый отдел армии, а также особые

отделы в губернских ЧК. В декабре 1919 г. «Инструкция Особого отдела ВЧК» дополнительно отразила особые отделения, особые пункты и особые бюро²⁷.

Весной 1920 г. компетенция Особого отдела ВЧК расширилась. Возникла необходимость организовать агентурную разведку в эмигрантских кругах за границей, проникновения в разведывательные органы империалистических стран для выявления их антисоветских планов. С этой целью в Особом отделе ВЧК вначале было создано Иностранно-осведомительное бюро, а затем отделение. Позже, 20 декабря 1920 г., на базе Особого отдела был организован Иностранный отдел ВЧК. К концу деятельности ВЧК была построена широкая сеть резидентуры и ее филиалов.

В ноябре 1920 г. Совет Труда и Оборона возложил на Особый отдел ВЧК охрану государственной границы. Для этой цели были созданы особые отделы по охране границ. Особые отделы стали заниматься как политической, так и военной охраной границы. Это усилило борьбу с контрреволюцией, шпионажем, политическим бандитизмом и контрабандой.

В период Гражданской войны большое значение имела работа транспорта. Для обеспечения его нормальной работы в этих сложных условиях необходимо было принятие чрезвычайных мер. Постановлением СНК от 7 августа 1918 г. был организован Железнодорожный отдел при ВЧК, в ведение которого переходила борьба с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями на железных дорогах²⁸.

В стране была создана сеть Железнодорожных отделов при каждой губЧК, отделений на крупных станциях, узлах и конечных пунктах и комиссаров на маленьких станциях. Кроме того, вводилось деление

²⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 10. Л. 21—21 об.

²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 57—58.

²⁸ В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов. 1917—1922 гг. М., 1987. С. 78—79; Известия ВЦИК. 1918. 17 авг.

железной дороги на 8 округов, в которых образовывались окружные железнодорожные отделы²⁹. Формально они входили в состав иногородних отделов, но фактически представляли собой самостоятельные отделы, в значительной степени автономные в своей деятельности.

В ноябре 1918 г. II Всероссийская конференция ЧК постановила образовать при ВЧК Транспортный отдел, который распространял бы свою деятельность не только на железные дороги, но и на водные и шоссейные пути, а также на почтово-телеграфные учреждения. Губернские и областные ЧК, согласно постановлению конференции, сохраняли за собой по отношению к транспортным отделам лишь контрольно-следственные функции³⁰.

В начале 1919 г. уже на всей сети железных дорог и водных путей страны существовали чекистские органы. Кроме транспортных отделов при ВЧК и при губернских ЧК на железнодорожных узлах и крупных станциях были созданы отделения по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (железнодорожные ЧК), а на небольших станциях и пристани назначены комиссары ЧК.

Таким образом, после создания ВЧК дальнейшее развитие и совершенствование ее организационной структуры обуславливалось потребностями применения органов государственной безопасности, в зависимости от внешних и внутренних условий. В годы Гражданской войны был создан мощный аппарат по обеспечению безопасности государства. На 1 октября 1921 г. только в структурах органов ВЧК было 49 991 чел. Кроме того были еще и войска, в составе которых на 1 декабря 1920 г. состояло 68 322 чел.³¹

Необходимо отметить, что неотъемлемой составной частью деятельности РКП(б) по созданию органов ВЧК являлся подбор, расстановка и воспитание кадров, контроль за их работой. Недостаточно было создать аппарат и определить принципы его организации и деятельности. Требовалось укомплектовать его сотрудниками, способными обеспечить проведение в жизнь политической линии партии. В основе комплектования чекистских органов в это время лежал принцип партийности.

Все полномочия ВЧК определялись постановлениями СНК. Постановлением от 20 декабря 1917 г. на чрезвычайную комиссию возлагались задачи по пресечению и ликвидации контрреволюции и саботажа по всей России, преданию суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров, а также выработка мер по борьбе с ними. Ей поначалу было разрешено вести только предварительное расследование. Между тем правовое положение ВЧК в первое время формировалось ситуативно и во многом определялось текущими проблемами, стоявшими перед государством.

Начавшееся в середине февраля 1918 г. германское наступление на Петроград создало чрезвычайную ситуацию. В связи с этим 21 февраля 1918 г. Совнарком принял Декрет «Социалистическое отечество в опасности!». На его основании ВЧК впервые получила право внесудебной расправы над «неприятельскими агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами». Через день к ним добавили «саботажников и прочих паразитов», предупредив, что ВЧК не видит дру-

²⁹ Образование и деятельность местных чрезвычайных комиссий. 1917—1921 гг.: Сборник документов и материалов. М., 1961. С. 282.

³⁰ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921: Сборник документов. М., 1958. С. 226—227.

³¹ Отчет Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 г. — 20 декабря 1921 г.). М., 1921. С. 270—273, 283.

гих мер, кроме беспощадного уничтожения таковых «на месте преступления»³².

Летом 1918 г. в условиях интервенции и Гражданской войны государство ввело смертную казнь по приговорам ревтрибуналов. В это же время усилилась и карательная деятельность чрезвычайных комиссий, которые стали выносить постановления о применении исключительной меры наказания в отношении контрреволюционеров³³. Одновременно вводилась еще одна так называемая мера борьбы — заложничество. Право брать заложников было предоставлено как ВЧК, так и местным органам.

После покушения на жизнь В. И. Ленина, убийства В. Володарского и М. С. Урицкого ВЧК стало применять массовые расстрелы. Расстрелу подлежали все лица, причастные к белогвардейским заговорам. Подлежали изоляции в концентрационные лагеря офицерство, с немногими исключениями — крупные царские сановники, промышленники и банковские тузы, часть духовенства, помещики и «деревенские кулаки»³⁴.

5 сентября 1918 г. принимается Постановление СНК о «красном терроре». Оно как бы ознаменовало собой его начало, но на самом деле «красный террор» начался гораздо раньше и не являлся ответом на белый. Расстрелы заложников, убийство царской семьи это подтверждают. Необходимо отметить, что от «красного террора» не отставал и белый. Жестокости хватало как у одних, так и у других. Эти два процесса шли параллельно с весны 1918 г. Искать правых и виноватых в этом бесперспективно. При этом важно указать, что ситуация

с проведением террора в условиях Гражданской войны и становления Советского государства, как показывают последние исследования³⁵, была более неоднозначная, чем это пытаются представить некоторые современные историки³⁶.

Заметное влияние на становление политики «красного террора» оказало развитие советского уголовного права. Декретом СНК «О суде» от 5 декабря (22 ноября) была учреждена система советских судов, основу которой составляли новое законодательство, а также «революционная совесть и правосознание»³⁷. Столь неопределенная трактовка в построении основ судебной системы породила массу кривотолков и злоупотреблений. К тому же определяющую роль сыграл тот факт, что в советском законодательстве состав преступления по контрреволюционным действиям был определен в ст. 57 Уголовного кодекса РСФСР, принятого только в 1922 г. Отсутствие состава преступления по контрреволюционным делам на практике привело к господству субъективизма, когда определяющим вину доказательством считалась принадлежность обвиняемого к буржуазии и старым господствующим сословиям.

С момента проведения «красного террора» вступила в силу инструкция ВЧК о компетенции районных ЧК, которая предоставляла им право расстрела, но только после утверждения ВЧК. Кроме того, ей предоставлялось право налагать взыскания, такие как тюремное заключение до шести месяцев, штрафы без ограничения. Предоставлялось право конфискации имущества³⁸. После массовых расстрелов

³² Известия ВЦИК. 1918. 23 февр.

³³ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 2. Д. 6. Л. 118.

³⁴ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ (Коллекция печатных изданий). Д. 1121. Л. 74.

³⁵ Соколов А. С. Роль и место органов ВЧК в политике красного террора // Власть. 2019. № 2. С. 211—216.

³⁶ Тепляков А. П. «Непроницаемые недра»: ВЧК—ОГПУ в Сибири 1918—1929 гг. М., 2007; Он же. Деятельность органов ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД (1917—1941 гг.): Историкографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск, 2018.

³⁷ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 124—126.

³⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 2. Д. 37. Л. 2.

заложников полномочия ВЧК в октябре были несколько ограничены.

Положение ВЦИК «О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях» от 28 октября 1918 г. определило правовой статус ВЧК как органа исполнительной власти. Принятие этого документа разрешило коллизию в вопросе подчиненности местных ЧК и ликвидировало почву для имевших место конфликтов с исполкомами. В то же время наличие внесудебных полномочий у ВЧК заметно выделяло ее среди органов исполнительной власти.

В Положении о ВЧК губернским ЧК предоставлялось право заключения в дома принудительных работ, а в местностях, объявленных на военном или осадном положении, применение высшей меры наказания (ВМН) только после постановления Коллегии ВЧК. Кроме того, для применения ВМН создавалась коллегия из трех человек, персональный состав которой утверждался Президиумом ВЧК. Такие же права предоставлялись особым отделам, особым отделам охраны границ и окружным транспортным отделам³⁹.

6 ноября 1918 г. VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов принял Постановление об амнистии⁴⁰. Он постановил освободить из заключения всех, кому в течение двух недель со дня ареста не было или не будет предъявлено обвинение в непосредственном участии в заговоре, в подготовке его, в организации белогвардейских сил или в содействии тем партиям, которые встали на путь вооруженной борьбы против советской власти. У местных чрезвычайных комиссий изымалось право взятия заложников, оно было сохранено только за ВЧК.

Инструкция чрезвычайным комиссиям на местах, утвержденная ВЧК 1 декабря

1918 г., предоставила местным ЧК в острые моменты революции накладывать в случае необходимости пресечения или прекращения незаконных действий наказания в административном порядке, штрафы, высылку, расстрелы и т.п. Право применять ВМН имели губернские, фронтовые, армейские и областные ЧК. При этом, согласно этому документу, расстреливать можно было в административном порядке без предания человека суду⁴¹.

С другой стороны, чекистами предпринимались попытки регламентации применения ВМН. Пытаясь урегулировать правовое положение ВЧК, заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс вышел с предложением, чтобы чекисты вершили расстрелы с ведома ревтрибуналов. Однако 28 декабря 1918 г. Президиум ВЧК отклонил это предложение на том основании, что «ревтрибуналы не перешли в ведение ВЧК». Был утвержден состав судебной «тройки» ВЧК (с учетом взаимозаменяемости), куда вошли Ф. Э. Дзержинский, М. Я. Лацис, М. С. Келеров и И. К. Ксенофонов⁴².

8 января 1919 г. Л. Б. Каменев направил Ленину проект резолюции о реформе революционных трибуналов и чрезвычайных комиссий, в которой предусматривалась ликвидация ВЧК и всех ее местных органов. Функции борьбы с контрреволюцией предлагалось передать революционным трибуналам, а общий надзор за ними сосредоточить в Особом отделе при ВЦИК. Немного позже, 20 января 1919 г., Петерс представил Ленину Положение о Всероссийской чрезвычайной комиссии и губернских ЧК с обоснованием принципов деятельности ВЧК, принятых ВЦИК 28 октября 1918 г. Оба эти проекта были вынесены на обсуждение Центрального Комитета партии.

³⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4. Л. 43—48.

⁴⁰ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 529—530.

⁴¹ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 1121. Л. 59.

⁴² Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 12.

4 февраля 1919 г. на заседании ЦК РКП(б) было принято постановление о полномочиях ЧК и ревтрибуналов. Комиссии в составе Ф. Э. Дзержинского, И. В. Сталина и Л. Б. Каменева поручалось подготовить проект Положения ВЦИК о ЧК и ревтрибуналах, в котором предполагалось, что право вынесения приговоров необходимо передать из ЧК в ревтрибуналы, а аппарат ЧК должен остаться в качестве розыскных органов и органов непосредственной борьбы с вооруженными выступлениями. За ЧК предлагалось сохранить право ВМН только при объявлении той или иной местности на военном положении.

17 февраля 1919 г. по докладу Дзержинского ЦК РКП(б) и ВЦИК приняли постановление «О праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами», согласно которому за органами безопасности сохранялось право непосредственной расправы при подавлении вооруженных выступлений⁴³. Такое же право сохранялось за чрезвычайными комиссиями в местностях, объявленных на военном положении и за другие преступления, указанные в постановлении о введении военного положения.

24 апреля 1919 г. ВЦИК, пересмотрев полномочия ЧК, принял дополнение к Положению о ЧК. Право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайной комиссии, передавалось реорганизованным трибуналам. Только при наличии вооруженных контрреволюционных или бандитских выступлений за ЧК сохранялось право непосредственной расправы для пресечения преступлений. Такое же право сохранялось за комиссиями в местностях, объявленных на военном положении за преступления, указанные в самом Постановлении о введении военного положения⁴⁴.

Таким образом, основными функциями ЧК после принятия постановления стал розыск и право внесудебных расстрелов при введении военного положения, но через месяц, в марте 1919 г., в связи с наступлением армии Колчака все права ВЧК осени 1918 г. были восстановлены.

Пленум Политбюро ЦК 11 июня 1919 г. заслушал предложение Ф. Э. Дзержинского о необходимости распространить расстрелы как меру наказания на продавцов кокаина, взломщиков общественных лавок, поджигателей, фальшивомонетчиков, шпионов, предателей, должностных преступников, семьи перешедших на сторону белых и о предоставлении ВЧК права проводить эти расстрелы в Москве, а в случае необходимости исполнение ВМН передоверять местным ЧК или специально посланным для этого экспедициям.

Пленум признал возможным в местностях, объявленных на военном положении, расстреливать без суда вышеуказанные категории граждан, за исключением семей перебежчиков и преступников по должности.

Вопрос о репрессиях по отношению к семьям перебежчиков должен был рассматриваться особо, а преступников по должности решено было предавать суду.

Право расстрелов предоставлялось ВЧК и специальным экспедициям по согласованию ВЧК с Оргбюро ЦК⁴⁵.

16 июня 1919 г. Постановление ВЦИК определило организацию лагерей принудительных работ. Она возлагалась на губернские чрезвычайные комиссии. Во всех губернских городах в указанные особой инструкцией сроки должны были быть созданы лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый⁴⁶. С разрешения НКВД такие лагеря могли создаваться и в уездах.

⁴³ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 400—402.

⁴⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 107. Прилож. Л. 2—3.

⁴⁵ РГАН. Ф. 3. Оп. 57. Д. 35. Л. 4.

⁴⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 86. Л. 15—18 (об.).

Заклучению в лагеря подлежали те лица и категории лиц, относительно которых были вынесены постановления отделов Управления, ЧК, революционных военных трибуналов, народных судов и других советских органов, которым предоставлялось это право декретами и распоряжениями⁴⁷.

19 июня 1919 г. председателем ВЧК была утверждена Инструкция чрезвычайным комиссиям на местах, в соответствии с которой всеми делами по непосредственной борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности стали заниматься организованные местными Советами или их исполкомами на одинаковых правах со своими отделами местные чрезвычайные комиссии. Они, являясь органом борьбы в острые моменты революции, при объявлении своей территории на особом положении могли применять в случае необходимости для пресечения или прекращения незаконных действий наказания в административном порядке: штрафы, высылки, расстрелы и т. п.⁴⁸

Своим Постановлением «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20 июня 1919 г. ВЦИК конкретизирует п. 3 Постановления ЦИК о ВЧК (от 24 апреля 1919 г.) о праве непосредственной расправы в местностях, объявленных на военном положении. В разъяснении этого постановления ВЦИК указал: в местностях, объявленных на военном положении, до издания настоящего Постановления ВЧК и губернским ЧК принадлежит право непосредственной расправы (вплоть до расстрела) за принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против советской власти, а также за государственную измену, шпионаж, укрывательство измен-

ников, шпионов; сокрытие в контрреволюционных целях боевого оружия; подделку денежных знаков, подлог в контрреволюционных целях документов; участие в контрреволюционных целях в поджогах и взрывах; умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, мостов и других сооружений, телеграфного или телефонного сообщения, складов воинского вооружения, снаряжения, продовольственных и фуражных запасов; бандитизм (участие в шайке, организованной для убийств, разбоя и грабежей), пособничество им и укрывательство; разбой и вооруженный грабеж; взлом советских и общественных складов и магазинов с целью незаконного хищения; незаконную торговлю кокаином⁴⁹.

21 октября 1919 г. был принят Декрет СНК о создании Особого революционного трибунала при ВЧК для рассмотрения дел о крупной спекуляции. Заседания Особого революционного трибунала были гласными, а приговоры его окончательными и обжалованию в кассационном порядке не подлежали. Особый революционный трибунал в своей работе руководствовался исключительно интересами революции, не связывая себя никакими процессуальными нормами. Данный законодательный акт смешивает понятие внесудебных и судебных полномочий ВЧК, так как создание пусть даже и в системе ВЧК Особого революционного трибунала не позволяет отнести данные полномочия к внесудебным⁵⁰.

Особый революционный трибунал провел ряд судебных процессов по хозяйственным преступлениям, после чего количество крупных спекулятивных сделок значительно уменьшилось.

Дела о крупной спекуляции стали подсудны Верховному трибуналу, в состав

⁴⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 97. Л. 40а.

⁴⁸ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 87. Л. 36—39.

⁴⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 107. Прилож. Л. 4.

⁵⁰ Там же. Ф. КПИ. Д. 1121. Л. 113.

которого вошел представитель ВЧК, а согласно положению о губернских трибуналах, в их состав вошли представители губернских чрезвычайных комиссий, что обеспечивало более тесную связь следственно-розыскных органов с судебными.

С обострением обстановки на фронтах Гражданской войны произошел очередной виток усиления политики «красного террора». 17 декабря 1919 г. своим приказом № 208 ВЧК предложил своим местным органам вернуться к испытанным методам «борьбы». Предлагалось брать на учет все буржуазное население, которое могло служить заложниками. Эти списки необходимо было представлять в ВЧК, которая решала, когда приступать к аресту заложников. 25 декабря 1919 г. съезд особых отделов принял инструкцию Особого отдела ВЧК, где в качестве средств осуществления возложенных на них задач в числе других мер могла применяться высылка за пределы фронта, заключение в лагеря принудительных работ, различные административные меры, а также применение ВМН⁵¹.

Разгром Красной армией в конце 1919 г. основных сил контрреволюции вновь изменил баланс настроений в партийном руководстве. Пленум ЦК РКП(б) 13 января 1920 г. принял предложение Дзержинского напечатать в прессе от имени ВЧК приказ о прекращении с 1 февраля применения ВМН местными ЧК и о передаче дел на лиц, которым такое наказание грозило, в ревтрибуналы. Была избрана комиссия в составе Ф. Э. Дзержинского, Л. Б. Каменева и Л. Д. Троцкого для разработки этого приказа и подтверждения его от имени правительства в целом⁵².

17 января 1920 г. ВЦИК и Совет Народных Комиссаров своим постановлением

отменил применение ВМН в отношении врагов советской власти как по приговорам ВЧК и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и Верховного, при ВЦИК, трибуналов. В связи с этим Президиум ВЧК 15 февраля 1920 г. направил очередную инструкцию чрезвычайным комиссиям, особым отделам и их отделениям на местах⁵³.

Между тем в начале 1920 г. бандитизм в отдельных районах страны принял угрожающие размеры. Поэтому Совнарком 19 февраля 1920 г. постановил: «[...] лиц, обвиняемых в вооруженных грабежах, разбойных нападениях и в налетах, предавать суду Революционного военного трибунала». ВЧК и Революционному военному трибуналу по взаимному соглашению предоставлялось право учреждать революционные военные трибуналы в местностях, лежащих вне фронтовой полосы, но опасных из-за бандитизма. Судопроизводственные правила, существовавшие в Революционном военном трибунале, были обязательны и для вновь учреждаемых трибуналов⁵⁴. В данном случае ВЧК вновь передавались такие же полномочия, как и по декрету СНК от 21 октября 1919 г.

В связи с изменением закона о трибуналах от 12 апреля 1919 г. и законов о военных трибуналах от 20 ноября 1919 г., 5 апреля 1920 г. было принято Положение о революционных трибуналах, в пятой статье которого было указано, что с опубликованием настоящего положения Постановление Президиума ВЦИК о внесудебных полномочиях ЧК от 20 июня 1919 г. и Декрет об Особом революционном трибунале при ВЧК от 21 октября 1919 г. отменяются. «Все существующие чрезвычайные военные суды и иные учреждения

⁵¹ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 1121. Л. 113.

⁵² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 1. Л. 115.

⁵³ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 107. Прилож. Л. 9—10, 14, 25.

⁵⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. № 11.

чрезвычайного характера с судебными функциями, равно как революционные трибуналы, учрежденные в ином порядке или действующие не на основании правил, изложенных в настоящем положении, упраздняются». Вместе с тем в целях борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, охраны революционного порядка и борьбы с паразитическими элементами в случае, если дознанием не было собрано достаточно данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования в ВЧК и губЧК, с утверждения ВЧК сохранялось право заключения таких лиц в лагеря принудительных работ на срок не более пяти лет⁵⁵. Таким образом, за ЧК устанавливалось особое право без достаточных доказательств виновности, минуя судебные органы, проводить репрессивную политику.

В 1921 г. ЧК имеет стройную организацию и довольно точный круг прав и обязанностей. Так, губЧК имели право передачи Народному суду и суду Ревтрибунала, заключения в административном порядке в дома принудительных работ сроком не более двух лет, а также применения высшей меры наказания по постановлению Коллегии в местностях, объявленных на военном положении, в отношении лиц, обвиняемых в шпионаже, бандитизме и в участии в вооруженном выступлении. Высшая мера наказания приводилась в исполнение, как уже указывалось, только с санкции ВЧК.

Особые отделы охраны границ РСФСР имели право высылки за пределы пограничной полосы с санкции губЧК.

Особые отделы ВЧК имели право высылать за пределы фронта и армии в административном порядке и заключать в лагерь принудительных работ сроком не более двух лет, а в местностях, объявленных на военном положении, особые отделы фронтов и армий по постановлению «тро-

ек», персонально утвержденных ВЧК, имели право применения высшей меры наказания по обвинению в шпионаже, бандитизме, участии в вооруженном восстании.

9 мая 1921 г. Московский комитет РКП(б) поддержал ходатайство ВЧК перед ВЦИК о применении ВМН — расстрела — к лицам, совершающим крупные преступления, которые дезорганизуют хозяйственную жизнь страны. Предлагалось в отдельных случаях давать широкую огласку применению чрезвычайной меры наказания⁵⁶. 14 мая 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) также поддержало расширение прав ВЧК в отношении применения ВМН.

И. С. Уншлихту и Д. И. Курскому поручалось подготовить законопроект СНК о расширении прав ВЧК в отношении применения ВМН за хищения с государственных складов и фабрик и после принятия этого постановления СНК опубликовать его. Президиуму ВЦИК была дана директива, чтобы он не принимал решение об амнистии в отношении осужденных за хищения с государственных складов и фабрик. Судам были даны рекомендации ужесточить репрессии за вышеуказанные преступления. Ответственным за исполнение этого решения был назначен Д. И. Курский⁵⁷.

В последнее время часто встает вопрос о числе жертв органов ВЧК. Статистические материалы свидетельствуют, что число расстрелянных органами ВЧК в целом соответствует тем цифрам, что приводил М. Я. Лацис за 1918 и семь месяцев 1919 г. Это соответственно 6300 человек и 2089 человек. Расхождение только по количеству органов, предоставивших статистические сведения. Лацис пишет, что сведения представлены из 20 губерний, статистические таблицы свидетельствуют, что сведения собирались из 34 губерний в 1918 г. и 35 — в 1919 г., из них по 17 регионам сведения

⁵⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 90. Л. 150—151.

⁵⁶ РГАН. Ф. 3. Оп. 57. Д. 17. Л. 30.

⁵⁷ Там же. Оп. 58. Д. 1. Л. 127.

не перепроверялись. По статистическим данным, в 1921 г. был расстрелян 9701 человек. Причем за контрреволюционные преступления в 1918 г. были расстреляны 1637 человек, за семь месяцев 1919 г. — 387 человек⁵⁸. Таким образом, почти за три года из четырех органами ВЧК были расстреляны 17,5 тыс. человек, в основном за уголовные преступления. Вне всякого сомнения, эти данные неполные. По всей видимости, сюда не вошли жертвы крымской трагедии и Кронштадтского мятежа. Однако со всеми оговорками и натяжками общее число жертв органов ВЧК можно оценивать в цифру не более 50 тыс. человек. Исследование протоколов заседаний чрезвычайных комиссий свидетельствует о том, что применение ВМН было скорее исключением, чем правилом⁵⁹.

Приблизительные подсчеты С. П. Мельгунова и П. Н. Милюкова на основе данных «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России», которые определили жертвы красного террора в 1918—1919 гг. в 1 млн 700 тыс. — 1 млн 766 тыс. человек не соответствуют действительности⁶⁰. Также вызывает большие сомнения оценка числа потерь от террора в 1—1,5 млн человек⁶¹. Эти цифры далеки от действительности, непонятны источники, на основании которых произведены расчеты.

Организация и деятельность контрразведки ВЧК является наиболее важным в оценке роли чекистов в истории советских органов государственной безопасности.

Особая роль в условиях военного времени отводилась обеспечению безопасности в армейских подразделениях и организации контрразведки.

В марте 1918 г. ВЧК раскрыла в Москве организацию, целью которой было содействие белогвардейским армиям Корнилова и Алексеева деньгами и людьми. Во главе этой организации стоял американский подданный инженер В. А. Бари.

Непосредственная работа иностранных спецслужб в направлении организации контрреволюции была выявлена в августе 1918 г., когда английский посланник Р. Локкарт и французский генеральный консул в Москве Гренар путем подкупа старались склонить командира 1-го дивизиона латышской стрелковой бригады Берзина перейти к ним на службу. Одним из крупных успехов чекистов осенью 1919 г. было дело агента английской секретной службы Поля Дюкса.

В направлении борьбы с разведками соседних стран заметное место занимала Польша. Одним из крупных дел Особого отдела в условиях польско-советской войны было дело Польской военной организации (ПОВ), финалом которого явился разгром ее филиалов в Минске, Киеве и Житомире⁶².

В рамках борьбы с латвийской разведкой было раскрыто дело заместителя начальника Высших государственных мастерских Гольденвейзера. Одним из самых крупных было дело военного атташе Литвы Свилоса⁶³. Кроме того, активно против Советской России работала турецкая раз-

⁵⁸ *Лацис (Судрабс) М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 69; ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 3. Д. 189. Л. 1; Д. 190. Л. 1; Ф. 8-ос. Оп. 1. Д. 80.

⁵⁹ *Мозохин О. Б.* Право на репрессию: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2006.

⁶⁰ *Жиромская В. Б.* Проблема демографического развития России в XX веке. // Труды Института российской истории. М., 2010. Вып. 9. С. 285—310.

⁶¹ *Жиромская В. Б.* Проблема красного и белого террора 1917—1920 годов в отечественной историографии // Труды Института российской истории. М., 2004. Вып. 4. С. 254.

⁶² *Мозохин О. Б., Сафонов В. Н.* Особый отдел ВЧК против польской разведки. М., 2018.

⁶³ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 229. Л. 92—95.

ведка, интересы которой были очерчены побережьем Черного моря, а г. Константинополь являлся сосредоточением английской, французской и немецкой разведок. На Дальнем Востоке активно действовала против Советского государства японская разведка⁶⁴.

Другим из главных направлений деятельности чекистов была борьба с оппозиционными партиями, общественными организациями и лицами, враждебно настроенными к советской власти. Всех представителей этих категорий большевики относили к контрреволюции, с которой вели беспощадную борьбу. В эту же группу были зачислены старая аристократия, чиновничество и офицерство.

Первостепенное значение в условиях обостряющейся борьбы за власть приобретала деятельность по устранению прямых угроз советской власти в лице восстаний в крупных городах и вооруженных выступлений. Одним из первых крупных дел ВЧК являлась ликвидация контрреволюционной организации «Союз защиты родины и свободы» (СЗРР), имевшей отделения в Казани, Муроме и Ярославле. В последнем случае чекистам не удалось предотвратить выступление. Исследование документов Ярославского восстания показало, что это было заранее спланированное выступление, руководители которого действовали не только по приказу «СЗРС», но и координировали свои действия с интервенционистскими планами Антанты.

Наиболее крупными контрреволюционными организациями, раскрытыми ВЧК, были «Национальный центр» и «Тактический центр». В августе 1919 г. об организации «Национальный центр» Ленину доложил заместитель председателя Особого

отдела ВЧК И. П. Павлуновский. В ответ председатель СНК пишет Дзержинскому: «На прилагаемую бумажку, т.е. на ту операцию, надо обратить сугубое внимание. Быстро и энергично и пошире надо захватить»⁶⁵. В ночь с 28 на 29 августа последовали аресты Алферовых и Щепкина. Во время ареста последнего было обнаружено много документов, вполне характеризующих «Национальный центр» как военно-политическую организацию с заговорщиками и шпионскими целями⁶⁶.

По делу «Национального центра» было расстреляно 67 человек. Устрашающие акции ВЧК привели к временной дезорганизации антибольшевистского подполья в обоих столичных центрах. Однако полностью подавить деятельность антибольшевистских сил, в том числе и «Тактического центра», в этот период не удалось⁶⁷.

В феврале 1920 г. были арестованы участники «Тактического центра». На скамье подсудимых оказались 28 человек, которые представляли собой цвет старого русского общества. Среди них были С. М. Леонтьев, С. Д. Урусов, С. А. Морозов, С. П. Мельгунов и С. Е. Трубецкой. Документы этого судебного процесса и стенограмма его заседаний показали все имеющиеся противоречия между старой элитой и новым общественным устройством. Необходимо отметить, что ряд участников признали свое участие в «Тактическом центре», а также факт встреч с В. Д. Халтулари и Полем Дюком. Между тем многие из них настаивали на том факте, что встречи носили исключительно характер обсуждений и не имели практической составляющей⁶⁸. Между тем для новой судебной системы было достаточно только участия в «Тактическом центре», что само по себе

⁶⁴ Мозохин О. Б. Противоборство: Спецслужбы СССР и Японии (1918—1945). М., 2012.

⁶⁵ В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов. 1917—1922 гг. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 204.

⁶⁶ Красная книга ВЧК: В 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 8—9.

⁶⁷ Тактический центр: Документы и материалы. М., 2012. С. 19.

⁶⁸ Там же. С. 83, 86, 87.

подразумевало выступление против советской власти. Поэтому участников «Тактического центра» приговорили к разным срокам заключения.

Рассматривая проблему борьбы с бандитизмом, необходимо отметить, что к нему большевики относили в годы Гражданской войны не только уголовные элементы, но и восставших крестьян, а также членов разнообразных контрреволюционных групп.

В ноябре 1918 г. заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс, подводя итоги работы чекистов, отмечал, что «бандитизм развивался с ужасающей быстротой и принимал слишком угрожающие размеры»⁶⁹. Поэтому в ВЧК начали предпринимать соответствующие меры. В частности, вопрос борьбы с бандитизмом был рассмотрен на 2-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем в ноябре 1918 г.

В условиях нарастающего экономического кризиса расплодилось обычные уголовные банды. В Саратове 20 марта 1920 г. была обнаружена шайка грабителей, которая обычно собиралась на Московской улице, в доме № 61, внизу, в подвале у армянина-шашлычника А. Давыдова. В засаду, оставленную чекистами, попали три человека, оказавшие сопротивление при задержании. В ходе перестрелки все трое бандитов были убиты⁷⁰.

На Украину для ликвидации уголовных банд была прислана Особая группа во главе с Мартыновым из Москвы. Ее усилиями удалось ликвидировать банды с участием

анархистов и уголовников, представители которых занимали должности в советских учреждениях. Так, в Одессе участник ликвидированной банды анархистов Шахворестов занимал должность начальника Одесской городской милиции, а в Харькове Попов был председателем Союза Коммунистической молодежи Петинского района. В последнем случае банда насчитывала около 70 человек. С ликвидацией этих банд Особую группу перебросили в Киев и Екатеринослав, где также удалось раскрыть и уничтожить еще ряд крупных уголовных групп. Самым громким было дело банды «Черная маска», по которому чекисты расстреляли 38 бандитов. Одним из них являлся художник с высшим образованием Эпштейн, участвовавший в 28 грабежах и в нескольких убийствах⁷¹.

В Саратовской губернии в Бузулуцком районе в конце июля 1920 г. поднял восстание начальник 2-й Туркестанской дивизии Красной армии, бывший подпоручик А. В. Сапожков. Ему удалось привлечь на свою сторону некоторые красноармейские части, часть крестьянского населения и дезертиров⁷². Отряд Сапожкова избегал прямых столкновений с частями ВЧК и занимался грабежом местного населения, прикрываясь путанными лозунгами «Да здравствует свободная торговля!» и «Да здравствует III Коммунистический интернационал!»⁷³.

В конце ноября 1920 г. Н. И. Махно отказался выполнить требование советского командования о переброске его отрядов на Польский фронт. Этот приказ на самом деле был практически невыполним, что

⁶⁹ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921: Сборник документов. М., 1958. С. 207.

⁷⁰ Губчека: Сборник документов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг. Саратов, 1980. С. 98—99.

⁷¹ Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнарком Украины за 1920 г.: К 5-му Всеукраинскому съезду Советов. Харьков, 1921. С. 22—23.

⁷² Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 533.

⁷³ Губчека: Сборник документов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг. Саратов, 1980. С. 146.

и подтолкнуло Махно на окончательный разрыв с советской властью. Анализ взаимоотношений «зеленых» и большевиков указывает на то, что разрыв между ними был неизбежен. Главной причиной конфликта стала попытка Махно организовать советскую власть с помощью созыва избираемых снизу «вольных Советов»⁷⁴. Махно берет курс на подготовку захвата ряда городов, о чем издает секретный приказ, который был перехвачен Мариупольской ОРТЧК. Постановлением Политбюро от 18 ноября 1920 г. Дзержинскому было предписано принять экстренные меры для полного обезвреживания отряда Махно. В ночь на 25 ноября 1920 г. Цупчрезвычайком Украины потребовал от всех губЧК арестовать махновцев⁷⁵.

К концу 1920 г. выступление Антонова перерастает в крестьянское восстание, охватившее Тамбовский, Кирсановский и Борисоглебский уезды. Из оперативной сводки о положении на местах Штаба войск по ликвидации восстания при губЧК следовало, что в «банде», действовавшей в Сампурском районе, было около 500 человек, большинство крестьян. У «бандитов» имелись флаги с лозунгами «В борьбе обретишь ты право свое!», «Да здравствует Союз трудового крестьянства!» Набирающие популярность среди крестьянства, эти лозунги способствовали взрывному росту численности сил Антонова, которые выросли до таких размеров, что были организованы в две армии в составе 13 полков⁷⁶.

Однако в 1921 г. общая политическая и экономическая ситуация начинает ме-

няться в лучшую сторону для большевиков. Окончание Гражданской войны, победа революционных сил и переход к новой экономической политике подорвали социальную базу восставших. Поэтому к весне движение Махно и Антонова было разбито силами большевиков. Несмотря на заметные успехи в ликвидации как политического, так и уголовного бандитизма, данная проблема не была окончательно решена.

После революции перед советской властью, с точки зрения экономической безопасности государства, обозначились две существенные взаимосвязанные проблемы: саботаж и спекуляция. По данным советских исследователей, в октябре 1917 г. в саботаже участвовало около 10 тыс. служащих банков, 6 тыс. почтовых работников, 4,7 тыс. телеграфистов, 3 тыс. приказчиков торговых предприятий, 20 тыс. конторщиков⁷⁷. Наиболее остро стоял вопрос о деятельности чиновников Государственного банка. В это же время с монополизацией продуктов питания государством, с одной стороны, и их дефицитом, с другой, в стране процветал черный рынок. Обозначилась серьезная проблема с нехваткой продовольствия и спекуляцией.

С образованием ВЧК и организацией ее деятельности в пределах страны борьба с саботажем и спекуляцией начинает приобретать организованный характер. В конце декабря 1917 г. ВЧК арестовала активных работников «Союза союзов служащих государственных учреждений» — организаторов саботажа, а в конце января СНК выпустил специальное постановление «О порядке приема на службу саботажников»⁷⁸.

⁷⁴ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 530.

⁷⁵ Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926: Сборник документов. М., 2007. С. 215, 220.

⁷⁶ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 60—61, 152.

⁷⁷ Кутузов В. А., Лепетухин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н. Чекисты Петрограда на страже революции. JL, 1987. С. 41.

⁷⁸ Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК. М., 1970. С. 320, 322.

К весне 1918 г. кризис, связанный с массовым саботажем, был преодолен.

В первый год работы ВЧК на уровне ее местных органов борьба со спекуляцией и преступлениями по должности являлась одним из основных направлений их деятельности. В это время работа местных ЧК нередко сводилась к конфискации предметов роскоши, излишков продуктов и запрещенных к свободному обращению предметов. При этом такая практика очевидно только способствовала расколу в обществе.

Наиболее крупные и громкие дела проходили через центральный аппарат ВЧК. Отдел по борьбе с должностными преступлениями за восемь месяцев 1918 г. инициировал 1914 дел, из которых было разрешено самими чекистами 815. Из краткого доклада о деятельности отдела следовало, что среди крупных дел наиболее важными были дела командующего войсками внутреннего фронта Муравьева, Каменского, Руднева. Выделялись банковские дела Горбачева, Станкевича, Попова и др., по которым проходили крупные суммы ущерба⁷⁹.

Говоря о деятельности органов ВЧК в хозяйственной области, необходимо остановиться на ее особенностях. Нередко дела этого рода были связаны со шпионажем и контрреволюцией. Речь идет о делах «Потеляховского хлопчатобумажного товарищества» и братьев Череп-Спиридовичей. У одного из немецких подданных чекисты изъяли 2400 паев «Потеляховского товарищества» на сумму 30 миллионов рублей⁸⁰. В результате следствия выяснилось, что дипломатические представители Германии и агенты различных немецких фирм начали по дешевке скупать в России акции подлевших национализации предприятий

и другие ценные бумаги, с тем чтобы потом предъявить их Советскому правительству для оплаты золотом по нарицательной стоимости. Ведь это было одним из условий Брестского договора. В мае чекисты арестовали братьев Череп-Спиридовичей, которые при посредничестве биржевого маклера Б.П. Бейлинсона пытались продать немцам акции Веселянских рудников и акции «Чистяково-антрацит» общей стоимостью 5 миллионов рублей. Братья были расстреляны⁸¹.

Важный шаг с точки зрения организации борьбы со спекуляцией был сделан с образованием при ВЧК на основании Декрета СНК от 21 октября 1919 г. Особой межведомственной комиссии из представителей Народного комиссариата продовольствия, Высшего совета народного хозяйства, Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата государственного контроля, Московского Совета, чрезвычайного уполномоченного Совета рабоче-крестьянской обороны по снабжению Красной армии, Всероссийского совета профессиональных союзов и ВЧК. На эту комиссию в основном возлагались ревизионные функции в хозяйственных органах Советской России, а также проведение в жизнь мер по борьбе со спекуляцией и хищением социалистической собственности⁸².

В крупных промышленных центрах торговля, а вместе с ней — спекуляция имели более масштабный и организованный характер, причем как по сумме ущерба, так и по количеству лиц, вовлеченных в спекуляцию. В последнем случае наглядным примером является торговля на Сухаревской площади в Москве. Сухаревка являла собой сеть по распределению ворованного

⁷⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10. Л. 112 об. — 113.

⁸⁰ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921: Сборник документов. М., 1958. С. 220.

⁸¹ Соколов А. С. Борьба органов Всероссийской чрезвычайной комиссии со спекуляцией // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. История и политические науки. 2018. № 4. С. 173—181.

⁸² Мозохин О. Б. Деятельность ВЧК—ОГПУ—НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917—1941 годы. М., 2016. С. 89—90.

и спекулятивного товара. В целом она являлась очагом мелкой спекуляции, которая в совокупности создавала большую угрозу для основ советской власти. Согласно отчету об операциях, МЧК на этой площади за сентябрь 1919 г. был задержан 1121 человек. Причем семь дней в сентябре операции чекисты не проводили. Из задержанных лиц 110 человек оказались дезертирами. В 824 случаях были произведены конфискации. В итоге по решению МЧК 481 человек был направлен в концентрационный лагерь, 93 — в народный суд, 245 — в другие учреждения, а 302 освобождены⁸³.

Всего за первую половину 1920 г. Спекулятивным отделом МЧК было конфисковано: драгоценных камней — 1940 карат, золота в изделиях — 9 ф., 39 зол., 41 дол.; серебра в изделиях — 30 пудов 85 ф., 74 зол., 49 дол., серебра без веса 587 штук, кредитными билетами — 25 614 321 руб. 67 коп., золотой монетой — 9915 руб. 50 коп., серебряной монетой — 11 104 руб. 85 коп. Фальшивых денег было конфисковано 2 146 414 руб. 65 коп., а иностранных денег: кредитными билетами 1133 шт., золотой монетой — 141 шт., серебряной — 1597 шт., металлической — 1174 шт.⁸⁴

В марте 1921 г. начался переход к новой экономической политике. Государство отказалось от идей «военного коммунизма» и восстанавливало в широких пределах частную торговую инициативу. Еще в январе 1921 г. в структуре ВЧК было создано Экономическое управление (ЭКУ ВЧК), в котором имелось пять вспомогательных подразделений, 15 специальных отделений, а также библиотека и редакция журнала. С ведением нэпа на него были возложены новые задачи, которые определялись ди-

рективной № 2107/с от 26 сентября 1921 г. «Об оперативных задачах органов ВЧК в связи с новой экономической политикой».

В условиях Гражданской войны и нехватки продовольствия пути сообщения в Советской России приобретали стратегическое значение. Между тем советская власть с первых же дней своего существования столкнулась с целым рядом проблем и в первую очередь на железнодорожных путях сообщения⁸⁵. Во-первых, распространенным явлением был саботаж железнодорожных служащих. Были случаи, когда состав с продовольствием приходил в пункт назначения и возвращался в пункт отправления без отгрузки, в то время как население испытывало острую нехватку перевозимых продуктов. Во-вторых, во время Гражданской войны, за 1918—1919 гг., в России было разрушено около 40 тыс. верст железных дорог⁸⁶.

В феврале 1919 г. был организован ряд поездок с целью выявления состояния дел в ЧК на транспорте. Поездки по Волжскому бассейну и Центральному округу показали наличие проблем с кадровым составом, дисциплиной и отсутствием должного взаимодействия с центром⁸⁷. Так, Казанская железнодорожная ЧК была неработоспособна, поскольку члены ее коллегии были малограмотны и неопытны. В результате на станции творился «хаос». На станции Малоярославец представителей транспортного отдела ЧК (ТЧК) вообще не было по определению, а на станции Брянск их не оказалось на месте службы.

Для улучшения работы ЧК на транспорте был принят ряд мер. В марте 1919 г. выходит приказ ВЧК «Об усилении работы на железных дорогах», который усиливал

⁸³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 1080. Л. 19.

⁸⁴ МЧК: Из истории Московской чрезвычайной комиссии: Сборник документов (1918—1921 гг.). М., 1978. С. 246.

⁸⁵ В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов. 1917—1922 гг. 2-е изд., доп. С. 10—11.

⁸⁶ Шатилов А. П. Транспортные органы ВЧК в годы Гражданской войны // ВЧК (1917—1922 гг.): К столетию создания: Сборник статей и документов. М., 2017. С. 366.

⁸⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 29а—29з, 39—39об.

личную ответственность ЧК на транспорте за порядок и работу подведомственного им участка, а также предоставлял им широкие полномочия, вплоть до расстрела. Через месяц выходит приказ ВЧК № 157 «Об установлении надзора за железнодорожными постройками», обязывающий чекистов усилить внимание за сохранностью железнодорожных мостов, складов и путей⁸⁸. Главным же шагом в направлении усиления органов ТО ВЧК было принятие 10 мая 1919 г. Положения о транспортных органах.

При рассмотрении деятельности ТЧК необходимо в первую очередь сказать о роли чекистов в организации транспортного сообщения. «Обзор деятельности РТЧК Волжского бассейна» дает примерную картину происходящего на транспорте на начальном этапе ее становления. Условия того времени характеризовались, с одной стороны, нехваткой материальных средств и людей в органах РТЧК, с учетом того, что р. Волга являлась одной из главных транспортных артерий Советской России. Только на сибирских пристанях со времени открытия навигации до 15 августа 1919 г. прошло грузов весом 2 344 826 пудов⁸⁹. Иногда ТЧК приходилось действовать в боевых условиях. В период эвакуации Камышина с 20 по 24 июля 1919 г. катера РТЧК «Стережущий» и «Афродита» работали под огнем противника. С другой стороны, в условиях кризиса и Гражданской войны встал проблема организации работы транспорта. В начале навигации в 1919 г. Областное управление транспорта не могло дать полного отчета об определенном количестве судов, так как часть из них была самовольно захвачена военным ведомством и другими органи-

зациями. Кроме того, чекистам пришлось заняться непроизводительным простоем судов и их ремонтом. Как результат, дела № 216 о непроизводительной задержке пароходов «Андижан», «Петр Чайковский» Вольским военкомом т. Моториным и военруком т. Мироновым и № 209 о захвате Вольским ревкомом судов. В целях обеспечения материалами для ремонта судов органы РТЧК Волжского бассейна проводили конфискацию у бывших лесоторговцев и судовладельцев. В результате можно говорить о важной роли ТЧК в деле организации работы транспорта. Очевидно, что в этом вопросе власть делала ставку в первую очередь именно на чекистские органы. В частности, в декабре 1919 г. Ф. Э. Дзержинский телеграммой обращает особое внимание всех местных ЧК не допускать остановок железнодорожного движения. В телеграмме отмечалось, что ввиду участвовавших снежных метелей возможна приостановка железнодорожного движения, что в данное время грозит тяжкими последствиями для существования советской власти. Поэтому предписывалось принять все меры всем губЧК, уездЧК, РТЧК и УТЧК для предотвращения хотя бы минимальных остановок железнодорожного движения⁹⁰.

Приведенный перечень основных направлений деятельности органов ВЧК лишь в общих чертах отражает специфику и объем работы чекистов в области обеспечения государственной безопасности Советской России.

В 1921 г. в связи с окончанием Гражданской войны и переходом к нэпу органы ВЧК приступили к серьезной реформе. Основные причины, обусловившие принятие данного решения, были связаны с теми

⁸⁸ Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926: Сборник документов. М., 2007. С. 110—111, 115.

⁸⁹ Обзор деятельности Районной транспортной чрезвычайной комиссии Волжского бассейна за время ее существования, т. е. с 1 июля 1919 г. по 1 января 1921 г. [Б. м., б. г.]. С. 4, 25.

⁹⁰ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921: Сборник документов. М., 1958. С. 349.

существенными изменениями, которые произошли в политической и оперативной обстановке. После окончания Гражданской войны страна постепенно начала переходить от экстремальных условий к обычной мирной жизни. Новые условия требовали и новых подходов, новой организации системы государственной безопасности⁹¹.

Ленин в докладе на IX Всероссийском съезде Советов 23 декабря 1921 г. сделал вывод о необходимости длительного существования в системе социалистического государства специального органа, охраняющего его безопасность⁹².

В конце 1921 г. ВЦИК в очередной раз принял решение сузить полномочия ЧК, возложив борьбу с нарушениями законов советских республик на судебные органы, тем самым усилив начала революционной законности. В условиях мира отпала нужда в органе, который пользовался, по характеристике М. Я. Лациса, в своей борьбе «приемами и следственных комиссий, и судов, и трибуналов, и военных сил»⁹³.

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 1 декабря 1921 г. с целью пересмотра компетенции ВЧК была создана комиссия в составе Л. Б. Каменева, Д. И. Курского и Ф. Э. Дзержинского. Эта комиссия в пятидневный срок должна была подготовить

и провести через ВЦИК общее положение «об изменении в смысле серьезных умягчений»⁹⁴. В результате появился проект нового Положения о ВЧК, которое закрепляло Комиссию за СНК в качестве самостоятельного органа, но с рядом ограничений ее прав.

Однако на заседание Политбюро ЦК РКП от 21 января 1922 г. было вынесено решение о подготовке положения от имени ВЦИК об упразднении ВЧК. Организованная комиссия Каменева—Сталина предложила создать Государственное политическое управление в составе НКВД, действующее на основании особого положения, под председательством народного комиссара внутренних дел и его заместителя, называемого СНК. 23 января 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) проект решения комиссии приняло за основу. 6 февраля 1922 г. при НКВД РСФСР было создано Государственное политическое управление.

Таким образом, в годы Гражданской войны Всероссийская чрезвычайная комиссия стала эффективным орудием в руках большевиков в их борьбе с врагами на внутреннем и внешних фронтах. Также ВЧК эффективно действовала на «экономическом фронте»: боролась со спекуляцией, кризисом на транспорте и т. п.

⁹¹ Мозохин О. Б., Соколов А. С. Реорганизация и упразднение Всероссийской чрезвычайной комиссии // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2018. № 3. С. 115—122.

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1967. С. 328.

⁹³ Лацис (Судрабе) М. Я. ЧК в борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 8.

⁹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 1. Л. 134.

СОВЕТСКАЯ СУДЕБНАЯ
И ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМЫ

«Пролетарский суд без буржуазного права, но и без пролетарского»

Захватив власть в крупнейших промышленных центрах, большевики, по выражению советских историков, получили возможность «пропагандировать великие коммунистические идеи непосредственной работой по строительству нового общества», а их партийная программа превратилась в «программу деятельности советского правительства»¹. Но на судебном поприще новой власти приходилось начинать с «чистого листа» и двигаться ощупью — программа РСДРП, разработанная на заре существования партии, в этой части была предельно лаконична. Речь в ней шла лишь о «выборности судей народом», но ни о механизме этой выборности, ни о конструкции судебных органов вообще, ни об определении подсудности и законодательной основе их деятельности не говорилось ни слова. Дискуссия на этот счет на II партийном съезде в 1903 г. оказалась весьма скоротечной. Предложения меньшевиков Л. П. Махновец («Брукэр») и А. С. Локермана («Царева») дополнить программу требованиями об уничтожении специальных судов, о равной подсудности всех граждан общему суду и об отмене смертной казни

большинством делегатов были отвергнуты². Против голосовал и В. И. Ленин. Мотивируя свою позицию по последнему пункту, спустя несколько лет он объяснял соратникам: «Нельзя протестовать только против смертной казни, иначе и мы не будем иметь права вешать их во время революции»³. «Без смертной казни по отношению к эксплуататорам»⁴ (т.е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни на есть революционное правительство», — писал он в конце октября 1917 г.⁵

Ленина, дипломированного юриста по «гражданской» специальности, как ни странно, мало интересовали детали будущего судоустройства: при социализме «народ, масса» сами будут творить «новое революционное право», полагал он в 1906 г.⁶ По позднейшему свидетельству одного из первых большевистских наркомов юстиции П. И. Стучки, в Ленине вообще «мало сидел юрист»: «Он, так тщательно и мастерски редактируя декреты и обладая феноменальной памятью, ни памяти, ни понимания не обнаруживал по отношению к чисто «юридическим» делам»⁷. Но в этом была

¹ История КПСС: В 6 т. Т. 3. Кн. 1: Март 1917—1920 г. М., 1967. С. 433.

² Второй съезд РСДРП. Июль—август 1903 г.: Протоколы. М., 1959. С. 193—194.

³ Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». Июнь 1909 г. М., 1934. С. 107.

⁴ Здесь и далее по тексту курсив документов.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. М., 1969. С. 174.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1968. С. 320—321.

⁷ Стучка П. И. Революционная роль советского права. М., 1934. С. 90.

заключена своя скрытая логика. По Ленину, пролетарский суд должен был представлять собой «очень простую» карательную машину, направленную на «подавление эксплуататоров» — незначительной части населения; трудящиеся же, по его первоначальному мнению, были в состоянии самостоятельно соблюдать нормы цивилизованного общежития. Прожектеры шли еще дальше. «Источник преступности — социальное неравенство и необеспеченность — представлялся скоропреходящим, а суд, казалось, вот-вот через год—два за ненадобностью упряднится», — описывал настроения в партии в конце 1917 г. большевистский судебный деятель⁸.

Исходя из этих представлений, в первое время после взятия власти большевики главным образом уповали на «революционное правосознание трудящихся масс», полагая, что именно оно, а не какие-либо (тем более старые) писанные правовые нормы и судебные учреждения с их профессиональными юристами, позволит, как писал тот же Стучка, возвести новое судебное здание, «бесконечно более прочное по своему содержанию», чем старое. Похожие идеи проводил глава Наркомпроса А. В. Луначарский в статье «Революция и суд», напечатанной в «Правде» 1 декабря 1917 г.⁹: «Долой суды-мумии, алтари умершего права, долой судей-банкиров [...]. Да здравствует народ, создающий в своих кипятищах, бродящих как молодое вино судах право новое — справедливость для всех!»

Вскоре требование партийной программы о «выборности судей народом» было подвергнуто корректировке. «Пролетарская демократия вместо формулы буржуазной демократии “выборность судей народом” выдвинула классовый лозунг “выборность судей из трудящихся только трудящимися”

и провела его во всей организации суда, — говорилось в новой программе РКП, принятой в 1919 г. — [...]. Для привлечения к отправлению правосудия самых широких масс пролетариата и беднейшего крестьянства введено участие в суде постоянно сменяемых временных судей — заседателей [...]. Создав единый народный суд взамен бесконечного ряда прежних судов различного устройства со множеством инстанций, советская власть упростила устройство суда, сделав его абсолютно доступным для населения и устранив всякую волокиту в ведении дел. Отменив законы свергнутых правительств, советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых или неполноты их, руководствоваться социалистическим правосознанием». «РКП, отстаивая дальнейшее развитие суда по тому же пути, — указывалось в заключении “судебного” раздела новой партийной программы, — должна стремиться к тому, чтобы все трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судебных обязанностей, и чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера»¹⁰. Однако на деле не только заведомо утопический призыв партийной программы к «поголовному привлечению всех трудящихся к отправлению судебных обязанностей», но и лозунг подлинно «единого народного суда» так и не превратились в реальность.

Первое время большевистские лидеры, похоже, искренне верили, что, как утверждал Ленин на VII съезде РКП(б) в марте 1918 г., «наша революция не случайность, не продукт решения нашей партии», а «народная»¹¹ — отвечающая интересам большинства населения. Вскоре, однако, с этой

⁸ Цит. по: *Смыкалин А.* Создание советской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 40.

⁹ Даты до 31 января 1918 г. даются по старому стилю, после — по-новому.

¹⁰ Известия. 1919. 27 февр.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 53.

иллюзией пришлось расстаться¹² и насаждение новых порядков, в том числе в судебной сфере, приобрело насильственные формы. Соответственно, была отброшена прежняя идея демократически избираемого единого суда, рассматривающего в качестве суда первой инстанции все без исключения уголовные и гражданские дела. На деле избрание судей оказалось доверено лишь «авангарду» трудящихся в лице Советов, а отправление самого правосудия — в подавляющем большинстве членам правящей партии. Намеченная программой РКП ликвидация «бесконечного ряда прежних судов» также не состоялась. Напротив, по мере развертывания Гражданской войны, при непосредственном участии или по прямому указанию первых лиц советского государства, власть создавала все новые и новые специальные суды, шаг за шагом расширяя их подсудность, ужесточая меры наказания и упрощая судебную процедуру. «Воспитательная» направленность их вердиктов, обещанная

партийной программой 1919 г., так и осталась фигурой речи.

В 1917—1920 гг. в Советской России были последовательно образованы: сеть революционных трибуналов в столицах, губернских городах (с выездными сессиями), уездах, а временно — и в волостях (декретом СНК от 22 ноября 1917 г.)¹³; трибунал печати при петроградском ревтрибунале (постановлением СНК от 28 января 1918 г.)¹⁴; ревтрибуналы в других крупных городах, в промышленных центрах и на узловых станциях железных дорог (декретом ВЦИК от 4 мая 1918 г.); «для суждения по важнейшим делам, которые будут изъятые из подсудности местных революционных трибуналов»¹⁵ — Чрезвычайный (вскоре переименованный в Верховный) ревтрибунал при ВЦИК (постановлением ВЦИК от 29 мая 1918 г.); система армейских трибуналов под руководством реввоен трибунала при Реввоенсовете республики (приказом по РВСР от 14 октября 1918 г.)¹⁶; сеть революционных военно-железнодорожных

¹² В частных беседах большевистские руководители весьма цинично комментировали это обстоятельство. Писатель И. Л. Солоневич вспоминал, как в мае (или июне) 1918 г. видный большевик Д. З. Мануильский отреагировал на его замечание относительно «обреченности» большевизма («ибо сочувствие масс не на его стороне»): «Послушайте, дорогой мой, — усмехнулся он весьма презрительно, — да на какого же нам черта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счете, плевать нам на сочувствие масс...» (*Солоневич И. Л. Россия в концлагере. М., 1999. С. 114*).

¹³ Советская историография именвала эти трибуналы «местными», «территориальными» или «общими». В дальнейшем мы будем употреблять эти определения как синонимы.

¹⁴ Согласно разъяснению Совнаркома, этот трибунал был создан, чтобы карать оппозиционную прессу, а лица, «выступления которых в печати свидетельствуют о наличии активной контрреволюционной борьбы с их стороны», поступали в ведение ЧК (Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 434). Трибунал печати, судя по его сохранившимся бумагам (ГАРФ. Ф. Р-337), действовал менее полугода (до июня 1918 г.), закрыв несколько сотен газет и журналов леволиберального, социалистического и анархистского направления «за распространение ложных сведений о Советской власти» или «за клевету и нападки» на нее. Приговоры трибунала обжалованию не подлежали и немедленно приводились в исполнение комиссариатом по делам печати. «Общественным обвинителем» на его заседаниях выступал 26-летний В. Володарский (М. М. Гольдштейн), член Бунда с 1905 г., с 1917 г. большевик, в 1918 г. комиссар печати, пропаганды и агитации Союза коммун Северной области (20 июня 1918 г. убит эсеровским боевиком).

¹⁵ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 336.

¹⁶ 19 февраля 1920 г. Ленин подписал постановление СНК о предании суду реввоен трибунала не только военнослужащих, но и гражданских «лиц, обвиняемых в вооруженных грабежах, в разбойных нападениях, в налетах». В мае того же года К. Х. Данишевский как председатель реввоен трибунала республики получил от вождя дополнительные «специальные указания по линии карательной политики»: *Данишевский К. Х. Встречи с Лениным в годы гражданской войны (1918—1921 гг.) // Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969. С. 183—184.*

трибуналов при НКПС — по одному для каждой железной дороги (декретом ВЦИК от 18 марта 1920 г.) во главе с Главным революционным военным железнодорожным трибуналом¹⁷ и ряд других, более мелких (например, на водном транспорте). В результате Советская Россия оказалась опутана сетью чрезвычайных судов, единообразно организованных и укомплектованных, имевших сходный порядок судопроизводства и действовавших рука об руку с ЧК, облеченной широчайшими внесудебными карательными полномочиями.

При самой ВЧК подписанный Лениным декрет Совнаркома от 21 октября 1919 г. создал Особый ревтрибунал по делам спекуляции, «не связанный какими-либо формами судопроизводства», с правом вынесения окончательных приговоров, не подлежащих обжалованию в кассационном порядке¹⁸. Трибунал заседал под председательством Ф. Э. Дзержинского (члены — чекисты В. Н. Манцев, Ф. Я. Озол и судебный деятель А. Г. Глузман) и, вынеся ряд смертных приговоров, без проволочки приведенных на Лубянке в исполнение, был упразднен в марте 1920 г.

В годы Гражданской войны в крупном населенном пункте, подконтрольном большевикам, одновременно могло действовать до полутора десятков разноименных чрезвычайных судебно-карательных органов. В Москве, например, в 1919—1922 гг. одних трибуналов, не считая Верховного при ВЦИК и Особого при ВЧК, работало четыре, причем все были облечены пра-

вом выносить смертные приговоры и приводить их в исполнение. В 1921—1922 гг. за ними в общей сложности «числилось» от 1400 до 1800 заключенных, осужденных и подследственных¹⁹. Кроме этих четырех трибуналов карательными функциями, включая право на ведение следствия, арест, заключение в тюрьму или концлагерь, конфискацию имущества, были наделены Наркомат юстиции и некоторые другие центральные ведомства, отделы управления и юридические отделы губернского и уездных исполкомов Советов (в юротделах в 1918—1919 гг. с этой целью были созданы следственные комиссии), органы милиции, партийные, товарищеские и продовольственные суды, комиссии по делам дезертиров («комдезертир»), ЧК по борьбе с беспризорностью и даже комиссии по делам несовершеннолетних («комиссии малолетних») — во всяком случае, все три московские. Только Московским управлением уголовного розыска и за один 1920 г. было возбуждено 7074 уголовно-следственных дела, 4606 из которых были направлены в «народные» суды, 209 — в ЧК, 68 — в московский ревтрибунал, 47 — в «комдезертир» и около 200 — в «комиссии малолетних»²⁰. В своем отчете за 1920 г. Отдел управления Моссовета перечислил 11 судебно-карательных учреждений, за которыми «числились» заключенные московских концлагерей, но в следующем, 12-м, пункте этого перечня все равно значилось: «За прочими судами — 105 мужчин и 14 женщин»²¹.

¹⁷ Подробнее о них см.: *Шкаревский Д. Н.* Революционные военные трибуналы на транспорте в 1920-е гг.: Роль и значение // Военно-юридический журнал. 2018. № 8. С. 27—32. Первый такой трибунал был образован на Московско-Казанской железной дороге еще в августе 1918 г., в своей деятельности он руководствовался общим Положением о революционных трибуналах.

¹⁸ В соответствующем — 5-м — томе «Декретов советской власти» (М., 1973) этот декрет отсутствует, в «Биографической хронике» Ленина не упомянут. Его полный текст см.: Отчет Всероссийской Чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917—20 декабря 1921 г.) // ВЧК (1917—1922 гг.): К столетию создания. С. 562—563.

¹⁹ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 158. Л. 1—144.

²⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 363. Л. 24.

²¹ Там же. Л. 33.

Столь разветвленная судебно-карательная система позволила новой власти, по верному наблюдению меньшевика А. Н. Потресова, «напряженностью деспотизма» превзойти все прежние европейские монархии²². В самом деле: в начале XX в. в окружные суды и судебные палаты Российской империи в среднем в год поступало около 121 тыс. дел, перед Первой мировой войной через эти общие судебные установления ежегодно проходило 145—150 тыс. подсудимых, из которых 62—63% (93—94 тыс. человек) были осуждены, причем за государственные преступления и преступления против порядка управления — не более 13—15 тыс. человек. В то же время за один 1920 г. и только местные ревтрибуналы существенно меньшей по территории и численности населения Советской России рассмотрели свыше 204 тыс. дел с огромной (88%) долей осужденных²³. Через реввоен трибуналы с момента их образования и по конец 1920 г. прошло, по неполным данным, еще более 330 тыс. дел²⁴. В таком извращенном виде оказалось проведено в жизнь обещание партийной программы обеспечить «абсолютную доступность» судов для населения.

Беспрецедентной для России была и жестокость приговоров большевистского суда. В 1920 г. реввоен трибуналы «при-

менили» смертную казнь свыше 6,5 тыс. раз²⁵, за один август 1920 г., по сведениям Данишевского, приговорив к расстрелу 1100 человек²⁶. Таким образом, только эта разновидность советских трибуналов всего за месяц умертвила почти вдвое больше сограждан, чем вся чрезвычайная военно-полевая юстиция «Николая Кровавого» за восемь месяцев своего существования в революционные 1906—1907 гг. (683 человека, в подавляющем большинстве схваченные на месте преступления с оружием в руках). В 1905—1913 гг. по приговорам всех судов Российской империи, включая военные, в среднем в год смертной казни подвергалось 763 человека²⁷, внесудебной казни не существовало вовсе.

Приведенная статистика в корне опровергает декларации советской историографии о «гуманности» и даже «мягкости» судебной системы Советской России, созданной якобы «по воле пролетариата» и действовавшей на принципах «революционной законности», гласно, в интересах широких трудящихся масс²⁸. Замалчивая большевистскую внесудебную карательную практику, В. П. Портнов и М. М. Славин писали о монопольном праве «рабоче-крестьянского» суда решать вопросы «о вине и невиновности лиц, привлеченных к уголовной ответственности»²⁹. Н. Г. Смирнов

²² Потресов А. Н. В плену у иллюзий: Мой спор с официальным меньшевизмом. Париж, 1927. С. 20. Одними из первых анализ раннебольшевистской государственности дали русские правоведы-эмигранты. См.: Алексеев Н. Н. Государственный строй // Право Советской России. Вып. 1. Прага, 1925. С. 34—52.

²³ Родин Д. Революционные трибуналы в 1920—1921 гг. // Вестник статистики. 1989. № 8. С. 50—51, 53 (репринт статьи, опубликованной тем же журналом в 1923 г.).

²⁴ Смирнов Н. Г. Высшие суды революции: (Центральные революционные трибуналы. 1918—1922 гг.). М., 1990. С. 52—53.

²⁵ Подсчитано нами по: Ульрих В. Военные трибуналы // Пять лет Верховного суда. 1918—1923. М., [1923].

²⁶ Сводная таблица Данишевского «Применение высшей меры наказания Реввоен трибуналами РСФСР за 1920 г.» // toros.memo.ru.

²⁷ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 400.

²⁸ См.: Дунаевский В. А., Сучков В. В. Революционные трибуналы // СИЭ. Т. 11. М., 1968. С. 925—926; Титов Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов: Учеб. пособие. М., 1987. С. 29, 70; Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917—1922 гг.). М., 1990. С. 3, 65; и др.

²⁹ Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917—1922 гг.). С. 3.

в деятельности революционных трибуналов периода Гражданской войны усмотрел их «стремление к соблюдению презумпции невиновности» и «неукоснительное» следование принципу равенства всех перед законом и судом³⁰. Ю. П. Титов, признавая «специальный», а затем и «чрезвычайный» характер большевистской трибунальной юстиции, подчеркивал «гуманность советской уголовной политики, ставящей своей задачей не только наказать преступника, но, главное, перевоспитать его, вернуть к честной жизни»³¹.

Со своей стороны, зарубежные специалисты, включая русских правоведов-эмигрантов, именовали раннесоветскую судебную систему «ничем не ограниченным произволом», «ленинским формализованным беззаконием», «карикатурой на право и суд»³². Говоря о разрушении большевиками основ права и законности в их общепринятом, либерально-демократическом понимании, они акцентировали бесправие рядовых советских граждан, классово-карательную направленность большевистского суда, архаичность правовых представлений новой власти и насаждавшихся ею правовых норм.

Для постсоветских отечественных авторов характерно стремление преодолеть старые догмы, ввести в научный оборот прежде закрытые архивные документы, дать взвешенную оценку большевистской юстиции 1917—1922 гг., рассмотреть ее в увязке с социально-политическими реалиями

советского общества³³. В целом, однако, современная российская историография еще не преодолела переходного состояния. В этом отношении характерна работа историка права А. С. Смыкалина, который, констатируя правовой «беспредел» революционных трибуналов и именуя большевистскую «революционную законность» «беззаконием», в то же время ритуально указывает на гуманность и демократизм раннесоветского суда³⁴.

Попытаемся выяснить — что на практике представляли собой воспетые советскими авторами «революционная законность», «независимость» большевистских судов, «широкая гласность» их деятельности, «объективность» и «гуманность» в разрешении дел; какую политику большевистская власть проводила в отношении старой судебской магистратуры, как создавалась и что представляла собой новая.

Первый декрет о суде еще не был написан, а Ленин уже взывал к населению «арестовывать и предавать революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу» — от «саботажников» до сопротивляющихся «великому делу мира»³⁵. Призыв возымел действие: еще до издания декретов о суде и часто параллельно старым судебным учреждениям в разных регионах страны — как правило, по инициативе местных Советов и под разными наименованиями — стали появляться «революционные народные суды», которые в своей деятельности руковод-

³⁰ Смирнов Н. Г. Высшие суды революции: (Центральные революционные трибуналы. 1918—1922 гг.). С. 15, 21, 31, 63.

³¹ Титов Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов: Учеб. пособие. С. 70.

³² Право Советской России: Сборник статей. Вып. 2. Прага, 1925. С. 140; Schlesinger R. Soviet Legal Theory. N. Y., 1945; Пайнс Р. Русская революция / Пер. с англ. Ч. 2. М., 1994. С. 487—491; Он же. Россия при большевиках / Пер. с англ. М., 1997. С. 478.

³³ См.: Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: У истоков тоталитаризма. М., 1997; Кудряцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000; Павлов Д. Б. Трибунальный этап советской судебной системы. 1917—1922 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 1—16; и др.

³⁴ Смыкалин А. Создание советской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 39, 42.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 66—67.

ствовали «единственно голосом судейской совести»³⁶. На излете 1917 г. Ленин предложил «коммунам, мелким ячейкам в деревне и в городе» самостоятельно заниматься «исправлением исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов» «тысячью форм и способов» — от «чистки сортиров» до «расстрела на месте одного из десяти»³⁷. Фактически это было приглашение к повсеместному (отсюда — нарочито неконкретный адресат) самосуду с децимацией. И это при том, что смертная казнь была полностью отменена 26 октября 1917 г. решением II Всероссийского съезда Советов.

В том же духе действовали представители советской власти на местах. Зимой 1917/18 г., по призыву председателя Севастопольского ревкома Н. И. Островской (члена РСДРП с 1901 г.) и под руководством главного комиссара Черноморского флота большевика В. В. Роменца, также назначенного Лениным, в Севастополе, Евпатории, Ялте, Феодосии, Алуште, Симферополе матросы бессудно и часто изуверски умертвили порядка 300 офицеров и свыше 60 гражданских «контрреволюционеров», русских и татар — под предлогом борьбы с татарским национализмом³⁸. По словам очевидца, в Крыму тогда «воцарился большевизм в самой жестокой, разбойничье-кровавой форме, основанной на диком произволе местных властей»³⁹.

Однако вскоре жизнь показала, что низовой самосуд для новой власти может оказаться самоубийственным. «Настрое-

ние Софринской волости, население коей исключительно крестьянское [...] определено направлено к борьбе с Советской властью [...], — докладывал председатель исполкома Дмитровского уездного Совета в Мосгубисполком в мае 1918 г., — посылка делегатов без вооруженной силы не гарантирует последних от возможности самосуда со стороны подстрекателей»⁴⁰. «То, что делается в центрах — в Петрограде и в Москве, — писал месяц спустя социал-демократ К. М. Ермолаев П. Б. Аксельроду в Стокгольм, — это Европа, самая культурная Европа по сравнению с провинциальным дико-помпадурским “управлением” всяких “молодцов” без рода, без племени [...]. Если бы Вы знали, что за атмосфера жгучей ненависти всего населения окружает Советы, и не столько в центрах, сколько в провинции [...]. И не о “буржуазии” здесь идет речь [...]. Ненависть бушует среди обывателей, мешчанства, среди мелкой городской буржуазии, среди доведенного до отчаяния крестьянства и среди рабочих. А опирающаяся на свои штыки власть на все эти настроения отвечает массовыми расстрелами, террором и репрессиями [...]. Бывали уже случаи осады и сожжения местных Советов населением, сожжения здания Совета со всеми его обитателями!»⁴¹ Речь в письме Ермолаева шла о центральной России, но не лучше обстояли дела и на окраинах, где антибольшевистские настроения усиливались антисемитскими. «Большевизм на Украине уже изжил себя, — отметил в дневнике писатель

³⁶ См.: Кожневников М. В. История советского суда. 1917—1956 годы. М., 1957. С. 15; Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917—1922 гг.). С. 10; Смыкалин А. Создание советской судебной системы. С. 39; Макутчев А. В. «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: Революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. М., 2012. С. 26.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 204.

³⁸ Подробнее см.: История Крыма: В 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 406—408.

³⁹ Цит. по: Емельянов Ю. Н. Из истории научных поисков эмигрантского журнала «Архив русской революции» // История и историки. 2013—2014: Исторический вестник. М., 2015. С. 213.

⁴⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 168. Л. 3 об.

⁴¹ Меньшевики в 1918 году. М., 1999. С. 555.

В. Г. Короленко весной 1919 г. — «Коммуния» встречает всюду ненависть»⁴².

Только в конце 1921 г., «понаблюдав и поразмыслив», Ленин пришел к заключению, что настало время перейти к «большей революционной законности» и к некоторому «сужению» сферы деятельности ЧК⁴³. То же и почти дословно было записано в резолюции, принятой на состоявшейся в декабре 1921 г. XI Всероссийской конференции РКП(б): «Судебные учреждения Советской республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетентия и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть, соответственно, сужены, и сама она реорганизована»⁴⁴. Февральским (1922 г.) постановлением ВЦИК все дела, находившиеся в производстве ВЧК и ее органов, подлежали передаче в ревтрибуналы и народные суды «по принадлежности»; впредь «все дела о преступлениях, направленных против советского строя», следовало разрешать «исключительно в судебном порядке»⁴⁵. Вскоре состоялось слияние трех крупнейших революционных трибуналов — Верховного при ВЦИК, военного при Реввоенсовете и революционно-железнодорожного при НКПС.

Но вернемся к событиям поздней осени 1917 г. 22 ноября Ленин подписал наскоро составленный и, дабы нейтрализовать ожидавшееся сопротивление левых эсеров, проведенный через Совнарком декрет о суде, смысл которого заключался в ликвидации прежнего правового строя⁴⁶. «Наш проект Декрета № 1 о суде, — вспоминал Стучка, — встретил во Владимире

Ильиче восторженного сторонника. Суть Декрета заключалась в двух положениях: 1) разогнать старый суд и 2) отменить все старые законы»⁴⁷. Декрет упразднял общие судебные установления, институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры. Институт мировых судей «приостанавливался», но сами мировые судьи получили право превращаться в «местных», избираемых местными же Советами. Фактически по своей подсудности и внутреннему устройству вся вновь созданная «народная» юстиция копировала старую мировую. «Местному народному суду подсудны все преступления и проступки, предусмотренные Уставом о наказаниях, налагаемых мир[овыми] судьями», — говорила «Временная инструкция по организации и действию местных народных судов», утвержденная президиумом Моссовета летом 1918 г. В самой столице тогда действовало 56 «местных народных судей» — ровно столько, сколько в ней прежде было мировых, причем в «камере» каждого, как и раньше, находилось по секретарю с помощником и по «машинисту» с курьером. Общее количество местных нарсудей Советской России также практически совпало с числом прежних участковых мировых — соответственно 1400 против 1382.

Судить этому старо-новому суду надлежало «именем Российской Федеративной Советской Республики» и в своих решениях и приговорах руководствоваться законами «свергнутых правительств», но лишь «постольку, поскольку таковые не отмен-

⁴² Цит. по: Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 2. М., 2002. С. 89.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 329.

⁴⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 472.

⁴⁵ Цит. по: Отчет Всероссийской Чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 — 20 декабря 1921 г.) // ВЧК (1917—1922 гг.): К столетию создания. С. 772—774.

⁴⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 124—126. В официальных документах первых послеоктябрьских десятилетий и до недавнего времени в историографии этот декрет датировался по первой публикации — 23 ноября 1917 г. в «Правде» или 24 ноября того же года в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства».

⁴⁷ Стучка П. И. Революционная роль советского права. М., 1934. С. 91, 116.

ны революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Если верить Стучке, такая формула была изобретена самим Лениным, который в примечании к соответствующей статье декрета специально разъяснил, что «отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК, Рабочего и Крестьянского правительства, а также программам-минимум РСДРП и партии левых социалистов-революционеров»⁴⁸.

Декрет о суде № 2, изданный в марте 1918 г., содержал на этот счет следующее уточнение: «Судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами ЦИК Советов и Совнаркома и не противоречат правосознанию трудящихся классов». Из последующего текста декрета видно, что вопрос о соответствии этому правосознанию всякий раз каждый суд должен был решать для себя сам. Наконец, «Положение о едином народном суде», одобренное ВЦИК 30 ноября 1918 г., прямо запрещало судьям ссылаться в своих приговорах и решениях «на законы свергнутых правительств»⁴⁹.

В общем, как признавал позднее Стучка, «после Октября наше первое выступление правового характера заключалось в создании *пролетарского суда без буржуазного права*, но и без пролетарского»⁵⁰, т.е. без какого-либо вообще. «Всеобщее пренебрежение к праву, характерное для

мировоззрения радикальной интеллигенции до революции, после 1917 года стало официальной идеологией», — фиксирует современный западный автор⁵¹. Старые судебные деятели пытались игнорировать эти новации. «Организовывая местные суды, — утверждал позднее член коллегии Юридического отдела Моссовета и председатель московского Совета народных судей Н. А. Черлунчакевич, — мы встретились со злостным саботажем судейской магистратуры»; о «саботаже следователей и персонала канцелярий прежних судов» вспоминал и нарком юстиции Д. И. Курский⁵².

Но главное новшество содержала последняя (8-я) статья первого декрета о суде. В ней объявлялось создание «рабочих и крестьянских революционных трибуналов» — «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц» и в составе председателя и шести «очередных заседателей», избираемых губернскими и городскими Советами⁵³. Правда, в ревтрибуналах, этих, по выражению первого председателя московского ревтрибунала (МРТ) Я. Л. Бермана (большевик с 1907 г.), «исключительных судах, рассчитанных, главным образом, на расправу с политическими врагами», институт за-

⁴⁸ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 124—125.

⁴⁹ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 101.

⁵⁰ Стучка И. И. Революционная роль советского права. С. 116.

⁵¹ Энгельштейн Л. «Комбинированная» неразвитость: Дисциплина и право в царской и Советской России / Пер. с англ. // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 41.

⁵² Цит. по: Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: У истоков тоталитаризма. С. 219, 220.

⁵³ Стучка утверждал, что ревтрибуналы и ВЧК имели единого предшественника в виде работавшей «беспрерывно день и ночь» «Следственной комиссии» или «Чрезвычайной следственной комиссии» при Ревкоме (имеется в виду петроградский ВРК. — Авт.). По его словам, в эту комиссию «направлялись не только важнейшие следственные дела, но и всякие дела вообще»: Стучка И. Первые революционные трибуналы в России // Пять лет Верховного суда. 1918—1923. М., [1923].

седателей не прижился, как «пережиток буржуазно-демократических принципов» был признан неуместным и окончательно упразднен в начале 1919 г.⁵⁴

С февраля 1919 г. состав территориальных революционных трибуналов с Верховным при ВЦИК во главе стал трехчленным. Создание самого Верхтриба в конце мая 1918 г. мотивировалось необходимостью «усиления революционной репрессии» (с чем местные ревтрибуналы справлялись «не всегда») с опорой на особо доверенных судей, «которым революционная власть может вверить решение по наиболее затрагивающим интересы революции деяниям, прямо направленным против основ революционной власти»⁵⁵. В соответствии с масштабом и важностью стоявших перед ним задач Верхтриб был образован при ближайшем участии В.И. Ленина и Я.М. Свердлов⁵⁶.

По апрельскому (1919 г.) Положению ВЦИК о ревтрибуналах, их судьи должны были избираться исполкомами Советов сроком на один месяц. Однако, как признавал историк советского суда с личным опытом руководящей работы в ревтрибунале, на практике эта норма «не имела большого значения, так как уже к этому времени сложился довольно устойчивый состав трибунальских работников, особенно председателей трибунала»⁵⁷. То же в провинции — исследователь тульского ревтриба констатирует, что перемещения его членов

происходили «только в связи с переводами и увольнениями», а вовсе не с их переборами местным Советом⁵⁸.

О том, почему эти органы «революционной расправы» были названы «революционными трибуналами», официальные источники умалчивают. Писатель И.А. Бунин высказал следующее предположение: «Почему комиссар, почему трибунал, а не просто суд? Все потому, что только под защитой таких священной-революционных слов можно так смело шагать по колену в крови, что, благодаря им, даже наиболее разумные и пристойные революционеры, приходящие в негодование от обычного грабежа, воровства, убийства, отлично понимающие, что надо вязать, тащить в полицию босяка, который схватил за горло прохожего в *обычное время*, от восторга захлебываются перед этим босяком, если он делает то же самое во время, называемое революционным»⁵⁹. Другие современники видели в этом простое подражание опыту трибуналов Великой французской революции⁶⁰, едва ли не самой привлекательной стороной которого для большевиков было то, что, как восторгался Стучка, те «знали *только одну меру наказания*: гильотину или оправдание»⁶¹.

Первоначально предварительное следствие в местных судах должны были вести сами судьи, а в ревтрибуналах — особые следственные комиссии⁶². Последние самостоятельно разрешали текущие вопросы

⁵⁴ Берман Я.Л. Очерки по истории судостроительства РСФСР. М., 1924. С. 14—15.

⁵⁵ Как был организован Верховный трибунал при ВЦИК (по стенограмме заседания ВЦИКа от 29-го мая 1918 г.) // Пять лет Верховного суда. 1918—1923.

⁵⁶ Смирнов Н.Г. Высшие суды революции: (Центральные революционные трибуналы. 1918—1922 гг.). С. 18.

⁵⁷ Кожевников М.В. История советского суда. 1917—1956 годы. М., 1957. С. 81.

⁵⁸ Макутчев А.В. «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: Революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. М., 2012. С. 55.

⁵⁹ Бунин И. Великий дурман. Окаянные дни. М., 2004. С. 114.

⁶⁰ Кобяков С. Красный суд: Впечатления защитника в революционных трибуналах // Архив русской революции. Т. 7. М., 1991. С. 246.

⁶¹ Стучка П. Первые революционные трибуналы в России // Пять лет Верховного суда. 1918—1923. М., [1923].

⁶² Декреты Советской власти. Т. 1. С. 125—126.

следствия, изменения мер пресечения, прекращения дел и их дальнейшего направления по подсудности. Они были облечены и другими правами: «требовать от всех ведомств и должностных лиц, а также от всех местных самоуправлений, судебных установлений и властей, нотариальных учреждений, общественных и профессиональных организаций, торгово-промышленных предприятий, правительственных, общественных и частных кредитных установлений доставления необходимых сведений и документов, а также дел, неоконченных производством» и «обозревать через своих членов и особо уполномоченных лиц дела всех лиц, упомянутых в предыдущем пункте установлений и властей для назначения необходимых сведений»⁶³. Члены следственных комиссий получили также право «требовать к допросу» граждан, производить досмотр и выемку почтовой и телеграфной корреспонденции, а также книг, документов и переписки кредитных учреждений, подвергать обвиняемых задержанию или требовать от них залога или поручительства. Во главе комиссий ставились особо доверенные лица: например, следственной комиссией Верховного трибунала при ВЦИК до 1919 г. руководила большевичка с 1904 г. Е. Ф. Розмирович, жена председателя самого Верхтриба Н. В. Крыленко.

Параллельно с начатым, таким образом, «социалистическим созиданием» в судебной сфере ускоренным темпом шла ликвидация старой судебной системы. Первым было упразднено Министерство юстиции, чиновники которого вместе со служащими других центральных ведомств отказа-

лись признать новую власть. В середине ноября 1917 г. глава Наркомата юстиции объявил об увольнении высших служащих министерства, предложив остальным немедленно приступить к работе под угрозой локаута, но, по признанию Стучки, «за исключением 3—4 человек» на службу никто не явился⁶⁴. В итоге новое центральное судебное ведомство пришлось создавать с нуля и его вчерне удалось сконструировать только ко второй половине декабря 1917 г.⁶⁵

Петроградский революционный трибунал заработал в начале декабря 1917 г., но первые ордера на арест и предание его суду выписывали не трибунальские следователи или судьи, а сами члены Совнаркома во главе с Лениным⁶⁶. Первое судебное заседание трибунала состоялось 10 декабря 1917 г. под председательством члена РСДРП с 1909 г. 28-летнего рабочего И. П. Жукова. Рассмотрев дело графини С. В. Паниной, отказавшейся передать новой власти средства Министерства народного просвещения (незадолго до октябрьского переворота она была назначена товарищем министра), трибунал приговорил ее к «общественному порицанию», и 19 декабря она вышла на свободу. 3 января 1918 г., рассмотрев дело монархической организации во главе с В. М. Пуришкевичем, stolичный ревтрибунал приговорил его фигурантов к трем-четырем годам «принудительных общественных работ при тюрьме условно»⁶⁷. Но столь мягким выдался лишь трибунальский дебют. «Первые же приговоры трибуналов, — вспоминал Крыленко, — своей мягкостью дискредитировали их

⁶³ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

⁶⁴ Цит. по: Министерство юстиции России за 200 лет (1802—2002): Историко-правовой очерк. М., 2002. С. 132.

⁶⁵ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. [Пг.,] 30 декабря 1917 г. № 12. С. 181—182 (План работы Народного комиссариата юстиции).

⁶⁶ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4887. Л. 24 (Ордер на арест и предание суду революционного трибунала И. Г. Церетели, В. М. Чернова, Ф. И. Дана, А. Р. Гоца и др. «за выпуск с провокационной целью газеты “Революционный набат”»). 4 декабря 1917 г.).

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 277. Л. 6—6 об. (Приговор петроградского ревтрибунала от 3 января 1918 г.).

совершенно, и почти одновременно с возникновением трибуналов получила начало фактическая замена их [...] чрезвычайной комиссией»⁶⁸. Не прибавляла авторитета вновь созданным трибуналам и череда уголовных дел в отношении деятелей самих этих учреждений. Уже в феврале 1918 г. за злоупотребления властью был арестован председатель петроградского ревтрибунала⁶⁹, а в мае того же года за взятки к шестимесячному тюремному заключению были приговорены члены следственной комиссии узе ревтрибунала Москвы⁷⁰.

Его сотрудники датой создания своего учреждения считали 11 января 1918 г., однако первое заседание следственной комиссии Московского революционного трибунала состоялось в конце декабря 1917 г. Участники заседания распределили между собой обязанности, наметили штатное расписание учреждения, положили жалование себе и еще не набранным сотрудникам (оно колебалось в пределах 300—500 руб., соответствуя, таким образом, окладам руководящих советских работников губернского уровня), учредили канцелярию трибунала и его охрану из 20 милиционеров. После обсуждения списка дел, требовавших «неотложного рассмотрения», было решено «в первую очередь поставить дела о спекуляции, а затем о саботаже и о печати» (на деле начали с конца). К судебным вопросам в собственном смысле следственная комиссия обратилась в начале января 1918 г. — третьего числа

состоялось ее решение о первом слушании по делу газеты «Утро России». Обвинителями на этом процессе она утвердила трех членов РСДРП (б), вопрос о «народных заседаниях» даже не рассматривала. На публичные слушания МРТ собрался в назначенный день, но обвинительный приговор, оглашенный 11 января, был предreshен неделей раньше, когда состоялось рассмотрение этого же дела следственной комиссией трибунала в закрытом заседании⁷¹.

Первоначально МРТ разместился в помещении упраздненного Коммерческого суда в здании бывшего московского Купеческого общества на Солянке. В считанные месяцы число его служащих перевалило за 100 и в последующие годы, несмотря на кампании по сокращению штатов, почти непрерывно сотрясавшие советский бюрократический аппарат, редко бывало менее 140. Заметную часть его сотрудников составляли латыши; среди них были и советские провинциальные функционеры, по тем или иным причинам прибывшие в Москву, и выходцы из других карательных учреждений столицы. Половину из дюжины следователей МРТ составляли женщины⁷². Весной 1919 г. столичный трибунал переехал в трехэтажный особняк по Большой Лубянке — дверь в дверь со служебными апартаментами председателя ВЧК Дзержинского. Руководство МРТ коммунаой вселилось в дом покойного московского биржевика, предпринимателя и мецената Н. А. Найденова на Покровском бульваре⁷³. Поста-

⁶⁸ Цит. по: Право Советской России. Вып. 2: Сборник статей. Прага, 1925. С. 215.

⁶⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 156. «Следственное дело по обвинению председателя революционного трибунала Жукова». Несмотря на это, в декабре 1918 г. И. П. Жуков стал высокопоставленным сотрудником ВЧК. В 1919 г. он состоял членом коллегии МЧК, затем работал председателем Саратовской губЧК, а после (до 1920 г.) — членом коллегии ВЧК. Расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1956 г.

⁷⁰ Известия. 1918. 9 мая. Ленин назвал этот приговор «издевательски слабым и мягким» и предписал наркому Курскому «тотчас, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку [...] должны быть не ниже десяти лет тюрьмы, и сверх того, десяти лет принудительных работ». Потребованный Лениным документ был принят СНК уже 8 мая 1918 г., причем в его последнем (шестом) пункте указывалось, что он имеет обратную силу. См.: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 241—242.

⁷¹ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 2. Л. 7.

⁷² Там же. Д. 3. Л. 43.

⁷³ Там же. Д. 6. Л. 176 об.

новлением президиума Моссовета, в дополнение к собственному конному выезду, трибунал получил реквизированные легковые автомобили «Опель», «Бенц» и «Патфайндер», к которым вскоре добавился полуторатонный «Фиат». С тех пор рядом с каретным сараем и конюшней, в которой обитала воронья кобыла Ведьма, на его хозяйственном дворе разместился гараж.

Упразднение старорежимных судебных установлений Петрограда обеспечил бывший помощник присяжного поверенного, большевик, латыш Гуго Дамберг, который действовал по заданию сначала петроградского ВРК, а затем исполкома Петросовета. Начав в ноябре, к первым числам февраля 1918 г. отряд красногвардейцев под его командой ликвидировал дела, закрыл и распустил Сенат (4 декабря 1917 г.), петроградские судебную палату, окружной суд и другие столичные судебные учреждения, которые, по официальной версии, занимались саботажем «в особой форме» — «продолжали работу вопреки декрету»⁷⁴. К весне 1918 г. Дамберг ликвидировал еще оставшиеся камеры следователей и городские органы прокуратуры. В июне он переехал в Москву, где был сразу зачислен следователем столичного ревтрибунала⁷⁵.

Так уничтожалась старая, создавалась, обустранивалась и начинала функционировать новая судебная система в столицах. На местах все было проще и грубее. Вот, к примеру, как, по описанию очевидца, возник новый суд (ревтрибунал) в Таганроге после утверждения в городе большевиков: «21 января [1918 г.] в здание местного окружного суда ворвалась толпа человек в 25 вооруженных с ног до головы пьяных красногвардейцев, разгромила несколько комнат [...] а оттуда устремилась в помещение архива, откуда, вынеся свыше 20 000

уголовных и гражданских дел, устроила во дворе суда три больших костра, на которых в течение нескольких часов с гиканьем и свистом жгла все эти дела. Из отрывочных замечаний отдельных лиц этой банды о том, что необходимо уничтожить все дела для того, чтобы не осталось никаких следов о прежней судимости тех, кто ныне является “защитником народа” и “борцами за свободу” [...] можно с несомненностью заключить, что в толпе этой было много таких [...] которые ранее судились за убийства, разбои и грабежи [...] 31 января в суд явился в сопровождении вооруженного отряда молодой человек, одетый в рабочую куртку [...], который заявил председателю суда, что прежний окружной суд, в силу декрета Совета Народных Комиссаров, считается упраздненным, а все служащие увольняются от своих должностей и что вместо окружного суда будет действовать народный суд с выборными судьями из рабочих. [...] водворился народный суд с судьями без всякого образования и опыта, судившими не по законам, а по “революционной совести”. Публика сидела в заседаниях этого учреждения в шапках, шелкая подсолнухи и гогоча от смеха над “остроумными замечаниями судей по адресу буржуев”. По распоряжению комиссара суда были распроданы на оберточную бумагу драгоценный во всех отношениях хранившийся в суде архив бывшего коммерческого суда и почти весь архив уголовных дел окружного суда в числе до 48 000 дел. Хранившиеся же в кассе суда ценные вещественные доказательства в виде золотых и серебряных вещей были распроданы путем аукциона, причем покупателями этих вещей явились народные судьи и красногвардейцы»⁷⁶.

В первые недели 1918 г. вновь назначенные «комиссары по судебным делам»

⁷⁴ Цит. по: Коржихина Т. П. История государственных учреждений СССР. М., 1986. С. 145.

⁷⁵ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 3. Л. 30—31.

⁷⁶ Цит. по: Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. М., 2004. С. 137—139.

(они же «комиссары юстиции») закрыли старые судебные учреждения и в других подконтрольных новой власти городах: в Самаре 2 января, в Нижнем Новгороде 15 января, в Екатеринбурге 19 января и т.д. В конце 1917 — начале 1918 г. революционные трибуналы заработали сначала на губернском (в Вятке, Туле, Воронеже, Оренбурге, Ярославле и т.д.⁷⁷), а вскоре — на уездном и даже волостном уровнях (волостные и большая часть уездных ревтрибуналов просуществовали до второй половины 1918 г.; на начало октября этого года «законно действовавшими» были признаны лишь 13 уездных ревтрибунов⁷⁸). По сведениям НКЮ, из 41 территориального революционного трибунала, созданного в течение первого года пребывания у власти большевиков, семь открылись в конце 1917 г., девять — в первой трети 1918 г., прочие — в оставшуюся часть того же года⁷⁹. При занятии того или иного пункта антибольшевистскими силами ревтрибуналы прекращали работу, их сотрудники разбегались или переходили на нелегальное положение, некоторые погибали. В июне 1918 г. уличная толпа растерзала председателя самарского ревтрибунала, члена большевистской партии с 1904 г., поляка Ф.И. Венцека, взятого в плен захватившими город чехословаками⁸⁰.

В губернских ревтрибах обычно работало по 20—25 человек. По национальному составу это были пестрые учреждения. Если среди служащих, например, смоленского трибунала, как и московского, преобладал «прибалтийский элемент», то в других (как в тульском) — русский, а в третьих (как в воронежском) — еврейский⁸¹. Сразу по возникновении ревтрибуналов 90% их руководителей (председателей, их заместителей и др.) составили члены РСДРП(б), из них 60% с низким образованием, а с высшим — всего 14%⁸². Среди работников губернских ревтрибов лица с высшим образованием порой отсутствовали вообще⁸³. В ходе дискуссии начала 1919 г. о соотношении функций ЧК и ревтрибов Крыленко, отстаивая приоритет последних, напирал на то, что их судьями являются «ответственные партийные товарищи, которые при вынесении приговоров руководствуются исключительно своей революционной совестью», причем, в отличие от ЧК, полностью подконтрольны правящей партии⁸⁴. Во всех ревтрибах республики «не было и нет ни одного беспартийного», — констатировал в 1922 г. Верховный ревтрибунал; 42% их членов до революции были крестьянами, 40% — рабочими, юридическое образование имели лишь 8% сотрудников⁸⁵.

⁷⁷ См.: *Перцев В.А.* «Именем революции!»: Из истории создания и деятельности воронежского губернского революционного трибунала в 1917—1923 гг. // *Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. История, политология, социология.* 2008. № 1. С. 30; *Бакулин В.И., Вычужжанина А.С.* Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918—1922 гг. // *Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та.* 2011. № 2—5. С. 90; *Абрамовский А.А.* Организационно-правовые особенности деятельности Оренбургского военно-революционного трибунала // *Вестник Челябинского гос. ун-та.* 2015. № 17 (372). С. 9.

⁷⁸ *Титов Ю.П.* Развитие системы советских революционных трибуналов: Учеб. пособие. М., 1987. С. 5.

⁷⁹ *Берман Я.Л.* Очерки по истории судостроительства РСФСР. С. 47.

⁸⁰ *Ратковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 101.

⁸¹ См.: *Макутчев А.В.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: Революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. М., 2012. С. 87.

⁸² *Кожевников М.В.* История советского суда. 1917—1956 годы. М., 1957. С. 40.

⁸³ См.: *Абрамов В.В.* Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918—1922 гг.) (по материалам Пензенской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. С. 15.

⁸⁴ Вопросы истории. 1990. № 7. С. 157, 158.

⁸⁵ *Рогинский Т.* К вопросу о личном составе и репрессиях ревтрибуналов // *Еженедельник советской юстиции.* 1922. № 13. С. 7.

Другими словами, власти целенаправленно комплектовали трибунальский аппарат партийными кадрами. При этом профильное образование, как и образование вообще, явно играло третьестепенную роль.

Политика нового режима к бывшим адвокатам, ученым-правоведам и чиновникам судебного ведомства была противоречивой и являлась порождением конфликта догмы с практикой государственного строительства. Под влиянием первой власть без устали праздновала изгнание старого юриста из нового суда: «Новый суд, новое право должна творить сама рабочая масса», судьями могут выступать «исключительно представители победившего класса»⁸⁶. «Октябрьская революция, — говорил Ленин в 1919 г., — свергнула старых бюрократов [...] старых судей она выгнала и сделала суд народным»⁸⁷; буржуазный юрист, с удовлетворением констатировал тогда же Стучка, «пал» «с первого удара коммунистической революции»⁸⁸.

Однако, убедившись, что без профессиональных правоведов никакое, даже «пролетарское», государство функционировать не может, его руководители временами стали пытаться привлекать их на свою сторону. 11 мая 1920 г. Ленин подписал декрет о регистрации «в порядке мобилизации» лиц с высшим юридическим образованием, ранее работавших по судебному и военно-судебному ведомствам и адвокатуре, «в целях надлежащего использования юристов-практиков».

В 1920—1921 гг. было проведено несколько таких мобилизаций. В одной Москве и только в 1920 г. на учет был взят 201 чел. с высшим юридическим образованием (включая неоконченное), которые затем были принудительно распределены между Советом народных судей и Отделом юстиции Моссовета. Оставшимися «укрепили» аппараты столичного ревтрибунала, Рабоче-крестьянской инспекции, Наркомата внешней торговли и других центральных ведомств⁸⁹. При этом столичный судейский корпус на две трети продолжал состоять из людей малограмотных и профессионально неподготовленных.

Привлекая к работе старых юристов, власть рисковала немногим. В ее руках оставался безотказный рычаг регулирования количества и качества судейского корпуса — не столько профессионального, сколько по критерию лояльности режиму. Для отстранения неугодного народного судьи или следователя от работы достаточно было решения исполкома регионально-го Совета, который при этом почти всегда штамповал соответствующие «рекомендации» местного большевистского комитета, подразделения ЧК или, на худой конец, руководителей собственного Отдела юстиции, обязательно коммунистов. На бумаге избрание судей, включая трибунальских, являлось прерогативой исполкомов местных Советов, но на деле этому так или иначе предшествовало партийное «добро»⁹⁰.

⁸⁶ Цит. по: Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: У истоков тоталитаризма. С. 226.

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 15.

⁸⁸ Стучка П. И. Революционная роль советского права. С. 105.

⁸⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 282. Л. 72.

⁹⁰ «В большинстве случаев [...] избрание [членов ревтриб] производится губисполкомом, — комментировал Берман итоги опроса местных ревтриб, проведенного НКЮ в ноябре 1918 г. — Но порядок назначения кандидатов самый разнообразный. В одних случаях (как, напр., в Тульском, Тамбовском) он производится губ. ком. партии; в других (как, напр., в Тверском, Рыбинском) — по соглашению с фабрично-заводскими комитетами; в третьих (как, напр., в Рязанском) — отделами юстиции, волостными Советами (Великоустюжск. рев. триб.)» (Берман Як. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 76—77).

Для увольнения рядового служащего ревтрибунала, не говоря о юристе-консультанте, не требовалось и таких формальностей. В мае 1919 г. сотрудник МРТ коммунист Ильин направил в президиум Моссовета и в МК РКП жалобу на председателя ревтрибунала, который за отказ подписать один из вынесенных приговоров отстранил его от работы. «Находя, что подобное действие [...] является не только самоуправным, но и нарушающим всякую партийную дисциплину, что мои действия как члена Ревтрибунала, избранного Московским комитетом РКП и исполкомом Моссовета, подлежат суждению только этих последних учреждений и что им одним принадлежит право отозвания меня от занимаемого мною поста», Ильин просил «войти в разбор этого дела по существу». Но тщетно — его жалоба без долгих разговоров была отправлена «в архив»⁹¹.

Те старорежимные юристы, кто, поддавшись обаянию предоктябрьских лозунгов большевиков, пошел на сотрудничество с ними по идейным соображениям, скоро разочаровались и отошли от дел по собственному почину. Оставшиеся трудились, дабы спасти семьи от голодной смерти, реже — продолжали службу из карьерных соображений. Одним из немногих ученых-правоведов старой формации, который выступил на стороне новой власти по убеждению, стал профессор-большевик М. А. Рейснер, создатель и первый руководитель Отдела законодательных предположений (по отделению государственного права) Наркомата юстиции⁹², соавтор декрета о суде № 1 и Конституции 1918 г. Однако еще с дореволюционных лет Рейснера сторонились не только в стане революционеров (по по-

дозрению в провокации), но и в академических кругах (за «левые» взгляды). Его теоретические разработки не получили признания и после 1917 г., когда в условиях рукотворного научного безлюдья он превратился во всероссийское светило в области правоведения. «Своей научной школы Р[ейснеру] создать не удалось, — с горечью констатировал он в автобиографии, — до революции потому, что тогда марксистский подход к социальной психологии вызывал классовую и политическую вражду буржуазных научных кругов, а после революции — благодаря тому обстоятельству, что восторжествовали течения, резко враждебные социально-психологическим методам в марксизме»⁹³.

На протяжении первых послеоктябрьских лет, в условиях красного террора, военных, осадных и тому подобных чрезвычайных положений, которые объявлялись в разных регионах страны в моменты подлинной или мнимой опасности для новой власти, ученые-правоведы, бывшие служащие МВД, адвокаты, судьи, прокуроры и прочие судебские чиновники, включая мелких канцеляристов, автоматически превращались в маховых контрреволюционеров, которых следовало предавать суду ревтрибунала, брать в заложники или уничтожать на месте. Именно репрессии явились доминантой политики власти в отношении этой части образованного общества. Архив московского Совета народных судей содержит множество фактов гонений на работников суда даже новой формации и в обычное, не чрезвычайное время — их преследований, шельмования, заключения под стражу. Сообщая об очередном аресте судьи в Московской губернии, председатель столичного Совета народных судей

⁹¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 117. Л. 47—47 об.

⁹² Одновременно Рейснер разрабатывал теорию «пролетарского интуитивного права в виде революционного правосознания», которая в принципе отрицала необходимость «законодательных предположений». См.: Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 626.

⁹³ Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. С. 627.

в письме в Моссовет «изумлялся», «насколько плохо защищен в РСФСР блюститель права и законности, народный судья, от актов мести всяких проходимцев»⁹⁴ (под последними подразумевались советские деятели уездного масштаба). То же происходило в глубинке.

На состоявшемся в феврале 1918 г. ставропольском губернском съезде Советов советский эмиссар в Медвеженском уезде докладывал: «Ну и насмотрелся же я, товарищи, в уезде всякого пиралистического гада: тут тебе и попы, и почтаря, и дохтура, и фершалы, и учителя, и следователи. Конечно, я принял соответственные меры...»⁹⁵ В августе 1919 г. среди заложников, расстрелянных чекистами в Курске, были местные судебные деятели, в их числе председатель палаты Крылов. Из 1500 человек, казненных большевиками при оставлении Киева в конце августа 1919 г., не менее 30 представляли старое судебное ведомство⁹⁶. В списках более двух тысяч жертв красного террора в Одессе за четыре месяца 1919 г. (с июля по октябрь) значились бывшие председатели судебной палаты Н. И. Демьянович, товарищ прокурора В. Н. Недзвецкий, прокурор окружного суда Н. С. Баранов. Одесские большевики вообще подошли к делу мастеровито и загодя составили списки подлежащих поголовному уничтожению. На первом месте в нем почему-то значились профессора, затем шли «инженера», в третью очередь следовало расстреливать прежних судей и адвокатов⁹⁷. В периоды

массовых расправ на усиленный режим работы вместе с органами ЧК переходили и ревтрибуналы — например, в ходе упомянутой крымской резни начала 1918 г. севастопольский ревтрибунал заседал почти ежедневно⁹⁸.

В мае 1919 г. московский ревтрибунал приговорил бывшего московского губернатора и товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, на тот момент полностью отошедшего от дел 54-летнего отставного генерал-лейтенанта, к заключению в концлагерь «до конца гражданской войны за участие в ликвидации революционного движения» в годы царизма. Благодаря многочисленным ходатайствам, включая подмосковных крестьян, по ноябрьской 1920 г. амнистии этот приговор был заменен на пять лет принудительных работ⁹⁹. В 1921 г. Джунковский согласился стать консультантом ВЧК и получил свободу, но карающей «пролетарской» десницы все равно не избежал — его расстреляли в 1938 г. по приговору «тройки» НКВД за ту же дореволюционную «антинародную» деятельность.

В сентябре 1919 г., в разгар наступления на Москву армии А. И. Деникина, столичный ревтрибунал в публичном слушании рассмотрел дело 49-летнего О. Ю. Виппера, брата известного историка-академика, прокурора на громком киевском процессе 1913 г. над М. Бейлисом. Хотя после революции Виппер, как был вынужден констатировать трибунал, «не проявил себя активным врагом Советской власти»¹⁰⁰

⁹⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 191. Л. 8.

⁹⁵ Цит. по: *Краснов В. М.* Из воспоминаний о 1917—1920 гг. // Архив русской революции. Т. 11. Берлин, 1923. С. 108.

⁹⁶ *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. М., 1990. С. 127—128.

⁹⁷ Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. С. 277, 280, 284, 288, 290—291, 303—304.

⁹⁸ История Крыма: В 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 405.

⁹⁹ См.: ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 692.

¹⁰⁰ Из материалов процесса видно, что после Октября Виппер не являлся даже «саботажником», став служащим Калужского губернского продовольственного комитета, руководство которого характеризовало его «добросовестным, аккуратным, трудоспособным и беспристрастным» работником (Известия. 1919. 20 сент.).

(что, впрочем, не уберегло его от ареста весной 1919 г.¹⁰¹), обвинитель Крыленко потребовал для него смертного приговора¹⁰². В итоге Виппер был признан виновным в попытке в 1913 г. «навредить росту революционного движения рабочих и крестьян» и приговорен к заключению в концлагерь с издевательской формулировкой срока: «до полного укрепления в Российской республике коммунистического строя»¹⁰³. Бывший прокурор умер в заключении то ли в конце 1919 (по сведениям эмигрантской газеты «Призыв», был расстрелян), то ли в 1920 г.

«Вчера в газетах: в Москве расстреляно 67 кадетов, — записал петроградский обыватель в своем дневнике 24 сентября 1919 г. — Тут все — семья Астровых, Черносвитов, Штейнингер, Волков и др., и др.¹⁰⁴. Арестован вчера Дейч¹⁰⁵ [...] Кто-то выпущен (Ольденбург¹⁰⁶ и еще), а кого-то опять посадили. Посадили, расстреляли, расстреляли, посадили, выселяют, вселяют, обыски, обыски, обыски ... Эти слова стали затрепанными, обывательски-разговорными, и мы произносим их без малейшей запинки так же, как говорим, “здравствуйте” и “прощайте”»¹⁰⁷.

«Единый народный суд» и революционные трибуналы

К концу 1918 г. после череды реорганизаций более или менее законченные очертания обрели и местные районные суды,

которые утвердились под вывеской «единого народного суда» с Советом народных судей во главе и в качестве его кассационной

¹⁰¹ Летом 1919 г., незадолго до процесса, В. Ф. Клементьев встретил его в Бутырках «худого до скелетости», «с землисто-серым лицом и потухшими глазами» (*Клементьев В. Ф.* В большевицкой Москве (1918—1920). М., 1998. С. 359).

¹⁰² Приведем заключительную часть речи Крыленко (по газетному отчету) как образчик «классового» судебного обвинения: «Царизм свергнут, самодержавие не вернется; деятелей его частью уже нет, частью они скрываются. Но Деникин и Колчак продолжают оперировать контингентом тех же идей: бей жидов, бей комиссаров. И наличие граждан Випперов представляет опасность. Его нужно изолировать. Но как? Я говорю: уничтожить» (*Известия*. 1919. 20 сент.).

¹⁰³ *Известия*. 1919. 20 сент.

¹⁰⁴ Имеются в виду члены антибольшевистской, кадетско-эсеровско-меньшевистской по составу, подпольной организации «Национальный центр», сообщение об аресте и расстреле 67 членов которой от имени ВЧК было опубликовано в «Правде» и «Известиях» 23 сентября 1919 г. В цитируемой дневниковой записи речь идет о братьях А. И., П. И. и В. И. Астровых и сыне последнего, студенте Борисе (первый — инженер-гидравлик, при обыске у которого чекисты нашли лишь «проект реорганизации по свержению советской власти»; второй — бывший член Московского окружного суда; третий — мировой судья), а также о видных членах кадетской партии К. К. Черносвитове, В. И. Штейнингере и А. А. Волкове.

¹⁰⁵ Дейч Лев Григорьевич (1855—1941) — участник народнического движения с 1870-х годов, с 1880-х — марксист, один из основателей группы «Освобождение труда», с 1901 г. член РСДРП (меньшевик), каторжанин, ссыльнопоселенец. В 1917 г. член плехановской группы «Единство», в 1918 г. отошел от политической деятельности, работал в Историко-революционном архиве.

¹⁰⁶ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — востоковед, специалист по индианистике и ирановедению, профессор, академик (1903), член Конституционно-демократической партии и (с 1917 г.) ее ЦК. В 1904—1929 гг. непременный секретарь российской (советской) Академии наук, в июле—августе 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства, с 1918 г. активно сотрудничал с советской властью в научно-академической сфере, встречался с Лениным (с ним и его семьей был знаком с конца 1880-х годов). Под упомянутым арестом находился с начала сентября 1919 г.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 801. Л. 87.

инстанции¹⁰⁸. «Положение о едином народном суде» от 30 ноября 1918 г. устанавливало, что «народному суду в пределах района подсудны все уголовные дела о преступлениях и проступках, споры об имущественных и личных правах и интересах, а также все дела, отнесенные к ведению суда в порядке бесспорного производства»¹⁰⁹. Учреждение этого суда не сопровождалось даже малейшим сокращением полномочий ревтрибуналов и ЧК, и называть его «единым» было большим лукавством. Его титульное «единство» выражалось лишь в готовности в качестве суда первой инстанции рассматривать незначительные уголовные и гражданские дела, но только в тех пределах, которые были допущены ревтрибуналами и ЧК.

В карательной триаде «ЧК — ревтрибунал — народный суд» последний был наименее авторитетным и влиятельным, фактически с самого начала это был суд «по маловажным делам»¹¹⁰. «Народный суд» организовался довольно медленно, — вспоминал Стучка, — трибуналы были повсюду и местами стали монополистами правосудия, единственную судебную власть»¹¹¹. То, что народные суды систематически оттеснялись «на второй план», публично признавали руководители и региональных органов юстиции: они были «пустым местом», «их не замечали, не придавали им значения. Более того, их обходили, всякими

правами и неправдами, в обход всем декретам мало-мальски серьезные дела изымали из народных судов и передавали р[ев]тр[ибуналам]». Именно этим последним, по признанию Бермана, власть отдавала «все доверие и все симпатии»¹¹².

В некоторых губерниях (Олонецкой, Пензенской, Тверской) ревтрибуналы решали «чуть ли не все» уголовные, а порой и гражданские дела¹¹³. Более 40% осужденных ревтрибуналами в первой половине 1918 г. проходили по делам, формально подсудным не им, а народным судам¹¹⁴. По данным НКЮ, на протяжении 1918 г. ни один территориальный ревтриб «не действовал строго в рамках положенной ему по декрету подсудности»¹¹⁵. Мало того, в большинстве трибуналов дела по их установленной на тот момент подсудности занимали менее половины возбужденных ими дел — от 39% в Моршанском и Вятском ревтрибах до лишь 5% в Брянском¹¹⁶. В итоге во многих пунктах Советской России, отмечал сотрудник того же наркомата, революционные трибуналы превратились «в универсальные судебные инстанции, разрешавшие все дела, вплоть до бракоразводных». Не случайно Курский, возглавивший Наркомат юстиции в августе 1918 г., возводил ревтрибы «почти что» в «фундамент юридической надстройки пролетарской революции»¹¹⁷. Таким образом, не народные суды, а революционные трибуналы,

¹⁰⁸ Советы народных судей возглавляли органы местного суда, «находящиеся в составе губернии»; Москву и Петроград упомянутое ноябрьское (1918 г.) «Положение» выделило в самостоятельные судебные округа.

¹⁰⁹ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 98.

¹¹⁰ Отчет о работе Московского губернского суда за 1923 год: К докладу пленуму Московского губернского Исполнительного комитета. М., 1924. С. 4.

¹¹¹ Стучка П. Первые революционные трибуналы в России // Пять лет Верховного суда. 1918—1923.

¹¹² Берман Я. Л. Очерки по истории судостроительства РСФСР. С. 7, 8, 17.

¹¹³ См.: Позднякова А. С. Уголовные преступления в практике Вятского губернского революционного трибунала в годы Гражданской войны // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 35—42; и др.

¹¹⁴ Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. М., 1948. С. 116—117.

¹¹⁵ Берман Я. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 50.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Цит. по: Петухов Г. Е. Советский суд и становление революционной законности в государственном управлении. Киев; Одесса, 1982. С. 40.

тесно сотрудничавшие с органами ЧК, являлись в годы Гражданской войны основой большевистской судебной-карательной системы.

Большую часть дел, попадавших на рассмотрение народных судов, составляли мелкие уголовные и должностные преступления, которые передавались им органами милиции, ЧК и ревтрибуналами. Примечание к статье 4-й ноябрьского 1918 г. «Положения» так и указывало: «Дела о контрреволюционных деяниях и выступлениях, саботаже, дискредитировании Советской власти и шпионаже рассматриваются революционными трибуналами, от которых зависит признать деяние не имеющим политического значения и передать дело в народный суд»¹¹⁸. Со временем дополнительным источником поступления их дел стала периодическая печать. Весной 1922 г. президиум столичного Совнарсуда предписал своему Организационно-инструкторскому отделу «просматривать все газетные заметки о злоупотреблениях» и «о всех, заслуживающих внимания, докладывать в заседаниях президиума с внесением определенных предложений» относительно возможности возбуждения дела¹¹⁹.

Ноябрьское (1918 г.) «Положение» оставляло без изменения ранее установленный порядок избрания нарсудей; то же относительно их отзыва: «Постоянные народные судьи могут быть отозваны в любое время Советами рабочих и крестьянских депутатов или исполнительными комитетами съездов Советов, их избравшими»¹²⁰. Народные заседатели играли в судебном процессе роль статистов — их участие в разрешении дел «является факультативным, а не обязательным», — разъяснял нарком юстиции Украины А. И. Хмельниц-

кий в 1919 г., попутно признавая, что и эта их функция, «вообще говоря», «нуждательна»¹²¹. Судья, главное требование власти к которому, по свидетельству современника, была принадлежность к правящей партии, выносил приговоры единолично; «объем его теоретических познаний и степень его практической подготовленности роли почти не играют»¹²².

«Маловажное» место народного суда в раннесоветской судебной системе сказывалось на получаемом его служащими государственном содержании. Руководству столичных и губернских органов юстиции, членам президиумов ревтрибуналов и их домохозяевам, включая домашнюю прислугу, полагался продовольственно-вещевой паек наравне с членами ЦИК и горкомов партии (так называемый исполкомовский); прочие служащие ревтрибуналов снабжались по более скромной «госплановской» норме. Рядовые же сотрудники народных судов часто без преувеличения голодали. «По хлебным карточкам, выданным с 1 января, хлеб до сих пор совершенно не выдается, — говорили в конце января 1919 г. участники общего собрания служащих судебных учреждений подмосковного Богородска. — Из других продуктов в январе с.г. было выдано на едока только по 1/8 фунта ландрина (леденцов. — *Авт.*) и небольшое количество сухой воблы. Никаких других продовольственных продуктов в течение января совершенно не выдавалось. Покупать продукты питания по спекулятивным ценам, оставляя даже в стороне вопрос о недопустимости [этого] вообще и для совслужащих в особенности, мы лишены всякой возможности ввиду совершенной недостаточности для этого получаемого нами содержания, почему мы

¹¹⁸ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 98.

¹¹⁹ ЦГАМО. Ф. 4776. Оп. 3. Д. 1. Л. 47 об.

¹²⁰ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 100.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 526. Л. 12, 13 (рукопись, озаглавленная «Красное право и красный суд. Лекция, прочит. наркомом юстиции А. И. Хмельницким в г. Одессе»).

¹²² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 182. Л. 2—3 (*М. К. Советская юстиция: (Из личных впечатлений)*).

и наши семьи, в составе коих имеются малолетние дети, голодаем в буквальном и самом подлинном смысле этого слова». Вооружившись выпиской из этого протокола, председатель собрания отправился хлопотать в Мосгубисполком и по возвращении отметил на полях: «Ходатайство удовлетворено быть не может. Со слов секретаря»¹²³.

«Без громких фраз, без шумливых выступлений, в ежедневной будничной работе строится новое великое начинание Республики — Единый Народный Суд», — патетически писали «Известия» в феврале 1919 г. «В Москве в настоящее время организовано и открыто 60 камер местных нарсудей, — извещала газета. — [...] за 1918 г. через камеры местных судей и Совета нарсудей прошло более 100 тысяч дел [...] В настоящее время за местными судьями числятся не более 450 арестантов [...] К сожалению, множественность органов власти, за которыми числятся арестованные (трибуналы, суды, ВЧК и т. д.), создают этой работе судей большие затруднения [...] За указанные три месяца [июль—сентябрь 1918 г.] по приговорам нарсуда осуждено 4790 человек и оправдано 3080¹²⁴. Из осужденных большинство приговорено к кратковременному заключению (до трех месяцев) или же к штрафу»¹²⁵. В 1922 г. в московские районные суды ежемесячно

поступало по 400—500 дел; 75% из них касались преступлений по должности, 20% — уголовных преступлений, 5% проходили по статье «контрреволюция»¹²⁶. С введением нэпа резко пошло вверх количество гражданских дел. Если в 1921 г. в московские нарсуды их поступило около 7,5 тыс., то в следующем году — уже 38,8 тыс.¹²⁷

5 сентября 1918 г. в ответ на покушение на Ленина нарком внутренних дел Г. И. Петровский и нарком юстиции Д. И. Курский от имени Совнаркома подписали постановление «О красном терроре», превратив, таким образом, внесудебную расправу в систему государственного управления¹²⁸. Секретная инструкция ВЧК от 17 сентября вооружила местных чекистов правом внесудебным порядком выносить приговоры по всем делам о контрреволюционных преступлениях после окончания по ним следствия в самой ЧК¹²⁹. «Проводить в жизнь это мероприятие, — вспоминал современник, — принялась чека с увлечением и с истинной любовью к делу [...] Ужас навис над всей Россией, погрузил ее в безмолвие, трепетное ожидание»¹³⁰. Но не меньший страх нагоняли ревтрибуналы, от которых власть потребовала ужесточить репрессии. В документах первого Всероссийского съезда председателей ревтрибуналов (Москва, 29 ок-

¹²³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 97. Л. 3, 10.

¹²⁴ Таким образом, доля осужденных столичными народными судами за три месяца 1918 г. составила 60%. Аналогичный показатель старых мировых судов, например, за 1911—1912 гг. был вдвое меньшим.

¹²⁵ Известия. 1919. 20 февр.

¹²⁶ ЦГАМО. Ф. 4776. Оп. 3. Д. 1. Л. 45.

¹²⁷ Отчет о работе Московского губернского суда за 1923 год. К докладу пленуму Московского губернского Исполнительного комитета. С. 16.

¹²⁸ Продолжительность действия этого постановления указана не была, и вопрос о прекращении красного террора дискутируется историками по сей день. Наименьший — двухмесячный (т. е. до амнистии, объявленной VI Всероссийским чрезвычайным съездом Советов 6 ноября 1918 г.) срок ему отводит И. С. Ратьковский (см.: *Ратьковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. С. 206—207), однако и он признает, что политика красного террора «не ограничивалась рамками 1918 года» и проводилась по меньшей мере до 1920 г. (Там же. С. 3) — до временной и частичной отмены смертной казни постановлением ВЦИК и СНК от 17 января этого года.

¹²⁹ *Кожевников М. В.* История советского суда. 1917—1956 годы. М., 1957. С. 77.

¹³⁰ *Майер Н.* Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции. Т. 8. М., 1991. С. 84.

тября — 3 ноября 1918 г.) подчеркивалось, что трибуналы являются орудием классовой борьбы пролетариата, органами «суровой и беспощадной расправы [...] над бесчисленными [...] врагами революции», почему «интересы подсудимого должны быть отведены на второй план по сравнению с интересами всего трудящегося народа»¹³¹. Трибуналам было предписано покончить с организационной неразберихой, мягкостью приговоров и волокитой при рассмотрении дел.

Результаты не заставили себя ждать. В конце 1918 г. в сопредседатели московского ревтрибунала Дзержинский провел своего заместителя, члена партии с 1904 г. Я. Х. Петерса, и в МРТ, мгновенно перенявшем методы ЧК, расстреливать стали ежедневно и за любое преступление¹³². К началу 1919 г., свидетельствовал Крыленко, «одни и те же дела разбирались в ЧК и Революционным Трибуналом одинаково быстро» и «приговор, вынесенный Революционным трибуналом, был более суров, чем вынесенный ЧК»¹³³. «Смертные приговоры сыпались пачками, причем часто расстреливались люди совершенно невин-

ные, старики, старухи, дети, — докладывал эмиссар ВЦИК после посещения в 1919 г. станицы Урюпинской, столицы Хоперского округа Области войска Донского. — [...] Расстреливали по подозрению в спекуляции, шпионстве. Достаточно было ненормальному в психическом отношении [председателю ревтрибунала] Демкину во время заседания трибунала заявить, что ему подсудимый известен как контрреволюционер, чтобы трибунал, не имея никаких других данных, приговаривал человека к расстрелу [...] Расстрелы производились часто днем на глазах у всей станицы по 30—40 человек сразу, причем осужденных с издевательствами, гиканьем, криками вели к месту расстрела», где перед казнью раздевали донага¹³⁴.

Население реагировало соответствующе. «Уничтожение ЧК, — предостерегал Петерс делегатов московской общегородской конференции РКП(б) в январе 1919 г., — поведет повсюду к тому, что нам придется перейти на нелегальное положение»¹³⁵. В том же 1919 г. члены выездных сессий тульского губернского ревтрибунала не решались задерживаться в одном селе-

¹³¹ Цит. по: *Тумов Ю. П.* Развитие системы советских революционных трибуналов: Учеб. пособие. С. 11. Некоторые местные ревтрибы прибегали к массовым казням и до официального объявления красного террора. В июне 1918 г. по приговорам ревтрибунала одной из кубанских станиц за несколько дней было расстреляно свыше 250 чел., признанных врагами советской власти. См.: *Горьев Д. А.* Деятельность революционных трибуналов на Кубани (1918—1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. С. 17.

¹³² *Емельянов Ю. Н.* «Архив русской революции» и его место в исторической науке русского зарубежья // История и историки. 2013—2014: Историогр. вестник. М., 2015. С. 402.

¹³³ Протокол заседания Московской общегородской конференции РКП(б) от 30 января 1919 г. по вопросу о взаимоотношениях Чрезвычайных комиссий и Рев. трибуналов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 157. В то же время упомянутое постановление VI Всероссийского съезда Советов об амнистии предписывало ревтрибуналам и народным судам «в срочном порядке пересмотреть списки осужденных ими лиц с целью применить досрочное освобождение в самых широких размерах в отношении тех из них, освобождение которых не представляет опасности для республики» (Декреты советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 530). В преамбуле к своему постановлению съезд призвал «все местные органы Советской власти к неослабной бдительности и систематической, решительной борьбе со всеми попытками контрреволюции на фронте и в тылу ослабить Советскую власть», направив «решительные и беспощадные удары против изменников, заговорщиков, белогвардейцев и их организаций» (Там же. С. 529). Таким образом, ноябрьская 1918 г. амнистия не прекратила политики красного террора.

¹³⁴ Цит. по: *Буков В. А.* От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: У истоков тоталитаризма. С. 287.

¹³⁵ Протокол заседания Московской общегородской конференции РКП(б) от 30 января 1919 г. по вопросу о взаимоотношениях Чрезвычайных комиссий и Рев. трибуналов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 160.

нии дольше одного-двух дней из опасения восстания или расправы со стороны местных жителей¹³⁶.

Так Советская Россия вступила в эпоху «декретно-постановленческого» права (первые советские УК и УПК появились только в 1922 г.¹³⁷) и многочисленных чрезвычайных и иных судов, которые зависели от партийно-советской номенклатуры, фактически назначались и жестко контролировались ею и судили на основе партийного заказа, именуемого «революционным правосознанием» или «пролетарской совестью».

Важнейшей чертой «пролетарской демократии» и предметом своей особой гордости большевики считали установленное ими единство законодательной, исполнительной и судебной власти. «Принцип разделения властей судебной, административной и законодательной — такая же ложь, как и половина вообще “принципов” буржуазного права», — заявлял Крыленко¹³⁸. Для большевиков этот принцип, утверждал Стучка, «имеет только значение технического разделения труда. Власть, в данном случае Советская, естественно должна быть единой властью, включающей в себя и законодательную, и исполнительную, и, наконец, судебную»¹³⁹. Не удивительно поэтому, что первый декрет о суде, говоривший о суде как о самостоятельном органе, отнюдь не имел в виду учреждения какой-то особой ветви власти; первая советская Конституция 1918 г. также рассма-

тривала судебные учреждения лишь составной частью Наркомата юстиции.

Достигнутое таким образом единство властей олицетворяло «совместительство», которое широко практиковалось в партийно-советских сферах высшего и среднего звена, причем в самых неожиданных, порой невероятных сочетаниях. В. А. Аванесов, будучи секретарем президиума высшего законодательного органа республики (ВЦИК), одновременно входил в коллессию ВЧК, где, по свидетельству матроса П. Д. Малькова, коменданта Кремля, «работал чуть не каждую ночь». Руководитель Кассационного отдела ВЦИК (создан 11 июня 1918 г.) латыш О. Я. Карклин, член РСДРП с 1902 г., в то же время трудился заместителем председателя Верховного трибунала. В высшем кассационном органе республики и также без отрыва от основной работы в разное время состояли соотечественник Карклина и председатель реввоен трибунала Данишевский (при этом приговоры возглавляемых им самим трибуналов кассации не подлежали); член коллегии НКЮ П. А. Красиков; заместитель председателя ВЧК, большевик с 1903 г. И. К. Ксефонтов¹⁴⁰.

В июле 1920 г. Данишевский, оставаясь председателем реввоен трибунала, возглавил советскую делегацию на мирных переговорах с Польшей¹⁴¹, а в ноябре и также по указанию Ленина — особый отряд с бронепоездом, направленный в Нижний Новгород, гарнизон которого был охвачен

¹³⁶ Макутчев А. В. «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: Революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. М., 2012. С. 61.

¹³⁷ Их подробному разбору посвящен сборник статей «Право Советской России» (Вып. 2. Прага, 1925).

¹³⁸ Крыленко Н. Революционные трибуналы // Вестник жизни. М., 1918. № 1. С. 86.

¹³⁹ Цит. по: Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: У истоков тоталитаризма. С. 217.

¹⁴⁰ По декрету ВЦИК от 18 марта 1920 г. в состав Кассационного трибунала при ВЦИК (как с апреля 1919 г. стал именоваться Кассационный отдел ВЦИК) по должности входили председатель Верхтриба при ВЦИК, председатель реввоен трибунала при Реввоенсовете республики и член коллегии НКЮ по выбору ВЦИК. Подробнее о конструкции и личном составе этого кассационного органа см.: Смирнов Н. Г. Высшие суды революции: (Центральные революционные трибуналы. 1918—1922 гг.). М., 1990. С. 6—17.

¹⁴¹ Данишевский К. Х. Встречи с Лениным в годы гражданской войны (1918—1921 гг.) // Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969. С. 185—189.

антибольшевистским «брожением». Вместе с ним в составе той же карательной экспедиции на Волгу выехал руководитель Коллегии обвинителей московского Совета парасудей, бывший присяжный поверенный и будущий чекист Р.П. Катаньян. Заместитель Дзержинского по ВЧК Петерс с осени 1918 до весны 1919 г. сопредседательствовал в московском ревтрибунале, а с июля 1920 — в Верховном трибунале при ВЦИК.

Подобная практика приводила к тому, что одни и те же люди одновременно выступали в качестве карателей, следователей, обвинителей, судей, крупных партийных деятелей, руководителей органов законодательной и исполнительной власти, судебно-кассационных инстанций. Бывшего рабочего Смирнова, председателя МРТ, а затем — московского Совета народных судей, ЦК РКП летом 1922 г. дважды командировал в Петроград в качестве государственного обвинителя выездной сессии Верховного трибунала при ВЦИК. В первый раз — по делу «петроградских попов» (на процесс 86 священнослужителей во главе с митрополитом Петроградским Вениамином; итог — 10 смертных приговоров), а во второй — по делу «эстонских шпионов»¹⁴². На проходившем в те же месяцы, но уже в Москве, процессе над группой руководителей эсеровской

партии, которых судил тот же Верховный трибунал, Крыленко в одно и то же время выступал и государственным обвинителем, и председателем коллегии самого этого трибунала.

Похожая ситуация складывалась и на местах. В Тульской губернии, например, местный уроженец, большевик с 1903 г. Д.Г. Прокудин в 1918 г. одновременно являлся председателем губЧК, заместителем председателя губисполкома и заместителем председателя губернского ревтрибуна¹⁴³. Исследователи вятской чрезвычайной юстиции фиксируют «своеобразную личную унию» между губернскими ЧК и революционным трибуналом, скрепленную их «сходными» целями. Персональный состав здешнего трибунала устанавливал губком РКП(б), который командировал в него местных чекистов, а также собственных членов или работников губисполкома¹⁴⁴. Историк аналогичного учреждения в Пензе называет его «инструментом губкома РКП(б)», который определял состав трибунала и контролировал всю его деятельность, включая выездные сессии в уездах¹⁴⁵. Некоторые современные авторы считают разговоры о «какой-либо» независимости и объективности ревтрибунов вообще неуместными, прямо именуя их «партийными органами»¹⁴⁶.

Особенности большевистского правосудия

Большевистское правосудие с его «революционной законностью» было основано

на отсутствии установленных законом критериев того, является ли деяние, за соверше-

¹⁴² ЦГАМО. Ф. 4776. Оп. 1. Д. 29. Л. 25.

¹⁴³ Макутчев А. В. «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: Революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. С. 84.

¹⁴⁴ Бакулин В. И., Вычужжанина А. С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918—1922 гг. // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2011. № 2—5. С. 91, 94.

¹⁴⁵ Абрамов В. В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918—1922 гг.) (по материалам Пензенской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. С. 18.

¹⁴⁶ Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 62; Федоренко П. П. Революционные трибуналы Смоленской губернии (декабрь 1917—1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. С. 19.

ние которого лицо предано суду, преступным или нет. Преступность деяния либо намерения его совершить определялась по признаку его потенциальной опасности для нового строя¹⁴⁷. Судьи решали этот вопрос самостоятельно, руководствуясь своим «революционным правосознанием».

Другая отличительная особенность «пролетарского» суда состояла в том, что для него было не обязательно выяснять виновность представшего перед ним. Достаточно было установить наличие одного лишь деяния или даже просто соответствующего «настроения» обвиняемого (или их группы)¹⁴⁸, чтобы, оценив их опасность для «данной системы общественных отношений» и руководствуясь «задачами текущего момента», назначить наказание. Отказ советского законодателя от терминов «вина» и «вменяемость» при сохранении умысла как основания для уголовной ответственности, добавляет современный правовед, «обеспечивал возможность применения мер уголовной репрессии не только к отдельным лицам, но и к целым организациям без персонификации вины и индивидуализации ответственности их конкретных членов» (пример — объявление конституционных демократов «партией врагов народа» в ноябре 1917 г.)¹⁴⁹.

Третьей характерной чертой этого правосудия являлось отсутствие каких-либо «лишних» формальностей, что рассматривалось как огромное завоевание нового строя. Одна из инструкций 1918 г. прямо требовала от ревтрибуналов устранить «де-

коративную сторону» судебного процесса. Следствие ревтрибуналов, по наблюдению юриста старой формации, проходило в традициях «самых мрачных времен средневекового правосудия» в «жесточкой и наивной уверенности, что собственное сознание подсудимого, добытое какою бы то ни было ценой, есть лучшее и вернейшее доказательство»¹⁵⁰.

Очевидно, что суду, основанному на таких принципах, профессиональный юрист был не только не нужен, но противопоказан. «Нет особой нужды в старых опытных юристах, — говорили делегаты одного из первых съездов комиссаров юстиции Московской губернии, — [...] они каждый декрет истолковывают по-своему, по-юридическому [...] У них опыт для старых судов, для новых они не годны». Не менее колоритно здесь же была разрешена проблема состязательности судебного процесса: «Для негодя защитник не нужен, а для честного не нужно и прокурора»¹⁵¹.

На долгие годы в Советской России оказались уничтоженными такие принципы цивилизованного правосудия, как гласность основанного на законе судопроизводства, равенство всех перед законом, единство суда, профессионализм, несменяемость судей и их независимость от исполнительной власти. Суд образца 1864 г., как и действительная состязательность и гласность судебного процесса были ликвидированы. Появление в зале советского суда (причем далеко не всякого) декоративной фигуры народного заседателя стало жал-

¹⁴⁷ Эта норма восходила к соборному Уложению 1649 г., которое устанавливало смертную казнь не только за покушение, но и за «умышление» на независимость и безопасность государства или «государское здорье» (Гл. II. Ст. 1, 2).

¹⁴⁸ В делах Следственной комиссии петроградского ревтрибунала в ГАРФ имеется начатое 1 декабря 1917 г. дело по обвинению двух граждан в «контрреволюционном настроении».

¹⁴⁹ Иванов А. А. Классовость и целесообразность как основные идеи правоохранительной политики советской власти в годы Гражданской войны // Гражданская война в России (1917—1922 гг.): Взгляд сквозь десятилетия: Сб. материалов науч. конф. Самара, 2009. С. 268.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 182. Л. 9.

¹⁵¹ Цит. по: Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: У истоков тоталитаризма. С. 234.

кой пародией на участие в судопроизводстве общественности. В судебной сфере та часть страны, которая находилась под контролем большевиков, оказалась, таким образом, отброшена на столетия назад. Дооктябрьские судебные учреждения продолжали действовать лишь на территориях, занятых белыми, да и то в сильно усеченном виде.

Характеристика большевистского правосудия как средневекового отнюдь не уничижительна, скорее, напротив. Дореформенный российский суд при всем своем несовершенстве все же руководствовался законом и процессуальными нормами (пусть примитивными), традицией и опирался на христианские морально-нравственные ценности. В продолжение этой линии российские правоведы XIX — начала XX в. активно занимались вопросами морали права¹⁵². Большевистские же руководители и чиновники по судебной части свое отношение к писаному закону, судебной процедуре и правовой традиции недвусмысленно выразили декретом о суде № 1. «Красный суд, — утверждал бывший присяжный поверенный, а в 1918—1919 гг. нарком юстиции Украины Хмельницкий в лекции, прочитанной в Одессе в апреле 1919 г., — не поддается расшифровке правовых терминов»; «между правом буржуазным и правом красным никаких принципиальных связующих моментов быть не может», красное право вообще «чуждо так называемым правовым принципам»¹⁵³.

Что касается нравственной стороны дела, то большевики с порога отвергли саму эту категорию и даже бравировали «беспринципностью красного права» — разумеется, за исключением принципа «классовых интересов пролетариата», мо-

нопольным выразителем которых была объявлена правящая партия. «Наше отношение к суверенитету народа, наше отношение к всеобщ[ему] избирательному праву, отношение к публичным правам граждан вроде свободы слова, собраний, союзов и т.д. — это наше отношение насквозь пропитано духом нашей правовой беспринципности», — говорил тот же Хмельницкий¹⁵⁴. «Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации низших классов»¹⁵⁵, — утверждал редактор киевского «Красного меча» осенью 1918 г. Для первопроходцев советской юриспруденции вопросы морали права, столетиями занимавшие умы лучших юристов Европы, были не более чем либеральной болтовней, а законы — «юридической галиматей», лишь препятствующей победному шествию революции.

Практика нового суда оказалась пропитана карательным духом; она основывалась даже не на классовом принципе, а на том или ином истолковании текущей «революционной целесообразности». Пролетарский суд, говорил Хмельницкий, «должен руководствоваться принципом революционного утилитаризма, а не только узким критерием юриста [...] он должен исходить из того, насколько этот приговор может, опуская дамоклов меч на ту или другую голову, насколько этот приговор может быть полезен для советской власти. Если этот дамоклов меч поразит лицо, которое, может быть, является невиновным, то Революционный Трибунал и перед этим не должен останавливаться; если нужно поразить, то он должен поразить»¹⁵⁶.

Большевистские трибуналы выносили свирепые приговоры тем, кого в данный

¹⁵² См.: *Сорокин П. А.* Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С. 59.

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 526. Л. 2—2 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵⁵ Цит. по: *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. М., 1990. С. 43.

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 526. Л. 12 об.

момент и по подсказке партийных органов посчитали главным «врагом советской власти»; обстоятельства каждого данного дела играли при этом второстепенную роль. В соответствии с ленинским лозунгом «беспощадной расправы с богатыми и их прихлебателями, буржуазными интеллигентами при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества»¹⁵⁷, в годы Гражданской войны особо жестокие вердикты доставались представителям образованного общества вообще и научно-технической интеллигенции в частности. В феврале 1919 г. на Даниловской мануфактуре произошел пожар, причем экспертиза ни «неправильностей», ни «злонамеренности» в действиях главного инженера и механика предприятия не обнаружила. Тем не менее московский ревтрибунал признал обоих виновными в «гражданском дезертирстве» и приговорил каждого к пяти годам лишения свободы с принудительными работами¹⁵⁸.

В июне 1919 г. директора и бывшего владельца Трехгорной мануфактуры тот же трибунал, несмотря на протесты избравших его директором рабочих, осудил на «принудительные общественные работы до окончания гражданской войны с лишением свободы» за то, что тот, «потакая воле рабочих» и без ведома государственных органов, распорядился выдавать им зарплату мануфактурой. Выход из сложившейся щекотливой ситуации (ведь И. Н. Прохоров стремился спасти рабочих от голода и личных выгод не преследовал) трибунал нашел в лингвистическом ухищрении: ему была инкриминирована «дезорганизация тыла, вызывающая раскол среди рабочих

и компрометирующая в их глазах советскую власть»¹⁵⁹.

Летом 1920 г. московский ревтрибунал вынес расстрельный вердикт с полной конфискацией имущества группе инженеров подольского Климовского завода, а на ходоатайство хозяйственных органов хотя бы отложить приведение казни в исполнение разразился гневной филиппикой, раскрывающей истинный смысл происшедшего. «В тот момент, когда на глазах рабочих [...] переносящих всю тяжесть великих страданий героической борьбы с врагами Рабоче-Крестьянской власти как на фронте, так и в тылу, — писал в этой связи председатель МРТ, — эти предатели рабочих, поставленные как специалисты Высшим Советом Народного Хозяйства для поднятия промышленности, самым бесстыдным образом справляют пасху стоимостью свыше полумиллиона рублей [...] чтобы раз навсегда в корне пресечь подобную уголовщину и отнять охоту у этих неглупых людей на полмиллионные пасхи и надежду, к которой они так привыкли, что мол, если они и попадут в этот ужасный для них Трибунал, то нас как спецов все равно выручат; поэтому у Трибунала только один путь борьбы с подобными хищниками народного достояния — беспощадное уничтожение. Пусть подобные им [...] не забывают, что в пролетарской Республике есть Суд, учрежденный Рабоче-Крестьянской революцией — суд беспощадный для всех врагов пролетариата»¹⁶⁰. В то же время группа руководителей ГПУ Вятской губернии, включая начальника секретно-оперативного отдела и заведующего секретной агентурой, за пьяный уличный дебош на Пас-

¹⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 201.

¹⁵⁸ Известия. 1919. 4 марта.

¹⁵⁹ Вечерние известия. 1919. 24 июня. По воспоминаниям дочери И. Н. Прохорова Веры Ивановны, рабочие Трехгорки тогда «дошли до Лубянки, и отца моего освободили. И больше уже не арестовывали. Отец умер в 1927-м году. Рабочие на руках донесли гроб до Ваганьковского кладбища» (Интервью с В. И. Прохоровой // <http://surbor.su/russkij-promyshlennik-proxorov-ivan-nikolaeovich/> (дата обращения: 09.11.2018)).

¹⁶⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 470. Л. 59 — 59 об.

ху 1922 г. поплатилась лишь выговорами по «партийной линии»¹⁶¹.

Полные сводные данные о деятельности территориальных революционных трибуналов в годы Гражданской войны отсутствуют. По сведениям НКЮ, в 1917—1918 гг. 30 губернских ревтрибуналов в рамках 12 223 возбужденных ими дел осудили более семи тысяч человек (7135)¹⁶². Почти каждый третий (28,2%) осужденный был приговорен к штрафу, часто неотличимому от конфискации имущества: «Налагаемый штраф, — разъясняла “Правда”, — должен быть таким по величине, чтобы он исполнял одновременно роль экспроприации капитала и лишал бы наших активных противников их главного орудия борьбы с нами — капитала»¹⁶³.

За первую половину 1919 г. в 13 (из 34) местных ревтрибуналов республики поступило около семи тысяч (6787) дел, свыше двух тысяч человек (или 73%) были осуждены, 17% из которых — к смертной казни¹⁶⁴. За весь 1920 г. в 45 губернских ревтрибуналов поступило около 37 тыс. (36 923) дел¹⁶⁵. Число осужденных территориальными ревтрибуналами в период с 1 июля 1921 г. по 1 июля 1922 г., по данным члена Верховного суда СССР Н. С. Уманского, составило 192 тыс. человек (в большинстве — по делам о вновь введенном продналоге), из них 188,5 тыс. беспартийных и 3,6 тыс. членов РКП¹⁶⁶. Количество приговоренных всеми территориальными трибуналами к смертной казни в 1920 г., по официальным дан-

ным, составляло 3—5% от общего числа осужденных ими и 1% — в 1922 г.; число приговоренных к лишению свободы колебалось в пределах 50—78%, причем около половины были осуждены условно¹⁶⁷.

Сохранилась отрывочная статистика работы отдельных губернских и городских ревтрибуналов. МРТ, например, за период с 1 декабря 1920 г. по 1 февраля 1921 г. рассмотрел 45 дел, по которым в качестве обвиняемых привлечено 261 человека, из них 84 — за преступления по должности, 65 — за спекуляцию и хищения, 47 — за «контрреволюцию» и 20 — за мошенничество и подлог. Из них оправдательные приговоры получили 39 человек, или менее 15%; из 222 осужденных наибольшее число (76) были приговорены к принудительным работам (именно этому виду наказания Ленин отдавал предпочтение в борьбе с преступностью в советских условиях), 53 человека получили 3—5 лет тюремного заключения, четверо — 15 лет, а 9 (или 3,4%) казнены¹⁶⁸.

Митингово-декларативные формулировки действующего законодательства при отсутствии Уголовного кодекса давали судебным-карательным органам возможность, с одной стороны, освобождать от ответственности любого преступника, а с другой — выносить обвинительные приговоры любой тяжести, с любой пришедшей в голову формулировкой, на любой срок и в отношении кого угодно. Такое положение создавалось намеренно. Фактически, именно эту цель преследовал законодатель, когда

¹⁶¹ См.: Бакулин В. И., Вычужжанина А. С. Органы чрезвычайной юстиции Вятской губернии в 1918—1922 гг. // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2011. № 2—5. С. 96.

¹⁶² Подсчитано нами по: Берман Як. О революционных трибуналах. С. 60—61.

¹⁶³ Цит. по: Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. С. 132.

¹⁶⁴ Титов Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов: Учеб. пособие. С. 27—28.

¹⁶⁵ Родин Д. Революционные трибуналы в 1920—1921 гг. // Вестник статистики. 1989. № 8. С. 50—53.

¹⁶⁶ Уманский Н. Верховный трибунал // Пять лет Верховного суда. 1918—1923. М., [1923].

¹⁶⁷ Рогинский Т. К вопросу о личном составе и репрессиях ревтрибуналов // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 13. С. 7; Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: У истоков тоталитаризма. С. 288, 290; Родин Д. Революционные трибуналы в 1920—1921 гг. // Вестник статистики. 1989. № 8. С. 54.

¹⁶⁸ Подсчитано нами по: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 282. Л. 52, 83.

в ноябрьском 1918 г. «Положении о едином народном суде» установил: «Народный суд имеет право по своему убеждению определять меру наказания, а также постановить приговор об условном или полном освобождении обвиняемого от всякого наказания»¹⁶⁹. Эта (№ 23) и следующая статьи ноябрьского «Положения» (в последней указывалось, что «народный суд не стеснен никакими формальными доказательствами, и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства») давали судам право в нужных для власти случаях выносить условные или оправдательные приговоры.

Не довольствуясь этим, советская судебная практика допускала значительные изъятия. Зимой 1918/19 г. прошла волна процессов над служащими ЧК, столичными (дела следователей ВЧК П. Я. Березина, М. Ф. Косарева и др.¹⁷⁰) и провинциальными. Только за последние три месяца 1918 г. советская печать сообщила о привлечении ревтрибуналами раз-

ных губерний к ответственности порядка 50 чекистов (причем не только рядовых) за грабежи, подлоги, взятки, спекуляцию, пьянство, вымогательство, шантаж, присвоение конфискованных ценностей, истязания (которым в отдельных случаях подвергались и советские работники) и прочие должностные преступления¹⁷¹. Руководство ВЧК реагировало на эту практику крайне болезненно (защитая в суде одного из своих подчиненных, Дзержинский заявил, что расценивает происходящее как «борьбу, быть или не быть Комиссиям»¹⁷²) и добилось, чтобы в дальнейшем расследование подобных преступлений и наказание виновных стало внутренним делом самой ЧК.

Как показали перипетии с судебным разбирательством по иску И. В. Сталина к меньшевику Ю. О. Мартову, который осмелился напомнить со страниц газеты «Вперед!» об исключении Джугашвили из партии в 1908 г. за участие в экспроприации¹⁷³, высшие партийные функционеры

¹⁶⁹ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 101.

¹⁷⁰ См.: Известия. 1918. 28 дек.; 1919. 18 февр.; Вечерние известия. 1919. 31 янв.

¹⁷¹ Ратьковский И. С. Дискуссия о ВЧК и красном терроре осенью—зимой 1918 г. // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 346—347.

¹⁷² Известия. 1919. 18 февр.

¹⁷³ Вперед! 1918. 31 марта. Сталин подал на Мартова в суд, но не в партийный, народный или в трибунал печати, а напрямую в ревтрибунал, ссылаясь на то, что он является членом правительства и ЦИК и «выпад» против него носит политический характер. Однако московский ревтрибунал признал дело себе неподсудным и иск Сталина рассматривать отказался, косвенно признав таким образом правоту Мартова. Сталин на продолжении судебного разбирательства также предусмотрительно настаивать не стал и избрал другую тактику. 3 апреля Наркомат юстиции явно по его наущению направил в МРТ письмо, в котором обвинил газету «Вперед!» в «клеветнической агитации» и потребовал: 1) привлечь к ответственности руководителей газеты, 2) немедленно их арестовать и 3) «газету по возможности сегодня же закрыть и принять меры к недопущению ее дальнейшего выхода под другим названием» (ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 611. Л. 1—1 об.). Таким образом, сталинский иск против Мартова оказался перелицован в «дело газеты “Вперед!”». Но ревтрибунал продолжал гнуть свою линию. В постановлении его следственной комиссии от 4 апреля 1918 г. говорилось: «Дать ход, предложив народному комиссару юстиции возбудить против газеты “Вперед!” преследов[ание] за клевету по адресу рабоче-крестьянского правительства. Но вопросу о мерах пресечения признать арест руководителей газеты и приостановление газеты не вызываемыми необходимостью» (Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 24 об.). Чтобы впредь никому неповадно было, тем же постановлением следственной комиссии суду ревтрибунала были преданы газеты «Новое слово» и «Власть народа» «по обвинению в напечатании ложных сообщений» из меньшевистской газеты. В отношении Мартова дело кончилось тем, что 16 апреля ему было вынесено «порицание». «Вперед!» была окончательно закрыта в начале августа 1918 г. без какого-либо судебного разбирательства. Ревтрибунал заочно признал ее виновной в помещении «ложных сообщений против советской власти», объявил ее редакцию «врагами народа», а имущество газеты «национализировал» (Беднота. 1918. 9 авг.).

с самого начала фактически были выведены из-под общесудебной юрисдикции.

Зато тех рядовых граждан, кого по самым разнообразным «условиям момента» требовалось наказать, карали беспощадно. Особенно жестокими и произвольными по формулировке приговорами отличались ЧК и ревтрибуналы. «В анкетных карточках в рассмотренных делах в графе “за что осужден”, — докладывал результаты знакомства с бумагами московских арестантов председатель комиссии по проведению амнистии в ноябре 1920 г., — встречались самые разнообразные ответы в количестве до 105 [...]. Там кроме обычных современных преступлений, как спекуляция, контрреволюция, взяточничество, бандитизм, кража, преступление по должности, дезертирство [...] встречаются такие ответы: “за болтливость”, “за убеждение”, “за родственников, находящихся у белых” (вятской губЧК до конца гражданской войны арестована семья крестьян Семеновых в возрасте от 12 до 70 лет в количестве восьми человек), “за критику Советской власти”, “за распространение слухов о наступлении на Кремль”, “как подозрительный элемент”, “неблагонадежный в политическом отношении”, “за пьянство” (до конца гражданской войны), “за проституцию”, “как праздношатающийся”, “за участие в Союзе русского народа в 1905 году”, “как кадеты”, “за прежнюю службу”, “за нахождение в прифронтовой полосе”, “за распространение ложных слухов” и т. д. Размеры кары были так же разнообразны, как и наименование преступлений, и сроки отбывания наказания определялись: в 3 мес., 6 мес., год, два, три, пять, десять, 15, 20 лет, до совершеннолетия, до выяснения политической физиономии, без срока, до конца польской войны, до окончания гражданской войны, до ратификации мирного договора с Поль-

шей, до ликвидации Западного фронта, до заключения мира с Эстонией, до укрепления Советской власти»¹⁷⁴. При этом каждый десятый московский арестант, потенциальный объект применения амнистии, содержался под стражей даже без такого «приговора» и фиксированного срока заключения, а 56 человек из них (или 5,6%), помимо этого, были военнопленными и заложниками. В следующем году Гражданская война официально была объявлена победоносно завершённой, но в московских концлагерях по-прежнему находилось около двух десятков заложников, мужчин и женщин.

Несмотря на ритуальные призывы властей к «внимательному отношению к проступкам трудовых элементов», в том же 1920 г. почти 40% обитателей столичных мест заключения были рабочими, крестьянами-землепашцами и ремесленниками (соответственно 9,5, 11,4 и 18,6%) и только 16,8% — интеллигентами и бывшими чиновниками. В 1921 г. среди четырех тысяч заключенных столичных концлагерей числилось более двух тысяч мещан и крестьян, 80 бывших дворян, купцов и лиц духовного звания и 48 несовершеннолетних; почти половина из них (более 1800 человек) отбывала наказание без указания срока, не считая тех двухсот, которые были приговорены к заключению «до конца гражданской войны»¹⁷⁵. Пролетарское происхождение могло облегчить участь подсудимого только в сочетании с его личными заслугами перед новой властью, причем заслугами особого рода. Рабочий, крестьянин или даже попович, виновный в тяжком уголовном преступлении, мог уйти от судебного преследования, если имел на счету непосредственное участие в казнях «врагов», в подавлении «контрреволюционных мятежей», либо деятельно сотрудничал с органами ЧК.

¹⁷⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 483. Л. 299.

¹⁷⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 363. Л. 33—36.

Принцип «революционной целесообразности» продолжал свое победное шествие в советском правосудии и после принятия первых Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР (соответственно 1 июня и 1 августа 1922 г.). В 1922 г. в Верховный трибунал при ВЦИК стали поступать запросы от местных ревтрибуналов относительно того, можно ли в новых, мирных, условиях продолжать расстреливать беременных женщин. Обсудив этот вопрос на пленуме, Верховный трибунал разъяснил: хотя «в действующем УК нет определенного запрещения подвергать беременных высшей мере наказания», эта кара может быть допущена лишь «в исключительных случаях» — как мера, «диктуемая требованиями данного момента»; а поскольку в условиях данного момента расстреливать их «не имеет никакого здравого смысла», следует «беременным заменять расстрел следующей мерой наказания»¹⁷⁶.

Председатель Центральной контрольной комиссии (ЦКК) РКП(б) А. А. Сольц в том же 1922 г. наставлял делегатов XI партийного съезда по вопросу о мздоимстве: «Если какого-нибудь товарища смущает — можно ли в данном случае дать взятку или нет, он должен пойти в [партийную] организацию и спросить — как ему поступить в данном случае, и вообще, взятку-то дай и устрой так, чтобы тот, который получил эту взятку, получил бы и соответствующее возмездие [...]. Это вопрос целесообразности [...] этики это не касается»¹⁷⁷. Так рассуждал старый (с 1898 г.) социал-демократ, крупный партийный работник, который на протяжении 1920-х гг. являлся верховным партийным куратором советской су-

дебной системы. То, что ЦКК, таким образом, толкала партийцев на уголовное преступление и грубое нарушение ленинского декрета 1918 г. «О взяточничестве», никого не беспокоило — не исключая и самого Ленина.

По подсчетам Е. И. Корневской и В. А. Букова, только за первый год своего существования советское правительство произвело на свет около 200 декретов, которые определяли меру наказания за те или иные преступления. В основном это была уголовная ответственность, причем в большинстве — за посягательство на интересы государства. К моменту принятия первого советского Уголовного кодекса в 1922 г. число таких декретов перевалило уже за 400. Разобраться в этом декретном «море» было весьма непросто не только рядовому советскому чиновнику, но и «декретным столам», которые появились в советских учреждениях. К тому же в условиях Гражданской войны в провинцию они поступали лишь от случая к случаю. Например, в 1919 г. в тульском ревтрибе таких декретов имелось лишь пять «маловажных», и трибунальские служащие использовали их «мало и неохотно»¹⁷⁸. Крыленко как-то проговорился, что определение подсудности ревтрибуналов республики составляло компетенцию не официального законодателя, а ЦК правящей партии¹⁷⁹.

Все это превращало публичное судебное законодательство новой власти в нечто трудноприменимое и третьестепенное. Порой такое законодательство и вовсе не требовались: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии матери-

¹⁷⁶ Цит. по: Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: У истоков тоталитаризма. С. 161.

¹⁷⁷ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 года: Стеногр. отчет. М., 1961. С. 206.

¹⁷⁸ Макутчев А. В. Повседневная жизнь провинциального служащего революционного трибунала в годы Гражданской войны (по материалам Тульской губернии) // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В. И. Астафьева. 2010. Вып. 3.

¹⁷⁹ Протокол заседания Московской общегородской конференции РКП(б) от 30 января 1919 г. // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 161—162.

лов, что обвиненный действовал делом или словом против Советов, — писал чекист М. Я. Лацис в казанском журнале “Красный террор” 1 ноября 1918 г. — Первый вопрос, который вы должны ему предложить — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого»¹⁸⁰. Большевистских лидеров мало заботило низкое качество советских декретов и, как правило, неправовая форма содержащихся в них лозунгов и призывов. «Пусть в этих декретах многое негодно, много такого, что в жизнь не пройдет, — успокаивал Ленин делегатов VIII партийного съезда в 1919 г. — Но в них есть материал для практического дела»; декрет, в его понимании, — не столько закон, сколько «призыв» к массам, «призыв их к практическому делу»¹⁸¹. В результате советское судебное законодательство было таким же путаным, сумбурным и импровизационно-судорожным, как и вся карательная политика нового режима. Ленин отлично отдавал себе отчет в том, что «наши законы “противоречивы”»¹⁸².

За упомянутым декретом № 1 от 22 ноября 1917 г. последовали подписанные Лениным декреты о суде № 2 от 7 марта 1918 г. и июльский того же года за № 3. Последним, по настоянию левых эсеров, был создан «народный окружной суд». Ему надле-

жало рассматривать дела о посягательствах на человеческую жизнь, об изнасилованиях, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков и ряд других. Менее значительные дела (гражданские «ценою до 10 тыс. руб.» и мелкие уголовные) были оставлены в ведении местных судов. Конструкция и подсудность новых «народных окружных судов» во многом копировала старые окружные (совпадали и судебные округа), а местных, как и раньше, — участковые мировые. Июльским судебным декретом приговоры к краткосрочному аресту (до трех месяцев) автоматически заменялись принудительными работами на тот же срок и без содержания под стражей. Все члены окружных судов избирались «по округам» местными Советами, но своего председателя избирали сами из своей среды. Рассмотрение гражданских дел должно было происходить в присутствии четырех, а уголовных — 12 народных заседателей, которые также избирались местными Советами.

Однако левозэсеровское судебное детище как прямое покушение на прерогативы ЧК и ревтрибуналов, так толком и не успев начать работу, в ноябре 1918 г. было упразднено вместе с отменой июльского декрета. В конце 1918 г. только что набранный штат «Московского народного окружного суда» в 200 с лишним человек был распушен, его имущество передано Совету народных судей, а несколько десятков тысяч дел ар-

¹⁸⁰ Цит. по: «Че-ка»: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 15, 16. Ленин пожурил Лациса за это «нелепое» высказывание («“не ищите (!?)”, — а кто искать-то рискнет?»), но все равно остался о нем очень высокого мнения, назвав «одним из лучших, испытанных коммунистов»: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 410. В этом контексте уместно привести типичное рассуждение советского историка-правоведа относительно практики «революционной законности»: «Эффективность внедрения законности снижалась также и правовым нигилизмом некоторой части советских служащих, их стремлением решать вопросы не на основе законности, а исходя лишь из соображений субъективно понимаемой “революционной целесообразности” [...] Изложенные обстоятельства хотя и осложняли процесс становления революционной социалистической законности, тем не менее не могли оказать решающего влияния на развитие этого процесса» (Петухов Г. Е. Советский суд и становление революционной законности в государственном управлении / Под ред. В. Н. Брусса. Киев; Одесса, 1982. С. 95—96).

¹⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 199. «Была необходима полоса пропаганды декретами, — писал Ленин Каменеву в марте 1922 г., — это было нужно для успеха революции. Это прошло [...] Ни тени доверия ни к декретам, ни к учреждениям» (Там же. Т. 44. С. 429).

¹⁸² Ленинский сборник. [Т.] 35. М., 1945. С. 325.

хива дореволюционного окружного суда, которые он, было, принял к производству, не долго думая, сожгли, причем без составления каких-либо актов и описей¹⁸³.

Ноябрьская 1918 г. реформа местного суда сопровождалась очередным преобразованием институтов защиты и обвинения. По новому декрету место московской «Коллегии правозаступников» заняла еще более малолюдная (всего в 27 человек) «Коллегия защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе» при исполкоме Моссовета. Члены этой Коллегии получили статус «должностных лиц Советской республики», «прикомандированных» к определенному районному суду. «Для участия в процессе защитники и обвинители персонально назначаются судом», — устанавливал декрет, причем кроме них в этом качестве в зале суда могли находиться только близкие родственники подсудимых и тяжущихся, либо «юрисконсулты советских учреждений по уполномочию руководящих их органов»¹⁸⁴. Порядок формирования новой Коллегии существенно не изменился (кандидатов, список которых был подготовлен ревтрибуналом, Советом местных судей и районными юротделами, утверждала коллегия Юротдела Моссовета), но требования к ее членам были ужесточены. Настолько, что места в ней не нашлось ни первому (уже давно бывшему) наркому юстиции левому эсеру И. З. Штейнбергу, ни его заместителю и однопартийцу А. А. Шрейде-

ру — кандидатуры обоих под формальным предлогом были отклонены¹⁸⁵. Тем не менее в октябре 1920 г. ВЦИК постановил упразднить профессиональную Коллегию защитников и обвинителей, этого, по изысканому выражению Курского, «монополиста защиты со всеми вытекающими отсюда отрицательными возможностями»¹⁸⁶. С тех пор и вплоть до образования Коллегии адвокатов при губсуде в 1922 г. дело судебной защиты было передано «всем гражданам, способным исполнять эту обязанность», но по специальным спискам, изготовленным в недрах исполкомов местных Советов¹⁸⁷. Негосударственные объединения юристов были поставлены вне закона — в 1918 г. тверской ревтрибунал, например, осудил большую группу адвокатов за открытие «явочным порядком юридического бюро»¹⁸⁸.

Власти без колебаний пресекали чрезмерную, на их взгляд, мягкость народных судей, как и малейшие проявления нелояльности со стороны судебной защиты. Народный судья, фиксировал очевидец, «обязательно должен быть коммунистом, членом партии, которая всякого, в нее вступающего, обращает в слепое орудие своих политических махинаций и сурово карает за малейшее ослушание»¹⁸⁹. В декабре 1921 г. коллегия Отдела юстиции Моссовета отстранила от работы двух районных нарсудей за то, что по делам о самогонварении вместо предусмотренного декретом пятилетнего тюремного заключения

¹⁸³ ЦГАМО. Ф. 4776. Оп. 1. Д. 29. Л. 65.

¹⁸⁴ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 104.

¹⁸⁵ ЦГАМО. Ф. 4998. Оп. 1. Д. 13. Л. 69 об. Большевицские судебные деятели с презрением относились к левым эсерам за их преклонение перед судебными уставами 1864 г., стремление «втиснуть» в их рамки революционные трибуналы и их отрицание смертной казни. См.: *Стучка П.* Первые революционные трибуналы в России // Пять лет Верховного суда. 1918—1923. М., [1923].

¹⁸⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 541. Л. 49.

¹⁸⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 282. Л. 13.

¹⁸⁸ Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. С. 130.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 182. Л. 6—7.

они выносили условные приговоры¹⁹⁰. Защитники на «большом» эсеровском процессе 1922 г., в том числе Н.К. Муравьев и А.С. Тагер, которые сделали себе адвокатское имя еще в дореволюционную пору, были поставлены под неусыпное наблюдение ГПУ¹⁹¹. Едва правозаступники покинули это судилище, не имея «моральных сил» продолжать в нем участие, как руководство московской юстиции усомнилось «в возможности их выступления в нарсудах» вообще, как «не оправдавших доверия Высшего судебного органа Республики»¹⁹². В сентябре 1922 г. по решению коллегии ГПУ Муравьев был выслан в Казань. Адвоката Тагера после некоторой паузы на судебные процессы стали допускать вновь; его расстреляли в 1939 г. — за участие «в контрреволюционной террористической организации».

Вопреки сверхдемократичным обещаниям новой программы РКП(б) в судебной сфере, административный контроль за деятельностью местных судебных органов неуклонно совершенствовался и ужесточался. Постановление НКЮ от 10 марта 1919 г. объявило Отдел юстиции Моссовета «проводником» своих «организационных и административных мероприятий» в столице и возложило на него «наблюдение за деятельностью судебных органов через посредство и в контакте с президиумом Совета народных судей». Коллегия этого Отдела получила право решать «все важнейшие и принципиальные дела» по ведомству «народного» суда, а именно: рассматривать их отчеты и доклады, утверждать адресованные им инструкции и циркуляры, принимать меры как к «скорейшему проведе-

нию в жизнь изданных высшими органами Советской власти декретов по ведомству юстиции», так и «против незаконных действий местных органов Советской власти»¹⁹³. На своих закрытых заседаниях «в порядке Высшего Судебного Контроля» Коллегия решала, оставить данный приговор «народного» суда в силе или нет; она же направляла дела на пересмотр и доследование¹⁹⁴.

Обилием декретов и, как следствие, нечеткостью и неразберихой было отмечено и трибунальное законодательство, шедшее параллельно с общесудебным. 21 декабря 1917 г. петроградская «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» опубликовала первую развернутую «Инструкцию Революционному Трибуналу». Но уже 4 мая 1918 г. издается новый декрет СНК «О революционных трибуналах» «во изменение и дополнение» декабрьского документа. Майский декрет упразднял ревтрибуналы в мелких населенных пунктах и в гарнизонах, предписывая сохранить либо учредить их вновь в губернских городах, на крупных узловых станциях и в промышленных центрах. Теперь на трибуналы помимо дел политических возлагались также дела «по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправомерным использованием советских документов, хулиганством и шпионажем», а все дела общеуголовного характера передавались в «судебные учреждения» (к последним законодатель ревтрибуны, видимо, не причислял).

Новый декрет лишал трибунальскую «Коллегию правозаступников», образованную в декабре, функции обвинения,

¹⁹⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 506. Л. 43.

¹⁹¹ См.: Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): Этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 290—291.

¹⁹² ЦГАМО. Ф. 4776. Оп. 3. Д. 1. Л. 71.

¹⁹³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 278. Л. 83—83 об.

¹⁹⁴ См., напр.: ЦГАМО. Ф. 4776. Оп. 3. Д. 5. Л. 3 (Протокол № 41 заседания коллегии Отдела юстиции Моссовета от 29 декабря 1921 г.), 6 (Протокол № 1 заседания коллегии Отдела юстиции Моссовета от 5 января 1922 г.).

придавал обвинению государственный характер и возлагал его на специально созданную «Коллегию обвинителей» в составе трех «испытанных революционных работников», избираемых местным Советом по представлению НКЮ, либо самого ревтрибунала. «Революционный трибунал и состоящая при нем коллегия, — чеканил Хмельницкий, — должны быть обслуживаемы исключительно лицами, в отношении которых можно зафиксировать преданность коммунистическому государству»¹⁹⁵.

Упомянутым декретом о суде № 3 от 20 июля 1918 г. дела о взяточничестве и спекуляции изымались из ведения ревтрибуналов и передавались «народным окружным судам», но всего спустя пять дней (декретом от 25 июля того же года) были возвращены ревтрибам. Предание суду революционных трибуналов за совершенные преступления предусматривал ряд декретов и по более частным вопросам: «Об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях», «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности», «О разработке торфяного топлива», «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций» и др.

По смыслу только что цитированного майского (1918 г.) ленинского декрета выходило, что законодатель не считал ревтрибуналы судебными учреждениями. Взгляд на них как на внесудебный орган действительно существовал, и, по словам начальника Отдела юстиции Моссовета А. Я. Эстрина, его разделяли «многие ответственные товарищи». Первые лица советской юстиции (Стучка, Курский, Крыленко) были единодушны в том, что ревтрибунал «не есть суд над политическими преступ-

никами», но «особая организация борьбы против контрреволюционных сил» «для ограждения интересов революции»¹⁹⁶. Крыленко вообще не видел «никакой принципиально разницы между судом и расправой»; «либеральная глупость, — писал он, — говорить, что расправа, это — одно, а суд — это другое»¹⁹⁷. Украинский нарком Хмельницкий находил много общего между советскими ревтрибуналами и царскими военно-полевыми судами: «революционный трибунал до известной степени уподобляется прежним чрезвычайным судам, можно сказать, что это полевые суды революционной эпохи»¹⁹⁸. С наиболее радикальными воззрениями на трибунальное «правосудие» выступал Данишевский. Трибунал, по его мнению, это орган «смертельной борьбы», «орган уничтожения, изоляции, обезвреживания и терроризирования врагов рабоче-крестьянского отечества»; отсюда, заключал он, смертные приговоры, вынесенные трибуналом, не могут считаться наказанием — «это просто физическое уничтожение врага рабочего класса»¹⁹⁹.

В промежутке между декабрьской (1917 г.) инструкцией и майским (1918 г.) декретом правительство издало ряд актов относительно мер наказания, которые были вправе налагать ревтрибуналы. Новгодним «подарком» гражданам к 1918 г. стало очередное постановление СНК по судебной части, также написанное Лениным, по которому трибуналы получили право приговаривать «контрреволюционеров» и «саботажников» к «принудительным работам на рудниках»²⁰⁰. «Решение ревтрибунала считается окончательным», — провозглашала та же декабрьская 1917 г. инструкция. В дальнейшем и подсудность, и меры

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 526. Л. 13 об.

¹⁹⁶ Крыленко Н. Революционные трибуналы // Вестник жизни. М., 1918. № 1. С. 81—87.

¹⁹⁷ Крыленко Н. Судостроительство РСФСР. М., 1923. С. 15.

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 526. Л. 11.

¹⁹⁹ Цит. по: Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: У истоков тоталитаризма. С. 249—250.

²⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 215.

наказания, к которым могли осудить эти чрезвычайные судебные учреждения, были значительно расширены и фактически отданы на откуп самим ревтрибуналам.

16 июня 1918 г. правительственные «Известия» опубликовали постановление НКЮ, отменявшее «все донные изданные» декреты и циркуляры о ревтрибуналах. То, что ведомственный акт, таким образом, упразднял постановления верховной законодательной и исполнительной власти, никого не смутило. «Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и пр., — устанавливала ст. 2 постановления НКЮ, — не связаны никакими ограничениями, за исключением тех случаев, когда в законе определена мера в выражениях: “не ниже” такого-то наказания»²⁰¹ (другими словами, наказание дозволялось только ужесточать). Тем же постановлением Наркомата юстиции революционные трибуналы получили право выносить расстрельные приговоры²⁰². «Вызов или невызов свидетелей, равно как допущение или недопущение защиты и обвинения при рассмотрении дела, зависит от трибунала, — подтверждало акт НКЮ февральское 1919 г. постановление

ВЦИК. — Трибуналы ничем не связаны в определении меры наказания. Приговоры трибунала не подлежат обжалованию в апелляционном порядке»²⁰³.

Декретом от 17 февраля 1919 г. «О Всероссийской чрезвычайной комиссии» ВЦИК скоординировал компетенции ЧК и ревтрибов с целью объединить их усилия в борьбе с наиболее опасными, государственными, преступлениями. Отныне вынесение приговоров по делам, возникающим и расследованным в ЧК, передавалось революционным трибуналам (в связи с чем последовало упомянутое перемещение МРТ на Лубянку)²⁰⁴. Декрет лишил чекистов права вынесения приговоров по всем делам за исключением дел о любых вооруженных выступлениях, а также в губерниях, объявленных на военном положении. Правда, в 1920 г. этот режим охватывал половину территории Советской России, а созданный при ВЧК в конце октября 1919 г. упомянутый Особый ревтрибунал по делам спекуляции вновь расширял карательные полномочия лубянского учреждения.

Ближайший результат февральского декрета 1919 г. выразился в тесном взаимодействии следственных подразделений

²⁰¹ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917—1954: Сборник документов. М., 1955. С. 46—47.

²⁰² Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. С. 117. Официально смертная казнь, причем бессудная, была восстановлена в Советской России декретом СНК «Социалистическое отечество в опасности!», опубликованным 22 февраля 1918 г. В преддверии очередного немецкого наступления декрет объявлял, что «всех работоспособных членов буржуазного класса, мужчин и женщин», сопротивляющихся привлечению к рытью окопов на линии фронта, ожидает расстрел на месте; то же в отношении «неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов и германских шпионов» (Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 490—491). Ссылаясь на этот декрет, ВЧК тут же заявила, что «контрреволюционеры, шпионы, спекулянты, громилы, хулиганы, саботажники и прочие паразиты» будут ею «беспощадно уничтожаться на месте преступления» (Известия. 1918. 23 февр. (статья «От ВЧК»)). Уже 27 февраля советская печать сообщила о расстрелах чекистами и красногвардейцами нескольких грабителей, германского шпиона и группы лиц, виновных в финансовых махинациях (последних — за попытку к бегству из-под стражи).

²⁰³ Известия. 1919. 21 февр.

²⁰⁴ Фактически речь шла о возврате к практике зимы 1917/1918 гг. Петроградская ЧК, например, до конца февраля 1918 г. вела только предварительное следствие, передавая расследованные дела в столичный ревтрибунал (Отчет Всероссийской Чрезвычайной комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917—20 декабря 1921 г.) // ВЧК (1917—1922 гг.): К столетию создания. М., 2017. С. 424). Некоторые уездные ЧК возникали на базе трибунальских следственных комиссий.

МРТ и ЧК. Так, левую эсерку М.А. Спиридонову, арестованную в феврале 1919 г. по доносу районных большевистских функционеров в МК РКП об ее «антисоветских» высказываниях на рабочих митингах, допрашивал трибунальский следователь, а ее однопартийцев, привлеченных свидетелями, — сотрудники Юридическо-следственного отдела ВЧК. Соединение усилий двух ведомств дало скорый результат. Уже 24 февраля 1919 г. московский ревтрибунал вынес вердикт, согласно которому Спиридонова в своих речах «клеветала на советскую власть и отдельных ее представителей», способствовала «дезорганизации революционных сил» и «бессознательно помогала контрреволюции». Однако, «принимая во внимание болезненно-истерическое состояние» обвиняемой, трибунал приговорил «изолировать М.А. Спиридонову от политической и общественной жизни сроком на один год посредством заключения в санаторию с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда»²⁰⁵. В общем, МРТ тогда вынес один из своих самых гуманных приговоров по обвинению в политическом преступлении. Но на судьбе самой левозеро-эсерской партии это никак не сказалось, и уже в мае 1920 г. Дзержинский с удовлетворением информировал подчиненных, что ПЛСР «положительно разгромлена ЧК» и «для нас неопасна».

Превращение чрезвычайек в следственные органы ревтрибунов при одновременном упразднении следственных комиссий последних закрепило очередное «Положение о революционных трибуналах», принятое президиумом ВЦИК 18 марта 1920 г. Специальная инструкция ВЧК «О пределах компетенции губревтрибуналов в от-

ношении следственной деятельности ЧК» лишала трибуналы права как-либо менять уже вынесенные внесудебные постановления чекистов²⁰⁶. Как считает Ю.П. Титов, ноябрьское 1920 г. Положение завершило процесс превращения ревтрибуналов в чрезвычайные судебные органы²⁰⁷.

К этому времени их подсудность стала практически безграничной — ВЦИК наделил ревтрибуналы правом принимать к рассмотрению дела о «всяких» деяниях по признаку «опасности для РСФСР или порядков, в ней установленных»²⁰⁸. «Революционные трибуналы Республики учреждаются со специальной целью рассматривания дел, направляемых к ним Чрезвычайными Комиссиями, Особыми отделами и Комиссиями по борьбе с дезертирством по делам о дезертирах и принятыми трибуналами к своему рассмотрению, — говорилось в первой статье упомянутого мартовского (1920 г.) «Положения». — В соответствии с этим Трибуналам предоставляется в пределах действующих декретов неограниченное ничем право в определении меры репрессии. Кроме ЧК и Особых отделов право направления непосредственно дел в Трибуналы принадлежит в отдельных случаях наркому юстиции, наркому внутр. дел, местным губисполкомам и президиуму местных Советов народных судей по представлению народных судей. Поводом к начатии дел в Трибуналах может быть сверх того всякое заявление граждан или сообщения должностных лиц, административных мест, военных и гражданских судебных властей, явка с повинной, как и постановление самого трибунала, вынесенное им в судебном заседании при рассмотрении иного дела. Трибуналы направляют в этих случаях все поступившие к ним заявления

²⁰⁵ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 708. Л. 296 об.

²⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 2. Д. 70. Л. 433 об. (Копия инструкции о взаимоотношениях ревтрибуналов и ЧК на местах. Москва, 11 августа 1920 г.).

²⁰⁷ Титов Ю.П. Развитие системы советских революционных трибуналов: Учеб. пособие. М., 1987. С. 21.

²⁰⁸ Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1975. С. 354.

в Чрезвычайные Комиссии для расследования. В целях борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, охранения революционного порядка и борьбы с паразитическими элементами, в отношении коих дознанием не установлено достаточных данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования, за ВЧК сохранялся право заключения таковых в лагеря принудительных работ на срок не свыше 5 лет».

«Ведению Ревтрибуналов, — вчитаемся в статью вторую того же «Положения», — подлежат дела: 1) о контрреволюционных деяниях, 2) о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учет, 3) такие же дела по должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов и участие в спекуляции в той или иной форме, равно как и обвиняемых в крупных должностных преступлениях, в том числе и взяточничестве, 4) о явном дискредитировании власти советскими рабочими, 5) о дезертирах, признанных злостными [...]. Трибуналы вправе сверх того особым постановлением принимать к своему производству из направляемых к ним дел и дела о всяком ином деянии, если усмотрят в нем признаки опасности для РСФСР или порядков, в ней устанавливаемых. Определения Трибуналов о принятии или непринятии к своему производству дел ни в каком порядке обжалованию не подлежат»²⁰⁹.

Опираясь на такую формулировку своих полномочий, пределы собственной подсудности руководители ревтрибуналов фактически устанавливали сами, попытки же судебных учреждений оспорить их решения такого рода систематически пресекались и до появления мартовского (1920 г.) «Положения». Руководители московского ревтрибунала, например, полагали, что ему подсудны дела «о всех тех преступлениях, которые являются в данный момент наи-

более опасными с точки зрения интересов развивающейся рабоче-крестьянской революции», в том числе «все более важные дела об активном противодействии и неподчинении распоряжениям рабоче-крестьянской власти». Напротив, неподсудными себе МРТ считал дела о грабежах, самоуправстве, о мелкой спекуляции (на сумму менее 3 тыс. руб.), а также о «чисто-пассивном» неподчинении распоряжениям власти. При всем том президиум московского ревтрибунала был вправе направить дело на расследование или доследование в ЧК, либо получить его из здания напротив по Большой Лубянке.

Президиум ревтрибунала распорядительным порядком решал вопросы не только о подсудности данного дела кому бы то ни было, но и о времени, порядке его слушания, приглашении или неучастии в процессе защиты и обвинения, применении амнистии к данному обвиняемому, причем все это — закрытым образом и без намека на волокиту. Обычный протокол распорядительного заседания президиума МРТ выглядел следующим образом:

«Рассмотрено: Д[ело] № 403 Козырева и др.

Постановлено: Направить в народный суд.

[...] Рассмотрено: Д. № 429 Макарова и др.

Постановлено: Переслать в губернский московский револ. трибунал.

[...] Рассмотрено: Д. № 3323 Емельянова, Бредиса и др.

Постановлено: Дело прекратить и сдать в архив.

[...] Рассмотрено: Д. № 143 Троицкого Василия Николаевича.

Постановлено: Дело к слушанию назначить на 22 апреля в 10 ч. утра под председательством тов. Янышева без защиты и обвинения.

[...] Рассмотрено: Д. № 237 Сухоти-на В.А. и др.

Постановлено: Назначить на 25 апреля 19 г. в 2 ч. дня под председательством тов. Петерса без защиты и обвинителя.

Рассмотрено: Д. № 85 Зеленева, Хомякова и др.

Постановлено: Амнистию не применять — отклонить»²¹⁰ и таким же образом еще несколько десятков дел в один день.

Порядок кассации приговоров ревтрибуналов впервые был определен постановлением ВЦИК от 11 июня 1918 г. Ранее обжаловать их решения теоретически можно было у председателя соответствующего ревтрибунала²¹¹, но на деле они являлись окончательными. Теперь эта функция оказалась возложена на Кассационный отдел ВЦИК. «При том широком размахе, который предоставлялся трибуналам в определении наказания, — разъяснял Крыленко цель создания этого кассационного органа, — более чем необходимо было иметь в руках средство объединить карательный аппарат и сузить индивидуальные колебания маятника революционной Фемиды. С другой стороны, интересы революции требовали направляющей руки в смысле ограждения прав ее от слишком мягких подчас приговоров»²¹².

Вся головка нового кассационного органа назначалась: председатель — Совнаркомом, а два постоянных члена — коллегией НКЮ и ВЦИКом. Кассационные жалобы вновь учреждаемый орган должен был рассматривать в двухнедельный срок, причем

поводом для отмены приговора могло стать лишь нарушение соответствующим судебным учреждением правил о подсудности и «установленных форм судопроизводства», а также вынесение им «явно несправедливого приговора». Последнее обстоятельство члены Кассационного отдела должны были выявлять самостоятельно, опять-таки опираясь на собственное классовое чутье. Вновь образованный кассационный орган получал право входить с представлениями во ВЦИК как о смягчении, так и об ужесточении наказания, либо об отмене приговора. После того, как кассационные функции были вновь возложены на Верхтриб, он превратился «не только в верховное судебное место первой инстанции, но и в орган *верховного надзора за всеми судами* как по уголовным, так и по гражданским делам»²¹³. В 1922 г. «кассколлегия» Верхтриба утвердила 357, или почти половину (49,4%), расстрельных приговоров местных трибуналов, смягчила каждый третий (224, или 31%), а отменила каждый пятый (142, или 19,6%)²¹⁴. «Кассационные практики вносили в решения ревтрибуналов некоторое единообразие, — констатировал в том же 1922 г. руководитель одного из управлений Верхтриба, — все же оставляя большой простор для усмотрения суда»²¹⁵.

Действительно, советский институт кассации во многом являлся декоративным. Во-первых, по причине широко развитого «совместительства», о котором говорилось выше, а во-вторых, потому, что местные ревтрибуналы были вольны безнаказан-

²¹⁰ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 6. Л. 172—172 об. (Протокол заседания президиума МРТ от 18 апреля 1919 г.).

²¹¹ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 1. Л. 55—55 об. (Декрет СНК и ВЦИК от 11 июня 1918 г.). Мартовским (1920 г.) положением ВЦИК «О революционных трибуналах» для рассмотрения жалоб и протестов по разбираемым в них делам был учрежден Кассационный трибунал при ВЦИК. В июне 1921 г. кассационные функции были возвращены Верховному трибуналу.

²¹² Крыленко Н. Революционные трибуналы // Вестник жизни. М., 1918. № 1. С. 85.

²¹³ Стучка П. Первые революционные трибуналы в России // Пять лет Верховного суда. 1918—1923.

²¹⁴ Уманский Н. Верховный трибунал // Пять лет Верховного суда. 1918—1923. М., [1923].

²¹⁵ Розинский Т. К вопросу о личном составе и репрессиях ревтрибуналов // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 13. С. 6.

но игнорировать его решения. Президиум МРТ, например, сплошь и рядом оставлял «без последствий» «предложения» Кассационного отдела ВЦИК относительно пересмотра своих обвинительных приговоров. В июле 1919 г. президиум МРТ вошел с ходатайством во ВЦИК о «неправильном кассировании» своих приговоров вообще²¹⁶.

Таким же образом отклонялись ходатайства о смягчении наказания, с которыми в советские учреждения либо непосредственно в ревтрибы обращались трудовые коллективы, высокие советские гражданские и военные чины, видные деятели искусства. В сентябре 1921 г. московский ревтриб приговорил к расстрелу работников Управления складов ВСНХ А. Ц. Лифшица, М. П. Богачева и И. Ф. Князева за «продажу на сторону с целью наживы пил». С ходатайствами о сохранении им жизни выступил коллектив самого этого Управления, поэт Владимир Маяковский, крупные советские деятели. «Совершенно несомненно, — писали коллеги осужденных, — что Князев и Лифшиц впали в преступление под давлением тяжелой нищеты и не по своей инициативе. Мы свидетельствуем, что их материальное положение, как и всех других служащих, было крайне тяжелое; отсутствие пайка и низкие ставки обрекали на голод и заставляли искать спасения для себя и семьи. По делу установлено, что [...] предложение покупки [...] последовало с ведома МЧК, и преступление не было пресечено в корне, а получило

толчок к дальнейшему развитию»²¹⁷. Все эти обстоятельства и просьбы трибунал проигнорировал и настоял на приведении вынесенного приговора в исполнение.

Зато «рекомендации» Политбюро, ЦК и МК РКП выполнялись неукоснительно, причем даже в случаях, когда большевистские вожди и высшие партийные инстанции диктовали приговоры по делам еще не только не рассмотренным, не расследованным, но и не возбужденным. 21 июня 1918 г., по требованию Л. Д. Троцкого, фактически без разбирательства и сколько-нибудь убедительной юридической мотивировки (обвинение сводилось к констатации «сознательной и явной подготовки» обвиняемым «условий для контрреволюционного переворота») по приговору Верховного ревтрибунала при ВЦИК китайской расстрельной командой был казнен начальник Балтийского флота А. М. Щастный, который отказался выполнить приказ председателя РВСР о затоплении военных судов²¹⁸ (в 1995 г. Щастный был полностью реабилитирован). Весной 1920 г. тот же Лев Давидович распорядился расстрелять командира Сводного кавалерийского корпуса РККА, одного из первых кавалеров ордена Красного Знамени Б. М. Думенко, и уже выездная сессия реввоен трибунала под председательством заместителя и соотечественника Данишевского, А. Я. Розенберга, послушно выполнила приказ²¹⁹ (Думенко был реабилитирован в 1964 г.).

²¹⁶ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 6. Л. 161 об., 187 об.

²¹⁷ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 470. Л. 13. «ЧК не раскрывают преступления, но создают их», — отметил в 1919 г. глава следственной комиссии МРТ, старый (с 1903 г.) большевик И. В. Цивцивадзе с трибуны московской городской партконференции (Вопросы истории. 1990. № 7. С. 159).

²¹⁸ Подробнее см.: Рабинович А. Е. Досье Щастного: Троцкий и дело героя Балтики // Отечественная история. 2001. № 1. С. 61—82; Емельянов Ю. Н. Из истории научных поисков эмигрантского журнала «Архив русской революции» // История и историки. 2013—2014: Историогр. вестник. М., 2015. С. 202.

²¹⁹ Комкор Думенко и четверо руководителей его штаба были расстреляны по обвинению главным образом в «юдофобской политике», а также в том, что «всемерно препятствовали политической работе в корпусе» и «всячески старались оградить себя от политического контроля» (Красное знамя: Орган Кубанско-Черноморского ревкома, политотдела IX армии и Кубанско-Черноморского комитета РКП(б). 1920. 11 мая. № 14. С. 3 (статья «Дело Думенко»)).

В августе 1921 г. Ленин с согласия Политбюро предписал председателю Сибревкома И.Н. Смирнову устроить «публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять» арестованного накануне барона Р.Ф. Унгерна, что и было исполнено²²⁰; в сентябре того же года Владимир Ильич потребовал от наркома юстиции Курского «обязательно этой осенью и зимой 1921—22 гг. поставить на суд в Москве 4—6 дел о московской волоките, подобрав случаи “поярче” и сделав из каждого суда *политическое дело*». Но наркомат медлил, и спустя месяц раздосадованный вождем, известив МРТ о том, что из ЧК тому передано дело о волоките в Наркомпроде, указал: «Крайне важно — с точки зрения и партийной и политической [...] чтобы суд по делу о волоките был наиболее торжественный, *воспитательный* и приговор достаточно внушителен»²²¹.

В феврале 1922 г. секретным письмом на имя Курского Ленин обрушился с критикой на Наркомат юстиции, которому в условиях нэпа, по его мнению, была предназначена «особенно боевая и особенно ответственная задача» — «усиление репрессии против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (*в особенности* меньшевиков и эсеров); проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и *революционно-целесообразном* порядке». Если Наркомюст, предупреждал Ленин, «не докажет рядом образцовых процессов, что он *умеет* [...] *карать* не позорно-глупым,

“коммунистически-тупоумным” штрафом в 100—200 миллионов, а *расстрелять*, — тогда НКЮст ни к черту не годен, и я буду считать своим долгом тогда добиваться от Цeka полной смены ответственных работников НКЮста»²²². «За публичное оказательство (то есть обнаружение, проявление. — *Авт.*) меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши революционные суды», — потребовал вождем на состоявшемся в марте 1922 г. XI съезде РКП(б)²²³. Ленинские внушения подействовали — в том же 1922 г. прошли массовые аресты меньшевиков и эсеров, в июле—августе состоялся упомянутый процесс Верхтриба над большой группой руководителей эсеровской партии²²⁴.

В марте 1922 г. Владимир Ильич предложил членам Политбюро ЦК дать устную «детальную директиву судебным властям», сколько участников сопротивления изъятию церковных ценностей в Шуе следует казнить и кого поименно. Будущий судебный процесс, настаивал он, должен закончиться «не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров»²²⁵. В результате весной—летом 1922 г. по стране прокатилась волна трибунальных судилищ над священнослужителями и верующими-мирянами с массовыми расстрельными приговорами.

«Освежение» судебной магистратуры

Бесперебойную работу нового судебного аппарата в нужном для власти направлении обеспечивал его кадровый со-

став. Одна из первых статей «Временной инструкции по организации и действию местных народных судов» 1918 г. издания

²²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 110, 543.

²²¹ Там же. Т. 53. С. 165, 285—286.

²²² Там же. Т. 44. С. 396—400.

²²³ Там же. Т. 45. С. 89.

²²⁴ Подробнее см.: Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999. С. 70—83.

²²⁵ В. И. Ленин: Известные документы. 1891—1922 гг. М., 1999. С. 518.

указывала, что народные судьи «должны удовлетворять следующим двум условиям, а именно: 1) иметь определенный общественно-политический стаж и 2) теоретическую или практическую юридическую подготовку. В крайнем случае, для кандидата в судьи необходимо наличие хотя бы одного из означенных условий, при непременном условии стояния на платформе Советской Власти»²²⁶. С тех пор надзор за политической благонадежностью местных судей стал постоянным и с годами только усиливался.

В сентябре 1921 г. ввиду появившегося накануне (25 августа) декрета ВЦИК «Об усилении деятельности местных органов юстиции» президиум Моссовета провел масштабную проверку городских и губернских народных судов. Эта проверка была обставлена и проведена как полусекретная операция с «разоблачительным» уклоном²²⁷. В итоговом докладе ревизоры констатировали, что в Москве и Московской губернии народный суд «в данное время далеко не стоит на высоте» своих задач. Главную причину этого комиссия усмотрела в том, что подбор нарсудей «совершался большею частью случайно». «При таких условиях не приходится думать не только о сохранении нарсудом должного авторитета среди населения, но даже и о поддержании моральной репутации суда, — говорилось в ее докладе. — Менее стойкие элементы, оказавшиеся, благодаря безучастному отношению местных исполкомов к подбору судей, довольно значительной частью всего состава суда, стали слишком

доступны подкупу и вообще незаконным воздействиям со стороны»²²⁸.

Но совсем не «моральная репутация» судей в глазах населения и их гипотетическая «доступность подкупу» в действительности озаботили ревизоров. В своем письме Л. Б. Каменеву нарком юстиции Д. И. Курский прямо указал на «*невывержанность классовой линии* в деятельности Совнарсуда и народных судов», подчеркнув, что «промедление в том или ином решении вопроса о личном составе руководителей Совнарсуда и Отдела юстиции грозит привести к полной дезорганизации судебного дела в губернии»²²⁹. Президиум Моссовета с предложениями комиссии всецело согласился. 28 ноября 1921 г. он предписывал райсоветам «немедленно выделить в качестве кандидатов для занятия должностей нарсудей и нарследователей наиболее авторитетных и ответственных товарищей»²³⁰.

Вскоре Отдел юстиции разработал порядок выявления неугодных нарсудей, и обновленное руководство Совнарсуда его безропотно утвердило. Теперь это деликатное дело оказалось возложено уже не только и не столько на исполкомы райсоветов, сколько на райкомы партии, которые получили соответствующее циркулярное указание МК²³¹. В результате кампании по «освежению» нарсуда московский судейско-следовательский корпус был обновлен на четверть²³², коммунистическая «прослойка» в нем заметно возросла. К осени 1922 г. половина нарсудей и следователей Москвы были членами РКП²³³, а к концу 1923 г. — уже более 90%.

²²⁶ Временная инструкция по организации и действию местных народных судов. (Составлена Московским столичным Советом местных народных судей). М., 1918. С. 1.

²²⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 191. Л. 13.

²²⁸ Там же. Л. 2—2 об.

²²⁹ Там же. Д. 541. Л. 4—4 об.

²³⁰ Там же. Д. 506. Л. 36.

²³¹ Там же. Ф. 4776. Оп. 3. Д. 1. Л. 3 об.

²³² Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 632. Л. 173.

²³³ Подсчитано нами по: Там же. Ф. 4776. Оп. 1. Д. 10. Л. 20, 25.

Таким образом, было выполнено ленинское требование «подтянуть, встряхнуть, перетряхнуть нарсуды», не раз повторенное им на протяжении 1921—1922 гг.²³⁴ Вслед за «освежением» столичного судебного корпуса чистка народных судов была проведена по всей стране. В ходе этой кампании вместе с неугодными судьями было выкорчевано то немногое, что еще оставалось в местных судах от до-октябрьского правосудия.

Состав ревтрибуналов подобным образом не «перетряхивался», сокращения штатов им также не докучали, их главные кадровые проблемы порождали партийные мобилизации. Членами столичного ревтрибуна, как и везде, назначались исключительно коммунисты, причем всегда — с санкции горкома партии. Набор, перемещения и увольнения работников МРТ осуществлялись по прямым указаниям ЦК и МК РКП, которые обсуждению не подлежали. Летом 1918 г. Московский комитет партии мобилизовал трибунальских коммунистов на чехословацкий фронт в таком количестве, что встал вопрос о самом его дальнейшем существовании (выход был найден в сокращении следственной части трибунала и в еще большем упрощении судебной процедуры)²³⁵. В целом сотрудники столичного ревтрибунала перемещались с калейдоскопической быстротой. За пять лет существования — с января 1918 до начала 1923 г. — пост его председателя последовательно занимали семь человек, а состав рядовых служащих сменился трижды — 341 его сотрудник за тот же период был переведен на другую работу²³⁶.

Не только ревтрибуналы, но и вся советская судебная система превращалась в бюрократический механизм, который послуш-

но и бездумно выносил приговоры в строгом соответствии с директивами правящей партии. Чистки и сокращения штатов местных судов, проведенные в 1920—1921 гг., завершили процесс их огосударствления и превращения в «винтик» партийно-государственной машины.

1 января 1923 г. Верховный трибунал при ВЦИК был преобразован в Верховный суд РСФСР, началось слияние революционных трибуналов с народными судами. Появление первого советского Уголовного кодекса, объяснял этот шаг видный советский судебный деятель, «уничтожает чрезвычайность трибунальской юстиции»²³⁷. Основной «ячейкой» советского суда становился нарсуд, в губернскую инстанцию которого вливался соответствующий ревтриб. Однако при этом в губернском суде учреждались особые сессии как по уголовным, так и по гражданским делам с трибунальской подсудностью и такими же процессуальными правилами. Ликвидация ревтрибунов несколько затянулась по причине большого количества неразобранных дел (на конец января 1923 г. за московским революционным трибуналом, например, таковых числилось 649 с тремя тысячами подсудственных). Столичный ревтрибунал завершил свою деятельность 1 февраля 1923 г. — в связи с «открытием действий губсуда». После упразднения МРТ его сотрудники были переведены в другие судебные учреждения, а неоконченные трибуналом дела переданы «по принадлежности».

Как указывал Крыленко еще в 1918 г., ревтрибуны являлись судами «для преступлений эпохи, другими словами, фактически, временными судами» — «органами самообороны революции против всех тех, кто

²³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396; Т. 53. С. 165; и т. д.

²³⁵ ЦГАМО. Ф. 4998. Оп. 1. Д. 13. Л. 12 об. — 13, 16 об.

²³⁶ Там же. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 185. Л. 139.

²³⁷ Лисицын А. Слияние народных судов и революционных трибуналов // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 26—27. С. 1.

колеблет прямо и непосредственно существующий строй»²³⁸. Тем не менее основополагающие принципы большевистского

правосудия, заложенные в годы Гражданской войны, сохранялись на всем протяжении советской власти.

Создание советской пенитенциарной системы

В годы Гражданской войны началось создание советской пенитенциарной системы (тюрем, мест принудительного содержания), завершившейся сталинским ГУЛАГом. Ее создание было обусловлено потребностями советской власти в условиях войны надежно изолировать многочисленных врагов, активизировавших свою деятельность уголовных элементов, а также других категорий граждан, представлявших общественную опасность.

В отечественной и зарубежной историографии на общероссийском и региональном уровнях данная тема получила освещение в рамках изучения истории «красного террора», репрессивной политики советской власти в годы Гражданской войны²³⁹. Среди опубликованных работ на эту тему следует выделить ряд документальных изданий²⁴⁰, а также публикации Г.М. Ивановой, С.В. Бразевича, М.Г. Деткова и других авторов²⁴¹.

²³⁸ Крыленко Н. Революционные трибуналы // Вестник жизни. М., 1918. № 1. С. 85.

²³⁹ См.: Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918—1923. Берлин, 1923; Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. М., 1990; Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917—1925). До-модедово, 1990; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России // Отечественная история. 1993. № 6. С. 55; Кондрашин В.В. Информационные материалы Пензенской губчека о своей деятельности и положении в Пензенской губернии в годы гражданской войны // 80 лет от ВЧК до ФСБ: Хроника событий. Очерки. Интервью. Фотодокументы: Тематич. сб. науч. трудов. Пенза, 1998. С. 108—124; Он же. О телеграммах В.И. Ленина в Пензу в связи с крестьянским восстанием в с. Кучки // Российская история. 2020. № 2. С. 90—95; и др.

²⁴⁰ Лосев П.М., Рагулин Г.И. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917—1959 гг.): История законодательства. М., 1959; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960. М., 2000; и др.

²⁴¹ Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918—1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; Она же. Большевистские концентрационные лагеря и система заложничества в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1—3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 121—126; Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России: Исторический очерк. М., 2009; Островская И.В. Оставить эти концентрационные лагеря для господ // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 46—49; Литвинов Н.Д., Потоцкий Н.К. Особенности создания и деятельности концентрационных лагерей в первые годы Советской власти // Экономика и право: XXI век. 2015. № 4. С. 182—192; Бразевич С.В. Концентрационные лагеря как организационная форма политического насилия в послереволюционной России: Историко-социологический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 20. С. 108—134; Удовенко И.В. Повседневность московских концлагерей в 1918—1922 гг. // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1—3 октября 2018 г.). С. 127—132; Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. М., 2021. С. 208—211; Булюлина Е.В. Становление советской пенитенциарной системы и дифференцированный подход к заключенным в 1918—1922 гг. (на материалах Царицынской губернии) // Становление советской государственности: Выбор пути и его последствия: Материалы XIV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 22—25 июня 2022 г. М., 2022. С. 265—270; Хитанзейская Е.В. Принудительный труд в становлении системы советской государственности. 1919—1939 гг. На материалах Северного края: Эволюция пенитенциарной системы от «классового террора» к трудовому использованию заключенных // Там же. С. 325—337; и др.

После захвата власти большевики взяли курс на изменение сложившейся в царский период и при Временном правительстве системы мест лишения свободы совершивших противоправные действия граждан в виде тюрем. В 1918 г. в рамках реализации политики слома старого государственного аппарата и в целях экономии было закрыто 115 уездных тюрем. Вместо них начала создаваться новая форма карательных учреждений — концентрационные лагеря или лагеря принудительного труда, ставшие главным инструментом реализации карательной политики советской власти в годы Гражданской войны и в последующий период²⁴².

Потребность в концлагерях была связана с решением задачи изоляции противников советской власти, число которых по мере развертывания Гражданской войны постоянно возрастало, сначала в связи с «красным террором», затем из-за массового дезертирства из Красной армии и, наконец, вследствие усиления крестьянского повстанческого движения («политического бандитизма»).

Ассоциация понятия «концентрационный лагерь» применительно к советским лагерям в годы Гражданской войны с лагерями смерти нацистской Германии не уместна, поскольку подобные лагеря появились задолго до событий Второй мировой войны (во время Гражданской войны в США (1861—1865 гг.) и Англо-Бурской войны (1899—1902 гг.)) как лагеря для постоянного содержания военнопленных.

В воюющей России к 1917 г. было создано более 400 подобных концентрационных лагерей²⁴³.

После Октябрьской революции в середине декабря 1917 г. постановлением советского правительства военнопленные освобождались от тюремно-лагерного режима, принудительных работ и получали статус граждан нейтральных стран²⁴⁴. Входившие в ведение Центральной коллегии по делам пленных и беженцев Наркомата по военным делам концентрационные лагеря стали использоваться для содержания военнопленных уже начавшейся Гражданской войны. В годы войны советская власть предоставила статус военнопленных всем военнослужащим Белой армии и армий государств Антанты, взятым в плен Красной армией, независимо от национальной и государственной принадлежности²⁴⁵.

Однако по мере эскалации Гражданской войны рос контингент советских концлагерей из противников большевиков. Причем сама идея содержания их там, создания новых лагерей исходила непосредственно от большевистского руководства. 31 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина признал необходимым «обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изоляции их в концентрационных лагерях»²⁴⁶. 9 августа 1918 г. в ответ на письмо своего эmissара в Пензенской губернии Е. Б. Бош, сообщившей о «кулацком восстании» в с. Кучки Пензенского уезда губернии²⁴⁷, Ленин потребовал

²⁴² Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918—1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. С. 128.

²⁴³ Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С. 87.

²⁴⁴ Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции. 1914—1922 гг. М., 2014. С. 278.

²⁴⁵ Галас М. Л. Государственно-институциональная и социальная адаптация репатриантов и резвакуируемых беженцев в России в 1920-е гг. // Власть. 2011. № 4. С. 106.

²⁴⁶ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.: Сборник документов. М., 1958. С. 25.

²⁴⁷ См. об этом подробнее: Кондрашин В. В. О телеграммах В. И. Ленина в Пензу в связи с крестьянским восстанием в с. Кучки // Российская история. 2020. № 2. С. 90—95.

«провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»²⁴⁸. 11 августа недовольный пассивностью местных коммунистов Ленин направил по прямому проводу за своей подписью, а также подписями наркома продовольствия А. Д. Цюрупы и члена Высшего военного совета РСФСР Э. М. Склянского записку на имя председателя губисполкома А. Е. Минкина. В ней, в частности, говорилось: «По каждой волости назначайте (не берите, а назначайте) поименно заложников из кулаков, богатеев и мироедов, на коих возлагайте обязанность собрать и свезти на указанные станции или ссыпные пункты и сдать властям все, дочиста, излишки хлеба в волости. Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок исполнение наложенной контрибуции»²⁴⁹. 21 мая 1919 г. в письме Г. Е. Зиновьеву Ленин требует отправлять всех «неблагонадежных в концентрационные лагеря»²⁵⁰. 3 июня 1919 г. в телеграмме И. В. Сталину он снова поднимает тему концлагерей и предлагает «не спешить с высылкой» иностранцев, а поместить их «в концентрационный лагерь, чтобы потом обменять»²⁵¹. В подписанном Лениным в тот же день постановлении СНК на эту тему прямо указывалось: «Всех, проживающих на территории РСФСР иностранных подданных из рядов буржуазии тех государств, которые ведут против нас враждебные и военные действия, в возрасте от 17 до 55 лет заключить в концентрационные лагеря»²⁵².

Ленинские взгляды на роль концентрационных лагерей в борьбе с врагами советской власти полностью разделял второй по значимости в большевистском руководстве человек — председатель РВСР Л. Д. Троцкий. Именно по приказу Троцкого в конце мая 1918 г. в РСФСР на месте освободившихся после обмена военнопленными лагерей участники Первой мировой войны организовывались первые советские концлагеря для содержания военнопленных подлежащего разоружению Чехословацкого корпуса²⁵³. 8 августа 1918 г. Троцкий распорядился создать концлагеря в Арзамасе, Муроме и Свияжске для содержания «темных агитаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, спекулянтов»²⁵⁴. Кроме этого, он считал эффективной мерой держать в концлагерях в качестве заложников родственников бывших царских офицеров-военспецов, вступивших в Красную армию, чтобы гарантировать их верность советской власти. Также Троцкий призывал сажать в лагеря отказавшихся служить в Красной армии военспецов²⁵⁵.

Началом формирования советской лагерной системы можно считать апрель 1918 г., когда Главное управление мест заключения Наркомата юстиции было преобразовано в Центральный карательный отдел и появились места заключения при ВЧК, включившие и концлагеря бывших военнопленных и беженцев Первой мировой войны. Ситуация изменилась в условиях активизировавшейся Гражданской войны, когда многочисленных противников советской власти нельзя уже было сажать

²⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 143—144.

²⁴⁹ Ленинский сборник. Т. 18. М., 1931. С. 202—203.

²⁵⁰ В. И. Ленин: Неизвестные документы. 1891—1922 гг. С. 289.

²⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 335.

²⁵² Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 56.

²⁵³ Островская И. В. Оставить эти концентрационные лагеря для господ // Военно-исторический журнал. С. 46.

²⁵⁴ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1. М., 1923. С. 232—233.

²⁵⁵ Бразевич С. В. Концентрационные лагеря как организационная форма политического насилия в послереволюционной России: Историко-социологический анализ. С. 113.

в несохраняемые тюрьмы системы Наркомата юстиции. Для решения этой проблемы было решено использовать ВЧК, а также Центральную коллегию по делам пленных и беженцев Наркомата по военным делам РСФСР, как военизированную организацию, уже имевшую широкую сеть концлагерей с военнопленными Первой мировой войны²⁵⁶.

Законодательно существование в Советской России концлагерей в годы Гражданской войны было оформлено декретом СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» с целью «обеспечить тыл Советской республики от классовых врагов»²⁵⁷. Декрет основывался уже на действующей практике борьбы ВЧК с противниками власти, в том числе содержания арестованных из числа заложников в специально созданных концлагерях. Например, 2 сентября 1918 г. (за три дня до декрета СНК. — В. К.), появился приказ ВЧК о «красном терроре», в соответствии с которым подлежали аресту и заключению в тюрьму все видные меньшевики и правые эсеры. Кроме того, предусматривалось арестовать как заложников «крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров» и «заключить всю эту публику в концентрационные лагеря» под «самый надежный караул», «заставляя этих господ под конвоем работать»²⁵⁸.

Декрет СНК «О красном терроре» предоставлял органам ВЧК право изолировать всех потенциально опасных врагов большевиков в концентрационных лагерях. Заключение в лагерь не требовало практически никакой судебной процедуры, так как являлось лишь «административной

мерой в отношении «сомнительных». Это давало ВЧК «законное» основание для применения репрессий против любых категорий «классовых врагов», в которую мог попасть, по усмотрению чекистов, практически любой человек по любому формальному поводу: из-за происхождения, профессии, партийной принадлежности, родственных связей и т.п. После принятия декрета от 5 сентября 1918 г. органы ВЧК приступили к организации концлагерей во всех крупных губернских городах, причем по упрощенной форме, без согласования с центром²⁵⁹.

Созданию концентрационных лагерей способствовало распространение института заложников, которыми становились, как правило, представители бывшей правящей элиты (сенаторы, министры, генералы), члены небольшевистских политических партий (кадеты, меньшевики, эсеры) и другие категории населения: купцы, офицеры и члены их семей, участники крестьянских восстаний и т.п. Все они помещались в концлагеря и нередко расстреливались²⁶⁰.

Новый импульс развитию лагерной системы в Советской России в годы Гражданской войны придал председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Он являлся активным сторонником этой системы и считал необходимым использовать ее не только в качестве инструмента репрессий, но и принудительного труда заключенных. Об этом он заявил 17 февраля 1919 г. в выступлении на заседании ВЦИК: «Кроме приговоров по суду необходимо оставить административные приговоры, а именно концентрационный лагерь. Уже и сейчас далеко не используется труд арестованных на общественных работах, и вот я предлагаю

²⁵⁶ Бразевич С. В. Концентрационные лагеря как организационная форма политического насилия в послереволюционной России: Историко-социологический анализ. С. 114.

²⁵⁷ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 291—292.

²⁵⁸ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960. С. 14.

²⁵⁹ Там же. С. 15; Островская И. В. Оставить эти концентрационные лагеря для господ. С. 47.

²⁶⁰ Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990. С. 70.

оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения или, если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т.д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников. Таким образом, предлагается создать школу труда и по поводу этого предложения существует следующее: ВЧК предоставляется право заключения в концентрационный лагерь, причем ВЧК руководствуется точным положением о порядке заключения в концентрационный лагерь (инструкция), которое утверждается ВЦИК»²⁶¹.

В начале апреля 1919 г., основываясь на опыте деятельности ВЧК в предшествующий период, а также руководствуясь собственными представлениями о характере деятельности карательных органов советской власти, Дзержинский разработал и предложил ВЦИК утвердить проект постановления «О концентрационных лагерях», в котором обосновывалась идея использования принудительного труда²⁶². В ходе его обсуждения было решено заменить название «концентрационный лагерь» на более политически нейтральное «лагерь принудительных работ». 11 апреля 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил доработанный проект и издал постановление «О лагерях принудительных работ», 12 мая была принята «Инструкция о лагерях принудительных работ», 15 апреля и 17 мая 1919 г. соответственно оба документа были опубликованы в «Известиях ВЦИК»²⁶³.

Организационные работы по созданию лагерей принудительного труда были поручены члену коллегии ВЧК М.С. Кедрову, который 21 мая 1919 г. на заседании коллегии НКВД проинформировал его участников о состоянии московских лагерей, в которых содержались военнопленные и беженцы. Выяснилось, что в этих лагерях, подчиненных Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, ненадлежащим образом организованы караул и принудительный труд заключенных. Было решено переподчинить лагеря Отделу принудительных работ НКВД, который впоследствии трансформируется в ГУЛАГ — Главное управление лагерей принудительного труда. Именно этот отдел в годы Гражданской войны станет основным органом управления советскими концлагерями на территории страны. В Москве лагеря принудительных работ находились в ведении Отдела управления концентрационными лагерями Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. На местах организация и управление лагерями возлагались на губернские чрезвычайные комиссии, которые затем передавали лагеря в ведение подотделов принудительных работ при губернских исполнительных комитетах. В губернских городах лагеря создавались с учетом местных условий («как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т.д.»), с расчетом на минимальный контингент заключенных в 300 чел.²⁶⁴

Существовало несколько типов лагерей принудительного труда: лагеря особого назначения, концентрационные лагеря общего типа, лагеря для военнопленных и лагеря-распределители. Они были рас-

²⁶¹ Ф. Э. Дзержинский о революционной законности // Исторический архив. 1958. № 1. С. 10.

²⁶² Иванова Г. М. Большевицские концентрационные лагеря и система заложничества в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1—3 октября 2018 г.). С. 122.

²⁶³ Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918—1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. С. 130.

²⁶⁴ Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 69.

средоточены по трем ведомствам: НКВД, ВЧК и Наркомат юстиции²⁶⁵. Значительное их число создавались в монастырях, где были наиболее подходящие условия для содержания заключенных. Например, Смоленский концентрационный лагерь был размещен в Авраамиевском монастыре, Северо-Двинский — в Михайло-Архангельском мужском монастыре, Екатеринбургский — в Крестовоздвиженском женском монастыре, в Москве два лагеря заняли территории Андроникова и Ново-спасского монастырей²⁶⁶.

В соответствии с принятыми ВЦИК в 1919 г. постановлениями в лагеря принудительного труда подлежали заключению следующие категории граждан: «тунеядцы», «шулера», «гадатели», «проститутки», «коканисты», дезертиры, спекулянты, уголовные преступники, «активные белогвардейцы», «военнопленные, политическая благонадежность которых не выяснена», «контрреволюционеры», «заложники (родственники) за отдельных лиц», совершивших преступление и скрывшихся от советской власти, «перебежчики, взятые в плен и не желающие вступить в ряды Красной армии», осужденные «за преступления по должности», «за участие и соучастие в контрреволюции и шпионаже» и т. д.²⁶⁷

7 апреля 1920 г., согласно подписанному Держинским «Положению о принудительном привлечении лиц, не занятых общественно-полезным трудом», отправке в лагеря подлежали лица с «уголовным прошлым» и «злостно уклоняющиеся» от всеобщей трудовой повинности. К по-

следней категории относились лица, «живущие на нетрудовой доход», не имеющие определенных занятий, безработные, не зарегистрированные в соответствующих советских органах ремесленники, кустари и торговцы, нарушающие кодекс о труде и правила, установленные для частных предприятий, советские служащие, занимающиеся посторонними делами в рабочее время, «фиктивно учащиеся» и т. д.²⁶⁸

Режим содержания в лагерях принудительного труда был строже, чем в общих местах лишения свободы (тюрьмах). Так, при побеге срок заключения мог быть увеличен в десять раз, а при повторном — дело рассматривалось в трибунале, и мог быть применен расстрел. Труд арестованных использовался на обустройстве лагерей, при лагерных огородах и совхозах, строительстве дорог, лесозаготовках и др.

Вопреки официальной пропаганде большевиков о гуманном содержании заключенных в концлагерях, с которыми администрацией проводилась большая «культурно-просветительская работа» (предоставление книг и советских газет для чтения, организация лагерной художественной самодельности и т. д.), в действительности все обстояло ровно наоборот. Заключенные голодали, содержались в антисанитарных условиях, переполненных камерах, заражались сыпным тифом, венерическими болезнями, не имели теплой одежды, подвергались унижениям со стороны администрации и т. д.²⁶⁹ На эту тему характерна докладная записка заведующего Административно-инструкторского отдела НКВД Ф. Э. Держинскому, в которой сообща-

²⁶⁵ *Иванова Г. М.* Большевистские концентрационные лагеря и система заложничества в годы Гражданской войны. С. 125—126.

²⁶⁶ *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа. 1918—1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. С. 131—142.

²⁶⁷ *Бразевич С. В.* Концентрационные лагеря как организационная форма политического насилия в послереволюционной России: Историко-социологический анализ. С. 116.

²⁶⁸ Известия Главного комитета по всеобщей трудовой повинности. М., 1920. № 2. С. 15.

²⁶⁹ *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа. 1918—1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. С. 131—142.

лось: «Осмотренные лагеря представляют из себя места, оставляющие желать весьма многого. Санитарное состояние ниже всякой критики, и настолько в этом отношении лагеря находятся в отрицательном состоянии, как например, Покровский, Ново-Песковский (особенно женское отделение), что могут явиться при наступлении осеннего сырого времени не местами для сконцентрирования и использования рабочей силы, а рассадником эпидемических и заразных болезней. Нары и кровати отсутствуют, постельных принадлежностей нет, спят “впалку” на полу. Нет столов, скамеек, не оборудованы лагеря инвентарем»²⁷⁰.

Еще одним документом, подтверждающим тяжелое положение в советских концлагерях помещенных туда лиц, является коллективное прошение содержащихся в качестве заложников в Кожуховском лагере в Москве родственников участвовавших в антоновском восстании в Тамбовской губернии крестьян на имя наркома юстиции Д. И. Курского, датированное 14 сентября 1921 г. В нем говорилось: «Вот уже четвертый месяц, как мы старики, беременные женщины и малые дети находимся в непривычно тяжелых для нас условиях: голодаем, болеем и среди детей были уже смертные случаи. За что мы арестованы, мы совершенно, как темные люди, не можем понять, так же непонятно для нас и то, что более здоровые члены наших и других семей находятся на свободе, а мы больные старики, дети и их матери находимся в лагере»²⁷¹.

В историографии имеются разные подсчеты количества созданных в Советской России в годы Гражданской войны

лагерей принудительного труда. Но очевидно, что на подконтрольной советской власти территории их число за это время выросло. Если к концу 1919 г. в РСФСР был 21 лагерь, то осенью 1920 г. их стало уже 84, а к ноябрю 1921 г. — 122²⁷². В среднем на одну губернию приходилось по два лагеря, в которых обычно содержалось до нескольких тысяч заключенных. На 1 ноября 1920 г. в действовавших лагерях принудительного труда насчитывалось 59 636 заключенных, в том числе 34 400 военнопленных. В 1921 г. численность заключенных в лагерях уменьшилась в связи с освобождением значительной части военнопленных: к концу 1921 г. она не превышала 16 тыс. человек²⁷³.

Проведенный исследователями анализ 21 тысячи личных карточек на содержавшихся в концентрационных лагерях РСФСР в 1919—1921 гг. лиц позволил наиболее точно установить процентное соотношение видов преступлений, за которые они были заключены в лагерь. Были получены следующие данные: контрреволюция (16%); дезертирство (15%); кража (14%); спекуляция (8%); превышение, злоупотребление и бездействие власти (5%); уклонение от трудовой, налоговой и др. повинностей (4%); бандитизм (4%); денежные растраты и хищения (3%); подделка дензнаков и правительственных документов (2%); взяточничество (2%)²⁷⁴. Как видно, большинство заключенных не были «контрреволюционерами». Они отбывали наказание за уголовные преступления и другие проступки. По заслуживающим доверия подсчетам авторитетного исследователя ГУЛАГа М. Ю. Морукова, в общей массе контингента лагерей осужденные в годы

²⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 65. Л. 3.

²⁷¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 315. Л. 256.

²⁷² Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918—1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. С. 127, 131.

²⁷³ Моруков М. Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006. С. 30—31.

²⁷⁴ Бразевич С. В. Концентрационные лагеря как организационная форма политического насилия в послереволюционной России: историко-социологический анализ. С. 117.

Гражданской войны за контрреволюцию составляли не более 27% от общей численности²⁷⁵. Тем не менее лагеря принудительного труда (концлагеря) в рассматриваемый период выполнили важную задачу: они способствовали распространению страха среди широких слоев населения, служили инструментом его запугивания, что содействовало укреплению советской власти в условиях ожесточенной Гражданской войны²⁷⁶.

В годы войны, кроме лагерей принудительного труда, в советскую пенитенциарную систему входили тюрьмы. Они были сохранены новой властью, хотя поначалу 115 уездных тюрем были закрыты «в целях экономии»²⁷⁷. К концу 1920 г. в Советской России действовала 251 тюрьма, порядка 50 сельскохозяйственных колоний и ферм, а также исправительные учреждения для несовершеннолетних и больных. Все они находились в ведении Центрального исправительно-трудового отдела Наркомата юстиции²⁷⁸.

В годы Гражданской войны советские тюрьмы, так же как и лагерная система, наряду с выполнением своих традиционных функций содержания осужденных граждан широко практиковали принудительный труд заключенных. Его использование было законодательно оформлено в постановлении Наркомата юстиции от 24 января 1918 г. «О рабочих тюремных командах». Оно предписывало формировать в тюрьмах из числа работоспособных заключенных рабочие команды для производства необходимых государству работ, «не превышающих по тяжести работы чернорабочего». За этот труд арестантам должна была

выплачиваться заработная плата. Одна ее треть удерживалась в тюремный фонд, созданный для улучшения жизни арестованных, а две трети выдавалась при освобождении заключенного²⁷⁹.

Принуждение арестантов советских тюрем к труду с целью обеспечения их содержания было закреплено во Временной инструкции Наркомата юстиции от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового». Инструкция предписывала удерживать с отбывающих наказание и задержанных по подозрению в совершении преступлений из причитающейся им платы за принудительные работы долю расходов на устройство и содержание мест лишения свободы. Данное правило подкреплялось приговорами судов, которые лишение свободы осужденных увязывали с принудительной работой. При этом широкое распространение получила практика приговоров судов к кратковременным (до трех месяцев) принудительным общественным работам «без заключения под стражу на время, свободное от работы»²⁸⁰.

Политика активного применения в тюрьмах принудительного труда заключенных получила развитие в циркуляре Наркомата юстиции № 32 от 7 августа 1918 г. Он предусматривал организацию работ «вне тюрем», «возобновление, переустройство и создание» в тюрьмах мастерских, «снабженных надлежащим оборудованием, инструментами, материалами и опытными инструкторами». Целью работ оставалось желание власти за счет труда

²⁷⁵ Моруков М. Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. С. 31.

²⁷⁶ Литвинов Н. Д., Потоцкий Н. К. Особенности создания и деятельности концентрационных лагерей в первые годы Советской власти // Экономика и право. XXI век. 2015. № 4. С. 191

²⁷⁷ Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918—1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. С. 128.

²⁷⁸ Там же. С. 144.

²⁷⁹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960. С. 14.

²⁸⁰ Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917—1959 гг.): История законодательства. М., 1959. С. 15.

заключенных возместить расходы на их содержание²⁸¹.

Указанные выше постановления Наркомата юстиции выполнялись. В исправительных учреждениях создавались ткацкие, слесарно-кузнечные, столярные, портновские и другие мастерские. Арестанты выводились на «внешние работы»: на благоустройство городов, строительные работы и т. д.²⁸²

С осени 1918 г. в условиях развернувшегося «красного террора» органы ВЧК, ранее использовавшие внутренние тюрьмы для содержания противников советской власти, стали направлять арестованных в концлагеря системы Центроплембежа и организованные губернскими ЧК концентрационные лагеря.

Условия содержания заключенных в советских тюрьмах были тяжелыми. Так же как и в лагерях принудительного труда, они испытывали большие проблемы с продовольственным обеспечением. В тюрьмах царил антисанитария, были распространены эпидемические и другие болезни²⁸³, на почве недовольства условиями содержания и политикой советской власти происходили бунты арестованных. Один из них произошел в сентябре 1918 г. в Пензенской губернской тюрьме, в ходе которого за-

ключенными был убит надзиратель и член губернской ЧК. После подавления бунта 48 человек, находившихся в тюрьме в качестве заложников из числа «буржуазии», «офицеров», «полицейских», «воров-рецидивистов», были расстреляны²⁸⁴.

В конце Гражданской войны постановлением СНК от 25 июля 1922 г. все места заключения в Советской России были сосредоточены в одном ведомстве — Наркомате внутренних дел, которое 12 октября 1922 г. совместно с Наркоматом юстиции приняло решение об упразднении Центрального исправительно-трудового отдела Наркомата юстиции и Главного управления принудительных работ НКВД, передав их функции вновь созданному Главному управлению местами заключения при НКВД²⁸⁵. В 1923 г. повсеместно были ликвидированы или преобразованы в места заключения общего типа советские концентрационные лагеря. По обоснованному заключению Г. И. Ивановой, полученный в годы Гражданской войны И. В. Сталиным опыт организации и курирования по линии ЦК РКП(б) мест заключения, в том числе концлагерей, был использован при создании в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. системы ГУЛАГа²⁸⁶.

²⁸¹ Сборник основных приказов, циркуляров и инструкций Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел РСФСР за 1918—1928 гг. о деятельности мест лишения свободы. М., 1959. С. 53.

²⁸² Тарасов О. А., Васильева С. А. Принципы новой исправительно-трудовой политики Советского государства и ее реализация в Рязанской губернии в годы Гражданской войны // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2014. № 4. С. 49—56.

²⁸³ См.: Позднякова А. С., Вычужжанина Е. Ю. Эпидемия сыпного тифа в Вятском исправительном рабочем доме в 1918—1920 гг. // Вятский медицинский вестник. 2016. № 2. С. 65—68.

²⁸⁴ ГАПО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 6. Л. 9; Д. 7. Л. 7.

²⁸⁵ Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917—1959 гг.). С. 137.

²⁸⁶ Иванова Г. М. Большевистские концентрационные лагеря и система заложничества в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1—3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 126.

СПЕЦСЛУЖБЫ И РЕПРЕССИВНО-КАРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Создание карательно-репрессивной системы

Под «спецслужбами» понимаются государственные органы, занимающиеся обеспечением внутренней и внешней безопасности страны, защитой ее национальных интересов от внешних и внутренних угроз, разведывательной и контрразведывательной деятельностью, политическим сыском и применяющие при этом особые, специальные формы и методы деятельности.

В сложнейшей и глубоко драматической ситуации эпохи Гражданской войны, когда Россия была расколота на разные государственные образования, которые вели непримиримую борьбу друг с другом на внешних (военных) и внутренних фронтах, а противники большевиков делали это и с участием на их стороне внешних сил, войск других стран, интервентов, сами понятия «национальные интересы», «безопасность государства» являлись размытыми и толковались противоборствующими сторонами по-своему.

К тому же, если обращаться к антибольшевистскому и Белому движению, то следует иметь в виду, что их деятельность воплощалась в виде различных государственных образований, возникавших

и сменявших друг друга в ходе Гражданской войны и действовавших на Юге, Востоке, Севере и Северо-Западе российского постимперского пространства, которые вели борьбу с Советской Россией и со сложившимся под ее руководством в ходе этой войны союзом советских республик.

Само понятие «спецслужбы» не использовалось противниками в эпоху Гражданской войны, а введено в научный оборот и широко используется в последние годы и десятилетия, когда история спецслужб стала новым и важным направлением в отечественной и мировой исторической науке. При этом в исторической литературе под понятием «белые/белогвардейские спецслужбы» чаще всего понимаются разведка и контрразведка¹. Но в таком случае упускается из виду политический сыск, который являлся и является важным и особым направлением деятельности спецслужб и осуществлялся в Белом движении не только действовавшими структурами военной и гражданской контрразведки, но и другими специальными органами. В условиях Гражданской войны важным направлением деятельности спецслужб являлась осведоми-

¹ Цветков В. Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917—1922 гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 121—136; Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918—1922 гг. М., 2008; *Он же*. Деятельность спецслужб белогвардейских правительств в годы Гражданской войны в России (1918—1922 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; *Он же*. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Разведка. М., 2013; *Он же*. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. М., 2013; и др.

тельная деятельность, изучение общественных настроений, информирование о них властей и воздействие на поведение масс в благоприятную для антибольшевистских режимов сторону, в том числе посредством пропаганды. Этим занимались как контрразведка, так и особые создаваемые структуры.

Особенное значение в деятельности белогвардейских режимов приобретала борьба с внутренними заговорами, подпольным, повстанческим и партизанским движением. Такую борьбу вели контрразведка, специальные охранные подразделения МВД и карательные войска как русские, так и иностранные. В годы войны в Белом движении сложилась мощная карательно-репрессивная система, а ее деятельность раскрывается понятием «белый террор». Этой теме посвящена обширная литература, в том числе ряд монографий, изданных в XXI в.²

Антибольшевистское движение в России было очень пестрым по политической окраске, включая в свой состав и левых, и крайне правых — от социалистов до монархистов. До осени 1918 г. в нем доминировало левое (умеренно-социалистическое) или левоцентристское крыло, а собственно Белое движение было представлено лишь в государственных образованиях на Юге России. Лишь осенью 1918 г. и в дальнейшем определяющим и господствующим в антибольшевистском движении и главным противником Советской России становится именно Белое движение. Соответственно, и спецслужбы эволюционировали в сторону белых, когда Белое движение окончательно выкристаллизовывается и под эгидой и главенством Верховного правителя адмирала А. В. Колчака приобрело общероссийский характер.

В первой книге этого тома рассматривался процесс формирования деятельно-

сти разведок и контрразведок противоборствующих сторон. В этой главе, не дублируя изложенное ранее, будут раскрываться проблемы складывания разведывательных, контрразведывательных и иных специальных органов охраны белых режимов, их усилия по добыче разведывательной информации, обеспечению внутренней безопасности, используемые ими формы и методы борьбы, а также деятельность иных учреждений (судебных, пенитенциарных) репрессивно-карательной системы Белого движения, правовое обоснование и масштабы белого террора.

В царской России существовало организационное и функциональное разграничение сфер деятельности между разведкой и контрразведкой, с одной стороны, и политическим сыском, с другой. Разведывательная и контрразведывательная деятельность находилась в ведении военного ведомства, а обеспечение внутренней безопасности — в органах МВД (в Отдельном жандармском корпусе и Департаменте полиции). После Февральской революции произошла ломка старого госаппарата, в том числе вышеназванных его структур, были ликвидированы жандармский корпус и полиция.

После прихода большевиков к власти возникающее и укрепляющееся антибольшевистское движение, сумевшее в условиях разворачивающейся Гражданской войны сформировать ряд государственных образований, сначала на Юге, а потом на Востоке и Севере России, столкнулось с потребностью создания специальных служб, способных заниматься разведывательной деятельностью и укреплением внутренней безопасности правящих режимов, организовать успешную борьбу с их противниками.

Основная цель борьбы заключалась в достижении победы над Советской Россией, а в качестве главных врагов выступали

² Зягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001; Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). М., 2006; Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.). М., 2017; и др.

большевики и сторонники советской власти. Борьба с ними требовала создания органов разведки и контрразведки, политического сыска и репрессивно-карательных учреждений. Необходимо было обеспечивать разведывательное сопровождение боевых операций на фронте, а также действий против партизан и повстанческого движения, налаживание связей и взаимодействия с контрреволюционными организациями внутри Советской России и укрепление безопасности собственного тыла. Именно на это в первую очередь была направлена деятельность формируемых органов разведки, контрразведки и политического сыска.

Их деятельность требовала новых подходов и методов. Даже люди, имевшие опыт работы в спецслужбах до революции, используя его, вынуждены были действовать во многом по-иному. Дело в том, что до революции разведка и контрразведка были сориентированы на борьбу с внешним врагом, а жандармы и полиция выполняли свои функции от лица российского государства и его государственного аппарата, обеспечивая его безопасность от подрывных действий оппозиции и революционных противников режима. В условиях Гражданской войны положение кардинально изменилось, ибо главным врагом выступало государство, возникшее на постимперском пространстве и контролировавшее его центр и столицы, — Советская Россия. Антибольшевистские же государственные образования не представляли единого целого. Следует добавить, что бывшие сотрудники жандармских управлений и полиции, которые могли быть использованы в развернувшейся в условиях Гражданской войны борьбе, были во многом дискредитированы в революционное время. Отношение к ним у руководителей белых режимов было разным.

Сложности деятельности белых спецслужб заключались и в том, что угрозу суверенитету и целостности России пред-

ставляли и действия интервентов, которые рассматривались руководством антибольшевистских государственных образований как союзники в борьбе с Советской Россией. Более того, само возникновение и существование антисоветских армий и правительств было во многом обеспечено поддержкой извне, в том числе военной интервенцией стран Четверного союза, Антанты и действиями Чехословацкого корпуса. Это, в свою очередь, нередко предопределяло и зависимость спецслужб антибольшевистских режимов от интервентов и их спецслужб, их неспособность полноценно выполнять свои функции. Реализация возникшего в Белом движении лозунга «Единой и неделимой России» часто сталкивалась с противодействием интервентов, которые не были заинтересованы в возрождении страны и укреплении ее единства, вне зависимости от политического флага, под которым это могло произойти.

Центральной и первостепенной задачей была борьба с советской властью, с советской разведкой, большевистским подпольем, повстанческим и партизанским движением, и в данном случае выполнялись во многом присущие разведке и контрразведке задачи. Не менее важным было оказание помощи политическому аппарату правящих режимов, выявление политических настроений масс, воздействие на общественное мнение, противодействие работе оппозиции и антиправительственных организаций, изоляция и ликвидация опасных элементов. Это порождало обилие контрразведок, охранных и пропагандистских структур и формирование особого типа их сотрудников, одержимых ненавистью к оппозиции и противникам режима, прежде всего к большевикам и сторонникам советской власти, чувством мести, склонностью к грубому насилию, что рождало произвол и злоупотребления в правоохранительной работе белогвардейских правительств.

Контрразведка и репрессивно-карательные службы Белого Юга

После занятия Ростова-на-Дону полковником М. Г. Дроздовским в помощь немцам для охраны порядка и выявления большевистских агентов весной 1918 г. был направлен подпоручик Н. Ф. Сигида, ранее имевший опыт работы на разведывательном поприще в большевистском Таганроге. Занимаясь контрразведывательной деятельностью в Ростове, реально соединявшей в себе и сыск, и следствие, и суд, и исполнение приговора, он так вспоминал об этом: «Все разбирательство длилось не более суток, через каковой срок арестованный, кто бы он ни был, или освобождался, снабженный соответствующим документом, или расстреливался». «Другого наказания мы не имели, а в разбирательствах были крайне осторожны, — утверждал Сигида. — Строгость и скорость присуждения вызывались следующими соображениями: вредное никогда не может быть полезным, во-первых; взявший одно око должен заплатить за него двумя, во-вторых; и что самый лучший способ лечения — хирургический, в-третьих». «Вот наши способы работы, ибо вкусивший власть всегда будет стремиться к ее достижению, а достигнув, возобновит старое, — резюмировал этот один из первых белогвардейских контрразведчиков. — Мертвые же пока что не воскресают, а следовательно, не опасны»³.

В Добровольческой армии, которая стала первой белогвардейской армией, в первые месяцы ее существования возникло разведывательное отделение Штаба Главнокомандующего, которое занималось и контрразведкой. С апреля 1918 г. это отделение возглавлял полковник С. Н. Ряснянский, который с небольшими перерывами

руководил им в течение 1918—1919 гг.⁴ В соответствии с официальными инструкциями в его задачи входило выявление и анализ информации о предполагаемых операциях противника, его военном и политическом руководстве, настроениях различных групп населения⁵. По мере увеличения территории, контролируемой Добровольческой армией в 1918 г., задачи разведки и контрразведки расширялись. Разведка должна была предоставлять информацию о внешнем противнике, обеспечивать командование разведанными для успешных действий на фронте. Контрразведка обязана была получать сведения о прямых и косвенных врагах режима, раскрывать заговоры, способствовать политической стабилизации на контролируемой территории, т. е., оставаясь частью военного аппарата, заниматься и функциями политического и полицейского сыска.

Разведка получала необходимую информацию по различным каналам: через военспецов, служивших в органах управления и штабах Красной армии, через агентов, работавших в советских органах власти, посредством связи с подпольными антисоветскими организациями и центрами, действовавшими на территории Советской России, через русских военных агентов в зарубежных странах, посредством сведений, поступающих от забрасываемых через фронт агентов (агенты-резиденты, агенты-ходоки), путем изучения прессы и захваченных документов, посредством допросов пленных и др.

Ценную информацию разведка Добровольческой армии получала от группы военспецов, занимавших высокие

³ «Наши агенты от милиционера до наркома»: Воспоминания белого контрразведчика Николая Сигиды // Родина. 1990. № 10. С. 66—67.

⁴ Цветков В. Ж. С. Н. Ряснянский — основоположник спецслужб Белого движения на Юге России // Исторические чтения на Лубянке. 2004 год: Руководители и сотрудники спецслужб России. М., 2005. С. 56—66.

⁵ Бортневский В. Г. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время гражданской войны // Отечественная история. 1995. № 5. С. 93.

посты в Красной армии, но передававших сведения о ней белым: бывшие генералы Н.Н. Стогов, А.П. Архангельский, Л.Л. Носович, С.А. Кузнецов, полковник А.В. Станиславский и др.⁶ Последний был и одним из руководителей советской военной разведки, а Кузнецов, будучи начальником Оперативного управления Всероглаштаба в 1918 г., являлся и председателем комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела. Все указанные лица, за исключением Кузнецова, арестованного и расстрелянного в 1919 г., перешли в дальнейшей линии фронта и служили в Добровольческой армии (ВСЮР).

Из секретных агентов Добровольческой армии, внедренных в советские органы власти в 1918 г., наиболее известно имя А.А. Бормана, работавшего в Наркомате торговли, тем более что он оставил воспоминания о своей деятельности⁷.

Ценным секретным агентом Добровольческой армии был действительный статский советник В.Г. Орлов, опытный работник судебно-следственных органов в дореволюционный период, который под именем Болеслава Орлинского внедрился в советские следственные органы Петрограда, был председателем Центральной уголовно-следственной комиссии при Наркомате юстиции Совета коммун Северной области, а сблизившись с Ф.Э. Дзержинским, он мог при удачном стечении обстоятельств стать и руководителем контрразведки ВЧК. Разоблаченный большевиками, Орлов осенью 1918 г. бежал из Советской России за границу и был тяжело ранен при ее переходе.

В феврале 1919 г. он вступил в Добровольческую армию в Одессе и был назначен начальником контрразведывательного

отделения штаба, командующего ее войсками в Одесском районе, активно сотрудничал с союзными спецслужбами. В начале 1919 г. Орлов выступил с инициативой создания для борьбы с мировым большевизмом Центрального международного бюро по регистрации и сбору материалов о лицах, причастных к деятельности большевистского правительства. Он подготовил ряд документов, направленных на создание этой глубоко законспирированной организации, работающей в Советской России и за рубежом с бюро разведки и контрразведки в Париже, куда бы вошли представители стран Антанты, и с аналогичными бюро в России с представительством от белых военных группировок. В них должны были войти люди, детально знающие дело разведки. Начальники таких бюро всех стран должны были создать орган объединенной разведки при Главном союзном командовании, который должен был тесно сотрудничать с Международным регистрационным бюро, направив туда своего представителя. В Советской России предлагалось создать белую резидентуру в составе 84 человек. Свои предложения о создании такой организации Орлов направил во французскую столицу военному представителю русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании в Париже генералу Д.Г. Щербачёву. Эти документы были зарегистрированы там 19 мая 1919 г.⁸

Заметим, что в июне 1919 г. между Верховным правителем А.В. Колчаком и главнокомандующим ВСЮР Деникиным была заключена договоренность о подчинении европейских военных агентов через генерала Щербачёва начальнику отдела генштаба Военного управления ВСЮР. Ему же под-

⁶ Ганин А.В. Бывший генерал Л.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3. С. 6—34; Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 336—344.

⁷ Борман А.А. Москва — 1918: (Из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Л., 1991. Кн. 1. С. 115—149.

⁸ ГАРФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 422. Л. 7—10, 24—30; Орлов В.Г. Двойной агент. М., 1998. С. 215—223.

чинялись военные агенты в Австрии, Германии и Турции. Военные агенты в Балканских странах замыкались на председателя особой военной миссии по оказанию помощи белым армиям генерала Б. А. Геруа.

В мае 1919 г. Орлов прибыл в штаб Добровольческой армии в Екатеринодаре и внес вклад в реорганизацию белогвардейских спецслужб и создание специального отдела Военного управления, который начал заниматься разведкой и контрразведкой вне зоны боевых действий. В этом отделе он стал заведовать «особо секретной разведывательной политической сетью на западной границе Совдепии», в районе Финляндии, Прибалтики, Польши, Украины и Румынии. Вскоре ВЧК через своего агента получила информацию, что Орлов занимается установлением и прослеживанием деятельности лиц, посланных из Советской России за границу, а также наблюдением за теми, кто вредит интересам Добровольческой армии⁹.

Таким образом, Орлов накопил большой опыт работы на поприще разведки и контрразведки и, в частности, в области агентурно-осведомительной и информационной деятельности, связанной с противодействием работе большевиков в России и за рубежом. И о его деятельности в 1920 г. еще пойдет речь в дальнейшем.

Белые эмиссары регулярно посещали советскую территорию с тайными разведывательными миссиями, особенно в 1918 г., когда чекисты были еще неопытны и не могли активно и успешно противодействовать им.

Разведка Добровольческой армии стремилась наладить контакты и взаимодействие с подпольными контрреволюционными организациями, действовавшими на советской территории. Активное сотрудничество столичного антисоветского подполья с деникинской разведкой развернулось после поездки в Москву в марте 1919 г.

начальника агентурной части разведывательного отделения Добровольческой армии полковника В. Д. Хартулари. Он сблизился с «Национальным центром», «Союзом возрождения России» и «Советом общественных деятелей». Разрабатывались совместные планы свержения советской власти.

Но поднять восстание в Москве в 1919 г. при подходе деникинских армией не удалось, ибо контрреволюционные организации были раскрыты ВЧК и ликвидированы. Что касается полковника В. Д. Хартулари, неоднократно ездившего в 1918—1919 гг. с Юга на советскую территорию и на другие белые фронты через Советскую Россию, то он в 1920 г. был арестован чекистами и покончил с собой в тюрьме.

В целом же становление разведывательной деятельности Добровольческой армии происходило сложно. Как вспоминал начальник разведывательного отделения ее штаба полковник С. Н. Ряснянский, «агентурная разведка была затруднена до крайности». Он признавал нехватку служащих и агентов, неизвестность их друг другу и ему самому, «а поэтому первого условия — доверия к агентам не было в достаточной мере, а без него, в особенности во время Гражданской войны, работать конструктивно невозможно». Ряснянский указывал и на сложность подбора агентов, в том числе на их наружность, «ибо мало-мальски интеллигентное — кадетское — лицо бралось большевиками “на прицел” и при малейшем подозрении расстреливалось»¹⁰.

Важную роль в организации разведки на советской территории, особенно в 1918 г., играли центры Добровольческой армии, создававшиеся в крупных городах Юга России и Украины с весны 1918 г., о которых уже шла речь в первой книге этого тома.

Функции осведомления, политической и экономической разведки у Деникина выполняла формально независимая от властей

⁹ Орлов В. Г. Двойной агент. С. 307—308.

¹⁰ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Разведка. С. 285.

ных структур организация «Азбука», созданная бывшим депутатом Государственной думы В. В. Шульгиным в Киеве в конце 1917 г. и официально оформленная в марте 1918 г. Первоначально она занималась вербовкой и отправкой офицеров в Добровольческую армию. В дальнейшем ее функции расширялись, и с лета 1919 г. она была переведена на финансирование Добровольческой армии.

В 1918 г. происходило и формирование контрразведывательных служб на Юге России. В начале Второго Кубанского похода был организован Военно-политический отдел Добровольческой армии, независимый от штаба армии и непосредственно подчинявшийся Верховному руководителю Добровольческой армии генералу М. В. Алексееву. Этот отдел выполнял функции политического наблюдения и координации деятельности центров Добровольческой армии на Юге России. Возглавлявший его полковник Я. М. Лисов, вмешиваясь в работу Штаба армии, запрашивал контрразведывательную информацию от местных центров и иных учреждений с контрразведывательными функциями. После создания в августе 1918 г. Особого совещания при Верховном руководителе и смерти в сентябре генерала Алексеева этот отдел был расформирован, а его функции распределены между Штабом главнокомандующего и соответствующими структурами Особого совещания.

В середине 1918 г. было учреждено контрразведывательное отделение (КРО) в управлении генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего в составе розыскного, судного и общего отделений и конвойной команды (штатная численность — 74 человека), а на местах — в аппаратах штабов армии, отдельных корпусов и обер-квартирмейстеров¹¹.

В ноябре 1918 г. генерал Деникин утвердил штаты КРО и отдельных контрразведывательных пунктов местностей и при штабах дивизий.

Руководство разведкой и контрразведкой вне зоны военных действий осуществляла часть (затем отдел) генерального штаба военного и морского управления при главнокомандующем (в марте разделено на два управления — военное и морское). Контрразведывательная часть (КРЧ) особого отделения указанного подразделения отвечала за безопасность тыловых районов. Ей были подчинены паспортно-пропускные пункты, небольшие по штату подразделения из четырех человек, появившиеся в городах Черноморского побережья и в Константинополе только в середине 1919 г. Указанное особое отделение возглавил полковник В. В. Крейтер¹².

Контрразведывательной частью особого отделения с ноября 1918 по август 1919 г. руководил военный юрист, капитан А. С. Дмитриев, а потом его сменил полковник Р. Д. Мергин.

Начальник особого отделения полковник В. В. Крейтер, обеспокоенный небольшими силами своей контрразведки, выдвинул в ноябре 1918 г. предложение все существующие и планирующие к открытию контрразведывательные органы и агентуру штаба Добровольческой армии подчинить КРЧ особого отделения, но не получил согласия. В февральском докладе (1919 г.) Крейтер предлагал организовать контрразведку по схеме, существовавшей в период Первой мировой войны, подчинив контрразведывательные органы штабу главнокомандующего и отделу генштаба военного управления. Но и это предложение не было принято. В результате КРО и КРП краев и областей так и остались в подчинении штаба Добро-

¹¹ Бортневский В. Г. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время гражданской войны // Отечественная история. 1995. № 5. С. 93; Цветков В. Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917—1922 гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 130—131.

¹² Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 4—5.

вольческой армии (затем — ВСЮР). КРЧ особого отделения руководило лишь паспортно-пропускными пунктами в городах на Черноморском побережье¹³.

Особое отделение отдела генштаба Военного управления занималось заграничной военно-политической разведкой и контрразведкой. Возглавивший его в 1919 г. полковник П. Г. Архангельский прилагал энергичные усилия по расширению возможностей сбора разведывательной информации за рубежом, привлекая для этого белогвардейские государственные учреждения и коммерческие структуры. Правда, его инициативы часто тонули в бюрократической круговерти.

В конце 1918 — начале 1919 г. деникинской контрразведке удалось нанести ряд ощутимых ударов по большевистскому подполью в Таганроге, Ростове-на-Дону и Новочеркасске. В мае 1919 г. было арестовано 60 их активистов в Таганроге и Новочеркасске, хотя уже в июне эти организации были восстановлены и продолжили деятельность. Были разгромлены две типографии и арестован ряд работников Донского комитета РКП(б). КРО штаба командующего войсками Добровольческой армии Одесского района, возглавляемое В. Г. Орловым, совместно с французской контрразведкой сумело арестовать весной 1919 г. председателя Одесского обкома КП(б)У и одного из руководителей Иностранной коллегии И. Ф. Смирнова и прибывшую в Одессу по заданию ЦК РКП(б) французскую коммунистку Ж. Лябурб. Оба были расстреляны¹⁴.

Взаимодействие спецслужб на Юге России крайне затруднялось тем, что по мере увеличения территорий, подконтрольных белым армиям (лето—осень 1919 г.), происходил стихийный и неуправляемый рост

числа контрразведок. Их стремились создавать все: губернаторы, казацкие атаманы, штабы воинских частей, политические организации и др. Имея разную подчиненность, они не знали друг о друге и конкурировали между собой, занимались произволом. Как признавал сам генерал Деникин, «за войсками шла контрразведка. Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период Гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы. Почти каждая воинская часть, политические организации, Донское, Кубанское и Терское правительства, наконец, отдел пропаганды [...] Это какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране недоверием, подозрительностью»¹⁵.

Деятельность этих многочисленных контрразведок создавала массу проблем для белогвардейской администрации, а их произвол дискредитировал власть и армию. «По-видимому, каждый администратор, занимающий даже второстепенную должность и имеющий контроль над секретными суммами денег, создает свою собственную контрразведку, — указывалось в секретном докладе, направленном Деникину. — Функции этих контрразведок чрезвычайно разнообразны. Мешая друг другу, все эти учреждения препятствуют порядку и процветанию. Они подрывают авторитет как власти, так и военных»¹⁶.

Несмотря на все это и поступающую информацию о произволе, беззакониях, насилиях и преступлениях, творимых многочисленными контрразведками, белогвардейские власти Юга России не предпринимали мер по их упразднению. Некоторое ограничение коснулось лишь армейских контрразведок, когда 22 июня 1919 г. по-

¹³ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 4—10.

¹⁴ Там же. С. 111—113, 117—118.

¹⁵ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 2003. С. 449.

¹⁶ Бортневский В. Г. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время гражданской войны. С. 95.

явился приказ главнокомандующего, объявлявший временный штат армейских контрразведывательных пунктов, открывать которые разрешалось только начальнику штаба главнокома.

30 августа в условиях наступления белых армий генерал Деникин издал приказ об утверждении временных штатов контрразведки ВСЮР. В ее состав входили следующие органы: контрразведывательная часть управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего (в составе общего, розыскного, судного отделений и конвойной команды со штатом 75 офицеров, военных чиновников, писарей и военнослужащих); КРО отдела генерал-квартирмейстера неотдельной армии, штабов областей и военных губернаторов (со штатом в 46 офицеров, военных чиновников и военнослужащих, а также агентов наружного наблюдения, число которых определялось начальником КРО); КРП 1-го (в штате 31 офицер, военный чиновник и военнослужащий), 2-го и 3-го разрядов (со штатом 16 чел.); контрразведывательные посты¹⁷. Таким образом, к осени 1919 г. армейская контрразведка располагала обширной сетью органов.

Деятельность армейской контрразведки пересекалась (периодически и сталкиваясь, вступая в противоречие) с органами Государственной стражи, которая была учреждена законом от 25 марта 1919 г. для обеспечения правопорядка на территории ВСЮР, в том числе выполнения охранно-полицейских функций. Она, по существу, совмещала функции полиции и до-революционного Отдельного корпуса жандармов. Государственная стража подразделялась на военную и гражданскую. Соответственно часть чинов Стражи числилась на службе по военному ведомству, а часть — по гражданскому. В ее военизированную организацию входили офицеры

Стражи, военные чиновники и стражники. «Главное начальствование» над стражей принадлежало начальнику Управления внутренних дел, а заведовал ею командующий стражей, обладавший правами помощника начальника УВД. Командующим был назначен генерал от инфантерии Н. Н. Мартос, что должно было подчеркнуть приоритет военной организации над гражданской в структуре Государственной стражи.

Губернские и городские бригады государственной стражи находились в распоряжении губернаторов и градоначальников. В сентябре 1919 г. насчитывалось 20 бригад государственной стражи, насчитывавшей 77393 чел., и если сравнивать, то это половина от общей численности фронтовых и тыловых регулярных войск¹⁸. Если на службу в органы контрразведки на Юге России по личному указанию генерала А. И. Деникина старались не брать бывших жандармов, то в органы государственной стражи привлекались не только офицеры контрразведки (при условии ухода с воинской службы), но и бывшие офицеры жандармерии и полиции, учитывая их профессиональный опыт на поприще политического и полицейского сыска.

Летом 1918 г. было создано Осведомительное агентство (ОСВАГ) при дипломатическом отделе при генерале Алексееве, реорганизованное в пропагандистский отдел при Особом совещании, а с февраля 1919 г. — в Отдел пропаганды при правительстве Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), где работало более 10 тыс. человек. ОСВАГ выполнял и контрразведывательные функции. В нем было секретное отделение или бюро секретной информации, которое собирало материалы о различных партиях и организациях, их руководителях, гражданских и военных чинах, что было важно для контрразведки и политического сыска. Эта структура пыталась

¹⁷ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 12—13.

¹⁸ Цветков В. Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917—1922 гг. С. 130.

анализировать текущие события и прогнозировать их развитие.

Некоторые аспекты военной пропаганды занималась особая часть штаба главнокомандующего Добровольческой армией: информацией об освобожденных от красных территориях, дезинформацией советского командования, подготовкой сводок военных новостей для передачи в прессу.

Таким образом, на Юге России сложилась разветвленная структура органов, занимавшихся контрразведкой, пропагандой и политическим сыском. Но состояние дел в этой сфере по-прежнему вызывало серьезную обеспокоенность. В докладной записке А. А. Хвостова «О мерах к усилению борьбы с внутренним большевизмом», составленной в Ростове-на-Дону 8 сентября 1919 г., говорилось: «Институт контрразведки в том виде, в каком он ныне существует в Добровольческой армии, совершенно не достигает своей цели. Он терроризирует тех, на кого Добровольческая армия могла опереться, и недостаточно энергично, если не сказать более, занимается своим прямым делом — преследованием коммунистов».

Хвостов указывал на низкий моральный уровень многих агентов, незнание ими азов полицейского сыска, политическую неграмотность, отсутствие контроля начальника над подчиненными. Автор записки предлагал объединить политический сыск в единую организацию — Особое управление политической полиции, созданную на базе соответствующих структур армейского аппарата, управления внутренних дел и отдела пропаганды. Местные органы политической полиции должны были координировать свою деятельность с гражданской администрацией и судебными властями, привлекать на службу опытных юристов, квалифицированных чинов бывшего Департамента полиции. В заключение своей

объемной записки А. А. Хвостов подчеркивал, что если разрешение поднятого им вопроса «пойдет обычным канцелярским путем, то лучше совсем не начинать дело»¹⁹.

Бывший начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев, сам участвовавший в годы Гражданской войны в работе контрразведок у гетмана Скоропадского и Деникина, признавал, что в этот период «в сфере офицерства, выброшенного на улицу, начинает вырабатываться весьма недостойный тип агента политического и уголовного розыска, который в большинстве случаев, не имея под собой никакой идейной подкладки, является просто профессией». «Впоследствии этот тип перерабатывается в контрразведчика для белого движения и чекиста для красного, — добавлял он. — Таким образом, создавались целые контингенты офицеров-контрразведчиков, которые своим поведением позорили контрразведывательные органы белого движения во время Гражданской войны»²⁰.

15 сентября 1919 г. председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР генерал А. С. Лукомский представил А. И. Деникину обширный доклад о контрразведке. В нем приводились многочисленные потрясающие факты коррупции, взыточничества, бессмысленной жестокости, злоупотребления служебным положением и др. Лукомский считал нужным поставить контрразведку под жесткий контроль Ставки, существенно сократить количество контрразведывательных отделений, а их функции передать уголовно-розыскным управлениям МВД. Генерал рекомендовал распустить все незаконные и самовольные контрразведки и запретить вести любую контрразведывательную деятельность без санкции главного командования.

Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего ВСЮР генерал Ю. Н. Плющевский-Плющик, напротив, предлагал

¹⁹ Бортневский В. Г. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время гражданской войны. С. 96.

²⁰ Там же. С. 95.

расширить компетенцию контрразведки и привлечь на службу в нее бывших чиновников и офицеров жандармерии и судебного ведомства.

Но генерал Деникин не решился пойти на реорганизацию контрразведки, склоняясь к мысли о необходимости контроля за контрразведывательным аппаратом со стороны судебно-следственных органов и прокуратуры. А в ответ на неоднократные ходатайства Особого совещания перед Деникиным о передаче функций контрразведки уголовно-розыскной части управления внутренних дел его штаб реагировал отрицательно, указывая, что «без органов контрразведки он обойтись не может»²¹.

Вполне вероятно, что Деникин опасался предпринимать решительные действия против своих спецслужб, подозревая, что в их недрах зреет заговор против него. И это было реальностью, о чем уже шла речь в первой книге тома. Добавим, что в апреле 1920 г. в Константинополе офицером контрразведки М. А. Харузиным был убит прибывший туда после отставки Деникина вместе с ним его начальник штаба генерал И. П. Романовский. В связи с этим дискутируются вопросы о том, была ли причастна к этому контрразведка, и было ли это частью заговора ее и части военных кругов против самого Деникина²².

Несмотря на серьезные проблемы и недостатки в работе контрразведки и органов политического сыска на Юге России, им нередко удавалось, используя агентурные методы работы, полностью или частично ликвидировать подпольные организации, действовавшие здесь.

Это касалось, например, трех- или даже четырехкратного ареста большевистских подпольных организаций в Харькове ле-

том—осенью 1919 г., подпольных комитетов в Одессе, Николаеве, Киеве в тот же период. В конце февраля 1920 г. контрразведка арестовала в Севастополе группу подпольщиков-большевиков во главе с И. А. Назукиным и тем сорвала готовившееся здесь восстание. 19 марта морская контрразведка арестовала ревком во время его заседания в Севастополе и еще 28 человек на Корабельной стороне²³.

И тем не менее контрразведка и репрессивно-карательные службы Белого Юга совместно с воинскими частями не смогли подавить мощного крестьянского повстанческого движения, вспыхнувшего здесь во время похода войск ВСЮР на Москву летом—осенью 1919 г., что во многом предопределило крах этого наступления белых, их последующее отступление и новороссийскую эвакуацию в марте 1920 г.

Работа спецслужб переплеталась с деятельностью пенитенциарной системы на Юге России, формировавшейся в 1918 г., по мере того как у белых появилась контролируемая ими территория. Она была представлена тюрьмами и концлагерями. Формирование лагерной системы относилось к лету 1918 г. Это объяснялось тем, что до этого практика репрессий сводилась преимущественно к расстрелам, а тюрьмы находились под контролем казачьих атаманов и не могли использоваться для нужд Добровольческой армии.

Старейшим концлагерем Юга России стал Новороссийский лагерь, преобразованный из новороссийской тюрьмы. В нем на начало осени 1918 г. числился 4801 заключенный. В секретном перечне управлений и учреждений Добровольческой армии № 4 от 25 мая 1919 г. значилось 5 концлагерей: в Азове, Новороссийске, в Медве-

²¹ Цветков В. Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917—1922 гг. 132; Бортневский В. Г. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время гражданской войны. С. 96; Лукомский А. С. Очерки из моей жизни: Воспоминания. М., 2012. С. 568.

²² Бортневский В. Г. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время гражданской войны. С. 97—98; Цветков В. Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917—1922 гг. С. 132.

²³ Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917—1920 гг. Симферополь, 2005. С. 443.

женском и Святокрестовском уездах Ставропольской губернии. В одних документах они именовались концлагерями, а в других — «лагерями для военнопленных».

Крупнейшим среди них был Азовский лагерь, куда поступали военнопленные с Донского фронта. В нем в среднем находилось 10 тыс. заключенных. Он отличал-

ся и наиболее тяжелыми условиями. Голод и эпидемии вели к тому, что заключенные были крайне истощены и ослаблены. Они говорили: «Лучше бы нас застрелили на месте, чем заставлять переживать такие ужасы». Смертность составляла здесь до 100 человек в день. По разным причинам здесь погибли около 20 тыс. человек²⁴.

Специальные органы и службы антибольшевистских режимов на Востоке России

После антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. происходит формирование антибольшевистских правительств, армий. Так, в Главном штабе Народной армии, сформированном 8 июня 1918 г. в Самаре после провозглашения здесь власти Комуча, были созданы разведывательное и контрразведывательное отделения по главе с поручиком Глинкой. В конце июня 1918 г. Главный штаб был упразднен, а его структурные подразделения распределены между военным ведомством и генеральным штабом. Органы разведки и контрразведки вошли в состав главного управления генерального штаба²⁵.

9 августа Комуч учредил в целях «ограждения интересов порядка и безопасности и предотвращения покушений антигосударственных элементов на государственный строй» Министерство охраны государственного порядка во главе с Е. Ф. Роговским, который одновременно был назначен и председателем Совета управляющих ведомствами. Названное министерство состояло из двух департаментов: милиции и государственной охраны. На территориях подконтрольных Комучу губерний были созданы органы милиции

и штабы государственной охраны. Здесь активно действовала и контрразведка Народной армии, зачастую не считавшаяся с гражданскими учреждениями. Кроме того, в Поволжье действовали чехословацкая и сербская контрразведка. Они вершили собственный суд и расправу.

Созданная при штабе Чехословацкого корпуса летом 1918 г. контрразведка именовалась TVO — тайный разведывательный отдел, агентурные пункты которого действовали во многих городах, оказавшихся под контролем чехословаков на огромном пространстве страны. Они сотрудничали с русскими контрразведывательными органами в борьбе с противниками режима, в их слежении и арестах²⁶.

Тюрьмы Самарской, Уфимской и других губерний были переполнены арестованными красноармейцами и деятелями советской власти. Число заключенных в тюрьмах превышало норму в 1,5—3 раза. В Самарской тюрьме в августе находилось, например, до 2 тыс. арестованных красноармейцев. Учитывая то, что дела лиц, находящихся в местах заключения, не рассматривались, 10 сентября была организована Временная комиссия по рассмотрению

²⁴ Разина М. Лагерь военнопленных, организованные Добровольческой армией // URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2823347.html> (дата обращения: 26.10.2020); Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.). М., 2017. С. 16.

²⁵ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 24. Л. 32.

²⁶ Годуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). М., 2006. С. 353.

дел арестованных во внесудебном порядке. Действовала также центральная следственно-юридическая и подведомственные ей местные комиссии.

Опасность Комучу проистекала не только «слева», со стороны большевиков и Красной армии, но, по признанию его руководителей, и «справа», со стороны военных кругов, где зрели заговоры, а военное командование проявляло неповиновение приказам Комуча. В Самаре, по словам члена этого органа И.И. Майского, были две власти. Одна находилась в руках Комуча, а другая — у военных во главе с управляющим военным ведомством генералом Н. А. Галкиным.

В отделе генерал-квартирмейстера полевого штаба армии, штат которого был утвержден Галкиным 30 августа, находились разведывательное и контрразведывательное отделения. В военном ведомстве существовали военно-судное отделение, следственные органы, военно-полевые суды, действовавшие на фронте и в тылу и широко использовавшие в качестве наказания смертную казнь, имелись специальные места заключения арестованных и концлагеря²⁷.

Сам Галкин относился к Комучу с пренебрежением. Так, в сентябре он отказался дать военнослужащих из Народной армии в формируемый особый батальон Отдельного корпуса государственной охраны. Этот батальон начал укомплектовываться только с 27 сентября и состоял из 36 человек во главе с чехословацким капитаном Пинке. В дальнейшем пешая и конная команды Отдельного корпуса государственной охраны отправились в Уфу, а затем в Омск, где их предполагалось использовать для охраны членов Временного все-русского правительства (Директории).

Массовый террор, проходивший под флагом «демократического» Комуча, вынужден был признавать и его председатель В.К. Вольский: «Комитет действовал диктаторски, власть его была твердой [...] жестокой и страшной. Это диктовалось обстоятельствами гражданской войны. Взявши власть в таких условиях, мы должны были действовать и не отступать перед кровью. И на нас много крови. Мы это глубоко осознаем. Мы не могли избежать ее в жестокой борьбе за демократию». Касаясь деятельности репрессивно-карательного органа Комуча, Вольский признавал: «Мы вынуждены были создать и ведомство охраны, на котором лежала охранная служба, та же чрезвычайка и едва ли не хуже»²⁸.

В Поволжье в период Комуча, летом—осенью 1918 г., жертвами антибольшевистского террора стали не менее 5 тыс. человек²⁹.

Изобретением Комуча и эсеров считаются «баржи смерти», курсировавшие по Волге и Каме, в которые помещались арестованные сторонники советской власти, пленные красноармейцы и красногвардейцы, а также «поезда смерти», заполненные таким же составом людей. Узники находились в антисанитарных условиях, без еды и воды или с самым их минимумом, что вело к массовой смертности. Это объяснялось, с одной стороны, нехваткой мест в традиционных местах заключения, а с другой стороны, отступлением противников большевиков, которые стремились увозить пленников с собой.

В условиях разгрома Красной армией армии Комуча и чехословаков осенью 1918 г. такие поезда, которые называли еще «гробы на колесах», следовали под охраной чехословаков из оставляемых го-

²⁷ Корнева А.Е. Министерство охраны государственного порядка Комуча (1918 г.) // Новый исторический вестник. 2004. № 2. С. 139—149; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 24. Л. 61; Голуб П.А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 237.

²⁸ Исторический архив. 1993. № 3. С. 134.

²⁹ Ратковский И.С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.). М., 2017. С. 10.

родов в Самару и Уфу, а далее в Сибирь и на Дальний Восток. В них находилось более 5 тыс. красноармейцев, красногвардейцев и других защитников и сторонников советской власти или лиц, считавшихся сочувствующими ей. За побег или попытку побега находившиеся в этих поездах люди карались расстрелом, а в случае успешного бегства кого-то из узников расстреливались оставшиеся в вагоне их товарищи. Голод, скученность, отсутствие свежего воздуха в вагонах и антисанитария вели к массовым заболеваниям узников и прежде всего дизентерией и сыпным тифом.

В одном из подобных уфимских «поездов смерти», который проследовал по Транссибу на Дальний Восток, а затем вернулся под Иркутск, где арестованные были размещены в Александровской каторжной тюрьме под Иркутском и в концлагере вблизи ст. Иннокентьевской, из 2700 узников в живых осталось только около 1200 человек. 12 сентября 1919 г. во время налета партизан на Александровскую тюрьму здесь вспыхнуло восстание заключенных. Охрана была обезоружена и 1060 каторжан вырвались на свободу, попытавшись освободить и заключенных соседней пересыльной тюрьмы. Но чехословацкая тюремная охрана, получив подкрепление из своего 3-го полка, сумела подавить восстание. На свободу смогли вырваться и уйти в тайгу к партизанам около 450 человек³⁰.

В Сибири прообразом будущих армий и спецслужб являлись подпольные офицерские организации, действовавшие здесь до антисоветского выступления Чехословацкого корпуса. Для комплектования вооруженных сил и «охраны государственного порядка» вся территория Урала, Сибири и Забайкалья была разделена летом 1918 г. на пять корпусных районов, в которых вводился институт «уполномоченных по охране государственного порядка». Органы

контрразведки, существовавшие ранее при тайных офицерских организациях, после переворота преобразовывались в разведывательные отделения при штабах гарнизонов, корпусов, командующих войсками корпусных районов и выполняли функции одновременно военной разведки и контрразведки.

В армии восстанавливались военно-полевые суды, вводилась смертная казнь за политические преступления. По распоряжению уполномоченного Временного Сибирского правительства все дела политического характера передавались отряду особого назначения, возглавляемому чехословацким капитаном И. И. Зайчеком, а уголовные — подлежали ведению уголовной милиции. Генерал А. Н. Гришин-Алмазов, возглавив по совместительству с командованием армией (Западно-Сибирской, а затем Сибирской) военное министерство Временного Сибирского правительства, издал приказ о создании разведывательного отделения и отделения военного контроля (контрразведки) в составе управления генерал-квартирмейстера штаба армии³¹.

3 августа штаб Сибирской армии приступил к организации глубокой агентурной разведки, а штабы корпусов — к организации ее в ближайшей полосе фронта. Помимо глубокой разведки штабами была организована тактическая разведка, действовавшая на театре военных действий.

В телеграмме начальника штаба Сибирской армии командирам корпусов, направленной 5 августа, указывалось, что в каждом штабе до полка включительно должен быть особый офицер, ведающий разведкой: в штабе корпуса — старший адъютант разведывательного отделения, в штабе дивизии — обер-офицер для поручений, в штабе полка — особо прикомандированный офицер. Разведывательное отделение штаба Сибирской армии получало

³⁰ Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 250—258; Поезд смерти. Куйбышев, 1949.

³¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 54. Л. 87—101; Ф. 40218. Оп. 1. Д. 7. Л. 73, 82, 82 об.

сведения с помощью агентуры, войсковой разведки, допросов пленных и перебежчиков и путем радиоперехвата оперативных документов Красной армии³².

Созданный военный контроль на основании «Временного положения о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведки» от 17 июля 1918 г. предназначался для обнаружения «неприятельских шпионов и их организаций, а также лиц и организаций, поддерживающих Советскую власть»³³.

После назначения Зайчека начальником отделения военного контроля управления генерал-квартирмейстера штаба Западно-Сибирской армии ему предоставлялось право в зависимости от обстановки учреждать при штабах корпусов военно-контрольных отделений, а также пункты (КРП) в городах Западной Сибири. Функционировавшие в некоторых городах контрразведывательные отделения по приказу Зайчека подлежали расформированию. Организация военного контроля в армии шла сложно и медленно, и летом были созданы только три отделения — в Омске, Томске и Иркутске, а также его пункты — в Ново-николаевске, Бийске и Семипалатинске.

13 августа 1918 г. по войскам Восточно-Сибирского военного округа был объявлен временный штат КРО штаба, КРП в Красноярске и бюро при начальнике самоохраны. В Ачинск, Канск и Нижнеудинск было направлено по одному наблюдательному агенту.

В течение лета, во время боев с советскими войсками, военный контроль наряду с задачами по обнаружению «неприятельских шпионов и их организаций, а также лиц и организаций, поддерживающих Советскую власть или работающих против возрождения и освобождения России», нередко выполнял и функции военной раз-

ведки, доставляя командованию сведения о планах, силах и средствах большевиков.

В сентябре главный штаб военного ведомства утвердил «Положение о военно-контрольных отделениях», в соответствии с которым возложил на них задачу по борьбе с военным и политическим шпионажем, а также воспрепятствие «тем мерам, которые могут вредить интересам Родины». Но «Инструкция начальникам военно-контрольных отделений» (за основу которой была взята «Инструкция начальникам контрразведывательных отделений» 1911 г.) нацеливала сотрудников военного контроля лишь на борьбу со шпионажем. Им предписывалось с помощью внутренней агентуры систематически выявлять лиц и учреждения, находившиеся как внутри страны, так и за границей, которые вели разведку против Белого движения. Объектами агентурной разработки были иностранные консульства и агентства, а также военные учреждения и штабы, являвшиеся главной сферой деятельности шпионов по добыванию секретных сведений³⁴.

Это объяснялось прежде всего стремлением командования защитить вооруженные силы от разведывательно-подрывной работы противника, а также тем, что обеспечение внутренней безопасности будет возложено на органы внутренних дел. Но даже с появлением охранных и полицейских структур на территории Сибири контрразведывательные и военно-контрольные органы выполняли функции обеспечения внутренней безопасности антибольшевистских государственных формирований. Контрразведка внедряла свою агентуру не только в штабы, но и в различные гражданские учреждения и организации, в разные слои населения, стремясь, таким образом, своевременно получать информацию и предупреждать командование о готовя-

³² Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Разведка. М., 2013. С. 264.

³³ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 26. Л. 104, 104 об.

³⁴ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. М., 2013. С. 20—22.

щихся против армии и правительства враждебных акциях.

Таким образом, в Сибири к началу осени 1918 г. был создан аппарат контрразведки, но организовать его работу должным образом не удалось. В отчете военного контроля за период с 20 июня по 1 сентября указывались следующие причины этого: нехватка финансовых средств, дефицит опытных кадров, отсутствие соответствующей нормативно-правовой базы³⁵.

29 июня 1918 г. после переворота, организованного чехословаками во Владивостоке, и ликвидации советской власти здесь было образовано и русское формирование, а с 4 июля были созданы военно-сухопутные и морские силы Приморской области. 5 июля был учрежден их штаб, состоявший из оперативного, артиллерийского, морского и ряда других отделов, а также военно-судной и двух других частей. Контрразведка находилась в ведении оперативного отдела. 10 июля в отделе генерал-квартирмейстера были образованы политическое, разведывательное отделение и отделение военного контроля³⁶.

Самостоятельные контрразведывательные органы создавались дальневосточными атаманами и воинскими начальниками. Так, разветвленную сеть контрразведки создал в Забайкалье атаман Г. М. Семенов. Ее главные отделения действовали в Чите и Антипихе, а контрразведывательные пункты существовали при всех воинских частях³⁷.

После создания Временного Всероссийского правительства (Директории) и ее верховного главнокомандования (ВГК), а также учреждения Ставки и штаба последнего для управления войсками Сибирской и Народной армий, 12 ноября 1918 г. были сформированы разведывательное и контр-

разведывательное отделения в управлении 1-го генерал-квартирмейстера штаба ВГК³⁸.

Дальнейшая реорганизация спецслужб, в частности контрразведывательной деятельности, последовала после переворота в Омске 18 ноября 1918 г. и прихода к власти Колчака. Сначала разведывательное и контрразведывательное отделения были переданы в управление 2-го генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего. На него, в частности, возлагались задачи по организации разведки в Советской России и в зарубежных странах (в Китае, Монголии, Японии и США).

После создания Главного штаба приказом от 12 февраля 1919 г. из разведывательного отдела Ставки было выделено отделение по разведке в нейтральных странах и передано в квартирмейстерский отдела этого штаба. Через штаб военного представительства в Париже разведывательное отделение Главного штаба осуществляло руководство разведкой в Европе, а через штабы военных округов — в Китае, Японии и США. За штабом ВГК оставалась разведка на театре военных действий и в глубоком советском тылу³⁹.

Приказом от 12 апреля 1919 г. и.о. начальника штаба ВГК генерала Д. А. Лебедева был утвержден временный штат генерал-квартирмейстера, куда вошел разведывательный отдел, подразделявшийся на отделение фронтовой разведки и отделение по разведке в Советской России со штатом в 14 человек. На фронте разведку вели: разведывательные отделения управлений генерал-квартирмейстера штабов армий, штабов военных округов на театре военных действий, старшие адъютанты, их помощники и офицеры для поручений в штабах корпусов, помощники старшего адъютанта

³⁵ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 22.

³⁶ РГВА. Ф. 39786. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 4 об., 13.

³⁷ Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 314.

³⁸ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1.

³⁹ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Разведка. С. 265, 269.

в штабах дивизий, особые офицеры в штабах полков, которым от каждого батальона придавалось по одному унтер-офицеру⁴⁰.

Сбор сведений осуществлялся с помощью секретной агентуры, цензуры, войсковой, воздушной и радиотелеграфной разведки, изучения прессы и захваченных документов, а также путем допроса пленных и перебежчиков. При этом эффективность агентурной разведки была невысокой. В среднем из 12 агентов обратно возвращались только двое⁴¹. Случались провалы, и известен случай, когда чекисты длительное время продвигали дезинформацию колчаковской разведке.

Это началось, когда в особый отдел 5-й армии явились белогвардейские агенты Кондаков и Семенов. Они заявили, что состоят в сибирской эсеровской подпольной организации, ставящей целью свержение колчаковского режима, внедрились в разведку по ее заданию и сейчас хотят бороться против него вместе с Красной армией. После тщательной проверки Кондакову разрешили встретиться с белогвардейским резидентом Григорьевым, который отправил его с донесением в разведывательный отдел Западной армии, возглавлявшийся полковником М. М. Шоховым. Тот поверил его информации и доверил ему группу диверсантов для заброски в советский тыл. Все они попали под наблюдение чекистов и в дальнейшем постепенно арестовывались. В общей сложности обезврежено было таким образом 130 человек.

Тем временем Кондаков поддерживал связи с Шоховым и снабжал его ложной информацией. Позднее этот полковник, арестованный в Красноярске, признавался, что не допускал и мысли о дезинформации, а случившееся объяснял неопытностью

своей и своих подчиненных, ибо «никто из нас не был как следует знаком с искусством разведки, все мы были направлены в нее со штабной работы»⁴².

Изложенное не означает, впрочем, что белогвардейская разведка была легким противником для чекистов и Красной армии, напротив, те высоко оценивали ее деятельность и профессиональный опыт. Тем более что среди ее сотрудников были и разведчики и дореволюционным стажем, как, например, один из ее руководителей — генерал П. Ф. Рябиков, с конца мая 1919 г. занимавший должность 2-го генерал-квартирмейстера Ставки ВГК и курировавший разведку и контрразведку, а также цензуру, осведомление и пропаганду. В октябре он занял пост начальника штаба Восточного фронта, продолжая руководить разведкой.

Добавим, что в апреле 1919 г. Рябиков защитил в Томском университете диссертацию «Разведывательная служба в военное время (Задачи Генерального штаба)». По опыту великой всемирной войны и отчасти русско-японской войны 1904—1905 гг.». 7 мая приказом Колчака он был назначен экстраординарным профессором Военной академии Генштаба. В том же 1919 г. П. Ф. Рябиков издал монографию «Разведывательная работа в мирное и военное время», очевидно, надеясь использовать изложенный опыт уже в период Гражданской войны. Первый экземпляр этой книги был представлен им Верховному правителю Колчаку.

Морское министерство получало разведывательную информацию от строго законспирированной военно-морской осведомительной организации «ОК». Ее костяк составляли офицеры флотской разведки и контрразведки. Размещавшаяся в Лондоне, она имела в своем подчинении от-

⁴⁰ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Разведка. С. 265—266.

⁴¹ Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 140—141.

⁴² Кирмель Н. С. Разведывательное обеспечение боевых действий белых армий в Сибири (1918—1919 гг.) // Власть. 2009. № 8. С. 152—153.

деления на Черном и Балтийском морях. В 1919 г. ее руководство и финансирование осуществлялось из Омска.

В августе 1919 г. из Омска в Лондон была направлена телеграмма, в которой говорилось, что для руководства всеми разведывательными организациями в морском Генштабе Морского министерства создан отдел «ОД», подотделом которого являлась организация «ОК». Ей ставились следующие задачи: 1) разведка состояния морских, речных и сухопутных сил в Советской России и «пропаганда для их разложения»; 2) разведка внутреннего политического положения в европейских государствах и общее освещение деятельности всех политических эмигрантов⁴³.

Формировались и контрразведывательные службы. С 29 ноября КРО, объединявшее деятельность всей контрразведывательной и военно-контрольной службы, стало именоваться Центральным отделением военного контроля (ЦОВК). Возглавил эту структуру и руководил ею до конца 1919 г. полковник Н.П. Злобин. Она несколько раз переименовывалась и меняла подчиненность на протяжении 1919 г., но сохраняла функции руководящего органа контрразведки и военного контроля действующей армии, а затем и тыловой контрразведки. Злобин своим приказом обязал начальников отделений и пунктов докладывать все добытые ими сведения начальникам штабов и генерал-квартирмейстерам. Но этот приказ и усилия Злобина по объединению и централизации военно-контрольной службы встречали противодействие со стороны структур, сформированных капитаном Зайцеком, а также органов разведки и контрразведки, не подчинявшихся ставке⁴⁴.

Система органов контрразведки оставалась сложной и запутанной. Поэтому 1 февраля 1919 г. в целях упорядочения контрразведывательной службы в армии было устранено ЦОВК и вместо него создан отдел контрразведки при штабе, подчиненный генерал-квартирмейстеру. Этим же приказом был объявлен штат этого отдела (9 человек), создана сеть контрразведывательных отделений при штабах трех существующих армий (Сибирской, Западной и Оренбургской) и штабе 2-го армейского Сибирского степного отдельного корпуса (14 человек), а также контрразведывательные пункты при штабах корпусов, входивших в состав армий, и в крупных населенных пунктах на театре военных действий (22 человека).

Начальники контрразведывательных органов Ставки и штабов армий (отдельного корпуса) отчитывались перед соответствующими генерал-квартирмейстерами, а начальники корпусных и местных контрразведывательных пунктов — перед начальниками вышестоящих КРО. Кроме того, начальники отделений обязывались направлять копии своих отчетов о результатах деятельности начальнику КРО при штабе верховного главнокомандующего и начальнику центрального управления контрразведки при Главном штабе военного министерства⁴⁵.

В начале марта по распоряжению военного министра восстанавливались органы контрразведывательной службы во всех округах применительно к Временному положению от 17 июня 1917 г. Руководство их деятельностью возлагалось на начальника освесомительного отдела Главного штаба. Вышедшее 26 марта «Временное положение о военной контрразведке

⁴³ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Разведка. С. 275.

⁴⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 1а. Л. 32 об.; Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922. Контрразведка. С. 24; Корнева А. Е. Контрразведка А. В. Колчака: Организация и освещение политических настроений населения // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 65—66.

⁴⁵ Корнева А. Е. Контрразведка А. В. Колчака: Организация и освещение политических настроений населения. С. 65—66; Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 24.

во внутренних округах» определяло задачи «тыловой» контрразведки и их взаимосвязь с контрразведкой действующей армии и флота. В ее обязанности входила борьба со шпионажем и лицами, «которые своей деятельностью могут благоприятствовать или фактически благоприятствуют неприятелю в его враждебной деятельности против России и союзных с ней государств».

Общее руководство всей сухопутной контрразведкой возлагалось на начальника Главного штаба, а ближайшее — на начальника осведомительного отдела. До мая 1919 г. военное министерство через контрразведывательную часть осведомительного отдела Главного штаба осуществляло общее руководство и координацию работы органов военного контроля тыловых военных округов и контролировало деятельность отдела контрразведки Ставки верховного главнокомандующего в действующей армии⁴⁶.

В это время в Сибири уже существовали органы внутренних дел, которые занимались и политическим сыском. Ставший в декабре 1918 г. директором Департамента милиции, а затем министром внутренних дел В. Н. Пепеляев развил бурную деятельность. В феврале 1919 г. он провел указ о формировании «отрядов особого назначения» при МВД. Они создавались в губерниях и областях, насчитывали до 1 тыс. человек, предназначались для «борьбы с мятежниками» и тесно сотрудничали с контрразведкой. Офицеры для службы в них привлекались только по согласованию с военным ведомством.

7 марта Верховный правитель утвердил постановление Совета министров об учреждении при Департаменте милиции МВД особого отдела государственной охраны и местных учреждений государ-

ственной охраны (губернских, областных, городских, уездных и отдельных пунктов). В результате органы охраны были созданы во всех 18 губерниях и областях, кроме того, были образованы 43 ее уездных отделения и 53 отдельных пункта⁴⁷.

Между этим особым отделом (в составе которого работали агентурный, информационный и другие отделы) и его охранными структурами, с одной стороны, и органами контрразведки, с другой, происходили обмен информацией и взаимодействие, хотя имели место противоречия и столкновения.

Сохранение за военной контрразведкой, действовавшей в тыловых округах, функций политического сыска было обусловлено активностью большевистского подполья, эсеровских и других общественных организаций, составлявших оппозицию власти, наличием неблагонадежных политических и военных деятелей, казачьих атаманов с их сепаратизмом, крестьянства и рабочих коллективов с их протестными настроениями и действиями, а также спекуляцией и др. Полковник Н. П. Злобин указывал, что «вакханалия спекуляции и страшных интриг» является объяснением того, почему еще не достигнута победа на фронте, добавляя: «Со всем этим должна вестись борьба, и в настоящее время повсеместной войны во все области жизни армии и ее тыла должна быть допущена контрразведка»⁴⁸.

16 мая 1919 г. Совет министров утвердил «Положение об устройстве городской и уездной милиции», позволявшее сосредотачивать потребное количество милицеских сил в том или ином районе⁴⁹. К руководству ими активно привлекались бывшие жандармы и полицейские с дореволюционным стажем. Органы милиции использова-

⁴⁶ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 25; Корнева А. Е. Контрразведка А. В. Колчака: Организация и освещение политических настроений населения. С. 65—66.

⁴⁷ Совет министров Российского правительства: Журналы заседаний (18 ноября 1918—3 января 1920 г.). Т. 1. Новосибирск, 2016. С. 393—394; Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 353.

⁴⁸ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 26.

⁴⁹ Совет министров Российского правительства: Журналы заседаний (18 ноября 1918—3 января 1920 г.). Т. 1. С. 684—685.

лись при проведении массовых обысков, арестов, для борьбы с забастовками, разгрома профсоюзов, а также для действий против партизан и повстанцев.

Заметим, что в Сибири, в отличие от Юга России, бывшие чины Отдельного корпуса жандармов и их профессиональный опыт деятельности на поприще политического сыска активно использовались и в органах контрразведки.

18 апреля 1919 г. начальник штаба ВГК утвердил «Временное положение о контрразведывательной и военно-контрольной службе на театре военных действий», определившее задачи, финансовые расходы, организацию и взаимоотношения этих органов на ТВД. Общее руководство всей контрразведывательной работой осуществлял начальник осведомительного отдела Главного штаба, координацией деятельности контрразведывательных и военно-контрольных районов занимался генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем.

Контрразведывательный отдел штаба ВГК ведал общим руководством контрразведки, разрабатывал необходимые меры по борьбе с антигосударственными преступлениями и инспектировал нижестоящие органы. КРО Ставки организовывало контрразведывательное наблюдение за штабом ВГК, непосредственно занималось выявлением шпионских организаций и лиц, «благоприятствующих неприятелю». Определялись взаимоотношения и задачи контрразведывательной работы на нижестоящих уровнях. Контрразведка должна была следить за военнослужащими, а военный контроль — за гражданскими лицами и обеспечивать общественный порядок.

Вместе с тем принятый документ был подвергнут критике современниками, а в дальнейшем и исследователями, ибо не устранял дублирования в работе контр-

разведывательных и военно-контрольных служб и в реализации их функций, вел к перерасходу средств на их содержание. Отмечалась целесообразность слияния контрразведывательной и военно-контрольной служб, что не было сделано⁵⁰.

В мае 1919 г. было утверждено постановление Совета министров «О правах и обязанностях чинов военной контрразведки по производству расследований», где были определены сроки, порядок направления дел в суды и др. Но на практике органы контрразведки нарушали положения этого документа, превышали свои полномочия, совершали произвол и насилия в отношении арестованных, принимали участие в расстрелах и убийствах политических противников режима. Об этом много говорилось и писалось и в то время, и впоследствии, в том числе высокопоставленными чиновниками колчаковского режима и его министрами. Военный министр А.П. Будберг указывал, например, что «контрразведка и охранка всегда требовали особого контроля и умелого наблюдения, ибо при малейшем ослаблении надзора они делались скопищем всякой грязи и преступлений»⁵¹.

Министр критически оценивал не только деятельность контрразведчиков и произвол, чинимый ими, но негативно отзывался и о работе органов государственной охраны МВД и отрядах особого назначения этого ведомства. Будберг писал, что в эти отряды идут «отбросы армии и чиновничества», очевидно, в надежде нажить. Он называл их «полуразбойниками, годными на карательные экзекуции и на расправу с крестьянами». «В отряды пошло немало старых, опытных полицейских и жандармских ярыжек, — добавлял он, — которые по старой привычке надувают начальство донесениями об успехах, разгроме повстанцев и отводят душу над беззащитным населением».

⁵⁰ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 25, 27—32.

⁵¹ Будберг А. Дневник // Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири. М.: СПб., 2005. С. 281; Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 33.

Кстати, и сам руководитель МВД В. Н. Пепеляев, подписавший 30 сентября 1919 г. циркулярное письмо управляющим губерниями и областями, признавал, что «преступные деяния милиционеров [...] вооружают население против милиции, подрывают в нем вообще доверие к государственной власти»⁵².

Реформа военно-управленческого аппарата контрразведки, прежде всего центрального, была проведена приказом начальника штаба ВГК от 25 июня 1919 г. Но аппарат и система контрразведки были по-прежнему громоздки и трудноуправляемы, что признавал и их куратор, генерал-квартирмейстер П. Ф. Рябиков. Он указывал, что сложно «было направлять работу в армиях на всей огромной территории Сибири и Дальнего Востока». «Большое количество контрразведывательных органов, постоянная между ними нездоровая конкуренция, сопровождаемая иногда «подсиживанием» друг друга и взаимными интригами, отнимала много времени для очищения [...] контрразведывательной атмосферы»⁵³.

20 августа полковник Н. П. Злобин направил генералу Рябикову доклад с предложением создать единую вертикаль органов безопасности, упразднив военно-контрольные отделения на театре военных действий и передав их функции контрразведке. Но Рябиков своим приказом от 2 сентября ограничился переименованием органов военного контроля в местные органы контрразведки, оставив их в структуре военно-административных управлений районов армий. Контрразведывательные отделения и пункты армейских штабов были переименованы в войсковую контрразведку.

Задачи органов безопасности оставались прежними. Войсковая разведка занималась ликвидацией шпионов и агитаторов противника в войсках. Местные органы контрразведки должны были вести борьбу с антигосударственными элементами в тылу. Для выяснения отношения войск и населения к существующему режиму агентура внедрялась во все подразделения, вплоть до рот и эскадронов, и во все населенные пункты. Предпринимались попытки наладить освещение политических настроений населения и войск⁵⁴.

Репрессивная машина антибольшевистского режима уже летом—осенью 1918 г. заработала на полный оборот на огромном пространстве от Урала до Сибири. Главные удары наносились прежде всего по руководителям советской власти. Так, в середине октября был арестован контрразведкой и расстрелян член Сиббюро ЦК РКП(б) Ф. И. Суховерхов. В ноябре 1918 г. в Якутии была захвачена и расстреляна на месте группа ответственных руководителей ЦИК Сибири во главе с его председателем Н. Н. Яковлевым.

В Омске в первые дни после колчаковского переворота было арестовано несколько тысяч человек. В Иркутске за первые 10 дней после переворота в тюрьму попало до 1000 человек⁵⁵. Лавинообразный процесс заполнения тюрем был характерен для всей Сибири, а также Урала и Дальнего Востока.

Одной из главных задач органов контрразведки и политического сыска являлась борьба с большевистским подпольем и предотвращение восстаний в тылу. В отчете о деятельности военного контроля штаба Сибирской армии с 20 июня 1918 г. по 31 января 1919 г. говорилось об аресте 295 видных

⁵² Ципкин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: Формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917—1922 гг.). 3-е изд., испр. и доп. Хабаровск, 2012. С. 60.

⁵³ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 36.

⁵⁴ Там же. С. 36—37; Корнева А. Е. Контрразведка А. В. Колчака: Организация и освещение политических настроений населения. С. 63—77.

⁵⁵ Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 279.

десятей советской власти⁵⁶. Качественно новый этап борьбы между большевистским подпольем и колчаковской контрразведкой развернулся с конца 1918 г. В декабре произошло восстание в Омске, завершившееся гибелью не менее 100 большевистских партийных работников и, по разным данным, от нескольких сотен до 1500 повстанцев. Вторая попытка восстания в столице Белой Сибири и в окрестностях была предпринята в начале февраля 1919 г., но оказалась тоже неудачной и завершилась арестом около 100 большевиков и массовыми репрессиями. В числе арестованных был и председатель Сибирского областного комитета и Омского горкома РКП(б) А. Я. Нейбут, расстрелянный 8 февраля 1919 г.

В марте контрразведкой были нанесены удары по большевистским комитетам и подполью в Челябинске и Екатеринбурге. В апреле контрразведкой вновь были разгромлены возродившиеся в Омске обком и горком партии большевиков. Среди арестованных и расстрелянных в Омске в апреле был председатель Сиббюро ЦК РКП(б) А. А. Масленников. Были сорваны попытки покушения на Колчака⁵⁷.

В начале марта белогвардейцам удалось раскрыть подпольную организацию в Благовещенске и предотвратить восстание под руководством большевиков. Погибли многие подпольщики и среди них руководитель Благовещенского подпольного комитета РКП(б) Ф. Н. Мухин. 26 марта 1919 г. в Благовещенской тюрьме без суда и следствия японцами и белогвардейцами были расстреляны и заколоты 16 советских работников («амурских комиссаров»).

Белогвардейская контрразведка использовала агента Розенבלата, который считал-

ся членом Благовещенской организации РКП(б), и направила его якобы для связи в Хабаровск. Большевики знали его как члена партии с 1914 г. В мае этот провокатор провалил Хабаровскую подпольную организацию РКП(б). Были арестованы ее руководители Б. А. Славин, Н. А. Гаврилов и др. Позже они были перевезены в Забайкалье и погибли в застенках на ст. Маккаевево. Попытка ликвидировать Розенבלата не удалась.

В мае 1919 г. при попытке освобождения из тюрьмы Славина и Гаврилова погибли подпольщики Г. Н. Аксенов, С. Номоконов, А. М. Криворучко. Провал произошел из-за агента контрразведки Струкова, который прибыл из Благовещенска и выявил конспиративные квартиры подпольщиков⁵⁸.

В целом же, зимой—весной 1919 г. контрразведкой были нанесены сильные удары по подпольным организациям большевиков на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Были раскрыты организации в Перми, Челябинске, Екатеринбурге, Омске, Новониколаевске, Чите, Благовещенске. Были сорваны попытки организовать всеобщее восстание в тылу Колчака. Это объяснялось, с одной стороны, опытом кадров белой контрразведки, часть из которых имела опыт дореволюционной жандармской работы, а с другой, ошибками в конспирации подпольщиков. Вместе с тем колчаковской контрразведке не удалось предотвратить восстания в Тюмени, в Кустанае и в ряде других городов, но они были подавлены.

В августе—сентябре 1919 г. контрразведка нанесла удар по организации большевиков в Иркутске с арестом около 30 человек, но ее работа продолжалась⁵⁹. Борьба кол-

⁵⁶ Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 139.

⁵⁷ Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 73—75; Стишова М. И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1962. С. 142; Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. С. 141—144.

⁵⁸ Ципкин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: Формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917—1922 гг.). С. 63—64.

⁵⁹ Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 152.

чаковской контрразведки против подпольщиков велась под руководством бывших жандармских офицеров по отработанной до революции схеме: после получения первичных данных об организации туда внедрялась агентура, в результате действий которой проводились аресты, обыски, велось расследование и дело передавалось в суд.

Кроме того, в оперативно-розыскной деятельности белогвардейских спецслужб использовались наружное наблюдение, расстановка секретных постов, массовые облавы и аресты, что затем посредством «фильтрации» арестованных позволяло выявить подпольщиков и партизан.

После ликвидации белого режима Полномочное представительство ВЧК по Сибири отмечало профессионализм сотрудников белогвардейской контрразведки, их организаторские способности и таланты, особенно в деле вербовки и обучения агентуры⁶⁰.

Возрождение и активизация деятельности советского подполья осуществлялись благодаря поддержке кадрами, литературой и финансами из Советской России. Оно опиралось в своей борьбе и на крепнущие настроения протеста против колчаковского режима в широких слоях населения. Успешное наступление Красной армии в Сибири в 1919 г. стимулировало развитие подпольного и партизанского движения. В этих условиях действия органов колчаковской контрразведки, несмотря на отдельные успехи, были обречены в конечном итоге на провал.

Обратившись к оценке высшими чиновниками колчаковского режима деятельности контрразведки, приведем два красноречивых свидетельства. Ближайший сподвижник Колчака, управделами правительства и Верховного правителя Г. К. Гинс писал: «В Омске существовало бесчислен-

ное множество осведомительных организаций: Осведверх (при Ставке), Осведфронт, Осведказак, Осведарм — все это военные организации, в которых находили себе убежище многочисленные чиновники». Он называл их размножение «чистым бедствием, тем более что в них процветали интриги, зависть и честолюбие»⁶¹.

Управляющий МИД И. И. Сукин называл специальный раздел своих воспоминаний о правительстве Колчака «Система контрразведок». Он указывал, что по всей Сибири размножились в неисчислимом количестве «контрразведочные организации»: контрразведка штаба верховного главнокомандования, контрразведка военного министерства, а также подобные структуры в каждой армии, у атаманов Семенова и Анненкова, тайная полиция и разведочные органы МВД. «Вакханалия этих разведок разыгралась в чудовищных формах, — писал Сукин. — Деморализующее начало доносов, слежки, арестов стало постепенно укореняться в сибирской жизни». Во главе контрразведки обычно стоял жандармский офицер, всюду искавший признаки «принадлежности к большевизму» и «противогосударственной деятельности». Сукин добавлял, что в контрразведках держали и неповинных людей, а показания выбивались пытками и угрозами. «По мере ухудшения военного положения на фронте и логически следовавшей за ним милитаризацией власти, — резюмировал Сукин, — деятельность этих контрразведок развивалась до такой степени, что они стали сильнее, чем само Правительство»⁶².

Подводя итоги, следует отметить, что при колчаковском режиме система контрразведывательных органов распространилась на всю контролируемую им обширную

⁶⁰ Ципкин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: Формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917—1922 гг.). С. 64.

⁶¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. Ч. 2 и 3. С. 365—366.

⁶² Записки И. И. Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 426.

территорию, охватила фронт и тыл. Вместе с тем, несмотря на многочисленные реорганизации, так и не удалось создать единой и эффективной системы контрразведки, как, впрочем, и целостной системы разведки, контрразведки и политического сыска. Спецслужбы имели разную ведомственную подчиненность, что создавало параллелизм в работе и нездоровую конкуренцию. Их деятельности были присущи не только многочисленные недостатки, но и злоупотребления и произвол, что рождало неприятие их в обществе. Несмотря на отдельные успехи, прежде всего в борьбе с подпольем, угрозы, насилие и репрессии, они не могли справиться с растущим и массовым протестным движением, охватившим широкие слои общества, что выливалось в восстания, партизанскую и повстанческую борьбу.

Добавим, что, как и на Юге, на Востоке России спецслужбы казачьих атаманов действовали автономно, а сама их деятельность, дикий произвол и насилие стали воистину притчей во языцех, вызывая протесты и сопротивление не только местного населения, но и иностранных союзников белых.

Деятельность белогвардейских спецслужб на Востоке России была олицетворением расширяющего и безжалостного белого террора, охватившего ее обширные территории. Он распространялся не только на активных сторонников советской власти, большевиков и сочувствующих им, но и на широкие круги оппозиции. Это воплотилось в быстрое расширение системы мест заключения. Еще до революции пространства Сибири и Дальнего Востока получили недобрую славу главного места заключения в Российской империи. Но этой сложившейся системы тюрем и каторги не хватало для размещения арестованных в условиях Гражданской войны, поэтому не только реконструирова-

лись и расширялись старые, но и создавались новые тюрьмы.

На начало 1919 г. в подчинении Главного управления местами заключения, которое возглавлял генерал П. К. Гран, находилось 78 учреждений, в том числе 2 каторжных тюрьмы, 1 пересыльная, 72 общих тюрем и 3 исправительно-арестных отделения. По данным из 50 тюрем, в них содержалось 28 298 заключенных, а, по расчетам МВД, в 78 тюрьмах находилось 29 462 арестанта. И это без учета содержащихся в местах заключения при управлениях милиции, подведомственных военным властям и др. При этом Министерство юстиции прогнозировало увеличение численности заключенных до 50 тыс. человек. По современным архивным данным, в действительности в тюрьмах Сибири в конце 1918 г. находилось около 75 тыс. человек. В мае 1919 г., по существующим оценкам, в колчаковских тюрьмах содержалось уже более 100 тыс. человек⁶³.

Оригинальным способом «освобождения тюрем» прославился атаман Г. М. Семенов. Подполковник американской разведки Р. Л. Эйхельбергер докладывал, например, в начале ноября 1919 г. в Вашингтон, что тот «казнил 370 заключенных, чтобы освободить помещение для новых». О фактах массовых расправ над арестованными и мирными жителями со стороны казаков Семенова, Калямыкова, Анненкова, а также генерала Розанова и других сподвижников Колчака постоянно шла речь в донесениях офицеров американской экспедиции в Сибирь, и десятки подобных примеров приводил впоследствии в своей книге ее командующий генерал У. Грэвс⁶⁴.

При постоянном переполнении тюрем в 1,5—2 раза, а иногда в 3—4 и более раз (Кокчетавская, Бийская, Шадринская, Камышловская, Барнаульская тюрьмы) мест

⁶³ Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная. Кемерово. 1968. С. 44; Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 284—286, 359.

⁶⁴ Свидетельство подполковника Эйхельбергера // Новое время. 1988. № 40. С. 37, 38; Грэвс У. Американская авантюра в Сибирь. М., 1932. С. 63, 80, 93—95, 98.

для арестованных катастрофически не хватало, ибо даже в самой крупной тюрьме — Иркутской губернской — было к началу 1919 г. лишь 1455, а к середине 1919 г. — 1620 штатных мест, а остальные имели меньшую вместимость⁶⁵. Поэтому выход был найден в развитии системы концлагерей. Ранее они были созданы в Сибири для содержания военнопленных Первой мировой войны. Советская власть освободила абсолютное большинство из них, и белогвардейские власти решили заполнить их своими политическими противниками, пленными красноармейцами, красногвардейцами и др.

Еще в период существования Временного Всероссийского правительства (Директории) предпринимались попытки внести изменения в порядок функционирования концлагерей. 25 октября 1918 г. был издан приказ, подписанный Н. Д. Авксентьевым и В. Г. Болдыревым, «О порядке содержания в концентрации военнопленных». В соответствии с ним предполагалось эвакуировать их из прифронтовой полосы и сохранять лишь лагерь с численностью не менее 5 тыс. человек. Но это не было осуществлено, как и другая инновация, — разграничение чехословацких и российских властей в управлении лагерями. Оставшихся военнопленных австро-венгерской коалиции предполагалось отдать в распоряжение и под управление командования Чехословацкого корпуса, а российских пленников и лиц славянского и романского происхождения разместить в отдельных лагерях под русской властью. Но чехословацкие офицеры, взявшие после восстания корпуса под свое управление и охрану целый ряд концлагерей, не желали расставаться со своими полномочиями и, напротив, стремились взять все лагерь в свое распоряжение⁶⁶.

После прихода к власти Колчака и расширения репрессий и арестов система концлагерей получила быстрое развитие. Кроме того, в условиях поражения антибольшевистских сил на Волге к местным жертвам репрессий добавлялись эшелоны узников, прибывавшие с территории Кому-ча. Они двигались по Транссибу до Восточной Сибири и Дальнего Востока и обратно, но их узники не могли быть размещены в существующих местах заключения ввиду их переполненности, и тысячи людей были обречены на страдания или смерть в этих тюрьмах на колесах.

В Сибири получила распространение и уже упомянутая применительно к Поволжью практика использования «барж смерти»⁶⁷.

Характеризуя же развитие системы концлагерей, заметим, что в дополнение к 20 уже существовавшим был создан и заполнен арестованными 21-й концлагерь в Сибири и на Дальнем Востоке и еще четыре спешно строились. В каждом из них содержалось от нескольких сот до нескольких тысяч заключенных. В крупных городах и их окрестностях нередко существовало по несколько лагерей, например, в Омске — три, с численностью обитателей в 33 425 человек. Более 10 тыс. человек находились в лагерях Томска, Новониколаевска, Красноярска, Березовки (Иркутская губ.), а около 10 тыс. — в Иркутске и Владивостоке. В общей сложности в белых концлагерях содержалось на начало 1919 г. 914 178 человек, в том числе более 520 тыс. использовались на почти неоплачиваемых работах в промышленности и сельском хозяйстве. Общая же численность содержащихся в белогвардейских тюрьмах и концлагерях составляла около или даже более 1 млн человек⁶⁸.

⁶⁵ Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 280, 359.

⁶⁶ Там же. С. 288—290.

⁶⁷ Тилербулатова Д. Р. «Баржи смерти» в Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2011. № 4. С. 57—62.

⁶⁸ Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 287—293.

Для сравнения, в Советской России на конец 1918 г., по данным ВЧК, в заключении находилось чуть больше 42 тыс. контрреволюционеров, бандитов и спекулянтов, в том числе в тюрьмах — 22 тыс., в концлагерях — менее 2 тыс. Лагерная система в Советской России только складывалась. 11 апреля 1919 г. президиум ВЦИК утвердил проект постановления «О лагерях принудительных работ», а 12 мая принял инструкцию об этих лагерях. В 1919 г. на всей территории РСФСР был 21 лагерь принудительных работ, в том числе в семи московских лагерях на 12 ноября 1919 г. содержалось 3063 человека⁶⁹.

Таким образом, если в Белой Сибири сложился уже настоящий белогвардейский ГУЛАГ, то состояние этой системы в Советской России современные исследователи именуют прото ГУЛАГ⁷⁰.

Бичом мест заключения являлось плохое продовольственное снабжение и медицинское обеспечение, результатом чего был быстрый рост числа заболеваний (тиф, холера, дизентерия и др.). Этому способствовала и переполненность белогвардейских тюрем и концлагерей. Налицо была и массовая смертность. Согласно официальной сводке, с ноября 1918 по ноябрь 1919 г. тифом заболело 10 654 заключенных тюрем, из них умерло 979 человек. Но это явно была лукавая статистика, ибо только в одной Иркутской тюрьме за 1919 г. умерло 285 заключенных, а в Красноярской тюрьме лишь за ноябрь 1919 г. скончались 58 человек⁷¹. Судя по всему, речь шла о тысячах

умерших от болезней и голода в колчаковских тюрьмах, и это не считая концлагерей.

В связи с белым террором, развернутым в Сибири, уполномоченный по иностранным делам ЦИК и ревкомов Сибири В.Д. Сибиряков обратился ко всем правительствам и Советам. В обращении указывалось, что в результате политики белого террора убито и расстреляно более 40 тыс. человек. В нем говорилось о миллионах сибирских крестьян, отказавшихся признать власть Колчака, и сотнях крестьянских восстаний, в которых приняло участие более 2 млн человек. Они подверглись при помощи иностранных штыков беспощадному истреблению, утверждал Сибиряков, результатом чего стала гибель десятков тысяч крестьян и сожжение сотен деревень. Указывалось и на приказ сподвижника Колчака генерала Розанова от 10 апреля 1919 г., объявившего всех большевиков, находящихся в тюрьмах, заложниками, с угрозой за каждое революционное выступление и акт политической борьбы казнить от 3 до 20 человек.

Обращение завершалось протестом против иностранного вмешательства, навязывания реакционного правительства Колчака и призывом к рабочим стран-участниц интервенции добиваться отзыва их войск из Сибири⁷².

Характеризуя систему управления и террора в Сибири, Г.К. Гинс писал: «Бывшие руководители антибольшевистских офицерских организаций в Сибири как будто поделили ее между собой, учредив во-

⁶⁹ Лацис (Судрабе) М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 76; Иванова Г.М., Удовенко И.В. ПротоГУЛАГ: Большевистские концентрационные лагеря в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Очерки истории и историографии. М., 2018. С. 160; Иванова Г.М. Большевистские концентрационные лагеря и система заложничества в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта. М., 2018. С. 122—123.

⁷⁰ Иванова Г.М., Удовенко И.В. ПротоГУЛАГ: Большевистские концентрационные лагеря в годы Гражданской войны. С. 160, 178.

⁷¹ Голуб П.А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 362.

⁷² URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/107034#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 26.10.2020).

енные округа и став во главе этих округов. Они ввели территориальную систему, при которой каждый округ автономен, т.е. формирует у себя корпус войск из местных людей и на местные средства [...] Это и было наречение «атаманщины», превращение государства в какое-то феодальное средневековое сожительство вассалов, мало считающихся с сюзереном»⁷³. Эти местные «князьки» и атаманы вершили суд над местными жителями на свое усмотрение, что и обуславливало массовый произвол и разгул репрессий.

С развернувшимся отступлением колчаковских войск в 1919 г. сотрудники контрразведок и карательных органов стремились угнать на восток своих узников, а тех, кого не могли эвакуировать, уничтожали⁷⁴.

В ходе отступления колчаковское командование отдало приказ об «очистке» от политзаключенных вагонов по линии Транссибирской железной дороги. Летом 1919 г. на ст. Андриановка в Забайкалье за один день было убито 1600 пленных и «очищено», таким образом, 53 вагона⁷⁵.

Генерал Жанен свидетельствовал в своем дневнике, что при эвакуации колчаковцы «старательно заботились о том, чтобы очистить места заключения, а политических узников истребить». По его словам, в Ялutorской тюрьме было расстреляно 93 заключенных. Зверскую расправу учинили семеновцы в начале января 1920 г. в Троицкославской тюрьме в Забайкалье, расстреляв, зарубив или затоптав лошаадьми до 1000 или даже около 1200 арестантов,

в том числе последние 101 были сброшены в глубокий колодец и засыпаны навозом. По свидетельству очевидцев, оттуда еще долго раздавались стоны людей, оставшихся в живых⁷⁶.

Жестокость колчаковцев не знала границ. Один из жителей Сибири вспоминал об их способе расправы, именуемом «смазать рельсы». Связывали арестованных по двое, спина к спине, а женщин и мужчин — лицом к лицу. После этого пускали паровоз, которым управляли офицеры. Иногда людей укладывали на рельсы на протяжении 200—300 метров. В результате кого резало колесами, кого давило днищем паровоза. Некоторые, добавлял этот очевидец, умудрялись выкатываться на обочину. Когда паровоз проходил, то их не убивали, а смеялись, что их Бог спас⁷⁷.

Командующий войсками американской военной экспедиции в Сибири генерал У. Грэвс писал спустя годы: «В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось сто человек, убитых антибольшевистскими элементами»⁷⁸.

Но, несмотря на массовый террор, активную деятельность белогвардейских спецслужб, разгул и преступления военщины, антиколчаковское движение набирало силу и завершилось в начале 1920 г. полной победой над колчаковским режимом.

⁷³ Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 277.

⁷⁴ Тимербулатов Д. Р. Проведение эвакуации мест заключения и тюремного ведомства Российского правительства Колчака на территории Сибири // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2013. № 2—3. С. 257—262.

⁷⁵ Ципкин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: Формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917—1922 гг.). С. 61.

⁷⁶ Дальистпарт: Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Кн. 3. Владивосток, 1925. С. 143—146; Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 363; Ципкин Ю. Н. Указ. соч. С. 61.

⁷⁷ Терещенко А. С. Разлом: Белый и красный террор. М., 2018. С. 69.

⁷⁸ Грэвс У. Американская авантюра в Сибири. С. 80.

Деятельность спецслужб и репрессивно-карательной системы белых на Севере России

Свои особенности имела деятельность спецслужб и репрессивно-карательной системы на Севере России. Главная из них проистекала из того, что сама деятельность антибольшевистского движения здесь полностью зависела и была неразрывно связана с интервенцией стран Антанты, без которой у противников большевиков не было серьезных шансов на свержение советской власти на Русском Севере. Деятельность иностранных спецслужб во многом предопределила захват интервентами Мурманска с Кольским полуостровом, а затем и Архангельска. Свержение советской власти в Архангельске 2 августа 1918 г. стало во многом результатом спецоперации британских спецслужб во взаимодействии со спецслужбами Франции.

Все это и предопределило становление и деятельность антибольшевистских спецслужб в провозглашенной после взятия Архангельска Северной области. Вся складывавшаяся здесь система разведывательной и контрразведывательной работы, политического сыска и репрессивно-карательной деятельности находилась под руководством и контролем Союзного военного контроля и его руководителя британского полковника К. Дж. М. Торнхилла. Его офицеры возглавляли созданные в Архангельске военно-цензурное отделение, контроль на главном телеграфе, службу связи и радио-контрразведку, а также службу право-маршала или военно-полицейскую службу.

В непосредственном ведении интервентов находился целый ряд созданных на Севере тюрем и концлагерей, а военный губернатор Архангельска французский полковник Доноп держал под неукоснительным контролем губернскую тюрьму, получая

ежедневные отчеты ее начальника и запретив освобождать ее заключенных без его разрешения. Для разбора дел арестованных интервенты создали собственную международную следственную комиссию.

Верховное управление Северной области объявило 2 августа 1918 г. «во имя спасения Родины и завоеваний Революции» программу арестов всех членов и комиссаров губернских и уездных исполкомов Советов и тех членов и комиссаров волостных Советов, «арест коих будет признан необходимым местной властью»⁷⁹. Это стало началом массовых арестов, и круг арестованных был значительно шире лиц, указанных в постановлении ВУСО.

Белогвардейскую военную контрразведку и орган политического сыска под названием военно-регистрационное отделение (впоследствии — служба) составили в Архангельске сотрудники действовавшего при советской власти военно-морского контроля (военно-морской контрразведки) во главе с его начальником, коллежским ассесором М. К. Рындиным. Они практически полностью остались в Архангельске после антисоветского переворота, ибо входили в число заговорщиков и перешли на сторону новой власти. Рындин был утвержден в августе начальником военно-регистрационного отделения, занимавшегося контрразведкой. Представив 7 октября 1918 г. начальнику строевого отдела управления командующего войсками Северной области список чинов этого органа с указанием времени поступления на службу, Рындин сообщал, что 90 человек находятся на службе с 1 августа 1918 г.⁸⁰ Именно они и составили ядро формируемой белогвардейской разведки и контрразведки.

⁷⁹ Вестник Верховного управления Северной области. 1918. 10 авг.

⁸⁰ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 151. Л. 22—23; Ильин В. Н. Специальные службы в Гражданской войне на Севере России. 1918—1920 гг. // Исторические чтения на Лубянке. 2002 год. М., 2003. С. 19.

3 августа ВУСО было принято постановление № 11 о формировании в городских и уездных городах следственных комиссий для предварительного рассмотрения дел об арестованных. Дело в том, что в Архангельске и на территориях, где власть переходила в руки противников советской власти, происходили массовые аресты. Производили их не только интервенты (союзный военный контроль, служба право-маршала и др.) и русское военно-регистрационное отделение, следственные комиссии, милиция, квартальные комитеты, но и все, кто имел в руках оружие. Круг арестованных выходил далеко за пределы лиц, названных 2 августа Верховным управлением. В их числе были сотрудники местных Советов. Чрезвычайной комиссии по разгрузке Архангельского порта, общественных организаций, профсоюзные активисты, члены заводских комитетов, рабочие, матросы, военные моряки, крестьяне. По партийной принадлежности это были не только большевики, но и левые эсеры, меньшевики-интернационалисты и даже некоторые меньшевики. Под прикрытием борьбы с большевиками и сторонниками советской власти нередко сводились личные счеты и разрешались конфликты на предприятиях и в учреждениях.

Еще до вторжения в Архангельск спецслужбами интервентов были составлены розыскные списки на «большевистских деятелей и сочувствующих им». В российских архивах хранится целый ряд таких списков, в каждом из которых по несколько десятков человек, и максимальный порядковый номер, который удалось встретить, — 62. Таким образом, в розыске и под угрозой ареста находилась не одна тысяча человек.

Вакханалия арестов захлестнула Архангельск и захваченные территории. Назначенный 4 августа 1918 г. начальником Архангельской губернской тюрьмы

В.П. Гумберт, имевший за плечами несколько десятилетий работы в царской тюремной системе и прозванный «зверь», уже спустя два дня «в связи с резким расширением числа тюремных учреждений» был назначен начальником созданного при губернском правительственном комитете тюремного отдела. Помимо переполненной арестованными губернской тюрьмы под них было занято еще около 10 помещений в Архангельске и окрестностях, а также семь тюрем и арестных помещений в губернии⁸¹, а с учетом тюрем и концлагерей, созданных ранее на Мурмане, общее число мест заключения в области составило около 20.

Интервенты, продолжая сложившуюся еще в период пребывания на Мурмане практику создания собственных тюрем и концлагерей, создали в августе 1918 г. получивший страшную известность концлагерь на острове Мудьюг в Белом море, куда 23 августа завезли первую партию заключенных — 134 человека. Позднее их число будет возрастать, а Мудьюг станут называть «островом смерти, страданий и слез». Представителей белогвардейской администрации в этот концлагерь, находившийся в полном распоряжении и под охраной интервентов, будут допускать только по особым разрешениям.

Создаваемые с начала августа 1918 г. следственные комиссии призваны были разбираться в происходящей вакханалии арестов, с самими арестованными и подозреваемыми. В соответствии с постановлением ВУСО их члены в случаях, не терпящих отлагательства, имели право единолично подписывать ордера о заключении под стражу. При отсутствии доказательств виновности следственные комиссии могли немедленно освобождать заключенных. При наличии основательного подозрения они передавали дела арестованных в распоряжение создаваемых судебно-следственных властей,

⁸¹ ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 24. Л. 29, 31; Ф. 3811. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 7.

а в более важных случаях должны были передавать вопрос об участии арестованных правительственным комитетам.

3 августа распоряжением правительственного комиссара Н. А. Старцева в Архангельске была учреждена Особая следственная комиссия для расследования дел о деятелях советской власти. Она попыталась разобраться хотя бы в численности арестованных, что оказалось очень непросто делом.

15 августа газета «Возрождение Севера» опубликовала резкую статью, в которой касательно работы этой следственной комиссии говорилось, что в ней царит страшный беспорядок. Члены комиссии не знают, где находятся арестованные. Аресты ведутся разнообразными органами власти, которые часто не сообщают об этом следственной комиссии. В комиссии не известны и все места заключения, так как об этом ей не сообщают, а также не представляют и списков заключенных. Сообщалось, что в губернской тюрьме находится до 300 арестованных.

Между тем, на запрос Особой следственной комиссии в губернскую тюрьму ее начальник И. Б. Брагин отвечал 13 августа, что не в состоянии представить сведения о численности заключенных, «ввиду переполнения тюрьмы и ежедневной перемены состава преступлений»⁸². Впрочем, ситуация изменилась после требования военного губернатора Архангельска французского полковника Донопа, которому Брагин с 17 августа стал ежедневно посылать сводки о движении заключенных. Их только в губернской тюрьме содержалось в это время от более 300 до около 400 человек⁸³.

Сама Особая следственная комиссия просуществовала недолго, и приказом бри-

танского главнокомандующего генерала Ф. К. Пуля от 14 августа было предписано прекратить ее деятельность до особого распоряжения⁸⁴. Попытки ее руководителя Н. А. Жемчугова апеллировать к Верховному управлению Северной области успеха не имели. 15 августа на заседании ВУСО было принято решение упразднить эту комиссию и создать Особую Временную следственную комиссию для расследования злоупотреблений и противозаконных действий агентов советской власти при управляющем отделом юстиции Верховного управления в составе председателя, назначаемого этим отделом, прокурора Архангельского окружного суда и по одному представителю от отделов военного и внутренних дел, от присяжной адвокатуры, от губернского земства и от Архангельского городского самоуправления⁸⁵.

Генерал Пуль потребовал от ВУСО, чтобы фамилии членов этой комиссии были сообщены ему ранее опубликования их в печати, и указал двух представителей от союзного командования, которые должны войти в нее. Попытки председателя ВУСО Н. В. Чайковского, ссылаясь на положение о комиссии, говорить о введении только одного представителя интервентов, закончились жестким требованием Пуля: «Ввиду того, что я придаю весьма существенное значение включению в состав Комиссии двух членов по моему назначению, прошу вас, чтобы статья 3-я вышеуказанного положения, выработанного Верховным Управлением, была бы изменена в данном направлении»⁸⁶. ВУСО пришлось повиноваться.

Деятельность следственных комиссий в дальнейшем вызывала критику как «слева», так и «справа». Назначенный впослед-

⁸² ГАРФ. Ф. 3691. Оп. 1. Д. 105. Л. 15.

⁸³ ГААО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 21. Л. 5, 17.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Л. 11; Д. 20. Л. 3.

⁸⁵ Там же. Д. 1. Л. 44, 45.

⁸⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 60. Л. 31, 34; *Минц И. И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М., 1931. С. 125.

ствии военно-полевым прокурором армии С. Ц. Добровольский писал в своих мемуарах: «Главнейшей задачей большевистского движения надо было ликвидировать в порядке военно-полевого суда, в отношении второстепенных деятелей нужна была большая осторожность. Между тем, комиссия широко раскинула свои сети и заарестовала массу лиц, дело о которых с момента переворота и изгнания большевиков — 2 августа — тянулось вплоть до падения области, причем, большая часть привлеченных была в результате освобождена самой комиссией или оправдана военно-окружным судом»⁸⁷.

По категорическому настоянию британского главнокомандующего генерала Пуля Верховное управление Северной области 22 и 30 августа приняло решения о введении особых военных судов и о смертной казни в качестве высшей меры наказания⁸⁸.

Особые военные суды создавались приказом главнокомандующего союзными силами в России или командующего русскими вооруженными силами. Эти суды состояли из председателя и четырех членов из числа офицеров со сроком службы не менее четырех лет. Их ведению подлежали как воинские чины, так и гражданское население. Приговоры о смертной казни требовали единогласного решения суда. Другими мерами наказания были установлены арест до шести месяцев, высылка из военной местности (для гражданских лиц) и заключение в тюрьму сроком до шести лет. В дальнейшем происходит ужесточение наказаний, включая 15-, 20-летнюю и бессрочную каторгу.

Военному суду подлежали и гражданские лица за преступления в местах,

находившихся на военном положении, именовавшиеся «особо тяжкие виды государственной измены». Их перечень был обширен: предание неприятелю отряда или укрепленного места; склонение отряда или его начальника к переходу на сторону неприятеля; убийство военного начальника; насильственное сопротивление войскам или нападение на них, шпионаж, истребление и повреждение телеграфа, железных дорог, путей и средств сообщения и др. Под эти статьи можно было подвести любого, оказывающего сопротивление интервентам и белогвардейцам.

Высшая мера наказания — смертная казнь — тоже могла применяться по широкому спектру преступлений: за неподчинение начальству, за самовольную отлучку с поста, порчу военного имущества, отказ от участия в бою, сдачу в плен и «за всякое содействие неприятелю».

Приговор со всем производством представлялся на утверждение начальника, приказом которого происходило предание особому военному суду. Смертный приговор утверждался главнокомандующим союзными силами⁸⁹.

Так, в правовую практику Северной области, как и других антибольшевистских государственных образований, на законных основаниях вошла смертная казнь, за использование которой умеренные социалисты ранее упрекали своих политических противников. Напомним, например, летнее воззвание лидера меньшевиков Ю. О. Мартова «Долой смертную казнь!» Забегая вперед, заметим, что в декабре 1918 г. единогласие судов при вынесении смертной казни в Северной области было отменено, а приговор провозглашался немедленно и в окончательной форме⁹⁰.

⁸⁷ Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Т. 3. Берлин, 1921. С. 101—102.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 57, 68.

⁸⁹ Там же. Л. 2, 5, 7, 68; Вестник Верховного управления Северной области. 1918. 1 сент.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

18 сентября 1918 г. в Архангельске был учрежден военно-окружной суд, ведению которого подлежали как военнослужащие, так и гражданские лица, состоящие на службе в военном ведомстве, а также военнопленные и жители занимаемых неприятельских территорий. При управлении командующего войсками Северной области создается военно-судное отделение. В дальнейшем были введены военно-полевые суды и военные трибуналы. Вместе с тем распространение получает и практика внесудебных преследований, расправы без суда и следствия.

Разведка на Севере России находилась главным образом в руках интервентов, а белогвардейцы занимались лишь тактической разведкой на линии фронта, в войсковых частях. Разведывательная информация стратегического характера поступала из Парижа от генерала Д. Г. Щербачева.

6 ноября 1918 г. временно исполняющий должность командующего войсками Северной области контр-адмирал Н. Э. Викорст утвердил временный штат контрразведки. Военно-регистрационное отделение состояло из 81 человека. При нем имелись: военно-контрольная команда и команда наблюдателей. Максимальное количество чинов первой было установлено в 75 человек, а второй — в 30 человек. Создавались отделения и пункты военного контроля на местах и вводились должности отдельных агентов в малонаселенных и удаленных местах Северной области⁹¹.

После преобразования военно-регистрационного отделения в службу ее центральный аппарат состоял из общей канцелярии, отдела дознания и регистрационной части. Ей подчинялись 16 отделений, бюро и пунктов на местах в Северной области.

Свою деятельность белогвардейская контрразведка вела под контролем и надзором интервентов, согласовывая с ними даже незначительные вопросы, что вызывало неудовольствие ее руководства. По словам Рындина, союзная контрразведка, не знакомая с местными условиями и «руководимая чуждыми нам мотивами, совершенно не в состоянии справиться со своей сложной задачей: общество было взволновано и озлоблено массовыми насильственными арестами граждан и военнослужащих»⁹².

Тем не менее сотрудничество союзной и белогвардейской контрразведок способствовало предотвращению готовившегося восстания в Архангельске в феврале—марте 1919 г., арестам участников большевистского подполья здесь, а также недопущению ряда восстаний в воинских частях на Архангельском и Мурманском фронтах. Вместе с тем они не смогли предотвратить серию восстаний на фронте летом 1919 г., когда, в частности, в результате перехода 5-го стрелкового полка на сторону красных рухнул Онежский фронт и на несколько месяцев была прервана сухопутная связь между Архангельском и Мурманском.

1 июня 1919 г. генерал-губернатор Е. К. Миллер утвердил штат и «Временное положение о полевом военном контроле». Учреждались его полевые отделения, действовавшие на фронте и в районах дислокации войск, и тыловые — работавшие в тылу⁹³.

После эвакуации войск стран Антанты, завершившейся в октябре 1919 г., и ликвидации Союзного военного контроля возросла ответственность белогвардейских контрразведывательных органов и произошла их реорганизация. Центральный

⁹¹ РГВА. Ф. 40311. Оп. 1. Д. 17. Л. 7, 19.

⁹² Ильин В. Н. Специальные службы в Гражданской войне на Севере России. 1918—1920 гг. С. 19; Иванов А. А. «Северная стража»: Контрразведка на Русском Севере в 1914—1920 гг. М., 2011. С. 82.

⁹³ РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 141. Л. 404; Д. 242. Л. 9.

аппарат военно-регистрационной службы увеличился в октябре до 115 человек (вместе со вспомогательным персоналом) и состоял из: общей канцелярии, отдела дознания, полевого контроля и регистрационной части. Более разветвленный характер приобрела система отделений и пунктов военно-регистрационной службы на местах, а общая численность сотрудников возросла до 450 человек⁹⁴.

Репрессивно-карательная система Северной области включала в себя более 20 тюрем, концлагерей и иных мест заключения, которые всегда были переполнены. Наиболее мрачным олицетворением этой системы являлись каторжные тюрьмы на островах Мудьюг (концлагерь, созданный здесь интервентами в августе 1918 г. и находившийся под их управлением, был летом 1919 г., в условиях их эвакуации, передан белогвардейской власти, и здесь была учреждена ссыльнокаторжная тюрьма) и Иоканьга в Белом море. На Мудьюге (в период концлагеря и тюрьмы) умерли от болезней или были расстреляны около 350 человек, что составило примерно треть прошедших через него, более 150 остались инвалидами. «Представление о Мудьюге неразрывно связано с представлением о высшем страдании, о высшей человеческой жестокости и неизбежной мучительной смерти, — писал один из его узников П. П. Рассказов. — Это пугало для северян куда страшнее, чем “ад крошечный” для религиозного фанатика. Кто попал на Мудьюг, тот живой труп, тот уже не останется в живых»⁹⁵.

В Иоканьге общее количество заключенных составило к началу 1920 г. более 1200, а по другим данным — 1500 человек. Свой рассказ об этой каторжной тюрьме оставил член последнего состава

правительства Северной области правый эсер Б. Ф. Соколов, брошенный при эвакуации белых на затертом льдами ледоколе в Белом море и попавший в Иоканьгу. «Если бы мне кто-нибудь рассказал о нравах Иоканьги, то я бы ему не поверил, — писал он, оказавшись уже в эмиграции. — Но виденному собственными глазами нельзя не верить». Из более 1200 находившихся здесь арестантов 23 были, по свидетельству Соколова, расстреляны за предполагаемый побег и открытое непослушание, 310 умерли от цинги и только около 100 остались более или менее здоровыми. Бывший министр описывал увиденных им узников Иоканьги так: «Все они были в сильнейшей степени больны цингой, с почерневшими, раздутыми руками и ногами. Это были не люди, а жалкое подобие их. Они не могли передвигаться без посторонней помощи, их с трудом довели до мурманских лазаретов»⁹⁶.

По свидетельству узника Иоканьги В. П. Чуева, к моменту освобождения из полутора тысяч заключенных в живых осталось 576, и 205 из них уже не могли передвигаться. В ожидании перевозки в Мурманск скончалось еще около 90 человек, и 24 умерли в пути на пароходах. Сойти на берег в Мурманске смогли только 127 мучеников Иоканьги⁹⁷.

Репрессивный режим, активная деятельность контрразведывательных органов и созданная карательная система не смогли спасти белогвардейскую власть в Северной области. Военной контрразведке не удалось предотвратить серию восстаний на Архангельском фронте в феврале 1920 г., что обернулось и крушением Северного фронта в целом, и белогвардейского режима на Севере России.

⁹⁴ Ильин В. Н. Специальные службы в Гражданской войне на Севере России. 1918—1920 гг. С. 21—23.

⁹⁵ Рассказов П. П. Записки заключенного. Архангельск, 1952. С. 32.

⁹⁶ Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Белый Север. Вып. 2. Архангельск, 1993. С. 421.

⁹⁷ Чув В. П. Архангельское подполье. Архангельск, 1965. С. 123—124.

Контрразведка и разведка в белом Крыму

Последним плацдармом Белого движения в условиях продолжавшейся фронтовой Гражданской войны стал Юг России, где к власти и командованию войсками, сменив генерала А. И. Деникина, пришел в начале апреля генерал П. Н. Врангель. Приказом от 29 апреля 1920 г. он потребовал «безжалостно расстреливать всех комиссаров и других активных коммунистов». В то же время была введена и такая мера, использовавшаяся ранее, например, в Северной области, как высылка в Россию лиц, «изобличенных в сочувствии большевизму».

Контрразведка в белом Крыму претерпела серьезную реорганизацию. 8 мая 1920 г. Врангелем был издан приказ, в соответствии с которым органы контрразведки преобразовывались в наблюдательные пункты при штабах корпусов и дивизий, а более мелкие структуры (на уровне полка и ниже) расформировывались. Произошло объединение под общим руководством органов контрразведки и политического сыска. Приказом Врангеля от 8 июля 1920 г. был введен прокурорский надзор «за производством дознаний по делам о государственных преступлениях», чего не удавалось сделать ранее ни Деникину, ни Колчаку. Общее руководство разведкой и контрразведкой возглавил генерал Е. К. Климович, в прошлом директор Департамента полиции в МВД при царском правительстве. В августе под его руководство была передана и Государственная стража.

Разведывательная деятельность велась не только против Советской России и не ограничивалась сбором разведанных о Красной армии. Весной 1920 г. на границу был командирован В. Г. Орлов, ранее

блестяще проявивший себя на поприще разведки и контрразведки. В письме начальника Военного управления ВСЮР генерала В. П. Никольского (до революции он был начальником штаба Отдельного корпуса жандармов) военному агенту в Италии указывалось: «Мною командирован в Западную Европу начальник разведывательной части отдела Генерального штаба действительный статский советник Орлов для выяснения постановки агентурного дела в военных агентствах, организации тайной противобольшевистской разведывательной сети за границей в связи с Генеральным штабом. Прошу оказать Орлову полное содействие»⁹⁸.

5 июля Орлов составил докладную записку, в которой обосновывал идею организации международной разведывательной службы, «в которой будут иметься специальные секции для каждой страны и которые будут информировать заинтересованные стороны о том, что происходит в мире с точки зрения большевиков»⁹⁹. Но эта новая попытка Орлова консолидировать силы разведслужб в виде некоей объединенной структуры для борьбы с большевиками не встретила поддержки в странах Антанты, ибо каждая из них вынашивала свои замыслы и цели и не хотела связывать себя созданием подобной организации.

Орлов объехал несколько европейских столиц, выполняя задания врангелевского командования, стал одним из организаторов антисоветской разведывательной деятельности за рубежом и наладил широкую международную агентурную сеть, которая будет в дальнейшем активно работать и в период эмиграции¹⁰⁰.

⁹⁸ Царев О., *Вест Н. КГБ в Англии*. М., 1999. С. 60.

⁹⁹ Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в гражданской войне. 1918—1922 гг. М., 2008. С. 83—84.

¹⁰⁰ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Т. I. Кн. 1: Так начиналось изгнание, 1920—1922. М., 1998. С. 80; Голдин В. И. Русская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск: СПБ., 2010. С. 28—31.

Белогвардейской контрразведкой в Крыму была развернута активная работа против большевистского подполья и повстанцев. В результате нескольких успешных операций был нанесен ряд тяжелых ударов по подпольщикам с арестами и казнями целого ряда активных работников. По признанию заведующего Крымским отделом Закардонного отдела ЦК КП(б)У Павлова, сделанному 5 июля, произошел «почти полный разгром крымского подполья». Повстанцы были отеснены в горы. Но, как вспоминал жандармский офицер Н. Кра-

вц, «достаточно было немножко неудач на фронте, как большевистское подполье зашевелилось — борьба нам была не по силам, агентура была слаба»¹⁰¹.

Тем не менее был ликвидирован ряд подпольных ячеек в Русской армии Врангеля, удалось предотвратить вооруженное большевистское восстание в Крыму. Но успех боевых действий Красной армии в ноябре 1920 г. привел к крушению белого Крыма и эвакуации войск и части гражданского населения этого полуострова.

Белый террор

В период Гражданской войны при характеристике репрессивных действий белогвардейцев широко использовалось понятие «белый террор». В дальнейшем оно перешло и в советскую историческую литературу, хотя в эмигрантской использовалось неохотно. В историографии периода советской «перестройки» и в постсоветский период развернулась активная дискуссия вокруг красного и белого террора, продолжающаяся и сегодня, что воплощается в монографиях и статьях на эту тему¹⁰².

Существует разные толкования белого террора. Ряд авторов понимает под ним репрессивно-террористические действия всех противников советской власти (антибольшевистских режимов разной политической окраски, включая националистические, интервентов стран Антанты и Четверного союза, Чехословацкого корпуса, участников восстаний, индивидуальные террористические акции и др.) против ее сторонников. Другие подразумевают под

белым террором только действия возникших на постимперском российском пространстве антибольшевистских движений, режимов, их участников и сторонников, рассматривая отдельно террор интервентов, чехословаков, белофиннов, белопольяков и др. Третьи видят в белом терроре репрессивно-карательные действия именно участников и сторонников Белого движения, белых правительств и режимов, их спецслужб и репрессивно-карательных учреждений. При этом используется понятие «белый государственный террор», как террор, идущий от лица государства, белых государственных образований.

Предметом дискуссии являются повстанческие и прежде всего крестьянские движения и проводимый их участниками террор в отношении большевиков, сотрудников и сторонников советской власти, ибо эти движения различались по своему характеру и направленности. Но в данном случае обычно используется все-таки термин «зеленый» террор.

¹⁰¹ Цветков В. Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917—1922 гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 133; Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918—1922: Контрразведка. М., 2013. С. 16—19, 132—136.

¹⁰² Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. М., 2004; Терещенко А. С. Разлом: Белый и красный террор. М., 2018; Жиромская В. Б. Проблема красного и белого террора 1918—1920 гг. в отечественной историографии // Труды Ин-та рос. истории РАН. 2004. Вып. 4. С. 240—265; и др.

В отношении красного террора в современной исторической литературе доминирует точка зрения, что он реализовался от лица государства и был государственной карательной политикой, а в объяснении белого террора подходы варьируются. Нередко он объясняется либо экспансиями, имевшими место на местах, либо морально-психологическими и психосоциальными факторами: ненавистью, местью, беспощадностью и т.п. Иначе говоря, если красный террор часто квалифицируется как террор «институциональный», идущий от лица государства, то белый террор нередко определяется как ответный, вторичный, спонтанный, «реваншистско-истероидный» и «инцидентный», характерный для атаманщины, военщины, но не для белогвардейских государств в целом. В известной мере это и своего рода попытка реабилитации репрессивно-карательной практики Белого движения, белогвардейских спецслужб, судебных и репрессивно-карательных учреждений.

Напротив, государственный характер белого террора доказывал в своей монографии известный российский историк П.А. Голуб¹⁰³. В современной историографии предпринимаются попытки исследования репрессивного законодательства белых правительств, а также белогвардейской правоохранительной политики¹⁰⁴.

Первым зафиксированным массовым случаем расправы над сторонниками советской власти стал расстрел юнкерами в Москве, при взятии Кремля 28 октября 1917 г., когда в результате самосудной расправы по-

гибли, по разным данным, от 100 с лишним до 300 или даже 500 человек¹⁰⁵.

Расстрелы сторонников советской власти имели место в ноябре, а в декабре 1917 г. эти самосудные расправы и казни получили распространение в казачьих районах Дона, Забайкалья, Семиречья, Урала, Оренбуржья. При этом руководители пытающегося сорганизоваться Белого движения заявляли о своем праве на расправы и призывали к этому своих сторонников. «Я исполняю свой гражданский долг», — утверждал, например, донской атаман А.М. Каледин после расстрела 62 рабочих в захваченном в начале декабря Ростове-на-Дону¹⁰⁶.

Командующий Добровольческой армией Л.Г. Корнилов заявил, обращаясь к подчиненным в начале Первого Кубанского (или Ледяного) похода 11 января 1918 г.: «В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: Пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом я беру на себя». Ему вторил генерал С.Л. Марков: «Пленными перегружать наш тыл не надо!» По свидетельству сторонницы Белого дела М.А. Нестерович-Берг, Корнилов заявлял также: «Пусть надо сжечь пол-России, залить кровью три четверти России, а все-таки надо спасти Россию»¹⁰⁷. Подобный способ «спасения России» был, по существу, призывом к осуществлению, а прозвучавшее заявление — и программой широкомасштабного и ничем не ограниченного белого террора.

¹⁰³ Голуб П. А. Белый террор в России (1918 – 1920 гг.). М., 2006.

¹⁰⁴ Цветков В. Ж. Репрессивное законодательство белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 16—26; Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001.

¹⁰⁵ Ратковский И. С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.). М., 2017. С. 22—25; Жиримская В. Б. Проблема красного и белого террора 1918—1920 гг. в отечественной историографии. С. 243.

¹⁰⁶ Мельников Н. М. А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и донской атаман. М., 2013. С. 147.

¹⁰⁷ Бугаев А. Очерки истории Гражданской войны на Дону. Ростов н/Д., 2010. С. 292—293; Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками // Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 316—317.

Беспощадными и массовыми расправами над сторонниками советской власти отличались отряды В. М. Чернецова, В. Л. Покровского и А. П. Кутенова. В ходе похода отряда полковника М. Г. Дроздовского из Ясс к Ростову-на-Дону были казнены в ходе самосудных расправ не менее 700 человек¹⁰⁸. Этот отряд отличался крайней жестокостью и расправами над сторонниками советской власти и в дальнейшем.

Из многочисленных случаев расправ над большевиками и сторонниками советской власти в национальных районах следует вспомнить хотя бы историю с гибелью и расстрелом петлюровскими войсками восставших рабочих в Киеве в январе 1918 г., когда погибли, по различным данным, от более 1500 до 1800 человек. Массовыми расправами над красными финнами характеризовался исход Гражданской войны в Финляндии в мае 1918 г., когда были казнены 8,5 тыс. человек, а 12,5 тыс. погибли в концлагерях¹⁰⁹. Именно массовый белый террор в Финляндии, входившей ранее в состав Российской империи, стал грозным предостережением и предзнаменованием для остальной России.

Масштабы террора против большевиков и сторонников советской власти резко возрастают в конце весны — летом 1918 г. в условиях развертывания широкомасштабной и фронтовой Гражданской войны. С восстанием Чехословацкого корпуса начинается волна чехословацких репрессий и происходит мощный всплеск антибольшевистского террора на обширных территориях, оказавшихся под их контролем, где создаются антисоветские правительства и армии. Если к лету обширные пространства страны были оккупированы войсками стран Четверного союза, то летом начи-

нается и широкомасштабная интервенция государств Антанты, и печальной реальностью становится террор интервентов на захваченных территориях. Летом происходит и мощный подъем антисоветского казачьего террора. В это же время разворачивается волна крестьянских восстаний против советской власти, обернувшаяся репрессиями против советских работников. Только в июле 1918 г. в 22 губерниях Центральной России контрреволюционерами был убит 4141 советский работник¹¹⁰.

В антибольшевистском движении с доминированием умеренных социалистов, когда летом 1918 г. возникали правительства с их преобладанием или широким участием, большевиков рассматривали прежде всего как «узурпаторов власти», а нередко и как «германофилов». В это время делались и первые шаги по формированию репрессивного законодательства возникших антисоветских правительств, направленного против большевиков и их сторонников. Совет министров Временного Сибирского правительства в Омске и Верховное управление Северной области в Архангельске принимали решения об упразднении советской власти и об аресте «всех представителей советской власти» или «всех работников Советов и комиссаров, назначенных большевиками». Их судьба должна была определяться создаваемыми следственными комиссиями.

Гораздо жестче вели себя власти Юга России. В приказе А. И. Деникина от 14 августа 1918 г. (по ст. стилю) лица, обвиняемые «в содействовании или благоприятствовании войскам, или властям советской республики в их военных и иных враждебных действиях против Добровольческой армии», предавались военно-полевому су-

¹⁰⁸ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.). С. 14.

¹⁰⁹ Голдин В. И. Русский Север на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск, 2018. С. 305; Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.). С. 12.

¹¹⁰ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.). С. 12.

дам войсковых частей, с которыми они сражались или которые вступали на данную территорию, что предполагало гораздо более жесткое наказание¹¹¹.

В Сибири и в Северной области особые прифронтовые суды и особые военные суды, состоявшие из офицеров и осуществлявшие ускоренное судопроизводство, вводились, соответственно, 1 и 22 августа. При этом на Севере 30 августа (по требованию главнокомандующего генерала Пуля), а в Сибири 12 сентября (по требованию чехословаков) была введена смертная казнь.

После ухода от власти умеренно-социалистических правительств или кабинетов с участием социалистов и с формированием осенью 1918 г. белых правительств и доминированием во власти военных репрессивное законодательство и основанная на нем карательная практика в отношении большевиков и советской власти резко ужесточаются.

3 декабря 1918 г. Совет министров Российского правительства постановил «в целях сохранения существующего государственного строя и власти Верховного правителя» скорректировать статьи Уголовного уложения 1903 г. Основой законодательной базы в оценке прихода большевиков к власти и ареста Временного правительства послужили измененные статьи Уголовного уложения 1903 г. «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы Императора и Членов Императорского Дома». Совет министров уравнил статус Верховного правителя со статусом императора, существовавшим в Уголовном уложении 1903 г. Ст. 99 определяла, что «виновные в покушении на жизнь, свободу или вообще неприкосновенность верховного правителя, или на насильственное его или Совета министров лишение власти, им принадлежащей, или воспрепятствование таковой, наказуются смертью». При этом как «совершение тяжкого преступления», так и «покушение на оное» уравнивались в санкции. Ст. 100 получила редакцию: «Виновные в насильственном посягательстве на ниспровержение существующего строя или отторжение, или выделение какой-либо части государства Российского наказуются смертной казнью». Согласно ст. 101 «приготовления» к таким преступлениям карались «срочной каторгой». Ст. 103 гласила: «Виновные в оскорблении верховного правителя на словах, письме или в печати наказуются тюрьмой». Саботаж подлежал наказанию по скорректированной ст. 329: «Виновные в умышленном непроведении в исполнение приказа или указов верховного правителя подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет». Все указанные деяния подлежали рассмотрению военными окружными или военно-полевыми судами в прифронтовой полосе¹¹².

Партия большевиков, их идеология и практика, воплощавшиеся в установлении советской власти и в ориентации на социализм и коммунизм, и распространение этих взглядов объявлялись законодательством белых правительств преступными и требующими непримиримой борьбы и искоренения в теории и на практике. Действия большевиков, начатые в отношении Временного правительства в октябре 1917 г. и проводимые в дальнейшем, трактовались как «преступление» и «бунт». Партия большевиков и ее члены рассматривались как «преступное сообщество».

Олиетворением вышеизложенного, теоретическим и правовым обоснованием расширявшегося белого террора против большевиков и сторонников советской власти стал Закон Совета министров от 11 апреля 1919 г., утвержденный Колчаком, «О лицах, опасных для государствен-

¹¹¹ Цветков В. Ж. Репрессивное законодательство белых правительств. С. 21.

¹¹² Правительственный вестник (Омск). 1919. 8 дек.

ного порядка вследствие принадлежности к большевистскому бунту». Он нередко сокращенно именовался «закон о бунте». 1 июля было принято постановление «О порядке расследования преступлений, совершенных в целях большевистского бунта». Лица, признанные виновными, подлежали ссылке на срок от 1 до 5 лет с лишением политических прав, а иностранцы — ссылке за границу¹¹³.

В условиях Гражданской войны эти меры считались мягкими и либеральными, что объяснялось важностью сохранить «демократическое лицо» власти в преддверии ожидаемого признания правительства Колчака ведущими странами Антанты. Но при наличии статей 99—101 Уголовного уложения в редакции 3 декабря 1918 г. противников власти можно было всегда квалифицировать по нормам, предусматривающим смертную казнь, каторгу и тюремное заключение, прибегая к услугам военных судов.

Трактуя закон от 11 апреля, министр юстиции С.С. Старынкевич указывал, что «бунтом и изменой является всякая прикосновенность к большевикам, принятие от них каких-либо должностей, их признание и всякое им сочувствие», т.е. суду предавались даже сочувствующие большевикам. Касаясь практики применения этого документа и его значения, министр подчеркивал, что «борьба должна сводиться не только к уничтожению воинствующего большевизма, но и к искоренению из толщи населения самих идей большевизма». Он добавлял, что «государство должно быть вооружено достаточной силой репрессий»¹¹⁴.

В соответствии с «законом о бунте» ликвидировались прежние следственные комиссии и создавались окружные след-

ственные комиссии в составе: председатель — помощник управляющего губернией, два члена по назначению минюста и штаб-офицер, назначавшийся командующим военным округом. К этой четверке и переходили дела лиц, находившихся под стражей, и она определяла судьбу причисленных к «бунту».

Для производства дознания о лицах, опасных «для государственного порядка», учреждались должности уполномоченных МВД по «государственной охране». Эти обязанности возлагались на помощников начальников губернских управлений государственной охраны.

На театре военных действий учреждались военные следственные комиссии, создававшиеся в каждой армии, корпусе, дивизии, в уездах и районах. Эти комиссии отличались особой жестокостью.

Таким образом, «закон о бунте» и его реализация способствовали резкой активизации и расширению политической сыска, следственной и судебной деятельности и всего колчаковского репрессивно-карательного аппарата.

Расширению белого террора способствовали и изданные весной 1919 г. чрезвычайные приказы Колчака. В марте вводится практика расстрела каждого десятого, заложничество, сожжение партизанских сел и деревень. Это становится основой для аналогичных приказов генералов С.Н. Розанова, П.П. Иванова-Ринова, В.И. Волкова и др., заслуживших славу карателей.

Приказом Колчака от 6 мая 1919 г. право вынесения смертных приговоров было предоставлено командующим армиями, точнее, закреплена давно существующая практика. Приказы о смертных казнях могли издавать и командующие округами, в том числе для расправы над восставшими крестьянами¹¹⁵.

¹¹³ Там же. 19 июля.

¹¹⁴ Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 347—348.

¹¹⁵ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.). С. 17—18.

Но помимо этого широко использовалась и самосудная практика расправ, расстрелов участников антиколячковского повстанческого движения.

На Юге России действовал «Закон в отношении участников установления в Российском государстве советской власти, а равно сознательно содействовавших ее распространению и упрочению», который был утвержден 23 июля 1919 г. Он предусматривал более жесткие наказания, чем омский документ. В отношении категории руководителей деятелей, привлекаемых к суду по этому закону, предусматривалась смертная казнь с конфискацией имущества, а в отношении «прочих виновных» сроки наказания варьировались от минимального наказания (от месяца до 1 года 4 месяцев тюрьмы или «денежного взыскания» от 300 до 20 тыс. руб.) до максимального (от исправительных арестантских отделений от 2 до 6 лет до бессрочной каторги). По этому документу предполагалась и ответственность представителей других партий, вступавших в коалицию с большевиками. Этот Закон был ужесточен Особым совещанием 15 ноября 1919 г.¹¹⁶

В августе 1919 г. постановлением Совета министров в Омске было утверждено «Положение о ссылке лиц, опасных для государственного порядка и общественно-го спокойствия», так как административная высылка по «закону о бунте» не дала ожидаемых результатов. В результате по предложению министра внутренних дел В. Н. Пепеляева была введена ссылка, предполагающая максимальную изоляцию с отправкой в самые отдаленные, глухие места — на Сахалин, в Охотск, на Русский остров. При этом, если ранее ссылка применялась только для лиц, причастных к «большевистскому бунту», то сейчас эта мера распространялась на всех «опасных», на «деятельность лиц и сообществ, стремя-

щихся к ниспровержению государственного и общественного строя».

Иначе говоря, это была реакция власти на распространение эсеровской и другой подпольной оппозиции и сочувствующих им. Все, на кого падало подозрение властей, заключались под стражу. Срок ссылки назначался до 5 лет. У них отбирались документы, они лишались избирательных прав, права на публичные выступления, участие в изданиях, т.е. полностью изолировались от общественно-политической деятельности. За нарушение правил ссылки виновные подвергались суду¹¹⁷.

Таким образом, судебно-правовая система белых правительств определяла репрессии в отношении большевиков и работников советской власти как наказание за целый ряд государственных преступлений, начиная с октября 1917 г. и в дальнейшем включая период Гражданской войны. Большевизм рассматривался как преступные идеология и практика, которые должны были быть искоренены в российском и в мировом масштабе. Все вышеизложенное представляло собой «институциональную» основу для белого террора и требовало решительного и широкого применения его в практике деятельности белогвардейских спецслужб и других репрессивно-карательных учреждений, что и осуществлялось на деле.

Численность жертв белого террора является предметом дискуссий и ее достаточно сложно определить, учитывая, в том числе, огромные масштабы самосудных расправ, казней без суда и следствия. В опубликованной несколько лет назад монографии И. С. Ратьковского общая численность жертв антибольшевистского террора (белых и их союзников) оценивается в более полумиллиона человек. При этом указывается, что эта цифра может быть увеличена с учетом еврейских погромов, часто имев-

¹¹⁶ Цветкова В. Ж. Репрессивное законодательство белых правительств. С. 22.

¹¹⁷ Голуб П. А. Белый террор в России (1918—1920 гг.). С. 350.

ших антибольшевистскую направленность, которые организовывали представители Белого движения и украинские атаманы¹¹⁸. По существующим оценкам, в годы Гражданской войны пострадало 300 тыс. евреев, и только денкинская армия совершила 200 погромов¹¹⁹.

Подводя итоги, следует отметить, что белые спецслужбы и репрессивно-кара-

тельный аппарат белогвардейских правительств и армий, несмотря на большие усилия, прилагавшиеся в борьбе за укрепление внутренней и внешней безопасности авторитарных белогвардейских режимов, и огромные масштабы антибольшевистского террора, оказались не в состоянии спасти их от краха и разделили их участь.

* * *

Для противоборствующих сторон спецслужбы и репрессивно-карательные системы были важнейшим средством борьбы за победу в Гражданской войне. И у красных, и у белых были созданы примерно одинаковые по целям и формам организации соответствующие государственные структуры. Каждая из них была инструментом «красного» и «белого» террора. На их совести тысячи жертв братоубийственного противостояния. При внешней схожести содержательной стороны деятельности спецслужб и репрессивно-карательных органов красных и белых между ними имелись принципиальные различия. Главное — это степень централизации, управляемости данных органов со стороны политического руководства. ВЧК, ревтрибуналы и другие репрессивно-карательные структуры советской власти подчинялись единому центральному руководству и контролировались им. На всей территории, подконтрольной большевикам, действовала единая их сеть, беспрекословно выполнявшая директивы Центра. Ее костяк состав-

ляли члены большевистской партии, идейно разделявшие программу и цели РКП(б) в Гражданской войне.

Иной была ситуация на территории, подвластной антибольшевистским режимам. Поскольку все они действовали автономно, в условиях отсутствия единого политического центра, направлявшего и контролировавшего их деятельность, то, в отличие от спецслужб и карательно-репрессивных органов советской власти, их деятельность в решающей степени определялась политикой конкретного режима и субъективным фактором руководящего состава каждой конкретной структуры.

Более эффективными с точки зрения выполнения возложенных на них функций оказались спецслужбы и репрессивно-карательные системы большевистской власти. Они ликвидировали все значимые подпольные антисоветские организации, агентов белых, успешно вели борьбу с «политическим бандитизмом», спекуляцией и другими негативными явлениями в повседневной жизни советской страны.

¹¹⁸ Ратковский И. С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.). С. 21.

¹¹⁹ Жиромская В. Б. Проблема красного и белого террора 1918—1920 гг. в отечественной историографии. С. 247.

Часть III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Выработка стратегии

В годы Гражданской войны партия конституционных демократов (кадетов) являлась главной политической партией Белого движения, оппонентом и непримиримым врагом большевиков и советской власти. Данный факт запечатлен не только в историографии, оценках участников войны, но и в народном фольклоре: «Эх ты, яблочко, укатилось, кадетская власть провалилася!»; «Эй, кадетик молодой, куда котишься? Первой Конной попадешь, не воротись!»¹

В отечественной и зарубежной историографии существует давняя традиция изучения истории партии кадетов в трагический для нее и страны период Гражданской войны². Члены партии, в основной своей массе, являлись представителями интеллигенции и интеллектуальной элиты российского общества начала XX в., многие активно

участвовали в войне, занимали ответственные посты в белых правительствах, общественных организациях, поддерживавших Белое дело, а после окончания войны они осмыслили ее итоги и свою роль в этом движении и войне, оставив на эту тему богатое эпистолярное наследие в виде мемуаров и монографических исследований. Оно сохраняет свою научную значимость до настоящего времени, поскольку позволяет лучше понять позицию кадетов, причины поражения их и Белого движения в целом в Гражданской войне³.

В советской историографии была зафиксирована оценка деятельности партии кадетов в период Гражданской войны их главным противником — большевиками. Она сводилась к тезису о кадетях как врагах революции и контрреволюционной партии, потерпевшей полный крах. В то же

¹ URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/chast05.html>

² См. на эту тему: *Егоров А. Н.* Очерки историографии российского либерализма конца XIX — первой четверти XX в. (дореволюционный и советский периоды). Череповец, 2007; *Макаров Н. В.* Русский либерализм конца XIX — начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015; *Rosenberg W. G.* Liberals in the Russian revolution: The Constitutional Democratic party. 1917—1921. Princeton, 1974.

³ См., напр.: *Кроль Л. А.* За три года: (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1922; *Устрялов Н. В.* Под знаком революции. Харбин, 1927; *Дневник В. Н. Пепеляева* // Сибирь: Лит.-худ. альманах. Иркутск, 1989. № 6; *Дневник П. Н. Милюкова.* 1918—1921. М., 2005; *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. Кн. 1. Ч. I, II. М., 2005; «Один из возмутительнейших эпизодов нашей революции»: Записки комиссара Временного правительства В. Н. Пепеляева о событиях в Кронштадте в марте—июне 1917 г. // Исторический архив. 2007. № 4; *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории. 1918—1920: Впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007; *Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма.* М., 2012; и др.

время в работах советских историков представлена разнообразная и заслуживающая доверия информация по важным аспектам истории кадетов в рассматриваемый период: численности партии, программе, персоналиях лидеров и т. д.⁴

Современные исследователи проанализировали причины эволюции кадетов от партии конституционной демократии к партии военной диктатуры, олицетворяющей Белое движение, ввели в научный оборот многочисленные источники на эту тему. Среди опубликованных в постсоветский период работ по истории партии кадетов в годы революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны особого внимания и высокой оценки заслуживают работы В. В. Шелохаева и ряда других авторов⁵, а также энциклопедические издания и сборники документов, глубоко и всесторонне характеризующие состояние партии, ее программу и деятельность в указанный период⁶. История партии кадетов в годы Гражданской войны продолжает изучаться зарубежными исследователями⁷.

1917 год стал «звездным годом» для кадетов. В ходе Февральской революции

кадетам принадлежала руководящая роль в формировании Временного правительства и деятельности его первого кабинета, в состав которого вошли пять представителей партии (П. Н. Миллюков, А. И. Шингарев, Н. В. Некрасов, А. А. Мануйлов, Ф. И. Родичев). Ситуация кардинально изменилась после прихода большевиков к власти.

Кадеты сразу же заняли по отношению к советской власти резко отрицательную позицию, предприняли активные действия против большевиков⁸. В ночь на 26 октября 1917 г. с целью подготовки антибольшевистского вооруженного выступления в столице члены ЦК кадетов С. В. Панина, В. Д. Набоков, В. А. Оболенский вошли во Всероссийский комитет спасения родины и революции, созданный на заседании Петроградской городской думы. Аналогичные действия предпринимались кадетами в других городах. ЦК партии призвал население не подчиняться власти Совета Народных Комиссаров, заявил о недопустимости службы у советской власти, за исключением профессуры. Кадеты активно участвовали в организации саботажа чиновников, играли ведущую роль в москов-

⁴ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982; Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; и др.

⁵ См.: Звягин С. П. История «белой» Сибири в лицах: Биограф. справочник. СПб., 1996; Канищева Н. И. Консервативные тенденции в кадетской партии в период Гражданской войны // Либеральный консерватизм: История и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25—26 мая 2000 г. М., 2001. С. 297—304; Любезнова Е. В. Кадеты Сибири в поисках форм организации власти в первый год Гражданской войны // Омский научный вестник. 2011. № 2. С. 23—26; Николаева С. Ю. Кадеты в годы гражданской войны: Всероссийский национальный центр и его платформа // Известия вузов. Северо-Кавказский регион: Общественные науки. 2011. № 4. С. 46—50; Хандорин В. Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири периода революции и гражданской войны. Томск, 2010; Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. М., 2015; Он же. Идеология и тактика российского либерализма в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1—3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 315—324; и др.

⁶ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996; Протоколы ЦК конституционно-демократической партии 1915—1920 гг. Т. 3. М., 1998; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905—1920 гг.: В 3 т. Т. 3. Кн. 2. 1918—1920 гг. М., 2000; Всероссийский Национальный Центр. М., 2001; Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. М., 2021. С. 203—205.

⁷ См., напр.: Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic party. 1917—1921; и др.

⁸ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 203.

ской подпольной организации «девятка», созданной в ноябре 1917 г. для сплочения антибольшевистских сил. Они установили связи с создавшейся на Юге России Добровольческой армией, всемерно содействуя ее формированию: занимались сбором средств, снаряжением и отправкой добровольцев на Дон.

Представители партии (П. Н. Милюков, М. М. Федоров и др.) вошли в Гражданский совет — совещательный орган, образованный при добровольческом командовании, занимались разработкой идеологии антибольшевистского движения, оказывали ему финансовую помощь⁹. Так, например, член ЦК партии А. Г. Хрушев, бывший товарищ министра финансов Временного правительства, изъясил из Государственного банка в Москве и отправил на Дон около 30 млн руб.¹⁰ На Юге России под руководством председателя Донского отдела кадетской партии В. Ф. Зеелера на поддержку добровольцев были собраны значительные суммы в виде частных пожертвований. Кадеты Самары собрали и отправили казачьим отрядам под командованием атамана А. И. Дутова 1 млн руб.¹¹ В начале ноября 1917 г. прибывший на Дон П. Н. Милюков по просьбе генерала М. В. Алексеева подготовил «Декларацию Добровольческой армии», провозглашавшую цели Белого движения¹².

Ответной реакцией большевиков на враждебные действия кадетов стали репрессии против отдельных членов и кадетской партии в целом. 10 ноября 1917 г. Военно-революционный комитет Петроградского Совета (ВРК), контролируемый большевиками, ликвидировал Всероссийский Комитет спасения родины и революции. 16 ноября советское правительство

приняло решение о роспуске Петроградской думы. В ночь на 18 ноября в связи с отказом Думы подчиниться этому решению было арестовано все думское руководство, включая членов ЦК партии кадетов М. М. Винавера и В. Д. Набокова, которые после допроса были отпущены¹³.

В условиях набиравших силу репрессий большевиков против партии кадетское руководство обратилось за поддержкой к мировому общественному мнению, направив 15 ноября 1917 г. от имени ЦК партии резолюцию послам союзных держав, в которой осуждалось «насильственное завладение властью» большевиками во главе с Лениным и Троцким. «Союзные» и «враждебные» державы призывались не воспринимать всерьез обращения к ним большевистской власти, поскольку она была, по утверждению кадетов, незаконной и не выражала волю «русского народа»¹⁴.

В то же время кадеты пытались использовать и легальные формы борьбы против большевиков, особенно в связи с кампанией по выборам в Учредительное собрание. В ноябре 1917 г. они активно включились в эту избирательную кампанию, рассматривая Учредительное собрание в качестве «твердого островка» среди бушующего океана революции. Участие в ней приняли видные деятели кадетской партии, члены ЦК В. Д. Набоков, М. М. Винавер, князь П. Д. Долгоруков, Ф. Ф. Кокошкин, А. В. Тыркова, А. И. Шингарев, В. А. Степанов и др. В целом по стране итоги выборов для партии оказались плачевными: кадеты получили всего лишь 4,5% голосов избирателей. Однако в 13 губернских городах они вышли на первое место, а в 32 городах, включая Москву и Петроград, — на второе

⁹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 2. С. 5.

¹⁰ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. М., 2015. С. 614.

¹¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 2. С. 5.

¹² Там же.

¹³ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. М., 2015. С. 614.

¹⁴ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915—1920 гг. Т. 3. М., 1998. С. 410.

место после большевиков. По кадетскому списку прошло 14 человек, по другим спискам еще 24 человека¹⁵. Подобный результат был связан с падением авторитета партии в широких массах населения из-за деятельности в составе Временного правительства, включая последствия заявления лидера партии П. Н. Милюкова о войне «до победного конца». Но в столицах и крупных городах он по-прежнему был достаточно высок у представителей интеллигенции и ряда других категорий населения (предпринимателей, чиновников и т. д.).

Убедившись на многочисленных фактах во враждебных намерениях и действиях партии кадетов против советской власти, большевики перешли к более решительной борьбе с ней. 28 ноября 1917 г. постановлением Совета Народных Комиссаров кадеты были объявлены партией «врагов народа», члены ее руководящих учреждений подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов¹⁶. Были закрыты Центральный партийный клуб и районные отделения партии, а также некоторые газеты кадетского толка.

В день выхода постановления СНК об объявлении кадетов партией «врагов народа» были арестованы ее видные деятели: А. И. Шингарев, Ф. Ф. Кокошкин, князь П. Д. Долгоруков и В. А. Степанов, избранные в Учредительное собрание. Позднее двое из них — Шингарев и Кокошкин — были убиты в Мариинской тюремной больнице. Убийство авторитетных деятелей кадетской партии вызвало возмущение общественности¹⁷. На него отреагировал и ЦК партии кадетов специальным «Воззванием», в котором не только осудил убийство, но и возложил ответственность за него на большевиков — «обманщиков народа

и предателей Родины», назвав убийство Шингарева и Кокошкина «недостойным актом мести по отношению к противникам, разоблачающим темные и лживые пути» их политики. В «Воззвании» большевики снова обвинялись в захвате власти «путем военного заговора и мятежа», развязывании в стране Гражданской войны¹⁸.

1918 год — время активизации борьбы кадетов против советской власти, участия в Белом движении, выработки партий стратегии и тактики действий в условиях начала фронтовой фазы Гражданской войны. На основе анализа сложившейся ситуации, расстановки политических сил, их возможностей, а также предшествующего опыта политической борьбы, руководство кадетской партии отказывается от своего прежнего курса на «конституционную демократию» и выдвигает идею военной диктатуры как единственно возможного способа свержения советской власти. Кадетские идеологи и политики приходят к выводу, что только единоличная власть, наделенная чрезвычайными полномочиями, способна восстановить разрушенный большевиками аппарат власти, нейтрализовать «мятежные анархические элементы», установить в стране порядок, восстановить государственное единство России и после всего этого созвать Национальное собрание для решения вопросов о форме правления и других животрепещущих проблем страны¹⁹. Уже в январе 1918 г. ЦК партии кадетов поднимает вопрос о необходимости установления в той или иной форме «сильной единоличной власти»²⁰. С этого времени идея борьбы партии за единоличную диктатуру с целью свержения большевистской власти активно обсуждалась

¹⁵ Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: Портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 108, 111.

¹⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 161.

¹⁷ Ломоносова М. В. «На смерть Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева»: Рукопись Н. И. Кареева в Пушкинском Доме // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 113—125.

¹⁸ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915—1920 гг. Т. 3. С. 412.

¹⁹ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. С. 645.

²⁰ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915—1920 гг. Т. 3. С. 414.

на всех партийных форумах и красной нитью проходила через все их решения.

Об этом шла речь на проходившей в Ростове-на-Дону 13—15 января 1918 г. Южно-русской конференции партии, призвавшей к вооруженному сопротивлению советской власти, в работе которой приняли участие кадетские организации Дона и Северного Кавказа, делегаты из Москвы, Петрограда, Батуми, Симферополя, Харькова, а также лидер партии П. Н. Милюков. Конференция призвала к вооруженной борьбе против большевиков, а также организации Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей²¹.

В конце января 1918 г. на заседаниях Московского отдела ЦК партии были приняты «Тезисы» по докладу Д. И. Шаховского, в которых говорилось о необходимости «немедленно начать действенную борьбу с большевиками» с помощью консолидации всех антибольшевистских сил (прежде всего кооперации и местного самоуправления), создания мощной и связанной с партией «физической силы», сотрудничества с «державами-союзницами» и «органами всероссийской православной церкви»²². Упоминание в «Тезисах» Русской православной церкви было связано с негативной реакцией ЦК партии на принятые Советским правительством декреты о свободе совести, церковных и религиозных обществах. Также в них осуждались попытки большевиков заключить сепаратный мир с немцами, «отдающий Россию под власть Германии»²³.

В первой половине 1918 г. на территории Советской России создаются нелегальные организации кадетской партии для подготовки вооруженных выступлений против большевиков. В марте 1918 г. в Москве образуется «Правый центр», объединивший в своих рядах представителей Со-

вета общественных деятелей, Торгово-промышленного союза, Всероссийского союза земельных собственников, кадетской партии, монархических групп. Его руководителями стали А. В. Кривошеин, В. И. Гурко, С. М. Леонтьев, член ЦК кадетов П. И. Новгородцев. В работе центра принимали активное участие кадеты Н. И. Астров, В. А. Степанов, М. М. Федоров, Н. Н. Щепкин, Б. Э. Нольде, А. А. Червен-Водали, П. А. Бурыйшкін, А. В. Карташев, С. А. Котляревский, Е. Н. Трубецкой и др.²⁴

С целью борьбы с большевиками кадеты пытались объединиться с антибольшевистскими социалистическими партиями. В апреле 1918 г. кадеты налаживают сотрудничество с надпартийной организацией «Союзом возрождения России» («Левым центром»), который включал в свой состав народных социалистов, правых эсеров, а также отдельных меньшевиков и кооператоров. В «Левый центр» вошли члены ЦК партии кадетов Н. М. Кишкин и князь Д. И. Шаховской. В политической программе «Левого центра» заявлялось о непризнании Брестского мира, необходимости воссоздания русской государственности в форме единой, целостной и свободной России на демократической основе.

В 1918 г. трудным для кадетов стал выбор внешнеполитической ориентации. После очевидных провалов первых антибольшевистских вооруженных выступлений на Дону и Урале они осознали необходимость военной помощи из-за рубежа в своей борьбе за «восстановление российской государственности». Внутри партии по этому вопросу возникло два течения: одно (меньшинство) предлагало ориентироваться на Германию, другое (большинство) — на Антанту.

Германскую ориентацию активно поддерживали П. Н. Милюков, Б. Э. Нольде,

²¹ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. С. 617—618.

²² Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915—1920 гг. Т. 3. С. 414.

²³ Там же. С. 420.

²⁴ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. С. 618.

большинство членов «Правого центра», члены ЦК партий И. П. Демидов, Н. К. Волков, А. И. Каминка, В. Д. Набоков, а также крымские кадеты Н. Н. Богданов и Д. С. Пасманик²⁵. Прогерманской ориентации придерживались провинциальные кадетские комитеты в Казани, Самаре, Омске²⁶.

Она была одобрена на состоявшемся в Киеве 8—11 мая 1918 г. делегатском съезде кадетов Юга России подавляющим большинством голосов его участников (70 голосов — «за», «против» — 13, при 6 воздержавшихся), представлявших партийные комитеты Харькова, Одессы, Чернигова, Елисаветграда, Екатеринослава²⁷. Съезд поддержал опиравшееся на поддержку германских оккупационных войск правительство П. П. Скоропадского²⁸. В него вошло несколько видных киевских кадетов (Н. П. Василенко, С. М. Гутник, А. И. Бутенко, А. К. Ржепецкий и И. А. Кистяковский)²⁹. Съезд выступил за создание «свободной Украины» и подавляющим большинством голосов высказался против предложения о включении в итоговую резолюцию поправки о «верности идеалам единства России», «единстве партии», необходимости союза с «западными демократиями»³⁰. В то же время в резолюции о русском языке делегаты единогласно проголосовали за «предоставление русскому языку наравне с украинским права языка государственного»³¹.

На киевском съезде кадеты впервые в условиях начавшейся Гражданской войны изложили свои взгляды на аграрный и рабочий

вопросы, которые в то же время отражали их «украинскую специфику». В частности, в резолюции по аграрному вопросу они выступили в защиту «мелкой собственности», против перехода земли на Украине в руки иностранцев, за установление предельного размера землевладения и выкуп государством превышающих этот размер владений, предоставление возможности мелким владельцам «увеличения своего земельного хозяйства путем приобретения в собственность части образовавшегося земельного фонда и аренды от государства из оставляемого в его распоряжении запаса»³². В резолюции по рабочему вопросу предлагалась широкая свобода профессиональных организаций для защиты прав и удовлетворения потребностей работников, «но без права присваивать себе какие бы то ни было функции общей администрации». На предприятиях должен был быть сохранен восьмичасовой рабочий день³³.

Таким образом, решения киевского съезда по аграрному и рабочему вопросам пытались опровергнуть большевистскую пропаганду о кадетях как партии «врагов народа», доказывая, что они не выступают за реставрацию прежних порядков. Их программа предусматривала учет интересов как крестьян и рабочих, так и землевладельцев, и предпринимателей. Принципиальную позицию заняли кадеты по вопросу о статусе русского языка в создававшемся молодом украинском государстве.

Делегатский съезд в Киеве высветил обострившуюся в партии с началом Граж-

²⁵ Дневник П. Н. Милюкова. 1918—1921. М., 2005. С. 28, 33, 35, 36, 56; *Шелохаев В. В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. С. 620.

²⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 3. Кн. 2: 1918—1920 гг. М., 2000. С. 7.

²⁷ Там же. С. 152—174.

²⁸ Там же. С. 170.

²⁹ Там же. С. 162.

³⁰ Там же. С. 170—171.

³¹ Там же. С. 171.

³² Там же. С. 173.

³³ Там же.

данской войны проблему взаимоотношений центра и периферии. В конечном итоге ЦК партии, учитывая «разнообразие условий, в которых находились отдельные части России» и «ввиду сложности политической обстановки в стране», предоставил местным организациям право принимать «ответственные решения в пределах вопросов», касающихся их региона деятельности. При этом сохранялась неизменность верховных функций партийного съезда. Только съезд имел право выносить «окончательное суждение» при расхождении между ЦК и областными комитетами.

Киевский съезд — единственный случай в годы Гражданской войны поддержки кадетами идеи сепаратизма и союза с кайзеровской Германией. Он стоил П. Н. Милюкову поста председателя ЦК партии³⁴. В дальнейшем кадеты последовательно будут выступать за «единую и неделимую Россию», за союз со странами Антанты, решительно поддерживать военную диктатуру в борьбе с большевистской властью.

Эта позиция оставалась неизменной на протяжении всей Гражданской войны. Как программа партии на этот период, она была официально утверждена сначала на заседании ЦК партии 8 и 12 мая 1918 г., а затем в решениях состоявшейся в Москве 27—29 мая 1918 г. партийной конференции, резко осудившей германофильство и се-

партизм участников делегатского съезда в Киеве³⁵. Проведенное ЦК партии 15 октября 1918 г. в Гаспре под Ялтой совещание и Екатеринодарская конференция (Третий юго-восточный краевой съезд партии народной свободы. — В. К.), прошедшая 28—31 октября 1918 г., окончательно закрепили данную позицию как «генеральную линию партии». П. Н. Милюков признал на конференции ошибочность германофильского курса³⁶.

В решениях совещания и екатеринодарской конференции военная диктатура признавалась наиболее эффективной формой организации государственной власти в России на время вооруженной борьбы с большевиками, а Добровольческая армия объявлялась силой, способной добиться успеха в этой борьбе. Конференция приняла решение о вступлении кадетов в антибольшевистские правительства, «чтобы вести работу по созданию единой власти»³⁷.

Таким образом, на совещании ЦК партии в Гаспре и конференции в Екатеринодаре руководство кадетской партии выдвинуло в качестве первоочередной задачи непосредственное участие кадетов в антибольшевистских правительствах. При этом они закрепили курс на установление в стране единоличной военной диктатуры. Он стал краеугольным камнем политики кадетской партии в период Гражданской войны³⁸.

Кадеты против советской власти

Летом и осенью 1918 г. кадеты вступали в состав различных антибольшевистских правительств, которые возникли в это время в различных частях страны. Например, в Архангельске кадеты вошли в со-

став Верховного управления, а затем Временного правительства Северной области, на Дальнем Востоке — в «Деловой кабинет» генерала Д. Л. Хорвата, на Урале — во Временное областное правительство,

³⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 3. Кн. 2. С. 7.

³⁵ Там же. С. 8, 18—36; *Шелохаев В. В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. С. 629.

³⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 3. Кн. 2. С. 9, 38—45.

³⁷ Там же. С. 9—10.

³⁸ *Шелохаев В. В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. С. 643.

в Крыму — в Крымское областное правительство. Членом Уфимской директории стал кадет В. А. Виноградов³⁹.

Осуждение прогерманской позиции П. Н. Милюкова и его сторонников и взятый курс на союз со странами Антанты вынудили кадетов выйти из состава «Прового центра», в котором преобладали прогерманские настроения. Взамен в мае — июне 1918 г. по инициативе членов ЦК партии Н. И. Астрова, В. А. Степанова и Н. Н. Щепкина было создано в Москве новое надпартийное объединение — «Национальный центр» («Всероссийский Национальный центр») (ВНЦ), где кадетам принадлежала главенствующая роль и который целью своей деятельности считал организацию помощи Добровольческой армии. В руководящее ядро ВНЦ вошли видные кадеты и общественные деятели: Д. Н. Шипов, М. М. Федоров, П. Б. Струве, А. А. Червен-Водали. «Всероссийский Национальный центр» объединил представителей либерально-демократических и либерально-консервативных партий и различных внепартийных групп (Церковный собор, старообрядческие общины, земские и городские учреждения, торгово-промышленные круги, кооперация и др.). После отъезда осенью 1918 г. руководства ВНЦ на Юг, в район дислокации Добровольческой армии, а затем перебазирования в Екатеринодар правления организации, его представители приняли активное участие в формировании внутренней политики правительства Деникина, проведении агитационно-пропагандистской работы среди населения подконтрольной ему территории⁴⁰. Отделения ВНЦ существовали в Петрограде, Киеве,

Одессе, Яссах, Новороссийске, Таганроге, Харькове, Баку, Батуми, Тифлисе, Кисловодске, Симферополе, Мурманске, Архангельске, Уфе, Омске⁴¹.

Особенно продуктивно работали члены екатеринодарского и ростовского отделений ВНЦ. Они обрабатывали и оперативно передавали командованию Добровольческой армии получаемую от петроградских и московских коллег информацию военно-стратегического характера. Оба отделения через своих представителей установили связи с правительством А. В. Колчака, Русским политическим совещанием в Париже, представителями Антанты, различными антисоветскими международными центрами.

Во время Гражданской войны Всероссийский Национальный центр превратился в идейно-теоретический и практический штаб кадетов, на заседаниях которого разрабатывались законодательные проекты государственного строительства, земельная реформа, продовольственное снабжение, судебная система, народное образование и т. п. Представления кадетов о том, каким образом следовало решать на практике самые злободневные проблемы страны после победы над большевиками, в концентрированном виде были отражены в разработанной в рамках ВНЦ программе, получившей в либеральных кругах название «Российской конституции». К ее созданию были привлечены видные российские ученые-экономисты Я. М. Букшпан и Л. Б. Кафенгауз, разделявшие идеологию партии, но не являвшиеся ее членами⁴². В современной историографии развернутый анализ «Российской конституции» ВНЦ и обобщенные оценки ее содержания даны

³⁹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 3. Кн. 2. С. 10, 211—213.

⁴⁰ Там же. С. 8.

⁴¹ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. С. 637; Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1. М., 2021. С. 447—448.

⁴² Николаева С. Ю. Кадеты в годы гражданской войны: Всероссийский национальный центр и его платформа // Известия вузов. Северо-Кавказский регион: Общественные науки. 2011. № 4. С. 46.

в работах В. В. Шелохаева и других публикациях⁴³.

«Программа» ВНЦ состояла из X разделов. Исходным пунктом первого раздела — «О Государстве Российском» — было положение о «единстве и нераздельности российского государства». Признавалась возможность его территориальных изменений или образования на территории страны «каких-либо автономных областей или суверенных государств» только в «законодательном» порядке. Входящие в состав Российского государства народности имели право «охранять и развивать свою национальную и культурную жизнь». Русский язык признавался общегосударственным языком, который следовало употреблять «в армии, во флоте, во всех государственных, областных, земских, городских самоуправлениях». При этом особыми законами разрешалось, наряду с русским языком как общегосударственным, употребление языков отдельных народностей в управлениях и самоуправлениях, в суде, школе, государственной и общественной жизни⁴⁴.

В предполагаемом в будущем «Законе о местных языках» описывался механизм его практической реализации. В частности, согласно ст. 2, право определения, какие местные языки могли быть применены в общественной жизни в конкретных губерниях и областях, предоставлялось министрам внутренних дел, юстиции и народного просвещения. К решению данной проблемы привлекались органы земского, городского и поселкового самоуправления. На заседаниях губернских (областных) земских собраний и городских дум большинством в 2/3 голосов определялось, какой из местных языков, установленных

в порядке ст. 2 «Закона», должен быть употребим в их местности. На территории использования местных языков правительственные учреждения обязывались принимать от частных лиц разного рода ходатайства, прошения, жалобы и заявления на этих языках. В свою очередь они должны были издавать свои постановления как на русском, так и местном языках. В ходе судебного процесса не владеющие русским языком подсудимые имели право прибегать к услугам переводчика. Лица, потерпевшие от нарушения государственными чиновниками прав национальных языков, могли обратиться с жалобами в суд⁴⁵.

Важнейшим разделом «Программы» ВНЦ являлся раздел «О правителе и правительстве». На переходный период после победы над большевиками верховная власть в России возлагалась на Правителя, который наделялся широкими полномочиями. Прежде всего он осуществлял представительские функции и определял внешнеполитический курс страны. Также он назначал главнокомандующего, которому подчинялись все вооруженные силы России, председателя и членов Совета министров. Правительство должно было формироваться «строго по деловому принципу, независимо от партийной принадлежности его членов». Правителю принадлежала законодательная власть, которая осуществлялась во взаимодействии с Советом министров, а также «власть управления», реализуемая через Совет министров и отдельных министров⁴⁶. Также он наделялся высшей судебной властью в стране, правом назначения судей по представлению министра юстиции⁴⁷.

Третий раздел «Программы» предусматривал особую систему управления стра-

⁴³ Шелохаев В. В. Идеология и тактика российского либерализма в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1—3 октября 2018 г.). С. 315—325; Николаева С. Ю. Указ. соч. С. 46—50.

⁴⁴ Всероссийский Национальный Центр. М., 2001. С. 360.

⁴⁵ Там же. С. 412—414.

⁴⁶ Там же. С. 358.

⁴⁷ Шелохаев В. В. Идеология и тактика российского либерализма в годы Гражданской войны. С. 318.

ной: назначение управленцев на всех уровнях исполнительной власти (представители правительства на местах, начальники губерний и уездов). Это означало изъятие управленческих функций из компетенции органов местного самоуправления. Они передавались начальникам губерний и уездов, назначаемым правительством, задачей которых, как отмечалось в «Программе», был «тяжелый труд по восстановлению всеми мерами порядка, по обеспечению законности и деятельности отдельных учреждений и по ограждению прав и свобод граждан»⁴⁸. Начальники уездов и губерний при необходимости могли прибегать к использованию вооруженной силы.

На освобожденной от большевиков территории восстанавливались органы местного самоуправления: земства, городские думы и т. д. В их формировании на выборах могли участвовать достигшие 25 лет граждане, связанные «проживанием» с теми городами, уездами и волостями, в которых проводились выборы⁴⁹.

В «Программе» ВНЦ, в IV разделе «Положения», характеризовалась судебная система. Прежде всего упразднялись все судебные органы, созданные большевиками. Восстанавливался Правительствующий Сенат, административный суд, а также институт мирового суда. Мировые судьи назначались правительством. Им подчинялись все дела местной подсудности, в том числе дела сельского населения, которые ранее рассматривались волостными судами. Перед правительством в области законодательства ставилась первоочередная задача разработки законов, направленных к «восстановлению нарушенных личных прав частных лиц и учреждений». При этом восстанавливались все отмененные

советской властью законы о наследовании и нотариат⁵⁰.

Раздел «Программы» «О правах и обязанностях российских граждан» фиксировал их права и обязанности вне зависимости от классового, национального происхождения и вероисповедания, особенно акцентируя внимание на обеспечение их права собственности «на принадлежащее им имущество». Никакие конфискации и «безвозмездные» отчуждения имущества не допускались, кроме случаев, указанных законом⁵¹.

«Программа» ВНЦ регламентировала положение в России Русской православной церкви, закрепив ее внутреннее устройство, сложившееся в результате революции 1917 г.: Поместный собор, патриарх, Священный Синод, Высший церковный совет. Под «наблюдением» государственной властью соответствия закону деятельности старообрядческой церкви признавалось ее право на «полную свободу исповеданий»: «проповедование веры», «отправления религиозных обрядов», «образования общин и приходов», открытия школ и монастырей, обителей и кладбищ. Наряду с духовными лицами других исповеданий духовные лица и монашествующие старообрядческих церквей освобождались от воинской, личной и натуральной повинностей, получали средства на свои церковные нужды из государственного казначейства⁵².

Во внешней политике «Программа» предусматривала воссоздание «единой и неделимой» России, признание ее государственного суверенитета над всеми территориями, входившими в ее состав до большевистского переворота, радикальный пересмотр условий Брестского мира, установление тесного дружественного союза

⁴⁸ Всероссийский Национальный Центр. С. 369.

⁴⁹ Там же. С. 370.

⁵⁰ Там же. С. 359—363, 370—381.

⁵¹ Там же. С. 362—363.

⁵² Там же. С. 410—412.

с «передовыми демократиями Запада». При этом кадеты выступали против признания независимости Польши в границах, установленных без согласия России, а также против независимости Финляндии, рассчитывали, что страны Антанты не будут препятствовать «справедливому» решению важного для России вопроса о Черноморских проливах, выдвигали идею возрождения традиции мирных Гаагских конференций о контроле над производством вооружений и мирного разрешения международных конфликтов⁵³.

Выдвигая в своей программе лозунг «единой и неделимой» России, кадеты оспаривали, что он в условиях Гражданской войны, популярности националистических идей на Украине и окраинах бывшей Российской империи может разделить и ослабить силы антибольшевистского лагеря. Поэтому они пытались объяснить правомерность данного лозунга ссылкой на то, что «идеи самостоятельности» и создание «национальных образований» в действительности были результатом стремления окраин отделиться не от России, а от большевиков. И если большевизм будет побежден, то никаких препятствий на пути восстановления единства страны не будет⁵⁴.

Экономическая часть «Программы» ВНЦ в первую очередь предусматривала отказ от «социалистических экспериментов» и неприкосновенность частной собственности. Особое место занимал аграрный вопрос, затрагивающий интересы многомиллионного российского крестьянства. В реалиях Гражданской войны и свершившейся в 1917 г. в России общинной революции, уничтожившей помещичье и частновладельческое землевладение, кадеты понимали невозможность восстановле-

ния в деревне «старого земельного строя». В аграрном вопросе они выступали за сохранение статус-кво, т.е. сложившихся аграрных отношений, до полной победы над большевиками. При этом в своих планах они предлагали учитывать интересы землевладельцев и компенсировать им убытки, понесенные в результате крестьянской революции и аграрной политики советской власти⁵⁵. Конечной целью своей аграрной политики кадеты видели создание в России многочисленного класса крестьян-собственников за счет принудительного отчуждения помещичьих земель. При этом механизм этого отчуждения большинством либеральных экспертов предусматривал сохранение экономически эффективных помещичьих хозяйств с помощью установления для них предельных норм владения земельными участками⁵⁶.

«Самой надежной и устойчивой опорой государственного строя» в «Программе» признавалось широкое развитие «мелких земледельческих хозяйств, ведущихся на собственной земле», не допускалось распыление земли «бесчисленными немошными хозяйствами». Земля должна была попасть в руки «сильных и могущих стать сильными в хозяйственном отношении» крестьян⁵⁷. Они могли купить ее у помещиков по «не обременительным ценам», установленным в результате «добровольного соглашения» с ними, а также получить из государственного земельного фонда, если у них будут основания «создать и вести на ней крепкое хозяйство». Поскольку принудительному отчуждению прежде всего подлежали имения, сдававшиеся в течение многих лет в аренду, авторы «Программы» посчитали важным, чтобы правительство на законодательном уровне устранило

⁵³ Там же. С. 363—368, 454.

⁵⁴ Шелохаев В. В. Идеология и тактика российского либерализма в годы Гражданской войны. С. 319.

⁵⁵ См.: Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: К вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 315—332.

⁵⁶ Всероссийский Национальный Центр. С. 289, 376.

⁵⁷ Там же. С. 375.

«возможность кабальных цен» и обеспечило за арендаторами право на возмещение затраченных ими средств на улучшение арендованного имения. Также в «Программе» предусматривались меры финансовой поддержки и агротехнической помощи мелким и средним частным крестьянским хозяйствам как со стороны государства, так и органов местного самоуправления и сельскохозяйственной кооперации. Все это, по мнению авторов «Программы», позволило бы решить в стране продовольственную проблему, обеспечить сырьем промышленность, вывести Россию в ведущие лидеры мирового рынка по экспорту сельскохозяйственной продукции⁵⁸.

В «Программе» особо подчеркивалось значение института крестьянской частной собственности как основы «подлинного и мощного сельского хозяйства». В частности, в ней подчеркивалось: «Только собственность дает владельцу уверенность, что плоды его труда достанутся ему или его наследникам. Только собственник земли сумеет извлечь из нее наибольшее количество хозяйственных благ и тем в наибольшей степени содействует росту общего благосостояния. Только собственник дает побуждение к постоянному улучшению хозяйства»⁵⁹. Идея о том, что именно «рост и укрепление индивидуалистического крестьянского хозяйства создаст культурно-психологическую и моральную основу для быстрого развития здорового и трудоспособного «среднего класса», в котором нуждается экономика России и ее политический строй, пронизывает все программные документы ВНЦ⁶⁰.

Наряду с аграрным вопросом, в «Программе» ВНЦ был представлен комплекс мероприятий, реализация которых была

направлена на развитие промышленности, финансов и других сфер экономики России, подорванных Гражданской войной. Их суть сводилась к повсеместному восстановлению и утверждению в хозяйственной жизни страны частной собственности, сведению к минимуму государственного вмешательства в экономику. Для этого планировалось организовать распродажу национализированных большевиками торговых и промышленных предприятий в частные руки⁶¹.

Воссоздание «русской национальной промышленности» мыслилось авторами «Программы» с помощью «широкого привлечения частного капитала и частной инициативы». С этой целью предполагалось в центре и регионах организовать торгово-промышленные палаты из числа предпринимателей, наделить их широкими правами, чтобы они вместе с правительством активно участвовали в решении насущных хозяйственных проблем⁶².

Финансовая часть «Программы» предусматривала сокращение непроизводительных расходов и накопление финансовых средств путем увеличения доходной части бюджета и увеличения капитала в кредитных учреждениях, а также установление налогов, «не стесняющих развитие производительных сил и накопления капитала»⁶³. Кроме того, расширялась сфера деятельности частных банков, планировалось установление единого курса рубля, привлечение иностранного капитала и т. п.

В «Программе» ВНЦ кадеты декларировали следующие социальные гарантии: страхование работников от болезней, несчастных случаев и по инвалидности, 10-часовой рабочий день и введение 8-часового дня в тяжелых и вредных производ-

⁵⁸ Шелохаев В. В. Идеология и тактика российского либерализма в годы Гражданской войны. С. 322.

⁵⁹ Всероссийский Национальный Центр. С. 375.

⁶⁰ Там же. С. 394.

⁶¹ Там же. С. 409—410.

⁶² Шелохаев В. В. Идеология и тактика российского либерализма в годы Гражданской войны. С. 322—323.

⁶³ Всероссийский Национальный Центр. С. 383.

ствах, свобода стачек, создание примирительных камер для разрешения трудовых споров между рабочими и предпринимателями, повышение роли профсоюзов. Все эти меры были направлены, с одной стороны, на защиту прав владельцев предприятий, поддержание трудовой дисциплины, а с другой — на ограничение рабочего движения легальными формами выступлений, подконтрольными властям⁶⁴.

Вопросы образования, науки и культуры отражены в двух разделах «Программы» ВНЦ. Ставилась задача децентрализации и демократизации в управлении данными сферами, предусматривавшая соответствующую реорганизацию Министерства народного просвещения, привлечение к этому делу широкой общественности, создание необходимых условий для частной инициативы. Органы местного самоуправления получали правительственные функции по заведованию учебными заведениями. Частные лица и организации могли свободно заниматься просветительской деятельностью и получать поддержку от государства на эту деятельность. Полная автономия и академическая свобода предоставлялись высшим учебным заведениям. Предполагалась государственная поддержка развитию профессионального образования, различным изобретениям, научным исследованиям в области изучения естественных природных богатств и т.п.⁶⁵

Таким образом, в годы Гражданской войны партия кадетов разработала масштабную программу создания будущей России, в которой, по словам князя П. Д. Долгорукова, была реализована попытка избавиться от прежней «народническо-социалистической маниловщины»,

приблизив ее к реалиям военного времени, чтобы оказывать влияние на политику поддержанных партией военных диктаторов, возглавивших антибольшевистский фронт. Разработанная в недрах ВНЦ «Программа» стала основой тактического курса кадетов в регионах дислокации Белого движения⁶⁶.

После отъезда осенью 1918 г. из Москвы кадетских лидеров на Юг в распоряжение денikinских войск партия кадетов как единая организационная структура перестает существовать. Вместо нее создаются группы членов ЦК, которые самостоятельно определяют политику и тактику региональных отделений партии, но в рамках основного курса партии.

Осенью 1918 г. кадеты, разочаровавшись в неспособности антибольшевистских партий и правительств социалистической направленности в рамках коалиции успешно бороться с большевиками, начинают активно сотрудничать с кругами, тяготеющими к «реставраторской» позиции: генералитетом, офицерством, промышленниками, финансистами, землевладельцами и т.д. Поправление партии усиливает тягу ее руководства и большинства рядовых членов к организации и поддержке военной диктатуры⁶⁷. Этому способствовал и неудачный опыт деятельности созданного в ноябре 1918 г. Крымского правительства, кадетского по своему политическому курсу. Кадеты отказались от идеи восстановления статуса распушенного большевиками Учредительного собрания (ввиду его «полубольшевистского состава»), а также от поддержки Уфимской директории, которая допустила ошибочный компромисс между «государственными и антигосударствен-

⁶⁴ Там же. С. 401, 430—442.

⁶⁵ Шелохаев В. В. Идеология и тактика российского либерализма в годы Гражданской войны. С. 324.

⁶⁶ См.: Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия России и эмиграция. М., 2015. С. 667—695.

⁶⁷ Там же. С. 645.

ными элементами»⁶⁸. В результате проходившая в Омске 15—18 ноября 1918 г. Вторая общесибирская (омская) конференция, представлявшая 10 кадетских комитетов (Омска, Казани, Самары, Иркутска, Харбина, Симбирска, Владивостока, Челябинска, Уфы и Кургана), 18 ноября поддержала переворот адмирала Колчака, объявление его Верховным правителем России и установление им режима военной диктатуры⁶⁹. Кадеты вошли в состав Совета Верховного правителя, правительственного аппарата, разработали основные законы колчаковского режима («конституцию 18 ноября»). Восточный отдел ЦК партии, возглавляемый В. Н. Пепелясовым, превратился, по существу, в один из совещательных органов при Верховном правителе.

В 1919 г. кадеты становятся главной партией Белого движения, его идейно-организационной силой и неотъемлемой частью. Они входят в руководящие органы правительств Деникина и Колчака, оказывают идейную и организационную помощь генералу Н. Н. Юденичу. Одновременно усиливается нелегальная работа партии в Советской России. В феврале—марте 1919 г. в Москве по инициативе кадетов с целью согласования действий всех антибольшевистских организаций в России создается нелегальная конспиративная структура «Тактический центр» (ТЦ). В него входят представители «Всероссийского Национального Центра», Союза возрождения России и Союза общественных деятелей. Для согласования программных установок ТЦ в апреле 1919 г. создается контактная комиссия («шестерка») в составе видных кадетов: Н. Н. Щепкина, О. П. Герасимова, С. П. Мельгунова, князя С. Е. Трубецкого,

Д. М. Щепкина, С. М. Леонтьева. Согласованная программа ТЦ предусматривала: 1) восстановление единства России; 2) созыв Национального собрания для решения вопроса о форме правления; 3) признание единоличной, диктаторского характера военной власти как необходимой переходной формы власти для восстановления в стране порядка и решения «на основе признаваемого права личной собственности» неотложных мероприятий «экономического и социального характера»⁷⁰.

В 1919 г. на подвластной белым территории деятельность кадетов сводилась к поддержке действующих режимов и участию в работе органов власти белых правительств. В феврале 1919 г. члены ЦК партии Н. И. Астров, В. А. Степанов, К. Н. Соколов, а также М. М. Федоров, вошли в состав сформированного при генерале А. И. Деникине Особого совещания. Кадеты руководили работой Освага (Осведомительного агентства) — главного пропагандистского органа деникинского режима, выступали перед населением с лекциями, докладами, писали пропагандистские брошюры, воззвания, работали редакторами и журналистами белогвардейских газет и журналов⁷¹. На проводимых заседаниях членов ЦК партии и партийных конференциях (например, мартовское совещание ЦК в Ялте, Юго-Восточная конференция 29—30 июня 1919 г. в Екатеринодаре, Харьковское совещание 3—6 ноября 1919 г. — В. К.) выражалась безоговорочная поддержка Белой армии и военной диктатуры⁷².

Придерживаясь такой линии, кадеты вынуждены были мириться с произволом военных властей или сводить его критику к минимуму. Характерно в этом плане следующее высказывание одного из ли-

⁶⁸ Шелохаев В. В. Идеология и тактика российского либерализма в годы Гражданской войны. С. 315; Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 3. Кн. 2. С. 58—59, 213.

⁶⁹ Там же. С. 10, 212—213.

⁷⁰ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. С. 639.

⁷¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 3. Кн. 2. С. 12—13.

⁷² Там же. С. 13, 19, 128—129, 144—145.

деров кадетов, князя П. Д. Долгорукова, из выступления на Харьковском совещании партии: «Злоупотребления и дефекты известны генералу Деникину, и нам нужно не столько критиковать, сколько указывать на возможность врачевания»⁷³. Другим примером являлась реакция делегатов совещания на еврейские погромы. В принятом по этому вопросу постановлении признавалось, что «происходящие еврейские погромы представляются недопустимыми не только по соображениям человечности, но и с точки зрения того великого дела, которому служит Добровольческая армия». Но затем, вместо осуждения участия в погромах деникинцев, ответственными за них голословно объявлялись «большевистские агенты», стремящиеся «к дезорганизации тыла»⁷⁴.

Точно такую же полную поддержку кадеты демонстрировали в отношении режима адмирала Колчака. Например, об этом было заявлено в мае 1919 г. в выступлениях делегатов Третьей восточной конференции, проходившей в Омске и представлявшей кадетские комитеты Акмолинской, Енисейской, Казанской, Оренбургской, Пермской, Приморской, Самарской, Симбирской и Томской губерний⁷⁵.

Осенью 1919 г. в условиях поражения белых армий ряд видных «южных» кадетов, чтобы переломить ситуацию, предложили начать либерализацию системы управления и провести социальные реформы «на демократических основаниях». С этой идеей выступил Н. И. Астров, изложив свои предложения в «Тезисах по вопросу о политическом курсе». Их суть состояла в призыве к А. И. Деникину отказаться в своей внутренней политике от «реставрации старого порядка», от «за-

щиты старых сословных и классовых привилегий». Взамен предлагалось опереться на сформировавшиеся в городе и деревне буржуазные слои, привлечь на свою сторону население с помощью «решительных мер в области социальных реформ на демократических основаниях», прежде всего — аграрной реформы⁷⁶. Накануне краха своего режима Деникин последовал части Советов кадетов. 30 декабря 1919 г. он упразднил Особое совещание, а в начале февраля 1920 г. отказался от диктатуры, назначив ответственное перед Законодательной палатой Южно-Русское правительство с участием кадетов. Но было уже поздно, в апреле 1920 г. власть перешла к генералу П. Н. Врангелю, в окружении которого кадеты не играли сколько-нибудь существенной роли, хотя и поддерживали его власть⁷⁷.

Такая же ситуация сложилась на Востоке страны, где на последней стадии существования колчаковского режима Верховный правитель назначил председателем правительства кадета В. Н. Пепеляева, выступавшего за «отказ от исключительно военной системы управления», «сближение с оппозицией», «расширение прав Государственного земского совещания» и т. д. В то же время часть кадетов не поддержала данную смену курса и вступила в переговоры с атаманом Г. М. Семеновым, предложив ему взять в свои руки власть на территории к востоку от Байкала. Но они не увенчались успехом. После падения правительства Колчака вместе с ним был расстрелян В. Н. Пепеляев, а чуть позже председатель Восточного отдела ЦК партии народной свободы А. К. Клафтон и другие кадеты — активные участники Белого движения⁷⁸.

⁷³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 3. Кн. 2. С. 133.

⁷⁴ Там же. С. 147.

⁷⁵ Там же. С. 68.

⁷⁶ Там же. С. 14—15.

⁷⁷ Там же. С. 15.

⁷⁸ Там же. С. 11.

Во второй половине 1919 г. кадеты потерпели сокрушительное поражение и на территории Советской России. Летом 1919 г. органы ВЧК произвели массовые аресты в Петрограде и Москве членов «Всероссийского Национального центра», в том числе их руководителей: члена ЦК кадетской партии Н. Н. Щепкина и В. И. Штейнингера. Вскоре они и другие арестованные кадеты — члены ВНЦ — были расстреляны по постановлению ВЧК. Это дезорганизовало деятельность московского и петроградского отделений ВНЦ. В феврале 1920 г. ВЧК произвела новые аресты членов московских антибольшевистских организаций, в которых активное участие принимали кадеты⁷⁹. В результате активная нелегальная антисоветская деятельность кадетов на территории Советской России прекратилась.

После поражения Белого дела значительная часть кадетов эмигрировала, организовала в европейских столицах, а также в Харбине, партийные группы, действовавшие автономно и не признававшие единого партийного центра. Начался эмигрантский период в истории партии.

Таким образом, партия кадетов в Гражданской войне потерпела поражение, как и Белое движение в целом, которому она служила и пыталась помочь всеми силами. Причины этого связаны прежде всего с причинами поражения самого Белого движения. Но очевидной в поражении была и вина самих кадетов, которые в ходе Гражданской войны изменили своим принципам и идеалам свободы и демократии, которые ранее проповедовали.

⁷⁹ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. С. 639—640.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ- МЕНЬШЕВИКИ¹

Октябрь—декабрь 1917 г.: демократические иллюзии в условиях кризиса, «левый» поворот

Пережив «звездный час» летом 1917 г., когда ее представители играли ведущую роль в Советах всех уровней и входили в правительство, в решающие события поздней осени 1917 г. почти 200-тысячная «объединенная» РСДРП² вступила лишенной идейного единства и единоличного лидерства, в состоянии тактической разногласия и организационного разброда. «Руководящая роль, которая выпала на долю социал-демократии за 8 месяцев февральской революции, — констатировал Л. С. Ланде, — не привела к соответствующему укреплению меньшевистской партийной организации»³. По признанию другого видного меньшевика, РСДРП, никогда не будучи монолитной, и после своего ав-

густовского 1917 г. «объединительного» съезда оставалась организационно рыхлой, партийная дисциплина условной, понятия «иерархии, субординации, тем более авторитарности и вождизма ни в какой мере не были характерны для меньшевизма»⁴.

Во второй половине 1917 г. под знаменем ортодоксального марксизма в России помимо национальных выступал целый ряд политических объединений — от собственно РСДРП(о) в лице внушительных коллективов меньшевиков-оборонцев, центристов («революционных оборонцев») и интернационалистов-«мартовцев» до карликовых организаций «объединенных интернационалистов» (бывших «новожизненцев»)⁵ и «плехановцев» (группы «Единство»)⁶.

¹ Анализ изучения послеоктябрьского меньшевизма в мировой археографии и историографии (эмигрантской, зарубежной, советской и постсоветской) см.: Павлов Д. Б. Послеоктябрьский меньшевизм: Размышления об итогах и перспективах изучения // Труды Ин-та рос. истории РАН. Вып. 17. М., 2023. С. 207—249.

² «РСДРП (объединенной)» партия меньшевиков официально называлась с августа 1917 до апреля 1918 г., когда по решению своего ЦК вернула исконное название — «РСДРП» (без приставки «м»). Это стало реакцией на переименование большевистской партии в «РКП(б)».

³ Ланде Л. Состояние партийной организации к моменту октябрьского переворота // Меньшевики. Benson, 1988. С. 68.

⁴ Аронсон Г. Я. К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. статей и воспоминаний. Benson, 1990. С. 175.

⁵ Учредительный съезд партии с.-д.-интернационалистов, объявивших о разрыве с РСДРП(о) на ее августовском 1917 г. съезде, состоялся в середине января 1918 г. На ее IV съезде в декабре 1919 г. (к тому времени партия уже именовалась РСРПИ и включала немногим более тысячи членов) было принято решение о самороспуске и вхождении в РКП(б) с зачетом прежнего партстажа.

⁶ На выборах в Учредительное собрание группа, выступив самостоятельно, по всей России набрала менее 27 тыс. голосов (Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 179). Прекратила деятельность осенью 1918 г., вскоре после кончины своего основателя Г. В. Плеханова.

Исходя из марксистских представлений об условиях перехода к социализму, все они ориентировались на длительное буржуазно-демократическое развитие России. Основными препятствиями для безотлагательного перехода к социализму социал-демократы считали преимущественно аграрную экономику страны, крестьянское большинство ее населения, относительную неразвитость промышленности и торговли. По их убеждению, немедленное введение диктатуры пролетариата явилось бы гибельной авантюрой в условиях, когда рабочий класс относительно малочислен и еще не обладает ни политическим сознанием, ни культурным развитием такого уровня, который необходим для осуществления революционного насилия в отношении свергнутых классов способами, отвечающими «демократической сущности самого социализма». Равным образом российский рабочий класс, полагали меньшевики, в своей массе еще не был готов самостоятельно управлять государством и регулировать социально-экономические процессы.

Другими словами, стержнем меньшевистского мышления в целом и их политической стратегии, в частности, выступала концепция российской экономической и культурной отсталости. Основными составляющими политической культуры умеренной российской социал-демократии являлась ее приверженность «тактике процесса» в противовес большевистской «тактике плана»; неприятие «революции сверху» и отказ от самоценности власти, ее универсальности для решения социальных проблем; ориентация на долгосрочные интересы рабочего класса и подчинение им национальных принципов; осознание себя

неразрывной частью мирового социалистического движения⁷. Социальную революцию меньшевики определяли как «сложный и длительный исторический процесс постепенной социализации хозяйственной жизни и вытеснения капиталистических и мелкобуржуазных форм производства и обмена коллективистскими, обеспечивающими более высокое развитие производительных сил»⁸. Опираясь на эти общие постулаты, они принципиально дистанцировались от любого экстремизма, считая себя выразителями «всего наиболее зрелого и сознательного в пролетариате»⁹. Перечисленные течения и группировки в социал-демократии отличались друг от друга своими тактическими установками, особенно относительно большевизма.

В своей практической деятельности в годы Гражданской войны РСДРП, верная «революционному» марксизму с его отказом от реформизма и ревизионизма¹⁰, исходила, во-первых, из того, что «политическая революция не может быть совершена средствами легальной борьбы пролетариата в рамках легальных учреждений буржуазного общества», и, во-вторых, из принципиально отличного от большевистского понимания диктатуры пролетариата — как проводимого революционным государством насилия «только против эксплуатирующих народное хозяйство и паразитирующих общественных групп», т.е. диктатуры абсолютного большинства над меньшинством. Эта диктатура, считали меньшевики, «не имеет, кроме имени, ничего общего с понятием единоличной или олигархической диктатуры, в том числе и диктатуры сознательного революционного меньшин-

⁷ Паначчионе А. Политическая культура меньшевиков и ее неактуальность в современной России // Судьбы демократического социализма в России: Сб. материалов конференции. М., 2014. С. 338—339.

⁸ Меньшевики в 1919—1920 гг. М., 2000. С. 28, 426.

⁹ Обращение ЦК РСДРП(о) к партийным организациям в связи с завершением работы Чрезвычайного съезда партии. 15 декабря [1917 г.] // Меньшевики в 1917 году. Т. 3: От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 2. М., 1997. С. 551.

¹⁰ Далин Д. Меньшевизм в период советской власти // Меньшевики. Benson, 1988. С. 145.

ства над бессознательным большинством народа, хотя бы и во имя интересов народа»; для такой формы правления, подчеркивали они, «основные признаки демократии неотъемлемы»¹¹.

В рамках утвердившейся большевистской модели диктатуры деятельность РСДРП оказалась во многом окрашена склонностью меньшевиков к мирным способам политической борьбы, их чрезмерной верой в действенность партийных лозунгов и призывов, тезисов и резолюций, вообще тяготением к теории, а не к практике революции. Их обвинения в терроризме, получившие широкое хождение в советские годы, были абсолютно беспочвенны — РСДРП всегда выступала принципиальным противником политических убийств кого бы то ни было, во имя чего бы то ни было и с чьей бы то ни было стороны. Вплоть до перехода партии в подполье на исходе Гражданской войны «левое», мартовское, крыло, с конца 1917 г. ставшее ведущим в официальном меньшевизме, фактически, не претендуя на власть, пыталось играть роль легальной оппозиции большевистскому режиму с тем, чтобы мирным, через Советы и массовые общественные организации, давлением заставить его отказаться от авторитарных методов управления. Однако в случае с большевизмом и в условиях деклассирования пролетариата как социальной базы РСДРП шансов на реализацию в полном объеме подобный курс не имел. За иллюзии на этот счет партия заплатила высокую цену. В 1918—1922 гг. меньшевикам пришлось довольствоваться ролью бесправной и вынужденно дискретной оппозиции диктатуре, уверенно шедшей по пути строительства однопартийной политической системы. Эти годы явились временем угасания, а затем и агонии РСДРП как ортодоксально-марксистской партии на русской

почве; правительственные репрессии еще более ускоряли этот процесс.

Парадоксально, но именно в период Гражданской войны меньшевизм сформировался и как концепция демократического, гуманного социализма, и как правозащитное движение. Его богатейшее идейно-теоретическое и литературное наследие стало достоянием науки лишь в постсоветские годы, но и по сей день это — плохо изученная «Атлантида».

В условиях большевистского террора и на фоне ужасающей социальной и экономической разрухи охваченной Гражданской войной России устойчивая приверженность меньшевиков пролетарской демократизации и обеспечению общегражданских прав делала их в глазах современников в лучшем случае оторванными от реалий доктринерами, несправимыми идеалистами, политиками многословными, боязливыми; в большевистской пропаганде и в трудах советских историков они фигурировали под презрительными кличками «прихвостней буржуазии», «мелкобуржуазных соглашателей», «социал-предателей». Собираемый образ меньшевика, сформированный советской массовой культурой, представлял собой окарикатуренную помесь того и другого: он изображался говорливым, истеричным и подловатым субъектом полуинтеллигентного вида с «пенсне на местечковом носу», над речами которого потешались «токаря-слесаря»¹².

Объективные социометрические показатели членов РСДРП на 1917 г. в сравнении с большевиками выглядели следующим образом: средний возраст 35—38 лет (у большевиков — 30); по сословному происхождению (в %) — крестьян 33,8 (у большевиков — 5,1), дворян 16,3 (6,8), мещан 37,5 (30,5), разночинцев 3,7 (8,0), купцов 3,3 (3,8); по уровню образования (в %) — высшее и среднее специ-

¹¹ Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 426—428.

¹² Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции. М., 2014. С. 225.

альное 41,9 (среди большевиков — 21,6), среднее 3,3 (5,5); по этносооставу — русских 42,8 (среди большевиков — 54,5), украинцев 18,9 (9,5), евреев 22,9 (14,7)¹³. Как видим, в 1917 г. «средний» меньшевик был несколько старше и заметно образованнее такого же «среднего» большевика.

С середины октября 1917 г., в обстановке нараставшего общеполитического кризиса, в периодической печати, Совете Республики и на других политических «площадках» меньшевистские лидеры выдвигали лозунги немедленного заключения мира (с одновременной публикацией секретных договоров царского правительства) и демократического решения земельного вопроса¹⁴, тем самым стремясь перехватить политическую инициативу у большевиков. Одновременно руководство РСДРП(о) развернуло акцентированно антибольшевистскую пропаганду. На создание 12 октября¹⁵ при Петросовете большевистско-левоэсеровского Военно-революционного комитета (ВРК) ЦК партии отреагировал обращением к рабочим и солдатам, в котором предостерег от захвата власти Советами накануне выборов в Учредительное собрание и утверждал гибельность «повторения событий 3—5 июля», «открывших мрачную страницу военных поражений и контрреволюционных происков»¹⁶. Публикация 18 октября в газете «Новая Жизнь» сообщения о подготовке ленинцами захвата власти вызвала в меньшевистских рядах всплеск разномыслия — от призывов к силовому решению проблемы (оборонцы) до ставки на формирование нового демократического

правительства (интернационалисты-мартовцы).

Были предприняты и запоздалые усилия побудить премьер-министра А. Ф. Керенского взять резко «влево». Вечером 24 октября лидер меньшевиков-центристов Ф. И. Дан инициировал совместный с «правыми» эсерами А. Р. Гоцем и Н. Д. Авксентьевым визит в Зимний дворец с намерением убедить Временное правительство в безотлагательном начале переговоров с союзниками по Антанте о вссообщем мире, в необходимости передачи помещичьих земель земельным комитетам и ускоренного созыва Учредительного собрания. Однако и эта попытка добиться политической изоляции большевиков и лишить их массовой поддержки к успеху не привела — ответом стала отповедь Керенского: «правительство в наставлениях и указаниях не нуждается»¹⁷. В ночь на 25 октября с трибуны ЦИК тот же Дан назвал начавшееся вооруженное выступление большевиков «преступлением перед народом, армией и революцией»¹⁸. Для его нейтрализации резолюция ЦИК, разработанная в ту же ночь его меньшевистской фракцией, потребовала немедленного создания Комитета общественной безопасности из представителей местного самоуправления, «органов революционной демократии» и солдатских комитетов¹⁹. В ответ большевики покинули заседание.

На следующий день верные им войска и рабочие-красногвардейцы разогнали Совет Республики и блокировали правительство в Зимнем дворце. Таким образом, «преступная», по мнению всех меньше-

¹³ Протасов Л. Г. «Лица необщим выраженьем»: (Социопортрет провинциального социалиста) // Судьбы демократического социализма в России: Сб. материалов конференции. М., 2014. С. 233, 235, 238.

¹⁴ См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 129—139, 146.

¹⁵ Даты до 31 января 1918 г. даются по старому стилю, после — по-новому.

¹⁶ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 207.

¹⁷ Цит. по: Галили З., Ненароков А. Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября — конец декабря [1917 г.]: Историко-документальный очерк // Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 74—75.

¹⁸ Там же. С. 221.

¹⁹ Там же. С. 226.

виков, большевистская «авантюра» стала фактом, и фракция РСДРП(о) Петросовета, объявив о сложении с себя ответственности «за гибельные последствия» происшедшего «заговора», вышла из состава Петросовета и его Исполкома. Попытка меньшевистских и эсеровских лидеров провести через II Всероссийский съезд Советов (открылся в разгар вооруженного восстания вечером 25 октября) идею возобновления переговоров с Керенским о создании «однородного» демократического правительства была заблокирована большевиками и их союзниками, и руководители обеих умеренно-социалистических партий демонстративно покинули съезд. Рядовые меньшевистские делегаты последовали их примеру одним-двумя днями позже.

В дальнейшем идейное размежевание в меньшевистских рядах только усилилось. Если ЦК партии выступил за создание Комитета общественного спасения «для предотвращения разгрома революции или полного торжества анархии», то меньшевики-оборонцы продолжали считать единственным законным в стране (до Учредительного собрания) свергнутое правительство Керенского, потребовав освободить его арестованных министров и предать революционному суду «насильников и руководителей междоусобия»²⁰ — большевиков с их союзниками. К неудовольствию оборонцев меньшевики-интернационалисты, именуя произошедший переворот актом гражданской войны, вместе с тем призывали к мирному прекращению междоусобий «внутри демократии», подразумевая большевиков ее частью. «С самых первых дней большевистского переворота, — напишут они год спустя, — наша партия

определенно высказалась против ликвидации большевистского режима как путем гражданской войны внутри демократии, так и с помощью вооруженных сил, руководимых чуждыми или враждебными демократии социальными группами. Оба эти пути, по мнению партии, могли привести не к развитию революции, а лишь к ее крушению»²¹.

Отношение же оборонцев к только что сформированному ленинскому Совнаркому наиболее точно выразил недавний министр труда и заместитель председателя ЦИК М.И. Скобелев: «Это не власть демократии, а диктатура и притом диктатура не пролетариата, а диктатура против пролетариата»²². Представители «правого» меньшевизма последовательно придерживались взгляда на большевистский переворот как на контрреволюцию. В марте 1918 г. они заявили о самороспуске, рядовые оборонцы растворились в партийных рядах, а их вожди (В.О. Левицкий, А.Н. Потресов, В.Н. Розанов и др.) вскоре примкнули к межпартийному «Союзу возрождения России», который своей основной целью ставил вооруженное свержение большевизма (в военно-боевой работе Союза они не участвовали). Летом 1918 г. ЦК РСДРП подтвердил несовместимость с членством в партии групп «правых» меньшевиков, продолжавших автономно действовать в обеих столицах, но в парторганизациях Юга России они еще долго продолжали преобладать²³.

Между тем 28 октября 1917 г. ЦК РСДРП(о) выдвинул план «скорейшей ликвидации большевистской авантюры». В основе плана лежали переговоры общественного Комитета спасения родины и революции

²⁰ Галици З., Ненароков А. Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября — конец декабря [1917 г.]: Историко-документальный очерк. С. 255—256.

²¹ Меншевики в 1918 году. М., 1999. С. 681.

²² Меншевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 257.

²³ Подробнее о «правых» меньшевиках и их взаимоотношениях с официальной (левоцентристской) РСДРП см.: Ненароков А.П. Правый меньшевизм: Прозрения российской социал-демократии. М., 2012.

(КСРиР) с Временным правительством, Советом Республики и рабочими организациями о создании такой правительственной комбинации, которая была бы способна ликвидировать эту авантюру «методами, обеспечивающими интересы демократии», немедленно созвать Учредительное собрание и начать совместные с союзниками мирные переговоры. Предусматривалось, что одновременно этот Комитет потребует от ВРК сложить оружие, отказаться от только что захваченной власти и подчиниться Временному правительству в обмен на гарантии личной неприкосновенности участникам переворота²⁴. Однако провал наступления казаков Керенского—Краснова на Петроград в конце октября заставил меньшевистский ЦК резко сменить курс. Для предотвращения гражданской войны было решено отозвать своих представителей из КСРиР, отказаться от вооруженной борьбы за власть и пойти на соглашение с большевиками на условиях равноправия всей «революционной демократии» и отказа от создания республики Советов. В знак протеста в первых числах ноября 10 из 16 оборонцев-членов ЦК (всего в него тогда входило 24 человека) и три кандидата к ним объявили о выходе из руководящего партийного учреждения; вскоре к ним присоединилась редакция «Рабочей Газеты» — центрального органа РСДРП. «Партия стоит перед фактом великого политического поражения», — комментировали 19 ноября

сложившуюся ситуацию оставшиеся члены меньшевистского ЦК²⁵. «Звезда» меньшевизма покатила к закату.

Проиграв выборы в Учредительное собрание в середине — второй половине ноября 1917 г. (за списки РСДРП(о) проголосовало немногим более 1,5 млн, или 3,15% избирателей, что обеспечило ей всего 15 депутатских мандатов вместо ожидавшихся 50²⁶), 30 числа меньшевики созвали в Петрограде Чрезвычайный партийный съезд, делегаты которого представляли порядка 100 тыс. членов партии²⁷. Оборонцы с 28 ноября по 6 декабря провели параллельное партийное совещание. Главным итогом съезда стало неприемлемое для оборонцев новое самоопределение РСДРП(о) — результат компромисса между мартовцами и центристами во главе с Даном. Новое партийное большинство заявило о готовности признать захват власти большевиками выражением настроений части пролетариата, отказалось быть вовлеченным в братоубийственную войну внутри рабочего класса и объявило об окончательном разрыве с прежними союзниками «справа»²⁸ — при неизблемости курса на «единство демократии, представляющей свою волю через Учредительное собрание».

Новоизбранный меньшевистский ЦК не исключил и соглашения с большевиками, «поскольку за последними идут рабочие массы», и в случае, если ленинцы «проявят готовность отказаться от анти-

²⁴ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 261—262.

²⁵ Там же. С. 333.

²⁶ *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. С. 169, 366. По другим данным, РСДРП(о) была представлена в конституанте 16 депутатами из 767 (Меньшевики в 1918 году. С. 57. Примечание). Этот провал явился не только результатом вялой избирательной кампании партии, традиционной непопулярности меньшевиков в деревне и административного давления на них большевиков, но и платой за прежнее тесное сотрудничество с либералами. Обезличенные участием в коалиционном Временном правительстве, в глазах «левого» избирателя меньшевики выглядели полуправыми — недокадетами.

²⁷ В литературе приводится и другая цифра — 144 тыс.: *Волобуев О., Клоков В.* Меньшевики // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996. С. 359.

²⁸ *Галили З., Ненароков А.* Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября — конец декабря [1917 г.]: Историко-документальный очерк. С. 116.

демократической политики насилия»²⁹. «Наша политика соглашения, — проектировал Ю.О. Мартов место партии в складывавшейся большевистской политической системе, — дает возможность безболезненного перехода от революционного периода к нормальному демократическому строю. Эта политика содействует превращению Советов в органы нормального политиче-

ского давления»³⁰. Но ленинцы на соглашение и тем более на равноправное партнерство с «левыми» меньшевиками не пошли, химерой оказались и расчеты на эффективность нажима на них. «Вздор, что можно причесть боль[шевизм], — провидчески указывал оборонец Потресов в конце 1917 г. — [...] Он непоколебим. Его можно сломать, но не согнуть»³¹.

1918 г.: на легальных и полулегальных правах

Январская катастрофа Учредительного собрания перечеркнула надежды меньшевиков на мирное, демократическое развитие революции и на собственное полноценное участие в общегосударственном строительстве. В таких условиях средоточием «революционных сил демократии» и основной ареной для реализации левостановочной РСДРП своего политического курса становились Советы, профсоюзы и другие общественные организации. Представители всех партийных течений резко критиковали новую российскую государственность, сходясь на том, что основная и «первородная» задача Советов как органов рабочего представительства состоит в защите интересов пролетариата. Наделение же их административными, в том числе фискально-полицейскими, функциями, справедливо полагали меньшевики, неизбежно приводит к их вырождению и отчуждению от широких масс. Уже по одному этому провозглашение большевиками советской республики «торжеством демократии» и «высшей формой» государственной организации являлось, по их мнению, не более чем демагогическим трюком³².

В резолюции Всероссийского партийного совещания при ЦК РСДРП, проходившего в Москве 21—27 мая 1918 г., констатировалось, что за послеоктябрьское полугодие Советы «успели стать в глазах широких масс населения воплощением самой невыносимой тирании, очагами коррупции, душителями личной свободы и политических прав граждан, разрушителями демократического местного самоуправления»³³. В связи с этим Совещание постановило «вести борьбу за уничтожение бюрократического и олигархического строя советской организации» под лозунгами: «вся власть в государстве — Учредительному собранию, на местах — демократическим органам городского и земского самоуправления; превращение Советов в независимые органы рабочего класса [...] отказ их от правительственных, законодательных, полицейских функций». Партийное руководство считало, что пробольшевистские иллюзии пролетариата изживаемы критикой советской системы «изнутри», но одновременно категорически запретило членам партии занимать какие-либо посты в советской администрации³⁴. Пока же главный

²⁹ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 551.

³⁰ Там же. С. 510.

³¹ Там же. С. 405.

³² *Ненароков А., Павлов Д., Розенберг У.* В условиях официальной и полуофициальной легальности. Январь—декабрь 1918 г.: Документально-исторический очерк // Меньшевики в 1918 году. С. 43.

³³ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 479.

³⁴ Там же. С. 480—481.

упор был сделан на «борьбе» за свободные пере выборы Советов³⁵.

В первой половине 1918 г. руководящие структуры РСДРП тысячными тиражами выпустили десятки воззваний, прокламаций, информационных и инструктивных писем, которые касались вопросов войны и мира, государственного и военного строительства, до крайности обострившейся продовольственной проблемы, финансово-экономической и аграрно-крестьянской политики, методов борьбы с безработицей, промышленной разрухой и т.д. Ни одно более или менее крупное событие бурлившей и еще относительно свободной (в сравнении со вскоре установившейся) общественно-политической жизни страны не проходило без участия меньшевиков. В марте 1918 г. на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, созданном для ратификации грабительского Брестского мира, фракция РСДРП(о) (26 человек из 1200 делегатов), указав на то, что ни Совнарком, ни ЦИК не имели формального права его подписывать, высказалась против его утверждения, за организацию народного ополчения, возобновление работы Учредительного собрания «для восстановления Демократической Республики» и формирования власти, «способной организовать всенародную оборону революции», наконец — за созыв «международной социалистической конференции для восстановления единства действий международного пролетариата в борьбе за всеобщий демократический мир»³⁶. Однако текст мирного договора съезд ратифицировал без какого-либо серьезного анализа и тем более учета предложений меньшевиков. «Ничтожна численно на съезде оппозиция, сильна фракционная дисциплина

большинства, и нет опасения, что результат будет изменен добросовестным обсуждением»³⁷, — эти слова Мартова, сказанные по горячим следам чрезвычайного советского съезда, могут служить эпитафией к последующей работе РСДРП в Советах всех уровней.

В 1918 г. на фоне развала финансово-экономической жизни страны промышленные предприятия прекращали работу, росла безработица, голод, шло обнищание пролетариата и его массовое бегство в деревню. Согласно официальным данным, в 1918 г. реальная заработная плата петроградских промышленных рабочих составляла всего 16,6% от уровня 1913 г. (против 81,6% в 1917 г.) и не обеспечивала даже физического выживания; от без малого 250 тыс. металлистов провинциальных заводов с числом рабочих более ста на январь 1917 г. к началу 1919 г. осталась лишь пятая часть (53 тыс.)³⁸. На съездах профессиональных союзов, земско-городских органов, в ЦИК и в исполкомах местных Советов меньшевистские фракции вступали в открытую полемику с представителями партий правительственного блока (большевиков и левых эсеров), выдвигали альтернативные пути решения внутри- и внешнеполитических проблем.

Однако проекты РСДРП по выводу страны из кризиса власть игнорировала, ответом на них стали периодические и по команде сверху проводившиеся, «кроважно-бесстыдные», по выражению Мартова, «разоблачительные» кампании в печати, удушение меньшевистской прессы, аресты и другие «припадки терроризма» по отношению к социалистическому инакомыслию. Число запрещенных к середине 1918 г. газет социал-демократической

³⁵ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 239.

³⁶ Там же. С. 314—316.

³⁷ Там же. С. 322.

³⁸ Материалы по статистике труда. Вып. 5. Пг., 1919. С. 41; Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 66—71.

ориентации перевалило за 60. Меншеви-ков-добровольцев записывали в Красную армию только если те, по словам того же Мартова, соглашались на «акт самооплевывания»³⁹ — давали подписку о признании Совета Народных Комиссаров. В результате стремительно шедшей люмпенизации промышленного пролетариата и притеснений властей к маю 1918 г. численность РСДРП уменьшилась втрое в сравнении с летом 1917 г., составляя немногим более 60 тыс., а к концу того же года — порядка 35—40 тыс. человек⁴⁰.

Несмотря на гонения и потери, в 1918 г. меньшевики оставались одной из крупнейших социалистических партий Советской России⁴¹, основные силы которой были сосредоточены в индустриальных центрах европейской части страны, а также в Закавказье, в свое время давшем партии половину голосов на выборах в Учредительное собрание. По данным секретариата ее ЦК, весной 1918 г. средняя численность губернской организации РСДРП составляла 400 человек, уездные меньшевистские организации — от промышленной Коломны до заштатных Великих Лук — по числу членов порой превосходили большевистские. Крупнейшей «вотчиной» партии яв-

лялся Центрально-Промышленный регион, в котором действовало порядка ста ее местных организаций, объединенных в семь губернских и восемь городских, общей численностью 12—15 тыс. человек⁴² — 2 тыс. в Ярославле, по 1,5 тыс. в Москве, Туле и Владимире, 800 в Бежице, по 300 в Коврове и Вязниках и т.д. На первых послеоктябрьских перевыборах местных Советов, прошедших весной 1918 г. в обстановке травли оппозиции репильной печатью, массовых фальсификаций и подтасовок властей, меньшевики сумели не только сохранить, но и упрочить свое советское представительство в городах, по мнению ряда исследователей, всех или почти всех губерний Советской России⁴³ (корректная статистика итогов выборов отсутствует), во всяком случае — в Брянске, Коломне, Костроме, Златоусте, Ижевске, Сормово, Туле, в других промышленных центрах⁴⁴.

Несмотря на этот успех, вновь стать ведущей советской партией РСДРП не удалось. 14 июня 1918 г., накануне избирательной кампании на V Всероссийский съезд Советов, боясь роста представительства на нем меньшевиков и «правых» эсеров, большевики провели через ЦИК постановление, согласно которому депутаты

³⁹ Меншевики в 1918 году. С. 319—320.

⁴⁰ Ненароков А., Павлов Д., Розенберг У. В условиях официальной и полуофициальной легальности. Январь—декабрь 1918 г.: Документально-исторический очерк // Меншевики в 1918 году. С. 22—24.

⁴¹ То же наблюдалось и на территориях, подконтрольных антибольшевистским силам, причем прессинг белых властей зачастую оказывался мягче большевистского. Осенью 1918 г. советская печать сообщила, например, об отмене правительством Всевеликого Войска Донского решения командования Области о закрытии меньшевистского печатного органа в Ростове-на-Дону (Вечер Москвы. 1918. 6 окт.). Сам факт легальной деятельности на этих территориях «правых» меньшевиков большевики использовали для репрессий против РСДРП, обвиняя всю партию в пособничестве белым. См.: Партия меньшевиков и денкинищина. Процесс киевских меньшевиков (21—23 марта 1920 г.). М., 1923; Гарви П. А. Дни красного террора в Одессе // Социалистический вестник. 1960. № 1. С. 21.

⁴² Далин Д. Меншеви́зм в период советской власти // Меншевики. Benson, 1988. С. 171.

⁴³ Пайнс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 234; Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia. 1918—1922. Princeton; New Jersey, 1994; Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. М., 1996. С. 65.

⁴⁴ См.: Клоков В. А. Меншевики на выборах в городские Советы Центральной России весной 1918 г. // Меншевики и меньшевизм: Сб. статей. М., 1998. С. 66. В ряде пунктов РСДРП выступала в блоке с ПСР, который большевистская «Правда» без обиняков аттестовала «союзом контрреволюционных агентов и убийц на службе у буржуазии» (Правда. 1918. 4 апр.).

обеих партий исключались из Советов всех уровней по обвинению «в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами» с целью «дискредитировать и низвергнуть советскую власть»⁴⁵. Делегаты проходившей в те же дни I Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий получили указание принимать еще более «строгие» меры по пресечению «соглашательской» печати, «изымать из обращения» видных и активных эсеров и меньшевиков, расстреливать «явно уличенных контрреволюционеров»⁴⁶.

Таким образом, с середины июня 1918 г. РСДРП, хотя и не была запрещена, оказалась фактически на полулегальном положении. В самой партии резко усилились отзовистские настроения. Однако меньшевистский ЦК, отрезанный фронтами Гражданской войны от многих местных партийных организаций, гонимый властями и резко критикуемый соратниками «справа», продолжал отстаивать прежний курс. «Линия партийной политики сводится не к стремлению [...] вырыть пропасть между рабочими массами и Советами, — разъясняло свою позицию руководство РСДРП в конце июня 1918 г. в письме на места, — а к стремлению побудить рабочие массы отвоевать Советы у большевиков и превращать их в независимые классовые организации, лишая таким образом большевистскую бюрократию всякой возможности прикрывать свою диктатуру советским знаменем»⁴⁷.

«Правые» меньшевики выступили за бойкот Советов в их сложившемся виде и сделали ставку на самостоятельное пролетарское движение. В марте 1918 г. по пред-

ложенной ими и «правыми» эсерами модели в Петрограде начало формироваться Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов (ЧСУФиЗ) — массовое, налпартийное, умеренно-социалистическое по идеологии пролетарское движение, вскоре объединившее сотни тысяч рабочих крупнейших промышленных центров Северной и Центральной областей Европейской России (Петрограда, Москвы, Тулы, Сормова, Ярославля, Самары, Брянска и др.) — металлистов, транспортников, энергетиков, печатников. Несмотря на резкое неприятие большевизма, рабочие уполномоченные сознательно отказались от вооруженной борьбы с ним, решительно отвергали методы заговора и террора. В своем обращении к IV Чрезвычайному съезду Советов они потребовали: «1. Отказа утвердить кабальный, предательский мир. 2. Постановления об отставке Совета Народных Комиссаров. 3. Немедленного созыва Учредительного собрания и передачи ему всей власти для прекращения Гражданской войны, воссоздания единства свободных народов России, организации промышленности, сельского хозяйства, транспорта, продовольствия»⁴⁸. Реакции съезда не последовало.

Наибольший резонанс получила всеобщая политическая стачка, состоявшаяся 2 июля 1918 г. в Петрограде по призыву ЧСУФиЗ под лозунгами: «Долой советскую власть!», «Да здравствует Учредительное собрание и все органы всеобщего избирательного права!», «Да здравствует свобода печати, союзов и стачек!», «Долой гражданскую войну!» Власти сделали все, чтобы сорвать стачку, но она состоялась с участием около 20 тыс. рабочих.

⁴⁵ Известия ВЦИК. 1918. 18 июня.

⁴⁶ Протокол заседания фракции РКП конференции Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 12 июня 1918 г. // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: В 3 ч. Ч. I: Политические партии России. Гомель, 1993. С. 180.

⁴⁷ Меньшевики в 1918 году. С. 576.

⁴⁸ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов: Документы и материалы. М., 2006. С. 53.

В дальнейшем центр пролетарской оппозиционности большевизму переместился в Москву, где 22 июля явочным порядком открылся Всероссийский рабочий съезд, на котором РСДРП представлял член ее ЦК Р. А. Абрамович. Но уже на второй день работы съезд в полном составе был взят под стражу вооруженным до зубов отрядом ВЧК. Официальная печать по обыкновению прокомментировала случившееся лживо — как произведенный «по указанию ответственных рабочих организаций» арест конференции⁴⁹, якобы «созванной меньшевиками с целью фальсификации воли рабочего класса» и имевшей конечной целью «свержение во что бы то ни стало Рабоче-Крестьянского правительства»⁵⁰.

На местах идейный разброд в меньшевистских рядах привел к тому, что летом—осенью 1918 г. некоторые «правые» члены партии приняли участие в антисоветских выступлениях. После взятия Самары чехословаками и провозглашения там 8 июня 1918 г. власти Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) имел место единственный случай вхождения видного партийного деятеля в антибольшевистское правительство: член ЦК И. М. Майский, не поставив в известность партийное руководство, но заручившись поддержкой парторганизаций Волжской и Уральской области, возглавил в Комуче министерство труда, за что в конце того же года сначала был выведен из состава ЦК,

а затем и вовсе исключен из партии⁵¹. Меншевики «рангом» пониже и также без санкции ЦК партии входили в состав появившихся в конце июня—июле 1918 г. Временного Сибирского правительства (Омск), Уральского временного правительства (Екатеринбург) и Центрокаспия (Баку), в сентябре — Уфимского государственного совещания. В августе 1918 г. партийное руководство указало на недопустимость какого-либо участия меньшевиков в антисоветских мятежах, равно как и в деятельности антибольшевистских правительств. ЦК РСДРП решительно осудил вооруженное вмешательство Антанты в российские дела и «оккупацию союзными войсками севера и востока России», обратив внимание местных парторганизаций «на необходимость противодействовать всяким попыткам извне увлечь активные элементы пролетариата и демократии на путь облегчения английской или чехословацкой оккупации путем организации местного военного восстания»⁵².

Между тем положение партии в Советской России все ухудшалось. Делегаты июльской (1918 г.) конференции РСДРП Центральной области отмечали: «террор большевистской власти растет и ширится; повсюду арестованы лучшие, наиболее активные товарищи; везде запрещены собрания, даже партийные»⁵³. Продолжалось шельмование социалистов в печати. «Поддающаяся часть меньшевиков, — утверждала

⁴⁹ Рабочий съезд был арестован по ордеру ВЧК, в документах которой нет упоминаний об информации сторонних пролетарских организаций. Однако власти действительно широко практиковали аресты деятелей социалистической оппозиции, включая рабочих-меньшевиков, по доносам низовых групп РКП — «комячечек», которые по этой причине на заводах называли «комишейками». В 1919 г. свою задачу руководство ВЧК видело в создании «гибкого и прочного информационного аппарата, добываясь того, чтобы каждый коммунист был нашим осведомителем» (Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК—ОГПУ. Т. 3. Ч. 1. 1919—1924 гг. М., 1935. С. 32).

⁵⁰ Известия ВЦИК. 1918. 24 июля.

⁵¹ В 1921 г. Майский был принят в РКП, затем долгое время служил по внешнеполитическому ведомству — полпредом СССР в Финляндии (1929—1932), послом в Великобритании (1932—1943), заместителем наркома иностранных дел. В 1941—1947 гг. он стал кандидатом в члены ЦК ВКП(б), в 1946 г. академиком АН СССР, с 1968-м до кончины в 1975 г. работал научным сотрудником Института всеобщей истории АН СССР.

⁵² Меншевики в 1918 году. С. 600—605.

⁵³ Там же. С. 598.

«Правда», — опустилась на самое дно соглашений с черной реакцией, гнуснейшего предательства рабочей революции, подлой лжи и клеветы»⁵⁴. После покушения на В. И. Ленина и убийства видного чекиста М. С. Урицкого⁵⁵ брань в адрес социалистов сменилась призывами к физической расправе над ними. С объявлением 5 сентября 1918 г. «красного террора» почти в полном составе был арестован обком РСДРП Центральной области, социалисты повсеместно и массово брались в заложники, меньшевиков, включая рабочих «от станка», чекисты бессудно казнили в Витебске, Рыбинске, Сестрорецке, Сормово — по обвинению «в клевете и активной помощи белогвардейцам и союзному империализму», в «агитации против советской власти», чаще — просто по признаку партийной принадлежности⁵⁶. Но и в условиях этой бойни курс официальной РСДРП оставался прежним.

В ноябре прагматичное большевистское руководство заявило о готовности «терпеть» социалистов в подвластной ему стране⁵⁷.

Признаком грядущего «потепления» стала статья Ленина «О характере наших газет», опубликованная в «Правде» 20 сентября. Большевистская печать критиковалась в ней за чрезмерное увлечение «политической трескотней» — материалами, посвященными «подлому предательству меньшевиков, лакеев буржуазии»⁵⁸. Разнузданную травлю РСДРП советские газеты немедленно прекратили, мало того, изредка стали даже знакомить читателей с некоторыми ее официальными документами⁵⁹.

Обоснование нового курса Кремля прозвучало в выступлении вождя на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Исходя из принципиального посыла о том, что построить социализм можно лишь «целым рядом соглашений», в том числе с «господами кооператорами и интеллигентами» как «единственным культурным элементом», Ленин призвал «договариваться с мелкобуржуазной демократией»⁶⁰. На практике имелось в виду установить «добрососедские отношения» главным образом со «штабами» социали-

⁵⁴ Правда. 1918. 13 авг.

⁵⁵ ЦК РСДРП призвал «самым суровым образом осудить» эти террористические акты. «Как бы ни были идейны и чисты граждане, совершившие эти покушения, как бы ни были благородны их побуждения, какие бы чувства ни вызвала политика большевистской власти, — говорилось в его постановлении, — к этим террористическим актам может быть только одно отношение: возмущение и негодование» (Меньшевики в 1918 году. С. 623).

Точно так же партия отнеслась к расстрелу царской семьи летом 1918 г. и казни четырех великих князей в январе 1919 г. «С социалистической точки зрения, — писал по этому поводу Мартов на страницах газеты «Всегда Вперед!», — четыре бывших великих князя стоят не больше, чем четыре любых обывателя. Но столько они стоят, и жизнь каждого из них для всякого, не променявшего пролетарский социализм на звериную мораль профессионального палача, столь же неприкосновенна [...] Какая ненужно-жестокая гнусность, какое бессовестное компрометирование великой русской революции новым потоком бессмысленно пролитой крови!» (Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 111).

⁵⁶ См.: Еженедельник Чрезвычайных комиссий. 1918. № 3. С. 27—29; № 5. С. 23—24; Меньшевики в 1918 году. С. 673—674.

⁵⁷ В исторической литературе высказано несколько гипотез о причинах столь внезапной смены официального курса. Наиболее убедительной представляется версия, согласно которой решающую роль в этом сыграло, во-первых, стремление большевиков, ввиду революции в Германии, укрепить отношения с немецкой социал-демократией, весьма болезненно реагировавшей на притеснения российских единомышленников, и, во-вторых, обострение военной угрозы с востока в связи с приходом к власти адмирала А. В. Колчака.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 89.

⁵⁹ См., напр.: Известия ВЦИК. 1918. 26 нояб. (изложение воззвания ЦК РСДРП «К социалистам всех стран»).

⁶⁰ Меньшевики в 1918 году. С. 219, 222, 228.

стических партий — и в основном докладе, и в заключительном слове Ленин уделил повышенное внимание условиям подобных соглашений, как бы завершая спор, возникший на большевистском Олимпе годом раньше, в октябре—ноябре 1917 г. Теперь его формулировки больше походили на ультиматум и в общем фиксировали то обстоятельство, что однопартийная система в России установилась и большевики ни при каких условиях не намерены делить власть с кем бы то ни было. «Вы будете с нами в добрососедских отношениях, — говорил Ленин, обращаясь к социал-демократам, — а у нас будет государственная власть. Мы вас, господа меньшевики [...] охотно легализуем. Но [...] мы оставляем за собой государственную власть, *только за собой* [...] Не малейшей доли мы не уступим»⁶¹. 30 ноября ВЦИК объявил более недействительной свою «резолюцию» от 14 июня 1918 г. «в той ее части, которая касается партии меньшевиков»⁶². Таким образом, РСДРП вновь была допущена к легальной деятельности (придворный кремлевский поэт Демьян Бедный откликнулся на это событие опубликованным «Правдой» куплетом о «меньшевистских балбесах», удостоенных «милостивой хартии»⁶³), впрочем, ненадолго — «либеральные» веяния в политике Кремля оказались лишь эпизодом.

Октябрьско-ноябрьские 1918 г. события в Германии и Венгрии воодушевили не только большевиков, но и левоцентристское руководство РСДРП. В преддверии ожидавшейся мировой пролетарской революции вектор меньшевистского курса отклонился еще «левее». Переход власти в Германии в руки рабочих меньшевики восприняли как шанс для «выхода из ту-

пики» самой революционной России в случае установления в ней «единого фронта» всей «революционной демократии»⁶⁴. Ввиду такой перспективы в декабрьском послании местным парторганизациям ЦК РСДРП провозгласил «историческую неизбежность» большевизма и невозможность более рассматривать его лишь как «случайный нарост на теле русской революции». Отсюда вывод: «Долг всякого социалиста и демократа ставить себе задачей *не свержение* большевистской власти и советского режима вооруженным столкновением двух частей трудящихся масс, а их *преодоление* изнутри, преодоление силами и волей тех самых пролетарских и демократических слоев, которые поставили большевиков у власти». Практическая задача партии была определена как ведение организационной, пропагандистской и агитационной работы среди пролетарских масс «в рамках этого режима»⁶⁵.

Как и в принятых в октябре 1918 г. резолюциях, в этом и последующих документах партийное руководство подвергло суровой критике большевистскую внутреннюю и внешнюю политику, предвещая катастрофу русской революции, «поскольку она будет развиваться в усвоенном направлении». Слухи о некоем тайном сговоре РСДРП с властью были с негодованием опровергнуты, ее готовность сотрудничать касалась борьбы за освобождение российских территорий от иностранной оккупации и была обусловлена прекращением экономического и политического террора, восстановлением в стране демократических свобод и подлинного народовластия: освобождением Советов от партийной опеки с правом их свободных выборов и перевыборов, отменой смертной казни по суду и без суда, ликвида-

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 220, 229 (здесь и далее по всему тексту курсив документа. — Д. П.).

⁶² Известия ВЦИК. 1918. 11 дек.

⁶³ Правда. 1919. 28 февр.

⁶⁴ Резолюция ЦК РСДРП «О революции в Германии». 14 ноября [1918 г.] // Меньшевики в 1918 году. С. 663—665.

⁶⁵ Меньшевики в 1918 году. С. 679—681.

цией всяческой «чрезвычайщины», реального исполнения норм Конституции 1918 г. восстановлением свободы печати, слова, собраний, союзов, стачек, коалиций и т.д. (но не всеобщего избирательного права)⁶⁶.

Несмотря на сильнейшее сопротивление «правых» меньшевиков капитулянтской, по их мнению, линии ЦК, его скорректированный, таким образом, курс получил одобрение 34 делегатов Всероссийского совещания РСДРП, которое работало в Москве с 27 декабря 1918 г. по 1 января 1919 г. Почтив память семи однопартийцев, умерших в ЧК «в порядке» (по тогдашней большевистской терминологии) «красного террора», делегаты внесли в тактический план ЦК важное уточнение: в как всегда многословном и со множеством оговорок постановлении «Об Учредительном собрании» Совещание объявило текущей «центральной задачей» партии «преодоление изнутри в рабочих массах утопий и иллюзий советской диктатуры»⁶⁷. Тем самым официальная РСДРП сделала очередной шаг «влево»: созыв конституанты как главный «боевой лозунг момента» оказался фактически снят — впервые после свержения самодержавия. «Немедленное торжество демократичес[еских] принципов в государстве после долгого периода ленинской диктатуры и террора, — позднее комментировал это решение Мартов, — дало бы, несомненно, контрреволюц[ионную] комбинацию. Поэтому мы не можем сейчас делать своим лозунгом Учред[ительное] собрание и всеобщ[ее] избират[ельное] право [...]. Отсюда наши лозунги: не свергать большевизм во имя народовластия, а бороться за объединение революц[ионных] сил, демократизацию данного (советского) режима, освобождение его от террористичес[еских] черт и от бюро-

кратического абсолютизма. Таков смысл наших лозунгов: “через Советы к демократии”, “исполнение советской Конституции” и т.п. “Новейшие” (большевистские. — Д.П.) теории о непригодности вообще демократии для осуществления революц[ионных] задач социалистичес[еской] эпохи, о “советской системе” как “высшем типе демократии” и т.д. мы отвергаем, разумеется, как чистый вздор»⁶⁸. Требование возобновления работы Учредительного собрания было снято временно, но с тех пор в «обойме» общепартийных лозунгов уже не появлялось.

Декабрьское совещание осудило деятельность многочисленных внутрипартийных «уклонистов», равно «левых» и «правых», и предоставило ЦК право исключать их из партии. Первых (в лице отдельных членов партии) — за принятие «ответственных постов на советской службе» или за общий уклон «в сторону коммунизма», вторых — за поддержку Комуча и уфимской Директории (волжско-уральские областные организации) или выступления в блоке с кадетами (группу «правых» меньшевиков-«активистов», а также с.-д. фракцию земско-городского съезда Юга России, проходившего в Симферополе в ноябре—декабре 1918 г.). В ответ на создание в мае 1918 г. независимой Грузинской демократической республики отдельным пунктом Совещание «поставило на вид» грузинским социал-демократам за «ориентацию на иностранную помощь» и на отделение Грузии от России⁶⁹.

Решения декабрьского совещания завершили эволюцию отношения официальной РСДРП к большевистскому перевороту. От его характеристики как акта гражданской войны и «преступной авантюры» партия перешла к «условной поддержке» установленного в результате режима.

⁶⁶ Меньшевики в 1918 году. С. 636, 638—640, 682—686.

⁶⁷ Там же. С. 712.

⁶⁸ Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду. Москва, 23 января [1920 г.] // Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 334—335.

⁶⁹ Меньшевики в 1918 году. С. 719—720.

1919—1920 гг.: дрейф «влево» в условиях квазизаконоустроенности

Ноябрьская 1918 г. «милостивая хартия» Кремля не помешала коммунистической пропаганде уже в январе 1919 г. возобновить нападки на социал-демократию. На этот раз поводом стало убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, руководителей восстания «спартаковцев», направленного на свержение социал-демократического руководства Германии и установления в ней советской власти. И хотя проклятия, источавшиеся большевистскими лидерами, были адресованы тогдашним немецким политикам, публичное поношение ими «убийц, стоящих под знаменем социал-демократии и имеющих наглость вести свою родословную от Карла Маркса»⁷⁰, рождало у слушателей вполне определенные ассоциации. «Имя “социал-демократ”, — писала в те дни «Правда», — должно стать самым ненавистным именем для рабочего класса»⁷¹.

Одним из следствий квазизаконотворчества РСДРП стали закулисные контакты ее руководства с видными большевиками, не имевшие, впрочем, практических последствий. В 1919 г. к Абрамовичу через посредника обратился член ЦК РКП К. Б. Радек с предложением начать переговоры о возвращении меньшевиков во ВЦИК и, возможно, их приглашении даже в состав правительства «в случае, если бы меньшевики выступили с надлежащей политической декларацией». Понимая, что выполнение поставленного условия заставит их признать большевистский режим *de jure*, ЦК РСДРП отказался «по принципиальным соображениям»⁷².

На апрельский (1919 г.) призыв ЦК РСДРП к «восстановлению единства внутри пролетариата путем соглашения всех пролетарских партий» для «участия в мировой пролетарской революции, дружной работы по восстановлению и развитию производительных сил России и воссоединению ее частей»⁷³ член Политбюро ЦК РКП и председатель Моссовета Л. Б. Каменев откликнулся серией неофициальных бесед с меньшевистским руководством относительно условий и формата такого соглашения. Полномочия Каменева при этом не обсуждались и меньшевикам остались неясными⁷⁴, консультации завершились безрезультатно. Не исключено, что Каменев при этом действовал самостоятельно и вопреки воле Ленина, который в одной из речей конца июля 1919 г. еще раз подчеркнул, что «диктатура одной партии» остается принципиальной позицией руководства РКП, а в начале августа предложил, чтобы редакторы газет «всячески высмеяли» слухи о предстоящем появлении в России коалиционного правительства и «паки и паки ругнули меньшевиков и эсеров», которых молва прочила в состав нового кабинета, «подлецами»⁷⁵.

Главный смысл «тактики лавирования, соглашательства, компромиссов» с социалистами, разъяснял вождем год спустя, состоит в том, чтобы «упрочивать, усиливать большевиков насчет меньшевиков»⁷⁶, отнюдь не поступаясь при этом своей неограниченной властью. По этой логике стало использование правящим режимом интел-

⁷⁰ Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Речи Г. Зиновьева и Л. Троцкого, произнесенные на заседании Петроградского Совета 18 января 1919 г. Пг., 1919. С. 8.

⁷¹ Правда. 1919. 22 янв.

⁷² См.: Аронсон Г. Я. К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. статей и воспоминаний. Benson, 1990. С. 225—226.

⁷³ Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 173.

⁷⁴ Там же. С. 250.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 134.

⁷⁶ Там же. Т. 41. С. 59.

лектуального потенциала РСДРП — с начала 1919 г. Ф.А. Череванин, В.Г. Громан, Л.М. Хинчук и другие авторитетные партийные экономисты, финансисты и статистики стали привлекаться к работе проффильных центральных советских учреждений. Со временем те из них, кто не был сослан в соответствии с июньским 1920 г. указанием Политбюро ЦК РКП наркомам выслать в провинцию меньшевиков, «работающих в комиссариатах и сколько-нибудь способных играть политическую роль»⁷⁷, отошли от политики, некоторые вступили в РКП. Одним из немногих годы Большого террора пережил С.Г. Струмилин, впоследствии один из авторов программы индустриализации страны, академик, лауреат Ленинской и Сталинской премий, Герой Социалистического Труда. Большинство остальных были расстреляны или погибли — уже в сталинских тюрьмах и лагерях.

В решающие в «красно-белом» вооруженном противостоянии годы Гражданской войны тактика официальной РСДРП определялась взаимоисключающими идейными посылами и сводилась к формуле «поскольку-постольку»: поскольку большевизм долгое время пользуется массовой поддержкой и активно борется с контрреволюцией, постольку «мы признаем его носителем общих интересов революции в его войне с колчаковско-деникинской контрреволюцией» (Мартов)⁷⁸; поскольку же его власть, выродившаяся и развратившаяся за годы диктатуры, обросшая карьеристами, проходцами и новыми бюрократами, на деле глубоко враждебна классовым интересам пролетариата и крестьянства, постольку она заслуживает беспощадной критики.

В реализации курса, намеченного декабрьским совещанием 1918 г., партия столкнулась с большими трудностями, в первую очередь с тем, что почва — реальные возможности — постоянно колебалась у нее под ногами. Период с ноября 1918 г., когда РСДРП было придано подобие легального статуса, до сентября 1920 г., когда Мартов, покинув разгромленный правительственными репрессиями ЦК, выехал за границу, стал временем чередования надежд и горьких разочарований. На смену санкции власти на возобновление газеты «Всегда Вперед!» и журнала «Рабочий Интернационал» и на участие РСДРП в выборах в Советы пришли репрессии и аресты, и в конце февраля 1919 г. ВЦИК наложил на центральную меньшевистскую газету новый запрет. Основное направление деятельности РСДРП, агитационно-пропагандистское, вновь оказалось сильно затруднено, а уже 14 марта специальным постановлением Политбюро ЦК РКП ее периодическая печать была окончательно поставлена вне закона⁷⁹. Вера в то, что голодные бунты рабочих являются признаком их сочувствия меньшевизму, уступила место осознанию, что «дух революции» жив лишь в горстке пролетариев, большинство же придавлено нуждой, бескормицей⁸⁰, охвачено апатией и безразличием к политике. Ожидания скорого начала революции в Европе похоронили итоги советско-польской кампании 1920 г., сопровождавшейся новой волной нападков на партию. Со временем испарилась и надежда, что военный разгром «белых», борьбу с которыми руководство официальной РСДРП безоговорочно под-

⁷⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 2. Л. 31.

⁷⁸ Цит. по: *Ненароков А., Павлов Д., Розенберг У.* Оппозиция в рамках советской системы: Неудавшийся дрейф «влево». 1919—1920 гг.: Документально-исторический очерк // *Меньшевики в 1919—1920 гг.* С. 37.

⁷⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 14. Л. 10.

⁸⁰ Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 19, 318. По подсчетам современных экономистов, к осени 1920 г. реальная покупательная способность советского рубля не превышала копейки дооктябрьской «керенки». См.: *Nove A.* An Economic History of the USSR, 1917—1991. L., 1992. P. 114.

держивало⁸¹, приведет к смягчению большевистской диктатуры.

Главным «полем» партийной деятельности оставались Советы, о провозглашенной ими ранес непригодности которых к управлению государством теперь меньшевики постарались забыть. Основные критические стрелы РСДРП стала направлять на изъяны советского избирательного законодательства, злоупотребления властей на выборах, узурпацию полномочий Советов их исполкомами и «комячейками», иные грубые нарушения конституционных норм. На выборах меньшевикам иногда удавалось добиваться точечных успехов, нанося, таким образом, чувствительные уколы самолюбию большевистских вождей⁸², но и только. На состоявшихся в эти годы VII и VIII Всероссийских съездах Советов РСДРП оказалась представлена лишь «гостями» с совещательным голосом, причем Восьмой съезд стал последним, в работе которого меньшевики смогли принять участие даже в таком статусе. С.-д. фракция Моссовета в 1920 г. включала 46 человек, или 3% от общего числа депутатов, а Петросовета — лишь трех. Предложения РСДРП, представленные на все советские форумы, были с легкостью забаллотированы огромным коммунистическим большинством без рассмотрения по существу.

Не довольствуясь этим, власти стремились обставлять деятельность меньшевистских фракций в Советах унижительными условиями. Горстка меньшевиков, в декабре 1919 г. как бы из милости приглашенных в Большой театр на VII Всероссийский съезд Советов, была издевательски размещена в царской ложе. На заявление с.-д. фракции Моссовета в 1920 г. о готовности «отдать свои силы практической работе» Ле-

нин отреагировал предложением Каменеву «загонять» меньшевиков «практическими поручениями»: Дан (врач по «гражданской» специальности) — «санучастки, Мартов — контроль за столовыми»⁸³. Сами большевистские вожди до очной и публичной полемики с социал-демократами снисходить избегали и критику в свой адрес пропускали мимо ушей. На местах рот представителям РСДРП чаще всего затыкали исключением их фракций из Советов на первом же заседании и под любым предлогом. В противном случае меньшевистским ораторам либо хронически не предоставляли слова, либо не давали говорить оскорбительными выкриками, «кошачьими концертами» и другими хулиганскими выходками коммунистических «парламентариев»; в газетных отчетах выступления социал-демократов всегда публиковались в кратком и искаженном изложении с непременным рефреном о «возмущении», с которым «представители сознательного пролетариата» встретили речи презренных «оппортунистов» и «соглашателей». В таких условиях ни на рассмотрение Советами подготовленных меньшевиками законопроектов, независимо от степени их соответствия государственным потребностям, ни на использование РСДРП советской трибуны как «орудия критики и протеста» рассчитывать было невозможно. Вскоре советское представительство меньшевиков и вовсе оказалось сведено на нет. Рабочие коллективы, которые, несмотря ни на что, продолжали посылать их в Советы, власти наказывали локаутами, задержками зарплаты, сокращением или отменой продуктового пайка и т.п. В итоге антибольшевистски настроенные избиратели стали либо игнорировать выборы, либо целенаправленно выбирать беспартийных.

⁸¹ См., напр.: Воззвание МК РСДРП по поводу наступления Колчака (конец апреля 1919 г.) // *Меньшевики в 1919—1920 гг.* С. 187—189.

⁸² Так, в ходе выборов 1920 г. в Моссовет на одном из столичных предприятий, причем в ходе открытого голосования, незаконно проведенного заводской администрацией, кандидатура Мартова набрала 76 голосов против 8, поданных за «самого» Ленина. См.: Там же. С. 547.

⁸³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 150.

Намного более продуктивной оказалась работа меньшевистских теоретиков. Осмысление текущих советских социально-экономических реалий привело к появлению программы РСДРП по выводу страны из тяжелейшего кризиса, в разработке которой вместе с партийными идеологами приняли участие упомянутые специалисты в области экономики и финансов. Программа была изложена в июльском 1919 г. воззвании ЦК РСДРП «Что делать?» и предусматривала прекращение конфискационной политики в деревне и преследований частной торговли, упразднение комитетов бедноты и заградительных отрядов, закупку у крестьян продовольствия по договорным ценам, ограничение национализации основными отраслями промышленного производства, наконец, реформирование советской финансово-кредитной системы с тем, чтобы «обеспечить возможности частной инициативы» в промышленности и торговле, — все это при обязательном восстановлении демократических норм государственной и общественной жизни⁸⁴. В декабре 1919 г. эти предложения, которые в своей социально-экономической части предвосхитили ленинский нэп, фракция РСДРП вынесла на обсуждение VII Всероссийского съезда Советов как проект резолюции «Об основных задачах восстановления народного хозяйства»⁸⁵. Но и этот проект постигла участь остальных законодательных инициатив меньшевиков.

Главные усилия партийных теоретиков в 1919—1920 гг. были сконцентрированы на глобальных проблемах рабочего движения, теории и практики социальной революции и построения социализма. Тем самым РСДРП, с одной стороны, отвечала на вызов в виде новой программы РКП,

«Платформы Коммунистического Интернационала» (оба документа появились в 1919 г.), цикла теоретических работ Ленина и других идеологов правящей партии, вышедших в 1919—1920 гг., с другой — принимала участие в поисках путей восстановления единства социалистических и рабочих партий на руинах II Интернационала, начатых в те же годы их европейскими единомышленниками. Разрабатывались такие вопросы, как рабочее и социалистическое движение в условиях империалистических войн, особенности и классовое содержание социальной революции в капиталистически неразвитых странах, характер диктатуры пролетариата, условия и временные параметры перехода к социализму, соотношение пролетарской диктатуры и демократии, социальная природа и перспективы народившегося мирового коммунистического движения.

Итоги этих изысканий были обобщены в пространных тезисах ЦК РСДРП «Мировая социальная революция и задачи социал-демократии» (часто именуемых «апрельскими тезисами Мартова»⁸⁶), которые были одобрены общепартийным совещанием при ЦК, работавшим в Москве 4—14 апреля 1920 г., и адресованы зарубежным марксистским социалистическим партиям в качестве теоретической основы для совместной деятельности. Преодоление раскола международного пролетариата формулировалось в тезисах как борьба против «оппортунистических и националистических, с одной стороны, и анархо-синдикалистических и бунтарско-якобинских настроений — с другой»⁸⁷. Несмотря на препоны властей, эти тезисы меньшевикам удалось переправить на Запад через английскую рабочую делегацию, посетив-

⁸⁴ См.: Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 230—237.

⁸⁵ Там же. С. 310—314.

⁸⁶ Книга Мартова «Мировой большевизм», работу над которой он начал в 1919 г., была издана уже в эмиграции — в Берлине в 1923 г., в год смерти ее автора.

⁸⁷ См.: Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 424—432.

шую Москву в июне 1920 г.⁸⁸ Проведенная теоретическая работа имела огромное значение и для самой партии — благодаря этому «манифесту» левого крыла РСДРП, меньшевистская доктрина демократического социализма получила идейное обоснование и международный контекст.

Побочным продуктом разработки фундаментальных теоретических проблем стала меньшевистская аналитика на политическую злобу дня. За отсутствием у партии центральной периодики, эти материалы публиковались в еще продолжавших кое-где выходить провинциальных меньшевистских журналах (в харьковской «Мысли», киевском «Начале» и др.), а также в сборниках, которые РСДРП время от времени удавалось издать, например — «Оборона революции и социал-демократия» (М., 1920). На излете Гражданской войны главным «рупором» партии стал основанный Мартовым ежемесячник «Социалистический Вестник». Признанный центральным органом РСДРП и ее Заграничной делегации, он выходил последовательно в Берлине, Париже и Нью-Йорке с 1921 по 1965 г. (всего вышло около 800 номеров).

По сути, меньшевики стали первыми независимыми обозревателями большевизма у власти, наблюдателями осведомленными и компетентными, от внимательного взгляда которых не укрылось ни одно сколько-нибудь значимое изменение со-

ветских общественных настроений, курса Кремля и расстановки сил в большевистских верхах. Их публицистам удалось зафиксировать (или предсказать) такие черты советского государства и общества, характерные для данного и последующих этапов его развития, как затяжная и жесткая внутрипартийная борьба, смена власти путем интриг, заговоров и «дворцовых» переворотов, перерождение однопартийной системы в единоличную диктатуру, повальная подозрительность и массовое доношительство советских граждан как следствие их психологии защитников осажденной мировым капиталом «крепости» и результат эксплуатации большевиками низменных черт человеческой природы, падение интереса к общественной жизни, вырождение, а затем и исчезновение неправительственных общественных организаций и др. Советские наука и широкая общественность с этими публикациями знакомиться не могли — ввоз «Социалистического Вестника» в СССР всегда находился под строжайшим запретом. Сам же «Вестник», подобно герценовскому «Колоколу» веком раньше, не терял связей с Россией даже в самые мрачные времена «железного занавеса» и холодной войны.

Противоречия тактической линии ЦК РСДРП образца 1919—1920 гг. причудливо отражались на партийной повседневно. С одной стороны, меньшевики,

⁸⁸ См.: Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 561—562. Попав за границу, «апрельские тезисы» Мартова в части оценки большевизма вызвали острое неприятие жившего в Цюрихе П. Б. Аксельрода, авторитет которого в РСДРП по-прежнему был безусловен и безупречен. «Я отрицаю, что большевики представляют собой — не в декретах и на парадных “конгрессах”, а в действительности — пролетарские и крестьянские массы России, — утверждал этот основоположник и ветеран российской социал-демократии в письме, которое считал своим политическим завещанием. — [...] Большевики достигли власти путем грубейшего, бессовестного обмана пролетарских и солдатских масс [...] Революционная внешность, социалистическое прошлое теперешних наших самодержцев [...] при помощи которых они обманывают весь мир, налагают на нас тем большую обязанность вскрывать их преступное шарлатанство и сущность их диктатуры, которая является на деле диктатурой группы людей» (Там же. С. 659, 660, 661). Возможно, что резкая критика большевистской политики, прозвучавшая в речи Мартова на съезде Независимой рабочей с.-д. партии Германии в октябре 1920 г., явилась своеобразным ответом на это послание Аксельрода. Но при этом, если верить биографам Мартова, его оценки большевизма не претерпели принципиальных изменений. См.: Урилов И. Х. Мартов: Политик и историк. М., 1997. С. 382—384; Liebach A. From the Other Shore: Russian Social-Democracy after 1921. Harvard Univ. Press, 1997. P. 84—86.

по призыву своего ЦК, с оружием в руках боролись за установление советской, а значит, и большевистской власти, идя, таким образом, на прямое сотрудничество с ней. Но при этом тот же ЦК мог резко одернуть местную организацию, всего лишь принявшую участие в официальной октябрьской манифестации, да еще и под собственными лозунгами. РСДРП продолжала находиться в оппозиции большевистскому режиму, причем по накалу критических выступлений и их конструктивности объективно оставалась лидером и идеологом всей социалистической оппозиции, но одновременно участие меньшевиков в каких бы то ни было практических антибольшевистских акциях незамедлительно каралось высшей партийной инстанцией их исключением из РСДРП.

Партийные ряды продолжали таять, но не только и не столько по этой причине. «Легализация» РСДРП и мобилизация ее членов в Красную армию (1 октября 1919 г. ЦК РСДРП принял специальное постановление на этот счет⁸⁹) отнюдь не прекратили арестов меньшевиков и слежки за ними. С 1919 г. в составе губернских ЧК, а затем и в центральном аппарате на Лубянке появились уполномоченные «по левым социалистическим партиям» и специально «по меньшевикам»⁹⁰. В большинстве малограмотные, они, тем не менее, старались вовсю. Эсеры и меньшевики, секретно докладывав в Москву один из таких уполномоченных, «как уязвленные звери не могут

примириться с соввластью и всячески стараются сгруппироваться в один антисоветский лагерь. Признавая свое поражение, свою отсталость в деле достижения побед и осуществления полного социализма, они под разными фигурными листами стараются завоевать симпатии к себе рабочих масс. Для достижения и осуществления своих преступных целей они прибегают к разного рода пробным приемам, которые везде учитываются всевидящим оком Чека и ликвидируются в самом зародыше». Впрочем, тот же чекист признавал, что бороться с социалистами с дореволюционным стажем, коих среди его подопечных было абсолютное большинство, «природному коммунисту очень трудно, а подчас и невыносимо»⁹¹.

«С первого дня после постановления о легализации нашей партии, — заявляло руководство РСДРП VIII съезду РКП(б) в марте 1919 г., — ВЧК и ее местные органы [...] всячески препятствовали нашей партии пользоваться свободой печати, слова и собраний и даже восстановить свои открытые организации. С большим трудом [...] мог ЦК добиться даже только освобождения из тюрем оставшихся жертв сентябрьского террора»⁹². В ответ на эту жалобу делегаты большевистского съезда призвали партийные организации «дать решительный отпор» меньшевикам — «агентам белой гвардии»⁹³. 1 апреля 1919 г. Ленин, еще несколько дней назад лицемерно уверявший в нежелании «употреблять насилие по отношению к мелкобуржуазной

⁸⁹ Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 262—263. 4 ноября 1919 г. ВЦИК постановил амнистировать членов политических партий, которые начали мобилизацию на борьбу с Деникиным, но только тех, кто находился в заключении без «конкретных обвинений»: Декреты советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 244.

⁹⁰ Подробнее см.: Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999. С. 55—58. Меньшевики фигурировали в первом же секретном циркуляре ВЧК от 1 июля 1919 г., в котором перед местными чекистами были поставлены задачи: «(1) выяснять всех, как активных, так и сочувствующих [меньшевиков], 2) следить за их настроением и литературой». «Вся агитационная работа против меньшевиков, — сообщалось в циркуляре, — направлена к тому, чтобы углубить разницу» между украинской группой РСДРП, «готовой даже работать в ЧК», «и остальными»: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.

⁹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. Н-8. Т. 1а. Л. 64—64 об.

⁹² Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 147.

⁹³ Правда. 1919. 20 марта.

демократии»⁹⁴, потребовал от ЧК «усилить бдительность» в отношении меньшевиков и эсеров (читай: приступить к их арестам)⁹⁵. В ходе только двух чекистских «набегов» на Москву и область — апрельского 1919 г. и августовского 1920 г. — было арестовано порядка 300 членов этих партий. В июле 1920 г. Политбюро поручило ВЧК «разработать план расселения меньшевистских политических вождей для их политического обезвреживания»⁹⁶. В Москве было обыскано и опечатано помещение ЦК РСДРП, разгромлен Союз печатников, в котором традиционно были сильны позиции меньшевиков.

На состоянии РСДРП сказывался и сложившийся в ней тяжелый морально-психологический климат, вызванный как прямыми репрессиями властей и шедшим *crescendo* шельмованием партии в печати⁹⁷, так и нараставшим в ее недрах разочарованием в расчетах на конструктивное сотрудничество с правящим режимом. В 1919—1920 гг. о выходе из партии заявили члены ЦК Л. М. Хинчук, В. И. Яхонтов, П. Р. Трифонов, Б. И. Горев, члены МК РСДРП А. Я. Вышинский, А. А. Дубровинская, В. Ф. Красников, член Главного комитета РСДРП на Украине Н. Н. Попов, оказавшийся секретным сотрудником ВЧК, и др. Мартов и Абрамович выехали в Германию на съезд Независимой с.-д. партии. В РСДРП, конечно, тогда не подозревали, что, санкционируя их отъезд, ЦК РКП одновременно секретно предписал ВЧК «не впускать» их назад. Вынужденно отошли от политической деятельности А. Н. Потресов, Е. Л. Бройдо, С. М. Зарецкая, другие видные «правые». М. И. Скобелев, порабо-

тав в кооперации, занялся снабжением Красной армии продовольствием, а затем — полулегальным налаживанием торговых связей Советской России с западноевропейскими странами. Ни это, ни членство в РКП(б) не спасло Скобелева от расстрела в 1938 г. по обвинению в терроризме.

Среди порвавших с РСДРП объявилось немало карьеристов-ренегатов, например, видный публицист, историк революции 1917 г. Н. Н. Суханов, по горько-ироничному замечанию Мартова, «внезапно открывший в себе симпатии к тактике завоевания III Интернационала путем вхождения в него»⁹⁸. Каждый случай вступления бывшего меньшевика в РКП(б) становилась поводом для очередной «разоблачительной» кампании официальной печати — в назидание колеблющимся и упорствующим. «Разложение партии шло и идет по самым разнообразным путям, — сообщала Зарецкая Аксельроду в июне 1920 г. — Большевизм своими методами управления и наш ЦК непрерывным рядом принципиальных уступок большевизму и внутриорганизационным террором откинул некоторые элементы нашей партии так далеко направо, что они оказались частью связанными с активно контрреволюц[ионными] элементами, частью же, оставаясь пассивными политически, но приспособляясь изо дня в день к жестоким и проклятым условиям советского быта (элементарная борьба за жизнь в звериных формах), выражая свою оппозицию только брюзжанием, постепенно зажили жизнью озлобленных обывателей, потерявших всякую связь с каким бы то ни было общественным целым»⁹⁹.

⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 137.

⁹⁵ Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 4—5.

⁹⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 2. Л. 26.

⁹⁷ «Господа меньшевики обнаглели, — писала, например, “Правда” в редакционной статье 14 марта 1919 г. — [...] Пора положить предел хрюканью меньшевистских свиней и лаю этих несчастных мосек социал-предательства против победоносно шествующего пролетарского слона».

⁹⁸ Цит. по: Урилов И. Х. Мартов: Политик и историк. С. 384.

⁹⁹ Меньшевики в 1919—1920 гг. С. 558.

Правительственный курс в отношении меньшевиков и других оппозиционных режиму социалистов «увенчал» секретный приказ ВЧК от 1 декабря 1920 г., который предписывал местным чекистам: «1). Выяснить и иметь на постоянном учете всех лиц, состоящих в настоящее время в ПСР правых, левых и центра, меньшевиков, народных социалистов, объединенной еврейской партии (Бунд), Поалей-Цион и др. мелкобуржуазных народнических партий [...]. 2). За указанными лицами иметь неослабное наблюдение их знакомств, связей и т. д. 3). Влить в указанные партии и организации достаточное количество опытных, способных и вполне компетентных осведомителей, которым предписать принимать активное участие в их жизни»¹⁰⁰.

Добавим, что тайное осведомление и провокаторство всегда лежали в основе борьбы большевистской политической по-

лиции с партиями умеренно-социалистической ориентации. «Опыт борьбы с контрреволюцией из лагеря так называемых социалистов показал, — говорилось в секретном циркуляре ВЧК еще от 1 августа 1920 г., — что только при условии проникновения наших сотрудников в ту или другую организацию удавалось [...] произвести аресты в любой благоприятный для нас момент»¹⁰¹. В последующие годы «внутреннее наблюдение» за ними стало одним из важнейших направлений деятельности ВЧК—ОГПУ — минимальным признавалось наличие секретных информаторов «по одному на каждое самое мелкое учреждение или предприятие»¹⁰². На практике количество «сексотов» намного превосходило нормативные показатели, в отдельных случаях местные организации социалистов состояли из такой публики сплошь.

1921—1922 гг.: от полулегальности к подполью

Вопреки утверждениям официальной пропаганды, РСДРП не имела прямого отношения к волнениям рабочих Москвы и Петрограда, восстанию кронштадтских матросов и другим массовым акциям протеста, потрясшим советскую республику в январе—марте 1921 г. Напротив, опасаясь термидора, меньшевики по-прежнему призывали рабочих «поддерживать революционный порядок» и продолжать добиваться смягчения диктатуры «организованным проведением своих требований через советские органы», поскольку «свержение советской власти поведет к анархии, которая даст торжество темным силам прошло-

го»¹⁰³. В январе 1921 г., вполне осознавая, что, говоря словами Дана, «разложение большевизма идет гигантскими шагами вперед», обновленный ЦК РСДРП в ответ на планы парижских групп кадетов и «правых» эсеров организовать очередную антибольшевистскую интервенцию заявил о решимости и дальше бок о бок с большевистской властью бороться с этой «новой формой контрреволюции и империалистского интервенционизма»¹⁰⁴.

Переход к «новой экономической политике», объявленный Лениным на X съезде РКП весной 1921 г., и ее реализация вызвали в партии противоречивую реакцию.

¹⁰⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 349. Л. 110.

¹⁰¹ Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК—ОГПУ. Т. 3. Ч. 1. 1919—1924 гг. С. 60—61.

¹⁰² Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917—середина 1950-х годов. С. 57.

¹⁰³ См.: Прокламация ПК РСДРП петербургским рабочим (27 февраля 1921 г.) и воззвание ЦК и МК РСДРП к рабочим Москвы (7 марта 1921 г.) // Меньшевики в 1921—1922 гг. М., 2002. С. 113, 140—141.

¹⁰⁴ Меньшевики в 1921—1922 гг. М., 2002. С. 62—63, 64.

Первоначально нэп вселил в руководство РСДРП новую порцию надежд на взаимодействие с властью: во-первых, потому, что большевистский вождь, как утверждал Мартов, «целиком взял нашу продовольств[енную] платформу», и, во-вторых, в предчувствии победы в Кремле «умеренно-большевистской фракции»¹⁰⁵. Однако, когда практика показала, что ленинский нэп чреват «позорной капитуляцией перед буржуазным хищничеством», «потерей наличных социальных завоеваний и полным закабалением России иностранным капиталом», меньшевики стали оценивать его иначе — как проявление полного социально-политического и хозяйственного банкротства большевизма¹⁰⁶. Путь к преодолению «санкционируемого властью роста мелкобуржуазных и капиталистических тенденций» в «уродливых спекулянтских и хищнических формах» РСДРП по-прежнему видела в демократизации существующего строя, замене «режима партийной диктатуры и террора режимом трудовой демократии, основанном на прочности союза пролетариата и крестьянства» и в «реорганизации власти на началах соглашения всех социалистических партий». Не изменились и ее тактические установки. Августовское 1921 г. совещание партийных работников, один из последних общепартийных форумов РСДРП в Советской России, предписало парторганизациям вести «агитацию в рабочем классе за эти идеи и организацию его на их почве, в то же время решительно отвергая методы вооруженного восстания и насильственного низвержения советской власти»¹⁰⁷. Однако

эти призывы вновь повисли в воздухе — ни на йоту не отступив от авторитарных методов управления, большевики в очередной раз отказались делить государственные «командные высоты» с кем бы то ни было.

После военной победы над «белыми» для борьбы с РСДРП у власти появились дополнительные объяснения и мотивы. В новых условиях она не могла более списывать хозяйственные трудности и отмену демократических институтов на внешние обстоятельства и одной из основных причин своей продолжавшейся войны с населением объявила подстрекательства социалистов. Не случайно, что в большевистской «табели» о контрреволюционных «рангах» меньшевики в одночасье взлетели с низших ступеней «лакеев» и «прихвостней» буржуазии до высших — «худших и вреднейших элементов белогвардейщины»¹⁰⁸, т.е. наиболее опасных внутренних врагов. В официальных кругах само членство в формально легальной РСДРП стало расцениваться как государственное преступление, тот же взгляд насаждался в общественном сознании. В феврале 1921 г. Политбюро приняло постановление об очередном «усилении арестов меньшевиков и эсеров»¹⁰⁹, Ленин же прямо заявил: «Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно, как открытых, так и перекрасившихся в “беспартийных”, в тюрьме»¹¹⁰. ВЧК совершенно секретно потребовала от всех губЧК в кратчайший срок «разбить аппарат» эсеров и меньшевиков, не упустив указать местным чекистам: «на виду толпы арестов рабочих отнюдь не производить»¹¹¹.

¹⁰⁵ Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду. Берлин, 24 марта [1921 г.] // *Меньшевики в 1921—1922 гг.* С. 170—171.

¹⁰⁶ Тезисы ЦК РСДРП «Политическое положение и задачи социал-демократии». [27 августа 1921 г.] // *Меньшевики в 1921—1922 гг.* С. 339, 342—343.

¹⁰⁷ *Меньшевики в 1921—1922 гг.* С. 347.

¹⁰⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 90.

¹⁰⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 6.

¹¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 242.

¹¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 349. Л. 109.

С тех пор неизбежным атрибутом членства в РСДРП стало многомесячное бессудное пребывание под стражей¹¹². Весной 1921 г. почти в полном составе были арестованы МК и ЦК РСДРП, ликвидированы меньшевистские организации в Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Пскове, Ростове-на-Дону, Одессе¹¹³. В июне подоспел декрет ВЦИК, которым ЧК получала право ссылать социалистов или лишать их свободы сроком до двух лет исключительно по признаку партийной принадлежности (число меньшевиков, сосланных по одному этому декрету, превысило 550 человек). В «Обзрении внутреннего положения Республики», подготовленном ВЧК в начале августа 1921 г., с удовлетворением сообщалось, что «эсеры и меньшевики разгромлены. С их стороны серьезного выступления в ближайшее время ожидать нельзя»¹¹⁴. «Тысячи членов нашей партии, — в свою очередь констатировали тогда же еще оставшиеся на свободе члены ЦК РСДРП, — месяцами содержатся в тюрьме в условиях голодного существования в режиме царского застенка без всякого предъявления обвинения, единственно за принадлежность к социал-демократической партии»¹¹⁵.

В результате повальных арестов к осени 1921 г. в 17 губернских и 11 уездных организациях РСДРП в совокупности оставалось едва четыре тысячи членов¹¹⁶, партия превратилась в бледную тень того почти 200-тысячного коллектива, какой была летом 1917 г. Казалось, что главный внутриполитический оппонент, лишенный печати и представительства в Советах, окон-

чательно повержен и потому неопасен. Однако в декабре 1921 г. большевистское Политбюро очередным постановлением «О меньшевиках» предписало «политической деятельности их не допускать, обратив сугубое внимание на искоренение их влияния в промышленных центрах. Самых активных высылать в административном порядке в непролетарские центры, лишив их права занимать выборные должности, вообще должности, связанные с общением с широкими массами»¹¹⁷.

По сути, этим постановлением Политбюро дало старт всеобъемлющей кампании по окончательному искоренению социалистического инакомыслия, в первую очередь — социал-демократического. Вероятно, в этом сказалась как инерция многолетней борьбы большевистских вождей с «прилипчивой болезнью меньшевизма» (выражение А.В. Луначарского), так и их стремление поддерживать общество в тонусе «осажденной крепости» — трудно найти иное объяснение столь явной иррациональности Кремля. Дирижировал очередной антименьшевистской кампанией лично Ленин, преемственность курса после инсульта вождя обеспечил И.В. Сталин, избранный генсеком в апреле 1922 г. При нем «приоритетное» положение социалистической тематики в заседаниях Политбюро полностью сохранилось, а руководящая и направляющая роль высшей партийной инстанции в деятельности карательных органов возросла еще более.

Перво-наперво в Кремле позаботились усовершенствовать свой главный репрес-

¹¹² Характерны указания партийного руководства об организации помощи жертвам голода 1921 г. Помимо отчислений с зарплаток и пайков, сбора пожертвований в России и за рубежом ЦК РСДРП предписал «по мере освобождения членов нашей партии из тюрем и предоставления нашим организациям возможности восстановить свою деятельность мобилизовать [...] продовольственников, кооператоров и врачей для непосредственной борьбы с голодом» (Меньшевики в 1921—1922 гг. С. 335).

¹¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 334. Л. 3.

¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 228. Л. 73.

¹¹⁵ Меньшевики в 1921—1922 гг. С. 335—336.

¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2576. Л. 11.

¹¹⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 55.

сивный инструмент. В январе 1922 г. Политбюро приняло решение об упразднении ВЧК и создании Государственного политического управления НКВД, деятельность которого своим острием должна была быть направлена на борьбу с антибольшевистскими, главным образом — социалистическими, партиями. Этим стали заниматься шесть из десяти центральных подразделений ГПУ, в основном унаследовавших структуру ВЧК. В рамках его важнейшего и крупнейшего управления — Секретно-оперативного — функционировал Секретный отдел, имевший в своем составе номерные подразделения, каждое занятое борьбой с определенной группой социалистов или анархистов (РСДРП и близкие ей организации находились на попечении 2-го отделения). От ВЧК ГПУ унаследовало и институт «референтов» — специалистов по истории и практике соцпартий. Совместными усилиями этих и других «ученых» из числа партийных функционеров в начале 1920-х гг. были заложены основы того грубо-тенденциозного освещения истории российской социал-демократии, которое господствовало в советской историографии до конца 1980-х гг. В характеристике идеологии и практики меньшевизма эта литература ничтожна, количественно — колоссальна.

У Ленина, видимо, накопело, и анти-меньшевистский поход «по всему фронту» он объявил уже в январе 1922 г., не дожидаясь окончания формирования ГПУ. За внешне незначительным событием — полемикой 18-летнего студента-меньшевика с Л. Д. Троцким по проблемам нэпа на молодежной конференции — Ильич увидел признак жизнеспособности уже, казалось, агонизировавшего меньшевизма и его влияния в молодежной среде и тут же потребовал от Политбюро и лу-

бянского учреждения «усиления надзора и репрессий» против РСДРП¹¹⁸. За скудостью обвинительного материала из мало-меньшевистского дела громкого политического процесса, как надеялся вождь, состряпать не удалось, и в мае 1922 г. члены московского Союза с.-д. молодежи (А. Зимин, А. Кранихфельд, Б. Сапир и др.) без лишнего шума были бессудно высланы в уездные города Курской и Орловской губерний.

Зато в феврале—марте 1922 г. «высочайшие» внушения об усилении преследований меньшевиков получили руководство Наркомата юстиции и советские суды. В мае Ленин предложил «расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу) [...] ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т.п.»¹¹⁹, попутно снабдив ГПУ подробными указаниями как в отношении списка высылаемых (в числе прочих в него попали А. Н. Потресов, В. Н. Розанов, Н. А. Рожков и другие меньшевики), так и методов операции, проведенной в сентябре—ноябре 1922 г. С его же подачи Политбюро загодя обязало «всех товарищей, едущих за границу», вести «самую беспощадную борьбу» с высланными меньшевиками и эсерами, запретив внешнеполитическому ведомству и его граничным учреждениям принимать на работу не только самих меньшевиков, но и лиц, «как бы то ни было с ними связанных»¹²⁰. С тех пор состав и настроения служащих советских зарубежных полпредств стали отслеживать прикомандированные к ним сотрудники ГПУ.

Система тотальной слежки, нацеленная на выявление социалистов и расправу с ними, налаживалась и внутри страны. В ходе начатой еще в августе 1921 г. общепартийной чистки в рядах РКП(б) было обнаружено и из нее изгнано более шес-

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 130—131.

¹¹⁹ Там же. Т. 45. С. 189.

¹²⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 2. Л. 80; Ф. 34. Оп. 59. Д. 15. Л. 14.

ти тысяч бывших членов «мелкобуржуазных» партий. В мае 1922 г. Политбюро распорядилось создать во всех советских учреждениях, кооперативах и профсоюзах общественные «бюро содействия ГПУ» в целях «усиления борьбы с эсерами и меньшевиками»; на Лубянке была разработана и разослана на места единая «Анкета членов антисоветских партий» и «Единая система» ведения их дел¹²¹. В сентябре 1922 г. Секретный отдел ОГПУ потребовал от своих губернских подразделений провести новые «изъятия» членов РСДРП, «обыски произвести у всех как активных, так и неактивных, а также и у сочувствующих»¹²². О юридическом обосновании этих арестов уже не было и речи, их цели видны из пометок, оставленных чекистами на «ликвидационных» списках: «Человек пожилой, взять, чтобы заставить уйти из партии»; «Он — единственная поддержка семьи, к которой очень привязан. Надо арестовать, отделить, сломать и завербовать» и т. п.¹²³ На местах ход и направление репрессий против социалистов регулировали комиссии губкомов РКП «по борьбе с антисоветскими партиями».

Не осталась в стороне и сфера массовой пропаганды — проклятия в адрес социалистов стали непременным атрибутом официальных торжеств и юбилейных дат. Праздничные демонстрации к 5-летию Октября ЦК РКП(б) «рекомендовал» украшать лозунгами типа: «Пятилетие Октябрьской революции — это похоронный звон для эсеров, меньшевиков, всех лакеев капитала»; в ходе состоявшейся позднее «недели борьбы с опасностью новых войн» тот же ЦК распорядился провести манифестации под лозунгом «Долой виновников войны

капиталистов и их лакеев — соглашателей, меньшевиков и эсеров»¹²⁴.

В результате всех этих мер к осени 1922 г. РСДРП как массовая общероссийская организация перестала существовать. Из списков, составленных местными отделами ОГПУ, видно, что по губерниям меньшевиков считали уже десятками и единицами: 24 в Тульской, 12 в Саратовской, 11 в Екатеринбургской, 9 в Иваново-Вознесенской и т. д. «Всеми силами большевистское правительство стремится разгромить нашу партию и загнать в подполье те элементы, которые остались еще вне тюрем и ссылки, — говорилось в разосланном в конце августа 1922 г. циркулярном письме Бюро ЦК РСДРП. — Полицейские условия, в которых приходится сейчас работать российской социал-демократии, напоминают худшие времена царизма [...] Вместе с тем партия остается на старой своей тактической позиции [...] Легальные возможности сократились до минимума [...] *Центр тяжести естественно переносится* в отрасли работы, требующие особого *охранения*»¹²⁵. Состоявшееся в октябре в Москве конспиративное совещание представителей местных групп РСДРП объявило об окончательном переходе партии на нелегальное положение¹²⁶.

Таким образом, в конце 1922 г. российская социал-демократия оказалась отброшена на уровень кружковой подпольной работы четвертьвековой давности. К середине 1920-х гг. было покончено и с этими группками: то, что за 20 лет оказалось не под силу царизму, с успехом за шесть—семь сделали большевики. Ренегатско-комедиантские конференции бывших членов РСДРП, проведенные

¹²¹ Сборник документов и распоряжений ВЧК—ОГПУ—НКВД СССР. Т. 3. Ч. 3. С. 54, 57.

¹²² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 611. Л. 124.

¹²³ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 323. Л. 18.

¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 139. Л. 58; Оп. 112. Д. 728. Л. 30.

¹²⁵ Меньшевики в 1921—1922 гг. С. 534.

¹²⁶ Там же. С. 567.

в 1923—1924 гг. с целью ее громогласной «самоликвидации», были правительственными акциями и к самой партии отношения уже не имели¹²⁷.

Деятельность российских социал-демократов переместилась в эмиграцию, в ее Заграничную делегацию. Уделом большинства не сумевших эмигрировать меньшевиков явились концлагеря, каторжные тюрьмы, а затем и расстрелы по стандартному (и чаще всего внесудебному) обвинению в терроризме. Участью немногих стало нищее (на работу не брали), одинокое

(с семьями разлучали), поднадзорное прозябание в пожизненной захолустной ссылке. Лишь единицы избежали такой доли ценой публичного отречения от социал-демократии и многолетней верной службы коммунистическому режиму. Среди них — такие видные советские деятели, как прокурор-палач А. Я. Вышинский, дипломаты И. М. Майский и А. А. Трояновский, один из руководителей Агитпропа Н. Н. Попов, академик С. Г. Струмилин, но над каждым «клеймо» бывшего меньшевика довлело до конца дней.

¹²⁷ Подробнее о них см.: *Павлов Д. Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. С. 88—89.

Историография. Эсеры и Октябрьский переворот

Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры) — российская политическая партия социалистического, народнического направления после Февральской революции была самой массовой по численности революционной партией России. Летом 1917 г. в 436 организациях партии состояло около 1 млн человек. Эсеры пользовались самой большой поддержкой среди основной массы населения России — крестьянства в ее исконно земледельческих губерниях. Социальный состав партии был демократичным и пестрым: рабочие, крестьяне, солдаты, интеллигенция, служащие, мелкие чиновники, студенты, учащиеся и т.д. В годы Гражданской войны партия эсеров стала одной из самых активных политических сил, оказывавшей влияние на многие ее важнейшие события.

Отечественная и зарубежная историография партии эсеров обширна. Она актив-

но изучалась советскими исследователями, воспроизводившими идеологические штампы большевистской пропаганды об эсерах как «политических банкротах», «соглашателях», скатившихся к «контрреволюционной деятельности» в годы Гражданской войны. Тем не менее в их работах содержится не потерявшая научной значимости информация о социальном составе ПСР, партийном строительстве, программе партии, ее идеологии¹.

В постсоветский период большинство авторов отказалось от оценок советской историографии и рассматривает деятельность ПСР в годы Гражданской войны как один из возможных вариантов демократического развития страны, не реализовавшихся из-за политики большевиков, раскола и ошибок самих эсеров². Данный вывод обосновывается анализом участия эсеров в выборах в Учредительное собрание, деятельности Самарского Комуча,

¹ Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963; Гусев К. В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюционности. М., 1975; Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Спирин Л. М. Крах одной авантюры. М., 1971; Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976; Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии России в 1917 г.: К истории банкротства неонародничества. М., 1977; Он же. Борьба за крестьян и кризис русского неонародничества. М., 1983; Спирина М. В. Критика мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987; Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989; Она же. Народничество в XX веке: Идеиная эволюция. М., 1990.

² См.: Кононенко А. А. Партия социалистов-революционеров в 1901—1922 гг.: Проблемы историографии. Тюмень, 2004; Суслов А. Ю. Социалистические партии в Советской России: Отечественная историография. Казань, 2006; Он же. Социалисты-революционеры в Советской России: Источники и историография. Казань, 2007.

Уфимской Директории и других событий Гражданской войны³. Важным достижением современной историографии проблемы стало издание сборников документов и материалов о партии социалистов-революционеров в Гражданской войне⁴.

Из современных зарубежных исследователей истории ПСР в рассматриваемый период следует отметить монографию американского историка С. Смита, выполненную на обширном архивном материале, и труды ряда других авторов⁵.

Оценивая состояние историографии по теме в целом, необходимо отметить недостаточную изученность ряда важных ее аспектов: внутрипартийной жизни и фракционной борьбы, организационного состояния, судеб членов партии, причин военных и политических неудач Самарского Комуча, а также эсеровской альтернативы большевизму в целом.

Целью политической деятельности партии эсеров была реализация социалистических идей: «социально-революционный переворот», уничтожение частной собственности на недра и средства производства, деления общества на классы. Одним из ключевых пунктов программы ПСР было

требование «социализации земли», т.е. безвозмездной ликвидации частной собственности на землю, изъятия ее из торгового оборота, обращения земли в «общенародное достояние» с передачей крестьянам в пользование на уравнильно-трудовых началах. Программа ПСР основывалась на представлении о том, что капитализм для России не является органичным явлением, привнесен извне. В качестве основных политических задач ставились: свержение самодержавия, созыв Учредительного собрания, установление федеративной демократической республики с предоставлением национально-культурной автономии каждому народу, а также автономии городским и сельским общинам, обеспечение сменяемости и подсудности всех должностных лиц, замена постоянной армии народным ополчением, отделение церкви от государства, введение обязательного всеобщего бесплатного образования, законодательства об охране труда, 8-часового рабочего дня. Движущей силой революции эсеры считали «триединый рабочий класс»: пролетариат, трудовое крестьянство, революционно-социалистическая интеллигенция. Наряду

³ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 433—452; Трухан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000; Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. М., 2001; Черкасов А. А. Деятельность Комитета освобождения Черноморской губернии (1 декабря 1919 — середина мая 1920 г.). Краснодар, 2003; Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): Этика и тактика противоборства. М., 2005; Кузьмин В. Л., Ципкин Ю. Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны 1917—1922 гг. Хабаровск, 2005; Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: Портрет в интересах эпохи. М., 2008; Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009; Лапандин В. А. Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны: Историко-библиографическое исследование отечественной литературы 1918—2002 гг. Самара, 2010; Юрьев А. И. Эсеры на историческом переломе (1917—1918). М., 2011; Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П. Виктор Чернов: Судьба русского социалиста. М., 2015; Леонов М. И., Морозов К. Н., Сулов А. Ю. Народничество и народнические партии в истории России в XX веке: Библиографический справочник. М., 2016; Холяев С. В. Партия эсеров в борьбе за власть в ходе революции и гражданской войны // Современная научная мысль. 2019. № 3. С. 47—58; Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. М., 2021. С. 699—703; Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. М., 2022. С. 18—201; и др.

⁴ Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: В 3 т. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 г.—1925 г. М., 2000; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.): Сборник документов. М., 2002; Боевой восемнадцатый год: Сборник документов и воспоминаний. М., 2018; и др.

⁵ Smith S. B. Captives of Revolution. The socialist-revolutionaries and the Bolshevik dictatorship. 1918—1923. Pittsburgh, 2011; Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873—1952) / [Пер. с англ. Е. Шраги]. СПб., 2015.

с легальными формами политической борьбы ПСР признавала террористическую деятельность, но ей отводилась вспомогательная роль — средства дезорганизации власти и революционизации масс⁶.

Эсеры осудили Октябрьский переворот большевиков в Петрограде: 25 октября 1917 г. ЦК ПСР выпустил воззвание «Ко всей революционной демократии России», 26 октября в Петрограде по инициативе эсеров был создан «Всероссийский комитет спасения родины и революции», в состав которого вошли члены ЦК партии Н.Д. Авксентьев, А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, В.М. Чернов и др. При этом в партии эсеров произошел еще ранее намечавшийся раскол. 27 октября 1917 г. ЦК ПСР вынес постановление исключить из партии ее членов, поддержавших большевиков, позже подтвержденное еще одним постановлением ЦК и одобренное IV съездом партии (26 ноября — 5 декабря 1917 г.)⁷. Исключенные из партии создали свою Партию левых социалистов-революционеров. Оставшееся большинство сохранило прежнее название партии, или стало называться «правыми эсерами», которые встали на путь борьбы с большевистским режимом и вели ее с ним на протяжении всей Гражданской войны. Позже по этому поводу член ЦК ПСР В.М. Зензинов констатировал: «С момента октябрьского переворота начинается в русской революции ожесточенная гражданская война между партиями, окончательно разложившая революцию и не окончившаяся до сих пор. Партия социалистов-революционеров была в этой борьбе с большевиками в первых рядах»⁸.

29 октября 1917 г. эсеры приняли участие в антибольшевистском восстании в Петрограде («юнкерский мятеж»)». Член Военной комиссии ЦК ПСР Ф.М. Оппенко подготовил группу из сочувствующих эсерам бывших военных, чтобы «срезать большевистскую головку»: похитить или ликвидировать вождей большевиков В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого¹⁰.

Организовывая протестные акции против большевиков, эсеры одновременно вместе с меньшевиками в начале ноября 1917 г. при поддержке Вижеля вступили в переговоры с большевиками об «однородном социалистическом правительстве». Но вскоре ЦК ПСР принял постановление об их прекращении, обвинив большевиков в попытке использовать эсеров и другие социалистические партии в качестве пособников в начале ими «гибельного для родины и революции междоусобия»¹¹.

26 ноября — 5 декабря 1917 г. в Петрограде состоялся 4-й (последний в ее истории) съезд партии социалистов-революционеров. Наряду с утверждением исключения из партии по решению ЦК ПСР поддержавших большевиков членов, съезд принял устав партии, в котором централистский принцип ее построения был заменен федеративным. Съезд избрал более однородный состав ЦК, перед которым ставилась цель «проводить твердую политику революционного социализма», осудил захват власти большевиками, выдвинул главным лозунгом созыв Учредительного собрания и создание общепризнанной революционно-демократической власти, способной прекратить Гражданскую войну¹².

⁶ Степанова Н.Г. Партия социалистов-революционеров и ее политическая программа // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: Материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 313—318.

⁷ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 г. — 1925 г. С. 38.

⁸ Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж, 1919. С. 90—91.

⁹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.): Сборник документов. С. 761.

¹⁰ Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Т. 13. М., 1992. С. 47.

¹¹ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 г. — 1925 г. С. 44—45.

¹² Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 700.

Резкую критику большевиков содержало декабрьское (1917 г.) воззвание «Ко всему трудовому народу России». В нем подчеркивалось, что большевики не сдержали своих обещаний: «[...] Они заключают мир с врагом и разжигают войну внутри России с Доном, Уралом и украинским братским народом, покушаясь на его свободу и самостоятельность. Они обещали свободу и порядок, но зажали всем рот, запрещают собрания, закрывают газеты, вводят, как при царе, надзор за ними [...] Называя себя рабоче-крестьянским правительством, они не считаются с советами рабочих и крестьянских депутатов, не дают им отчета и вносят в них раскол и раздор [...] Но большевики, считая только себя защитниками народа, клеветают на другие социалистические партии, забрасывают их грязью, распространяют про них неправду и своими действиями усиливают врагов народа. Думая ввести социализм штыками и насилием, они разрушают и то, чего народ уже добился»¹³.

С обвинениями в адрес большевиков в развале России и стремлении разогнать Учредительное собрание накануне его открытия выступили избранные депутаты фракции социалистов-революционеров: «[...] Учредительное собрание еще не открылось, а между тем те захватчики власти, которые ввергли страну в бездну гражданской войны и анархии, вконец разрушили ее государственную и хозяйственную жизнь и создали почти неодолимо препятствие для спасения России, неустанно клеветуют со столбцов своей печати на Учредительное собрание, совершают насилие над его членами, предательски срывают день его открытия и, затме-

вая деяния царских опричников, грозят его разогнать»¹⁴.

Набравшие больше всего голосов на выборах в Учредительное собрание (19 млн 360 тыс. — 39,8%)¹⁵ эсеры после его разгона большевиками пытались организовывать в Петрограде и других городах акции протеста¹⁶. При этом они отказались от попыток вооруженного свержения большевиков, развернув активную организационную и агитационную работу среди рабочих и солдат, стараясь перетянуть их на свою сторону.

В партийной прессе лидеры партии эсеров не только осуждали разгон большевиками Учредительного собрания, но и пытались доказать массам антидемократический и «контрреволюционный» характер установившейся советской власти. Например, в редакционной статье «Вся власть Учредительному собранию» эсеровской газеты «Дело народа» от 7 января 1918 г. указывалось: «Захватив государственную власть посредством военного насилия и самой гнусной и подлой демагогии, партия большевиков превратилась в тиранию кучки политических авантюристов, которая ни перед чем не остановится для того, чтобы удержаться у власти»¹⁷. Член ЦК ПСР Е.М. Тимофеев в статье «Борьба за Учредительное собрание и наша тактика в Советах» в марте 1918 г. отмечал, что большевики превратили Советы, возникшие как орган самоорганизации масс, в инструмент государственного насилия над массами¹⁸. В.М. Чернов в статье «Советы и демократия» подчеркнул, что большевики кардинально изменили свое отношение к Советам после овладения большинством в них, превратив Советы из органов идейно-политического

¹³ Цит. по: The Socialist-revolutionary party after October 1917: Doc. from the P.S.R. archives / Sel., annot. a. with an outline of the history of the party during the post-revolutionary period by M. Jansen. Amsterdam, 1989. P. 27—28.

¹⁴ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 г. — 1925 г. С. 271.

¹⁵ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. М., 2014. С. 307, 365.

¹⁶ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.): Сборник документов. С. 615.

¹⁷ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 308.

¹⁸ Там же. С. 313.

и революционного руководства в «орудия одной партии», средства «чисто полицейской репрессии»¹⁹.

В январе — июле 1918 г. эсеры приняли участие в фабричном «движении уполномоченных», получившем наибольший размах в столицах²⁰. Они участвовали в создании «Совета уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда», который возглавил кандидат в члены ЦК ПС электромонтер Е. С. Берг. Этот Совет стремился стать организующим центром всех оппозиционных элементов в петроградском пролетариате в борьбе против большевиков²¹. Но движение было подавлено репрессивным аппаратом советской власти. Кроме того, участие эсеров в деятельности «Совета уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда» не привело к желаемому результату из-за закрытия множества заводов и наступавшего голода, в результате чего значительная часть рабочих покидала заводы и города в поисках продовольствия: уходя в продотряды, или просто перебираясь к родственникам в деревню, поближе к хлебу²².

В 1918 г. в условиях большевистской диктатуры происходит процесс трансформации ПСР из массовой легальной в полулегальную

партию. Уже 5 января 1918 г. в Декларации фракции РСДРП(б), оглашенной на заседании Учредительного собрания, партия эсеров была названа «на деле партией буржуазной и контрреволюционной»²³. Особенно критической для эсеров складывается ситуация к лету 1918 г. 14 июня 1918 г. постановлением ВЦИК они, наряду с меньшевиками, исключаются из состава ВЦИК и местных Советов как представители «контрреволюционных партий», избалованные в «организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами» на Дону (с Каледным), Урале (с Дутовым), в Сибири (с Семеновым, Хорватом и Колчаком)²⁴. На территории, подвластной большевикам, ПСР превращается в подпольную партию. При этом в эмиграции активно действовали партийные группы, занимавшие резко антибольшевистскую позицию, входившие в Заграничную организацию ПСР, издававшие журналы «Революционная Россия», «Воля России», «Современные записки», «Свобода», газету «Дни». Наиболее видными деятелями эсеров в эмиграции были А. А. Аргунов, Н. Д. Авксентьев, И. М. Брушвит, В. М. Чернов и др.

«Союз защиты Родины и свободы».

Тактика вооруженной борьбы с большевиками

В 1918 г. в истории борьбы ПСР с большевиками особое место занимает деятельность видного члена партии Б. В. Савинкова, действовавшего самостоятельно без согласования с ЦК партии. Весной 1918 г. он организовал в Москве «Союз защиты Родины

и свободы», объединивший 800 офицеров, главным образом гвардейских и гренадерских полков. Организация установила связи с генералом Алексеевым, поднявшими мятеж против советской власти чехословаками, представителями Антанты²⁵. Находясь в по-

¹⁹ The Socialist-revolutionary party after October 1917: Doc. from the P.S.R. archives / Sel., annot. a. with an outline of the history of the party during the post-revolutionary period by M. Jansen. Amsterdam, 1989. P. 70.

²⁰ См.: Чураков Д. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917—1930-е гг.). М., 2012.

²¹ ЦА ФСБ России. Ф. Н.-1789. Т. 95. Л. 63—64.

²² Там же. Л. 179—184.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 227.

²⁴ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 430—431.

²⁵ Савинков Б. В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 406—407, 409; Масарик Т. Г. Мировая революция. Т. 1. Прага, 1926. С. 224—225.

стоянном контакте с представителями Франции и Чехословацким национальным Советом, Б.В. Савинков надеялся, что именно он и генерал Алексеев станут главной политической силой, которую будут поддерживать союзники в новой России²⁶.

Партийный состав «Союза защиты Родины и свободы» был пестрым. В него входили народные социалисты, социалисты-революционеры и левые кадеты. Ему сочувствовали и оказывали поддержку меньшевики²⁷.

Выработанный Б.В. Савинковым в июне 1918 г. «план вооруженного выступления» предполагал, наряду и одновременно с террористическими покушениями против Ленина и Троцкого, выступить в Рыбинске и Ярославле, чтобы отрезать Москву от Архангельска, где должен был высадиться союзный десант²⁸.

Б.В. Савинков видел себя и своих союзников главной силой в антибольшевистском лагере, противостоящей той части ПСР, которая вместе с другими социалистическими и леволиберальными силами создала «Союз возрождения России» и организовала Уфимское Государственное совещание в сентябре 1918 г.

С лета 1918 г. начинается период вооруженной борьбы эсеров с большевиками, которых лидеры партии называли «креатурой германского империализма», считая, что большевизм «довершит дело порабощения России и ликвидации нашей революции»²⁹. Ее начало было провозглашено на VIII Совете партии, состоявшемся 7—16 мая 1918 г. в Москве, в «Резолюции о текущем моменте». Вот как в резолюции оценивались результаты политики большевиков в России: «Шестимесячная большевистская политика привела страну к государственному распа-

ду, полному финансовому краху, дезорганизации хозяйственной жизни, внешнему разгрому, а в итоге всего этого Россия перестала существовать как национальное государственное целое. Этот процесс сопровождается в ценовых кругах ростом реакционных настроений и усилением ориентации на Германию в вопросах внешней политики, что угрожает усилением реставрационных течений, победа которых может быть вполне обеспечена с помощью немецких штыков. Рука об руку с реставрацией политической идет неизбежно и реставрация социальная, приведшая уже на Украине к торжественному восстановлению в полной силе частной собственности на землю, с возвратом помещикам не только имений и инвентаря, но и с возмещением им убытков, понесенных в революционное время»³⁰.

Таким образом, большевистская власть заслуживала ликвидации вооруженным путем, поскольку она стала главным препятствием для возрождения «национально-государственного единства» России «на основе разрешения социально-политических задач, выдвинутых февральской революцией». В качестве аргумента в пользу свержения большевиков приводился заключенный ими Брестский мир, униживший Россию и разрушивший общегерманский фронт союзников. Главным лозунгом борьбы с большевиками объявлялся лозунг Учредительного собрания³¹.

К моменту объявления вооруженной борьбы с большевиками в партии эсеров сформировались разные мнения («течения») по поводу оценки опасности большевиков и режимов белых генералов. Группа «правых» эсеров во главе с Н.Д. Авксентьевым и Союз возрождения России считали главной угрозой и России, и революционным

²⁶ Три брата (То, что было): Сборник документов. М., 2019.

²⁷ Красная книга ВЧК. 2-е изд. Т. 1. М., 1989. С. 37.

²⁸ Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 412—414.

²⁹ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 377.

³⁰ Там же. С. 389.

³¹ Там же.

завоеваниям саму большевистскую диктатуру. Другая группа в составе партии социалистов-революционеров, позднее организационно оформленная в группу «Народ» — Меньшинство партии социалистов-революционеров, считала и большевистский, и белый режимы одинаково неприемлемыми и провозглашала борьбу на два фронта и тактику «третьей силы»³².

Летом 1918 г. попытками практической реализации новой тактики вооруженной борьбы с большевиками стало участие эсеров в Самарском Комуче и Верховном управлении Северной области (ВУСО). Опыт участия эсеров в антибольшевистских правительствах оказался кратковременным и неудачным. Например, в составе Верховного управления Северной области во главе с народным социалистом Н. В. Чайковским эсеры играли важную роль и влияли на характер и мероприятия власти, но в результате правого переворота в Архангельске в начале

сентября группа эсеров — членов ВУСО — была арестована и отправлена на Соловки. Вернувшись в Архангельск после вмешательства иностранного дипломатического корпуса и освобождения, они вскоре вынуждены были подать в отставку³³.

Неудачным был и опыт эсеро-сского Самарского Комуча, не сумевшего организовать в Поволжье успешное вооруженное сопротивление Красной армии³⁴. Также неудачным оказалось и участие эсеров в деятельности Уфимской директории (Всероссийского Временного правительства), созданной при активном участии эсеров в Уфе на проходившем 8—23 сентября 1918 г. Государственном совещании. В правительство Уфимской директории вошли двое видных деятелей партии — Н. Д. Авксентьев и В. М. Зензинов. В ноябре 1918 г. оно было свергнуто Колчаком, а его члены репрессированы, включая эсеров. Оставшиеся на свободе члены партии ушли в подполье.

Тактика «третьей силы» и «третьего пути»

Устранение эсеров от участия во власти режимами, превратившимися в военную диктатуру и относящимися крайне враждебно ко всем социалистическим партиям и их программам, стало главной причиной пересмотра эсеровскими лидерами тактики партии. То, что «пережили» «учредилорцы» в Архангельске и в Самаре, в Сибири и на юге, — точно сказал по этому поводу В. И. Ленин, — не могло не разрушить самых прочных предрассудков³⁵. Для подобных суждений у вождя большевиков были все основания. В конце 1918 г. 14 эсеров колчаковцы спустили под лед Иртыша, по-

сле чего была вполне понятной реакция части членов партии и их желание объединить усилия с большевиками против борьбы с общим врагом — режимом Колчака³⁶.

Вопрос об изменении отношения к советской власти был поставлен в Уфе 5 декабря 1918 г. на совещании части членов ЦК и членов Исполкома съезда членов Учредительного собрания («Уфимская делегация»), которое приняло решение прекратить вооруженное сопротивление большевикам и начать переговоры с ними для консолидации своих усилий в борьбе против белого движения³⁷.

³² См.: т. 12, ч. III, гл. 3.

³³ *Голдин В. И.* Север России в огне Гражданской войны: Иностранная интервенция и ее последствия. Август—декабрь 1918 г. Архангельск, 2021. С. 10—92, 244—307.

³⁴ О Самарском Комуче см.: т. 12, кн. 1, ч. II, гл. 5.

³⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 192.

³⁶ *Морозов К. Н.* Эсеры о сущности и характере большевистского режима в годы гражданской войны // Идеи и идеалы. Новосибирск, 2015. С. 136.

³⁷ Там же.

17 января 1919 г. члены «Уфимской делегации» В.К. Вольский, Н.В. Святицкий и Н.А. Шмелев обратились с воззванием к солдатам Народной армии Самарского Комуча, а также к солдатам сибирских, казачьих и чехословацких войск с призывом «[...] прекратить гражданскую войну с Советской властью, являющейся в настоящий исторический момент единственной революционной властью эксплуатируемых классов для подавления эксплуататоров, и обратить свое оружие против диктатуры Колчака»³⁸. Затем группа членов «Уфимской делегации» отправилась на переговоры с большевиками в Москву.

6—8 февраля 1919 г. в Москве состоялась конференция эсеровских организаций, участники которой отвергли всякое блокирование с «буржуазными» партиями, «мечтающими об единоличной диктатуре и восстановлении неограниченного хозяйского произвола», и признали недопустимой вооруженную борьбу с советской властью, поскольку она ведет к усилению реакции³⁹.

26 февраля 1919 г. ВЦИК амнистировал членов ПСР, стоявших на платформе «Уфимской Делегации», и предоставил им право «участия в советской работе». Об этом шла речь в постановлении ВЦИК об отношении к партии правых эсеров от 26 февраля 1919 г. В нем говорилось, что ввиду того, что «партийная конференция правых социалистов-революционеров Советской России в своих резолюциях от 8 февраля 1919 г.» решительно отвергла «попытки вооруженной борьбы с Советской властью, признав, что подобная борьба служит только на пользу контрреволюции и реставрации», высказалась «против иностранного вмешательства в дела России, выставив требование очищения территорий, занятых иностранными войсками», призвала свои партийные организации к «свержению

реакционных правительств, находящихся во власти германских и союзных империалистов», решительно отвергла «всякий союз с буржуазными партиями и таким образом признала ошибочность всей политики мелкобуржуазной демократии», ВЦИК после переговоров его делегации в составе члена Президиума ВЦИК Л.Б. Каменева, наркома финансов Н.Н. Крестинского и наркома по внешним делам Г.В. Чичерина с президиумом съезда членов Учредительного собрания в лице председателя В.К. Вольского, секретаря Н.В. Святицкого и товарища секретаря Н.А. Шмелева и членами ЦК ПСР Н.И. Ракитниковым и К.С. Буревым, а также эсером Б.Н. Черненковым, постановил отменить свое постановление от 14 июня 1918 г. об исключении из состава ВЦИК и местных Советов представителей ПСР. Согласно постановлению, подлежали освобождению из заключения члены партии эсеров, «которые разделяют точку зрения» Уфимской конференции. Ее сторонники могли, «наряду с другими партиями», «принимать участие в советской работе»⁴⁰.

Ставшие союзниками большевиков эсеры создали группу «Народ», получившую название по названию издававшейся ею газеты. 15 октября 1919 г. эта группа обратилась в Совет обороны Республики с заявлением о желании принять активное участие в защите революции и с призывом к своим сторонникам вступить в Красную армию⁴¹. 17 октября группа «Народ» опубликовала «Письмо к Центральному комитету партии социалистов-революционеров», в котором поставила перед руководством эсеровской партии вопрос о необходимости выбора стороны в вооруженной борьбе советской власти с Белым движением. «Что будет делать партия с.-р. и ее руководящие органы? Станет ли она в ряду борющихся отрядов Крас-

³⁸ The Socialist-revolutionary party after October 1917: Doc. from the P.S.R. archives. P. 191.

³⁹ Дело народа. 1919. 20 марта.

⁴⁰ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 436—437.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

ной армии [...], — говорилось в письме. — или подобно Пилату отойдет в сторону и будет со стороны наблюдать, как вершится гнусное дело расправы с революцией»⁴².

Значительное большинство ПСР изначально не поддержало позицию «Уфимской делегации» и созданной из числа ее сторонников группы «Народ» о союзе с большевиками против белой контрреволюции. Была одобрена другая тактика ПСР в новых условиях Гражданской войны — тактика «третьей силы» и «третьего пути». Вынужденный ее характер В.М. Чернов объяснял в эмиграции тем, «что объединившиеся против большевиков все силы старого строя, вся несоциалистическая демократия и отброшенное к ним крайнее правое крыло социализма пошли под знамя военной диктатуры и иностранной интервенции»⁴³.

Следует отметить, что данная идея выдвигалась и ранее рядом влиятельных членов партии. Например, левоцентристка Е.М. Ратнер еще 30 ноября 1917 г. на IV съезде ПСР заявляла, что партия, выступающая за «демократическое управление и народоправство», не должна поддерживать «ни террора слева», ни тех, «кто идет справа с Калединами»⁴⁴. Но это заявление не было услышано соратниками по партии. В первые месяцы после Октябрьского переворота в Петрограде эсеры активно боролись за власть с большевиками на выборах в Учредительное собрание, а затем и с помощью участия в создании в различных регионах страны антибольшевистских правительств.

«Новая тактика» ПСР была принята на состоявшемся в Москве 18—20 июня 1919 г. IX Совете партии, который в резолюции «Отношение к большевистской власти» постановил прекратить вооруженную

борьбу против большевиков и заменить ее обычной политической борьбой⁴⁵. Она предусматривала невооруженные политические формы борьбы партии эсеров против большевиков и белой контрреволюции⁴⁶. В резолюции Совета «Отношение к большевистской власти» указывалось, что политическая борьба с большевиками должна была продолжаться, потому что результатом их политики, установления в России «диктаторского аракчеевского коммунизма», был «грозный процесс культурно-хозяйственного опрошения и регресса всей страны, чреватый впадением ее в самую жалкую нищету, бескультурье и историческую беспомощность»⁴⁷. При этом в решениях IX Совета подчеркивалось, что партия социалистов-революционеров должна бороться против «нелепых и вредных иллюзий» в сознании широких масс, что большевистская диктатура «может постепенно переродиться в народовластие путем дипломатического воздействия на нее»⁴⁸.

Тактика «третьей силы», утвержденная в решениях IX Совета партии, предусматривала и отказ от поддержки Белого движения. Но он не означал участия эсеров в совместной борьбе с большевиками против этого движения. Как отмечал В.М. Чернов, она была невозможной «ввиду отклонения большевистской властью всех предложений» о восстановлении «единого фронта революции». Также речь шла о принципиальной позиции руководства ПСР в рассматриваемый период, которую Чернов охарактеризовал в своих воспоминаниях: «[...] ни поддержка большевистской власти против белых, ни поддержка белого движения против большевиков недопустима. Партия не может стать ни под одно из этих двух чуждых ей

⁴² РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.

⁴³ Hoover Institution Archives. Collection B. Nicolaevsky. Box 10. F. 5.

⁴⁴ ЦА ФСБ России. Н-1789. Т. 69. Л. 181—182.

⁴⁵ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 460.

⁴⁶ Hoover Institution Archives. Collection B. Nicolaevsky. Box 10. F. 5.

⁴⁷ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 460.

⁴⁸ Там же. С. 459.

политических знамен, а оставаться под своим собственным знаменем для нее почетнее, чем победа под знаменем, ей органически чуждым [...]»⁴⁹.

Разъяснение сути новой тактики партии было дано в специальном обращении ЦК ПСР ко всем эсеровским организациям: «Мы стоим на принципиальной позиции создания третьей силы между большевистской оклократией и военно-буржуазной контрреволюцией. И в деревне ищем мы главным образом кадры для организации этой силы»⁵⁰. Таким образом, тактика «третьей силы» означала попытку эсеров занять свою отдельную, самостоятельную нишу в политической борьбе, наряду с основными противниками в Гражданской войне — большевиками и Белым движением. Социальной базой партии эсеров в этой борьбе должно было стать крестьянство — традиционная опора партии.

Принимая решение об изменении тактики партии в Гражданской войне, руководство эсеров до ее завершения и созыва Учредительного собрания заявляло о готовности отдать разрешение всех спорных вопросов на усмотрение Советов при условии свободных выборов в них. Об этом свидетельствовал член ЦК ПСР А.Р. Гоц на процессе партии эсеров в 1922 г.: «В июле 1919 г. мы обратились к советской власти с воззванием, в котором говорили, что мы готовы решение всех споров, вплоть до разрешения вопроса об Учредительном собрании, передать на решение свободно избранных Советов. Поэтому логического противоречия между лозунгом “Свободные Советы” и “народовластие” мы не усматриваем. Такие Советы — это путь, это этап, это веки, а народовластие Учредительное собрание — это цель»⁵¹.

Тактика «третьей силы», инициированная «центристами» и левоцентристами ПСР, вызвала неприятие крайних течений в партии, в частности, группы заграничных «правых» эсеров во главе с Н.Д. Авксентьевым и их единомышленниками в России, в основном группировавшихся на Юге России вокруг сборника «Народовластие». «Правые» эсеры не согласились с ней и настаивали на том, что белые предпочтительнее большевиков, так как способны к эволюции в сторону демократии. В частности, Н.Д. Авксентьев заявлял: «Большевизм, это — полная гибель и России, и демократии, без шансов на воздействие на него и на его перерождение; антибольшевистские же фронты, не в восстановленной, а лишь становящейся России, способны к перерождению под давлением русской демократии и союзников, находящихся тоже под давлением своих демократий»⁵². В этом же духе высказывался «правоецентрист» М.В. Вишняк в письме из Парижа А.П. Гельфготу 30 октября 1919 г.: «формула “ни — ни” — ни Ленин, ни Колчак — фатальна в создавшихся здесь условиях», так как «оказывается формулой, благоприятствующей, фактически благоприятствующей, несмотря на все жесткие слова по адресу большевизма, именно этому последнему», а третьей силы в реальности не видно⁵³. Схожую оценку дал А.А. Аргунов⁵⁴.

Столкнувшись с расколом в партийных рядах по вопросу о тактике «третьей силы», 31 июля 1919 г. ЦК ПСР пытался его преодолеть. С этой целью было поручено В.М. Чернову написать циркулярное письмо и обращение на эту тему к членам партии — сторонникам нового курса с призывом к единению всех партийных сил⁵⁵. Проникнутое примирительными интонациями письмо

⁴⁹ Hoover Institution Archives. Collection B. Nicolaevsky. Box 10. F. 5.

⁵⁰ ГРАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 33.

⁵¹ ЦА ФСБ России. Ф. Н-1789. Т. 31. Л. 13.

⁵² Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 415.

⁵³ ЦА ФСБ России. Ф. Н-1789. Т. 65. Л. 97.

⁵⁴ Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С 46—47.

⁵⁵ ЦА ФСБ России. Ф. Н-1789. Т. 64. Л. 3.

вызвало недовольство в право настроенных кругах партии⁵⁶. В результате единения партийных сил добиться не удалось.

В период наступления на Москву войск генерала Деникина произошло окончательное организационное обособление с «народовцами». 15 октября 1919 г. группа «Народ» написала заявление в Совет Обороны, в котором предложила свои услуги для борьбы с белой контрреволюцией. 25 октября ЦК ПСР объявил о роспуске группы «Народ» и отменил ее постановление о «предоставлении всех сил в распоряжение Реввоенсовета». Группа «Народ» обвинялась в «обслуживании большевистского фронта и тыла под руководством большевистского Совета Обороны». Ее членам К.С. Буревому, В.К. Вольскому, Л.А. Либерману, Н.П. Смирнову, Н.В. Святицкому, И.С. Дашевскому делалось «последнее предупреждение» и вменялось в обязанность «сложит с себя звание уполномоченных группы и объявить ее распушенной». В противном случае их грозили исключить из партии⁵⁷. Но они отказались выполнить данное решение ЦК ПСР, предлагая отложить вопрос об их исключении из партии до ближайшего партийного съезда, указав в обращении «Ко всем социалистам-революционерам», что ЦК своей «безнадежной позицией нейтралитета и бездействия» обрекает партию «на дальнейшее разложение»⁵⁸. Кроме того, сторонники союза с большевиками (Буревой, Вольский, Дашевский, Либерман, Ракитников и др.) отстаивали тезис о том, что с момента Октябрьского переворота «большевики стали во главе революционного движения», «повели революцию по пути

осуществления ее социальных задач», а эсеры призывали «неустанно и с оружием в руках бороться с реакцией, ничего не прося и не требуя за это от большевиков»⁵⁹.

В декабре 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов группа «Народ» объявила о возвращении к активной советской работе и участию в борьбе против контрреволюции и интервентов. Она получила поддержку ряда эсеровских партийных организаций, перешедших на их платформу (Николаевская, Вологодская, Херсонская, Уфимская и др.)⁶⁰. Другие, как, например, Харьковская и Екатеринбургская организации, распались⁶¹. Исключенные из партии «Народовцы» создали отдельную организацию — Меншинство Партии социалистов-революционеров (МПСР)⁶². В Сибири на коалиционной основе с меньшевиками эсеры сформировали Политический центр в Иркутске для борьбы с режимом Колчака и создания демократического буферного государства с однородно социалистическим правительством. Политцентр сверг в результате победы иркутского восстания в январе 1920 г. колчаковскую власть. Именно эсеровские представители Политцентра в Иркутске арестовали А.В. Колчака и начали вести следствие, которое было закончено уже под руководством большевиков (но с участием правых и левых эсеров). В Чрезвычайную следственную комиссию по делу Колчака, сформированную в середине января 1920 г. Политцентром, входили правые эсеры Г.И. Лукьянчиков и В.И. Алексеевский. После передачи Политцентром власти большевистскому Ревкому они оставались в комиссии до завершения ее работы⁶³. В феврале 1922 г. МПСР,

⁵⁶ The Socialist-revolutionary party after October 1917: Doc. from the P.S.R. archives. P. 205.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

⁵⁸ Там же. Д. 23. Л. 42—44.

⁵⁹ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 474—479.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 51.

⁶¹ Там же; Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1962. С. 605.

⁶² РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

⁶³ Штырбул А. А. Сибирские эсеры и антиколчаковское сопротивление (ноябрь 1918 — январь 1920 г.) // Национальные приоритеты России. 2019. № 4. С. 14.

в условиях проводимого РКП(б) курса на решительное вытеснение «мелкобуржуазных попутчиков» из всех областей политической жизни, из-за внутренних разногласий, массового перехода ее членов в РКП(б) и ПСР прекратило свое существование⁶⁴.

Многие местные организации ПСР сохранили «верность» решениям IX Совета партии и следовали тактике «третьей силы». Среди них была Одесская партийная организация, действовавшая в непростых условиях неоднократной смены власти в городе:

««Ни вправо, ни влево», так можно было бы вкратце резюмировать исходную точку зрения громадного большинства членов организации. Несколько человек (5—6), ушедших в апреле 1919 г. к левым С.-Р., не принесли никакого ущерба организации, а выступавшая [...] с ширококестовыми заявлениями группа “Народ” нашла себе сочувствие в пяти—шести людях, перешедших к ней»⁶⁵. То же самое можно было сказать о тамбовских эсерах и других партийных организациях в рассматриваемый период⁶⁶.

Эсеры на завершающем этапе Гражданской войны

В 1920—1921 гг. во время войны Советской России с Польшей и наступления генерала Врангеля ЦК ПСР призвал членов партии к защите Родины, не отказываясь при этом в принципе от политической борьбы с большевиками. В это же время меняется позиция эсеровского руководства и большинства членов партии по отношению к интервенции держав Антанты в Россию. В предшествующий период они оправдывали интервенцию надеждами с ее помощью создать в России антигерманский фронт, а также оказывать давление на Белое движение с целью его демократизации. Но, увидев на практике действия интервентов и осознав факт отсутствия у них желания поддержать демократические силы на не подконтрольных белым режимам территориям в угоду своим корыстным интересам, свою позицию руководство изменило. Вмешательство союзников во внутренние дела России осуждалось, и ликвидация большевистской власти виделась лишь в объединении внутренних сил⁶⁷.

Летом 1921 г. руководство ПСР попыталось консолидировать силы партии, со-

средоточенные в основном в провинции (в Тамбовской губернии, Поволжье, Сибири, на Кубани и Украине). Кроме того, была предпринята попытка преодоления раскола в партии, возникшего вокруг тактики «третьей силы». С этой целью в июле 1921 г. Центральное организационное бюро ПСР (ЦОБ) отправило письмо к участникам готовящейся IV конференции МПСР из числа исключенных из партии членов, выступавших за участие эсеров в советских органах. В письме было заявлено об исчерпании идеологических различий и необходимости вернуться в лоно «материнской» партии для «решительной борьбы за поправные права трудового народа»⁶⁸. Но ЦК МПСР сдержанно отнесся к данной инициативе ЦОБ ПСР. В подготовленном на обращение ЦОБ ПСР ответе ЦБ МПСР указывалось: «В противоположность Вам, выдвигающим Учредительное собрание [...] мы призываем население страны организовать власть Советов на началах равного и свободного классового представительства в ней всех трудящихся»⁶⁹.

⁶⁴ Россия в Гражданской войне: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 702.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 19. Л. 131.

⁶⁶ Там же. Л. 99; Д. 25. Л. 58.

⁶⁷ Россия в Гражданской войне: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 701.

⁶⁸ ЦА ФСБ России. Ф. Н-1789. Т. 79. Л. 66—67.

⁶⁹ Там же. Л. 69.

6—10 августа 1921 г. состоялся последний в годы Гражданской войны X Совет партии, нелегально проведенный в Самаре. В его работе приняли участие 14 представителей Екатеринбургской, Пермской, Саратовской, Московской городской, Московской губернской, Петроградской, Всеукраинской, Киевской, Екатеринодарской, Ростовской, Крымской, Бакинской организаций и Центрального оргбюро. Совет нацелил партию на соби́рание сил и организацию масс в рамках беспартийного Союза трудового крестьянства, подтвердив отказ партии от вооруженных форм борьбы с большевиками. Переход к нэпу трактовался на Совете как банкротство идеологии и политики большевиков, которые «не в состоянии остановить продолжающегося процесса развала всей народнохозяйственной жизни»⁷⁰. В новых условиях партия должна была продолжить политическую борьбу с большевистским режимом, но выступать против ее вооруженных форм, а также против интервенции в Советскую Россию и коалиции с буржуазией⁷¹. Однако на практике эти задачи были уже невыполнимы. В партии не было прежнего единства, была невозможна эффективная поддержка деятельности местных партийных организаций эмигрантскими центрами, эсеры считались органами советской власти «политически неблагонадежными» и даже потенциально опасными, особенно в условиях охватившего в 1921 г. многие районы Советской России крестьянского повстанческого движения. В циркулярном письме ВЧК, подписанном начальником СО ВЧК Т. И. Самсоновым и Управделами ВЧК Г. Г. Ягодой, говорилось: «Среди всех контрреволюционных партий, вступивших в борьбу с диктатурой рабочего класса, “партия социалистов-революционеров” является самой

опасной как потому, что она имеет среди них наибольшие надежды вернуться к власти, так и в особенности потому, что она стремится опереться на самый многочисленный класс русского населения — крестьянство, и использовать в интересах контрреволюции его мелкобуржуазные предрассудки и инстинктивную неприязнь к коммунизму»⁷².

В этой связи важнейшим аспектом проблемы является вопрос о причастности ПСР к крестьянским восстаниям в годы Гражданской войны против политики «военного коммунизма», а также к Кронштадтскому мятежу. Как это видно из циркулярного письма ЦК от 13 мая 1920 г. «Ко всем местным организациям партии с.-р.», им рекомендовалось «во избежание распыления крестьянской энергии в местных вспышках развернуть перед деревней перспективы широкой организованной массовой политической кампании», «использовать форму приговорного движения», а также способствовать созданию «беспартийного Крестьянского союза». «Этот союз, для которого ЦК предлагает название “Союза трудового крестьянства”, должен строиться снизу, путем образования по отдельным селам “братства для защиты народных прав”, объединяющих и волостные, а затем и более широкие союзы»⁷³.

Эсеры отрицали обвинения большевиков в причастности к антоновскому движению в Тамбовской губернии. На эту тему заслуживает внимания следующее свидетельство члена ЦК ПСР Ю. Н. Подбельского, руководившего в то время Тамбовской организацией ПСР: «В союзе с другими революционно-социалистическими группами (главным образом, левыми эсерами) весной 1920 г. ПСР был организован Тамбовский Союз трудового крестьянства (СТК), быстро покрывший Тамбовский уезд сетью крестьян-

⁷⁰ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 771—772.

⁷¹ Там же.

⁷² Цит. по: Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): Этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 151.

⁷³ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 637—639.

ских союзов. На двух своих съездах (районном, в с. Хитрово и Тамбовском уезде) СТК вопреки настоянию рядовых членов высказывался против немедленного выступления, но не скрывал от себя неизбежности в будущем вооруженной борьбы с большевиками. Однако СТК не успел скрепить крестьянство в прочные организации и стать его идейным руководителем, когда неожиданно для него самого на юге Тамбовского уезда вспыхнуло стихийное крестьянское движение. Молодая крестьянская организация была отодвинута событиями на задний план — забушевала стихия»⁷⁴. Позже в письме Л.Б. Каменеву Ю.Н. Подбельский снова «категорически отрицал и опровергал руководство партий и свое лично антоновским движением»⁷⁵. При этом не отрицалось, что крестьяне-эсеры из эсеровских «крестьянских братств» действительно участвовали в восстании, но степень их связи с руководством губкома ПСР остается под большим вопросом. В рамках дискуссии о политической ориентации Антонова и восставших тамбовских крестьян можно согласиться с выводом тамбовских историков С.А. Есикова, В.В. Канищева, В.В. Самошкина, что «ни центральные органы этих партий (ПСР и ПЛСР), ни их местные тамбовские организации, ни СТК» «к подготовке, а тем более к руководству "антоновщины" не имели прямого отношения»⁷⁶.

В то же время установлен факт попыток наладить взаимодействие антоновцев с находившимися в эмиграции Б.В. Савинковым. 28 ноября 1921 г. Б.В. Савинков в письме к матери сообщал: «Антонов прислал связь и признал нашу программу»⁷⁷. Подтверждением этих слов Б.В. Савинкова является адресованная ему докладная

записка полковника Мотарыгина о выступлении Антонова и переходе группой Мотарыгина русско-польской границы от 11 ноября 1921 г. В ней сообщалось, что командование «Народными армиями Антонова» во главе с Антоновым признало «вполне приемлемой и самой подходящей» программу Савинкова с «желанием народа, борющегося с свержением самодержавия правительства Ленина», ее лозунг: «Да здравствует Учредительное собрание, земля и воля народу»⁷⁸.

Эсеры оказались непричастны и к организации Кронштадтского восстания, хотя и поддерживали его цели. В статье «Мартовские дни», опубликованной в газете «Революционная Россия» в марте 1921 г., В.М. Чернов писал: «Мы с восстающим народом, с восставшим Кронштадтом против его усмирителей и палачей. Последний раз мы говорим властелинам Кремля — дорогу трудящемуся и добывающему своих прав народу, дорогу народовластию и Учредительному собранию»⁷⁹.

На непричастность ЦК ПСР к организации и руководству Кронштадтским восстанием указал А.Р. Гоц на судебном процессе 1922 г. партии эсеров, отметив, что в Кронштадте в то время не существовало партийных эсеровских организаций, а «участие» в мятеже выразилось в выпущенном петроградской организацией партии эсеров воззвании, в котором большевики призывались «не доводить дело до кровавого подавления Кронштадта» и искать «путь к мирному соглашению»⁸⁰.

Тем не менее большевики стремились избежать повторения печального опыта самодержавия, с переменным успехом борющегося с революционным подпольем более

⁷⁴ Ю.П. Восстание тамбовских крестьян (информация из России) // Революционная Россия. 1921. № 6. С. 24.

⁷⁵ Протасов Л.Г. Тамбовщина на страницах «Революционной России» // Вестник Тамбовского гос. ун-та. 2012. № 6. С. 219.

⁷⁶ Самошкин В.В. Антоновское восстание. М., 2005. С. 35.

⁷⁷ Три брата. (То, что было): Сборник документов. М., 2019. С. 250.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 55. Л. 1. См. также: Три брата. (То, что было): Сборник документов. С. 125.

⁷⁹ Цит. по: ЦА ФСБ России. Ф. Н-1789. Т. 31. Л. 2.

⁸⁰ ЦА ФСБ России. Ф. Н-1789. Т. 31. Л. 3—4.

полувека, тем более когда речь шла о партии, имеющей давние и успешные традиции этой борьбы в самом взрывоопасном очаге — российской деревне. Успехи эсеровской агитации в студенческой и рабочей среде в 1921—1922 гг., Тамбовское и особенно Кронштадтское восстания подтверждали на практике, что процесс «революционной самостоятельности» масс, как бы большевикам ни хотелось, еще не прекратился.

Именно поэтому советскими властями был устроен показательный политический процесс социалистов-революционеров в июле-августе 1922 г., сопровождавшийся мощной дискредитационно-пропагандистской кампанией и широкими репрессивными мероприятиями ГПУ⁸¹. Чуть ранее, в начале 1922 г., с помощью инспирированного ВЧК Политцентра, якобы установившего связи с руководителями Кронштадтского мятежа, было дискредитировано выступавшее за сотрудничество с большевиками руководство МПСР. Рядовые члены данной эсеровской организации массово переходили в РКП(б). В феврале 1922 г. на партийном совещании решением меньшинства Центрального бюро МПСР организация была объявлена распушенной⁸².

Судебный процесс социалистов-революционеров проходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г. и стал первым советским крупномасштабным показательным политическим процессом. Председательствовал на суде рекомендованный Политбюро член ЦК РКП(б) Г. Л. Пятаков, имевший за плечами 3 курса юрфака, членами суда являлись А. В. Галкин и О. Я. Карклин, а Н. М. Немцов и Ф. И. Озол были заместителями. Обвинение поддерживали Н. В. Крыленко, А. В. Лу-

начарский и М. Н. Покровский. На процесс было выведено две группы подсудимых. Первая группа («нераскаившихся») эсеров состояла из 22 человек, главным образом членов ЦК ПСР, а вторая («ренегаты») включала в себя 10 обвиняемых из числа бывших эсеров, часть которых к 1922 г. уже стала коммунистами и ей отводилась роль «разоблачений преступлений» партии социалистов-революционеров⁸³. Процесс сопровождался антиэсеровской пропагандистской кампанией, митингами, демонстрациями и т. п. За процессом следили не только в Советской России, он привлекал к себе внимание социалистической и демократической общественности Европы и Америки, организовавшей широкую протестную кампанию⁸⁴.

Отличительной чертой этого судебного процесса, резко выделяющей его из всей как дореволюционной, так и советской судебной практики, было противостояние на процессе двух политических партий, одна из которых отняла у другой власть фактически дважды (в октябре 1917 г. и в январе 1918 г.). Этим обстоятельством была обусловлена и главная особенность процесса: и те, кто судил (коммунисты), и те, кого судили (социалисты-революционеры), стремились доказать и себе, и друг другу, и всему миру, что они-то как раз и есть истинные революционеры, а противостоящая им сторона является предателями революции и трудящихся. Данное стремление ярко проявлялось во всем: в подборе обвинительного материала в рамках предварительного следствия, в дискуссиях на самом процессе, и в последних словах подсудимых, и в той пропагандистской антиэсеровской и контрпропагандистской ан-

⁸¹ См. подробнее: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июль-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. М., 2002; Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926).

⁸² Россия в Гражданской войне: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 702.

⁸³ Морозов К. Н. Самарский Комуч как «третий путь» в Гражданской войне в зеркале показательного процесса социалистов-революционеров в 1922 г. // Вестник КрасГАУ. 2006. № 11. С. 350.

⁸⁴ Морозов К. Н. Историко-правовые аспекты реабилитации подсудимых процесса социалистов-революционеров 1922 года // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. Право. 2006. С. 48.

тибольшевистской кампаниях, которые вели противостоящие друг другу партии.

По свидетельству известного бельгийского социалиста Э. Вандервельде, присутствовавшего на процессе в качестве защитника первой группы обвиняемых, «заседания Трибунала носили характер политического митинга», а «обвинительный акт» представлял собою «весьма неискусную» попытку «дать политическую историю русской революции с большевистской точки зрения»⁸⁵.

Указывая на парадокс, заложенный уже в самой формуле обвинения, лидер меньшевистской партии Ю. О. Мартов писал: «Правительство до крайности расширило рамки процесса... Юнкерское восстание ноября 1917 г., образование Комитета Учред[ительного] собрания в Самаре, участие в архангельском правительстве — словом, все акты сопротивления эсеров большевистскому перевороту 25 октября, вменены им в преступление. Чтобы правительство, само созданное заговорщическим переворотом, судило сторонников предыдущего правительства за их противодействие перевороту, да еще через 5 лет, — случай небывалый»⁸⁶.

По приговору Верховного трибунала ВЦИК 7 августа 1922 г. к высшей мере наказания были приговорены 12 подсудимых первой группы: В. В. Агалов, А. И. Альтовский, М. Я. Гендельман, Л. Я. Герштейн, А. Р. Гоц, Д. Д. Донской, Н. Н. Иванов, Е. А. Иванова-Иранова, М. А. Лихач, С. В. Морозов, Е. М. Ратнер, Е. М. Тимофеев. Исполнение приговора им было отсрочено и позднее заменено на 5 лет лишения свободы. Остальные обвиняемые из первой группы получили различные сроки заключения: Н. И. Артемьев, М. А. Веденяпин, А. В. Либеров, Д. Ф. Раков, Ф. Ф. Федорович — по 10 лет строгой изоляции, Е. С. Берг,

М. И. Львов (настоящее имя — П. С. Гала-нов), В. Л. Утгоф — по 5 лет строгой изоляции, Г. Л. Горьков — 3 года строгой изоляции, П. В. Злобин — 2 года строгой изоляции⁸⁷.

Все подсудимые первой группы прошли череду тюрем, ссылок, лагерей и за исключением одного — А. И. Альтовского не пережили годы Большого террора. Память о них в советские годы была стерта, а значимость их противостояния, как и их место в шеренге противников большевиков, поняли лишь немногие, пришедшие много десятилетий спустя и сравнившие, подобно В. Т. Шаламову, суд над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем с процессом над ПСР: «Со времени дела правых эсеров — легендарных уже героев революционной России — это первый такой политический процесс. Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения»⁸⁸.

После завершения процесса в 1923 г. и в последующие годы были продолжены массовые аресты эсеров всех направлений, в том числе членов избранного на X Совете партии Центрального бюро. Большинство арестованных было направлено в судебном и административном порядке в тюрьмы и лагеря особого назначения⁸⁹.

На завершающем этапе Гражданской войны и в последующие годы политическая деятельность ПСР сосредоточилась в эмиграции, где оказалось довольно много видных деятелей ПСР, в том числе В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, Е. К. Брешко-Брешковская, М. В. Вишняк и др. Эмигрировавшие эсеры занимали резко антибольшевистскую позицию, выступали критиками новой экономической политики советской власти. Например, Н. Д. Авксентьев на Берлинском совещании социалистов-революционеров

⁸⁵ См.: Голос России. 1922. № 999, 25 июня.

⁸⁶ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь—август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. С. 554.

⁸⁷ Морозов К. Н. Историко-правовые аспекты реабилитации подсудимых процесса социалистов-революционеров 1922 года. С. 49.

⁸⁸ Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989. С. 516.

⁸⁹ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 702.

в декабре 1922 г. называл нэп ублюдочной политикой, плодящей спекулятивную, а не производительную буржуазию, и выступал за насильственный путь «устранения правящей группы» «путем ее свержения»⁹⁰. В.М.Чернов призывал к продолжению борьбы с большевиками, характеризуя советский режим в условиях нэпа как форму «азиатско-деспотического» государственного капитализма, «уродливой фальсификации социализма», не имеющего ничего общего с реальным социализмом⁹¹.

Летом 1921 г. активизировал свою политическую деятельность в эмиграции Б.В.Савинков, активно проявивший себя до этого в борьбе с большевиками в период польско-советской войны. В июне 1921 г. в Варшаве он создает «Народный союз защиты родины и свободы» (НСЗРис), название которого апеллировало к «Союзу защиты родины и свободы», действовавшему в России в 1918 г. В его состав вошли представители подпольных организаций, которые вели работу на территории Советской России, а также казачьих, украинских, белорусских и других эмигрантских организаций. Главной целью организации объявлялась борьба за Учредительное собрание⁹². В избранный на съезде ЦК вошли Б.В.Савинков, В.В.Савинков, Д.В.Философов, М.Н.Гнилорыбов, А.А.Дикгоф-Деренталь, Е.С.Шевченко и др. Первоначально руководящие органы

организации находились в Варшаве, но после высылки из Польши лидеры союза переместились в Прагу, а затем в Париж⁹³.

В годы Гражданской войны партия эсеров являлась одной из самых активных и авторитетных политических партий в России. Она проводила свою политическую линию, которая менялась в зависимости от обстоятельств. Эсеры не были контрреволюционной партией, как об этом заявляли большевики, хотя они и принимали самое непосредственное участие в антибольшевистской борьбе под лозунгом Учредительного собрания. Раскол в партии, когда политическая обстановка требовала обратного, на фоне монолитного единства большевиков, использовавших против своих противников всю мощь репрессивного аппарата власти и побеждавших на фронтах, несмотря на все издержки своей политики и ненавидевший их белый режим, не оставил шанса на успех. Выбрав тактику «третьей» силы, они в лице ЦК ПСР, тем не менее, отмежевались от главной и традиционной своей опоры — крестьянства, восставшего против политики «военного коммунизма» большевиков, хотя ячейки партии и многие рядовые члены были вместе с ним. В этой ситуации результат закономерен. Большевики уничтожили партию эсеров как конкурента за власть в годы Гражданской войны.

⁹⁰ Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 928—929.

⁹¹ Там же. С. 702—703.

⁹² Виноградов В., Сафонов В. Борис Савинков — противник большевиков // Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001. С. 10; Мозохин О.Б., Сафонов В.Н. Синдикат-2: ГПУ против Савинкова. М., 2018. С. 33.

⁹³ Там же. С. 45.

Союзники большевиков

Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов) (ПЛСР) — одна из ведущих политических партий России в период Гражданской войны. Ее роль в этой войне отражена в многочисленных публикациях отечественных и ряда зарубежных исследователей¹. В советской историографии левые эсеры относились к мелкобуржуазным партиям, временным «попутчикам» большевиков, превратившимся в «кулацкую партию» и пережившим в силу этого «идейно-политическое банкротство»².

Качественно новый этап в изучении истории этой партии наступил в постсоветский период, когда ей был посвящен ряд вышед-

ших в свет монографий, сборников документов, энциклопедий и историографических работ. Исследователи пересмотрели оценки советских историков и указали на революционный характер партии левых эсеров, ее активное участие в советском строительстве, закономерный конфликт с большевиками как реакцию на антикрестьянскую политику большевиков и их стремление к диктатуре³. Среди современных публикаций о левых эсерах в Гражданской войне положительной оценки заслуживают издания, содержащие сведения о «левозерсовском мятеже» 1918 г., наиболее известных деятелях партии, ее программных документах⁴. В частности,

¹ См. об этом: *Конonenko A. A.* Партия социалистов-революционеров в 1901—1922 гг.: Проблемы историографии. Тюмень, 2004; *Сыченкова A. B.* Отечественная историография партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Казань, 2006; и др.

² *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963; *Он же.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: (Исторический очерк). М., 1975; *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; *Шестак Ю. И.* Тактика большевиков по отношению к партии левых эсеров и отколовшимся от нее партиям «революционных коммунистов» и «народников-коммунистов». М., 1971; *Стишов М. И.* История идейно-политического банкротства и организационного распада мелкобуржуазных партий в СССР (1917—1930-е годы). М., 1981; и др.

³ *Литвин A. Л., Овруцкий Л. М.* Левые эсеры: Программа и тактика (некоторые вопросы). Казань, 1992; *Павлов Д. Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999; *Старилов С. В.* Левые эсеры в Великой Российской революции. Март 1917 — июль 1918 гг. (На материалах Поволжья). Йошкар-Ола, 2004; *Леонтьев Я. В.* «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007; *Сапонов В. П.* Терновый венок свободы: Либерализм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917—1918 гг.). Н. Новгород, 2008; Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 693—696; и др.

⁴ Политические партии России 1917. М., 1993; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 419—424; Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 1—2. М., 2000—2017; Боевой восемнадцатый год: Сборник документов и воспоминаний. М., 2018; *Каховская И. К.* Воспоминания террористки. М., 2019; Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. М., 2022. С. 202—332; и др.

особый интерес представляют публикации о жизни и деятельности одного из лидеров партии левых эсеров М. А. Спиридоновой⁵, а также других видных представителей партии⁶.

В зарубежной историографии о левых эсерах в Гражданской войне выделяются публикации американского историка Ю. Г. Фельштинского и немецкого — Л. Хэвнера⁷.

Как самостоятельная политическая сила партия левых эсеров ведет отсчет времени со дня открытия своего учредительного съезда 19 ноября 1917 г.⁸ Это произошло спустя несколько недель после того, как представители левого крыла эсеров, оставшиеся вместе с большевиками на Втором съезде Советов, открывшемся в Смольном институте в ночь с 25 на 26 октября, были исключены из «материнской» партии. Тогда левые эсеры разделили с большевиками коллективную ответственность за взятие власти Советами, за что 169 человек подверглись исключению из партии социалистов-революционеров (ПСР)⁹.

Накануне вооруженного выступления 25 октября был создан полевой штаб Военно-революционного комитета (ВРК). В дальнейшем в состав Президиума ВРК, наряду с большевиками Н. И. Подвойским, К. А. Мехоношиным, М. С. Урицким и др., входили левые эсеры: военный фельдшер П. Е. Лазимир, формально первый председа-

тель ВРК, Г. Д. Закс, А. М. Устинов. В состав Петроградского ВРК входил еще ряд представителей левого крыла эсеров, в том числе Г. Н. Сухарьков, вместе с Лазимиром — в Бюро комиссаров ВРК, руководивший автомобильным отделом солдат И. В. Балашов и др. Комиссарами ВРК становились левые эсеры П. В. Бухарцев, Б. М. Донской, К. М. Каллис, В. Г. Ромм, Д. Л. Сапер и др. По мере организации аппарата СНК и ВЦИК Военно-революционный комитет постепенно сокращал первоначальные функции. 5 (18) декабря он опубликовал сообщение о прекращении своей деятельности и передаче комиссаров соответствующим наркоматам и отделам ВЦИК. В отсутствие четко поставленной канцелярской работы ВРК манданты и прочие документы за председателя и секретаря подписывали разные лица (в том числе левые эсеры В. А. Алгасов, И. И. Ильин, П. В. Чумаченко, В. М. Юдзентович — за председателя; Э. К. Дрезен, И. И. Ильин, К. Ф. Сандуров, П. В. Чумаченко — за секретаря). Во главе обороны Петрограда от войск генерала П. Н. Краснова стоял подполковник М. А. Муравьев, примкнувший к левым эсерам и занявший пост командующего Петроградским военным округом¹⁰. Бывший председатель Ревкома Финляндии в дни «корниловщины», левый эсер, поручик А. И. Ковригин был направлен в Гельсингфорс для участия в вооружении финской Красной гвардии¹¹.

⁵ Гусев К. В. Эсеровская богородица. М., 1992; Лавров В. М. Мария Спиридонова: Террористка и жертва террора: Повествование в документах. М., 1995; Лавров В. М. Партия Спиридоновой: (Мария Спиридонова на левозерских съездах). М., 2001; Мещеряков Ю. В. Мария Спиридонова: Страницы биографии. Тамбов, 2001; и др.

⁶ Матонин Е. В. Яков Блюмкин: Ошибка резидента. М., 2016.

⁷ Фельштинский Ю. Г. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 — июль 1918: На пути к однопартийной диктатуре. Париж, 1985; Haffner L. Die Partei der Linken Sozial-Revolutionäre in der Russischen Revolution von 1917—1918. Cologne, 1994.

⁸ Протоколы первого съезда Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918; Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. С. 240—243.

⁹ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. М., 2014. С. 216.

¹⁰ О Михаиле Артемьевиче Муравьеве (1880—1918) см. биографический очерк «Русский Гарибальди» и подборку документов в сб.: Боевой восемнадцатый год: Сборник документов и воспоминаний. С. 291—305.

¹¹ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 12.

Во многих местах представители левого крыла ПСР приняли самое активное участие в переворотах и вооруженном захвате власти, вследствие чего ЦК ПСР распустил Гельсингфорскую и Воронежскую организации. В некоторых случаях левые эсеры возглавили Ревкомы, как, например, в Харькове (председатель — украинский левый эсер А. С. Северов-Одоевский), Пскове (председатель — прапорщик Л. Л. Беклешов) и Ревеле (руководители — большевик В. Э. Кингисепп и левый эсер Э. П. Мейстер). Председателем астраханского «Комитета народной власти», а затем председателем Совета и комиссаром внутренних дел краевого Совнаркома являлся левый эсер, прапорщик А. С. Парфенов-Перфильев, председателем полтавского «Совета революции» — левый эсер Е. П. Терлецкий, ранее избранный председателем Исполкома Полтавского Совета. В Смоленске, где большевистский Ревком с участием двух левых эсеров и одного анархиста уступил сначала власть межпартийному Комитету общественной безопасности во главе с меньшевиком, после провозглашения советской власти губернским съездом крестьянских депутатов во главе губернского Совета комиссаров встал левый эсер Е. Разумов (участник учредительного съезда ПЛСР). Начальником штаба революционных частей, свергнувших власть Временного правительства в Ташкенте, был левый эсер, солдат П. А. Домогатский, также ранее избранный председателем Исполкома Ташкентского Совета¹². Секретарь Харьковского губкома партии эсеров А. А. Ишханов, входивший в состав губревкома, в момент переворота был арестован за агитацию комиссаром Временного правительства в Старобельском уезде Абрамовым, но затем освобожден

посланными из Харькова красногвардейцами и стал комиссаром Харьковского губернского земства. Левые эсеры организовали и возглавили Ревком в Казани (председатель — прапорщик А. И. Останин, товарищ председателя — Л. С. Венещианов-Вершинин), конкурировавший с большевистским Ревштабом в борьбе за влияние на массы. Но по большей части левые эсеры, входившие в органы захвата власти, находились в соподчинении по отношению к большевикам¹³.

Особой спецификой отличалась ситуация в Москве, где развернулись кровопролитные бои между красногвардейцами, подконтрольными Московскому ВРК, и «белой гвардией», подчинявшейся Комитету общественной безопасности (КОБ). Еще со времени «корниловщины» в Москве на объединенном заседании Исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов был создан Центральный штаб Красной гвардии из семи большевиков, шести эсеров левого крыла и шести меньшевиков, трех эсдеков-«объединенцев» и трех беспартийных. Левых эсеров в нем представляли рабочие Д. И. Климов, М. А. Пугачев и др. Во время боев в Москве прапорщик Ю. В. Саблин, входивший от левых эсеров в штаб ВРК, командовал отрядом особого назначения и руководил захватом здания градоначальства на Тверской улице, был ранен. В состав Московского ВРК от левых эсеров входили В. О. Зитта, Н. М. Корнилов и др.¹⁴

Для установления советской власти на Украине и Юге России туда направились отряды под командованием левых эсеров прапорщика К. М. Каллиса и матроса А. М. Брушвита (из Кронштадта), прапорщиков Г. К. Петрова (из Рязани) и Ю. В. Саблина (из Москвы). Там же действовали отряды фронтовиков под

¹² Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. С. 244.

¹³ Там же. С. 237—238.

¹⁴ Там же. С. 238.

командованием левых эсеров В. И. Киквидзе (из солдат Юго-Западного фронта). П. С. Лазарева (из солдат Румынского фронта). Вольноопределяющийся В. И. Киквидзе был избран товарищем председателя ВРК Юго-Западного фронта и затем выборным командиром 6-й кавдивизии. 30 декабря 1917 — 1 января 1918 г. во главе сводных отрядов он выбил отряд гайдамаков из Ровно. Прапорщик артиллерии Л. С. Дегтярев оказался избран председателем Ревкома 4-го Сибирского корпуса и членом Румчерода, а с 11 декабря стал выборным командующим 6-й армии Румынского фронта.

Сводный отряд солдат и красногвардейцев под командованием подпоручика С. Г. Лазо сначала участвовал в подавлении выступления школы прапорщиков в Омске (ноябрь), затем — в кровопролитных боях с юнкерами и казаками в Иркутске, причем красные части были выбиты из города, а Лазо с бойцами взят в плен. Но после объявления перемирия 29 декабря советская власть в Иркутске была восстановлена, и Лазо стал военным комендантом города и начальником гарнизона¹⁵.

Тем временем во ВЦИК 2-го созыва каждый из 13 отделов возглавили большевик и левый эсер. Семеро левозэсеровских лидеров, в том числе М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков, М. А. Натансон, С. Д. Мстиславский, А. М. Устинов, на пленуме ВЦИК 6 ноября были избраны в состав Президиума, а одним из двух секретарей ВЦИК стал бывший председатель Кронштадтского комитета ПСР Г. Б. Смолянский¹⁶. Редак-

тором «Известий ВЦИК» от левых эсеров был утвержден Б. Ф. Малкин. 12 декабря в Президиум ВЦИК были доизбраны еще пятеро левых эсеров¹⁷.

В день начала работы съезда ПЛСР, 19 ноября, всероссийский крестьянский съезд санкционировал вхождение левого эсера А. Л. Коллегаева¹⁸ в Совнарком в качестве наркома земледелия. Вдобавок к нему в течение декабря решениями СНК и ВЦИК еще семь левых эсеров были утверждены в качестве Народных Комиссаров (И. З. Штейнберг — в качестве наркома юстиции, П. П. Прошьян — в качестве наркома почт и телеграфов и т. д.), в результате чего молодое советское правительство сделалось двухпартийным. Товарищем (заместителем) наркома в Наркомвоене стал П. Е. Лазимир, первый председатель Петроградского ВРК и будущий член РВС Южного фронта (осень 1918 г.) и председатель ЧК по снабжению Украинской Красной армии (с начала 1919 г.). 8 декабря М. А. Муравьев получил назначение на должность начальника штаба советских войск под командованием В. А. Антонова-Овсенко, действовавших на Дону и Украине¹⁹.

Деятели ПЛСР заняли ответственные посты в столичном Комитете по борьбе с пьянством и погромами (товарищ председателя Я. М. Фишман), ВЧК (члены коллегии В. А. Дмитриевский-Александрович, В. Д. Волков, П. Ф. Емельянов и др.), в НКВД (А. Н. Вознесенский, М. А. Левин, А. Л. Менциковский), входили в состав мирных делегаций на переговорах с немцами в Брест-Литовске (А. А. Биценко,

¹⁵ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. С. 238—239.

¹⁶ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. С. 420.

¹⁷ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 1. С. 13—14.

¹⁸ Коллегаев Андрей Лукич (1887—1937) — позже, после выхода из ПЛСР, в сентябре—ноябре 1918 г., был среди учредителей и членов ЦК Партии революционного коммунизма; после перехода в РКП(б) назначен военкомом 13-й стрелковой дивизии Южного фронта; с января по июнь 1919 г. член РВС и председатель Особой продовольственной комиссии Южного фронта.

¹⁹ Боевой восемнадцатый год: Сборник документов и воспоминаний. М., 2018. С. 294.

С. Д. Мстиславский, Н. Н. Алексеев, В. А. Карелин, Р. И. Станков)²⁰.

Относительно предстоящего Учредительного собрания 3 декабря ЦК ПЛСР принял постановление о том, что оно «должно быть открыто в составе всех его частей в ближайший срок»; «немедленно по открытии Учредит[ельное] собрание должно поставить и разрешить в первую очередь вопросы о мире и земле и рабочем контроле в духе решений последних Всероссийских Съездов Советов [...]», а отношение партии к нему «должно определиться в зависимости от характера его решений по этим вопросам и отношения его к Советам, как органам власти»²¹. В итоге немногочисленная фракция левых эсеров покинула Таврический дворец вслед за большевиками в день открытия Учредительного собрания 5 января.

В январские дни 1918 г., благодаря инициативе левых эсеров, произошло слияние всероссийских съездов рабоче-солдатских и крестьянских депутатов Советов, после чего объединенный III Всероссийский съезд Советов принял левозеро́вский вариант «Основного закона о социализации земли»²². Одна из лидеров партии легендарная Мария Спиридонова по сути дела являлась вторым человеком во ВЦИК Советов после Якова Свердлова. «Самая популярная и влиятельная женщина в России», как называл ее американский журналист Джон Рид²³, возглавляла Исполком Крестьянской секции ВЦИК, обладавшей своим собственным аппаратом и своей газетой. ПЛСР принадлежала треть мандатов во ВЦИК²⁴.

В этот период влияние левых эсеров возросло настолько, что двое из лидеров партии (П. П. Прошьян и нарком имуществ Республики В. А. Карелин) вошли наряду с В. И. Лениным, Л. Д. Троцким и И. В. Сталиным в Исполком СНК — неформальную «пятёрку», обладавшую наибольшей полнотой власти в критический для Советской России момент зимнего немецкого наступления²⁵.

В январе—феврале 1918 г. происходил второй этап вхождения левых эсеров в органы центральной и местной исполнительной власти: они вошли во все региональные советские правительства, пополнили коллегии наркоматов, возглавили ключевые органы управления в Красной армии, декрет о создании которой 15 (28) января подписали, в том числе, левозеро́вские наркомы Прошьян и Штейнберг. Солдат телеграфной роты из Кронштадта, один из руководителей Кронштадтского Совета К. А. Шугрин был утвержден членом коллегии Наркомвоена. Известный на Балтике левый эсер, член Гельсингфорсского Совета матрос П. И. Шишко стоял во главе комиссии по укомплектованию Рабоче-крестьянского Красного флота. Матрос линкора «Петропавловск» В. Н. Кисляков, позже игравший заметную роль в Сормовской организации ПЛСР, на 3-м съезде Балтфлота был избран председателем Центробалта и занимал этот пост до января 1918 г.²⁶ Затем он вошел в состав Совета комиссаров — коллегиального органа управления Балтфлота, состоявшего из 10 человек во главе с главным комиссаром И. П. Флеровским.

²⁰ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. I. С. 15.

²¹ Там же. С. 178.

²² Иванов А. А., Стариков С. В. Закон левых эсеров: (Редкое издание основного закона о социализации земли) // Марийский археографический вестник. 2001. № 11. С. 185—205.

²³ Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 247.

²⁴ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. I. С. 15—16.

²⁵ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. I. С. 15.

²⁶ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. С. 245.

Председатель Полтавского Совета, видный левый эсер Е. П. Терлецкий вошел в созданный на Первом Всеукраинском съезде Советов в Харькове Народный секретариат — первое советское правительство Украины в качестве народного секретаря по земельным делам. Представители ПЛСР входили также фактически во все региональные советские правительства, в частности, в Московский областной СНК (в качестве товарища председателя СНК А. А. Биценко, а также В. О. Зитта, В. Е. Трутовский и А. А. Шрейдер), Сибирский СНК (С. Г. Лазо, А. П. Лебедева, казак Д. Т. Тананайко, прапорщик Л. А. Шепшелевич) в Иркутске, Совет комиссаров Уральской области (М. Х. Поляков, В. И. Хотимский, доктор Н. А. Сакович) в Екатеринбурге и т. д. В. Б. Спиро и В. М. Фишман входили в состав Верховной коллегии по румынским делам. В созданный Румчеродом (ЦИК Советов и солдатских (матросских) комитетов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области) Одесский СНК в качестве комиссара по земельным делам вошел левый эсер Е. М. Балдин. Прибыв из Одессы в Севастополь, на 2-м Общечерноморском съезде Спиро был избран почетным комиссаром Черноморского флота. Председателем Центрофлота взамен смещенного большевика В. В. Романца стал левый эсер С. С. Кнорус. Во главе ЦИК Забайкальской области, совмещавшего законодательную и исполнительную власть, встал избранный

председателем на 3-м съезде Советов рабочих, крестьянских, казачьих и бурятских депутатов забайкальский казак по происхождению И. А. Бутин, казненный семеновцами в июле 1919 г.²⁷

В момент установления советской власти в Одессе 22 января (4 февраля) 1918 г. на пленуме ЦИК Румчерода Л. С. Дегтярев был назначен помощником комиссара штаба Румынского фронта. С 27 января он вступил в исполнение должности начальника штаба, а при командующем округом М. А. Муравьеве в феврале был назначен комиссаром отдела штаба Одесского военного округа²⁸. В январе 1918 г. во время восстания рабочих против власти Центральной Рады в Одессе П. С. Лазарев был членом ВРК и оперативного штаба Красной гвардии, принимал участие в боях на улицах города. Будущий убийца графа В. Мирбаха, член армейского комитета 9-й армии Н. А. Андреев также был одним из руководителей восстания, и при его личном участии был выведен из строя «радовский» броневик, защищавший вокзал.

26 января (8 февраля), после пятидневного артобстрела Киева, Южная группа войск под командованием М. А. Муравьева заняла город, развязав здесь своего рода «красный террор»²⁹. После назначения Муравьева командующим Румынским фронтом Лазарев являлся командармом Особой армии Одесского округа, дислоцировавшейся в Тирасполе, где вместе с отря-

²⁷ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. С. 245—246.

²⁸ Боевой восемнадцатый год: Сборник документов и воспоминаний. С. 160—161.

²⁹ Несмотря на частое утверждение (особенно украинских авторов) о том, что после взятия Киева там был развязан Муравьевым «красный террор», ситуация не выглядит столь однозначной. В материалах следствия по делу Муравьева имеются совершенно противоположные показания свидетелей на сей счет. Сам Муравьев утверждал, что, напротив, пытался остановить террор, развязанный отдельными полевыми командирами. Антонов-Овсенко в «Записках о гражданской войне» и обличающие террор в Киеве историки цитируют приказ Муравьева, в котором тот призвал «беспощадно уничтожать всех офицеров, юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции». С другой стороны, Муравьев выпустил воззвание об убийстве митрополита Владимира «кучкой анархистов», «с которыми он будет вести беспощадную борьбу» (ГАРФ. Ф. Р-1029. Оп. 1. Д. 17. Л. 144). Хотя одно, конечно, не исключало другого, и, возможно, Муравьев задним числом просто хотел обелить себя. По крайней мере, левозерсовское руководство также подозревало его в разных преступлениях, по словам С. Д. Мстиславского, Муравьев прославился «доподлинным вандализмом».

дом Г. И. Котовского организовал оборону Приднестровья от румын.

П. А. Домогатский 31 декабря 1917 г. отправился во главе красногвардейского отряда из Ташкента в Оренбург для борьбы с белоказаками А. И. Дутова. В январе—феврале 1918 г. он являлся начальником штаба при комиссаре по военным делам при разгоне так называемой Кокандской автономии, и с 5 по 29 марта 1918 г. являлся командующим советскими войсками Туркестана.

Будучи начальником 1-го Московского революционного отряда, бывший прапорщик Ю. В. Саблин поступил в распоряжение В. А. Антонова-Овсенко. Командуя северным участком Юго-Восточного фронта, он участвовал во взятии Новочеркасска. Весной 1918 г. командовал 4-й армией Украинского фронта³⁰.

После возобновления наступления германской армии по всему фронту, начавшегося 18 февраля 1918 г., в один день с принятием Совнаркомом декрета-воззвания «Социалистическое отечество в опасности!», 21 февраля при СНК был образован временный высший орган военно-оперативного руководства боевыми действиями, формированием красноармейских отрядов и строительством укреплений — Комитет революционной обороны Петрограда под председательством Я. М. Свердлова, в состав которого сразу же были включены руководители столичного комитета ПЛСР М. А. Левенсон и Я. М. Фишман. Тогда же Левенсон на заседании Петросовета от имени фракции левых эсеров внес резолюцию об отказе от заключения мира с Германией. В те дни ЦК ПСР постановил «приступить к созданию и вооружению боевых организаций партии левых с.-р.». Также 21 февраля был сформирован Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа из пяти

членов, одним из которых стал Фишман. Данный штаб стал исполнительным органом Комитета революционной обороны, а в состав бюро Комитета от ЦК ПЛСР вошла М. А. Спиридонова. На другой день состоялись переговоры представителей штаба округа, штаба по борьбе с контрреволюцией и «боевой дружины» левых эсеров, на которых было достигнуто полное соглашение. Штаб округа обязался снабжать дружину вооружением и продовольствием на одинаковых условиях с Красной гвардией.

Цепочка событий, приведшая затем к полному разрыву левых эсеров с большевиками, начала происходить с 23 февраля, когда на заседании ВЦИК левозэсеровская фракция проголосовала против подписания Брестского мира с Германией. В качестве своей политической платформы левые эсеры взяли лозунг «Не война, но восстание» (название брошюры С. Д. Мстиславского)³¹. В ночь на 24 февраля под давлением Ленина ВЦИК и Совнарком приняли условия навязываемого мира, о чем немедленно сообщили германскому правительству. Однако ЦК ПЛСР большинством голосов высказался против заключения мира, а на экстренно созванной III Петроградской общегородской конференции ПЛСР был впервые поднят вопрос о необходимости отзыва партийных представителей из СНК³². В то же время левые эсеры вели переговоры с левыми коммунистами, в том числе о противодействии сторонникам подписания мира силой. Как вспоминала в этой связи М. Спиридонова, ссылаясь на доклад П. П. Прошьяна на заседании ЦК, «насколько я помню, предложение ареста Ленина и др[угих] наркомов, стоявших за Бр[естский] мир, исходило от Бухарина и Радека. И вся инициатива совещаний, конспирирования, заговорщества была с их стороны. Наши только поддержали Буха-

³⁰ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. М., 2021. С. 118—119.

³¹ Мстиславский С. Д. Не война, но восстание. М., 1917.

³² Это предложение выдвинул председатель Петроградского комитета ПЛСР М. А. Левенсон.

рина и К^в в принципе и дали физическую подмогу в лице боевпков. И только в последние минуты у Бухарина и К^в не хватило духу на затейное предприятие и взяла верх рефлексия, когда они прибежали к нашим просить все кончить ничем, увести дружинников и т. д.»³³

В то же время один из комиссаров Комитета революционной обороны Петрограда и на тот момент товарищ (заместитель) председателя Петроградского комитета ПЛСР М. Д. Самохвалов руководил происходившими боями с наступавшими германцами под Нарвой, о чем он телеграфировал в Смольный из Ямбурга 4 марта: «Последние два дня шел ожесточенный бой, потери довольно велики с обеих сторон, хотя наши и отступили, но Нарва не взята немцами. В городе спокойно, хотя подожжены склады. Сейчас посланы отряды для взрыва мостов у Нарвы. Если будет наступление, то его трудно будет удержать. Все части были в бою и очень устали»³⁴.

Участком фронта в Великих Луках командовал бывший штабс-капитан, занимавший тогда пост начальника штаба прежней 5-й армии и комиссара армии по формированию на ее основе частей Красной армии, левый эсер М. И. Василенко³⁵.

П. С. Лазарев вступил в командование 3-й революционной (Одесской) армией Южного фронта, оборонявшейся от наступления 52-го корпуса генерала Р. фон Коша. После того как к вечеру 11 марта немцы заняли станцию Раздельную и перерезали железную дорогу Одесса—Вознесенск, армия Лазарева отступила к Одессе. Под угрозой окружения, после боев на ближних подступах к городу, часть отрядов 3-й армии отступила на Николаев,

а большая часть во главе с командармом начала погрузку на транспортные средства в одесском порту и затем эвакуировалась в Феодосию. В Крыму произошла ее реорганизация, и оттуда начался отход в направлении Лозовой и Полтавы. Бойцом, а затем выборным командиром «1-го Одесского железного отряда», входившего в 3-ю Революционную армию, являлся Я. Г. Блюмкин. При оставлении Одессы он эвакуировался в Крым, затем через Славянск отступал с 3-й армией, занимая должности помощника начштаба армии и начальника информационного (разведывательного) отдела³⁶.

Вступивший в начале 1918 г. в ПЛСР В. И. Киквидзе в марте стал командиром 4-й революционной армии на Украине, организовал оборону против австро-германских войск под Полтавой. В районе Бердичева и Житомира он сумел остановить продвижение противника на неделю. С 6 апреля руководил обороной Харькова. В качестве командующего армией его сменил Ю. В. Саблин³⁷.

Постановлением СНК от 4 марта 1918 г. была учреждена Центральная коллегия по разгрузке и эвакуации Петрограда, в состав которой, как отдел эвакуации, вошла Чрезвычайная комиссия по разгрузке Петрограда во главе с членом ЦК ПЛСР В. А. Алгасовым³⁸. Затем Центральную коллегия возглавил А. Г. Шляпников, а Алгасов стал ее членом. Эвакуация ВЧК 9 марта из Петрограда в Москву была возложена на левого эсера В. А. Александровича, который, будучи заместителем председателя ВЧК, отвечал за важнейшие участки работы: создание ЧК при НКВД, ликвидацию старой контрразведки и создание новой разведки. Он председательство-

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 14. Л. 103—103 об.

³⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-2421. Оп. 1. Д. 2. Л. 232.

³⁵ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937—1941: Биографический словарь. М., 2012. С. 64—65.

³⁶ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. С. 70.

³⁷ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 119.

³⁸ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 495.

вал на заседаниях коллегии ВЧК, вел прием посетителей, делегировался на заседания Совнаркома, входил в состав Оперативной коллегии. С 21 января Александрович заведовал Отделом ВЧК по борьбе с преступлениями по должности. П. Е. Лазимир также занимался эвакуацией из Петрограда в связи с переездом правительства в Москву и входил в состав Высшего Совета снабжения Наркомата по военным делам³⁹.

В Москве на Четвертом Чрезвычайном съезде Советов (14—16 марта 1918 г.) левые эсеры активно выступали против ратификации мира, выставив Б. Д. Камкова в качестве основного содокладчика В. И. Ленина⁴⁰. Поскольку их точка зрения не набрала большинства голосов, и Брестский мир был ратифицирован, левые эсеры вышли из состава СНК и объявили о расторжении коалиции с большевиками и переносе тяжести партийной работы на места. При этом они продолжали работать во ВЦИК и других советских учреждениях, и особенно в региональных советских правительствах и на командных постах в формируемой Красной армии.

10 марта В. Б. Спиро выехал из Севастополя и 13 марта прибыл в Москву в качестве делегата съезда Советов от Севастопольского Совета и с целью ходатайствовать об ассигновании средств для нужд «Южного Комитета Защиты Социалистической Революции». Через два дня, в связи с телеграммами Антонова-Овсеевского, по требованию Ленина и Сталина, он экстренно убыл назад и 17 марта вернулся в Севастополь, а 20 марта приказом Морской коллегии был утвержден Главным комиссаром по политическим делам Черноморского флота. Во время вторжения

германо-австрийских войск в Таврию Спиро возглавил Верховный военно-революционный штаб Республики Таврида, избранный на объединенном заседании всех революционно-демократических организаций для руководства защитой Крыма. Вновь он выехал в Москву 2 апреля вместе с делегацией флота для выяснения вопросов, связанных с переводом судов из Севастополя в Новороссийск, и, как принципиальный противник условия германской стороны о передаче ей Черноморского флота, был арестован по предписанию Ленина.

В то же время с переездом в Москву левые эсеры усилили свои позиции в ВЧК. Так, являвшийся с декабря товарищем наркомата просвещения Г. Д. Закс 5 апреля был утвержден членом Коллегии ВЧК и стал еще одним заместителем Дзержинского. Именно он в первую очередь руководил разоружением «Черной гвардии» и других анархистских отрядов и очисткой занятых ими особняков в Москве, выступив затем с докладом о проведенной операции на заседании ВЦИК. 8 апреля был переименован и получил статус Боевого отряда ВЧК «Финляндский красно-советский отряд» во главе с матросом Д. И. Поповым, состоявший из балтийских моряков и финских красногвардейцев⁴¹.

Отступивший вместе со своей армией с Украины к Тамбову, В. И. Киквидзе 9 мая отправился с докладом о ситуации на фронте в Москву, где встречался с Лениным. Во второй половине мая 4-я армия с переданными в ее распоряжение кадрами была переформирована в две дивизии. Одну из них, 1-ю дивизию внеочередного формирования (с октября 1918 г. 16-я стрелковая дивизия), возглавил Киквидзе.

³⁹ Тамби С. А. Павел Лазимир: Эстонец во главе боевого штаба Октябрьской революции 1917 года // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 6. С. 102—117.

⁴⁰ Стенографический отчет IV Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920. С. 23—30.

⁴¹ Ранее этот отряд участвовал в боях на Карельском перешейке, пока по распоряжению Высшего Военного Совета Республики не отступил в Петроград. В марте 1918 г. был переведен в Москву в распоряжение Президиума Моссовета.

Дивизия была направлена для ведения боевых действий против белоказаков на Донской фронт. Командовавший 1-й Южной (иначе «Воронежской») армией Г. К. Петров, как и Киквидзе, сперва участвовал в обороне Харькова от наступавших немецких войск, а затем армия начала отход на Воронеж. Здесь 11—12 апреля произошел конфликт с местными советскими органами на почве происходившего разоружения анархистских отрядов, вылившийся во временный захват Воронежа отступавшими частями. Часть воронежских левых отнеслась к «комбатантам» сочувственно, часть, напротив, приняла участие в подавлении «мятежа».

Не менее серьезный конфликт между левыми эсерами и большевиками произошел сразу после окончания Второго Всеукраинского съезда Советов в Таганроге. Начавшийся в Екатеринославе съезд был вынужден переместиться под натиском наступавших оккупантов, и 25 марта, пользуясь преимущественно в два голоса, большевики образовали Народный секретариат из 11 лиц во главе с Н. А. Скрыпником и объявили его правительством Советской Украины. В ответ объединенная фракция российских и украинских левых эсеров объявила данный орган «не рабоче-крестьянским правительством, а правительством фракционным, узко-политическим» и пригрозила: «Мы не будем работать ни в одном отделе такого правительства, которое не постеснялось фальсифицировать мнение рабочих и крестьян [...]. Мы будем пока работать в пределах нашей собственной фракции. Мы будем самостоятельно готовить военные силы для борьбы на Украине [...] В местах, занятых неприятелем или не занятых, мы поднимем знамя восстания Украины»⁴².

В новой конструкции Президиума ЦИК Украины левым эсерам предоставлялось

всего лишь три места (наряду с 5 большевиками и 1 украинским эседем), их заняли А. С. Северов-Одоевский, Е. П. Терлецкий и И. З. Штейнберг. Тогда левые эсеры решили перейти от слов к делу: вечером 27 марта отряд во главе с таганрогским окружным военкомом, участником I съезда ПЛСР И. Ф. Родионовым, взял под домашний арест народных секретарей, объявленных левыми эсерами «частными лицами», и провел обыск в номерах гостиницы, где они остановились. Лидеры левых эсеров обвинили новоиспеченное правительство в присвоении государственных средств, вывезенных из Екатеринослава. Но они не желали чрезмерно углублять конфликт и вскоре задержанные были освобождены. В непродолжительный по времени период «советского двоевластия» в Таганроге левозерсовская фракция совместно с Южной делегацией ЦК создали Главный военный штаб во главе с Б. Д. Камковым, В. А. Карелиным и И. З. Штейнбергом, свои собственные комиссии и отдел связи, при помощи которых «постарались взять на учет все левозерсовские отряды и повели агитацию за вооружение крестьян в Донском бассейне»⁴³.

Краевой комитет ПЛСР в Харькове объединил и координировал действия партийных отрядов эсеров, которые находились в Харьковской губернии, в восточной части Полтавской губернии и в южной части Курской губернии. Удалось в общей сложности сформировать четыре партизанских отряда (до 500 человек в каждом) и отряд особого назначения — «летучий, партизанский, имеющий специальное назначение боевой работы в тылу у неприятеля, конный отряд». В самом Харькове были собраны под ружье два левозерсовских отряда (батальона), батарея и санитарный отряд. Командиром 1-го левозерсовского полка, оборонявшего г. Лебедин, был член Харьковского комитета ПЛСР Г. Оганджянц,

⁴² Крестьянин и Рабочий (Таганрог). 1918. № 5, 29 (16) марта. С. 3—4.

⁴³ Партия левых социалистов-революционеров: Сборник документов и материалов. Т. 1. М., 2000. С. 276.

по сообщению в печати, плененный в бою и расстрелянный. В боях с немцами также прославились полтавско-таганрогский отряд левого эсера А. Каска, председателя Ревкома полтавского авиапарка, и партизанский отряд под командованием члена ЦИК Украины Шелудько (оба погибли).

Во время вхождения германских войск в Крым главкомом отрядов стал член Военной коллегии по обороне Крыма, возникшей в ночь на 23 апреля 1918 г., матрос Я. А. Шашков, один из руководителей севастопольских левых эсеров. Причем революционным отрядам пришлось сражаться не только с немцами, но и с поддерживавшими их украинскими гайдамаками и крымскими татарами.

После окончательного захвата австро-венгерскими и германскими войсками Украины между левыми эсерами и большевиками был достигнут компромисс. 18 апреля на заседании ЦИК Украины, по предложению Г. Л. Пятакова, его Президиум и Народный секретариат были реорганизованы в объединенное Бюро для руководства повстанческой борьбой на Украине (более известное как «повстанческая десятка»), членами которого стали четыре левых эсера (А. С. Северов-Одоевский, Е. П. Терлецкий, С. Д. Мстиславский и В. В. Сёмушкин), и еще четверо (в том числе В. А. Карелин и И. З. Штейнберг) — кандидатами в члены. При этом Мстиславский занял пост народного секретаря по военным делам так называемой девятки, по сути дела представлявшей собой советское правительство в изгнании.

С. Г. Лазо в феврале—августе 1918 г. являлся командующим войсками Забайкальского фронта. Оренбургский оперативный штаб возглавлял член ПЛСР Д. Б. Колостов, являвшийся также командующим Бузулукским фронтом. Левые эсеры играли

важную роль в Центральном штабе партизанских отрядов (позднее был переименован в Особо-разведывательное отделение) при Оперативном отделе Наркомвотена. В число руководителей штаба вошли П. И. Шишко и бывший поручик А. И. Ковригин. Первый из них одновременно являлся комиссаром Всероссийской Повстанческой организации, а второй — заведующим ее организационно-информационным отделом. В том числе они занимались переброской диверсионных групп в тыл к немцам в Белоруссии, Литве, Латвии, Украине.

В это время значительно усиливается роль ПЛСР на местах. В Совете комиссаров Союза коммун Северной области, созданном в конце апреля, П. П. Прошьян возглавил Комиссариат иностранных дел, являясь, по сути дела, вторым человеком в региональном правительстве после Г. Е. Зиновьева. Л. Л. Беклешов занял пост комиссара почт и телеграфов, Н. М. Корнилов⁴⁴ — пост комиссара земледелия, М. Д. Самохвалов — пост комиссара контроля. В июне, после гибели большевика С. Г. Буачидзе 20 июня, председателем Народного совета Терской Советской республики стал левый эсер Ю. Г. Пашковский. В мае 7 представителей ПЛСР вошли в качестве комиссаров в правительство Бакинской коммуны, а военкомом от центра в Баку был назначен Г. К. Петров. В августе 1918 г. Пашковский погибнет, а Петров будет убит вместе с другими бакинскими комиссарами в сентябре.

В момент провозглашения Донской советской республики в марте 1918 г. Донской областной ВРК выделил из своих рядов Совнарком в составе председателя и одновременно комиссара по военным делам, фронтовика-подхорунжего Ф. Г. Подтёлкова и еще 11 Народных Комиссаров. Начальником штаба войск республики стал ле-

⁴⁴ Настоящие фамилия, имя и отчество: Корнев Кирилл Александрович (1885—1927) — бывший политкаторжанин, активный участник переворотов в Москве в феврале и октябре 1917 г., был жестоко избит юнкерами.

вый эсер Л.С. Дегтярев. Более правильное оформление республика получила в ходе проходившего с 9 по 14 апреля 1918 г. в Ростове-на-Дону 1-го съезда Советов Донской области. Съезд избрал ЦИК ДСР в составе 26 большевиков и 24 левых эсеров. Старшим товарищем (заместителем) председателя ЦИК, казака-большевика В.С. Ковалева был избран Б.Д. Камков. Наркомом военных дел ДСР остался командир «Отряда защиты прав трудового казачества» Подтёлков, записавшийся на съезде во фракцию левых эсеров, вошедший также в состав президиума ЦИК и Чрезвычайный штаб обороны ДСР. Несколько левых эсеров (М.В. Кривошлыков, П.В. Алаев, П.П. Дерюгин и др.) получили портфели комиссаров в правительстве. В заседании ЦИК 24 апреля была выделена мобилизационная коллегия с чрезвычайными полномочиями из пяти лиц во главе с Подтёлковым.

В Ростове-на-Дону формируемая армия ДСР пополнилась всевозможными отрядами, переместившимися сюда с Румынского фронта и с территории оккупированной Одесской советской республики. 1 мая под охраной небольшого отряда в 120 человек Ф.Г. Подтёлков выехал в районы верхнего Дона в целях проведения мобилизации в свою армию, где 10 мая отряд был пленен белоказаками. На следующий день Подтёлков вместе с другим членом правительства ДСР, бывшим прапорщиком М.В. Кривошлыковым, был повешен.

С 1 по 16 апреля в Екатеринодаре, в условиях продолжающихся боев с Добровольческой армией на подступах к городу, проходил 2-й съезд Советов Кубанской области. Председателем съезда был избран большевик Я.В. Полуян, в президиум — 4 большевика и 5 левых эсеров (в том числе Я.М. Фишман и П.Я. Балис). На съезде было провозглашено образование Кубанской советской республики, избран ЦИК

в 45 членов, из них 25 большевиков и 7 левых эсеров. После того как 3-й Чрезвычайный съезд Советов Кубани и Черноморья в Екатеринодаре, проходивший 27—30 мая под руководством чрезвычайного комиссара Юга России Г.К. Орджоникидзе, постановил слить Кубанскую и Черноморскую республики в единую республику в составе РСФСР и избрал ее ЦИК (27 большевиков и 17 левых эсеров), который образовал СНК Кубано-Черноморской советской республики, Балис стал наркомом по национальным делам в этом Совнаркоме. На 1-м съезде ПЛСР Северного Кавказа в июне его избрали председателем. Попав затем в плен к белым, он был расстрелян. Но еще раньше, после принятия постановления о затоплении Черноморского флота, фракция левых эсеров отзывала своих представителей из республиканского СНК.

Фактически доминирующую роль левые эсеры играли с ноября 1917 г. в краевых СНК и ЦИК в Туркестане. Вторым председателем краевого Совнаркома, созданного 30 апреля, был левый эсер В.В. Залеский⁴⁵. Он же возглавлял Наркомат по иностранным делам. Председатель исполкома Ташкентского Совета левый эсер П.А. Домогатский поочередно состоял «комиссаром иностранных дел и по политическим делам Бухарского и Хивинского ханств», комиссаром по земельным делам, по землеводопользованию, а затем был назначен командующим войсками Туркестанского края. Другие наркоматы достались шестерым левым эсерам и такому же количеству большевиков. Левый эсер К.Я. Успенский был избран товарищем председателя ТурЦИК, будучи одновременно комиссаром здравоохранения и образования. Позднее Домогатский продолжал занимать ключевые посты в военном ведомстве Туркестана, вплоть до наркома по военным делам Туркестанской автономной ССР (с 5 февра-

⁴⁵ В имевшем место дуумвирате первым председателем являлся большевик Ф.И. Колесов. В Совнарком Туркестанской АССР входили 7 большевиков, 8 левых эсеров и 2 эсера-максималиста.

ля по 15 апреля 1919 г.), начальника Главного оперативного штаба войск Туркестана, военного комиссара Туркестана и т. д.

Левые эсеры руководили также Закаспийским областным совнаркомом, который возглавлял сначала член ПЛСР З. И. Печатников (позже он стал товарищем председателя ТурЦИК), а затем эсер-максималист В. Т. Телия. Комиссаром финансов и по иностранным делам в этом областном правительстве был левый эсер Н. И. Розанов. Телия и Розанов, а также бывший командующий Бузулукским фронтом Д. Б. Колостов и его адъютант оказались среди казненных 23 июля асхабадских комиссаров. 28 июня в г. Святой Крест (ныне — Буденновск) в составе Ставропольской советской республики белыми был расстрелян первый председатель Свято-Крестовского уисполкома левый эсер С. В. Григорцев⁴⁶.

Если в одних случаях в ряде мест (в Воронеже, Перми, Калуге, Ярославле) отношения между большевиками и левыми эсерами были конкурирующими и становились день ото дня запутанней, то в других местах сохранялся довольно прочный единый советский фронт. Но в целом напряженность в отношениях двух партий только нарастала. Уже на апрельском II съезде ПЛСР экс-нарком юстиции И. З. Штейнберг выдвинул в ходе развернувшейся дискуссии платформу: «Раз мы идем к власти, мы должны идти к власти». Согласно докладу мандатной комиссии, в проводившемся в Москве с 17 по 25 апреля съезде участвовали 59 делегатов из 29 губерний, представлявших свыше 60 тысяч членов партии⁴⁷. С отчетным докладом ЦК выступил П. И. Прошьян, Ю. В. Саблин — с докладом о военном поло-

жении на юге. Доклады по текущему моменту дела Б. Д. Камков и М. А. Спиридонова. Также на съезде прозвучали доклады о политической программе партии, об аграрной программе и ряд других, включая доклад о Боевой организации ПЛСР. На закрытом заседании было принято решение о начале «интернационального террора». В ходе прений выявились две точки зрения: большинства, одобрявшего линию поведения ЦК, и меньшинства, критично высказавшегося о выходе из Совнаркома. Причем Спиридонова ставила вопросы ребром: может ли ПЛСР сорвать мир и взять на себя ведение войны; могут ли левые эсеры «свалить в яму другую партию социального переворота, большевиков, и взять власть в свои руки», и какова тогда положительная программа ПЛСР, кроме критики⁴⁸.

Неприятие «антикрестьянских» решений большевиков, особенно декрета о комбедах, в дальнейшем обусловило тактическое единение антибольшевистской части левозерского руководства во главе с председателем президиума ЦК ПЛСР Камковым с более умеренной группировкой, возглавляемой Спиридоновой. Дополнительными стимулами к углублению противоречий между бывшими партнерами по коалиции послужили затопление по требованию германской стороны в Новороссийской бухте Черноморского флота в июне 1918 г. и выплата тогда же контрибуций Германии в размере 6 млрд марок, а также манипуляции в ходе избирательной кампании на Пятый Всероссийский съезд Советов⁴⁹. В пограничной полосе вдоль захваченных германскими войсками территорий под влиянием левозерских агитаторов красноармейцы нарушали демар-

⁴⁶ Ратьковский И. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.). М., 2017. С. 96, 116.

⁴⁷ В действительности вместе с делегатами с совещательным голосом в съезде приняли участие свыше сотни человек.

⁴⁸ Партия левых социалистов-революционеров: Сборник документов и материалов. Т. 1. С. 440—441.

⁴⁹ См.: Леонтьев Я. В. Выборы на V съезд Советов и распад правительственного блока большевиков и левых эсеров в 1918 г. // Кризисы в сфере политики и государственного управления: Междисциплинарный анализ. М., 2017. С. 93—114.

кационную линию и вступали в боестолкновения с немцами.

В мае 1918 г. Г. Б. Смолянский по поручению ЦК ездил в Берлин и Стокгольм, где обсуждал планы терактов с лидерами «Союза Спартака» Ф. Мерингом, Г. Дункером и К. Либкнехтом. В июне Боевой летучий отряд во главе с членом ЦК И. К. Каховской выехал для подготовки покушений на командующего группой армий «Киев» генерал-фельдмаршала Г. Эйхгорна и гетмана П. П. Скоропадского. В это время левые эсеры делегировали на работу в ВЧК ряд новых членов, включая занявшего должность члена ЦК контрразведывательного отделения ВЧК Я. Г. Блюмкина⁵⁰.

В происходивших боях с чехословаками и Народной армией Комуча на Восточном фронте левые эсеры принимали самое активное участие. В Пензе от рук чехословаков погиб председатель губкома ПЛСР, ранее член коллегии Наркомзема Л. Л. Костин. В Бугуруслане сторонниками Комуча был расстрелян левозэровский деятель С. Эндин. В состав командования Северо-Уральского фронта входили председатель Уральского областного комитета ПЛСР Д. Е. Синявский и С. М. Белецкий, ставший затем помощником командующего 3-й армией Восточного фронта. В боевых действиях против чехословаков принимали участие рабочие отряды под командованием левых эсеров из Твери и Калуги, самарские дружины под командованием вступившего в ПЛСР бывшего штабс-капитана Г. Д. Гая (Бжишкяна) и левого эсера П. Ф. Устинова. Боевой отряд ВЧК (700 штыков и 6 орудий) 29 мая был направлен в Рузаевку Пензенской губернии, где находился штаб по борь-

бе с начавшимся выступлением Чехословацкого корпуса. 2 июня командир отряда Д. И. Попов был назначен командующим войсками, действующими против Пензенской группы чехословаков в районе Сызрани. Позднее он со своим штабом убыл в Москву для реформирования отряда, а часть бойцов осталась на фронте⁵¹.

Собравшаяся для обсуждения преддвигавшего к принятию декрета о комитетах бедноты Крестьянская секция ЦИК большинством в 17 голосов присоединилась к декларации фракции левых эсеров, решительно осуждающей навязываемый декрет⁵². 11 июня В. А. Карелин выступил по этому вопросу на заседании ВЦИК. 24 июня ЦК ПЛСР принял решение «в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира. [...] Сигнал может быть подан в виде террористического акта или в другой форме»⁵³. На заседаниях ЦК был выработан план, предусматривавший совершение ряда террористических актов против представителей германских политических и военных кругов, мобилизацию вооруженных сил (бесвые дружины левых эсеров, части Красной армии, находившиеся под влиянием ПЛСР) для перехода демаркационной линии и инициирования восстания на оккупированных территориях. Эти действия рассматривались ПЛСР как борьба с текущей политикой СНК, но не с большевиками как таковыми.

Заседания III съезда ПЛСР проходили в закрытом режиме с 28 июня до 1 июля и были приурочены к начинавшемуся вскоре после этого V Всероссийскому съезду Советов. С политическим отчетом ЦК выступил В. А. Карелин, он же сделал доклад

⁵⁰ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. С. 70—71.

⁵¹ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 2. Ч. 3: Октябрь 1918 — март 1919 г. М., 2017. С. 711.

⁵² Фракция большевиков (11 из 28 присутствовавших в Москве членов Крестьянской секции) на заседании не явилась.

⁵³ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 2. Ч. 1: Апрель—июль 1918 г. М., 2010. С. 138—140.

на злобу дня — о продовольственной политике. С докладом по текущему моменту выступала М. А. Спиридонова, с докладом о советской Конституции — Д. А. Магеровский. В своем выступлении Б. Д. Камков констатировал единство в рядах ПЛСР, а Спиридонова призывала: «Необходимо ликвидировать пресловутую “передышку” большевиков. Нам необходимо взять в свои руки государственный аппарат — военный, дипломатический, технический»⁵⁴. На съезде были представлены делегаты от 33 губерний, которые почти единогласно

поддержали резолюцию, «чтобы партия без промедления всей силой своего влияния и партийного аппарата выпрямила линию советской политики». Это, по мнению съезда, подразумевало разрыв Брестского мира и упразднение центрального Совнаркома. Санкции на свои действия ЦК получил решением съезда. Для осуществления плана в структуре ЦК было образовано конспиративное Бюро с «диктаторскими» полномочиями над партией: М. А. Спиридонова, казначей ЦК Л. Б. Голубовский, И. А. Майоров и вошедшие позже Камков и Карелин.

Мятеж. Левые эсеры после мятежа

Попытка левых эсеров в целях продолжения «русской и международной революции» спровоцировать Германию на срыв Брестского мирного договора, возобновление военных действий против России с целью поднятия восстания на оккупированных Германией и ее союзниками территориях была предпринята в ходе работы V Всероссийского съезда Советов, открывшегося в Большом театре 4 июля 1918 г.

На проводившихся ежедневно в начале июля заседаниях ЦК ПЛСР происходило формирование «Штаба обороны партии», в который вошли представители ЦК Д. А. Магеровский и В. О. Зитта, бывшие прапорщики Г. М. Орешкин и Ю. В. Саблин, ставший начальник Боевого отряда ВЧК Д. И. Попов и Я. Г. Блюмкин. От кого же собирались обороняться левые эсеры? В своих воспоминаниях они настаивали на том, что вовсе не от большевиков, а от немецких агентов и вооружаемых ими военнопленных. По сообщению историка С. П. Мельгунова, тесно связанного с целым рядом подпольных организаций, количество сосредоточенных в Москве немецких военнопленных «насчитывалось,

может быть, и преувеличенно более 30 тысяч». Существуют многие указания на то, что левые эсеры просчитывали разнообразные варианты развития событий. Например, они заранее обзавелись фальшивыми паспортами для перехода на нелегальное положение, явочными и конспиративными адресами, подготовили завидную финансовую базу. Существует важное указание С. Д. Мстиславского на то, что в утренние часы 6 июля в помещении ЦК его казначей Л. Б. Голубовский занимался изъятием каких-то важных документов⁵⁵.

Несмотря на присутствие в Москве своеобразной гвардии в виде «Отряда особого назначения дружины Всероссийской Боевой организации» (в заключении обвинительной коллегии Верховного Ревтрибунала говорилось о 132 бойцах), подчинявшегося в оперативном отношении начальнику Московского военного округа Н. И. Муралову, а также небольших партийных дружин при районных комитетах (несколько десятков боевиков), — левозсеровское руководство здраво оценивало незначительность своих военных сил. Правда, лидеры партии надеялись привлечь в свои ряды части мо-

⁵⁴ Там же. С. 162.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 83. Л. 17.

сковского гарнизона. Но на деле во время событий к ним присоединилось совсем небольшое число солдат из 1-го Московского советского полка имени 1-го марта (назывался так по дате убийства народовольцами Александра II) и 16-го летучего боевого отряда особого назначения. При этом сами командиры частей — бывший поручик И. В. Мамайлов и Я. К. Винглинский, хотя и вызывались в штаб к Попову на совещание, не выразили желания присоединиться к левоэсеровскому выступлению (а Винглинский даже был взят «поповцами» под стражу). Не удалась и попытка разagitировать и привлечь на свою сторону латышских стрелков.

Таким образом, левые эсеры располагали крайне незначительными чисто партийными силами. И в этом плане самым большим подспорьем оказался Боевой отряд ВЧК, насчитывавший около тысячи штыков. Как удачно выразился С. Д. Мстиславский, «во всяком случае — долго уговаривать Попова “прикрыть ЦК” не пришлось». Вплоть до событий 6 июля шло переформирование отряда: из него выбыла часть финнов, но он был доукомплектован завербованными после затопления флота черноморскими моряками. Стоит отметить наличие в отряде арtdивизиона в составе двух батарей, пулеметной команды (порядка 60 пулеметов) и конной разведки. На вооружении «поповцев» также имелись два броневомобиля марки «Гарфорд» и бомбометы.

5 июля на съезде левоэсеровская фракция (треть делегатов) выразила недоверие СНК, осудив как подписание Брестского мира, так и политику правительства в деревне — продовольственную диктатуру и создание комитетов бедноты⁵⁶. Однако съезд большинством голосов поддержал СНК. Согласно данным членов мандатной

комиссии от левых эсеров, 399 мандатов, полученных коммунистами, были «недействительными». В качестве бесспорных левые эсеры признали лишь 350 коммунистических мандатов, т. е. 62% от общего числа делегатов-большевиков. Большевики на съезде категорически отрицали предвыборные махинации. По их замыслу, главным вопросом в повестке съезда был вопрос о принятии Конституции, которую левые эсеры расценивали как ущемляющую избирательные права крестьян из-за той диспропорции, которую предлагали большевики (голос одного рабочего приравнивался к голосам пяти крестьян). В своей речи Б. Д. Камков назвал коммунистов «лакеями германского империализма», а насаждение комбедов — «контрреволюцией», пригрозив: «Мы вам открыто заявляем, что не только ваши отряды, но и ваши комитеты бедноты мы выбросим вон за шиворот. [...] Мы из Советов не уйдем и вам не под силу, т. Ленин, нас выбросить»⁵⁷.

В субботу 6 июля 1918 г. около 14 часов, подъехав к германскому посольству в Денежном переулке на легковом автомобиле, члены Боевой организации ПЛСР Блюмкин и Н. А. Андреев проникли в посольство по удостоверению ВЧК, подписанному председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским (по данным следствия, подпись была подделана В. А. Александровичем), и убили посла Германии графа В. фон Мирбаха, после чего вместе с лидерами ПЛСР укрылись в штабе отряда Попова. После того как Спиридонова отправилась в Большой театр и заявила об ответственности партии за теракт, фракция большевиков покинула Большой театр под предлогом проведения совещания, а вся фракция левых эсеров подверглась задержанию⁵⁸. В конце июля на Московском областном съезде

⁵⁶ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. Москва, 4—10 июля 1918 г. М., 1918. С. 50—102.

⁵⁷ Там же. С. 74—76.

⁵⁸ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. С. 274.

ПЛСР было сделано такое официальное заявление: «Мирбах убит по постановлению Ц.К. партии, согласно директивам, полученным Ц.К. на партийном съезде. Партия л.с.р. всегда признавала, признает и будет признавать террор, как средство активного меньшинства, зовущего на борьбу с насильниками»⁵⁹.

В ответ на взятие фракции в заложники левые эсеры арестовали Дзержинского, председателя Моссовета П. Г. Смидовича и некоторых других комиссаров-большевиков, а также заняли здания ВЧК на Лубянке, Центрального телеграфа на Мясницкой и повели агитацию в казармах красноармейских частей, дислоцировавшихся по соседству с контролируемым ими районом. Однако так называемый Штаб обороны партии практически бездействовал. Наступательных операций левые эсеры не предпринимали, так как не считали свое выступление направленным на вооруженное свержение правящей партии и расценивали его как самооборону. Своей пассивностью и нерешительностью левозерсовское выступление больше всего напоминает стояние декабристских полков на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Левые эсеры с самого начала нацеливались на вялотекущий переворот и не были психологически настроены на решительные действия (за исключением отдельных фигур, таких как П. П. Прошьян и Д. А. Черепанов). Этим объясняется и то, что солдаты получили приказ окапывать бульвары и переулки на подступах к Трехсвятительскому переулку.

В результате они позволили верным правительству войскам окружить себя. Руководивший подавлением левозерсовского выступления И. И. Вацетис разделил части на три группы войск. В ходе развернувшегося боя в предутренние часы воскресного дня 7 июля первая группа войск наступала

по бульварам до Покровских казарм, захватив также помещение левозерсовского ЦК в Леонтьевском переулке на Тверской и разоружив прибывший из Питера небольшой отряд левых эсеров на Рождественском бульваре. Отряд Бела Куна с боем отбил здание телеграфа, потеряв мадьяра Антона Хорака, похороненного затем с почестями у Кремлевской стены.

Вторая группа двигалась вдоль набережной Москвы-реки, дойдя до Солянки. В примыкающих к улице переулках происходили короткие бои с заставами левых эсеров. Сюда же продвинулись латышские стрелки с Таганской площади. В общей сложности бой продолжался несколько часов, и в итоге часть «поповцев» сложила оружие. По штабу в Трехсвятительском переулке командовавший артдивизионом латышей Э. П. Берзин из Ивановского переулка прямой наводкой произвел около 50—60 выстрелов. Однако находившиеся в отряде боевики под прикрытием броневиков «Гарфорд» вывели партийное руководство в район Курского вокзала. Отход основных сил прикрывал арьергард под командованием Прошьяна. Отступая на Курский вокзал, левые эсеры намеревались захватить подвижной состав, но этот план не удался, так как железнодорожные пути перекрыли латышские стрелки. По дороге ответственные работники партии сменили свои защитные френчи на гражданскую одежду, а секретарь ЦК М. Л. Сирота раздал им деньги и адреса конспиративных квартир. Бросив в районе вокзала два орудия, левозерсовские бронемшины и около 300 солдат ушли из Москвы в направлении г. Богородска. Вскоре преследующим их войскам удалось заблокировать отступающих, расположившихся на отдых в имении Севрюгина, и после непродолжительного боя деморализованные «поповцы» сдались. Членам ЦК, Д. И. Попову и Ю. В. Саблину

⁵⁹ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 2015. С. 334.

на двух автомобилях удалось скрыться, после чего они перешли на нелегальное положение. Спустя непродолжительное время Саблин был схвачен на пароходе в Саратове и доставлен в Москву.

Уже 7 июля для расследования событий была создана Особая следственная комиссия (ОСК) во главе с наркомом юстиции П. И. Стучкой, а председатель ВЧК Дзержинский написал заявление об отставке. При попытке скрыться из Москвы был задержан Александрович-Дмитревский. Он и еще 12 «поповцев», задержанных с оружием в руках, были расстреляны во внесудебном порядке. Задержанные в Большом театре и в помещении Крестьянской секции ВЦИК 517 левых эсеров и сочувствующих были разделены на три категории, большая часть из которых была освобождена уже между 10 и 13 июля после заполнения анкет ОСК об отношении к «мятежу». Достаточно быстро освободили и 444 пленных «поповцев», влив их в другие части Красной армии. Разоружение коснулось всех районных комитетов ПЛСР в Москве, под арестом оказались левые эсеры — члены Крестьянской секции ВЦИК, а сама секция подверглась реорганизации⁶⁰.

В Витебске и Туле произошло разоружение левозэсеровских дружин, направлявшихся на помощь московским заговорщикам. Экстренно созданный в Петрограде ВРК во главе с М. С. Урицким отстранил от занимаемых постов комиссаров — левых эсеров, и вечером 7 июля блокировал силами латышского полка и броневиками здание Пажеского корпуса на Садовой улице, где базировалась Петроградская боевая организация левых эсеров, насчитывавшая до 600 человек. Боевики отказались сдать и, заметив выдвижение большевистских частей на позиции, открыли по ним ружейно-пулеметный огонь. В ответ Пажеский корпус подвергся артобстрелу. После ин-

тенсивной часовой перестрелки, в ходе которой не менее 20 человек было убито и ранено, левые эсеры вывесили белый флаг. Несмотря на это, все задержанные в Петрограде также были вскоре освобождены (причем группа из 36 боевиков была отпущена сразу же), а дело в отношении них и еще 125 подозреваемых — закрыто⁶¹.

При этом большинство депутатов от ПЛСР лишились мандатов на продолжившем работу съезде Советов, многие левые эсеры были исключены из местных Советов. Органы левозэсеровской печати практически везде были прикрыты, партийные отряды и дружины разоружены. Под арестом оставались видные деятели ПЛСР — М. А. Спиридонова, А. А. Измайлович, С. Д. Мстиславский. В то же время ряд заметных фигур (в том числе комиссар Всероссийского главного штаба и председатель Высшей аттестационной комиссии по отбору офицеров в Красную армию, бывший подполковник А. И. Егоров, Л. С. Дегтярев, П. Е. Лазимир, орловский губернский комиссар земледелия, бывший поручик Ф. Е. Дыбенко) опубликовали заявления о выходе из ПЛСР.

Сравнительный анализ документов показал, что существовало не менее семи конфликтологических сценариев. Наиболее типовыми представляются следующие модели: 1) попытка силового варианта со стороны ПЛСР и ответные меры большевиков; 2) вариант «информационной войны» и выдавливания левых эсеров с занимаемых постов; 3) немедленный, односторонний силовой вариант против левых эсеров; 4) выжидательная тактика со стороны левых эсеров с последующим удалением их из Советов; 5) комбинированный вариант; 6) временный компромиссный вариант; 7) соглашательский вариант (со стороны левых эсеров).

В Армавире (Кубанская область), Воронеже и ряде других мест большевики

⁶⁰ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 3. С. 276.

⁶¹ См.: Рабинович А. Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007. С. 442—443.

разоружили партийные дружины левых эсеров без боя и изгнали представителей ПЛСР из Советов. В нескольких случаях, как, например, в Жиздре (Калужская губерния) и Чембаре (Пензенская губерния), левые эсеры оказали вооруженное сопротивление и были подавлены превосходящими силами. В Орле в ответ на репрессии со стороны коммунистов левые эсеры также пытались брать заложников и требовали от ренегатов покинуть пределы губернии.

Все солидарные с ЦК и колеблющиеся изгонялись из Советов, в Петрозаводске был распушен стоявший на левозерсовских позициях губисполком. В ответ левые эсеры принимали негодующие резолюции, угрожая применением террора. Перешедший на нелегальное положение В. А. Карелин провел две конференции левых эсеров Юго-Западной области в Орловской губернии, не только полностью разделявших действия ЦК, но обещавших применить террор к большевикам как «пособникам» империалистов в случае продолжения преследования левых эсеров⁶².

31 июля чекисты произвели изъятие оружия (в том числе 7 пулеметов) в помещении дружины казанских левых эсеров, но от боя дружинники предпочли уклониться. Выходившая до конца июля газета «Земля и Воля» (как и левозерсовские органы в Пензе, Костроме) резко критиковала большевиков и обеляла московское выступление. Открывшийся 3 августа очередной губернский крестьянский съезд сразу же потребовал возобновления закрытого Ревкомом печатного органа левых эсеров. По указанию из Москвы ревкомовцы пошли на роспуск съезда, однако не решились арестовать левозерсовский комитет. Когда через несколько дней к Казани подошли части армии Комуча, дружина левых эсеров вместе с большевиками уча-

ствовала в обороне города, а один из самых решительных и последовательных большевистских критиков, бывший прапорщик Н. Д. Ефремов, был назначен начальником рабочего ополчения.

В Ярославле в первые дни белогвардейского восстания левозерсовская дружина рабочих Товарищества Ярославской Большой мануфактуры сумела удержать в руках красных вокзалы и железнодорожные пути, по которым начали прибывать советские войска из Москвы и других мест. От рук мятежников погиб ярославский военком, левый эсер А. Ф. Душин. При этом еще в конце июня — начале июля в Ярославле по факту сложилось советское «двоевластие», выразившееся в проведении двух альтернативных губернских съездов Советов и образовании двух губисполкомов — левозерсовского (с участием левых коммунистов) и большевистского.

В Саратове по инициативе А. М. Устинова была созвана конференция левых эсеров, осуждающих позицию ЦК и убийство Мирбаха. На основе этой группировки, приступившей к изданию газеты «Воля труда», началось формирование альтернативной партии. Инициатива была поддержана бывшими членами ЦК А. А. Биценко, А. Л. Коллегаевым и В. О. Зиттой. Раскол в Москве привел также к возникновению еще одной лоялистской группы во главе с Г. Д. Заксом, образовавшей на своей конференции в сентябре Партию народников-коммунистов⁶³.

В Ташкенте левые эсеры провозгласили самостоятельность Туркестанской ПЛСР, сохранившей правительственный блок с большевиками. При этом Н. А. Паскуцкий являлся с октября 1918 г. членом, а в январе — апреле 1919 г. председателем Военно-политического штаба Закаспийской области. Комендантом крепости и начальником гар-

⁶² Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. С. 384—386.

⁶³ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. С. 426—427.

низона Ташкента являлся другой видный левый эсер, будущий главком войск Туркестанской республики и впоследствии командарм 1-го ранга И. П. Белов, сыгравший одну из ключевых ролей при подавлении мятежа в Ташкенте во главе с военкомом Туркестана, коммунистом К. П. Осиповым. Важную роль в подавлении носившего антисоветский и «бонапартистский» характер осиповского мятежа сыграл также член военной коллегии Туркестанского края, командовавший отрядом рабочих Ташкентских железнодорожных мастерских, бывший фельдфебель, левый эсер Г. А. Колузаев. В марте 1919 г. имевшая собственный ЦК партия самораспустилась, большинство ее членов перешло в компартию Туркестана на основании решения Красового съезда Советов о слиянии двух партий.

Первый съезд сторонников «Воли труда» открылся 25 сентября 1918 г. в Москве. Свою платформу они видели в виде четырех «не»: недопустимость насильственного срыва Брестского мира; недопустимость террористических актов на Советской территории от имени Советской партии; недопустимость активной борьбы с правящей партией коммунистов в целях насильственного захвата власти; недопустимость всей той политики, которая затемняет в массах классовый характер революции, идущей через гражданскую войну к социализму. На съезде была образована Партия революционного коммунизма. Его участники объявили, что новая партия остается верной народнической идеологии и программе, но придерживается тактики единого фронта. В дальнейшем идеологи ПРК начали обосновывать «интегральный социализм» как синтез революционного народничества и революционного марксизма. Находящийся в Швейцарии М. А. Натансон⁶⁴ объявил

себя «интегральным социалистом», заявил о выходе из ЦК ПЛСР и переходе в ПРК. Два других члена Заграничной делегации ЦК — И. З. Штейнберг и А. А. Шрейдер остались верны ПЛСР.

II Чрезвычайный съезд Партии народных-коммунистов 6 ноября 1918 г. принял решение о ее роспуске и слиянии ее организаций с РКП(б)⁶⁵. Часть руководства ПРК, включая Биценко и Колегаева, тогда же в ноябре покинули революционных коммунистов и по рекомендации Я. М. Свердлова были приняты в РКП(б). На Украине из числа видных левых эсеров в компартию перешел В. А. Алгасов, а в Москве — Б. Ф. Малкин.

В то же время состоявшийся в августе 1918 г. 1-й Совет (съезд) ПЛСР подтвердил, что Мирбах убит по постановлению ЦК партии, согласно директиве партийного съезда, и полностью одобрил политику ЦК. Взамен объявленных в розыск и ушедших в подполье членов ЦК было создано Временное Центральное бюро. После июльских событий в Петроградской губернии прошло четыре конференции, на которых неизменно выносились резолюции в поддержку ЦК ПЛСР. 30 июля, выполняя решение ЦК, бывший кронштадтский матрос Б. М. Донской в Киеве взорвал командующего германскими оккупационными войсками на Украине Г. Эйхгорна и его адъютанта, за что был казнен. Смертный приговор схваченной руководительнице боевой группы И. К. Каховской не был приведен в исполнение ввиду отправки на конфирмацию кайзеру Вильгельму II в Берлин, не успевшему его утвердить из-за бегства в Голландию вследствие начала Ноябрьской революции в Германии⁶⁶.

На фронтах отдельные левые эсеры продолжали руководить воинскими соедине-

⁶⁴ 10 июля по телеграмме В. И. Ленина и Я. М. Свердлова Натансон был лишен статуса представителя ВЦИК и соответствующего финансирования.

⁶⁵ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 697.

⁶⁶ Леонтьев Я. В. Жанна Д'Арк из сибирских колодниц // Версия (Иркутск). 1993. № 2.

ниями. Так из Сводного отряда левозэсеровских дружин под командованием Г.Д. Гая выросла 1-я Симбирская пехотная дивизия, именуемая также «Железной дивизией». Она была сформирована 26 июля приказом РВС 1-й армии Восточного фронта из добровольческих отрядов Самары, Симбирска и Сенгилея. Поначалу отряды Гая потерпели поражение от белых частей подполковника В.О. Каппеля, 21 июля взявшего Симбирск. Но затем дивизия не только отбила город, но и взяла Самару. При этом в октябре 1918 г. Гай продолжал оставаться членом ПЛСР и взаимодействовал с самарскими левыми эсерами⁶⁷.

Падение Симбирска в июле было в том числе обусловлено событиями так называемой муравьевщины. Короткое выступление М.А. Муравьева произошло 10—11 июля 1918 г. Прибыв после взятия Сызрани на пароходе в Симбирск, Муравьев не стал объявлять себя единоличным диктатором, а сразу же провел совещание с фракцией левых эсеров губисполкома. В программной речи о провозглашении «Поволжской Советской республики» он назвал в качестве кандидата на пост главы Совнаркома Б.Д. Камкова. В будущее правительство планировалось также включение М.А. Спиридоновой, В.А. Карелина и лидера объединенной фракции левых эсеров и максималистов в Симбирском губисполкоме М.Б. Гольмана — в качестве комиссара внутренних дел. Причем писавшие о Муравьеве советские историки обычно упускали такой важный пункт его программной речи, как арест и выдача руководителей Комуча в качестве условия перемирия с чехословаками. Однако на заседании губисполкома ГИК, где «русский Гарибальди» собирался легитимировать свою

республику, Муравьев был убит, а спустя 11 дней Симбирск пал под ударами Народной армии Комуча и чехословацких войск. После освобождения Симбирска частями дивизии Гая, который не откликнулся на призыв Муравьева о поддержке, левые эсеры отказались оставаться членами Симбирского губисполкома (при том, что лишь один М.Б. Гольман перешел за это время к коммунистам). На 4 октября 1918 г. в составе губисполкома значилось 40 членов: из них 26 принадлежали к коммунистам, 10 — к левым эсерам, 3 — к максималистам.

Согласно трактовке выступления Муравьева на I-м Совете ПЛСР:

«1. Муравьев членом партии л.с.р. никогда не состоял и никакого отношения к партии и Ц. К. партии не имел.

2. Никакой ответственности тем самым партия за его действия не несет.

3. Выступление его Совет партии рассматривает, как прямую измену делу революции, как акт контрреволюционный»⁶⁸.

По линии Особо-разведывательного отделения при Опероде Наркомвоена под руководством С.И. Аралова на левого эсера А.И. Ковригина была возложена координация работы партизанских отрядов и разведгрупп в районе Минской, Смоленской, Витебской губерний и смежной территории Украины (так называемый район Западной завесы). Во главе одного из партизанских отрядов стоял бывший подполковник и член ревкома Особой армии в 1917 г. Н.Я. Котов, возглавивший также Павлоградский ревком Екатеринославской губернии осенью 1918 г. В дальнейшем, продолжая оставаться в ПЛСР до июля 1920 г., Котов занимал должности губвоенкома в Харькове и комбрига 121-й стрелковой бригады⁶⁹.

⁶⁷ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 2. Ч. 3. М., 2017. С. 53—54.

⁶⁸ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. С. 353.

⁶⁹ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937—1941: Биографический словарь. М., 2012. С. 233—234.

На Донском фронте продолжал возглавлять дивизию В.И. Киквидзе. Попытки присажавшего в расположение дивизий Киквидзе и Гая П.П. Прошьяна склонить военачальников к безоговорочной поддержке ЦК не увенчались успехом, хотя при этом оба начдива сохраняли верность партии. Видные посты в дивизии Киквидзе занимали представители оппозиционных большевикам леворадикальных политических сил, наподобие анархистов А.Г. Железнякова и Г.М. Богацкого. В конце октября на собрании агитаторов было принято решение о смещении его с должности начальника дивизии и предании суду революционного трибунала за «партизанщину». В свою очередь Киквидзе удалял комиссаров из расположения дивизии, а киквидзецы отличились разгоном комбедов. В декабре 1918 г. постановлением Симбирского губкома РКП(б) Г.Д. Гай был принят в члены компартии, и ему направлен на фронт партбилет. 11 января 1919 г. у хутора Зубрилов при невыясненных до конца обстоятельствах погиб В.И. Киквидзе, проверявший сторожевое охранение. По мнению левых эсеров, он мог быть убит исподтишка агентами «тайной боевой дружины, приехавшей из Питерской Ч.К.»⁷⁰

Действительно, к этому времени особенно резко обострились взаимоотношения между ПЛСР и большевиками в Петрограде. Одним из наиболее драматических эпизодов в истории с преследованиями левых эсеров стал расстрел 21 октября по приговору ЧК при Союзе Коммун Северной области группы членов Петроградского комитета и мобилизованных 2-го Балтийского экипажа матросов — участников прошедшей 14 октября под левозеровскими лозунгами демонстрации. Среди расстрелянных были быв-

ший уездный военком Корочанского уезда В.Т. Дедов и бывший руководитель обороны Крыма, матрос Я.А. Пашков. За этими репрессиями последовала оголтелая кампания против левых эсеров, когда, выступая на заседании Петросовета, Г.Е. Зиновьев умудрился обвинить их даже в намерении взорвать водопровод. В сентябре в Котельниче (Вятская губерния) были расстреляны два видных деятеля ПЛСР — бывший член Крестьянской секции ВЦИК А.С. Мисуно и делегат V Всероссийского съезда Советов, уездный комиссар просвещения А.Н. Махнева. Кстати, одним из главных политических последствий стала ликвидация Крестьянской секции, придание ей сугубо большевистского характера и превращение в обычный отдел ВЦИК⁷¹. Также левые эсеры сообщали о расстреле бывшего члена коллегии ВЧК, матроса М.Ф. Емельянова⁷².

В тот же время в сентябре глава следственной комиссии, нарком юстиции П.И. Стучка освободил последних арестантов по делу об июльском выступлении, доведя до суда лишь двух из них — М.А. Спиридонову и Ю.В. Саблина. 27 ноября Верховный Революционный Трибунал приговорил их к одному году заключения, а уже 29 ноября они были амнистированы ВЦИК. Несмотря на начавшуюся революцию в Германии, трибунал приговорил 8 членов ЦК, террористов Блюмкина и Андреева, а также изготовившего бомбы для них Я.М. Фишмана (будущего начальника военно-химического управления РККА) к трем годам заключения заочно, Д.А. Попова же объявил «врагом трудящихся, стоящим вне закона», подлежащим при поимке расстрелу, что и произошло после в 1921 г.

Проходивший со 2 по 7 октября 1918 г. в Москве IV съезд ПЛСР установил, что

⁷⁰ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 127.

⁷¹ Концева И.А. «А не пора ли нам прогнать их...?» Конфликты большевиков и левых эсеров в крестьянской секции ВЦИК (первая половина 1918 года) // Актуальные проблемы исторических исследований: Взгляд молодых ученых: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2022. С. 163—172.

⁷² Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 2. Ч. 3. С. 79—80.

с июля по октябрь численность партии сократилась на две трети. 109 делегатов решающим голосом представляли на съезде около 22,6 тысяч членов партии. Проходивший в помещениях бывшего ЦК в Леонтьевском переулке и в помещении Рогожского районного комитета партии, съезд не подвергся разгрому, несмотря на участие в нем почти всей группы объявленных в розыск лиц. Съезд заслушал отчетный доклад В. А. Карелина, оправдывавший позицию ЦК, и доклад Б. Д. Камкова о тактике партии, по которым разгорелись прения. Часть делегатов съезда (среди них Д. А. Черепанов и Д. А. Магеровский) выступили с критикой позиции ЦК и предлагали добиваться легализации партии. Обратившаяся с письмом к съезду из заключения Спиридонова также самокритично оценивала произошедшее с партией. Тем не менее съезд решительно осудил соглашательскую политику большевиков по отношению к германскому империализму и «подмену диктатуры трудящихся диктатурой партии большевиков», строящих «корпоративный» социализм. Съезд ПЛСР высказался за необходимость возврата к «доподлинному советскому строю» через восстановление свободно избранных Советов, перенесение главной тяжести социального строительства на места и за вооруженную поддержку восстания на Украине⁷³.

Были приняты резолюции по аграрной, продовольственной и экономической политике и, в частности, о том, что рабочий контроль изжил себя и «должен смениться рабочим управлением производства»⁷⁴.

При обсуждении текущего момента П. П. Прошьян подчеркнул, что срыв Бреста был «не только теорией, но и правом», которое брала на себя ПЛСР, заявляя о приращении мер, способствующих борьбе про-

тив условий Бреста. Прошьян считал, что, получив право на самостоятельное существование, ПЛСР должна была реализовать те преимущества, которые она получила в июле, и не менять чистоту партийных принципов на возможность ее легализации.

По военному вопросу была принята специальная резолюция. Резко критикуя армию, «создаваемую военными комиссариатами во главе с бездарными генералами наподобие шовинистической, но с комиссарской надстройкой», съезд призывал «всех членов партии осознать грозную мировую обстановку нарастания и проявления сил мировой революции, что Советской Республике, как авангарду ее, придется еще много вопросов решать с оружием в руках, что наша партия активного революционного социализма, на знамени которого горят слова “в борьбе обрешь ты право свое”, должна в вопросе проведения в жизнь своей военной политики напрячь все силы и использовать все возможности», для чего:

«1. Войти в ряды Красной армии, создавать в ней везде партийные ячейки, пропагандировать свои идеи, борясь в армии не только с противником, но и с всякими попытками использовать армию в целях контрреволюции или отдельных лиц [...]

2. Занимать возможно больше командных и административных должностей в армии и широко агитировать за вступление наших товарищей в унт[ер]офиц[ерские], офицерские и академические школы для развития и укрепления задач партии...»⁷⁵

Декларации съезда были конкретизированы и закреплены резолюциями II Совета партии, проходившего в Москве с 16 по 19 декабря 1918 г. В этом последнем с точки зрения представительства партийном

⁷³ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 694.

⁷⁴ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917—1925 гг.: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. С. 734—751.

⁷⁵ Там же. С. 749.

форуме участвовало 35 делегатов с решающим голосом и 20 — с совещательным. Совет партии вынес постановления о созыве Всероссийского съезда представителей переизбранных Советов и об упразднении Совнаркома с передачей всех его функций ЦИК. С докладом по военному вопросу выступал С. М. Белецкий, слушатель Академии Генштаба⁷⁶.

В 1919—1923 гг. левые эсеры разделились на ряд фракций. Часть из них ушла в подполье и приняла участие в вооруженной борьбе против советской власти. Другие выступали за публичную критику большевиков и борьбу с ними мирными

средствами. В 1922—1923 гг. эта группа левых эсеров объединилась с группами эсеров-максималистов и эсеровской группой «Народ» в Объединение Левого Народничества (ОЛН). Заграничная деятельность ПЛСР продолжала существовать до 1930 г.⁷⁷

В годы Гражданской войны, особенно на начальном ее этапе, именно левые эсеры были самыми активными союзниками большевиков. Их разногласия с последними определялись разными политическими взглядами на методы социалистических преобразований и осуществления мировой революции.

⁷⁶ Там же. С. 248—249.

⁷⁷ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 696.

За советскую власть

В годы Гражданской войны максималисты находились на левом фланге российских неонароднических партий. Наиболее характерной чертой теории максималистов была их вера в возможность немедленного перехода России к социализму. Поэтому они отказывались от выдвижения ближайших, или так называемых минимальных, задач и признавали необходимость осуществления уже в период Первой российской революции максимальной социалистической программы. Отсюда и название их организации¹.

В советский период исследователи критически характеризовали деятельность ССРМ в годы Гражданской войны, указывая на закономерность идейно-политического краха эсеровского максимализма². В новейшей историографии, несмотря на скудность имеющейся документальной базы, основное внимание уделено важнейшим событиям из жизни максималистов

в рассматриваемый период: работе всероссийских конференций и совещаний ССРМ, деятельности фракций партии на Всероссийских съездах Советов³. Также исследователи обращаются к персоналиям членов ССРМ, их судьбам в годы революционных потрясений и Гражданской войны⁴.

Союз социалистов революционеров максималистов откололся от ПСР во время Первой русской революции, оформившись организационно на учредительной конференции 10—24 октября 1906 г.⁵ Программа Союза наряду с общесеровским программным положением социализации земли включала требования социализации фабрик и заводов, установления «Трудовой республики». Социализацию производства максималисты понимали как непосредственный переход фабрик и заводов в управление трудящихся масс. Однако какого-то единого представления о том, как конкретно это следует сделать, у них

¹ Союз эсеров-максималистов. 1906—1924: Документы, публицистика. М., 2002. С. 5.

² Жуков А. Ф. Идейно-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979; и др.

³ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. С. 580—581; Бехтерев С. Л. Эсеров-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997; На Внутреннем фронте Гражданской войны: Сборник документов и воспоминаний. М., 2019; Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 308—310; и др.

⁴ Бехтерев С. Л. П. А. Красноперов: Биография Сарапульского максималиста в контексте гражданской войны в Прикамье // Прикамское собрание: Материалы III Всероссийского открытого науч.-практ. форума. Сарапул, 2019. С. 155—162; Патрушев В. Г. Мой дед эсер-максималист Ф. Ф. Кокоулин — романтик революции // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 6. С. 42—59; «Человек патологический»: Максималист Добковский и провокаторы. М., 2018; и др.

⁵ Павлов Д. Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.

не было. Одни теоретики максималистов (Г. А. Нестроев) полагали, что предприятия должны взять в руки такие объединения трудящихся, как синдикаты (самоуправляющиеся профсоюзы), другие (Ф. Ю. Светлов) делали упор скорее на коммунальные (муниципальные) органы местного самоуправления, прежде всего — на местные Советы. Основными методами борьбы максималисты считали террор и экспроприации. В августе 1906 г. Боевая организация максималистов осуществила взрыв дачи премьер-министра П. А. Столыпина (по чистой случайности он остался жив, но были покалечены его дети и погибли сами террористы-смертники), совершила несколько дерзких ограблений-экспроприаций («эксов» на сленге боевиков), одних из самых крупных в истории революционного движения⁶. Вследствие этого мероприятия полиции по борьбе с максималистами носили масштабный и в целом успешный характер. Несколько лидеров ССРМ были казнены, другие — осуждены на каторгу, третьи — оказались в эмиграции. Приблизительно на десять лет история максимализма оказалась по сути своей прерванной⁷.

Первое организационное собрание эсеров-максималистов после Февральской революции состоялось в Петрограде 30 марта 1917 г. Дальнейшее возрождение эсеров-максималистского движения происходило двояким путем. С одной стороны, вновь создаваемые организации составляли освобожденные политкаторжане и вернувшиеся политэмигранты — участники прежнего ССРМ. С другой, шел процесс выделения максималистски настроенных элементов из общепартийных эсеровских организаций (например, в Самаре и в Чите)⁸. К осени 1917 г. тем или иным

путем сложились организации либо группы максималистов в Петрограде, Москве, Шлиссельбурге, Кронштадте, Курске, Туле, Ижевске, Харькове и ряде других городов⁹. Нередким было и существование максималистов-одиночек, избираемых в местные Советы и, как правило, примыкавших в дальнейшем к левозерсовским фракциям. В течение 1917 г. начали выходить периодические издания максималистов: небольшие по листажу журналы, такие как, например, «Трудовая Республика» — орган Петроградской и Кронштадтской групп; «Воля Труда» — орган Петроградской и Шлиссельбургской организаций; «Трудовая Республика» — орган Харьковской инициативной группы.

К осени стало нарастать стремление разрозненных организаций и групп сплотиться в союзное объединение. В сентябре 1917 г. прошедшая Петроградская областная конференция эсеров-максималистов вынесла постановление о созыве на 15 октября в Москве второй, после первой за двенадцать лет до этого, всероссийской конференции. На ней и был восстановлен Союз социалистов-революционеров-максималистов в масштабах страны. II всероссийская конференция приняла ряд резолюций, устав единой организации, избрала временное Исполнительское бюро (ИБ)¹⁰. Дальнейшая нумерация всероссийских конференций велась от первых двух. Участники конференции, охарактеризовав Временное правительство в качестве буржуазного, выступали за замену существующего строя «Трудовой республикой», передачу полноты власти Советам и за немедленную социализацию земли, фабрик и заводов¹¹. Во время начавшихся боев в Москве участники конференции с оружием в руках выступили

⁶ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. С. 580.

⁷ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 308.

⁸ Там же.

⁹ Союз эсеров-максималистов. 1906—1924: Документы, публицистика. М., 2002. С. 100—101.

¹⁰ Там же. С. 102—115.

¹¹ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 308.

на стороне Красной гвардии. В фонде Моссовета находится письмо за подписью члена Комитета организации ССРМ И. А. Петракова в ВРК о делегировании в него Г. А. Нестроева на основании того, что Московская организация принимала участие в полном составе во всех боевых действиях «московского пролетариата»¹². Еще до переноса сюда столицы Москва становится одним из наиболее важных и заметных центров максимализма. С 26 января 1918 г. здесь начала выходить ежедневная газета ССРМ «Максималист», издателем которой стал уполномоченный Союза, бывший политкаторжанин Б. М. Волах.

Отдельные популярные максималисты в центре и на местах проявили себя в период углубления революции. Так, в августе 1917 г., во время наступления на Петроград корниловских войск, главным комиссаром сводного отряда балтийских моряков от кронштадтского Исполкома был назначен Г. А. Ривкин, лидер фракции максималистов в Кронштадтском Совете, известный участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г. и неудавшейся попытки восстания в Кронштадте летом 1906 г.¹³ В момент свержения Временного правительства Ривкин находился на борту крейсера «Аврора», а позднее был избран во ВЦИК и в президиум II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, поддержав в своем выступлении переход власти к Советам. Поручик 29-го Сибирского стрелкового полка, эсер-максималист Е. Л. Перфильев в сентябре 1917 г. возглавил один из первых Военно-революционных комитетов — Туркестанский ВРК в Ташкенте. В конце 1917 г. Перфильев исполнял обязанности командующего войсками Туркестанского военного округа. В дальнейшем оба они сыграют заметную роль в Гражданской войне. Так, Перфильев воевал против войск атамана А. И. Дутова

в составе Елецкой группы войск в должности военкома 1-й бригады 49-й стрелковой дивизии и был в 1922 г. награжден орденом Красного Знамени.

К концу 1917 — началу 1918 г. в ряде мест оформились довольно многочисленные и влиятельные организации ССРМ. Так, в заводском Ижевске организация максималистов насчитывала до тысячи человек. Еще с весны 1917 г. в Канске Енисейской губернии активно действовала группа эсеров-максималистов во главе с А. А. Звериным и прапорщиком Р. П. Эйдеманом, тогда председателем местного Совета солдатских депутатов, которая вела пропаганду в гарнизоне и среди крестьян уезда, и в итоге максималисты составили большинство в Канском совете. К ССРМ принадлежали 8 из 17 членов исполкома объединенного Совета Бодайбо и Приисковского района. В отколовшемся от общепартийной организации ПСР Читинском ССРМ состояло свыше двухсот членов. В некоторых местах (Шлиссельбург, Тула, Воткинск, Камбарка и др.) под эгидой максималистов были сформированы вооруженные отряды (боевые дружины). В Курске имелась рота эсеров-максималистов численностью до 250 человек. Ижевская Красная гвардия на 4/5 состояла из рабочих-максималистов. Боевая дружина самарских максималистов насчитывала 300—400 штыков. В Кронштадте под лозунгами максимализма была создана «Кронштадтская беспартийная организация трудящихся Трудовая Республика» во главе с А. Н. Ламановым. Все эти формирования сыграли заметную роль в революционных событиях бурной осени 1917 г. и в укреплении советской власти в первой половине 1918 г.

Персонально стоит отметить некоторые фигуры. Так, С. Д. Кудинский представлял максималистов в Петроградском ВРК, будущий заметный столичный чекист

¹² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 41. Л. 13.

¹³ Союз эсеров-максималистов. 1906—1924: Документы, публицистика. С. 82.

С. Л. Пупко — в Московском ВРК. Расстрелянный впоследствии за участие в Кронштадтском восстании 1921 г. А. Н. Ламанов являлся одним из руководителей исполкома, а максималист И. М. Рыбаков — деятельным его членом. Е. Н. Забицкий являлся председателем Революционного Совета, осуществившего переворот в Курске. В декабре 1917 г. Р. П. Эйдеман возглавил сводный отряд, отправленный для участия в боях в Иркутске из Канска. Позже, перейдя в РКП(б), он будет занимать высокие командные посты в РККА. Кудинский также оставил заметный след в событиях первого года Гражданской войны. Один из лидеров максималистов в Омске П. С. Успенский в декабре 1917 г. был назначен исполкомом начальником городской милиции.

Вплоть до V Всероссийского съезда Советов (июль 1918 г.) количество делегатов максималистов возрастало от съезда к съезду. Если на II Всероссийский съезд было избрано не менее 11 человек, то в работе III съезда участвовало 18, а в работе IV съезда Советов — 27 эсеров-максималистов. В качестве фракционного оратора от максималистов Н. И. Ривкин выступал на III (12 и 14 января) и IV Всероссийских съездах Советов (15 марта), полемизируя как с меньшевиками (Ю. О. Мартовым), так и с большевиками. В своем выступлении на IV Всероссийском съезде Советов по поводу Брестского мира он сказал: «Разум, чувство и совесть диктуют то, чтобы разорвать этот кабальный договор без обсуждений [...] Иначе мы предаем и нашу революцию, и падную»¹⁴. После этого фракция максималистов на съезде высказалась за вооруженный отпор. В этот период Ривкин и два других члена ВЦИК — А. А. Зверин и М. И. Селиванов составили редакционный коллектив органа фракции максималистов Всероссийского съезда Советов «Трудовая Республика»,

газеты «Трудовая Республика» (Брянск-Петроград), избрав местом своей дислокации уездный Брянск, по соседству с которым в Бежице располагался крупный Брянский рельсопрокатный, железоделательный, сталелитейный и механический завод. В конце 1917 г. кронштадтский максималист С. Д. Кудинский был направлен В. А. Антоновым-Овсеенко для формирования сводных отрядов в Новгородскую и Псковскую губернии, и затем встал во главе Северных советских отрядов в должности главного комиссара продовольствия столиц, Северного и Западного фронтов, со штабом в Брянске. Чтобы добираться из Петрограда в Брянск и обратно, его соратники использовали эшелоны Кудинского. Ими был создан Чрезвычайный военно-революционный штаб при Брянском районном Совете во главе с М. И. Селивановым. Весной 1918 г. вместе с Кудинским руководящая «тройка» максималистов (Зверин, Ривкин и Селиванов) перебазировалась в Самару, где их сторонникам принадлежало большинство в губисполкоме¹⁵. Наибольшее число эсеров-максималистов, 35 человек, принимали участие в работе V Всероссийского съезда Советов, открывшегося 4 июля 1918 г.¹⁶

Еще в октябре 1917 г. Р. П. Эйдеман был избран заместителем председателя Центросибири (ЦИК Советов Сибири). Делегатом 2-го съезда Советов Сибири и кандидатом в члены Центросибири стал также бывший политкаторжанин И. И. Жуковский-Жук, игравший видную роль в Забайкалье и позже на Дальнем Востоке. Всего в первом составе Центросибири было два максималиста из 14 членов, во втором составе — 4 из 46. Несколько членов Читинского ССРМ были представлены на областном съезде Советов Забайкалья, в апреле 1918 г. были избраны в облизполком. Амурский максималист С. П. Шумилов стал председателем земель-

¹⁴ Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906—1924 гг. С. 120.

¹⁵ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 308.

¹⁶ Там же.

ной коллегии облисполкома в Благовещенске. 30 декабря 1917 г. председателем исполкома Балашовского Совета Саратовской губернии являлся максималист Г. И. Солонин. С января 1918 г. сначала товарищем председателя, а затем председателем Валуйского исполкома Воронежской губернии и уездным комиссаром труда и отдела управления являлся максималист А. Ф. Авилов. В Ижевском Совете максималисты одно время имели самую сильную фракцию. Председателем заводского поселкового Совета в Камбарке являлся максималист П. Ф. Щекатуров. Оба заводских центра находились в Сарапульском уезде Вятской губернии, председателем Совета которого в марте 1918 г. был избран посланец Петросовета, матрос, член Центробалта, местный уроженец П. А. Красноперов, ставший одним из самых известных деятелей ССРМ в крае. В исполкоме Моссовета максималистов представлял Ф. Ю. Светлов. Вместе с А. И. Бердниковым весной 1918 г. Светлов с совещательным голосом входил в состав комиссии ВЦИК по выработке проекта Советской Конституции.

В Самаре на губернском съезде Советов в начале апреля 1918 г. председателем губисполкома был избран эсер-максималист А. Я. Дорогойченко, будущий советский писатель. Другой будущий писатель — Д. А. Фурманов играл крупную роль в Иваново-Вознесенском Совете, будучи тогда максималистом. Лидер сормовских эсеров-максималистов В. И. Петрище входил в исполком Сормовского бюро Нижегородского Совета и возглавлял жилищно-земельную коллегию. Видный теоретик максимализма Г. А. Нестроев разрабатывал программу Комитета народной власти — органа, взявшего власть в Астрахани, и затем был одним из руководителей Астраханского краевого Совета. Бывший политкаторжанин А. И. Адодин, завсегодавший в 1917 г. стати-

стическим отделом Министерства торговли и промышленности, был избран крестьянами в исполком Курского Совета. Будущий председатель оргкомитета Союза советских писателей И. М. Гронский, принадлежавший в 1918 г. к ССРМ, являлся заместителем председателя Любимского уездного исполкома в Ярославской губернии, а В. М. Синяев возглавлял Льговский уездный Совет в Курской губернии. Активистка Читинского ССРМ Н. М. Лебедева некоторое время была секретарем Читинского Совета.

Бывший штабс-капитан, командир пулеметной роты, позднее — броневое дивизиона М. К. Левандовский, вернувшийся к своей семье в Грозный, в начале 1918 г. вступил в ССРМ и в роту рабочей самообороны нефтеперегонного завода, подвергавшегося чеченским налетам. Стал выборным командиром этой роты, а затем — военкомом в Грозном и Владикавказе. С мая 1918 г. являлся наркомом по военным делам Терской советской республики, поддерживая близкую связь с ПЛСР. В дальнейшем занимал высокие должности на фронтах Гражданской войны, вплоть до командования армиями и группами войск. В РКП(б) Левандовский перешел лишь в 1920 г.¹⁷

Также, до перехода в РКП(б) в августе 1919 г., в ССРМ состоял бывший войсковой старшина, помощник командира 32-го Донского полка Ф. К. Мионов. Будущий командарм Второй Конной армии в 1918 г. был военкомом Усть-Медведицкого округа и организатором партизанского отряда, с которым сражался на Донском фронте против белоказаков П. Н. Краснова. В октябре данный отряд стал основой 1-й Усть-Медведицкой стрелковой дивизии (в ноябре того же года присвоен номер 23-й стрелковой дивизии)¹⁸.

Председатель Исполнительного бюро ССРМ Одесской области П. А. Зайцев

¹⁷ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937—1941: Биографический словарь. С. 33—34.

¹⁸ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 479.

в феврале—марте 1918 г. был начальником штаба Одесского военного округа, а позднее — начальником штаба военных сил Донской советской республики и военкомом Управления снабжения Южного фронта. Во главе Одесской Красной гвардии, являвшейся одной из главных сил по ликвидации в Одессе власти Центральной Рады и установлению Одесской советской республики 18 (31) января 1918 г., стоял эсер-максималист М. И. Чижигов. Принадлежавший к ССРМ бывший штабс-капитан Н. А. Худяков в феврале—апреле 1918 г. командовал украинскими красноармейскими отрядами, воевавшими с австро-германскими оккупантами на юго-западе Украины и Донбассе, возглавлял Бахмутский боевой участок. Осенью, во время обороны Царицына, он командовал 1-й Коммунистической стрелковой дивизией 10-й армии, а в декабре 1918 — феврале 1919 г. был помощником командующего 10-й армии. За заслуги в обороне Царицына Худякова наградили орденом Красного Знамени¹⁹.

В январе 1918 года Чрезвычайный комиссар Украины Г. К. Орджоникидзе назначил комиссаром организованного на Брянском заводе Екатеринослава боевого отряда построенного здесь же бронепоезда Леонида Мокиевского (под этим именем воевала эсерка-максималистка Л. Н. Мокиевская-Зубок). Бронепоезд участвовал в боях на Донбассе с белоказаками А. М. Каледины, причем в первых же боевых делах комиссар Мокиевская показала себя инициативным и хладнокровным организатором. В конце января бронепоезд вернулся в Екатеринослав, где 25 февраля она была назначена командиром бронепоезда «3-й Брянский», став, таким образом, единственной женщиной в истории — командиром бронепоезда. В середине марта на линии Киев—Полтава бронепоезд прикрывал эва-

куацию станции Гребёнка во время наступления немецких войск. Затем в районе Гадяч—Ромны—Ромодан—Миргород прикрывал отход красных частей на Полтаву. В начале апреля бронепоезд оборонял Люботин и участвовал в прорыве из окружения вместе со штабом 4-й Красной армии под командованием левого эсера Ю. В. Саблина на восток. Во время окружения советских сил в районе Харькова бронепоезд Мокиевской пришел им на помощь и способствовал прорыву кольца окружения, в результате чего Совнарком Донецко-Криворожской республики во главе с Артёмом (Ф. А. Сергеевым) смог прорваться в Донбасс²⁰.

Командиром другого бронепоезда являлся В. Богданов, получивший известность под прозвищем Васко-Богдан. Он был командиром 1-го бронепоезда, прибывшего на помощь из Харькова в Екатеринославскую губернию, где при его поддержке было начато наступление из Панютина на Лозовую. После боев с силами Центральной Рады в Лозовой он направился на помощь рабочим Екатеринослава, Полтавы и других городов Украины, был несколько раз ранен. После лечения и отступления советских сил с Украины он оказался на Уральском фронте против чехословаков, где снова был ранен.

В весенне-летний период 1918 г. максималисты активно зарекомендовали себя на Уральском фронте, где, например, с оренбургскими казаками А. И. Дутова сражался полк самарских коммунаров под командованием видного максималиста П. П. Колодова, и на Даурском фронте в Забайкалье. Начальником штаба Красной гвардии в Чите был максималист В. Шиш. В боях с казаками Г. М. Семенова погиб член Читинского ССРМ и облисполкома Ф. К. Аксинин.

Очередная всероссийская конференция ССРМ, начавшаяся 18 апреля 1918 г.

¹⁹ Худяков Николай Яковлевич // Энциклопедія Криворіжжя: У 2 т. Т. 2. Кривой Рог, 2005. Т. 2. С. 678.

²⁰ Бесстрашный командир бронепоезда, Людмила Мокиевская-Зубок! // Серп и молот. 2012. № 3, 5 марта; Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика: Расстрелянная мечта. Харьков, 2011. С. 354.

и проходившая параллельно со II съездом ПЛСР²¹, высказалась в пользу объединения обеих политических организаций на федеративных началах ввиду отказа левых эсеров от постулата о рабочем контроле: «Выделившись из партии социалистов-революционеров, левое крыло ее, образовавшее партию левых с.-р., стало на путь разрыва с минималистами и определенно соглашательскими идеями [...] Принимая во внимание это естественное сближение в тактике (по вопросу о ратификации Брестского мира. — Я.Л.) и программе, при полном единстве идеологии, а также считаясь с твердо выраженными пожеланиями товарищей с мест, III Всероссийская конференция максималистов постановила: признать желательным и необходимым объединение с партией левых с.-р.».

Лидер левых эсеров Б. Д. Камков в частном порядке посетил конференцию и провел предварительные переговоры с руководством максималистов. Конференция уполномочила Ф. Ю. Светлова выступить с призывом к объединению на съезде левых эсеров. В своем выступлении Светлов обосновал предложение максималистов в форме объединения фракций обеих группировок в Советах и предоставления друг другу для выступлений печатных органов в качестве первого шага. По его мнению, как и по словам выступившего следом Камкова, в некоторых местах будет происходить полное слияние организаций. На конференции было избрано Центральное исполнительное бюро (ЦИБ) Союза из 7 человек.

Тем временем Ижевская организация ССРМ весной 1918 г. стала насчитывать около тысячи человек, тогда как, после перерегистрации, количество членов заводской организации большевиков сократилось с полутора тысяч до 250 человек. С Ижевским бюро ССРМ и подконтроль-

ной ему Красной гвардией тесно взаимодействовали максималисты Сарапула, Камбарки, Воткинска и Елабуги. Красногвардейцев-максималистов на Камбарском чугунолитейном заводе возглавлял И. Ф. Манохин, на Воткинском заводе — ижевский максималист Н. Ходырев. На III всероссийской конференции ССРМ делегаты из Ижевска, Воткинска, а также из Самары и Курска докладывали об обострении отношений с союзниками из РКП(б)²².

Как раз именно в середине апреля ижевские большевики, с опорой на военную помощь из Казани и Мотовилихи, приняли разоружение вооруженных отрядов максималистов²³. 20 апреля созданный в противовес Совету Революционный полевой штаб предъявил ССРМ и штабу Красной гвардии ультиматум о сдаче оружия. Большевики арестовали лидера ССРМ Ф. Ф. Кокоулина, заняли электростанцию и телефонную станцию и стали обстреливать здания, занятые максималистами, в том числе из орудий. После непродолжительной перестрелки максималисты предпочли сдаться. В жалобе ССРМ во ВЦИК сообщалось о 160 задержанных максималистов. 24 из них были осуждены полевым судом и отправлены 25 апреля под конвоем матросов в Казань. В тот же день в Ижевске было отменено военное положение. В Воткинске, Сарапуле и Камбарке Красная гвардия предпочла самораспуститься и частично влилась в формировавшиеся части Красной армии. При этом в Воткинске в пасхальную ночь в дом председателя Совета была брошена бомба. Хотя покушавшиеся не были схвачены, виновными объявили максималиста А. Протопопова и анархиста Булдырева, которые были расстреляны. В ответ на аресты и данную казнь в начале мая ижевские максималисты вышли из Совета, отозвали своих пред-

²¹ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 308.

²² Там же.

²³ ЦГАУР. Ф.Р-1082. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

ставителей со всех ответственных постов и приняли решение бойкотировать очередные выборы в Совет. 22 мая они выдвинули ультиматум по поводу освобождения осужденных красногвардейцев и прекращения следствия. Состоявшиеся выборы в Ижевский Совет большевики проиграли, уступив сторонникам Учредительного собрания — эсерам и меньшевикам.

Тогда же, весной 1918 г., отряды, возглавляемые «главнокомандующим Северными отрядами» Кудинским, приобрели характер продовольственных отрядов, а сам он стал главным руководителем всех продовольственных формирований в республике, подчинявшихся Наркомпроду. Приказ об учреждении должности главного комиссара и военного руководителя по формированию и укомплектованию всех продовольственных отрядов был подписан наркомом А. Д. Цюрупой 17 мая. В качестве военного руководителя продармии Цюрупа собирался продвигать Кудинского, в распоряжении которого в это время имелись 10 рот (одна в Пензе, 2 — в Царицыне, 3 — в Воронеже и 4 — в Самаре). Однако как раз 17—18 мая продотрядники Кудинского приняли участие в попытке анархо-максималистского мятежа в Самаре. Следствием этого стало его отрешение от должности 29 июня и замещение этой должности большевиком Г. М. Зусмановичем, а также арест Кудинского²⁴.

Как уже говорилось, весной 1918 г. максималистский центр во главе со Звериным, Ривкиным и Селивановым вслед за Кудинским переместился в Самару. Они были избраны в губисполком, где, например, Ривкин с конца апреля заведовал делами коллегии связи, и 15 мая вошел в состав Чрезвычайного военно-революционного штаба. Непосредственным поводом к мятежу послужил приказ чрезвычайного штаба о мобилизации лошадей для нужд Оренбургского фронта. Это вызвало волнение среди легковых и ломовых извозчиков

города, чем и воспользовались элементы, желавшие изменить сложившееся по факту в городе советское двоевластие в свою пользу. С утра анархисты на автомобилях разезжали по городу, критикуя действия большевиков и призывая собраться на митинг на площадь Революции. Одновременно на Троицком и других рынках усиленно велась стихийная антибольшевистская агитация. Собравшаяся на площади большая толпа стала митинговать под охраной анархистского отряда. Ораторы призывали покончить с «комиссародержавием». Чтобы избежать обострения обстановки, чрезвычайный штаб отменил приказ о мобилизации лошадей. Для объявления об этом на площадь были посланы два коммуниста — делопроизводитель Союза металлистов Д. Я. Аугенфиш и П. Н. Котылев. Во время вспыхнувшей перестрелки оказались погибшие (женщина и ребенок) в толпе. В ответ один из матросов-анархистов застрелил Аугенфиша. Мятежные силы — матросы из отряда Северного летучего отряда анархиста Смородинова, к которым присоединилась часть (около 200 чел.) отряда Кудинского и некоторых других отрядов, — заняли почту, телеграф, телефонную станцию. Кроме того, им удалось захватить штаб охраны и два милицеских участка. Во второй половине дня анархисты, вооруженные пулеметами, на грузовиках подъехали к тюрьме, разоружили охрану, освободив несколько десятков уголовных заключенных и, вооружив их, присоединили к себе. Однако к вечеру коммунистам удалось организовать вооруженные силы, которые быстро перешли к активным действиям. Большую роль в ликвидации стихийного движения сыграла партийная боевая дружина большевиков. Сосредоточившись в своем клубе на Заводской улице, коммунисты взяли под охрану прилегающий к клубу район, выставив цепи в стратегически важных местах.

²⁴ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 308.

В это время на заседании губисполкома обсуждался вопрос о текущем моменте. Было постановлено послать в центр телеграмму с сообщением, что «слухи о чрезвычайно тревожном настроении в Самаре и в Самарской губернии преувеличены», беспорядки «ликвидированы, революционные организации восстановлены, власть находится в твердых советских руках...». Губисполком сформировал новый состав чрезвычайного военно-революционного штаба, приняв решение о посылке его представителей в военные части на Оренбургский фронт для ознакомления их с событиями в Самаре. Другим наказом чрезвычайному штабу было вменено снять военное положение в Самаре, введенное прежним чрезвычайным штабом. 18 мая в Самару с фронта из-под Оренбурга вернулись два отряда максималистов во главе с П. П. Колодовым, однако по категорическому требованию командующего Урало-Оренбургским фронтом В. В. Яковлева, который со своим штабом прибыл в Самару накануне, отряды вернулись на фронт. В течение ночи коммунисты подготовили силы для ликвидации мятежа. В первую очередь в номерах Телегина был обезоружен отряд Смородинова и разоружена часть отряда Кудинского. К ночи на 19 мая неразоруженным оставался лишь один матросский отряд, засевший в номерах Филимонова.

В вышедшей 19 мая газете «Путь трудового крестьянства» было опубликовано обращение губисполкома «Ко всем трудящимся», в котором одобрялись действия повстанцев, а сами они призывались не выполнять никаких распоряжений без санкции губисполкома и образованного им «революционного штаба». В ближайшие дни было обещано провести перевыборы городского Совета. Но это обращение опоздало, так как рано утром коммунистическая дружина совместно с прибывшим подкреплением оцепила район, прилегающий к гостинице Филимонова, где засели мятежники. На требование о сдаче оружия они ответили пулеметными оче-

редями и винтовочными залпами. Однако после ответного непродолжительного пулеметного огня мятежники заявили о сдаче. Часть из них была задержана, многие успели скрыться. Помимо коммунистической дружины, важную роль в ликвидации мятежа сыграли матросы воздушной бригады. Во время операции по разоружению со стороны мятежников был один убитый и один раненый, среди советских отрядов жертв не было.

20 мая в помещение губисполкома был введен верный ему вооруженный отряд. На вечернем заседании губисполкома в речи по поводу последних событий Н. И. Ривкин протестовал против разоружения повстанцев, которых он причислил к «революционным организациям». Представитель коммунистической фракции в своем ответном выступлении отметил роль максималистов и их газеты «Путь трудового крестьянства», занимавшейся подстрекательством к бунту. В десятом часу вечера на заседание явился представитель главнокомандующего Урало-Оренбургским фронтом большевик М. С. Кадомцев и огласил приказ главкома Яковлева о роспуске губисполкома, который, как говорилось в приказе, «собирал в своем помещении лжепредставителей разных дезорганизованных частей на так называемые гарнизонные совещания, подготовившие контрреволюционное выступление 17 мая», встал на путь открытого сопротивления распоряжениям Совета Народных Комиссаров и потребовал вооружения грабительских шайк, разоруженных горисполкомом по предписанию центральной власти. Для управления губернией до созыва съезда Советов создавался губревком в составе семи представителей Самарского городского Совета, семи представителей от уездных исполкомов, двух представителей от Совета железнодорожных депутатов и одного от военного штаба. Этим же приказом комендантом Самары был назначен Кадомцев.

19 мая Б. Д. Камков поднял на заседании ЦК ПЛСР вопрос о «критическом положении Союза Максим[алистов] в некоторых местах», после чего левые эсеры решили расследовать причину преследования родственной организации²⁵. Но ввиду общей угрозы всем советским силам, сложившейся вскоре на Восточном фронте, начало происходить сглаживание острых углов между конкурирующими советскими течениями. В Ижевске это привело к тому, что коммунисты, максималисты и анархисты сначала покинули правосоциалистический Совет, а затем, к 21 июля, большевистско-максималистский блок, опираясь на прибывший из Петрограда сильный вооруженный отряд, разогнал Совет, сформировав новый состав исполкома из пяти коммунистов, пяти максималистов, одного левого эсера и четырех беспартийных. Товарищем председателя Совета, большевика И. Д. Пастухова, стал лидер ССРМ Ф. Ф. Кокоулин.

В самом же центре максималисты поначалу солидаризовались с левозэсеровской оппозицией, что, в частности, выразилось в совместной декларации двух фракций 11 июня, оглашенной в заседании ВЦИК и нацеленной против декрета о комбедах, с проведением которого они намеревались «бороться самыми решительными мерами, как в центре, так и на местах»²⁶. Одновременно с началом работы V Всероссийского съезда Советов ЦИБ ССРМ проводил заседания Совета Союза с фракцией максималистов на съезде. Среди делегатов съезда распространялось воззвание ЦИБ и фракции, в котором максималисты призывали к разрыву Брестского договора²⁷. Свою речь на съезде 6 июля фракционный оратор Ф. Ю. Светлов закончил словами, что договор «необходимо разорвать во что бы то ни стало»²⁸. Однако после убийства по-

сла В. Мирбаха и задержания фракции максималистов вместе с левыми эсерами в Большом театре фракция проявила двойственность и «не нашла возможным по соображениям политической целесообразности признать полезным акт, организованный ЦК партии левых с.-р.», и на следующее утро максималисты были отпущены. Они приняли участие в дальнейшей работе съезда Советов и провели в новый состав ЦИК четырех членов и двух кандидатов. Двойственность позиции заключалась также в том, что максималисты, с одной стороны, осуждали поголовные репрессии в отношении левых эсеров и удаление их из Советов; с другой стороны, ЦИБ четырьмя голосами против двух постановило остановить процесс объединения с левыми эсерами на местах и высказалось за выход максималистов из общих организаций там, где слияние уже произошло. В то же самое время под флагом максималистов стали иногда действовать разгромленные левозэсеровские организации. Так, в Петрограде выпущенная 30 июля, как орган Исполнительного Бюро Петроградской организации ССРМ, газета «Борьба» объявила себя преемницей прекратившей выходить после июльских событий газеты «Знамя Борьбы» — органа Северного областного и Петроградского комитетов ПЛСР. В Туле в организацию ССРМ перешло большинство членов организации ПЛСР во главе с военкомом Д. А. Сундуковым. В Талдоме Тверской губернии так же поступили левые эсеры во главе с уездным агрономом А. И. Колтылиным. Схожим образом поступили левые эсеры в Суздале.

В это время в войсках на Восточном фронте сражалось немало максималистов, некоторые из них занимали командные посты. Так, Г. И. Солонин летом 1918 г. командовал Балашовским отрядом, отправленным

²⁵ Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906—1924 гг. С. 123—125.

²⁶ Знамя труда. 1918. № 227, 15 июня.

²⁷ Максималист. 1918. № 1, 11 авг. С. 2—11.

²⁸ Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906—1924 гг. С. 150.

в Пензу для подавления выступления Чехословацкого корпуса, занимая одновременно должность начальника полевого штаба «Саратовской армии»²⁹. В июне в Казань в качестве начальника «Чехословацкого коммунистического отряда» прибыл соратник главкома М. А. Муравьева И. К. Трофимовский, вступивший 25 июня в должность Главного начальника снабжения Восточного фронта. В его распоряжении оставался отряд, силы которого член Симбирского губисполкома В. Фрейман 1 августа 1918 г. определял в 250 штыков, 130 сабель, при трех орудиях и броневике. При этом Фрейман указывал: «Между прочим, отряд Трофимовского очень хорошо снабжен. Но на нас производит отрицательное впечатление сам Трофимовский, сподвижник Муравьева и некоторые его приближенные. [...] В штабе происходит выпивка и имеются женщины. [...] Мы выражаем свое опасение, как бы Трофимовский не оказался в роде Муравьева, каковым некоторые из нас считают Полупанова»³⁰. В августе 1918 г. Трофимовский был арестован в Чебоксарах по обвинению в «грабежах, растрате народных денег, истязании своих подчиненных». Еще до завершения следствия Трофимовский был обвинен Л. Д. Троцким в сдаче Казани чехословакам и расстрелян без суда 18 сентября в Нижнем Новгороде. Также в этом городе в дни «красного террора» была расстреляна группа максималистов (Ошмарин и др.) по обвинению в экспроприации почтового поезда.

Однако подобные случаи все же являлись исключительными. Один из комиссаров Всероссийского Главного штаба, член ССРМ Н. И. Бессонов, в разгар боев с Народной армией Комуча был направлен на Восточный фронт. 2 августа Вятская губерния была объявлена на военном положении, и в тот же день в Ижевске была сформирована Юго-Камская максималистско-анархо-левоэсеровская дружина во гла-

ве с М. Н. Алексеевым и В. Н. Редькиным, сражавшаяся затем в рядах 2-й армии.

Незадолго до антисоветского восстания в Ижевске в августе 1918 г. максималисты вместе с левыми эсерами и анархистами отправили на фронт отряд в 600 штыков. В момент восстания сторонников Комуча ижевские максималисты и большевики выставили против семи тысяч повстанцев еще 200 бойцов. Руководители Ижевского ССРМ Ф. Ф. Кокоулин и К. В. Посаженикова входили в состав Военно-революционного штаба. Во время переворота, предпринятого 12—13 августа «Союзом фронтовиков», произошла расправа над попавшими в руки повстанцев лидерами левых, среди убитых оказались члены Ижевского бюро ССРМ П. Ф. Баталов, Т. А. Дитятин и учительница Клавдия Посаженикова.

В целях мобилизации сил в Сарапул прибыли такие лидеры ССРМ, как члены Центрального исполнительного бюро А. И. Бердников и Ф. Ю. Светлов. В Сарапуле П. А. Красноперовым была организована дружина, в Камбарке — рота. Явившийся комендантом Сарапула по эвакуации Красноперов попал в руки повстанцев и вместе с другими расстрелянными был сброшен в Каму.

5 августа из Юго-Камской дружины был выделен отряд до 500 штыков, отправленный на удержание фронта в устье р. Белая и в дальнейшем действовавший в Буйском уезде. Остальная часть дружины в спешном порядке была выдвинута под Казань. Сначала, с середины августа, она действовала в составе группы П. И. Мильке, затем, с 1 сентября, — в Правой Арской группе войск под командованием В. М. Азина. 31 августа в бою под Казанью пал комиссар Юго-Камской дружины М. Н. Алексеев. Во главе с политкомом В. Н. Редькиным дружина первой вошла в освобожденную Казань, и ее личный состав получил в качестве наградных от Азина свыше 70 000 руб.

²⁹ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. С. 308.

³⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 86. Л. 32—36.

На Донском фронте максималист Б. Г. Черкунов был политкомиссаром Еланского советского полка под командованием известного анархиста А. Г. Железнякова, сражавшегося с белоказаками в составе дивизии В. И. Киквидзе. Но поначалу у него, как и у П. А. Зайцева, была взята подписка о невыезде из Москвы в связи с июльским выступлением левых эсеров, и потребовалось поручительство Железнякова за них как помощника начальника штаба войск Донской советской республики. С 16 июля начальником штаба являлся Зайцев. Черкунов, помимо комиссарской должности, также входил в состав штаба в качестве заведующего артиллерийским снабжением.

В июле Л. Н. Мокиевскую-Зубок как эсерку-максималистку также отстранили от командования, а бронепоезд во главе с другим командиром был отправлен на подавление Ярославского восстания. Однако В. Антонов-Овсенко дал ей весьма положительную характеристику, и в августе Мокиевская получила под командование новый бронепоезд № 3, который назывался «Власть Советам» (удостоверение Исполкома Центробро-ни от 10 августа 1918 г.) и был направлен на оборону Царицына. После переформирования бронепоезд в начале 1919 г. был направлен из Сормово в Купянск, где поступил в распоряжение командующего 13-й армией И. С. Кожевникова. 9 марта во время ожесточенных боев с денikinцами за станцию Дебальцево командир бронепоезда погибла и 14 марта была похоронена с воинскими почестями в Купянске.

С мая 1918 г. А. Ф. Авилов командовал кавалерийским отрядом и вел работу

по формированию партизанских отрядов в оккупированных немцами и гайдамаками селах Валуйского уезда. В ноябре 1918 г. он провозгласил себя командующим «Восточной Повстанческой армией», политическое руководство которой пытались возглавить левые эсеры. 24 ноября силы под его командованием отбили Валуйки от петлюровцев. После тяжелого ранения 29 ноября в бою за с. Уразово Авилову ампутировали правую руку. В феврале 1919 г. он был принят Валуйской уездной организацией в члены РКП(б).

В бою под Бугульмой в декабре 1918 г. погиб советский военачальник максималист Н. И. Бессонов. Читинский ССРМ в декабре 1918 г. организовал теракт против атамана Г. М. Семенова, который был ранен в ногу. 20 декабря во время спектакля в Мариинском театре в ложу атамана с галерки были брошены бомбы, принесенные в театр с букетами цветов. После ареста одного из активных участников покушения — рядового 31-го полка М. Л. Беренбаума (он же Василий Неррис), контрразведчикам удалось оперативным путем выйти на подпольную организацию максималистов, штаб-квартира которой находилась в доме казака И. А. Григорьева. Среди арестованных был второй покушавшийся, бывший командир 2-го Верхнеудинского казачьего полка А. П. Софронов. Все они, как и еще большое количество подозреваемых, после зверских пыток были казнены. 26 марта 1919 г. произошли жестокие убийства японцами 16 амурских комиссаров, среди которых были максималисты С. П. Шумилов (комиссар земледелия) и М. А. Хабаров.

Разногласия внутри партии, взаимоотношения с большевиками

Со 2 по 10 декабря 1918 г. в Москве проходила IV Всероссийская конференция ССРМ, принявшая наряду с другими во-

просами новый организационный устав Союза, в соответствии с которым взамен ЦИБ был избран Центральный Совет³¹. 4 декабря

³¹ Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906—1924 гг. С. 179—206.

1918 г. была заслушана приветственная речь представителя ЦК ПЛСР В.Е. Трутовского, «отметившего, что сейчас, в процессе развития социальной революции и в результате решений четвертого съезда партии л[евых] с.р. приняла программу, весьма близкую к лозунгам максимализма, сделав своей идею максималистов о социализации промышленности и изжив окончательно минималистскую идею рабочего контроля над буржуазией». Трутовский предложил максималистам создать «блок лево-социалистических сил, включая сюда здоровые элементы анархистов». На другой день Н.И. Ривкин в содокладе по тактике Союза подверг критике внутреннюю политику правящей партии. В частности, он сказал: «Наша основная политическая задача — признать трудовую личность центром и бороться против всех посягательств против нее [...] В этой задаче мы будем иметь друзей среди анархистов и всех лево-народнических групп»³². Он даже высказал предложение об образовании объединенной политической организации под названием «Союз для защиты трудовой личности». Конференция постановила, что во имя изменения правительственного курса «максималисты будут обязательно добиваться следующих задач: а) осуществления основ подлинной власти Советов; б) устранения партийной диктатуры партии коммунистов-большевиков».

Однако меньшинство конференции придерживалось иной позиции. По мнению выступавшего с докладом «Об отношении к политическим партиям и организациям» А.И. Бердникова, в ССРМ, наряду с народниками, всегда были представлены и левые марксисты. Делом первой важности он считал «урегулирование отношений

с партией большевиков», а из числа лево-народников отдавал предпочтение революционным коммунистам. В отношении левых эсеров он категорично высказался, что «ни о каком слиянии или объединении» не может быть и речи³³. Открывшиеся затем прения отчетливо сфокусировали две альтернативные точки зрения на взаимоотношения с ПЛСР и с РКП(б). Приведем несколько высказываний оппонентов Бердникова. Так, Г.А. Нестроев высказался: «Большевики уходят от социальной революции [...] Мы должны остаться самими собой и пусть к нам идут согласные с нами лево-народники»³⁴. В таком же ключе высказался А.А. Зверин: «По тактике л[евые] с.р. ближе к нам всех остальных. Если они принимают нашу программу, мы должны подать им руку»³⁵. Лидер Московской организации, ветеран революционного движения, участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г. П.Д. Камышев заявил: «Л[евые] с.-р. сейчас очень близки к нам [...] Нам нужно бросить замкнутость, сектантство и кустарничество и идти вместе и с л[евыми] с.-р., и с анархосиндикалистами»³⁶.

Не менее определенно высказывались и единомышленники Бердникова. Например, Н.А. Архангельский безапелляционно заявил, что максималисты, дескать, «единственные настоящие левые народники»³⁷. Б.М. Волах сказал: «Левое эсерство умерло и не воскреснет. Наша позиция ближе к коммунистам, чем к л[евым] с.-р.»³⁸. В конце концов, однако, была принята отражавшая точку зрения группы Нестроева—Ривкина—Зверина резолюция о желательности слияния в дальнейшем «всех сил революционного социализма» и «совместной дело-

³² Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906—1924 гг. С. 201.

³³ Там же. С. 201—202.

³⁴ Там же. С. 204.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

вой работе» с ними в настоящий момент³⁹. Под занавес конференции выступил член ЦК Партии революционного коммунизма В. О. Зитта, также предложивший максималистам слиться в одну организацию.

Отношение правящей партии к максималистам на местах характеризуют ситуации в Ижевске и Астрахани. Ижевские максималисты, насчитывавшие несколько сотен человек, вплоть до осени 1919 г. играли весьма активную роль в общественной и хозяйственной жизни края, и также с оружием в руках выполняли поручения местного чрезвычайного органа власти — Революционного гражданского совета (РГС). В декабре 1918 г. в Ижевский Совдеп были избраны 27 коммунистов и 23 максималиста. Однако РГС кассировал результаты выборов, мотивируя это тем, что «местные рабочие окончательно показали, что политически больны, и власти им передавать нельзя. От белогвардейцев кинулись на максимализм [...]» В дальнейшем третирование ижевских максималистов продолжалось. Вместе с тем, когда город снова оказался в прифронтовой полосе, им немедленно выдали 130 винтовок. Но после отступления колчаковцев результаты выборов во временный ВРК, в руководство которого избрали максималистов и беспартийных, были опять аннулированы.

События в Ижевске не были из ряда вон выходящим самоуправством местных властей. Незадолго до IV конференции ССРМ, в ноябре 1918 г. в прифронтовой Астрахани был совершен налет армейских чекистов на организацию максималистов. 12 человек, в том числе член губисполкома С. Шведов, оказались арестованы. Спустя некоторое время их, правда, освободили, а председатель общеприфронтовой ЧК К. Я. Грасис даже извинился перед максималистами. Конфликт с РКП(б) назревал у Сормовской организации ССРМ, где

на митинге в «Народном доме» 26 декабря лидер максималистов В. И. Петрище заявил, «что Советской власти вообще, и в Сормове, в частности, нет, а есть власть большевиков», вследствие чего Петрище был отстранен от занимаемых советских должностей.

Понятно, что подобная «иезуитская» политика проводилась РКП(б) в целях укрепления режима партийной диктатуры. Несудивительно поэтому, что весной 1919 г. эсеры-максималисты выдвинули лозунг «Власть Советам, но не партиям!», сразу ставший девизом значительно более широкого народного антибольшевистского движения. Тем не менее до осени того же года ССРМ имел представительство в отдельных Советах. В отдельных случаях, как, например, в Суздальском уездном исполкоме Владимирской губернии, наблюдалось даже преобладания эсеров-максималистов: в июле 1919 г. в нем было девять максималистов, восемь коммунистов и трое беспартийных.

После IV конференции идеологи обеих группировок проводили отстаиваемые ими позиции. Так, Ривкин 22 декабря выступил во время траурной демонстрации в связи со смертью левого эсера П. П. Прошьяна. Зверин принял участие во II Совете ПЛСР, последнем масштабным, полулегальным форумом в Москве в конце 1918 г. Затем оба они стали связниками арестованной 10 февраля 1919 г. М. А. Спиридоновой⁴⁰, которая установила с ними связь через сочувствующих охранников. Эта группа во главе с Ривкиным, Звериным и Нестроевым считала, что социальная революция идет к упадку, а большевики, «ставящие интересы удержания власти выше интересов революции», объективно стали «контрреволюционной» партией. Члены ВЦИК Ф. Ю. Светлов, А. И. Бердников и Н. А. Архангельский в свою очередь образовали так

³⁹ Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906—1924 гг. С. 205.

⁴⁰ Максималист. 1919. № 10, февр. С. 17.

называемую левую группу в Центральном Совете ССРМ. Во время II расширенного Совста ССРМ 13—14 февраля 1919 г. подавляющее большинство делегатов резко критиковало большевиков, ввиду чего Светлов и Бердников покинули его заседания⁴¹. Из-за отказа сдать кассу и имущество Союза они были исключены из Союза и отозваны из ВЦИК, куда на их место были делегированы Г. А. Нестроев и Е. Н. Забицкий⁴².

Окончательно разойдясь с большинством во время V Всероссийской конференции ССРМ, работавшей с 17 по 30 апреля 1919 г.⁴³, группа сторонников Светлова—Бердникова вышла из Союза и опубликовала в «Известиях ВЦИК» заявление об образовании самостоятельной организации «Союз максималистов», удалив из своего названия элемент с.-р. Членов этой организации часто именовали «светловцами» — по фамилии их основного идеолога Ф. Ю. Светлова. Одним из самых известных членов данного Союза стал после ухода из ПЛСР Яков Блюмкин, на которого его бывшие товарищи в Киеве произвели три покушения подряд.

В одной из резолюций, принятых большинством ССРМ, которых по фамилии основного лидера порой называли «нестроевцы», содержался призыв «не останавливаться перед ответом насилем на насилие». Тогда же ведущий идеолог эсеров-максимализма Г. А. Нестроев выпустил теоретическую работу «Максимализм и большевизм», в которой, подводя итоги прошедшего периода, писал: «Революционная диктатура пролетариата и крестьянства сменилась диктатурой “пролетарских элементов”, т.е. коммунистической партии, считающей себя выразительницей их интересов. Перманентная революция

Л. Д. Троцкого с его диктатурой пролетариата в земледельческой стране победила “второй этап революции” Ленина [...] Нечего и говорить, что победа троцкизма, шумливого и звонкого, над ленинизмом, [...] что эта победа должна была логически и в угоду принципам привести к подавлению “мелкобуржуазного” движения трудового крестьянства насилем, к отказу от “мелкобуржуазного” закона о социализации земли, к централизму и бюрократизму в управлении через коммунистические ячейки»⁴⁴.

Анализируя результаты прошедшего в марте 1919 г. VIII съезда РКП(б), Нестроев вскрыл его противоречие: «Марксистские принципы ясно указывают путь к социализму через диктатуру пролетариата в лице его партии, а Ленин заявляет о практических средствах использования середняков, т.е. базы о расширении социальной революции в духе народнического максимализма». Положительно оценивая поворот русского большевизма в сторону трудового крестьянства, он делал вывод о подтверждении этим «полнейшего краха большевистской идеологии и торжестве идей революционного народничества», перед которым «организационный его распад — явление преходящее и легко поправимое»⁴⁵.

Платформа «Союза максималистов» была изложена в работе А. И. Бердникова и Ф. Ю. Светлова «Очередные задачи максимализма»⁴⁶. Они считали, что на V конференции ССРМ победило якобы «случайное» большинство, и пришли к выводу, что ее резолюция в связи с текущим моментом «широко открывает дорогу для всех организаций на местах по их усмотрению участвовать в местных вооруженных выступ-

⁴¹ Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906—1924 гг. С. 210—229.

⁴² Максималист. 1919. № 10, февр. С. 24.

⁴³ Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906—1924 гг. С. 230—237.

⁴⁴ Там же. С. 301.

⁴⁵ Там же. С. 303—304.

⁴⁶ Очередные задачи максимализма / А. Бердников и Ф. Светлов; Союз максималистов. М., 1919.

лений — восстаниях». По их мнению, «эта тактическая линия не есть нечто неизвестное: это уже испытанная великороссийская лево-эсеровская так называемая активистская тактика и агитация, приведшая уже к полному краху некогда большую партию л[евых] с.-р. Такая же жалкая судьба несомненно обеспечена Союзу с.-р. максималистов [...]» Однако на практике уготовленная ими участь эсеров-максималистов быстрее всего постигла самих Бердникова и Светлова, ставших вскоре верноподданными большевиками — авторами пособия для советских партшкол «Курс политграмотности»⁴⁷, и их немногочисленных сторонников. Ренегатов от максимализма поддерживали Курское губернское Исполнительное бюро, Тульская и Шлиссельбургская организации и еще две группы. На позициях эсеров-максимализма остались Московская, Киевская, Ижевская, Суздальская, Слободская, Оршанская и Пензенская организации. Затем к ним присоединились максималисты из Петроградской, Кронштадтской, Саратовской, Самарской, Талдомской и Витебской организаций. Колебалось сормовские и полтавские максималисты, которые позже вернулись в лоно прежнего Союза. Свою верность левому народничеству сохранило большинство дальневосточных эсеров-максималистов. В своем обращении ко всем организациям ССРМ и «максималистам-одиночкам» Центральный Совет заявил: «[...] мы не признаем раскола, его нет, есть лишь выход отдельных лиц из Союза. Это их право. Союз един, целостен».

Тем временем максималистские отряды и максималисты-одиночки продолжали сражаться и гибнуть на фронтах. Так, в марте—апреле 1919 г. Н. А. Худяков был членом РВС группы войск Харьковского направления Украинского фронта, и в апреле—июне командовал 3-й Украинской советской ар-

мией, соединения которой освобождали Одессу и Тирасполь от петлюровцев и войск Антанты, принимали участие в ликвидации мятежа Н. А. Григорьева. На Волыни сражался с петлюровцами Васыко-Богдан. Казненный денкинцами, полтавский максималист И. Малафий являлся «боевым эмиссаром» губернского повстанческого комитета. Летом 1919 г. в Киев выехал и почти постоянно здесь находился, входя в состав Украинского Секретариата ССРМ, Н. И. Ривкин. Под его редакцией выходила газета «Трудовая Советская Республика». После заключения перемирия с Н. И. Махно по поручению Всеукраинского Ревкома Ривкин ездил в Гуляй-Поле для ознакомления с характером повстанческого движения.

23 июня на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) был поднят вопрос о том, «можно ли принимать на командные курсы слушателей-максималистов и «рекомендованных максималистами», по которому вынесено постановление: «Максималистов принимать в умеренном количестве. Рекомендованных максималистами совсем не принимать».

Тем временем в Москве в середине августа приступило к работе межпартийное совещание, участниками которого стали украинские левые эсеры (борьбисты), революционные коммунисты во главе с А. М. Устиновым и представители обеих максималистских группировок. Однако 23 августа совместными усилиями «кнестроевцев» и борьбистов представительство «Союза максималистов» было аннулировано ввиду непризнания «самостоятельного» характера этой организации. По словам Устинова, больше всего времени в прениях было уделено вопросу о свержении диктатуры РКП(б). Попытка лидера ПРК изложить свое видение текущего момента вызвала дружную критику его позиции. В частности, его тезис о «революционном

⁴⁷ Бердников А., Светлов Ф. Курс политграмотности: Пособие для совпартшкол, рабфактов и вузов. М.; Л., 1925.

марксизме, как о движущей ныне мировое пролетарское движение силе», был оспорен в «категорической форме» лидером ССРМ (Г.А. Нестроевым). Другой тезис Устинова: о том, что РКП(б) «являлась до сих пор главной организующей и боевой силой мировой революции» — вызвал решительное несогласие Нестроева, указавшего, «что большевики своими насильническими методами задерживают ход революции и что они сильны только захваченным ими аппаратом власти». В итоге Устинов покинул совещание, а внутри ЦК революционных коммунистов произошел раскол⁴⁸.

Оставшиеся на совещании взяли курс на создание новой политической организации — «Партии революционного социализма». В этих целях было инициировано Организационное бюро по объединению революционно-социалистического народничества, куда вошли Нестроев и П.Д. Камышов. В обращении ко всем организациям ССРМ вожди максималистов заявляли: «Наша задача вместе со всеми революционно народническими советскими организациями не допустить торжества ни той ни другой диктатуры, ни в Сибири, ни на Украине. Все силы мы бросаем теперь на эти две базы, не огляя, разумеется, нашего внутреннего максималистического фронта». С 20 по 28 сентября в Москве прошла VI Всероссийская конференция ССРМ⁴⁹. На ней были заслушаны члены Оргбюро по объединению революционно-социалистического народничества (Нестроев, борбист Г.Л. Лесновский, представитель меньшинства ЦК ПРК и секретарь Оргбюро Е.Н. Семеновская), после чего конференция постановила признать этот вопрос «назревшим и необходимым»⁵⁰. На конференции были избраны 15 участ-

ников будущего учредительного съезда новой партии и пять кандидатов к ним.

Реагируя на негативное отношение коммунистических верхов к объединению левых народников, после обсуждения декларации, максималисты предложили избраным делегатам отстаивать включение в нее такого пункта: «Признание недопустимости вооруженного свержения власти Российской Коммунистической партии, как в силу губительного влияния такой борьбы на внешние и внутренние классовые фронты, так и в силу отсутствия сплоченной организации трудового народа, способной в момент замещения власти противопоставить себя контр-революции»⁵¹. Оргбюро попыталось выработать программу новой партии, и тезисы ее вводной части были позже напечатаны в журнале «Максималист», причем «лево-народническая партия» объявляла себя «этическим течением в социализме». Будущая партия виделась задумавшим ее организацией «инициативного, критически-мыслящего меньшинства» «крайне левой (непримиримой)» партией «завтрашнего дня», которая должна превратиться в массовую и классовую организацию. Основные программные и тактические установки левых народников, по замыслу инициаторов объединения, должен был изложить на VII Всероссийском съезде Советов Г.А. Нестроев, получивший мандат его участника. Однако начавшиеся аресты максималистов помешали осуществлению задуманного.

Прежде всего аресты снова коснулись Ижевской организации ССРМ. Попытка ижевских эсеров-максималистов, насчитывавших несколько сотен членов, развернуть в начале сентября 1919 г. в ближайших к городу волостях агитационную

⁴⁸ Внутри ЦК его поддерживали четыре человека. Столько же членов ЦК стояли на противоположной точке зрения.

⁴⁹ Максималист. 1921. № 14—15. С. 30—32.

⁵⁰ Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906—1924 гг. С. 318.

⁵¹ Максималист. 1921. № 14—15. С. 31.

работу против продовольственной политики большевиков привела к обострению их давнего противостояния с местным комитетом РКП(б). В результате коммунисты создали Временный Революционный Штаб и совместно с Исполкомом Ижевского Совет приняли 17 сентября следующее постановление: «1. Уничтожить в корне ижевскую организацию с.-р. максималистов [...] 2. Арестовать всех наиболее видных членов ижевской организации с.-р. максималистов [...] 5. Настаивать перед центром, чтобы ни один из арестованных [...] не был выпущен до конца гражданской войны»⁵². Мобилизовав до 500 коммунистов, чекисты и милиция произвели массовые аресты, во время которых было схвачено 50 активистов ССРМ, отправленных в тюрьму в Казань.

События в Ижевске вызвали большой резонанс среди членов Союза и отразились на расстановке сил в его Центральном Совете, где теперь более умеренных представляли Нестроев и Е. Н. Забицкий, а радикалов — А. А. Зверин и П. П. Колодов. Настроенные «активистски» по отношению к большевикам, они находились в тесном контакте с «анархистами подполья», одобряли экспроприации, выступали за устранение Л. Д. Троцкого, ликвидацию Реввоенсоветов и института комиссаров, за возврат к партизанской системе организации Красной армии.

Колодов, имевший прозвище Батяка, и еще три видных максималиста приняли участие в экспроприации Патронного завода в Туле 29 августа, причем захваченные во время перестрелки средства были поделены между максималистами, левыми эсерами и анархистами. Другая часть руководства Союза во главе с Нестроевым, заведовавшим боевой работой в ССРМ, вела переговоры с командованием Южного фронта в лице Л. П. Серебрякова о переброске групп максималистов

через линию фронта для диверсионной работы в тылу войск А. И. Деникина. Ранее группа, возглавляемая Ф. Ф. Кокоулиным, была отправлена на Восточный фронт, в тыл к А. В. Колчаку. Максималисты-политкаторжане М. Д. Закгейм, С. А. Таукин, К. А. Мышечная входили в состав объединенной боевой группы российских и украинских левых эсеров во главе с И. К. Каховской, которая готовила покушение на Деникина. 26 ноября в «Известиях ЦИК» было размещено объявление ССРМ о поголовной мобилизации его членов на основании постановления Оргбюро по объединению революционно-социалистического народничества. Уже 3 декабря Военно-техническое бюро Союза подготовило первый список мобилизованных максималистов. Но это обстоятельство не остановило чекистов от начала репрессий против ССРМ ввиду вскрывшихся обстоятельств их тесных контактов с «анархистами подполья», взорвавшими 25 сентября здание Московского комитета РКП(б).

В начале декабря МЧК произвела аресты около 30 членов ССРМ, после чего в «Известиях» появилось официальное сообщение с обвинением в адрес всего Союза: «Произведенным следствием вполне установлено, что союз с.-р. максималистов является организацией, прикрывающейся заявлениями о лояльности к Советской власти и пользующейся своим легальным положением в целях дезорганизации рабочего класса и Советского строительства». За решетку попали такие видные фигуры максималистов, как Г. А. Нестроев, Е. Н. Забицкий, П. Д. Камышов, И. Г. Добковский и др. Вслед за москвичами практически целиком были арестованы Сормовская и Тульская организации максималистов.

При аресте в перестрелке с чекистами живший под фамилией Михайлов М. И. Селиванов оказал вооруженное сопротивление

⁵² ЦГАУР. Ф.Р-1082. Оп. 1. Д. 1. Л. 29—29 об.

ние, причем ранил двух комиссаров МЧК и был сам смертельно ранен в живот. Перед смертью «он сознался, что принимал участие в вооруженном ограблении в Туле», отказался назвать других участников, а «самую цель ограбления объяснил желанием ехать на Украину для подпольной работы в тылу Деникина и отсутствием для этого денежных средств».

Аресты сыграли большую деморализующую роль: ряд максималистов вышли из Союза в знак несогласия с методами его работы; другие, и среди них несколько ответственных работников, сделали коллективное заявление с осуждением тульского «экса». На основании показаний завербованного чекистами члена ЦС ССРМ Ф. А. Храмова была предпринята попытка посадить на скамью подсудимых практически все руководство ССРМ. В мае 1920 г. Верховный Революционный Трибунал при ВЦИК рассмотрел дело по обвинению ССРМ. Из 14 подсудимых трибунал признал виновным лишь одного человека, все остальные оказались «по суду оправданными, вследствие недоказанности обвинений».

В телеграмме, направленной В. И. Ленину из Казани 8 января 1920 г., эсеры-максималисты сообщали, что они уже четыре месяца содержатся под стражей без предъявления им обвинения⁵³. На запрос Ленина заместитель председателя ВЧК И. К. Ксенофонов 21 января 1920 г. сообщил, что арестованные эсеры-максималисты являются самыми «яркими противниками существующего строя», что же касается выяснения персональной причастности к этому делу ижевских максималистов, «то такое поручение дано находящемуся сейчас в Казани представителю секретного отдела ВЧК»⁵⁴. Из подготовленного в октябре 1920 г. уполномоченным Секретного отдела доклада известно, что один из 50 арестованных

к этому времени умер, 12 — «ввиду заявления их о выходе из союза и вступления в РКП, освобождены», 30 — освобождены, дав подписку, «что они не будут вести агитацию против советской власти», а в отношении семи оставшихся уполномоченным принято решение «в ходатайстве об освобождении отказать», так как они остаются «при прежних своих взглядах на соввласть, т. е., безусловно, контрреволюционных»⁵⁵.

При этом эсеры-максималисты продолжали гибнуть на фронтах и в белогвардейских застенках. 22 октября среди расстрелянных японцами за подготовку восстания в Благовещенске подпольщиков оказался максималист И. Я. Подглазов. 7 января 1920 г. семеновцами в отместку за падение Иркутска на ледоколе «Ангара» были зверски убиты 13 максималистов наряду с несколькими коммунистами и лидерами Сибирского союза эсеров Б. Д. Марковым и П. Я. Михайловым. Во время налета на Киев отряда атамана И. Струка в руки бандитов попал один из лидеров максималистов Н. И. Ривкин, подвергшийся сильному избиению, но выживший.

Особую страницу Гражданской войны, еще ждущую своего вдумчивого и скрупулезного исследователя, представляет собой масштабное участие эсеров-максималистов в партизанских и армейских действиях и в советской работе на Дальнем Востоке во время Гражданской войны, и в период существования Дальневосточной республики. Максималисты внесли серьезную лепту в разгром белого движения и интервентов в Восточной Сибири и в Приморье. Долгое время они находили общий язык с местными коммунистами и образовывали вместе с ними общие «революционные коллективы», куда также входили анархисты и немногочисленные здесь левые эсеры. Выдающуюся роль в организации

⁵³ ЦГАУР. Ф. 326. Оп. 1. Д. 4. Л. 148.

⁵⁴ Там же. Л. 149.

⁵⁵ Там же. Л. 274—275 об.

максималистского движения в крае, несомненно, сыграл бывший политкаторжанин, член Забайкальского облисполкома и Ревкома, Центросибири И. И. Жуковский-Жук, ставший после начала боевых действий в Даурии членом Военно-революционного штаба и коллегии агитаторов и пропагандистов. После падения Советской власти в Чите Жуковский перешел на нелегальное положение, перебравшись в Благовещенск, где активно участвовал в подполье. При восстановлении советской власти он был избран членом Амурского облисполкома и приступил к организации структуры ССРМ. Союзы и инициативные группы максималистов сложились во Владивостоке, Хабаровске, в городах Зее, Свободном, Николаевске, в станционных поселках Магочи, Шимановский, Бочкарево, Завитая и др. Председателем Исполнительного бюро Амурского ССРМ в Благовещенске являлся Жуковский-Жук. В апреле 1920 г. в Хабаровске была проведена Дальневосточная конференция максималистов, в мае — областная конференция в Благовещенске. В итоге руководящим органом Союза стало Дальневосточное краевое бюро.

На VIII съезде трудящихся Амурской области, открывшемся 27 марта 1920 г., по предложению одного из лидеров Амурской группы ССРМ, председателя ревштаба Свободненского партизанского района В. В. Патрушева, из состава участников

съезда был выделен Ревком во главе с большевиком Д. С. Шиловым, взявший полноту власти в регионе. В состав Военно-революционного штаба партизанской армии Я. И. Тряпицына, к этому времени командующего Охотским фронтом НРА ДВР, входила известная в Забайкалье и на Дальнем Востоке максималистка Н. М. Лебедева, сыгравшая затем не последнюю роль в николаевской трагедии и расстрелянная позже по приговору трибунала.

В декабре 1920 г. максималисты провели 1-е Всероссийское совещание в Москве, взяв курс на сближение с ПЛСР интернационалистов и синдикалистов⁵⁶. На 2-м совещании (Москва, 5—17 мая 1921 г.) в ходе консультаций Центрального совета Союза с Украинским Секретариатом и Дальневосточным краевым бюро был сформулирован тезис о плодотворности «идеи объединенного народничества» только в том случае, если оно произойдет под максималистским лозунгом «Власть Советам, а не партиям»⁵⁷. В феврале 1922 г. было созвано 3-е Всероссийское совещание в Москве⁵⁸, арестованное властями в полном составе. В сентябре произошло объединение ССРМ с легалистской частью ПЛСР, вскоре прекратившей свое существование⁵⁹. До конца 1920-х гг. в эмиграции действовала «Заграничная делегация ПЛСР и ССРМ», издававшая в Берлине журнал «Знамя борьбы»⁶⁰.

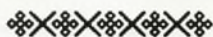
⁵⁶ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 310.

⁵⁷ Союз эсеров-максималистов: Документы, публицистика. 1906—1924 гг. С. 331—333.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 10. Л. 32—38.

⁵⁹ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 310.

⁶⁰ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. С. 581.

История анархистского движения в Гражданской войне в России имеет давнюю историю изучения¹. В советский период авторы, обращаясь к данной теме, следуя идеологически заданной схеме, рассматривали анархизм как явление, обреченное на «крах», как заведомо «антисоветское» по своему идейному содержанию, не имевшее шансов на победу в борьбе за массы с большевиками². В современной историографии феномен анархизма рассматривается не только как идейное течение революционной мысли, но и как политическое движение, пытавшееся реализовать на практике свою программу, получившее значительную поддержку в народных массах, прежде всего в махновщине на Украине³.

После Октябрьской революции анархисты оказывали практическую поддерж-

ку большевикам как партнерам по леворадикальной коалиции. Как прогрессивные меры они рассматривали «Декрет о мире» и «Декрет о земле». При этом анархисты категорически осуждали создание центральных органов власти, выступая за полновластие Советов на местах, большевиков же обвиняли в умеренности в отношении буржуазии, нежелании немедленно провести социализацию производства и ввести коммунистические отношения. По мере усиления централизации, огосударствления экономики, проведения в жизнь политики «военного коммунизма», установления однопартийной диктатуры РКП(б) анархисты приходят к выводу о становлении в Советской России новой социально-экономической системы — государственного капитализма. Как

¹ Наиболее подробно издания по этой теме см.: *Ермаков В.Д., Талеров П.И.* Анархизм в истории России: От истоков к современности: Библиографический словарь-справочник. СПб., 2007.

² См., напр.: *Комин В.В.* Анархизм в России. Калинин, 1969. С. 189, 231, 232, 237—238; *Канев С.Н.* Октябрьская революция и крах анархизма: (Борьба партии большевиков против анархизма. 1917—1922 гг.). М., 1974. С. 374—377.

³ См.: *Штырбул А.А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Ч. 1—2. Омск, 1996; Анархисты: Документы и материалы. 1883—1935: В 2 т. Т. 2. М., 1999; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: Документы и материалы. М., 2006; *Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999; *Шубин А.В.* Анархия — мать порядка: Нестор Махно как зеркало Российской революции. М., 2005; *Он же.* Махно и его время: О Великой революции и гражданской войне 1917—1922 гг. в России и на Украине. М., 2013; *Глушаков Ю.Э.* «Революция умерла! Да здравствует революция!» Анархизм в Беларуси (1902—1927). СПб., 2015; *Ермаков В.Д.* Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917—1920 годов. СПб., 2018; *Кривенький В.В.* Анархистское движение в России в первой четверти XX века: Теория, организация, практика. М., 2018; *Рублев Д.И.* Российский анархизм в XX веке. М., 2019; *Савченко В.А.* Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903—1929 рр.: Історичний аспект та політична практика. Київ, 2017.

новый эксплуататорский класс рассматривается бюрократия⁴.

В качестве альтернативы анархистские организации выдвигали лозунги социализации производства через фабрично-заводские комитеты и профсоюзы на основе самоуправления и федералистских отношений. Предполагалось введение продуктообмена между городом и деревней через кооперацию, планирование производства на основе соглашения трудовых коллективов и организаций трудящихся, а также постепенное установление коммунистических отношений в сфере потребления⁵. При этом среди анархистов существовали серьезные разногласия по вопросу о «переходном периоде» на пути к полноценной анархической модели, связанном с временным сохранением элементов государственности в виде Советов. Эту позицию занимали анархо-синдикалисты⁶. Но, несмотря на критику политического курса РКП(б), большинство анархистов сохраняли линию на поддержку единого революционного фронта с ней вплоть до конца Гражданской войны.

На начало 1918 г. на территории бывшей Российской империи, находившейся под контролем большевиков и их противников, анархистские организации действовали не менее чем в 80 населенных пунктах. Точная численность участников движения до сих пор неизвестна, но, по данным на весну 1918 г., только Московская федерация анархистских групп (МФАГ) насчи-

тывала, по разным оценкам, 2—5 тыс. человек⁷. К этому времени анархисты были представлены в Советах Бежицы, Брянска, Екатеринослава, Иркутска, Красноярска, Кронштадта, Москвы, Петрограда, Одессы, Харькова и многих других городов. Между тем по мере становления однопартийной системы, начиная с осени 1918 и вплоть до конца 1921 гг., участие анархистов в выборах носило ограниченный характер, обусловленный давлением властей на избирателей и даже репрессиями. Так, в мае—июне 1921 г. ВЧК отправила в ссылку депутата Моссовета от Рабочего союза анархистов «Набат» Н.И. Петрова-Павлова. Осенью того же года были подвергнуты аресту и заключению в концлагере представители анархистов-универсалистов в Моссовете Г.К. Аскарлов (Якобсон) и В.В. Бармаш⁸.

В 1918—1920 гг. проходят процессы консолидации движения. Так, в 1918 г. шла подготовка Всероссийского съезда анархистов, впрочем, так и не состоявшегося из-за сложности установления связей между региональными организациями в условиях Гражданской войны и интервенции. 25—28 декабря 1918 г. прошел I Всероссийский съезд анархистов-коммунистов в Москве, итогом которого стало превращение провозглашенной еще в феврале 1918 г. Всероссийской федерации анархистов-коммунистов (ВФАК) в организацию общероссийского масштаба. 26 августа — 16 сентября 1918 г. состоялась I Всероссийская конференция анархо-синдикалистов. Для уста-

⁴ См., напр.: *Сергеен М. [Миксимов Г.П.] Пути революции // Вольный голос труда. 1918. № 4, 16 сент. С. 1—2; Б.С. [Стоянов Б.С.] Открытое письмо И. Гроссману-Рошину: (Ответ советским «анархистам»). Пг., 1920. С. 12.*

⁵ См., напр.: *Атабекян А.М. Против власти: Сборник статей. М., 2013. С. 31—32, 96, 110—112, 114; Ковалевич К. Вопросы дня // Анархия. № 69. 1918. 26 мая. С. 2; Волин [Эйхенбаум В.М.] Грядущие задачи // Голос труда. 1917. № 22, 9 (20) дек. С. 1; Миксимов Г.П. К чему стремятся анархо-синдикалисты // Голос труда. 1917. № 24, 23 дек. (5 янв. 1918). С. 2.*

⁶ См., напр.: *Лапоть Гр. [Миксимов Г.П.] Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение. Нью-Йорк, 1919. С. 1.*

⁷ *Известия Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов города Москвы и Московской области. 1918. № 71 (319), 13 апр. (31 марта). С. 4; Худoley В.С. О наших разногласиях: (Письма из Москвы) // Волна. 1923. № 48, дек. С. 33.*

⁸ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2281. Л. 44—45; Ф. 9463с. Оп. 1. Д. 119. Л. 4; ЦА ФСБ России. Д. Р-28669. Л. 46.

новления связей между организациями в различных регионах был избран Секретариат в составе Г. П. Максимова, С. А. Маркуса, Н. И. Петрова-Павлова и Е. З. Ярчука⁹. Затем, 25 ноября — 1 декабря 1918 г. в Москве прошла II Всероссийская конференция анархо-синдикалистов.

На конференции, проведенной 12—16 ноября 1918 г. в Курске, была создана Конфедерация анархистских организаций Украины «Набат» (КАОУ) в составе 12 анархо-коммунистических и анархо-синдикалистских организаций¹⁰. 26 января 1919 г. было провозглашено создание Всероссийской федерации анархической молодежи (ВФАМ). По данным на 11 марта 1919 г., в ее состав вошли 5 организаций, действовавших в Москве и 34 — в регионах. Кроме того, в отчете о работе ВФАМ говорится о том, что еще 42 ее группы находились «в периоде образования»¹¹. В августе—октябре 1920 г. часть бывших членов Секретариата Всероссийских конференций анархо-синдикалистов (Г. Максимов, С. Маркус и Е. Ярчук) провозгласили создание Временного исполнительного бюро Российской конфедерации анархо-синдикалистов и установили связи с группами сторонников по всей России, регулярно обмениваясь

с ними циркулярными письмами с рекомендациями о стратегии и тактике движения¹². Осенью 1920 г. была создана Всероссийская секция анархистов-универсалистов (ВСАУ), располагавшая отделениями во многих регионах.

В ряде регионов (Бежецкий уезд в Тверской губернии¹³, Гуляй-Польский район на Украине¹⁴, Рязанский уезд Рязанской губернии¹⁵, Черемховский угольный бассейн в Сибири¹⁶) анархисты в различные периоды 1917—1918 гг. находились у власти, возглавив местные Советы, в других же становятся партнерами большевиков во власти (исполкомы Советов Гомеля, Одессы, Самарской губернии, Центросибирь). В 1918—1921 гг. анархисты были представлены на всех Всероссийских съездах Советов. Самое крупное представительство они имели на IV съезде (март 1918 г.) — 17 делегатов. Кроме того, ВФАК в 1918 г. имела представителей во ВЦИК¹⁷. Значительная часть анархистов выступала за бойкот Советов, рассматривая их как органы государственной власти¹⁸. Выдвигались идеи создания альтернативных, «безвластных», «вольных» Советов, координирующих деятельность рабочих организаций, трудовых коллективов и крестьянских общин¹⁹.

⁹ Г. М. [Максимов Г. П.] I Всероссийская конференция Анархо-Синдикалистов // Вольный голос труда. 1918. № 3, 9 сент. С. 3.

¹⁰ Савченко В. А. Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903—1929 рр.: Історичний аспект та політична практика. С. 196; Первая конференция анархистских организаций Украины «Набат»: Декларация и резолюции. [Б. м.], 1918. С. 5—8, 16, 19.

¹¹ Жизнь и творчество русской молодежи. 1919. № 26—27. С. 2.

¹² Анархисты: Документы и материалы. 1883—1935 гг.: В 2 т. Т. 2. С. 309—312.

¹³ Суворов В. П. Анархизм в Тверской губернии. Вторая половина XIX в. — 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2004. С. 281—282.

¹⁴ Щубин А. В. Махно и его время: О Великой революции и гражданской войне 1917—1922 гг. в России и на Украине. М., 2013. С. 25—28, 79.

¹⁵ Хвостов А. И. Рязанские анархисты в 1917—1921 годах // Материалы по рязанскому краеведению и исследования: Сб. науч. работ. Т. 8. Рязань, 2005. С. 69.

¹⁶ Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в I-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Ч. 1. С. 165—166, 184—185.

¹⁷ Кривенький В. В. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: Теория, организация, практика. С. 410—411.

¹⁸ См., напр.: Бр. Гордин. [Гордин А. Л.] К перевыборам Советов // Анархия. 1918. № 38, 7 апр. С. 1; Волин [Эйхенбаум В. М.] Революция и анархизм. [Б. м.], 1919. С. 58.

¹⁹ Товарищи матросы, солдаты, рабочие и крестьяне! // Буревестник. 1918. № 29 (68), 22 (9) февр. С. 1.

В конце 1917—1918 гг. анархисты имели значительное влияние в ряде профсоюзов в Москве (железнодорожники, пекари и парфюмеры)²⁰, Сибири (горняки и железнодорожники)²¹, на Черноморском побережье (торговый флот)²². Определенное влияние в московском профсоюзе пищевиков они сохранили до конца 1921 г. Под их контролем оказались фабрично-заводские комитеты ряда предприятий в Петрограде, Москве, Харькове и других городах. Через профсоюзы и Советы анархисты пытались проводить социальные преобразования. Так, находившийся под их влиянием Союз моряков в январе 1918 г. провел социализацию коммерческого флота Черного и Азовского морей и портов, вплоть до февраля находившегося в руках матросских коллективов и избранных ими органов самоуправления²³. Было объявлено, что органы власти должны строить взаимоотношения с флотом на основе соглашений. В то же время анархистами была проведена социализация ряда предприятий торговли, сферы услуг и пищевого производства (в Екатеринославе, Киеве, Одессе и Харькове), горнодобывающих предприятий (Черемхово Иркутской губернии и Донбасс)²⁴. В других местах (Бежецкий уезд Тверской губернии) оказавшиеся у власти анархисты, напротив, про-

водили курс на национализацию торговых и промышленных предприятий²⁵.

Стремясь расширить материальную базу движения, создать условия для пропагандистской, культурно-просветительской и издательской деятельности, анархистские организации в Москве, Петрограде, Брянске, Вологде и других городах в ноябре 1917 — весной 1918 гг. начинают захватывать особняки, принадлежавшие аристократам и крупным капиталистам. В этих зданиях были размещены клубы, издательства и общежития анархистов, а также культурные учреждения. Так, в реквизированном особняке А. Морозова в Москве художники А. Ган и А. Родченко вели работу по созданию музея искусства на основе реквизированных частных коллекций²⁶. С ноября 1917 г. в различных городах в качестве вооруженной опоры анархистских организаций создаются боевые отряды, получившие название Черной гвардии. Помимо реквизиций особняков и участия в боевых действиях, черногвардейцы участвовали и в борьбе с преступностью и контрреволюцией, действуя в контакте с властями²⁷.

В первые месяцы 1918 г. происходит рост влияния анархистов на военном флоте, где посты комиссаров в это время занимают Блохин (Балтийский флот), Романец (Черноморский флот), Самохин (Мурман-

²⁰ Рублев Д. И. Деятельность московских синдикалистов в профсоюзах парфюмеров и пищевиков (1917—1918 годы) // Рабочее и профсоюзное движение России: Из прошлого в будущее: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 18—19 апреля 2015 г.). М., 2016. С. 206—211; Рублев Д. И. Черная гвардия: Московская федерация Анархистских групп в 1917—1918 гг. М., 2020. С. 393, 426—428.

²¹ Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Ч. 1. С. 144, 187—189.

²² Савченко В. А. Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903—1929 рр.: Історичний аспект та політична практика. С. 176—177.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 178, 180; Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Ч. 1. С. 144, 183—184.

²⁵ Суворов В. П. Анархизм в Тверской губернии. Вторая половина XIX в. — 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2004. С. 264, 320, 328—331, 333, 337, 348—349.

²⁶ Анархия. 1918. № 28, 27 марта. С. 4; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 38. Л. 15—15 об.

²⁷ Подробнее о деятельности Черной гвардии в Москве см.: Рублев Д. И. Черная гвардия: Московская федерация Анархистских групп в 1917—1918 гг.

ская флотилия)²⁸. Центробалт, перешедший под влияние анархистских вожakov, матросов Дудина и Скурихина, активно отстаивал принципы добровольности и матросского самоуправления, за что и был распушен в марте 1918 г.²⁹

Некоторые из деятелей анархистского движения занимали высшие командные должности в Красной армии на протяжении всей Гражданской войны. Так, К. В. Акашев в декабре 1917 — мае 1918 г. был комиссаром Управления Военно-воздушного флота. В мае—июле того же года он был назначен военным комиссаром Главного управления Рабоче-крестьянского красного воздушного флота³⁰. Известный анархо-синдикалист В. С. Шатов в феврале 1918 г. был назначен чрезвычайным комиссаром по охране железных дорог и контролировал эвакуацию из Петрограда. 18 июля он занял пост коменданта Центральной комендатуры революционной охраны Петрограда, возглавив петроградскую милицию. В 1919 г. Шатов был одним из организаторов обороны Петрограда от наступающих войск Юденича. В дальнейшем он находился на высших военных, дипломатических и хозяйственных должностях в Дальневосточной республике³¹.

В период становления Красной армии, зимой—осенью 1918 г., анархисты создают собственные вооруженные отряды. Многие из них активно сражаются против германо-австрийских войск на Украине и белогвардейцев в Сибири. Наибольшую известность среди военачальников-анархи-

стов получили А. Г. Железняков, Н. А. Каландаришвили, А. В. Мокроусов, М. Г. Никифорова, П. И. Жебенев, Д. М. Третьяков. Плохо налаженное снабжение вооруженных сил, рост значения политического насилия в жизни страны в 1917 г. привели к тому, что отряды различной леворадикальной ориентации проводили реквизиции товаров из магазинов и складов, облагали контрибуцией представителей буржуазии, а иногда и городское самоуправление. Это касалось как анархистов, так и большевиков (например, отряд А. В. Полупанова). Один из анархистских командиров, действовавших на Украине и Дону, Мария Никифорова дважды (в апреле и июне 1918 г.) арестовывалась по обвинению в грабежах и бандитизме, но оба раза была оправдана судебными органами, доказавшими лишь дискредитацию советской власти с ее стороны и неподчинение местным Советам, запретив в течение шести месяцев занимать ответственные посты³².

Первый серьезный конфликт анархистов с большевиками начинается весной 1918 г. Подписание Брестского мира, а затем прошедшее по всей России в апреле—июне разоружение анархистских отрядов вызвали протесты со стороны анархистских организаций. Небольшое количество арестованных бойцов, в том числе внедрившиеся в их ряды под чужими именами преступники, оказались замешанными в криминальной деятельности. Но это было характерно далеко не только для анархистских частей. При этом Московская федерация

²⁸ Ермаков В. Д. Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917—1920 годов. С. 74.

²⁹ Там же. С. 79—80.

³⁰ Там же. С. 176.

³¹ Кудин В. А., Гутман М. Ю. Владимир Сергеевич Шатов — начальник милиции Петрограда, строитель Турксиба: Взлет и падение // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2017. № 4 (76). С. 15—16; Тепляков А. Г. Революционер-анархист, воин и строитель Владимир Шатов // «Ұмытылмасұшінбілу: XX ғасырдың 20—50і жылдардың басындағы тоталитарлық билік және халық»: Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы 30—31 мамыр 2014 жыл / Материалы муждунар. науч.-практ. конф. «Знать, чтобы не забыть: Тоталитарная власть и народ в 20-х — начале 50-х годов XX в.» 30—31 мая 2014 г. Усть-Каменогорск, 2014. С. 462, 464.

³² ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 135. Л. 22—24, 145.

анархистских групп (МФАГ), как и другие организации, неоднократно осуждала грабежи³³ от имени анархизма и разоружала соответствующие группы.

Восстание Чехословацкого корпуса и усиление Белого движения в различных регионах, интервенция стран Антанты летом 1918 г. привели к усилению поддержки большевиков со стороны анархистов. Эту позицию с весны 1918 г. занимают лидеры ВФАК (особенно ее лидер А. А. Карелин) и пананархисты (братья А. Л. и В. Л. Гордины), часть анархо-синдикалистов (И. С. Гроссман и А. М. Шапиро), рассматривавшие большевистскую диктатуру как прогрессивную с точки зрения становления анархо-коммунистических отношений. При этом они критиковали бюрократизацию, репрессии и диктаторские порядки. В 1919—1921 гг. часть видных анархистов (Я. И. Кирилловский, В. И. Федоров-Забрежнев и др.) вступают в РКП(б). Другие, как И. М. Гейцман, И. С. Гроссман, Г. Б. Сандомирский и В. С. Шатов, становятся выразителями «анархо-большевистской позиции». Они оказывают безоговорочную поддержку РКП(б), рассматривая «диктатуру пролетариата» как переходный этап на пути к анархии³⁴.

Большинство анархистов сохранило оппозицию большевикам, рассчитывая противопоставить большевистской диктатуре массовое рабочее и крестьянское движение, способное выступить под зна-

менами самоуправления и анархического коммунизма. Постепенно в этой среде выделяется радикальная оппозиция, поддерживавшая антибольшевистские повстанческие движения на Украине и в Сибири. Здесь с близкой анархистам программой «вольных безвластных Советов» выступает Революционная повстанческая армия Украины (РПАУ), действовавшая летом 1919 — осенью 1921 г. под руководством анархиста-коммуниста Н. И. Махно, бывшего политкаторжанина, в 1917 — начале 1918 г. возглавлявшего Гуляй-Польский Совет. Анархисты вели организационную, агитационно-пропагандистскую, культурно-просветительскую и военную работу в армии Махно. КАОУ «Набат» с осени 1918 г. активно взаимодействовала с махновцами. Его активисты П. А. Аршинов и В. М. Волин руководили в разное время Культурно-просветительным отделом штаба РПАУ. Волин в октябре—ноябре 1919 г. в течение шести месяцев возглавлял Военно-революционный совет махновцев³⁵.

Большую роль анархисты сыграли и в партизанском движении против белогвардейских режимов и интервентов, развернувшемся в Сибири и на Дальнем Востоке в 1919—1922 гг. По оценкам историка А. А. Штырбула, численность участников партизанских и повстанческих движений, действовавших здесь в 1920 — первой половине 1921 г. под руководством анархистов, в разное время составляла 20—45 тыс. человек³⁶. Среди знаменитых

³³ См., напр.: Анархия. 1918. № 29, 28 марта. С. 3; № 30, 29 марта. С. 3; № 33, 1 апр. С. 3; № 34, 3 апр. С. 3; Свободная коммуна. 1918. № 4, 9 апр. (27 марта). С. 1; № 8, 13 апр. (31 марта). С. 2.

³⁴ См., напр.: *Гроссман-Рошин И. С.* Октябрьская революция и тактика анархистов-синдикалистов // *Голос труда*. 1919. № 1. С. 10.

³⁵ Подробнее о роли анархистов в махновском движении см.: *Шубин А. В.* Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. С. 114–125; *Кондрашин В. В.* Повстанческая армия Махно: Мифы и реальность // «Атаманищина» и «партизанщина» в Гражданской войне: Идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и материалов. М., 2015. С. 373–374; *Кравец Ю., Федоров А.* Агитация и пропаганда махновского движения // *Південний захід*. Одеська: Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 24. Одеса, 2018. С. 50–85.

³⁶ *Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири в I-й четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: Теория и практика. Ч. 2. С. 97.

партизанских командиров были анархисты П. Ц. Балтахинов, Н. И. Каландаришвили, И. П. Новоселов, Г. Ф. Рогов, И. Я. Строд, И. Я. Третьяк. Репрессии против партизан, оппозиционных по отношению к большевикам, как и установление диктатуры РКП(б) и проведение политики «военного коммунизма» в Сибири, привели к массовым крестьянским восстаниям. Одно из наиболее мощных, организованное в мае 1920 г. Алтайской федерацией анархистов, возглавляемой Новоселовым и Роговым, охватило Алтай и часть Кузбасса. В июле восставшие были разбиты, Г. Рогов погиб, а И. Новоселов со своими бойцами осенью 1920 — весной 1921 г. принял участие в новых крестьянских восстаниях в Западной Сибири³⁷.

Довольно серьезное влияние анархисты имели среди участников Кронштадтского восстания 1—18 марта 1921 г. Так, из 15 членов Временного революционного комитета, руководившего повстанцами, насчитывалось 4 анархистов и сочувствующих³⁸.

В 1919—1921 гг. часть анархистов в Москве, Самаре, Туле, Ижевске, Петрограде, на Украине, столкнувшись с репрессиями ВЧК, переходит к подпольной вооруженной борьбе. Наиболее ярким ее примером становится деятельность Всероссийской организации анархистов подполья (ВОАП), лидером которой был К. И. Ковалевич. Основанная в июне—июле 1919 г., эта орга-

низация действовала в контакте с Махно. 25 сентября того же года в знак мести против расстрела в Харькове части командного состава махновской бригады ВОАП организовала взрыв в здании Московского комитета РКП(б). ВОАП также получила известность экспроприациями и выпуском прокламаций и других изданий. В ноябре эта организация была разгромлена чекистами³⁹, но это не положило конец движению «анархистов подполья», продолжавшемуся в Москве и Петрограде как минимум до сентября—октября 1922 г., когда в результате операции ГПУ была ликвидирована подпольная группа Д. М. Когана-Рубина и К. И. Ахтырского⁴⁰.

Многие анархисты в 1919—1921 гг., даже ведущие легальную деятельность, подвергаются арестам, преследованиям и даже расстрелам. Уже в мае—июле 1918 г. были закрыты газеты «Анархия», «Жизнь» и «Черное знамя»⁴¹. Закрытие анархистской периодической печати в регионах и столицах продолжалось и в 1919—1921 гг. 1 июля 1919 г. в Москве был закрыт I Всероссийский съезд анархической молодежи. ВЧК арестовала 23 его делегата⁴². В ноябре 1920 г., во время операции по разгрому анархистского движения, только в Харькове украинские чекисты арестовали 346 человек⁴³. Весной 1921 г., во время разгрома восстания в Кронштадте, были арестованы 104 анархиста в Петрограде⁴⁴. 29 сентября 1921 г. во Внутренней тюрьме ВЧК была

³⁷ Там же. С. 78—80, 83—85, 91—93, 126—127, 129—130; Сибирская Вандея. 1919—1920: Документы: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 76—77, 89, 91—93, 126—127, 129—130.

³⁸ Ермаков В. Д. Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917—1920 годов. С. 91.

³⁹ Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917—1920 гг. М., 1978. С. 164—165; Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1990. С. 331; Савченко В. А. Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903—1929 рр.: Історичний аспект та політична практика. С. 226.

⁴⁰ ЦА ФСБ России. Д. Р-45483. Л. 25—28.

⁴¹ Рублев Д. И. Черная гвардия: Московская федерация Анархистских групп в 1917—1918 гг. С. 631, 648.

⁴² Леонтьев Я. В. Кропоткин как правозащитник: Сборник материалов VI Международных Кропоткинских чтений: К 170-летию со дня рождения П. А. Кропоткина: (Материалы и исследования). Дмитров. 2012. С. 133—134, 136—138.

⁴³ Ермаков В. Д. Анархисты на фронтах Гражданской войны 1917—1920 годов. С. 151.

⁴⁴ «Горячий и триумфальный город». Петроград: От «военного коммунизма» к нэпу: Документы и материалы. СПб., 2000. С. 263.

расстреляна группа анархистов во главе с Л. Черным и Ф. Барон. при провокации агента ВЧК С. Я. Барона (Перльмуттера) ложно обвиненных в изготовлении фальшивых денег. 5 января 1922 г. с территории РСФСР в Германию были высланы 10 активистов анархистского движения России.

Введение нэпа было негативно встречено анархистами. подвергшими критике возвращение частнокапиталистических отношений. Так, например, принятая советским ВСАУ «Резолюция о Советах» охарактеризовала установившийся в Советской России экономический строй как один из вариантов государственного капитализма⁴⁵.

Анархисты в период Гражданской войны оставались по-прежнему последовательными сторонниками радикализации

социальной революции. Они самоотверженно воевали на фронтах Гражданской войны против белой контрреволюции. В то же время они были последовательными противниками большевиков в государственном строительстве, поскольку его суть, по их мнению, состояла в создании новых форм угнетения и принуждения народа, но уже под социалистическими лозунгами. Особенно анархистов возмущала политика «военного коммунизма» большевиков и ущемление прав крестьянства в хозяйственной деятельности и вопросах организации народного самоуправления, идею которого они всячески пропагандировали и поддерживали. Именно поэтому анархисты встали под знамена Батьки Махно на Украине и возглавили крестьянские повстанческие отряды в Сибири.

⁴⁵ Универсал. 1921. № 3—4, апр.—май. С. 26.

Часть IV

ЭКОНОМИКА
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Теория и практика утверждения «военного коммунизма»

Экономическая политика, проводимая советской властью в годы Гражданской войны, была названа большевистским руководством, а впоследствии и исследователями, политикой «военного коммунизма». Это одна из самых дискуссионных и активно изучаемых тем в историографии Гражданской войны.

Советские историки, внесшие значительный вклад в изучение проблемы, идеализировали «военный коммунизм», приукрашивали его последствия, доказывали его вынужденный характер, обусловленный иностранной интервенцией и Гражданской войной¹. С этой целью они стремились «выписать» «военному коммунизму» более позднее свидетельство о рождении, т.е. определяли его начальные хронологические рамки с мая 1918 г. (провозглашения советской властью продовольственной диктатуры), а ряд исследователей шли чуть дальше к большевистскому декрету о национализации крупной промышленности 28 июня 1918 г., декрету о продразверстке 11 января 1919 г. и даже к началу 1920 г.

в связи с реализацией советской властью планов хозяйственного строительства на основе принуждения и милитаризации труда².

«Военный коммунизм» связывался советскими историками исключительно с «оборонительной» Гражданской войной. Для победы в ней большевики и выработали «военно-коммунистическую» политику. Она оказалась успешной и благодаря ей, победив в Гражданской войне, они смогли в дальнейшем взять курс на строительство социализма «в одной, отдельно взятой стране».

Занимая подобную позицию, советские историки почти не замечали идеологические и социокультурные аспекты «военного коммунизма», его связь с идеей мировой революции и идеологией марксизма-ленинизма в целом³. В то же время они глубоко и всесторонне охарактеризовали сам процесс введения и реализации политики «военного коммунизма» в годы Гражданской войны: национализацию промышленности в сочетании с централизацией ресурсов,

¹ Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: Политика, практика, идеология. М., 1973; *Он же*. Формирование советской политической системы. М., 1995; Берхин И. Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970; *Он же*. Так что же такое «военный коммунизм»? // История СССР. 1990. № 3. С. 131—142; Дмитриенко В. П. «Военный коммунизм», нэп... // Там же. С. 3—26; и др.

² Берхин И. Б. Так что же такое «военный коммунизм»? С. 139; Дмитриенко В. П. «Военный коммунизм», нэп... С. 6; и др.

³ Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: Идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 40—41.

государственную монополию на торговлю (которая не могла удовлетворить потребности людей и поэтому сопровождалась возникновением сильного черного рынка), стремительную инфляцию, приведшую к частичному прекращению денежных сделок и широкому распространению бартера и выплат заработной платы товарами, продразверстку (реквизирование крестьянских излишков), милитаризацию труда (создание трудовых армий и т. д.).

В постсоветский период изучения проблемы исследователи подвергли критике тезис советской историографии о вынужденности «военного коммунизма», указав на важнейшее значение идеологии большевизма в принятии и реализации этой политики советской властью в годы Гражданской войны⁴. При этом ряд ведущих советских историков скорректировали свою позицию и признали наличие в политике «военного коммунизма» элементов неоправданного форсирования темпов социально-экономических преобразований и утопизма⁵.

В работах историков новейшего времени акцентируется внимание на «идейных истоках» советской экономической модели, возникшей в годы Гражданской войны⁶. Превалирует критическая оценка политики

«военного коммунизма», указывается на ее важную роль в формировании командно-административной системы в СССР (модель будущей коллективизации в СССР)⁷, обусловленность опытом государственного регулирования 1914—1917 гг., утопическими представлениями большевиков о путях утверждения мировой революции, а также особым психологическим состоянием общества под воздействием Первой мировой войны и революции 1917 г.⁸

Большинство современных исследователей определяют начало «военного коммунизма» первыми декретами советской власти о национализации, рабочем контроле и хлебной монополии, а также установлением в стране диктатуры большевистской партии (декабрь 1917 г. — первая половина 1918 г.)⁹. Таким образом, речь идет о периоде до начала фронтовой Гражданской войны.

В литературе существует дискуссия о содержании основных этапов политики «военного коммунизма». В частности, Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов увидели в политике большевиков весной 1918 г. элементы «нэпа» (статья В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти»), которые не реализовались из-за чехословацкого мятежа и победы антибольшевист-

⁴ «Военный коммунизм»: Как это было: (По материалам «круглого стола»). М., 1991; *Булдаков В. П., Кабанов В. В.* «Военный коммунизм»: Идеология и общественное развитие. С. 40—58; *Коган Л. А.* Военный коммунизм: Утопия и реальность // *Вопросы истории*. 1998. № 2. С. 122—135; *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997.

⁵ *Амбарцумов Е. А.* Анализ В. И. Лениным причин кризиса 1921 г. и путей выхода из него // *Вопросы истории*. 1984. № 4; *Гимпельсон Е. Г.* Формирование советской политической системы. М., 1995. С. 96.

⁶ См.: *Попов В. П.* Очерки советской экономики: Характер, механизмы, резервы, демографические последствия. М., 2020. С. 20—23.

⁷ См.: *Никольский С. А., Кознова И. Е., Аристова Е. П., Колганова Н. В.* Интернационализм проекта «всемирного СССР» на примере аграрной политики 1918—1937 годов в России, Казахстане и Украине в его историческом, философском и художественном осмыслении. М., 2022. С. 42—101.

⁸ *Борисова Л. В.* Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.). М., 2006; *Булдаков В. П., Кабанов В. В.* «Военный коммунизм»: Идеология и общественное развитие. С. 40—58; *Давыдов А. Ю.* Мещочничество и советская продовольственная диктатура. 1918—1922 годы // *Вопросы истории*. 1994. № 3. С. 46; *Леонов С. В.* Советская государственность: Замыслы и действительность (1917—1920) // *Вопросы истории*. 1990. № 12. С. 41; *Попов В. П.* Очерки советской экономики: Характер, механизмы, резервы, демографические последствия. М., 2020. С. 21—26; и др.

⁹ *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: Власть и массы; и др.

ских сил на Украине и Северном Кавказе, перекрывших каналы поступления продовольствия в Центр страны¹⁰. С ними не согласен С. А. Павлюченков, утверждая, что таким образом авторы перекладывают ответственность за действия большевиков на контрреволюцию. Между тем, по его мнению, именно большевики своей «красногвардейской атакой на капитал» развалили городскую экономику, подорвали региональные экономические связи и создали почву для контрреволюции¹¹.

Следует отметить несомненные успехи российских исследователей в изучении экономики России периода «военного коммунизма»¹². Особенно заслуживают внимания работы В. В. Кабанова и В. Л. Телицына

о крестьянском хозяйстве¹³, А. А. Матвейчука и М. В. Ходякова о промышленности¹⁴, В. И. Борисова, А. А. Васильева, И. Т. Филиппова и других авторов о продрозверстке¹⁵, Л. В. Борисовой и А. А. Ильюхова о политике советской власти в сфере труда¹⁶, А. Ю. Давыдова о нелегальном снабжении (мешочничестве)¹⁷, С. В. Веселова о кооперации¹⁸ и др. В них на новых архивных материалах показано реальное состояние основных отраслей российской экономики в годы Гражданской войны, влияние на них политики «военного коммунизма».

Рассматриваемая проблема получила освещение в зарубежной историографии¹⁹. Так, например, в трудах Л. Самуэли обосновывается тезис о мощной идейной

¹⁰ История Отечества: Люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 14, 49, 52, 55—57, 61, 115.

¹¹ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. С. 26.

¹² Иголкин А. А. Военный коммунизм: Политика против экономики // Гражданская война в России 1917—1922 гг.: Очерки экономической и политической истории. М., 2004. С. 186—249; Мухамедина Ш. Экономическая политика советской власти в Казахском регионе 1917—1926 гг. // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 125—133; Ольшеский В. Г. Финансово-экономическая политика советской власти в 1917—1918 гг.: Тенденции и противоречия // Отечественная история. 1999. № 3. С. 28—45; Присяжный Н. Экономическая чума: Военный коммунизм в России: (Историко-экономический анализ. 1918—1921 гг.). Ростов н/Д., 1994; Суворова Л. Н. За «фасадом» «военного коммунизма»: Политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4; Хазиев Р. А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917—1921 годах: Хаос, контроль и стихия. М., 2007; и др.

¹³ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988; Телицын В. Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: Крестьянское хозяйство Урала в 1917—1921 гг. М., 1998.

¹⁴ Матвейчук А. А. В клещах пролетарской национализации // Нефть России. 2018. № 6; Ходяков М. В. Децентрализм в промышленной политике регионов России: 1917—1920 гг. СПб., 2002.

¹⁵ Борисов В. И. Хлеб, война, революция: Продовольственная политика на Юге России в период Первой мировой войны и революции (1914—1918). М.; Луганск, 1997; Васильев А. А. Продовольственная политика Советского государства в 1918—1920 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001; Тишкина А. В. Товары и цены в Советской России в 1917—1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2008. № 10. С. 88—93; Филиппов И. Т. Продовольственная политика в России в 1917—1923 гг. М., 1994; Ямальная Г. А. Чрезвычайные органы Воронежской и Курской губерний в условиях военного времени: Методы управления хозяйственной деятельностью (1918—1920 гг.) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. 2010. № 7 (78). Вып. 14. С. 174—181; и др.

¹⁶ Борисова Л. В. Военный коммунизм: Насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2000; Она же. Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.); Ильяхов А. А. Политика Советской власти в сфере труда (1917—1922 гг.). Смоленск, 1998.

¹⁷ Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917—1921 гг. СПб., 2007; и др.

¹⁸ Веселов С. В. Кооперация и Советская власть: Период «военного коммунизма» // Вопросы истории. 1991. № 9—10; и др.

¹⁹ Дэвис Р. У., Гастреля П. От царизма к нэпу // Вопросы истории. 1992. № 8/9. С. 32—54; Malle S. The Economic Organization of War Communism. 1918—1921. Cambridge, 1985.

подоплеке «военного коммунизма», восходящей к Марксу, Энгельсу и К. Каутскому²⁰. Р. Даниэльс связывает утверждение «военно-коммунистических» порядков с декретом СНК от 28 июня 1918 г. о национализации промышленности²¹. Японский исследователь С. Кадзикава считает, что политика «военного коммунизма» была закономерным явлением, реакцией большевиков на хозяйственную разруху в стране²². Продразверстка всесторонне освещена в монографии Л. Ли «Хлеб и власть в России», получившей высокую оценку специалистов²³. Аграрно-крестьянский аспект затронут в работах А. Грациози, М. Левина и О. Файджеса²⁴. В связи с его анализом представляет интерес точка зрения М. Левина об этатизации и арханизации общественно-экономической жизни страны в результате политики «военного коммунизма». Зарубежные исследователи подчеркивают неудачи советской власти в организации промышленности и сельского хозяйства «военно-коммунистическими» методами²⁵.

Впервые термин «военный коммунизм» в качестве характеристики экономической политики советской власти в годы Гражданской войны был использован В. И. Лениным в апреле 1921 г. в статье «О продовольственном налоге». Эта статья важна еще и тем, что в ней в обобщенном виде изложена ленинская трактовка сути политики «военного коммунизма»: ее причин и результатов. «Своеобразный “военный коммунизм” состоял в том, — писал

В. И. Ленин, — что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли. И тот факт, что мы победили (вопреки поддержке наших эксплуататоров могущественнейшими державами мира), показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эсеры, Каутский и К°, когда они ставили нам в вину этот “военный коммунизм”. Его надо поставить нам в заслугу. Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. “Военный коммунизм” был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе»²⁶.

Таким образом, в «военном коммунизме» Ленин видел вызванные войной

²⁰ Szamuely L. First Models of the Socialist Economic Systems: Principles and Theories. Budapest, 1974. P. 24—28.

²¹ Daniels R. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Union. Boulder, 1988. P. 92, 94.

²² Кадзикава С. О военном коммунизме // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 331—336; и др.

²³ Li L. Bread and Authority in Russia, 1914—1921. Berkely, 1990.

²⁴ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне. 1917—1933 гг. М., 2001; Levin M. Making of Soviet System. N.Y., 1985; Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917—1921). Oxford, 1989.

²⁵ Malle S. The Economic Organization of War Communism. 1918—1921. Cambridge, 1985; Yaney G. The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia. 1861—1930. Urbana, 1982. P. 463—508.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 220.

действия советской власти по принудительному изъятию у крестьян («в долг», «за бумажные деньги») хлеба для рабочих и армии ради победы над врагом.

В дальнейшем, вслед за Лениным, термин «военный коммунизм» прозвучал в выступлениях В. М. Молотова, Е. А. Преображенского, Л. Д. Троцкого и Б. Д. Рызанова на состоявшемся в марте—апреле 1922 г. XI съезде РКП(б) как антитеза нэпу, «отменившему» «военный коммунизм»²⁷.

В действительности, автором данного термина являлся не Ленин, а его идейный противник А. А. Богданов, у которого вождь большевиков, скорее всего, его и заимствовал. Последний ввел термин «военный коммунизм» еще до Октября 1917 г. для характеристики экономической политики воюющих в Первой мировой войне стран, правительства которых перенесли «военно-коммунистическую организацию» фронта, представлявшего собой «обширную потребительскую коммуну», на тыл. Но такая политика «военного коммунизма», по мнению Богданова, не имела ничего общего с социализмом, поскольку социализм — это «товарищеская организация производства», а последний («военный коммунизм») — «авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления»²⁸. Почти сразу же после захвата власти большевиками и провозглашения курса на «социалистическую революцию» Богданов указал, что Ленин и большевики в действительности пошли не по пути этой революции, а стали проводить «военно-коммунистическую» политику капиталистических стран²⁹.

В данном контексте представляется заслуживающей внимания точка зрения ряда исследователей о том, что большевистская

политика «военного коммунизма» гносеологически не включала в себя ничего «социалистического», поскольку отрицала дух социализма, черпающего свой импульс в демократии. В большей степени она была связана с тем, что называлось «государственно-монополистическим капитализмом», который Ленин хорошо понимал и без знакомства с идеями бывшего соратника³⁰. Поэтому для него «военный коммунизм» стал прежде всего средством решения труднейших проблем экономики страны, как доставшихся большевикам от предшествующих властей, так и появившихся в ходе реализации их политической программы и охватившей страну Гражданской войны.

«Военный коммунизм» возник не на пустом месте. Его элементы существовали в политике царского самодержавия и Временного правительства. Они имели место и во всех странах-участницах Первой мировой войны, поскольку поразивший их экономический кризис имел общую природу и требовал примерно одинаковой схемы действий: максимального усиления роли государства в производстве, снабженческо-распределительной сфере, в мобилизации трудовых ресурсов и т. д. По этому пути пошло и царское правительство, регулируя экономику государственными заказами, фиксированными ценами, ограничением свободы торговли, введением хлебной разверстки.

Эту традицию продолжило и Временное правительство. В условиях продовольственного кризиса оно начало свою деятельность с объявления хлебной монополии законом от 25 марта 1917 г. «О передаче хлеба в распоряжение государства»³¹. Очевидец событий, историк-меньшевик

²⁷ XI съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1961. С. 52, 80, 82, 133.

²⁸ Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 76, 87.

²⁹ Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 348.

³⁰ Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: Идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 40.

³¹ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 398.

Н. Н. Суханов, считал, что именно хлебной монополией Временного правительства был провозглашен в России «военный коммунизм»³². Более того, руководитель экономического отдела исполкома Петроградского совета В. Г. Громан, впоследствии крупнейший советский статистик, предложил Временному правительству усилить регулирующее участие государства почти во всех отраслях промышленности, а также в распределении сырья и готовой продукции. Его план предусматривал и фиксацию цен на основные товары. Однако предложения Громана, несмотря на заявления главы Временного правительства А. Ф. Керенского о необходимости строгого регулирования всех сторон экономической жизни государства, не получили поддержки из-за противодействия промышленных кругов, стремившихся сохранить свои прибыли в неприкосновенности³³.

Этот факт хорошо осознавало большевистское руководство. На состоявшемся в августе 1917 г. VI съезде РСДРП(б) оно констатировало неспособность Временного правительства из-за его соглашательства с буржуазией справиться с нараставшей в стране экономической катастрофой³⁴. Чуть позже, в сентябре 1917 г., об этом же напишет Ленин в своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»³⁵.

Таким образом, доставшееся большевикам после захвата власти «наследство» в виде кризисного состояния экономики России требовало действий, направленных на его преодоление. Во-первых, необходимо было как минимум сохранить действующее производство и, во-вторых, рациональ-

но организовать распределение имевшихся продовольственных и сырьевых запасов. Именно в этом, по оценке Н. И. Бухарина, и состояла «историческая роль» политики «военного коммунизма», когда в силу сложившихся объективных обстоятельств главным стало «не столько развитие хозяйства и подъем производительных сил, сколько потребление уже имеющихся запасов»³⁶.

По свидетельству члена президиума ВСНХ Ю. Ларина (М. А. Лурье), образцом для большевиков при выработке чрезвычайной экономической политики в годы Гражданской войны стал «военный коммунизм» врага России в мировой войне Германии. Германский опыт «ставился на голову», «организационные формы господства буржуазного хозяйства» были превращены в орудие организационного утверждения диктатуры пролетариата», — вспоминал Ю. Ларин³⁷. Видимо, он был недалек от истины, поскольку Ленин высоко оценивал предпринятые «буржуазно-юнкерской» Германией «железные» меры по управлению экономикой в годы войны, хотя и назвал их «военной каторгой для рабочих»³⁸. Как известно, эти меры состояли в государственной монополии и твердых ценах на важнейшие продукты питания и товары ширпотреба, в их нормированном распределении, во введении трудовой повинности, а также разверсточного метода отчуждения сельскохозяйственного продукта от сельского населения³⁹. Еще находясь в эмиграции, в марте 1917 г. Ленин предлагал «осуществить правильно и быстро разверстку хлеба и других припасов, проводить в жизнь “всеобщую трудовую повинность”, которую французы назы-

³² Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. М., 1931. С. 386.

³³ Мау В. А. Реформы и догмы. М., 1993. С. 40.

³⁴ VI съезд РСДРП(б): Протоколы. М., 1958. С. 150—154.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 151—199.

³⁶ Бухарин Н. И. О новой экономической политике и наших задачах // Большевик. 1925. № 8. С. 5—6.

³⁷ Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914—1918 гг.). М.; Л., 1928. С. 5—6.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 179, 191.

³⁹ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. С. 67.

вают теперь “гражданской мобилизацией”, а немцы “обязанностью гражданской службы”⁴⁰. Весной 1918 г. приехавшая для налаживания торговых отношений группа немецких предпринимателей после получения информации от Совнаркома о принципах советской экономической политики заявила: «Знаете, то, что у вас проектируется, проводится и у нас. Это вы называете “коммунизмом”, а у нас это называется государственным контролем»⁴¹. Тогда же Ленин призывал большевиков учиться «государственному капитализму у немцев», «всеми силами перенимать его», «не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁴².

В связи с несомненным фактом влияния на большевистское руководство и лично Ленина германского опыта, а также доставшегося от царского самодержавия и Временного правительства груза нерешенных проблем в экономике, дискуссионным является вопрос о роли марксистской идеологии и доктринальных целей большевистской партии при выработке и проведении в годы Гражданской войны политики «военного коммунизма».

Нет сомнений в том, что у большевиков не было заранее четко выработанного плана управления Россией и ее экономикой по «социалистическому пути». В конце августа 1917 г. Ленин писал по этому поводу: «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему,

а конкретно, практически, это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело»⁴³. Эту же мысль Ленин повторил на излете своей политической карьеры 17 января 1923 г. в статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)». В ней он признался, что в Октябре 1917 г. у большевиков не было знания «деталей» будущего развития России, и они просто «ввязались в серьезный бой» по принципу Наполеона «On s'engage et puis... on voit» («Сперва ввязаться в бой, а там видно будет»)»⁴⁴. 8 марта 1918 г. на VII съезде РКП(б), еще до начала фронтовой стадии Гражданской войны, в полемике с Бухариным Ленин заявлял: «Каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем»⁴⁵.

Тем не менее программные документы большевистской партии и заявления ее лидеров содержат информацию, которая позволяет судить об их конкретных планах и действиях по выводу российской экономики из кризиса с учетом влияния на них марксистской идеологии. Вот лишь некоторые и наиболее важные из них.

На Апрельской партийной конференции 1917 г. в качестве первоочередных «шагов к социализму» были названы: национализация земли, установление государственного контроля над банками, страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами (Продуголь, Продамет и др.), проведение всеобщей трудовой повинности⁴⁶.

В работе Ленина «Государство и революция» простые рабочие и крестьяне вступают во владение уже исправно работающим механизмом империалистической экономики⁴⁷.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 43—44.

⁴¹ Труды I Всероссийского съезда народного хозяйства. М., 1918. С. 157.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 301.

⁴³ Там же. Т. 34. С. 116.

⁴⁴ Там же. Т. 45. С. 381.

⁴⁵ Там же. Т. 36. С. 64, 65.

⁴⁶ Там же. Т. 31. С. 451—452.

⁴⁷ Там же. Т. 33. С. 1—120.

Призыв к строжайшему контролю за производством и учету продукции, арестам и отдаче под суд «революционного народа» осмелившихся «поднять руку на народное добро» лиц, содержится в воззвании Ленина к рабочим от 5 ноября 1917 г.⁴⁸ Меры строжайшего контроля, регламентации производства и усиления административно-репрессивных мер в отношении нарушителей трудовой дисциплины последовательно обосновывались и в других выступлениях и работах Ленина, в том числе в период, предшествовавший «красному террору». В этой связи следует подчеркнуть, что склонность к «классовому насилию» и террору оставалась неизменной позицией вождя большевиков в годы Гражданской войны. Анализируя причины победы в войне, он откровенно говорил, что новая дисциплина держалась на революционном насилии, которое следовало использовать не только в военное, но и в мирное время⁴⁹.

В декабре 1917 г. на заседании бюро ВСНХ Ленин предложил план «по налаживанию правильной хозяйственной жизни», названный участником заседания, будущим начальником ЦУНХУ СССР Н. Осинским (В.В. Оболенским) «проектом всеобщей национализации производства». План предусматривал объявление собственностью государства всех акционерных предприятий, при сохранении управления в руках бывших собственников, если последние подчинятся закону о рабочем контроле и будут предоставлять еженедельную отчетность местным Советам. В плане содержались пункты об аннулировании внешних и внутренних займов, о прикреплении всех граждан к потребительским обществам, введении

всеобщей трудовой повинности для граждан от 16 до 55 лет и др.⁵⁰

Важным источником, раскрывающим планы экономической политики большевиков, являются наброски Ленина к проекту новой программы партии, написанные в начале марта 1918 г. В них ставилась цель, которая сводилась к следующему: «Социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе» через заводские комитеты под общим руководством советской власти; введение государственной монополии торговли и ее замена в дальнейшем планомерно-организованным распределением через союзы торгово-промышленных служащих; принудительное объединение «всего населения» в потребительско-производительные коммуны и повышение в них «организованности», «дисциплины» и «производительности труда» за счет «соревнования» между коммунарами для постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки, постепенного «выравнивания всех заработных плат и жалований во всех профессиях и категориях». В завершение автор набросков предлагал замену «индивидуального хозяйничанья» отдельных семей «общим кормлением» их «больших групп»⁵¹. Фактически это была программа «распределительного социализма», который легко мог трансформироваться в «военный коммунизм».

В то же время в «Очердных задачах Советской власти» Ленина, увидевших свет в конце апреля 1918 г., до выступления чехословаков и начала активной фазы Гражданской войны говорилось о сохранении рыночных элементов в экономике страны: сдельной оплате труда, аккуратном и добросовестном счете денег, экономном хозяйничаньи, зависимости высоты заработка от успешности выполнения установленных

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 66.

⁴⁹ Там же. Т. 36. С. 217, 146, 474, 144—145; Т. 40. С. 117, 120.

⁵⁰ Там же. Т. 35. С. 174, 428, 429.

⁵¹ Там же. Т. 36. С. 72, 74—75.

норм производительности предприятия и т.д.⁵² Эта установка вождя была не плодом его теоретических размышлений, а отражением реальных процессов в промышленной отрасли страны. Например, о сохранении сдельной оплаты труда как средства повышения производительности труда шла речь в резолюции Центрального комитета Всероссийского союза рабочих-металлистов от 25 марта 1918 г.⁵³ В этот период для Ленина главным была не борьба за абстрактную марксистскую доктрину, стойким приверженцем которой он оставался, а желание научить трудящихся «управлять Россией» на уровне конкретных предприятий, с использованием традиционных хозяйственных методов и преимуществ со-

ветской власти. Но это не означало отхода от «базовых» ценностей большевистской партии.

Приведенные и другие факты дают основания заключить, что в рамках магистрального направления — строительства социализма — у большевиков имела программа, основанная на марксистской идеологии и включавшая в себя элементы «военного коммунизма»: национализацию средств производства, тотальную регламентацию экономической и общественной жизни, ставку на «классовое насилие» и т.д. Но они не были чисто «марксистскими», а являлись частью необходимых мер организации экономической жизни в условиях военного времени.

«Красногвардейская атака на капитал»

Темпы и методы реализации «военно-коммунистических элементов» в сторону «полноценного» «военного коммунизма» зависели от многих факторов: политической активности большевиков, сопротивления их противников и т.д. Под влиянием этих факторов большевики и пошли по пути «военного коммунизма» в годы Гражданской войны. Но «военный коммунизм», как законченная структура, сложился не сразу. Его основные элементы вызревали и укоренялись постепенно, проникнув во все поры хозяйственного механизма страны лишь к концу Гражданской войны. Политика «военного коммунизма» имела несколько этапов в своем развитии.

Первым из них стал период с декабря 1917 г. по май 1918 г. В это время первыми шагами в сторону «военного коммунизма» стали ноябрьско-декабрьские декре-

ты советской власти о рабочем контроле (14 (27) ноября 1917 г.)⁵⁴ и о национализации банков (14 (27) декабря 1917 г.)⁵⁵. Они положили начало стратегическому курсу большевиков на ликвидацию частного капитала, собственности и концентрации финансов и промышленности в руках государства. Его причиной стало реальное противодействие части банкиров и предпринимателей политике советской власти, а также доктринерская идея марксизма об уничтожении частной собственности как главного условия строительства социализма. «Нам надо было буржуазию раздробить, уничтожить в ее руках всякую собственность, поскольку всякую собственность она обращала в оружие против нас», — вспоминал об этом времени советский нарком просвещения А. В. Луначарский⁵⁶.

⁵² Там же. С. 165—208.

⁵³ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. С. 56.

⁵⁴ Декреты Советской власти. Т. I. С. 78—81.

⁵⁵ Там же. С. 230.

⁵⁶ Луначарский А. В., Покровский М. Н. Семь лет пролетарской диктатуры. М., 1925. С. 23.

Введение рабочего контроля и начавшаяся национализация в виде «красногвардейской атаки на капитал» в первые месяцы советской власти объяснялись несомненным идеализмом большевиков, всерьез полагававших, что трудящиеся массы, прежде всего пролетариат, окажутся способными управлять экономикой и государством. Но «военно-коммунистическое» забегание вперед не мыслилось ими тогда в каких-то агрессивных формах, в том числе и в виде жесткой диктатуры партии. Например, Ленин первоначально исходил из того, что необходимо было «предоставить полную свободу творчества народным массам», что Россия вообще «выросла из того, чтобы кто-то управлял ею», и большевикам следует создать «коалицию с огромным большинством населения»⁵⁷. Позднее он пропагандировал идею о необходимости обучения трудящихся путем участия в управлении государством, понимая, что уставшие и пауперизованные массы, включая питерский пролетариат, еще не готовы к решению этой задачи в «мелкокрестьянской стране», где осталось немало «стихийного анархизма», усиленного «озверением и одичанием», а также распространены настроения «отчаяния и беспредметного озлобления»⁵⁸.

Делая ставку на потенциал революционных масс в управлении экономикой и государством в рассматриваемый период, Ленин и руководство большевистской партии не собирались самоустраняться от этого процесса и наблюдать за ним как бы со стороны. Наоборот, они считали, что партия как авангард пролетариата в социалистической революции должна была встать «во главе истомленной и устало ищущей выхода массы», а последняя должна подчиниться ее «единой воле» как «руководите-

ля трудового процесса»⁵⁹. Таким образом, речь шла о сохранении за большевистской партией руководства трудящимися массами в создании новой России.

Но рабочий класс и проводимая при его активном участии политика национализации («красногвардейская атака на капитал») не оправдали надежд большевиков. На практике декрет о рабочем контроле на частных и национализированных предприятиях, отдавший их рабочим комитетам в управление, привел к тому, что рабочие коллективы стали в первую очередь решать свои материальные проблемы, «проедать» финансовые счета предприятий, особо не заботясь о судьбе производства. Более того, были случаи сговора фабзавкомов с администрацией и бывшими владельцами предприятий с целью выкачки капитала со счетов предприятий из национализированных советских банков для личных нужд. Налицо были и другие издержки первого этапа национализации промышленности: закрытие предприятий, падение производства. Особенно болезненным был отток из промышленности квалифицированных управленцев и кадров специалистов⁶⁰.

Данная проблема осознавалась и обсуждалась большевистским руководством. Например, член Президиума ВСНХ В. П. Милютин в марте 1918 г. для улучшения ситуации на промышленных предприятиях предложил вернуть к их управлению «опытных организаторов трестов», т.е. бывших менеджеров высшего звена капиталистических монополий России. Для этого следовало выпустить акции национализированных предприятий и половину из них передать им («представителям трестов»). Предложение Милютина не прошло. На заседании Президиума ВСНХ 19 марта 1918 г. возобладала точка зрения

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27, 46, 199, 276; Т. 36. С. 64.

⁵⁸ Там же. Т. 35. С. 276; Т. 36. С. 52, 53, 174, 311.

⁵⁹ Там же. Т. 36. С. 200.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 308. Л. 8, 11—11 об., 27—28.

на дальнейшую концентрацию экономической власти в руках государства⁶¹.

Но милютинский план не был отторгнут окончательно. Более того, неожиданно его «обломки» подобрал и попытался склеить вождь большевиков В. И. Ленин. В уже упоминавшейся брошюре «Очередные задачи Советской власти», напечатанной 28 апреля 1918 г. в газете «Правда», он выступил против дальнейшего форсирования национализации. Хотя Ленин и не поддержал идею Милютина об акционировании, тем не менее фактически он повторил главную ее мысль о временном компромиссе с буржуазией: учет и контроль над производством остается за советской властью, а управление временно передается капиталистам и их спецам⁶².

Таким образом, факт милютинско-ленинских попыток минимизировать негативные последствия первой волны «красногвардейской атаки на капитал» путем привлечения к управлению промышленностью бывших владельцев и спецов свидетельствовал о прагматизме в экономической политике большевиков в данный период, их озабоченности состоянием экономики, отсутствием у части руководства партии, включая Ленина, идеологического фанатизма в решении экономических проблем.

Если для Ленина и ряда других его соратников был характерен прагматизм в экономической политике, то этого нельзя было сказать о другой очень влиятельной группе в большевистской партии, так называемых левых коммунистах, сформировавшихся в качестве внутривластной оппозиции в январе 1918 г. Левые коммунисты настаивали на продолжении «коммунистического» штурма в экономике, выступали с идеей экс-

порта революции в другие страны с целью подталкивания мировой революции. Из их среды раздавались призывы к расколу деревни и форсированию там «социалистического строительства»: созданию коммун и колхозов в самые ближайшие сроки.

Именно левые коммунисты и им сочувствующие являлись тем крылом большевистской партии, для которого коммунистическая идеология была определяющей в их действиях. Поэтому они были готовы и дальше идти по пути «военного коммунизма»⁶³.

На первом этапе формирования системы «военного коммунизма» возникли и утвердились в качестве его важнейшего инструмента государственное насилие и террор. На первый взгляд, их использование большевиками объяснялось марксистской теорией классовых борьбы, требующей уничтожения «эксплуататорских классов». Но, с другой стороны, конкретный ход событий говорил о постепенном втягивании большевиков в террор, применении ими государственного насилия в первые месяцы советской власти в большинстве случаев как ответной меры против действий антибольшевистских сил (погромы винных складов в Петрограде и т.д.). Ленин заявлял по этому поводу: «Чем более крайним является сопротивление эксплуататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплуатирруемыми»⁶⁴. В то же время, как уже говорилось ранее о взглядах Ленина, нельзя не отметить явную склонность руководства большевиков к крайним мерам. Например, в январе 1918 г. Ленин призывал расстреливать на месте спекулянтов и подобных им лиц⁶⁵. В феврале 1918 г., по воспоминаниям наркома продовольствия А. Д. Цюрупы,

⁶¹ Павлюченков С. А. Крестьянский брест, или предистория большевистского нэпа. М., 1996. С. 43—44.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 165—208.

⁶³ Геббс Я. Левые коммунисты в России. 1918—1930-е гг. М., 2008.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 194.

⁶⁵ Там же. С. 311, 312, 314, 358.

в направленной в Чрезвычайную комиссию по продовольствию и транспорту записке лидер большевиков предложил расстреливать крестьян за несдачу в срок наложенного на них задания по сдаче хлеба⁶⁶.

В целом экономическая политика большевиков с момента захвата ими власти и до мая 1918 г. содержала в себе как элементы «военного коммунизма», так и прагматизма. Причем последний из них явно доминировал. Тем не менее налицо были

и негативные последствия «красногвардейской атаки на капитал» в виде остановки предприятий и падения общей производительности труда. Но в целом никаких планов «завинчивания гаек» и укрепления чисто «военно-экономических» методов управления экономикой у большевистского руководства тогда не было, несмотря на активную полемику в его рядах о дальнейших судьбах революции.

«Военный коммунизм» в деревне. Продразверстка

Если в поисках методов выхода из промышленного кризиса Ленин был готов идти на компромисс с «крупной» и «средней» буржуазией, то этого нельзя было сказать в отношении основной массы крестьянства, которую он явно недолюбливал. Так, 29 апреля 1918 г. на заседании ВЦИК Ленин говорил: «Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов, но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, они — враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу»⁶⁷.

Антикрестьянский настрой Ленина во многом был связан с его марксистским взглядом на крестьянство как неоднородную массу, состоящую из мелкой буржуазии («кулаков»), середняков и бедняков (батраков), у которых не было общих интересов и среди которых союзником пролетариата было лишь беднейшее крестьянство, а кулачество являлось непримиримым врагом и крестьян, и советской власти. Средняки же были ненадежной массой, поскольку ориентировались только на интересы своего хозяйства.

Ленинская антикулацкая (антикрестьянская) позиция в полной мере изложена в письме вождя большевиков питерским рабочим «О голоде», напечатанном в «Правде» 24 мая 1918 г. В нем он писал: «Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки, срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей на пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добывающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: “Кто не работает, тот да не ест”»⁶⁸.

Ситуация кардинально изменилась в мае—июне 1918 г. 13 мая 1918 г. выхо-

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 265.

⁶⁸ Там же. С. 357.

дит декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию⁶⁹, 11 июня — об организации комитетов деревенской бедноты⁷⁰. Эти декреты положили начало новой фазе «военно-коммунистического» наступления, но уже не на промышленную отрасль экономики, а на сельское хозяйство и российскую деревню в целом. В результате в стране установилась продовольственная диктатура советской власти. Ее реализация сказалась и на системе советских властных органов.

Подобное развитие событий было не случайным. Доставшийся от Временного правительства большевикам продовольственный кризис так и не был преодолен, несмотря на все усилия советской власти. Например, с декабря 1917 по май 1918 г. из намеченных по плану 137 млн пудов хлеба для снабжения столиц и промышленных центров было получено только 18,4 млн пудов, или около 14%. Это означало, что из положенных в месяц рабочему 25 фунтов хлеба реально он получил только 3,5 фунта⁷¹. Срыв поставок продовольствия в города в первые месяцы существования советской власти во многом объяснялся проблемами на транспорте. Работу железных дорог и водного транспорта парализовала стихийная демобилизация армии. Кроме того, дестабилизация управления перевозками произошла из-за резкого падения трудовой дисциплины железнодорожных служащих⁷².

Большевики пытались бороться с разрухой на транспорте и угрозой голода. Например, 1 января 1918 г. Совнарком назначил Л. Д. Троцкого председателем Чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту. Троцкий ввел строгие меры по борь-

бе со спекуляцией, вплоть до расстрела «мешочников» в случае их сопротивления при изъятии продуктов. В деревню были направлены первые вооруженные отряды для реквизиции продовольствия⁷³.

26 марта 1918 г. Совнарком принял декрет и инструкцию «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок», в которых вводилась коллективная ответственность волостей за сдачу хлеба агентам Наркомпрода: выдача товаров при условии выполнения заданий всеми хозяйствами волости, запрет под страхом уголовного наказания самочинных обменов товаров на хлеб и т. д.⁷⁴ Декрет нацеливал деревенскую бедноту на участие в заготовках с помощью передачи им основной части промышленных товаров, предназначенных к обмену за хлеб. Тем самым на бедноту делалась ставка как на главную опору большевиков в деревне.

Эти меры лишь смягчили общую кризисную ситуацию со снабжением хлебом городов, но не решили ее кардинально. В мае 1918 г. она резко ухудшилась из-за потери большевиками житниц Украины, Северного Кавказа, Поволжья и Сибири в результате захвата их антибольшевистскими силами (чехословаками, белыми и т. д.). Именно данное обстоятельство подтолкнуло большевиков к ужесточению продовольственной политики и использованию чисто «военно-коммунистических» методов для ее осуществления. Кроме того, продовольственный кризис, создавший угрозу голодной катастрофы в городах, обусловил усиление «военно-коммунистических» элементов в управлении промышленностью и транспортом. Но самым главным катализатором утверждения на контролируемой большевиками территории «военного

⁶⁹ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва: Стеногр. отчет. М., 1920. С. 250.

⁷⁰ Там же. С. 254.

⁷¹ Павлюченко С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. С. 89.

⁷² Там же. С. 92.

⁷³ Там же. С. 134.

⁷⁴ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 451.

коммунизма» стала новая, фронтовая, стадия Гражданской войны. С этого момента экономическая политика советской власти определяется только ею, а не коммунистической идеологией как таковой. Главной целью «военного коммунизма» становится максимальная концентрация всех ресурсов промышленности и сельского хозяйства для военных нужд, а не абстрактные цели «строительства социализма» или «мировой революции».

Декрет ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию фактически дублировал постановление Временного правительства от 25 марта (7 апреля) 1917 г. «О передаче хлеба в распоряжение государства»⁷⁵ («ни один пуд хлеба не должен остаться на руках держателей, за исключением количества, необходимого для посева их полей и на продовольствие их семей до нового урожая»). Однако большевистский декрет предусматривал более суровые меры к крестьянам: применение вооруженной силы в случае противодействия заготовкам хлеба. Об этом прямо заявлял нарком продовольствия А. Д. Цюрупя: «Я желаю с совершенной откровенностью заявить, что речь идет о войне, только с оружием в руках можно получить хлеб»⁷⁶. Ленин 27 июня 1918 г. на IV съезде профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы в докладе о текущем моменте назвал предстоящую борьбу за хлеб «борьбой за социализм», «за спасение Советской республики», «за социалистический путь развития России»⁷⁷.

Для борьбы с вольной торговлей хлебом и мешочничеством в рамках мероприятий по обеспечению выполнения декретов о продовольственной диктатуре на желез-

нодорожных станциях и в сельской местности создавались специальные заградотряды.

Декрет ВЦИК «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями» от 11 июня 1918 г. и последовавшие в его развитие постановления об организации продотрядов стали важнейшим шагом на пути укоренения в советской деревне «военно-коммунистических» порядков. «Комбедовская» фаза «военного коммунизма» (до начала 1919 г.) характеризовалась резким обострением противостояния советской власти с крестьянством, насильственными действиями в деревне комитетов бедноты и присланных им в помощь для выколачивания хлеба городских продотрядов, частей Красной армии и ВЧК⁷⁸.

Следует отметить, что в большевистской партии, не говоря уже о ее политических конкурентах (меньшевиках Ф. И. Дане, Н. Н. Суханове и др.), существовали противники жесткой продовольственной диктатуры. Например, председатель ВСНХ А. И. Рыков, занимавший одновременно должность московского облпродкомиссара, считал «безумием» вести экономическую политику штыком. Взамен он и поддержавшая его группа хозяйственных руководителей, так называемая продовольственная оппозиция, предложили альтернативный вариант, суть которого состояла в развитии эквивалентных отношений с деревней на основе товарообмена и гибкой политики цен⁷⁹.

Такую же позицию занимали многие местные Советы, считавшие, что вольная торговля хлебом даст больше, чем его принудительные реквизиции. Но кон-

⁷⁵ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М.: Л., 1957. С. 327—329.

⁷⁶ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва: Стеногр. отчет. С. 254.

⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 449.

⁷⁸ См. об этом: т. 12, кн. 1, ч. II, гл. 2.

⁷⁹ РГАЭ. Ф. 1943. Он. 1. Д. 141. Л. 74—76; РГАСПИ. Ф. 19. Он. 1. Д. 112. Л. 2.

кретные закупки показали, что без ущемления интересов крестьян хлеба хватало лишь на удовлетворение местных нужд, потребности же столиц и крупных городов при этом отодвигались на задний план и не удовлетворялись⁸⁰. Именно в комедовский период «военного коммунизма» на почве реализации задач продовольственной диктатуры начался процесс перехода власти в деревне от Советов к комбедам и партийным ячейкам, а в волостях, уездах и городах — от местных Советов к партийным комитетам. В результате в годы Гражданской войны организационные структуры большевистской партии и ее кадры будут реально управлять и экономикой, и военными делами, и всей общественной жизнью. Возникшие на демократической волне Советы в силу своего местничества и неоднородного социально-политического состава оказались менее эффективными в продовольственном деле и в других вопросах, связанных с военно-мобилизационными задачами, чем партийные организации и контролируемые ими чрезвычайные органы (ревкомы, ЧК и т.п.). Именно поэтому произошла их подмена партаппаратом⁸¹. Диктатура большевистской партии — это реальность Гражданской войны, а «военный коммунизм» — политика ее реализации в экономике страны в рассматриваемый период. В этой связи, возвращаясь к майско-июньским декретам большевиков о продовольственной диктатуре, можно сказать, что под ее «удар» попало не только крестьянство, но и сама советская власть.

Начавшаяся фронтовая Гражданская война не только подстегнула большевиков к ужесточению продовольственной полити-

ки, но и заставила их резко активизировать процесс национализации промышленности, несмотря на его очевидные издержки. 28 июня 1918 г. был принят декрет о национализации крупной промышленности⁸², чуть раньше сахарной и нефтяной. В итоге в руках советского государства оказались сосредоточены основные промышленные предприятия и транспорт. Для их управления была введена жесткая централизованная система главков (трестов), отвечавших за конкретные отрасли промышленности и подчинявшихся Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ). Главкизм в промышленности — характерная черта экономики «военного коммунизма» периода Гражданской войны⁸³.

В то же время в 1919—1920 гг., сконцентрировав в своих руках национализированную промышленность, большевистское руководство в условиях военного времени и при сохранении курса на «военный коммунизм» предпринимало шаги и в другом направлении: в сторону привлечения в советскую экономику иностранного капитала через концессии. Но добиться серьезных результатов в этом направлении не удалось⁸⁴.

Переломным событием в процессе утверждения в Советской России системы «военного коммунизма» и в самой «военно-коммунистической» политике большевиков стал декрет Совнаркома от 11 января 1919 г. «О разверстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями»⁸⁵. Продразверстка — один из основных символов Гражданской войны и важнейший элемент политики «военного коммунизма».

⁸⁰ См. об этом подробнее: т. 12, кн. 1, ч. II, гл. 3.

⁸¹ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва: Стеногр. отчет. С. 331; Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 153, 145, 157—158. Rabinovitch A. The Evolution of Local Soviets in Petrograd. November 1917 — June 1918 // Slavic Review. 1987. Vol. 46. No. 1. P. 37.

⁸² Известия ВЦИК. 1918. 30 июня.

⁸³ См. об этом: т. 12, кн. 2, ч. IV, гл. 3.

⁸⁴ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. С. 176.

⁸⁵ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 292—294.

Ее введение стало результатом неэффективности принятых советской властью мер в рамках реализации майско-июньских декретов 1918 г. о продовольственной диктатуре. Из-за дефицита промышленных товаров и низких закупочных цен крестьяне не желали сдавать хлеб в порядке товарообмена, а насильственные действия комбедов и продотрядов по их принуждению спровоцировали волну крестьянских восстаний по всей стране⁸⁶. Ценой их жестокого подавления и значительных жертв с обеих сторон конфликта в период с июня по декабрь 1918 г. было заготовлено всего около 60 млн пудов. Этим хлебом нельзя было накормить ни город, ни армию, в создании которой в конце 1918 — начале 1919 г. у советской власти возникла большая потребность в связи с угрозой нового натиска белых армий. 14 декабря 1918 г., выступая в Москве перед рабочими Красной Пресни, Ленин отметил, что продовольственное положение, «которое немного улучшилось было осенью, опять приходит в упадок», народ «опять голодает», а к весне положение «еще больше ухудшится»⁸⁷. Об угрозе голода сообщил 8 декабря 1918 г. на заседании исполкома Моссовета его председатель Л. Б. Каменев. Он обвинил продовольственников в полном провале дела и предложил известить Совнарком о том, что надежды на получение продовольствия нет и не будет⁸⁸. В этой ситуации Совнарком 10 декабря 1918 г. принял решение о предоставлении рабочим организациям и профсоюзам права закупки и провоза ненормированных продуктов. Заградотрядам и губпродкомам предписывалось не чинить им никаких препятствий⁸⁹.

К концу 1918 г. большевистское руководство осознает и факт бесперспективности комбедов в деревне как опорной силы в проведении продовольственной политики и других мероприятий советской власти, о чем было заявлено в выступлении того же Л. Б. Каменева на VI Всероссийском съезде Советов в ноябре 1918 г.⁹⁰ Кроме того, опыт продовольственной кампании 1918 г. показал провал политики подворного учета и нормирования потребления как основы установленной майско-июньскими декретами системы организации заготовок хлеба.

Руководствуясь указанными обстоятельствами, было решено на подконтрольной советской власти территории отказаться от хлебозакупок на основе товарообмена и перейти к обязательной разверстке продовольственных культур по твердым ценам для всех крестьянских хозяйств, исходя из имеющихся у них в пользовании наделных посевных площадей. Продразверстка, по оценке Ленина, явилась жизненной необходимостью, «чтобы продержаться в неслыханно трудной войне»⁹¹.

Согласно декрету СНК от 19 января 1919 г. и другим связанным с ним решениям советского правительства, все количество хлеба и фуража, подлежащее отчуждению в распоряжение государства в соответствии с установленными заданиями, должно было поступить государству к 15 июня 1919 г., причем 70% — к 1 марта. У крестьян, не сдавших хлеб к установленному сроку, он отбирался безвозмездно в принудительном порядке. Губпродкомам предоставлялось право увеличивать данные губернии задания по продразверстке для удовлетворения потребностей местного населения.

⁸⁶ См. об этом: т. 12, кн. 1, ч. V, гл. 2; кн. 2, ч. II, гл. 1.

⁸⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 382.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 33. Л. 15.

⁸⁹ Известия ВЦИК. 1918. 12 дек.

⁹⁰ Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов: Стеногр. отчет. М., 1919. С.

⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 7.

Отъезд продовольственного отряда в деревню. Москва. 1918 г.
Фотограф не установлен. РГАКФД

21 января 1919 г. в принятом Совнаркомом декрете «О заготовке продовольственных культур» подтверждались незыблемость новой продовольственной политики, необходимость неуклонного проведения государственной монополии на основные продукты питания (хлеб, крупу, зернофураж, сахар, чай, соль), а также заготовок по твердым ценам мяса, морской рыбы, растительного масла, картофеля, животных жиров. Заготовка их какими бы то ни было лицами и организациями, кроме государственных, запрещалась⁹².

27 февраля 1919 г. вышло постановление Совнаркома «О рабочих продоволь-

ственных отрядах» — массовой мобилизации работников промышленных предприятий Петрограда, Москвы и крупных промышленных городов на продразверстку⁹³. Только за четыре месяца 1919 г. в производящие губернии было направлено свыше 30 тыс. рабочих⁹⁴.

В отличие от предшествующей заготовительной кампании, советское правительство в период с 1 января по 1 августа 1919 г. в распоряжение местных продорганов и кооперативов, также задействованных на продразверстке, отправило промышленных товаров на весьма значительную сумму (около 6 млрд руб.)⁹⁵. Но и она далеко не соответ-

⁹² Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 303.

⁹³ Там же. С. 446—447.

⁹⁴ Стрижков Ю. К. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917—1921. М., 1973. С. 167.

⁹⁵ Второй год борьбы с голодом. М., 1919. С. XVI.

ствовала потребностям крестьянства. Поэтому в большинстве случаев продразверстка проводилась на безэквивалентной основе, как правило, с оплатой за сданный хлеб советскими денежными знаками и под расписки продотрядов и работавших с ними местных активистов. Подобная практика была узаконена декретом СНК от 5 августа 1919 г. «О товарообмене и обязательной сдаче населением продуктов сельского хозяйства и промыслов»⁹⁶. Согласно декрету, Наркомпроду предоставлялось право устанавливать для каждой губернии количество продуктов, подлежащих обязательной сдаче, и количество товаров, отпускаемых для снабжения сельского населения. Губпродкомам предписывалось производить оплату полученного в счет разверстки хлеба по твердым ценам деньгами и только 10—30% — товарами, т.е. большую часть оплаты за сданный хлеб составляли советские денежные знаки, которые мало чего стоили в условиях бешеной инфляции. В этом и состоял «безэквивалентный» обмен, хлеб просто отбирался без справедливой оплаты его владельцам⁹⁷.

Продразверстка имела региональные особенности. Например, чтобы закрепить позиции советской власти на Украине, где она испытывала большие трудности, в том числе из-за сильного влияния на крестьянство махновцев и петлюровцев, Ленин на заседании ЦК РКП(б) 19 февраля 1919 г. в постановление о продразверстке на Украине внес пункт: «С бедных ничего, с середняка умеренно, с богатого много»⁹⁸. На практике данная установка развязала руки местной власти и продотрядам, которые «записывали» в «богатеи» и «кулаки» всех более или менее хозяйственных крестьян и обдирали их до нитки. Ленинская

установка «не смей командовать середняком», озвученная вождем на VIII съезде партии в марте 1919 г., а также его послыл, что «нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина»⁹⁹ не изменили принципиальным образом методов работы на местах продотрядов, о чем стало ясно чуть позже, когда начался новый подъем крестьянского движения против продовольственной политики большевиков.

Первая продразверсточная кампания в 1919 г. прошла в целом успешно из-за хорошего урожая, впервые полученного крестьянами за период революционных потрясений и войн. Также сработал фактор военного противостояния советской власти армиям Деникина и Колчака. Угроза белой контрреволюции повлияла на настроения крестьян прифронтовых губерний, они активнее, чем прежде, выполняли возложенные на их хозяйства задания по продразверстке.

С августа 1918 по август 1919 г. было заготовлено 107 млн 922 тыс. пудов хлеба, крупы и зернофуража. Из них в январе—августе 1919 г., когда начала осуществляться продразверстка, — 45 млн 577 тыс. пудов (42,2%)¹⁰⁰. То, что в период первой за годы Гражданской войны продразверстки было получено значительно меньше хлеба от запланированного, объяснялось низким урожаем 1918 г. и тем, что основная часть хлеба уже была выбита у крестьян до введения продразверстки комбедами. Поэтому основная ставка советской власти делалась на урожай 1919 г.

Разверстка хлеба и фуража на 1919/20 г. была определена Наркомпродом 15 августа 1919 г. по 16 производящим губерниям в 296 млн 450 тыс. пудов, почти в три раза

⁹⁶ СУ. 1919. № 41. Ст. 387.

⁹⁷ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. М., 1986. С. 156.

⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 522.

⁹⁹ Там же. Т. 38. С. 200.

¹⁰⁰ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. С. 116.

Крестьяне сдают продовольственный налог на ссыльном пункте. Уфа. [1918—1919 гг.]
Фотограф [П. Оцул]. РГАКФД

больше всего количества хлеба, заготовленного из урожая 1918 г.¹⁰¹ В новую заготовительную кампанию разверстка была распространена на все важнейшие виды сельскохозяйственной продукции. Постановлением Совнаркома от 22 ноября 1919 г. была введена разверстка картофеля, 16 октября 1919 г. — Наркомпродом на сено¹⁰². Завершающим актом в комплексе решений советской власти о выкачке продовольственных ресурсов из деревни с помощью принудительной разверстки стал декрет СНК от 20 марта 1920 г. «Об обязательной поставке скота на мясо». По губерниям размер еже-

годной поставки скота на мясо определялся по следующим нормам: 8% от общего количества крупного рогатого скота, 70% молодняка, 25% овец, 20% свиней¹⁰³. Количество подлежащего поставке скота определялось не в головах, а в пудах. Из разверстанных на 19 губерний 7 млн 410 тыс. пудов мяса с 1 сентября 1919 по август 1920 г. было заготовлено 4 млн 976 тыс. пудов (67,1% плана). Всего к середине 1920 г. с помощью разверстки заготавливалось свыше 30 видов продовольственных и сырьевых ресурсов.

По официальным данным, во вторую разверсточную кампанию на июль 1920 г.

¹⁰¹ Там же. С. 117.

¹⁰² Там же. С. 120.

¹⁰³ Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1974. С. 377—379.

было заготовлено 212,5 млн пудов хлеба, 35 млн пудов картофеля, 64,5 млн пудов сена, соломы, отрубей и жмыхов, 2 млн 420 тыс. пудов масла коровьего, молока свежего, сметаны, битой птицы, 227 млн штук яиц. Общее количество заготовленного хлеба было на 104,6 млн пудов больше, чем в кампанию 1918/19 г. Рост продовольственных заготовок в 1919/20 г. объяснялся, с одной стороны, увеличением территории, на которой она проводилась, а с другой — лучшей организацией разверстки по сравнению с предшествующим периодом¹⁰⁴.

В 1919—1920 гг. продразверстка и разверстка на другие продукты сразу же вводились на освобождаемых от власти белых территориях Украины, Кубани, Северного Кавказа и Сибири и в конечном итоге распространились на 60 губерний. В 1920/21 г. первоначальный план разверстки на хлебобуфаж составил 386 млн 692 тыс. пудов (в 1,8 раз больше заготовленного в кампанию 1919/20 г.), мяса — 22 млн 227,4 тыс. пудов, картофеля — 113 млн 775 тыс. пудов. Разверстка была произведена также на масличные семена, сало, яйца, капусту, лук, фрукты, грибы, мед, лен, пеньку, сено, солому и т.д.¹⁰⁵ Засуха 1920 г. несколько скорректировала установленные планы. Не уменьшая общей цифры разверстки, рассчитывая на хлеб Юга и Сибири, решением советского правительства для пострадавших губерний она была сокращена на 80 млн пудов, в том числе на 50% Воронежской, Пензенской, Тульской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Оренбургской, Царицынской и Костромской губерний. На 28 февраля 1921 г. выполнение продразверстки по хлебобуфажу выражалось: в потребляющих губерниях — 21 млн 28 тыс. пудов (132,6% плана), в про-

изводящих губерниях — 131 млн 69 тыс. (74% плана), в Сибири — 54 млн 128 тыс. (49,2% плана), на Северном Кавказе — 46 млн 401 тыс. (38,7% плана).

Всего было заготовлено 258 млн 707 тыс. пудов (61,2% плана)¹⁰⁶. Уточненная цифра заготовленного хлеба и фуража в 1920/21 г. в порядке продразверстки составила 367 млн пудов хлеба (в 1,7 раза больше, чем в заготовительную кампанию 1919/20 г.). Кроме того, было заготовлено 75 млн пудов картофеля (в 2,1 раза больше, чем в заготовительную кампанию 1919/20 г.), 24 млн пудов мяса и другие сельскохозяйственные продукты¹⁰⁷.

Последовательный из года в год рост заготовок продовольствия с помощью принудительной разверстки позволил большевикам накормить Красную армию и обеспечить на минимальном уровне выживание рабочих крупных промышленных предприятий, связанных с военным производством. Но на крестьянские хозяйства и аграрную отрасль экономики в целом продразверстка оказала самое негативное влияние. Усугубляющим фактором стало и массовое привлечение крестьян на выполнение различных натуральных повинностей (трудовой, гужевой и др.), также подрывавших их хозяйства. Тяготы продразверстки обусловили всплеск в 1920—1921 гг. в советской деревне массового повстанческого движения. Оставив крестьянские хозяйства без запасов, продразверстка усугубила негативные последствия неурожая 1920—1921 гг., приведших к страшному голоду в Поволжье¹⁰⁸.

Пагубное влияние продразверстки на сельское хозяйство страны и на отношение крестьян к советской власти осознавалось представителями большевистского

¹⁰⁴ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. С. 120—121.

¹⁰⁵ Там же. С. 121—122.

¹⁰⁶ Там же. С. 123.

¹⁰⁷ Там же. С. 125.

¹⁰⁸ См. об этом подробнее: т. 12, кн. 2, ч. VI, гл. 2.

руководства уже осенью 1919 г. Тогда же некоторые из них предложили В. И. Ленину заменить продразверстку фиксированным продналогом и свободной торговлей. В частности, восстановить свободную торговлю до 1 октября 1919 г. предложила специальная комиссия коммунистической фракции ВЦИК под руководством Л. Б. Каменева. Был даже разработан проект декрета на эту тему. Но он не получил поддержки Наркомпрода и Ленина¹⁰⁹. В начале 1920 г. с критикой продразверстки и экономической политики Совнаркома в целом, по поручению председателя президиума ВСНХ А. И. Рыкова, выступил член президиума ВСНХ Ю. Ларин (М. А. Лурье). От имени руководимой им группы работников ВСНХ он предложил план перехода от продразверстки к «комбинированной» системе, предполагавшей, наряду с сохранением принудительного отчуждения части продуктов у крестьян, широкое использование товарообмена по рыночным эквивалентам. Но и это предложение вызвало отрицательную реакцию В. И. Ленина, потребовавшего от Рыкова «укоротить Ларина»¹¹⁰. Последнего это не остановило, и он попытался на состоявшемся в конце января 1920 г. III Съезде совнархозов внести соответствующую резолюцию. Съезд единогласно поддержал ее, но она была проигнорирована большевистским ЦК и Лениным. Резолюция не была разрешена к опубликованию, а самого Ю. Ларина вывели из состава президиума ВСНХ¹¹¹.

К пониманию необходимости отмены продразверстки и пересмотра политики по отношению к крестьянству пришел

и Л. Д. Троцкий после поездки в январе—феврале 1920 г. на Урал, где вскоре крестьянское недовольство продразверсткой вылилось в мощное восстание «Черного Орла-земледельца»¹¹². В феврале 1920 г. он внес в ЦК РКП(б) записку «Основные вопросы продовольственной и земельной политики», в которой предложил заменить продразверстку натуральным налогом¹¹³. Записка начиналась с принципиального вывода о «неэффективности продовольственной политики, построенной на отобрании излишков сверх потребительской нормы», поскольку она толкала крестьянина «к отработке земли лишь в размерах потребности своей семьи». Далее в ней отмечалось, что «продовольственные ресурсы» «иссякнут» и восстановить их не поможет «никакое усовершенствование реквизиционного аппарата». По мнению Троцкого, сохранение продразверстки грозило «окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны». Чтобы не допустить этого, следовало, во-первых, заменить изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подходящим натуральным налогом), с таким расчетом, «чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляла все же выгоду», а во-вторых — установить «большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссылаемого ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам»¹¹⁴. Предложения Троцкого были отклонены Политбюро ЦК.

Дискуссия по поводу сохранения или отмены продразверстки произошла на проходившем с 29 июня по 3 июля 1920 г. в Москве II Всероссийском продовольственном

¹⁰⁹ Павлюченков С. А. Крестьянский брест, или предистория большевистского нэпа. М., 1996. С. 135; Он же. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 77.

¹¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 123.

¹¹¹ Павлюченков С. А. Крестьянский брест, или предистория большевистского нэпа. М., 1996. С. 136—140.

¹¹² См. об этом подробнее: т. 12, кн. 1, ч. IV, гл. 1.

¹¹³ Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. XVII. Ч. 2. М., 1926. С. 543—544; Данилов В. П. Мы начинаем познавать Троцкого // ЭКО. 1990. № 1. С. 50—51.

¹¹⁴ Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. XVII. Ч. 2; Данилов В. П. Мы начинаем познавать Троцкого.

совещании. Несмотря на критические выступления многих участников совещания, руководству Наркомпрода при поддержке партийных органов удалось отстоять позицию ужесточения продовольственной диктатуры и укрепления государственной монополии на основные продукты¹¹⁵.

Еще одной попыткой усовершенствовать продразверстку, несмотря на очевидные ее негативные стороны, было постановление VIII Всероссийского съезда Советов «О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства», принятое 28 декабря 1920 г. Оно нацеливало местные власти на принуждение крестьян к сохранению в неприкосновенном виде семенного зерна для засева запланированных в счет разверстки посевных площадей¹¹⁶. Как и прежде, прозвучавшие на съезде предложения части коммунистов конформации, а также меньшевиков и эсеров об отказе от политики продразверстки и переходе к системе продналога были отвергнуты. Ленин отреагировал на них заявлением, что не видит «ничего конкретного и делового» в подобных предложениях¹¹⁷.

Причины нежелания Ленина и большинства в руководстве коммунистической партии пойти на отмену продразверстки в 1920 г. нуждаются в дальнейшем исследовании. Но видимо, одной из них было осознание еще не устраненной угрозы со стороны белых армий на Украине и Юге страны, т.е. необходимости продолжения политики «военного коммунизма», пока Гражданская война не закончилась. Другим мотивом могла быть эйфория от превращения страны в единый военный лагерь, построенный на «военно-коммунистических» принципах,

оказавшийся эффективным с точки зрения борьбы с врагами советской власти. Это облегчало дальнейшее «строительство» социализма после окончания войны. Может быть, именно в этом факте в наибольшей степени и проявилось влияние марксистской идеологии на экономическую политику большевиков в годы Гражданской войны. О том, что идеология влияла на экономику, хотя и не в значительной мере, свидетельствуют и попытки большевиков с завидным упорством, несмотря на неудачи и крестьянское недовольство, насаждать в деревне коммуны, колхозы и совхозы¹¹⁸ как наиболее приемлемые для них хозяйственные формы с точки зрения будущего социалистического строя, ради строительства которого они и захватили власть.

Тем не менее в начале 1921 г. большевистское руководство наконец пришло к пониманию необходимости отмены продразверстки и замены ее продналогом. Причем не в связи с Кронштадтским мятежом и антоновщиной, как это принято считать в историографии, а в связи с угрозой срыва посевной кампании, реальность которой стала очевидна, а также критическим положением в сельском хозяйстве страны в целом¹¹⁹. Кронштадт и крестьянские восстания лишь подтвердили своевременность смены курса продовольственной политики. X съезд РКП(б) 15 марта 1921 г. закрепил данный факт в резолюции «О замене разверстки натуральным налогом»¹²⁰. 21 марта 1921 г. она была подтверждена и законодательно оформлена декретом ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом»¹²¹.

¹¹⁵ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. С. 298.

¹¹⁶ Беднота. 1920. № 819, 30 дек.

¹¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 178.

¹¹⁸ См. об этом подробнее: т. 12, кн. 2, ч. IV, гл. 5.

¹¹⁹ Кадыкава Синьити. Что означает переход к нэпу в 1921 году? // XX век и сельская Россия. Вып. 1. Токио, 2005. С. 87—110.

¹²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 370—371.

¹²¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 245—246.

Огосударствление кооперации

Результатом реализации политики «военного коммунизма» стало огосударствление российской кооперации, т.е. потеря ею самостоятельности, превращение в структуру, подчиненную советскому государству.

Кооперация и кооперативное движение в России — это феномен ее успеха в социально-экономическом развитии в пореформенный период. Накануне большевистской революции с кооперацией были связаны хозяйственными отношениями от 65 до 84 млн человек, т.е. 40—50% всего населения России¹²². Достижения кооперативного движения в России в указанный период и его значительный потенциал всесторонне освещены в отечественной историографии¹²³.

Процесс трансформации кооперации в годы Гражданской войны из самостоятельно действующей в рыночных условиях по законам рынка массовой хозяйственной структуры в придаток системы «военного коммунизма», орган реализации его целей активно изучался исследователями в постсоветский период. Особого внимания заслуживают публикации на эту тему В. В. Кабанова и других авторов¹²⁴.

Огосударствление кооперации в годы Гражданской войны произошло в силу нескольких причин. Первой из них была политическая — недоверие большевиков к возглавлявшим кооперативное движение

эсерам и меньшевикам, которые после Октябрьской революции не признали их власть, хотя впоследствии и заявляли о желании сотрудничать. В этом же ряду их активная деятельность в кооперации на подконтрольной белым территории, особые виды на кооперацию стран Антанты, считавших ее наиболее удобной структурой для восстановления торговых связей с Россией¹²⁵.

Другой причиной огосударствления кооперации была Гражданская война как таковая. Сложившаяся и эффективно действующая в годы войны сеть торгово-закупочных и снабженческих подразделений отраслевых кооперативных союзов оказалась наиболее удобной формой для проведения закупок и заготовок продуктов и сырья, а также их распределения в потребительских обществах (коммунах), к которым было приписано все трудоспособное население Советской России.

В немалой степени огосударствлению кооперации способствовали идейные взгляды большевистского руководства на кооперацию. В частности, В. И. Ленин, опираясь на идеи К. Маркса, считал необходимым принудительное вовлечение населения в потребительные общества, рассматривая их как путь к коммунизму. С этой целью он подготовил проект декрета о потребительных коммунах, который был принят ВЦИК и СНК 11 апреля 1918 г. (Декрет о потребительских

¹²² Веселов С. В. Кооперация и Советская власть: Период «военного коммунизма» // Вопросы истории. 1991. № 9—10. С. 45.

¹²³ Подробнее см.: Файн Л. Е. Российская кооперация: Историко-теоретический очерк. 1861—1930. Иваново, 2002; Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860—1917 гг. М., 2009; Кооперация: Страницы истории: В 3 т. Т. 1. Кн. 3. М., 2011; Дианова Е. В. Культурно-просветительная деятельность кооперативных организаций Европейского Севера (1900—1920 гг.). Петрозаводск, 2017; Безгина О. А. Кооперативное движение Поволжья в конце XIX — начале XX века: Взаимодействие власти и общества. Тольятти, 2018; и др.

¹²⁴ Кабанов В. В. Октябрьская революция и кооперация (1917 г. — март 1919 г.). М., 1973; Он же. Кооперация, революция, социализм. М., 1996; Он же. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997; Егоров В. Г. Кооперация — «третий путь»: (К теории вопроса). Челябинск, 2003; Телицын В. Л., Козлова Е. Н. Российская кооперация: Что это было: Очерки. М., 2009; и др.

¹²⁵ Веселов С. В. Кооперация и Советская власть: Период «военного коммунизма» // Вопросы истории. 1991. № 9—10. С. 46.

кооперативных организациях)¹²⁶. Декрет предоставлял потребительским обществам право в пределах конкретных районов и населенных пунктов заниматься снабжением населения продуктами и товарами¹²⁷.

Реализация декрета предполагала поголовную приписку к потребительским обществам всего населения страны. Этим уничтожались основные принципы кооперации: добровольность, материальная заинтересованность, хозяйственная самостоятельность. Несмотря на недовольство кооператоров, новые правила деятельности советских кооперативов стали обязательными на всей подконтрольной большевикам территории в годы войны. При этом формально структуры кооперации сохраняли свою самостоятельность, хотя их руководство и входило в состав государственных структур советской власти, связанных с кооперацией: представители Совета кооперативных съездов, Центросоюза являлись членами кооперативного отдела ВСНХ и т. д. Подобное сотру-

ничество было единственной возможностью для кооперативных организаций заниматься закупкой и распределением продуктов и сырья среди населения¹²⁸.

Декретом СНК от 21 ноября 1918 г. об организации снабжения населения весь аппарат потребкооперации был передан в руки государства, что еще больше усилило ее огосударствление¹²⁹. Этому процессу способствовали и такие действия советской власти, как национализация Московского народного кооперативного банка, который на правах отдела вошел в состав Госбанка, замена руководящего состава Центросоюза и рабочих кооперативов коммунистами, привлечение структур кооперации декретом СНК от 11 января 1919 г. к выполнению продразверстки¹³⁰. В результате к середине 1919 г. огосударствление советской властью кооперации в основном завершилось. Она стала частью системы «военного коммунизма», задействованной на заготовках продуктов и сырья и снабжении населения.

Ликвидация свободной торговли

Одним из самых очевидных свидетельств утверждения в Советской России «военного коммунизма» в период Гражданской войны стала ликвидация частной торговли в результате ее национализации. С целью концентрации в руках государства всех ресурсов и борьбы с получившей огромный размах спекуляцией декретом Совнаркома от 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения населения всеми продуктами личного потребления и домашнего хозяйства» были упразднены остатки частноторгового аппарата: реквизированы

и конфискованы товары частных оптовых складов и закрыты все частные торговые фирмы¹³¹. Взамен учреждался Главпродукт и его структуры на местах в виде Губснабов, облпродкомов и т. п., которым вменялась в обязанность организация снабжения населения продуктами и товарами через сеть кооперативных потребительских лавок. На практике главной проблемой сразу же стал дефицит основных продуктов питания и товаров первой необходимости в этих лавках. Были моменты, когда в городах снабжение прекращалось вовсе.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 206--210.

¹²⁷ Известия ВЦИК. 1918. 12 апр.

¹²⁸ Веселов С. В. Кооперация и Советская власть: Период «военного коммунизма» // Вопросы истории. 1991. № 9—10. С. 56.

¹²⁹ Известия ВЦИК. 1918. 24 нояб.

¹³⁰ Там же. 1919. 2 февр.

¹³¹ Там же. 1918. 24 нояб.

Мешочники у товарного вагона. 1920 г.
Фотограф не установлен. РГАСФД

В этих условиях пышным цветом расцвела неформальная или теневая экономика в форме нелегального товарооборота на местных рынках¹³². Небывалые масштабы получило мешочничество — самостоятельные поездки городских жителей за продуктами в сельскую местность и крестьян в города для обмена продуктов на промышленные товары. И те и другие везли их в мешках, отсюда и названия этого феномена Гражданской войны — мешочничество, мешочники¹³³. В северо-западных губерниях мешочниками называли кре-

стьянок, которые привозили в Петроград по 20—40 бутылей молока и разносили его по квартирам. Мешков у них не было, но они все равно считались мешочниками¹³⁴. Хотя в количественном отношении большинство мешочников были крестьяне (до 49%), мешочничеством оказались охвачены все социальные группы на всей территории страны (почти четверть взрослого населения)¹³⁵. Лишения и страдания стирали грани. По свидетельствам очевидцев, всех равно одолевали голод и холод и «заползшая за воротник вошь»¹³⁶.

¹³² См.: т. 12, кн. 2, ч. IV, гл. 1, 2.

¹³³ Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917—1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002. С. 58—319.

¹³⁴ Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986. С. 55.

¹³⁵ Орлов Н. А. Продовольственная работа Советской власти. М., 1918. С. 384.

¹³⁶ Осоргин М. А. Времена: Романы и автобиографическое повествование. Екатеринбург, 1992. С. 578.

В Москве огромную популярность приобрела Сухаревка — рынок на Сухаревской площади, где можно было получить почти все необходимые продукты и товары в результате нелегального натурального обмена. Расцвету уличной торговли и активизации мешочничества способствовали постановления Моссовета (от 25 августа 1918 г. и 30 апреля 1919 г.) о свободном провозе по железной дороге и другим путям сообщения полутора пудов хлеба на члена семьи, что давало возможность горожанам продержаться три месяца на однофунтовом пайке в день. Их принятие было признанием факта неспособности власти накормить москвичей.

В действительности, мешочники провозили гораздо больше, чем полтора пуда, а масштабы мешочничества и его вклад в снабжение населения продуктами были настолько велики, что обратили на себя внимание большевистского руководства, стали важнейшим для него источником информации о реальном продовольственном положении в стране, катализатором принятия декрета о продовольственной диктатуре. В своей статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» В.И. Ленин писал, что в 1918 г. половина хлеба, использованного на питание городским населением, была доставлена ему мешочниками, а остальная Наркомпродом¹³⁷. Но и эта, казалось бы, огромная цифра, была несколько занижена большевистским лидером. По мнению авторитетного исследователя советской экономики Ю.П. Бокарева, вклад мешочников в продовольствование горожан в период Гражданской войны составлял не менее 56%¹³⁸.

В полной мере политика «военного коммунизма» большевиков проявилась в регулировании товарно-денежных отношений.

Именно в этой сфере формально она больше всего реализовывала постулаты коммунистической идеологии, сводя к минимуму в годы Гражданской войны товарно-денежные отношения на подконтрольной советской власти территории и даже фактически ликвидируя их в ряде важных сфер экономической жизни. Но все же не идеология, а практика определила действия большевиков в сфере товарно-денежных отношений в рассматриваемый период.

В годы Гражданской войны произошел развал финансовой системы государства, показателем которого стала бешеная инфляция и обвальное падение цен на продукты и товары первой необходимости. Так, например, за это время гигантски возросла начавшаяся еще задолго до большевистской революции денежная эмиссия. В первые три года существования советской властью было выпущено 1150 млрд бумажных денег¹³⁹. По причине их обесценивания в конце 1920 — начале 1921 г. произошла натурализация хозяйственных отношений: вместо денежной оплаты были введены натурпайки, бесплатные коммунальные услуги, бесплатное снабжение рабочих производственной одеждой и обувью, бесплатная выдача продуктов питания детям в крупнейших фабрично-заводских центрах, бесплатная перевозка грузов, а также лиц, следующих по государственным надобностям, рабочих и служащих, едущих на работу и обратно, и т.д. При этом на завершающем этапе Гражданской войны резко усилилась борьба с теневой экономикой, где всюду гуляли деньги всех существовавших в России за последнее десятилетие властей¹⁴⁰. В это время в Москве Моссовет окончательно закрывает Сухаревку и разгоняет мелких торговцев на Смоленской и Каланчевской площадях.

¹³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 275.

¹³⁸ Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 1920-е годы: Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989. С. 143.

¹³⁹ Таргулов Я. Новая экономическая и финансовая политика Советской власти. Пг., 1921. С. 30.

¹⁴⁰ См.: т. 12, кн. 2, ч. IV, гл. 4.

Милитаризация труда

Апогеем политики «военного коммунизма» в годы Гражданской войны стала милитаризация труда в 1920 г. — законодательное принудительное прикрепление трудоспособного населения к предприятиям и учреждениям, а также использование на хозяйственном фронте воинских частей Красной армии.

Еще Кодексом законов о труде 1918 г. была установлена всеобщая трудовая повинность для советских граждан в возрасте от 16 до 50 лет, за исключением потерявших трудоспособность вследствие несчастного случая или болезни. Но это не решило проблемы с обеспечением кадрами советских предприятий. Из-за голода и хозяйственной разрухи в 1918—1919 гг. происходил постоянный отток рабочих с крупных промышленных предприятий в сельскую местность. Провинциальные фабрики и заводы, как правило, вообще не работали в период сельхозработ из-за ухода рабочих в деревню. В 1919 г. предприятия Петроградского района по этим причинам потеряли до 70% и более всего состава квалифицированных рабочих. Весной 1919 г. исполком Петроградского Совета в связи с массовым бегством рабочих и служащих в деревню рассматривал возможность их принудительного прикрепления к месту работы. Не менее сложной была ситуация на железнодорожном транспорте.

Именно железнодорожный транспорт стал полигоном для испытания советской властью принудительного принципа организации труда в годы Гражданской войны. С него началась всеобщая милитаризация отраслей экономики, работавших на военные нужды. В частности, декретом Совнаркома от 28 ноября 1918 г. «О введении военного положения на железных дорогах» все

железнодорожники были объявлены мобилизованными, т.е. должны были не покидать свои рабочие места без особого разрешения¹⁴¹. В марте 1919 г. это коснулось и рабочих, и служащих речного и морского флота. В 1920 г. милитаризация транспорта была еще больше усилена. Приказом наркома от 16 марта 1920 г. были отменены отпуски рабочих и служащих железных дорог впредь до особого распоряжения. 28 апреля для борьбы с прогульщиками и беглецами с «трудового фронта» были организованы специальные комиссии по борьбе с трудовым дезертизмом на транспорте¹⁴².

Программа всеобщей милитаризации труда в экономике Советской республики была разработана при самом активном участии Л.Д. Троцкого. Он начал работать над ней в ноябре 1919 г. Троцкий приложил максимум усилий, чтобы эта программа была создана и реализована, поскольку являлся убежденным сторонником идеи милитаризации труда. В феврале 1920 г. на сессии ВЦИК он заявлял: «Всякие разговоры о свободном труде мы разбиваем и разрушаем как пережиток буржуазного строя, основанный на лживых предрассудках и на всемирной лжи. Мы не знаем свободного труда [...] мы представляем собой государство, которое является и считает себя несвободным по отношению ко всем гражданам, но оно, в свою очередь, не предоставляет свободы этим гражданам»¹⁴³. Кроме Троцкого, в разработке программы милитаризации труда участвовал председатель ВСНХ Н. Осинский (В.В. Оболенский)¹⁴⁴. В результате 22 января 1920 г. в «Правде» вышли тезисы ЦК РКП(б) «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд». В этот же период

¹⁴¹ Известия ВЦИК. 1918. 30 нояб.

¹⁴² Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.). М., 2006. С. 117.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 22. Д. 1. Л. 53.

¹⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11935. Л. 3.

на данную тему разворачивается дискуссия в большевистской партии.

Сторонниками милитаризации труда выступили Ленин, Троцкий, Бухарин, противниками — Рыков, Ю. Ларин (М. А. Лурье) и лидер советских профсоюзов М. П. Томский. Последние резко возражали против передачи управления промышленностью в военные органы и создания трудовых армий, называя это «аракчесвищиной, но худшего свойства». В свою очередь, они предлагали не усиливать централизацию и милитаризацию народного хозяйства, а наоборот, развивать в управлении его отраслями элементы демократии при активном участии профсоюзов¹⁴⁵. Победила точка зрения Ленина и его сторонников. Состоявшийся 29 марта — 5 апреля 1920 г. IX съезд РКП(б) в ходе жарких дискуссий утвердил курс на милитаризацию труда и всей экономики страны в целом.

Для его реализации был создан Главкомтруд, который возглавил Ф. Э. Дзержинский. В новых условиях все трудоспособное население было обязано работать на прикрепленных предприятиях и не покидать их под страхом наказания по законам военного времени. В резолюции съезда «О переходе к милиционной системе» указывалось о привлечении частей Красной армии к выполнению хозяйственных функций в районах их дислокации¹⁴⁶. В 1920 г. организовывается 8 трудовых армий, управление которыми осуществляется революционными советами трудовых армий, в состав которых привлекаются представители хозяйственных ведомств (Наркомпрода, Наркомпути, Наркомзема, ВСНХ и др.). Реввоенсоветы трудовых армий возглавили крупные партийно-хозяй-

ственные и военные деятели (Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, С. В. Косиор и др.). У каждой трудовой армии была своя сфера деятельности: Украинской — шахты Донбасса, Кавказской — нефтяные промыслы и т. д.¹⁴⁷ В марте 1921 г. трудовые армии потеряли военный статус и были переведены в подчинение Наркомтруда.

В период всеобщей милитаризации экономики и трудовых отношений возникает парадоксальное явление — «коммунистические субботники», организацией которых занимался Главкомтруд. Сознательные коммунисты и рабочие бесплатно трудились на своих предприятиях и общественных работах. В. И. Ленин, принявший участие в одном из таких субботников, назвал их «великим почином», свидетельством зарождения новой «социалистической» дисциплины, с помощью которой станет возможным победа коммунизма¹⁴⁸. В данном факте также проявилась идеологическая составляющая в мотивации политики «военного коммунизма» большевиков.

В целом, экономическая политика советской власти в годы Гражданской войны при всех ее негативных моментах позволила ей победить основных противников в ходе ожесточенного и бескомпромиссного противостояния. С помощью «военного коммунизма» были мобилизованы все ресурсы подконтрольной большевикам экономики и направлены на военные нужды. С этой точки зрения, «военный коммунизм» оказался эффективной и оптимальной «военно-мобилизационной» моделью экономики. Ее создание свидетельствовало о выдающихся организаторских способностях большевиков, силе и потенциале большевистского режима.

¹⁴⁵ Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.). С. 69—75.

¹⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 265—266.

¹⁴⁷ Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.). С. 53.

¹⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 5.

ПОДПОЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

Большевики, придя к власти в октябре 1917 г., не имели четкой концепции организации народного хозяйства социалистического государства. По мере того как Ленин и его сподвижники осознавали неэффективность управленческой модели в виде рабочего контроля над производством и распределением продуктов, ставка делалась на внедрение государственного администрирования экономикой. Система мер, реализуемых советским правительством в рамках мобилизационно-хозяйственного управления страной, не складывалась спорядически. Становление в Советской России военно-коммунистического типа хозяйствования — это сложный и противоречивый процесс. «Военный коммунизм» был порожден революционной эйфорией, партийным доктринерством, ожесточенной Гражданской войной, иностранной интервенцией, резким обнищанием народа, товарным и топливным голодом, волной крестьянских выступлений, недовольством рабочих, безудержно нарастающим «при всевластии Советов» финансово-хозяйственным кризисом, всеобщей разрухой.

Основная задача «военного коммунизма» состояла не только в максимальной централизации экономики Советской России ради сохранения «завоеваний октября», но и в формировании «раздаточной системы». Совнарком, вводя в стране продуктообмен, становился единоличным обладателем товарных благ, которые нормированно распределялись прежде всего среди населе-

ния, преданного и лояльного большевикам. Однако даже те, кто поддерживал новую власть, не могли рассчитывать на гарантированное получение от государства продовольственного пайка, особенно в условиях начавшегося весной 1918 г. фронтового этапа Гражданской войны. Огромному числу россиян, проживавших на территориях, контролируемых большевиками, практически только черный рынок давал шанс «купить съестное» и не умереть от голода, а также «одеться, обуться», приобрести различные «фабрикаты». Нелегальные базары и торжища, позволяя «трудящимся» выжить, существовали на всем протяжении «военного коммунизма».

В тыловых районах России, к которым во время Гражданской войны относилась и большая часть Урала, после Октября 1917 г. была достаточно сильной региональная хозяйственная «самостоятельность». Она в большей степени проявлялась в негласном саботировании утверждаемого Центром военно-коммунистического администрирования. Это было вызвано не только амбициями региональных «партбюжков», лучше, по их мнению, понимавших, чем в далекой Москве, как правильно действовать на местах во «благо укреплении и строительстве социализма», но и проявлением партийно-номенклатурного инстинкта политического самосохранения. Объективно мыслящие региональные партуправленцы отчетливо осознавали, что беспрекословное следование «военно-коммунистическому» курсу Центра

и тотальное искоренение тех же «спекулянтов»¹ прогнозируемо рождало не только товарный голод, но и вслед за ним всеобщее недовольство населения. Планомерное «удушение» советской властью частника и, как следствие, оскудение товарной корзины, пропорционально утверждению командного администрирования экономикой, раскручивало как маховик разрухи, так и рождало враждебное отношение у населения к большевикам, оказавшимся виновными в резком ухудшении жизни «простого народа».

Источником выживания власти на местах, пытавшейся не допустить на подотчетных территориях массовых восстаний крестьян и забастовок рабочих, а также источником выживания «советских трудящихся», страдавших, особенно в городах, от голода, стало частное предпринимательство. По сути, «ненавистные трудящимся торгаши всех мастей», которых не удавалось искоренить², стали «кормильцами», ввиду неспособности государства обеспечить население хлебом.

Так, землепашцы уральской полосы, находясь в лучшем продовольственном положении, чем население неплодородных районов страны, пытались, торгуя на рынке, снизить материальные потери перед угрозой продотрядовских выемок. Поэтому, пользуясь случаем, уральские «мужички, напустившиеся с жадностью на деньги, потихоньку продавали хлеб по бешеной цене»³. В отличие от жителей центральных губерний РСФСР, большая часть сельского населения Урала не испытывала такого острого продуктового кризиса. Хлебное благополучие достигалось благодаря дореволюционным

накоплениям и получению на прежнем уровне урожая в 1917—1918 гг. Сравнительный погубернский анализ статистических данных за 1916—1917 гг. подтверждает высокую сельскохозяйственную состоятельность Урала. За указанный период валовой сбор хлеба достиг в регионе 257 452 000 пудов, или 10% от всех собранных на российской территории 2 491 117 000 пудов⁴. Закупки Министерства земледелия в 1916/1917 операционном году на уровне 41 525 000 (16%) от общепульских 257 452 000 пудов и 20% от всех заготовленных в губерниях европейской России 212 579 000 пудов⁵ не привели к резкой диспропорции в перераспределении хлебных потоков.

Против «спекулянтов» постоянно проводились рейды⁶, но тем не менее крестьяне, решая дилемму: безвозмездно отдать государству по разверстке выращенный урожай и остаться ни с чем или продать его на рынке, — выбирали путь получения хоть какой-то материальной выгоды. Селяне под угрозой неминуемой реквизиции постоянно, пока у них были запасы продовольствия, подпитывали рынок, «срочно» продавая продукты питания, лишь бы «задарма» не отдавать «коммунистам»⁷.

По мере усиления командного администрирования, особенно на пике «военного коммунизма» в 1920 г., «спекуляция и спекулянты» по-прежнему оставались «главными врагами» советской власти⁸, с которыми, однако, она ничего не могла поделать. Несанкционированные торговцы, о ликвидации которых из регионов торжественно докладывали в Центр, молниеносно приспосабливались к новым реалиям, перемещаясь с тор-

¹ РГАЭ. Ф. 2012. Оп. 1. Д. 300. Л. 3.

² РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 43. Л. 65; Оп. 3. Д. 525. Л. 287; Ф. 2012. Оп. 1. Д. 300. Л. 23; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 3. Л. 42; Оп. 6. Д. 57. Л. 17; Оп. 6. Д. 222. Л. 63.

³ Уральское хозяйство. 1918. № 15. С. 11.

⁴ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. С. 429—430.

⁵ Там же. С. 430; Статистический ежегодник 1918—1920 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 2.

⁶ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 13 об. — 14 об., 19. ЦГА УР-ГАОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 9. Л. 12 об.

⁷ ГАПК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 173. Л. 16; ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 11, 25 об., 29 об., 56, 85, 96, 109.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 172. Л. 96.

говых площадей губернских столиц и провинциальных городов на «летучие» уездные и волостные базары, где крайне трудно было их выявлять, контролировать и разгонять.

В годы «военного коммунизма» почти везде местное население, благоволя к свободной торговле, создавало условия для сохранения рынка. Для «революционных граждан» «спекулянты-торгаши», которые показать себя «не могут иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода»⁹, по-прежнему оставались одними из главных поставщиков продуктов питания.

Быстрый и выгодный сбыт повсеместно востребованной продукции на несущих «хорошие барыши» провинциальных базарах поощрял торговцев всеми неправдами и мздой упорно преодолевать чинимые властью административные препятствия и заградительные отряды. Коммивояжерам из Средней Азии и других мест, стремившимся за «нужную цену» реализовать на местных рынках различные товары (чай, сушеные фрукты, орехи, пряности, «вареный сахар», хлопковое масло, халву и проч.), достаточно было весной 1918 г. «заплатить комиссарам взятку». В этом случае, как жаловались в Москву бездоленные хлебными поборами крестьяне, по дорогам можно было «провезти все, что хочешь»¹⁰.

Не было проку и от эпизодических облав карательных органов на станциях, «переадресовывавших» «перехваченные частные грузы» Ташкентской железной дороги в адрес Оренбургского губнаркомпрода¹¹.

Не помогло установленное в Екатеринбургской губернии «наблюдение на торговых площадях и контроль за лавками», оказались тщетными производимые выемки товаров у «торговцев-жуликов» в Удмуртии¹². Не испугали «негоциантов» показательные аресты «за спекуляцию», произведенные в марте 1918 г. среди хлебных торговцев в Челябинске¹³. В целом, не возымели ощутимого действия изданные в первой половине 1918 г. грозные приказы ижевских, пермских, челябинских и других уральских партийных органов о немедленной «расправе со свободной торговлей»¹⁴.

«Изобилие» на местных рынках обезоруживающе действовало и на распределительные органы, перекладывавшие бремя ответственности за снабжение населения на самих потребителей. Все, что требовалось лесозаготовителям, рабочим промышленных предприятий, служащим госучреждений, врачам, учителям, доступно ими приобреталось на «продуктовых развалах». Поэтому Уфимский губпродком категорически отверг осенью 1919 г. обвинения губревкома «в провале дела» по обеспечению горожан продуктами. В конце июня 1919 г. Уфимский губпродком издал приказ о преследовании «укрывателей», уличенных в сбыте хлеба и прятывших от регистрации пищевые запасы, превышавшие месячную норму¹⁵. Просуществовав менее недели, данное постановление Уфгубпродкома 27 июня 1919 г. было приостановлено губревкомом, распорядившимся временно воздержаться «от национализации городской торговли»¹⁶. С решением

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 195.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 86. Л. 7.

¹¹ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 43. Л. 65.

¹² ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 4; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 57. Л. 17.

¹³ Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917—1918 гг.): Сборник документов и материалов. Челябинск, 1957. С. 323.

¹⁴ ЦГА УР-ГАОПИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 9. Л. 12 об.; ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 5. Л. 15; ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 109; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 3. Л. 42; Оп. 6. Д. 222. Л. 63; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 525. Л. 287; Ф. 2012. Оп. 1. Д. 300. Л. 23.

¹⁵ НА РБ. Ф. 251. Оп. 1. Д. 59. Л. 54.

¹⁶ НА РБ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 4. Л. 18 об.

ревкома легко согласились уфимские продработники, не видевшие в изданном под нажимом Наркомпрода указе особой необходимости, поскольку имелся «дешевый рынок, где можно все приобрести»¹⁷.

Находившийся негласно в июле—августе 1919 г. в Уфимской губернии агент-информатор Главпродукта Наркомпрода РСФСР А. Н. Виноградов удивлялся доступности цен на «кичащихся» своим изобилием базарах. Но еще более А. Н. Виноградов был впечатлен вавилонским столпотворением охотившихся за продуктами воинских частей, сорвавших твердые цены двухпудников, непонятно кем «снаряженных» уборочных отрядов, стремившихся «до 50-ти вагонов получить хлеба и уехать домой»¹⁸. Групповое и индивидуальное нашествие «жаждущих хлеба» смяло любимое детище наркома продовольствия А. Д. Цюрупы — заградительные отряды, впервые им учрежденные осенью 1917 г. в Уфимской губернии для искоренения нелегального снабжения¹⁹. Огромная армия «добытчиков разных мастей» безостановочно действовала во всех районах Урала на протяжении 1917—1921 гг.²⁰ Достаточно откровенно о бесполезности искоренения рынков говорил на июльской губпартконференции 1920 г. доверенное лицо А. Д. Цюрупы, председатель губернского Продсовещания, зам. председателя Оренбургского губисполкома И. Д. Мартынов. Признав спекуляцию неизбежным роком любого общества, он констатировал, что в объявленной войне «ни оцепка базаров, ни облавы» с этим злом не помогут²¹. В перспективности борьбы с «вечным суще-

ствованием спекуляции» были уверены делегаты местных парторганизаций Глушко, Кулагин, Косиков и Кондофулов²². Маскируясь надлежащими антирыночными партлунгами, губернские партийцы де-факто реабилитировали вольную торговлю, вынужденно «подаваясь слезам кулаков»²³.

Большинство периферийных управленцев Вятской, Екатеринбургской, Оренбургской, Пермской, Уфимской и Челябинской губерний не подвергали сомнению необходимость ликвидации «при имевшейся разрухе» «кучки спекулянтов», укоренившихся на Урале еще со времен Керенского²⁴. Но вместе с тем они отчетливо понимали таящуюся для режима опасность молниеносного искоренения кормивших население «хлебных барыг»²⁵ вместо неспособной на это советской власти.

Но не только по этой причине на периферии терпели продовольственных «маклаков». Сыграла свою роль и территориальная удаленность Урала от «всевидающего ока» Центра. Объективно тормозила формирование на Урале командно-административного единоначалия угроза объединения крестьянского повстанческого движения с нелояльными правительству бастовавшими рабочими и сбившимися в отряды дезертирами. Перспектива создания широкого антисоветского народного фронта не позволила региональным функционерам, официально не признававшим рынок, «свыкнуться с мыслью существования без частнокапиталистического торгового аппарата»²⁶. Как следствие, скорость и размеры утверждения экономической дикта-

¹⁷ НА РБ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 41. Л. 193.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 2012. Оп. 1. Д. 1149. Л. 118.

¹⁹ Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917—1921 гг.: Мешочники. С. 49.

²⁰ Там же. С. 27, 41, 147, 150, 189, 191—192, 222, 231, 233, 320.

²¹ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 10 об.

²² Там же. Л. 11.

²³ Там же. Л. 10 об.

²⁴ РГАЭ. Ф. 2012. Оп. 1. Д. 300. Л. 3.

²⁵ Демченко М. Продовольственная работа на Урале // Серп и молот. 1920. № 14. С. 28.

²⁶ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 14.

туры за счет сокращения, подчинения или вытеснения несоциалистических форм хозяйствования были на Урале иные, чем в центре России. Стремясь разрядить накаленную социальную обстановку, уездные съезды Советов и областные комиссары санкционировали открытие малых рынков²⁷. Они становились хозяйственной отдушиной, позволявшей населению минимально удовлетворять насущные запросы, не восполняемые государством по «пустым карточкам».

Технология выживания на местах сводилась к лавированию от вынужденного допущения среднего и мелкого частного на местные торги до периодически развязываемых милицейских кампаний по «искничтожению» собственников. В зависимости от обстановки все рыночно ориентированные слои уральского общества периодически попадали под карательный пресс государства. Угроза политической стабильности советской власти была основным регулирующим рычагом конъюнктурного расширения или сужения хозяйственного поля рыночно-базарной торговли монополизированными продуктами.

Заведующий одного из отделов Наркомфина В. Томсен именно с таким негласно складывавшимся на периферии статус-кво связывал экономическую несокрушимость пролетарского государства. По его подсчетам, общее число частновладельческих предприятий, работавших в первом полугодии 1919 г., было по 36 губерниям не менее 100 000. Он указывал: «В связи [...] с отмечаемым в жизни действительным открытием новых частновладельческих предприятий, по преимуществу торговли предметами продовольствия, можно предположить

число таких предприятий во вторую половину [1919 г.] составит 200 000»²⁸.

Приведенные примеры служат еще одним доказательством сохранения устойчивых очагов свободного предпринимательства, которые устояли перед командно-плановой системой. Распространение и развитие новых «небуржуазных» хозяйственных отношений происходило болезненно и медленно. Невозможность уничтожить или проигнорировать объективную многополюсную экономическую реальность вызвала политику временного признания антисоциалистических товарно-денежных отношений. Плачевный для народного хозяйства России октябрьский всеобъемлющий натиск на капитал, увеличив еще больше разруху и рост социального негодования населения, предreshил переход от штурма к дифференциации экономических противников диктатуры пролетариата по степени их опасности и возможного тактического использования социалистическим государством.

Оперативная информация губсовнархозов, региональных отделений ВЧК и других надзорных органов подтверждает достаточно большую производственно-сбытовую активность нелегальных коммерсантов, занимавшихся несанкционированным промышленным производством и торговлей. К ним причисляли администрированных государством ремесленников и кустарей, утаивавших от контролеров губсовнархозов специально произведенную для продажи на рынке продукцию. Конспиративно действовали официально «закрывшиеся» промышленные цеха, возобновлявшие через некоторое время свою работу. Как правило, «цеховиков» обнаруживали случайно во время облав и чрезвычайных проверок в уездах²⁹.

²⁷ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сборник документов и материалов (1917—1918 гг.). Ижевск, 1957. С. 281; Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции: Сборник документов и материалов. Свердловск, 1957. С. 319—320.

²⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 4965. Л. 9 об.

²⁹ *Суворова Л. Н.* За «фасадом» «военного коммунизма»: Политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4. С. 52.

Перечисленные торгово-производственные элементы встречались по всей стране. Основное различие между ними было в размерах представительства «нелегалов» в местной экономике. Урал был одним из немногих российских регионов, в народное хозяйство которого оказалось интегрировано значительное количество «буржуазных собственников и спекулянтов». Когда частники всячески утаивали размеры вольного производства и торговли, определить товарную емкость рынка уральских «деловитых мастеровых» возможно только путем поэтапных расчетов.

Установление жесткого государственного контроля над большей частью мелких промышленников не мешало им наладить производство и нелегальный сбыт продукции из части купленного или «заимствованного» сырья, выданного губсовнархозами. В свою очередь, изготовленные для «спекуляции» товары массового спроса поддерживали в локальном пространстве сложившийся цикл уездно-волостного товарооборота. Выручаемые артельщиками от продаж своих изделий средства стимулировали их работу на потребителя.

Другой силой, активно участвующей в рыночном процессе, были производители-одиночки или члены одной семьи (около 60 тыс.) из общего числа 130 тыс. уральских кустарей³⁰. Имея легальную возможность работать на себя, они осуществляли прямые поставки товаров на рынок. Наиболее реальной по ряду причин (невозможность бесплатно пользоваться утаиваемыми остатками/отходами сырьевого государственного кредита; более длительная по времени и затрат-

ная по стоимости работа с полуфабрикатами, покупаемыми по вольным ценам на рынке; большой простой из-за работы на заказ, а не на бытовой спрос местного базара и т.д.) для них также является шкала в 16 довоенных руб. выпущенных изделий на одного работающего за год. При применении показателя 16 руб. для всех 130 тыс. уральских кустарей и промысловиков потенциальная емкость рынка кустарно-промыслового производства на Урале в 1920 г. равнялась 2 080 000 довоенных руб. Это составляло 10% от общегосударственных поставок в 20 251 280 руб. администрированных кустарей³¹.

Приведенные данные не претендуют на то, чтобы считаться полными и исчерпывающими. Тем не менее при возможных статистических погрешностях четко прослеживается наличие на Урале рыночных производителей, сосуществовавших с планово-распределительной системой хозяйствования. Более того, при весьма неблагоприятных для коммерческой деятельности условиях (постоянный страх быть уличенными; разного рода ограничения для сверхурочной работы; дефицит необходимых материалов) кустари сумели наладить рыночное производство. Даже в такой экстремальной обстановке они получали от вольной торговли материальное возмещение, позволявшее им сохраниться на плаву как рентабельной хозяйственной единице.

Существование значительного числа частных, у которых в 1920/1921 операционном году количество производимых изделий не исчерпывалось тем, что они сдавали государству, а «большие запасы готовых изделий» утаивались ими («оста-

³⁰ Подсчитано по: Статистический ежегодник 1918—1920 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 195; Всероссийская перепись промышленных заведений 1920 г.: Итоги по губерниям, группам и классам производств. Вып. 5. М., 1923. С. 48—53, 76—82; Всероссийская перепись промышленных заведений 1920 г. Сводный выпуск. Вып. 8. М., 1926. С. 42—43, 166—167, 344—346.

³¹ Подсчитано по: Русская промышленность в 1921 году и ее перспектива. М., 1922. С. 481—482; Суханов А. И. Промышленность Удмуртии в период строительства социализма (1917—1937 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии 1861—1985. Устинов, 1986. С. 29; Метельский Н. Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма. Свердловск, 1991. С. 34; РГАЭ. Ф. 1691. Оп. 5. Д. 20. Л. 2; НА РБ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 70. Л. 211—211 об.; НА РБ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об.

вались на руках»)³², признавали и в Главкустпроме. На примере коммерческой деятельности кустарей вырисовывалась общая картина практической неисчерпаемости товарно-денежных отношений. Они подвергались порой «мутации», заимствовались суррогатные эквиваленты, низводившие некогда цельную систему до примитивных околорыночных форм. Но вопреки всем внешним воздействиям институционно частный товарооборот сохранился в условиях антирыночного государственного администрирования экономики.

Изготовление промысловиками в 1919—1920 гг. «вольной» продукции демонстрирует жизнеспособность «теневой» экономики по сравнению с распределительно-раздаточной. Иллюзии по изничтожению рынка рассеивались восстаниями крестьян и другими актами народного возмущения хозяйственными действиями властей. Политическая целесообразность и голый расчет, что «изгоняемый» рынок удержит граждан от окончательного скатывания в пропасть всеразрушающего противостояния с большевистским государством, брали верх над теорией безденежного хозяйствования. Периодически вспыхивавший революционный поход против региональных торжищ и базаров не доходил до роковой черты, чреватой развитием необратимых процессов политического демонтажа власти Советов.

Сложившееся у местных партийцев утилитарное отношение к «ненавистному рынку» выразил в середине июня 1920 г. на губернской партийной конференции РКП(б) член Уфгубревкома Катомкин. В ответ на запрос: «Как бороться со спекуляцией», — он дал установку — терпеть рынок, так как «при данном положении закрыть всю торговлю нельзя», поскольку тогда «взвоят все

население»³³. На несколько месяцев раньше спрогнозировали «роптанье населения», в случае запрещения торговли, екатеринбургские чекисты. Они заблаговременно предупредили региональную власть не увлекаться крайне опасной для ее существования беспощадной войной с базарами³⁴.

Выявляемое губсовнархозами несоблюдение мелкими производителями «интересов государства» воспринималось как данность. К частникам применялся индивидуальный подход в определении размеров их коммерческой деятельности. Многие зависело от воли губернского руководства, «кумовства», нужных связей и складывающейся хозяйственной обстановки в регионе. В одних случаях текстильный отдел Уфгубсовнархоза вносил пункты в заключавшиеся во второй половине 1919 г. договоры, позволявшие исполнителю «брать заказы со стороны и продавать их по вольным ценам». В других случаях, наоборот, оговаривалось, что частный подрядчик «не имеет права» производить посторонние работы³⁵. Только в начале 1920 г. появился единый «Временный договор», категорически исключавший «какие бы то ни было чужие заказы»³⁶. Накладывая строгие обязательства на частников, текстильный отдел не был до конца последователен, разрешая отсутствовавшие у мастерских предметы и продукты приобретать «за наличный расчет на рынке по вольным ценам»³⁷.

Губсовнархозы, практикуя контрактную систему работы с индивидуальными производителями, опосредованно пользовались ресурсами местных рынков. Например, Челябинский губсовнархоз положительно оценивал подписанные во второй половине 1919 г. договоры с гражданами Авербухом и Словенчинским на поставку табака

³² Русская промышленность в 1921 году и ее перспектива. С. 482.

³³ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105а. Л. 62.

³⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.

³⁵ НА РБ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 594. Л. 13—14, 34.

³⁶ Там же. Л. 3, 6—9, 11—12.

³⁷ Там же. Л. 11—12, 34.

в количестве 600 пудов, с Сальниковым — на поставку соли, с Кучинным — на сбор костей, с Рубановским — на изготовление кирпича и т.д.³⁸ Ко всем ненационализированным предприятиям губсовнархоз относился «бережно, идя по линии использования частной инициативы»³⁹. Утверждаемые в 1919—1920 гг. на президиуме Челябинского губсовнархоза и целыми списками заключенные с кустарями и ремесленниками, договоры предусматривали выдачу исполнителям солидных денежных кредитов⁴⁰.

Весь период «военного коммунизма» именно малые рынки в деревнях давали шанс рабочим и их семьям не умереть от голода. Местная власть понимала, что карательно-административное уничтожение «вольной торговли» способно привести к исчезновению последних «кулацких островков» снабжения рабочих⁴¹, и тут же спровоцирует взрыв массового недовольства заводчан. Еще страшнее была перспектива соединения «возмущенных пыткой голодом» рабочих с негодующими крестьянами, что могло породить политическую катастрофу, отвлечь за которую перед Центром пришлось бы персонально местным функционерам со всеми вытекающими последствиями: крушение карьеры, потеря социального статуса, «хлебного места» и т.д. Региональные парталпаратчики не меньше, чем их вышестоящие руководители в Центре, публично клеймили «торгашей, глумившихся над трудящимися ради барышей», однако вынужденно терпели их при фактическом отсутствии государственного централизованного снабжения не только городского населения, но и социальной армии Октябрьской революции — рабочих⁴².

Помимо крестьян, традиционно вовлеченных в хозяйственные операции «товар-деньги-товар», «коммерсантами», в силу чрезвычайных обстоятельств, стали рабочие крупных промышленных предприятий. Заводчане, не получая обещанные продпайки, начали тайно производить из лимитированных материалов неучтенную продукцию массового спроса, которую сбывали или обменивали на продукты питания на рынке. К середине 1920 г. нелегальное производство промышленных товаров достигло, в частности, на уральских оборонных заводах таких размеров, что «корпорации» околзаводских подпольных скупщиков требовались порой эшелоны, чтобы погрузить и вывезти приобретенную готовую продукцию⁴³. Внутри корпорации «делег-проходимцев, присосавшихся к заводам как пиявки», действовала отлаженная команда «агентов», вербовавших заводчан — несунув. Были также «спецы», отвечавшие за поставку подвод к проходным заводам, за бронирование вагонов на станциях, «расчетчики», оценивавшие материальные ресурсы предприятий для формирования портфеля нелегальных закупок на ближайшую перспективу, и т.д.⁴⁴

Рабочие оборонных предприятий вынужденно осваивали не свойственные им функции. Только страх голодной смерти заставлял их превращаться в несунув, подпольно производить неучтенную продукцию, сотрудничать с корпорацией скупщиков или в одиночку торговать на рынке. Однако даже в этих тяжелейших условиях существовал неписанный кодекс рабочей чести, когда постыдным считалось «выноситься» с предприятия больше, чем требовалось для спасения своих семей от голода.

³⁸ ОГАЧО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 2—14, 18.

⁴¹ ОГАОО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 950. Л. 10, 12—12 об.; ГАСО. Ф. 1633. Оп. 1. Д. 34. Л. 298; НА РБ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 80. Л. 190 об.

⁴² ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 10 об.—11.

⁴³ РГАЭ. Ф. 484. Оп. 8. Д. 55. Л. 1; Д. 99. Л. 22.

⁴⁴ Бюллетень Пермского губернского союза рабоче-крестьянских потребительских обществ. 1920. № 3. С. 8.

С внутризаводской солидарностью заводчан, негласно руководствовавшихся установкой: «Воруем, чтобы выжить», не могли справиться и отчасти не желали этого партийные функционеры⁴⁵. В реализацию теневых схем были вовлечены и «красные директора», которые ради «спасения предприятия» завели службу, искавшую оптовых покупателей, чтобы по их заказам целенаправленно производить неучтенную продукцию из лимитированных материалов, выделенных Центром⁴⁶. Громогласные призывы региональной партноменклатуры искоренить «спекулянтскую атаманщину» были преимущественно наигранным негодованием. Возгласы партийного возмущения губернского масштаба возникали в тех случаях, когда вскрывались «вопиющие случаи» продажи спекулянтам ради «пайки» хлеба «бесценных лампочек Ильича»⁴⁷ или всех без исключения «станков», а также другого оборудования, «а на предприятии оставались только голые стены»⁴⁸.

Эпоха «военного коммунизма» стала золотым дном для «сколачивания» в условиях дефицита баснословных по тем временам первых советских капиталов. Социалистические нувориши из числа совслужащих осуществляли сделки, исчисляемые десятками, а порой и сотнями тысяч швейцарских франков. «Совбизнесмены» делали деньги на присвоении неучтенных активов при проведении национализации и затем их перепродажи по рыночным ценам: вагонами сбывали одежду, питание, нормированные товары, выпускаемые промышленными предприятиями. Извлечение теневых доходов получило распространение в медицинских уч-

реждениях, где «засевшие шайки» тоннами реализовывали «налево» марлю, йод, лекарства, лишая всего этого больных. В условиях командного администрирования высокодоходные сделки в одиночку осуществить было практически невозможно. Вовлеченные в орбиту теневой деятельности группы состояли, как правило, из 150—200 человек, «повязанных» круговой порукой⁴⁹.

«Большие барыши» оседали также в карманах «поездных снабженцев». Это были особые «бригады на колесах», имевшие в своем распоряжении до 5—10 вагонов. Их задача состояла в том, чтобы, разъезжая по стране, приобретать необходимую продукцию для оборонных предприятий и оперативно им ее доставлять. «Поездные снабженцы», прикрываясь статусом легальных «заготовителей», промышленные изделия, приобретенные по фиксированной цене непосредственно на заводах, реализовывали потом в другом городе по рыночной стоимости⁵⁰.

«Доходным местом» были и подразделения Наркомпрода на местах — губернские продовольственные комитеты. Те, кто имел в своем распоряжении продукты и отвечал за их распределение, не гнушались «заработать на голоде». Принадлежность к одной из силовых структур делала наркомпродовцев практически неуязвимыми. Если кто-то из них и попадался «на разбазаривании продуктовых ресурсов», то ради спасения чести мундира провинившемуся, в худшем случае, объявляли выговор, а чаще всего дело ограничивалось «внушением»⁵¹.

В еще большей степени «вневоенно-коммунистические» способы хозяйство-

⁴⁵ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

⁴⁶ Там же. Д. 2. Л. 61; Д. 93. Л. 51; Д. 105а. Л. 62; ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 12; Протокол Второго очередного пленума Пермского губернского совета народного хозяйства, 16—19 марта 1920 г. [Пермь, б.г.]. С. 48.

⁴⁷ Уральский рабочий. 1920. 27 февр.

⁴⁸ Отчет о деятельности местных органов по 1-е декабря 1921 года Сарапульского уездного (Пермской губернии) уездного экономического совещания. Сарапул, 1921. С. 17.

⁴⁹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 70. Л. 21 об., 29, 50, 62—62 об.

⁵⁰ Уральский рабочий. 1920. 28 мая.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 630. Л. 17.

вания получили распространение в Автономной Советской Башкирской Республике, образованной в марте 1919 г. Первая в РСФСР национальная автономная республика превратилась в годы Гражданской войны в некий хозяйственный анклав, в котором законодательно утверждались беспрецедентные в военно-коммунистической России экономические порядки рыночного типа: свобода торговли, рынок труда, открытая реализация промышленной и сельскохозяйственной продукции, организация фермерских хозяйств и т. д.

В Башреспублике, используя различные бюрократические проволочки, почти год не допускали исполнения любых постановлений Уралпромбюро ВСНХ, «ущемлявших» право свободно продавать «фабриканы» по рыночным ценам на вольном рынке⁵². Руководители Башреспублики, по умолчанию осуществляя рыночно-ориентированную политику⁵³, верно рассчитали, что в условиях разрухи, уравниловки и почти тотальной милитаризации труда она найдет всемерную поддержку у рабочих и фабрично-заводских комитетов. Работники промышленных предприятий национальной автономии ценили «дарованную» им Башревкомом возможность легально производить и без ограничений «выбрасывать» на вольный рынок пользующуюся спросом продукцию, что позволяло выживать и кормить семьи⁵⁴. Местный рабочий класс прекрасно осознавал свое привилегированное экономическое положение, когда в соседних регионах, в условиях «хозяйственной чумы», население месяцами сидело без хлеба, неизменно бедствовало от разверстки, голода, холода, болезней и разру-

хи. Лучшая жизнь в Башреспублике, чем в условиях военизированного «прикрепления к труду», еще и без гарантированного пайкового обеспечения, объективно подталкивала рабочих и фабрично-заводские комитеты предприятий отгораживаться от планово-хозяйственной централизации, проводимой ВСНХ⁵⁵. Прорыночный настрой рабочих и фабрично-заводских комитетов вовсе не означал их всеобщее стоическое неприятие ценностных ориентиров советской власти. Безусловно, местные заводчане оперировали не политическими понятиями, а приземленными категориями «желудочного сознания» — выжить и спасти от голодной смерти домочадцев.

Свобода хозяйственной деятельности получила развитие и в аграрном секторе Башреспублики. В самый разгар «военного коммунизма» «саботировались» не только взыскивание разверстки, создание коллективных хозяйств, но и законодательно поощрялись расширение фермерства, батрачества, свобода торговли сельхозпродукцией. Военизированная выкачка хлеба реально заменялась республиканским продналогом, близким к общероссийскому, который пришел на смену разверстке только в период нэпа.

Поводя итог сказанному, важно иметь в виду, что использование в годы Гражданской войны различных «вневоенно-коммунистических» методов хозяйствования — это лишь одно из звеньев в цепи невероятно сложных и переплетавшихся друг с другом многофакторных процессов, происходивших одновременно как в рамках, так и вне модели однолинейного командного администрирования.

⁵² РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 971. Л. 1 об.; НА РБ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 19. Л. 20—20 об.; Ф. 700. Оп. 1. Д. 8. Л. 117—120.

⁵³ НА РБ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 1176. Л. 183.

⁵⁴ НА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 33. Л. 266.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 956. Л. 4; Оп. 84. Д. 64. Л. 65.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТРАНСПОРТ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Промышленность

Промышленность, так же как и другие отрасли народного хозяйства России, оказалась в глубоком кризисе в годы Гражданской войны. За ее время из-за недостатка сырья, топлива, перебоев в снабжении, разрухи на транспорте, износа машин и оборудования, уменьшения квалифицированных кадров рабочих и техперсонала произошло резкое падение производства в основных отраслях промышленности. Это хорошо видно по показателям ее валовой продукции, а также выплавки чугуна, добычи и вывоза угля в указанный период (см. табл. 1—3).

В годы Гражданской войны валовая продукция промышленности Советской республики в ценностном выражении уменьшилась в 7,6 раза и не достигла даже шестой части довоенного уровня производства. Основная часть продукции промышленных предприятий состояла из предметов военного снаряжения. Особенно резко снизилось производство в основных отраслях промышленности к концу 1920 г.

Из приведенных в таблицах цифр видно, что уже в 1919 г. почти все заводы Юга России прекратили выплавку чугуна. Чуть выше уровень его производства сохранился в Центральном районе, на Севере и на Урале. Но и там объемы выплавки в 8—9 раз уступали довоенному времени. Резкое па-

дение добычи угля и сокращение его вывоза произошло в Донбассе. В 1920 г. там было добыто угля в 6,4 раза меньше, чем в 1916 г., а его вывоз составил всего 12% к уровню 1916 г. Произошло это из-за того, что в 1918—1920 гг. Донбасс стал ареной ожесточенного вооруженного противостояния и большую часть времени находился либо в руках белых, либо в непосредственной близости к фронтам. Еще одной причиной было расстройство транспорта, особенно железнодорожного: для разгрузки шахт от запасов угля приходилось мобилизовывать гужевой транспорт близлежащих деревень.

Потеря советской властью Донбасса в 1918—1919 гг. активизировала ее усилия по усилению добычи каменного угля в Подмосковном бассейне. В результате удалось довести его добычу с 23,4 млн пудов в 1918 г. до 40 млн пудов в 1920¹. Несмотря на это, угля и чугуна все равно было недостаточно для удовлетворения потребностей страны, в первую очередь промышленности.

В катастрофическом положении в годы Гражданской войны оказалась нефтяная промышленность. Произошло резкое снижение добычи нефти. Например, в Бакинском нефтяном районе она сократилась с 479,9 млн пудов в 1916 г. до 175,7 млн пудов в 1920 г. Если в 1916 г. в России добывалось

¹ Статистический ежегодник 1918—1920 гг. Вып. 2. М., 1922. С. 219.

Таблица 1

Валовая продукция цензовой и государственной промышленности в 1913, 1917—1920 гг. в довоенных ценах (в млн руб.)

Год	1913	1917	1918	1919	1920
В млн руб.	6391	3929	1860	962	835
В % к 1913 г.	100,0	61,5	29,1	15,1	13,1

Таблица 2

Выплавка чугуна в 1916, 1918—1920 гг. (в тыс. пудов)

Год	1916	1918	1919	1920
Юг России	176 148 93,1% к 1913 г.	12 603 6,7% к 1913 г.	1696 0,9% к 1913 г.	904 0,5% к 1913 г.
Центр и Север	9699 81,4% к 1913 г.	3204 26,9% к 1913 г.	1610 13,5% к 1913 г.	1108 9,3% к 1913 г.
Урал	46 017 82,5% к 1913 г.	15 661 28,1% к 1913 г.	3608 6,5% к 1913 г.	5013 9,0% к 1913 г.

Таблица 3

Добыча и вывоз каменного угля в Донецком бассейне (в млн пудов)

Год	1916	1917	1918	1919	1920
Добыто каменного угля и антрацита	1751,0	1510,0	541,0	338,0	273,0
Вывезено	1545,0	1258,0	349,0	197,0	186,0
Вывезено в % к добыче	88,2	83,3	64,5	58,3	68,1

Источник: Развитие советской экономики. М., 1940. С. 67—70.

602,1 млн пудов нефти, то в 1918—1920 гг. ее добыча в среднем за год составила 245 млн пудов, т.е. снизилась почти в 2,5 раза². К концу 1918 г. Советская Россия имела в наличии всего около 83 млн пудов жидкого топлива, при потребности 220 млн пудов, т.е. его дефицит составил 62,2%. На 1 нояб-

ря 1919 г. нефти стало еще меньше: всего 1,7 млн пудов.

Для решения топливного кризиса советское правительство шло на самые решительные меры. Борьба за топливо, так же как и за хлеб, стала частью Гражданской войны. К его заготовкам привлекались ши-

² Статистический ежегодник 1918—1920 гг. Вып. 2. М., 1922. С. 223.

рокие массы населения в ходе выполнения трудовой и гужевой повинностей. В начале 1919 г. к делу заготовок топлива была привлечена и Красная армия. В 1920 г. отдельные ее части, переведенные на положение трудовых армий, при содействии «железкомов» (железнодорожных комитетов), созданных Наркоматом путей сообщения из работников железнодорожных организаций, занимались заготовкой и вывозом дров для нужд промышленных предприятий и железнодорожного транспорта³.

С целью ослабления топливного кризиса большевики предприняли самые энергичные меры по увеличению добычи торфа. В результате его добыча выросла с 57,7 млн пудов в 1918 г. до 139,2 млн пудов в 1921, т.е. почти в 2,5 раза⁴. Торфяная промышленность — единственная отрасль, которая в годы Гражданской войны переживала не падение, а ежегодный рост. Благодаря этому в топливном балансе страны на фоне дефицита угля и нефти древесное топливо и торф сыграли исключительно важную роль.

Свидетельством тяжелого положения с топливом в годы Гражданской войны было решение советского правительства об ассигновании 15 млн руб. на разработку и использование горючих сланцев в Петроградской губернии⁵. С этой же целью 11 декабря 1918 г. постановлением ВСНХ был создан Главный комитет по горючим сланцам (Главсланец) во главе с горным инженером И. М. Губкиным⁶.

Подтверждением крайней озабоченности большевистского руководства топливной проблемой является телеграмма В. И. Ленина в Реввоенсовет Кавказско-

го фронта от 17 февраля 1920 г. по поводу кубанских и грозненских промыслов, оказавшихся в руках белых. «Нам до разрезу нужна нефть. Обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы, и наоборот даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости», — говорилось в телеграмме⁷. Подобного развития событий удалось избежать из-за успешного наступления Красной армии и захвата нефтяных промыслов Грозного и Баку. В результате уже в период с 30 апреля по 2 мая 1920 г. для нужд советской промышленности и населения было отправлено 12 наливных судов с 1,3 млн пудов бакинской нефти⁸.

В период Гражданской войны тяжелый кризис поразил не только топливно-энергетический комплекс страны, но и другие важнейшие отрасли промышленности. Например, производство паровозов упало до 14,8%, а вагонов — до 4,2% к довоенному уровню. По сравнению с ним снизилось на 13,3% производство плугов, на 6,7% — сахара, на 5,1% — хлопчатобумажной пряжи, на 3,3% — растительного масла, на 3,0% — цемента, на 2,1%, — огнеупорного кирпича, на 2,1% — красного кирпича, на 1,7% — добыча руд. Совершенно прекратилась выплавка меди.

Из-за недостатка сырья было остановлено большинство предприятий текстильной промышленности. Например, в 1920 г. из 215 хлопчатобумажных фабрик с неполной нагрузкой работало лишь 97 (45,1%). В шерстяной промышленности из 114 предприятий частично действовали 83 фабрики, в шелковой — только 32 из 50. Исключе-

³ Советская деревня глазами ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1: 1918—1922 гг. М., 1998. С. 566.

⁴ Статистический ежегодник 1918—1920 гг. Вып. 2. М., 1922. С. 222.

⁵ Цванцигер Б. В. Воспоминания // Советские архивы. М., 1969. № 4. С. 4.

⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1376—1377.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 134.

⁸ Матвейчук А. А. В клещах пролетарской национализации // Нефть России. 2018. № 6. С. 60.

нием была льняная промышленность, лучше обеспеченная сырьем, где большинство фабрик работало с неполной нагрузкой⁹.

Причины кризисного состояния промышленности России во время Гражданской войны были связаны с комплексом факторов объективного и субъективного плана. К числу объективных следует отнести вооруженное противостояние сторон, которое сопровождалось разрывом экономических связей, закрытием промышленных предприятий, подрывом сырьевой и топливной баз промышленности, транспортной инфраструктуры и т.д. Но был и фактор субъективного плана — это политика национализации промышленности большевиками. Руководствуясь коммунистической доктриной, отрицающей частную собственность, и ставя цель построения социализма, большевики решительно провели в конце 1917—1918 гг. «красногвардейскую атаку на капитал», т.е. национализацию основных отраслей промышленности и установление на частных и национализированных предприятиях рабочего контроля. Эти меры были законодательно оформлены в виде декретов ВЦИК и СНК. Например, только с 10 января по 15 февраля 1918 г. было принято 18 декретов о национализации предприятий при личном участии В.И. Ленина¹⁰. Причем первым попавшим под удар национализации стал выдающийся русский финансист и предприниматель А.И. Путилов. 30 декабря 1917 г. Ленин подписал декрет СНК о конфискации «в пользу Советской республики» всего движимого и недвижимого имущества Путилова, как не явившегося в установленный срок «на вызов следственной комиссии»¹¹. 9 мая 1918 г. был принят декрет о национализации сахарной

промышленности, 20 июня — нефтяной. 28 июня вышел самый важный из всех декретов на эту тему — декрет ВЦИК и СНК о национализации крупнейших предприятий основных отраслей российской промышленности: горной, металлургической, металлообрабатывающей, текстильной и др.¹² В результате уже в 1918 г. наиболее важная часть промышленности оказалась сосредоточена в руках государства.

Национализация промышленности продолжалась и в 1919—1920 гг. Национализировались оставшиеся крупные, средние и мелкие промышленные предприятия. В результате, согласно данным ВСНХ, на 1 октября 1919 г. по заданию главков ВСНХ работало 2522 национализированных промышленных предприятия с общим количеством 750 619 рабочих. На 1 апреля 1920 г. число национализированных предприятий возросло до 4141, а количество рабочих на этих предприятиях — до 983 049¹³.

В целом, политика национализации промышленности была завершена в последние месяцы 1920 г. 29 ноября 1920 г. постановлением ВСНХ «О национализации предприятий» национализированными объявлялись все предприятия с числом рабочих свыше пяти человек при наличии механического двигателя или 10 человек, если механического двигателя не было. Оставление предприятий в руках частных лиц или обществ допускалось в исключительных случаях с разрешения президиума ВСНХ¹⁴.

Поскольку в число национализированных предприятий попала значительная часть иностранной собственности, это вызвало негативную реакцию зарубежных стран, в частности, дипломатического корпуса в Москве. 8 июля 1918 г. его представители выразили протест Наркомату ино-

⁹ Статистический ежегодник 1918—1920 гг. Вып. 2. М., 1922. С. 270.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 44. Л. 1, 3, 4, 6—8, 11, 15, 19—26.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 216—221, 459—460, 498—503.

¹³ Народное хозяйство. 1920. № 13—14. С. 57.

¹⁴ Законодательство о промышленности, торговле, труде и транспорте. Ч. 1. М., 1923. С. 56—57.

странных дел и Совнаркому в связи с национализацией нефтяной промышленности, которая нанесла «громдные убытки» иностранным владельцам и акционерам нефтяных предприятий¹⁵.

Национализация сильно ударила по управленческому персоналу промышленных предприятий, квалифицированным кадрам специалистов. Хотя декреты большевиков требовали от бывших владельцев и управленческого персонала под страхом уголовного наказания продолжать работу на национализированных предприятиях, а от избежавших пока этой участи — подчиняться фабричным комитетам, последние в большинстве случаев этого не делали. В ожидании неизбежной национализации фабриканты и заводчики старались вывести с предприятий капиталы, прекращали выплачивать рабочим заработную плату, просто сбегали. Делали они это и потому, что дальнейшая их судьба была неизвестной. Им предлагалось исполнять свои обязанности и даже получать прибыль с предприятий, но лишь до особых распоряжений. Причем многочисленные жалобы и прошения членов правлений и акционеров в Наркомат финансов и Совнарком с просьбами не подводить их успешно работающие предприятия под национализацию и гарантировать в будущем какое-то содержание «на старость» оставались без удовлетворения¹⁶. 24 августа 1918 г. нарком финансов Н. Н. Крестинский в письме в управление делами СНК по поводу ходатайства пайщицы «Писчебумажного фабрично-торгового Товарищества М. Г. Кувшинова» М. М. Прянишниковой о выдаче ей сумм товарищества «на прожитие» ука-

зал, что «обеспечение бывших собственников и владельцев предприятий» может быть осуществлено «только в общем порядке социального обеспечения нетрудоспособных граждан»¹⁷.

О ситуации в промышленном секторе народного хозяйства Советской России в самый пик его национализации свидетельствовали результаты проведенной ЦСУ РСФСР в августе 1918 г. Всероссийской промышленной и профессиональной переписи на контролируемой советской властью территории 31 губернии. Они показали, что из 9750 учтенных переписью промышленных предприятий с числом рабочих в 1 249 554 чел. продолжали производственную деятельность лишь 6066 предприятий, на которых работало 1 174 181 человек¹⁸. Таким образом, за 10 месяцев советской власти было остановлено 3684 предприятия (37,8%), на которых работало 75 373 чел. (см. табл. 4).

Наибольшее свертывание производственной деятельности произошло на промышленных предприятиях Центрального промышленного района. На остальных она велась в режиме постоянных и длительных простоев из-за отсутствия сырья и топлива. В последующие годы ситуация лишь ухудшалась.

Управление промышленностью РСФСР в годы Гражданской войны осуществлялось Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ), образованным декретом ВЦИК и СНК от 5 декабря 1917 г.¹⁹ 8 августа 1918 г. еще одним декретом советской власти статус ВСНХ, как главного органа управления «всеми предприятиями Республики», был окончательно закреплен²⁰.

¹⁵ Косторниченко В. Н. К вопросу о национализации отечественной нефтяной промышленности в 1918 г. // Экономическая история: Обзорение. Вып. 10. М., 2005. С. 100.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 308. Л. 8, 11—11 об.

¹⁷ Там же. Л. 27—28.

¹⁸ Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.: Труды Центрального статистического комитета. Т. XXVI. Вып. 1 и 2. М., 1926. С. 16.

¹⁹ Систематический сборник важнейших декретов. 1917—1920. М., 1920. С. 144.

²⁰ Там же. С. 144—145.

Таблица 4

Учтенные и действующие промышленные предприятия в 1918 г. по итогам Всероссийской промышленной и профессиональной переписи

Губернии	Число учтенных переписью промышленных предприятий	Число действующих предприятий к 31 августа 1918 г.	Процент действующих предприятий
Петроград	525	442	15,9
Москва	1139	927	18,7
Тверская	207	165	20,3
Саратовская	847	648	23,5
Московская	1742	1236	29,0
Нижегородская	544	362	33,5
Петербургская	769	499	35,0
Калужская	152	88	42,2
Тамбовская	306	172	43,8
Симбирская	339	190	44,0
Новгородская	159	87	45,3
Курская	273	148	45,8
Владимирская	398	215	46,0
Костромская	164	77	53,0
Тульская	291	132	54,7
Псковская	116	45	61,2
Гомельская	323	118	63,5
Смоленская	283	102	64,0

Источник: Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг. Труды Центрального статистического комитета. Т. XXVI. Выпуск 1 и 2. М., 1926. С. 16.

Для руководства отдельными отраслями промышленности при ВСНХ были созданы отделы, главки, центры и комиссии. Сложилась система «главкизма» — основы управления советской промышленностью во время Гражданской войны. Главкизм характеризовался максимальной централизацией управления промышленными предприятиями. 71 главк ВСНХ устанавливал для каждого подведомственного ему предприятия план производства, план снабжения, план реализации готовой продукции. Предприятия должны были получать материалы, сырье, топливо только

по нарядам главков и других центральных органов. Сами главки подчинялись структурным подразделениям ВСНХ — отраслевым отделам. Например, химический отдел ВСНХ руководил двадцатью двумя главками (Главцементом, Главрезиной, Главбумагой, Центроспиритом и т.д.). Кроме отраслевых главков, в составе ВСНХ действовали функциональные отделы и различные комиссии. Например, отдел сырья занимался планированием снабжения сырьем. Производственная комиссия руководила вопросами организации производства. Комиссия использования учитывала все ре-

сурсы и планировала их распределение. Централизованной системой управления были охвачены все отрасли промышленности, в том числе самые мелкие. Например, кустари и небольшие предприятия легкой промышленности оказались в ведении Главкустпрома — Главного управления по делам кустарной и мелкой промышленности.

Все промышленные предприятия страны, подчиненные ВСНХ, были разделены на три группы. В первую из них входили «трестированные и особо важного государственного значения» предприятия, которые управлялись непосредственно центральными органами ВСНХ. Вторая состояла из числа крупных предприятий, не попавших в первую группу, и они передавались в ведение губернских ВСНХ. Составлявшие третью группу предприятия «местного значения» управлялись отделами губернских Советов народного хозяйства²¹.

Источником финансирования всех предприятий были ассигнования по установленным сметам органов ВСНХ. Как правило, предприятия получали деньги в качестве авансов. Также органами ВСНХ отпускались им продукты по ордерам и без оплаты. Вся продукция предприятий должна была сдаваться на учет в соответствующие отделы ВСНХ или в районные и местные органы. Реализация продукции самими предприятиями запрещалась и допускалась лишь с разрешения ВСНХ. Все их денежные поступления сдавались в доход казны. С 1 января 1919 г. предприятия при осуществлении хозяйственных операций были освобождены от налогов, сборов и пошлин. Также была отменена система взносов предприятий в фонд соцстраха. Для этой цели выделялись ассигнования из государственных средств по особым сметам.

Основная масса промышленных предприятий работала по нарядам главков ВСНХ. Их число постоянно росло, в то время как число предприятий, работавших по «частным», т.е. децентрализованным, не связанным с решением важных для власти задач, сокращалось. Наименьшее число предприятий работало по «вольный рынок». Это были в основном мелкие заведения по обработке пищевых продуктов (см. табл. 5).

На советских предприятиях был введен новый порядок контроля. Он осуществлялся контрольными комиссиями предприятий, которые должны были собирать, систематизировать и представлять все данные, относящиеся к ходу работы предприятий, в отделы контроля своего производственного профсоюза. Для рабочих действовали законы «военного коммунизма»: натуроплата, жесткая трудовая дисциплина и т.п. Вся советская промышленность в годы Гражданской войны являлась частью системы введенного большевиками в стране «военного коммунизма»²².

Поскольку основная часть продукции промышленных предприятий состояла из предметов военного снаряжения, то обеспечение их бесперебойного и в необходимых количествах производства являлось центральной задачей советской власти. С этой целью была создана особая система управления военной промышленностью в годы Гражданской войны²³. Все важнейшие вопросы снабжения Красной армии рассматривались на заседаниях Совнаркома, СТО, Отдела военных заготовок ВСНХ, Чрезкомснаба (Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии), Совета военной промышленности (Промвоенсовета) при Чрезвычайном уполномоченном Совета Обороны по снабжению армии и флота

²¹ Систематический сборник важнейших декретов. 1917—1920. С. 145—149.

²² Чураков Д. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917—1930-е гг.). М., 2012. С. 24—35.

²³ См.: т. 12, кн. 2, ч. IV, гл. 3.

Таблица 5

Численность предприятий, выполнявших заказы различных подрядчиков в 1918 и 1920 гг.

Производили работу	1918 г.	1920 г.
По нарядам главков	1506	2471
По частным заказам (децентрализованным заказам отдельных ведомств и учреждений)	751	248
На вольный рынок	242	19
Для собственного производства	42	49
Отсутствуют сведения	394	148

Источник: Народное хозяйство. 1920. № 13—14. С. 57.

(Чусоснабарме)²⁴. С осени 1919 г. особую роль в управлении связанных с обороной предприятий играл Промвоенсовет. В тесном взаимодействии с ВСНХ он занимался распределением военных заказов, контролем за снабжением оборонных заводов сырьем, топливом, оборудованием и рабочей силой. На завершающем этапе Гражданской войны советское правительство выделило действующие предприятия военной промышленности в особую производственную группу, подчиненную Главному управлению военной промышленности (ГУВП) ВСНХ РСФСР.

Несмотря на огромные трудности с обеспечением военного производства сырьем, продовольствием, факты высокой смертности рабочих от недоедания и болезней, низкую трудовую дисциплину на военных заводах и предприятиях, связанных с выполнением военных заказов, созданная большевиками система управления военной промышленностью в годы Гражданской войны оказалась дееспособной. Она обеспечила Красную армию оружием и боеприпасами, хотя и не в полном объеме²⁵. То же самое можно сказать и обо всей со-

ветской промышленности в целом. Несмотря на кризисное состояние, она продолжала функционировать и выполнять возложенную на нее властью задачу: давать продукцию фронту.

Жесткая вертикальная централизация управления, с одной стороны, была оправданной в условиях военного времени, а с другой — создавала разобщенность предприятий на местах, лишала их самостоятельности, усложняла маневрирование материальными средствами, что сказывалось на их производственных результатах. В марте 1920 г. IX съезд РКП(б) признал факт «хозяйственной изолированности» друг от друга «могущественных вертикальных объединений» промышленности, связанных между собой только «на верхушке» ВСНХ, и попытался устранить «крайности» централизации²⁶. Было принято решение: при сохранении вертикального централизма по линии главков предоставить право «большей самостоятельности» местным хозяйственным органам в решении проблем находящихся на их территории предприятий (сырья, транспортных средств, рабочей силы и пр.).

²⁴ Советское военно-промышленное производство (1918—1926): Сборник документов. Т. 2. М., 2005. С. 72, 104—105, 109—111. (История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900—1963.)

²⁵ Там же. С. 8—10.

²⁶ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1936. Ч. 1. С. 339.

С этой целью создавались областные хозяйственные органы (совнархозы), объединяющие отдаленные от центра и отличающиеся своеобразием хозяйственных условий губернии, округа и районы. Совнархозы получали широкие полномочия в деле непосредственного руководства хозяйственной жизнью. Они имели право корректировать хозяйственный план в процессе его исполнения предприятиями в зоне их действия в вопросах переброски сырья, рабочей силы и т.д. Создавая новую структуру коллегиального управления промышленностью в виде региональных совнархозов, IX съезд одновременно дал директиву: «Установить полное и безусловное единоличие в мастерских и цехах, идти к единоличию в заводууправлениях и к сокращенным коллегиям в средних и высших звеньях административно-производственного аппарата»²⁷.

Линия на ослабление вертикальной централизации получила развитие в конце декабря 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов, который учредил при губисполкомах на правах комиссий губернские экономические совещания. На них возлагалась обязанность согласования деятельности местных структур ВСНХ и республиканских наркоматов в вопросах управления промышленными предприятиями на территории губернии²⁸.

Ставка на единоначалие в руководстве промышленностью вызвала критику со стороны «децистов» — группы коммунистов — сторонников так называемого «демократического централизма» (Т. В. Сапронова, В. В. Осинского, В. Н. Максимовского, М. С. Богуславского и др.). На IX

съезде РКП(б) они выступали против «бюрократического централизма» в управлении промышленностью, насаждаемого Лениным и его сторонниками. Однако их позиция не получила поддержки большинства в коммунистической партии²⁹.

На заключительном этапе Гражданской войны большевистское руководство подготовило первый в истории России перспективный план промышленного развития на основе форсированной электрификации страны, названный планом ГОЭЛРО от сокращенного названия разработавшей его Государственной комиссии по электрификации России. План ГОЭЛРО был принят на состоявшемся 22—29 декабря 1920 г. VIII Всероссийском съезде Советов при активном участии Ленина³⁰. По плану ГОЭЛРО намечалось построить 30 электростанций с общей мощностью в 1 млн 750 тыс. квт. На базе электрификации предполагалось развернуть масштабное промышленное строительство. В ближайшее десятилетие планировалось увеличить выплавку чугуна заводами Юга России до 5 млн тонн — больше, чем вся выплавка в 1913 г. в царской России (4,2 млн тонн). Выплавку чугуна планировалось довести до 8 млн тонн в год, добычу торфа до 17 млн тонн, угля в Донбассе до 50 млн тонн³¹.

Однако к концу Гражданской войны общая ситуация в промышленности оставалась тяжелой. Об этом свидетельствовали волнения рабочих в Петрограде и других городах страны, вызванные закрытием предприятий и сокращением норм снабжения хлебом³². Выход из кризиса был впереди.

²⁷ Там же. С. 339—340.

²⁸ Систематический сборник важнейших декретов. 1917—1920. С. 11.

²⁹ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции 1917—1929. М., 2008. С. 45—60.

³⁰ План электрификации РСФСР. М., 1920. Вып. 1. С. 8.

³¹ 10 лет ГОЭЛРО: Сборник статей. М.; Л., 1930. С. 75.

³² Чураков Д. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917—1930-е гг.). С. 34—48.

Оборонная промышленность Советской России в годы Гражданской войны

В годы Гражданской войны, как и в период любого продолжительного военного конфликта, резко возросло значение оборонной промышленности. Способность обеспечить действующую армию вооружением и боеприпасами играло определяющую роль в исходе столкновения на том или ином фронте. Поэтому исследование важнейших аспектов функционирования оборонной промышленности Советской России в те годы крайне важно для понимания причин победы красных в Гражданской войне.

Положение дел в оборонной промышленности России к началу 1917 г. было напряженным. Форсированное наращивание военного производства в 1914—1916 гг. шло преимущественно за счет гражданской сферы промышленности, в результате чего к концу 1916 г. началась общая деградация индустриальной сферы. Общее снижение степени управляемости как страной в целом, так и экономикой в частности, характерное для 1917 г., привело к резкой интенсификации негативных процессов как в промышленности вообще, так и конкретно в оборонной индустрии. Снижалась добыча критически важного сырья. Рвались хозяйственные связи. Транспорт был не в состоянии обеспечить поставки топлива, полуфабрикатов и комплектующих, а также — вывоз готовых изделий. На предприятиях нарастала степень износа оборудования. К осени 1917 г. отечественная оборонная промышленность находилась в достаточно тяжелом состоянии.

Говоря об организации и функционировании военной промышленности в годы Гражданской войны, следует учитывать, что первоначально большевистское руководство исходило из планов скорейшего заключения мира. В рамках такого подхода вполне рациональным был курс на посте-

пенное сворачивание военного производства и перепрофилирование освобождающихся производственных мощностей на выпуск продукции гражданского назначения. Однако срыв переговоров в Бресте и начало нового наступления германских войск перечеркнули эти перспективы. Наступление немецких дивизий по оперативному направлению Рига — Псков ставило под угрозу Петроград, который на тот момент был не только месторасположением правительства, но и крупнейшим центром оборонной индустрии. Поэтому начало 1918 г. ознаменовалось переводом правительства в Москву и авральной эвакуацией значительной части оборонных предприятий Петрограда.

Хотя германское наступление удалось остановить, лихорадочно проводимая эвакуация привела в первую очередь к тому, что большая часть эвакуированных заводов и фабрик на значительное время вообще выпали из производства. Разумеется, предприятия не могли выпускать продукцию непосредственно в ходе передислокации. Однако, как показывала практика, при перебазировании на новое место расположения большинство заводов утрачивали ту или иную часть оборудования, и даже после завершения передислокации с трудом возобновляли производственную деятельность. В качестве примера можно привести оптический завод, который еще до Октябрьской революции был эвакуирован из Риги в Петроград. Во время эвакуации 1918 г. это предприятие было спешно переброшено в Воронеж, оттуда перенаправлено в Пермь, а оттуда — перебазировано в Подольск. В результате всех этих переездов завод растерял большую часть квалифицированного персонала и специального оборудования и пришел в такое состояние, что, по мнению обследовавших предприятие специали-

стов ВСНХ, восстановление завода было сомнительным³³.

С другой стороны, после заключения мирного договора с Германией и ее союзниками идеи демобилизации промышленности вновь вышли на первый план, тем более что это напрямую предписывалось частью статей мирного договора. Поэтому даже сохранившие производственный потенциал оборонные предприятия с весны 1918 г. начали переводиться на консервацию или получать заказы на гражданскую продукцию. Вместе с тем следует отметить, что именно тогда, весной 1918 г., в советском руководстве была выработана первая доктрина развития оборонной промышленности. Основные положения этой доктрины сводились к тому, что к сфере оборонной индустрии следовало отнести только те предприятия, которые могли функционировать в тесной связи с гражданской промышленностью и, в силу такой связи, не создавали бы излишней нагрузки на экономику Советской России³⁴.

Первоначально, как и в отношении всей остальной промышленности, в оборонной индустрии проводился курс на установление системы «рабочего контроля». Заводы и фабрики, формально не меняя своего статуса, переходили под оперативное управление фабзавкомов, а существовавшие ранее военно-промышленные комитеты преобразовывались в народно-промышленные комитеты. Однако достаточно быстро выяснилось, что такая постановка вопроса вела к стихийной фрагментации единого экономического организма. Каждый фабзавком думал в первую очередь об интересах собственного предприятия (а точнее — персонала собственного предприятия), «тянул одеяло на себя» и был готов выполнять толь-

ко те заказы, которые были наиболее выгодны конкретному предприятию. Зачастую речь шла вообще не столько о продолжении производственной деятельности, сколько о разбазаривании заводской собственности ради удовлетворения злободневных нужд заводчан. Внедрение рабочего контроля на местах привело к тому, что рабочие коллективы попытались разрешить свои материальные затруднения путем «проедания финансовых счетов предприятий»³⁵.

В этой ситуации оборонная промышленность должна была решать задачу обеспечения всем необходимым армии. Поэтому достаточно быстро встал вопрос сначала о частичной, а затем — о полной национализации промышленности, назначении на каждый завод «красного директора», располагающего полномочиями по оперативному управлению предприятием без участия фабзавкомов и аналогичных органов, и подчинении каждого завода или фабрики соответствующему главку (главному управлению) ВСНХ.

Проблема была в том, что, согласно вышеописанной доктрине построения оборонной индустрии, никакого «оборонного» главка в рамках ВСНХ не предусматривалось. Оборонные заводы были распределены по главам профильного назначения — металлургической, машиностроительной, химической и других отраслей промышленности, а часть предприятий оборонного значения и вовсе осталась в прямом оперативном управлении Наркомата по военным и морским делам (Наркомвоенмор). Наконец, следует учитывать, что решение о массовой национализации было принято лишь 26 июня 1918 г.³⁶, а до того момента масштабы национализации были весьма скромны, да и проводилась она преимущ-

³³ Соколов А. К. От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. М., 2012. С. 16.

³⁴ Советское военно-промышленное производство (1918—1926 гг.). Т. 2. С. 48—52.

³⁵ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997. С. 57.

³⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. С. 632—636.

шественно бессистемно. Более того, принятие декрета о национализации крупной промышленности отнюдь не вело к моментальному переподчинению структурам ВСНХ решительно всех подпадающих под действие декрета заводов и фабрик.

Организационная неразбериха, хроническая нехватка управленческих кадров, а временами нежелание местного руководства делиться властными прерогативами с представителями Центра изрядно затянули процесс реального, а не декларативного перехода большей части индустриальных объектов Советской России в оперативное управление ВСНХ. Например, из 13 существовавших авиастроительных предприятий в структуру ВСНХ к декабрю 1918 г. входило только четыре³⁷.

Помимо этого, нельзя упускать из вида, что лето 1918 г. — это уже период трансформации Гражданской войны из стадии «эшелонной войны»³⁸, в ходе которой «дивизии» и «бригады» по полторы—две тысячи человек вели полупартизанские действия друг против друга, в фазу полномасштабного конфликта, в котором многотысячные армии формировали полноценные фронты, а территория, фактически подконтрольная советскому правительству, начала стремительно сокращаться. Например, сколько-нибудь крупномасштабная национализация оборонных заводов, расположенных на Украине, была решительно невозможна ввиду того, что советская власть в Причерноморье и Донбассе достаточно быстро была свергнута. Аналогично было невозможно осуществлять оперативное управление уральскими заводами, так как к лету 1918 г. бои шли уже в бассейне Волги. Более того, даже когда частям РККА удалось

восстановить контроль над уральским регионом, выяснилось, что значительная часть рабочих Воткинского и Ижевского заводов, игравших весьма существенную роль в оружейном производстве, предпочли уйти вместе с белыми. Все эти факторы существенно затрудняли выстраивание работоспособного механизма управления экономикой вообще и военной промышленностью — в особенности.

Кардинальное изменение военно-политической ситуации и необходимая в связи с этим потребность коррекции политики в отношении оборонной промышленности далеко не сразу были осознаны и сформулированы советским руководством. Еще в июне 1918 г. при Совнаркоме была создана комиссия по снабжению РККА, но лишь в августе 1918 г., наконец осознав, что в управлении оборонно-промышленным комплексом проблема координации усилий различных ведомств не только не решается, но даже и не рефлексируется, эта комиссия учредила Главный комитет военной промышленности (ГКВП), на который возлагались задачи разработки на основе заказов Главного штаба РККА планов военного производства, их согласование на межведомственном уровне и проведение этих планов в жизнь³⁹.

Важно отметить, что оперативное управление заводами в функции ГКВП не входило. Характерно, что тогда же, в августе 1918 г., многочисленные артиллерийские заводы, находившиеся (все еще) в подчинении Главного артиллерийского управления (ГАУ) РККА, были сведены воедино и подчинены Центральному правлению артиллерийских заводов (ЦПАЗ). Формально ЦПАЗ был передан в ведение ВСНХ, но его фактический статус вызывает сомнения⁴⁰.

³⁷ Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921—1941 гг. М., 2006. С. 33.

³⁸ Какурин И. Как сражалась революция. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 167—207.

³⁹ Советское военно-промышленное производство (1918—1926 гг.): Сборник документов. Т. 2. С. 11.

⁴⁰ Вообще, надо учитывать, что принимаемые в те годы постановления, инструкции, положения и прочие нормативно-уставные документы далеко не всегда объективно отражали реальное положение вещей. В частности, де-юре ЦПАЗ был передан в ведение ВСНХ, но анализ делопроизводственной документации показывает, что ГАУ продолжало регулярно направлять в ЦПАЗ свои директивы и получать различную отчетность.

16 августа 1918 г. постановлением СНК была создана Чрезвычайная комиссия по производству предметов военного снаряжения, а другим постановлением, от 17 августа — комиссия при ВСНХ для ускорения производства предметов военного снаряжения⁴¹.

Пока речь шла лишь об установлении сколько-нибудь централизованной системы управления оборонно-промышленным комплексом, вопрос о резком расширении сферы оборонной индустрии еще не ставился. Некоторое время, несмотря на разрастание масштабов вооруженной борьбы и численности РККА, предполагалось, что уже накопленных запасов вооружений, боеприпасов и другого военного имущества в целом вполне достаточно для бесперебойного снабжения Красной армии. Как показали дальнейшие события, эти надежды были ошибочными.

В сентябре 1918 г. Л. Д. Троцкий констатировал, что вопрос о снабжении армии приобрел особую остроту и значение. Именно тогда впервые был поставлен вопрос о немедленном вводе в действие всех ранее законсервированных предприятий оборонного комплекса, а главное — о мобилизации всей экономики на нужды войны⁴².

Повышенное внимание осенью 1918 г. к оборонной промышленности привело в том числе к резкому росту числа институций, так или иначе претендовавших на межведомственную координацию в сфере оборонного производства и оперативное управление предприятиями военной индустрии. 2 сентября был учрежден Революционный военный совет (РВС), а 30 сентября при Совнаркоме был создан Совет рабочей и крестьянской обороны

(СРКО), который весной 1920 г. был реорганизован в Совет Труда и обороны (СТО). В ноябре 1918 г. ГКВП был преобразован в Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной армии (Чрезкомснаб)⁴³, во главе которой встал Л. Б. Красин. Что касается собственно заводов и фабрик, то к концу 1918 г. основная масса предприятий оборонной сферы была сосредоточена в рамках нескольких главков ВСНХ. Однако ряд военных заводов подчинялись ЦПАЗ, находившемся в своеобразном двойном подчинении, а несколько крупнейших предприятий, имевших для военного производства ключевое значение⁴⁴, управлялись непосредственно ГАУ РККА. Порой ситуация принимала поистине парадоксальные формы: Владимирский и Шлиссельбургский пороховые заводы подчинялись ВСНХ, а все остальные — ЦПАЗ⁴⁵. Еще одна группа предприятий, занятых обеспечением РККА, подчинялась Центральному управлению снабжения (ЦУС) РККА. Причем заказы и директивы оборонной промышленности поступали и из РВС, и из СКРО, и от командования РККА. В результате сложившееся положение вещей иначе, как «организационным хаосом», назвать было невозможно⁴⁶.

К весне 1919 г. ситуация со снабжением РККА серьезно обострилась. Принятые Реввоенсоветом штаты стрелковой дивизии предусматривали большое количество предписанных вооружений, а так как РККА предполагалось развернуть в составе 125 стрелковых бригад (сводимых в дивизии), ожидалась недостача приблизительно 65% пулеметов и 60% артиллерийских орудий. Так как промышленность, безусловно, была не в состоянии покрыть эту недоста-

⁴¹ Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1960. С. 247, 248; Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 573—574.

⁴² Соколов А. К. От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 г. С. 15.

⁴³ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 515—516.

⁴⁴ В их число входили такие заводы, как Тульский и Ижевский оружейные и Симбирский патронный.

⁴⁵ Советское военно-промышленное производство (1918—1926 гг.): Сборник документов. Т. 2. С. 150.

⁴⁶ Соколов А. К. От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. С. 18.

чу в ближайшее время. то 10 марта 1919 г. штаты пехотной дивизии были пересмотрены: количество пулеметов в ней было сокращено с 48 до 24, а орудий — со 116 до 44. Если потребности в вооружениях и боеприпасах так или иначе удавалось удовлетворять (пусть в основном и за счет еще дореволюционных запасов), то обеспечение действующей армии разнообразной амуницией находилось на явно недопустимо низком уровне⁴⁷.

Ситуация непосредственно в оборонной промышленности также внушала тревогу. Обилие разнообразных органов, засыпавших предприятия «оборонки» заказами на поставки той или иной военной продукции, ставило военную индустрию в невыносимое положение «слуги множества господ», поэтому деловая переписка апреля-мая оборонной промышленности с вышестоящими инстанциями пестрит требованиями указать, чьи, собственно, заказы должны выполняться в первую очередь.

Было очевидно, что бесконечно уповать на запасы, доставшиеся по наследству от «старого режима», невозможно, а новый выпуск пока носил очень ограниченные масштабы. Переломить ситуацию удалось лишь после создания в июле 1919 г. при СРКО института Чрезвычайного уполномоченного по снабжению Красной армии (Чусоснабарм, ЧУСО), располагавшего подчиненным ему аппаратом как в центре, так и на местах⁴⁸. На пост Чусоснабарма был назначен А. И. Рыков, тогда возглавлявший ВСНХ, что позволило объединить все экономические структуры, отвечавшие за снабжение РККА уже не столько на институциональном, сколько на персональном уровне. Как показала

практика, на тот момент это была более эффективная методика.

Так как политика распределения оборонных предприятий по профильным главам ВСНХ себя явно не оправдала, 24 августа 1919 г. при ЧУСО был создан Совет военной промышленности (Промвоенсовет)⁴⁹, во главе которого встал П. А. Богданов. Структурно Промвоенсовет делился на четыре отраслевых главка: ЦПАЗ, Главкоавиа (авиапромышленность), Цепморз (военно-морские, в первую очередь — артиллерийские, заводы) и Цупвюз (заводы по производству обозного имущества). Всего в систему Промвоенсовета входило 59 предприятий, которые на тот момент и составили основу отечественной оборонной промышленности⁵⁰.

Необходимо отметить, что, несмотря на очевидную важность оборонной промышленности в годы войны, необходимость особого внимания к этой индустрии далеко не сразу была осознана советским руководством: на 1920 г. из почти 60 предприятий Промвоенсовета статусом «ударных», обеспечивающим повышенное снабжение продуктами и более высокие расценки, обладал лишь 21 завод⁵¹.

Советская военная промышленность в годы Гражданской войны подразделялась на несколько отраслей, каждая из которых обладала собственным набором присущих ей специфических черт. Как известно, Российская империя обладала достаточно мощной артиллерийской отраслью, состоявшей из нескольких крупных казенных и частных предприятий. Однако в связи с широкой программой эвакуации индустриальных объектов, принятой зимой 1918 г., к середине 1918 г. единственным

⁴⁷ Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970. С. 389.

⁴⁸ Присяжный Н. С. Экономическая чума: Военный коммунизм в России. Ростов н/Д., 1994. С. 37.

⁴⁹ Советское военно-промышленное производство (1918—1926 гг.): Сборник документов. Т. 2. С. 109.

⁵⁰ Подробнее на эту тему см.: Мухин М. Ю. Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921—1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3—15.

⁵¹ Соколов А. К. От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. С. 21.

предприятием, которое было в состоянии продолжать выпуск артиллерийского вооружения, оставался Пермский пушечный завод⁵². К концу 1919 г. работы по выпуску и ремонту артиллерийских систем велись на Петроградском, Брянском и Московском оружейных заводах, Киевском арсенале и еще нескольких артиллерийских ремонтных мастерских. В результате суммарный объем артиллерийского выпуска в годы Гражданской войны в Советской России был очень мал по сравнению с периодом Первой мировой войны. Если за 1916 г. в России было выпущено 8289 артиллерийских орудий⁵³, то в 1919 — всего 366, то есть в 22,6 раза меньше.

В области производства стрелкового вооружения Советской России по наследству от «старого режима» достались Сестрорецкий, Тульский и Ижевский заводы, обеспечивавшие выпуск винтовок. Основным центром выпуска пулеметов, как и до революции, оставался Тульский завод. Попытки ввести в строй пулеметный завод в Коврове (начатый строительством еще при царской администрации) так и не увенчались успехом, а новый винтовочный завод в Екатеринославе мало того, что так и не был достроен, так еще и очень быстро оказался по другую линию фронта. Сестрорецкий завод в 1916 г. развил производительность в 14 тыс. винтовок ежемесячно, однако в 1918 г. это предприятие было предписано эвакуировать. После того как приблизительно половина оборудования была уже вывезена, поступил приказ об отмене эвакуации, но вернуть обратно удалось уже далеко не все станки. В результате предприятие утратило возможность выпускать

новые винтовки, и в 1919 г. было загружено заказами исключительно на ремонт стрелкового оружия⁵⁴. Вследствие этих обстоятельств выпуск пулеметов в 1919⁵⁵ — первой половине 1920 г. был сосредоточен практически исключительно на Тульском заводе, а производство винтовок приблизительно поровну разделилось между Тульским и Ижевским заводами.

В годы Гражданской войны, по сравнению с дореволюционным периодом, стрелковая промышленность демонстрировала очевидный спад производительности. Если в 1916 г. Тульский завод выпускал в месяц 61 тыс. винтовок и 1200 пулеметов, то в 1919 г. 32 тыс. винтовок удалось сдать только в октябре, а обычная месячная выработка колебалась в районе 20—22 тыс. винтовок. Еще хуже ситуация сложилась на Ижевском заводе. Если довоенная ежемесячная выработка составляла свыше 53 тыс. винтовок, то в 1919 г. она колебалась около 19—20 тыс. штук в месяц⁵⁶. Следует учитывать, что Ижевский завод дважды переходил под контроль белых, причем после первого изгнания контрреволюционных сил с отступившими белыми ушло около 10 тыс. сотрудников Ижевского оружейного и обеспечивающего его сталью Воткинского заводов, а после второго — ушло еще 8 тыс. человек. Поэтому убыль квалифицированных кадров пришлось срочно восполнять за счет рабочих «со стороны», что не могло не сказаться на производительности предприятия. В результате всех этих событий суммарный выпуск винтовок в России резко сократился, если в декабре 1916 г. в России было произведено 127 200 винто-

⁵² Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. М., 1993. С. 131.

⁵³ Головин Н. Н. Военные усилия России в Первой мировой войне. М., 2001. С. 211.

⁵⁴ Советское военно-промышленное производство (1918—1926 гг.): Сборник документов. Т. 2. С. 137.

⁵⁵ Надо отметить, что ситуация с управлением военной промышленностью за 1918 г. была столь плачевна, что в нашем распоряжении нет практически никакой сводной информации о выпуске военной продукции за тот год.

⁵⁶ Соколов А. К. От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. С. 22.

Таблица 6

**Выпуск артиллерийских орудий, винтовок и пулеметов
в Советской России в 1919 — первой половине 1920 г.**

Месяцы	Винтовки	Пулеметы	Артиллерийские орудия
1919 г.			
Январь	39 213	480	17
Февраль	50 183	500	20
Март	43 677	420	15
Апрель	16 010	325	19
Май	25 800	390	45
Июнь	26 500	500	34
Июль	42 800	720	50
Август	35 910	595	9
Сентябрь	46 925	690	26
Октябрь	51 204	618	45
Ноябрь	34 023	456	35
Декабрь	47 810	562	51
Итого за 1919 г.	460 055	6256	366
1920 г.			
Январь	27 301	400	28
Февраль	15 815	50	26
Март	34 004	503	20
Апрель	17 649	121	39
Май	26 300	500	94
Июнь	33 994	300	Н.д.

Источник: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900—1963. Т. 2. М., 2005. С. 194.

вок⁵⁷, то в декабре 1919 г. — лишь 47 810, то есть выпуск этого типа вооружений упал в 2,7 раза.

Военно-химическая промышленность тех лет была представлена в первую оче-

редь производством пороха и взрывчат-ки⁵⁸. Надо признать, что дореволюционная Россия располагала достаточно большим комплексом военно-химических производств. Основную массу пороха

⁵⁷ Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. 1914—1917: Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 66.

⁵⁸ Выпуск отравляющих веществ в те годы носил в России сравнительно малозначительный характер, поэтому в данном контексте не рассматривается.

на 1916 г. выпускали Шлиссельбургский, Шосткинский, Охтинский и Казанский пороховые заводы. Кроме того, во Владимире на 1917 г. продолжалось строительство частного порохового завода Барановского, а в Тамбове — казенного порохового завода. В производстве взрывчатки доминировал выпуск Самарского (Сергиевского) и Охтинского заводов взрывчатых веществ, еще один завод взрывчатых веществ строился в Нижнем Новгороде. Однако в 1918 г. началось стремительное сокращение промышленных мощностей военно-химической индустрии, находившихся в распоряжении Совнаркома. Шосткинский и Казанский заводы оказались по другую линию фронта, строительство во Владимире и Тамбове практически встало, Охтинский пороховой завод был эвакуирован и, фактически, выпал из производственной деятельности.

В результате в 1918 г. все производство пороха для РККА было сосредоточено преимущественно на Шлиссельбургском пороховом заводе. Правда, в августе удалось возобновить выделку пороха на Охтинском заводе, но масштабы выпуска там были невелики, а в конце 1919 г. выпуск пороха там был прекращен⁵⁹. Казанский завод возобновил сдачу пороха только после освобождения от чехословацких войск, в конце сентября 1918 г. В 1919 г. фабрикация пороха на Шлиссельбургском заводе прекратилась, поэтому основу советского порохового выпуска в 1919—1920 гг. составляла продукция Казанского завода. Кроме того, на вступившем в строй Владимирском заводе было налажено производство пороха для Морского ведомства.

Однако если в производстве пороха в распоряжении советского правительства остался хотя бы один завод, то с вы-

пуском взрывчатки ситуация была еще хуже. Охтинский завод был эвакуирован и продукцию не сдавал, а Самара вместе с заводом взрывчатых веществ контролировалась войсками Комуча. Впрочем, подразделения Чехословацкого корпуса вошли в Самару только 6 июня 1918 г., а еще весной того года завод был остановлен из-за отсутствия топлива⁶⁰. Возобновить работу завода удалось только в декабре 1918 г., причем ввиду того, что подавляющее большинство инженеров покинули завод, предприятие было переориентировано на выпуск винтовочных и револьверных капсюлей и из производства взрывчатки также выбыло. Строительство Нижегородского завода было приостановлено, а в уже возведенных цехах было наскоро организовано снаряжение 122-мм и 152-мм снарядов из уже произведенных запасов снарядных корпусов и взрывчатки. Таким образом, завод был фактически перепрофилирован из военно-химического в снаряжательный. По сути, в годы Гражданской войны выпуск взрывчатки в Советской России не велся. Впрочем, дореволюционные запасы взрывчатых веществ, доставшиеся в распоряжение советской власти, были столь объемны, что какой-либо нужды в производстве новой взрывчатки РККА не испытывала. Только в январе 1920 г. Самарскому и Нижегородскому заводам был выдан заказ на 12 150 пудов⁶¹ взрывчатки, причем этот заказ был обусловлен необходимостью поддержания производства на этих предприятиях⁶².

Подотрасль производства боеприпасов включала в себя в первую очередь заводы по выпуску винтовочных патронов и корпусов снарядов. Дореволюционная Россия располагала тремя основными патронны-

⁵⁹ Советское военно-промышленное производство (1918—1926 гг.): Сборник документов. Т. 2. С. 148.

⁶⁰ Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. С. 135.

⁶¹ Приблизительно 194 тонн.

⁶² Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. С. 149.

Таблица 7

Выпуск пороха и боеприпасов в Советской России в 1919 — первой половине 1920 г.

Месяц	Порох (пудов)	Патроны (тыс.)	Снаряды ⁶³ (шт.)
1919 г.			
Январь	3920	19 720	27 476
Февраль	3483	24 358	26 783
Март	5209	22 748	5222
Апрель	5813	16 610	6286
Май	6990	28 291	11 538
Июнь	5825	28 544	21 418
Июль	7270	31 610	24 545
Август	4086	32 497	16 698
Сентябрь	2491	34 311	16 816
Октябрь	7112	34 558	7145
Ноябрь	5856	38 665	6959
Декабрь	5712	45 348	14 112
Итого за 1919 г.	63 767	357 260	184 998
1920 г.			
Январь	3124	27 899	3662
Февраль	720	17 072	1637
Март	5104	31 270	2834
Апрель	4641	21 481	586
Май	4737	28 934	289
Июнь	3414	33 094	553

Источник: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900—1963. Т. 2. М., 2005. С. 194.

ми заводами, определявшими ситуацию с производством этого вида боеприпасов в целом — Петроградским и Луганским казенными, и Тульским частным⁶⁴. Однако Петроградский завод подвергся эваку-

ации, причем именно в отношении этого предприятия эвакуационные меры носили особенно разрушительный характер. В ходе этих мероприятий Петроградский патронный завод перестал существовать

⁶³ В данном случае речь идет только и исключительно о снарядах для сухопутной артиллерии. Снаряды Морского ведомства учитывались отдельно, но выпуск таких боеприпасов был невелик.

⁶⁴ Кюнг И. А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 37.

вообще, часть его оборудования была эвакуирована в Симбирск, где с 1916 г. строился новый патронный завод, а часть была направлена в Подольск, где на базе этого станочного парка был создан Подольский патронный завод. Однако за весь 1919 г. производство патронов не было налажено ни в Симбирске, ни в Подольске⁶⁵. Луганский завод на протяжении 1919—1920 гг. шесть раз переходил из рук в руки, причем каждый раз отступающая сторона старалась эвакуировать оборудование предприятия. В результате существенной роли в патронном производстве этот завод не играл. Таким образом, основная масса патронного производства Советской России в годы Гражданской войны пришлось на Тульский патронный завод.

Отдельной промышленности артиллерийских снарядов в дореволюционной России не было. Снарядные корпуса производились, параллельно с иной продукцией, на Пермском Орудийном и Ижевском оружейном казенных заводах. Помимо этого, к производству снарядных корпусов было привлечено большое количество частных предприятий. Часть из этих заводов продолжили выпуск корпусов снарядов и после Октябрьского переворота, однако масштабы снарядного производства резко упали. Если в 1916 г. в России было произведено почти 31 млн снарядов⁶⁶, то за 1919 г. — лишь 185 тыс.

Снижение выпуска снарядов в 1920 г. объяснялось в первую очередь огромными запасами боеприпасов такого типа, оставшихся с дореволюционных времен. Поэтому советское правительство не видело необходимости отвлекать дефицитные ресурсы для изготовления новых снарядов.

Помимо этого, в годы Гражданской войны в Советской России выпускались

самолеты⁶⁷, броневики, строились бронепоезда и даже была выпущена серия танков⁶⁸. Однако производственная деятельность в этих областях носила настолько малозначительный характер, что в данном случае ее можно не учитывать.

В целом, Промвоенсовету удалось наладить снабжение РККА вооружением и боеприпасами, хотя на количество и качество этих поставок представители военного ведомства жаловались практически непрерывно. Тем не менее следует признать, что степень обеспечения Красной армии оружием и боеприпасами была в целом выше, чем у разнообразных «белых» группировок, которые были вынуждены практически полностью опираться на дореволюционные запасы и поставки из-за границы. В то же время опыт польско-советской войны 1920 г., в ходе которой польские войска пользовались куда более масштабной помощью в плане поставок вооружений и новейшей боевой техники, показал, что по уровню технического оснащения РККА имела немало «узких мест». Система управления оборонной промышленностью «ЧУСО — Промвоенсовет», созданная летом 1919 г., уже практически не менялась вплоть до окончания Гражданской войны, однако следует отметить, что производственный рывок 1919 г. очень дорого обошелся отечественной оборонной индустрии. На военных заводах выходило из строя оборудование, катастрофически не хватало инструментов, квалифицированный персонал массово покидал предприятия в поисках более «хлебных» мест. Неслучайно «мирная передышка» зимой—весной 1920 г. была немедленно использована для массового урезания военных заказов.

⁶⁵ Советское военно-промышленное производство (1918—1926 гг.): Сборник документов. Т. 2. С. 139—141.

⁶⁶ Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. С. 80.

⁶⁷ Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921—1941 гг. М., 2006. С. 99.

⁶⁸ Свириг М. Броня крепка: История советского танка. 1919—1937. М., 2005. С. 42.

Транспорт

История российского транспорта в годы Гражданской войны достаточно полно изучена в историографии, в том числе в рамках обобщающих монографических исследований⁶⁹.

Гражданская война была по преимуществу войной на колесах. Основные сражения шли вдоль линий железных дорог. Противоборствующие силы при отступлении разбирали пути, взрывали мосты, снимали и увозили гидравлические колонки, телеграфные аппараты и т.п. В боях за железнодорожные станции ее сооружения (вокзалы, депо, водокластье, склады) нередко превращались в укрепления, по которым противник вел артиллерийский огонь. Вагоны являлись одновременно и казармами, и цейхгаузами, и огневыми точками. На паровозах посылали группы разведчиков. При обороне и наступлениях ударной силой были бронепоезда. На необъятных просторах страны только с помощью железных дорог удавалось поддерживать работу стратегически важных предприятий, подвозить в города продовольствие и топливо, эвакуировать раненых и больных в медицинские учреждения и т.п.

Уже в конце 1917 г. состояние железных дорог России инженерами путей сообщения оценивалось как катастрофическое. Они с отчаянием говорили о фактах постоянных нарушений правил технической эксплуатации: сокращении тяговых участков непрерывного обслуживания, установлении паровозными и кондукторскими бригадами суточного отдыха после каждой поездки, систематическом невыпуске паровозов из депо под готовые к отправке поезда и т.п.

В результате самые технически оснащенные дороги работали на треть своих возможностей. Все это позволило инженеру путей сообщения С. В. Тюменеву в докладе Комитету Совета Съездов представителей промышленности и торговли заявить: «Если состояние транспорта в октябре месяце свидетельствовало о близости его агонии, то в ноябре месяце эта агония наступила и ныне железных дорог, как планомерно функционирующего механизма, не стало»⁷⁰.

Разруха усиливалась бесчинством разного рода уголовных и бандитских элементов, которые под видом демобилизованных солдат шныряли на железных дорогах, занимаясь грабежом. Вооруженные банды задерживали поезда, отцепляли от проходящих поездов вагоны и паровозы и угоняли их, подчас заставляя паровозную бригаду выезжать на занятый перегон. Отправляя груз, никто не мог быть уверен, что тот придет по назначению. Грабеж принял такие масштабы, что вслед за Московско-Киево-Воронежской железной дорогой сложили с себя ответственность за целостность и сохранность сданных к перевозке грузов Александровская, Московско-Курская, Нижегородская, Муромская и Окружная, Московско-Виндаво-Рыбинская, Омская, Сызрано-Вяземская, Черноморско-Кубанская, Северные, Владикавказская, Юго-Восточные и другие железные дороги.

Пытаясь противостоять преступности, советская власть сначала пошла на создание железнодорожной милиции, а в апреле 1919 г. Совет рабочей и крестьянской обороны установил принцип круговой поруки за сохранность железнодорожного по-

⁶⁹ См.: Фомин В. Пятилетие советского транспорта, 1917—1922 г., и его ближайшие перспективы. М., 1922; Давцов Л. В. КПСС в борьбе за восстановление и развитие железнодорожного транспорта (1921—1925 гг.). М., 1980; Развитие советского железнодорожного транспорта. М., 1984; История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. 1917—1945 гг. СПб.; М., 1997; Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.). М., 2009; Поляков В. А. «На рельсах коммунизма»: Российский транспорт на ленинском этапе истории (октябрь 1917—1924 г.). Волгоград, 2016; и др.

⁷⁰ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 674. Л. 14 об.

Народ при посадке на поезд.
Фотограф не установлен. РГАКФД

лотна. Она распространялась на граждан, проживавших в тридцативерстной полосе вдоль путей. Губернским исполкомам разрешалось при обнаружении посторонних лиц в районе охраны железных дорог брать местных жителей в заложники⁷¹.

На почве продовольственного кризиса железные дороги захлестнули толпы мешочников. Считается, что в годы Граждан-

ской войны около половины всего продовольствия в города доставлялось мешочниками. Главный инспектор железных дорог В. П. Некрасов писал, что массовое перемещение последних из губернии в губернию «упраздняло всякое грузовое движение, ибо вместо поездов с мукой мы везли поезда с телами мешочников»⁷². 3 марта 1919 г. Совет рабочей и крестьянской обороны

⁷¹ Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 44—45.

⁷² Вестник путей сообщения. 1919. № 3. С. 2.

принял постановление об организации маршрутных поездов для транспортировки хлеба и угля. Всего в 1919 г. было перевезено 3 159 817 536 пудов груза, в 1920 — 3 658 136 160 пудов груза⁷³.

В течение всей войны железнодорожникам приходилось бороться с эпидемиями холеры и тифа. В целях борьбы с эпидемиями железные дороги покрылись сетью изоляционно-пропускных и обсервационных пунктов, задачей которых стала временная изоляция обнаруженных в пути больных.

Большие неприятности причиняли путейцам снежные заносы, высота которых достигала двух и более метров, что приводило к приостановке движения поездов. Снег приходилось убирать вручную, поскольку снегоочистители при таких заносах путей не работали. Совет рабочей и крестьянской обороны в декабре 1918 г. предписал уездным и губернским Советам мобилизовать на борьбу со снежными заносами все мужское население от 18 до 45 лет, а спустя год привлечь к вывозу снега всех лиц, имевших лошадей и перевозочные средства. В конце января 1919 г. к расчистке путей были привлечены воинские части.

В связи с распадом Российской империи протяженность железных дорог сократилась с декабря 1913 по декабрь 1920 г. с 72 981 до 59 584 км. В ходе военных действий особенно серьезно пострадало верхнее строение пути — рельсы, рельсовые скрепления, стрелочные переводы, мостовое полотно, шпалы, балласт и т.п. В 1918 г. в ходе военных действий было разрушено 48 мостов, а в 1919 — уже 545. Для восстановления железнодорожного хозяйства советское правительство на базе войсковых соединений РККА сформировало 8 трудо-

вых армий, в том числе 2-ю Особую железнодорожную армию. В основном трудармейцы выполняли неквалифицированную работу, т.е. были чернорабочими. За это они получали содержание от военного ведомства в виде довольствия, положенного красноармейцам. Только в 1920 г. они отремонтировали более 12 тыс. верст железнодорожного пути, погрузили и разгрузили 360 тыс. вагонов, заготовили 387 тыс. кубических сажень дров, из которых 384 тыс. вывезли к месту назначения. Трудармейцы оказали помощь в текущем ремонте 16 тыс. паровозов, свыше 100 тыс. вагонов⁷⁴.

В годы Гражданской войны продолжалось строительство железных дорог, но темпы их резко снизились. Всего за 1918—1920 гг. было введено в эксплуатацию 1350 км пути⁷⁵. Уже в 1919 г. строители столкнулись с острой нехваткой рельсов, стрелочных переводов, мостовых ферм и т.п. В связи с этим СНК принял постановление о снятии рельсов и шпал с ряда второстепенных линий. 14 октября 1920 г. правительство было вынуждено в корне перестроить всю строительную программу, и сооружение большинства линий было приостановлено.

В конце 1917 — начале 1918 г. на всей сети дорог находилось 21 078 паровозов, 542 842 грузовых вагона, 27 224 цистерны и около 20 тыс. пассажирских вагонов. По мере разрастания Гражданской войны состояние подвижного состава постоянно ухудшалось как вследствие чрезмерной эксплуатации паровозов и вагонов и невозможности из-за отсутствия необходимых материалов своевременно производить текущий ремонт, так и по причине резкого сокращения выпуска новых локомотивов и вагонов. Так, все паровозо-

⁷³ Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 3: Перевозки по железнодорожным и водным путям в 1917—1920 гг. М., 1921. С. 106—107, 146—147, 156—171.

⁷⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 599—600; Геронимус А. Партия и Красная армия: Исторический очерк. М.; Л., 1928. С. 96.

⁷⁵ Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.). С. 219—220.

строительные заводы страны выпустили за 1918—1920 гг. 401 грузовой и 49 пассажирских паровозов⁷⁶. 1 февраля 1919 г. была проведена перепись всех паровозов на дорогах Советской России. Было зафиксировано резкое ухудшение состояния паровозного парка. На Московско-Окружной железной дороге неисправными оказалось 68,5% локомотивов, на Мурманской железной дороге — 67,9%, на Северных железных дорогах — 56,6%. При этом в мае 1919 г. 38% паровозов нуждалось в среднем ремонте и число их росло. На 1 января 1920 г. на дорогах числилось 262 439 товарных вагонов. Из них требовали ремонта 49 937, т.е. 19%. По количеству выбывших из строя вагонов первое место занимали Северные дороги (28%), Николаевская железная дорога (27,5%) и Риги-Орловская железная дорога (26,9%). По итогам 1920 г. в лидерах неисправного подвижного состава оказалась Александровская железная дорога: 70% неисправных паровозов и 30% вагонов⁷⁷.

В ремонте подвижного состава большую роль играли «субботники». Первый день бесплатного труда на благо родины пришелся на субботу 12 апреля 1919 г., когда две бригады рабочих депо Москва-Сортировочная за ночь отремонтировали 5 паровозов. В. И. Ленин назвал субботники «великим почином», «ростками коммунизма». Поддержка первых субботников советской властью стала неплохим моральным стимулом для работников транспорта и сыграла важную роль в оздоровлении всего железнодорожного хозяйства.

Весной 1920 г. НКПС разработал 4,5-летний план восстановления паровозного хозяйства и вагонного парка страны. 22 мая по сети дорог был объявлен при-

каз № 1042. Он содержал план ремонта паровозов усилиями НКПС и ВСНХ. Однако ожидаемый результат оказался ниже расчетных показателей. Препятствием к успешному ремонту паровозов и вагонов стала низкая производительность труда на заводах и в мастерских, постоянная нехватка нужного металла, инструментов, проволоки т.п. В итоге, по словам главного редактора журнала «Техника и экономика путей сообщения» С. Л. Маневича, «только что исправленный паровоз после одного, двух пробегов снова оказывается непригодным и опять нуждается в ремонте»⁷⁸.

В 1920 г. советское правительство заключило ряд соглашений с европейскими государствами на поставку паровозов и запасных частей. По расчетам Экспериментального института НКПС, с учетом неизбежного исключения из инвентаря старого подвижного состава нужно было приобрести примерно 5 тыс. паровозов и не менее 150 тыс. новых вагонов. В марте 1920 г. делегация во главе с Л. Б. Красиным выехала в Лондон. По дороге делегация останавливалась в Стокгольме и Копенгагене. Были заключены соглашения о поставке шведскими и германскими предприятиями паровозов типа 0—5—0 серии «Э» по чертежам Луганского паровозостроительного завода, хорошо зарекомендовавших себя работой на многих железных дорогах в военные годы. В последующие три года Советская Россия получила от иностранных паровозостроительных предприятий 1200 новых паровозов, что сыграло большую роль в восстановлении железнодорожного транспорта после окончания Гражданской войны. Помимо паровозов, Советская Россия в эти годы закупала за рубежом и другое железнодорожное имущество. Из евро-

⁷⁶ Риков В. А. Локомотивы отечественных железных дорог 1845—1955. 2-е изд. М., 1995. С. 241, 255.

⁷⁷ Сенин А. С. Московский железнодорожный узел. 1917—1922 гг. М., 2004. С. 275—277.

⁷⁸ Маневич С. Л. Транспорт и народное хозяйство // Техника и экономика путей сообщения. 1920. № 8—10. С. 10; Транспорт за два года: Сборник статей к Съезду Советов / Под ред. члена коллегии Наркомпути тов. Балабатова. М., 1920. С. 5.

пейских стран для российских железных дорог в начале 1920-х гг. поступило 1500 нефтяных цистерн, около 80 тыс. тонн рельсов, 200 котлов, более 50 тыс. бандажей, 500 тыс. дымогарных труб и другое оборудование⁷⁹. В докладе наркому путей сообщения Ф. Э. Дзержинскому об обстоятельствах закупок железнодорожного имущества за рубежом помощник начальника Технического управления НКПС П. И. Красовский писал, что крупный заказ железнодорожной техники должен был способствовать прорыву экономической блокады, т. е. имел также политический характер⁸⁰.

В различных учреждениях в годы Гражданской войны рассматривались проекты перевода некоторых железных дорог на электрическую тягу. Инженеры путей сообщения активно участвовали в комиссии по разработке планов электрификации страны. В рамках плана ГОЭЛРО намечалась электрификация крупных магистралей: Петроград — Москва, Москва — Донбасс — Мариуполь, Кривой Рог — Царицын и Уральские перевальные линии.

Железнодорожная администрация комплектовалась преимущественно из среды железнодорожников, уже долгие годы работавших на транспорте. В центральном аппарате НКПС во второй половине 1918 г. служили 66,5% бывших работников МПС. В основной массе служащие (87,6%) были беспартийными. Коммунисты составляли 2,9%, сочувствовавшие — 7,9%. Около 2% были членами других социалистических партий⁸¹.

Гражданская война нанесла огромный ущерб железнодорожному транспор-

ту. За 1918—1920 гг. в стране было разрушено 21250 верст железнодорожных путей. Отдельные участки превратились в грунтовые дороги для проезда на телегах и санях. Некоторые линии были разобраны и использованы для ремонта поврежденного рельсового полотна на главных путях. Разрушенными или серьезно поврежденными оказались 3672 моста общей длиной пролетов 89467 метров, 2904 стрелочных переводов, 381 место для стоянки паровозов в депо, 264 гидравлических колонны, 466 водокачек, почти 5 тыс. гражданских построек, 86,5 тыс. верст телеграфных линий, 4331 телеграфный и 10896 телефонных аппаратов⁸². Специалисты предполагали, что значительная часть основного капитала, вложенного в железнодорожное строительство еще до Первой мировой войны, исчезла бесследно и многое придется восстанавливать вновь. По мнению инженера В. О. Клеменчика, то, что железные дороги продержались и даже работали в течение всей Гражданской войны, «является чудом, которое дала республике не знающая границ энергия Советской власти»⁸³.

К концу 1916 г. морской торговый флот состоял из 1013 пароходов, 91 теплохода и 2524 парусных судов⁸⁴. Это были преимущественно разнотипные и тихоходные суда небольшой грузоподъемности. Только 8,6% судов плавало до пяти лет; половина судов находилась в эксплуатации более 30 лет⁸⁵. Значительная их часть — 442 парохода — принадлежала акционерным обществам. Крупнейшими из них были «Русское общество пароходства

⁷⁹ Хэйвуд Э. Российская железнодорожная миссия за границей в 1920—1923 годах // Родина. 2012. № 8. С. 98.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 76. Л. 72—72 об.

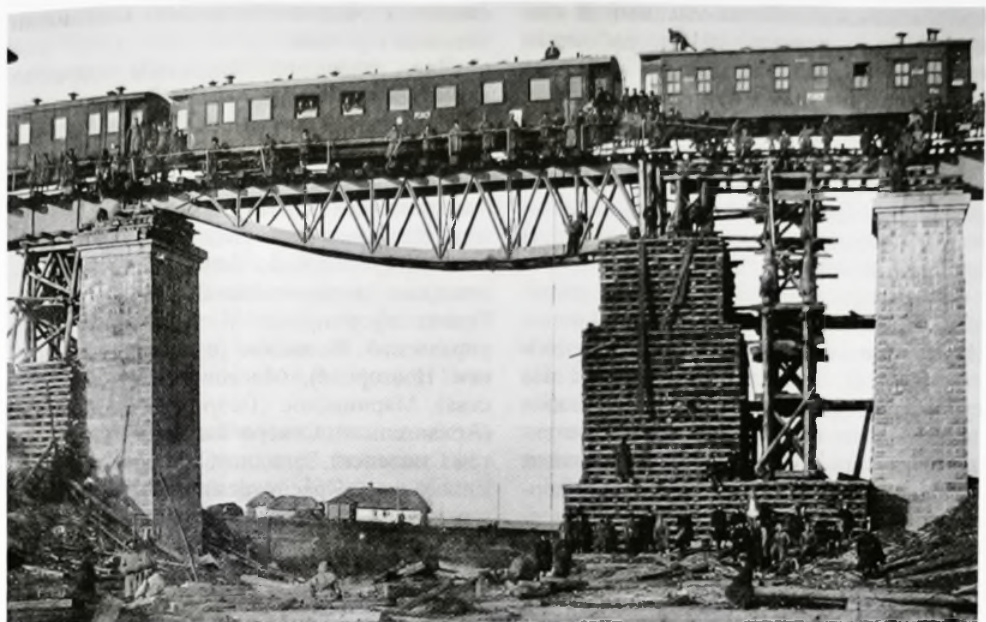
⁸¹ Морозов Б. М. Формирование органов центрального управления Советской России в 1917—1918 гг. (на примере Народного комиссариата путей сообщения). М., 1995. С. 82, 92—93.

⁸² Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.). С. 252.

⁸³ Клеменчик В. О. Итоги работы железных дорог за три года (1917—1920 гг.). М., 1920. С. 7.

⁸⁴ Морской транспорт СССР: К 60-летию отрасли. М., 1984. С. 9.

⁸⁵ Бакаев В. Г. Морской транспорт СССР за 40 лет. М., 1957. С. 5.

Железнодорожный состав на одном из восстановленных железнодорожных мостов. 1918—1922 гг.
Фотограф не установлен. ГАКФД

и торговли», владевшее 65 судами, и «Добровольный флот» с 40 судами⁸⁶. Основная масса судов принадлежала небольшим судоводным кампаниям и частным судовладельцам.

Накопившиеся проблемы в морском флоте России в 1917 г. публично обсуждались в периодической печати, на многочисленных конференциях и съездах тружеников водного транспорта. Профсоюзы водников требовали введения восьмичасового рабочего дня на пристанях и в портах, пересмотра в сторону уменьшения нормы дневной выработки. Всероссийский съезд союза моряков и речников принял резолюцию, требующую строить национальный торговый флот за счет государства, незави-

симо от инициативы частных предприятий. Профсоюзы работников водного транспорта настаивали на своем участии в управлении отраслью и принятии решений в области судостроения и повседневной деятельности флота⁸⁷.

Переход власти к Советам большинство судовладельцев встретило враждебно. Опасаясь вывода или продажи российских судов за границу, Совет Народных Комиссаров 24 ноября 1917 г. принял декрет «О воспреещении продажи, заклада и отдачи по charter-партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений»⁸⁸. Согласно декрету, все сделки по передаче русских судов за границу, заключенные после 19 июля 1914 г.,

⁸⁶ Советский транспорт 1917—1927. М., 1927. С. 195.

⁸⁷ Русское судоходство. 1917. № 9—10. С. 6; № 11—12. С. 20—22.

⁸⁸ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 140—141.

признавались недействительными. В конце 1917 — начале 1918 г. работники транспорта стали создавать выборные «деловые советы» и «затонские комитеты», которые брали на себя важные функции управления деятельностью судоходных предприятий. Повсеместно съезды различных профсоюзов моряков и речников принимали резолюции в пользу национализации флота.

23 января 1918 г. СНК принял декрет «О национализации торгового флота». На основании декрета объявлялись собственностью Советской Республики все судоходные предприятия, принадлежавшие акционерным обществам, паясным товариществам, торговым домам и единоличным крупным предпринимателям, а также морские и речные суда всех типов, использовавшиеся для перевозки грузов и пассажиров. В частном секторе оставались китобойные и рыболовные суда лоцманских обществ и товариществ, органов городских и сельских самоуправлений, равно все небольшие суда, служившие для мелкого промысла⁸⁹. Особенностью национализации было то, что в момент ее провозглашения большинство судов находилось за пределами действия советского законодательства — в открытых морях. Часть их в годы Гражданской войны была задержана в иностранных портах, часть осталась за границей. Всего по этому декрету было национализировано 13 754 судна речного и 2476 судов морского транспорта. Позднее выяснилось, что на местах порой конфисковались суда мелких собственников, поэтому их пришлось вернуть прежним владельцам⁹⁰. Целью передачи торгового флота в руки государства было достижение экономической незави-

симости страны и обеспечение монополии внешней торговли.

Для управления торговым морским и речным флотом при ВСНХ учреждался Отдел водных сообщений, в коллегию которого вошли представители разных ведомств⁹¹. 18 мая Отдел водных сообщений был переименован в Главное управление водного транспорта. Главоду были подчинены все учреждения бывших частных судоходных предприятий. В течение месяца Главод сформировал 8 территориальных управлений: Волжское (с центром в Нижнем Новгороде), Московско-Окское (Москва), Мариинское (Петроград), Северное (Архангельск), Северо-Западное (Орел, затем Смоленск), Западно-Сибирское (Омск), Енисейское (Красноярск), Амурское (Благовещенск). Вопросами развития водного хозяйства с 11 июня 1918 г. ведал Комитет государственных сооружений ВСНХ⁹².

Советская власть пыталась наладить морские торговые операции. 17 июля 1918 г. в Петроград прибыл шведский пароход «Гуте» с грузом бумаги и шарикоподшипников, в августе — германские пароходы с углем. 10 ноября 1918 г. под красным флагом вышел в первое заграничное плавание пароход «Федерация». Следом за ним курсом на Копенгаген и Стокгольм ушло еще четыре судна («Северная коммуна», «Циммервальд», «Лассаль», «Республика») с грузом льна, леса и железного лома⁹³. Но появление на Балтике военных судов стран Антанты прервало плавание советских судов до конца Гражданской войны. Некоторые иностранные суда, несмотря на морскую блокаду, все же прорывались в Петроград в течение всего 1919 г. После освобождения Архан-

⁸⁹ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 391—397.

⁹⁰ История социалистической экономики СССР. Т. I: Советская экономика в 1917—1920 гг. М., 1976. С. 181—182.

⁹¹ Речной транспорт в директивах Коммунистической партии, законодательных актах и постановлениях советского правительства (1918—1959). М., 1959. С. 6—7.

⁹² Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 422—426.

⁹³ Под флагом России: История зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995. С. 273.

гельска местные моряки и рабочие в течение 1920 г. отремонтировали 22 судна, что позволило в дальнейшие годы успешно вывозить сибирский хлеб из устья Енисея и Оби. Уже в 1920 г. на ледоколе «Соловей Будимирович» была предпринята научно-практическая экспедиция в Чешскую губу, в устье реки Индиго, где предполагалось в будущем построить новый порт. В начале 1920-х гг. Л. Б. Красину удалось выкупить несколько ледоколов, построенных для России в Англии, но уведенных интервентами при бегстве из Архангельска («Святогор», «Святой Александр Невский» и др.).

Немногие отрасли народного хозяйства так сильно пострадали от военных действий, как морской флот. 326 судов общим тоннажем около 500 тыс. тонн были угнаны эвакуировавшимися белогвардейцами и интервентами, 60 погибло в ходе военных действий. Помимо резкого количественного сокращения флота, даже его остатки теряли ценность из-за крайне изношенного состояния. В конце Гражданской войны 44% судов имели возраст от 20 до 30 лет и 39% — свыше 30 лет⁹⁴. Грузооборот морского транспорта в 1920 г., по сравнению с 1913 г., сократился до 19,2%, а перевозки пассажиров до 32,4%.

В начале 1917 г. на речных путях России находилось 4203 паровых и 15 780 непаровых судов. Грузооборот речного флота в 1917 г. составил 53% от объема, достигнутого в 1913 г.⁹⁵ Снижение объема перевозок грузов и пассажиров было связано с ухудшением технического состояния судов, острым дефицитом квалифицирован-

ных кадров, мобилизованных в действующую армию, проблемами с поставками топлива. Проведенная в 1917 г. перепись судов показала, что почти половина требовала ремонта⁹⁶. Речной торговый флот до революции находился в собственности ряда крупных и мелких акционерных компаний и отдельных судовладельцев. В 1917 г. на речном транспорте действовало 59 акционерных предприятий. Наиболее крупными были «Камво» (объединение двух судоходных компаний «Кавказ и Меркурий» и «Восточное»), «Самолет», «По Волге», «Бр. Каменские и Н. Мешков», «Братья Нобель», «Кама» и др. Перевозки осуществляли более 2 тысяч отдельных судовладельцев и товариществ.

Декретом о национализации торгового флота ответственность за сохранение кораблей и всех гидротехнических сооружений была возложена на судовые команды и союзы судовых рабочих. К лету 1918 г. управление речным флотом сконцентрировалось в Главном управлении водных сообщений ВСНХ. В условиях Гражданской войны перевозки грузов сократились. Так, в 1918 г. по рекам страны было перевезено лишь 8 млн тонн, в том числе по Волге 4 млн тонн⁹⁷. Много судов торгового флота было вооружено и переоборудовано для участия в военных действиях. Из общего количества торгового речного флота на оборону страны Советов работало: на Волге — 45% пароходов и теплоходов, 12% непаровых судов; на Северной Двине — 43% пароходов, теплоходов и 34% непаровых судов, на Днепре — более половины транспортного флота⁹⁸.

⁹⁴ Морской транспорт СССР: К 60-летию отрасли. С. 20; Советский транспорт 1917—1927. М., 1927. С. 198—199; Под флагом России: История зарождения и развития морского торгового флота. С. 277—278. В Германии срок полной амортизации судов составлял 20 лет.

⁹⁵ Советский речной транспорт 1917—1941. М., 1987. С. 13.

⁹⁶ Русское судоходство. 1918. № 6. С. 3.

⁹⁷ Транспорт России: Исторические очерки. Этапы экономических преобразований в транспортной системе (1918—1955). М., 2009. С. 76.

⁹⁸ Речной транспорт СССР. 1917—1957: Сборник статей о развитии речного транспорта СССР за 40 лет. М., 1957. С. 14—15.

В 1919 г. все внимание советских речников было сосредоточено на Волге и Мариинской системе. В течение всей навигации по Мариинской системе было перевезено 2,5 млн тонн грузов. В целом же объем речных перевозок в 1919 г. составил всего 31,6% от уровня 1917 г.⁹⁹ В результате успехов Красной армии в 1920 г. движение пароходов было восстановлено по всей Волге, Северной Двине, рекам Западной Сибири, по Днепру. Военные организации стали возвращать имевшийся у них флот и мобилизованных в армию работников гражданского речного флота. Начались работы по приведению в порядок территорий пристаней, ремонту причальных стенок. Была предпринята попытка спасти от гибели суда, которые должны были зимовать в непригодных для этого пунктах.

В 1920 г. по воде было перевезено 1,7 млн тонн нефтегрузов (в 1919 г. всего 279 тыс.). По Волге было доставлено потребителям 371 тыс. тонн хлебных грузов. По Мариинской системе до потребителя доставили 33 тыс. тонн нефтяных грузов и 2 млн тонн деревянных. Из-за неурожая по сравнению с 1919 г. сократились перевозки зерна. Грузооборот речного флота по итогам навигации 1920 г. составил 23% от уровня 1913 г. К началу 1921 г. флот потерял 863 самоходных судна (в основном пароходы) и 12 599 несамоходных судов¹⁰⁰. Наличный флот остро нуждался как в крупном ремонте, так и пополнении новыми судами, поскольку не мог обеспечить в должном объеме перевозку даже самых необходимых грузов.

К началу Первой мировой войны в России не существовало своей автомобильной промышленности. Русско-Балтийский вагонный завод, единственный успешно рабо-

тавший в этой сфере, за 1909—1915 гг. выпустил, по разным оценкам, от 541 до 581 машины. Поэтому в годы войны военное ведомство было вынуждено закупать автомобили и мотоциклы в странах Антанты. На 1 июля 1917 г. в России находилось 12 378 автомобилей и 5909 мотоциклов¹⁰¹. В 1916 г. Военное министерство заключило контракты на постройку шести автозаводов: одного казенного и пяти частных. К концу 1917 г. ни один из них так и не был введен в строй. В годы Гражданской войны эти предприятия превратились в ремонтные мастерские и выполняли заказы военного ведомства. За 1919 год АМО отремонтировал 66 автомобилей, бывший завод Лебедева в Ярославле — 130, а «Русский Рено» в Рыбинске — 124¹⁰². Почти три четверти всего автопарка страны в эти годы находилось в ведении различных военных организаций и учреждений. Новое дорожное строительство в годы Гражданской войны почти не велось. Все силы были брошены на ремонт существующей сети дорог и мостов.

Автомобильный транспорт не остался в стороне от проводимых советской властью реформ. В мае 1918 г. Управление шоссейных дорог передали из НКПС в ВСНХ, в котором создавалась Центральная автосекция¹⁰³. Для местных перевозок (подвоз грузов к станциям и пристаням, к промышленным предприятиям и т.п.) широко применялась трудовая и гужевая повинность, которая распространялась на ремонт дорог и мостов. Обозное имущество досталось новой власти в сильно изношенном состоянии. В период развала старой армии значительная часть обозного имущества была расхищена местным населением. В условиях хозяйственной разрухи производство нового обоза происходило «с

⁹⁹ Советский речной транспорт 1917—1941. М., 1987. С. 108, 109.

¹⁰⁰ Там же. С. 123.

¹⁰¹ Статистический сборник за 1913—1917 гг. Вып. 2. М., 1922. С. 228.

¹⁰² Транспорт России: Исторические очерки. Этапы экономических преобразований в транспортной системе (1918—1955). С. 322.

¹⁰³ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 372—375.

большим допуском в худшую сторону, что отзывалось на его прочности и уменьшало срок его службы».

На 80% военный транспорт Красной и белой армий состоял «из повозок обывательского типа»¹⁰⁴. С конца 1919 г. советская власть стала организовывать государственные обозы, которые вместе с ведомственными обозами выполняли различные городские перевозки. Руководили гужевым транспортом на местах транспортно-материальные отделы (трамоты) губернских исполкомов. С августа 1920 г. координация всех погрузочно-разгрузочных работ и перевоз гражданских и военных грузов был возложен на трамот ВСНХ. В начале 1921 г. трамоты уже имели собственные обозы с почти 13 тыс. лошадей. За год централизованный городской и крестьянский

гужевой транспорт доставил потребителям 4 403 915 238 пудов грузов. Из этого количества автомобилями было перевезено всего 4,7%¹⁰⁵.

К концу Гражданской войны транспорт страны оказался в глубоком кризисе. Многие железнодорожные пути были разрушены, основная часть подвижного состава пришла в негодность. Пассажирские поезда ходили крайне редко. На приколе находилось большинство судов. Практически не работала почта и связь. Были разорваны все важные хозяйственные артерии. В результате общество возвращалось к «первобытным» натуральным основам своего существования. Восстановление транспортной инфраструктуры стало возможным только в условиях новой экономической политики.

¹⁰⁴ *Роганов Е.* Гужевой транспорт. М.; Л., 1927. С. 22.

¹⁰⁵ *Кудрявцев А. С.* Очерки дорожного строительства в СССР (послеоктябрьский период). М., 1957. С. 24.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА

Денежное обращение в первые годы советской власти

Кризисное состояние денежного обращения России, ставшее фактом в годы Первой мировой войны, было обусловлено целым рядом причин. Среди них — нарушение экономических связей между центром и регионами. В сфере денежного обращения обозначился недостаток наличности. Он ощущался в отделениях Госбанка уже в 1917 г., ускорив распад единого рублевого пространства.

Остановить сепаратные эмиссии в условиях нехватки общегосударственных денежных знаков оказалось невозможно. Советское правительство попыталось регулировать этот процесс. Так, по декрету СНК РСФСР от 3 сентября 1918 г., Ташкентское отделение Народного банка получало право на выпуск в обращение временных кредитных билетов Туркестанского края (туркбонов) «на сумму не свыше 200 млн рублей»¹. К тому времени денежное обращение активно усваивало боны Оренбургского отделения Госбанка, кредитные билеты Пензенского отделения, чеки Николаевска-на-Амуре и Хабаровска, временные кредитные билеты Царицына и Астрахани². Со временем количество местных эмиссий лишь увеличивалось.

Одновременно с этим уже в начале 1918 г. представители центральной власти обсуждали вопрос о разработке разменных знаков нового образца. СНК признал принципиально возможным выпуск мелких купюр «Займа свободы» в качестве вспомогательных денежных знаков. Декретом от 30 января (12 февраля) СНК допустил обращение наравне с кредитными билетами облигаций «Займа свободы» достоинством не выше 100 руб. Те, кто отказывался принимать облигации, как денежные знаки, по номинальной стоимости, подлежали преданию суду и должны были караться «по всей строгости революционных законов»³.

В мае 1918 г. на I Всероссийском съезде представителей финотделов В. И. Ленин сообщил, что в настоящее время разрабатывается проект замены существующих денег для ослабления экономической власти буржуазии. Глава правительства предлагал провести денежную реформу путем замены старых денежных знаков⁴.

Между тем времени для создания новых денег просто не было. По этой причине при разработке купюр образца 1918 г. использовались элементы оформления

¹ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 283.

² РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 16. Д. 1. Л. 8 об.— 9.

³ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 449—450.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 354.

монгольских кредитных билетов, готовившихся к выпуску в 1916 г.⁵ Поскольку герб РСФСР еще не был утвержден, на билетах изображался «раздетый» двуглавый орел Временного правительства с опущенными крыльями. Анахронизмом являлась и надпись на денежных знаках: «Кредитные билеты размениваются Государственным Банком на золотую монету без ограничения суммы и обеспечиваются всем достоянием Государства». В действительности, Государственный банк весной 1918 г. был переименован в Народный банк, а золотая монета давно исчезла из обращения.

Осенью 1918 г. группа специалистов Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг (ЭЗГБ) активно обсуждала задание комиссариата финансов о выпуске в обращение в кратчайший срок нового, художественного и хорошо защищенного «пролетарского кредита». Однако создание новых денег было процессом весьма трудоемким. Учитывая спешность задания, ЭЗГБ смогла предложить лишь использование разработанных в течение предшествовавших 15 месяцев форм «республиканского кредита», задуманного еще Временным правительством.

Разработка «пролетарского кредита» была серьезно осложнена пожеланиями Наркомата финансов, которые непременно следовало учесть: поместить на лицевой стороне текст, гласивший о том, что «Кредитные билеты размениваются государственным банком на золотую монету без ограничения суммы и обеспечиваются всем достоянием государства»; заменить двуглавого орла с «республиканского кредита» Временного правительства на советский герб; разместить на всех билетах «пролетарского кредита» эмблему «фабрика и дерев-

ня», а также лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁶ Пожелания наркомата требовали переделки почти половины всех готовых штампов и тормозили работу.

Несмотря на спешность задания, работники «пролетарского кредита» стремились обеспечить защиту новых денег от подделки. На купюрах высшего достоинства предполагалось поместить водяной знак с портретом Карла Маркса. Однако для выполнения этой работы требовалось не менее шести месяцев. Общая оценка ситуации специалистами была не слишком оптимистичной. Они считали, что выпуск билетов высших номиналов может состояться только через 11—13 месяцев. Выпуск средних и мелких купюр мог произойти, «в лучшем случае, через 6—7 месяцев»⁷. Не удивительно, что в обращении эти деньги так и не появились. Однако сохранились эскизные наброски кредитных билетов достоинством 250, 500 и 1000 руб., а также оттиск портрета К. Маркса, который должен был на них помещаться⁸.

Столкнувшись при подготовке «пролетарского кредита» с многочисленными сложностями технического характера, коллегия по управлению Народным банком РСФСР (до весны 1918 г. — Государственный банк) осенью 1918 г. попыталась изыскать возможность для оперативного изготовления хотя бы разменных марок. Первая партия этих денег, прозванных в народе «мोटыльками» за малый размер (38 × 47 мм) и пестрые цвета, была передана Народному банку в начале февраля 1919 г., а полная сдача заказа началась уже в апреле. Ежедневное производство первых советских расчетных знаков — марок-денег — выражалось значительной по тем временам суммой в 15—18 млн руб.⁹

⁵ «Русские» и монгольские банкноты и облигации 1916—1983 гг. М., 2016. С. 133.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 451. Л. 25—26.

⁷ Там же. Л. 26.

⁸ Богданов А. А. Карл Маркс на советских деньгах // Петербургский коллекционер: Бонистика. 2017. № 1 (105). С. 19.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 451. Л. 4 об. — 5 об.

Вслед за «мотыльками» в обращении появились денежные знаки образца 1918 г., получившие название «пензенки» (по месту их изготовления: в феврале—марте 1918 г. в Пензу была эвакуирована часть ЭЗГБ — 1400 человек и печатное оборудование), или «пятаковки» (по подписи на них Г.Л. Пятакова, являвшегося в начале 1918 г. управляющим Госбанком). Вопросы, связанные с их изготовлением и выпуском в обращение, были предметом пристального внимания высшего партийного руководства. В частности, 12 мая 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) нарком финансов Н.Н. Крестинский выступал с докладом о выпуске в обращение «пензенки». При этом члены Политбюро высказали пожелание скорейшего «аннулирования старых денег»¹⁰.

Декрет СНК от 15 мая 1919 г. констатировал, что новые денежные знаки (достоинством от 1 до 1000 руб.) выпускаются «в целях постепенной замены имеющих в обращении кредитных билетов ныне существующего образца, как совершенно не соответствующих по своей форме началам нового государственного строя России, а также для извлечения из оборота разного рода денежных суррогатов»¹¹. Декрет предоставлял Народному банку право выпуска кредитных билетов «в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках»¹², т.е., по сути дела, правительство узаконивало неограниченную эмиссию.

Но и это не спасало ситуацию. Уже 21 октября 1919 г. последовал очередной декрет СНК о выпуске в обращение расчетных знаков РСФСР 15-, 30- и 60-рублевого достоинства образца 1919 г. (несколько позже появятся и более крупные номи-

налы), а также кредитных билетов образца 1918 г. достоинством в 5 и 10 тыс. руб. Примечателен тот факт, что прилагательное «денежный» на новых купюрах, как и на «мотыльках», было заменено словом «расчетный». На лицевой стороне расчетных знаков был помещен герб РСФСР в упрощенном исполнении, а также строгое напоминание, что государство не прекращает борьбы с фальшивомонетчиками: «Подделка расчетных знаков преследуется по закону». На этих выпусках впервые была выполнена надпись: «Обеспечивается всем достоянием республики», что должно было повысить авторитет расчетных знаков среди населения. Важной отличительной особенностью расчетных знаков крупных номиналов образца 1919 г. стало появление на них надписи «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на шести языках (английском, немецком, французском, итальянском, китайском и арабском). Расчетные знаки, таким образом, выступали в качестве своеобразных агитационных материалов.

Одновременно с этим на протяжении всей Гражданской войны в цехах ЭЗГБ осуществлялся выпуск «царских» или «романовских» кредитных билетов. Только в 1918 г. было изготовлено свыше 6 млрд руб. в купюрах дореволюционных образцов¹³. «Царские» деньги активно использовались советской властью для осуществления внешнеторговых операций, ведения подпольной работы на территориях, контролируемых антибольшевистскими правительствами, в повседневной деятельности Наркомата иностранных дел, для продвижения в Европе идей «мировой революции». В 1919 г., при наступлении войск генерала Н.Н. Юденича на Петроград, в го-

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 7. Л. 1.

¹¹ Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 189.

¹² Там же. С. 190.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 391. Л. 37, 46, 47, 67, 83; Оп. 3. Д. 41. Л. 93, 169, 181, 200, 214, 239 об.— 240, 255, 264.

Денежная масса в обращении по видам денег, на 1 января (в млрд руб.)

Разновидность денежных знаков	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Кредитные билеты дореволюционных образцов	18,0	23,1	27,0	27,9
«Думские»	5,9	22,9	33,7	37,3
«Керенки»	3,4	14,7	37,9	38,7
Кредитные билеты образца 1918 г.	—	—	123,1	462,5
Расчетные знаки образца 1919 г.	—	—	3,3	602,2
Разменные марки	0,2	0,4	—	—
Разменные казначейские знаки	0,1	0,2	—	—
Всего	27,6	61,3	225,0	1168,6

Источник: Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М., 1926. С. 13.

роде были созданы запасы «романовских» денег на случай, если РКП(б) вновь придется уйти в подполье. В 1919—1920 гг. спрос на «романовские» кредитные билеты в советских кругах был особенно велик. Отдел международных расчетов Наркомфина едва успевал удовлетворять соответствующие заявки от руководителей различных ведомств. Единовременные субсидии «царскими» деньгами получали самые разнообразнейшие организации и учреждения¹⁴. Всего с ноября 1917 по 1922 г. в обращение было выпущено около 13 млрд руб. «царских» денег¹⁵.

Финансовая политика первых лет советской власти свидетельствует о том, что значительная часть большевистского руководства не исключала в будущем отмену денег. Это выразилось как в снятии эмиссионных ограничений, так и в упразднении в январе 1920 г. самого Народного банка. Тем не менее повседневная практика хозяйствования приводила к тому, что в обращение по-прежнему выпускались «царские» денежные знаки, марки-деньги,

кредитные билеты Временного правительства, «керенки». Не ограничиваясь этим, Наркомат финансов в 1918 г. начал подготовку к выпуску «пролетарского кредита», не осуществленного по ряду причин технического характера. Наконец, весной 1919 г. население столкнулось с «мотыльками» — первыми расчетными знаками с советской символикой. За ними появились «пензенки», разработка которых производилась еще в 1917 г., а вслед за этим последовал выпуск новых модификаций расчетных знаков образца 1919 г.

Изъятие из обращения царских денежных знаков, «керенок», многочисленных выпусков первых лет советской власти произошло только осенью 1922 г. В условиях перехода к нэпу советская власть взяла курс на возврат к товарно-денежным отношениям. Однако и в годы «военного коммунизма» деньги были вытеснены лишь из сферы промышленного производства. Полностью отказаться от них государство не смогло даже в тяжелейших условиях Гражданской войны.

¹⁴ Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны. 1917—1920 годы. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2019. С. 79—96.

¹⁵ Наше денежное обращение: Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М., 1926. С. 75—78.

Денежное обращение в антибольшевистском лагере

Острый финансовый кризис, рост сепаратистских настроений в ряде регионов, сопровождавшихся ожесточенным вооруженным противостоянием различных политических сил, способствовали формированию в годы Гражданской войны многочисленных эмиссионных центров.

Раньше других к выпуску собственных денежных знаков приступили власти Архангельска, где в январе 1918 г. на заседании финансовой комиссии местного отделения Госбанка, представителей земств, кооперативов, революционного комитета и других организаций было принято решение «ввиду возникшего в губернии острого финансового кризиса» осуществить эмиссию чеков Архангельского отделения Госбанка. 30 марта 1918 г. архангельские газеты оповестили население города и губернии о предстоящем вскоре выпуске чеков (достоинством от 3 до 25 руб.), предназначенных к обращению в пределах Архангельской губернии наравне с государственными кредитными билетами.

Финансистам удалось получить у комиссара Государственного банка Г.Л. Пятакова разрешение на печатание чеков¹⁶. Появившись в обращении в мае 1918 г., они сразу получили наименование «моржовок», поскольку на билете достоинством в 25 руб., эскиз которого готовил известный художник С.В. Чехонин, были изображены торосы, белый медведь, морж, а также элементы северного пейзажа. Чеки имели обращение на Мурмане, а также на территории ряда уездов Олонецкой губернии. Населением они первоначально принимались неохотно, поскольку были изготовлены на обычной бумаге и быстро ветшали. Тем не менее «моржовки» разошлись по Русскому Северу.

Они продолжали обращение и после того, как 2 августа 1918 г. Архангельск был занят союзным десантом, и там возникло первоначально Верховное управление Северной области (ВУСО), а 28 сентября 1918 г. Временное правительство Северной области (ВПСО) во главе с народным социалистом Н.В. Чайковским. Всего в 1918 г. было отпечатано «моржовок» на сумму почти 120,9 млн руб. Однако в обращение попало только около 27 млн руб.¹⁷

В распоряжении правительства Н.В. Чайковского своих денежных ресурсов не оказалось. Пришлось прибегнуть к выпуску краткосрочных (на шесть месяцев) 5%-ных обязательств. Они были названы «Займом доверия». Первый выпуск обязательств был реализован в августе 1918 г. на общую сумму в 10 млн руб. Огромного формата купюры (33 × 13 см), именовавшиеся «рельсами» или «верховками»¹⁸, отличаясь друг от друга номиналом и цветом, имели одинаковый текст, в соответствии с которым правительство обязывалось через шесть месяцев, т.е. не позже 15 февраля 1919 г., уплатить предъявителю сумму, указанную на документах.

Изначально облигации «Займа доверия» не имели хождения в качестве денежных знаков. Однако вскоре, несмотря на то что купюры были крайне неудобны для повседневного использования, правительство распорядилось принимать их во всех платежах не только казенными учреждениями, но и частными лицами по номинальной стоимости наравне с государственными кредитными билетами. Облигации «Займа доверия» именовались также «чайковками», поскольку на купюрах воспроизводилась хорошо читаемая

¹⁶ Трошина Т.И. «Кровь экономики» в эпоху кровопролития: Денежно-кредитные импровизации на Архангельском Севере в 1914—1920 гг. // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4. С. 823.

¹⁷ Бумажные денежные знаки России и СССР. СПб., 1993. С. 43.

¹⁸ Овсянник Е.И. Архангельские деньги. 2-е изд., перераб. и доп. Архангельск, 2008. С. 70.

факсимильная подпись главы правительства Н. В. Чайковского. Всего к февралю 1920 г. их было выпущено в обращение на сумму в 430,6 млн руб.¹⁹

Неустойчивый курс рубля в Северной области привел к тому, что русские власти согласились с предложением английских специалистов эмитировать особые деньги — «северные» рубли. Постановлением ВПСО от 11 ноября 1918 г. предписывалось выпустить в обращение кредитные билеты «Северной России» и разменные знаки под обеспечение иностранной валютой по курсу 40 руб. за 1 фунт стерлингов. В качестве обеспечения гарантий союзникам предоставлялось преимущественное право на эксплуатацию лесных богатств Северной области.

Изготовление новых денежных знаков достоянием от 10 коп. до 500 руб. осуществлялось в Англии. Первые партии денег стали прибывать в Россию в декабре 1918 г. Они имели рисунок и цвет денежных знаков царской России, но печатались на более толстой и грубой бумаге. Кроме того, на всех знаках сверху имела надпись «Северная Россия». Билеты обеспечивались русским золотом и иностранной валютой в английском банке. Союзники предполагали на первое время ограничить сумму «северных» до 300 млн руб. К середине марта 1919 г. Государственная эмиссионная касса имела сведения о 90,5 млн «северных» рублей, «выпущенных и подлежащих выпуску»²⁰.

Первый выпуск денег «Северной России», осуществленный на рубеже 1918—1919 гг., вызвал смятение в кругах ВПСО. Выяснилось, что новые деньги несли на себе атрибуты старой царской власти — кредитные билеты украшали двуглавый орел, скипетр и держава. Правда,

на крупных купюрах портреты царей были заменены аллегорическим изображением женщины. Среди жителей Архангельской губернии поднялся ропот недовольства. Несколько резких замечок в местной прессе побудили генерала Е. К. Миллера, являвшегося одним из руководителей Белого движения на Русском Севере, признать, что, выпустив билеты с символами царской власти, англичане «несколько перехватили». После этого на билеты механическим способом стали накладывать гриф, закрывающий орла, корону и слово «империя».

На втором выпуске «северных» денег, осуществленном уже в 1919 г., вместо царского герба помещалось изображение «ощипанного» орла Временного правительства. На эти деньги сразу был установлен специальный курс, определяющий их ценность. Первоначально 1 руб. «северных» стоил 1 руб. 60 коп. остальными дензнаками. Однако по мере падения русского рубля курс «северных» денег повышался. По отношению к английскому фунту ситуация была иной. В апреле 1919 г. курс фунта стерлингов составлял 56 руб., 1 мая — 64 руб., а 21 мая — 72 руб. В определенной степени популярности «северных» рублей способствовало то обстоятельство, что шведское правительство в начале апреля 1919 г. разрешило их вывоз и ввоз в страну. Циркулировали билеты и в Норвегии, где они активно скупались «в больших количествах английскими агентами», а затем вывозились за ее пределы, минуя установленный контроль²¹. После эвакуации англичан с территории Русского Севера банковские запасы «северных» рублей оказались уничтожены. Вместе с тем их циркуляция в области еще некоторое время продолжалась. Срок приема «северных» был продлен до 15 января 1920 г.²²

¹⁹ Малахов А. Денежные знаки Северной России // Советский коллекционер. 1925. № 11—12. С. 11.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5237. Оп. 1. Д. 22. Л. 69.

²¹ Там же. Л. 112.

²² ГАРФ. Ф. Р-5237. Оп. 1. Д. 166. Л. 3, 5.

Изготовление собственных денежных знаков за рубежом инициировал и генерал Н. Н. Юденич. Несмотря на то, что в 1919 г. антибольшевистские силы на Северо-Западе были взяты под опеку Верховным правителем России адмиралом А. В. Колчаком, который начал их финансирование, средств на содержание армии катастрофически не хватало. В этих условиях Политическое совещание, представлявшее собой правительство на Северо-Западе, пошло по проторенному пути. Решение об эмиссии было принято 29 июня 1919 г. по докладу заведующего Отделом финансов, торговли и промышленности Политического совещания, крупного нефтепромышленника С. Г. Лианозова²³. Заказ на изготовление знаков полевого казначейства Северо-Западного фронта на сумму 1,2 млрд руб. купюрами от 25 коп. до 1000 руб. был размещен в Швеции. При этом шведы обязались клише и рисунки денежных знаков, выполненные выпускником Императорской Академии художеств военным инженером полковником Н. В. Шевелевым, вернуть заказчику или уничтожить под его контролем²⁴.

26 августа 1919 г. Северо-Западное правительство выпустило финансовый манифест, в котором доводило до всеобщего сведения, что прибывающие в ближайшие дни новые денежные знаки обязательны к приему на русской территории, как казенными и общественными учреждениями, так и частными лицами на всех рынках и базах по обозначенной на денежных знаках стоимости. Официально сообщалось, что через три месяца после занятия Петрограда войсками Н. Н. Юденича выпущенные деньги будут обмениваться без ограничения сумм на государственные кредитные билеты по соотношению рубль

за рубль²⁵. Эта же информация была помещена и на обороте новых денежных знаков, породив одно из их названий — «петроградки». На оборотной стороне купюр был изображен двуглавый орел с распростертыми крыльями. На груди орла помещался геральдический щит с памятником «Медный всадник». Это привело к появлению другого неофициального названия денежных знаков — «крылатки».

С провалом осенью 1919 г. наступления Юденича на Петроград остатки денег были переданы в Главное полевое казначейство в Ревеле. Из общего количества изготовленных денежных знаков Северо-Западное правительство успело потратить лишь около 200 млн руб. Параллельное обращение на Северо-Западе нескольких видов военных и местных валют являлось характерным признаком времени и в конечном счете способствовало дестабилизации денежного обращения в целом.

Денежное обращение на Юге России в годы Гражданской войны отразило не только многообразие эмиссионных центров, но и остроту политической борьбы между сторонниками «единой, великой и неделимой» страны и «самостийниками», стремившимися к широкой автономии или даже к отделению, введению собственной валюты и осуществлению самостоятельно-го экономического курса.

Осенью 1917 г., когда прекратился приток средств из Госбанка в его местные отделения, в Ростове-на-Дону родилась идея выпуска в обращение «ростовских», или «донских» денежных знаков. Работу по их изготовлению возглавил управляющий Ростовской конторой Государственного банка Р. Э. Гульбин. 3 (16) февраля 1918 г. первый денежный знак 10-рублевого достоинства появился в обращении, вызвав небывалый

²³ Смолдин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918—1920 гг. СПб., 1999. С. 208.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 27. Л. 135а, 138—139.

²⁵ Гори В. Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. Л., 1991. С. 111—112.

ажиотаж среди населения Ростова-на-Дону. Новые деньги, получив статус местного выпуска конторы Госбанка, превратились в одну из наиболее твердых валют Юга России и оставались таковой на протяжении Гражданской войны. Они активно принимались не только в области Войска Донского, но и во всех районах, занимаемых добровольцами²⁶.

Вопрос финансовый стал одной из наиболее серьезных проблем, тормозящих все начинания Юга, где в обращении находилось большое количество разнообразных денежных выпусков, а также суррогатов денег. Такое положение дел, по словам А. И. Деникина, было нелепым и требовало неопложных мер. Он предпринял попытку объединить финансовые системы на всей территории, которую контролировали его войска, стремился унифицировать денежное обращение, воссоздать единый Госбанк и единое эмиссионное право. Однако реализовать эти начинания генерал так и не смог. Денежные ресурсы А. И. Деникина, по его собственному признанию, длительное время находились в полной и тягостной зависимости от Дона — добиться справедливого распределения эмиссии Ростовской экспедиции Управление финансов не могло²⁷. Сложилась двусмысленная ситуация — «ростовские» выпуски признавались в качестве общегосударственных, а эмитировало и распределяло их Донское правительство.

Пытаясь изменить положение, 30 августа 1919 г. Особое совещание приняло, а 4 сентября А. И. Деникин утвердил программу широкомасштабной эмиссии, предполагавшей выпуск 12 номиналов купюр — от 1 руб. до 5 тыс. руб.²⁸ Началь-

нику Управления финансов М. В. Бернацкому предоставлялось право утвердить описание билетов, их образцы и правила выпуска в обращение. Экспедиции для изготовления денежных знаков действовали в Новороссийске, Киеве, Одессе и Симферополе. Царь-колокол и георгиевская лента, изображенные на тысячерублевом билете, дали общее название добровольческим деньгам — «колокольчики» или «ленточки». Всего до марта 1920 г. правительством ВСЮР и Ростовской экспедицией их было выпущено в обращение на сумму около 30 млрд руб. Однако ни «донские», ни «добровольческие» деньги не имели реального обеспечения. Их хождение основывалось лишь на распоряжении властей, инерции и доверии населения.

Генерал П. Н. Врангель, став в апреле 1920 г. преемником Деникина на посту главнокома ВСЮР, продолжил эмиссию денежных знаков, в том числе «донских». Еще до его вступления в должность главнокома, в Новороссийской Экспедиции ВСЮР начались срочные работы по изготовлению рисунков и печатных форм новых денежных знаков достоинством в 100, 250 и 500 руб. Деньги «новороссийского образца» с изображением на них новгородского памятника «Тысячелетие России» были выпущены уже при Врангеле. К середине июня 1920 г. их было эмитировано на сумму около 9 млрд руб.²⁹

Денежное обращение Сибири и Дальнего Востока в полной мере отразило всю пестроту политических событий периода Гражданской войны. Эмиссионные центры возникали здесь чаще и перемещались стремительнее, нежели в других регионах России. Заметное влияние на эко-

²⁶ Лазарев В. А., Баранов А. Г. История выпуска донских денежных знаков // Нумизматический альманах. 2006. № 1 (29). С. 25—54.

²⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 г. — январь 1919 г. Минск, 2002. С. 415.

²⁸ Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918-го — декабрь 1919 года. М., 2008. С. 615—616.

²⁹ ГАРФ. Ф. 3426. Оп. 1. Д. 10. Л. 18 об.

номическую жизнь обширных территорий оказало присутствие тут союзников России по Антанте.

Созданное Омское правительство во главе с П. В. Вологодским рассматривало проекты указов и законов до утверждения их Верховным правителем адмиралом А. В. Колчаком. Пост министра финансов в составе нового кабинета занял «беспартийный социалист» И. А. Михайлов, которому Вологодский симпатизировал³⁰.

Занятие в августе 1918 г. Казани чехословацкими legionерами и белогвардейскими войсками в конечном итоге сделало именно Омское правительство обладателем значительной части золотого запаса России на сумму около 665 млн золотых руб.³¹ Колчак мог позволить себе признать иностранные долги России. Вслед за этим он начал использовать золотой фонд для получения займов, поддержки правительств А. И. Деникина, Н. Н. Юденича и др. По политическим пристрастиям ему ближе других был генерал Монк времен английской революции, стоявший во главе реставрации³².

Основными эмиссионными центрами Колчака стали Омск и Иркутск. Кроме того, выпуск денег активно осуществлялся во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Верхнеудинске и Чите. Следуя намеченному плану, Омское правительство активно эмитировало краткосрочные обязательства Государственного казначейства.

Уже к 1 января 1919 г. количество этих незатейливого вида односторонних денег, печатавшихся на плохой бумаге, достигло 728,4 млн руб., а к середине октября 1919 г. превысило 11,7 млрд руб.³³

Разогнав Уфимскую директорию, Колчак воспользовался образцами выпускавшихся до него казначейских знаков Временного Сибирского правительства. Их изготовление активно происходило в Иркутске, чему способствовал рост числа сотрудников Экспедиции. К началу февраля 1920 г. их количество составляло 115 человек, увеличившись по сравнению с январем почти на 50%³⁴. Активно эмитировавшиеся казначейские знаки Временного Сибирского правительства и краткосрочные обязательства Государственного казначейства получили общее наименование «сибирских» денег или «сибирок».

Одной из важных финансовых операций Омского правительства стало изъятие из обращения «керенок». Решение об этом было принято 15 апреля 1919 г. на заседании Совета министров после представления И. А. Михайлова³⁵. Изъятием «керенок» руководители Белого дела в Сибири пытались избавить свою финансовую систему от внешней зависимости — печатного станка Москвы³⁶.

Стремясь упорядочить денежное обращение, правительство Колчака предпринимало энергичные действия для получения из Америки изготавливавшихся там русских

³⁰ Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918—1925 гг.). Рязань, 2006. С. 62.

³¹ По следам золота царской России: Обзор отдела международных расчетов Наркомата финансов СССР // Исторический архив. 1994. № 1. С. 129.

³² Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 г.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. С. 32.

³³ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 27. Л. 58.

³⁴ Петин Д. И. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот вопрос с мертвой точки...» (Положение Экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 года // Новейшая история России. 2017. № 3 (20). С. 259).

³⁵ Совет министров Российского правительства: Журналы заседаний (18 ноября 1918 — 3 января 1920 г.): Сборник документов: В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 2016. С. 561—563.

³⁶ Рышков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 144.

денежных знаков. Заказ на их производство был размещен в Америке в 1917 г. еще Временным правительством. Распоряжением И. А. Михайлова 30 ноября 1918 г. была создана специальная комиссия для приема денег из Америки, которая 1 декабря выехала из Омска во Владивосток³⁷. Всего в тот момент во Владивосток было доставлено кредитных билетов на 3 млрд 325 млн руб. По тому же каналу правительство Колчака получило изготовленные в Америке бумажные полтинники (50-копеечные знаки) на сумму свыше 40 млн руб.³⁸ Попавшие в обращение «американские деньги» достоинством 50 коп., 25 и 100 руб. позже были использованы различными правительствами в Сибири и на Дальнем Востоке, включая Временную земскую власть Забайкалья и Временное правительство Дальнего Востока.

Путаницу в денежное обращение региона вносили сепаратные эмиссии атамана Г. М. Семенова, находившегося в непростых отношениях с А. В. Колчаком. Для пополнения казны атаман решил выпустить в обращение собственные деньги достоинством в 100 и 500 руб., которые из-за своей расцветки население окрестило «воробьями» и «голубками». Сразу после появления в обращении в феврале 1920 г. боны Читинского банка были объявлены обязательными для приема. В случае отказа их принимать или предпочтения им «сибирок» и других денежных знаков виновные мог-

ли подвергаться аресту сроком до шести месяцев и штрафу в 10 тыс. руб. К августу 1920 г. в обращении находилось около 10 млрд руб. «воробьев» и «голубков». Несмотря на строгий приказ Семенова об обязательном хождении бон, население принимало их очень неохотно, предпочитая иностранную валюту или, в крайнем случае, «сибирки».

Финансовые преобразования Омского правительства (составной частью которых стала разработка новых денег с общероссийской символикой) были направлены, как казалось многим, на достижение главной цели — сохранение российской государственности. Для этого требовались, по меткому определению одного из современников тех событий, «гиганты наверху и у главных рулей и плеяда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь». В наличии же, как выяснилось, оказались «только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелеонистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов [...] гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество, грызня и торжество эгоизма, бесстыдно прикрытое великими и святыми лозунгами»³⁹.

В конечном итоге именно военные поражения сводили на нет все попытки лидеров белого дела стабилизировать экономическую ситуацию и укрепить свой престиж посредством многочисленных эмиссий.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 9. Л. 5.

³⁸ Шиканова И. С. Русские денежные знаки, отпечатанные в США (1917—1920) // Новейшие исследования в области нумизматики. М., 1998. С. 183—210 (Труды Государственного исторического музея; Вып. 98).

³⁹ Будберг А. Дневник // Гражданская война в России: Катастрофа белого движения в Сибири. М.; СПб., 2005. С. 271.

Динамика сельскохозяйственного производства

Состояние сельского хозяйства России в годы Гражданской войны получило широкое освещение в историографии. Среди публикаций на эту тему следует отметить работы В. В. Кабанова, С. А. Есикова и др.¹. Заслуживают внимания документальные издания о развитии сельской экономики, крестьянской кооперации и крестьянских настроениях в данный период, выполненные коллективами историков и архивистов под руководством В. П. Данилова². Рассматриваемая тема изучалась на региональном уровне³. Среди ее актуальных аспектов, требующих дальнейшего осмысления, остаются: изучение объективных и субъективных факторов в политике «военного коммунизма» в деревне, ее региональные особенности и др.

В результате общинной революции 1917 г., закреплённой большевистским аграрным законодательством, крестьяне

получили более 150 млн десятин бывших частновладельческих и казенных земель, освободились от помещичьей эксплуатации, долгов Крестьянскому банку (в размере 1300 млн руб.), осуществили свою вековую мечту о «черном переделе»⁴. Казалось бы, что это самым благоприятным образом отразится на уровне сельскохозяйственного производства. Однако ничего подобного не произошло. В годы Гражданской войны сельское хозяйство страны оказалось в глубоком кризисе. Объем его валовой продукции, включающей продукцию земледелия и животноводства, резко снизился по сравнению с довоенным периодом (см. табл. 1). По данным Г. М. Кржижановского, валовая сельскохозяйственная продукция в 1920 г. по сравнению с 1913 г. сократилась на 40—45%, а товарная часть уменьшилась в 4 раза⁵.

¹ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988; Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921—1928 гг.). Тамбов, 2004; и др.

² История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. М., 1986. С. 100—112; Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917—1922: Документы и материалы. М., 1990; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1: 1918—1922 гг. М., 1998; и др.

³ Ильин Ю. А. Советская власть и крестьянство (октябрь 1917 г. — начало 1921 г.). Иваново, 1999; Телицын В. Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: Крестьянское хозяйство Урала в 1917—1921 гг. М., 1998; и др.

⁴ Поляков Ю. А. Начало восстановления сельского хозяйства Советской страны (1921—1922 гг.) // История СССР. 1964. № 4. С. 29—52.

⁵ Кржижановский Г. М. Десять лет хозяйственного строительства в СССР. М., 1928. С. 33.

Таблица 1

Валовая продукция сельского хозяйства в сопоставимых ценах (в % к 1913 г.)

Год	Сельское хозяйство	Земледелие	Животноводство
1913	100	100	100
1917	88	81	100
1920	67	64	72
1921	60	55	67

Источник: Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1960. С. 79.

Таблица 2

Посевные площади в 1913, 1920 и 1921 гг. (в млн га)

Культура	1913 г.	1920 г.	1921 г.
Вся посевная площадь	105,0	97,2	90,3
Все зерновые	94,4	87,0	79,9
В том числе:			
рожь озимая и яровая	25,8	23,5	24,0
пшеница озимая	7,3	6,7	6,5
пшеница яровая	24,3	21,0	17,0
ячмень озимый и яровой	11,5	9,4	9,0
овес	16,9	14,9	12,8
кукуруза	1,4	1,7	1,8
Прочие зерновые	7,2	9,8	8,7

Источник: Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 176.

Таблица 3

Посевные площади технических культур в 1913 и 1920 гг. (в тыс. га)

Год	Хлопок	Лен	Конопля	Подсолнечник	Сахарная свекла (фабричная)	Картофель
1913	688,0	1398,0	645,0	968,7	648,7	3063,6
1920	97,8*	884,5	446,1	1347,1	195,7	3727,9

Источник: Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 176—177.

* Данные по хлопку не учитывают Хиву и Бухару.

Сложилась парадоксальная ситуация: при общем увеличении крестьянского землепользования произошло сокращение посевных площадей под большин-

ством зерновых и технических культур (см. табл. 2, 3).

Общая площадь посевов в 1920 г. составила 92,5% к уровню 1913 г. Особенно со-

кратились посевы хлопка (14,2%) и сахарной свеклы (30,2%). Наибольшие потери посевов — более чем на 50% наблюдались на Юго-Востоке, в районах товарного зернового производства, важнейшем эпицентре Гражданской войны⁶.

Сократились не только посевы сельскохозяйственных культур, но и их урожайность и валовые сборы. Хотя имеющиеся в литературе данные нуждаются в уточнении в связи с проблемой учета показате-

лей на территориях, оккупированных белогвардейцами и интервентами, тем не менее наиболее полное представление о них в указанный период дает «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923 г.» Его авторами получены следующие данные о валовых сборах основных зерновых культур в границах РСФСР и УССР, существовавших в 1920-х гг., но без Туркестана, Закавказья и Дальнего Востока (см. табл. 4, 5).

Таблица 4

Валовый сбор основных зерновых культур (в тыс. пудов)

Культура	1909—1913 гг.	1917 г.	1920 г.	В % к 1909—1913 гг.	1921 г.	В % к 1909—1913 гг.
Рожь озимая	1 123 526	933 791	556 723	49,5	61 2281	54,5
Рожь яровая	18 177	18 021	13 286	73,1	9254	51,0
Пшеница озимая	311 727	396 377	171 364	54,9	114 916	36,8
Пшеница яровая	824 091	637 723	361 067	43,8	225 413	27,3
Ячмень	516 174	432 013	287 489	55,7	158 505	30,7
Гречиха	61 748	68 449	55 543	89,9	56 005	90,7
Просо	143 516	113 825	136 150	94,86	123 614	86,1
Кукуруза	56 894	75 456	70 719	124,3	70 674	124,2
Овес	794 391	674 488	430 266	54,2	318 480	40,1
Всего:	3 850 244	3 350 143	2 082 607		1 689 142	
В% к 1909—1913 гг.		87,0	54,1		43,9	

Источники: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. С. 131.

Таблица 5

Валовой сбор хлопка, льна и масленичных культур (в млн пудов)

Культура	1913 г.	1917 г.	1919 г.	В % к 1913 г.	1920 г.	В % к 1913 г.
Хлопок	45,4	19,0	2,4	5,3	1,7	3,7
Лен	27,7	20,0	22,0	79,4	16,0	57,7
Масленичные культуры	155,9	97,1	84,0	53,9	75,0	48,1
Сахарная свекла	662,4	—*	—*	—*	51,6	7,8

Источник: Кржижановский Г. М. Десять лет хозяйственного строительства. М., 1928. С. 124—125. * Нет данных.

⁶ См. об этом подробнее: Кржижановский Г. М. Десять лет хозяйственного строительства. М., 1927.

В 1920 г. валовой сбор зерновых составил всего 54,1% среднегодового уровня 1909—1913 гг. При этом урожай озимой ржи сократился более чем вдвое (до 49,5%). Значительным было падение сбора пшеницы (54,9% по озимой, 43,8% по яровой), ячменя (55,7%), овса (54,2%). Сбор технических культур снизился еще сильнее, чем зерновых. Особенно это касалось культур, которые являлись сырьем для промышленности. Их недостаток делал практически

невозможным нормальное функционирование текстильных предприятий и сахарных заводов. Резкое падение сбора зерновых ставило под угрозу снабжение продовольствием городов. Кроме того, оно создавало недостаток хлеба в самой деревне.

Особенно значительными падения урожая сельскохозяйственных культур в годы Гражданской войны были в традиционных зернопроизводящих губерниях России (см. табл. 6, 7).

Таблица 6

Урожайность основных продовольственных культур в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии (сбор с 1 казенной десятины в пудах)

Год	Рожь		Овес		Просо		Картофель	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
1896—1910 в среднем за год	55,4	100	44,9	100	42,5	100	406,8	100
1917	41,3	75	24,7	55	38,1	90	367,5	90
1918	37,2	67	31,4	69	35,0	82	332,7	82
1919	42,4	77	49,2	110	60,8	143	нет св.	нет св.
1920	18,2	33	28,1	63	12,2	29	209,3	51
1921	14,9	26,9	16,4	36,5	12,2	29	230,8	56,7

Источник: Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921—1928 гг.). Тамбов, 2004. С. 56.

Таблица 7

Валовые сборы зерновых в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии (в пудах)

Год	Рожь		Овес	
	абс.	в %	абс.	в %
1906—1910 в среднем за год	60 710 900	100	38 633 200	100
1917	43 456 635	71,5	16 531 400	42,8
1920	14 954 159	26,4	4 370 400	11,3
1921	11 753 441	19,4	4 007 000	10,4

Источник: Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921—1928 гг.). Тамбов, 2004. С. 58.

Таблица 8

Количество скота в 1916, 1920—1922 гг. (в тыс. голов)

Территория	Год	Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец	Коз	Свиней	Всего голов скота
СССР	1916	31 505,6	49 965,5	80 908,2	3085,7	19 587,4	185 052,4
	1920	25 411,5	39 100,6	49 798,0	1231,8	14 829,5	130 371,4
	1921	23 331,2	36 817,6	48 411,5	1309,6	12 490,9	122 360,8
	1922	18 875,1	33 031,4	39 037,7	984,7	7637,4	99 566,3
РСФСР	1916	25 535,1	41 628,8	71 500,2	3007,4	14 474,9	156 146,4
	1920	20 002,4	31 013,5	40 018,0	1178,8	10 181,7	102 394,4
	1921	17 915,0	28 725,4	36 634,8	1256,4	7860,5	94 392,1
	1922	14 669,2	25 566,0	29 931,2	932,5	4878,5	75 977,4
УССР	1916	5970,5	8336,7	9408,0	78,3	5112,5	28 906,0
	1920	5409,1	8087,1	9780,0	53,0	4647,8	27 977,0
	1921	5416,2	8092,2	9776,7	53,2	4630,4	27 968,7
	1922	4205,9	7465,4	9106,5	52,2	2758,9	23 588,9
БССР	1916	1447,0	2396,4	3440,6	11,7	2481,5	9777,2
	1920	1362,6	2410,7	3339,2	2,9	2149,3	9264,7
	1921	1389,4	2419,5	3031,0	4,0	1871,6	8715,5
	1922	1480,5	2717,8	3165,6	4,5	2124,5	9492,9

Источник: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. С. 136—137.

В период Гражданской войны в тяжелом кризисе оказалась животноводческая отрасль сельского хозяйства. Произошло значительное сокращение поголовья большинства видов скота. Общее поголовье скота сократилось в стране по сравнению с 1916 г. почти вдвое: в 1,8 раза (см. табл. 8).

Наибольшее сокращение всех видов поголовья скота произошло в российских губерниях (в 2 раза) и на Украине

(в 1,2 раза). Причем в самом тяжелом положении оказались территории РСФСР, ставшие основными очагами вооруженного противоборства красных и белых. Так, в Нижне-Волжском районе в период с 1916 по 1922 г. общее поголовье скота сократилось в 3,6 раза, в Степном крае — в 3,3 раза, в Приуралье и на Юго-Востоке соответственно в 3,1 раза, в Новороссийском районе — в 2,5 раза, в Центрально-Земледельческом — в 2 раза.

Причины кризисных явлений и падения сельскохозяйственного производства

Падение уровня сельскохозяйственного производства в годы Гражданской войны было обусловлено комплексом факторов. Сама война стала одним из них, поскольку крестьянскому хозяйству был причинен ущерб военными действиями. Советские властные органы пытались определить ту его часть, которая относилась к действиям интервентов и белых армий. То, что последние нередко буквально грабили крестьян — факт, не требующий доказательства⁷. Профессор Н. Н. Любимов, готовивший материалы на эту тему для Генуэзской конференции, заявил, что точная оценка ущерба, нанесенного сельскому хозяйству врагами советской власти, «никогда не представится возможной»⁸. Тем не менее в 1922 г. государственными органами сокращение скота и инвентаря по указанной причине было оценено примерно в 1200 млн руб. золотом, а уменьшение «потребительского имущества» — в 2000 млн руб.⁹ В 1920-е гг. был организован сбор претензий от граждан СССР, пострадавших в результате интервенции. С этой целью было организовано Общество содействия жертвам интервенции. На 1 июля 1927 г. в его адрес поступило 1335 тыс. претензий. Более 80% подавших претензии являлись сельскими жителями. Доля их претензий в общей массе заявителей составила три четверти (75%). В них говорилось о таких имущественных убытках от действий интервентов, как потери скота, инвентаря, уничтожение и порча

построек, ущерб посевам и т.д. Они коснулись 7,5 млн человек. В ценностном выражении перечисленные убытки равнялись 385 млн рублей¹⁰.

Несомненными являются имущественные убытки, причиненные крестьянам противоположной стороной, то есть Красной армией. Имеются многочисленные свидетельства грабежей в зоне военных действий и в ближайшем тылу отдельными ее частями и военными служащими¹¹. Но их обобщенной статистики нет.

По подсчетам Ю. А. Полякова, в годы Гражданской войны прямые убытки сельского хозяйства от уничтожения, расхищения живого и мертвого инвентаря, сокращения посевной площади, разрушения и повреждения хозяйственных и жилых зданий, уничтожения, разграбления, реквизиции и повреждения разного рода имущества, вывоза и уничтожения материалов и товаров составили 3566 160 тыс. руб.¹²

Гражданская война существенно ослабила трудовые ресурсы деревни, поскольку именно крестьяне являлись основным контингентом армий противоборствующих сторон. Миллионы из них были мобилизованы в эти армии, значительная часть погибла или была искалечена. Например, в Красной армии в 1920 г. мобилизованные крестьяне составляли 77%¹³. Значительная их часть служила и в белых армиях. Причем на фронтах оказались наиболее здоровые крестьяне, принадлежавшие к самым работоспособным возрастам. В 1920 г. в Красной армии

⁷ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: Документы и материалы. В 4 т. Т. 1: 1918—1922 гг. С. 202.

⁸ Любимов Н. Н. Баланс взаимных требований Союза ССР и держав Согласия. М.; Л., 1924. С. 100.

⁹ Там же. С. 110.

¹⁰ К десятилетию интервенции. М.; Л., 1929. С. 236, 238—240.

¹¹ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: Документы и материалы. В 4 т. Т. 1: 1918—1922 гг. С. 115, 161.

¹² Поляков Ю. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 85.

¹³ Итоги деятельности Советской власти в цифрах. 1917—1927. М., 1927. С. 79.

военнослужащие в возрасте 20—34 лет составляли почти 80%¹⁴. К числу потерь деревни от участия в войне следует приплюсовать дезертиров, участников антибольшевистских крестьянских восстаний и т.д. В результате количество людей, оторванных от участия в крестьянском труде, вырастет еще больше. По переписи 28 августа 1920 г. на европейской части РСФСР мужское население в возрасте 20—29 лет в селах составляло в 1920 г. 6,4%, а в 1897 г. — 14%. Мужчины в возрасте 30—39 лет в 1920 г. было 9,7% против 12% в 1897 г.¹⁵ Деревня лишилась около 30% мужчин трудоспособного возраста, уменьшилось их число в расчете на одно хозяйство. За период с 1913 по 1920 г. процент трудоспособных членов семьи в крестьянских семьях снизился с 45% примерно до 36%¹⁶. По оценке Г.М. Кржижановского, общие потери сельских работников мужского пола на 1920 г. от участия в Первой мировой и Гражданской войнах превысили 14 млн человек¹⁷. Таким образом, сельское хозяйство лишилось огромного количества рабочей силы, что не могло не сказаться на уровне сельскохозяйственного производства.

Революция и особенно Гражданская война фактически прервали проведение агрономических мероприятий в деревне, крупную мелиорацию и переселения. Прекратили свою деятельность агроучастки. Война нанесла удар по их немногочисленному агроперсоналу¹⁸. Хотя и в незначительной степени, но данное обстоятельство также повлияло на состояние сельской экономики.

На снижение уровня сельскохозяйственного производства оказали значительное влияние результаты «черного передела»

1917 г., закрепленного советским аграрным законодательством¹⁹, а также разрыв существовавших в дореволюционное время экономических связей между городом и деревней. Известный экономист-аграрник Н.П. Огановский, анализируя этапы кризиса экономики России в первые десятилетия XX в., выделил его второй этап, относящийся к периоду Гражданской войны 1917—1922 гг., когда «при общем порывании деревни, идущем в сторону пауперизации, вызываемой падением сельского хозяйства, экономический разрыв города и деревни» привел к «натурализации», которая, в свою очередь, «свела почти на нет все завоевания интенсивного земледелия, сделанные в эпоху довоенного подъема»²⁰.

На данную тему очень содержателен доклад Орловского губземотдела о ситуации в орловской деревне в 1918 г. Она была характерна для всей Центральной России. В докладе признавалось, что переход земли «в руки трудового народа» — «акт величайшей справедливости», и как «известная экономическая категория» он имеет огромное значение, поскольку уничтожены помещики, эксплуататоры и «отношения рабства в деревне». Но «справедливый этически» и «справедливый социально» он вместе с тем принес с собой «экономическую разруху». В докладе перечислялись его признаки.

Во-первых, в процессе революционного действия погибло как таковое культурное хозяйство крупного типа. Исчезла та экономическая категория, «которая отчуждала на рынок значительную, большую часть своего урожая», который в настоящее время «распределен по тысячам мелких хозяйств», «потреблен ими», а государство «ощути-

¹⁴ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. С. 92.

¹⁵ Итоги переписи 1920 г. М., 1928. С. 5.

¹⁶ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921—1928 гг.).

¹⁷ Кржижановский Г.М. Десять лет хозяйственного строительства.

¹⁸ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921—1928 гг.). С. 29.

¹⁹ См.: Литовченко Л.Н. Критика советской аграрной политики. М., 2022.

²⁰ Огановский Н. Падение, восстановление и реконструкция сельского хозяйства в десятилетие в 1917—27 годы // Экономическое обозрение. 1927. С. 55—72.

ло недостаток хлеба». То есть возникшие в сельском хозяйстве трудности коренились «в том отрицательном явлении», которое связано с «гибелью культурных хозяйств».

Во-вторых, говорилось в докладе, уравнительность оказалась «роковой» не только для крупных хозяйств «капиталистического типа». Она «разрушила и крепкое трудовое хозяйство», поскольку «нивелировала» его «в сторону низкого хозяйственного уровня», подорвав его продуктивность. Кроме того, из-за принципа «делить на живые души» были уничтожены «малодушные» хуторские хозяйства. Итогом создания нового «хозяйственного строя», резюмировалось в докладе, стало «распыление хозяйственно-крупных единиц» и регресс деревни «с точки зрения развития экономических отношений»²¹.

В центральных губерниях России аграрная революция 1917 г. создала океан мелких крестьянских хозяйств — мелкопосевщиков, минимально обеспеченных рабочей силой и средствами производства. При этом были уничтожены не только многопосевные хозяйства помещиков и кулаков, но и трудовые крестьянские хозяйства с посевом свыше 8 десятин. Например, если в 1917 г. в Тамбовской губернии таких хозяйств было 8,9%, то в 1920 г. их осталось 1,5%. «Измельчание» хозяйств дошло до того, что резко возросло число хозяйств с наделами не более 2 десятин (до 36%). К 1920 г. преобладающими в деревне Европейского Центра стали крестьянские хозяйства с 6-ю десятинами (53,2%)²². Это означало господство патриархального крестьянина с отсталым хозяйством, ориентированным на удовлетворение нужд крестьянской семьи. Мелкое, да и к тому же ослабленное тяготами двух войн, крестьянское хозяйство, выдвинувшееся на роль главного производителя сельско-

хозяйственной продукции, не могло обеспечить подъем сельской экономики.

Попыткой «замены» уничтоженного крупного частного землевладения стала политика большевиков по созданию коммун, колхозов (сельхозартелей) и совхозов. В 1918 г. было организовано 15789 колхозов и коммун, в 1919 г. их численность сократилась до 6188, а затем в 1920 г. снова возросла до 10600 и в 1921 г. составила 16 012 колхозов и коммун. В 1921 г. в колхозах и коммунах состояло 227,9 тыс. крестьянских дворов — капля в море крестьянских единоличных хозяйств. В среднем на сельхозартель приходилось менее 100 десятин земли, в большинстве своем бывшей помещичьей или ранее не использовавшейся общиной. Хотя коммунары и колхозники получали помощь от государства семенами и техникой, результаты их хозяйственной деятельности были плачевными. Коммуны распались из-за царящей в них уравниловки, а также изъятий государством произведенной продукции в счет разверсток наравне с крестьянскими хозяйствами. Кроме того, по своему составу большинство из них были смешанными: в них сосредоточилась значительная масса рабочих и горожан, спасавшихся из деревни от голода и не знавших крестьянского труда. Поэтому они не могли соперничать с крестьянами-единоличниками, а тем более превзойти их по производственным показателям. В декабре 1920 г. В. И. Ленин так оценил существовавшие в стране сельхозартели и коммуны: «Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен»²³. Его раздражение вызывал факт так называемых лжекоммун, создававшихся для получения от государства различных льгот²⁴.

²¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 1—1 об.

²² Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921—1928 гг.). С. 20.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 180.

²⁴ Там же. Т. 41. С. 367.

Не оправдали надежд большевиков и совхозы (советские хозяйства), создававшиеся в стране с осени 1918 г. на базе конфискованных помещичьих имений как опорные пункты социализма в деревне. Совхозам отводились земли наиболее производительных хозяйств помещиков вместе с их рабочим и продуктивным скотом, сельскохозяйственным инвентарем и постройками. Основная масса совхозов размещалась в центральных и северо-западных районах, где до революции было наибольшее число помещичьих имений. Наиболее крупные по общей земельной площади совхозы находились в Поволжье и на Северном Кавказе, где на одно хозяйство в среднем приходилось более 2 тыс. десятин. Наименьшие размеры имели совхозы Центрально-промышленной зоны, северо-западных и западных районов РСФСР — от 160 до 280 десятин. Особенно активно в первой половине 1919 г. советские хозяйства создавались на Украине, где им была отведена треть пахотных земель²⁵. В 1919 г. на контролируемой большевиками территории работало более 3 тыс. совхозов, в 1920 г. — около 4 тыс. и в 1921 г. — свыше 5 тыс.²⁵ Несмотря на поддержку со стороны государства, совхозы не показали высоких хозяйственных результатов. Их деятельность вызывала недовольство крестьян, поскольку в пользовании совхозов оказались лучшие помещичьи земли. На Украине их насаждение в 1919 г. стало одной из причин массового крестьянского протеста²⁶. Из-за недостатка средств производства совхозы плохо использовали свои земли. По этой причине они даже прибегали к испольщине и арендной обработке земли, практику которых Ленин расценил

как «явно помещичьего характера злоупотребления»²⁷.

Таким образом, совхозы, колхозы и коммуны не стали равноценной заменой уничтоженного революцией крупного сельскохозяйственного производства. Главной производительной силой советской деревни в годы Гражданской войны был крестьянин-единоличник, благодаря революции в основной своей массе превратившийся в «мелкопосевщика», с ограниченными людскими и материальными ресурсами для ведения хозяйства. Причем условия хозяйственной деятельности были для него хуже, чем в дореволюционное время.

Так, в рассматриваемый период уменьшилась обеспеченность крестьянских хозяйств сельхозинвентарем. Если принять количество плугов и сеялок в них в 1917 г. за 100%, то в черноземных губерниях в 1920 г. плугов осталось лишь 57%, сеялок — 42%, а в 1921 г. — соответственно 56 и 40%²⁸. С точки зрения нормальной потребности, в 1920 г. в стране не хватало 2 989 500 плугов, 1 138 870 сеялок и 469 890 жнеек²⁹. На протяжении всей Гражданской войны с мест шли сообщения в Центр о недостатке в крестьянских хозяйствах мануфактуры, живого и мертвого инвентаря, железа для починки имеющегося³⁰.

Подобная ситуация была следствием перевода промышленности на удовлетворение военных нужд, в результате чего резко сократилось производство сельскохозяйственной техники. Кроме того, были остановлены ее закупки за рубежом. О резком сокращении производства сельскохозяйственных машин и орудий в годы Гражданской войны дает представление табл. 9.

²⁵ Сельскохозяйственная жизнь. 1925. № 45. С. 9—10.

²⁶ Хмель И. В. Аграрные преобразования на Украине 1917—1920 гг. Киев, 1990. С. 142.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 212.

²⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 237. Л. 27.

²⁹ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. М., 1986. С. 207.

³⁰ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1: 1918—1922 гг. С. 160—161, 289.

Производство сельхозмашин в 1917—1921 гг. (в тыс. штук)

Вид сельхозмашин	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Плуги	49,9	12,8	23,0	89,3	100,5
Бороны	6,5	0,1	1,0	2,6	6,2
Жатки и косилки	7,6	0,6	1,0	2,3	5,5
Молотилки	15,2	0,1	0,1	1,2	1,7
Веялки и сортировки	3,2	0,5	0,8	3,3	2,0

Источник: Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917—1927. М., [1927]. Л. 244—245.

Снижение выпуска сельхозтехники происходило до 1920 г., т.е. до завершения основной стадии вооруженной борьбы большевиков с их противниками. В дальнейшей ситуация менялась в лучшую сторону.

В результате чрезмерной изношенности и отсутствия снабжения крестьянских хозяйств новым инвентарем происходило «вымывание» плуга и замена его сохой³¹. Этому способствовало и сокращение численности рабочих лошадей в крестьянских хозяйствах из-за бескормицы, чрезмерного их использования на обязательных работах и военных реквизиций. За годы войны общее поголовье лошадей уменьшилось в 1,3 раза, с 31,5 млн в 1916 г. до 18,8 млн в 1921 г. Самое большое сокращение (на 80%) коснулось жеребят (возраст до 1 года)³². Возросло число безлошадных дворов. В среднем одна треть крестьянских дворов вообще не имела рабочих лошадей или испытывала в них недостаток. В результате при норме не менее 20 лошадей на 100 десятин посева (5 десятин на одну лошадь) в черноземных губерниях на рабочую лошадь приходилась от 7 до 9 десятин,

а в ряде уездов Тюменской губернии эта норма составляла 10 десятин³³.

Как известно, плужная обработка находилась в тесной зависимости от наличия в хозяйстве двух и более лошадей. Их отсутствие обрекало крестьян на возвращение к первобытным орудиям — сохе и деревянной бороне, что влекло за собой существенное ухудшение обработки почв и снижение урожайности.

Падение урожайности объяснялось также отсутствием минеральных удобрений, прекращением поступления сортовых семян и вообще ухудшением семенного материала. Значительная часть семян к концу Гражданской войны поступала к крестьянам в виде семенной ссуды³⁴. Они часто были низкосортными или плохо приспособленными к местным условиям.

Негативным явлением в комплексе факторов кризиса сельского хозяйства России в период Гражданской войны стала ликвидация большевиками традиционной крестьянской кооперации, игравшей значительную роль в хозяйственной деятельности крестьянских хозяйств в по-

³¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 237. Л. 28.

³² Вебер К. К. Очерк сельского хозяйства Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С. 18.

³³ Иваненко В. Е. История развития животноводства в годы «военного коммунизма» и нэпа в Зауралье (на материалах Тюменской обл.). Тюмень, 2005. С. 178.

³⁴ Кондрашин В. В. 1922-й год в советской деревне с точки зрения ГПУ // Исторические чтения на Лубянке. 1999 год: Отечественные спецслужбы в 1920—1930-х годах. М.; Великий Новгород, 2000. С. 83—84.

следнее десятилетие, с помощью ее огосударствления³⁵. Курс на свертывание товарно-денежных отношений, отчетливо обозначившийся к концу 1918 г. в политике советской власти, лишил сельских кооператоров «среды обитания», а сохранившиеся и созданные заново кооперативные организации (Льноцентр, Пенькосюз, Союзкартофель, Кооперативное зерно и др.) трансформировались прежде всего в структуры по выкачке из села ресурсов. С введением продразверстки, свертыванием торговли кооперация уже не могла выполнять свою традиционную функцию: самостоятельно вести торгово-заготовительные, снабженческие и кредитные операции. Советские кооперативные организации стали частью государственной заготовительно-распределительной системы. В них не было места предпринимательской инициативе крестьян. Таким образом, в период войны предприимчивые крестьяне потеряли кооперацию, помогавшую развивать их хозяйства³⁶.

В 1920-е гг. среди советских статистиков и экономистов развернулась полемика в связи с необходимостью установления точных данных о размерах посевных площадей в стране в годы Гражданской войны. Они были уверены, что крестьянство, не заинтересованное в сдаче продуктов государству по продразверстке, утаило значительные их размеры. Например, по расчетам ЦСУ, в 1920 г. крестьяне якобы утаили свыше 9 млн десятин посева семи важнейших зерновых хлебов. С. Г. Струмилин считал, что было утаено еще больше — примерно 1/5 посевов. Статистик Н. Д. Вишневский процент недоучета посевных площадей

поднял до 30%, а сотрудники Комакадемии даже до 40%. Получалось, что от обложения крестьяне «спрятали» не менее трети сбора зерновых (около 900 млн пудов из 2 млрд 700)!

Случаи действительного сокрытия засеянной пашни имели место в советской деревне в годы Гражданской войны, но их было мало, так как крестьяне были не в состоянии обработать и засеять даже имевшуюся у них пашню из-за нехватки рабочих рук, дефицита сельхозинвентаря и тягловой силы³⁷. Именно по этой причине сокращались посевы в годы Гражданской войны. Поэтому вряд ли стоит верить данным о недоучете посевных площадей специалистов — очевидцев тех событий. В противном случае придется признать, что Гражданская война была для деревни чуть ли не «раем»! Но многочисленные и заслуживающие доверия факты говорят о другом: снижении уровня жизни крестьян в годы Гражданской войны, а к ее концу — голоде десятков миллионов крестьян, как результатах продразверстки и тягот войны. Тем не менее вопрос о том, сколько посевов в действительности могло быть спрятано от обложения крестьянами во время Гражданской войны, остается открытым в историографии. Ответ на него возможен с помощью дальнейшего изучения проблемы³⁸, особенно на региональном уровне. Но вряд ли это изменит утвердившееся в историографии мнение о резком падении уровня жизни в советской деревне в период Гражданской войны.

Только в первые ее годы, особенно в связи с хорошим урожаем 1919 г., а также увеличением потребления картофеля, питание

³⁵ См.: т. 12, кн. 2, ч. IV, гл. 1.

³⁶ Кабанов В. В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996. С. 9—10, 72—73, 84.

³⁷ Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921—1928 гг.). С. 36.

³⁸ Примером являются исследования В. Г. Растяникова и И. В. Дерюгиной об урожайности в России за несколько столетий, данные которых, относящиеся к периоду Гражданской войны, ставят под сомнение идею об утайке крестьянством от советской власти огромного количества посевов (подробнее см.: Растяников В. Г., Дерюгина И. В. Урожайность хлебов в России. 1795—2007. М., 2009).

крестьян оставалось на дореволюционном уровне (порядка 3500 калорий)³⁹. В 1920—1922 гг. деревню поразил голод и никаких существенных запасов у нее не оказалось. При этом из-за падения спроса, деятельности заградотрядов, борьбы с мешочничеством и т.п. значительно сократилась в общей сумме валового дохода крестьянской семьи доля от промыслов, еще одного важного источника ее существования. До войны промыслы и другие сельскохозяйственные источники доходов давали в среднем на одно хозяйство 218 руб., а в 1920/21 г. — лишь половину этой суммы⁴⁰. В хозяйствах производящих губерний из-за падения сельскохозяйственного производства валовой доход от сельского хозяйства в абсолютном выражении понизился на 45,7%, т.е. почти наполовину⁴¹.

В то же время нельзя не признать факта наличия в деревне части крестьян («кулаков»), которые наживались на кризисе, особенно в районах, прилегающих к крупным городам и промышленным центрам, куда «городская вошь ползла» за продуктами. Например, при обыске «кулацкого дома» в селе Брутово Владимировского уезда Рязанской губернии обнаружилось, что он забит дорогой мебелью и другими ценными вещами (швейная машинка, граммофон и т.п.). В амбаре сундуки ломились от тяжести шуб, костюмов, одеял и пр.⁴² Но подобные факты не меняли общей картины. Основная масса крестьян в поте лица добывала свой хлеб и была лишена возможности наживы.

Политика «военного коммунизма» самым непосредственным образом влияла на хозяйственную и повседневную жизнь крестьян, состояние всех отраслей сельскохозяйственного хозяйства, уровень сельскохозяйствен-

ного производства в целом. В комплексе факторов кризиса аграрной экономики она имела решающее значение. Все остальные, в том числе природно-климатические (засухи 1920—1921 гг.), были второстепенными и лишь усугубляли ситуацию.

Как уже отмечалось, сердцевиной «военного коммунизма» в советской деревне была продразверстка. Именно она оказала самое негативное влияние на сельское хозяйство Советской России в годы Гражданской войны из-за своей чрезвычайной обременительности для крестьянских хозяйств по сравнению с разверсткой 1916—1917 гг. (см. табл. 10).

При снижении урожая зерновых хлебов в среднем в 1920—1921 гг. почти в два раза, по сравнению с 1916—1917 гг., заготовки лишь в 1,4 раза уступили закупкам Министерства земледелия царского правительства. При этом в количественном отношении в ряде губерний в условиях пониженного урожая они даже превосходили их.

Негативное воздействие продразверстки на крестьянское хозяйство было очевидным. Она лишала крестьянина стимула к расширению производства, ибо предусматривала изъятие всех излишков его труда, запрет на их реализацию. По этой причине значительная часть крестьянства сокращала, а не утаивала свои посевы, стремилась довести их до потребительской нормы. Данный факт со всей определенностью признал В.И. Ленин, заявив: «Разверстка в деревне [...] мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 г.»⁴³

Пагубное воздействие разверстки хорошо видно на примере Тамбовской гу-

³⁹ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 212, 213.

⁴⁰ Там же. С. 204.

⁴¹ Там же. С. 206.

⁴² Там же. С. 210.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 159.

Таблица 10

Соотношение заготовок хлебофуража и валового сбора хлебов
в 1916—1917 и 1920—1921 гг. (в тыс. пудов)

Область	1916—1917 гг.			1920—1921 гг.		
	Валовой сбор хлебов	Закупка М-ва земледелия	% закупок к валовому сбору	Валовой сбор хлебов	Заготовки Наркомпрола	% заготовок к валовому сбору
Северо-Приозерная	97 313	2645	2,7	60 539	6608	10,9
Московско-промышленная	140 665	2016	1,4	95 899	7845	8,2
Центрально-земледельческая	612 521	80 554	13,2	236 393	30 404	12,9
Юго-Восток	271 526	57 477	21,1	184 879	57 932	31,3
Приволжская	350 914	83 057	23,7	163 709	48 025	29,3
Уральская	361 098	47 263	13,1	198 463	47 328	23,8

Источник: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. С. 428—430.

бернии, ставшей эпицентром крупнейшего в истории Гражданской войны крестьянского восстания (антоновщина). В 1913 г. при валовом сборе в губернии в 55,6 млн пудов было вывезено за ее пределы 11 млн, т.е. столько же, сколько было собрано в 1921 г. Исключив из валового сбора вывоз из губернии и необходимое количество семян для посева, увидим, что в 1913 г. для нужд местной промышленности, питания населения и на корм скоту оставалось 34 млн пудов ржи. Отняв от этой цифры 48,8 тыс. пудов, использованных на винокуренных заводах, получится примерно 33 млн пудов, израсходованных в 1913 г. в пределах губернии. В засушливом 1920 г., когда 12-пудовый урожай поставил тамбовского крестьянина в безвыходное положение, разверстка была назначена в 11,5 млн пудов; реально же собрали 5 млн 305 тыс. пудов⁴⁴. Именно поэтому в Тамбовской губернии началась антоновщина, как и дру-

гие крестьянские выступления в России на почве недовольства крестьян продразверсткой.

Но антоновщина и крестьянские восстания 1920—1921 гг. — это кульминация и крайнее проявление крестьянского протеста против принудительной продразверстки. Крестьяне реагировали на нее и по-другому, «по-крестьянски», приспособившись и пытаясь минимизировать ее негативные последствия. Стремясь уменьшить тяготы разверстки, крестьяне меняли структуру своих полевых посевов, в первую очередь под зерновыми культурами. Происходило увеличение площади под озимыми культурами, как более выгодными, дававшими большую урожайность при меньших затратах, и сокращение под яровыми. Из-за разверстки крестьяне сокращали производство наиболее нужных государству хлебов и, соответственно, увеличивали засев культур для внутривоспроизводственного

⁴⁴ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. «Антоновщина»: Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 10.

Среднегодовой сбор картофеля (в тыс. пудов)

Год	Среднегодовой сбор	В % к 1909—1913 гг.
1909—1913 гг.	1 211 536	
1917	1 142 386	94,3
1920	1 273 705	105,1
1921	1 302 016	107,5

Источник: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. С. 131.

потребления: проса и гречихи. Например, во Владимирской губернии посевы проса в 1920 г. увеличились по сравнению с 1917 г. в 18 раз, в Калужской и Ярославской — в 14, в Тверской — в 20 раз, Иваново-Вознесенской — в 23 раза, в Московской — почти в 90 раз!⁴⁵

В годы Гражданской войны меняется отношение крестьян к картофелю. Из технической культуры он превращается в важнейшую продовольственную (см. табл. 11). Как и подсолнечник, при сравнительно меньшей затрате труда он давал легко утилизированные продукты питания, что имело ценность в голодное военное время. При этом посевы картофеля перемещались с пахотных земель на приусадебные участки и огороды, которые до 1920 г. оставались необлагаемой единицей.

В Симбирской губернии в 1920 г. площади под картофелем увеличились более чем в четыре раза по сравнению с 1919 г., в Самарской — в 13 раз и в 40 раз по сравнению с 1917 г.⁴⁶ К 1921 г. в черноземных губерниях в структуре огородных площадей картофель занимал более 60%⁴⁷.

В указанный период второй по значению после картофеля приусадебной культуры в крестьянских хозяйствах становится конопля. Ее посевные площади на надель-

ных землях с 1917 по 1920 г. сокращаются более чем в шесть раз, а приусадебные посевы значительно возрастают. Аналогичная ситуация происходила с посевами льна — культуры, крайне необходимой для потребления в крестьянских хозяйствах. На фоне сокращения ее посевов в льноводческих губерниях они увеличивались на приусадебных участках крестьян в хлебоборонных (Казанской, Орловской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и др.). За 1917—1920 гг. произошло почти трехкратное увеличение посевов льна на приусадебных участках крестьян и такое же их сокращение на надельных⁴⁸.

В годы Гражданской войны на фоне роста безлошадных дворов и тенденции к уменьшению поголовья лошадей рабочего возраста и молодняка в крестьянских хозяйствах наблюдается увеличение численности коров. Молочная корова становится важнейшей кормилицей крестьянской семьи. На ее сохранение были направлены все усилия. Росту поголовья коров в значительной мере способствовало то, что молоко не было монополизировано до марта 1920 г. и крестьяне могли продавать молочные продукты на рынке. Поэтому, как правило, в местах, близких к горо-

⁴⁵ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». С. 116.

⁴⁶ Там же. С. 118.

⁴⁷ Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1925. С. 116.

⁴⁸ Там же. С. 11, 116.

дам, они, не видя экономической выгоды в расширении запасов, увеличивали число коров, которые давали быстро и выгодно реализовывавшийся продукт. В то же время бескормница, особенно в 1920—1921 гг., заметно сократила прирост молодняка: количество нетелей в возрасте до 1,5 лет с 1917 по 1920 г. уменьшилось на 16,9%, а нетелей старше 1,5 лет — на 43,5%. К началу 1921 г. общее поголовье коров сократилось еще на 7,6%⁴⁹. В целом же поголовье рогатого скота за годы Гражданской войны уменьшилось значительно: с 51,7 млн голов в 1916 г. до 43,7 млн голов к концу 1920 г.⁵⁰ В результате советских аграрных преобразований произошло значительное уменьшение численности стада крупного рогатого скота, в том числе коров, в губерниях промышленного мясомолочного животноводства (Северо-Двинской, Вологодской, Уфимской и Пермской губерний) из-за сокращения там многокоровных, преимущественно «кулацких» хозяйств.

Новым явлением в крестьянских хозяйствах с началом Гражданской войны был рост поголовья коз. Содержание коз оказалось очень выгодно: требовалось меньше кормов, чем корове, козы давали молоко, мясо, шерсть. Росту поголовья коз, так же как и коров, способствовал декрет Совнаркома от 23 марта 1920 г. «Об обязательной поставке скота на мясо», которым сдача «будущих сталинских коров» не предусматривалась⁵¹. В результате, особенно с 1919 г., численность коз возрастает в Нижегородской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Калужской, Олонецкой, Череповецкой, Ярославской, Тульской, Костромской, Орловской губерниях.

Коза стала единственным видом «малогабаритного» скота, в который Граждан-

ская война «вдохнула новую жизнь» и повысила его статус в деревне. Другие его виды — овцы и свиньи — постигла участь быть первоочередным объектом реквизиционной политики советской власти из-за большей доступности к отчуждению, чем, например, крупный рогатый скот. В результате поголовье овец и свиней подверглось наибольшим сокращениям в рассматриваемый период в большинстве регионов. Так, например, в Тамбовской губернии число взрослых овец и баранов сократилось с 1472 662 голов в 1917 г. до 641 546 в 1921 г., т.е. на 55%, а количество взрослых свиней — с 129 817 голов в 1917 г. до 28 273 в 1921 г., т.е. на 78%⁵². В 1920 г., наряду с Тамбовской губернией, уменьшение поголовья овец произошло в подавляющем большинстве губерний Европейского центра России, причем самое значительное по сравнению с 1917 и 1919 гг. в Астраханской губернии (в 8 раз), Уфимской, Олонецкой (в 2 раза), Тульской (в 2,5 раза)⁵³.

Наибольшим среди «малогабаритного скота» было сокращение численности свиней. Свиньям требовался зерновой корм, но хлеба не хватало на питание крестьянскими семьям, и они оказались «конкурентами» человека в потреблении хлеба. Поэтому их забивали или продавали. В Тюменской губернии к 1921 г. осталось всего 6,4% свиней от уровня 1916 г. В два раза в 1920 г., по сравнению с 1917 г., сократилось поголовье свиней в Северо-Двинской и Рязанской губерниях, в 3 раза — в Череповецкой, Симбирской, Тульской, в 4 раза — в Калужской, почти в 40 раз — в Астраханской и Иваново-Вознесенской, почти в 300 раз — в Олонецкой губернии. Менее ярко выраженное сокращение произо-

⁴⁹ Вебер К. К. Очерк сельского хозяйства Тамбовской губернии. С. 47.

⁵⁰ Поляков Ю. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 72.

⁵¹ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». С. 127—128.

⁵² Вебер К. К. Очерк сельского хозяйства Тамбовской губернии. С. 47.

⁵³ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». С. 128.

шло в Вологодской, Вятской, Костромской, Тверской, Ярославской, Орловской, Маркшадтской, Уфимской губерниях⁵⁴.

Таким образом, животноводческая отрасль сельского хозяйства страны понесла большие потери за годы Гражданской войны и находилась в кризисе, как и вся аграрная экономика. Причиной этого была политика советской власти и Гражданская война.

В первой половине 1921 г. ситуация в сельском хозяйстве резко ухудшается. На фоне массовых крестьянских восстаний, с которыми большевики вели решительную борьбу, основные зерновые районы страны поражает сильнейшая засуха. Уже в апреле 1921 г. в большинстве районов европейской части страны установилась настоящая летняя жара. В поволжских и ряде других губерний засушливая погода продолжалась и в мае—июле. Огромные территории с населением почти 30 млн человек оказались в эпицентре сильнейшего неурожая (Поволжье, Прикамье и бассейн р. Урала, среднее течение Дона, часть Казахстана и Западной Сибири, районы Южной Украины). В результате неурожая валовой сбор хлебов в 1921 г. составил 1 689 142 тыс. пудов против пониженного урожая 1920 г. в 2 082 607 тыс. пудов⁵⁵. К советской деревне подступал голод, более сильный, чем «Царь-голод» 1891—1892 гг.

Таково было состояние сельского хозяйства на заключительной стадии Гражданской войны. Его достаточно точно охарактеризовал В. И. Ленин, осознавший глубину кризиса и опасность сложившейся политической ситуации в стране. «Необыкновенно тяжелый кризис крестьянского хозяйства, — отметил он, — которое после всех разорений, вызванных войной, было еще добито и необыкновенно тяжелым неурожаем, и связанной с этим бескормицей (потому что неурожай был и на травы), и падежом скота; ослабление производительных сил крестьянского хозяйства, сплошь и рядом осуждение его во многих местах прямо-таки на разорение, — вот картина крестьянского хозяйства к весне 1921 г.»⁵⁶

Для смягчения последствий неурожая и оказания помощи сельскому населению советское правительство предпринимает решительные меры. Оно обращается за помощью к международному сообществу и мобилизует все зерновые ресурсы на организацию посевной кампании 1922 г., которая проходит успешно. Новая экономическая политика устраняет главное препятствие для развития сельского хозяйства — продразверстку. В результате с лета 1922 г. начинается процесс постепенного выхода аграрной экономики из тяжелейшего кризиса периода Гражданской войны⁵⁷.

Сельскохозяйственное производство на подконтрольной белым территории

В годы Гражданской войны наибольшее время под властью антибольшевистских правительств находилась Сибирь. Поэтому на ее примере можно увидеть особенности состояния сельского хозяйства страны на подконтрольной белым территории, по сравнению с Советской Россией.

В дореволюционный период сельское хозяйство Сибири характеризовалось динамичным развитием. Сооружение Транссиба обеспечило рост темпов аграрного переселения в регион. С 1898 по 1913 г. переселенцы вовлекли в сельскохозяйственный оборот 16,5 млн десятин новых

⁵⁴ Там же. С. 127.

⁵⁵ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. С. 131.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 147.

⁵⁷ Поляков Ю. А. Начало восстановления сельского хозяйства Советской страны (1921—1922 гг.) // История СССР. 1964. № 4. С. 29—52.

Таблица 12

Посевные площади на территории Сибирского края в 1917—1922 гг. (в тыс. десятин)

Культура / вид посева	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Пшеница	3319,6	3325,4	2782,5	1687,9
Рожь	718,3	700,3	675,5	680,0
Овес	1760,1	2052,6	1141,9	780,0
Ячмень	239,4	242,0	198,4	128,0
Крупяные (просо, гречиха)	110,0	77,8	235,9	500
Подсолнечник	25,9	18,7	26,8	20,0
Лен	71,2	65,6	96,6	64,0
Конопля	58,2	49,4	69,7	52,0
Картофель	90,6	66,3	53,6	48,0
Полевой посев	6470,8	6642,1	5361,2	4000,0
Усадебный посев	86,2	68,9	73,7	80,2
Всего посева	6557,1	6711,0	5434,9	4080,1

Таблица 13

Валовой сбор зерновых культур в Сибири в 1917—1922 гг. (в тыс. пудов)

Год	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Итого
1917	338,7	48,8	387,5
1920	202,1	43,3	254,4
1921	150,2	29,1	179,3
1922	123,8	29,2	153,0

Таблица 14

Поголовье скота на территории Сибирского края в 1917—1922 гг. (тыс. голов)

Вид скота	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Лошади	3849,9	3948,5	3889,8	3418,3
в том числе рабочие	2898,6	2911,5	2778,2	2551,0
КРС	5177,5	4423,1	4108,6	3650,7
в том числе коровы	2615,0	2466,5	2020,6	1848,3
Овцы	5980,6	5130,0	4510,7	4626,0
Козы	103,9	59,5	60,5	63,8
Свиньи	2092,6	1896,3	1556,8	956,2
Прочий скот	10,4	4,0	0,6	1,2

Структура посевных площадей на территории Сибирского края в 1917—1922 гг. (в %)

Культура	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Пшеница	50,6	49,6	51,2	41,4
Рожь	11,0	10,4	12,4	16,7
Овес	26,8	30,6	21,0	19,1
Ячмень	3,7	3,6	3,7	3,1
Крупяные (просо и гречиха)	1,7	1,2	4,3	12,2
Зерновые	96,1	97,3	95,4	94,7
Подсолнечник	0,4	0,3	0,5	0,5
Лен	1,1	1,0	1,8	1,6
Конопля	0,9	0,7	1,3	1,3
Картофель	1,4	1,0	1,0	1,2

Источник таблиц 12—15: Рышков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 230—231, 233, 236, 238.

земель. За счет труда новоселов и старожилов посевные площади в крае увеличились с 2305 тыс. десятин в 1897 до 7955 тыс. десятин в 1914 г. Массовое переселение привело к росту численности населения Сибири, которое к началу Гражданской войны насчитывало 8 млн 64,1 тыс. человек. Возросло число крестьянских хозяйств. В 1917 г. их было более 1 млн. Крестьянские хозяйства являлись главной организационной производственной структурой сельского хозяйства региона, поскольку в Сибири не было помещичьего землевладения. Среднегодовые сборы хлебов в регионе к 1915 г. выросли по сравнению с первым десятилетием XX в. в 1,6 раза (со 148 млн до 237 млн пудов).

В довоенный период в Сибири наблюдался постоянный рост поголовья скота. В 1917 г. численность поголовья лошадей превысила показатель 1891—1900 гг. в 1,3 раза, крупного рогатого скота (КРС) — в 1,5, овец и коз — в 1,2 раза. Общий уровень развития скотоводства в Сибири был выше, чем в Европейской России, а по обеспеченности скотом на каждые 100 жителей выше Дании, Канады и США.

Самой товарной отраслью аграрного сектора экономики региона к началу Гражданской войны оставалось маслоделие. От 80 до 90% производимого в Сибири животного масла при поддержке государства и кооперации вывозилось за границу. Сибирь поставляла 16% мирового экспорта данного продукта и 60% российского. Темпы роста товарного производства зерна сдерживались малой пропускной способностью Транссиба и тарифной политикой государства. Первая мировая война лишь в незначительной степени повлияла на сельское хозяйство Сибири: произошло небольшое уменьшение численности всех видов скота. В то же время постоянно растущий спрос на хлебпродукты обеспечивал развитие зернового производства.

В период Гражданской войны сельское хозяйство Сибири, так же как и в Европейской части, оказалось в кризисном состоянии. По сравнению с 1917 г. произошло значительное сокращение посевных площадей (на 38%) и валовых сборов зерновых культур (на 61%), уменьшилось поголовье всех видов скота: лошадей в 1,1 раза,

крупного рогатого скота в 1,4 раза, овец в 1,3 раза, коз в 1,6 раза, свиней в 2,2 раза (см. табл. 12—15). В структуре посевных площадей уменьшилась доля пшеницы, овса и ячменя, оказавшихся объектом государственных заготовок и военных реквизиций, и наиболее подверженных засухам. Площади, занятые преимущественно потребительской рожью, сократились незначительно. В то же время увеличилась доля посевов крупяных культур, особенно во время неурода и голода 1921—1922 гг. Посевы проса увеличились более чем в 10 раз.

Негативными факторами, влиявшими на уровень сельскохозяйственного производства Сибири в годы Гражданской войны, были: ослабление экономических связей региона с европейской частью России, военные действия противоборствующих сторон, увеличенные объемы государственных продовольственных заготовок (особенно советская продразверстка), неблагоприятные погодные условия 1920—1921 гг. и др. Наметившаяся в Сибири к весне 1920 г. рецессия зернового производства осенью перешла в стадию полномасштабного кризиса. Посевные площади в 1921 г. снижались на 1/5, в 1922 г. — еще на четверть. При этом больше всего пострадали посевы основных товарных культур пшеницы и овса, сократившиеся в 2 и 2,6 раза соответственно. Резко ускорился сброс продуктивного стада. Наиболее существенным было со-

кращение численности коров и свиней. Менее всего спад задел овцеводство. Его относительная устойчивость связана с меньшей трудо- и кормозатратностью.

Пик кризиса, переживаемого сельским хозяйством Сибири в годы Гражданской войны, пришелся на 1921—1922 гг. В это время в основных сельскохозяйственных районах резко сократилось производство масла и его вывоз за пределы региона, из-за засухи снизились урожаи зерновых и трав, резко сократился сбор зерна. Нехватка кормов вызвала сильную бескормицу, падеж и забой скота.

В годы Гражданской войны, несмотря на ее тяготы, увеличилась и стабилизировалась численность крестьянских хозяйств в регионе (см. табл. 16). Это был результат крестьянской революции 1917 г., а также аграрной политики советской власти, в результате которых в пользование крестьян перешли бывшие казенные арендные, частновладельческие и церковные земли (примерно 5 млн 150 тыс. десятин). В то же время общее экономическое состояние крестьянских хозяйств в этот период ухудшилось: уменьшились посевы, поголовье всех видов скота, число трудоспособных членов семьи (особенно мужчин) на одно хозяйство (см. табл. 17—18). Это был результат вовлечения крестьян Сибири в Гражданскую войну и ее негативного влияния на крестьянские хозяйства.

Таблица 16

Численность и состав крестьянских хозяйств на территории Сибирского края в 1917—1922 гг.

Год	Крестьянских хозяйств		Населения в них	
	тыс.	% к предыдущему году	тыс.	% к предыдущему году
1917	1035,0	102,1	6195,7	102,3
1920	1185,2	114,5	6657,5	107,5
1921	1179,5	99,5	6750,0	101,4
1922	1169,6	99,2	6660,4	98,7

Таблица 17

Экономическое состояние крестьянского хозяйства на территории Сибирского края в 1917—1922 гг.

Год	На одно хозяйство приходится						
	посева, дес.	лошадей, голов	в т.ч. рабочих	КРС, голов	в т.ч. коров	овец и коз, голов	свиней, голов
1917	6,25	3,72	2,80	5,00	2,52	5,88	2,02
1920	5,60	3,33	2,46	3,73	2,08	4,38	1,60
1921	4,55	3,30	2,35	3,48	1,71	3,88	1,31
1922	3,42	2,92	2,18	3,12	1,58	4,01	0,82

Таблица 18

Демографическое состояние крестьянского хозяйства на территории Сибирского края в 1917—1922 гг.

Год	На одно хозяйство приходится					
	всех членов семьи	мужчин	женщин	трудоспособных	мужчин	женщин
1917	5,99	3,06	2,93	2,6	1,4	1,2
1920	5,62	2,79	2,83	2,58	1,23	1,35
1921	5,72	2,80	2,91	2,55	1,22	1,33
1922	5,69	2,81	2,88	2,54	1,22	1,32

Источник таблиц 16—18: Рынков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 241—242.

В годы Гражданской войны сельское хозяйство Сибири, так же как и других регионов страны, являлось источником обеспечения продовольствием всех противоборствующих режимов. В 1918 г. в условиях развернувшихся военных действий между советской властью и антисоветскими правительствами Сибири произошло сокращение объемов вывоза хлеба из этого региона в европейскую часть России по Транссибу: с 30,4 млн пудов в 1917 г. до 21,9 млн пудов. В первое полугодие 1919 г. вывоз хлеба уменьшился еще на 5 млн пудов по сравнению с 1918 г., составив 7,9 млн пудов. До восстановления в Сибири советской

власти правительству Колчака удалось получить в ходе государственных заготовок хлеба 3375 тыс. пудов.

В 1920 г. на оказавшейся под контролем советской власти территории Сибири была введена продовольственная разверстка. Основная тяжесть разверстки выпала на зернопроизводящие уезды Алтайской и Омской губерний. Из назначенных в счет разверстки 1919/20 г. 65,7 млн пудов хлеба до начала августа 1920 г. удалось собрать 31,3 млн пудов. Около 13 млн пудов было отправлено в центральные районы РСФСР и использовано для снабжения Красной армии. К 1 июля 1921 г. в Омской, Семи-

палатинской, Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях было заготовлено 67,4 млн пудов хлебофуража. Около 25 млн пудов хлеба вывезли из Сибири в европейскую часть России и Дальневосточную республику. Во второй половине 1920 — первой половине 1921 г. РСФСР обеспечивался продовольственными ресурсами в основном из Сибири и Северного Кавказа. Продразверстка, усугубленная недородом 1920 г. в наиболее хлебных уездах Сибири, привела к голоду в Калачинском и Тюкалинском уездах Омской губернии, а также вызвала недовольство крестьян в Алтае, Томской и других губерниях, которое вылилось в Западно-Сибирское восстание. С началом нэпа сбор продналога 1921/22 г. в крестьянских хозяйствах Сибири составил 35 млн пудов хлебопродуктов. Из них 20 млн пудов были вывезены за пределы региона.

Гражданская война крайне негативно сказалась на маслоделии Сибири. В 1918—1919 гг. из-за разрыва экономических связей, резкого снижения покупательной способности населения и других причин произошло сокращение производства, заготовок и вывоза масла. В 1918 г. из Сибири было вывезено 1783 тыс. пудов масла, что составляло 40% от довоенного уровня, в 1919 г.

вывоз составил около 1 млн пудов. Подлинной катастрофой для сибирского маслоделия стала политика советской власти после разгрома колчаковского режима. Была ликвидирована маслодельная кооперация, традиционно занимавшаяся реализацией масла на рынке, а также национализированы все маслозаводы. Введенная масляная разверстка на крестьянские хозяйства полностью лишила их стимулов к занятию маслоделием, поскольку требовала от каждой сибирской коровы 50 фунтов масла, которые коровы не давали даже в лучшие времена. В результате крестьяне резали коров на мясо и сокращали производство молока до потребительских норм. В итоге по масляной разверстке в 1920 г. было собрано около 813 тыс. пудов масла и за пределы Сибири было вывезено всего 720 тыс. пудов, почти в 5 раз меньше, чем в 1917 г. В 1921 г. из 4 тыс. маслозаводов на территории Сибири действовало только 2,8 тыс. Общий вывоз маслопродукции, заготовленной по разверстке, продналогу и товарообмену, оказался еще меньше, чем в 1920 г., составив в 1921 г. 455 тыс. пудов, в 7,7 раза меньше показателя 1917 г. В лучшую сторону общая ситуация в сельском хозяйстве Сибири, как в стране в целом, стала меняться с связи с началом нэпа.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Регулирование прав собственности

В исторической литературе, посвященной истории антибольшевистского движения, проблемы экономической политики исследованы пока только применительно к отдельным направлениям. Специальных монографических исследований немного, в них существует заметный акцент на аграрную тематику¹. Единственное претендующее на обобщение монографическое издание в действительности не содержит даже минимального фактического материала². Целостную картину экономической политики в антибольшевистском лагере еще предстоит воссоздать, установив общее и особенное в деятельности различных правительств.

При всех различиях социально-экономического строя окраинных территорий России, вариативности идейно-политического облика утвердившихся у власти политических элит, антибольшевистские политические режимы повсеместно столкнулись с очень похожими и только усугублявшимися экономическими проблемами, доставшимися в наследство от революционного 1917 г.: разрывом хозяйственных

связей между регионами, перебоями с поставками продовольствия, разрухой транспортной инфраструктуры. Наследие большевистской «красногвардейской атаки на капитал» оказалось невозможно проигнорировать, к нему пришлось серьезно адаптировать собственные намерения. Общие проблемы прошлого часто оборачивались сходством найденных решений. Положение воюющего лагеря также подталкивало правящие режимы по пути формирования мобилизационной модели экономики, имевшей много общего, несмотря на отсутствие тесной координации между органами власти, действовавшими в различных регионах.

Одни правительства возвестили о своем приходе к власти программой грядущих мер по нормализации хозяйственных отношений после многомесячного «кошмара большевистского господства», другие не давали сторонникам никаких обещаний по организации хозяйства в расчете на скоротечную победоносную войну, не требовавшей, как тогда казалось, разработки глубокой хозяйственной стратегии. Но и тем

¹ Гордеев О. В. Аграрная политика временных государственных образований Сибири в период гражданской войны (1918—1920 гг.). Красноярск, 2005; Рышков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 гг.). Новосибирск, 2006; Корновенко С. Аграрная политика белогвардейских урядів А. Денікіна, П. Врангеля на підконтрольних їм українських територіях (1918—1919-х рр.). Черкаси, 2008.

² Ломкин А. В. Экономическая политика Белого движения на Юге России и в Сибири. М., 2008.

и другим пришлось со временем заняться экономической политикой. Программные намерения, как правило, начинались с отказа от разрушительного вмешательства в дела собственников средств производства и обещания вернуть имущество всем, кого советская власть его незаконно лишила. Остальные декларации могли варьироваться в широком диапазоне, от обещаний сохранить завоевания Февральской революции на подконтрольной территории до признания необходимости реставрации дореволюционного правопорядка.

Но все противостоявшие большевикам силы солидаризировались в нескольких пунктах. Во-первых, приверженность правовым методам регулирования производственных отношений, выстраивание экономической политики с опорой на господствовавшие в академической науке представления о закономерностях экономического развития, основанного на материальных стимулах и денежных измерителях. Во-вторых, готовность восстановить органы местного самоуправления, вернуть им регулирование местной хозяйственной жизни и социальные функции. Вместе с тем явная недооценка властью всей сложности стоявших перед ней задач кажется общей чертой всех правительств антибольшевистского лагеря.

На фоне заверений в приверженности рынку и частной собственности в аппарате управления быстро стали расти численность и значение воинских, полицейских и разведывательных структур, что свидетельствовало о неадекватности избранных методов регулирования хозяйственных процессов элементарным требованиям военного времени — молниеносно реагировать на возникавшие вызовы, не считаясь с формально-юридическими рамками. Повсеместное противостояние гражданских властей, выстраивавших сложные схемы регулирования экономических отношений, и военных, игнорировавших нормативно-правовую базу и решавших возникшие хо-

зяйственные проблемы явочным порядком, снижало управляемость. Попытки восстановить экономические отношения осложнялись и кризисом легитимности, особенно на Юге России, где постоянно возникали проблемы с определением компетенции и зон ответственности войсковых казачьих, национальных правительств и представительства главного командования, не признававших друг друга.

Очевидны были и серьезные провалы в деле восстановления органов самоуправления. Земствам и муниципалитетам явно не хватало прежних полномочий не то что для решения хозяйственных задач, но даже для оплаты труда собственных служащих, не говоря уже об обеспечении школ, медицинских учреждений, заготовок продовольствия и предметов первой необходимости для населения. Результаты работы органов самоуправления напрямую зависели от правительственных кредитов, что ставило органы самоуправления в положение вечных просителей и исполнителей, напрямую субсидируемых властью отдельных ее поручений. Стиль взаимодействия правительственной власти и органов самоуправления во всех регионах оказался очень похожим. Стремясь освободиться от обязательств по субсидированию социально значимых сфер экономики, власть перекладывала их на земства и городские органы, но не могла и не особенно стремилась наделять те и другие дополнительными полномочиями и правами, необходимыми для эффективного выполнения возложенных на них обязательств. Квинт-эссенцией всего этого переплетения институциональных противостояний стало множество грозных правительственных постановлений, не подкрепленных реальными санкциями и никем не выполнявшихся.

Интегральное направление экономической политики связано с регулированием прав собственников. На проверку оказалось, что нормализация имущественных правоотношений затрагивала интересы разных

сторон, а сложно сплетенный большевиками клубок новых отношений не позволял вернуться к существовавшему до них положению. Поэтому, независимо от идеологической ориентации политических лидеров, реализация продекларированных намерений происходила с очевидным замедлением и отклонением от первоначальных программ.

На Востоке России Комуч, Временное областное правительство Урала, Временное Сибирское правительство провозгласили курс на денационализацию как процесс, обратный национализации. Но многие предприятия при советской власти подверглись огосударствлению, находясь уже на грани разорения. Собственники покинули их или отказались от управления, считая бессмысленным принимать ответственность за предприятия, которыми фактически не управляли. В первые месяцы 1918 г. советская национализация не была массовой, но сопровождалась переводом на государственное финансирование. Средние и мелкие предприятия принимали под управление местные Советы, но в качестве дотационных либо, формально оставаясь в частной собственности, они фактически управлялись коллегиальными органами, сформированными из рабочих и служащих. Падение советской власти поставило на повестку множество вопросов. Требовалось определить, что делать с долгами промышленных предприятий; как ими управлять до того, как собственники согласятся вернуться и вступить в свои «законные» права. Предстояло определить и полномочия вернувшихся к управлению предприятиями собственников, решать вопрос о продолжении, сокращении или даже о полном свертывании производства.

В результате процедура восстановления прав собственников оказалась сложна и накладывала на них множество допол-

нительных обязательств. Лишь 36 горнозаводских и 9 каменноугольных предприятий Урала и Сибири за восемь месяцев были формально возвращены прежним владельцам³. Остальные крупные промышленные предприятия на Востоке России остались во временном управлении казны и на государственном финансировании. Месяцы ушли на то, чтобы назначить правительственных временных управляющих, чаще всего из бывших инженеров, произвести опись имущества и взаимных финансовых претензий между владельцами и казной, в том числе просроченные налоговые платежи. Очень часто возвращение предприятий оказалось невозможно ввиду отказа владельцев выплачивать налоги и долги за период рабочего самоуправления.

В других регионах можно найти несколько примеров более решительной денационализации. Наиболее значимый пример — денационализация нефтяной промышленности, объявленная первым законодательным актом правительства Азербайджанской демократической республики. Данная мера позволила возобновить добычу нефти после приостановки, к которой привела национализация отрасли⁴.

Результативнее выглядит восстановление прав собственников средних и мелких предприятий промышленности и бытового обслуживания. Большинство из них не требовало юридического переоформления имущественных прав, так как они официально не были национализированы или муниципализированы, а только подверглись незаконному захвату коллективами рабочих и служащих. Их возвращение заняло от нескольких недель до нескольких месяцев. Летом — осенью 1918 г. большинство таких предприятий вернулись в распоряжение прежних собственников. Этому предшество-

³ Дмитриев Н. И. Экономика по Колчаку // Урал в событиях 1917—1920 гг. Челябинск, 1999. С. 145.

⁴ Азербайджанская демократическая республика. Баку, 1998. С. 208; Агакишиев И. Нефтяная промышленность Азербайджана // Азербайджанская демократическая республика: Сб. статей, посвящ. 90-летию Первой республики. Баку, 2008. С. 73.

вала процедура составления комиссиями, созданными городскими властями или местными администрациями, описей передаваемого имущества. В Поволжье, например, власти попытались обязать собственников предприятий сохранить объем производства и контингент работников. Впрочем, сокращение штата на нерентабельных заводах и фабриках, неизбежное в условиях восстановления коммерческих отношений, происходило нелегально. Комитет сам это признал, когда в августе—сентябре 1918 г. начал готовить остановку производства и увольнение всех рабочих группы крупных предприятий Поволжья — Ивашенковских оружейных заводов⁵.

Легче всего происходило восстановление деятельности частных кредитных учреждений. Советская власть, несмотря на поспешную национализацию банков, не успела основательно слить все в единый бюджет, что упрощало операцию возвращения в частное распоряжение соответствующих счетов и балансов. На возобновление работы банков требовались считанные две-три недели, а значит, обмен разных видов денежных знаков, кредитование, безналичные переводы и прочие важнейшие составляющие частного предпринимательства становились возможны, хотя и оставались дорогими. Правда, функционировала банковская сфера с перебоями. Несмотря на предпринимавшиеся усилия, нормальный торгово-промышленный кредит восстановить не удалось. Средства выдавались с ограничениями, банки занимались преимущественно обменными операциями с валютой, финансировали сомнительные и спекулятивные торговые сделки, принимали вклады.

На первый взгляд казалось, что самой простой задачей было возвращение мелкого имущества — инвентаря, скота, предметов домашнего обихода, запасов товаров, изъятых (реквизированных) органами советской власти или отдельными бесчинствовавшими ее представителями. После ликвидации Советов на местах создавались комиссии по возвращению имущества. Население обязывали в течение нескольких дней вернуть имущество, которое осталось брошенным после большевиков, или заявить о полученном при них в пользование, а потерпевшим от изъятий и реквизиций при советской власти — заявить свои претензии⁶. Таким образом, удавалось вернуть собственность только в отдельных случаях.

Часто владельцы не могли ничем подтвердить свои права. Получатели чужого имущества нередко успевали вложить в его содержание собственные средства или труд, предъявляли требования компенсации своих затрат. Таковы, к примеру, многочисленные случаи распределения скота крупных хозяйств между крестьянами. Порой собственники в революционном хаосе утрачивали возможность использовать средства производства, их передавали в прокатные пункты, в пользование органов местного самоуправления или кооперативам. Восстанавливать права собственников ценой остановки производственного процесса или ликвидации недавно созданного предприятия власти не решались. Впрочем, вокруг болезненного вопроса о домашнем имуществе и сельскохозяйственном инвентаре возникло немало спонтанных конфликтов, когда стороны, не рассчитывая на справедливые или просто эффективные

⁵ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 230 об.; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (июнь—октябрь 1918 г.). М., 2011. С. 42.

⁶ Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1918. 9 авг.; Бюллетень правительства Амурской области. Благовещенск, 1918. 25 сент.; Крах германской оккупации на Псковщине. 1918 год. Л., 1939. С. 200—201; Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 161, 242; Интервенция на Северо-Западе России. 1917—1920 гг. СПб., 1995. С. 308, 310; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе. 1918—1920 гг. СПб., 1999. С. 194, 214; Гражданская война в Прикамье: Сборник документов. Пермь, 2008. С. 115.

действия власти, пытались урегулировать взаимоотношения силой оружия.

Намерение восстановить имущественные права осложнялось необходимостью проведения мер по мобилизации экономики, которые невозможно представить без вмешательства в прерогативы собственников. В результате власть одной рукой пыталась восстановить «святое святых», но осторожно, чтобы не спровоцировать социальный взрыв, другой рукой вмешивалась в прерогативы владельцев средств производства, товарных запасов, ссылаясь на логику военного времени.

Один из наиболее ярких примеров — ситуация с Черемховскими каменноугольными

копиями в Иркутской губернии. Они принадлежали нескольким владельцам, объединение которых отказалось принимать копи обратно после нескольких месяцев распоряжения на них рудничных комитетов. Чтобы не сорвать снабжение топливом железных дорог, Российское правительство их национализировало, принудительно выкупив у владельцев по цене, признанной ими катастрофически заниженной⁷. Были и другие случаи национализации предприятий со ссылкой на государственный интерес — конфискация Трибунских каменноугольных копей в Грузии, национализация в ноябре 1921 г. имущества и товаров оперативных союзов в Приморье⁸.

Финансовая политика

Важнейшей задачей любой власти, а для утвердившейся в результате переворота или вооруженного захвата — первоочередной, является формирование доходов и составление бюджета. Положение борцов с большевизмом усугублялось опустошенными кассами отделений банков, полученными в наследство от советской власти, вывезенной красногвардейцами наличностью предприятий, долгами по зарплате. Но будучи сторонниками восстановления нормальных экономических стимулов, лидеры антибольшевистского движения старались свести вынужденный выпуск необеспеченных денег к минимуму. Настоящую ценность для них представляло получение казной реальных доходов. Вполне закономерно сосредоточение усилий власти на восстановлении налогообложения. Наиболее системная и результативная работа в этом направлении велась на востоке России Временным Сибирским,

Временным Всероссийским и Российским правительствами, имевшими единый центральный аппарат и непрерывную законодательную традицию.

В Сибири власть начала с возобновления сбора прямых налогов с деревни — поземельного и земских. Причем, не решившись изменить прежние ставки, но утя сильно пониженную стоимость рубля, власть приняла попытку собрать сразу недоимки и за предыдущие месяцы 1918 г. — период власти Советов. В результате нарушения процесса товарообмена, прекращения заготовок продовольствия приток средств в деревню сократился, но не прекратился полностью. Служащие финансовых органов не без основания полагали значительными излишки денег в деревне, которые рассчитывали извлечь через налоги.

Крестьяне считали вполне законным прекращение сбора налогов советской властью, а попытку выбить налоги за прошед-

⁷ Рышков В. М. Колчаковская национализация: Черемховские копи во второй половине 1918—1919 г. // Гражданская война на востоке России: Проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 87—108.

⁸ Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). 1921. 11, 21 июля; Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики. М., 2019. С. 158.

шие месяцы воспринимали как произвол. Уклонение крестьян от уплаты оказалось вполне естественной реакцией, в том числе и в форме отказов, закрепленных решениями сельских сходов. Собираемость текущих налогов в начале осени 1918 г. составила около половины, однако постепенно она росла и до лета следующего года поземельные платежи поступали достаточно регулярно. Для земств налоговые поступления из деревни оказались очень важны. В первые месяцы они дали возможность содержать аппарат управления и возобновить работу основных служб. Постепенное сокращение земских сборов в 1919 г. заставляло ставить вопрос о прекращении обслуживания территорий, жители которых не платят налоги, закрывать больницы, школы, и даже для большего эффекта — договариваться с кооперативами о прекращении доставки в такие населенные пункты товаров до погашения налоговой задолженности. Что же касается доли государственных поземельных налогов, то они составляли не более 1,5% всех бюджетных поступлений. Ставки налогов не пересматривались с 1915 г. и ко времени Гражданской войны не составляли и десятой доли довоенного обложения. Таким образом, очевидно, что экономический эффект едва ли стоил испорченных отношений с крестьянами. Важно, что расхожее мнение об обложении крестьян как основе существования сибирской контрреволюции является заблуждением или намеренным искажением действительности⁹.

Данное утверждение справедливо и в отношении Юга России. Только нельзя сказать, что проблеме прямых налогов здесь уделяли достаточно внимания. Совет отделов Всевеликого войска Донского

летом 1918 г. пытался собрать недоимки по поземельным налогам за период революции и советской власти, используя экономическое стимулирование. В случае уплаты всей накопившейся суммы в течение первого месяца она взималась без штрафных санкций за просрочку. Не уплатившим налоги в течение льготного периода возобновлялось начисление пени¹⁰.

В законодательстве Особого совещания ВСЮР поземельные сборы упомянуты дважды. В феврале 1919 г. Особое совещание постановило не производить новую раскладку поземельных сборов в Черноморской губернии, а продлить на еще один год раскладку, произведенную на трехлетие 1915—1918 гг. с повышением в 10 раз прежних ставок. Таким образом, весь 1918 г. крестьяне платили поземельные налоги по дореволюционным ставкам. Произведенное в начале 1919 г. повышение едва покрывало инфляцию, но уже без гибкого механизма индексации размеры окладов через несколько месяцев вновь стали ничтожно малыми. Аналогичную норму распространили на Тверскую губернию в мае 1919 г., когда десятикратное повышение уже едва ли могло покрыть расходы на сборы¹¹. Никаких сводных сведений о поступлении прямых налогов на Юге России не сохранилось.

Другим, куда более эффективным, способом пополнить казну явилась реализация запасов спиртного. В России с началом Первой мировой войны был введен запрет на продажу крепких спиртных напитков. По всей стране остались заполненные склады в основном с водкой или спиртом, хранящихся в бочках или цистернах, реже — разлитое в бутылках. Дезертирующая армия и мародерствующие крестьяне в конце 1917 — на-

⁹ Эльцин В. Крестьянское движение в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2—3. С. 17—20; Журов Ю. В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 57—58.

¹⁰ Сборник узаконений и распоряжений правительства Всевеликого войска Донского. 1918. № 2. Ст. 42. С. 70; Ст. 62. Ст. 86—87. (Далее: СУР ПВВД).

¹¹ Собрание узаконений правительства, издаваемое Особым совещанием при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (Краснодар). 1919. № 26. Ст. 158; № 41. Ст. 374. (Далее: СУП ОС ГВС ВСЮР).

чале 1918 г. устроили не один пьяный погром. Одновременно деревня повсеместно пристрастилась к самогонке, на производство которой пускались нереализованные избытки хлеба.

Возобновление продажи запасов водки и спирта являлось очевидным и самым простым способом наполнения правительственный казны путем извлечения из семейных кубышек запасов неотоваренных денег. Самое первое сделавшее такой шаг правительство Дона — Совет управляющих отделами Всевеликого войска Донского, возобновивший с 28 мая 1918 г. казенную продажу спиртного. Вскоре появилась поправка, разрешившая свободное частное изготовление и продажу только вина крепостью до 12°¹². Значительные запасы спирта были доставлены со складов станицы Цимлянская и распроданы населению¹³. С 22 ноября 1918 г. Совет управляющих отделами Всевеликого войска Донского восстановил все правила казенной монополии, действовавшие до Первой мировой войны, а акцизное управление приступило к распределению запасов среди населения. После этого спирт и водка стали открыто продаваться из вновь открытых казенных лавок, а регулярно пересматриваемые цены сделали горячительную продукцию самой доходной частью донского бюджета¹⁴.

На Востоке замысел извлечь средства у населения путем реализации спиртного реализовывался через горячие споры и сопровождался рядом организационных накладок. Два месяца готовивший соответствующий закон Комуч только 10 сентября 1918 г. принял решение о возобновлении

продажи спиртных напитков и не успел фактически ничего сделать¹⁵. Намекаясь реализовать запасы спирта на 49 млн руб., Временное областное правительство Урала столкнулось с необходимостью изыскать примерно 4,5 млн руб. для организации продажи. Из-за отсутствия свободных средств идею пришлось оставить¹⁶.

Зато в Сибири вином старых запасов стали торговать с сентября 1918 г. в городах, но не только для горожан, но и для сельских жителей. Одновременно развернули борьбу с самогонварением. Продавали в ограниченном количестве только в обмен на пустую тару, только на мелкие деньги. Последней мерой власть пыталась преодолеть дефицит разменных денег. В сибирских деревнях вопрос о спиртовозлиянии решали на сельских сходах. Одни деревни принимали решения остаться на самогонке, другие — пить казенку и отправляли в город ходоков с собранными для покупки водки суммами и пустыми бутылками. Милицейские рейды против самогонщиков вызывали в сибирских деревнях серьезное сопротивление вплоть до восстаний.

С 28 декабря 1918 г. на Востоке России восстановили винную монополию¹⁷. Споры вокруг этого шага разгорелись в Сибири не шуточные. Министерство финансов, заботившееся прежде всего о бюджете, поддерживало торговцы в расчете поправить свои дела розничной торговлей спиртным. Кооперативы и органы местного самоуправления критиковали спаивание народа¹⁸. Акцизное управление торговало водкой через свои лавки, частных скупщиков,

¹² СУР ПВВД. 1918. № 1. Ст. 31. С. 47—49.

¹³ Гражданов Ю. Д. Всевеликое войско Донское в годы Гражданской войны (1918—1919 гг.). Ростов н/Д., 2015. С. 34.

¹⁴ СУР ПВВД. 1918. Вып. 5. Ст. 493, 499; 1919. № 28. Ст. 159; № 30. Ст. 179; № 40. Ст. 248.

¹⁵ Вестник Комуча. 1918. 10 сент.

¹⁶ ГАСО. Р-1951. Оп. 1. Д. 5. Л. 144—145 об., 149—150 об.

¹⁷ Правительственный вестник. 1919. 17 янв.

¹⁸ Луков Е. В. К вопросу об отмене «сухого закона» на территории белой Сибири // История белой Сибири. Кемерово, 2003. С. 79—83.

магазины земств и городских продовольственных управ. В первой половине 1919 г. до трети всех поступлений в бюджет Российского правительства давала продажа алкоголя. Российское правительство подтвердило монополию на торговлю сахаром, введенную еще Временным правительством, ввело монополию на продажу игральные карты. Но они не приносили значительных поступлений в бюджет.

Особое совещание ВСЮР пришло к идее возобновления казенной винной монополии достаточно поздно. Только 16 октября 1919 г. оно распорядилось возобновить выкурку спирта и выделку вина с обязательной сдачей всей продукции в казну. Причем, если владелец предприятия отказывался от возобновления производства спиртного, то оно переходило казне¹⁹. На Севере и Северо-Западе власть вообще обошлась без водочных денег. На Дону государственную монополию местного значения ввели на уголь, в Кубани — на табак, на Терек — на нефть, товары, приносившие существенный доход казачьим правительствам соответствующих регионов²⁰.

В антибольшевистском лагере активно росли налоги на предпринимательскую деятельность. Использовались оба возможных пути — и пересмотр порядка и круга облагаемых объектов, и рост ставок косвенного налогообложения. Легкость этого вида доходов слишком очевидна: извлекать средства нужно из сфер, где они обращаются. Даже Комуч в октябре успел возобновить взимание налогов на прибыль, промысловых налогов, расширить круг облагаемых предприятий, а Временное областное правительство Урала тогда же подняло ставки некоторых

акцизов²¹. В Сибири акцизы стали увеличиваться с июля 1918 г., и пересмотр ставок обложения имел «ползучий» характер — то на спички и сахар, то на пиво и дрожжи, то на нефтепродукты. Впрочем, порой сложно понять, обгоняли они инфляцию или плелись у нее в хвосте. То же самое происходило и в других центрах антибольшевистского движения²². Намного позже обратили внимание на несоответствие акцизов обесценившемуся рублю власти на Юге России. Особое совещание ВСЮР только в марте — июне 1919 г. шестикратно увеличило ставки акцизов на нефтепродукты, акцизы с вина — до 60 руб. с ведра. Выросли ставки акцизов и для других товаров. С учетом экономической ситуации законодатели активно меняли соотношение акцизных ставок, вводили дополнительные сборы, повышающие или понижающие обложение отдельных товаров. Патенты на право торговли пересматривали одновременно с акцизами²³. Здесь власть тоже нередко действовала с большим опозданием. Например, 23 октября 1919 г. Особое совещание установило акциз на соль, добываемую или ввозимую. Решение приняли на гребне успешного наступления на север, но в следующем месяце оно захлебнулось²⁴.

Акцизы нигде не пересматривались комплексно. Законодателям приходилось периодически подстраиваться под менявшуюся ситуацию в сфере торговли, корректируя ставки и порядок взимания прямых и косвенных налогов. Совет отделов Всевеликого войска Донского отменил государственный квартирный налог и налог на личные промысловые занятия, промысловые налоги с мелких предприятий, пошел на некоторое сокращение налога на прирост

¹⁹ СУП ОС ГВС ВСЮР. 1919. № 45. Ст. 418.

²⁰ Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 221.

²¹ Вестник Комуча (Самара). 1918. 4 окт.

²² СУР ПВВД. 1918. № 2. Ст. 87, 118; № 3. Ст. 209, 210.

²³ СУП ОС ГВС ВСЮР. 1919. Особый вып. Ст. 28; № 18. Ст. 97, 98, 99, 106; Собрание узаконений и распоряжений Верховного управления и Временного правительства Северной области. Архангельск, 1918. № 5. Ст. 266 (Далее: СУР ВУСО).

²⁴ СУП ОС ГВС ВСЮР. № 45. Ст. 419.

прибылей, так как прежний порядок показывал фантастический номинальный рост прибыли даже на совершенно убыточных предприятиях. Именно это обстоятельство вело к тому, что донское законодательство запрещало взимать с предприятий совокупные прямые налоги, превышавшие 70% прибыли²⁵. Такие же пороги действовали и в Сибири, правда, они запрещали взимать у предприятий более 90% прибылей.

В установлении новых налогов власть оказалась не очень изобретательна. На Востоке России установили сборы с телеграмм, обложение газетных объявлений, но они приносили сущие гроши. На Севере России дополнительным налогом обложили квартплату, электроэнергию, на Дону — трамвайные билеты, ввозимый уголь. Повсеместно был введен сбор с билетов на увеселительные мероприятия: на Дону в размере от 15 до 60% в зависимости от цен билетов, на Востоке России — 25%. В Северной области он взимался в размере четверти стоимости целенаправленно для содержания фронтовых солдатских лавок²⁶.

На Востоке России акцизы приносили больше доходов казне, чем все прямые налоги вместе взятые, а до введения винной монополии и вовсе давали около половины всех доходов. Другим важным источником в Азиатской части России стало обложение внешней торговли. Несмотря на полную разбалансировку торговли, особенно внешней, таможенные сборы стали серьезным источником доходов в казну, иногда превышавшим поступления от акцизов. На Востоке России работало около сотни таможенных постов. Примерно половину дохода давала Владивостокская таможня²⁷. На Севере России случился еще более очевидный перекос с налогами, так как тамо-

женные и корабельные сборы являлись очень важным источником денежных поступлений правительства, несмотря на почти десятикратное сокращение товарооборота Архангельского морского порта по сравнению с годами Первой мировой войны²⁸. На Юге России Особое совещание ВСЮР восстановило дореволюционные размер таможенных сборов с 6 ноября 1918 г., полностью освободив от них товары, направленные для снабжения армии.

Нельзя не отдать должного работе теоретической мысли в области налогового законодательства. На Востоке России Министерство финансов Российского правительства серьезно разрабатывало проекты реформ, отводя в перспективе решающее место прямым налогам с подоходным прогрессивным принципом. На Юге России при Особом совещании ВСЮР работала комиссия по разработке новых налоговых законов. До лета 1919 г. они также пытались делать ставку на прямое налогообложение. С лета 1919 г. руководитель управления финансов Особого совещания ВСЮР М. В. Бернадский основные надежды стал возлагать на косвенные налоги.

Ни в одном из регионов, подконтрольных антибольшевистским правительствам, не удалось получить доходов, даже на короткий период покрывавших значительную часть расходов. Российское правительство в ноябре 1918 — феврале 1919 г. примерно на 20% профинансировало свои расходы за счет налоговых поступлений. В остальные месяцы положение было намного хуже, а во второй половине 1919 г. налоги не составляли и нескольких процентов. Статистика налоговых сборов остальных антибольшевистских правительств отсутствует, но едва ли они покрывали сколько-нибудь

²⁵ СУР ПВВД. 1918. № 3. Ст. 136, 137, 140, 141. С. 140—144.

²⁶ Там же. № 2. Ст. 94. С. 109; 1919. № 42. Ст. 254; Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства Северной области. 1919. № 15. Ст. 451. (Далее: СУР ВПСО).

²⁷ См.: Вестник финансов, промышленности и торговли. Омск, 1919. № 12. С. 20. № 14. С. 19—20.

²⁸ СУР ВУСО. № 15. Ст. 262, 269; см.: Овсянкин Е. И. На изломе истории: События на Севере в 1917—1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск, 2007. С. 508.

значимую долю расходов. На Юге России Добровольческая армия с лета 1918 г. стала практиковать контрибуции как эрзац налогов с населения. Ими облагали отдельные населенные пункты, а часто их накладывали на предпринимателей. В 1919 г. с ростом численности воинских подразделений и протяженности фронтов перебои с финансированием никуда не исчезли, и обеспечение армии нередко зависело от таких поборов с населения²⁹.

Очевидно, что сколь бы отрицательно не относились руководители финансовых ведомств к эмиссии, они всегда были главным источником поступлений. Начиналось все с выпусков бонов, займов и других временных денежных суррогатов местного или регионального хождения, призванных обеспечить оборот разменными знаками, подлежащими по условиям выпуска обмену на законные общероссийские деньги после восстановления государственного единства и стабилизации экономического положения. Но обесценивание денег, лишь подогревавшееся местными эмиссиями, вело к тому, что в считанные месяцы местные деньги вытесняли в обороте общероссийские, и денежное пространство России быстро стало напоминать лоскутное одеяло, в котором каждый регион имел по несколько видов местных денег, доминировавших в обороте отдельных губерний или даже уездов. В то же время возникала конкуренция между многочисленными денежными знаками. Шансы занять лидирующие позиции имели, во-первых, денежные знаки, исполненные качественнее, что затрудняло подделку и ветшание, а, во-вторых, деньги, лучше обеспеченные товарами. Власть, способная предоставить товары в обмен на выпущенные ими деньги, таким образом укрепляла свою валюту относительно курса остальных денежных знаков.

Приверженцы нормализации денежного обращения, белые правительства старались принять меры по унификации денег путем замены местных бонов на общероссийские. Но такие обмены требовали многоходовых операций. Сначала местные денежные знаки проходили признание со стороны «центрального» правительства путем наложения штемпелей. Затем происходил плановый обмен местных денег со штемпелями на общероссийские денежные знаки. На Востоке России унификацию производило Российское правительство, обменивавшее с октября 1918 г. до лета 1919 г. 9 из 27 видов денежных знаков местного обращения, распространенных в Поволжье, на Урале и на Дальнем Востоке. Обмену подлежали наиболее крупные эмиссии, в том числе и советские.

На Юге России в качестве политической силы, осуществлявшей централизацию и общее регулирование денежного обращения, пыталось выступить Особое совещание ВСЮР, постановлениями от 30 января и 23 марта 1919 г. определившее перечень местных выпусков, которые подлежат принятию в качестве денежных знаков и последующему обмену на общероссийские. При этом одни местные выпуски приравнивались к общероссийским деньгам, а хождение других ограничивалось территориально и по времени³⁰. Сложность заключалась в том, что Особое совещание ко времени принятия соответствующих постановлений не только не являлось монопольным эмитентом денег на Юге России, как Российское правительство на востоке, но и вообще зависело от Дона как главного эмиссионного центра, на территории которого располагалась Экспедиция заготовления ценных бумаг. Выпущенные Особым совещанием правила денежного обращения несколько раз корректирова-

²⁹ Карпенко С. Г. Налоговая политика белых правительств на Юге России // Экономический журнал. 2011. № 24. С. 113.

³⁰ СУП ОС ГВС ВСЮР. 1919. Особый вып. Ст. 18.

лись и дополнялись. В частности, некоторые советские выпуски денег Северного Кавказа пришлось менять не на общероссийские рубли, а на местные же денежные знаки позднего времени. Несмотря на болезненность денежных обменов, доставлявших множество неудобств и потрясений на товарном рынке, в целом они не стали большим шоком для экономики. Это было связано с быстрым обесцениванием денег.

Как только эмиссия денег прекращалась, они за несколько месяцев успевали сильно обесцениться, их вытесняли более поздние выпуски, а старые превращались в «разменную мелочь». Обмен таких купюр, даже если он носил конфискационный характер, не причинял большой травмы денежному обращению. Но в совокупности такие обмены плохо сказывались на состоянии экономики и способствовали ее бартеризации.

Организация торговли, работы промышленности и решение продовольственного вопроса

Политика в области регулирования товарообращения на разных территориях претерпела схожую эволюцию, отличавшуюся порой резкой динамикой и ярко выраженной местной спецификой. На курс того или иного правительства влияла не только идейно-политическая доктрина, но и экономико-географическое положение, принадлежность к производящей или потребляющей продовольствие территории.

Даже социалистические по своему составу правительства, такие как Комуч и Верховное управление Северной области, начав с провозглашения передачи продовольственного дела в распоряжение органов местного самоуправления и кооперации, быстро эволюционировали в сторону все более жесткого государственного регулирования торговли основными продуктами (хлеб, мясо, масло, сахар, соль, кожи) и ограничения свободы купли-продажи всем остальным. Комуч, находившийся в центре хлебного региона Среднего Поволжья, передал крупные заказы на заготовку хлеба поволжским кооперативным союзам и региональному отделению Центросоюза, а для понижения рыночных цен на хлеб согласился открыть биржевую скупку в Самаре под руководством учре-

жденного специально для этой цели Хлебного совета — государственно-общественного органа.

Сочетание упомянутых мер стимулировало предложение и привело к временному снижению цен на хлебном рынке. Но нормального обеспечения другими потребительскими товарами в условиях разрыва связей с центральным промышленным районом добиться оказалось невозможно. Комучу пришлось пойти на экстраординарные меры. Накануне чехословацкого выступления в Среднее Поволжье большевистские продовольственные органы завезли и сосредоточили на складах большую партию товаров для проведения товарообменных операций. Ими и воспользовалось социалистическое правительство для пополнения казны, обеспечения товарами населения и обмена их на продовольствие.

Временное Сибирское правительство сразу ввело регулируемую торговлю основными продуктами питания (хлеб, мясо, масло)³¹. Реализация этого замысла потребовала создания аппарата губернских и уездных уполномоченных по продовольствию, регистрации ими всех организованных торговцев, которым разрешались сделки на рынке. На это ушло около двух месяцев. За государ-

³¹ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. № 3. Ст. 24, 26, 27.

ством оставили приоритетное право заготовки указанных товаров через оптовых контрагентов по твердым ценам, а также заготовки всего, что необходимо для снабжения армии и населения, но уже на свободном рынке. Не скупленные казной хлеб, масло и мясо поступали на свободный рынок по твердым ценам, но приобретать их для розничной торговли можно было только на основании выданных уполномоченными разрешений. При этом законодательство четко оговаривало, что меры регулирования не касаются производителей сельскохозяйственной продукции, которые вольны продавать ее оптовым скупщикам или розничным покупателям в деревне и в городе без ограничений. Все прочие товары, в том числе продовольственные, обращались на рынке свободно, а казна их заготавливала в конкуренции с кооперацией и частными торговцами. В августе правительство образовало министерство снабжения с аппаратом местных уполномоченных. Они занимались заготовками непродовольственных товаров для казны.

Кратковременные позитивные результаты для сибирской экономики не вызывают сомнения. Городские рынки наполнились продуктами местного производства, возобновилась работа сельских ярмарок, улучшилось товарное разнообразие. Но уполномоченные по продовольствию и снабжению, не способные конкурировать с общественными и частными организациями из-за недостатка казенных средств, стали ограничивать вывоз, пытаясь административным давлением принудить к приоритетному обслуживанию нужд казны. Для привозных товаров главной проблемой в условиях полного расстройств транспорта стала доставка. Оттого цены оставались нестабильными, основные дивиденды получали перекупщики и спекулянты.

Поэтому 10 ноября 1918 г. уже Российское правительство под давлением частных торговцев пошло на отмену государственно-

го регулирования торговли³². Казна отныне должна была считаться с рыночными ценами при заготовках любых товаров. Примечательно, что в это время представители крупного частного капитала предлагали заменить государственное регулирование саморегулированием. Наметилось явное противостояние крупных капиталистов мелким спекулянтам нового поколения, успешно вытеснявшим крупные торговые фирмы с рынка.

Впрочем, свобода торговли оказалась вновь замкнута на местный рынок, а межрегиональный торговый оборот остался сферой государственного регулирования. Правительство распределяло квоты на товарные вагоны, отдавая приоритет снабжению армии и собственных ведомств. Небольшие квоты выделяли так называемым квалифицированным персвозчикам — кооперативным союзам, крупным фирмам и органам городского самоуправления. Планы перевозок срывались, и товарные поезда оказывались наполнены спекулятивными товарами, перевозимыми за взятки. Казенные грузы, в том числе и военные грузы, находились на складах или вагонах, застрявших на станциях без движения, а спекулятивные товары — нелегально, но весьма быстро доставлялись в нужные места и продавались на рынках с солидной переплатой за риск и покрытие издержек на доставку. В условиях распада хозяйственных связей, инфляции и безработицы население массово втянулось в торговлю товарами или личным имуществом. Продавали даже места в очередях, а перекупка стала нормой повседневной жизни. Действия спекулянтов, крупных воротил нелегальной торговли и людей, отчаянно борющихся за выживание, часто невозможно было юридически отделить друг от друга.

Единственным действенным вариантом преодоления стихии рынка казалось жесткое распределение. Его часто отдавали на откуп городским органам власти, вводив-

³² Правительство вестник (Омск). 1918. 14 дек.

шим продовольственные талоны и карточки. Города осуществляли заготовку и распределение десятков товаров, сбывая их через городские продовольственные лавки. Через разные сценарии организации централизованных заготовок, коммерческих и по твердым ценам, прошли почти все правительства антибольшевистского лагеря.

Так, 8 мая 1918 г. Отдел внутренних дел Всевеликого войска Донского упразднил местные продовольственные органы с передачей всех их дел кооперативам и объявил на территории войска свободную торговлю. Но вывоз продовольственных товаров, скота, сельскохозяйственных машин за пределы войска допускался только по специальным разрешениям³³. Очень скоро, 2 сентября 1918 г., в составе Совета управляющих отделами появился отдел продовольствия, который кардинально расширил список предметов первой необходимости, включив в него шерсть, овощи, соль, железо, кожи, мануфактуру и многое другое. На подобные товары устанавливались твердые цены. Хлеб и фураж заготавливались путем разверстки между станичными правлениями требуемого для снабжения армии количества. Станицы, комплектовавшие воинские подразделения, сами снабжали своих казаков всем необходимым. С 5 октября 1918 г. на территории, подконтрольной войску, вводилась настоящая разверстка хлебопродуктов. За вычетом хлеба и фуража, необходимого для прокормления наличных едоков, скота и обсеменения, остальные запасы подлежали сдаче донским войсковым властям по твердым ценам³⁴.

Совет управляющих отделами Всевеликого войска Донского использовал запреты на вывоз большинства товаров местного производства за пределы войсковой терри-

тории, чтобы сформировать запасы для казны. В дальнейшем он только усиливал масштаб регулирования товарного обращения, введя твердые цены на свинину и сало, учет и разрешительный принцип торговли растительным маслом и жмыхами³⁵. Впрочем, издержки в виде колоссальных неплательщиков быстро поразили донскую заготовительную систему. Уже в ноябре 1918 г. войсковой контроль выявил договоры с поставщиками по ценам, в 2—3 раза превышавшим рыночные, раздачу контрагентам миллионных авансов без всякого обеспечения, и нередко — безвозвратно. Товары, полученные для обмена на продовольствие, запускались в перепродажу. В результате долгов у отдела продовольствия за кооперативами и частными лицами накопилось к октябрю на 189 млн руб.³⁶

Кубанское краевое правительство первоначально сосредоточило регулирование продовольственным делом в ведомстве земледелия и только в начале 1919 г. образовало специальный орган. К тому времени вывоз основных продовольственных товаров с Кубани был запрещен, но делались многочисленные исключения. Твердые закупочные цены устанавливались очень низкие, а продажные для населения из фискальных соображений — высокие. В итоге ведомство продовольствия и снабжения видело свою миссию в выдаче разрешений на вывоз, которыми потом торговали на рынке. Кроме того, вопреки многочисленным запретам, в регионе шла нелегальная торговля всеми товарами по рыночным ценам, нередко оказывавшимся ниже казенных отпускных, шел активный вывоз продовольствия за пределы края, а законодательные запреты население предпочитало игнорировать³⁷.

³³ СУР ПВВД. 1918. Вып. 1. Ст. 4. С. 13—14; № 2. Ст. 48. С. 76—77; Ст. 95. С. 109.

³⁴ Там же. 1919. № 5. Ст. 277. С. 273; Ст. 342. С. 332—335; № 1. Ст. 16. С. 12.

³⁵ Там же. 1919. № 1. Ст. 6—7. С. 6—7; № 9. Ст. 45. С. 44.

³⁶ Гражданов Ю. Г. Всевеликое войско Донское (1918—1919 гг.). Ростов н/Д., 2015. С. 182.

³⁷ Хлебная кампания: Вывоз подсолнечника // Вольная Кубань. Краснодар, 1918. 14 сент.; Постное масло // Вольная Кубань. 1918. 21 окт.; Скобцов Д. Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. М., 2015. С. 368.

Огромную проблему создавали бюджетный недостаток средств в распоряжении отдельных государственных образований и порождаемые данным обстоятельством неплатежи за поставки продовольствия. В частности, Добровольческая армия получала продовольствие от Кубанского казачьего войска, расплачиваясь с большим опозданием, что являлось источником постоянных конфликтов, а главное, порождало рост неплатежей и в конце концов превращалось порой в изъятие продовольствия у крестьян под квитанции³⁸.

Продовольственный вопрос оставался одним из важнейших и для небольших государственных образований. Но слабость власти и нестабильность контролируемой территории часто не позволяла заниматься разработкой продуманных мер. Достаточно рассмотреть один типичный пример. Северо-Западное правительство в сентябре—октябре 1919 г. сумело наладить продовольственное снабжение населения Нарвского, Ямбургского и Гдовского уездов через земские, городские и общественные службы, которые получили право на заготовку всего необходимого. При этом правительство нормативно заготовки не регулировало. Жители городов и беженцы получали хлеб по карточкам, а порядок нормирования определяли власти городов³⁹. Непреодолимая проблема заключалась в отказе крестьян поставлять товары за денежные знаки Северо-Западного правительства. Они требовали в обмен импортные товары. Так, в изобильном крае армия оставалась без продовольствия, питаясь тем, что отбирала у населения силой. Впрочем, частные торговцы частично смягчали проблемы. Разрешенный прави-

тельством свободный частный ввоз товаров в Северо-Западную область позволил им обменивать продовольствие у крестьян на товары, снабдить ими население городов, хотя и по спекулятивным ценам⁴⁰.

В октябре в ходе успешного наступления армии правительство развернуло шумную акцию по подготовке снабжения голодающего Петрограда. Не имея собственных средств, оно обратилось к международным благотворительным организациям, а также через сложные заемные схемы под залог будущих выплат из павшего под ударами белых Петрограда договорилось оплатить поставляемые в кредит хлеб, овощи, соль, сахар, дрова⁴¹. Наконец, стремительный откат от северной столицы войск Юденича смял все кредитные схемы. Итогом стали поступившие на нарвские склады 400 тыс. пудов продовольствия, доставшиеся голодному населению и отступавшей армии⁴².

Сфера продовольствия и снабжения оставалась самой динамичной, в ней концентрировались все запасы денежной наличности, генерировались активность населения и власти. Иначе обстояли дела в наиболее депрессивной сфере экономики в годы Гражданской войны — индустриальной. Для сохранения производства, особенно военного, вырабатывались экстраординарные меры по государственному регулированию снабжения и сбыта.

Например, на Дону еще в мае 1918 г. все запасы угля и металлов, а также вновь добываемый уголь и производимый металл поступали в распоряжение отдела промышленности и торговли⁴³. Они шли либо на внутреннее промышленное потребление казенных предприятий, либо вывозились

³⁸ Карпенко С. В. «Крамola на Кубани»: Экономика и политика (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2009. № 20. С. 81—82.

³⁹ Хроника Северо-Западного правительства // Свободная Россия (Таллин). 1919. 17 окт.

⁴⁰ Ввоз продовольствия в Северо-Западную область // Свободная Россия. 1919. 6 нояб.

⁴¹ Что делает Северо-Западное правительство для Петрограда // Свободная Россия. 1919. 21, 22, 23 окт.; Хроника Северо-Западного правительства // Свободная Россия. 1919. 15 нояб.

⁴² Деятельность министерства продовольствия // Свободная Россия. 1919. 8 нояб.

⁴³ СУР ПВВД. 1918. № 1. Ст. 23. С. 43.

для обеспечения доходов в казну. На нефть и продукты ее переработки устанавливались твердые цены, контроль правительственных органов над торговлей и приоритетное право покупки казной⁴⁴.

На Востоке России основной промышленной базой до лета 1919 г. оставался Урал, где была сосредоточена значительная часть предприятий азиатской части России по добыче руды, производству черного и цветных металлов, металлообработке. Для преодоления упадка производства требовалась реализация уже имевшихся на заводах запасов изделий из металлов. В то же время Сибирь буквально стонала без кровельного железа, сельскохозяйственного инвентаря и многого другого. С целью поиска путей преодоления промышленного зстоя осенью 1918 г. в Екатеринбурге организовали Уральский промышленный комитет, во многом унаследовавший управленческие функции Уральского заводского совещания. Он распределял между заводами сырье, необходимое для возобновления производства, заказы на готовую продукцию, кредиты, регулировал цены на предметы уральского производства.

Важнейшим условием возобновления работы уральских заводов стала поставка продовольствия на Урал, организованная Российским правительством в виде маршрутных поездов с сибирским хлебом в адрес уральских горных округов. Результат можно признать вполне удовлетворительным в тех непростых условиях транспортной разрухи и недостатка наличности. Сибирские кооперативы закупили на Урале крупные партии железа и скобяных изделий, запасных частей. Возобновились поставки вагонов и рельсов уральского про-

изводства на железные дороги. Серьезным успехом стало налаживание производства оружия и боеприпасов⁴⁵.

Большинство предприятий, работавших на оборону или снабжавших железные дороги, делали это в условиях гарантированного сбыта, но по твердым ценам, не покрывавшим издержки производства и содержания рабочей силы. Именно поэтому столь вожделенное восстановление промышленности и транспорта только порождало клубок новых сложнейших проблем. Яркий пример — это нефтедобыча в Азербайджанской демократической республике после ее денационализации. Производство стало возможным благодаря возобновлению сбыта и надеждам на прибыль. Действительно, в 1919 г. англичане проявили заинтересованность в снабжении интервенционистских сил Причерноморья нефтепродуктами, что позволило восстановить работу трубопровода Баку—Батум и наладить поставку нефти и керосина в этот черноморский порт. Однако англичане покупали нефть по таким низким ценам, что владельцам промыслов не удавалось окупить производство, и они терпели убытки. Британия же продавала бакинскую нефть по мировым ценам, получая десятикратную прибыль. Кроме того, крупным потребителем нефти стала Грузия, так и не заплатившая Азербайджану за полученное в кредит топливо. В результате поставившая на внешние рынки чуть более 6 млн пудов нефти и керосина республика имела в своих хранилищах около 85 млн пудов добытых, но не проданных нефти и нефтепродуктов⁴⁶. Кризис неплатежей вновь остановил работу нефтепромыслов, оставив владельцев с долгами и возмущенными рабочими.

⁴⁴ СУР ПВВД. 1918. № 2. Ст. 123. С. 128—131.

⁴⁵ Дмитриев Н. И. О производстве оружия и боеприпасов для «белой» армии адмирала А. В. Колчака // Великий подвиг народа. Екатеринбург, 1995. С. 105—107; Он же. Пермский пушечный завод при белогвардейцах // Первые уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 1997. С. 66—68.

⁴⁶ Азербайджанская демократическая республика. Баку, 1998. С. 96—97; Агакишиев И. Нефтяная промышленность Азербайджана // Азербайджанская демократическая республика: Сб. статей, посвящ. 90-летию Первой республики. М., 2008. С. 72—75.

Таковы общие проблемы производства, работавшего в условиях инфляции, распада хозяйственных связей и правовой неопределенности. В антибольшевистском лагере ситуация осложнялась отсутствием налаженного централизованного снабжения рабочих стратегических производств и несистемностью бартерных отношений. Порой трудно понять, как могли действовать месяцами, а то и годами отдельные предприятия, терпящие сплошные убытки.

Общей проблемой антибольшевистских окраин являлся разгул спекуляции, с которым тем не менее пытались бороться правовыми методами. Сложность представляла точное определение спекуляции, согласование буквы закона с реалиями Гражданской войны. Любая торговля преследует извлечение прибыли. В условиях инфляции, транспортного коллапса и медленной оборачиваемости денег торговцы вынуждены были закладывать в продажную цену издержки от падения курса рубля, медленную оборачиваемость капитала, оплату «мзды» за транспортировку товаров и преодоление административных барьеров. Потому, чтобы не остаться в проигрыше, предприниматели продавали товар в разы выше, чем документально обозначенная цена закупки, что законодатель мог легко отнести к извлечению сверхприбылей.

Постановления о борьбе со спекуляцией принимали практически все антибольшевистские правительства, начиная с первых месяцев утверждения у власти. Однако меры противодействия оставались в правовом поле, поэтому торговцы карались за нарушение предельных цен на отдельные товары или сокрытие дефицитных товаров с явной целью спровоцировать повышение цен на рынке⁴⁷. Широко распространенной

мерой стала обязательная выдача свидетельств на право торговли биржевыми обществами или уполномоченными властью должностными лицами. Приказ по отделу торговли и промышленности Всевеликого войска Донского 18 июня 1918 г. вводил более сложный комплекс мер. Помимо запрета торговать без свидетельств, что не выходило за рамки дореволюционного законодательства, вводилось обязательное официальное оформление торговых сделок, хранение товаров только на складских помещениях с подачей учетных сведений о товарных запасах. Для надзора за исполнением создавалась специальная комиссия по борьбе с дороговизной и спекуляцией при отделе торговли и промышленности, которая спустя три месяца настолько запутала свои дела и обросла непонятными операциями, что потребовалась масштабная ревизия дел самой этой «антиспекулятивной» комиссии⁴⁸. А. И. Деникин долгое время для борьбы со спекуляцией старался усилить контроль военных над экономическими процессами и делал ставку на проверку Государственным контролем договорных отношений казны с частными торговцами. Меры эти никак не влияли на уровень коррупции и степень поражения сферы товарообращения вирусом спекуляции⁴⁹. В Сибири уполномоченные Министерства продовольствия и снабжения пошли по пути объявления постановления на учет и регистрации отдельных товаров специальными постановлениями, действовавшими в пределах отдельных губерний и областей.

На Востоке и на Юге России развернулась целая дискуссия между разными ведомствами, а также в прессе о правильном определении спекуляции. В результате

⁴⁷ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 394.

⁴⁸ СУР ПВВД. 1918. № 2. Ст. 82, 90; Вып. 5. Ст. 444.

⁴⁹ Карпенко С. В. Экономический кризис и коррупция: Из истории тыла белых армий Юга России (1918—1920) // Экономический журнал. 2015. № 1 (37). С. 115—120.

Российское правительство постановлением от 11 марта 1919 г. отнесло к спекуляции «умышленное неоправданное возвышение цен», предлагая его карать конфискацией товаров и лишением свободы до 3 лет, а Особое совещание ВСЮР 1 ноября 1919 г. ввело закон об уголовной ответственности за спекуляцию. Мерой наказания была назначена смертная казнь или каторжные работы от 4 до 20 лет, а при повторном совершении спекулятивного деяния смертная казнь становилась неизбежной⁵⁰.

Введение твердых цен только усиливало стремление укрывать товарные запасы от контроля властей. Поэтому наиболее действенным методом обеспечения армии и создания для стратегически важных предприятий необходимых запасов оставались реквизиции. К ним прибегали практически все антибольшевистские правительства, одни стыдливо признавали их допустимость, но в ограниченном объеме, лишь в крайних случаях боролись с возможными злоупотреблениями, другие сразу пытались регламентировать применение реквизиций как одного из ключевых методов взаимодействия с производителями и держателями товарных запасов. Практика реквизиций получила широкое распространение еще в годы Первой мировой войны и при ее проведении в 1918—1920 гг. на окраинах России органы власти опирались на имевшуюся нормативную базу и дореволюционный опыт тыловых учреждений. В частности, дореволюционное законодательство допускало реквизицию необходимых для армии товаров по твердым ценам, а для организации заготовок царское правительство создало огромный местный заготовительный и продовольственный аппарат, опыт и кадры которого очень пригодились.

Практика реквизиций стала применяться настолько широко не только на фронте,

но и в тылу, что уже органы высшей власти принимали решения поставить под контроль деятельность отдельных ведомств и воинских частей. Дух эпохи красноречиво передают некоторые законодательные «кульбиты». Постановление Совета управляющих отделами Всевеликого воска Донского от 7 ноября 1918 г. обязывало все учреждения и лица, производящие реквизиции, информировать отдел торговли и промышленности о количестве и цене реквизированного⁵¹. Но уже в феврале 1919 г. донские власти поставили реквизиции «на поток», предусмотрев право любых учреждений и общественных организаций производить заготовки для нужд армии и правительственных учреждений путем изъятия у городских обывателей одежды, обуви, посуды, продуктов⁵². Как уже упоминалось, донские законы допускали и реквизицию продовольствия у крестьян и казаков.

На Востоке России реквизиции по отношению к производителям продовольственных продуктов не применяли. Зато изъятия у торговцев получили широкое распространение. Еще осенью 1918 г. в городах и на станциях железных дорог реквизиционные комиссии выявляли бесхозные грузы, которых оказалось немало в связи с перерывом сообщения с центром страны. Реквизированные товары реализовывали через кооперативы и частные фирмы. Когда весной 1919 г. спекуляция товарами, привозимыми с Дальнего Востока в обход правил перевозки, приобрела широкий масштаб, Российское правительство пошло по пути ревизий, введя контроль на железнодорожных станциях. В результате только на станции Иннокентьевская Иркутской губернии скопилось 450 вагонов реквизированных грузов, что ощутимо усиливало транспортный коллапс.

⁵⁰ Правительственный вестник (Омск). 1919. 26 июня; СУРП ОС. 1919. № 35. Ст. 222.

⁵¹ СУР ПВВД. 1919. № 5. Ст. 443. С. 429.

⁵² Там же. № 17. Ст. 88. С. 104—106.

Еще одну серьезную проблему представляли грузы, скопившиеся в портах. Прибывавшие во Владивостокский порт товары и казенные грузы не успевали вывозить еще в годы Первой мировой войны. В результате 50 млн пудов товаров переполнили склады и мешали разгрузке вновь прибывавших судов. Совнарком решил поступить со скопившимися грузами революционно, образовав в марте 1918 г. Чрезвычайную комиссию по разгрузке Владивостокского порта. Комиссия часть грузов направляла в центр страны, другая стала распродавать российским и иностранным фирмам. Конечно, интересы законных владельцев нарушались самым жесточайшим образом⁵³. Но, с экономической точки зрения, меру следует оценить как оздоровительную — омертвелый капитал возвращается в оборот, удовлетворяя чьи-то насущные потребности.

Российское правительство не сразу решилось продолжить начатую большевиками практику. 17 июня 1919 г. им была образована комиссия по реквизиции и продаже некоторых товаров на складах Владивостокской таможни⁵⁴. Грузы в первую очередь реквизировались в пользу министерств, нуждавшихся в тех или иных товарах. Примечательно, что на заключительном этапе Гражданской войны распродажа бесхозных товаров со складов таможни и порта Владивостока приобрела еще больший масштаб. На протяжении 1920—1922 гг. власть меняла политическую окраску от пробольшевистской до промонархической, одна комиссия по разгрузке порта сменяла другую, но все они занимались распродажей портовых товаров. Причем поступления от продажи составляли солидную долю всех доходов региональных правительств Приморья.

Еще одним важным источником пополнения бюджета представлялась продажа сырья. В условиях непрерывного и катастрофического падения производства почти единственное надежное поступление средств можно было обеспечить лишь за счет продажи сельскохозяйственного или промышленного сырья. Для организации централизованного экспорта Российскойское правительство образовало Комитет по внешней торговле. Выяснилось, что ничего, кроме пушнины, при существующем состоянии промышленности и транспорта вывезти просто невозможно. Масштабы заготовки пушнины в Сибири и на Дальнем Востоке начали стремительно сокращаться еще в годы Первой мировой войны в связи с мобилизациями охотников, недостатком охотничьих припасов, перебоев в функционировании мировых рынков. В годы Гражданской войны положение усугубилось изъятием охотничьего оружия и боеприпасов воюющими сторонами.

Тем не менее в 1918 г. сибирские кооперативы организовали заготовку пушнины с последующей оплатой после реализации на американском рынке. Частники скупали пушнину дешевле, но платили сразу. Правительство разрешило вывоз кооперативной и частной пушнины на сумму 400 млн руб. Но продажа на мировом рынке занимала многие месяцы. За пушнину, заготовленную в 1917/18 г., кооперативы выплатили охотникам только в начале 1920 г., притом обесценившимися деньгами, не покрыв даже себестоимость добычи. Средства, вырученные от продажи партий пушнины в конце 1919 — начале 1920 г., до охотников не дошли⁵⁵. Дальневосточные рубежи стали местом деловой активности американских торговцев. Они скупали пушнину

⁵³ Крушанов А. И. Мероприятия советских и партийных органов Сибири и Дальнего Востока по выполнению ленинской директивы по разгрузке Владивостокского порта в 1918 г. // Ленин и борьба за установление советской власти на Дальнем Востоке (1917—1922). Владивосток, 1984. С. 29—37.

⁵⁴ Правительственный вестник (Омск). 1919. 26 июля.

⁵⁵ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 17. С. 9; № 21. С. 17; Шиша А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1922. С. 39.

пу за бесценок или в обмен на дешевые товары, главным образом — спирт и табак, и вывозили контрабандой. Такая схема оказалась невыгодна для правительств, но не для охотников, получивших от продажи американцам пусть небольшую, но ручку товарами и деньгами.

В значительной мере от экспорта зависело и положение Северной области. Временное правительство Северной области пыталось ввести государственный контроль над внешней торговлей через созданный специально для этого междуведомственный комитет⁵⁶. Союзники действовали с большим напором и сосредоточили контроль над вывозом в Союзном комитете снабжения, передав британским коммерсантам 74% всего вывоза. Они же стремились к организации концессионной добычи ценных металлов на Кольском полуострове, испрашивали право вести геологическую разведку под организацию горнодобывающих предприятий⁵⁷. Впрочем, этим замыслам не суждено было осуществиться.

Не менее остро стоял вопрос об экспорте сельскохозяйственного сырья и в районах, оказавшихся под германской оккупацией. На Украине единственной возможностью получить импортные товары, в которых при развале производства и хозяйственных связей остро нуждалось население, было организовать экспорт зерновых в Восточную Европу. Но германское оккупационное командование крепко держало эту экономическую артерию в своих руках. На Украине германское командование с апреля 1918 г. установило монополь-

ную заготовку хлеба по твердым ценам через Центральное закупочное бюро. Частная и кооперативная скупка разрешалась только на условиях комиссионной поставки для бюро. Причем до поставки 60 млн пудов хлеба в Германию и Австро-Венгрию украинский вывоз на внешние рынки, включая неукраинские территории бывшей Российской империи, исключался⁵⁸. Установив твердые низкие цены, Центральные державы подстегнули украинское крестьянство прятать урожай или продавать его нелегально. До конца 1918 г. удалось вывезти 23 млн пудов хлеба, весьма скромный результат неэквивалентного обмена, зато процветала межграницная продовольственная контрабанда⁵⁹.

Похожую систему взаимоотношений местных производительных сил и оккупационного командования создали немцы в Прибалтике. В Псковской губернии с 31 мая 1918 г. вводился запрет на продажу, переработку и вывоз предметов промышленного производства и сырья без решения командования оккупационных сил, которое, в свою очередь, получило право принудительной скупки всего необходимого для германской армии по твердым ценам в ущерб производителям и обрекаемому на голод населению. То же самое происходило в Крыму, где в 1918 г. немцы скупали урожай на корню по твердым ценам и вывозили, что приводило к резкому повышению цен на рынках, с которых снабжалось население по остаточному принципу⁶⁰. Впрочем, немцы не гнушались разграблением и вывозом предметов роскоши⁶¹.

⁵⁶ СУР ВУПО. Архангельск, 1918. № 1. Ст. 23.

⁵⁷ Новикова Л. Г. Провинциальная контрреволюция. Белое движение и Гражданская война на Русском Севере. 1917—1920 гг. М., 2011. С. 140—141.

⁵⁸ Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). М., 1936. С. 84—87.

⁵⁹ Україна між самовизначенням та окупацією. 1917—1921 роки. Київ, 2015. С. 289—290.

⁶⁰ Бунегин М. Ф. Революция и Гражданская война в Крыму. Симферополь, 1927. С. 186.

⁶¹ Интервенция на Северо-Западе России. 1917—1920 гг. СПб., 1995. С. 105—106; Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. С. 396—397; Брюггенан К. Города имперских и национальных утопий: Транснациональный взгляд на Ригу и Таллин. 1914—1924 // Города империи в годы Великой войны и революции. СПб., 2017. С. 121.

Отдел торговли, промышленности и снабжения Особого совещания ВСКОР перепробовал несколько способов регулирования внешней торговли: выход чиновников на рынок с целью коммерческой скупки сырья для экспортных операций, выдачу разрешения частным торговцам на вывоз с условием ввоза обратно товаров, необходимых армии и населению, с поставкой конкретным заказчикам, и наконец, создания государственно-частной корпорации: Южнорусского общества для внешней торговли для реализации монополии внешней торговли. В любом случае денikinские ведомства стимулировали экспортно-импортные операции, концентрируя в своих руках регулирование и контроль. Определенные успехи в поставках потребительских товаров не позволяли, однако, рассчитывать на возрождение промышленности и сельскохозяйственного сбыта, нормальное обеспечение армии⁶².

Отдельные государственные образования пытались обеспечить доходную часть бюджета за счет вывоза промышленного сырья. Грузинская республика в ходе переговоров в Берлине 12 июля 1918 г. подписала соглашение о монопольном вывозе в Германию марганца с Чиатурского месторождения посредством создания акционерного грузино-германского предприятия, в котором на паритетных началах присутствовали германские частные кампани и грузинское правительство⁶³. Надежды запустить важнейшую экспортную отрасль за счет возобновления экспорта и германских инвестиций остались не реализованными. В Чиатурах к осени 1919 г. скопилось около 60 млн пудов непроданного марганца, лежавшего без

сбыта с 1914 г. Предприятия не работали из-за отсутствия платежеспособных потребителей⁶⁴. Не получило стабилизации экономического положения и правительство Азербайджанской демократической республики, чьи расчеты пополнить бюджет за счет возобновления экспорта нефти практически не оправдались.

Стимулирование внешней торговли в антибольшевистском лагере причудливо сочеталось с экономическим соперничеством региональных правительств друг с другом. Использовалась любая возможность вывозить товары за границу, а не снабжать ими соседние регионы. Становым хребтом этого соперничества являлись экономические блокады и таможенные войны. В результате Кубань сидела без топлива, а донецкий уголь вывозился в Стамбул, Добровольческая армия не имела хлеба, вывозимого с Кубани в Грузию⁶⁵. Таковы таможенная война Комучевского Поволжья и автономной Сибири летом 1918 г., перебои с поставками продовольствия из Сибири на Урал в августе—сентябре 1918 г., не лишённые подтекста политического давления, блокада денikinского Крыма со стороны Украины в 1919 г. и экономическая изоляция друг от друга Дона и Кубани. Добровольческими кордонами в Керчи был блокирован морской экспорт с Дона и Кубани. Ничего, кроме ухудшения общего хозяйственного положения и усиления дезинтеграционных процессов во всех отраслях экономики, такое опрокидывание политических амбиций в хозяйственную плоскость принести не могло. В частности, Поволжье перекрыло поставку на востоке нефтепродуктов, вызвав в Сибири страш-

⁶² Карпенко С. В. Первые шаги правительства генерала А. И. Деникина по регулированию внешней торговли (август 1918 — апрель 1919 г.) // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 17. С. 84—98.

⁶³ Авалов З. Независимость Грузии в международной политике. 1918—1921 гг. Париж, 1924. С. 106—107.

⁶⁴ Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917—1921. М., 2019. С. 163.

⁶⁵ Карпенко С. В. «Крамola на Кубани»: Экономика и политика (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2009. № 20. С. 84, 86—87.

ный дефицит керосина, а Сибирь в ответ пресекла поставки масла. Дон и Особое совещание ВСЮР обложило высокой пошлиной минеральное топливо, ввозимое из копей Донецкого бассейна⁶⁶.

Украинам Российской империи не удалось восстановить экономические связи с внешним миром, обеспечить активный внешнеторговый баланс, что не позволило полноценно запустить восстановительные процессы.

Весь потенциал, который у них остался, — это потенциал автаркии и внутренней мобилизации, ограниченный и срабатывавший только при наличии жесткой политической воли. Именно ее часто не хватало. Важнейшей проблемой также являлось отсутствие единых правил для гражданских и военных властей.

Во многом все усилия гражданских органов власти по введению регулирования торговли в правовое русло перечеркивались действиями армии, широко пользовавшейся в прифронтовой зоне и на фронте возможностью получать у населения продовольствие, гужевой транспорт, дру-

гие необходимые для жизнедеятельности войск предметы путем реквизиции. Условия Гражданской войны, партизанское движение и подполье в тылу белых армий давали основание вводить военное положение даже далеко от линии фронта. Даже в столичном Омске в конце 1918 — начале 1919 г. военные легко вмешивались в распоряжения городских властей, захватывая помещения, реквизируя частное имущество. На Востоке России тяжесть повинностей по содержанию и квартированию войск распределялась очень неравномерно. На Юге России переобременение повинностями в пользу армии затронуло значительную часть сельского населения. На территориях казачьих войск — Кубанского, Донского, Оренбургского, население постоянно содержало воинские контингенты, квартировало, снабжало продовольствием и фуражом, обеспечивало конским запасом, получая за это возмещение по твердым ценам, значительно ниже себестоимости и нередко не наличными, а только квитанциями со значительной отсрочкой платежа из правительственной казны⁶⁷.

Аграрная политика

Неинституционализированная, не подкрепленная нормативно, импровизированная эксплуатация ресурсов деревни армией и в пользу армии преимущественно и определила отношение крестьянства к антибольшевистским режимам. Принято считать, что аграрный вопрос был главным вопросом революции. Это признавали все стороны Гражданской войны. Но если отрешиться от политической риторики, придется признать, что для противников советской власти он не был приоритетным. Конечно, определяться с наследием советского «черного переде-

ла» пришлось всем. За редким исключением, стоявшие на разных идеологических позициях правительства, не сговариваясь, предложили очень похожие варианты распутывания сложных узлов аграрных противоречий. На ближайший сельскохозяйственный сезон право сбора урожая признавалось за теми, кто произвел посев. Таким образом, как минимум на несколько месяцев власть предлагала исходить из данности произведенных при советской власти аграрных преобразований. Трудовой вклад получил приоритет перед правами собственности.

⁶⁶ СУП ОС ГВС ВСЮР. 1919. № 18. Ст. 111.

⁶⁷ См.: Циркуляр Кубанского краевого правительства № 1874 от 6 сентября 1918 г. Атаманам отделов // Вольная Кубань. Краснодар, 1918. 13 сент.

Но на деле приходилось сталкиваться с более сложными комбинациями. Речь идет о ситуациях, когда почву обрабатывал один пользователь земли, независимо от того, законны его действия с точки зрения дореволюционного законодательства или нет, а посев произвел другой, уже новый пользователь. Подчас и посев успевал произвести прежний пользователь земли, а после этого землю под посевом изымали из его распоряжения и передавали другому пользователю. Возникла необходимость разделить доходы от полученного урожая между всеми лицами, затратившими труд на обработку земли. Законодателям приходилось детально регламентировать порядок и размер компенсации трудовых и материальных затрат на разные сельскохозяйственные операции. Здесь неизбежно и возникал целый спектр вариантов, зависевший от региона и особенностей аграрных отношений в нем.

Комитет членов Учредительного собрания в приказе № 124 от 22 июля 1918 г. установил: «Снятие озимых, произведенных в 1917 г. на 1918 год [...] принадлежит тому, кто их произвел». Как уточняло специальное разъяснение к приказу от 26 июля 1918 г., если эти посевы зимой или весной граждане разделили, то они не возвращаются собственникам, но им следовало возместить затраты на сделанные пахоту и посев⁶⁸.

В северной деревне, где главным объектом черного передела стали площади, расчищенные от леса, наибольшую ценность представлял труд, вложенный в подготовку земли под посев. Земства Архангельской губернии признали необходимость защищать права владельцев расчи- сток, в том числе и произведенных на за-

хваченных казенных и частных землях. 13 января 1919 г. Временное правительство Северной области закрепило этот принцип законодательно⁶⁹.

Временное Сибирское правительство лишь на первый взгляд провозгласило принцип возвращения земли прежним владельцам. Во-первых, вводились исключения для хозяйств, признанных культурными, которые при передаче прежнему владельцу оставались под контролем земств. Но если действия владельца вели к снижению ценности хозяйства, то оно изымалось и временно передавалось под управление земств. На проверку большинство владельцев так и не получили свои земли. Во-вторых, смысл постановления в значительной мере дезавуировался специальной инструкцией, принятой три недели спустя.

Она однозначно предписывала: «Засеянные поля остаются до сбора урожая в пользовании лиц, фактически владеющих ими в настоящее время, причем владелец имущества получает вознаграждение за все произведенные им затраты на подготовку земли для посева, на уплату поземельных сборов, арендной платы и т.д., насколько эти траты были произведены»⁷⁰. Поля, до захвата вспаханные и засеянные под озимь прежним владельцем, ему возвращались, но пользователь, в свою очередь, имел право на компенсацию произведенных затрат. Разница заключалась в том, что в случае раздела «живого» и «мертвого» инвентаря пользователи возмещали владельцу амортизационные расходы, а взятые семена компенсировали по их «действительной стоимости». В сибирском законодательстве были детально проработаны способы учета интересов законных владельцев или арендаторов, но «стратегически» его

⁶⁸ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (июнь—октябрь 1918 г.). М., 2011. С. 198—199.

⁶⁹ СУР ВУЮ. Архангельск, 1919. № 6. Ст. 279; См. также: *Саблин В. А.* Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России (1917—1920). М., 2003. С. 150—155.

⁷⁰ Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 — декабрь 1919 г.): Сборник документов. Новосибирск, 2017. С. 33.

регулирование аграрных отношений в деревне вполне вписывалось в общее направление.

Налицо еще несколько позиций, по которым сходство земельного законодательства разных правительств антибольшевистского лагеря становится еще более очевидным, несмотря на отличия в нюансах. Земли, принадлежавшие частным собственникам, если они обрабатывались преимущественно владельцем и членами его семьи, в пределах средних трудовых норм оставались в пользовании владельцев. В одних случаях эти нормы определялись законодательством, в других это становилось прерогативой местных земельных органов.

Частные сельскохозяйственные предприятия, ведущие успешное предпринимательское хозяйство до захвата, как правило, подвергались крестьянами разграблению, не возвращались прежнему владельцу, а под разными предлогами передавались земствам. Те становились основой для создания общественных показательных хозяйств — «агрокультурных рассадников». Крестьяне, лишившиеся важного источника пополнения своего имущества, воспринимали действия земств как защиту помещичьей собственности от общинного передела. В действительности, органы самоуправления руководствовались иными соображениями, и их действия имели больше сходства со строительством совхозов в большевистской России.

Украинская Центральная рада, дальше всех продвинувшаяся в готовности наделить общинное крестьянство частными землями без выкупа, также озаботилась сохранением даже не только передовых помещичьих хозяйств, но вообще крупных хозяйств как очагов товарного производства и передовой агротехники. Компенсация собственникам

за пользование захваченной у них земли, если таковую предусматривало законодательство, оказывалась примерно равна сумме налоговых платежей за землю. То есть речь шла не о выплате ренты частному собственнику, а лишь о реализации принципа — налоги платит тот, кто пользуется землей.

Главным смыслом дальнейшего развития земельного законодательства в Сибири являлась пролонгация на следующий сельскохозяйственный сезон права пользоваться землей, полученной в результате революционного «черного передела». Конечно, риторика власти претерпела существенные трансформации. 8 апреля 1919 г. Российское правительство продекларировало заботу о мелком сельском хозяйстве, намерение земли «нетрудового пользования передать трудовому населению»⁷¹. Но в обеспечение своих обещаний Российское правительство ввело в действие правила, определявшие порядок посева в 1919 г. или яровую вспашку на 1920 г. на землях, захваченных крестьянами у владельцев и арендаторов. Более того, рассчитывая на успешное наступление, Российское правительство и на бывших советских территориях легализовало результаты земельных переделов на текущий год. Существовавшая в колчаковском законодательстве оговорка о безусловном возвращении прежним владельцам участков или их части, которые обрабатывались силами владельца и его семьи, — это почти комическое правило сохранения за владельцами средней трудовой нормы. Его совершенно независимо от сибирских образцов повторили 4 августа 1919 г. Кубанская краевая рада, Северо-Западное правительство 18 октября 1919 г., в проекте он готовился в Азербайджанской демократической республике⁷².

⁷¹ Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 — декабрь 1919 г.): Сборник документов. С. 304.

⁷² Там же. С. 316; Отчет о деятельности Министерства земледелия правительства Северо-Западной области // Свобода России. 1919. 31 дек.; *Остапенко П. И.* Казахи государственные образования на Северном Кавказе (февраль 1917 — начало 1920 гг.): Историко-правовой анализ. С. 162; Азербайджанская демократическая республика. 1918—1920. Баку, 1998. С. 90.

Власти не использовали силу для корректировки сложившегося к лету 1918 г. порядка землепользования. Исключение составляют оккупированные немцами и австрийцами территории Украины, где оккупационные власти взимали с крестьян компенсации в пользу собственников⁷³. На остальных территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам, не будучи подкрепленными реальными санкциями, призывы к прекращению земельных захватов не производили никакого впечатления на крестьян. Принимаемые местными земельными органами постановления о возвращении земли или о выплате компенсации выполнялись в единичных случаях. Тихий саботаж крестьян привел к закреплению в земельных отношениях статуса-кво, сложившегося к лету 1918 г., а во многих случаях и продолжению практики раздела земли и инвентаря собственников. Подобная ситуация повторялась практически во всех регионах⁷⁴.

Регулирование земельных отношений на местах власть либо оставила в руках земельных комитетов, как в Поволжье, на Украине и на Европейском Севере в 1918 г., либо передавала в распоряжение специально созданных при земствах земельных отделов (Европейский Север

в 1919 г. и Сибирь), станичной и волостной администрации (на Кубани). Земства, имея в своем составе преимущественно социалистически настроенную сельскую интеллигенцию, при разрешении земельных споров между собственниками (арендаторами) и крестьянами — участниками земельных захватов, чаще всего становились на сторону последних. Если они успевали установить нормирование земельных отношений на местном уровне, оно сводилось к урегулированию порядка наделения крестьян землей и инвентарем, изъятых у владельцев земли — некрестьян⁷⁵.

Сложнее оказывалось урегулирование конфликтов между сословными группами сельских производителей — казаками, крестьянами, инородцами, беженцами, пытавшимися заняться аграрным производством на базе захваченных крупных хозяйств⁷⁶. На Европейском Севере и на Востоке России земства оказались способны серьезно подправлять курс правительственной власти в интересах крестьян. На Северо-Западе, напротив, правительство распорядилось передать временно все частные леса в распоряжение казны, включая все лесные материалы, найденные в лесу и не подкрепленные документами на право их вырубki и использования. Так правительство пыта-

⁷³ Ковалева Н. А., Корюнов С. В., Малиновский Б. В. и др. Аграрная политика в Украине в периоду національно-демократичної революції (1917—1921 рр.). Черкаси, 2007. С. 121—122.

⁷⁴ Бунегин М. Ф. Революция и Гражданская война в Крыму. Симферополь, 1927; Суханова Н. И. Белое движение и арханизация крестьянской жизни на Юге России // Северо-Запад в аграрной истории России. 2015. № 21. С. 166—167; Саблин В. А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917—1921: (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002. С. 130—131; Ковалева Н. А. Аграрная политика українських національних урядів (1917—1921 рр.): Автореф. ... дис. канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 1999. С. 18—19, 21.

⁷⁵ Назыров П. Ф. Аграрные отношения на Южном Урале в годы Гражданской войны. Челябинск, 2009. С. 94, 96—97; ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 34. Л. 12; Вестник Приуралья. Челябинск, 1919. 3 мая.

⁷⁶ Рышков В. М. Общинное крестьянство, государство и судьба аграрного предпринимательства в Сибири в условиях революционных потрясений (1918 г.) // Проблемы экономической истории Сибири: Государство, предприниматель, социум. Барнаул, 2010. С. 37—47; Кротт И. И. «Захватчики» или «владельцы»: Сельскохозяйственное предпринимательство и аграрная политика антибольшевистских правительств в Сибири (вторая половина 1918—1919 г.) // Актуальные проблемы исторической науки: Общее и уникальное в истории: Сб. науч. статей. Омск, 2010. С. 75—95; Кротт И. И. Аграрная политика антибольшевистских правительств на востоке России и восстановление юридических прав собственников земли (май—ноябрь 1918 г.) // Омский научный вестник. 2011. № 5 (101). С. 15—19.

лось радикально пресечь бесхозяйственную вырубку леса населением⁷⁷.

Определенной спецификой обладала нормативная база, директивно предписанная германскими оккупационными властями в 1918 г. В Псковской губернии 26 апреля 1918 г. немцы предписали собственникам и арендаторам обработать поля полностью под страхом штрафов и тюремного заключения, а 9 июня 1918 г. — вернуть землевладельцам все захваченное имущество⁷⁸. Едва ли предписания выполнялись, учитывая, что пришедшим российским властям приходилось заниматься теми же нерешенными проблемами после ухода оккупационных германских сил.

На существенно другой идейной основе базировались законодательство Всеволоцкого войска Донского 1918 г., гетманата на Украине, Особого совещания ВСЮР и П. Н. Врангеля. Речь идет о приказах Всеволоцкого войска Донского 18 июня и 3 августа 1918 г. «Законе о праве на урожай 1918 г. на территории Украинской державы», правилах о сборе урожая и сборе трав в 1919 г. и приказах апреля и мая 1920 г.⁷⁹ Упомянутые нормативные акты также допускали сохранение крупных земельных участков, подвергшихся захвату со стороны крестьян, в пользовании захватившего их населения. Эта норма не предписывала никаких изъятий земли у фактических пользователей, а лишь легитимизировала сложившуюся в деревне ситуацию на очередной сельскохозяйственный сезон. Принципиальное отличие состояло в том, что

юридические собственники земли должны были получить компенсацию не за вложенный в землю труд, а за сам факт своих прав на землю. Причем Донское законодательство позволяло владельцу выбирать удобную для него форму оплаты — деньгами среднюю цену за последние четыре года или долей урожая от 1/3 до 2/3 (в случае, если посев осуществил сам владелец).

Особое совещание также определило вознаграждение в 1/3 урожая, но позволило пользователям земли компенсировать урожай в денежном эквиваленте. Врангелевское правительство Юга России пошло дальше в реализации этой идеи, предлагая приступить к размежеванию крупных участков между мелкими пользователями при условии компенсации землевладельцу 20% урожая ежегодно на протяжении двадцати лет. Вопрос о реакции крестьян на данные нормативные акты нуждается в дальнейшем изучении. Украинские крестьяне отнеслись к деникинским постановлениям вполне спокойно⁸⁰. Причина очевидна: пользователи захваченных земель в 1919 г. очень редко соглашались отдавать собственникам третий сноп, предпочитая компенсировать потери собственников деньгами, выдавая стоимость трети урожая по твердым, смехотворно малым ценам. Деникинское законодательство давало им такое право. Известна реакция крестьян на аграрную реформу П. Н. Врангеля. Они полностью саботировали усилия власти, не спеша выплачивать собственникам компенсацию за землю⁸¹.

⁷⁷ Отчет о деятельности Министерства земледелия правительства Северо-Западной области // Свобода России. 1919. 31 дек.

⁷⁸ Крах германской оккупации на Псковщине. 1918 год. Л., 1939. С. 195, 198—199.

⁷⁹ СУР ПВВД. № 2. Ст. 44; Вып. 4. Ст. 184; Законодательные акты 1918 г. Вып. 5. С. 11—12; Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А. И. Деникине. Сентябрь 1918 — декабрь 1919 г.: Сборник документов. М., 2008. С. 464—465, 475—476; Аграрная политика Врангеля // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 56.

⁸⁰ Корновенко С. В. Мероприятия властей по сбору урожая в Украине (1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 90—91.

⁸¹ Калыгин А. В. Аграрная реформа П. Н. Врангеля: (К вопросу отношения крестьянства) // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 104—107.

Действительно, особый вариант урегулирования земельного вопроса в антибольшевистском лагере разработала казачья власть. При этом обращает на себя внимание сходство нормативной базы, принятой казачьими правительствами независимо друг от друга в разных регионах. Решительная и бескомпромиссная ликвидация частновладельческих земель сопровождалась их передачей в земельный фонд казачьих войск. Первым по времени такой вариант предусмотрело войсковое правительство Оренбургского казачьего войска. Опираясь на законодательство Комуча, творчески развивая его, казачья власть все частные земли и принадлежавший землевладельцам инвентарь передала в распоряжение земельных комитетов для перераспределения среди нуждающихся⁸².

На территории Всевеликого войска Донского безвозмездно отчуждались земли, некогда принадлежавшие войску или безвозмездно переданные войском третьим лицам. Постановления от 7 сентября 1918 г. и 1 июня 1919 г. Совета управляющих отделами допускали компенсацию произведенных на земле улучшений, а также оплату земель, купленных некогда у войска. Но реальное значение данной нормы крылось в существенных деталях. Сумма выплаты не могла превышать 10 тыс. руб. (в то время это десять среднемесячных доходов рабочего или служащего), допускался вариант оплаты обязательствами, по которым расчет наличными начинался только через пять лет. Устанавливался трехмесячный срок подачи заявления о компенсации, пропустив который, владелец терял право на вознаграждение. В условиях Гражданской войны и сильнейшей инфляции такие требования превращали компенсацию в ос-

ложенные бюрократическими препонами и не связанные с рыночной стоимостью земли сугубо символические выплаты в далеком будущем.

Аналогичную нормативную базу имело Кубанское казачье войско, с той только особенностью, что в ней более последовательно прописывался принцип безвозмездного изъятия земель, полученных ранее без оплаты, и компенсации за купленные земли. Если собственник, имевший право на надел в размере трудового пая, отказывался от него по причине временной или полной нетрудоспособности, краевая казна выплачивала ему пособие⁸³.

Казачий вариант решения земельного вопроса имел несколько специфических особенностей. Принципиальное решение земельного вопроса не откладывалось до Учредительного собрания, земли, не обрабатываемые владельцами, использовались для наделения малоземельных и безземельных производителей путем формирования особого фонда в распоряжении войсковых властей. Владельцы сохраняли право на надел в размере трудовых норм. Законодательство носило сугубо сословный характер: при наделении приоритет имели казаки, во вторую очередь наделались коренное неказачье население, и лишь при отсутствии среди них претендентов землю могли дать остальным. Казачьи правительства искали варианты компенсации трудовых вложений и инвестиций собственников в землю, не ограничивая их только текущим сельскохозяйственным годом, но признавали факты многолетнего улучшения земли. В то же время в казачьем законодательстве достаточно четко прослеживается усиление принципа сословности при решении земельного вопроса, и имен-

⁸² Сафонов Д. А. Между империей и республикой Советов: Местные власти на Южном Урале в 1917—1918 гг. Оренбург, 2008. С. 382—384, 391—392.

⁸³ Основные положения земельной реформы в Кубанском крае // Вольная Кубань. 1918. 15 дек.; Остапенко П. И. Казачьи государственные образования на Северном Кавказе (февраль 1917 — начало 1920 г.): Историко-правовой анализ. С. 147—148, 152; Паришина Н. В. Кубанская краевая рада о земельных отношениях // Труды Ин-та государства и права РАН. 2012. № 2. С. 125—135.

но данная тенденция отражала настроения казачества и находила практическое применение в действиях станичных органов, наделявших дополнительной землей казаков, но не допускавших уравнительного перераспределения казачьих земель между всем производящим сельским населением.

Не менее важной частью аграрной политики всех антибольшевистских правительств стали агрономические мероприятия. Служащие земельных органов считали помощь непосредственным производителям в налаживании сельского хозяйства даже более значимой частью проводимых мероприятий, чем урегулирование земельных конфликтов. Конечно, здесь большая часть планировавшегося оставалась на уровне прожектерства ввиду транспортного кризиса и отсутствия свободных средств, прежде всего валютных, полного разорения созданной до революции материальной базы агрономических учреждений. Преобладающей формой работы стало «собираание агрономических сил», проведение специальных съездов и совещаний. На Южном Урале, в Сибири, на Северном Кавказе и Северо-Западе государством и земством предпринимались усилия по восстановлению или созданию участковой агрономии. Если заготовку семян качественных зерновых и огородных культур удалось организовать не только в Сибири и на Северном Кавказе, но даже в Северной области и на Северо-Западе, то возобновить ввоз сельскохозяйственной техники из-за рубежа оказалось не под силу ни одному антибольшевистскому правительству⁸⁴. Правда, на Кубани, приумножив начинание советской власти по созданию пункта проката сельскохозяйственной техники, удалось организовать летом 1919 г.

целый тракторный отдел ведомства земледелия и создать 49 новых агрономических участков⁸⁵. На Севере России земство высказало много полезных идей по поводу развития агрономических сил, но, подводя итог деятельности за 19 месяцев хозяйственной деятельности в условиях Гражданской войны, председатель губернской земской управы П. П. Скороходов признал полное отсутствие финансирования, а следовательно, работы.

Итак, важнейший вопрос революции — аграрный — противники большевиков упили в дискуссиях. Ключевые решения принимались на финальных стадиях вооруженной борьбы, когда поражение было практически предreshено. Важнейшим итогом усилий антибольшевистских правительств по решению земельного вопроса стала легитимация произошедшего в революционные месяцы передела земельных и лесных угодий. С различными вариациями и целым спектром идеологических мотиваций эта норма содержалась в законодательстве большинства правительств. Нормы, регулировавшие получение компенсации за использование крестьянами частных и государственных сельскохозяйственных земель, а в дальнейшем и выкуп их крестьянами, какими бы способом ни определялся их размер и условия взимания, не имели практического значения, оставались пустой декларацией о намерениях.

Впрочем, это было очень созвучно общему состоянию российской экономики и его восприятию общественностью и властью. Нерешенность хозяйственных проблем стала предметом обсуждения на съездах и совещаниях, собираемых по инициативе власти с участием общественности. Многие из них были посвящены конкрет-

⁸⁴ Свободная Россия. 1919. 31 окт., 1, 9 нояб., 31 дек.; Циркуляр Кубанского краевого правительства по ведомству Земледелия от 24 октября 1918 № 1759 // Вольная Кубань. 1918. 26 окт.; К станичным хозяйствам Кубанского края // Вольная Кубань. 1918. 27 нояб.; *Писаренко Д. С.* Терское казачество: Три года революции и борьбы. 1917—1920. М., 2016. С. 408; Земельные органы антибольшевистских правительств Сибири. С. 408.

⁸⁵ *Скобцов Д. Е.* Три года революции и Гражданской войны на Кубани. М., 2015. С. 229—231, 365—366, 432.

ным вопросам (снабжение, агрономия, транспорт и другие). Одно их перечисление — своеобразная и немалая по объему хроника экономических дискуссий в антибольшевистском лагере. Примечательно, что практически в каждом регионе рано или поздно созывался форум с широким представительством от правительственных учреждений и общественных организаций для обсуждения общих проблем хозяйственной жизни. Здесь звучали жесткие оценки и озвучивались данные о состоянии основных сфер экономики.

Экономическое совещание в Крыму собралось в сентябре—октябре 1920 г., под «занавес» крымской эпопеи, когда становилась очевидной бессмысленность попыток поиска путей преодоления хозяйственного кризиса. Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак, инициировав в первые дни после своего прихода к власти созыв Чрезвычайного государственного экономического совещания, превратил его со временем в своеобразный постоянно действующий эрзац-парламент, специализирующийся на обсуждении экономических вопросов и подготовке для правительства экспертиз и законопроектов. Материалы

таких съездов и совещаний содержат реалистичное описание состояния экономики антибольшевистской России и его глубокий анализ. Однако сами такие съезды и совещания не стали центрами принятия решений и принципиально не повлияли на экономическую ситуацию.

Отсутствие системной и жесткой, созвучной духу военного времени, экономической политики в антибольшевистском лагере, наряду с признанием властью легальности коммерческих отношений, привели к притормаживанию некоторых негативных экономических процессов. Масштабы изъятий ресурсов у населения оставались несопоставимо меньшими, чем в Советской России. Населению было проще выживать в сложных условиях экономического кризиса, а динамика негативных экономических процессов, связанных с падением производства и инфляцией, как бы приглушалась отсутствием налаженной системы подавления экономической активности населения. Правда, в результате власть не сумела мобилизовать имевшийся в ее распоряжении экономический потенциал на достижение победы над своим военным противником.

ПЛАКАТЫ И КАРИКАТУРЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Щекотливая опора.
Власть, опирающаяся только на штыки —
не всегда чувствует себя уютно...
На карикатуре изображены
В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий.
Худ. Б. И. Антоновский. Журнал «Барабан».
№ 2. Январь 1918 г.

Наглядное доказательство.
Троцкий: «Итак, вы видите, что Смольный выше
Учредительного собрания!..
Худ. Б. И. Антоновский. Журнал «Бич».
№ 1/2. Январь 1918 г.

Советский
агитационный плакат.
Автор текста
В. В. Маяковский. 1920 г.

Советский
агитационный плакат.
Автор текста
В. В. Маяковский. 1920 г.

Часть V

СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В начале XX в. в Российской империи шло быстрое разрушение сословного общественного уклада, формально сохранявшегося до февраля 1917 г. Развитие промышленности, городов, ослабление крестьянской общины вели к одновременному складыванию традиционных классов, характерных для капиталистического общества. Однако к моменту вступления большевиками власти переход от сословного к классовому обществу, по большому счету, еще не был завершен. Это обстоятельство, как и выбившая из привычной социальной среды десятки миллионов людей обстановка военного времени, усилили и в значительной степени усложнили социальные процессы, наблюдавшиеся в первые годы советской власти. Фактически речь шла о наложении одной — незавершенной до 1917 г. — социальной трансформации на другую, вызванную революционными катаклизмами.

Российская революция 1917 г. привела к уничтожению привычной социально-политической системы, разрушению традиционных социальных связей, массовой утрате населением правового статуса и привычной социальной ниши. Вплоть до окончания Гражданской войны российское общество характеризовалось деструктуризацией и маргинализацией, высокой социальной мобильностью различных групп населения, утративших свои идентификационные признаки и пытавшихся найти место в новом формирующемся обществе. Используя выражение Ш. Фицпатрик, происходила массовая «переделка идентичности в обществе, брошенном в водоворот революции»¹.

Проблема осмысления социальной структуры и социальной стратификации революционной и послереволюционной России занимает важное место в современной историографии². На смену господство-

¹ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 4.

² См., напр.: Границы и маркеры социальной стратификации в России XVIII—XX вв.: Векторы исследования. СПб., 2018; Иванова Н. А. Старые структуры и новые страты: (Влияние войны на социальные процессы в России) // Россия в годы Первой мировой войны. 1914—1918: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.). М., 2014. С. 105—110; Она же. Российское общество накануне и в годы революции // Российская революция 1917 года: Власть, общество, культура. Т. 1. М., 2017. С. 146—224; Она же. Социальная стратификация и революция 1917 г. // Великая российская революция. 1917: Сто лет изучения: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 9—11 октября 2017 г.). М., 2017. С. 447—453; Население России: Историко-демографическое измерение. М., 2016; Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: Содержание, структура, механизмы формирования. СПб., 2008; Смирнова Т. М. «Бывшие люди» — социальная категория или элемент идеологической риторики: К вопросу о социальной стигматизации в послереволюционной России // Российская государственность: Опыт 1150-летней истории: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 4—5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 396—406; Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века; Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917—1920-е гг. М., 2014; и др.

вавшим в советской исторической науке упрощенным представлениям о социальной структуре, основанным на теории классов, пришло понимание сложности и противоречивости общественных отношений, мобильности различных социальных слоев, «прозрачности» границ между ними и неоднозначности критериев их идентификации.

В начале XX в. различные общественные слои России были тесно переплетены, четкое определение их социальной принадлежности было затруднено, а иногда и невозможно. В частности, к 1917 г. практически исчез «классический» тип помещика, живущего исключительно на доходы от своего имения; государственные чиновники в подавляющем большинстве имели акции, дома, имения; купцы выкупали дворянские усадьбы, занимали различные должности в государственных учреждениях. Усилились процессы дифференциации среди крестьян и рабочих, так называемых средних городских слоев.

Распад традиционной сословной системы фактически начался еще до октября 1917 г.³ Декрет СНК РСФСР и ВЦИК от 11 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»⁴ в значительной степени завершил и узаконил социальные процессы, начавшиеся еще до революции. Правовую базу новой социальной организации, наряду с указанным Декретом, составили Конституция РСФСР 1918 г. и включенная в нее в качестве вводного раздела «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Утвержденная III съездом Советов в январе 1918 г. Декларация провозгласила Россию «Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», заложив тем самым основы новой социальной стратификации. Одновременно главной задачей в социаль-

ной сфере было названо «устранение деления общества на классы» и «установление социалистической организации общества», лишенной эксплуатации⁵. Таким образом, деление на основные социально-классовые группы — рабочих, солдат и крестьян считалось временным. С точки зрения социальной организации, первые послереволюционные годы должны были стать переходным этапом на пути к бесклассовому обществу, состоящему из равноправных групп трудящихся.

Этот переходный этап также нуждался в оформлении общественной структуры, хотя бы и временной. Между тем отмена сословий и массовая утрата населением идентификационных признаков поставили вопрос о том, какими критериями следует руководствоваться новым властным структурам при определении социального статуса граждан. Конституция РСФСР 1918 г. и отдельные советские декреты носили во многом декларативный характер. Отсутствие конкретизирующих эти нормы подзаконных актов в условиях только формирующейся социальной политики давало широкий простор для их интерпретации и приводило к разным трактовкам в рамках разных советских ведомств. На эти юридические коллизии накладывалось широкое распространение правового нигилизма в обществе и радикальные призывы полностью отказаться от «буржуазного» права, заменив его «революционным правосознанием масс».

Самым спорным и самым «больным» стал вопрос о допустимости учета при социальной идентификации граждан молодой Республики их прежней сословной принадлежности и имущественного положения до революции. Наркомат юстиции, а также ряд представителей центральной власти придерживались точки зрения, что при

³ См. подробнее о составе и динамике российского общества начала XX в.: *Иванова Н. А.* Российское общество накануне и в годы революции. С. 146—224.

⁴ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 72.

⁵ Там же. С. 321.

определении социального статуса граждан необходимо исходить исключительно из законов этого государства. Поскольку в Советской Республике все прежние сословия и чины были отменены, а земля и промышленность национализированы, следовательно, сословная принадлежность и имущественное положение до революции относились к дореволюционному прошлому, т.е. к истории уже не существовавшего более государства. Следуя такой правовой логике «обнуления» дореволюционного социального статуса, все граждане Советской Республики должны были подразделяться только на две категории: трудящихся и тех, кто живет на нетрудовые доходы.

Важно подчеркнуть, что в первые послереволюционные годы Наркоматы внутренних дел и юстиции придерживались данной точки зрения не только в теории, но и на практике, и при необходимости последовательно отстаивали свою позицию. Так, например, в январе 1919 г. Юрисконсультская часть НКВД РСФСР признала незаконными действия Гребневского и Ильинского волисполкомов Богородского уезда Московской губернии, конфисковавших имущество в семьях красноармейцев Яковлева (сына бывшего купца I гильдии) и Смирнова (сына бывшего помещика). Данное решение Юрисконсультская часть обосновала следующим образом: «Если гражданин Яковлев бывший купец первой гильдии и имел четыре дома, фабрику, лесопильный завод и мельницу, а гражданин Смирнов 15000 десятин земли и леса, то это уже в прошлом. В настоящее время, согласно законам Социалистической Советской республики, это все принадлежит уже не им, а Республике, и суровое к ним отношение в настоящее время было бы

лишь мстью за прошлое, а на такую точку зрения Социалистическая Республика становиться не может»⁶.

В 1922 г. сын бывшего крупного коммерсанта Гладынцев и его семья были причислены Наркомюстом к «трудящимся» на том основании, что в рассматриваемый период бывший торговец состоял на советской службе. Исходя из этого, Наркомюст потребовал у Ковровской городской милиции вернуть Гладынцевым все конфискованное имущество⁷. Данные примеры не единичны, а, напротив, носят массовый характер и отражают типичную для Наркомюста политику того периода.

Правового подхода к социальной идентификации граждан после революции в первое время придерживались и некоторые рядовые граждане различного происхождения и разных идеологических убеждений. «Советский строй не знает сословий, не знает привилегированных, не знает ни правых, ни гонимых, — утверждал, например, один «убежденный большевик», — для советской республики важно лишь, участвует ли гражданин в производительной деятельности страны, существует ли он действительно на заработок или нет, и какова его роль в той великой коллективной работе, которая должна совершаться в трудовом государстве»⁸. По свидетельству современников, в первые послереволюционные месяцы как в повседневной речевой практике, так и в официальных документах понятия «рабочие» и «служащие» нередко заменялись единым понятием «трудящиеся». Так, профком сахарного завода Курской губернии включал в единую категорию «трудящиеся» всех, кто работал на заводе, независимо от должностей и происхождения⁹. Известны случаи, когда бывшие помещики, лишившись земли, продол-

⁶ Цит. по: Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003. С. 255—256.

⁷ Там же. С. 43—44.

⁸ Вечерние известия Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. 2 июля.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 2.

жали тем не менее проживать в своих бывших имениях, будучи признаны местными властями «трудовым элементом»¹⁰.

Однако в массовой политической практике послереволюционной эпохи, отягощенной Гражданской войной, правовой подход к определению нового социального статуса граждан Советской Республики потерпел сокрушительное поражение. Как свидетельствуют документы, вопрос о социальной идентификации того или иного лица решался именно на местном уровне, где политическую практику определяло «революционное правосознание». В частности, в упоминавшемся выше случае Гладынцева Ковровская городская милиция, несмотря на требование Наркомюста, категорически отказалась возвращать конфискованное имущество, обосновав это тем, что Гладынцевы по своему происхождению являются «эксплуататорами», а его нынешнее занятие никакого значения не имеет¹¹. Точно так же рассудил и Московский губернский совет по делу красноармейца Смирнова, сына бывшего помещика. Игнорируя не только указанное выше решение Юрисконсультской части НКВД, но и Декрет СНК от 24 декабря 1918 г.¹² а также ряд приказов Реввоенсовета Республики¹³, Московский губсовдеп постановил, что Смирнов «является одним из тех паразитов, для которых место не в советской Красной армии, не в советских учреждениях, не в рядах борющегося пролетариата, а за бортом революции»¹⁴.

Таким образом, демократические идеи создания социальной структуры нового общества «с нуля», отказавшись от «мести

за прошлое» и учитывая лишь текущее занятие граждан, а не их прежнее положение, в обстановке ожесточенной Гражданской войны так и остались утопическими, далекими от реальности. На практике основу послереволюционной организации общества составил так называемый «классовый подход».

В чрезвычайных условиях Гражданской войны, помимо боевых действий на фронте, в отношении политических противников в тылу с обеих сторон практиковался массовый террор, в основе которого был «классовый подход». Это способствовало тому, что «классовый принцип» выдвинулся на первый план и был официально положен в основу всей социальной политики большевиков. Особую значимость приобретала классовая идентификация каждого гражданина Советской Республики, которая фактически подменила собой социальную идентификацию.

Понятия «классовый состав» и «социальная структура» начали использоваться как тождественные во властном дискурсе и на уровне повседневного-бытового общения. В документах 1918—1920-х гг. любое структурирование граждан (будь то население уезда, коллектив служащих или учащихся, пациенты больницы, клиенты ломбарда и т.п.) называли «классовым составом», а выделяемые социальные группы — «классами». Характерно в этом отношении, что в школах, во избежание путаницы, «классы» стали называть «группами». По свидетельству современников, московские школьники на вопрос «Какого ты класса?» всегда отвечали: «Пролетарского»¹⁵.

¹⁰ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 13. Д. 82. Л. 1.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 1056. Л. 89—105.

¹² В соответствии с этим декретом красноармейцы и члены их семей, независимо от социального происхождения, освобождались от всех видов прямых налогов, кроме натуральных, а также от квартирной платы.

¹³ В течение 1918 г. Реввоенсовет Республики издал ряд приказов (от 11 сентября, 18 сентября, 7 октября, 12 октября, 21 октября и др.), освобождавших красноармейцев и членов их семей от выселений или переселений, конфискаций и реквизиций, «чрезвычайных», «революционных» и прочих налогов.

¹⁴ Цит. по: Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 256.

¹⁵ Эпштейн М. О советской школе // Большевик. 1934. № 16. С. 8.

Как справедливо отметила Ш. Фицпатрик, классификация по классовому признаку «не имела никакого отношения к реальной социальной структуре, зато имела самое прямое отношение к судьбе отдельного человека»¹⁶. И решалась эта судьба обычно представителями местной власти, которые при определении социального состава населения опирались преимущественно на собственное «классовое чутье», демонстрируя при этом полное непонимание сущности таких понятий, как социальное происхождение, социальное положение и классовая принадлежность. Так, определяя в 1919 г. классовый состав семей красноармейцев, Моссовет в качестве отдельных «классов» выделил следующие группы: 1) рабочие и низшие служащие; 2) служащие; 3) кустари, торговцы и крестьяне, не эксплуатирующие чужой труд; 4) ремесленники, торговцы и крестьяне, использующие наемный труд; 5) лица свободных профессий; 6) лица неопределенных занятий и безработные¹⁷.

Еще любопытнее оказалась предложенная Моссоветом в сентябре 1919 г. группировка по классовому составу лиц, обеспечиваемых в инвалидных домах. Здесь в качестве самостоятельных «классов» фигурируют калеки от рождения, беженцы, лица физического труда, лица нефизического труда и даже «бюрократический и нетрудовой элемент»¹⁸. Последний «класс» наиболее удивителен, так как он фактически объединял самих работников Моссовета и многочисленный отряд служащих различных бюрократических органов новой власти с так называемым «нетрудовым элементом», значительную долю которого составляли бывшие домовладельцы, рантье, помещики.

Власти Кинишемского уезда Иваново-Вознесенской губернии в июне 1919 г. разделили все население уезда, обязанного выплатить единовременный чрезвычайный революционный налог, на 21 социальную «категорию»: помещики, домовладельцы, духовенство, торговцы, спекулянты, эксплуататоры чужого труда, капиталисты, фабриканты, заводчики, судовладельцы, лесопромышленники, держатели публичных заведений, другие промышленники, деревенские кулаки, зажиточные крестьяне, мародеры, ростовщики, комиссионеры, самогонщики, противники Советской власти, лица неопределенных занятий¹⁹. Оставалось не ясным, в чем разница, например, между заводчиками и фабрикантами или зажиточными крестьянами и деревенскими кулаками; почему «лесопромышленники» были отделены от «капиталистов»; и, в конце концов, кого относили к категориям «эксплуататоров чужого труда», если «капиталисты», «другие промышленники», помещики, деревенские кулаки и владельцы разнообразных предприятий и заведений составляли самостоятельные социальные группы?

Можно привести еще немало примеров произвольной (порой просто абсурдной) классификации населения по так называемому «классовому составу». Критерием для определения социального (в терминологии тех лет «классового») статуса граждан, помимо их происхождения, могли стать профессия, занятие в настоящий момент, в том числе и временное (студент, мелкий торговец, домохозяйка, безработный); трудоспособность человека («инвалид») или его место рождения («гражданин такого-то города»). Так, по свидетельству заведующего статистическим отделом Моссовета

¹⁶ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. С. 6.

¹⁷ Цит. по: Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 45.

¹⁸ Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 45—46.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 98. Л. 5.

та В.Г. Михайловского, после упразднения сословий местные статистические органы никак не могли решить, как заполнять графу «происхождение», и в конце концов начали записывать в этой графе место рождения. В результате среди жителей Москвы оказалось несколько «граждан гор. Варшавы» и даже один «гражданин гор. Токио»²⁰.

Таким образом, бывший помещик дворянского происхождения, юрист по образованию, устроившийся после революции служащим в какое-либо советское учреждение, а затем вследствие травмы или болезни получивший инвалидность и потерявший работу, по своему социальному положению мог быть с равной степенью вероятности отнесен к «классу» дворян, помещиков, служащих, юристов, инвалидов или безработных. Личные связи, «нужные знакомства», а также наличие финансовых средств нередко помогали их обладателям беспрепятственно менять свой социальный статус. Фактически можно говорить о том, что вплоть до середины 1920-х гг. на местах практиковалось произвольное «приписывание» граждан к тем или иным «классам»²¹.

Неудивительно, что значительная часть граждан не только не знали свой собственный социальный статус, но и вообще не понимали, что это такое. Кто-то под социальным положением подразумевал уровень материального достатка, кто-то — профессию, другие — образование или партий-

ность и т.п. На вопросы анкет о «социальном положении» можно встретить самые различные ответы. Так, например, один из студентов записал в анкете: «социальное положение состоит из одной коровы и одного двухэтажного дома». Социальное положение другого студента «состояло» из мельницы, которой до революции владел его отец²².

Таким образом, в первые годы после революции сохранялась деструктуризация общества, попытки выработать в социальной сфере новые идентификационные критерии не имели успеха. Тем не менее были сформированы основы новой социальной стратификации во главе с пролетариатом. Самой многочисленной социальной группой по-прежнему оставалось крестьянство, которое (как и пролетариат) не было единым, характеризовалось внутренними противоречиями и дифференциацией, но формально занимало в иерархической лестнице положение, близкое пролетариату. Все прочие группы населения занимали низшие ступени социальной иерархии. Наиболее драматичными и противоречивыми оказались судьбы представителей свергнутых классов, тех, кого новая власть относил к бывшим эксплуататорам. Особое положение в новом обществе должны были занять дети, забота о которых была провозглашена основной задачей нового государства.

²⁰ См. подробнее: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 44—52.

²¹ См. подробнее: *Смирнова Т.М.* «Социальное положение состоит из одной коровы и одного двухэтажного дома»: «Классовая принадлежность» и «классовая справедливость» в Советской России. 1917—1936 гг. // *Вестник РУДН.* 2005. № 4. С. 89—97; *Она же.* «Бывшие люди» — социальная категория или элемент идеологической риторики: К вопросу о социальной стигматизации в послереволюционной России. С. 396—406; *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // *Россия и современный мир.* 2003. № 2. С. 133—151; *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века.

²² *Красная молодежь.* 1924. № 2. С. 127.

СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ, ДЕКЛАРИРУЕМЫЕ ПРИНЦИПЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Предмет исследования и особенности историографии проблемы

Исход Гражданской войны во многом определялся характером и приоритетами социальной политики противоборствующих сторон, степенью привлекательности их лозунгов для рядовых людей в тылу и на фронте, а также способностью воплотить эти лозунги в жизнь. Поэтому изучение становления социальной системы и проведения социальных реформ большевиками в первые годы советской власти имеет особое значение.

При разработке социального законодательства большевики опирались на передовой мировой опыт в данном вопросе и считавшиеся прогрессивными идеи, а также на программные установки российского социал-демократического движения начала XX в. Однако реалии оказались весьма далекими от декларируемых принципов. Экстремальные военные условия, экономическая разруха, голод и эпидемии, тотальный дефицит ресурсов в сочетании с отсут-

ствием единства в советском руководстве относительно приоритетов и методов преобразований — все это обусловило сложный и противоречивый характер становления советской социальной политики в годы Гражданской войны.

Первые исследования советской социальной политики в рассматриваемый период, как комплексной научной проблемы, относятся к 1960—1970-х гг.¹ Л. К. Баева, которой принадлежит приоритет в данном вопросе, характеризуя предшествующий историографический этап, отмечала, что работы в этой области ограничивались преимущественно изучением мероприятий советской власти «в области труда и промышленности». Даже само понятие «социальная политика» советские исследователи до 1970-х гг. практически не употребляли, в отличие от зарубежных коллег, раньше проявивших интерес к самому этому явлению и к его реализации в Советской России².

¹ Баева Л. К. В. И. Ленин и осуществление первых мероприятий Советской власти в области социальной политики (октябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.) // Исторические записки. Т. 84. М., 1969. С. 255—274; Она же. Социальная политика Октябрьской революции (октябрь 1917 — конец 1918 гг.). М., 1977.

² Среди ранних зарубежных исследований наибольшую известность получили работы американских и немецких ученых, посвященные советской системе социального обеспечения (см., напр.: *Madison B. Contributions and Problems of Soviet Welfare Institutions // Social Problems. Vol. 7. № 4. Symposium on Social Problems in the Soviet Union (Spring, 1960). P. 298—307; Madison B. Q. Social welfare in Soviet Union. Stanford, 1968; Nove A. Is the Soviet Union a Welfare State? // Inkeles A., Geiger K., eds. Soviet Society: a Book of Readings. Boston, 1961; Osborn R. J. Soviet Social Policies: Welfare, Equality and Community. Homewood, Illinois, 1970; Rimlinger G. V. Welfare Policy and Industrialization in Europe, America, and Russia. N. Y., 1971; Vogel H. Gesellschaftliche Konsumtionsfonds als Instrument der sowjetischen Wirtschaftspolitik. Berlin, 1971; Beyne K. Sozialismus oder Wohlfahrtsstaat? Sozialpolitik und Sozialstruktur der Sowjetunion im Systemvergleich. München, 1977).*

«Социальная политика» оказалась жертвой разделения советской историографии на социально-политическую, социально-экономическую и социально-демографическую составляющие. В результате отдельные вопросы, относящиеся к сфере социальной политики, рассматривались в рамках изучения таких проблем, как «уничтожение эксплуататорских классов», «подавление сопротивления буржуазии», «борьба за бесклассовое общество и изменения в его социальной структуре», «национализация промышленности», «налоговая политика и политика в отношении мелкой промышленности», «охрана труда», «регулирование заработной платы», «борьба с безработицей и история профсоюзов», «создание советского государственного аппарата», «обеспечение трудящихся жильем и медицинской помощью» и т. п.³

Показательно в этом отношении, что в многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» не было специальных разделов, посвященных социальной политике. В ее вышедшем в 1967 г. 7-м томе по периоду 1917—1920 гг. нет даже общей характеристики декларируемых большевиками социальных приоритетов, целей и задач, а сюжеты, связанные с социальными преобразованиями, разбросаны по разным главам⁴.

В значительной степени это было связано с отсутствием в тот период четкой де-

финиции термина «социальная политика». Нередко его отождествляли с более узкими по своему содержанию понятиями «социальная защита» и «социальное обеспечение», при этом изучение социальной политики фактически сводилось к реконструкции ее институциональной организации, и прежде всего — к деятельности Наркомата социального обеспечения.

В то же время понимание социальной политики как области государственного регулирования общественных отношений, процессов социальной стратификации и формирования социальной структуры общества нашло отражение в работах, посвященных реконструкции государственной политики по отношению к отдельным социальным группам — буржуазии, интеллигенции, рабочим, средним городским слоям и т. п.

Первые научные трактовки содержания «социальной политики», ее объекта, субъекта, целей и методов, были разработаны в конце XIX в. немецкими экономистами и социологами, входившими в международное экономическое общество «Союз социальной политики» (В. Зомбарт, О. фон Цвидинек, А. Вагнер и др.). В советской историографии первая волна интереса к теоретическим аспектам проблемы связана с оформлением концепции «развитого социализма», обусловившим разработку в 1970—1980-х гг. теоретических вопросов социальной поли-

³ Историографию проблемы подробнее см.: *Иванова Г. М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния»: Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). М., 2011. С. 15—25; *Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Забота и контроль: Социальная политика в советской действительности // Советская социальная политика 1920—1930-х годов: Идеология и повседневность. М., 2007. С. 21—65; *Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.* Риторика и практика модернизации: Советская социальная политика. 1917—1930-е годы // Социальная история: Ежегодник. 2009. СПб., 2010. С. 275—295; *Рябинина Н. В.* Социальная политика Советской России (октябрь 1917—1920-е годы): Женщина, семья, дети в новом обществе. Ярославль, 2004; *Смирнова Т. М.* Актуальные вопросы изучения советской социальной политики 1917—1929 гг. // Российская история. 2022. № 1. С. 3—16; *Она же.* Семейная политика и трансформация семейно-брачных отношений в послереволюционной России (1917—1920-е гг.): Основные итоги и актуальные вопросы изучения // Российская история. 2023. № 1. С. 146—157; *Smirnova T. M.* Topical Issues in the Study of Soviet Social Policy. 1917—1929 // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. Suppl. 8. P. S800—S809.

⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. Сер. 2. Т. VII: Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в СССР 1917—1920. М., 1967.

тики в рамках строительства социализма⁵. В результате было выработано понимание «социалистической социальной политики», как направленной на построение бесклассового общества. Однако проблема смыслового содержания и исследовательских границ социальной политики в целом по-прежнему оставалась открытой⁶.

Популярность исследовательского направления «социальной истории» в 1990-х гг., а также дискуссии относительно понимания сущности «социального государства» обусловили новую волну интереса к «социальной политике», в частности, к определению ее границ и взаимосвязи с культурной, экономической и демографической политикой. Несмотря на различные подходы к этой проблеме, в целом в результате терминологических дискуссий конца XX — начала XXI в. в исторической и социологической литературе утвердилось широкое интегральное понимание социальной политики. Это — политика государства в сфере

социального развития, направленная на регулирование общественных отношений и решение основных социальных проблем, включая вопросы охраны и стимулирования труда, обеспечения занятости населения и распределения основных ресурсов и благ; улучшения жилищных и бытовых условий, охраны здоровья и т.д., — т.е. система мер, предпринимаемых в целях осуществления актуальных социальных программ⁷.

В рамках изучения социальной политики большевиков в годы Гражданской войны давние традиции изучения имеет тема труда во всех ее аспектах. Особое место она занимала в советской историографии, опиравшейся на марксистское положение о труде и трудовой эксплуатации, согласно которому получила обоснование теория освобождения труда в Советской Республике в результате смены общественного строя. Проблема трудовых отношений рассматривалась в рамках рабочей истории⁸.

⁵ См., напр.: *Вдовин А. И.* К изучению истории социальной политики и социального развития советского общества // *Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История.* 1981. № 2. С. 3—13; *Волков Ю. Е., Rogovin В. З.* Вопросы социальной политики КПСС. М., 1981; *Попков В. Д.* Социальная политика Советского государства и право. М., 1979; Социальная политика Советского государства и рабочий класс: Вопросы методологии, историографии, источниковедения. М., 1988; Социальная политика Советского государства: Укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. М. 1985; Социальное развитие рабочего класса СССР: Рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе: Историко-социологические очерки. М., 1977; и др.

⁶ Показательно в этом отношении, что в энциклопедических словарях конца XX — начала XXI в. есть такие статьи, как «Социальная революция», «Социальная стратификация», «Социальное законодательство», «Социальное обеспечение» и «Социальное страхование», но нет статьи «Социальная политика» (см., напр.: *Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия.* М., 1987. С. 566; *Большой энциклопедический словарь.* М.; СПб., 2002. С. 1132; и др.).

⁷ См.: *Виноградова Е. В.* Социальная политика: Исторический, теоретический, практический аспекты // *Экономические и социальные проблемы России.* 2004. № 1. С. 6—52; *Григорьева И. А.* Социальная политика: Основные понятия // *Журнал исследований социальной политики.* М., 2003. Т. 1. № 1. С. 29—44; *Иванова Г. М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния»: Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). С. 15—16; *Константинова Л. В.* К понятию «социальная политика» в современной общественной теории // 2005. № 2. С. 109—124; *Побережная О. Е.* Становление и развитие исторических типов социальной политики государства // *Науч. труды Республиканского ин-та высш. школы.* Минск, 2017. № 16. С. 129—136; *Сидорина Т. Ю.* Два века социальной политики. М., 2005; *Смирнова Т. М.* Актуальные вопросы изучения советской социальной политики 1917—1929 гг. С. 3—16; *Холостова Е. И.* Социальная работа: История, теория, практика: Учебник. М., 2011. С. 218—223; и др.

⁸ См.: *Рабочий класс и рабочее движение в России: История и современность.* М., 2002; *Сигельбаум Л.* Поздний роман с советским рабочим в западной историографии // *Социальная история: Ежегодник.* 2004. М., 2004. С. 53—71; *Соколов А. К.* Драма советского рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // *Социальная история: Ежегодник.* 2004. С. 7—52.

в связи с изучением революционных преобразований в сфере экономики и промышленности⁹. Несмотря на детальную реконструкцию первых послереволюционных мероприятий в сфере охраны труда, созданная на основе марксистско-ленинской методологии так называемая теория труда при социализме, по меткому выражению одного из ведущих специалистов в области социальной истории А. К. Соколова, оказалась «виртуальной, выдававшей желаемое за действительное и обходившей стороной реальное состояние трудовых отношений на советских предприятиях»¹⁰.

К очищению проблематики трудовых отношений в годы Гражданской войны от идеологических стереотипов отечественные исследователи всерьез приступили лишь в конце 1990-х гг. Заметную роль в этом сыграло сотрудничество с зарубежными коллегами, в исследованиях которых

тема трудовых отношений и мотивации труда традиционно занимала значительное место. Современная историография этой проблемы характеризуется междисциплинарным подходом. Центральное место в исследованиях занимают проблемы эффективности и мотивации труда, повседневной жизни предприятий, трудовых конфликтов, роли профсоюзов, истории забастовочного движения и т.п.¹¹

Еще одним важным направлением социальной политики большевиков в годы Гражданской войны было создание советской системы здравоохранения. История отечественного здравоохранения этого периода имеет обширную историографию. Лучше других изучены вопросы формирования госаппарата и организационно-правовые аспекты советского здравоохранения¹²; проблема становления санитарно-эпидемической службы и раз-

⁹ *Астапович З. А.* Первые мероприятия Советской власти в области труда (1917—1918 гг.). М., 1958; *Зимина М. Н.* Политика Советского государства в области труда и промышленности (1917 — первая половина 1918 г.) // Учен. зап. Кировского гос. пед. ин-та им. Ленина. Вып. 16. Киров, 1958 и др.

¹⁰ *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот». 1883—2001 гг. М., 2005. С. 4.

¹¹ *Борисова Л. Б.* Военный коммунизм: Насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001; *Бородкин Л. И., Сафонова Е. И.* «Трехгорка» на пути от 1917 г. к нэпу: Эволюция трудовых отношений // Экономическая история: Обзор. № 9. М., 2003. С. 59—73; *Ван Дер Линден М.* Мотивация труда в российской промышленности: Некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 206—216; *Ильяхов А. А.* Политика Советской власти в сфере труда (1917—1922 гг.). Смоленск, 1998; *Он же.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917—1941. М., 2010; *Лукассен Я.* Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 194—205; *Соколов А. К.* Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930 гг.) // Экономическая история: Обзор. 2000. № 4. С. 39—80; *Соколов А. К.* Перспективы рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4—5. С. 131—142; *Он же.* Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Ин-та рос. истории. Вып. 9. М.; Тула, 2010. С. 174—224; *Шильникова И. В.* Наказание как элемент системы стимулирования труда рабочих-текстильщиков в Советской России (1918—1929): Опыт микроанализа // Исторический журнал: Науч. исследования. № 4 (16). 2013. С. 457—471.

¹² *Барсуков М. И.* Очерки истории здравоохранения СССР (1917—1956 гг.). М., 1957; *Баткис Г. А.* Организация здравоохранения. М., 1948; *Егорова Д. В.* Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в советском государстве (1917—1991 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011; Здравоохранение России. XX век. Казань, 2006; *Конюс Э. М.* Истоки русской педиатрии. М., 1946; *Она же.* Книга об основах советского здравоохранения. М., 1954; *Потулов Б. М.* Великий Октябрь, Ленин, здравоохранение: (К 70-летию Великой Октябрьской соц. революции). М., 1987; *Рыбакова Е. О.* Организационно-правовые основы системы советского здравоохранения (1917—1936 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; *Спектров А. С.* К истории создания государственного аппарата советского здравоохранения // Советское здравоохранение. 1947. № 7.

вития санитарно-просветительной работы¹³; вклад выдающихся медиков в борьбу с заболеваниями и эпидемиями, захлестнувшими страну в период войн и революций¹⁴. В последние годы преобладает изучение отдельных аспектов этой темы на региональном уровне. Другой характерной особенностью историографии является то, что большинство работ написано медиками. Неудивительно, что в центре их внимания оказываются не столько исторические процессы, сколько профессиональные медицинские оценки и характеристики.

В целом анализ историографии проблемы позволяет заключить, что советская социальная политика периода Гражданской войны представляла собой целостный феномен общественной жизни. К сожалению, на данный момент комплексных исследований этого феномена практически нет. В центре внимания современных исследователей находятся лишь отдельные направления и элементы социальной политики, рассматриваемые преимущественно в региональном аспекте. Поэтому предстоит большая исследовательская работа по дальнейшему изучению проблемы.

Создание единой государственной системы социального обеспечения и социальной защиты населения, ее основные приоритеты и формы

Основные положения социальной программы большевиков, с которой они пришли к власти в 1917 г., были сформулированы в 1903 г. на II съезде РСДРП: 8-часовой рабочий день и охрана труда, бесплатная медицинская помощь рабочим, обязательное общее и профессиональное образование, уничтожение остатков крепостничества в деревне и отмена всех законов, препятствующих крестьянам распоряжаться их землей, ликвидация деления общества на классы и сословия

и т.п.¹⁵ Таким образом, социальная программа пришедшей к власти партии опиралась как на общедемократические требования мирового рабочего движения, так и на более радикальные коммунистические идеи. Однако, как справедливо отметила Г.М. Иванова, «модель социальной политики государства — это не столько результат осознанного выбора партийных и государственных деятелей, сколько продукт развития самого государства, его экономики, правовых институтов, след-

¹³ Беляев Е. Н. Роль санэпидслужбы в обеспечении санитарно-эпидемического благополучия населения Российской Федерации. М., 1996; Горфин Д. В. Санитарное обслуживание населения СССР в 1917—1945 гг. // Современные вопросы теории, истории и организации здравоохранения. Вып. 2. М., 1965; Островкин Д. Л. Становление советских органов здравоохранения на Урале и их роль в преодолении эпидемий в регионе в годы революции и Гражданской войны (1917 — начало 1921 гг.) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. Т. 32. № 3 (95). С. 82—89; и др.

¹⁴ Васильев К. Г., Васильев К. К. А. Н. Сысін (1879—1956). М., 1981; Горфин Д. В. Вопросы сельского здравоохранения в трудах и деятельности Н. А. Семашко. М., 1959; Жизнь и деятельность З. П. Соловьева: По воспоминаниям современников: Сборник / Сост. В. А. Соловьева. М., 1980; Министры здравоохранения: Очерки истории здравоохранения России в XX веке. М., 1999; Петров Б. Д., Потулов Б. М. Зиновий Петрович Соловьев. М., 1976; Мирский М. Б. Первый нарком здоровья. М., 1974; Решетников В. А., Несвижский Ю. В., Касимовская Н. А. Н. А. Семашко — теоретик и организатор здравоохранения // История медицины. 2014. № 3 (3). С. 24—29; и др.

¹⁵ Документы и материалы II съезда РСДРП. 17 июля — 10 августа (30 июля — 23 августа) 1903 г.: Программа Российской социал-демократической рабочей партии // Второй съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 418—424.

стве культурных традиций, религиозных предпочтений и т. д.»¹⁶

Формировавшаяся в период жесткого гражданского противостояния советская социальная политика, с одной стороны, должна была способствовать максимальному расширению социальной базы новой власти. С другой стороны, положенный в основу социальной политики классовый принцип предполагал ее дискриминационный характер. В то же время в условиях отождествления понятий «социальное происхождение» и «социальное положение» решение вопроса о классовой идентификации граждан носило во многом произвольный характер. Принцип социальной справедливости вступал в противоречие как с классовым подходом, так и с задачами экономической целесообразности. Все эти противоречия так или иначе отражались в принимаемых властью решениях, приобретая еще более острый характер на уровне политической практики, как в силу объективной невозможности для государства выполнить взятые им на себя обязательства, так и вследствие преобладания на местах «революционного правосознания», а не норм права.

Одним из ключевых направлений формирующейся советской социальной политики, в котором наглядно проявились как ее основополагающие принципы и приоритеты, так и сложности и противоречия, стало создание государственной системы социальной защиты.

В соответствии с новыми принципами социальная помощь в полном объеме переходила в сферу ответственности государства. Прежние достаточно многочис-

ленные, но разрозненные и действовавшие на принципах благотворительности государственные, частные, земские и церковные фонды, общества и комитеты помощи времен императорской России не могли гарантировать постоянную и доступную социальную защиту всем в ней нуждающимся, или, по крайней мере, большинству из них¹⁷. Несмотря на широко распространенное представление об эффективности благотворительных учреждений царского периода, реально благотворительность тогда имела весьма ограниченный характер, зависела от узкого круга богатых спонсоров и, как и социальная помощь со стороны государства, имела в основном эпизодический и избирательный характер. «В царской России, — пишет, в частности, по этому поводу американская исследовательница Бернис Мэдисон, труды которой признаны классикой в области истории социальной политики, — активность общества почти полностью ограничивалась рамками аристократии и чиновников высшего ранга и зачастую использовалась для завоевания социального престижа, а не из истинных побуждений заботы о немущих»¹⁸.

Упразднение всех существовавших до октября 1917 г. благотворительных обществ и организаций дало основание ряду исследователей сделать вывод о монополизации государством права социальной помощи и полном отстранении от нее общества. В действительности основополагающим принципом новой системы соцзащиты была государственная ответственность. Государство принимало на себя обязательства по оказанию социальной помощи в объеме

¹⁶ Иванова Г. М. На пороге «государства всеобщего благосостояния»: Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). С. 5.

¹⁷ К 1 января 1899 г. в Российской империи насчитывалось 7349 благотворительных обществ, на средства которых содержалось 7505 благотворительных заведений (*Левчук М. В.* Генезис организационного механизма пенсионного обеспечения в России в XIX — начале XX в. // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. 2011. № 8 (103). Вып. 16. С. 138).

¹⁸ Мэдисон Б. Достоинства и проблемы советских учреждений социального обеспечения // Советская социальная политика 1920-х — 1930-х годов: Идеология и повседневность. М., 2007. С. 72.

Очередь у столовой № 1 комитета общественного питания. Москва. 1921 — 1922 гг.
Фотограф не установлен. РГАКФД

и формах, установленных законом. При этом общество не только не отстранялось от помощи нуждающимся, а, напротив, эта помощь приветствовалась, поощрялась большевиками, а зачастую и инициировалась (но это значит — и регламентировалась, направлялась в нужное русло) государственными структурами, например, в виде объявления «кружечных сборов», разнообразных недель помощи («неделя беспризорного и больного ребенка», «неделя охраны материнства и младенчества»). Фактически общественная помощь была инкорпорирована в государственную систему, что, с одной стороны, нивелировало саму суть «добровольных общественных инициатив», с другой стороны, обеспечива-

ло государственную поддержку (организационную, финансовую, проч.) общественным инициативам, признанным властью «полезными».

После 1917 г. благотворительные общества и учреждения лишились своих имени-ных и состоятельных спонсоров, поэтому их окончательная ликвидация большевиками в основном лишь констатировала уже свершившийся факт прекращения деятельности. В ноябре 1917 г. были упразднены благотворительные учреждения и общества помощи инвалидам; в декабре — прекратили деятельность ссудные кассы помощи пострадавшему от войны населению, а также Санкт-Петербургский Совет детских приютов ведомства учреждений императрицы

Марии и подведомственные ему структуры (комитет для сбора пожертвований, комитет для изыскания средств на устройство слабых здоровьем детей в летние санатории и др.). В январе 1918 г. были закрыты Всероссийское попечительство по охране материнства и младенчества, Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войне с Японией, Александровский комитет о раненых и др.

Вместо них предполагалось создать централизованную систему социальной помощи, не зависящей от чьей-то доброй воли, а гарантируемой и регламентируемой государством на правовой основе. Руководящим центром этой системы должен был стать созданный 1 (14) ноября 1917 г. Наркомат государственного призрения (НКГП) РСФСР, которому были переданы все дела, имущество и денежные средства

ликвидированных органов государственного и общественного призрения¹⁹. По своим задачам и организации работы НКГП принципиально отличался от его формального предшественника — Министерства государственного призрения Временного правительства, построенного, по словам будущего советского наркома соцобеспечения А. Н. Винокурова, «по образу и подобию самодержавного или либерально-буржуазного правительства» и устранявшего народ «от участия в делах призрения»²⁰.

Возглавила новый наркомат А. М. Коллонтай, до революции много лет изучавшая жизнь рабочих и положение женщин в Европе, а также по поручению социал-демократической фракции III Государственной думы занимавшаяся подготовкой раздела о страховании материнства в законопроекте о страховании рабочих²¹. В за-

¹⁹ История НКГП/НКСО имеет давние традиции изучения в рамках проблемы создания советского государственного аппарата (см., напр.: *Прошников М. П.* Создание советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. — январь 1918 г. М., Л. 1966; *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М., 1995; *Долдодович О. М., Катцина Т. А.* Становление системы социального обеспечения под руководством А. М. Коллонтай: От сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в Советской России (12 ноября 1917 года — 11 марта 1918 года) // Журнал исследований социальной политики. М., 2011. Т. 9. № 2. С. 255—276 и др.). Советская система соцобеспечения также не раз становилась предметом специального исследования, однако рассматривалась либо в контексте экономической истории, либо в рамках истории государства и права с точки зрения формирования правовых основ этой системы (*Астрахан Е. М.* Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим: Исторический очерк (1917—1920 гг.). М., 1971; *Доброхотова Е. Н., Филиппова М. В., Янтураева М. А.* Советское право социального обеспечения. СПб., 1992; *Захаров М. Л., Максимовский В. И., Фогель Я. М.* Социальное обеспечение: Тенденции развития организации и управления // Советское государство и право. М., 1973. № 2. С. 26—33; *Фаткова Ж. З.* Страхование рабочих накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. 1914—1918. М., 1968 и др.). Ставшая популярной в последние годы, история социальной работы акцентирует внимание на институционализации системы социальной защиты и ее понятийном аппарате (см., напр.: *Мельников В. П., Холостова Е. П.* История социальной работы в России. М., 2002; *Фирсов М. В.* История социальной работы в России. М., 2001 и др.). Современные конкретно-исторические исследования посвящены отдельным аспектам социальной политики и носят преимущественно региональный характер (см., напр.: *Плотникова Ю. С., Молчанова А. В.* Особенности социальной защиты населения в Омском регионе в 1918—1935 годы // Омский науч. вестник. 2015. № 1 (135). С. 207—210; *Хажеева И. В.* Деятельность отдела социального обеспечения Тюменского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в 1919—1920 гг. // Общество: Философия, история, культура. Краснодар, 2005. № 6. С. 109—111; *Шамигулов А. Р.* Социальная политика большевиков в отношении городского населения в 1918—1920 гг. (на материалах Казанской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002; *Шиловцев А. В.* Социальная политика советской власти на Урале в годы Гражданской войны (июль 1919—1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1994; и др.

²⁰ 1-й Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения 26 июня (2 июля) 1918 года. М., 1918. С. 4.

²¹ Результатом этих исследований стали работы А. М. Коллонтай «Жизнь финляндских рабочих» (СПб., 1903), «Социальные основы женского вопроса» (СПб., 1909), «Общество и материнство» (Пг., 1916); и др.

дачи НКГП РСФСР и созданных в регионах губернских комиссариатов призрения первоначально входила помощь несовершеннолетним и престарелым гражданам, инвалидам войны и их семьям, а также обеспечение трудящихся во всех случаях нетрудоспособности. Постепенно задачи Наркомата расширялись. В марте 1918 г. в его ведение были переданы все вопросы, связанные с начислением пенсий и выплатой пособий. Для финансового обеспечения этих платежей при Народном банке был учрежден Учетно-ссудный комитет социального обеспечения. Позже в функции Наркомата также вошла борьба с безработицей, проституцией и нищенством.

Поскольку само понятие «призрение» не соответствовало «социалистическому пониманию задач социального обеспечения» и считалось «пережитком старого времени, когда социальная помощь носила характер милостыни и благотворительности»²², в апреле 1918 г. Наркомат государственного призрения был переименован в Наркомат социального обеспечения (НКСО РСФСР). Губернские комиссариаты призрения постепенно были заменены на отделы соцобеспечения при губернских советах рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Основные направления деятельности НКСО РСФСР были определены летом 1918 г., в условиях начинавшейся полномасштабной Гражданской войны, на I-м Всероссийском съезде комиссаров социального обеспечения. Выступая на съезде, сменивший Коллонтай на посту наркома большевик А. Н. Винокуров, который не был новичком в данном деле, поскольку ранее занимался вопросами социального страхования и реорганизации медицинских учреждений, отметил, что

в текущий момент задачи соцобеспечения выдвинулись для советского правительства на первый план, так как миллионы людей утратили трудоспособность в результате «кровавых внешних и внутренних войн», а сотни тысяч рабочих еще до революции получили увечья на фабриках и заводах. Как подчеркнул Винокуров, социальная помощь необходима всем «нетрудоспособным и необеспеченным, начиная с пеленок и до гробовой доски». По итогам обсуждения на съезде главными задачами НКСО РСФСР были признаны: охрана материнства и младенчества; обеспечение несовершеннолетних; обеспечение вдов, инвалидов и стариков; помощь увечным воинам, обеспечение семей солдат и всех пострадавших за дело революции²³. Таким образом, социальную поддержку от государства должны были получить миллионы граждан. Главные вопросы заключались в том, как организовать эту работу в центре и на местах в условиях войны, а также — где найти необходимые средства.

Для охраны материнства и детства, с первых же дней ставшей одной из приоритетных задач НКГП/НКСО, в декабре 1917 г. в его составе была создана специальная Коллегия по охране материнства и младенчества, а в январе 1918 г. — Коллегия призрения несовершеннолетних и Комиссия попечения о малолетних и несовершеннолетних заключенных. Позже Коллегия по охране материнства и младенчества организовала соответствующий отдел, передав ему все дела, отчетность, имущество и счета с остатками денежных средств упраздненной дореволюционной общественной организации — Всероссийского попечительства по охране материнства и младенчества²⁴.

²² Постановление СНК РСФСР от 30 апреля 1918 г. «О переименовании Народного Комиссариата Государственного Призрения в Народный Комиссариат Социального Обеспечения» // СУ. 1918. № 34. Ст. 453.

²³ I-й Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения 26 июня (2 июля) 1918 года. С. 3—5.

²⁴ СУ. 1917—1918. № 13. С. 193; № 16. Ст. 228.

Центральным учреждением по охране материнства и младенчества в Советской Республике должен был стать «Дворец материнства», открыть который предполагалось в помещениях бывшего женского института императора Николая I и женского Александринского училища. А все детские приюты, колонии и подобные им учреждения передавались в ведение Коллегии призрения несовершеннолетних²⁵. Однако «Дворец материнства» так и не был создан, а главным «детским ведомством» в Советской России фактически стал не НКСО, а Наркомпрос РСФСР. При этом задачи охраны материнства и детства были возложены также на Наркомздрав РСФСР. Чтобы обеспечить координацию работы разных ведомств, с 1919 г. начал действовать Совет защиты детей, а с 1921 г. — созданная при ВЦИК Чрезвычайная Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия ВЦИК).

В условиях формирования советского государственного аппарата, который оказался чрезмерно сложным и громоздким и неоднократно подвергался реорганизациям, социальная защита других категорий граждан (помимо материнства и младенчества) также оказалась в ведении разных ведомств, что вносило немалую путаницу. Наряду с наркоматами соцобеспечения и просвещения, эти задачи выполняли наркоматы труда, здравоохранения и продовольствия, а также профсоюзы и совершенно новые структуры — женотделы. Появление последних демонстрировало стремление большевиков способствовать демократическим процессам эмансипации, вовлечению самих женщин в решение вопросов материнства и детства на местах, что воспринималось в целом позитивно и в условиях жестокого социального противостояния было спо-

собно склонить чашу весов в пользу советской власти.

Во время Гражданской войны появилось и немало временных, в том числе координирующих работу, ведомств, комитетов и комиссий социальной направленности, которые изначально создавались под решение конкретных задач, но в итоге продолжили свою деятельность вплоть до 1930-х гг. В их числе Комитет помощи раненым и больным красноармейцам (1919—1935²⁶); Деткомиссия ВЦИК (1921—1938); Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при СНК РСФСР (1921—1937 гг.) и др.

В июне 1920 г. специальной инструкцией о распределении функций между наркоматами труда, здравоохранения и социального обеспечения их полномочия формально были упорядочены. Охрана труда и забота о безработных передавалась Наркомату труда; функции социального обеспечения детства — Наркомпросу; забота о материнстве и младенчестве и определение степени нетрудоспособности граждан — Наркомздраву. Все остальные виды социального обеспечения остались в ведении НКСО. Однако жестко разграничить полномочия ведомств на практике так и не удалось, к тому же на местах нередко продолжали действовать старые структуры соцзащиты.

Центр был далеко, и фактически в условиях Гражданской войны сфера деятельности и полномочия региональных отделов соцобеспечения определялись местными органами советской власти. Даже категории граждан, имевших право на соцобеспечение, а также размеры помощи отличались в разных губерниях. Так, в Самарской губернии все вопросы соцпомощи регулировались принятой в феврале 1918 г.

²⁵ СУ. 1917—1918. № 22. Ст. 321.

²⁶ С 1925 г. — Всероссийский комитет помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне, с 1930 г. — Всесоюзное общество помощи инвалидам войны, больным, раненым и демобилизованным красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне.

Конституцией губернского комиссариата призрения²⁷, аналогичные документы были приняты и в ряде других губерний. Однако ситуация менялась в зависимости от наличных ресурсов и приоритетов. Как правило, все начиналось со стремления оказать помощь максимально широкому кругу нуждающихся. Но под влиянием нараставших экономических трудностей размеры социального обеспечения сокращались, за исключением «столиц» и некоторых наиболее крупных и стратегически важных промышленных центров.

Например, руководство Московского отдела социального обеспечения (Мосотсобе́за) объявило в первые послереволюционные месяцы, что намерено помогать как нетрудоспособным, так и вообще всем «впавшим в нужду», включая даже оказавшихся в Москве иногородних. Судя по документам, с 1918 г. Мосотсобе́з выплачивал социальные пособия следующим категориям граждан: красноармейцам и членам их семей; трудящимся и членам их семей в случае болезни; предоставлял пособия по беременности и родам; матерям, кормящим грудью; давал пособия по уходу за грудными и малолетними детьми; делал выплаты на погребение; выдавал пособие по безработице; помогал «жертвам контрреволюции и лицам, пострадавшим от социальных и стихийных бедствий». К последней группе относились пострадавшие от «контрреволюционных погромов» и «кулацких восстаний», «впавшие в нужду вследствие гражданской войны, стихийных бедствий, краж, пожара, непредвиденного стечения обстоятельств, многосемейности и т.п.»

О том, какое количество граждан реально получало социальную поддержку,

можно судить по следующим данным. В 1918—1920 гг. подотдел пособий Мосотсобе́за ежемесячно производил в среднем около 9 тыс. выплат. То есть за год социальную помощь в Москве в период Гражданской войны получили примерно 108 тыс. человек²⁸, около трети которых приходилось на долю не москвичей, а приезжих, в том числе беженцев, среди которых было особенно много бежавших из захваченных немцами западных губерний. В числе получавших пособия была и небольшая по численности категория «жертвы контрреволюции». Из 318 граждан, получивших в 1920 г. помощь по данной категории, 241 постоянно в Москве не проживали²⁹.

В условиях продолжавшейся войны советская власть особое внимание уделяла социальному обеспечению красных командиров, красноармейцев и членов их семей. 7 августа 1918 г. Декретом СНК РСФСР было введено пенсионное обеспечение по инвалидности, полученной вследствие ранения или заболевания, для красноармейцев, а также для нетрудоспособных членов семей красноармейцев, погибших на фронте или умерших от вызванных военной службой ран и болезней. Размеры этих пенсий зависели от степени утраты трудоспособности (от полной до частичной). Нетрудоспособным членам семей красноармейцев, пропавших без вести, также полагались пенсионные выплаты, вплоть до момента возвращения пропавших или признания их погибшими. В октябре 1918 г. в число членов семей красноармейцев, подлежащих пенсионному обеспечению в случае их смерти, были включены все нетрудоспособные и не обеспеченные имуществом родственники, ранее находив-

²⁷ См.: *Деканова М. К.* «День, неделя, месяц...»: Общественные кампании как способ решения социальных проблем в Среднем Поволжье в 1920-х годах // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 498.

²⁸ С сентября 1917 по 1920 г. население Москвы сократилось примерно с 1,8 млн до чуть более 1 млн чел. (*Гвариева И. Н.* Демографическая история Москвы. М., 1997. С. 274).

²⁹ Красная Москва. 1917—1920 гг. М., 1920. Ст. 442—444.

шиеся на их иждивении³⁰. Позже действие этого декрета было распространено на военных моряков, военнотружеников пограничной и железнодорожной охраны, членов продовольственных отрядов, а также — на бывших солдат и матросов прежней (царской) армии и флота, которых в то время обычно называли «староармейцы».

Декретом СНК от 24 декабря 1918 г. красноармейцы и члены их семей, независимо от социального происхождения, были освобождены государством от всех видов прямых налогов, кроме натуральных (это касалось крестьян), а также от квартирной платы.

С сентября 1920 г. красноармейцам и их семьям, помимо пенсий, начали выдавать продовольственные карточки «Красная звезда». В Москве по этим карточкам на каждого члена семьи ежемесячно полагалось 6 фунтов муки и по 0,5 фунта сахара и соли. Местные власти, на которые была возложена ответственность за выплату пенсий, могли по своему усмотрению расширять полагающиеся красноармейцам выплаты или вводить дополнительные льготы. Так, например, решением Моссовета при распределении предметов широкого потребления (к которым относили и продовольствие) семьи красноармейцев приравнивались к рабочим. Помимо отдела соцобеспечения вопросами социального обеспечения красноармейцев в Москве занималась также созданная при Моссовете Комиссия помощи больным и раненым бойцам, у которой были свои ресурсы.

Солдатам «старой армии» при большевиках денежные пенсии формально продолжали выплачиваться. Однако они рассчитывались по закону от 1912 г. без учета галопирующей инфляции, что превращало выплаты почти в фикцию. При этом ника-

кого продовольственного довольствия им официально не полагалось. Лишь в исключительных случаях по решению местных властей пенсии «староармейцам» могли быть увеличены. Так, в августе 1920 г. из-за недовольства солдат старой армии и членов их семей Моссовет вынужденно уравнивал денежные выплаты солдатам старой и Красной армий и их семьям. Продовольственные карточки «Красной звезды», однако, остались привилегией красноармейцев. В сентябре 1920 г., по данным Моссовета, в Москве получали пенсии 35,5 тыс. семей красноармейцев и лишь 814 семей «староармейцев»³¹. Всего же на территории, контролируемой советской властью, в 1920 г. различные пенсии и пособия получили 8 млн 757 тыс. семей красноармейцев³².

В сентябре 1918 г. решением СНК при НК СФСР была создана Центральная комиссия помощи жертвам контрреволюции с сетью соответствующих отделов в местных органах соцобеспечения. В задачу Комиссии и ее местных органов входила организация помощи (трудоустройство, предоставление жилья, предметов личного потребления и медицинской помощи, восстановление разрушенного хозяйства) всем «пострадавшим от контрреволюции трудовым элементам города и деревни и их семьям»; а также обеспечение всех «впавших в постоянную нужду нетрудоспособных и оставшихся без средств к существованию (больных, раненых, инвалидов, осиротелых семей, вдов и сирот)»³³.

Относительный порядок в запутанной системе социального обеспечения был наведен после принятия 31 октября 1918 г. «Положения о социальном обеспечении трудящихся», определившего основные виды соцобеспечения (врачебная помощь

³⁰ СУ. 1917—1918. № 58. Ст. 637; № 74. Ст. 810.

³¹ Красная Москва. 1917—1920 гг. Ст. 435—438.

³² Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 567.

³³ СУ. 1917—1918. № 73. Ст. 793.

и денежные выплаты — пенсии и пособия) и категорий граждан, которым оно полагалось. В соответствии с Положением об обеспечению подлежали все граждане Советской России и проживавшие на ее территории иностранцы, «источниками существования которых являлся только собственный труд, без эксплуатации чужого». Бесплатная врачебная помощь (помимо больничного и амбулаторного лечения) включала оказание медицинской помощи на дому, курортно-санаторное лечение и физико-терапевтические процедуры по медицинским показаниям, а также бесплатное родовспоможение в медицинском учреждении (что было актуально при антисанитарии и крайне высокой младенческой смертности) и протезирование (последнее было очень актуально в условиях большого количества инвалидов войны). Денежные выплаты со стороны государства подразделялись на единовременные (на погребение, на протезирование, пострадавшим от пожаров и стихийных бедствий и т.п.), на временные пособия (по безработице, по болезни, в случае беременности и родов — 8 недель до родов и 8 недель после для женщин, занятых тяжелым физическим трудом, для всех остальных — 6 недель до родов и 6 после) и на постоянные пенсии (по инвалидности, по старости, по утере кормильца)³⁴. Тем самым уже с 1918 г. в области соцобеспечения намечались признаки системности.

Тем временем нараставшие продовольственные трудности, безработица и связанное с ухудшением условий жизни бегство городского населения (включая рабочих) в сельскую местность вынудили большевистское руководство организовать гарантированный минимум продовольственного обеспечения тем, кто, как считалось, обеспечивал социальную поддержку режима. 15 ноября 1919 г. Совнарком принял декрет

о снабжении рабочих продовольствием, а декретом от 18 мая 1920 г. решение всех вопросов, связанных с продовольственным обеспечением населения, было возложено на созданные при Наркомате продовольствия специальные комиссии³⁵.

В ряде регионов для городского населения уже ранее были введены пайки и карточная система снабжения. Так, в сентябре 1918 г. решением Моссовета все население Москвы было разделено на 4 группы: «А» — рабочие, занятые тяжелым физическим трудом; «Б» — рабочие, занятые легким физическим трудом, и служащие; «В» — промежуточная группа; «Д» — дети. Для каждой группы были разработаны свои хлебные и продовольственные карточки, а в ноябре 1918 г. совместным решением Петроградской Трудовой Коммуны и коллегии продовольственного отдела Моссовета были введены общие для обеих «столиц» нормы так называемого «классового пайка». В июле 1919 г. продовольственный отдел Моссовета принял решение о дополнительном «трудовом пайке» для фабрично-заводских рабочих, занятых тяжелым физическим трудом или работавших в условиях вредного производства.

К весне 1920 г. карточная система, до этого действовавшая лишь в крупных городах, была распространена на все городское население Советской России. 30 апреля 1920 г. СНК РСФСР принял декрет «О введении трудового продовольственного пайка», согласно которому в Советской Республике устанавливалось бесплатное снабжение продуктами питания трудового городского населения, разделенного на три основные категории (в соответствии с ними количество продуктов и содержание продовольственного набора было разным). Лучше других снабжались включенные в группу «А» «рабочие физического труда, занятые в советских пред-

³⁴ Там же. № 89. Ст. 906.

³⁵ СУ. 1920. № 47. Ст. 210.

приятнях и учреждениях». С физиологической точки зрения это было обоснованно, поскольку работникам физического труда требовалось больше калорий. Группу «Б» составляли «лица, занятые умственным и конторским трудом в советских учреждениях и предприятиях», а также некоторые неработающие категории граждан: инвалиды; учащиеся старше 16 лет; лица, занятые уходом за детьми до 12 лет, или домохозяйки из семей трудящихся, насчитывающих не менее трех человек; наконец, беременные женщины, начиная с пятого месяца беременности. Самыми скромными были пайки группы «В», которыми обеспечивались трудящиеся, занятые на частных предприятиях, а также не эксплуатирующие чужой труд кустари, ремесленники и зарегистрированные безработные.

По особой норме — выше группы «А» — снабжались следующие категории городского трудового населения: рабочие и служащие предприятий, имеющих «особо важное государственное значение» (в основном это были оборонные заводы); работники, занятые «особо тяжелым или вредным» трудом, и те, чей рабочий день по технологическим и иным причинам превышал установленную норму. По особой норме также снабжались все дети до 16 лет, а также семьи красноармейцев и медико-санитарный персонал, занятый в борьбе с эпидемиями³⁶.

Составляющее подавляющее большинство граждан Советской России сельское население, «лишенцы» и так называемые «нетрудовые» элементы города не были включены в эту систему гарантированного снабжения продовольствием. Сквозь призму этой иерархии хорошо прослеживаются социальные приоритеты большевиков

периода Гражданской войны. В частности, видна более сложная картина, нежели бухгалтерское следование классовому подходу.

Складывание советской системы социального обеспечения во многом определялось ситуацией Гражданской войны, маргинализацией общества, ростом эпидемических заболеваний и др. В октябре 1918 г. распоряжениями НКСО местным отделам соцобеспечения было поручено открыть распределители для нищих³⁷. В феврале 1919 г. государство распространило пенсионное обеспечение на семьи медицинских работников, погибших в борьбе с эпидемиями³⁸.

В конце 1919 — начале 1920 гг. большевиками были приняты меры по улучшению материального положения представителей «старой» научной и художественной интеллигенции, многие из которых вливали во время войны полуголодное существование и не могли полноценно заниматься творческой деятельностью. Вместе с тем эти люди пользовались несомненным авторитетом среди образованной части российского общества. Привлечь их на свою сторону было важно как с политической, так и с экономической (в случае с технической интеллигенцией) точек зрения. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 23 декабря 1919 г. «Об улучшении положения научных специалистов», выдающимся ученым теперь полагалось «усиленное довольствие» (пайки, одежда, топливо), освобождение «от всякого рода повинностей (трудовой, военной и т.д.)», предоставление благоприятных для творческой работы жилищно-бытовых условий. Поначалу эти исключительные условия распространялись на 500 ученых и 50 литераторов, но с 24 марта 1920 г. количество спецпайков увеличилась до 900³⁹. Для создания

³⁶ СУ. 1920, № 34. Ст. 165.

³⁷ Антология социальной работы. Т. 3. М., 1995. С. 261.

³⁸ Собрание узаконений и распоряжений по Народному комиссариату социального обеспечения. Октябрь 1918 г. Июнь 1919 г. [М., 1920]. С. 35—36.

³⁹ Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1975. С. 427—428.

ученым и специалистам условий для жизни и работы в январе 1920 г. была создана Петроградская комиссия по улучшению быта ученых (ПетроКУБУ), а в 1921 г. — аналогичные Московская и Центральная комиссии (МКУБУ и ЦЕКУБУ).

14 июня 1920 г. СНК РСФСР принял «Положение о пайке для особо ответственных и совершенно незаменимых работников центральных учреждений». В эту категорию вошли руководящие работники ВСНХ, Чусоснабарма, ВЦСПС и ЦСУ, а также находящиеся на их иждивении члены семей⁴⁰. Первоначально предполагалось выделить новой советской элите 2 тыс. семейных спецпайков и 500 запасных. По своему наполнению пайки для ответственных работников формально привязывались к содержанию рабочего пайка. В дальнейшем их численность могла корректироваться Комиссией по снабжению рабочих при Наркомате продовольствия.

Обеспечение денег в сочетании с сознательными военно-коммунистическими мероприятиями ввели за собой замену денежных пособий натуральными выдачами (продуктами, дровами, одеждой, мылом и т. п.) и расширение системы льгот (полное или частичное освобождение от квартплаты, предоставление жилья или освобождение от подселений, бесплатная пересылка писем, помощь в сельхозработах и т. п.). Работа распределительных органов регламентировалась декретами СНК «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов» и «О бесплатном отпуске населению предметов широкого потребления» от 4 и 17 декабря 1920 г. соответственно⁴¹.

В мае 1921 г. для улучшения обеспечения рабочих, крестьян и семей красноармейцев СНК РСФСР принял решение создать специальный натуральный фонд. В этот фонд властями передавалось все

«бесхозянное имущество», а также продукты питания, предметы первой необходимости и сельскохозяйственный инвентарь, конфискованные по суду или в административном порядке⁴².

В теории на законодательно-распорядительном уровне формирующаяся в годы Гражданской войны советская система социальной защиты представляла собой сложную и разветвленную сеть, охватывающую своей заботой значительную часть населения республики. Вот как видело распределение полномочий между основными звеньями этой системы руководство НКСО РСФСР в феврале 1919 г.: «Комиссариат труда и его отдел социального страхования помогает безработным и обеспечивает трудящихся, лишившихся трудоспособности. Биржа труда прискивает работу для трудоспособных, почему-либо лишившихся ее; Комиссариат социального обеспечения выдает пенсии красноармейцам, солдатам прежней армии и советским служащим, обеспечивает беспризорных детей, сирот, принимает меры охраны материнства и младенчества, обеспечивает инвалидов труда, оказывает помощь инвалидам долечиванием, протезированием, обучением ремеслам и содержанием их в общежитиях; оказывает помощь жертвам контрреволюции; Комиссариат здравоохранения лечит больных; Высший Совет Народного Хозяйства и Комиссариат земледелия оказывают содействие по восстановлению разрушенного вследствие стихийных и других бедствий домашнего и сельского хозяйства; Комиссариат по просвещению бесплатно обучает в единой трудовой школе, устраивает интернаты для детей неимущих родителей и т. д.» В дополнение к вышеперечисленному всем, «временно впадшим в тяжелую нужду вследствие стихийных бедствий,

⁴⁰ Там же. Т. 9. М., 1978. С. 335—336.

⁴¹ СУ. 1920. № 93. Ст. 505; № 99. Ст. 531.

⁴² СУ. 1921. № 48. Ст. 236.

пожаров и других несчастных обстоятельств», полагалась экстренная помощь финансами, продуктами, предоставлением временного жилья и т.д.⁴³ Очевидно, что выполнить все это в полной мере на практике в условиях войны и тотального дефицита государство было не в состоянии.

Как складывался бюджет для социальных программ большевиков? В первое время основными источниками средств на социальное обеспечение являлись взносы государственных, национализированных и частных предприятий и отдельных работодателей, а в случае отсутствия работодателей (артели, ремесленники, сельхозработники и т.д.) — личные взносы работников, подлежащих обеспечению; доходы с имущества и капитала учреждений соцобеспечения, а также пени по просроченным платежам на соцобеспечение⁴⁴. Получаемых таким образом средств на пособия катастрофически не хватало. В 1919 г. было решено перейти от страхового соцобеспечения к сметному государственному финансированию по линии Наркомата труда РСФСР. С этой целью все страховые фонды и кассы были объединены в единый Всероссийский фонд социального обеспечения, а внесение взносов на социальное страхование сохранялось лишь для частных работодателей⁴⁵. Однако и это кардинально не решило проблему дефицита средств. На практике соцобеспечение всех слоев населения в течение всей Гражданской войны

значительно отставало от декларируемых советской властью обещаний. Это было обусловлено в первую очередь экономической разрухой и тотальным дефицитом ресурсов. Ситуацию усугубляли слабость центральной власти, отсутствие механизма контроля за исполнением ее распоряжений на местах. Сказывалась нехватка квалифицированных и даже просто грамотных работников, а также плохая связь центра с регионами, вследствие которой местные власти в первое время получали информацию о принимаемых решениях с большим опозданием. По свидетельству сотрудников инструкторского отдела НКВД, в 1919 г. во всей республике не было ни одного «органа, с помощью которого все декреты, распоряжения, обязательные постановления в кратчайший срок делались бы достоянием широких масс», а выпускаемые кустарным способом «Информационные бюллетени» никто не читал. «В некоторых местах, — сообщал, в частности, секретарь инструкторского отдела НКВД Е. Соловей, — даже инструктора, посылаемые от отделов, имеют самое превратное представление о политике Центрального советского правительства и откровенно признаются в полной своей неосведомленности и незнании даже тех декретов и распоряжений, которые теснейшим образом касаются и направляют деятельность отделов управления»⁴⁶. В результате декларируемая властью социальная политика проводилась в жизнь непо-

⁴³ Распоряжение НКСО № 125. Об оказании помощи гражданам, впадшим в нужду вследствие стихийных бедствий, пожаров и других несчастных обстоятельств. 20-го февраля 1919 г. // *Собрание узаконений и распоряжений по Народному комиссариату социального обеспечения*. [М., 1920]. С. 32.

⁴⁴ Социальное страхование находилось в ведении Наркомата труда РСФСР. Пересечение функций наркоматов соцобеспечения и труда в сфере социальной защиты привело к объединению этих наркоматов в ноябре 1919 г. Однако уже в апреле 1920 г. объединенный Наркомат труда и социального обеспечения вновь был разделен на два самостоятельных. Подробно о социальном страховании см.: *Ашмарина С. В.* Очерк эволюции страхования рабочих в первое десятилетие Советской власти // *Экономическая история: Обзор*. Вып. 12. М., 2006. С. 26—35; *Левицук М. В.* Источники и правовые механизмы финансирования социального обеспечения в советский и постсоветский периоды: Сравнительно-правовой анализ // *Науч. ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право*. 2010. № 14 (85). Вып. 13. С. 166—175; и др.

⁴⁵ СУ. 1919. № 18. Ст. 208.

⁴⁶ Цит. по: *Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003. С. 68.

следовательно, а действия местных властей порой откровенно противоречили решениям центра. «Центр это одно, а власть на местах — это другое», — отметил в январе 1919 г. уполномоченный ВЦИК по Вятской губернии Ю. М. Стеклов. Нередкими были случаи, когда представители местной власти отказывались выполнять указания центра, а прибывающим к ним с проверками уполномоченным ВЦИК говорили: «Никаких комиссаров юстиции и даже Московской власти не знаем»⁴⁷. В результате в одних регионах власти принимали решение об увеличении для граждан установленного государством размера пособий или о введении дополнительных видов социальной защиты, а в других — не выплачивали в полном объеме и в установленные сроки даже минимальные, гарантированные законом суммы. Бывало и так, что даже в рамках одного региона ведомство социального обеспечения игнорировало указания местного советского руководства. Так, например, в Тюмени «в отделе социального обеспечения царили хаос и преступное невнимание к семьям красноармейцев», в то время как помощь им Тюменский губсовдеп отнес к числу приоритетных направлений своей деятельности⁴⁸. Случались ситуации, когда одно ведомство не подчинялось распоряжению другого (или не располагало соответствующей информацией). Так, несмотря на то, что в течение 1918 г. Реввоенсовет Республики издал целый ряд приказов, освобождавших красноармейцев и членов их семей от выселений или переселений, конфискации и реквизиции имущества, «чрезвычайных», «революционных» и прочих налогов, в Президиум ВЦИК регулярно поступали жалобы красноармейцев на проводимые, как правило, местными

органами власти незаконные конфискации и реквизиции у них и у членов их семей⁴⁹. Очевидно, что реальная ситуация была весьма далека от идиллической картинки, создаваемой правительственными решениями и инструкциями.

Особенно тяжело приходилось сельскому населению, которое в значительной степени (за исключением семей красноармейцев) оказалось не охвачено государственной системой соцобеспечения. Оказанием социальной помощи на селе должны были заниматься сельские и волостные Советы, а также созданные в июне 1918 г. комитеты бедноты. В задачу комбедов, в частности, входило перераспределение в пользу бедноты изъятого хлеба, предметов первой необходимости, сельскохозяйственного инвентаря и т. п. На практике же они превратились в своеобразную базу для деятельности продотрядов, проведения заготовительных кампаний, конфискации и реквизиций. То есть выполняли, скорее, репрессивные функции, нежели социально-распределительные.

Первым действенным звеном в системе соцзащиты на селе стали Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ). Повсеместное создание ККОВ началось уже на излете Гражданской войны — после принятия Декрета СНК РСФСР от 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семей красноармейцев». В соответствии с этим Декретом при сельских Советах, волостных, уездных и губернских исполкомах для оказания «взаимопомощи при неурожаях, пожарах и иных стихийных и социальных бедствиях» организовывались крестьянские комитеты. Основными методами взаи-

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 119, 125. Подробнее см.: Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 62—83.

⁴⁸ Хажеева И. В. Деятельность отдела социального обеспечения Тюменского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в 1919—1920 гг. // Общество: Философия, история, культура. Краснодар, 2005. № 6. С. 110.

⁴⁹ См., напр.: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 49; Оп. 13. Д. 213; Известия ВЦИК. 1921. 12 авг.

помощи, доступными для ККОВ, были организация внутреннего самообложения и общественной помощи, разъяснение крестьянам их юридических прав, в редких случаях — распределение средств, предложенных им государством⁵⁰. Хотя пра-

вовый статус ККОВ был закреплен лишь в сентябре 1924 г. «Положением о крестьянских обществах взаимопомощи», появление этих обществ сыграло определенную роль в нормализации ситуации в период повстанческих движений.

Охрана труда в условиях принудительного труда: труд как право и обязанность каждого

Россия была провозглашена Республикой Труда, соответственно, вопросы его организации, производительности, условий и оплаты оказались в центре как социальной, так и экономической политики большевиков⁵¹.

Придя к власти, большевики своими декретами начали проводить в жизнь в России наиболее значимые завоевания рабочего движения в странах Запада. Ключевым звеном нового трудового законодательства стал декрет «О восьмичасовом рабочем дне», принятый 29 октября (11 ноября) 1917 г. Согласно этому декрету, в промышленности вводился 8-часовой рабочий день, а продолжительность рабочей недели была ограничена 48 часами⁵²; в течение рабочего дня устанавливался обязательный перерыв не менее одного часа. Запрещалось использовать наемный труд подростков младше 14 лет и ночной труд подростков до 16 лет; для рабочих, не достигших 18 лет, устанавливался 6-часовой рабочий день. Женщины и подростки до 18 лет не допускались

к подземным и сверхурочным работам. По сравнению с дореволюционным трудовым законодательством это был, безусловно, значительный шаг вперед. Однако в условиях начавшейся Гражданской войны большевики вынуждены были перейти к чрезвычайному трудовому законодательству.

Руководство мероприятиями в сфере охраны труда и разработка трудового законодательства были возложены на Народный комиссариат труда РСФСР, Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) и Всероссийский центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС). Для привлечения к этой работе самих трудящихся были созданы комиссии рабочего контроля. В соответствии с «Положением о рабочем контроле» (14 ноября 1917 г.) эти комиссии, с одной стороны, наделялись широкими полномочиями и могли в значительной мере влиять на производственные процессы и трудовые отношения между нанимателями и рабочими. С другой стороны, ор-

⁵⁰ СУ. 1921. № 48. Ст. 236.

⁵¹ Трудовое законодательство большевиков базировалось на проводимых преобразованиях в области экономики и финансов. В данном разделе указаны основные мероприятия в сфере охраны труда, являющиеся значимой составляющей социальной политики. Об аспектах темы, связанных с экономической политикой, об условиях труда и роли профсоюзов, о реальном положении рабочих, их участии в забастовочном движении, методах проведения всеобщей трудовой повинности и т. п. см. соответствующие разделы наст. изд.

⁵² Впервые восьмичасовой рабочий день был введен английским социалистом Робертом Оуэном на своем предприятии в Нью-Ланарке в 1817 г. Оуэн вывел формулу здоровой организации жизни: «Восемь часов труд. Восемь часов отдых. Восемь часов сон». Позже восьмичасовой рабочий день в индивидуальном порядке вводился наиболее передовыми предпринимателями на своих предприятиях. На государственном уровне ограничение продолжительности рабочей смены 8 часами впервые было введено в Новой Зеландии в конце XIX в.

ганы рабочего контроля, наряду с владельцами предприятий, несли ответственность за трудовую дисциплину, охрану имущества и соблюдение норм трудового законодательства.

В течение 1918 г. был принят целый ряд важных государственных актов, сформировавших основы нового трудового законодательства. Так, 3 апреля были утверждены подготовленные ВЦСПС «Положение о трудовой дисциплине» и «Положение о нормировании производительности»; в мас декретом СНК РСФСР в ведении Наркомата труда и его местных органов были учреждены Инспекции труда.

Оплата труда также регулировалась государством. С первых же дней новой власти был взят курс на выравнивание доходов⁵³. Уже в ноябре 1917 г. СНК РСФСР принял специальное постановление «О размерах вознаграждения Народных Комиссаров и высших служащих и чиновников». В нем по настоянию Ленина устанавливался максимальный размер оплаты функционера — 500 руб. в месяц (плюс 100 руб. на каждого нетрудоспособного члена семьи), что тогда примерно соответствовало заработку высококвалифицированного рабочего Петрограда. Для сравнения — Декретом Совнаркома от 11 декабря 1917 г. «О нормах оплаты труда железнодорожников, категориях служащих и о восьмичасовом рабочем дне во всех отраслях железнодорожного труда» рабочим-железнодорожникам высшей (14-й) категории согласно тарифной сетке устанавливалась ежемесячная оплата от 380 (для сибирского и дальневосточных районов железных дорог) до 510 (для Петрограда и северных территорий) руб.⁵⁴ Однако равенство это на практике оказалось мнимым, так как в условиях экономической

разрухи и тотального дефицита реальное значение имели не зарплаты, а натуральные выплаты и система льгот⁵⁵.

Ключевыми событиями в регулировании трудовых отношений стали принятие Конституции РСФСР 1918 г., провозгласившей лозунг «Не трудящийся, да не ест» (ст. 18), и утверждение 9 декабря 1918 г. «Кодекса законов о труде РСФСР». КЗоТ закрепил за всеми трудоспособными гражданами право на труд («право на применение труда по своей специальности и за вознаграждение, установленное для этого рода работы», ст. 10) и подтвердил все ранее принятые решения в области регулирования и охраны труда (8-часовой рабочий день, сокращенный на два часа для несовершеннолетних и рабочих тяжелых и вредных производств, запрет сверхурочных, ночных работ и т. п.). Вместе с тем этот Кодекс ввел трудовую повинность для всего трудоспособного населения в возрасте от 16 до 50 лет, сделав тем самым труд в условиях ожесточенной Гражданской войны не только правом, но и обязанностью. 5 октября 1918 г. были введены трудовые книжки «для нетрудающихся». Без этих трудовых книжек и своевременных отметок в них о выполнении общественных работ лица, «живущие на нетрудовые доходы», не могли получить продовольственные карточки и лишались права свободно передвигаться по территории страны. В июне 1919 г. трудовые книжки были введены для всех жителей Москвы и Петрограда, достигших 16 лет, а в январе 1920 г. декретом СНК РСФСР для граждан была введена всеобщая трудовая повинность. В этих чрезвычайных мерах, в принципе характерных для военных лет, классовый принцип сочетался с «прагматизмом».

⁵³ О реализации на практике принципа коммунистического равенства, построенного на сочетании официального курса на выравнивание доходов с созданием двойной системы обеспечения, см.: Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России в XVI—XX вв. М., 2006. С. 73—92.

⁵⁴ С.У. 1917—1918. № 8. Ст. 116.

⁵⁵ Там же. № 3. Ст. 46.

Наряду с регулированием трудовых отношений, важной частью политики большевиков в сфере труда стал централизованный учет и распределение рабочей силы. Приток в город сельского населения, массовая демобилизация, закрытие ряда предприятий, работавших на оборону, и использование бесплатного труда военнопленных привели к стремительному росту безработицы в начальный период Гражданской войны. Следует также учитывать, что на территории России находилось много иностранных рабочих азиатского происхождения (китайцы, корейцы, персы), дешевый труд которых традиционно использовался в дореволюционной России. По данным Наркомтруда РСФСР, весной 1918 г. их насчитывалось около 10 тысяч⁵⁶.

11 декабря 1917 г. ВЦИК и СНК утвердили «Положение о страховании на случай безработицы». В соответствии с ним безработным считался любой трудоспособный гражданин, главным источником существования которого является работа по найму, не имеющий возможности найти работу «за установленную соответствующими профессиональными союзами норму вознаграждения» и зарегистрированный в местных биржах труда, профессиональных союзах, а при их отсутствии — в больничных кассах. Лица, самостоятельно покинувшие работу без уважительной причины; утратившие работу с сохранением заработка, либо бастующие граждане безработными не признавались. Для реализации задач социального обеспечения безработных создавались Центральная и губернские ко-

миссии страхования безработицы, а также местные кассы безработных⁵⁷. Местные власти по своему усмотрению могли предпринимать дополнительные меры по борьбе с безработицей: организовывали общественные работы по очистке улиц или заготовке дров, открывали бесплатные столовые, общежития или ночлежки и т.д.

С начала 1918 г. во всех городах с населением не менее 20 тыс. чел. были организованы биржи труда, регистрация на которых стала обязательной для всех безработных. 19 февраля 1918 г. была открыта Московская биржа труда (впоследствии преобразована в Московский подотдел учета и распределения рабочей силы). Биржи труда создавались не только для помощи безработным, но и прежде всего для установления строгого государственного контроля рынка труда. Нанимать трудящихся, минуя биржи труда, было запрещено. Отказываться от предложенной биржей работы зарегистрированным безработным также было запрещено, в этом случае безработный на три месяца лишался всех пособий (как денежных, так и натуральных) и заново регистрировался на бирже, теряя очередь в трудоустройстве. Повторное нарушение правил автоматически влекло за собой смену относительно льготного статуса безработного на незавидное положение «лица, не имеющего определенных занятий»⁵⁸. Биржи труда также выдавали разрешение на выезд и вручали билеты на поезд, благодаря которым можно отследить наиболее востребованные направления переезда семей безработных (например, в 1918 г. к ним

⁵⁶ Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.). М., 2006. С. 22—23.

⁵⁷ СУ. 1917—1918. № 8. С. 111.

⁵⁸ Взаимоотношения безработных с биржами труда строго регламентировались декретом СНК РСФСР от 3 сентября 1918 г. «О воспрещении безработным отказываться от работы» и инструкцией Наркомата труда РСФСР от 5 ноября 1918 г. о применении этого декрета. Согласно установленным правилам, зарегистрированным на биржах труда следовало подыскивать работу по их специальности, с условиями труда, отвечающими нормам, «установленным тарифом соответствующего профессионального союза». Однако инструкция допускала много исключений, благодаря которым любой зарегистрированный на бирже мог быть отправлен на тяжелые физические работы, в том числе временные и связанные с переездом (СУ. 1917—1918. № 64. Ст. 704; № 81. Ст. 855).

относились Архангельская, Новгородская и Псковская губернии)⁵⁹.

В середине мая 1918 г. в Советской России насчитывалось более 300 тыс. зарегистрированных на биржах безработных, при этом на каждые 100 безработных приходилось около 30 предлагаемых вакансий⁶⁰. К концу 1918 г. в связи с возобновлением в разгар Гражданской войны работы промышленных предприятий, выпускавших оборонную продукцию, на территории, контролируемой большевиками, безработица начала сокращаться. Биржи труда постепенно заменили создаваемыми при Наркомате труда и его местных органах отделами распределения рабочей силы. 29 октября 1918 г. СНК РСФСР принял «Положение об отделах распределения рабочей силы», которое отменило ранее принятые законы и положения о биржах труда.

В условиях Гражданской войны и экономической разрухи, когда мобилизация трудовых ресурсов неизбежно становилась одной из важнейших задач правительства, в ряде отраслей промышленности было введено военное положение, повсеместно произошло ужесточение трудовой дисциплины (в марте 1919 г. были учреждены дисциплинарные суды, в апреле — специальным декретом ужесточили борьбу с прогулами и т.д.). Та-

ким образом, в чрезвычайных условиях военного времени труд все более приобретал принудительный характер, а гарантированные большевиками в первых послереволюционных декретах нормы охраны труда зачастую оказывались фикцией. В дополнение и развитие КЗоТ принимались разнообразные положения, регулировавшие различные, даже самые незначительные, аспекты трудовых отношений, норм выработки и тарифов. Так, например, положение НКТ и ВЦСПС о тарифах от 17 июня 1920 г. состояло из 7 глав и 153 параграфов, регулировавших условия труда, отдыха, тарифы, нормы выработки, оплату сверхурочных и командировок, штрафы за брак и т.п. не только для рабочих и служащих, но и для учеников⁶¹.

Централизованное вмешательство государства в регулирование труда, усилившееся в период «военного коммунизма», привело к резкому снижению роли профсоюзов, которые из государственных партнеров в организации трудовых отношений превратились во второстепенное подчиненное звено. Система охраны труда в 1917—1921 гг. развивалась параллельно с системой неэкономических, принудительных методов решения производственных задач, наглядно отражая противоречия проводимой большевиками социальной политики.

Формирование государственной системы здравоохранения и санитарно-просветительная работа

Сразу после Октябрьской революции большевики приступили к формированию централизованной государственной системы здравоохранения, провозгласив принципы бесплатности и общедоступности медицинской помощи для всего населе-

ния. Как это реализовывалось на практике и в какой мере на этот процесс влияла обстановка Гражданской войны?

В Российской империи не существовало единой системы здравоохранения. Квалифицированная врачебная помощь

⁵⁹ Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.). С. 23.

⁶⁰ Баява Л. К. В. И. Ленин и осуществление первых мероприятий Советской власти в области социальной политики (октябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.) // Исторические записки. Т. 84. М., 1969. С. 262; Борисова Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.). С. 23.

⁶¹ Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930 гг.) // Экономическая история: Обзор. 2000. № 4. С. 43.

Вагон для тяжелораненых в санитарном поезде № 41. Казань. 1920 г.
Фотограф не установлен. РГАСФД

была доступна сравнительно небольшой части населения. Функции охраны здоровья выполняли различные ведомства и учреждения: департамент здравоохранения Министерства внутренних дел, Красный Крест, учреждения военной, фабрично-заводской и земской медицины и др., координации между которыми не существовало. Последствиями Русско-японской, Первой мировой, а затем и Гражданской войны, особенностью которых стало активное применение оружия с массовым поражающим и травмирующим эффектом, стал значительный рост числа раненых, контуженных, которым требовалась длительная реабилитация. Одновременно на фронте и в тылу наблюдался всплеск заболеваемости инфекционными болезнями, борьба с которыми превратилась в серьезную проб-

лему. Военная ситуация наглядно продемонстрировала недостатки существовавшей в России системы здравоохранения и вновь поставила в повестку дня вопрос, который давно ставился медицинской общественностью, — необходимость централизации и упорядочения врачебного дела под контролем государства. Первая попытка продвижения в этом направлении была предпринята после падения самодержавия: в июне 1917 г. Временным правительством был учрежден Центральный врачебно-санитарный совет. Однако до октября 1917 г. ему не удалось предпринять никаких серьезных практических мер.

Радикальные реформы в сторону демократизации медицины и создания единой государственной системы здравоохранения начались с приходом к власти большеви-

ков. Уже в 1917 г. Совнарком РСФСР принял ряд постановлений, имевших целью преодоление раздробленности лечебного дела, переход к централизованной системе оказания медицинской помощи, а также к профилактике заболеваний. Эти новшества находились в русле идей передовой медицинской общественности и потому были поддержаны ею как направленные во благо страны. Однако на практике путь к реализации этих идей, как и к созданию единой системы здравоохранения, оказался непростым.

В конце октября 1917 г. при ВРК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов был образован Медико-санитарный отдел во главе с врачом М. И. Барсуковым. Вместе с созданными в ряде только что образованных наркоматов Коллегиями по заведыванию медицинскими отделами (Медицинскими коллегиями) Медико-санитарный отдел должен был в кратчайшие сроки перестроить систему медпомощи на основе государственного регулирования, бесплатности и доступности ее всем рабочим и солдатам.

По мере распространения советской власти по стране при местных Советах по примеру Петрограда также были созданы Медико-санитарные отделы, в ведение которых перешла местная медицина, в том числе — больницы, ночлежные дома, а также организация массовой санитарно-просветительной и профилактической работы среди населения. Свои медицинские учреждения (прообраз будущей ведомственной медицины), как говорилось выше, появились у наркоматов. Исключением также стала заводская медицина, которая осталась в ведении коллективов предприятий: декретом СНК РСФСР от 14 ноября 1917 г. больницы, амбулатории, санатории, родильные приюты и пункты первой помощи, существовавшие при фабриках и заводах, передавались их больничным кассам. Вла-

дельцы предприятий, при которых никаких лечебных учреждений не было, обязывались выдать больничным кассам средства на их создание из расчета: 1 больничная койка на 100 рабочих и 1 родильная койка на 200 работниц⁶².

На первом этапе создания системы здравоохранения медицинская помощь была организована большевиками на страховой основе. Медицинское страхование в соответствии с декретом СНК РСФСР от 22 декабря 1917 г. распространялось на всех граждан, «занятых по найму во всех отраслях труда». Для них декрет предусматривал широкий набор услуг: право на оказание первой помощи, амбулаторное лечение, лечение на дому, так называемое коечное лечение с полным содержанием, санаторное и курортное лечение, родовспоможение; а также выплату пособий в случаях болезни, родов или смерти.

2 декабря 1917 г. Коллегии по заведыванию медицинскими отделами Наркоматов внутренних дел, путей сообщения и государственного призрения обратились к населению с воззванием «О борьбе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни», ставшим первым программным документом советского правительства в области медицинского дела. В воззвании подчеркивалось, что борьба с заболеваемостью и антисанитарией является неотложной задачей, решение которой требует государственного руководства, мобилизации медицинских работников и поддержки со стороны всего населения. В качестве первостепенных вопросов были названы: создание «исчерпывающего санитарного законодательства», регулирующего водоснабжение, канализацию, санитарный надзор за торгово-промышленными и жилыми помещениями; реорганизацию аптечного дела с передачей его из частных рук органам общественного самоуправления; проведение комплекса профилактических и оздоровли-

⁶² СУ. 1917—1918. № 3. Ст. 34.

вающих население мер, развитие санитарно-просветительной работы; а также организацию медицинской статистики⁶³.

Следующим этапом реформирования медицинского дела стало объединение Медицинских коллегий наркоматов в единый Совет врачебных коллегий (СВК). Декрет СНК РСФСР от 30 января 1918 г. провозгласил Совет врачебных коллегий при СНК РСФСР «высшим медицинским органом Рабочего и Крестьянского Правительства»⁶⁴. В состав СВК при СНК РСФСР, который возглавил будущий нарком соцобеспечения А. Н. Винокуров, вошли выдающиеся медики В. М. Бонч-Бруевич (Величина), Н. А. Семашко, З. П. Соловьев, И. В. Русаков, Е. П. Первухин и др. Совет провел большую работу по привлечению к организации здравоохранения представителей медицинской науки, в частности, поддержал деятельность Института экспериментальной медицины. При СВК были образованы комиссии по борьбе с туберкулезом, венерическими и нервно-психическими болезнями и противоэпидемическая. Официальный печатный орган Совета, «Известия советской медицины» (с июля 1918 — «Известия народного комиссариата здравоохранения»), стал первой советской медицинской газетой, сыгравшей большую роль в санитарно-просветительной работе.

В июне 1918 г. в Москве состоялся подготовленный СВК при СНК РСФСР I Всероссийский съезд медико-санитарных отделов, на котором с участием представителей медицинских служб регионов были определены основные задачи и принципы советской медицины. Среди первоочередных задач были названы устранение межведомственной разобщенности медицинских учреждений и их объединение под руководством государства на принципах оказания населению общедоступной бесплатной квалифицированной

медицинской помощи; борьба с эпидемиями и социальными болезнями; ликвидация санитарной неграмотности населения; снижение младенческой и детской смертности, охрана физического и психического здоровья детей; привлечение общественности к решению указанных задач.

В соответствии с решением съезда СВК разработал и направил в СНК РСФСР докладную записку и проект декрета о создании Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. Соответствующий декрет был утвержден 11 июля 1918 г., а 18 июля СНК РСФСР утвердил Положение о Наркомздраве как новом центральном государственном медицинском органе Республики. Деятельность СВК с этого момента прекратилась.

Первым советским наркомом здравоохранения стал большевик Н. А. Семашко — выпускник медицинского факультета Казанского университета, после прихода к власти большевиков руководивший Медико-санитарным отделом Моссовета. Поначалу в Наркомате здравоохранения были образованы шесть отделов: военно-санитарный, гражданской медицины, страхового, путей сообщения и ветеринарный. Руководители отделов образовывали Коллегию Наркомздрава. При Комиссариате были образованы Центральный медико-санитарный совет, включавший представителей рабочих организаций, и Ученый медицинский совет (УМС), объединивший крупнейших ученых-медиков для планирования и координации научно-исследовательской деятельности всех медицинских учреждений Республики⁶⁵. Позже были созданы также фармацевтический и санитарно-эпидемиологический отделы. Аналогичные подотделы создавались в губернских, городских и уездных медико-санитарных отделах.

⁶³ СУ. 1917—1918. № 5. Ст. 81.

⁶⁴ Там же. № 20. Ст. 310.

⁶⁵ Там же. № 52. Ст. 590.

Летом 1918 г. в ведение Наркомздрава были переданы все медучреждения и имущество бывших Всероссийских земского и городского союзов⁶⁶. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 7 августа 1918 г. «О деятельности и реорганизации Российского общества Красного Креста» РОКК также было подчинено Наркомздраву РСФСР, его автономия сохранялась лишь в решении организационных вопросов общества⁶⁷. В том же месяце решением СНК РСФСР в ведение Наркомздрава было передано армейское Военно-санитарное управление⁶⁸ (с января 1920 г. оно оказалось в двойном подчинении — Наркомздрава и РККА). В декабре 1918 г. специальным декретом были национализированы все аптеки и фармацевтическое производство, а в феврале 1919 г. в соответствии с переходом от страховой медицины к социальному медицинскому обеспечению Наркомздраву была передана лечебная часть бывших больничных касс⁶⁹. С этого момента можно говорить о юридическом завершении процесса создания единой централизованной государственной системы здравоохранения в Советской России. На практике в феврале 1919 г. этот процесс был далек от завершения, проходил он сложно и болезненно, потребовав немало времени и вложения значительных средств.

С учетом создавшейся ситуации в стране основным направлением деятельности Наркомздрава с первых же дней создания стала борьба с эпидемиями, предусматривавшая, помимо непосредственно врачебной помощи, создание единой санитарной службы, проведение противоэпидемических мероприятий, массовой санитарно-просветительной работы среди населения, а также соответствующих

научных исследований. Для руководства этой работой, кроме санитарно-эпидемиологического отдела Наркомздрава, возглавляемого крупным гигиенистом А. Н. Сыснимым, летом 1918 г. были организованы Центральная комиссия по борьбе с эпидемическими болезнями, Вакцино-сывороточная комиссия и Бюро прививочных отрядов, в состав которых вошли ведущие сотрудники всемирно известного Института экспериментальной медицины (бывший Императорский Институт экспериментальной медицины, созданный в 1890 г.). Для разработки и производства вакцин, предназначенных для населения, в ИЭМ было создано вакцинно-сывороточное отделение.

В 1919—1920 гг. был принят ряд декретов СНК РСФСР и постановлений Совета Обороны, направленных на мобилизацию всех медицинских работников на борьбу с эпидемиями, организацию санитарно-пропускных пунктов и других санитарных учреждений, создание так называемых заразных барачков и санитарных городков, очистку улиц и мест массового скопления населения (железнодорожных станций, казарм, чайных, столовых, театров, тюрем, ночлежек и т. п.), улучшение соцобеспечения медработников и т. п. Одно перечисление директивных документов, принятых большевиками в период Гражданской войны в отношении противозэпидемических мер, говорит о том, насколько серьезно они подходили к этому вопросу. Не менее важно было и то, что к борьбе с эпидемиями и к их профилактике удалось привлечь профессионалов, и что эта работа была развернута в государственном масштабе.

Так, 28 января 1919 г. был подписан декрет «О мероприятиях по борьбе с сыпным

⁶⁶ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 57.

⁶⁷ Там же. С. 185—186.

⁶⁸ Там же. С. 265.

⁶⁹ СУ. 1917—1918. № 100. Ст. 1032; 1919. № 6. Ст. 62.

тифом». 18 февраля «Санитарные правила для жителей Кремля» ввели в резиденции большевиков особый санитарный надзор. В тот же день специальным постановлением СНК были приняты меры к увеличению в связи с «сыпнотифозной эпидемией» производства в стране мыла как главного антисептического средства. 10 апреля 1919 г. были подписаны декреты «О мерах борьбы с эпидемиями», «Об обязательном оспопрививании» и «О снабжении бактериологических институтов и лабораторий необходимыми для их работы материалами и инвентарем», 18 июня — «О санитарной охране жилищ», 29 августа — «О мерах обеспечения РСФСР прививочными материалами, необходимыми для борьбы с заразными болезнями домашних животных». 22 ноября 1919 г. ВЦИК, СНК и Наркомздрав РСФСР приняли совместное постановление «Об организации в Кремле и во всех домах Советов санитарных пропускников в связи с эпидемией тифа», 6 декабря 1919 г. Совет Обороны принял постановление «О неделе очистки» и т.п.⁷⁰. На вокзалах открывали санитарно-пропускные пункты. По всей стране создавались эпидемиологические отряды и чрезвычайные комиссии по борьбе с тифом (Чекатиф). Под их руководством систематически проводилась работа по санитарной обработке предприятий, вокзалов, общежитий и школ, устраивались «банные недели» и «недели чистоты», «недели санитарной очистки», строились «тифозные бараки». Не стоит забывать, что все это имело место в обстановке продолжавшейся Гражданской войны.

Параллельно с предпринятыми государством чрезвычайными мерами по лечению и изоляции инфицированных была организована масштабная санитарно-просветительная работа среди населения. На предприятиях, в армии, клубах и избах-чи-

тальянх проводились лекции по охране здоровья и пропаганде навыков личной гигиены: на вокзалах, пристанях и на крупных зданиях развешивали противозидемические плакаты со стихотворными лозунгами: «Знай одиночка, знай коллектив: где грязь — там вошь, где вошь — там тиф!», или «Грязные руки грозят бедой. Чтоб хворь тебя не сломила: будь культурен — перед едой мой руки мылом». Большую роль сыграли «Окна сатиры РОСТА» и лично В. В. Маяковский.

Местными властями при участии активистов-общественников создавались санитарные комиссии, группы содействия врачебно-санитарному отделу в борьбе с эпидемиями и рабочие комиссии по борьбе за чистоту, разнообразные санбытгячейки, проводились субботники по очистке города и т.п. Так, 19 февраля 1920 г. Совнарком утвердил созданную Моссоветом Московскую Чрезвычайную санитарную комиссию (МЧСК). При МЧСК были созданы летучие контрольные отряды, им подчинялась сеть районных санитарных комиссий, при лечебных учреждениях создавались комиссии по изучению труда и быта рабочих. 1 марта 1920 г. была объявлена «Неделя санитарной очистки Москвы», в которой должны были принять участие все москвичи. Жилищно-санитарные инспекторы, представители домовых комитетов проверяли, нет ли грязи в квартирах. Одним из самых массовых мероприятий стала проведенная в июне 1921 г. в Москве «Неделя водоснабжения и очистки», в ходе которой, помимо уборки дворов и улиц, были отремонтированы системы водоснабжения и канализации.

Таким образом, единая государственная медико-санитарная служба создавалась в чрезвычайных условиях чрезвычайными мерами. Помимо борьбы с эпи-

⁷⁰ См.: Ленинские декреты по здравоохранению (1917—1921 гг.). М., 1970. С. 105, 108, 116, 117, 119, 122, 126, 129—134, 136—138, 144, 153, 156, 160, 168, 184, 191, 193, 200.

демиями, не менее важной задачей этой службы была профилактика заболеваемости. Основным методом профилактики стала диспансеризация. По утверждению Н. А. Семашко, советский диспансерный метод обслуживания населения принципиально отличался от западных аналогов тем, что был основан на синтезе профилактической и лечебной деятельности, путем обследования населения, выявления заболевших, постановки их на учет, организации лечения в профильных лечебных учреждениях с последующим динамическим наблюдением, а также проведения профилактических и лечебно-оздоровительных мероприятий, включая санаторно-курортное обслуживание⁷¹.

Важным принципом новой системы здравоохранения, сыгравшим большую роль в борьбе с эпидемиями, стало единство науки и практики. Большую роль в разработке противоэпидемических мероприятий, создании и производстве вакцин сыграли Ученый медицинский совет и Институт экспериментальной медицины. В октябре 1918 г. на базе кафедры микробиологии Саратовского университета был создан Краевой институт микробиологии и эпидемиологии Юго-Востока РСФСР (с 1920 г. — Государственный краевой институт микробиологии и эпидемиологии Юго-Востока России Наркомздрава РСФСР — «Микроб»). Крупным научно-теоретическим центром борьбы с инфекционными заболеваниями становится Москва. В 1919 г. для организации борьбы с сыпным тифом и другими инфекционными болезнями в столице открылись сразу два института: на основе частного химико-бактериологического института доктора Ф. М. Блюменталя был создан Государственный бактериологический институт Наркомздрава РСФСР (ныне — Национальный исследователь-

ский центр эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи Минздрава РФ), а на территории одной из первых в России Пастеровских станций был открыт Институт инфекционных болезней (позже Институт вакцин и сывороток) им. И. И. Мечникова. В 1920 г. было создано первое в РСФСР комплексное научно-исследовательское медицинское учреждение — Государственный институт народного здравоохранения, объединивший 7 научно-исследовательских институтов: питания, контроля вакцин и сывороток, экспериментальной биологии, санитарно-гигиенический, микробиологический, тропических болезней, биохимический. В 1921 г. в Москве открылись Государственный венерологический институт и Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза, а в 1922 г. — Институт охраны материнства и младенчества.

В Петрограде в 1918 г. было открыто первое в России исследовательское учреждение для изучения методов обучения глухих и подготовки сурдопедагогов — Центральный институт глухонемых; по инициативе В. М. Бехтерева был создан Институт по изучению мозга и психической деятельности. Северная столица становится одним из ведущих научно-исследовательских центров по психиатрии, педологии и дефектологии. Только при Психоневрологическом институте в 1918 г. действовали Педологический институт, Обследовательский детский институт, Психиатрический институт для увечных воинов и ряд других научных и лечебных медицинских учреждений.

К концу Гражданской войны в Советской Республике была в основном сформирована единая централизованная государственная система здравоохранения, основанная на принципах бесплатно-

⁷¹ Семашко Н. А. Очерки по теории организации советского здравоохранения: (Принципиальные основы советского здравоохранения). М., 1947. С. 20—21.

сти и общедоступности. В соответствии с новым законодательством здоровье трудящихся было объявлено предметом государственной заботы. При этом приоритетное внимание уделялось общему оздоровлению населения и профилактике заболеваний. Был провозглашен лозунг: «От борьбы с эпидемиями — к оздоровлению труда и быта».

Безусловно, реальная ситуация была весьма далека от норм декретов и от идиллической картины, создаваемой советской пропагандой. Врачей катастрофически не хватало, и в первую очередь им было предписано обслуживать рабочих и работников партийно-государственного аппарата. Например, в Вологодской губернии в 1920—1921 гг. территорию в несколько сот квадратных верст⁷² обслуживали всего 2—5 врачей⁷³. Даже дети, провозглашенные большевиками привилегированным классом, не всегда получали необходимую медицинскую помощь. Если в Петрограде врачи посещали детские дома в среднем 2—3 раза в неделю, то в регионах один медработник обычно обслуживал несколько детских домов и посещал своих подопечных не чаще, чем раз в 10—15 дней. В частности, в 1921 г. на 85 детдомов Владимирской губернии, в которых проживало более 4 тыс. детей, оставшихся без родителей, приходилось всего 20 медработников; 20 тыс. воспитанников детдомов Воронежской губернии обслуживали 24 медика. Многие врачи, прикрепленные к детдомам, реально там никогда не бывали, так как имели по несколько совместительств (вплоть до 10) и физически не успевали выполнять все свои должностные обязанно-

сти⁷⁴. Еще тяжелее была ситуация в сельской местности. Система круглосуточной скорой медпомощи в первое время работала только в столице. Помещений для больниц не хватало, а имеющиеся здания часто нуждались в капитальном ремонте, не были оборудованы канализацией и водопроводом.

Тем не менее, в целом, в области охраны здоровья, вопреки ситуации Гражданской войны, в этот период был сделан колоссальный шаг вперед. Благодаря созданию единой государственной санитарной службы и проведению массовой санитарно-просветительной работы удалось существенно снизить заболеваемость тифом, холерой и малярией, были достигнуты значительные успехи в борьбе с туберкулезом и венерическими заболеваниями. Число сельских врачебных участков на территории 23 губерний европейской части России с 1913 до 1921 г. возросло с 1759 до 2174⁷⁵.

Особенно быстро росли практически не развитые ранее сети зубоврачебных амбулаторий, женских и детских консультаций. Были заложены основы системы общедоступной бесплатной медпомощи на дому, круглосуточной службы скорой медицинской помощи, государственного планирования здравоохранения и медицинской статистики. Новая система здравоохранения, получившая в Европе известность как «система Семашко», опиралась на лучшие традиции земской медицины (бесплатность и общедоступность, участковая система обслуживания населения), использовала мировой опыт фабрично-заводской, военной, страховой медицины.

⁷² Квадратная верста равна 1,13806224 км².

⁷³ ГАРФ. Ф. О-5207. Оп. 1. Д. 26. Л. 58.

⁷⁴ Там же. Д. 25. Л. 45; Д. 27. Л. 30—32; Д. 46. Л. 62—63. Подробнее см.: *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917—1940 гг.). М.: СПб., 2015. С. 251—256.

⁷⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. Сер. 2. Т. VII: Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР 1917—1920. М., 1967. С. 679.

Решение жилищной проблемы: основные задачи, методы и итоги

Одной из первоочередных задач новой власти стало улучшение жилищных условий трудящихся, переселение их в городах из малопригодных для жизни бараков и подвалов. Жилищный фонд России рубежа XIX—XX вв. был незначительным. Известный экономист и архитектор конца XIX — начала XX в. М. Г. Диканский отнес жилищный вопрос к числу самых «жгучих» социальных проблем начала XX в.⁷⁶ В промышленных центрах рабочие жили в бараках, подвалах и так называемых угловых и коечно-каморочных квартирах, т.е. в квартирах, разделенных занавесками или тонкими перегородками на углы и секции, в которых помещались только койки, в лучшем случае — с табуреткой. Обследование этих квартир, проведенное в Москве в 1899 г., показало недопустимость проживания в них: «Если взять среднюю по своей обстановке коечную квартиру, то она окажется грязной, с испорченным воздухом, изобилующей всякими насекомыми и во многих случаях сырой и холодной; в такой квартире помещается людей, во всяком случае, больше, чем следовало бы, и скученность населения доходит иногда до того, что становится непонятным, как могут жить люди в такой обстановке»⁷⁷. Случаи, когда предприниматели вкладывали средства в улучшение бытовых условий своих работников, имели место, но не были типичным явлением. По данным переписи

1912 г., в Москве свыше 300 тысяч рабочих с семьями жили в антисанитарных условиях и 120 тысяч — в сырых подвалах и полуподвалах⁷⁸. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других крупных городах⁷⁹.

В годы Первой мировой войны в связи с массовым притоком беженцев из западных губерний в центр России проблема нехватки жилья стала еще острее⁸⁰. Поскольку строить новое жилье в тех условиях было нереально, единственный выход быстрого решения (хотя бы частичного) проблемы заключался в «оптимизации» имеющегося жилищного фонда. После 1917 г. большевики попытались осуществить эту «оптимизацию» за счет «революционного передела жилья» в пользу наиболее нуждавшихся трудящихся путем уплотнений, подселений, выселений.

Для начала они провели учет свободного, т.е. не используемого по назначению жилья, которое подлежало секвестру. 30 октября 1917 г. было опубликовано постановление Наркомата по внутренним делам «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса». В соответствии с этим постановлением полномочия местных властей ограничивались правами вселения нуждающихся в пустующие помещения. Однако этот путь дал минимальные результаты, так как свободных площадей оказалось крайне мало.

⁷⁶ Диканский М. Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908. С. 1. См. также: Вернер И. Жилища беднейшего населения Москвы // Известия Московской гор. думы. 1902. № 19 (окт.). С. 3; Диканский М. Г. Жилищная нужда и строительные товарищества. Харьков, 1908.

⁷⁷ Цит. по: Красная Москва. 1917—1920 гг. М., 1920. Ст. 357—358.

⁷⁸ Баева Л. К. В. И. Ленин и осуществление первых мероприятий Советской власти в области социальной политики (октябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.). С. 269.

⁷⁹ См.: Бородин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильников И. В. Жилье фабричного рабочего в период дореволюционной индустриализации: Сравнительный анализ архивной документации двух крупных мануфактур // Историко-экономические исследования. Т. 8. № 2. 2007. С. 122—162; Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.

⁸⁰ О бытовых условиях рабочих рубежа XIX—XX веков см.: Валетов Т. Я. Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX — начала XX в.? // Социальная история: Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 176—196.

Через месяц, 23 ноября 1917 г., в СНК был внесен проект «Декрета об отмене частной собственности на городские недвижимости». Проект вызвал в правительстве споры и не был принят, но его публикация в печати⁸¹ была воспринята на местах как призыв к действию. Уже в конце ноября 1917 г. местные власти, в ведение которых большевики предполагали передать осуществление жилищной реформы, начали конфискацию недвижимости у владельцев. Этот стихийный процесс сопровождался массовым выселением жильцов без учета их социального происхождения. Причем, тон в этом деле задавали столицы — Москва и Петроград.

12 декабря 1917 г. на основе опубликованного, но формально не утвержденного СНК проекта упомянутого Декрета Моссовет принял постановление об отмене права частной собственности на городскую недвижимость. Вслед за этим в Москве началась массовая муниципализация жилья, т.е. его изъятие из частной собственности и передача в ведение органов местного самоуправления (в данном случае — Советов)⁸². В первую очередь это коснулось владельцев «доходных домов», которые сами там не жили, а сдавали недвижимость внаем состоятельным гражданам. 1 ноября 1918 г. Моссовет принял постановление об отмене права частной собственности на домовладения, доход от которых на 1 января 1917 г. приносил их собственнику более 750 рублей. Предпола-

галось, что ранее сдававшиеся внаем квартиры и комнаты после муниципализации местные власти будут сдавать семьям трудящихся из числа особо нуждавшихся в жилье. Вместе с жилплощадью рабочим передавали и значительную часть реквизированной у «буржуазии» мебели. Таким путем в течение 1918 г. только в Москве, по официальным данным, было переселено 40 тысяч рабочих⁸³.

Если прежде доходы от сдачи жилья поступали в карман собственников домов, то теперь расценки устанавливали местные власти, в бюджет которых пошли доходы от сдачи муниципализированной недвижимости. Однако вскоре выяснилось, что владение имуществом требует умения им управлять и значительных расходов на его содержание. Не случайно состоявшийся в мае 1920 г. съезд заведующих уездными коммунальными отделами Московской губернии признал, что коммунальные отделы «муниципализировали слишком большое количество домов, не справляясь ни с ремонтом, ни с очисткой»⁸⁴. Однако в условиях первых революционных преобразований и начавшейся Гражданской войны не эти вопросы казались приоритетными.

Вслед за Москвой в январе 1918 г. вопрос о немедленной муниципализации городского жилого фонда был поставлен и Петроградским Советом. По итогам обсуждения вначале было решено ограничиться введением для собственников жилья

⁸¹ Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 25 нояб.; Известия. 1917. 27 нояб.; Правда. 1917. 30 нояб.

⁸² См.: Федоров А. Н. Жилище в послереволюционной Москве как объект политики и повседневной жизни (1917—1918 гг.) // Вестник РУДН. № 1. 2008. С. 54—59; *Он же*. Хроники повседневной жизни москвича в 1917—1920 гг.: Жилищный вопрос // Труды Ин-та рос. истории РАН. Вып. 9. М., 2010. С. 239—254; Смирнова Т. М. «Жилищный вопрос — такой важный и такой большой...»: Жилищная политика и практика в послереволюционной России (1917 — начало 1920-х гг.) // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. Vol. 33. Iss. 2—3. P. 183—208; *Она же*. Классовая борьба на «жилищном фронте»: Особенности жилищной политики Советской власти в 1917 — начале 1920-х гг. // Социальная история: Ежегодник, 2007. М., 2008. С. 199—218.

⁸³ Красная Москва. 1917—1920 гг. Ст. 347.

⁸⁴ Власть Советов. 1920. № 5. С. 14. См. также: Гельбрас Г. Рабочие домовые коммуны в Москве: Итоги массового улучшения жилищного быта рабочих за время 1918—1919 гг. // Власть Советов. 1920. № 5. С. 11—13; Исаков А. Коммунальный съезд и текущая коммунальная политика // Власть Советов. 1920. № 5. С. 8—11.

специального оценочного сбора и подоходного налога в пользу городского бюджета, а конфискацию проводить лишь в случае возникновения задолженности⁸⁵. Однако уже 31 января 1918 г. решением Петроградской городской управы были конфискованы 29 жилых домов, а 27 февраля — еще 258. Начиная же с мая 1918 г. дома в Петрограде начали муниципализировать не выборочно, а в массовом порядке — целыми улицами, без учета целесообразности передачи их в муниципальную собственность. В результате к августу 1918 г. в городе уже было конфисковано у прежних владельцев более 2,5 тысяч жилых домов⁸⁶.

Аналогичные процессы проходили и в регионах. Так, в январе 1918 г. Кронштадтский совет принял решение об отмене частной собственности на жилые здания в городе. В феврале 1918 г. Омский совет отменил частную собственность на дома и земли оценочной стоимостью более 500 рублей⁸⁷. После принятия ВЦИК 20 августа 1918 г. Декрета «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» муниципализация охватила всю территорию Советской России. Несмотря на то что действие этого декрета распространялось только на городские поселения с числом жителей более 10 тыс., на практике муниципализация коснулась не только городов, но и небольших поселков. Она затронула даже сельскую местность, где, наряду с помещичьими имениями, местные власти в революционном порыве нередко муниципализировали и небольшие частные дома, построенные местными жителями на свои трудовые сбережения.

Муниципализация жилья была одной из самых масштабных социальных реформ большевиков в первые годы со-

ветской власти. В той или иной мере она затронула интересы сотен тысяч, если не миллионов людей. «Буржуазно-аристократическое» меньшинство, отнесенное к «классовым врагам», лишилось собственности, дохода и привычных условий жизни. Прежние собственники больших квартир, которые остались в них проживать, вынуждены были потесниться и приспособиться к жизни в условиях «коммуналки», вместе с подселенными к ним гражданами. Нередко они происходили из другой социальной среды, не отличались изысканными манерами и подчас впервые осознали преимущества жизни в человеческих условиях. Неудивительно, что эти люди с благодарностью относились к советской власти.

В основе этой реформы лежала идея более справедливого перераспределения жилого фонда. Власть заявляла, что стремилась обеспечить жильем нуждающихся, в первую очередь — семьи трудящихся, за счет изъятия так называемых «излишков» жилой площади у имущих городских слоев. Так, например, 1 марта 1918 г. Петроградским Советом был принят декрет, ограничивающий «жилищные права буржуазии» вполне терпимой нормой — одной комнатой на каждого взрослого члена семьи и одной комнатой на детей. Остальная площадь реквизировалась вместе с мебелью. Причем за реквизируемую жилплощадь и коммунальные услуги по-прежнему должны были платить бывшие владельцы; подселенные же к ним «пролетарские» жильцы освобождались от оплаты. За невыполнение этого постановления грозило выселение с конфискацией всего имущества⁸⁸. Но так как «излишков» на всех не хватало, на практике классовый прин-

⁸⁵ Известия ВЦИК. 1918. 30 янв.

⁸⁶ См.: Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003. С. 62—64.

⁸⁷ Журавлев В. В. Декреты Советской власти 1917—1920 гг.: Законодательные акты в сфере обобществления капиталистической собственности. М., 1979. С. 339.

⁸⁸ Известия ВЦИК. 1918. 2 марта.

цип выдерживался не всегда. Возникла и другая проблема: возможности для «подселения» имелись в основном в центральной части городов, а промышленные предприятия располагались на окраинах, до которых было трудно добираться. Поэтому приблизить жилье трудящихся к месту их работы, как предполагалось, оказалось для жилищной комиссии намного более сложным и хлопотным делом, чем «закрыть вопрос», поселив на высвободившихся площадях совслужащих, учреждения которых тоже располагались в центре.

В разгар Гражданской войны, в сентябре 1918 г., Моссовет дал указание районным жилищным комиссиям руководствоваться при решении их вопросов разделением граждан на следующие 4 категории: 1) ответственные советские работники; 2) рабочие; 3) остальное трудовое население; 4) нетрудовые паразитические элементы. Через месяц Президиум Моссовета принял постановление, которым уточнил категории тех, кто мог претендовать на предоставление жилья в городе: 1) высшие служащие промышленных, торговых и общественных учреждений и предприятий; 2) рабочие; 3) мелкие и средние служащие частных и государственных учреждений и предприятий; 4) лица, живущие за счет нетрудовых доходов⁸⁹. Как видно, вопреки декларируемому классовому подходу, приоритет отдавался не рабочим, оказавшимся на втором месте, а руководящим работникам. Но, в принципе, на муниципальное жилье могли рассчитывать даже «нетрудовые элементы», по разным причинам оказавшиеся без крыши над головой. Это давало местным чиновникам, от которых зависело перераспределение жилья, довольно широкое пространство для «маневра».

В 1919 г. большевики пошли на усиление социальной поддержки рабочих,

нуждавшихся в жилье. Для стимулирования их переселения в более комфортные квартиры местные Советы стали предоставлять им, как и семьям красноармейцев, льготы по квартплате и единовременные ссуды для переезда с городских окраин в центр. 10 июля 1919 г. Совнарком принял постановление о «квартирной прибавке» к заработку рабочих и служащих в Москве и Петрограде и о запрещении повышения платы за жилые помещения. 27 января 1921 г. Декретом СНК была вообще отменена плата за жилье и за коммунальные услуги (водопровод, канализация, газ, электричество и т.д.) для рабочих, служащих, инвалидов труда и войны, а также для лиц, находящихся на их иждивении⁹⁰. Эта льгота, существенная в условиях нарастающего экономического кризиса, затронула сотни тысяч граждан.

Для контроля вопросов, связанных с распределением жилья в столице, а также для организации выселения из нее так называемых «паразитических элементов», 27 июня 1918 г. в Москве была создана Центральная жилищная комиссия, в которую вошли представители жилищно-земельного отдела Моссовета, ВЦСПС и ВЧК. В ведение этой комиссии передавались все дела и статистические материалы, связанные с распределением жилья в пределах Московской губернии, а также специально ассигнованные на эти нужды средства⁹¹.

Недостаточную эффективность и во многом вынужденный характер политики муниципализации, противоречивость результатов выселений, подселений, уплотнений и т.п. отмечали как многие граждане, так и сами коммунальные органы. В частности, руководство Моссовета называло такую политику «паллиативом», не способным «разрубить Гордиев узел жилищного

⁸⁹ Красная Москва. 1917—1920 гг. Ст. 347.

⁹⁰ СУ. 1921. № 6. Ст. 47.

⁹¹ СУ. 1917—1918. № 48. Ст. 571.

кризиса»⁹². Однако в тех конкретных условиях, при невозможности строительства нового жилья, муниципализация казалась новой власти единственно возможным

и быстрым способом если не решения, то, по крайней мере, ослабления остроты жилищного кризиса и усиления социальной поддержки большевиков.

Основные противоречия социальной политики

К концу Гражданской войны были сформированы основы советской социальной политики, определены приоритеты государственной системы соцобеспечения, формы доступа тех или иных социальных групп к основным социальным благам. Противоречие между грандиозными планами и реальными возможностями их выполнения привело не только к сужению поставленных задач, но и к разительному несоответствию реальной практики декларируемым принципам.

Изначально социальная программа новой власти предполагала масштабные изменения практически во всех сферах. Помимо мероприятий в области охраны труда, формирования государственных систем соцобеспечения и здравоохранения, решения жилищной проблемы, важными направлениями социальных преобразований должны были стать охрана материнства и детства, семейная политика и эмансипация («раскрепощение женщин»), культурная революция, предполагавшая помимо прочего борьбу с неграмотностью, развитие самодеятельного творчества населения, изменение повседневной бытовой и праздничной культуры и т.д.

Реальные условия Гражданской войны и экономической разрухи выдвинули на передний план несколько иные задачи — борьбу с голодом, нищетой и эпидемиями, минимизацию жилищного кризиса в городах, мобилизацию труда и т.п. Речь шла в первую очередь об обеспечении выживаемости населения, а также о его привлечении на свою сторону, о сохранении и укреплении власти.

Во всех сферах социальной политики большевиками последовательно проводи-

лись принципы централизации и государственного регулирования, что, с одной стороны, давало необходимые государственные гарантии соцобеспечения, медицинской помощи, образования, заботы о сиротах и т.д., а, с другой, — нередко приводило к тотальному контролю государства, ограничивающему реальные свободы, что особенно наглядно проявилось в сфере трудовых отношений или жилищной политики.

Другим основополагающим принципом социальной политики большевиков, направленным на построение в перспективе бесклассового общества, стал, как это ни парадоксально, классовый подход. На словах он провозглашался советской властью во всех сферах жизни: классовый паек, классовый принцип распределения жилья, классовое правосудие, классовое образование и т.д. На деле, как уже отмечалось выше, ситуация была намного более сложной. Классовый принцип подменялся соответствующей риторикой, а нередко и отходил на задний план под влиянием экономической или политической целесообразности. Противоречие было заложено уже в первой советской Конституции 1918 г., статья 22 которой провозглашала равные права всех граждан, а статья 23 лишала представителей бывших эксплуататорских классов целого ряда гражданских прав. Наблюдалось переплетение классового подхода и идеологического догматизма с прагматизмом, популистских лозунгов с дискриминационными решениями, демократических преобразований с антидемократическими карательными мерами.

⁹² Красная Москва. 1917—1920 гг. Ст. 350.

В условиях тотального дефицита распределение между различными общественными группами продовольствия, финансов и прочих материальных благ потребовало от власти руководствоваться не только глубоко классовым подходом, но и учитывать другие факторы. Даже отдавая приоритет рабочим, большевики исходили не из догмы, а в первую очередь из прагматических соображений. «В стране, которая разорена, — писал В.И. Ленин в 1919 г., — первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы все спасем и восстановим»⁹³. Изучение законодательно-распорядительных документов, регламентировавших систему соцобеспечения, свидетельствует о стремлении совместить в распределении скудных ресурсов принципы социальной справедливости (преимущественное удовлетворение наиболее нуждающихся, в том числе за счет имущих слоев), гуманизма (приоритетное снабжение детей и беременных женщин, работа об инвалидах) и экономической целесообразности. Так, например, в соответствии с «Положением о социальном обеспечении» от 31 октября 1918 г. оно распространялось на всех трудящихся, «независимо от характера и длительности работы, а также от того, работают ли они в государственных, национализированных, частных, акционерных, общественных предприятиях, учреждениях или хозяйствах, у отдельных лиц или самостоятельно»⁹⁴. Далее (ст. 8) уточнялось, что

пособия и пенсии не выдаются в случае, если утрата трудоспособности не сопровождается утратой заработка. Если же сохранена только часть заработка, то эта часть должна быть высчитана из размера пособия или пенсии. В случаях «острых промышленно-хозяйственных кризисов» Наркомату труда предоставлялось право сокращать размер суммы всех получаемых одним лицом пособий, вместе с заработком и прочими доходами, до суммы минимального пособия (ст. 10)⁹⁵. Нарком соцобеспечения А.Н. Винокуров не раз подчеркивал, что «всякого рода благотворительность, филантропия, нищенские подаяния должны быть искоренены и заменены рационально поставленной социальной помощью». Например, соцобеспечение инвалидов должно заключаться в том, что они по возможности «должны быть вылечены, поставлены на ноги, снабжены протезами и обучены какому-нибудь ремеслу, дабы могли опять трудиться и не быть обузой для государства»⁹⁶.

В ситуации Гражданской войны советское государство оказалось не в состоянии справиться со всеми взятыми на себя социальными обязательствами. Многие из них существовали только на бумаге, в виде деклараций о намерениях, другие были реализованы частично. Вместе с тем нельзя отрицать очевидные достижения большевиков в сфере здравоохранения и санитарно-просветительной работы, в борьбе с неграмотностью, введении целого комплекса мероприятий в сфере охраны труда и т.п.

⁹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 359.

⁹⁴ В 1929 г. постановлением Союзного Совета социального страхования при Наркомате труда СССР права на пенсию и пособие по безработице были лишены все бывшие помещики, фабриканты, жандармы, полицейские, руководители контрреволюционных банд и т.п. (Постановление Союзного Совета социального страхования при Народном комиссариате труда СССР от 21 февраля 1929 г. «О лишении права на пенсию и пособие по безработице бывших помещиков, фабрикантов, жандармов, полицейских, руководителей контрреволюционных банд и т.п.» // Известия Народного комиссариата труда СССР. 1929. № 12—13. С. 197).

⁹⁵ СУ. 1917—1918. № 89. Ст. 906.

⁹⁶ 1-й Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения 26 июня (2 июля) 1918 года. М., 1918. С. 3—4.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ

Рабочий вопрос и регулирование рынка труда

Используя понятие «социальная политика» антибольшевистских правительств, следует оговориться, что это является, по сути, исследовательским конструктом, ибо современники изучаемых событий не определяли ее как особое направление внутренней политики, а политические лидеры и представители высших эшелонов власти, принимая решения и реализуя их, воспринимали свои действия как разработку отдельных направлений внутренней политики, не объединенных общим понятием «социальная политика»¹. Поэтому в данной главе с опорой на современное знание пойдет речь о различных направлениях внутриполитической деятельности антибольшевистских правительств, определяемых сегодня собирательным образом «социальная политика», а именно о рабочем вопросе и регулировании рынка труда, о жилищной проблеме, о выплате пенсий и пособий, о социальной помощи пострадавшим от боевых действий и разрушений, об организации медицинского обслуживания на фронте и в тылу, о проблеме беженцев².

Падение власти большевиков на окраинах Российской империи и образование ан-

тибольшевистских правительств поставило на повестку рабочий вопрос. Признание его весомости подчеркивалось наличием в структуре большинства правительств на Украине, Севере и Востоке России, в том числе региональных, особого ведомства труда, отвечавшего за разработку и проведение рабочей политики. Отсутствовало такое ведомство при Особом совещании ВСЮР, в Армянской и Азербайджанской республиках. Нередко, чтобы не раздувать правительственный аппарат, в составе правительственного органа образовывали объединенное ведомство торговли, промышленности и труда (Совет управляющих делами Всевеликого войска Донского, Временное Приамурское правительство).

На Востоке России первые месяцы после падения Советов у власти находились члены Учредительного собрания. Поэтому сначала ведомство труда Комуча провозгласило неприкосновенность всех революционных завоеваний рабочего класса, включая органы рабочего контроля, коллективные договоры, заключенные в период «красногвардейской атаки на капитал». Декларациям Комуча вторили

¹ Рышков В. М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России (июнь 1918 — октябрь 1922 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2021. С. 45.

² См. подробнее: Рышков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918—1919 г.). Новосибирск, 2008; Он же. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: Идеология, законодательство, практика (июнь 1918 — октябрь 1922). М., 2022; и др.

правительства на Урале, в Сибири и в Северной области.

Затем правительства Севера и Востока России наметили преобразования, нацеленные на восстановление партнерства работников и работодателей в биржах труда, больничных кассах и примирительных камерах. Верховное управление Северной области 15 сентября 1918 г., через полтора месяца после прихода к власти, отменило все советские декреты в области социального страхования, но и в дореволюционный Устав о промышленном труде внесло ряд изменений. Больничные кассы получили право сохранить врачебную помощь в ведении работодателя или оказывать ее самостоятельно с удержанием с него в пользу кассы дополнительно 2% от заработка работников. Размер пенсий по утрате трудоспособности стал индексироваться³. Больничные кассы, действовавшие на основании советских декретов, постановлением от 29 ноября 1918 г. ликвидировались, а биржи труда в соответствии с постановлением от 27 декабря 1918 г. возобновили работу по закону Временного правительства⁴. Верховное управление Северной области тем не менее не затронуло главные завоевания рабочих — восьмичасовой рабочий день, и высокие, а на Севере именно при большевиках сильно выросшие, зарплаты оставались неприкосновенными и закреплялись в новых коллективных договорах⁵. Впрочем, приводимые профсоюзами и в печати материалы свидетельствовали о том, что в силу стремительного роста цен и дороговизны рабочие жили значительно ниже прожиточного минимума, им не хватало зарплаты даже на продовольствие, не говоря уже о предметах первой необходимости⁶.

В Поволжье, на Урале и в Сибири достаточно быстро удалось организовать аппарат губернских и уездных комиссаров труда (с декабря 1918 г. — инспекторов труда). Поволжский вариант рабочей политики оказался наиболее конфликтным. Ведомство труда предписало на предприятиях сформировать комиссии из владельцев и представителей от рабочих для выработки компромиссных условий управления. Достижение договора провозглашалось непременным условием возвращения средств производства законным владельцам. При этом правительство быстро осознало, что на казенных предприятиях невозможно обойтись без сокращения штатов, снижения зарплат и установления твердой производственной дисциплины. Собственные авансы профсоюзному движению привели к тому, что правительству оказалось трудно справляться с поставленными задачами: профсоюзы вели откровенно противоправительственную работу. Само правительство приступило к разработке реформ социального страхования, борьбе с безработицей, созданию органов для разрешения трудовых конфликтов, но не успело реализовать практически ничего⁷.

Наиболее тщательную разработку рабочего вопроса на законодательном уровне предприняло Министерство труда Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств под руководством Л. И. Шумиловского. Принципиальное значение имели три нормативных акта. Временное Всероссийское правительство 14 ноября 1918 г. реорганизовывало биржи труда. Они стали муниципальными учреждениями, формировались с участием представителей рабочих и предпринимателей, занимались регистрацией найма

³ СУР ВУСО. № 1. Ст. 72.

⁴ Там же; СУР ВПСО. 1918. № 2. Ст. 221; 1919. № 4. Ст. 256.

⁵ Прайсман Л. Г. 1917—1920: Огненные годы Русского Севера. СПб., 2019. С. 75—76.

⁶ Рабочий Севера. 1918. № 2. С. 2—3; № 4. С. 86.

⁷ Известия Самарского губернского совета народного хозяйства. 1918. № 9. С. 12; ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1199. Л. 96—97.

и увольнения, содействовали трудоустройству⁸. Реализовывались намеченные преобразования медленно и с большим трудом в связи с недостатком средств у органов городского самоуправления и широко распространенным наймом без регистрации, что позволяло работодателям платить зарплату ниже установленных тарифов.

Следующими по времени стали преобразования в области социального страхования. Временное правительство и советские декреты последовательно увеличили размер взносов в больничные кассы, расширили круг страхуемых за счет работников мелких предприятий; взносы же советское законодательство возложило целиком на работодателей, устранив их от участия в работе. Даже социалистический Комуч признал необходимость вернуть в правления больничных касс предпринимателей и восстановить страховые вычеты с зарплат работников. Временное областное правительство Урала задумалось о необходимости централизации страховых учреждений. Западно-Сибирский комиссариат сохранил советский размер взносов, но оговорил временность этой меры до подготовки законопроекта.

Министерство труда Л. М. Шумилова несколько месяцев готовило реформу страхового дела, преодолевая сопротивление и рабочих, и предпринимателей, и других ведомств. Пока шли длительные согласования, часть предпринимателей прекратила выплату страховых взносов, а больничные кассы оказались на грани банкротств. В условиях правовой неопределенности на местах возникали споры о размерах страховых отчислений и степени участия в них работодателей и работников. Наконец, 8 января 1919 г. Российское правительство утвердило постановление «Об изменении правил обеспечения рабо-

чих на случай болезни и об органах, ведающих страхованием рабочих». Страховые отчисления работодателей устанавливались в размере 6% от заработка (или 3%, если предприятие само предоставляло медицинское обслуживание работникам), с работников удерживали 1,5%. В государственных учреждениях больничные кассы не организовывались. Высокооплачиваемые рабочие не подлежали страхованию. Размер и правила оплаты пособий по болезни, увечью, беременности и уходу за детьми определили в соответствии с несколько скорректированным законодательством 1917 г. Наиболее важным достижением следует считать появление совета по делам страхования при Министерстве труда и областных (губернских) присутствий по страховым делам с широким представительством от ведомств, органов местного самоуправления, работников и работодателей⁹. Они зарабатывали только к концу 1919 г. Но в целом можно отметить некоторое оживление сферы социального страхования. В первом полугодии возобновились выплаты взносов, шел процесс укрупнения больничных касс. И только осенью 1919 г. больничные кассы стало лихорадить, так как в условиях инфляции они столкнулись с недостатком поступающих средств.

Следующий закон регулировал порядок увольнения работников по инициативе работодателя, усиливая социальную защищенность трудящихся. Ранее администрация предупреждала работника об увольнении за две недели, выплачивая пособия в размере двухнедельного заработка. 10 сентября 1918 г. Временное областное правительство Урала поставило размер выходного пособия в зависимость от стажа работника, определив его от двухнедельного до месячного оклада¹⁰. 9 мая 1919 г.

⁸ Правительственный вестник. 1918. 22 дек.

⁹ Законы о страховании рабочих. Омск, 1919.

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. Екатеринбург, 1918. № 3. Ст. 17.

Российское правительство увеличило размер вдвое по сравнению с уральским постановлением, предоставило работнику возможность искать работу, получая дополнительные выходные за счет предприятия. Вводились штрафные выплаты работодателям за несвоевременную выплату заработной платы (тоже максимально до суммы двухмесячных выплат)¹¹. Перечисленные нововведения усиливали трансакционные барьеры на рынке труда, препятствуя сокращению штатов.

К более жесткому варианту регулирования рынка труда вернулось Временное правительство — Приморская областная земская управа в 1920 г. Оно восстановило в Приморье обязательный наем и увольнение только через биржу с централизованной выплатой установленных ставок на основе единой общерегиональной тарифной системы. Но частным предпринимателям такой уровень социальной защищенности работников оставался просто «не по карману», и наем шел нелегально, причем старались взять неприхотливых выходцев из Китая и Кореи. В результате жесткие меры правительства по регулированию только ухудшили положение нанимаемых, стимулировали теневые способы найма рабочей силы.

Особенностью сферы занятости в условиях Гражданской войны являлась низкая платежеспособность работодателей, следовательно, предложение низких зарплат вело к тому, что при высоком уровне безработицы спрос на труд оставался неудовлетворенным. Именно так происходило в Крыму при правительстве С.С. Крыма. Принятие законов о социальном страховании, о биржах труда, выплата рабочим и служащим Севастопольского порта, начисление небольших прибавок к жалованию и выплата пенсий престарелым давали

небольшой эффект в условиях, когда безработица охватила до половины трудящихся крымских городов¹². Большевики в рамках политики «военного коммунизма» широко прибегали к трудовым мобилизациям. Либералы и умеренные социалисты из противоположного лагеря долгое время не желали использовать меры принудительного рекрутирования рабочей силы. Для борьбы с безработицей органы городского самоуправления повсеместно пытались ввести общественные работы, но нигде не достигли заметного оздоровления рынка труда.

На Востоке России возможность использования трудомобилизационных мер впервые робко обсуждалась с сентября 1918 г. на заседании Временного Сибирского правительства. Примерно в это же время на съезде земств и городов освобожденной России в Самаре была высказана мысль о необходимости создать региональную биржу труда как орган переброски излишков рабочей силы. По-настоящему вопрос о мобилизации стал активно обсуждаться законодателями в марте — апреле 1919 г. Наконец, 6 мая 1919 г. Совет министров Российского правительства принял постановление о трудовой повинности¹³. В нем речь шла о призыве для работы по специальности лиц «интеллигентских» профессий. За лето и осень отдельными распоряжениями из частных учреждений были призваны юристы, работники продовольственных органов и врачи. Ограниченность такого подхода очевидна. Он не позволял решить проблему с кадрами оборонных и транспортных предприятий.

В других регионах, подконтрольных антибольшевистским правительствам, трудовым мобилизациям подверглись медики. 25 октября 1918 г. в Северной области все медики и ветеринары были призваны

¹¹ Правительственный вестник. 1919. 3 июня.

¹² Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 449, 486.

¹³ Правительственный вестник. 1919. № 161.

на военную службу с работой по специальности в военно-медицинских учреждениях. На Дону медиков мобилизовали 30 ноября 1918 г. приказом донского атамана Краснова. Тех, кто старше 45 лет, направляли в гражданские и военные тыловые учреждения, тех, кто младше, могли отправить на фронт¹⁴.

Но в целом законодатели в разных регионах предлагали добровольный наем рабочей силы. Например, даже регулируя порядок восстановительных работ в казачьих станицах, пострадавших от действий Красной армии, Совет управляющих отделами Всевеликого войска Донского предписал направлять на работы пленных красногвардейцев, а также нанимать черно-рабочих из средств, переведенных специально на эти цели¹⁵. Примеров принятия специальных норм, позволявших организовывать принудительные работы, немного. В частности, в Новороссийском порту скопилось большое количество грузов. 15 апреля 1919 г. Особое совещание разрешило Черноморскому военному губернатору привлекать беженское и местное население, не состоящее на военной или гражданской службе, к отбыванию трудовой повинности на погрузочно-разгрузочных работах. 21 мая его полномочия расширили, предоставив право мобилизовывать население для работы с грузами на железнодорожных станциях¹⁶. В Крыму уже при Я. А. Слащеве 29 декабря 1919 г. начальник севастопольского гарнизона генерал-майор В. Ф. Субботин ввел трудовую повинность для здоровых, не обремененных служебными и семейными обязанностями мужчин от 17 до 45 лет. Но коррумпированные исполнители выхолостили идею, согнав случайно пойманных служащих, рабочих,

журналистов, инженеров, но не тронув спекулянтов и городскую буржуазию. В результате Слащев отменил мобилизацию, распустил всех по домам¹⁷. Но, как правило, трудовые мобилизации населения оставались неурегулированными законодательно и широко использовались военными в прифронтовых районах с целью обеспечения армии.

Это не означает отсутствия практики мобилизации рабочей силы. Более того, существовали даже инструктивные материалы, регулировавшие порядок использования принудительно мобилизованной рабочей силы гужевого транспорта. Донской войсковой круг 3 сентября 1918 г., ссылаясь на недостаток медицинского и обслуживающего персонала на фронте, постановил привлекать к трудовой повинности «коренных крестьян Донской области» призывного возраста путем создания из них рабочих частей¹⁸. Достаточно широко привлекалось к принудительным работам сельское население и городские обыватели прифронтовых территорий по приказам военных. Передвижение войск требовало большого количества крестьянских подвод. Гужевая повинность обрушилась серьезным ударом на крестьянское хозяйство Урала, Степного края, а во второй половине 1919 г. — тыловых районов Сибири, охваченных борьбой с партизанским движением. В области Оренбургского казачьего войска она стала нелегким испытанием и для казачьих селений. Едва ли можно всерьез принимать восхищение мемуариста, представителя французских интервентов Л. Грондейса тем, как организовано в посменном режиме с минимизацией издержек проводилась мобилизация крестьян для обслуживания армии на Восточном фронте адмирала Кол-

¹⁴ СУР ВПСО. 1919. № 1. Ст. 168; СУР ПВВД. 1919. № 5. Ст. 374, 505.

¹⁵ СУР ПВВД. 1919. № 5. Ст. 534.

¹⁶ СУР ВСЮР. 1919. № 30. Ст. 254; № 41. Ст. 377.

¹⁷ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. С. 552—553.

¹⁸ Постановления Большого войскового круга Всевеликого войска Донского Четвертого созыва. Сессия Первая, 15 авг. — 20 сент. 1918 г. [Б.м.], 1918. С. 24.

чака. В Семипалатинской области не только крестьянское и казачье население, но и городское обязали поставлять подводы для перевозки воинского контингента и воинских грузов, а казахов-мужчин с 18 до 43 лет мобилизовывали на прокладку Южно-Сибирской магистрали. В Семиреченской области управляющий губернской мобилизовал казахское и крестьянское население на уборку полей призванных казаков и крестьян¹⁹.

В отношении одного из главных завоеваний революции — восьмичасового рабочего дня — Комуч и Временное областное правительство Урала, Совет управляющих отделами Всевеликого войска Донского, гетман Украинской державы П. Скоропадский высказали однозначную позицию, узаконив его сохранение²⁰. Временное Сибирское правительство, сделав акцент на восстановлении производительности труда и производственной дисциплины, тоже оговаривало сохранение восьмичасового рабочего дня. Специальный законопроект о продолжительности труда обсуждался с перерывами почти год, оброс деталями, касавшимися регулирования сверхурочных работ, количества праздничных дней в году, но так и не был принят.

Зато на Востоке России власть наиболее последовательно проводила меры по индексации заработной платы в связи с ростом цен. Начиная с осени 1918 г. профсоюзы, предприниматели и местные органы Министерства труда обсуждали вопрос о необходимости соотносить утвержденную тарифную сетку с прожиточным минимумом. Регулярная публи-

кация прожиточного минимума подстегивала периодический пересмотр тарифов. Размер заработков рабочих и служащих правительственных учреждений и казенных предприятий периодически индексировался с помощью надбавок. 1 сентября 1919 г. Совет министров Российского правительства даже утвердил специальную формулу, по которой зарплаты рабочих и служащих государственных учреждений и предприятий пересчитывались ежемесячно, в зависимости от роста цен текущего месяца.

На Юге России рабочий вопрос долго был на периферии внимания власти. Профсоюзы, больничные кассы формально продолжали действовать, но их полномочия и основания функционирования оставались неясны. Впрочем, никто не вел речь об отказе от страховой медицины, запрете профсоюзов.

Отдел торговли и промышленности Всевеликого войска Донского с сентября 1918 г. по январь 1919 г. занимался разработкой целой серии законопроектов, призванных регулировать рабочий вопрос: о сокращении продолжительности рабочего дня для малолетних, порядке соблюдения восьмичасового рабочего дня, новом положении о биржах труда, страховании от несчастных случаев и от безработицы. Установление выплат по безработице всем зарегистрированным на бирже в размере 3 руб. в день привело к тому, что пособие оказалось выше, чем зарплаты работников некоторых низкооплачиваемых специальностей. В итоге выплата пособий только сокращала стимулы к поиску работы²¹.

¹⁹ Семиреченские областные ведомости (Сергиопольская). 1919. 19 янв., 21 сент.; ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 194. Л. 132—133, 377—377 об.; *Гроудейс Л.* Война в России и в Сибири. М., 2018. С. 238—239.

²⁰ Законодательные акты Украинской державы. Вып. VII. С. 13; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (июнь—октябрь 1918 г.). М., 2011. С. 291—294; Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. 1918. № 1. Ст. 1; *Рвачева О. В.* Социальная политика власти в Войске Донском в период Гражданской войны // Русская старина. 2014. Т. 11. № 3. С. 146.

²¹ *Рвачева О. В.* Социальная политика власти в Войске Донском в период Гражданской войны. С. 146.

Созданная весной 1919 г. комиссия по рабочему вопросу при Вооруженных силах Юга России (ВСЮР) работала крайне медленно, рассматривала сугубо юридические аспекты в отрыве от реальной политической обстановки. Не дождавшись решений Особого совещания, Кубанское краевое правительство 30 сентября 1919 г. приняло областной закон о социальном страховании. Он оказался гибридом законодательства Временного правительства и советских декретов: содержание больничных касс ложилось целиком на работодателей в размере 10%, организовывались объединенные кассы для городов и промышленно развитых местностей. Непосредственно перед оставлением Екатеринодара, 1 февраля 1920 г. краевое правительство расширило круг страхуемых, включив в него работников кустарных частных заведений, казенных предприятий, общественных организаций²².

Особое совещание ВСЮР 15 октября 1919 г. учредило Временный комитет по делам страхования и окружные страховые присутствия как распорядительные и надзорные инстанции по отношению к больничным кассам. В условиях инфляции допускался периодический пересмотр максимально облагаемой страховыми взносами заработной платы²³. Другим принятым в тот же день постановлением совещание урегулировало права профсоюзов, установив исчерпывающий перечень полномочий профессиональных организаций, исключительно добровольное членство, запрет создавать препятствия для добровольного же выхода из союзов и облагать взносами лиц, не числящихся в союзе. В связи с проверкой уставов на соответствие законодательству, пред-

усматривалась полная перерегистрация союзов²⁴.

В Крыму в период правительства Юга России намечались меры по привлечению рабочих на сторону правящей власти: выдавать рабочим половину пайка военнослужащих из запасов интендантства по интендантской цене, отпускать одежду и обувь по заготовительной цене, «обмундирование» из запасов интендантства, свободных от назначения на фронт. Но из запланированного в апреле 1920 г. к концу июня ничего не было сделано²⁵.

Совершенно очевидно, что оторванные от жизни и запоздалые законодательные нововведения не имели практической значимости, не могли серьезно повлиять на взаимоотношения власти и рабочих. Тотальное свертывание производства, убыточность немногих действующих предприятий, отсутствие средств в бюджетах органов власти, подозрительность военных, обрушивавших на лидеров рабочего движения репрессии, в большей степени определяли политические настроения рабочих. Политический дискурс эпохи ставил рабочий вопрос на одно из приоритетных мест. Реальные усилия власти свидетельствовали, скорее, об отсутствии четкого понимания последствий величины шагов в области трудового законодательства и регулирования социально-трудовых отношений, стремлении оттянуть решение существовавших проблем. В результате ни одному из антибольшевистских правительств не удалось привлечь рабочих на свою сторону и превратить их в одну из социальных опор своей власти, что в немалой степени и предопределило исход противоборства в Гражданской войне.

²² Вишневецкий А. Развитие законодательства о социальном страховании в России. М., 1926. С. 224—226.

²³ СУП ОС ГВС ВСЮР. 1919. № 36. Ст. 326.

²⁴ Там же. Ст. 327.

²⁵ Росс Н. Врангель в Крыму. Frankfurt/M., 1982. С. 223—225.

Решение жилищных проблем

Для власти ближе и понятнее занимавшее значимое место в политической риторике рабочего вопроса оказалось регулирование жилищного законодательства и практика решения жилищных проблем. Необходимость государственного регулирования отношений владельцев и нанимателей жилья возникла еще в годы Первой мировой войны, и ко времени утверждения антибольшевистских правительств на окраинах России накопился богатый и разносторонний опыт вмешательства в жилищные отношения. Это было связано с обширными миграциями, резкими переменами в благосостоянии отдельных слоев населения, породившими серьезные колебания спроса и предложения на рынке, упадком коммунального хозяйства. Жилищная политика затрагивала разные слои населения. Целесообразность поиска баланса интересов собственников и арендаторов жилья к лету 1918 г. назрела с полной очевидностью — причина достаточная, чтобы превратить жилищную политику в одну из наиболее обсуждаемых общественных проблем, часть социальной политики.

Еще царское правительство в 1914 г. ввело автоматическое продление договоров частного жилищного найма, ограничило возможное повышение арендных цен в пределах 10% от довоенного уровня. Временное правительство 5 августа 1917 г. допустило двукратное превышение довоенной цены, распространило действовавший порядок на государственные, муниципальные и общественные помещения. В результате летом 1918 г. плата за проживание далеко не покрывала коммунальные расходы, и наниматели оказались в убытке. Если до установления Советской власти реквизиции помещений допускались только на театре военных действий по требованию командо-

вания, то при большевиках местные Советы стали широко практиковать конфискации и реквизиции помещений, принудительное заселения свободных комнат и углов, захват общественных зданий.

Антибольшевистские правительства признали необходимость восстановления имущественных прав прежних владельцев жилья, но не право немедленного избавления от вселенных в него арендаторов. В Крыму пользователей обязали в семидневный срок освободить все помещения, занятые без согласия владельцев, оставив без изменения все остальные ограничения²⁶. В Поволжье допустили повышение размера арендной платы, но только по взаимной договоренности, без права владельцев выселять жильцов²⁷. С аналогичных мер начинали и другие правительства.

На Востоке России городские власти предлагали установить размер арендной платы, исходя из себестоимости содержания жилья и нормы прибыли, что породило серию затяжных конфликтов не только между обывателями, сдающими и снимающими жилье, но и между городскими союзами квартировладельцев и квартиро- и комнатнанимателей. Только 7 марта 1919 г. Российское правительство установило данный принцип законодательно, предлагая новые «предельные» арендные цены рассчитать специально созданным городским и поселковым комиссиям²⁸. На старые конфликты накладывались новые, связанные с продолжением функционирования возникших еще в 1917 г. городских жилищных комиссий. Они реквизировали помещения и даже мебель и посуду для вновь создаваемых учреждений, уплотняли свободно проживавших горожан для расселения служащих как на дрожжах растущего правительственного

²⁶ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. С. 386.

²⁷ Городской вестник (Самара). 1918. 11 авг.

²⁸ Правительственный вестник (Омск). 1919. 5 апр.

аппарата. Потому практически сразу вслед за попыткой нормализовать отношения в жилищной сфере следовали новые вторжения в эту тонкую материю на грани быта и экономики. В Сибири усугубляло положение то обстоятельство, что периодически новые органы учета и распределения жилья сменяли старые, производя полный переучет и перераспределение жилого фонда.

На Юге России в жилищной экономике происходили очень похожие процессы. 11 августа 1918 г. Донской атаман Г.М. Краснов приказом ввел новые предельные цены на наем помещений, допустив их рост не выше 200% от довоенных²⁹. Это совершенно не покрывало инфляцию. Но главная причина, по которой продолжало лихорадить жилищный рынок, — бесчисленные реквизиции разных властей и инстанций. Пытаясь прекратить хаотичное изъятие жилья у обывателей, атаман 1 октября 1918 г. учредил городские и станичные реквизиционные квартирные комиссии, наделив исключительным правом обеспечения военнослужащих и гражданских чиновников жильем путем реквизиции обывательских квартир. Военные имели приоритет перед гражданскими лицами. Цены определяли комиссии, а средства на оплату жилья перечисляла войсковая казна³⁰. Но уже 8 декабря 1918 г.

Совет управляющих отделами Всевеликого войска Донского ввел 25% квартирные прибавки к окладам офицеров и чиновников, не имеющих собственного жилья, с тем, чтобы они самостоятельно вносили плату за жилье³¹. Особое совещание ВСЮР 23 апреля 1919 г. утвердило собственное постановление о предельных ценах на наем квартир и других помещений. За основу было взято постановление атамана Краснова от 11 августа 1918 г. с той лишь разницей, что рост цен на жилье не мог превышать 150% от довоенных, что с учетом катастрофического падения курса рубля являлось сугубо символическим платежом³².

Итак, общая тенденция в области жилищного регулирования состояла в признании допустимости и законности повышения арендной платы. Но власть сохраняла за собой регулирующую и контролирующую функции при резком усилении прав государства и армейского командования распоряжаться наличным жилищным фондом. Она обеспечивала жесткое сдерживание роста цен на жилищном рынке явно в ущерб рыночной конъюнктуре, а также сохранила работу институтов третейского урегулирования жилищных конфликтов. При этом все ограничения носили временный характер, а на имущественные права посягать законодатели не пытались³³.

Выплаты пенсий и пособий

Куда более значимыми вопросами социальной политики стала деятельность органов власти по организации выплаты пенсий и пособий. Армия на окраинах России не только была институтом вооруженного

противостояния большевизму, но и на протяжении Гражданской войны оставалась самой влиятельной силой в политической борьбе. Вопросы о выплатах военнослужащим занимали одно из ключевых мест в за-

²⁹ СУР ПВВД. 1918. № 3. Ст. 238.

³⁰ Там же. Вып. 5. Ст. 331, 373, 392, 394.

³¹ Там же. 1919. № 5. Ст. 524.

³² СУП ОС ГВС ВСЮР. 1919. № 3. Ст. 21.

³³ Более подробный экономический анализ жилищного законодательства см.: *Холодильни К.А.* Зарождение ограничительного жилищного законодательства на территории бывшей Российской империи во время Гражданской войны // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9. № 4. С. 858—879.

конодательном регулировании большинства антибольшевистских правительств и для любого режима имели принципиальное значение при формировании социальной базы. Не меньшее значение, чем зарплата солдат и офицеров, имели платежи семьям военнослужащих и иные меры проявления заботы о них правительства.

До революции семьи призванных на войну получали пособия и продовольственный паек — денежный эквивалент солдатского пайка. Царское правительство разработало комплекс социальных гарантий близким родственникам мобилизованных, активно дополняя довоенное законодательство. При большевиках пособия платили нерегулярно. Началась стихийная демобилизация армии, потом последовал выход из войны. Но к началу вооруженного внутреннего противостояния многие призванные еще оставались вне дома, и их семьи настоятельно требовали внимания. Таким образом, антибольшевистские правительства столкнулись с двумя взаимосвязанными, но разными проблемами — возобновление выплаты пособий и пайков семьям военнослужащих, не вернувшихся с «германской» войны, и выплаты родственникам добровольцев и вновь призванным в белые армии. Обе проблемы решались в зависимости от состояния бюджета и отношения к союзным обязательствам. Например, Совет отделов Всевеликого войска Донского постановил прекратить выплату пособий семьям солдат и офицеров Первой мировой войны по причине отсутствия средств³⁴. Прогерманский режим гетмана Украинской державы П. Скоропадского поспешил 29 июня 1918 г. отменить выплаты семьям призванных в армию в годы Первой миро-

вой войны с 1 января 1918 г. Придав закону обратную силу, гетман освободил бюджет Украины от обязательства выплачивать пособия за прошедшие полгода³⁵. Временное Сибирское правительство делало платежи семьям всех призванных, независимо от того, призван ли он давно на Германскую войну или только что мобилизован в Сибирскую (Российскую) армию. Но в связи с окончанием Мировой войны выплаты семьям призванных прекратились 1 января 1919 г., за исключением тех, у кого призванный не вернулся из плена³⁶.

Порядок материальной поддержки семей военнослужащих наиболее четко регулировался на Востоке и Севере России, где проводилась всеобщая мобилизация. Верховное управление Северной области ввело выплаты семьям нижних чинов и унтер-офицерского состава своей армии — 100 руб. ежемесячно, семьи офицеров и чиновников первых 12 рангов получали вдвое больше. Выплаты распространялись на семьи призванных, добровольцев и служащих в партизанских отрядах. С 24 февраля 1919 г. солдатским семьям стали выплачивать по 30 руб. на каждого несовершеннолетнего и нетрудоспособного члена семьи³⁷. Комуч признал своей обязанностью выплату пособий в 100 руб., но только семьям добровольцев (при наличии трех и более детей — 150 руб.)³⁸. О продовольственном пособии семьям военнослужащих в Поволжье и в Сибири первые месяцы предпочитали не вспоминать. Временное Сибирское правительство 24 октября 1918 г. ввело выплаты семьям добровольцев и призванных в размере 100 руб., а семьям призванных Первой мировой возобновило выплату продовольственного пособия. Однако пра-

³⁴ СУР ПВВД. 1918. Вып.: Сборник узаконений 1. Ст. 18.

³⁵ Законодательные акты 1918 г. Законы Украинской державы. Вып. V: Апрель—июнь. Одесса, [б. г.]. С 35.

³⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемого при Правительствующем сенате. Омск, 1919. № 13. Ст. 217.

³⁷ СУР ВУСО. 1918. № 1. Ст. 80; СУР ВПСО. 1919. № 8. Ст. 348, 350.

³⁸ Вестник Комитета членов Всероссийского учредительного собрания. Самара, 1918. 18 июля.

во на их получение имели только семьи, признанные материально не обеспеченными, и лишь семьи добровольцев с 25 февраля 1919 г. стали получать пособие независимо от материального благосостояния³⁹. Размер продовольственного пособия индексировался по мере роста цен и к лету 1919 г. значительно превысил 100 рублей. Поэтому с 4 июля 1919 г. Российское правительство отменило сторублевое пособие семьям призванных и стало всем платить денежный эквивалент солдатского продовольственного пайка.

На Востоке России для получения пособия семьи призванных подавали прошение и справку об имущественном положении в городской или уездный попечительский совет. В обязанность совета входила организация проверки материального благосостояния семьи призванного, которую в случае подтверждения нужды включали в список получателей пайков и пособий, выдаваемых отделами призрения местных органов МВД поквартально. Однако единого порядка обследования так и не сформировалось, в результате чего в одних уездах пайки получала небольшая часть семей призванных, а в других — практически все. Примерно таким же образом происходило начисление пособий и в других регионах, охваченных антибольшевистским движением.

Значение таких выплат было огромным. Они существенно сдерживали социальную напряженность. На Севере в условиях разрыва хозяйственных связей для многих сельских семей социальные выплаты стали основным источником денежных поступлений, а всего пособия получали около 50 тыс. семей⁴⁰. На Востоке России в армию было призвано около полумиллиона человек. Большинству семей нижних чи-

нов выплачивали пособия в первой половине 1919 г. аккуратно, а в Сибири — даже до начала 1920 г.

На Юге России из-за отсутствия мобилизации органы власти принимали соответствующие меры с большим запозданием. Но о поддержке семей военнослужащих власти задумывались повсеместно. Одной из общих мер поддержки добровольцев и мобилизованных стало законодательное вменение работодателям сохранять за ними рабочие места, замещающая временными работниками. В Поволжье летом 1918 г. от работодателей требовали выплаты добровольцам и призванным месячного выходного пособия. На Дону на период службы за работником сохранялось заштатное содержание и служебная квартира. На Севере с 5 марта 1919 г. военнослужащий не получал зарплату от предприятия и учреждения, с которого был призван, но семьи офицеров получали половину его оклада, семьи нижних чинов — две трети. С 6 октября 1919 г. владельцев частных предприятий обязали семьям призванных на военную службу работников выплачивать пособие в размере 100 руб. трудоспособным членам семьи и 150 руб. — нетрудоспособным. На Востоке России выплачивалась разница между гражданским и воинским окладом. На Дону действовал такой же порядок, причем по отношению к служащим как казачьей, так и Добровольческой армии. Также донских квартировладельцев обязали гарантировать сохранение жилплощади военнослужащим⁴¹.

Семьи призванных в Вооруженные силы Юга России с гражданской службы офицеров по закону от 7 мая 1919 г. получали половину содержания призванного, семьи солдат — часть содержания в размере окла-

³⁹ Сибирский вестник (Омск). 1918. 4 нояб. Прилож.

⁴⁰ Прайсман Л. Г. 1917—1920: Огненные годы Русского Севера. СПб., 2019. С. 188.

⁴¹ Вольная Кубань (Краснодар). 1919. 19 янв.; СУР ПВВД. 1919. № 3. Ст. 147; № 5. Ст. 502; № 25. Ст. 127; СУР ВПСО. 1919. № 8. Ст. 350; № 15. Ст. 449; № 23/5. Ст. 577. С. 268; Под знаменем Комуца: (Самарский край, июнь—октябрь 1918): Сборник документов и материалов. Самара, 2018. С. 269.

да младших офицеров⁴². Только 31 октября 1919 г. Особое совещание ВСЮР утвердило положение о ежемесячных пособиях семьям солдат, призванных и ушедших добровольно на военную службу. Пособие выдавалось в размере солдатского оклада семьям, если они не получали выплаты по месту гражданской службы мобилизованного или добровольца. Размер пособия не зависел от состава семьи. Военнослужащий имел право распорядиться пособием, установив одного из родных как основного получателя, либо разделить пособие между несколькими получателями. Несмотря на столь запоздалое введение пособий семьям нижних чинов, оно должно было начисляться с 7 мая 1919 г. Для оплаты за период с 7 мая по 31 декабря 1919 г. Особое совещание ВСЮР выделило 114 млн руб.⁴³

Антибольшевистские правительства, не признавшие Брестский мир, не только исходили из идеи верности союзным обязательствам и считали себя участниками продолжавшейся до ноября 1918 г. войны, но и признавали действующими все социальные обязательства прежних правительств, связанные с войной и ее последствиями. Поэтому в законодательстве специально оговаривалось продолжение выплаты пособия семьям солдат и офицеров, находившихся в плену⁴⁴. Самим пленным, возвращавшимся домой из Европы, на Востоке России предусматривались бесплатный проезд, питание и медицинское обслуживание, доставка до места проживания. На Севере России вернувшимся выдали причитавшееся воинское содержание за время нахождения в плену⁴⁵. Особое совещание

ВСЮР в апреле 1919 г. профинансировало возвращение российских солдат и офицеров из Центральных держав в районы, занятые Добровольческой армией, но с мая 1919 г. солидные денежные выплаты полагались только тем, кто, вернувшись из плена, поступал в Добровольческую армию⁴⁶.

На окраинах России власть спешила возобновить выплату пенсий, сначала на основании дореволюционного пенсионного законодательства. Однако в действовавшей нормативной базе требовалась существенная корректировка. Во-первых, падение курса рубля актуализировало проблему индексации выплат. Не изобретя действенного механизма пересчета пенсий, антибольшевистские правительства производили периодически, как правило, с большим опозданием, процентное увеличение окладов пенсий, а также распространяли на пенсионеров прибавки на дороговизну⁴⁷. Во-вторых, существовавшие до революции эмеритальные кассы⁴⁸, специальные капиталы и другие фонды для выплаты пенсий отдельным категориям служащих исчезли или настолько обесценились, что не могли обеспечить никаких платежей. Требовалось сделать источником всех выплат правительственную казну. Работали комиссии по освидетельствованию инвалидов и лиц, потерявших трудоспособность на службе в Первую мировую или в Гражданскую войну. Существовали пенсионные отделения при военном управлении ВСЮР и в структуре военного министерства Российского правительства. Но необходимо было урегулировать порядок определения размеров выплат, начисления из казны, специально

⁴² СУП ОС ГВС ВСЮР. 1919. № 12. Ст. 64.

⁴³ Там же. № 35. Ст. 325.

⁴⁴ СУР ВПСО. 1919. № 13. Ст. 419.

⁴⁵ Там же. № 7. Ст. 327.

⁴⁶ СУР ОС ГВС ВСЮР. 1919. № 30. Ст. 340.

⁴⁷ См., напр.: СУР ПВВД. 1919. № 29. Ст. 168.

⁴⁸ Эмеритальные кассы в дореволюционной России — страховые кассы служащих, учрежденные для обеспечения их и членов их семей пенсиями и пособиями за счет ежемесячных взносов с получаемых доходов.

оговорить новые случаи, не вписывавшиеся в действующее законодательство.

Как ни парадоксально, пенсионные проблемы оказались в эпицентре внимания разных правительств, оставивших весьма разработанную нормативную базу. Российское правительство, Совет управляющих ведомств Всевеликого войска Донского и Особое совещание ВСЮР создали специальные комиссии по пересмотру пенсионных законоположений. Независимо друг от друга они пришли к выводу о нецелесообразности создания полностью новых законопроектов. Дореволюционные пенсионные уставы они считали очень логичными и детально разработанными, поэтому сочли правильным взять их за основу и подвергнуть переработке. Донские законодатели адаптировали их для сугубо местных нужд территории Всевеликого войска Донского, в Министерстве внутренних дел Российского правительства обратили внимание на выплаты служащих в отдаленных местах Севра и Дальнего Востока. Повсеместно отменяли ограничения по полу, национальности и вероисповеданию, расширяли круг профессий и должностей правительственных служащих и рабочих, имевших право на пенсионные выплаты⁴⁹.

Временное Сибирское правительство с июля по сентябрь 1918 г. распорядилось возобновить отчисления из заработков разных групп служащих, проиндексировало размеры пенсионных выплат⁵⁰. 20 февраля 1919 г. Российское правительство приняло Закон о пенсиях вдовам и сиротам рядовых бойцов. Пенсии связали с действующими окладами, распространив на них все прибавки и индексации, но существенно огра-

ничили круг получателей. Рассчитывать на выплаты могли только нетрудоспособные, неимущие и не имевшие трудоспособных детей. 14 апреля 1919 г. Российское правительство утвердило Положение о призрении увечных воинов и их семей. Выплаты увечным и их родным обуславливались самим фактом увечья и не зависели от доходов. Казна брала на себя обязательства при необходимости содержать, лечить, обучать ремеслу увечных, а также оставшихся без должного попечения детей до 14 лет⁵¹. 31 июля 1919 г. последовал новый закон о пенсиях гражданским служащим, увеличивавший пенсионные оклады. Примечательно, что устанавливалась обратная шкала прогрессии⁵². Самые низкие пенсии индексировались в 9 раз, самые высокие — всего на 50%. Таким образом, в целом происходило выравнивание размеров пенсий при общем сокращении размеров реальных выплат под влиянием падения курса рубля.

Опиравшиеся в целом на законодательство Российского правительства, администрация главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины атамана Г. М. Семенова и Временное Приамурское правительство отменили его пенсионное законодательство и ввели собственное, основанное на принципе признания дореволюционных норм и индексации существовавших до революции пенсионных окладов для соответствующих должностей и длительности службы в них с использованием специальных коэффициентов, учитывавших падение стоимости рубля. На территории Восточного Забайкалья новый порядок был введен с 1 мая

⁴⁹ См., напр.: Объяснительная записка к проекту Общего пенсионного устава, выработанному Пенсионной подкомиссией Комиссии законодательных предположений Большого войскового круга Всевеликого войска Донского. [Б.м., б.г.]. 27 с.

⁵⁰ Сибирский вестник (Омск). 1918. 17, 24 авг., 2, 9 окт., 4 нояб.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. № 6. Ст. 53; № 21. Ст. 178.

⁵¹ Правительственный вестник. 1919. 15 апр., 9, 25 мая; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых правительствующим сенатом. Омск, 1919. № 6. Ст. 68.

⁵² Правительственный вестник. 1919. 9 сент.

1920 г. На территории Приморья 21 января 1922 г. также произвели кардинальный пересмотр оснований для начисления пенсий и пособий⁵³. Причем пенсии и пособия выплачивали только тем, кто нес службу на территории Приморской области. Таким образом, правительство отсекло многочисленных беженцев — пенсионеров казны, наводнивших восточную окраину России.

Совет управляющих отделами Всевеликого войска Донского признал право на получение материальной помощи казакам и их семьям на основании «Положения о признании нижних воинских чинов и их семей» от 25 июня 1912 г. Признению за счет войсковой казны подлежали донские казаки, а также «лица неказачьего сословия, принимавшие активное участие наравне с казаками в защите Дона от большевиков», и их семьи⁵⁴. 23 марта 1919 г. Совет управляющих отделами постановил семьям убитых или погибших от ранений военнослужащих выдавать единовременное пособие в 100 руб. 12 июня 1919 г. он отменил все ранее действовавшие узаконения о пенсиях и пособиях и принял новую редакцию закона о пенсиях и пособиях лицам, состоящим на службе военной и морской, и их семействам⁵⁵.

В Добровольческой армии семьям убитых выдавали единовременное пособие в размере полутора тыс. руб. на основании армейских инструкций⁵⁶. 7 мая 1919 г. Особое совещание ВСЮР приняло Временное положение об удовлетворении пенсиями и пособиями увечных воинов, семейств убитых и умерших. Полностью утративший трудоспособность военнослужащий получал полный оклад содержания по последнему месту службы, частично утратив-

ший — часть оклада, пропорциональную доли потерянной трудоспособности, вдова погибшего или умершего военнослужащего — половину оклада, вдова с детьми получала большую долю, до полного оклада при трех и более детях, сирота без родителей получал четверть оклада⁵⁷.

Не меньше внимания уделялось пенсиям и пособиям служащих и рабочих гражданских учреждений и предприятий. На Дону пенсионеры казны стали получать выплаты из областного бюджета на основании дореволюционных правил и ставок, конечно, сильно обесцененных инфляцией. 23 июля 1918 г. им восстановили надбавки за дороговизну, введенные в 1917 г. Временным правительством, к тому времени явно недостаточные. Лишь в марте 1919 г. одновременно с законоположениями, регулировавшими пенсии и пособия военнослужащих, Совет отделов Всевеликого войска Донского принял устав о социальных выплатах гражданским служащим⁵⁸. Пенсии по случаю потери кормильца выплачивались и семьям служащих Особого совещания, независимо от принадлежности к казачьему сословию. С 19 марта 1919 г. в случае тяжелого материального положения семьи, оставшейся у погибшего, родным разрешили выдавать единовременные пособия. 26 октября 1919 г. Особое совещание ВСЮР приняло обширный устав о пенсиях и пособиях гражданских служащих. В нем четко регламентировались основания для присуждения пенсий и пособий служащим и их семействам, размер выплат, основания для лишения пенсионных выплат. Позже, 18 ноября 1919 г., регламентировали и порядок начисления пенсий и пособий, назначенных «императорским

⁵³ Государственный архив Забайкальского края. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 277—277 об.; Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). 1922. 21 февр.

⁵⁴ СУР ПВВД. 1919. № 15. Ст. 83.

⁵⁵ Там же. № 23. Ст. 110; № 30. Ст. 186; № 31. Ст. 190.

⁵⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4: Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1925. С. 89.

⁵⁷ СУР ОС ГВС ВСЮР. 1919. № 12. Ст. 64.

⁵⁸ СУР ПВВД. 1918. № 3. Ст. 191; 1919. № 39. Ст. 335, 336.

и Временным правительствами»⁵⁹. По этому положению все ранее выплачивавшиеся пенсии возобновлялись с момента занятия местности войсками ВСЮР. Если выплата пенсии или пособия приостанавливалась, то после возобновления доплата за прошедшие месяцы не производилась.

Таким образом, если на Востоке России сложился единый порядок выплаты пенсий, то на Юге их было несколько в разных полуавтономных государственных образованиях. Впрочем, преувеличивать значение

таких социальных трансфертов не следует. Необходимо помнить, что они определялись как доля от оклада по последнему месту службы. Сами ставки служащим при всех правительствах на Юге России устанавливались ничтожно малые, что подстегивало коррупцию и злоупотребления. Например, вдовы и сироты погибших получали пенсию в 40—80 руб. при прожиточном минимуме в полторы тысячи руб. «Это было чистое издевательство», — писал о ситуации В. М. Левицкий⁶⁰.

Социальная помощь пострадавшим от боевых действий и разрушений Гражданской войны

Вопрос о компенсации материального ущерба от боевых действий и разрушений Гражданской войны неоднократно попадал в сферу обсуждения антибольшевистских правительств. Однако власть располагала более чем скромными возможностями. Российское правительство выделяло средства для помощи семиреченским и оренбургским казакам и переселенцам, таранчинам⁶¹ и башкирам. Этими небольшими выплатами на Востоке России ограничивалась помощь со стороны центральной власти.

Казачьи правительства уделяли проблеме социальной помощи пострадавшим особое внимание. Этому способствовало совпадение двух обстоятельств: особенно ожесточенного противостояния красных и белых, ареной которого становились области казачьих войск, и стремления усилить сословную консолидацию со стороны войсковых органов власти и управления. Правительство Всевеликого войска Донского производило компенсацию казакам за имущество, реквизированное «по обстоя-

тельствам военного времени». Крестьяне за аналогичные действия Донской армии возмещения не получали. Казачьи округа, на территории которых проходили боевые действия, получали обещания материальной помощи для работ по восстановлению строений и коммуникаций в размере: Хоперский — 1,5 млрд руб., Донской — 1 млрд руб., Медведский — 750 млн руб. Эти суммы были результатом подсчетов всего объема понесенного ущерба. Они, конечно, не были выплачены целиком, а погашение частями при условиях стремительного обесценивания рубля не позволяло рассчитывать на проведение всего объема восстановительных работ⁶².

Вопросы о возмещении ущерба от действий красных возникали и в Оренбургском казачьем войске. Там вооруженное противостояние весны—лета 1918 г. нередко сопровождалось разрушением или поджогом целых селений. Погорельцы, потерявшие жилье, скот и сельскохозяйственный инвентарь, озлобленные против большевиков ты-

⁵⁹ СУП ОС ГВС ВСЮР. 1919. № 28. Ст. 194; № 36. Ст. 328; № 44. Ст. 411.

⁶⁰ Левицкий В. М. Борьба на Юге. Факты. Люди. Настроения. М., 2019. С. 104

⁶¹ Илийские уйгуры (проживавшие на р. Или) и занимавшиеся земледелием. После передачи Китаю Кульджинского района в 1882 г. значительная часть переселилась в Семиреченскую область.

⁶² Радчева О. В. Социальная политика власти в Войске Донском в период Гражданской войны // Русская старина. 2014. Т. 11. № 3. С. 145.

сячи беженцев, требовали возмездия. После изгнания красных из области Оренбургского казачьего войска обнищавшим беженцам некуда было возвращаться. 30 мая 1918 г. по решению съезда объединенных станиц создавался фонд нуждавшихся в помощи пострадавших от действий большевиков. Он пополнялся за счет конфискации имущества семей, члены которых принадлежали к активным сторонникам советской власти⁶³. Конечно, конфискованных средств не хватало, и фонд пополнялся из средств войсковой казны и даже Российского правительства. Подобные же решения о компенсации ущерба семьям, пострадавшим от действий советской власти, за счет имущества, конфискованного у сторонников большевиков, принимались летом—осенью 1918 г. и на территории Забайкальского казачьего войска. Кроме того, за сотрудничество с советской властью казачьи правительства широко использовали такой способ наказания, как исключение из казачьего сословия с конфискацией имущества и земельного надела. Такие меры принимались на Юге и на Востоке России⁶⁴.

Но не у всех правительств имелась материальная возможность принимать на свое попечение пенсионеров и регулировать размер пенсий, соотносясь с дореволюционной шкалой, оказывать материальную помощь пострадавшим в ходе Гражданской войны от действий советской власти и Красной армии. Северо-Западное правительство 27 сентября 1919 г. признало все права пенсионеров

на получение государственного обеспечения после Гражданской войны, но временно числяло всем, имевшим право на пенсию, по 200 руб. при условии отсутствия трудоспособных членов семьи, способных временно взять пенсионеров на иждивение. Пенсионеры, служившие в государственных или общественных учреждениях, на время службы теряли право на получение пенсионных выплат⁶⁵. Проектировалось также дополнение к действующему законодательству, по которому такие же выплаты следовало сделать инвалидам, пострадавшим в борьбе с большевиками, и семьям погибших, проживавшим в освобожденных от Красной армии местностях⁶⁶. Впрочем, известно, что население Северо-Запада никаких пенсий и пособий так и не получило⁶⁷.

Не просто давались региональным органам власти решения о выплате пенсий и пособий лицам, временно проживавшим на соответствующих территориях после бегства и эвакуации. Например, не сразу признало такую возможность Временное правительство Северной области⁶⁸. Министерство общественного призрения Северо-Западного правительства рассматривало заявления на пенсии от лиц, несших военную и гражданскую службу на территории нынешней Эстонской республики до ее оккупации немецкими войсками, а также от тех, кто имел право на пенсию, но выехал в Эстонскую республику, оставив службу по обстоятельствам, связанным с революцией и Гражданской войной⁶⁹.

⁶³ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 7. Л. 45.

⁶⁴ *Остапенко П. И.* Становление и правовое развитие казачьих государственных образований в годы Гражданской войны (февраль 1917 — начало 1920 гг. Краснодар, 2013. С. 170—177. Аграрные отношения на Южном Урале в годы гражданской войны. Челябинск, 2009. С. 161; *Рвачева О. В.* Социальная политика власти в Войске Донском в период Гражданской войны // *Русская старина*. 2014. Т. 11. № 3. С. 144—145.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-6385. Оп. 1. Д. 2. Л. 10; *Свободная Россия (Ревель)*. 1919. 12 окт.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-6385. Оп. 1. Д. 3. Л. 33—34 об.

⁶⁷ *Копкин А. А.* Социальная политика белогвардейского правительства Северо-Западной области России в условиях революции и Гражданской войны // *Экстремальность в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): сб. материалов междунар. науч. конф.* СПб., 2017. С. 135.

⁶⁸ СУР ВУСО. 1919. № 8. Ст. 333, 342.

⁶⁹ *Свободная Россия*. 1919. 16 окт.

Постепенно в ведении правительственных органов сконцентрировалась и забота об учреждениях социального призрения. До революции большинство из них либо создавались общественными благотворительными организациями, земствами и органами городского самоуправления, либо находились под патронажем дома Романовых. Гражданская война обострила социальные проблемы, заставила расширить количество мест в приютах для сирот, престарелых, в инвалидных домах, основать новые. В то же время все они лишились привычных источников финансирования. После попытки советской власти передать их все в ведение Народного комиссариата призрения, никак не обеспеченной финансово, они владели жалкое существование. Комуч и Временное Сибирское правительство перевели благотворительные учреждения на баланс земских и городских органов. Однако Временное Сибирское правительство согласилось покрывать на треть смету учреждений призрения из казны при условии, что другие две трети будут найдены в местном бюджете. Лишь 8 июля 1919 г. Российское правительство передало все благотворительные учреждения, управлявшиеся ранее на особых основаниях (а по существу — содержавшиеся на средства казны или дома Романовых), в ведение МВД. При этом губернские и областные отделы государственного и общественного призрения должны были курировать работу всех учреждений подобного типа и изыскивать средства из благотворительных фондов, местных бюджетов или за счет правительственных субсидий⁷⁰.

Очень похожим образом, только еще медленнее, происходила перестройка сферы благотворительности на Юге России. Здесь, вслед за принятием правительственными органами обязательств по оплате пособий и пенсий инвалидам дореволюционного времени и пострадавшим в ходе Гражданской войны, Отдел призрения управления внутренних дел Всевеликого войска Донского взял на себя обеспечение всех неденежных нужд военноувечных — организацию трудовой помощи, лечения, содержание в приютах⁷¹. Но в целом, в связи с недостатком средств заведения, в которых содержались сироты, инвалиды, престарелые, продолжали владеть самое жалкое существование, часто оказывались без топлива, продовольствия, одежды и обуви. Дети в приютах с малолетства привыкали самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, организуя под руководством воспитателей мастерские и огороды, а также пристраивались работниками в семьи.

Очень похожим образом, только еще медленнее, происходила перестройка сферы благотворительности на Юге России. Здесь, вслед за принятием правительственными органами обязательств по оплате пособий и пенсий инвалидам дореволюционного времени и пострадавшим в ходе Гражданской войны, Отдел призрения управления внутренних дел Всевеликого войска Донского взял на себя обеспечение всех неденежных нужд военноувечных — организацию трудовой помощи, лечения, содержание в приютах⁷¹. Но в целом, в связи с недостатком средств заведения, в которых содержались сироты, инвалиды, престарелые, продолжали владеть самое жалкое существование, часто оказывались без топлива, продовольствия, одежды и обуви. Дети в приютах с малолетства привыкали самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, организуя под руководством воспитателей мастерские и огороды, а также пристраивались работниками в семьи.

Организация медицинского обслуживания армии и гражданского населения

Самой настоящей «передовой» социальной политики в условиях Гражданской войны стала организация медицинского обслуживания армии и гражданского населения. В дореволюционной России этим занимались органы городского и земского самоуправления и организации Красного Креста, которые в мирное время обеспечивали население «передвижной» медицинской помощью в труднодоступных местах,

во время голода и эпидемий. В условиях Первой мировой войны к медицинскому обслуживанию подключились многочисленные общественные благотворительные организации. Значительная часть медицинских учреждений, кадров и запасов медикаментов сосредоточилась в прифронтовых территориях. С началом Гражданской войны многое решало наличие медицинских кадров и запасов медикаментов в местностях, контро-

⁷⁰ Правительственный вестник. 1919. 5 сент.

⁷¹ СУР ПВВД. 1919. № 43. Ст. 405.

Санитарная летучка Белого Креста 5-го кавалерийского корпуса генерала Я. Д. Юзефовича. 1919 г.
Фотограф не установлен. РГ АКФД

лируемых каждым из органов власти. Если попытаться обозреть территорию окраин с точки зрения обеспеченности ресурсами здравоохранения, то лучше всего будут выглядеть Украина, Прибалтика и Кавказ, государственные новообразования, оказавшиеся на приближенных к фронту территориях. На одной только Украине во время Первой мировой войны действовало почти пятьсот заведений Красного Креста на 36 тыс. больничных мест, тогда как на всю Сибирь и Дальний Восток приходилось 250 заведений на 20 тыс. мест⁷².

Осенью 1918 г. члены распущенного большевиками главного управления Российского общества Красного Креста пред-

приняли несколько разрозненных попыток восстановить правопреемственность от дореволюционной организации. 16 ноября 1919 г. было создано Временное управление по делам Российского общества Красного Креста в Киеве. В январе 1919 г. оно переместилось в Одессу, в марте — в Екатеринодар. Но значительная часть учреждений осталась на Украине и попала под управление Украинской Директории. В свою очередь, в Самаре летом 1918 г. сформировалось Временное организационно-исполнительное бюро Российского общества Красного Креста, признанного Комучем 12 сентября 1918 г. в качестве Временного Главного комитета⁷³. После

⁷² Голотик С. И., Ипполитов С. С. Российское общество Красного Креста (1917—1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. С. 165.

⁷³ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (июнь—октябрь 1918 г.). С. 102, 368—370.

оставления войсками Народной армии Поволжья часть членов направилась в Омск. Там, объединившись с сибирскими общественными деятелями, 6 декабря 1918 г. они добились признания в качестве Временного главного управления Российского общества Красного Креста в составе Российского правительства⁷⁴.

Краснодарское подразделение признало Омск, сохранив полную самостоятельность. Архангельское управление Российского общества Красного Креста, действовавшее самостоятельно, летом 1919 г. реорганизовалось в Северное окружное, подчиненное Омску. Такая солидарность разных подразделений создавала основания для консолидированного выступления на международной арене, получения помощи от других национальных организаций Красного Креста. На территориях, подконтрольных антибольшевистским силам, российскому населению оказывали помощь миссии Красного Креста нескольких союзных и нейтральных государств: Великобритании, Дании, Швеции, САСШ, Канады, Японии. Деятельность иностранных миссий достаточно хорошо изучена, обстоятельный анализ работы Российского Красного Креста еще только начинается⁷⁵.

Во взаимодействии с Красным Крестом действовали другие городские, земские и общественные благотворительные организа-

ции. Собственных средств они практически не имели, но готовность отдать свой организаторский опыт и квалификацию для оказания медицинской помощи нуждавшимся трудно переоценить. Самоотверженный труд идейных противников большевизма или людей, готовых жертвовать свои время и труд ради облегчения страданий ближних, оказывался полезнее принудительных мобилизаций. Именно на таких держалась вся система здравоохранения и попечения.

Это тем более важно, что ни на Востоке, ни на Севере, ни на Юге России лечебных заведений не хватало и многие «гражданские» больницы пришлось спешно переориентировать на прием больных и раненых солдат и офицеров, стянув медицинские кадры на самых главных направлениях. И здесь бок о бок действовали общественная медицина и военно-медицинские подразделения, созданные в структуре военных министерств и отделов.

Вот как складывалась, например, система медицинского обслуживания фронта на Дону, раньше других регионов вставшего на путь противостояния советской власти. Военно-санитарное управление Всеволоцкого войска Донского было образовано в мае 1918 г. Ему подчинялись окружные военно-медицинские учреждения в тылу и фронтовые санитарные части на фронте. Кроме них действовали лазареты Красно-

⁷⁴ Правительственный вестник. 1918. 27 дек.

⁷⁵ Davison H. P. The American Red Cross in the Great war, 1917—1919. N-Y, 1919; Fike C. E. The Influence of Creel Committee and the American Red Cross on Russian—American Relation, 1917—1919 // The Journal of Modern History. Vol. 31. № 2 (Jun. 1959). P. 93—109; Энсен Б. Миссия Датского Красного Креста в России. 1918—1919 гг. // Отечественная история. 1997. № 1. С. 27—41; Нестеренко П. Л. Сибирские газеты о деятельности американского Красного Креста в годы гражданской войны // Историческая наука на рубеже веков: материалы всерос. науч. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 215—218; Голотик С. И., Ипполитов С. С. Российское общество Красного Креста (1917—1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. С. 237—250; Рыжков В. М. Санитарно-медицинские службы на востоке России в антибольшевистский период Гражданской войны (вторая половина 1918—1919 гг.) // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского. Сборник докладов. Вып. 7. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2007. С. 232—249; Ипполитов С. С. Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению // Новый исторический вестник. 2013. № 4. С. 56—68; Тишкина К. А. Восстановление в Сибири работы отделов общества Красного Креста в годы Гражданской войны (на примере Алтайской губернии) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 267—270.

го Креста, Всероссийского земского союза и других благотворительных организаций. Например, Донскому обществу помощи фронту принадлежали восемь лазаретов. Но все учреждения не справлялись с потоком раненых. На Дону из-за недостатка войсковых средств большинство лазаретов содержались на станичные ассигнования, располагались в реквизированных школах и торговых помещениях, страдали от катастрофической нехватки медицинского персонала и медикаментов⁷⁶.

На Востоке России первые месяцы санитарные нужды фронта обслуживали общественные и городские организации и подразделения врачей-добровольцев. Только в сентябре 1918 г., когда обсуждались планы формирования Временного Всероссийского правительства (Уфимской директории), военные, объединившиеся быстрее правительств, сформировали Главное врачебно-санитарное управление, в декабре 1918 г. оказавшееся в структуре военного министерства.

Между тем к необходимости обслуживания армии добавилась волна эпидемий, к борьбе с которыми подключились органы местного самоуправления, общественность и органы власти. Тревожные признаки вспышек эпидемических заболеваний как на Востоке, так и на Юге России появились в конце 1918 г. Каналами распространения болезни стали армия, тюрьмы и лагеря военнопленных, поезда и станции железных дорог, места бойкой торговли.

К февралю 1919 г. на Востоке России практически вся территория перешла в категорию неблагополучных по сыпному и возвратному тифу. К борьбе с опасностью удалось подключить сразу множество структур, имевших медицинский персонал. Они объединялись междуведомственными губернскими и уездными санитарно-испол-

нительными комиссиями, координировавшими строительство специализированных «заразных» барачных, бань, прачечных, дезинфекционных камер, обеспечение противоэпидемических мер на путях сообщения. В дополнение к мобилизации местных средств выделялись кредиты военного ведомства и МВД. Это сыграло существенную роль в борьбе с эпидемией тифов, которая, тем не менее, сошла на нет только с наступлением тепла поздней весной.

На Юге использовалась другая модель. 1 января 1919 г. Главнокомандующий ВСЮР А.И. Деникин учредил должность Особуполномоченного по борьбе с эпидемией тифа (позже появились уполномоченные отдельных территорий) и специальную комиссию по борьбе с заразными болезнями. 10 января 1919 г. он приравнял медиков, участвовавших в ликвидации эпидемии и погибших, к офицерам в правах на социальное обеспечение семей погибших. 18 февраля 1919 г. Особое совещание ВСЮР выделило первые полмиллиона на лечение больных сыпным тифом, на следующий день профинансировало Ставропольской губернской земской управе организацию десяти противоэпидемических отрядов на два месяца. Создавались специализированные тифозные госпитали, больных изолировали, организовывали питание и мытье в банях, белье пациентов и медиков обеззараживали. К борьбе с тифом подключились силы бактериологического института в Ростове, бактериологи Кубани. Многие медики имели богатый опыт санитарной службы на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны⁷⁷.

Но территория, контролируемая ВСЮР, расширялась в том числе за счет Украины, также охваченной эпидемией. Новые очаги заражения возникали в лагерях для пленных красноармейцев и даже на северокавказских курортах. Расходы на борьбу с эпидемией

⁷⁶ Янышин Л.Я. К истории медицинского обеспечения войск Белого движения на Юге России: Донская армия // Военно-исторический журнал. 2016. № 11. С. 67—70.

⁷⁷ Еремеева А. Общий враг красных и белых — тиф // Родина. 2020. № 6. С. 127—128.

через несколько месяцев возросли в 4—5 раз⁷⁸. Трудно сказать, достаточны ли были выделенные небольшие по тем временам средства, особенно если учесть, что рост ассигнований едва ли покрывал инфляцию. Как писал В. М. Левицкий, «уже давно сияло весеннее солнце, а тиф не только не сдавался, а требовал все новых и новых жертв»⁷⁹.

Но настоящий тифозный кошмар на всех фронтах начался с наступлением холодов осенью 1919 г. На Восточном фронте солдаты отступали вперемежку, больные со здоровыми. Плохо оборудованные санитарные поезда вывозили тифозных больных с фронта при недостатке медперсонала и медикаментов. В ноябре—декабре на Транссибе вымирали от тифа целые поезда. При этом в Восточной Сибири имелись полностью подготовленные и обеспеченные всем необходимым госпитали, до которых больные и раненые просто не успевали доехать из-за железнодорожной пробки, образовавшейся вследствие плохо организованной эвакуации предприятий и учреждений и беспорядочно отступавшей армии.

На Юге России отступление армии тоже привело к неконтролируемому распростра-

нению тифа среди военных и гражданских. Госпитали не справлялись, медицинского персонала не хватало, статистический учет не вели, заполняя больными все мало-мальски пригодные помещения. В Ростове, например, все кинематографы переоборудовали под тифозные лазареты⁸⁰.

Столь же ужасны были отступления пораженных эпидемией тифа белых армий и на других фронтах. Северо-Западное правительство имело специальное санитарное управление для организации медицинского обслуживания армии и тыла. Однако очевидцы уверяли, что оно существовало и функционировало только на бумаге. Раненые лежали в отведенных им, но пустых помещениях, без отопления, медицинской помощи. Персонал в госпиталях отсутствовал, причем не только на передовой, но и в тылу. И это происходило до всплеска эпидемии тифа, разразившейся при отступлении в декабре 1919 — феврале 1920 г. и поразившей не только войска, но и отступавшее гражданское население. После ликвидации армии в январе 1920 г. на границе с Эстонией остались тысячи тифозных больных. Около 7 тыс. из них погибли⁸¹.

Проблема беженцев

Еще одной страшной социальной катастрофой Гражданской войны, принесшей неисчислимые бедствия мирному населению, стало беженство. Нельзя не отметить, что и здесь произошло наложение двух войн. Когда начиналась Гражданская война, никто не мог предсказать масштаб социальных последствий вынужденных миграций, несмотря на трехлетний опыт. Впрочем, сам опыт Первой мировой вой-

ны с его выстроенной системой партнерства правительственных и общественных благотворительных учреждений оказался востребованным, когда помощь беженцам и организация эвакуации стали одной из первостепенных задач органов власти.

Летом—осенью 1918 г. возник вопрос об отношении к беженцам Первой мировой войны, густо населивших тыловые районы России с 1915—1916 гг. Царское прави-

⁷⁸ СУР ОС ГВС ВСЮР. 1919. № 8. Ст. 44. № 13. Ст. 86. Особый выпуск [1919. 26 авг.]. Ст. 81, 82, 83. № 19. Ст. 112; № 26. Ст. 166, 163, 174. № 28. Ст. 188; № 29. Ст. 213, 214; № 30. Ст. 149, 151; № 31. Ст. 269.

⁷⁹ Левицкий В. М. Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения. М., 2019. С. 102; Зирин С. Г. Голгофа Северо-Западной армии. 1919—1920 гг. СПб., 2011. С. 71—89.

⁸⁰ Миронова М. А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М., 2020. С. 299.

⁸¹ Рейд. Жи. Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. М., 2015. С. 132, 134, 141.

тельство законодательно признало их право на государственную социальную поддержку. Им выплачивались пособия, оказывалась помощь в расселении и трудоустройстве. Но дефицит средств заставил уже в 1916 г. сократить выплаты, а советская власть вовсе их прекратила. Противники большевиков не имели финансовой возможности для возобновления выплат. Только на востоке России осенью 1918 г. отпустили средства для помощи беженцам мировой войны. Однако нужно признать, что за месяцы и годы беженцы германской войны успели адаптироваться, устроиться и даже интегрироваться в принимающий социум.

В считанные месяцы окраины России наводнили новые беженцы. Эти мигранты представляли собой три разных потока. Одни скрывались от политических преследований — офицеры, буржуазия, интеллигенция. Это была политически лояльная новой власти группа. Многие остались без средств, бедствовали, нуждались в помощи. Вторая часть — настоящие беженцы, спасавшиеся из зоны военных действий. В прифронтовой территории людские потоки направлялись от зон активных боевых действий — одни отходили в советский тыл, другие — подальше от Красной армии. Наконец, еще одна категория беженцев — это мешочники. Они устремились из голодного центра на сытые окраины.

На Востоке России решение проблемы беженцев приобрело самый значительный размах. До сентября 1918 г. небольшие колебания фронта вызвали появление локальных потоков мигрантов численностью в несколько тысяч. Отступление Народной армии Комуча с Поволжья, уход атамана А. И. Дутова из Оренбурга в степь привели к появлению десятков тысяч беженцев и эвакуированных. Из одной только Казани на восток направилось по разным оценкам от 30 до 78 тыс. чел.⁸² Если гражданское население покидало свои дома неоргани-

зованно, так как военные до последнего держали в секрете опасность отступления, то правительственные учреждения эвакуировались вместе с имуществом и документами. Служащим выплачивали содержание и эвакуационные пособия. Но потеря Комучем власти сделала перемещение населения трудноуправляемым. На помощь пришло Временное Сибирское правительство и общественные организации. Учредив должность Особоуполномоченного по делам беженцев, правительство ассигновало ему средства для расселения, медицинского обслуживания, а главное — для организованного продвижения беженцев на восток. Многие осели на Урале, разместившись в общественных зданиях и на дачах. Часть беженцев расселилась в сибирских городах и сельской местности Алтайской и Томской губерний. Служащих гражданских учреждений и казенных предприятий приняли за штат, сохранив выплату полной зарплаты, большинство постепенно распределили на службу.

На Юге России особенности войны, сохранявшей длительное время характер очаговой и «железнодорожной» (боевые действия велись вдоль путей сообщения), не располагали к тому, чтобы органы власти всерьез занялись судьбой беженцев. На Дону увеличение численности населения, укрывавшегося на контролируемых белыми территориях, заставило Совет управляющих отделами Всевеликого войска Донского принять за счет войсковой казны перевозку беженцев по железным дорогам. 25 февраля 1919 г. донские власти приняли общее постановление о признании беженцев. Областной совет по делам беженцев, созданный в Новочеркасске, руководил окружными и городскими комитетами. Беженская организация на правительственные ассигнования распределяла беженцев по станицам. Дальше проблемы вынужденных мигрантов решали преиму-

⁸² Матышева С. Ю. Комучевская Казань // Татарстан. 2001. № 9. С. 54.

шественно за счет населения: расселение по бытовым квартирам, перевозка имущества, трудоустройство. Никаких пособий войсковое правительство платить не могло, но брало на себя попечение о малолетних и нетрудоспособных⁸³. Невоенское население по донским законам не имело прав на правительственную помощь.

Особое совещание ВСЮР 27 марта 1919 г. учредило должность главноуполномоченного по устройству беженцев (ее занял помощник начальника управления внутренних дел А. И. Пильц), выделив ему один млн руб. на нужды беженского населения. При главноуполномоченном действовал Особый комитет из представителей ведомств и общественных организаций. Но уже 24 мая 1919 г. Особое совещание передало все дела по устройству беженцев местным учреждениям землеустройства и земледелия⁸⁴.

Вторая половина 1919 — начало 1920 г. стали периодом великого отступления белых армий на всех фронтах. В Северной области сложная линия фронта, слабая заселенность территории привели к тому, что к Архангельску стали подтягиваться служащие из районов, занимаемых красными. Сначала правительство приняло на себя заботу о гражданских служащих, выплачивая им заштатное содержание. Но в сентябре 1919 г., опасаясь катастрофы на фронте, Временное правительство Северной области ввело возвратные пособия эвакуируемым служащим и их семьям. Военные, гражданские, земские и городские служащие получали двухмесячный оклад, дополнительно тысячу рублей (с выплатой обратно в казну в течение полугода равными долями) и бесплатный проезд с багажом⁸⁵. Впрочем, эвакуация совершенно не готовилась военными. Они покинули Архангельск в феврале 1920 г. так стреми-

тельно, что все правительственные обещания эвакуационных льгот и выплат остались нереализованными, а большинство служащих отказались покидать город⁸⁶.

На Востоке России отступление с Урала оказалось первой относительно подготовленной эвакуацией. С некоторых предприятий успели вывезти часть оборудования, рабочим и служащим уральских заводов выдали заработную плату за три месяца вперед, произвели вывоз семей с имуществом. Впрочем, и на этот раз перед наступлением красных города покидало множество стихийно бежавших жителей. В сельской местности отдельные волости и станицы, поддерживавшие белых, изрядно пустели от покидавших свои дома жителей. Вслед за уходящими поездами на восток тянулись по дорогам тысячи подвод и просто пешком идущие уральцы. В результате опять перемешались стихийное бегство и организованная эвакуация.

По-настоящему Сибирь стала готовиться к наплыву беженцев только в конце лета 1919 г., когда станции и пути оказались заполнены беженцами и эвакуированными. Российское правительство внесло в законодательство беспрецедентные по своим масштабам льготы для эвакуированных. Эвакуированным служащим выплачивали двухмесячное, позже — трехмесячное безвозвратное подъемное пособие, вывозили за счет казны имущество (до 6 пудов) и семьи, платили суточные в пути следования. На строительство бараков для беженцев были выделены сначала 18 млн руб., а потом еще 400 млн руб. На эти средства спешно возводились капитальные жилища, готовые вместить беженцев зимой⁸⁷.

В сентябре 1919 г. отступление удалось остановить почти на два месяца и даже про-

⁸³ СУР ПВВД. 1918. Вып. 5. Ст. 523; 1919. № 16. Ст. 86.

⁸⁴ СУР ОС ГВ ВСЮР. 1919. № 29. Ст. 210; № 41. Ст. 382.

⁸⁵ СУР ВПСО. 1919. № 7. Ст. 318. № 8. Ст. 333; № 21. Ст. 561; № 22. Ст. 564.

⁸⁶ Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции: В 22 т. Т. 3. М., 1991. С. 114—115, 130—136.

⁸⁷ Правительственный вестник. 1919. 24 сент.

вести успешную контраступательную операцию. Вместо организации нового этапа эвакуации Российское правительство стало готовить и даже проводить эвакуацию обратно в города Тобольской губернии. В результате время было упущено, вывоз учреждений и населения из сибирской столицы — Омска — сильно затянулся. В Сибири на восток вела единственная железнодорожная ветка — Транссиб, следовательно, гуманитарная катастрофа стала неизбежна. Ее усугубили действия союзников, не считавшихся с социальными приоритетами. Они взяли под контроль железнодорожные коммуникации, пропускали вперед собственные грузы, задерживая эшелоны с ранеными, больными, гражданским населением. Поздней осенью в районе Транссиба скопилось около миллиона беженцев.

Еще один регион, где власть предпринимала отчаянные попытки организовать эвакуацию гражданского населения, была Северо-Западная область. Там в октябре 1919 г. выдали всем служащим двухмесячные эвакуационные пособия и направили впереди отступавшей армии. Однако сложности длительных переговоров с Эстонией о приеме армии и беженцев, быстрое обесценивание денег Северо-Западного правительства, тиф и голод превратили трехмесячные (а для тех, кто отступал из-под Петрограда, — шестимесячные) мытарства беженцев в сплошной кошмар⁸⁸.

На Юге России фронт с января по март 1920 г. стремительно откатывался на Юг, армия пробивала дорогу сквозь области, занятые отрядами крестьянских повстанцев. Из гражданского населения войска сопровождали только отдельные служащие правительственных учреждений. Сбрав-

шиеся в Крыму беженцы не могли рассчитывать на материальную помощь Правительства Юга России. Они численно преобладали в городах и курортных местечках. Из Крыма в ноябре 1920 г. эвакуировались на Босфор (в Турцию) на 126 судах около 136—145 тыс. чел., из которых около 60 тыс. гражданского населения — чиновники и семьи военнослужащих. Это была самая масштабная эвакуация за всю историю Гражданской войны, самая масштабная социальная катастрофа, ставшая для многих только началом эмигрантской одиссеи⁸⁹. Совокупная численность беженцев на подконтрольных антибольшевистским правительствам территориях не поддается даже приблизительному учету.

Исторические уроки социальной политики антибольшевистских правительств не столь печальны, как ее итог. Не были брошены на произвол судьбы многие из тех, кто до революции получал помощь от государства и общественных организаций. Это требовало серьезных правительственных ассигнований на гуманитарные нужды. Конечно, закономерность поражения в Гражданской войне в полной мере становится понятна именно при анализе этой стороны деятельности противников советской власти. Признание большинства дореволюционных социальных обязательств, необходимость выполнять новые, обрушившиеся на органы власти в связи с созданием армий, в условиях отсутствия реальных доходов, при отказе от решительных мер принуждения, мобилизации материальных ресурсов путем экспроприации, делали одну из сторон в Гражданской войне заведомо более слабой, неспособной нести непосильное бремя социальных расходов.

⁸⁸ ГАРФ. Р-6385. Оп. 1. Д. 12. Л. 16 об.; Д. 19. Л. 15—15 об.

⁸⁹ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 — ноябрь 1920 г. М., 1997.

Часть VI

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ. ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ И КАУЗАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МОТИВАЦИИ УЧАСТНИКОВ ВНУТРЕННЕГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Роль фронтовиков на начальном этапе боевых действий

Человеческий фактор исключительно значим в войнах внутренних, поскольку степень активности и занимаемая позиция в большей степени зависят от личного выбора и решений человека, нежели в войнах внешних. Опыт участия в политических партиях и движениях имела небольшая часть жителей Российской империи, для остальных же повод для активного участия в революционных, а затем и военных событиях возникал по мере углубления общесударственного кризиса.

После начала в стране широкомасштабной внутренней войны ее активными участниками стало несколько миллионов человек. Одни оказались вовлеченными в боевые действия не по собственной воле и выбору. Это мобилизованные призывными комиссиями РККА и белых армий или вступавшие в армии добровольно, но под давлением обстоятельств, не оставлявших им иного пути. Другие — руководствуясь решением, продиктованным опытом, накопленным в предшествовавшие началу Гражданской войны годы. Вторая категория инициативных участников военных действий численно уступала первой, но именно она являлась движущей силой этого конфликта, придав ему остроту, бескомпромиссность и продолжительность.

Первая мировая война создала в стране массу людей, прошедших через действующую

армию, умеющих обращаться с оружием. Примерно треть фронтовиков Первой мировой проявили себя и в годы Гражданской. Из них сформировался костяк армий обеих противоборствующих сторон.

Мировая война внесла качественно новые черты в коллективный портрет поколения. Это был практически первый военный конфликт, когда свои мобилизационные возможности показала введенная в России в последней трети XIX в. всеобщая воинская повинность. Само участие в боевых действиях повлияло на психологию людей, снизив порог применения насилия и придав ему неупорядоченный характер — право использовать бессудную силу мог присвоить себе любой человек с ружьем. Армейская среда подтолкнула солдат к самоорганизации, от земляческих групп они перешли к организациям политического характера. Тяготы войны сформировали неприязненное отношение к фактам имущественной и социальной дифференциации. Особое значение имело участие в солдатских комитетах: именно после этой «школы» солдаты становились политически подкованными, как было принято говорить — сознательными. Прежде всего военная служба, тем более участие в войне, формировали в солдатской массе общегосударственные представления. Следует учесть, что пропагандистский дискурс

того времени, особенно после Февральской революции, включал в себя обращение к солдатам с целью сформировать у них сознание ответственности за нацию, за судьбы страны. Росту чувства значимости собственной роли в событиях способствовало то, что солдаты выделялись в особую общественную группу. Например, участие в выборах в Учредительное собрание для них допускалось с 18-летнего возраста, в то время как другие категории граждан должны были достигнуть 20 лет.

Л. Д. Троцкий считал фронтовиков проводниками большевистского влияния в тылу¹, связывая это с приобретенным ими опытом работы в солдатских Советах, где влияние большевиков после корниловского мятежа было доминирующим. Фронтовики, прибывшие домой в отпуск еще до начала массовой демобилизации, не горели желанием возвращаться на фронт, охотно включаясь в работу выборных органов, крестьянских Советов или Комитетов, в том числе заменявших собой волостные земства там, где они были. Осенью фронтовики и солдаты тыловых гарнизонов выезжали в провинцию, имея на руках мандаты большевистской партии, в частности, на проведение агитации по выборам в Учредительное собрание. Прибыв на место, они проявляли склонность к организационной, а не агитационной деятельности, что выражалось в создании ими партийных ячеек, революционных комитетов и вооруженных отрядов при них. Бывший шахтный механик Д. П. Жлоба был избран членом Московского Совета солдатских депутатов от школы авиационных техников на Ходынке, затем был направлен с мандатом в Донбасс и переключился на организацию рудничной Красной гвардии. Комендор крейсера «Аврора» Е. П. Огнев, сделавший исторический выстрел из орудия

корабля по Зимнему дворцу, по возвращении на Дон влился в процесс организации отрядов из иногородних Сальского округа.

Сведения о начавшемся в тылу «черном переделе» привлекали особое внимание солдат-фронтовиков, подавляющее большинство которых составляли крестьяне. Тягу домой и рост дезертирства объясняют возникавшие в их среде опасения, что при разделе помещичьей земли они будут обойдены. По возвращении на родину демобилизованные оказывались в напряженных отношениях с односельчанами и не только в губерниях с остро стоявшим земельным вопросом. Им публично, на сельских и станичных сходах, предъявлялись обвинения в дезертирстве и предательстве, в том, что «провоевали немцам Россию». В губерниях, характеризующихся развитым отхожим промыслом, в восприятии односельчан фронтовики немногим отличались от ушедших на заработки, которые обычно возвращались с деньгами и подарками. Однако солдат с германской войны приходил с клеймом «продавшего Родину», но, главное, с пустыми руками.

В казачьих областях бесславное возвращение фронтовиков вызвало резкое осуждение стариков и атаманов. Те призывали образумиться и не пускать на ветер славу доблестного войска. В ответ молодежь бросала обвинения в том, что деды «за сных воюют», с чем и связывала их стремление держать сынов на фронте подальше от дома².

Негативное отношение к военной молодежи на последнем этапе Мировой войны присутствовало у всего «добропорядочного» российского общества; этому способствовало безобразное поведение дезертиров и возвращающихся после массовой и плохо организованной демобилизации солдат. Грабежи и насилия, возможно,

¹ Троцкий Л. Д. История русской революции: В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 180—181; и др.

² Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917—1920. Сб. документов: В 2 т. Т. 1: Март 1917 — май 1918. Ростов н/Д., 2017. С. 324.

были спровоцированы нежеланием солдат подвергнуться осмеянию, вернувшись домой без трофеев³.

Недовольство старших родственников и проявления конфликта поколений оказались для последующих событий не менее существенным фактором, чем конфликт социальный или имущественный. Фронтовики начали испытывать чувство личной обиды, заставлявшей их объединяться для защиты групповых интересов и осуществления каких-то общих задач. В первые месяцы после массовой демобилизации это была борьба с «белобилетниками», которых было много в районах расположения действующих или строящихся портов и предприятий военного значения. Она выразилась в стремлении к «справедливому» переделу всех материальных запасов. Возникли конфликты на почве задолженности семей фронтовиков перед соседями, так как часть сельских дворов, в которых мужчины-работники были освобождены от призыва в армию, существенно окрепла за годы войны. Начавшийся по инициативе вернувшихся солдат передел земли проходил в форме борьбы за советскую власть, за осуществление Декрета о земле. Фронтовики считали, что их семьи имеют приоритет в наделении землей⁴.

Ускоренная демобилизация солдат старой армии происходила в конце 1917 — начале 1918 г. Она шла в условиях ухудшения криминальной обстановки, вклад в которую вносили и сами демобилизованные. На окраинах империи обострились межнациональные конфликты. Повсеместно формировались местные отряды самообороны, для руководства которыми как «специалисты военного дела» привлекались фронтовики. На Юге подобные отряды были

крестьянскими по своему составу и создавались по причине соседства с казаками и горцами, с которыми имелись земельные споры и иные конфликты, например, связанные с барантой⁵. Признание крестьянским обществом нового статуса своего односельчанина было лестным, и фронтовики стремились оправдать надежды, применяя приобретенные в армии навыки для военной подготовки новобранцев, организации охраны сел и окрестных угодий, а также в ходе начавшихся боевых действий. На Дону уже в первых боях с добровольцами и казаками красные отряды применяли артиллерию, используя орудия, привезенные с Кавказского фронта в эшелонах 39-й стрелковой дивизии.

На дальнейшую военно-политическую судьбу солдат-фронтовиков могли влиять маршруты движения эшелонов с демобилизованными. Те, кто в первые месяцы 1918 г. возвращались из Закавказья в поездах, следовавших через Баку, Дагестан и Терек, попадали в атмосферу конфликта с горцами и принимали сторону казаков. Их товарищи, которые направлялись сначала морем в Новороссийск, а потом эшелонами через Кубань, стали союзниками большевиков⁶. К этому их подталкивала позиция Кубанской краевой рады, вынашивавшей идею государственной независимости края по примеру Украинской директории и опасавшаяся появления массы вооруженных людей, способных решить судьбу любой власти. Рада закрыла фронтовикам проезд по территории Кубани, чем дала шанс большевикам и левым эсерам развернуть агитацию среди скопившихся в портах солдат, организовать из них красногвардейские отряды и попытаться прорваться с боями через земли Кубанского

³ Трошина Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России в первой четверти XX века. Архангельск, 2011. С. 92—95.

⁴ Там же. С. 172—173.

⁵ Захват скота как способ мести за обиду или вознаграждения за причиненный ущерб.

⁶ Янчевский Н. Гражданская борьба на Северном Кавказе: В 2 т. Ростов н/Д., 1927. Т. 1. С. 69.

войска. Большая часть этих солдат приняла участие в Гражданской войне на стороне красных, в дальнейшем влившись в состав армии Северокавказского ЦИКА.

Черноморские матросы покидали Крым по преимуществу по железной дороге. Но поскольку поезда не в состоянии были вывезти всех демобилизованных, часть их следовала пешим строем по территории Таврической губернии. Они двигались небольшими вооруженными группами, вступая в боестолкновения с гайдамаками, оказывая помощь рабочим Советам промышленных городов, питаясь за счет обложения «революционным налогом» небольших городов, сел и поместий. Для защиты от них в отряды самообороны собирались местные крестьяне и бывшие фронтовики из числа нижних чинов, а командовать этими отрядами приглашались бывшие офицеры⁷.

Существовавшие объективные препятствия для возвращения домой становились причиной того, что волюно или невольно фронтовикам приходилось пополнять собой образовывавшиеся отряды. Если демобилизованные оказывались в казармах крупных транспортных узлов, то, соединившись с солдатами запасных частей, они начинали представлять собой серьезную силу. Так, будучи отрезанными от родных мест, скопившиеся весной 1918 г. в Москве в Астраханских казармах солдаты вскоре влились в 38-й Рогожско-Симоновский советский полк и, благодаря стараниям комиссаров и командиров из числа кадровых офицеров, стали дисциплинированными красноармейцами и доблестно погибли на Дону в боях против белых осенью того же года⁸.

После массовой демобилизации армии получили распространение союзы фронтовиков, которые включали бывших военнослужащих. Эта тенденция, скорее, ха-

рактерна для города, чем для села. Союзы создавались для экономической поддержки демобилизованных в условиях расширяющейся безработицы в городах и промышленных центрах. В деревне динамика социально-политической активности фронтовиков, вернувшихся домой, была тесно связана с реализацией Декрета о земле. Проведя передел земли и хлебных запасов, они всецело посвящали себя весенним полевым работам.

Союзы фронтовиков сыграли заметную роль в эскалации вооруженных конфликтов. Первоначально союзы работали в тесном контакте с местными советскими властями, что было связано как с опытом участия в комитетах 1917 г., так и с надеждой на помощь Советов в трудоустройстве демобилизованных солдат, унтер-офицеров и офицеров. Но обеспечить фронтовиков работой в условиях экономического спада и сокращения рабочих мест было затруднительно. Это порождало разочарование, недовольство и конфликты с местными властями. Немаловажным было то, что вернувшиеся с фронта представляли собой массу, обретшую привычку к социальному иждивенчеству и опыт силового давления для получения желаемого, а потому организации ветеранов были готовы добиваться от советской власти удовлетворения своих требований разными, в том числе и принудительными мерами⁹. Многие организации фронтовиков создавали при себе вооруженные дружины, которые выступали конкурентами Красной гвардии за контроль за городом и подчас становились реальной силой в борьбе за местную власть, которая могла сопровождаться вооруженными стычками.

На Урале и Поволжье оппозиционные партии и органы самоуправления — зем-

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 296. Л. 4—5, 11.

⁸ Моисеев С. И. Полк рабочей Москвы. М., 1960. С. 25—26.

⁹ Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55—75.

ские управы и думы, существовавшие наравне с Советами вплоть до весны 1918 г., попытались воспользоваться изменившимися настроениями фронтовиков. На союзы обратило внимание и офицерское подполье, рассматривая их на роль инструмента военного переворота. Летом 1918 г. по стране прокатилась волна вооруженных выступлений против Советов. Причинами стали не только переживаемые трудности времени, но и объявленная большевиками мобилизация в регулярную армию, иностранная интервенция и оформление антибольшевистских центров на окраинах страны. Обязательная мобилизация вызывала протесты и ухудшала отношения с контролируемыми большевиками Советами, а возникновение фронтов внутренней войны придавало решимость восставшим в связи с уверенностью в скорой ликвидации большевистского режима по всей стране.

Комбинации местных интересов и противоречий всегда имели свою специфику, но фронтовики неизменно становились фактором перевода событий в острую фазу. В известной степени к участию в антисоветском восстании Союза фронтовиков Ижевска привело противоборство между «коренными» и «пришлыми». Ко вторым относились рабочие, переведенные на местные заводы в годы Первой мировой войны из Петрограда и других городов Центрального промышленного района. Из разных по происхождению групп фронтовиков образовалось две организации. Большевистский Совет признавал существование обеих, хотя и сомневался в целесообразности этого. В ижевском Союзе «коренных» фронтовиков существовала законспирированная офицерская организация, которая, установив связь с воткинским Союзом фронтовиков, решила перевести

недоверие к Советам, якобы опиравшимся на «чужих», в открытое выступление. Эта деятельность протекала при активном участии местных эсеров и агентов ЦК ПСР, использовавших благоприятную почву для стимулирования брожения. Но непосредственным поводом к восстанию стала мобилизация в Красную армию. Фронтовики были готовы взяться за оружие, что и дало эсеро-офицерскому подполью шанс для использования протестных настроений¹⁰.

Подобные тенденции проявились и в других местах. Саботаж советской мобилизации вызвал восстания в Невьянске и Астрахани, где фронтовики играли лидирующую роль. Почти повсеместно союзы фронтовиков, состоявших из людей, придерживавшихся крайне неопределенных политических взглядов, выступали прикрытием для подпольных военных офицерских организаций, постепенно попадая под их влияние. Особенно успешно был использован сибирским подпольем Союз фронтовиков во Владивостоке. Возникшая при нем вооруженная дружина участвовала в свержении власти большевиков, а потом в полном составе вошла в 1-й сибирский полк армии А. В. Колчака.

В приазовском Бердянске выступление фронтовиков 18 апреля 1918 г. было направлено против городского Совета, эсеровского по своему составу. Местный союз инвалидов, объединявший в основном обер-офицеров и унтер-офицеров старой армии, арестовал комиссаров и нескольких членов Совета. Причиной этого стала инициированная Советом эвакуация продовольственных запасов в преддверии австро-германской оккупации города. Появившийся вскоре в Бердянске отряд М. Г. Дроздовского настоял на расстреле арестованных. Среди местных «инвалидов» и горожан экзекуция

¹⁰ Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 гг. М., 2004; Дмитриев П. Н. Организации бывших военнослужащих накануне Ижевско-Воткинского восстания // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. № 1 (18). 2014. С. 5—23.

вызвала неоднозначную реакцию. В итоге часть членов союза покинула город и присоединилась к дроздовцам¹¹.

В губерниях, не знавших в прошлом крепостного права (речь идет о Пермской, Вятской, Уфимской и др. губерниях), влияние эсеров на союзы фронтовиков связывается с силой и влиянием деятельного местного земства, имевшего выраженный «мужичий» характер. Земства, кооперативы, организационные импровизации 1914—1917 гг. (хозяйственные советы, комитеты и т.п.) были активными во всех названных губерниях. Земская инфраструктура и организационные навыки в годы Гражданской войны претворились в них в успешную военную самостоятельность населения¹². Не без влияния эсеров начались выступления в Златоустовском уезде Уфимской губернии, Кузнецке Томской губернии, Иркутске и Бодайбо. Но в Сибири союзы фронтовиков сыграли в свержении большевиков гораздо более скромную роль, чем на Урале. Причина этого в меньшей активности союзов фронтовиков аграрных губерний Сибири и в том, что большевики так и не успели провести там мобилизацию, которая могла бы вызвать недовольство сибиряков, как это случилось в районах Поволжья и Урала. Однако благоприятное отношение к правительствам, образованным белыми режимами, было недолгим. Аресты большевиков и советских служащих, доносы, обыски, притеснения профессиональных союзов, восстановление привилегий офицерства и буржуазии начали менять настроения фронтовиков в другую сторону.

Участие бывших нижних чинов старой армии вносило элементы профессионализма в военную деятельность местных отрядов на начальном этапе вооруженной

борьбы. В это время выдвинулись и стали популярными командиры отрядов партизанского типа. В начавшихся боях им удавалось побеждать кадровых военных старой армии. Преимущественно партизанский характер боевых действий и участвующих в них воинских соединений, как бы с этим не боролось командование всех армий, подчас уравнивал потенциал кадрового и некадрового командного состава. Выпускник Николаевского кавалерийского училища А. Г. Шкуро и не вошедший в историю Н. Волченский эффективно применяли один и тот же тактический прием: введение противника в заблуждение в отношении численности своего отряда путем многократного прохода колонны в зоне вражеского наблюдения¹³. Другой выпускник того же престижного военного училища А. В. Голубинцев и красные военачальники С. М. Буденный и Д. П. Жлоба, которые «академиев не проходили», неоднократно отслеживали телефонные и телеграфные переговоры противника, вступая в них под именем командиров и штабистов вражеской армии для выяснения оперативной обстановки и планируемых действий, о чем каждое из перечисленных лиц с гордостью писало в отчетах командованию и в послевоенных мемуарах.

Местные конфликты становились питательной средой для вооруженных столкновений начального этапа Гражданской войны. Основная масса населения России не могла оперировать категориями в масштабах государства, поэтому только личный или местный фактор мог дать им мотив, достаточный для того, чтобы ввязаться в борьбу. Тот факт, что казаки и иногородние проживали на войсковых землях чересполосно, стал причиной образования

¹¹ Заяц Н. «Союзы фронтовиков» в 1917—1918 гг. и их роль в революции и Гражданской войне // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. М., 2014. С. 509—547.

¹² Посадский А. В. Уральское и прикамское беженство в 1919 году // Гражданская война на Востоке России. Пермь, 2008. С. 226.

¹³ Шкуро А. Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, 1961. С. 100; ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 218. Л. 12, 13, 32.

зимой 1918 г. самооборонческих отрядов во многих селах и станицах. Гарнизон станицы Кушевской, состоявший из казаков, увидел в корниловских отрядах родственную силу, так как ему противостоял отряд расположенной неподалеку крестьянской слободы Подкушевка, нашедший общий язык с другими вооруженными формированиями пробольшевистской ориентации, созданными иногородними.

Ожидание наступления казачьих и офицерских отрядов с территории Донского войска побудило жителей сел Лежанка, Лопанка, Горькая Балка, Белая Глина Медвежинского уезда Ставропольской губернии образовывать фронт. Во главе отрядов встали вернувшиеся фронтовики — Ф. Г. Шпак, П. М. Ипатов, К. А. Трунов, В. И. Книга. Для решения вопроса с оружием крестьяне отправили в Царицын вагоны с шерстью и продовольствием, получив взамен винтовки и патроны. Весной—летом 1918 г. за пределы уезда для помощи другим красным отрядам они выезжали крайне неохотно и ненадолго.

Давние конфликты между собственниками земли и арендаторами (как правило, крестьянами-переселенцами из малоземельных губерний Центральной России) привели к кровавым рейдам по адыгским аулам отрядов, собранных из батраков, что определило преимущественно антисоветскую позицию западных черкесов.

Существенную взвесь населения Сальского округа области войска Донского составляли иногородние — переселенцы из центральных губерний, обрабатывавшие на условиях аренды юртовую землю калмыцких станиц. С января 1918 г. они, фронтовики-казаки и коренные донские крестьяне, создавали Советы, короткое время сосу-

ществовавшие с атаманскими правлениями. Ценность земли в засушливом округе была низкой, и местные русские казаки, имевшие небольшие наделы, не противопоставляли себя крестьянам. Иное дело калмыцкие станицы, которые как скотоводческие были наделены землей по значительно большей норме. В феврале началась вооруженная борьба за власть в округе, в ходе которой произошло формирование и консолидация казачье-крестьянских отрядов, ставших основой конных частей РККА¹⁴.

На скорость развития вооруженного противостояния влияла степень насыщенности регионов оружием. Существенным источником вооружения, боеприпасов и амуниции были огромные склады военного имущества в портовых городах¹⁵. В западных губерниях оружие добывалось путем обмена на продукты у солдат из проходивших мимо эшелонов и обозов. Но далеко не все имевшееся у них фронтовики распродавали по пути домой. В деревне ждал их «черный передел», и никто не верил, что он пройдет гладко. Фронтовики — уроженцы крестьянских сел, привозили с фронта все, что могли увезти, вплоть до пулеметов и артиллерийских орудий, уверенные в том, что все эти арсеналы будут востребованы. Для крестьян предгорных районов Кубани и Ставрополя обзаведение собственными арсеналами стало злостным воровством в связи с участвовавшими набегами горцев. На крупных и узловых станциях работали отряды Красной гвардии, по мандату местных властей разоружавшие следовавшие с фронта эшелоны. Донбасские и поволжские отряды реквизируют оружие у следовавших с Западного фронта, терские и кубанские отряды — у возвращавшихся из Закавказья¹⁶.

¹⁴ Морозова О. М. Левобережные казаки и ранние страницы истории Первой конной // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: Идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и материалов. М., 2015. С. 326—336.

¹⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 12. Л. 51.

¹⁶ ЦДНИРО. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 11. Л. 159 об.; Д. 12. Л. 461.

Оружием обзаводились для обеспечения собственной безопасности, но его появление провоцировало, а не предотвращало силовые действия. Зимой 1917—1918 гг. в донских станицах находились «старики», «выростки» и одиночным порядком прибывшие с фронта казаки, имевшие на руках в основном холодное оружие, потому что местом хранения винтовок был полковой цейхгауз. Запас огнестрельного оружия местных команд был весьма ограниченным. Массовое возвращение с фронта казачьих частей ситуацию изменило несущественно, так как полки и сотни скапливались в войсковых столицах, узловых станциях и окружных станицах, ведя ставшую уже привычной митинговую жизнь. А хутора и юртовые станицы оставались слабо защищенными. Уязвимость казачьих поселений вводила в соблазн соседние крестьянские села, успевшие собрать пусть и небольшие отряды из вернувшихся с оружием на руках фронтовиков. Перспектива решить все земельные споры раз и навсегда казалась им реальной как никогда. Поэтому, когда начались стычки, на первых порах казакам случалось биться саблями, дедовскими пиками и лопатами. К апрелю 1918 г. «пацифистское» настроение донских казаков-фронтовиков (особенно массово — правобережных станиц) стало меняться, в том числе и в ходе конфликтов с коренными крестьянами и иногородними, протекавших с применением огнестрельного оружия.

Если к началу широкомасштабных военных действий Юг был обеспечен оружием, то на Севере его просто не было. Те уроженцы северо-восточных губерний, которые возвращались с фронта через Центр России, как правило, разоружались на крупных станциях. В Архангельской губернии в народной среде практически полностью отсутствовала военная культура. Охотни-

ки-промысловники до конца XIX в. добывали пушнину с помощью силков и ловушек, а на медведя ходили с рогатиной. Жители северной губернии стали призываться на действительную военную службу только после 1874 г., но и то в меньшей, в сравнении с другими губерниями, доле. Традиция обзаведения охотничьими ружьями стала складываться в начале XX в., но оно продолжало оставаться редкостью в крестьянских домах этой и соседней Олонецкой губернии¹⁷. В итоге Гражданская война на Русском Севере разгоралась крайне медленно. Ее стимулировали поставки оружия из Архангельска англичанами и Северным правительством и из Вологды — большевиками. Красные партизанские отряды по распоряжению командования раздавали жителям деревень оружие; за ним охотно приходили парни и бабы и начинали считать себя сторонниками «красиков». После возвращения домой они, осмелев, начинали тревожить белые гарнизоны, провоцируя ответную активность противника, обстрелы из пушек деревень, в которых базировались «красные» партизаны¹⁸.

После роспуска старой армии уставшие от трехлетней войны офицеры и нижние чины были готовы навсегда оставить ратное дело. Настроение «новых» военных, младших офицеров и унтер-офицеров, получивших военные специальности в последний год войны, было иным. Молодые люди из крестьянской и мещанской среды, дети церковнослужителей, представители других низших социальных групп, наоборот, стремились закрепиться в новой профессии.

По количеству молодых людей, рожденных в 1896—1898 гг. и проявивших себя в событиях Гражданской войны, можно говорить о некоем феномене. Этот слой возник в результате изменения условий призыва в армию. В соответствии с высочайши-

¹⁷ Государственный архив Архангельской области. Отдел документации социально-политической истории (ГААО. ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 717. Л. 19 об.

¹⁸ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 321. Л. 3, 4; Д. 431. Л. 2, 32.

ми указами в 1915 и 1916 гг. был проведен на основе добровольности досрочный набор новобранцев 1917 и 1918 гг., т.е. родившихся в 1896 и 1897 гг., но он привлек еще более молодые «года». Причиной массового притока людей на основе добровольности была возможность получить статус вольноопределяющегося, открывающий карьерные перспективы в соответствии с новой редакцией Устава и Положением об ускоренной подготовке офицеров в военное время. Для сравнения: до 1912 г. этими правами могли пользоваться только те, кто имел высшее или среднее образование (университет, гимназия, реальное училище, два класса духовной семинарии). По новому Уставу о воинской повинности право стать вольноопределяющимся мог получить выпускник «народной школы» — городского или уездного училища, а также ремесленной школы, но после сдачи особого экзамена.

Подготовка прапорщиков и унтер-офицеров из числа студентов, юнкеров, лиц с высшим или средним образованием, а также отличившихся солдат начала осуществляться в ходе краткосрочной трех- или четырехмесячной подготовки в военных школах и на курсах, открывавшихся при фронтах, отдельных армиях и запасных бригадах. Значительная часть этих выпускников получила погоны и лычки незадолго до Февральской революции, или уже в 1917 г. новенькие знаки отличия позволяли новоиспеченным унтер-офицерам и прапорщикам рассматривать армейскую стезю как новое жизненное поприще. Среди них были представители всех сословий, но более всего возможность социального роста привлекала молодых выходцев из крестьянской и мещанской среды. Несмотря на недостаток реального фронтового опыта, они готовы были стать членами военного сословия, для чего им нужна была война. Так, Н.Ф. Гикало (1897—1938), окончивший в 1915 г. военно-ветеринарную школу

в Тифлисе, без колебаний возглавил отряды Красной гвардии из рабочих грозненских нефтепромыслов, хотя за его плечами был только опыт службы ветеринарным фельдшером при госпитале. Среди красногвардейцев ходил слух, что он георгиевский кавалер, Гикало не считал нужным это отрицать, хотя это и не соответствовало истине.

С 1917 г. эти «новые» военные постепенно занимают места по обе стороны раскола. Этот процесс представляется лишенным объективной предопределенности, выбор имел сугубо личностное содержание. Принятие решения зависело от того, что человек принимал в качестве ключевой ценности — принадлежность к корпорации или личный статус. Как правило, наиболее инициативные и предприимчивые становились красными командирами. Этих людей А.И. Деникин называл солдатской полунинтеллигенцией, отводя им важную роль в создании Красной армии.

После Февральской революции солдаты активно выбирали «новых» военных на командирские должности и выдвигали в полковые комитеты, что затягивало даже не знакомых с левыми идеями в зону влияния радикальных партий. Обладание военными навыками было весьма распространено и не имеющим политической окраски поводом для участия в вооруженном конфликте, так как по возвращении домой фронтовики приглашали возглавлять отряды самообороны. Выдвинувшись на командование крупными отрядами, фронтовики из числа низших чинов или младших офицеров могли добиваться значительных боевых успехов. Весной 1918 г. в боях под Екатеринодаром бывший полковой фельдшер, выпускник Тифлисской школы прапорщиков 1915 года И.Л. Сорокин, проявил такое умение маневрировать и эффективно нападать, что был отмечен как самородок своими противниками А.И. Деникиным и И.Г. Эрдели¹⁹.

¹⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. М., 2006. С. 77; ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 121.

В августе—сентябре 1918 г. во время рейда по тылам противника Сводного уральского отряда Красной армии демобилизованный по ранению рядовой, а по другим сведениям, унтер-офицер. В.К. Блюхер использовал тактику эшелонной войны, отвечающую характеру боевых задач на Уральско-Сибирском театре войны, где отсутствовала сплошная линия фронта. Он сделал ставку на боевые действия вдоль путевых магистралей, подвоз отрядов к месту боев по железной дороге, применение бронепоездов с десантными отрядами²⁰.

Биографии советских генералов, родившихся в 1896—1898 гг., показывают, что именно в 1916—1917 гг. они получили военный чин унтер-офицера или прапорщика, который могли рассматривать как начальный этап в профессиональной карьере военного. И.Т. Булычев (1897—1999), из крестьян, в 1916 г. окончил курсы инструкторов военного телефонно-телеграфного дела штаба 12-й армии. В.П. Васильев

(1896—1942), из мещан, в 1916 г. — школа прапорщиков. К.Д. Голубев (1896—1956), из служащих, в 1916 г. — школа прапорщиков. М.Г. Ефремов (1897—1942), из крестьян, в 1914 г. — унтер-офицерская школа, в 1916 г. — школа прапорщиков. Г.К. Жуков (1896—1974), из крестьян, в 1916 г. — унтер-офицерская школа. И.Е. Петров (1896—1958), из мещан, в 1917 г. — юнкерское училище. П.Е. Шуров (1898—1942), из крестьян, в 1917 г. — школа прапорщиков. Н.Д. Яковлев (1898—1972), из мещан, в 1917 г. — унтер-офицерская школа. Следующим шагом в годы Гражданской войны стали командирские курсы, а в 1920-е гг. — курсы усовершенствования старшего состава РККА, Высшая стрелковая школа или Военная академия РККА.

Таким образом, важнейшим из влияний Первой мировой войны, определившим возможность разворачивания в России широкомасштабной Гражданской войны, стало появление многомиллионного слоя носителей военных навыков.

«Партизанщина» и ее наследие в армиях белых и красных

Базирующийся на лично-ориентированных отношениях характер сплочения заложил черты неорганизованности и стихийности в основание всех армий. В зарождении Красной армии трудно переоценить создание в первые месяцы 1918 г. тысяч разрозненных местных отрядов во главе с командирами из народной среды. Партизанско-повстанческие отряды, возникшие несколько позже в тылу белых в Сибири, Северном Кавказе, Архангельской и Олонецкой губерниях, относились к тому же типу вооруженных формирований. Причиной для участия в них были не столько идейные мотивы, сколько нужды выживания, недовольство попытками реставрации

старых порядков и государственного строительства белых. Главный смысл и польза партизанского движения в тылу армий А.В. Колчака, А.И. Деникина, Е.К. Миллера заключались в том, что оно давало альтернативу для дезертиров и недовольных, чем сокращало и так ограниченный мобилизационный ресурс.

Белые вкладывали свой смысл в понимание «партизанской» болезни, от которой им не удалось избавиться до последних дней существования своего движения. Уровень дисциплинированности белых частей никак не тянул на звание профессиональной, офицерской армии. Атмосфера жизни военнослужащих этих армий характеризу-

²⁰ Скробов В.С. Уральский театр военных действий (1918—1919) // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 470—479.

ется многодневными простоями и внезапными ночными приказами к выступлению, импровизационным стилем командования, явным отсутствием понимания стратегического смысла осуществляемых военных мероприятий. Подобное «партизанство» пытались объяснить тем, что борьба идет с «босаяцкой армией», распространившей разлагающее воздействие и на них. Однако основания «партизанского» облика, например, ВСЮР, имели базовый идейный характер. Его искоренению мешала идеализация ранних страниц истории Добровольческой армии. Характерная слабая исполнительская дисциплина и отсутствие наказания за это были производными от понимания добровольчества как высокомотивированного индивидуального поступка.

Самые яркие страницы в историю Гражданской войны вписали именно те командиры, которые наиболее емко воплотили в себе образ вожака атаманской ватаги: С. Л. Марков, В. О. Каппель, А. Н. Пепеляев, С. Н. Булак-Балахович; С. М. Буденный, В. И. Чапаев, Д. П. Жлоба, М. Н. Ракитин, В. М. Примаков и др. В Гражданской войне, как ни в какой другой, особую роль играли те командиры, которые находились в непосредственном взаимодействии с воюющей массой — на уровне полка, реже — корпуса, дивизии. Бойцы Красной армии редко знали имена командиров выше полка за исключением тех, с кем пришлось им воевать в 1918 г. На протяжении всей войны они сохраняли верность своим первым командирам, следили за их карьерными успехами и стремились вернуться под их командование, когда те уже стояли во главе корпусов и дивизий. Красноармейцы делились на «буденовцев», «думенковцев», «жлобинцев», «чапаевцев». У белых сохранение чувства близости к вождям было связано с малочисленностью армий, личным зна-

комством с лидерами движения, которые были давними сослуживцами многих своих подчиненных. Консолидация белых армий вокруг фигуры вожака была призвана воспроизводить замкнутость военной корпорации, характерную для дореволюционной российской жизни.

Отношения среднего командного звена с массой рядовых красноармейцев строились на многообразных эмоциональных основаниях — от страха до обожания. Большую часть бойцов Красной армии составляли не идейные сторонники советской власти, а мобилизованные, кого нужно было заставить сражаться. Большевикам удалось нащупать действенный способ воздействия на массу в форме выборочного наказания зачинщиков нежелательных эксцессов. Такие точечные акции не приводили к дезорганизации частей, но сам факт экзекуций подавлял волю потенциальных дезертиров и бунтовщиков. Именно за счет этой тактики удалось привести к подчинению части 6-й кавдивизии 1-й Конной армии, разложившиеся во время перехода по Украине.

В годы Гражданской войны сформировались общие требования к личности командира. Способность принимать в боевой обстановке верные решения ценилась особенно высоко, потому что повышала шансы выжить у его подчиненных. Личная храбрость («впереди на лихом коне») была основным способом двинуть полк в «лаву», поднять в атаку залегающее в окопах отделение. В декабре 1918 г. красный казак М. Ф. Блинов в бою у станции Филоново, несмотря на два пулевых ранения в грудь, возглавил своих конников в прорыве из окружения²¹. И. Н. Цыганков, командир кавалерийского эскадрона, будучи ранен во время атаки, не вышел из боя до момента его окончания. Его решение продикто-

²¹ Ставропольская имени Блинова. Военно-исторический очерк о боевом пути 1-й гвардейской краснознаменной орденов Ленина, Суворова и Богдана Хмельницкого Ставропольской кавалерийской дивизии имени Блинова. Ставрополь, 1971. С. 26, 29.

вано знанием склонности рядовых впасть в панику при исчезновении командира²².

В условиях, когда армейский механизм был слаб и разбалансирован, люди собирались и оставались около своего вожак в основном из-за его личных качеств и яркой харизмы, считая себя связанными с ним особыми узами и обязательствами. У большевиков этому способствовали методы руководства Л. Д. Троцкого, объездившего на своем поезде все театры военных действий Республики. Его примеру следовали командование фронтов, члены реввоенсоветов.

Рядовой состав любой армии — стрелки Добровольческой и Сибирской армий, красноармейцы хотели видеть своего командира храбрым, удачливым, решительным, доступным и требовательным одновременно. Он должен был заботиться о бойцах: чтобы они были сыты и одеты, выручать их из беды, не бросать в случае ранения на поле боя, не допускать попадания в плен. У красных такими фигурами поклонения были действующие командиры. В Добровольческой и Сибирской белых армиях искреннего поклонения удостоивались погибшие командиры. О степени соответствия реальных свойств личности легендарному образу судить трудно. По-видимому, факт смерти был основной причиной последующей канонизации в добровольческой мифологии.

Показателен тот факт, что офицеры-белогвардейцы, в полной мере оправдавшие звание отца-командира, которые не погибли в боях, не заняли достойного места в истории своего движения. Так, не получило широкой известности имя полковника Б. Н. Литвинова (1872—1948), активного, несмотря на возраст, участника окопной войны²³. В августе 1918 г. Литви-

нов участвовал в офицерском выступлении во Владикавказе, потом вместе со своей ротой отходил на Кубань через горные перевалы в составе большого отряда беженцев. В Екатеринодаре Литвинов занимался устройством пришедших с ним офицеров и учеников Владикавказского кадетского училища, обивая пороги местных чиновников, и ему удалось им помочь. В сентябре 1919 г. его отряд из бывших красноармейцев упорно держал фронт в Туркестане между Кизыл-Арватом и Коджем. Полковник, явно используя комиссарский стиль работы, произносил перед боями вдохновенные речи, и это решало их исход²⁴.

Большевики последовательно боролись с «партизанщиной», под которой подразумевалось не только послушание приказов, но и практика самоснабжения, и ориентированный на фигуру конкретного командира «контракт» на службу в Красной армии. Борьба с этим злом была более успешной там, где личный состав частей состоял из мобилизованной молодежи, не имевшей опыта двух лет солдатской свободы — 1917—1918 гг. Кроме того, большевикам удалось принудить к симуляции подчинения партизанствующих командиров, которые продолжали оставаться во главе «своих» полков, корпусов и дивизий. Они вступали в члены РКП(б), мирились с присутствием военспецов и военных комиссаров в своих штабах. Степень успеха этой работы была различной. Одни бывшие вожаки партизанского типа в дальнейшем стали профессиональными военными (С. М. Буденный, О. И. Городовиков, В. И. Книга, И. Р. Апанасенко), другие — попали в волну повстанческого движения 1920—1922 гг. (И. П. Колесов, Г. С. Маслаков, К. Т. Вакулин).

Одним из важнейших инструментов борьбы с «партизанщиной» была эффектив-

²² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2992. Оп. 1. Д. 361. Л. 2.

²³ Киреев Ф. С. Владикавказская операция // Белая гвардия: Альманах. № 8. Казачество России в Белом движении. М., 2005. С. 113.

²⁴ Великая Россия. 1919. 13 (26) сент.; ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 21; Д. 9. Л. 24, 25.

ная работа служб снабжения армии, что повышало авторитет командования и управляемость войсками. Начальник хозяйств 2-го Интернационального полка, сформированного из бывших махновцев, по фамилии Головкин направил 7 июня 1919 г. своему бывшему командиру Б. В. Кранспартье примечательное письмо: «[...] Если бы Вы явились к нам на несколько дней, Вас здесь приняли бы не хуже как самого тов. Троцкого, так что куда не приди, все говорят, что Вы так же, как батько Махно, что за такого человека в огонь полезем, так что Вы и тов. Мехлис в полку на первом месте; а некоторые говорят, что получилось то, чего от Вас не ожидали; говорят, что когда Вы приходили несколько раз в полк, то на Вас думали, что Вы будете строги как при старом режиме; а получается совсем наоборот, так что Вами все рады и приветствуют, дают слово, что свой долг исполним, и если бы было таких людей больше, то давно было бы все ликвидировано, а главное все в продовольствии [...]»²⁵.

Командование стремилось наладить централизованное снабжение личного состава, имея основной целью укрепление дисциплины. В частях регулярной Красной армии и в партизанских отрядах еду готовили на всех. Командиры частей питались из общего котла. Трудности снабжения РККА были объективно связаны с продовольственным кризисом, поразившим прежде всего центр страны. Для системного решения проблем обеспечения войск 9 июля 1919 г. была учреждена должность Чрезвычайного уполномоченного Совета труда и обороны по снабжению армии и флота (ЧУСО), наделенная неограниченными правами и самостоятельностью от ко-

мандования РККА. Регулярно проводились контрольные проверки интендантских служб, осуществлялось уголовное преследование по законам военного времени виновников растрат, хищений и иных вскрывшихся недостатков и преступлений²⁶.

А. С. Бубнов отмечал, что Гражданская война была войной с перевернутыми базами, что самозаготовки фронтов были основной формой обеспечения армии; они составляли от 70 до 95% общего количества отпускаемого военнослужащим продовольствия²⁷. История интендантских служб Красной армии знала немало интересных страниц. Например, некто тов. Зиновьев, председатель Цефронтпродкома Украинского фронта, отчитывался перед В. А. Антоновым-Овсеенко о положении дел в его ведомстве. В целях борьбы с самоснабжением были организованы бригадные (а не только дивизионные) заготовительные комиссии для работы прямо во фронтовой полосе. Закупка продовольствия велась у населения за деньги. За три недели было заготовлено 108 тыс. пудов картофеля, 15 тыс. пудов сала, и этот результат Зиновьев считал недостаточным. В окрестностях Винницы шло восстановление макаронной фабрики, на которой должны были производиться меласные галеты²⁸. В Харькове налаживалось производство мыла для нужд армии²⁹. Эта работа была частью общих усилий аппарата ЧУСО под руководством А. И. Рыкова, строилась в условиях продовольственного дефицита советской зоны, который на окраинах чувствовался значительно слабее.

Командование РККА рассматривало практику самоснабжения как вредную и подлежащую первоочередному иско-

²⁵ Государственный архив Днепропетровской области. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 224. Л. 3.

²⁶ *Присяжный Н. С.* Чрезвычайные органы снабжения Красной армии в годы гражданской войны 1918—1921: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.

²⁷ Бубнов А. С. О Красной армии. М., 1958. С. 228.

²⁸ Меласные галеты — печенье длительного хранения на основе зерновой муки и побочных продуктов свеклосахарного производства.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1232. Л. 7—10.

ренению. Вскрывшиеся случаи, бывало, влекли за собой самое суровое наказание, как политические вредные и нарушающие налаживание отношений советских частей и населения. Восполнение недостаточно снабжения велось по схеме поощрения отличившихся. В Красной армии восстанавливали наиболее ценные солдатами традиции старой армии, такие как торжественные парады и награждения. На митингах с участием большевистских вождей — Л. Д. Троцкого, М. И. Калинина, А. И. Рыкова, Х. Г. Раковского, под музыку духового оркестра раздавались подарки, в том числе и весьма ценные. К слову, упоминаний о торжественном вручении подарков в документах белых армий встречать почти не приходилось. Проводились полковые праздники и смотры, но без материального поощрения военнослужащих.

Переход к регулярной армии резко увеличил кадровый потенциал Красной армии. Мобилизация, проводимая Советами в русской деревне, не противоречила ее традициям и была традиционным способом реакции на аграрное перенаселение: по опыту прежних поколений новобранцы связывали с армией новые перспективы в жизни. Большевикам удалось создать централизованную мобилизационную систему, а у белых она оставалась разрозненной, действующей почти на инициативных основаниях.

Параметры людского ресурса на окраинах заметно уступали Центру страны. В распоряжении белых оказались населявшие окраины этнические группы со своим взглядом на суть переживаемого момента; уставшие от тягот непрерывной службы казаки; интеллигенция, занимавшая позицию заинтересованного наблюдателя. Армии генерала Е. К. Миллера и А. В. Колчака оперировали на территориях с низким уровнем социального

напряжения, не имевших опыта «первой» советской власти с ее декретами, национализацией, красным террором и мобилизационными кампаниями.

К завершающему этапу Гражданской войны Красная армия на фоне хронических проблем с управляемостью белых армий выглядела более отлаженным механизмом. Но и идеализировать ситуацию в РККА нельзя. Переход Первой Конной армии с Юго-Западного на Польский фронт в 1920 г. показал, сколь неустойчивой была дисциплина даже в, казалось бы, надежных частях³⁰. Немало судебно-следственных дел реввоенрибуналов связано с кутежами и пьянством, которые запрещались приказами вышестоящего командования, но были неистребимым явлением армейской жизни. Но за этими штабными «мероприятиями» нужно признать важную функцию сплочения, реализуемую через подобные извращенные формы в отсутствие иных.

Революция собирала под свои знамена людей с разной предреволюционной биографией. Кроме того, командование сознательно тасовало их, стремясь разбить слишком сомнительные взаимосвязи. Но потребность обеспечить себе опору и поддержку приводила к образованию спаянных групп из людей, которых война свела вместе. Первоначально это приносило свои положительные плоды, поскольку помогало за счет личных контактов решать многие проблемы в условиях неэффективной работы армейского механизма. Эти отношения могли иметь и корыстную основу, потому что должность обеспечивала доступ и распоряжение материальными ресурсами. Например, Г. К. Шевкоплясов, в 1918—1919 гг. начальник 37-й стрелковой дивизии РККА, всюду стремился иметь подле себя снабженца С. А. Кравченко, уже осужденного за нарушения, но продолжав-

³⁰ *Присяжный Н. С. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 году (Малонизвестные страницы истории).* Ростов н/Д., 1992.

шего работать в должности начальника интендантской службы войсковых частей. Поэтому когда Кравченко был обвинен в покушении на убийство В. П. Захарова, комиссара связи 9-й армии, Шевкоплясов предпринял давление на М. Ф. Вайнера, сотрудника особого отдела 10-й Красной армии, расследовавшего это дело. К моменту гибели комиссара 1-го Сводного конного корпуса В. Н. Микеладзе Шевкоплясов и Кравченко накопили поводы для интереса к себе реввоен трибунала и оказались в феврале 1920 г. среди арестованных по делу штаба Б. М. Думенко³¹.

Борьба группировок, сведенных приказом высшего командования в одних штабах, являлась обратной стороной группового сплочения. Наиболее известным фактом соперничества внутри Красной армии является, пожалуй, конфликт, жертвами которого стали командир Сводно-конного корпуса Б. М. Думенко и его штаб. Против Думенко выступили его подчиненные, нынешние (командиры 1-й бригады корпуса Д. П. Жлоба и 3-й — М. Ф. Лысенко) и бывшие (С. М. Буденный). Жлоба считал себя не менее заслуженным командиром, чем Думенко: ветераны созданной им в 1918 г. Стальной дивизии, служившие теперь под его началом в 1-й бригаде, помнили неудачи Думенко осенью 1918 г. под Царицыным и успехи Жлобы. Но и Думенко не отказывал себе в удовольствии указать новому подчиненному его место. Он предпринял попытку изъять у Жлобы трофейный автомобиль, полагая, что ему, как командиру корпуса, он более необходим, чем командиру бригады. Во время наступления на Новочеркасск бойцов 1-й и 3-й бригад нервировало то, что Думенко ставил их под удар врага чаще, чем свою любимую 2-ю Горскую бригаду, в которой были собраны бойцы, служившие под его

началом ранее и после лазаретов направленные в его корпус.

Участие Буденного в процессе против Думенко связывается с соперничеством, ведущим свое начало от кадровых перетасовок 1919 г. Однако это не подтверждается документами следственного дела. На Рождество 1920 г. Думенко и Шевкоплясов посетили в Ростове-на-Дону старого боевого товарища Буденного. О беседе Думенко и Буденного с глазу на глаз в своих показаниях говорили сотрудники штаба Первой Конной, в частности, Е. А. Щаденко. Перспектива одномоментного расследования еще и «буденновщины» заинтересовала Реввоен трибунал Республики. Потребовались усилия влиятельных фигур, чтобы вывести командующего Первой Конной из-под удара. Буденный и К. Е. Ворошилов дали против Думенко показания, обвиняя его в попытке контрреволюционного заговора³².

Конфликты на почве соперничества были явлением повсеместным. В мае 1919 г. начальник штаба Украинского фронта Е. И. Бабин охарактеризовал положение внутри руководства советской Украины как возмутительное: «В. А. Антонов-Овсеенко и Н. И. Подвойский находятся на положении войны между собой; нет содружества ЦИКа и Наркомата военных дел; личный конфликт между В. И. Межлауком, Ворошиловым и Подвойским в Совете обороны привел к полной неразберихе в работе»³³.

Складывавшаяся групповщина характеризовалась высокой степенью сплочения внутри группы, внешней агрессивностью и конфликтностью; зарождалась практика амбивалентных оценок и предвзятости. Возникавшие конфликты были еще более острыми, чем у противника, но существовала мощная подавлявшая их рука Центра.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 8. Д. 7. Л. 117, 323, 393, 605—610; Д. 8. Л. 148, 170.

³² Там же. Л. 384, 385, 453—454.

³³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1232. Л. 6.

Офицерство старой армии на службе у большевиков и в Белой армии

Служба офицеров старой армии на стороне большевиков была одной из самых обсуждаемых тем уже в годы войны. Поборники белой идеи высказывали мнения, что главными мотивами предательства были личные счеты, старые обиды и соблазны «советского золота»³⁴. Публично не оглашаемые мысли на эту тему были не столь прямолинейны. На страницах своего военного дневника контр-адмирал В. К. Пилкин вел мысленный спор с офицерами, пошедшими на службу к большевикам. Он видел в их поступке иную форму служения прежним идеалам; их выбор связывал с обстоятельствами, в которые они попали не по своей воле: «Ведь все мои сослуживцы, обслуживающие сейчас “Совдепию”, могут мне сказать: вы с эстонцами, финляндцами, англичанами и прочей [...] идете против России, которую мы, отрицая вместе с большевиками на словах, защищаем на деле. Мы восстанавливали ее в прежних границах». Он не испытывал к этим офицерам ненависти, считая, что в душе они были бы рады победе Белого движения»³⁵.

Для многих офицеров старой армии первым шагом в будущую РККА было избрание в различные солдатские комитеты и на командные должности, чему способствовал их авторитет у солдат. Это отражено в биографических справках Е. Н. Какурина, И. И. Вацетиса, М. С. Матиясевича и др. Штабс-капитан Марин сыграл видную роль в организации отрядов Красной гвардии при Новороссийском совете, будучи выбранным командиром. При этом он публично заявлял: я кадет и считаю, что

у большевиков ничего не выйдет, но если мой мортирный дивизион решил, то я буду с ним, потому что люблю своих солдат и буду честным офицером³⁶.

Основой добровольного поступления в Красную армию была инерционность большинства политически индифферентного офицерства. Паек и жалование подкрепляли приверженность месту службы. Считая власть непопулярных большевиков непрочной, военные специалисты готовы были своей службой сохранять для будущей России военный механизм, саму русскую армию. В дальнейшем им импонировали меры большевиков по укреплению вооруженных сил. Для потерпевших карьерные неудачи в старой армии открывались перспективы проявить себя в новой иерархии³⁷.

В показаниях военспецов в рамках судебно-следственных дел 1930-х гг. нашла отражение подспудная уверенность, что любой власти необходимы профессиональные военные, и ей нужны не их убеждения, а их знания³⁸. Кроме того, службе в РККА способствовали некоторые социальные параметры, например, возраст и семейное положение. После развала армии офицеры старших возрастов и званий уезжали к семьям, и значительная часть из них направлялась в центр страны. Так они оказались на территории, контролируемой большевиками, и попали по мобилизации в Красную армию.

О существовании особого комплекса констант мышления, поведенческих стереотипов, находившихся во взаимовлия-

³⁴ Великая Россия. 1919. 12 (25) сентября; 13 (26) сентября; 21 сентября (4 октября).

³⁵ Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918—1920. М., 2005. С. 136, 295—296.

³⁶ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 235. Л. 23.

³⁷ Гашин А. В. С кем был Генеральный штаб во время Гражданской войны в России 1917—1922 гг.? // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 4—14; Он же. Гражданская война: выбор офицеров // Преподавание истории в школе. 2019. № 8. С. 33—40.

³⁸ См.: Голдин В. И. Лихолетье. Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006. С. 171—202.

нии с системой ценностей и со способами корпоративной самоидентификации белого офицерства, писали еще белоэмигрантские авторы. Одним из первых поставил вопрос о морально-психологическом облике офицерства А. И. Деникин. Он обратил внимание на внутреннюю противоречивость поведения и системы ценностей добровольцев³⁹. В его суждениях присутствовал реабилитирующий подтекст, поскольку его воинству приходилось не только бороться с большевиками, но и пытаться преодолеть несогласованность элементов собственного мировоззрения.

После развала русской армии в 1917 г. у кадровых военных проявлялась готовность оставить профессию. Офицеры же военного времени стремились удержаться в новой для себя военной профессии, хотя для многих из них полковая учебная команда или школа прапорщиков была единственным военным образованием. Незавидное материальное положение значительной части белогвардейских офицеров находит свое объяснение: самыми последовательными борцами под белым флагом были недавно получившие погоны неимущие офицеры. Н. Н. Головин отмечал, что офицеры, юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, вступившие в Корниловский ударный полк, в большинстве своем до революции были приписаны к крестьянам. Их отличали от по-настоящему крестьянской массы «патриотический настрой» и «интеллигентность»⁴⁰. Этот слой людей и стал носителем так называемого белогвардейского мировоззрения.

Содержательную сторону системы представлений и ценностей белого офицерства составляла приглушенная политизированность, которую можно считать

реакцией на ощущение эфемерности единства людей, исповедующих различные политические идеи. В этой среде царил разномыслие политических взглядов антибольшевистской направленности. Одни хранили верность трону, другие мечтали о федеративной демократической республике. Перед эвакуацией из Новороссии генерал А. Г. Шкуро заявил генералу В. И. Постовскому: «Я анархист, причем синдикалист, а теперь решил сделаться индивидуалистом, потому что, как ты знаешь синдикалист — это нечто буржуазное. Нет, а ты все-таки будешь “Боже царя храни” вопить»⁴¹. Бывший командир 22-го Кубанского пластунского батальона Постовский был известен тем, что еще летом 1917 г. от имени казаков и офицеров своего батальона написал открытое письмо Верховному главнокомандующему А. А. Брусилову, в котором военный министр А. Ф. Керенский назывался «Пожарским земли Русской», Германия — насильником всей Вселенной и т. д. Письмо содержало призыв поддержать наступление для победы, которая нужна во имя всеобщего братства, равенства и свободы. Таким образом, и генерал Постовский не был монархистом⁴².

То, что это разнообразие политических убеждений могло иметь самые серьезные последствия для единства движения, подтверждают инциденты с Л. Г. Корниловым в Новочеркасске зимой 1918 г. (демарш офицеров-монархистов по отношению к генералу как участнику ареста императрицы Александры Федоровны), расстрелы офицеров-эсеров — сторонников Директории в Сибири, убийство главы Кубанской краевой рады Н. С. Рябова в Ростове-на-Дону летом 1919 г. и т. д. Нетерпимость к инакомыслию сочеталась с неопределенностью

³⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2: Борьба генерала Корнилова. Минск, 2002. С. 232, 245—249; Он же. Очерки русской смуты. Т. 4: Вооруженные силы Юга России. Минск, 2002. С. 163—174.

⁴⁰ Головин Н. Н. Российская контрреволюция 1917—1918 гг.: В 12 кн. Париж, 1937. Кн. 5. С. 23, 47—48.

⁴¹ ЦДНИКК. Ф. Р-411. Оп. 21. Д. 251. Л. 43 об., 44, 44 об.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 153. Л. 3.

собственных политических взглядов. Более 14 тыс. бывших белых офицеров оказались к началу 1921 г. в рядах РККА не только под влиянием обстоятельств, но и в силу этого качества мировоззрения⁴³.

Большинство добровольцев, в том числе и дворянского происхождения, не связывало будущее страны с династией. При этом даже монархисты считали, что Романовы потеряли моральное право на трон, и объясняли свою верность идее монархии лишь ее исторической целесообразностью для России. Хотя уже в годы войны прозвучало мнение, что монархические настроения среди белого офицерства возрождаются⁴⁴. Но сам А. И. Деникин оценивал подобные суждения как ошибочное преувеличение⁴⁵. Однако после потери Родины монархическая идея действительно вытеснила в сознании беженцев все остальные идейные ниши. Вероятно, в условиях эмиграции важно было выстроить внутренне согласованную историю своей жизни: три года борьбы должны были быть посвящены высокой идее, а не тому аморфному и неуловимому содержанию, которое представляла собой идеология Белого движения.

Слова Долг и Честь занимали в белогвардейском глоссарии одно из важных мест. Они постоянно вступали в парадоксальное взаимодействие, толкая офицеров на поступки, противоречащие объективным интересам движения, например, к отставкам и отъезду из места службы в случае несогласия с политикой командования, невзирая на тяжелое положение фронта. Противопоставление себя солдатской массе, бережное отношение к кастовым признакам, распространенные в Добровольческой армии случаи самоубийств были проявлением превратно понимаемой офицерской чести.

В дни легендарного Ледяного похода отмечались самоубийства тяжело раненых, не желавших становиться обузой для своего отряда. Эта «традиция» явно относится к типу альтруистических самоубийств, вызываемых глубокой интеграцией индивида в социальную среду, обладающую для него значимой ценностью, и направленных на выживание и сплочение товарищей. В дни поражений стали преобладать эгоистические и аномические «счеты с жизнью». Последние были связаны с разрушением ценностной системы, с разочарованием в вождях, лозунгах, смысле борьбы. Этот тип самоубийств стал преобладающим в эмиграции, что связано было также с тем, что сторонниками Белого движения были люди с более ригидным и менее способным к перестройке мировоззрением, что в целом характерно для традиционалистов, которыми и было большинство белогвардейцев.

Ценностный аспект мировоззрения включал высшие идеалы офицерства, с которыми они сопоставляли существующее положение вещей. Казалось бы, для военной касты это была значимость армии как корпорации, ее базовых принципов, среди которых важное место занимает иерархичность и строгая подчиненность. Приказ как властное распоряжение руководителя, отданное в пределах его должностных полномочий и обязательное для исполнения подчиненными, переставал быть императивом, поскольку часть офицерства, как отдававшая, так и получавшая приказы, считала армейскую вертикаль нарушенной. Поступавшую от бывших начальников директивную информацию они предпочитали считать распоряжением или даже пожеланием. Установившуюся иерархию они воспринимали как временную и относительно-

⁴³ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР в 1930—1931 годы. М., 2000. С. 73, 77, 109, 173.

⁴⁴ Великая Россия. 1919. 22 сент. (5 окт.).

⁴⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3: Белое движение и борьба добровольческой армии. Минск, 2002. С. 149.

ную. Назначенный «походным атаманом всех казачьих войск, генерал-инспектором кавалерии Русской армии» А. И. Дутов писал 22 августа 1919 г. атаману Кубанского войска: «Да не испугает Вас мой громкий титул. Он дан мне указом Верховного Правителя и я, несмотря на заявления свои, должен был принять, но пока условно, это я выговорил, до соединения с Вами. А там общей казачьей семьей мы и решим, кто и что будет»⁴⁶.

Отношение добровольцев к собственному командованию было двойственным. С одной стороны, вера в вождя была одним из главных цементирующих факторов для собравшихся под антибольшевистскими лозунгами. При этом верхушка всех армий — ВСЮР, Северной армии, армии А. В. Колчака — обсуждалась с критическими интонациями. Ее поведение и управленческий стиль давали поводы к этому. Командующие не стремились завоевать подлинную популярность в войсках и у населения. Считалось, что чин и должность обеспечивают им необходимый и достаточный авторитет. Ударом по репутации были тактические просчеты: они то слишком точно следовали принципам традиционной войны, то будто забывали, чему учились в военном училище и академии Генштаба. Подчиненные критиковали несогласованность действий командования четырех белых анклавов. Кроме объективных трудностей, в установлении контактов между ними существовала еще и субъективная составляющая: несмотря на публичные заявления о подчинении Верховному правителю Колчаку главы армий сомневались в легитимности друг друга.

Разочарование в лидере означало кризис движения, поэтому на Юге возник миф о злом гении. То, что не могли отнести на счет самого Главнокомандующего, приписывалось генералу И. П. Ро-

мановскому. Его обвиняли в сочувствии социалистам и неумении «привлекать и заставлять людей работать». Взамен этого получило широкое распространение поклонение умершим вождям — Л. Г. Корнилову, М. В. Алексееву, Л. С. Маркову, М. Г. Дроздовскому, Н. С. Тимановскому, М. О. Неженцеву и другим.

Наиболее романтизирован в добровольческой мифологии образ генерала Маркова, командира 1-го Офицерского пехотного полка. Он воевал, поистине творчески используя реалии Гражданской войны. В боях при взятии станции Сосыка он вооружил пленных красноармейцев и заставил их отыскивать и расстреливать своих же товарищей⁴⁷. Марков был известен неуставной формой одежды, грубостью и сквернословием. Под станицей Медведовской он остановил красный бронепоезд, покрыв его экипаж отборной бранью, из-за чего и был признан «своим». Маркова любили и помнили не из-за рыцарских качеств, которые ему впоследствии приписывали, а из-за того, что он был эффективен в тех условиях.

Фанатизм, мессианство и фатализм, если под этим понимать собственное осмысление цели пребывания в составе армии, воюющей с большевиками, были формой компенсации несогласованности мыслимого и явного. Психологическое напряжение снималось пьянством и азартными играми. К картежной игре толкало безденежье. Первоначально движимые алчностью офицеры привыкали заполнять этим досуг. Многие становились рабами карт. Начальство пыталось бороться, сажая замеченных в игре под арест. Однако в боевой обстановке во время затишья никогда не забывали о картах и вели игру на деньги. Популярностью пользовался каторжный преферанс, или терц, требовавший особой концентрации внимания и помогав-

⁴⁶ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4208. Л. 2.

⁴⁷ ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 693. Л. 37.

ший отвлечься от трудностей окопной жизни⁴⁸. Карточная игра, особенно после выдачи жалования, поначалу широко бытовала в красноармейских частях, но затем она была запрещена специальным приказом Л. Д. Троцкого, что существенно ограничило ее распространение в РККА.

Атмосфера белых армий чрезвычайно идеализирована в эмигрантских мемуарах. Например, в них утверждается существование некоего высокого морального градуса в Добровольческой армии, снижение которого стало причиной поражения. Сохранившиеся дневники белых офицеров за 1918 г. говорят о дефиците сплочения и товарищеской спайки в их среде. Когда гусар Сумского полка, автор анонимного дневника, прибыв с территории Советской России, поступил в кавалерийскую часть в районе Туапсе и Новороссийска, то не получил ни обмундирования, ни коня, ни довольствия. «Бьющая в глаза несплоченность офицеров» возмутила его, как и других новоприбывших⁴⁹. Разобщенность сослуживцев зафиксирована во многих офицерских дневниках. Она выглядит специфическим защитным меха-

низмом, призванным снизить боль от потери человеческих связей, ведь состав боевых частей почти полностью менялся в течение двух—трех месяцев.

Наличие железной уверенности в правоте дела, собравшего на Юге настоящих русских офицеров, не подтверждается дневниковыми записками одного из основателей Добровольческой армии генерала И. Г. Эрдели. К концу весны 1918 г. немолодой генерал устал воевать. В строю его держит только сила инерции. Свое «воевание» он находит глупым, а сбор офицества под знамя Корнилова считает выбором людей, которым в армии безопаснее, чем дома поодиночке. Идею, которая подняла их на борьбу, он считает уже мертвой. Ряды корниловцев редуют. Деникин уже лишился половины своих штабистов. Эрдели и сам готовится к отъезду в Сибирь. Только подход отряда М. Г. Дроздовского остановил процесс полного рассеивания участников Ледяного похода⁵⁰. Таким было настроение в период, который в мемуарной литературе изображается как время наивысшего подъема добровольческого духа.

Использование Советами потенциала женской социальной активности

Наиболее существенным отличием Красной армии от белых, кроме опережающей численности, было наличие в ее составе женщин.

Фактором, вызвавшим широкий женский социальный и политический активизм, был общий рост общественных движений после Февральской революции. В городах возникали союзы солдаток, ставшие одними из самых боевых. Исполнение в нем выборных должностей приводило женщин к деятельности общественного характера, а потом и к партийности — левозсеров-

ской или большевистской. Одна следовала примеру мужа, принесшего с фронта новые идеи. А для «мужем битой» семейные узы были путами, которые можно было разрубить с помощью инструментов митинговой, союзной или партийной активности. Такая женщина чувствовала себя общественным человеком, находящимся под защитой мандата и полномочного органа.

Участвовать в митингах — это одно, но влиться в вооруженный отряд, подчиняться военной дисциплине и субординации, поменять внешний облик и ритм жиз-

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 117. Л. 28 об., 32, 64 об., 66 об.

⁴⁹ Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 221. Л. 55. (Далее: ГАКК).

⁵⁰ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 116, 121—122, 140, 141, 142.

ни — это совсем другое. В первые месяцы 1918 г., когда реальной опасности гражданской войны еще не было, женщины активно вступали в отряды Красной гвардии. Кого-то привлекали новые формы досуга (обучение военным навыкам и медицинской помощи), кого-то — дополнительный паек и слухи о том, что «будут давать ситец». По мере того как проявлялся эгалитаристский вектор, рабочие и крестьянские отряды и организации привлекали женщин, столкнувшихся с классовой несправедливостью.

После начала боевых действий отступление отрядов партизанского типа проходило в сопровождении обозов с семьями военнослужащих, бросавших дома из-за страха ответить полной мерой перед врагами. Расправы над женщинами, порожденные чувством мести, делали гражданскую войну еще более беспощадной. По некоторым сведениям, жену Б. М. Думенко казаки заporоли насмерть. Так или иначе она умерла в тюрьме. Так же немилосердно белые porоли жен партизан-камышанцев, скрывавшихся в пойменных зарослях Кумы. Поэтому пребывание жены при муже в армии никого не удивляло, но не приветствовалось. Командование боролось с присутствием в обозах женщин, которые приносили в жизнь регулярной армии дух партизанщины и разложения. Издавались приказы об удалении женщин из всех батальонных, полковых, бригадных обозов в связи с тем, что они мешают нормальной работе служб, используя в личных целях армейских лошадей, а в момент неудачи порождают панические настроения, быстро передающиеся в строй.

Среди женщин, находившихся в составе вооруженных формирований, основную массу составляли медицинские сестры, санитарки и врачи. Многие девушки, с ранних лет жившие своим трудом, но успевшие пройти хотя бы часть курса сельского или городского училища, после начала ми-

ровой войны попадали на курсы сестер Общества Красного Креста и получали работу сначала на эвакуационных пунктах, потом и в госпиталях. В дальнейшем, оказавшись в советском лагере, они занимались организацией санитарно-медицинской службы красноармейских отрядов, сформировывали и возглавляли санитарные поезда, рассматривая свой должностной рост как одно из завоеваний революции. В условиях нехватки медицинских кадров командование красных частей соглашалось на комплектование госпиталей и лазаретов женским персоналом, но старалось отмежевать их от солдатской массы: должность ротного фельдшера должна была быть только мужской⁵¹.

В Советской России женщины на тыловых, а в Красной армии — на небоевых должностях встречались повсеместно. Центральные органы большевиков, не задумываясь, посылали женщин — опытных членов партии «подтягивать» провальные участки работы. Эти новые методы работы шокировали белых, которые дальше тыловых канцелярий женщин не пускали, но даже за такие должности тем приходилось испытывать жесткую конкуренцию с мужчинами, отлынивающими от фронта.

Такое явление Гражданской войны, как участие женщин в работе ревтрибуналов и чрезвычайных комиссий, получало резко противоположные оценки. Советской стороне оно виделось поступком героическим, белогвардейцам — позорящим имя русской женщины. Важно учитывать, что эти учреждения считались тыловыми, а потому женское присутствие там в понимании большевиков было явлением нормальным. Ряд большевичек с дореволюционным стажем были направлены на работу в революционные карательные органы. В. Л. Швейцер и В. Н. Яковлева во время наступления войск Н. Н. Юденича на Петроград находились на должности политкомиссара ревтрибунала. К. Н. Самойлова состояла в Ека-

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 467. Л. 20.

теринославской чека. Но основная масса женщин попадала туда чаще всего в качестве технических сотрудников — секретарей, делопроизводителей. Бывших гимназисток, как образованных девушек, привлекали для ведения документооборота. Большевики с самого начала стремились строить деятельность своих карательных органов на правовых основаниях, поэтому и уделяли много внимания бумажной работе, привлекая грамотный персонал для ее обеспечения. В дальнейшем эти технические сотрудницы выросли до руководителей учреждения в связи с отъездом мужчин на фронт, их болезнью или смертью.

В РККА женщины привлекались для работы в политических и культурно-просветительских отделах и интендантской службе. Часть технического персонала штабов составляли женщины. Здесь многие красивые военачальники и советские политические деятели нашли своих спутниц жизни. В 1919 г. в Красной армии стали создаваться культпросветкомиссии полков, находившиеся под патронажем политотделов дивизий. Система ликвидации неграмотности среди военнослужащих была двухступенчатой. На полковых курсах нередко преподавали женщины. Но непосредственным обучением грамоте солдат в батальонах и ротах занимались их сослуживцы — курсанты-ликвидаторы. После двухнедельных курсов с аттестатом и выданными на руки двумя парами белья они отправлялись в свои подразделения для работы с неграмотными красноармейцами⁵². Занятия таких школ проходили с 6 до 9 часов вечера после окончания всех занятий и работ.

Женщин, исполняющих настоящую боевую работу, было немного. Опыт батальона Марии Бочкаревой показал, что не готова была русская женщина к роли бойца.

Главное управление Генштаба 17 октября 1917 г. констатировало: «Женское военное движение, столь усиленно муссированное печатью и ходатайствами отдельных лиц и целых организаций в начале революции, не оправдало своего существования»⁵³.

Основной из боевых «женских» специальностей была должность пулеметчика. С одной стороны, служба при пулемете физически была доступна женщинам, но с другой, это решение требовало личного мужества, поскольку пулеметчики вызвали особенную ненависть у противника. Женщина у станка пулемета была в случае плена обречена.

Участвовавших в сабельном бою известно совсем немного. Калмычка Нарма Шапшукова (урожд. Маркина), вступив в 1918 г. в отряд Маруси Никифоровой, воевала в корпусе С. М. Буденного, рубилась наравне с мужчинами. Под с. Султановым она спасла командиру полка жизнь, застрелив из револьвера казака, занесшего над ним саблю.

По-видимому, на начальном этапе Гражданской войны количество женщин в строю и с ружьем было больше, чем в последующие годы. Инициативное вступление в отряд не предполагало отсуживание в штабе или лазарете. В 1919 г. командование РККА издало приказ об удалении всех женщин из армии, сделав исключение для сотрудниц политотделов. Впрочем, это, как и другие попытки, не имело полновесного успеха. Весьма примечательной выглядит цитата из приказа, изданного в феврале 1920 г. командующим Терской группой Красных повстанческих войск Н. Ф. Гикало: «[...] Женщины также должны работать, как и красноармейцы — честно и безропотно. Революция одинакова как для мужчин, так и для женщин»⁵⁴.

⁵² Государственный архив Латвии. Ф. РА-44. Оп. 1. Д. 29. Л. 141.

⁵³ Цит. по: *Сенин А. С.* Женские батальоны и команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 179.

⁵⁴ Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Ф. 21. Оп. 1. Д. 886. Л. 262.

В 1919 г. на советской территории при комитетах партии стали возникать женотделы. Во главе ставились коммунистки, имеющие некоторый опыт организационной работы. Для выполнения поручений женотделов формировался корпус делегатов-выдвиженков. Они выбирались на собраниях работниц и крестьянок или назначались женотделами, партийными организациями и комитетами. Сначала повышалась общая грамотность делегатов и осуществлялось политическое просвещение, а потом они и сами вели среди населения антирелигиозную пропаганду и разъяснительную работу «против векового угнетения капитала», организовывали революционные праздники и тематические кампании, например, День красной казармы, Неделю ребенка. На долю женщин-активисток (так называемых организованных женщин) пришлось участие в субботниках, т.е. бесплатный труд по стирке и шитью белья для красноармейцев и учреждений социального обеспечения. В прифронтовой зоне женщин привлекали по трудовой повинности к транспортировке раненых и боеприпасов, к рытью окопов. Они не возражали, поскольку их труд

поощрялся различными премиями в виде продовольствия или дров.

Среди причин успеха большевиков может быть названа и та, что им удалось связать женскую активность в тылу. Тем более продуктивной была их идея с помощью самих женщин пытаться решать наиболее болезненные для тех проблемы. Например, помощь продотрядам в предъявлении продовольственных запасов оказывали чаще всего крестьянки, поскольку за такую выдачу своих односельчан (которую мужчины считали делом неприличным) полагалась продуктовая «премия» («Кулаки прятали в ямы, в леса», а «женщины сказывали коммунистам»), а забота о семье, о детях для них была выше любых других принципов⁵⁵.

Таким образом, в советском тылу, где деятельность местных органов могла быть парализована мобилизациями коммунистов на фронт, они продолжали существовать, если удавалось создать женский партийный актив. Энергичное привлечение к работе не только идейных последовательниц, но и работниц, занятых в важнейших сферах фронта и тыла, укрепило преимущество большевиков над противником.

Парадокс веры в победу

При всей выраженной субъективности индивидуальных эмоциональных состояний можно вывести некую общую для современников доминанту, которая становится фактором активного влияния на исторический процесс. В Гражданской войне сошлись два лагеря, имевшие разные взгляды на судьбы России. Победа одной из сторон означала уничтожение второй. Борьба была бескомпромиссной. Силы сражаться поддерживались уверенностью в собственной победе.

Сторонники белого лагеря были убеждены в нежизнеспособности советского эксперимента. После Октябрьского переворота аристократия, интеллигенция, офицерство, все, кто не был согласен с приходом к власти большевиков, покидали Москву и Петроград, уезжая на отделившиеся окраины — в Прибалтику, на Украину и Дон, где поддерживался относительный порядок. Они намеревались прожить там зиму и вернуться весной, когда все в столицах успокоится. Мало кто сомневался

⁵⁵ См.: Морозова О. М., Трошина Т. И. Женский взгляд на мужскую работу: Революция и Гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 8—30.

в том, что большевики так же скоро и неожиданно исчезнут, как появились⁵⁶. Общая эмоциональная установка в отношении постигнувшего страну хаоса выражалась в формуле: это не может долго продолжаться, потому что происходящее противоречит человеческому разуму.

В военных неудачах белых армий Н. Н. Юденича и А. В. Колчака никто не увидел ничего катастрофического: ни военные, ни собравшиеся вокруг армии политики, готовые «взять бремя власти». Отступление обычно обосновывалось тем, что нужно сберечь офицерские кадры для будущих боев, чтобы после перегруппировки можно было начать новый раунд борьбы. Сохраним офицерство, значит, будет армия, значит, отвоюем Россию. Статья в газете «Великая Россия» о срыве наступления армии Юденича на Петроград, привлекая достоверную картину безответственности и рассогласованности действий в Северо-Западной армии, заканчивается прогнозом о близости победы. Отход Колчака осенью 1919 г. представлен чуть ли не плановой операцией: армия отошла к своим резервам; она наполнилась свежими силами, перегруппировалась и должна перейти к активным действиям. Наступательный бросок армии ВСЮР к Москве сопровождался размещением в газете объявления, что по мере освобождения территории от большевиков судебным чиновникам предписывается немедленно явиться к местам исполнения должности⁵⁷.

Уверенность, что все поражения не носят стратегического характера, высказывал в своих дневниках контр-адмирал В. К. Пилкин. За десять дней до крымской эвакуации он писал: «Страшно за Врангеля. Потом, когда кампания будет выиграна (а она будет выиграна, т.е. большевики

будут свергнуты), так жалко будет вспоминать о потерянных сражениях. Столько жертв! Считаю ли я возможным прорыв в Крым и уничтожение армии Врангеля? Увы! Считаю. Но я думаю [...] теперь белые армии будут рождаться из тыла»⁵⁸. В известной степени его прогноз в отношении волны повстанчества сбился.

Подобные представления о перспективах войны оправдывали отдельных офицеров, которые считали себя вправе отстраниться от борьбы как лицо, уже сделавшее все от него зависящее. У подавляющего большинства непринявших большевистский переворот было чувство, что в итоге все образуется. Неясно когда, непонятно как, но неестественный эксперимент должен быть отвергнут самой жизнью, считали они.

Полковой товарищ последнего императора В. М. Безобразов в течение всей войны видел явные признаки краха большевизма. В январе 1918 г. он предсказывал, что в скором будущем Россия впадет в полную анархию, из которой она выйдет разоренной и растерзанной, но проваливши социализм. Убийство посла Мирбаха в Москве он расценил как начало борьбы с германским заисльем и предвестник конца революции. 21 января 1920 г. Безобразов писал, что после уничтожения большевиками армий Колчака, Деникина, Юденича и Миллера следует начать формировать новые кадры в Сербии, перевести их по Дунаю или через Болгарию в Крым и продолжить войну на юге страны. Страничка его дневника за 14 ноября 1920 г. содержит запись: «Армия Врангеля, видимо, разбита, и Крым эвакуируется. Грустно, но нет худа без добра, отпал аграрный вопрос, решенный при Врангеле неправильно. Следует нам готовить армию для нового удара по главно-

⁵⁶ Архивное собрание Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Ф. 1. Д. Е-91. Л. 12. (Далее: АС ДРЗ).

⁵⁷ Великая Россия. 1919. 6 (19) сент.; 7 (20) сент.; 17 (30) сент.; 27 сент. (10 окт.).

⁵⁸ Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918—1920. М., 2005. С. 387—388.

му направлению Петроград — Москва»⁵⁹. И в эмиграции в то, что большевики останутся у власти надолго, никто не верил.

Столь же интересны предчувствия исхода борьбы у другой стороны конфликта. С первых же дней пролетарской революции в среде низовых сторонников большевизма установилась твердая уверенность, что окончательная победа над старой властью не за горами. Это было основано на крестьянском мироощущении, что мир заканчивается за околицей деревни. 28 февраля 1918 г., когда Екатеринодар после ухода казачьих отрядов атамана А. П. Филимонова был объявлен открытым городом, городская делегация явилась в штаб И. Л. Сорокина, то была встречена всеобщим ликованием: «[...] Настроение поднялось до такой степени, что все начали целоваться, ибо все считали, что борьба окончена, что раз Екатеринодар взят, то победа будет уже полная»⁶⁰.

Распространенным было убеждение, что именно сегодняшний или в крайнем случае завтрашний бой будет последним и принесет окончательную победу. Если ожидание не оправдывалось, возникало разочарование. Донской иногородний с некоторой иронией передавал настроения бойцов Орловско-Мартыновского отряда в августе 1918 г., не довольных затянувшимися боями: «Если враг наступает, партизаны бьются как орлы. А когда бой кончится, набьют кадетов перед своими окопами, тогда собирают митинг, кричат, даешь других к[оманди]ров! Старые не годятся — не умеют командовать, вот если бы могли командовать, то мы сегодня всех кадетов перебили. А то только половина перед нашими окопами лежит побитых. Когда же мы так их выбьем. Нам нужно стараться покончить борьбу да разъезжаться по до-

мам хлеб убирать. Уже хлеб поспел. А мы воюем, да и семьи возле нас мучаются. Ну что это за дело»⁶¹.

Советская пропаганда 1918—1920 гг. использовала эти настроения, делая акцент на том, что каждый новый предпринятый контрреволюцией поход есть проявление ее вероломства. Упоминание о том, что везде за горизонтом видимого мира победила власть трудящихся и что ее вооруженные силы идут на помощь, было популярным приемом авторов листовок, выпускавшихся большевистским подпольем. В условиях плохого прохождения информации такая версия находила отклик у населения, носившего локальные пространственные представления.

Мемуарные тексты, принадлежащие большевикам с уровнем образования достаточным, чтобы уметь отразить свои переживания на бумаге, свидетельствуют, что в годы войны они действительно испытывали эмоциональный подъем и жажду деятельности. Они так же, как и все, уставали от круговорота событий, так же голодали и подвергались опасности, но их преследовал страх упустить выпавший на их долю исторический шанс. Они видели «безобразные формы большевизма», но полагали, что после перехода к «нормальной жизни» все они будут изжиты. В 1927 г. бывший красноармеец вспоминал, что выжить ему помогали мысли о будущем: «завоем и будет хорошо», и этими мечтами он был тогда счастлив, несмотря на то, что ему пришлось испытать многие превратности судьбы, но он, стремясь дожить до сказочного будущего, всегда отчаянно боролся за жизнь»⁶².

В момент борьбы тем, у кого слишком многое зависело от ее исхода, нужно было сохранять веру в победу. Но после того как

⁵⁹ АС ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. Е-144/6. Л. 256, 280; Д. Е-144/7. Л. 306, 329.

⁶⁰ ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 215. Л. 7.

⁶¹ ЦДНИРО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 34. Л. 23 об., 24.

⁶² Там же. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 4. Л. 627, 637.

победитель был определен, проигравшие предпочли писать о видимых признаках неблагополучия, о чувстве неуверенности, которое им приходилось преодолевать в числе других испытаний и тягот. Советские же ветераны в соответствии с установившимися стандартами историко-революционных повествований делали упор на свою незыблемую уверенность в торжестве революции.

Гражданская война в России стала событием, более обращенным к прошлому, чем подлинным началом новой эпохи. Все вовлеченные в нее ставили перед собой задачи, которые были продуктом политических иллюзий и социальных ожиданий, сформировавшихся в предыдущей жизни.

Судьба значительной массы людей решалась цепью локальных событий в сочетании с предрасположенностью к некоему комплексу идей. Исход выбора стороны конфликта нередко зависел от того, что принималось в качестве ключевой ценности — личный статус или принадлежность к корпорации. В первом случае надо порвать с прошлым, во втором — сохранить ему верность. Один лагерь привлекал открытых новому, второй — традиционалистов. Личностные качества этих двух групп комбатантов повлияли на характеристики воюющих армий и прежде всего на их внутренний климат, на соотношение дисциплины и инициативности, в особенности, на характер сплочения и иерархии.

Социально-демографические процессы в российской деревне

Крестьянство в Гражданской войне — одна из наиболее актуальных и дискуссионных проблем в российской и зарубежной историографии. Ее современное состояние позволяет, с одной стороны, выделить приоритеты в изучении аспектов проблемы с точки зрения количества опубликованной литературы и глубины анализа представленных в ней исследований, а с другой — определить недостаточно изученные темы.

В наибольшей степени изучено крестьянское повстанческое движение на подконтрольной большевикам территории против политики «военного коммунизма». Этот аспект получил отражение в документальных публикациях международного проекта Института российской

истории РАН «Крестьянская революция в России», осуществленного под руководством В.П. Данилова¹, а также в трудах российских и зарубежных исследователей: А.В. Посадского, С.А. Есикова, В.И. Шишкина, Д.А. Сафонова, Т.В. Осиповой, С.В. Ярова, С.А. Павлюченкова, Ш. Фицпатрик, М. Френкина и др.² Всесторонний анализ крестьянских восстаний на подконтрольной большевикам территории позволил исследователям выдвинуть и обосновать тезис о крестьянском фронте, как самостоятельном фронте в Гражданской войне³.

Достаточно глубоко и всесторонне исследовано состояние крестьянского хозяйства в условиях «военного коммунизма», аграрные преобразования советской власти

¹ Кондрашин В.В. В.П. Данилов — публикатор документов по аграрной истории России XX в. // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37—44.

² См. подробнее: Кондрашин В.В. Крестьянское повстанческое движение 1918—1922 гг.: Итоги и направления исследования // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 437—484; Юрчёнков В.А., Куршева Г.А., Чернов А.В. Современное историографическое осмысление: Крестьянство в России в годы революции 1917 года и Гражданской войны // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: Материалы VII Всероссийской (XV региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Йошкар-Ола, 23—24 мая 2018 г.) / Министерство образования и науки РФ, Марийский гос. ун-т, Российское об-во исследователей эконом. истории, Марийское региональное отделение Российского об-ва историков-архивистов. Йошкар-Ола, 2018. С. 17—26.

³ См., напр.: Крестьянский фронт 1918—1922 гг.: Сборник статей и материалов. М., 2013; и др.

в годы Гражданской войны, в том числе на региональном уровне⁴.

В последние десятилетия усилился интерес российских исследователей к изучению положения и поведения крестьянства на подконтрольной антибольшевистским режимам территории бывшей Российской империи. О крестьянстве под властью «контрреволюции» появились документальные и монографические исследования, продолжившие традицию изучения этой темы в советской историографии⁵. Заслуживают внимания публикации об аграрной политике антибольшевистских правительств, крестьянском повстанческом и партизанском движении на Украине, в Сибири и других регионах страны⁶.

Несмотря на достигнутые успехи, нуждаются в дальнейшем изучении на новых достоверных источниках такие аспекты проблемы, как: крестьянское хозяйство

и крестьянские повинности на территории антибольшевистских правительств, крестьянское движение против политики этих правительств, крестьяне в антибольшевистских армиях, региональные особенности реализации аграрной политики на подконтрольной белым режимам территории, крестьянство и националистические режимы и др.

В эпоху Гражданской войны крестьянство доминировало как самая значительная социальная группа в структуре российского общества. Даже после всех потерь во время этой и Первой мировой войн, по данным переписи 1926 г., удельный вес сельского населения среди 147 млн населения страны равнялся 82,1%⁷. Именно крестьянству была уготована роль активнейшего участника Гражданской войны в качестве объекта воздействия противоборствующих сторон — источника ресурсов для большеви-

⁴ Ленинский Декрет о земле в действии. М., 1970; История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. М., 1986; *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988; *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997; *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1920 гг. М., 2001; Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны: Материалы Междунар. науч. конф., Ишим, 18—19 мая 2001 г. Ишим, 2001; *Саблин В. А.* Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917—1921: (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002; *Шекшеев А. П.* Власть и крестьянство: Начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 — конец 1918 гг.) Абакан, 2007; *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в России в годы гражданской войны: К вопросу об истоках сталинизма. М., 2009; *Николашин В. П.* Социализация земли и переустройство тамбовской деревни (1917—1918 гг.). Мичуринск, 2015; *Ченская Т. В.* Орловское крестьянство в годы гражданской войны (1918—1921 гг.) // XX век и Россия: Общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 239—247; и др.

⁵ *Шафир Я.* Белогвардейцы и крестьянство. М.; Л., 1928; *Фоменко П. М.* Как воронежские рабочие и крестьяне боролись против Деникина. Воронеж, 1957; *Скороходов В. П.* Из истории партизанской борьбы в Восточной Сибири. Иркутск, 1957; и др.

⁶ *Гордеев О. В.* Аграрная политика временных государственных образований Сибири в период гражданской войны (1918—1920 гг.). Красноярск, 2005; *Рышков В. М., Ильиных В. А.* Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. Новосибирск, 2013; *Курьшев И. В.* Партизанщина («Жилевщина») в Северном Казахстане в 1919 году // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: Идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и материалов. М., 2015. С. 804—815; *Исаев В. В.* Противостояние казачества и крестьянства на Алтае в годы гражданской войны // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: История, язык, культура: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 109—110; Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 — декабрь 1919 г.): Сборник документов. Новосибирск, 2017; *Маленьких М. А.* Крестьянство Иркутской губернии в условиях контрреволюционных режимов // Революционная Сибирь: Истоки, процессы, наследие: Сб. статей Всероссийской науч. конф. Сургут, 2017. С. 210—219; *Шекшеев А. П.* «Дубинная война» на юге Енисейской губернии // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2017. Вып. 11. С. 88—110; и др.

⁷ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. М., 1928. Т. 9. С. 2—13; Т. 17. С. 2—3.

ков и их противников, и самостоятельного субъекта, завершившего в годы войны общинную революцию, истоки которой восходят к началу XX в. В последнем случае речь идет о действиях крестьян по уравнительному перераспределению земли в 1917 — первой половине 1918 г. при поддержке советской власти и сопротивлении ее «военно-коммунистической» политике в последующий период.

Социально-демографические процессы в российской деревне в 1918 — начале 1920-х гг. разворачивались на фоне радикальных и драматических перемен в жизни российского общества. На первый взгляд, окончание войны с Германией и реализация «черного передела» (выстраданной поколениями крестьян социальной утопии) были предвестниками умиротворения российской деревни, залогом восстановления привычной темпоральной протяженности и иных характеристик традиционного общества. Однако реальностью стал тотальный кризис, потрясший самые основания крестьянского мира. Поэтому в демографическом измерении хронология Гражданской войны выходит за рамки прямого противостояния красных и белых и измеряется кризисом смертности 1917—1923 гг.⁸ По данным С. Адамеца, детская смертность в России в этот период достигала 44% от числа новорожденных, а средняя продолжительность жизни мужского населения в какой-то момент упала до 12 лет⁹. При этом следует учитывать, что данные показатели относились в первую очередь к крестьянскому населению страны. Крестьянство понесло и основные потери от участия в Гражданской войне (гибель на фронтах и т.д.), а также страшного голода 1921—1922 гг. как следствия не толь-

ко природных катаклизмов, но и тягот этой войны и политики советской власти.

Влияние Гражданской войны проявилось в том, что более половины трудоспособного мужского крестьянского населения было мобилизовано в действующую армию, нарушились ритмы и содержание производственной и бытовой повседневности, подверглись трансформации принципы социально-демографической организации сельской общины. Для крестьянства участие в военном конфликте обернулось культуральным шоком (производным от столкновения «традиционалистской ментальности и практик военных действий, характерных для индустриальной войны»), опытом психопатологических реакций, насилия, практик дезертирства, мародерства, грабежей («социального бандитизма»), ниспровержения правовых устоев и пр.¹⁰

В числе ключевых факторов, определявших социальное благополучие российского крестьянства в период Гражданской войны, следует выделить радикальные аграрные преобразования, реализованные в правовом поле Декрета о земле и Основного закона о социализации земли в 1917 и 1918 гг.; деградацию хлебного рынка; фискально-реквизиционную политику большевиков в период 1918—1921 гг.; проведение мобилизационных кампаний и непосредственный ход военных действий; репрессивно-карательные действия властей; распространение эпидемий и голод 1921 г.

Важнейшим событием в жизни крестьянства России на начальном этапе Гражданской войны стало завершение процесса перераспределения земли на уравнительных принципах. В 1917—1918 гг. свыше 150 млн дес. перешло в руки крестьян. Ре-

⁸ Adamets S. *Guerre Civile et Famine en Russie: Le pouvoir bolchevique et la population face a la catastrophe demographique 1917—1923*. Paris, 2003. 376 p.

⁹ Об этом см.: Новикова Л. Г. Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 152.

¹⁰ Астаиов А. Б. Фронтовая повседневность российских солдат. Август 1914 — февраль 1917 г.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. С. 28—31.

волюция освободила крестьян от арендных платежей помещикам, уже не нужно было выплачивать долги Крестьянскому поземельному банку, составлявшие на 1 января 1914 г. 1 млрд 326 млн руб.¹¹

В 1917 г. главным регулятором стихийного крестьянского движения по захвату и разделу частновладельческих земель выступила община¹². С приходом большевиков распорядительные функции в деле решения вопроса о земле получили местные Советы. Для непосредственной работы по урегулированию земельных отношений постановлением СНК от 13 декабря 1917 г. в структуре Советов были созданы земельные комитеты¹³. Механизм уравнительного распределения бывших помещичьих и частновладельческих земель на условиях безвозмездной передачи в постоянное пользование и запрета частной собственности на землю был законодательно закреплён в Основном законе о социализации земли, утверждённом ВЦИК 27 января 1918 г.¹⁴ К концу 1918 — началу 1919 г. на территории Европейской России земельными комитетами советской власти было распределено приблизительно 17 млн 215,9 тыс. дес. земли, из которых 16 млн 413,8 тыс. дес. получили единоличные крестьянские хозяйства (95,3%), 145,7 тыс. дес. — коммуны и артели (0,8%) и 656,7 тыс. дес. — совхозы, фабрично-заводские коллективы, больницы, школы и другие учреждения (3,9%)¹⁵. Процесс ликвидации и распределения «владельческих земель» проходил неравномерно в различных регионах страны. Например, на Севере, в Архангельской,

Вологодской и Северо-Двинской губерниях, в отдалённых районах он завершился лишь к началу 1920 г.¹⁶ «Чёрный передел» сопровождался острыми конфликтами между крестьянами, отдельными селениями и волостями¹⁷.

В 1919—1920 гг., наряду с уравнительным распределением полученной в результате революции земли, новым явлением в повседневной жизни российской деревни стало повсеместное возрождение переделовой практики, почти забытой в дореволюционный период. В «революционном уравнительстве» с помощью переделов участвовали как переделные, так и беспеределные общины, что указывает на архаизацию социальных отношений и практик, возвращение к устоям традиционного общества. Тотальный кризис и слом структур государственного управления, хозяйственная разруха и ограничение торгового обмена послужили дополнительными импульсами к натурализации хозяйственной деятельности и росту изолированности и замкнутости крестьянского мира в пределах локального сообщества.

Итоги уравнительного перераспределения земельного фонда в 51 губернии РСФСР в 1917 г. и в период Гражданской войны отражены в материалах переписи крестьянских хозяйств 1920 г. (см. таблицу). Они зафиксировали размеры посевов, наличие и количество рабочего скота, коров и сельскохозяйственного инвентаря. На данный момент — это наиболее надёжный источник по рассматриваемой проблеме.

¹¹ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 60.

¹² Кондрашин В. В. Крестьянство и революция // Великая российская революция. 1917: Сто лет изучения: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 9—11 октября 1917 г.). М., 2017. С. 66—73.

¹³ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 218—224.

¹⁴ Там же. С. 218—224, 406—419.

¹⁵ Ленинский Декрет о земле в действии. М., 1970. С. 281.

¹⁶ Саблин В. А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917—1921: (Социальные и экономические результаты). С. 43, 48.

¹⁷ Там же. С. 58.

Группировка крестьянских хозяйств по посевам в 1917 и 1920 гг.

Группы крестьянских хозяйств	1917 г.	1920 г.
	Количество крестьянских хозяйств к общему числу (в %)	Количество крестьянских хозяйств к общему числу (в %)
Без посева и с посевом до 0,1 дес.	21,83	9,2
С посевом от 0,1 до 2 дес.	18,36	37,6
С посевом от 2,1 до 10,0 дес.	54,73	46,5*
С посевами от 8,1 до 25 дес.	4,82	6,4
С посевом свыше 25 дес.	0,26	0,3
Итого:	100	100

* С посевами от 2,1 до 8 дес.

Источники: Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. // Труды ЦСУ. Т. 14. Вып. 1 а. С. 308—310, 312, 316, 320, 324, 328. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 106.

Материалы переписи убедительно подтверждают главный результат крестьянской революции — перераспределение частновладельческих земель в пользу беднейших слоев российской деревни: беспосевщиков и хозяйств с наименьшим количеством наделной земли. Из таблицы видно, что за годы Гражданской войны в 2,4 раза уменьшилась именно эта группа крестьянских хозяйств. Второй группой крестьянства, в наибольшей степени выигравшей от «черного передела», были мелкопосевные хозяйства, с посевом от 0,1 до 2 дес. Их наделы увеличились в два раза. У остальных хозяйств — с посевами от 2 до 25 дес. размер землепользования практически не изменился.

Значительное число мелкопосевных хозяйств, сохранившихся в советской деревне к концу Гражданской войны, было связано с ростом общей численности крестьянских хозяйств в результате уравнительных переделов, а также с резким сокращением количества так называемых отсутствующих хозяйств. С 1917 по 1920 г. из-за кризиса

промышленности и голода в городах в деревню вернулись сотни тысяч семей крестьян-отходников. Они и пополнили ряды маломощных хозяйств.

На другом полюсе деревенского мира в рассматриваемый период оставались крупнопосевные хозяйства, с посевом свыше 25 дес. (0,3% всех крестьянских хозяйств)¹⁸. В основном это были много-семейные хозяйства с большим количеством членов семьи: 42,5% из них имели от 7 до 10 членов семьи, 40,9% — свыше 10 человек. Среди крупнопосевных хозяйств лишь 2,5% обходились без наемных работников, 28,5% имели одного работника, 69% — двух работников и более. На одно крупнопосевное хозяйство в среднем приходилось 5 единиц рабочего скота. Абсолютное большинство этих хозяйств владело двумя и более коровами, а 41,6% хозяйств имели их более четырех. Эти хозяйства были хорошо обеспечены инвентарем: на 100 из них приходилось в среднем 140,5 плуга, 42,3 сеялки, 83,4 жнейки¹⁹.

¹⁸ Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. // Труды ЦСУ. Т. 14. Вып. 1а. С. 308.

¹⁹ Там же. С. 308—310.

Крупнопосевные хозяйства фактически исчезли в Северном, Северо-Западном, Западном и Московском промышленном районах, но сохранились в многоземельных районах Дона, Волги, Урала, Северного Кавказа и Сибири.

Наиболее многочисленной группой среди многопосевных хозяйств были крестьянские хозяйства с посевами от 8,1 до 13 дес. Это были хозяйства с большими семьями от 7 до 10 человек. Свыше половины из них нанимали двух и более работников. На одно хозяйство в среднем приходилось 2,6 единицы рабочего скота. Больше половины из них имело двух и более коров, около 80% хозяйств пользовались плугами. Эта группа была незначительной в Центре страны и в основном оказалась сосредоточена в тех же районах, что и остальные многопосевные хозяйства (на Дону, Урале, Северном Кавказе и в Сибири).

Около половины крестьянских хозяйств относились к группе с посевами от 2,1 до 8 десятин (в 1920 г. 46,5% всех хозяйств по 51 губернии РСФСР). По территориальному распределению группа с посевом от 2 до 8 десятин составляла устойчивое большинство в Центрально-земледельческом, Волжско-Камском, Уральском, Волжском районах. Чуть меньше половины таких хозяйств было в Сибири (48,5%), еще меньше — на Дону и в Предкавказье (36,5%)²⁰.

Однако стратификация крестьянства по посевным группам не позволяет оценить прочность положения крестьянского хозяйства и точно определить общий тренд социальной динамики в эпоху Гражданской войны. Более репрезентативной следует признать группировку крестьянских хозяйств по количеству голов рабочего скота. Так, по подсчетам В. А. Ильных, в 1917—1920 гг. в европейской части РСФСР удель-

ный вес однолошадных дворов увеличился (с 49,2 до 63,6%), а дворов с большим числом лошадей — снизился (с 2 головами — с 17,0 до 7,9%, с 3 головами — с 3,4 до 0,7, с 4 головами и более — с 1,4 до 0,2%). Сокращение доли безлошадных дворов было минимальным (с 29,0 до 27,6%)²¹. Тем самым основным направлением социальной мобильности становится рост бедности в крестьянской среде. Очевидно также, что в условиях традиционалистского взрыва и ликвидации рыночных устоев в отчаянном стремлении защититься от практики изъятий советского времени признаки деградации продемонстрировали прежде всего хозяйства, ориентированные на модернистские ценности и рынок.

При изучении материалов выборочного обследования волостей ряда губерний, производимого по программе ЦСХБ осенью 1924 г.²², обращает на себя внимание резкое сокращение численности населения волостей при сохранении и даже незначительном увеличении общего числа домохозяев. В частности, в Головинщинской волости Нижнеомовского уезда Пензенской губернии к 1920 г. по сравнению с показателями 1917 г. количество мужчин сократилось более чем на 50% (с 3531 до 1729), а женщин на 43,2% (с 3516 до 1996). Из общего числа домохозяев к маломощным было отнесено около 50% хозяйств (причем бедняками посчитали тех, кто не имеет лошадей, другого скота, а также по «личным качествам»: малотрудоспособный, бесхозяйственный), к середнякам — 45% (наличие лошади, коровы; «личные качества»: «трудоспособный, энергичный, занятый своим хозяйством») и к зажиточным — 5% хозяйств (2—3 лошади, 1—2 коровы, наличие сада, пчельника, дополнительная занятость торговлей или промыслами; личные качества: «трудоспособный,

²⁰ Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. С. 308.

²¹ Ильных В. А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х — 1920-е гг.: Критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 130.

²² См., напр.: ГАПО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 21.

хорошо знающий свое дело»)²³. Согласно материалам опросов, население волостей беднело: группа маломощных хозяйств увеличивалась более быстрыми темпами («из-за войн и революционных потрясений»), чем середняков. Как показали результаты обследования, передел земли по едокам привел к резкому сокращению группы зажиточных крестьян, бедняки же «поправились частично». Одной из негативных тенденций было названо «стремление к обособлению и дробление многосемейных хозяйств». Общей характеристикой 1920 г. становится преобладание мелких крестьянских хозяйств в условиях практически полного отсутствия товарного производства и продажи хлеба, что самым явным образом подрывало жизнеспособность крестьянского бытия. Неизбежная в этих обстоятельствах голодовка спровоцировала дальнейшее обнищание деревни, сокращение посевов, скота, инвентаря²⁴.

В последующие годы, 1920/1921—1921/1922 гг., ситуация кризиса становится всеобщей: основные земледельческие районы европейской части страны охватил процесс пауперизации (удельный вес дворов без скота увеличился до 38%). Для регионов, пострадавших от неурожая 1921 г., этот показатель увеличился до 48—52 и более процентов²⁵. По некоторым данным, беднота составляла в среднем по губерниям Центральной России 3/4 всех крестьян²⁶.

Непосредственным результатом аграрной политики большевиков 1917—1918 гг. становится нивелировка крестьянских семей по обеспеченности землей, что нередко вело к деградации хозяйства: в результате перераспределения земли по едокам

резко сократилось число многосемейных хозяйств, владевших менее чем 1 дес. земли и часто не имевших возможности обрабатывать полученный надел из-за нехватки рабочего скота и инвентаря. Потеряли свою землю и многопосевщики, семья которых состояла из 1—2 человек²⁷. Как отмечает В. Б. Жиромская, именно на этот период пришелся кризис большой патриархальной семьи: окончание войны и возвращение фронтовиков, доступность обретения собственного земельного надела стимулировали семейные разделы и нуклеаризацию семьи²⁸.

В Гражданскую войну произошли серьезные изменения в системе общинного самоуправления и органов государственной власти в деревне в целом. Наряду с традиционной общиной возникли сельские Советы, как низовые звенья советской власти в России. С лета 1918 г. они стали частью государственного аппарата «военного коммунизма», целью которого была выкачка ресурсов из деревни для нужд Красной армии и промышленности, т.е. проведение антикрестьянской политики с точки зрения интересов крестьян. Для этого сельские Советы при поддержке силовых структур советской власти (ЧК, Красной армии, продотрядов и т.д.), а также соответствующего советского законодательства стали комплектоваться из представителей бедноты и большевистской партии, как самых надежных групп сельского населения. В результате возникло противостояние между общиной и Советом, в первую очередь в вопросах выполнения государственных заготовок продуктов и сырья²⁹.

²³ ГАПО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 21. Л. 68—69.

²⁴ Там же.

²⁵ Ильины В. А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х — 1920-е гг.: Критерии, тенденции, факторы. С. 131.

²⁶ Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 43.

²⁷ Там же. С. 62—63.

²⁸ Там же. С. 63—65.

²⁹ Абитов Р. З. Сельские советы Среднего Поволжья в годы гражданской войны // Вестник Военного университета. 2008. № 4. С. 145—150.

Крестьянство — источник людских и материальных ресурсов в войне для советской власти

Добившись уравнительного распределения земли, к которому крестьянство России стремилось весь пореформенный период, в начавшейся Гражданской войне оно не смогло свободно хозяйствовать на ней, так как все противоборствующие политические силы смотрели на деревню как на источник ресурсов в виде продовольствия и сырья, а также живой силы для выполнения трудовых повинностей и участия в вооруженном противостоянии.

На подконтрольной большевикам территории наиболее тяжелым испытанием для крестьянских хозяйств стала продразверстка — вынужденная мера советской власти в условиях Гражданской войны³⁰. В условиях резкого сокращения товарного производства сложно было рассчитывать на наличие излишков в крестьянских хозяйствах, традиционно сокращавших даже внутреннее потребление в весенний период. Тем не менее 70% хлеба и фуража, причитавшегося по разверстке, крестьянам предстояло сдать к 1 марта, а полностью выполнить разверстку к 15 июня 1919 г.³¹

В наибольшей степени тяжесть продразверстки испытали на себе крестьяне хлебопроизводящих губерний, территория которых оставалась под контролем советской власти на протяжении всей Гражданской войны или большей ее части. Это Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Уфимская и другие губернии. Именно эти губернии дали советской власти хлеб и людские ресурсы для ведения Гражданской войны. К ним примыкали губернии Центральной России и ее Севера, также ставшие основным источни-

ком ресурсов. Например, на Европейском Севере это были считавшиеся традиционно «хлебными» Шенкурский уезд Архангельской губернии, Тотемский уезд Вологодской губернии, Никольский уезд Северо-Двинской губернии³². Положение и поведение крестьян на указанной территории наиболее полно характеризует особенности участия крестьянства в Гражданской войне, остававшегося под властью большевиков. В Сибири, на Юге России, Украине и других территориях, временно контролируемых антибольшевистскими режимами, после их падения наблюдались в деревне примерно те же процессы, что и в вышеназванных губерниях (недовольство продразверсткой, различными повинностями, крестьянское повстанческое движение).

В условиях «военного коммунизма» с его продразверсткой крестьянское хозяйство оказалось в состоянии нарастающего кризиса сельскохозяйственного производства, упадка его основных отраслей, ухудшения продовольственного обеспечения крестьянских семей. В информационном бюллетене Политического управления РВСР за 20 июня — 1 июля 1919 г. о положении в Саратовской губернии при описании крестьянских настроений отмечалось: «Не хотят сеять, говоря, что все равно отнимут, так что посевная площадь сократилась в несколько десятков раз»³³. Урожай уже первого продразверсточного года не покрыл всех потребностей села, что поставило под угрозу не только доставку хлеба на ссыпные пункты, но и продовольственную безопасность самих производителей сельхозпродукции. В частности, согласно

³⁰ См.: т. 12, кн. 2, ч. IV, гл. 1.

³¹ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 293.

³² *Саблин В. А.* Хроника отчаяния и борьбы: (Вологодская деревня в годы гражданской войны) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. 1994. С. 187—188.

³³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 211. Л. 155 об.

подсчетам продовольственной комиссии, в с. Савельевке Бузулукского уезда Самарской губернии урожай 1919 г. в хозяйствах села составил: пшеницы — 17 015 пуд., а ржи — 3640 пуд. В то время как для обеспечения граждан села при расчете 1 пуд хлеба на человека в предстоящем году потребовалось бы 14304 пуд., на обсеменение площади посева под урожай 1920 г. еще 7674 пуд., не говоря уже о кормовых запасах³⁴. В подобных условиях население оставалось безучастным к митинговой агитации и призывам усилить привоз хлеба.

Масштабы продовольственных изъятий явно не согласовывались с наличными запасами хлеба у крестьян. В частности, в Самарской губернии, как следует из доклада губернского комиссара по продовольствию К. Г. Мяскова от 22 сентября 1919 г., в текущем году губпродком предполагал изъять по губернии излишки хлеба в 18 млн пудов в дополнение к еще не изъятым излишкам 1918 г., итого 28 млн пудов. Однако Наркомпрод неожиданно выдвинул новые требования: самарскому крестьянству был выставлен счет в 46 млн пуд., что привело к складыванию взрывоопасной ситуации в уездах. В 1918 г. твердые цены были выше рыночных и хоть как-то удовлетворяли крестьянство, и в дополнение к этому Волжский мост был поврежден и не ощущалось большого наплыва мешочников, а крестьянство еще верило в государственный товарообмен, поэтому изъятие хлебных излишков проходило без явно выраженного сопротивления³⁵. В 1919 г. себестоимость хлеба оказалась выше установленных государством цен. К тому же

«небывалый наплыв мешочников из Москвы, покупка ими хлеба по спекулятивным ценам, применяемый ими индивидуальный товарообмен, довели вольную цену до 500 руб. за пуд»³⁶. В этих условиях подвоз хлеба резко сократился. Ввиду непосильности для крестьян размеров натурального обложения и скрытого сопротивления проводимой разверстке хозяйственные итоги 1919 г. оказались в регионе малоутешительными. В частности, на 31 декабря на ссыпных пунктах Самарской губернии имелось в наличии 5036 953 пуда хлебных продуктов, что в 9 раз было меньше определенной центром разверстки³⁷. О методах и последствиях выкачки продовольствия из советской деревни в годы Гражданской войны говорилось в информационном листке Наркомзема от 21 марта 1919 г.: «Во многих волостях Орловской губернии исполкомы, исполняя наряды на скот, отбирают у крестьян тельных коров, вызывая недовольство крестьян. Молочный скот реквизируется, не считаясь с семейным положением. Ведется беспощадное истребление молодняка. Режут месячных телят»³⁸. В политических сводках, подготовленных волисполкомами Бугурусланского уезда Самарской губернии в сентябре—ноябре 1919 г., тотальным признаком крестьянской рефлексии являлся «ропот на недостаток соли, керосина, спичек, сельскохозяйственного инвентаря», мануфактуры и пр.³⁹. Особенно остро крестьяне реагировали на отсутствие в продаже соли, что выражалось в готовности привоза хлеба на ссыпные пункты даже на условиях явно неэквивалентного обмена⁴⁰.

³⁴ ГАРФ. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 48. Л. 78—78 об.

³⁵ Там же. Л. 104—105. Из урожая 1918 г. только одна Самарская губерния дала государству пятую часть всего добытого в заготовительную кампанию хлеба. См.: *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». С. 181.

³⁶ ГАРФ. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 48. Л. 105.

³⁷ Самарская область. Самара, 2001. С. 163.

³⁸ Цит. по: *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». С. 189.

³⁹ ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 2. Д. 151. Л. 45—73.

⁴⁰ Там же. Д. 191. Л. 25.

Восприятие крестьянством хлеботорговых советских губерний реалий Гражданской войны наиболее точно передают программные документы участников восстаний против политики «военного коммунизма». Характерным в этом плане является наказ граждан Нижне-Санчелевской волости Ставропольского уезда Самарской губернии делегату Я. И. Никишину, «назначенному для мирных переговоров» с карательным отрядом, от 8 марта 1919 г. В нем констатировался факт произвола местных властей и говорилось о желаемых формах диалога с государством:

«1) Мы, крестьяне Нижне-Санчелевской волости, вынуждены были восстать не против Советской власти, но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим, которые вместо истинных проповедей грабили и разоряли крестьянское население, ставили диктатуру и не входили в положение трудового крестьянства.

2) Мы, крестьяне, видя несправедливое действие коммунистов в том, что во все организации, как в советы, ставили кооптированных приспешников, не считаясь с мнением крестьян, и это им нужно для того, чтобы узнавать у крестьян, где имеются все существенные предметы, которые они через своих приспешников конфисковали и набивали свои карманы, превращая в свою собственность.

3) И если только не отберут право от коммунистов и не представят в распоряжение трудового крестьянства, то мы, крестьяне, вынуждены проводить борьбу до последней капли крови.

4) Мы, крестьяне, требуем крестьянского самоуправления, как-то: участвовать в выборах и быть выбранными как в сельские,

волостные, уездные, губернские и т.д. советы из крестьянского населения, но не только из одних рабочих и коммунистов.

5) Мы, крестьяне, посылаем несколько протестов против коммунистов, которые делали всевозможные пакости, но на наши протесты нам грозили арестом и расстрелом, не считаясь с выборными советами, так что наши советы находились под каблуком коммунистов»⁴¹.

Как можно заметить, в наказе просматривается антигородская и антикоммунистическая (в смысле — «против начальства») основа протестных настроений. В нем зафиксированы не только объективированные претензии к власти, но и представление об идеальном (в крестьянском понимании) варианте взаимодействия крестьянства с советской властью: «требуем крестьянского самоуправления».

Крестьянский протест, спровоцированный административным произволом и продовольственной диктатурой, с лета 1918 г. охватывал весь спектр форм обыденного сопротивления (утаивание хлеба, ограничение его производства нормами внутреннего потребления, саботаж требований властей, проведение уездных и губернских крестьянских съездов, обращение к власти с жалобами и претензиями и пр.), а в исключительных случаях приводил к вооруженным выступлениям (в форме покушений на убийство и убийств представителей власти, восстаний, мятежей, рейдовой войны повстанческих отрядов), сопровождавшимся многочисленными жертвами и с той, и с другой стороны⁴². Причем такая ситуация была характерна для всех регионов страны, находившейся под властью большевиков, включая азиатские⁴³. При этом в столичных губерниях и близлежа-

⁴¹ Цит. по: Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 99.

⁴² Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: К вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 234—243.

⁴³ Токомбаев А. Беловодский мятеж 1918 года как реакция на попытку насильственной трансформации бытового уклада жителей Семиречья // Вопросы истории Кыргызстана. 2011. № 3. С. 38—43.

Крестьянские подводы с зерном около ссыпного лунка. Чистополь. 1920—1921 гг.
Фотограф не установлен. РГАКФД

ших к ним масштаб крестьянского протеста был значительно ниже, чем в основных хлебоборных и более отдаленных от Центра губерниях. Объяснялось это сосредоточением в них значительных отрядов ЧОН, ВЧК и Красной армии, способных оперативно подавить любые проявления этого протеста⁴⁴.

Увеличение масштабов и интенсивности изъятий продовольствия в 1920 г. имело своим непосредственным результатом формирование ответной волны крестьянского недовольства, граничившего с проявлениями социальной агрессии. На губернском

уровне деятельность органов чрезвычайного управления была сосредоточена главным образом на подавлении сопротивления крестьян проводимой политике⁴⁵.

В годы Гражданской войны на подконтрольной большевикам территории страны массовый характер носило привлечение крестьян на различные виды работ по трудовым мобилизациям. Основными из них были трудовая и гужевая повинности. Всеобщая трудовая повинность для крестьян была введена декретом СНК от 5 октября 1918 г.⁴⁶ Трудовая повинность распространялась и на привлечение крестьян к об-

⁴⁴ Народные вожаки 1918—1922 гг.: Проблемы изучения и понимания: Материалы заочного круглого стола // КЛИО. 2016. № 4. С. 192.

⁴⁵ Мистрюгов И. А. Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы Гражданской войны. Самара, 2018. С. 204—205.

⁴⁶ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 295.

молоту и сдаче хлебов в счет продразверстки⁴⁷. Гужевая повинность для доставки военных, топливных, продовольственных и других государственных грузов в города, а также подвоза их к железным дорогам, пристаням и другим приемным пунктам была учреждена декретом СНК от 18 августа 1918 г.⁴⁸ К ней привлекались хозяйства, имевшие лошадей, крестьяне в возрасте от 35 до 50 лет и крестьянки от 18 до 40 лет⁴⁹. Особенно массовым было привлечение к гужевой и трудовой повинности крестьян северных губерний. Там на заготовке дров в лесу работали десятки тысяч крестьян со своими лошадьми⁵⁰. Насколько велика и трудна для крестьянских хозяйств была гужевая повинность, свидетельствует тот факт, что в Екатеринбургской, Тюменской, Челябинской, Уфимской и Пермской губерниях ежедневно для вывозки дров и угля требовалось 255 746 подвод⁵¹. Гужевая повинность применялась и для выполнения продразверстки: доставки на сыпные пункты хлеба и фуража⁵².

В 1919 г. крестьянство прифронтовых губерний (Воронежской, Тамбовской, Саратовской, Тульской и др.) в массовом порядке было мобилизовано на строительство военных рубежей в связи с наступлением Деникина. 10 тыс. подвод крестьян Вологодской губернии было мобилизовано

за 5 дней в период подготовки к наступлению частей Красной армии на Архангельск в начале 1920 г.⁵³ Столько же подвод для эвакуации хлебных излишков и имущества должны были предоставить крестьяне Мамадышского уезда Казанской губернии во время наступления Колчака⁵⁴. В годы Гражданской войны в крестьянских хозяйствах в массовом порядке проводились изъятия лошадей и обозного инвентаря для нужд армии. Только за 1918—1919 гг. было изъято 441 428 лошадей, большое количество повозок, саней, комплектов упряжи⁵⁵.

Крестьянство массово привлекалось к различным видам работ по оказанию помощи железнодорожному транспорту, особенно к расчистке снежных заносов железнодорожных путей и станций. Постановление Совета обороны от 25 декабря 1918 г. «О борьбе со снежными заносами» наделило сельские, волостные и уездные советы полномочиями прибегать к военной силе для мобилизации крестьян⁵⁶. Зимой и весной 1919 г. сотни тысяч крестьян были задействованы в очистке путей. В феврале—марте 1920 г. на основании постановлений Совета обороны от 29 ноября 1919 г. и 2 февраля 1920 г.⁵⁷ в 13 губерниях Центральной России к снегоочистке железных дорог было привлечено 195 700 крестьян на 40 350 подводах⁵⁸.

⁴⁷ СУ. 1920. № 66. Ст. 298.

⁴⁸ Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 49.

⁴⁹ Там же. С. 284.

⁵⁰ *Саблин В. А.* Хроника отчаяния и борьбы: (Вологодская деревня в годы гражданской войны) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. 1994. С. 96.

⁵¹ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. М., 1986. С. 127.

⁵² История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. С. 127.

⁵³ Из истории гражданской войны: Сб. документов и материалов. М., 1961. Т. 3. С. 194.

⁵⁴ Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Август 1918—декабрь 1920: Сб. документов и материалов. Казань, 1961. С. 208.

⁵⁵ Война и революция. 1925. № 1. С. 116—117.

⁵⁶ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 256—257.

⁵⁷ Там же. Т. 6. С. 324—325.

⁵⁸ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. С. 126.

Еще одним направлением гужевой и трудовой повинностей крестьян было участие в заготовках и перевозках дров. Только весной 1919 г. на лесозаготовках работало более 250 тыс. крестьян⁵⁹. Для подвоза дров к железным дорогам, пристаням, фабрикам и заводам было привлечено до 90% всего гужевого транспорта⁶⁰. В 1918/19 г. с решающим участием крестьянства было заготовлено 4,2 млн куб. сажень дров, в 1919/20 г. — 9,4 млн. Из них вывезено было 7,1 млн куб. сажень⁶¹. Всего за первую половину 1920 г. в работе по топливно-гужевой повинности было задействовано около 6 млн человек и 5 млн подвод⁶². В 1920/21 г. в среднем на каждое крестьянское хозяйство европейской части России пришлось по 40—50 дней работы с лошадей и по 30—40 дней без лошади, но там, где осуществлялись массовые лесозаготовки или перевозки военных и продовольственных грузов, число дней трудовой и гужевой повинностей возрастало до 100 и больше дней для конного и пешего работников⁶³.

Крестьяне приняли самое непосредственное участие и в боевых действиях в качестве мобилизованных и добровольцев в Красную армию. Кроме того, на территории Советской России они создали и свой собственный «крестьянский фронт» против политики «военного коммунизма»: «Чапанная война», махновщина, антоновщина, «Вилочное восстание», Западно-Си-

бирское восстание и др. Масштабы этого «фронта» определялись региональными особенностями. Например, на Севере, где неземледельческие губернии жили за счет привозного и покупного хлеба, было невозможно содержать за счет крестьянских хозяйств большие отряды повстанцев⁶⁴. Тем не менее и там были крупные крестьянские выступления на почве недовольства продразверсткой: «Вельское восстание» — крестьянские волнения в 17-ти волостях Вельского уезда Вологодской губернии 14—22 марта 1921 г. и др.⁶⁵

Крестьянство составило основную массу военнослужащих Красной армии. По советскому законодательству 1918 г., комплектование РККА на добровольной основе, а затем путем введения всеобщей воинской повинности касалось рабочих и крестьян, не эксплуатировавших чужой труд, в возрасте от 18 до 40 лет⁶⁶. В 1918 г. был проведен призыв крестьян семи возрастов, по которому из состоявших на учете 1 911 821 рядового состава явились на сборные пункты 1 724 824 человека (более 90%)⁶⁷. Мобилизация крестьян в Красную армию привела к изменению ее социального состава. Если к началу чехословацкого мятежа она состояла в основном из рабочих-добровольцев, то к концу 1918 г. 83,4% красноармейцев были из числа мобилизованных в подавляющей своей массе крестьянами, т. е. Красная армия стала преимущественно крестьянской⁶⁸.

⁵⁹ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 128.

⁶⁰ Краткий очерк продовольственного транспорта. 1918—1920. М., 1920. С. 19.

⁶¹ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 128.

⁶² Аникст А. Организация рабочей силы в 1920 г. М., 1921. С. 59.

⁶³ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 129.

⁶⁴ Трошина Т. И. Формы локального правотворчества в революционную эпоху (на материалах Русского Севера в 1917—1921 гг.) // История государства и права. 2011. № 12. С. 32—35; Она же. Специфика народного правотворчества на Европейском Севере России в условиях «вакуума власти» 1918—1921 годов // Социум и власть (Челябинск). 2012. № 6. С. 107—112.

⁶⁵ Трошина Т. И. Вельское восстание // Крестьянский фронт 1918—1922 гг.: Сб. статей и материалов. М., 2013. С. 211—222.

⁶⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 352—357; Т. 2. С. 63—84, 151—153, 334—335.

⁶⁷ Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. М., 1926. С. 32.

⁶⁸ Клячкин С. М. На защите Октября. 1917—1920. М., 1965. С. 233.

Для отражения наступления Колчака в первой половине 1919 г. в Красную армию были призваны крестьяне 14 возрастов (более 523 тыс. человек), в том числе участники Первой мировой войны, имевшие военный опыт⁶⁹. Затем мобилизация продолжилась в связи с возникновением денikinского фронта, и в Красную армию было мобилизовано 1 млн 300 тыс. человек, в том числе около 1 млн крестьян⁷⁰.

В 1920 г. в связи с польско-советской войной для пополнения Красной армии был проведен призыв крестьянской молодежи 1901 г. рождения, который дал фронту 335 тыс. бойцов. К концу Гражданской войны, на 1 ноября 1920 г., общая численность Красной армии составила 5 317 159 человек. По своему социальному происхождению более 4 млн красноармейцев являлись крестьянами⁷¹. В социальной структуре армии они составляли 77%⁷². При этом в командном составе Красной армии выходцы из крестьян составляли почти две трети. Среди них оказались и видные военачальники: И. Р. Апанасенко, С. М. Буденный, Р. И. Берзин, В. Н. Боженко, Б. И. Думенко, И. А. Кочубей, И. С. Кутяков, М. И. Мокряк, С. К. Тимошенко, И. Ф. Федько, В. И. Чапаев и др.⁷³

Отношение различных социальных групп крестьянства к защите советской власти в рядах Красной армии было различным. Наиболее активными ее сторонниками выступали представители беднейшего крестьянства. Таковыми они считались и большевиками в соответствии с их классовым подходом к крестьянству. Летом 1918 г. в связи с мятежом чехословаков в ряде губерний Советской России на добровольческой

основе были сформированы отряды Красной армии из числа бедняков и сельских коммунистов, как правило, солдат-фронтовиков. Среди них — Невельский отряд им. Ленина, 2-я бригада Западной стрелковой дивизии, 3-й Седлецкий и 4-й Варшавский полки и ряд других частей. Боевой отряд сформировали крестьяне Вилейской волости Псковской губернии и др.⁷⁴ Осенью 1918 г. по инициативе комбедов Северной области, поддержанной VI Всероссийским чрезвычайным съездом Советов, на подконтрольной большевикам территории страны началось формирование специальных «образцовых полков деревенской бедноты». Три таких полка были образованы в Петрограде, главным образом, из крестьян-добровольцев Петроградской, Вологодской, Череповецкой и Северо-Двинской губерний. Три батальона бедноты сформировал Новгородский губвоенкомат⁷⁵. В ноябре 1918 г. из бедноты был создан 1-й Московский революционный полк, два таких полка комплектовались в Орле, по одному — в Витебской, Могилевской, Смоленской губерниях. В начале 1919 г. в г. Урде формировался 1-й Советский Образцовый киргизский полк, а в Астрахани — 1-й Образцовый революционный калмыцкий полк. Тогда же в Приволжском военном округе стала комплектоваться стрелковая «Бригада бедноты». Ряд «комбедовских формирований» проявили стойкость и героизм на фронтах Гражданской войны. На Восточном фронте осенью 1918 г. в числе особо отличившихся был 1-й Крестьянский полк 29-й дивизии 3-й армии, сформированный в основном из крестьян Пермской и Вятской губерний и рабочих-речников⁷⁶. Весной 1919 г.

⁶⁹ Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 63—65, 107—108.

⁷⁰ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 140.

⁷¹ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. М., 1978. С. 227.

⁷² История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 140.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Андреев В. М. Под знаменем пролетариата. М., 1981. С. 148, 149, 151.

⁷⁵ Путьский Е. П. Военные комиссариаты Петроградского военного округа и их роль в строительстве Красной армии в 1918 г. // Исторические записки. 1957. Т. 61. С. 306.

⁷⁶ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 142.

с лучшей стороны проявил себя Казанский полк бедноты⁷⁷. На Восточном фронте отличился в боях против Колчака 241-й Крестьянский полк, награжденный Почетным революционным Красным знаменем, а в борьбе с Юденичем — Петроградский образцовый полк деревенской бедноты⁷⁸. В Платовском отряде бедноты начинали свой боевой путь С. М. Буденный и О. И. Городовиков⁷⁹.

Организация полков, батальонов и рот бедноты продолжалась до апреля 1919 г., их общая численность достигла 40 тыс. человек⁸⁰. Именно столько крестьян добровольно ушли защищать советскую власть в годы Гражданской войны из губерний, контролируемых большевиками. Данный факт свидетельствовал о том, что основная масса крестьян призывного возраста, в том числе из бедноты, не пошла добровольцами в Красную армию. Подтверждением этому являются итоги выполнения декрета ВЦИК, СНК и Совета Обороны от 25 апреля 1919 г. «О призыве среднего и беднейшего крестьянства к борьбе с контрреволюцией». Каждая волость должна была выделить 10—20 добровольцев. Вместо 140 тыс. человек деревня выдвинула лишь 24661 добровольца⁸¹. Во многом такой результат объяснялся тем, что мобилизация совпала с разгаром весенних полевых работ, во время которых на вес золота в крестьянском хозяйстве была каждая пара рабочих рук, особенно мужских, в том числе для беднейших семей. Но все же главная причина была в нежелании основной массы крестьян покидать свои хозяйства

и участвовать в войне, а также в малочисленности сознательной части бедноты и середняков — стойких приверженцев большевистской партии в деревне. В результате с весны 1919 г., когда Гражданская война потребовала значительного увеличения численности Красной армии и добиться этого только за счет беднейшего крестьянства было уже невозможно, полки и роты, состоящие исключительно из деревенской бедноты, были признаны нецелесообразными и сливались с обычными красноармейскими частями⁸².

Введение всеобщей воинской повинности вызвало в советской деревне сопротивление значительной части мужчин призывного возраста в формах уклонения от призыва, воинской службы, бегства из расположения частей и пр. Феномен дезертирства, возрожденный из практик военной повседневности времен Первой мировой войны и усилившийся по мере обострения продовольственного кризиса, роста повинностей и репрессивных практик чрезвычайных структур советской власти, вскоре превратился в самостоятельный фактор политической динамики. Тиражирование подобных видов воинских преступлений, масштабы дезертирства превращали аномалию в норму, способствовали росту произвола и насилия, дальнейшей криминализации общества. Например, в 1919 г. число уклонившихся от призыва и дезертировавших из своих частей составило 75% от общего числа призывников⁸³. Масштабы дезертирства в годы Граждан-

⁷⁷ Андреев В. М. Под знаменем пролетариата. С. 159.

⁷⁸ Боевые подвиги частей Красной армии. 1918—1922: Сб. документов. М., 1957. С. 13, 143; История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 143.

⁷⁹ Буденный С. М. Пройденный путь. М., 1958. С. 69, 71.

⁸⁰ Андреев В. М. Под знаменем пролетариата. С. 158—161.

⁸¹ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 107—108; Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 274.

⁸² Висильев М. В. Полки деревенской бедноты в Псковской губернии // XI Машеровские чтения: Материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 18 октября 2017 г. Витебск, 2017. С. 111.

⁸³ Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии. Л., 1926. С. 101.

ской войны из Красной армии, на 80% состоявшей из крестьян, по оценкам исследователей, были весьма значительны: от 2 млн до 3 млн 710 тысяч дезертиров⁸⁴. При этом следует учитывать, что сообразно инструкциям, один и тот же человек мог учитываться и учитывался неоднократно с разной степенью наказания. Поэтому в действительности приведенные цифры завышены. Тем не менее они подтверждают факт массовости дезертирства крестьян из Красной армии в годы Гражданской войны.

В контексте культуры повседневности можно интерпретировать данный феномен как определенную социальную практику, направленную на реализацию задач, с одной стороны, адаптации к экстремальным условиям бытия, а с другой, — формирования новой идентичности, новых отношений, прежде всего в сфере социально-политического взаимодействия, воплощения истинной крестьянской правды⁸⁵. В современной историографии не утратили своей актуальности формулировки мотивации дезертиров, выявленные еще С.П. Оликовым («утомленность войной», потребности семьи и хозяйства, запредельно критические условия обеспечения красноармейцев)⁸⁶. Культурно-антропологический контекст дополняется переживанием ситуации «без государства», поиском и конструированием новой политической идентичности. В пользу обыденного характера реакций крестьянской психологии говорят и эмоционально окрашенные образы, созданные современниками. Так, С.П. Оликов пишет о так называемой «циркуляции дезертиров»: «Дезертиров ловили и отправляли

на фронт, а они снова убегали и тащили за собой новых»⁸⁷. В работе Н.Н. Мовчина встречаем описание пропавших эшелонов, которые «таяли в дороге, и часто прибывал только командир эшелона со списком»⁸⁸.

Первый, объявленный ВЦИК набор в Красную армию в зоне борьбы с чехословаками, дал всего 54 тыс. человек вместо ожидаемых 275 тысяч новобранцев. Попытки проведения последующих мобилизаций летом 1918 г. вылились в серию массовых протестов и восстаний среди крестьянства, вплоть до захвата власти в отдельных городах (как это было, скажем, в Тамбове и в Шенкурске Архангельской губернии)⁸⁹. Рост масштабов сопротивления военным мобилизациям вызвал создание в декабре 1918 г. специальных органов чрезвычайного управления — дезертков (Центральной и губернских комиссий по борьбе с дезертирством).

Массовый характер дезертирство приобретает сразу же после введения всеобщей воинской повинности в мае 1918 г. (декрет СНК «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную армию» от 29 мая 1918 г.). И именно масштабы явления создают прецедент градации дезертиров: «злостных» (к ним относились дезертиры, «умышленно отклоняющиеся от военной службы навсегда или временно, умышленно отстающие от маршевых рот, бежавшие с фронта и задержанные при облавах») и «по слабости воли» (самовольно покинувшие ряды Красной армии и добровольно явившиеся)⁹⁰. Для борьбы с дезертирством власти активно использовали такой вид наказания, как полная или частичная кон-

⁸⁴ Голдин В. И. Россия в Гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 79.

⁸⁵ Там же. С. 64.

⁸⁶ Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. Л., 1926. С. 20.

⁸⁷ Там же. С. 19.

⁸⁸ Мовчин Н.Н. Комплектование Красной армии. С. 117.

⁸⁹ Голдин В. И. Россия в Гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). С. 76.

⁹⁰ Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. Л. 239.

фискация наделной земли и имущества семей дезертиров и передача их «во временное пользование семьям красноармейцев»⁹¹. В то же время добровольно явившиеся дезертиры, как правило, освобождались от уголовной ответственности. Так, например, к 26 июля 1919 г. по 7 военным округам добровольно явилось и было задержано 380,5 тыс. дезертиров из Красной армии⁹². В 1919 г. с 5 по 21 мая и с 29 июня по 7 июля 1919 г. в советских губерниях проводились «Недели добровольной явки». Однако частота их проведения и организационные просчеты не позволяли добиться желаемых результатов⁹³. По существующим данным, с начала 1919 по ноябрь 1920 г. было выявлено и возвращено на службу 2846 тыс. дезертиров, в том числе 1543 тыс. явились добровольно, а 837 тыс. были задержаны при облавах⁹⁴.

Оставляя воинские части ради направления расстроенного хозяйства, крестьяне исподволь вынуждали власти активизировать деятельность по оказанию помощи семьям красноармейцев. Так, 14 августа 1919 г. Пензенская губкомиссия помсемкрасноармейцев отчиталась перед губернской комиссией по борьбе с дезертирством о засеве полей нуждавшимся семьям: в Городищенском уезде — 871 хозяйство (1050 дес.), в Пензенском уезде — 657 хозяйств (2085 дес., выдано семян овса — 3364 пуд.)⁹⁵. Как следует из оперативных сводок Пензенской комиссии по борьбе с дезертирством, обо-

ротной стороной «облав» в обязательном порядке выступала забота о семьях красноармейцев: «Цель отрядов — выкачивание дезертиров и обследование полей семей красноармейцев»⁹⁶.

Информационные сводки ВЧК, в большинстве своем содержащие достоверную информацию о настроениях крестьян в годы Гражданской войны, фиксируют изменение отношения крестьян к дезертирству и советской власти по мере нарастания угрозы реставрации старых порядков со стороны белого движения. Так, органами ВЧК сообщалось, что в Воронежской губернии «близость фронта и ужас деникинщины пробудили в крестьянах сознание защищать советскую власть»⁹⁷. В Орловской области произошел резкий перелом настроений крестьянских масс в сторону советской власти в связи с приближением Деникина, «что усилило добровольную явку дезертиров»⁹⁸. Аналогичной была ситуация в Пензенской губернии, где в связи с приближением белых настроение населения во всех уездах губернии резко изменилось в пользу советской власти⁹⁹. Все указанные губернии — это эпицентры бывшего помещичьего землевладения, где в результате революции крестьяне осуществили «черный передел» частновладельческих земель и поэтому вполне осознавали угрозу, которую несли ему Белые армии. Именно они дали Красной армии большинство мобилизованных крестьян.

⁹¹ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 265.

⁹² РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 182. Л. 109.

⁹³ Поляков Р. Ю. Война и общество: Очерки истории военной повседневности 1918—1920 годов (по материалам Пензенской губернии). Пенза, 2013. С. 351.

⁹⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 39.

⁹⁵ ГАПО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 86. Л. 237.

⁹⁶ Там же. Д. 157. Л. 1.

⁹⁷ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: Документы и материалы: В 4 т. Т. 1: 1918—1922 гг. М., 1998. С. 185.

⁹⁸ Там же. С. 163.

⁹⁹ Там же. С. 194.

Несколько иной была ситуация в районах со смешанным населением казаков и крестьян, прежде всего на землях казачьих войск. Там большинство казаков и зажиточных крестьян, в том числе дезертиры из Красной армии («зеленые»), с нетерпением ожидали прихода белых, пытались устанавливать с ними связь и даже поднимать восстания в прифронтовой полосе. Объяснялось это ненавистью к политике «военного коммунизма», разорвавшей в первую очередь хозяйства зажиточных казаков и крестьян, а также реакцией населения конкретных селений и станиц на насильственные действия продотрядов, ЧК и отрядов по борьбе с дезертирством¹⁰⁰. Например, на Дону к началу Гражданской войны в казачьей среде произошло социально-классовое расслоение, выделились полярные социальные группы со своими интересами. Это обстоятельство предопределило известное разделение донского казачества и крестьянства в годы вооруженного противостояния, когда большин-

ство казаков в 1918—1919 гг. сражались на стороне Белого движения, а крестьяне массово поддерживали большевиков и пошли в Красную армию. Достаточно указать создателей краснопартизанских отрядов крестьян Б.М. Думенко, С.М. Буденного, Г.С. Маслакова, Г.Г. Колпакова. Эти отряды составили костяк 4-й кавалерийской дивизии, которая вместе со сформированной из ставропольских крестьян 6-й кавалерийской дивизией стала основой для создания в ноябре 1919 г. 1-й Конной армии. Тем самым социальная принадлежность во многом предопределяла выбор казаками и крестьянами противоборствующих лагерей¹⁰¹.

В целом, в годы Гражданской войны, как и прежде, приоритеты семейного хозяйства на земле являлись наиболее значимыми для крестьянства и ослабляли страхи перед репрессиями. Дезертирство стало одним из базовых элементов крестьянской повседневности, способом выживания крестьянских хозяйств в экстремальных условиях Гражданской войны.

Крестьяне и коммуны

Одним из негативно окрашенных образов крестьянского сознания в период Гражданской войны, маркером, зафиксировавшим рассогласование социально-утопических представлений крестьянства и официальных идеологических установок, стал образ Коммуны. Закон о социализации земли прочно покоился на принципах отмены «всякой собственности

на землю»; «передачи земли в пользование всего трудового народа», обрабатывающего ее исключительно собственным трудом; распределения земли на уравнительно-трудовых началах; и равных прав на пользование землей «у коммун и товариществ, общин и отдельных граждан, и семей и т.д.»¹⁰², что в целом соответствовало императивам «общинного архе-

¹⁰⁰ *Исаев В. В.* Противостояние казачества и крестьянства на Алтае в годы гражданской войны // *Казачество Сибири от Ермака до наших дней: История, язык, культура: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф.* СПб., 2015. С. 109—110; *Народные вожаки 1918—1922 гг.: Проблемы изучения и понимания: Материалы заочного круглого стола* // *КЛИО.* 2016. № 4. С. 190—191, 194; *Сорокин А. Н.* Крестьянство и казачество Терской области в коллизиях Гражданской войны 1917—1920 гг.: Историко-антропологический анализ // *Общество: Философия, история, культура.* 2022. № 3. С. 147—153; и др.

¹⁰¹ *Народные вожаки 1918—1922 гг.: Проблемы изучения и понимания: Материалы заочного круглого стола.* С. 191.

¹⁰² См.: *Основной закон о социализации земли.* 27 января (9 февраля) 1918 г. // *Декреты Советской власти.* Т. 1. С. 407—420.

типа». Но к зиме 1919 г. положение изменилось.

Согласно статье 3-ей «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», в целях «окончательного уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, для организации сельского хозяйства на основе социализма, а также объединения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом» признавался необходимым переход от единоличных форм землепользования к товариществам. В силу этого положения вся земля объявлялась единым государственным фондом, находящимся в распоряжении народных комиссариатов и местных органов власти. Приоритет при осуществлении землеустройства и распределения земли отдавался в первую очередь советским хозяйствам и коммунам, а в последнюю — единоличникам¹⁰³. Это вызвало к жизни стремление подавляющей массы крестьян защитить традиционное мироустройство, устои семейно-трудовой формы хозяйствования от посягательств извне и стимулировало социальное недовольство. Именно поэтому появление телеграммы В.И. Ленина от 9 апреля 1919 г. о том, что выдел земли совхозам, коммунам и пр. из «бывших нетрудовых владений» может осуществляться только с согласия местного населения, привело к массовым случаям изъятия земли у уже созданных коллективов либо препятствования отводу земель новым¹⁰⁴. В 1919 г. Наркомзем был всерьез обеспокоен сведениями, поступающими с мест, о том, что «сельские общества препятствуют выделу земель группам членов общества, желающих перейти к общественной обработке,

организующихся в сельскохозяйственную артель, коммуну и т.д.»¹⁰⁵

В дальнейшем рост привилегий советских и коллективных хозяйств послужит лишь дополнительным основанием для углубления внутридеревенской конфликтности. Освобождение коммунаров от подводной повинности, материальная поддержка со стороны государства, наличие в хозяйствах запасов зерна, фуража и продовольствия превращало коммунарскую форму организации земледелия в яблоко раздора. Нарушалась освященная традицией социальная ориентация: уравнительный принцип распределения ресурсов внутри общины, что объясняет широкое распространение лозунга: «Громи коммуны, долой коммунию!» Так, протесты против насаждения коллективной формы землепользования были названы основным мотивом восставшего крестьянства в ходе «Чапанной войны»: «Когда инструктор спросил — против кого крестьяне встают, ему ответили: “Против коммуний”, причем добавили, что стоят за советы» (с. Тереньга Сенгилеевского уезда Симбирской губернии 12 марта 1919 г.); «[...] они идут не против Советов, а только лишь против коммунистов-насильников, каковые якобы отнимают у крестьян весь хлеб и скот и насильно заставляют переходить в коммуну» (Усинская волость Сызранского уезда Симбирской губернии)¹⁰⁶.

Необходимо признать, что в период Гражданской войны в условиях архаизации хозяйственных практик и укрепления социально-психологических установок традиционного общества большевикам не удалось реализовать проект по социалистической реконструкции аграрного сектора экономики. Имея стартовый потенциал

¹⁰³ Известия ВЦИК. 1919. 14 февр.

¹⁰⁴ Кубанин М. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма) // На аграрном фронте. М., 1926. № 2. С. 36.

¹⁰⁵ ГАПО. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 621. Л. 67.

¹⁰⁶ Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 238—239, 267.

в виде конфискованной земли и инвентаря, новая власть не обладала необходимыми ресурсами (организационными, кадровыми, финансовыми, материально-техническими, логистическими) для осуществления преобразований. Поэтому попытки запустить процесс перехода мелкого крестьянского производства к крупному механизированному, организационно близкому к предпринимательскому укладу оказались малоэффективными.

Так, по данным В.М. Рынкова и В.А. Ильиных, к лету 1920 г. в Сибири было создано 262 коммуны, 118 артелей и 82 совхоза, через год число коллективных хозяйств выросло до 1887: они насчитывали 141 тыс. едоков и получили в свое распоряжение 185 тыс. десятин или 2,5% всех земель сельскохозяйственного назначения в регионе¹⁰⁷. Однако данные первых проверок деятельности хозяйств социального сектора экономики оказались малоутешительными. В колхозах и совхозах царил полная бесхозяйственность, земля не обрабатывалась, скот уничтожался. Чаще всего создание коллективного хозяйства выступало формой социальной мимикрии, адаптации к новым условиям хозяйствования, обыденного сопротивления аграрной политике. И крестьяне вступали в колхозы, и коммуны — для того, чтобы получить от государства технику и семена, лучшие земли, льготы по продразверстке, уберечь свое хозяйство от конфискации

и т.п. В условиях перехода к нэпу и сокращения господдержки происходил обвальный процесс ликвидации коллективных хозяйств. Так, только в Сибири в 1922 г. было ликвидировано 1423 коммуны¹⁰⁸.

В Пензенской губернии на 1 января 1920 г. было организовано 32 коммуны и 51 артель с общим числом едоков в 7917 человек, получивших в пользование 7428 десятин¹⁰⁹. Как свидетельствуют материалы выборочного обследования волостей, к осени 1924 г. в Головинщинской волости действовала лишь одна коммуна «Равенство» (возникла в 1919 г. в с. Андреевка), в составе 96 «едоков», из числа которых лишь 22 мужчины. Коммунары заняли бывшую усадьбу местного помещика Бабинова и имели в своем распоряжении 384 десятины земельных угодий. До 1920 г. коммуна состояла из семейных крестьян, объединивших свои хозяйства, впоследствии ее состав изменился самым кардинальным образом: «Преимущественно одиночки, пролетарии, не имеющие ничего, кроме одежды, бедняки и батраки, по большей части из голодающих губерний (Самарская и др.)». Также в 1919 г. была образована «Первая сельскохозяйственная трудовая Артель» в Кучкинской волости Пензенского уезда той же губернии, однако уже в 1923 г. в ходе обследования отмечено лишь формальное ее существование. Всю землю в количестве 56 десятин коммунары поделили по числу едоков («из-за разногласий») и стали обрабатывать самостоятельно¹¹⁰.

Крестьяне и голод

По мере устранения угрозы реставрации старых порядков и возвращения помещиков крестьянское сопротивление все более

приобретало характер войны: войны деревни, защищавшей общинные порядки и свои хозяйственные интересы, и города, государ-

¹⁰⁷ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 197.

¹⁰⁸ Там же. С. 199.

¹⁰⁹ ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 50. Л. 32.

¹¹⁰ ГАПО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 21. Л. 70.

ства, пытавшихся оптимизировать скудные продовольственные ресурсы в своих интересах. Навысшего накала противостояние достигает в 1920—1921 гг. в условиях обострения продовольственной ситуации и появления первых признаков надвигающейся голодовки. Изъятие продовольствия, рост иных повинностей военно-мобилизационного характера постепенно приобретали характер тотальной угрозы жизнеобеспечения крестьянского хозяйства.

В сводках губисполкомов за ноябрь—декабрь 1920 г. четко выделяются два критерия производства выборов корреспонденции: рост политической анархии и так называемая продотрядовская переписка¹¹¹. Слухи экономического характера отражали главным образом неудовлетворенный социальный интерес сельского населения в продовольствии: «О невыдаче с декабря вовсе продовольственного пайка, и тогда начнутся погромы на евреев и т.д., они распоряжаются и отбирают хлеб и куда-то увозят, а Красная армия голодает» (Самарская губерния, октябрь 1920 г.); «сильно фигурируют слухи, распускаемые даже членами волысполкомов, о голоде, что хлеб сгнил в элеваторах, а голодным его не дают, и это делается нарочно»; «[...] как будто бы на крестьян наложена разверстка по 2 фунта тараканов с души, и кто ее не выполнит, с того будут брать хлебом» (Пензенская губерния, ноябрь 1920 г.)¹¹².

Таким образом, первые признаки надвигающейся катастрофы, спровоцированной политикой «военного коммунизма», были замечены уже в конце 1920 г. Непосредственным результатом политических практик стало истощение демографических и экономических ресурсов деревни (моби-

лизация трудоспособного мужского населения, увеличение норм продразверстки, сокращение посевных площадей, рабочего скота, рост изношенности сельскохозяйственной техники и пр.). В условиях жесткого ограничения хлебного рынка и мельчания крестьянских хозяйств в ходе осуществления социализации земли справиться с засухой деревня не смогла. Почти полное отсутствие осадков осенью 1920 — весной 1921 гг. вызвало гибель посевов и травяного покрова и привело к голоду, поразившему хлебобродные губернии центра России. Пик голодовки пришелся на осень 1921 — весну 1922 г. В некоторых районах кризисная ситуация сохранялась до лета 1923 г. География голода охватила Поволжье, юг Украины и Крым, Урал, Башкирию, среднее течение Дона, часть Западной Сибири, территорию в общей сложности 35 губерний с населением до 40 млн человек¹¹³.

Голод послужил катализатором роста экстремальных состояний человеческой психики, был достигнут предел адаптационных возможностей. Теперь социальный интерес, «нужда» сфокусировалась исключительно на поиске продовольствия. Особенно тревожной была продовольственная ситуация в Самарской губернии, где валовой сбор зерна составил в 1920 г. всего лишь 17,1 млн пудов, или 40,7% от уровня отнюдь не благоприятного в этом отношении 1917 г., а в следующем году валовые сборы зерновых упали еще ниже, до отметки в 11,4 млн пудов¹¹⁴. К концу лета 1921 г. численность голодающих в губернии достигла 2 млн 600 тыс. человек. Голодало 93,7% населения¹¹⁵. Общность переживаний сплавивала, объединяла крестьян в «голодные толпы», целыми деревнями

¹¹¹ ГАУО. Ф. 200. Оп. 4с. Д. 19.

¹¹² Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы. С. 604.

¹¹³ Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 41.

¹¹⁴ Кондратин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: К вопросу об истоках сталинизма. С. 454.

¹¹⁵ Ретиневский А. И. Практики выживания населения Поволжья в условиях голода 1921—1922 гг. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: История и современность: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2019. С. 250.

Беженцы из голодных губерний на улице одного из волжских селений. Поволжье. 1921 г.
Фотограф не установлен. РГАКФД

покидавшие места своего обитания, обступавшие «уисполкомы, ссыпункты, мельницы» в поисках хоть какого-нибудь продовольствия¹¹⁶. Невыдача пропусков на поездки не могла остановить поток голодной стихии, передвигавшейся гужом и уничтожавшей на своем пути посевы, покосы, леса¹¹⁷. Смертность в районах голодания увеличилась в 5 раз, в Самарской губернии и Автономной Татарской ССР (АТССР) — в 6 раз. В целом по стране, но разным дан-

ным, от голода погибло не менее 5 млн человек, подавляющее большинство из которых были крестьяне¹¹⁸.

Несмотря на проведение очередной мобилизационной кампании и создание чрезвычайных структур (Помгол¹¹⁹), избежать кризиса смертности не удалось. Средств, собранных для закупки продовольствия, оказалось недостаточно. О фактическом бессилии местных властей, о полнейшей дезорганизации управ-

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 526. Л. 9. Аналогичная ситуация наблюдалась в Бузулукском уезде Самарской губернии и Балаковском уезде Саратовской губернии.

¹¹⁷ Там же. Д. 525. Л. 16.

¹¹⁸ Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 43.

¹¹⁹ Помгол — Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК, создана в июле 1921 г.

ления на уровне волысполкомов и ниже свидетельствуют неоднократные попытки обращения во ВЦИК с просьбой о предоставлении продовольственной и финансовой помощи. В частности, в телеграмме Балаковского уисполкома сообщалось: «[...] волсоветы ежедневно напоминают о невозможности продолжать работать на местах в силу натиска голодающих». Органы местной власти теряли «вес и авторитет перед населением в силу своей беспомощности»¹²⁰. Бюллетень губисполкома Симбирской губернии за 20—21 марта 1921 г. дает следующую характеристику массовых настроений: «По всей губернии наблюдается сходбище крестьян, начиная преимущественно женщинами, к ним примыкают мужчины, подходят толпами к сельсоветам с просьбой хлеба, покушаются на государственные ссыпные пункты разграблением, где вооруженными силами задерживаются от разграбления, есть случаи по губернии взламывания замков под государственным ссыпунктом и воровство хлеба»¹²¹. Во многих волостях Симбирской губернии, где, по некоторым данным, голодало до 3/4 всего населения, сельские и волостные сходы принимали постановления о распределении хлеба из общественных амбаров, о запрете на вывоз хлеба из волости, о снятии охраны у государственного хранилища и избрании своего «ключника». Имеются сведения о создании крестьянских органов власти, действующих параллельно с Советами¹²².

Зимой 1921 г., как следовало из доклада о состоянии партийной работы в Пензенской губернии, крестьяне «осаждали» Советы «с просьбой ехать за хлебом»; «были

случаи разгрома элеваторов с остатками хлеба [...], были случаи голодной смерти»; отмечалась «сильная тяга крестьян в Сибирь на подводах». Самоликвидация крестьянских семей и стихийная миграция населения, спровоцированная голодом, становилась привычной картиной повседневности¹²³.

Следует отметить, что миграционная активность сельского населения европейской части России, спровоцированная нехваткой продовольствия, сохранялась на высоком уровне на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, с конца 1917 по конец 1919 г. население сибирской деревни выросло на 7,6%, в том числе и за счет потока аграрных переселенцев, бежавших от продовольственных затруднений и политической неустroенности из мест прежнего проживания¹²⁴. В 1918 г. власти попытались узаконить стихийное движение, начав выдачу переселенческих документов. В 1918 г. в Сибирь прибыло 183,7 тыс. зарегистрированных переселенцев, большинство из которых оставалось земельно неустroенными, не закрепленными за определенными земельными обществами, что усиливало социальную напряженность и недовольство чужаками, покушавшимися на захваты казенной, частновладельческой и надельной земли в сибирской деревне¹²⁵.

Особенно массовым стихийное переселенческое движение в Сибирь и юго-восточные губернии становится в 1920 г., что зафиксировано в попытках властей регламентировать, а по большому счету — остановить этот процесс. Так, по данным И. Б. Беловой, с начала июля 1920 г. губисполкомы Тулы, Рязани, Воронежа

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 525. Л. 17.

¹²¹ ГАУО. Ф. 200. Оп. 4с. Д. 19. Л. 279.

¹²² ГАРФ. Ф. А-2313. Оп. 2. Д. 107; ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 4с. Д. 19.

¹²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 712. Л. 21.

¹²⁴ Рышков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. С. 182.

¹²⁵ Там же. С. 183.

и Калуги было предписано организовать перевозку ходоков (до 1,5 тыс. на каждую губернию), направлявшихся в Алтайскую, Омскую, Семипалатинскую, Тюменскую и другие сибирские губернии на разведку лучшей жизни. Одновременно местным властям ставилось в обязанность развернуть агитацию против переселения¹²⁶. К 1920 г. в Сибири скопилось уже 500 тыс. крестьян, не приписанных к земельным обществам и не получившим надела¹²⁷.

Летом 1921 г. начинается стихийная массовая миграция голодающих. 25 июля власти вынуждены были санкционировать свободное переселение в Сибирь населения районов, пораженных голодом¹²⁸. Так, в АТССР первое упоминание о признаках надвигающейся катастрофы было зафиксировано местным управлением по эвакуации населения при НКВД в сентябре 1921 г. (в июле беженцев насчитывалось 24, в августе — уже 430, а в сентябре — 2107 человек). Властями было принято решение о срочной эвакуации 5% всего взрослого голодающего населения республики. Основными направлениями организованной эвакуации назывались города Брянск, Гомель, Донецкий угольный бассейн, Нижегородская, Владимирская губернии, Сибирь, Туркестан¹²⁹. Миграция продолжалась до начала 1922 г., несмотря на решение

ТатЦИКа о прекращении организованной эвакуации из-за отсутствия финансирования¹³⁰. В целом, в 1921 г. в пострадавших от голода губерниях выселилось 6,5% крестьянских хозяйств, в 1922 г. — 5,5%, в 1923 г. — 4,4%¹³¹. По данным переписи 1926 г., в 1920—1924 гг. на территорию Сибирского края переселилось 650 тыс. человек¹³².

Крестьянство голодавших районов смогло вернуться к нормальной жизни только с началом посевной кампании 1922 г. Так, в Самарской губернии период с февраля по май 1922 г. еще характеризовался как «[...] время сплошного голода с массовыми явлениями трупоедства», общественные настроения исчерпывались понятием «усталости», фиксировалось наличие бандитизма. Однако в мае, когда началась посевная кампания, настроение крестьян кардинальным образом изменилось. Урожай зерновых «сильно смягчил голод [...]». В силу этого и настроение крестьянства улучшилось. Особенно хорошие результаты в отношении увеличения авторитета партии в глазах крестьян дала кампания по расторжению кабальных сделок. Устанавливается взгляд на РКП(б) как на защитницу интересов трудового крестьянства. Отношение крестьян к продналогу хорошее [...]». Умер естественной смертью, лишившись своей политической опоры, и бандитизм¹³³.

¹²⁶ Белова И. Б. Вынужденные мигранты: Беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914—1925 гг. М., 2014. С. 329.

¹²⁷ Рышков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. С. 183.

¹²⁸ Там же. С. 185.

¹²⁹ Федотова А. «Мы с переселением ужасно провалились»: (Эвакуация как один из видов помощи голодающим ТАССР в 1921—1923 гг.) // Гасырлар Авазы (Эхо веков). 2016. № 3—4. С. 71.

¹³⁰ Весной 1922 г. в преддверии начала полевых работ власти зафиксировали столь же массовые случаи возвращения переселенцев к местам постоянного проживания (в мае количество «обратников» в ТАССР составило 4813 человек). См.: Федотова А. «Мы с переселением ужасно провалились»: (Эвакуация как один из видов помощи голодающим ТАССР в 1921—1923 гг.). С. 73.

¹³¹ Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 64.

¹³² Рышков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. С. 185.

¹³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 349. Л. 3, 39, 53.

Крестьяне и белые правительства

В Гражданскую войну крестьяне испытывали на себе воздействие всех противоборствующих большевикам сил: учредильцев, белых, националистов и др. Их отношение к ним проявлялось в реакциях на военные мобилизации, аграрную политику, государственные повинности, действия находящихся в их селениях или уездах воинских частей, особенно в прифронтовой полосе. Под властью антибольшевистских правительств крестьянство столкнулось с теми же проблемами, что и под властью большевиков. Так же, как и советская власть, антибольшевистские режимы рассматривали деревню прежде всего как важнейший источник людских и материальных ресурсов для ведения войны. Крестьян мобилизовывали в армию, крестьянские хозяйства выполняли принудительные повинности по обеспечению фронта и тыловых городов продовольствием, гужевыми и др.

Крестьяне воевали в рядах белых армий, формировавшихся так же, как и Красная армия, путем принудительных мобилизаций. Например, в 1918 г. в Сибири в армию Колчака было призвано порядка 150—160 тыс. крестьян, а в 1919 г. — не менее 100 тыс. солдат¹³⁴. Точно так же, как и из Красной армии, крестьяне дезертировали из белых армий, уклонялись от мобилизации в них. Например, Самарский Комуч, боровшийся с большевиками, не получил необходимой поддержки со стороны крестьян в период мобилизационных кампаний в Народную армию, хотя он объявил вольную торговлю хлебом, отменил большевистские антикрестьянские законы. В частности, удалось призвать только 23 000 человек¹³⁵. В то же вре-

мя летом 1919 г. в одной только Самарской губернии в Красную армию под ружье было поставлено 140 тыс. человек, или около 1/3 трудоспособного мужского населения, а в целом по всем губерниям Поволжья — 454 300 человек¹³⁶. Крестьяне не стали защищать учредильцев из-за нежелания участвовать в Гражданской войне, неспособности последних наладить товарооборот с деревней, пресечь имевшие место факты притязаний бывших помещиков на земли, полученные в результате революции.

В официальных заявлениях руководители колчаковского режима постоянно заявляли о своей озабоченности судьбами российского крестьянства. Особенно часто этот мотив звучал в частях действующей армии, крестьянской по своему составу. В январе 1919 г. по селениям Самарской губернии ходило воззвание к крестьянам и красноармейцам командира 3-го Уральского корпуса конных стрелков, генерал-лейтенанта Голицына. В нем крестьяне призывались «брать оружие и идти против большевиков», а красноармейцы — «не бояться сдаваться», так как их никто не расстреляет за вынужденную службу большевикам. В воззвании разъяснялся крестьянству тот вред, который принесли ему большевики и советская власть¹³⁷. Для воодушевления личного состава Волжского корпуса I Волжской армии, где служило немало крестьян Самарской, Саратовской и других поволжских губерний, в мае 1919 г. распространялся текст интервью бывшего премьера Временного правительства, князя Львова, находившегося в тот момент в Париже. Устами бывшего премьера и князя им обещалось, что «Россия ста-

¹³⁴ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. М., 1986. С. 157—158.

¹³⁵ Медведев В. Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998. С. 53, 60.

¹³⁶ Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в годы гражданской войны: Новые источники и подходы // Власть и общество России. XX век: Сб. науч. трудов. М.; Тамбов, 1999. С. 247.

¹³⁷ СГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 60—60 об.

нет крестьянской страной, которая будет процветать в свободе и порядке»¹³⁸.

Однако реальность была иной. И это становится очевидным после анализа основных программных документов колчаковского режима по аграрно-крестьянскому вопросу. Ключевым документом, дающим представление о концепции аграрной политики Колчака, ее перспективах в случае победы над большевиками, является датированная 5 апреля 1919 г. докладная записка министра земледелия Н. И. Петрова и управляющего Государственным земельным фондом в Совет Министров «О направлении аграрной политики Правительства и основе этой политики». Авторами «Записки» признавалась исключительная важность крестьянского вопроса для судьбы режима. Цель аграрной политики колчаковского правительства они определили в создании «крепких мелких трудовых хозяйств, владеющих землей на праве частной собственности и свободных от принудительной опеки общины». При этом авторы записки оговорились, что данная цель, по-видимому, «соответствует и настроению Правительства»¹³⁹. Таким образом, в случае победы режима Колчака российскую деревню ожидало «второе издание столыпинской аграрной реформы». В русле этой стратегической цели авторы записки признавали необходимость «изменения закона бывшего Временного Правительства от 12 июля 1917 г., почти безусловно запрещающего всякую куплю и продажу земли». Все сделки на землю следовало разрешить и осуществлять их «через контроль Государства в лице местных органов Министерства Земледелия»¹⁴⁰.

Ключевым вопросом для разработчиков аграрной стратегии колчаковского режима, имсущим принципиальное значение

для судеб миллионов российских крестьян, был вопрос о бывших частновладельческих землях, захваченных в ходе крестьянской революции. Сюда входили и бывшие помещичьи земли, и бывшие земли столыпинских хуторян и отрубников. В записке указывалось, что бывшие хозяева захваченных крестьянами частновладельческих земель должны были сохранить юридический статус над этими землями, то есть оставаться их собственниками. В то же время фактические владельцы переходили в разряд арендаторов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Подлежали безоговорочному отчуждению земли усадебные, мелкие трудовые и т.д. Нетрудно предположить, что в данную категорию попадали все бывшие дворянские усадьбы и «образцовые хозяйства» столыпинских выделенцев¹⁴¹. Данная программа ориентировалась на «сильных», зажиточных крестьян, предусматривала разрушение общины. На практике это означало, что после победы над большевиками крестьянам, получившим от советской власти землю, предстояли судебные тяжбы с бывшими владельцами и государством, а деревню в целом ожидали новые землеустроительные комиссии и новые выделенцы на лучшие земли и т.д. Учитывая, что эта политика уже обанкротилась в 1917 г., надеяться на ее успех можно было только при одном условии — силовом воздействии на крестьянство государственной власти.

Согласно введенным в действие Советом Министров 8 апреля 1919 г. Правилам «О порядке производства и сбора посевов в 1919 г. в местностях, освобожденных от советской власти» и утвержденному 13 апреля 1919 г. Советом Министров положению «Об обращении во временное заведование правительственных органов земель, вышедших из фактического обла-

¹³⁸ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 57. Л. 123 об.

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1122. Л. 2—3, 4 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 6.

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1122. Л. 5 об.

данных их владельцев и поступивших в фактическое пользование земледельческого населения», частновладельческие земли, захваченные крестьянами, должны были перейти под юрисдикцию государства. Их судьба зависела от того законодательства, которое будет создано после победы над большевиками. При этом сохранялось право крестьян на выращенный урожай, но не гарантировалось право дальнейшего пользования «захваченной землей». Оно могло быть получено лишь с согласия специально созданных государственных органов, а также в результате «полюбовной сделки» с бывшим хозяином этой земли. За право пользования землей устанавливался налог¹⁴². Фактически эти правила, при всех их оговорках, ставили под угрозу возможности крестьян распоряжаться землей, полученной от советской власти, поскольку дальнейшая судьба земли зависела от законодательства, которое появится после победы белых над большевиками. При этом аграрное законодательство Колчака ограничивало право на землю лицам, являвшимся активными сторонниками советской власти¹⁴³, особенно задеиствованным в се сельских и волостных учреждениях. К их числу были отнесены военнослужащие Красной армии и их семьи, а также активисты крестьянского движения в 1917 г., когда громились помещичьи усадьбы, сселялись хутора, ликвидировались отруба и производились другие действия, игравшие на руку большевикам. В то же время льготы в отношении «земельного и хозяйственного устройства» постановлением Совета Министров от 14 марта 1919 г. получали лишь военнослужащие Русской армии и флота, принимавшие «участие в борьбе за возрождение России», т.е. воевавшие в армии Колчака¹⁴⁴.

Таким образом, колчаковское законодательство по аграрному вопросу — это ставка на «сильных» крестьян, разрушение общины, лишение прав на землю сторонников советской власти, а его реализация на практике — фактическое повторение большевистского «военного коммунизма».

Режимом Колчака, как и советской властью, крестьянство рассматривалось в качестве главным резервуара, откуда черпались людские, продовольственные и сырьевые ресурсы. Поэтому его гражданские и военные органы не особенно церемонились с сельским населением, особенно в зоне боевых действий в период весеннего наступления 1919 г. Характерным примером этого является приказ № 102 командующего Западной армией генерал-лейтенанта Ханжина от 14 марта 1919 г. Поздравив крестьян с освобождением «от ига Советской власти и насилия красноармейцев», колчаковский генерал приказывал им «по первому требованию начальников гарнизона и комендантов доставлять для нужд армии необходимые перевозочные средства». Сельские правления, волостные и уездные земские и городские управы обязывались «оказывать войсковым частям полное содействие в расквартировании войск и в снабжении Армии продовольствием и фуражом», в случае неисполнении приказа виновные должны были предаваться военно-полевому суду, а должностные лица привлекаться к «законной ответственности»¹⁴⁵.

Таким образом, вместо насилия красноармейцев крестьянству было уготовано новое насилие. И оно активно применялось колчаковцами в ходе многочисленных реквизиций крестьянского имущества. Например, в политсводке Восточного фронта за 6 июня 1919 г. сообщалось, что в Белебеевском уезде Уфимской губернии белыми

¹⁴² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1123. Л. 23—25 об.; Д. 1146. Л. 5—6.

¹⁴³ Там же. Д. 1148. Л. 3.

¹⁴⁴ Крестьянский вестник. 1919. 30 сент.

¹⁴⁵ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 145. Л. 2 об.

были угнаны у крестьян почти все лошади, в результате чего землю под картофель «пришлось вспахивать» лопатами¹⁴⁶.

Из-за страха перед угрозой реставрации помещичьего землевладения, а также опыта такой же грабительской политики на временно занятой белыми армиями территории, как и у большевиков, крестьяне не проявили должной активности в поддержке Белого движения. Об этом свидетельствовало поведение крестьян фронтовых и прифронтовых губерний в период наступления Белых армий, особенно Деникина летом 1919 г. Ослабевало дезертирство из Красной армии, успешнее проходила мобилизация, крепла лояльность по отношению к советской власти¹⁴⁷.

В действительности деникинский режим не имел цели сразу же лишить крестьян захваченной в 1917 г. и закрепленной большевистским законодательством земли. Но в перспективе, после победы над большевиками, это не исключалось.

Правительство при главнокомандующем ВСЮР так же, как и Правительство Колчака, проводило свою аграрную политику на подконтрольной территории, считая крестьянский вопрос «коренным вопросом» России. Об этом было заявлено в выпущенном Деникиным в апреле 1919 г. «Манифесте по крестьянскому вопросу», где утверждалось, что «этот коренной вопрос может решить только Учредительное собрание после того, как снова воцарятся мир и порядок». На переходный период провозглашался принцип принудительной конфискации земли. Деникинский вариант решения аграрного вопроса в гораздо большей степени, чем колчаковский, учитывал интересы бывших землевладельцев. Поскольку конституция Добровольческой армии признавала неприкосновенность частной собственности, то манифест обе-

щал им значительную компенсацию за понесенные убытки. Кроме того, выработанный по указанию Главнокомандующего весной 1919 г., план аграрной реформы предусматривал настолько высокий максимум земельных владений, что разделу подлежали лишь немногие частные владения. Землевладельцам, согласно данному плану, причиталась настолько щедрая компенсация, что они получили бы земли больше, чем крестьяне. При этом крестьяне обязывались вернуть все незаконно захваченные земли. Данный план не был обнародован, учитывая его негативные политические последствия в условиях летнего наступления. Вместо этого летом 1919 г. деникинским правительством для успокоения крестьян было принято решение оставить выращенный урожай на захваченных землях в их распоряжение. Главнокомандующий издал приказ, предусматривающий передачу бывшим владельцам земли в качестве компенсации лишь одной трети этого урожая.

Таким образом, аграрное законодательство Деникина, так же как и колчаковское, было малопривлекательным для крестьян. Оно ставило их в неопределенное положение, ориентировалось на защиту интересов прежних владельцев¹⁴⁸. Весьма показательна в этом плане информация из политесводки отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России за 23 августа 1919 г., относящаяся к крестьянскому населению Астраханского края — одного из районов Царицынской губернии. Она гласила: «Крестьяне в большинстве случаев вполне соглашаются с принципами, возведенными декларацией генерала Деникина, находя их вполне справедливыми. Однако не всеми правильно понимается истинный смысл декларации. Так, например, многие крестьяне приходят к заключению, что вся земля перейдет к ним

¹⁴⁶ РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 21. Л. 322.

¹⁴⁷ Кондрашин В. В. Крестьянство в годы Гражданской войны. М., 2019. С. 436—443.

¹⁴⁸ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. I. М., 2021. С. 53—54.

от помещиков. Последнее же обстоятельство может повлечь за собою впоследствии крупные осложнения»¹⁴⁹.

Практические действия деникинско-го военного командования и гражданских органов власти, озабоченных получением от крестьян продовольствия, фуража и принуждением их к выполнению натуральных повинностей для обеспечения военных нужд, так же как и режима Колчака, были схожи с деятельностью в деревне органов советской власти. Поэтому реакция основной массы крестьян на аграрную политику Деникина была такой же отрицательной, поскольку она разоряла их хозяйства. Об этом прямо указывалось в политсводках отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России о ситуации в уездах Воронежской, Курской и Царицынской губ. («случай самовольной реквизиции скота и фуража деникинскими частями повлекли за собой упадок крестьянина» и т.п.)¹⁵⁰. В воспоминаниях участника Белого движения С. И. Мамонтова отмечалось, что в ходе наступления деникинской армии на Москву «при нашем приближении к деревне мы иногда видели крестьян, бегущих в лес прятать повозки и лошадей». И это было не случайно: по словам Мамонтова, именно подводная повинность была самой тяжелой для крестьян: «Части реквизировали повозки в деревне. Сменить крестьянина и отпустить домой было трудно. Когда наконец несчастного отпускали, почти наверняка его перехватывала другая часть и уводила его еще дальше. Случалось, доведенные до отчаяния крестьяне бросали повозку и лошадей и сами убегали. Подводчику ничего не платили и редко заботились о корме для него и для лошадей»¹⁵¹. В газете «Красный

Орел» отмечалось, что «после прихода белых начались грабежи квартир — еврейских и русских “по ошибке”, вымогательства с угрозами, револьверами и винтовками. Некоторые крестьяне были повешены и висели в центре города довольно продолжительное время. Офицерство веселилось вояком»¹⁵².

Принципиально отличалась от аграрных программ Колчака и Деникина аграрная программа Правительства Юга России (П. Н. Врангеля). В обнародованном 25 мая 1920 г. «Приказе о земле» признавалось право крестьян на полученную в результате крестьянской революции 1917 г. и декретов советской власти землю, которая передавалась им на условиях компенсации (уплаты в течение 25 лет пятой части среднего годового урожая с каждой десятины хлебом или деньгами) в «вечную наследственную собственность». Потерявшим в результате революции и политики большевиков частным владельцам земли обещалось вознаграждение со стороны государства. Также им предоставлялось право на сохранение части земли, размер которой должен был определяться местными земельными органами. Согласно приказу, не подлежали отчуждению законно приобретенные до того крестьянские земли, усадьбы и высококультурные участки (сады, виноградники и т.п.), земли под промышленными заведениями, принадлежащие сельскохозяйственным и учебным заведениям и т.п.¹⁵³ Для проведения земельной реформы были подготовлены землеустроители и землемеры, в ряде мест приступившие к работе. «Приказ о земле» П. Н. Врангеля имел целью в период наступления Русской армии получить поддержку основных масс крестьянства, недовольных

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 34а. Л. 278.

¹⁵⁰ Там же. Л. 224—225.

¹⁵¹ Мамонтов С. Походы и кони // Поход на Москву. М., 2004. С. 403.

¹⁵² Красный Орел. 1919. 2 сент.

¹⁵³ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1. М., 2021. С. 54.

антикрестьянской политикой большевиков. Но его выполнение оказалось невозможным из-за разгрома Красной армией и падения Правительства Юга России.

Кроме того, даже в случае успеха Врангеля, учитывая антикрестьянский настрой офицерства и группировавшихся под знаменем Белого движения политических сил, реализация «прокрестьянской аграрной реформы» была бы проблематичной. Трудно себе представить, чтобы она не встретила противодействие, поскольку ее реализация в предложенном виде в Крыму поставила бы под угрозу интересы бывших землевладельцев в других регионах страны, пострадавших от советской власти и не допустивших бы ее распространения на всю «освобожденную от большевиков» Россию. Также поддержка крестьян земельной реформы Врангеля была сомнительной, учитывая их негативный опыт взаимодействия с белыми режимами, а также понимание неизбежности победы огромной Советской России над осколками белого движения в Гражданской войне, которая и могла дать им землю без обременений и навсегда. Данный факт подтверждается неудачной попыткой Врангеля «действовать против большевиков среди крестьянства под именем махновцев»¹⁵⁴. Созданные так называемые повстанческие отряды Савченко, Яценко, Гришина, Володина, Чалого, якобы действовавшие от имени Махно, не смогли привлечь в свои ряды крестьян, несмотря на активную пропаганду.

Взаимоотношения крестьян с антибольшевистскими правительствами точнее всего передает получившее широкое рас-

пространение в крестьянской среде выражение: «Белые пришли — грабют, красные пришли — грабют! Пу, куды крестьянину податься!», воспроизведенное в культовом советском фильме «Чапаев». При этом имели место факты, когда крестьяне, разоренные большевиками, особенно кулаки и зажиточные, с воодушевлением встречали белые войска и даже вступали в их ряды добровольцами¹⁵⁵. Но белым не удалось поднять все крестьянство на борьбу с большевиками. Например, единственной крестьянской частью, сформированной в колчаковской Уральской армии, оказалась «Семеновская крестьянская дружина»¹⁵⁶. Подобная ситуация была закономерной.

По мере знакомства с реальными действиями «освободителей» отношение большинства крестьян к новой власти становилось резко негативным и выливалось, так же как и на подконтрольной большевикам территории, в форму повстанческого движения. Наибольшего размаха оно достигло в Сибири, на Юге России и Украине.

В Сибири распространенной формой сопротивления антибольшевистским режимам было уклонение от мобилизации и дезертирство из армии, переход на сторону Красной армии. В августе—сентябре 1918 г. в Славгородском и Змеиногородском уездах вспыхнуло массовое восстание крестьян против объявленной Временным Сибирским правительством мобилизации мужчин в возрасте 18—20 лет, которое было утоплено в крови карателями¹⁵⁷. В 1918—1919 гг. не менее 25—30% подлежащих призыву крестьян, скрывавшиеся

¹⁵⁴ Махно Н. И. На чужбине 1923—1934 гг.: Записки и статьи. Париж, 2004. С. 197.

¹⁵⁵ Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг. Париж, 1964. Кн. 2. С. 96; Булгаков А. О. Балашов в кольце фронтов. 1917—1921. М., 2019; Посадский А. В. От Царицына до Сызрани: очерки гражданской войны на Волге. М., 2010; и др.

¹⁵⁶ Дубровин Д. Ю. Семеновская крестьянская дружина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: Идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и материалов. М., 2015. С. 309—318.

¹⁵⁷ Курьшев И. В. Крестьянские восстания в Алтайской губернии летом—осенью 1918 г.: Облик и поведение повстанцев // Вестник Удмуртского ун-та. 2014. Вып. 3. С. 60—66; Исаев В. В. Противостояние казачества и крестьянства на Алтае в годы гражданской войны // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: История, язык, культура: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 109—110.

в тайге, на дальних заимках, избегали мобилизации¹⁵⁸.

В ноябре 1918 г. в Минусинском уезде Енисейской губернии произошло одно из самых крупных крестьянских восстаний в Сибири в годы Гражданской войны, получившее название по основному виду оружия повстанцев «Дубинной войны». Крестьяне выступили против действий Временного Сибирского правительства по сбору недоимок по налогам, возросших земских сборов, предельных цен на продажу хлеба и преследования самогонщиков (публичных их пороков). Восстание было жестоко подавлено, его руководители и активисты расстреляны¹⁵⁹. В 1918 г., по самым заниженным данным, в Сибири карателями было убито, замучено и повешено не менее 5,5 тыс. повстанцев, причем только десятая часть погибла в бою. Потери же белых составляли около 700 солдат и офицеров убитыми и примерно столько же ранеными¹⁶⁰.

Еще больший размах крестьянское повстанческое движение в Сибири приобрело в 1919 г. Недовольные реквизициями продовольствия и насильственными акциями режима Колчака крестьяне развернули против белых мощное партизанское движение, в котором приняло участие порядка 150 тыс. крестьян-партизан¹⁶¹. Краснопартизанское движение в Сибири — яркая страница в истории Гражданской войны, наиболее объективная и содержательная характеристика которой дана в публикациях В. И. Шишкина и Н. С. Ларькова¹⁶². Феноменом краснопартизанского движения и всего крестьянского повстанческо-

го движения в России в рассматриваемый период было создание на подконтрольной Колчаку территории Сибири партизанских республик. Республики объединяли разнообразные элементы, оказавшиеся по тем или иным причинам в конфронтации с колчаковским режимом: крестьяне, решением общин поддерживавшие антиправительственные выступления, дезертиры, советские деятели и т. д. Они оттянули на себя значительные силы колчаковской армии и оказались в числе причин поражения Белого движения на Востоке России. Одной из таких республик была Степно-Баджеевская, расположена юго-восточнее Красноярска в горно-таежном Заманье (за рекой Маной)¹⁶³. К концу 1919 г. партизанское движение достигло такого размаха, что под контролем белых оставалась фактически лишь полоса вдоль Транссиба шириной в 100—150 км, по которой отступали части белой армии. В октябре—ноябре 1919 г. произошли первые встречи сибирских партизан с наступающей Красной армией, началось их взаимодействие. После разгрома Колчака большинство сибирских партизанских отрядов влились в состав Красной армии. Иркутские партизаны и повстанцы явились одним из основных источников комплектования НРА ДВР.

Вторым по интенсивности партизанским районом страны в годы Гражданской войны был Дальний Восток. В 1918—1922 гг. в Приморье и на Камчатке действовали против белых правительств и японских интервентов многочисленные партизанские отряды. В январе—марте 1919 г. восстания крестьян

¹⁵⁸ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. М., 1986. С. 158.

¹⁵⁹ *Шекшеев А. П.* Власть и крестьянство: Начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 — конец 1918 гг.) Абакан, 2007; *Крестьянский фронт 1918—1922 гг.: Сборник статей и материалов.* М., 2013. С. 70—79; *Шекшеев А. П.* «Дубинная война» на юге Енисейской губернии // *Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов.* Саратов, 2017. Вып. 11. С. 88—110.

¹⁶⁰ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 158.

¹⁶¹ Там же. С. 157, 159—160.

¹⁶² *Ларьков Н. С., Шишкин В. И.* Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // *Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. науч. статей.* Вып. 4. Новосибирск, 2013. С. 76—114.

¹⁶³ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2. М., 2021. С. 689—690.

в Амурской и Приморской областях фактически сорвали мобилизацию населения в колчаковскую армию на территории Дальнего Востока¹⁶⁴. В мае 1921 г. дальневосточные партизаны образовали Военный совет повстанческих отрядов, подчиненный Военному совету Народно-революционной армии ДВР. С этого времени и до разгрома белых в Приморье части партизан и НРА проводили совместные и скоординированные операции. В 1919 г. дальневосточные партизаны предпринимали попытки объединения сил с сибирскими партизанскими отрядами¹⁶⁵.

Еще одной яркой страницей в истории крестьянского сопротивления режиму Колчака является «Жилиевщина» — повстанческо-партизанское движение в Кустанайском уезде Омской области в 1919 г., названное по имени руководителя повстанцев А. И. Жилиева, уроженца с. Борового Кустанайского уезда, участника Первой мировой войны, организатора советской власти в Кустанайском уезде. «Жилиевщина» возникла на почве недовольства крестьян насильственной мобилизацией в армию Колчака, принудительных конфискаций скота и имущества колчаковскими властями, злоупотреблений их местных представителей. Восстание и партизанское движение продолжались до августа 1919 г., сопровождалось ожесточенными боями повстанцев с колчаковцами. Только в Кустанае, отбитом белогвардейцами у повстанцев в апреле 1919 г., каратели расстреляли до 3-х тысяч человек, причастных к восстанию¹⁶⁶. К моменту занятия Красной армией в нояб-

ре 1919 г. Омска — столицы Колчака — почти вся земледельческая Сибирь, кроме узкой полосы вдоль железной дороги, была освобождена партизанами от интервентов и белогвардейцев. С 1918 по 1920 г. сибирскими партизанами было уничтожено, ранено и взято в плен свыше 100 тыс. вражеских солдат и офицеров¹⁶⁷.

Крестьянское повстанческое движение развернулось на контролируемой Деникиным территории, где, вопреки декларациям, бывшие помещики пытались вернуть себе имения и наказать крестьян за самоуправство. По словам генерала А. С. Лукомского, крестьяне «готовы были восстать против добровольческой армии Деникина, доведенные до этого безудержно разгравшимися аппетитами помещиков, поощряемых местной администрацией»¹⁶⁸. Наиболее крупным крестьянским восстанием против деникинской власти было восстание крестьян Новохоперского уезда Воронежской губернии в июле 1919 г. Центром восстания стало с. Красное, в котором белогвардейцы за вывоз хлеба в глубь страны учинили массовый расстрел крестьян. Они грабили крестьянские дворы, забрали 900 голов крупного рогатого скота, 200 лошадей¹⁶⁹. В конце июля Новохоперск был занят повстанцами при поддержке советских войск. В выступлении участвовало 20 тыс. крестьян двух волостей¹⁷⁰. Активное партизанское движение против деникинцев развернулось в Мценском уезде Орловской губернии. Согласно информационной сводке ОГПУ за 21—30 сентября 1919 г., кре-

¹⁶⁴ Тарасов Ю. А. Партизанское движение в 1919 г. на Дальнем Востоке в период Гражданской войны // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 71.

¹⁶⁵ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3-х т. Т. 2. С. 690.

¹⁶⁶ Курышев И. В. Партизанщина («Жилиевщина») в Северном Казахстане в 1919 году // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: Идеология, военное участие, кадры: Сборник статей и материалов. М., 2015. С. 804—815.

¹⁶⁷ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917—1937. Новосибирск, 1983. С. 49.

¹⁶⁸ Цит. по: Шафир Я. Белогвардейцы и крестьянство. М.; Л., 1928. С. 53.

¹⁶⁹ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 146.

¹⁷⁰ Фоменко П. М. Как воронежские рабочие и крестьяне боролись против Деникина. Воронеж, 1957. С. 15—17.

стьянская беднота радовалась «изгнанию мамонтовских банд из губерний», а крестьяне «охотно организовали партизанские отряды для отпора грабителям на соседней с Орловской губернией территории»¹⁷¹. Аналогичная ситуация сложилась и в Причерноморье, Прикубанье и на Ставропольщине, где к осени 1919 г. против войск Деникина действовало около 75 тыс. партизан. Деникин организовал особый корпус во главе с генералом Добровольским, который действовал против красно-зеленых на Черноморском побережье¹⁷².

Мощное крестьянское движение против деникинской власти развернулось на юге Украины, где действовала крестьянская повстанческая армия под командованием Н.И. Махно. Махновцы совершили глубокий рейд по тылам деникинцев, громили деникинские гарнизоны. Их лозунгами были: «Горе Деникину! Смерть деникинцам! Где бы они ни находились, всегда их должна настичь шашка повстанца, вилы и топор крестьянина!»¹⁷³ В начале октября 1919 г. в руках махновцев оказались Мелитополь, Бердянск, Мариуполь. До ставки Деникина в Таганроге оставалось 100 км. В этой ситуации деникинский штаб был вынужден снять крупные подвижные силы из состава Добровольческой армии, наступавшей на главном тогда Орловско-Тульском направлении, и из состава Донской армии, находившейся в постоянных тяжелых боях с конным корпусом Буденного на Воронежском направлении. Против Махно были направлены Терская и Чеченская дивизии и бригада Донцов, что самым негативным образом сказалось на результатах наступательной операции Белой ар-

мии на Москву. В эмиграции А.И. Деникин признал, что повстанческое движение Махно «расстроило наш тыл и ослабило фронт в наиболее трудное для него время»¹⁷⁴. О решающем значении действий махновцев в срыве наступления на Москву писал в своих мемуарах и бывший командующий 3-м Кубанским корпусом генерал А.Г. Шкуро¹⁷⁵.

Имея информацию о масштабах крестьянского движения против белой контрреволюции, лидер большевиков В.И. Ленин, характеризуя политические настроения крестьянства к концу 1919 г., верно отметил: «Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители. В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина»¹⁷⁶.

Дискуссионным в историографии остается вопрос о позиции крестьянства в национальных районах бывшей Российской империи, где в годы Гражданской войны возникли независимые от Советской России государства. В какой мере национальное антисоветское движение опиралось на крестьянство, а последнее выступало его социальной базой. Наиболее полно данный аспект изучен на материалах Украины, где созданная националистическими силами Украинская Народная Республика выступала от имени всего населения республики, большинство которого составляли крестьяне¹⁷⁷. Феномен махновщины, самого массового крестьян-

¹⁷¹ Советская деревня глазами ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1: 1918—1922 гг. М., 1998. С. 196.

¹⁷² История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 167.

¹⁷³ РГВА. Ф. 198. Оп. 5. Д. 40. Л. 65—65 об.

¹⁷⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1926. С. 234—235.

¹⁷⁵ Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, 1961. С. 233—234.

¹⁷⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 17.

¹⁷⁷ См.: т. 12, кн. 1, ч. I, гл. 2; ч. II, гл. 7; ч. III, гл. 6; ч. IV, гл. 4; кн. 2, ч. VIII, гл. 2.

ского движения на Украине в годы Гражданской войны, свидетельствовал, что для крестьян социальные проблемы, главной из которых был вопрос о земле, оказались важнее националистических идей. Решение советской властью этого вопроса в интересах всего украинского крестьянства выбило почву у националистов в их стремлении заручиться твердой поддержкой основной массы крестьян. Махновщина стала убедительным тому подтверждением. Махновцы не поддерживали Петлюру и выступали за создание Советской Украины, где власть должна быть у вольных Советов, обеспечивающих на практике идею народного (крестьянского) самоуправления¹⁷⁸. Петлюре не удалось организовать массового добровольческого вступления крестьян в армию УНР. Как и в России, украинские крестьяне приоритетом считали занятие своим хозяйством на полученной в результате революции земле, или на прежних земельных участках, и лишь под принуждением шли воевать за Петлюру, выступавшего под ярко националистическими лозунгами.

Точно такая же ситуация сложилась на территории белорусских губерний, где сторонники Белорусской Народной Республики не смогли заручиться активной поддержкой крестьян в период оккупации Беларуси немцами и поляками. Данный факт подтвердили события так называемого «Слуцкого восстания» — мятежа в ноябре—декабре 1920 г. созданной при поддержке Польши в Слуцком уезде Минской губернии «Слуцкой бригады» из местных крестьян. Поднятый после ухода из уезда польских войск мятеж имел локальный характер и был подавлен частями Красной армии¹⁷⁹.

В то же время, как показывает ситуация вокруг спора между Советской Республикой и Украинским правительством гетмана Скоропадского в июне 1918 г. по поводу территориальной принадлежности уездов Орловской губернии со смешанным украинским и русским населением, прошедшие по инициативе органов советской власти в этих уездах крестьянские сходы вынесли резолюции против присоединения к Украине и о желании остаться в составе Российской Советской Республики. Аналогичные резолюции были присланы из уездов Курской губернии, куда в конце марта 1918 г. вторглись германские и украинские войска¹⁸⁰. Данный пример говорит о том, что при приоритете социальных проблем над национальными в поведении крестьян, они тем не менее осознавали свою национальную принадлежность и в случае посягательств на связанный с нею образ жизни (веру, традиции и т.д.) выступали в его защиту против любой власти, попытавшейся сделать это. Как известно, большевики на Украине, в отличие от белых, не выступали под шовинистическими лозунгами и не посягали на украинский язык и культуру.

В районах страны с преобладанием мусульманского населения (Северный Кавказ, Туркестан и др.) особое значение имели вопросы веры. Возникшие на их территории антибольшевистские правительства использовали ущемления советской властью прав церкви и верующих в качестве важнейшего пропагандистского лозунга. Хотя он и имел определенный успех, но в конечном итоге его оказалось недостаточно для массовой консолидации сельского насе-

¹⁷⁸ Нестор Махно: Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 12—14.

¹⁷⁹ Народные вожаки 1918—1922 гг.: Проблемы изучения и понимания: Материалы заочного круглого стола // КЛИО. 2016. № 4. С. 184; Акулин Е. В. Слуцкое восстание против советской власти 1920 г. // Центральные науч. вестник. 2017. Т. 2. № 13. С. 5.

¹⁸⁰ Ченская Т. В. Орловское крестьянство в годы гражданской войны (1918—1921 гг.) // XX век и Россия: Общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 241.

ния для борьбы с большевиками. Так же, как и на Украине, для крестьян-мусульман (декхан и т. д.) были важнее социальные вопросы: земля, доступ к водным ресурсам, пастбищам и т. д.¹⁸¹

В годы Гражданской войны в оказавшихся под властью антибольшевистских режимов Туркестане и Сибири национальный фактор проявился в конфликтах между русскими казаками и коренными жителями регионов. Но в основе этих конфликтов также была борьба за землю и ресурсы, необходимые для ведения сельского хозяйства. Сохранение и защита белыми правительствами прав казаков на землю и ресурсы и отмена советского аграрного законодательства делали последних активными их защитниками, в том числе участниками подавления крестьянских выступлений на почве недовольства политикой этих правительств.

Таким образом, крестьянство под властью антибольшевистских правительств вело себя адекватно той политике, которую проводили в деревне эти правительства. Эта политика мало чем отличалась от политики «военного коммунизма» большевиков в плане выкачки из деревни материальных и людских ресурсов на военные нужды. Поэтому недовольство ею и сопротивление ей были вполне закономерной реакцией крестьян. В то же время отличие ситуации на подконтрольных антибольшевистским правительствам территориях от ситуации в Советской России состояло в отношении режимов к главному для крестьян вопросу — вопросу о земле. Большевики однозначно решили его в пользу крестьян, которые прекрасно осознавали данный факт, но были недовольны тяготами Гражданской войны,

мешавшими им свободно хозяйствовать на своей земле. При этом советская власть не ставила под сомнение право крестьян на землю, объясняя свои разорительные для крестьянских хозяйств действия необходимостью победы над контрреволюционными силами, которая и станет гарантом завоеваний «общинной революции» и «черного передела».

Ничего подобного нельзя было сказать об аграрной политике Колчака и Деникина — главной угрозе советской власти. Они согласились оставить крестьянам земельные наделы, увеличенные или полученные в 1917 г. в результате ликвидации частного землевладения, прежде всего помещичьего, но на условиях временного пользования до окончания войны. Причем полагалась компенсация бывшим землевладельцам, которые нередко без санкции властей пытались наказывать крестьян за самоуправство и возвращать себе отобранные в период революции имения. Но главное отличие аграрной политики белых режимов от советской власти состояло в том, что вопрос о земле в окончательном варианте, согласно их аграрному законодательству, должен быть решен только после победы над большевиками. Крестьянам в этой ситуации оставалось только верить на слово. Вряд ли это было возможно, учитывая реалии взаимоотношений между крестьянством и властью Колчака и Деникина и других антибольшевистских правительств. Данное обстоятельство, а также реальные факты поведения белых на подконтрольной им территории страны было мощным пропагандистским оружием для советской власти в ее борьбе за крестьянство.

¹⁸¹ Козлов А. П. Особенности аграрной политики большевиков в первое десятилетие Советской власти в Казахстане // КЛИО. 2019. № 8. С. 114—119; Момбекова Ж. К. Кыргызстан в советский период (1918—1990 гг.) // История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней. Бишкек, 2020. С. 313; Акрамов М. И. Социально-экономические преобразования в период гражданской войны в Таджикистане в 1918—1923 годах // Историк. 2022. № 2 (30). С. 34—49; и др.

Крестьяне и война

Для крестьянства Гражданская война стала суровым испытанием. Налицо было ее негативное влияние на крестьянское хозяйство. В годы войны была подорвана его материально-техническая база. Общим трендом в данный период стало увеличение доли ручного труда, а в числе работников — женщин, детей и стариков. Разительные и негативные перемены произошли в аграрном секторе тех регионов, где активно использовалась сложная техника. Так, по данным, приведенным в монографии В. М. Рынкова и В. А. Ильиных, в сибирской деревне в 1920 г. плугов металлических было на 40%, сеялок — на 56%, молотилок — на 44% меньше, чем в 1917 г. Фабричные плуги стали заменяться самодельными сохами, косулями и сабанами. Их количество в расчете на 100 хозяйств увеличилось более чем в 2 раза (с 7,5 до 16)¹⁸². В Пензенской губернии число хозяйств, владевших плугами и другими усовершенствованными орудиями, в 1910—1917 гг. выросло с 8 до 23%, а к 1920 г. уменьшилось до 20%. К 1926 г. на 100 хозяйств приходилось лишь 16,35 плугов, а 32,1% хозяйств вообще не имели пропаханного инвентаря¹⁸³.

Отдельным сюжетом социальных бедствий военного лихолетья выступает непосредственный ущерб, нанесенный крестьянским хозяйствам, оказавшимся в зоне фронтов Гражданской войны. При этом, как считают исследователи, урон, нанесенный крестьянству белыми армиями при отступлении, не был масштабным и имел определенную локализацию. Гораздо более

значительными были потери от партизанского движения и действий Красной армии. Так, для покрытия подобных расходов в мае 1920 г. Сибревком выделил 95 млн руб., а реально к середине года израсходовали 395 млн руб.¹⁸⁴

Наряду с негативной, в годы Гражданской войны имела место позитивная динамика с точки зрения социального благополучия крестьянства. Она проявилась в мероприятиях советской государственной культурно-просветительской политики. По данным Наркомпроса, только за первый год советской власти в 20 центральных губерниях страны сеть начальных школ увеличилась на 3011, а число учащихся в них — на 204 382¹⁸⁵. Декрет СНК от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» обязал всех граждан в возрасте от 8 до 50 лет обучаться грамоте¹⁸⁶. В селах создавались даже крестьянские университеты. В них, наряду с русским языком и арифметикой, слушатели получали знания по естественным и общественным наукам. Было создано 30 национальных букварей на языках различных национальностей. Если к середине 1919 г. по 38 губерниям (302 уезда) насчитывалось 1124 волостных и 6915 сельских библиотек, не считая огромного числа изб-читален, то в 1920 г. в РСФСР в целом было открыто 13 909 сельских библиотек. В 9416 сельских библиотеках было зарегистрировано 1 027 809 читателей¹⁸⁷.

Массовая агитационно-пропагандистская работа в деревне в годы Гражданской

¹⁸² Рынков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. С. 190.

¹⁸³ Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: Традиции и перемены. М., 2009. С. 29—31.

¹⁸⁴ Рынков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. С. 195—196.

¹⁸⁵ Народный комиссариат по просвещению. 1917 — октябрь 1920. М., 1920. С. 31—32.

¹⁸⁶ Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1975. С. 50—51.

¹⁸⁷ История советского крестьянства: В 5 т. Т. 1. С. 198—199.

войны сопровождалась изданием газет, деятельностью различных агитпоездов и групп с показом кинохроники и фильмов, открытием изб-читален и т.д. К концу 1920 г. в РСФСР издавалось 580 сельских газет, в том числе 150 на национальных языках. Главной из них являлась газета «Беднота». В деревню поступило 750 тыс. грампластинок с речами В.И. Ленина «О крестьянах-середняках», «Что такое Советская власть» и др.¹⁸⁸

Тем не менее усилия советской власти по просвещению крестьянства в рассматриваемый период кардинально ситуацию не изменили. Например, по 23 центральным губерниям неграмотное взрослое сельское население (15—49 лет), охваченное системой ликбеа в 1920 г., составляло всего 4%. По отдельным губерниям этот показатель колебался от 0,3 (Вологодская, Орловская, Симбирская губернии) до 17,3% (Северо-Двинская губерния)¹⁸⁹. Ситуация еще более осложнилась в условиях голода 1921 г., когда из-за истощения, роста смертности, болезней, миграций сельского населения, недостатка бюджетных средств значительно сократилась сеть образовательных и культурно-просветительных учреждений в сельской местности. Многие школы переоборудовались под питательные пункты, содержание школ и клубов передавалось местному населению, что вело к неминуемому их закрытию¹⁹⁰.

Участие крестьянства — основной массы населения страны в Гражданской войне оказало важнейшее влияние на ее динамику и результаты. Деревня обеспечивала противоборствующие стороны людскими, продовольственными, сырьевыми и др. ресурсами. Мобилизованные крестьяне составляли большинство военнослужащих Красной

и белых армий. Из их среды выдвинулись ряд талантливых и успешных военачальников, впоследствии ставших маршалами Победы в Великой Отечественной войне.

Отношение крестьянства к тяготам Гражданской войны, политике противоборствующих сторон по принуждению их к несению этих тягот определялось двумя обстоятельствами. Первое — это традиционный крестьянский менталитет, основой которого является общинная психология, ориентация крестьянского хозяйства в своей деятельности к минимизации трудовых затрат и возложенных на них государственных повинностей. В годы Гражданской войны он проявился в антигосударственном настрое деревни, ее стремлении не участвовать в войне людскими и материальными ресурсами. Этот фактор объясняет феномен массового крестьянского движения на почве недовольства политикой советской власти и антибольшевистских правительств по принуждению крестьян к участию в войне. И в Советской России, и на подконтрольной большевикам территории в условиях кризиса промышленности и дефицита промышленных товаров и товаров первой необходимости, развала финансовой системы крестьяне не желали сдавать власти хлеб и другие продукты на невыгодных для них условиях. Кроме того, получив в результате революции землю, они рассчитывали сосредоточить все свои силы на ее обустройстве. Поэтому противоборствующие в Гражданской войне режимы столкнулись с проблемой нежелания воевать основной массы крестьян, что проявилось в их массовом дезертирстве из Красной и белых армий. При этом часть крестьян занимала иную позицию: как правило, представители бедноты вступали доб-

¹⁸⁸ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1977. Т. 8. С. 102.

¹⁸⁹ Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство. 1921—1927. М., 1983. С. 45.

¹⁹⁰ Багдасарян С. Д., Скорик А. П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: Досуг и повседневность в южнороссийской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск, 2012. С. 112—113; Томина Е. Ф. Развитие системы образования в Оренбургской губернии в 1921—1925 гг. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 5. С. 48.

ровольцами в Красную армию, а верхушка деревни — кулаки — в белые армии.

Акцентируя внимание на антигосударственном настрое крестьян в годы Гражданской войны в силу крестьянской психологии и других факторов, следует отметить, что он не объясняет в полной мере особенности поведения крестьян в различные периоды войны и в отдельных регионах. Здесь необходимо подчеркнуть второе обстоятельство, предопределившее отношение огромной массы крестьян к советской власти и Белому движению в годы войны.

В Европейской России и на Украине, эпицентрах бывшего помещичьего землевладения, советская власть законодательно утвердила свершившийся в 1917 г. «черный передел» частновладельческой земли на принципах уравнительности («по едокам»). Ничего подобного не было сделано правительствами белых режимов. Ни одно из них не могло дать крестьянам большего в вопросе о земле, чем дала советская власть. Это повлияло на поведение крестьян в критический для советской власти период — наступления деникинской армии на Москву, ассоциировавшейся, в том числе благодаря большевистской пропаганде, с армией бывших помещиков и капиталистов. В наиболее яркой форме неприятия Белого дела оно проявилось в действиях крестьянской повстанческой армии Махно, которая нанесла серьезные удары по тылам Деникина, ослабив тем самым наступательный порыв его армии. Точно так же крестьянское партизанское движение в Сибири стало серьезным фактором ослабления военного потенциала Колчака и под-

спорьем Красной армии в его разгроме. Таким образом, не только мобилизованные в ряды Красной армии крестьяне и добровольцы обеспечили победу красных над белыми, но и крестьянские повстанческие отряды в тылу Колчака и Деникина.

Этого нельзя сказать о Белом движении и других антибольшевистских режимах, в том числе в национальных районах. Крестьяне не проявили массового энтузиазма по их защите, потому что социальные вопросы, прежде всего вопрос о земле, оставались для них важнее, несмотря на активные попытки националистов поставить их под свои националистические знамена.

Гражданская война принесла российской деревне колоссальные демографические потери, заложила тенденцию деградации хозяйственного потенциала, способствовала формированию экстремальных практик повседневности, вызвала трансформацию социальной и политической идентичности, тиражирование девиантных и криминальных форм поведения. Но в вихре военных невзгод крестьянство проявило себя отнюдь не безучастной жертвой военно-коммунистического эксперимента. В ходе «черного передела», поддержанного большевистским аграрным законодательством, в результате массового крестьянского повстанческого движения, ускорившего введение в Советской России нэпа, пережившие суровые реалии военного лихолетья крестьяне воплотили в жизнь крестьянский идеал: право хозяйствования на своей земле. Именно при их активном участии и поддержке большевики победили в Гражданской войне своих политических противников.

РАБОЧИЕ
В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Историография.

Динамика численности рабочих в годы войны

Положение рабочих в годы Гражданской войны активно изучалось в отечественной историографии. До настоящего времени, несмотря на явную идеологизированность, сохраняют научную значимость исследования на эту тему таких видных советских историков, как Е. Г. Гимпельсон, В. З. Дробижева, А. Г. Егорова, Ю. И. Кирьянов и др.¹ Она определяется введенными в научный оборот достоверными источниками, которые показывают поддержку рабочими политики большевиков в годы Гражданской войны. Советские историки внесли значительный вклад в изучение таких аспектов проблемы, как политика советской власти в сфере трудовых отношений, участие рабочих в управленческих структурах советского государства («орабочивание» государственного аппарата), в строительстве Красной армии и осуществлении

продовольственной политики большевиков. Ими проанализирована динамика численности и социальная структура рабочих, развитие рабочих организаций, сделан аргументированный вывод о рабочем классе как основной социальной базе советской власти в годы Гражданской войны.

Современный этап в изучении положения рабочих в годы Гражданской войны характеризуется расширением тематики исследований проблемы и пересмотром ряда устоявшихся оценок советской историографии. Активно изучается повседневная жизнь рабочих, индивидуальные и коллективные стратегии социализации, самоорганизация рабочих в условиях кризиса экономики и государственности, их мотивация труда и политическое поведение, протестное движение на советских территориях и др. Продолжается изучение проблемы участия рабочих в управленче-

¹ См., напр.: Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: Политика, практика, идеология. М., 1973; Он же. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. Социально-политические измерения. М., 1974; Баевский Д. А. Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917—21). М., 1974; Дробижев В. З. Красногвардейская атака на капитал. М., 1976; История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 1: Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917—1920 гг. М., 1984; Кирьянов Ю. И. Трудовые конфликты в Советской России: 1918—1929. М., 1998; и др.

ских структурах советского государства². При этом исследователи корректируют выводы советских историков, указывая, что значительная часть рабочих осталась политически индифферентной к Октябрьской революции и мероприятиям советской власти³. Обоснован вывод о том, что курс на широкомасштабное «орачивание» государственного аппарата не удался из-за низкого образовательного и культурного уровня рабочих⁴. Одним из успехов в современном изучении рабочей истории периода Гражданской войны является освещение проблемы эволюции системы рабочего контроля и прежде всего фабрично-заводских комитетов (ФЗК) в до- и послеоктябрьский период⁵. Также

предприняты успешные попытки сравнительного анализа рабочей политики красного и белого лагерей⁶. В современной российской историографии раскрываются причины, по которым рабочие поддерживали большевиков в Гражданской войне, и почему взаимодействие партии и рабочего класса оставалось устойчивым, несмотря на периодические кризисы и антибольшевистские настроения в различных промышленных центрах⁷.

В зарубежной историографии интерес к истории рабочих и рабочего движения в России в 1917 г. и в годы Гражданской войны традиционно устойчив⁸. В центре внимания проблема взаимоотношений власти и рабочих России в указанный период⁹.

² См., напр.: *Киселев А. Ф.* Профсоюзы и советское государство: Дискуссии 1917—1920 годов. М., 1991; *Голдин В. И.* Россия в Гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000; *Федоров А. Н.* Реальная опора Советской власти: Социально-демографические характеристики городского населения России в 1917—1920 годах (на материалах Центрального Промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 1. С. 69—86; Гражданская война в России: Взгляд через 100 лет: Проблемы истории и историографии. СПб., 2018; *Бородкин Л. И., Сафонова Е. И.* Трудовые отношения в текстильной промышленности в годы «военного коммунизма»: Реалии «теряющих свою цену производств» // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1—3 октября 1918 г.) М., 2018. С. 58—62; *Леонов С. В.* Гражданская война в России: Сущность, периодизация, особенности // Российская история. 2019. № 1. С. 24—36; и др.

³ *Яров С. В.* Конформизм в Советской России: Петроград в 1917—1920-х годов. СПб., 2006.

⁴ *Гимпельсон Е. Г.* Советские управленцы. 1920-е годы: (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001.

⁵ *Чураков Д. О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 годы. М., 2004. С. 24—27, 57; *Он же.* Рабочий класс и его партия в годы Гражданской войны в России: Противоречия, компромиссы, союз // ЛОКУС: Люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 63—77.

⁶ *Фельдман М. А.* К вопросу о социальной политике Советской республики и белого лагеря в сфере труда в 1918—1920 гг. // Экономическая история. 2011. № 3. С. 17—26; *Рышков В. М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918—1919 г.). Новосибирск, 2008; *Поршнева О. С., Фельдман М. А.* Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: Проблема взаимоотношений: Очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2013. С. 197—216; и др.

⁷ См.: *Чураков Д. О.* Рабочий класс и его партия в годы Гражданской войны в России: Противоречия, компромиссы, союз. С. 63—77; и др.

⁸ См. подробнее: *Новикова Л. Г.* Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 144; *Поршнева О. С.* Западная историография о проблемах взаимоотношений власти и рабочих в условиях гражданской войны // Гражданская война на Востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.): Сб. материалов Всероссийской науч. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2019. С. 32—40.

⁹ См.: *Party, state, and society in the Russian civil war: Explorations in social history.* Bloomington, 1989; *Rosenberg W.* Russian Labor and Bolshevik Power after October // *Slavic Review.* 1985. Vol. 44. No. 2. P. 213—238; *War and Mass Politics. 1905—1925.* Dekalb, 2003.

Особый акцент в изучении данной проблемы зарубежные исследователи делают на такие аспекты, как антибольшевистские забастовки и протесты рабочих¹⁰, положение рабочих на территории белых правительств¹¹ и др.

Великая российская революция и начавшаяся Гражданская война как ее продолжение решающим образом изменили положение рабочих. Прежде всего за годы войны изменилась их численность, произошли перемены в социальном составе. К началу войны рабочих на предприятиях, подчиненных фабричной и горной инспекции, насчитывалось 3,6 млн, а всего их численность в данный период составляла 15 млн человек¹². Значительная часть кадровых рабочих была призвана на фронт, на их рабочие места пришла молодежь из деревни и частично — из средних городских слоев.

В годы Гражданской войны изменились облик, структура и вес в обществе рабочего класса. Прежде всего его общая численность не росла, а сокращалась из-за перебоев в снабжении продовольствием, мобилизаций в армии противоборствующих сторон, ухода тысяч рабочих промышленных центров в продотряды, на работу в госаппарат, бегств в деревню от голода т.д. Главной же причиной было сокращение рабочих мест как результат углубляющегося кризиса промышленности и транспорта. В целом по стране численность рабочего класса фабрично-заводской и горнозаводской промышленности за годы Гражданской войны сократилась вдвое и изменялась следующим образом: 1917 г. — 3,6 млн,

1918 г. — 2,5 млн, 1920 г. — 1,5 млн. При этом половина потерь — 1,1 млн рабочих — пришлось на период до осени 1918 г. С конца 1918 г. и до конца 1919 г. численность рабочих уменьшилась еще на 1,1 млн человек. Дальнейшее небольшое сокращение в первой половине 1920 г. было полностью компенсировано притоком рабочих в промышленность в последние месяцы года¹³. Особенно резко, по сравнению с 1913 г., уменьшилась численность сельскохозяйственных рабочих — с 6,5 млн до 1 млн человек, но снижалось количество и промышленных рабочих, составив к 1920 г. 1,5 млн человек, т.е. всего 41% от дореволюционных показателей или около 50% от довоенных¹⁴.

Наиболее заметное сокращение (почти в четыре раза: с 404 тыс. до 102 тыс.) коснулось рабочих заводов и фабрик Петрограда — города с наиболее развитыми предприятиями машиностроения и металлообработки России. Из 250 тыс. металлостроителей, работавших на предприятиях города в начале 1917 г., к январю 1919 г. осталось лишь 55 тыс.¹⁵ Обусловленность этого явления проявилась не только в том, что отряд столичных рабочих, наиболее активно поддержавший Октябрьский переворот, понес наибольшие потери в вооруженных столкновениях в послереволюционный период. Главной причиной столь масштабного сокращения стали издержки подхода большевистского руководства к проведению демобилизации промышленности «северной столицы» (глобального процесса для милитаризованной индустрии России):

¹⁰ См.: Fitzpatrick Sh. The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture, and Politics in the Early Soviet Years // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47. No. 4. P. 599—613; Suny R. Class and State in the Early Soviet Period: A Reply to Sheila Fitzpatrick // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47. No. 4. P. 614—619.

¹¹ См., напр.: Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987.

¹² Чураков Д. О. Рабочий класс и его партия в годы Гражданской войны в России: Противоречия, компромиссы, союз. С. 67.

¹³ Гиппельсон А. Г. О численности промышленных рабочих Советской республики в годы Гражданской войны (1918—1920) // *История СССР*. 1972. № 1. С. 72—85.

¹⁴ Гиппельсон Е. Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг.: Социально-политические измерения. С. 80.

¹⁵ Материалы по статистике труда. Вып. 5. Пг., 1919. С. 33.

из почти двух миллионов рабочих, занятых на предприятиях, выполнявших военные заказы, 300 тыс. работали в Петрограде¹⁶.

В рассматриваемый период крупные предприятия, например, Сормовский, Коломенский и Путиловский заводы, потеряли более половины от довоенного количества занятых на них. Произошло резкое сокращение количества текстильщиков, но при этом возросло количество железнодорожных рабочих до 1,2 млн человек. Также несколько увеличилось число рабочих небольших и средних предприятий, с числом занятых на них от 20 до 500 человек¹⁷. Данные факты свидетельствовали о депопуляции городов и поселков городского типа, разрушении промышленной инфраструктуры. При этом обратная картина наблюдалась на ведущих оборонных предприятиях, таких как Ижевский и Тульский оружейные заводы, где количество занятых даже возрастало, при общем сокращении

численности рабочих ценовой промышленности. Рост рабочей силы зафиксирован в таких отраслях, работавших на оборону, как кожевенная, обувная, швейная.

В годы Гражданской войны, несмотря на увольнение с предприятий промышленности преимущественно неквалифицированных рабочих, проведения сплошных профессиональных общероссийских и дополнительных губернских мобилизаций, привлечения в порядке всеобщей трудовой повинности рабочих определенных специальностей, значительные количественные потери и т.п., коллективы крупных промышленных предприятий Советской России сохранили костяк квалифицированных рабочих кадров¹⁸. Этот факт следует рассматривать как один из важнейших факторов, обусловивших победу красного лагеря, поскольку ориентированная на фронт промышленность благодаря этому успешно работала все годы войны.

Рабочая политика советской власти и положение рабочих

Осенью 1918 г. для большевистского руководства стали очевидны факты истощения имевшегося управленческого потенциала рабочего контроля, а также необходимости дальнейшей жесткой централизации экономики в связи с начавшейся фронтовой Гражданской войной. Был взят курс на дальнейшую национализацию промышленных предприятий и целых отраслей народного хозяйства. В конце 1918 г. органы рабочего контроля передали свои функции ВСНХ, который стал осуществлять общее управление всей промышленностью РСФСР в годы войны.

Именно война и усиленный ею экономический кризис, необходимость победы

с помощью мобилизации всех ресурсов решающим образом определяли рабочую политику противоборствующих сторон, влиявшую, как и сама война, на положение рабочих, их трудовую активность.

На советских территориях сравнительно более мощная экономика и ресурсная база позволили проводить более гибкую политику в сфере стимулирования труда, в том числе в сфере его оплаты. Основные принципы большевистской политики в области трудовых отношений были заложены в советском трудовом законодательстве. К важнейшим нормам, закрепленным этим законодательством, относились: введение 8-часового рабочего дня, расширение мер

¹⁶ Потехин М. Н. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966. С. 238.

¹⁷ Чураков Д. О. Рабочий класс и его партия в годы Гражданской войны в России: Противоречия, компромиссы, союз. С. 67.

¹⁸ См. подробнее: Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970.

по социальному страхованию, пенсионному обеспечению, охране труда и др. Менее чем за год, с 17 декабря 1917 г. по 12 ноября 1918 г., на эту тему было принято более 60 декретов и постановлений ВЦИК и СНК, в том числе регулирующих заработную плату работников. Впервые в мировой практике специальным постановлением СНК рабочие получили право на двухнедельный оплачиваемый отпуск. Основные принципы трудового права были закреплены Конституцией РСФСР 1918 г.¹⁹ Советское правительство делало ставку на поощрение честного и продуктивного труда. Наибольшее внимание уделялось квалифицированным рабочим (в особенности оборонных предприятий) и железнодорожникам. При остановке работы предприятий сокращению в первую очередь подлежали члены трудовых коллективов, недавно пришедшие в город и имеющие собственность в деревне. В свою очередь, наиболее квалифицированные кадры закрывавшихся предприятий местные власти стремились трудоустроить на еще действующие. Предпринимались попытки сохранить связь между качеством и количеством труда, с одной стороны, и размером его оплаты, с другой. С этой целью применялись такие формы, как сдельная оплата (сдельщина), премирование и др.²⁰

Важным направлением рабочей политики большевиков в годы Гражданской войны была жилищная политика. В условиях «военного коммунизма» была отменена плата рабочих за жилье и транспорт. В рамках государственной поддержки рабочие обеспечивались жильем за счет площадей, изъятых у прежних владельцев, — так на-

зываемых эксплуататорских классов. Например, в Петрограде, по далеко неполным данным, с ноября 1918 по сентябрь 1919 г. в благоустроенные квартиры были переселены 30 тыс. рабочих. В 1918 г. в Москве после переселения 20 тыс. рабочих в благоустроенные дома (и выселения с указанной жилплощади 3197 человек из семей, отнесенных к «буржуазии») процесс уплотнения продолжался²¹. К концу 1921 г. 94 тыс. московских рабочих и членов их семей смогли улучшить свои жилищные условия. Две трети из них заселили 471 дом-коммуна, возникшую в реквизированных бывших особняках. В большинстве случаев речь шла о вселении семьи рабочего в часть комнаты, реже — в комнату²².

На подконтрольной большевикам территории рабочие дополнительно снабжались топливом, одеждой, средствами личной гигиены. Пока наличие ресурсов позволяло, властные органы стремились сохранить систему, поощрявшую качественный труд. По введенной в 1919 г. по предложению ВЦСПС тарифной сетке оплата работников низшего разряда была почти вдвое ниже, чем у работников высшего разряда. Но уравнилельные тенденции все же возобладали в условиях углубления экономического кризиса. Обесценивание рубля привело к тому, что важнейшее место в оплате труда приобрели натуральные выплаты, которые усреднялись для всех категорий рабочих. Связь между оплатой и результатами труда нарушалась. При этом происходило сокращение реальной стоимости денежной части заработной платы советского рабочего. За 1917—1921 гг. это сокращение выражалось следующими

¹⁹ Труд признавался обязанностью всех граждан Республики и провозглашался лозунг: «Нетрудящийся да не ест!»

²⁰ Чураков Д. О. Рабочий класс и его партия в годы Гражданской войны в России: Противоречия, компромиссы, союз. С. 74.

²¹ Гимпельсон Е. Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг.: Социально-политическое измерение. М., 1974. С. 275—277.

²² Кузнецова Т. В. К вопросу о путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1963. № 5. С. 143, 146—147.

цифрами: денежная часть заработной платы составила в 1918 г. — 20%, в 1919 г. — 5,9%, в 1920 г. — 2,1% и в 1921 г. — 4,1% от уровня 1913 г. При сокращении за период с 1 ноября 1917 по 1 июля 1921 г. реальной ценности денежной массы в 66 раз, реальная стоимость заработной платы уменьшилась «только» в три раза²³. К концу 1920 г. заработная плата московских рабочих по сравнению с 1913 г. увеличилась в 400 раз, а цены (рыночные) на предметы потребления в 20 тыс. раз. В среднем по РСФСР покупательная способность номинальной заработной платы по сравнению с довоенным уровнем упала почти в 50 раз (с 23,6 рубля в 1913 до 0,49 коп. в 1920 г.). В этих условиях оплата по тарифным ставкам не могла обеспечить даже минимальные потребности рабочих и служащих. Выходом из положения явилось натуральное снабжение предметами потребления (натуральными пайками) — хлебом, сахаром, солью, одеждой и т.д. Повсеместная отмена денежной оплаты трудового продовольственного пайка на предприятиях РСФСР произошла в апреле 1920 г.²⁴ Соотношение между денежной и натуральной частью заработной платы фабрично-заводских рабочих к 1920 г. было следующим: натуральная часть (продовольственные пайки, производственная одежда, коммунальные услуги и пр.) — 92,6%, денежная — 7,4%. В 1918 г. соответственно эти показатели равнялись 47,4 и 52,6 процентам.

В годы Гражданской войны происходит натурализация заработной платы, т.е. выдача рабочим по карточкам продовольственных пайков, наряду с обесценившимися деньгами по «классовому принципу»²⁵. При этом рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, получали в 4 раза больше

продовольствия, чем представители групп населения, отнесенных к так называемым «свергнутым классам». Профессиональный срез пайковой системы говорил о приоритете рабочих, занятых тяжелым физическим трудом либо трудившихся на вредных для здоровья производствах. Очевиден и отраслевой аспект проблемы: предпочтение гарантированного снабжения пайками отдавалось предприятиям, производившим военную продукцию.

Во второй половине 1918 г. по району Центральной России на красноармейский паек было переведено 250 предприятий с общим числом рабочих 247 140 человек. Совет Обороны постановлением от 23 октября 1919 г. ввел прогрессивные премии за выработку выше нормы (исходя из месячной выработки). Устанавливалась выдача премий продовольствием за высокую производительность труда. IX съезд РКП(б) (март—апрель 1920 г.) дал директиву проводить в продовольственном снабжении принцип преимущественного обеспечения и материального стимулирования прилежных рабочих. По решению съезда на предприятиях вводились дополнительные пайки для ударников за счет сверхплановой продукции. Для натурального премирования в 1920 г. были созданы полумиллионный продовольственный и промтоварный фонды. В утвержденном СНК 23 октября 1920 г. «Временном положении о натуральном премировании» указывалось, что премирование вводилось с целью увеличения производительности на предприятиях и основывалось на личной интенсивности работников в выполнении производственной программы. При выполнении предприятием производственной программы на 100% выдавалось 40% причитающегося полно-

²³ Ильяхов А. А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007. С. 72, 75, 78.

²⁴ Белоусов В. Д., Бирюков В. А. Попытка отмены денег в годы военного коммунизма // Вестник Московского ун-та. Сер. 6: Экономика. 2012. № 2. С. 28.

²⁵ Ильяхов А. А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. С. 97.

го фонда премирования; на 175% — 85%; на 200% — весь фонд²⁶.

Важным событием процесса закрепления на производстве рабочих кадров промышленности стало расширение массива работников «бронированных предприятий», получавших усиленный паек: с 120 тыс. с декабря 1919 до 172 тыс. в декабре 1920 г.²⁷ В реальности это означало бронирование большинства работников не только оборонных, но и вообще работающих предприятий крупной промышленности. За подобным увеличением просматривается вектор продовольственной политики: любым способом обеспечить коллективы оборонных предприятий хлебом ценой беспощадных продразверсток.

Равенство пайков рабочих однородных предприятий сводило на нет отличия в оплате труда в зависимости от квалификации и качества работы. Пайковое снабжение рабочих в Советской Республике в 1919—1920 гг. эволюционировало в сторону медленного увеличения удельного веса потребляемого рабочими по карточкам продовольствия. Так, по данным ЦСУ РСФСР, если в декабре 1919 г. рабочие 44,8% потребляемого продовольствия получили по карточкам (остальная часть продуктов приобреталась на рынке по коммерческим ценам), то в мае 1920 г. на карточки пришлось уже 63,3%²⁸. Если во второй половине 1919 г. рабочие получали 20—80% хлеба, положенного по карточкам, то в 1920 г. — 85—100%²⁹. Разрушение рынка товаров и продуктов оберну-

лось тем, что на свою зарплату в 1920 г. на рынке рабочий мог приобрести только 1/10 часть пищевого рациона. Натурализация заработной платы рабочих достигла своего предела в 1920 г., когда натуральные выдачи составили 93% от стоимости заработной платы³⁰.

Гражданская война тяжело сказалась на материальном положении рабочих в Советской России. По данным советской статистики, в довоенное время на каждого рабочего приходилось 3820 калорий. В 1919—1920 гг. рабочий получал в день в среднем 2830 калорий, в январе 1920 г. — 41%, а в январе 1921 г. — 28% от нормы³¹. Даже в Петрограде в мае 1918 г., при биологической норме в 3000 калорий, средний паек в 1940—2100 калорий получали две трети рабочих. Достаточный для нормального питания паек в 3600 калорий получал всего один процент рабочих. Проведенное осенью 1918 г. бюджетное обследование питания населения (в основном рабочих) в 40 городах России установило практически ту же картину — в среднем паек рабочего не превышал 2680 калорий³².

Карточное снабжение, мизерные размеры натурализованной заработной платы породили на предприятиях огромный объем хищений и коррупции. У рабочих, оставшихся на производстве, в семейном бюджете, по официальным данным советских органов, выросла доля «нелегальных» и «полулегальных» доходов (за счет продажи на черном рынке продукции своих

²⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. № 92. Ст. 497.

²⁷ Шиловцев А. В. Из истории продовольственной политики на Урале в годы Гражданской войны (июль 1919—1920 г.) // Проблемы экономической истории Урала: Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2004. С. 24—26, 32.

²⁸ Труды ЦСУ. Т. 8. Вып. 1. М., 1921. С. 24, 32—33.

²⁹ Годовой отчет Промышленного бюро Президиума ВСНХ на Урале за 1920 г. Екатеринбург, 1921. С. 83—84. Данные по Екатеринбургской губернии.

³⁰ Там же. С. 39—40, 111.

³¹ Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. Материально-бытовое положение железнодорожников Поволжья в первые годы нэпа (1921—1922) // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 753.

³² Ильихов А. А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. С. 39, 40, 044.

предприятий, мешочничества и т.п.). Одним из основных источников пропитания рабочих становились хищение имущества с предприятий и нелегальное изготовление предметов потребления в рабочее время. Так, в 1918 г. доходы от хищений, выделения зажигалок и т.п. составляли 15% заработка, в 1919 г. — 20%, в 1920 г. — 19%. Воровство из уголовного преступления стало превращаться в средство поддержания жизни. В целом «левые» доходы, т.е. получаемые на заводе неофициально, достигали до половины потребления рабочих в годы Гражданской войны³³. Для борьбы с ними администрациями предприятий в практику были введены систематические личные обыски уходящих с работы рабочих. В годы Гражданской войны на почве недовольства рабочих размерами натуральной заработной платы на предприятиях имели место многочисленные забастовки (особенно в начале 1921 г.).

Поскольку степень удовлетворения потребностей рабочих продовольственными и промышленными товарами была низкой, советские органы вынуждены были официально разрешить самообеспечение жителям городов. В результате к концу Гражданской войны в среднем 94% дохода семей рабочих не имело связи с трудовой деятельностью³⁴. В среднем за год, с июля 1918 по июль 1919 г., жители городов Советской России получили по карточкам лишь 37,7% потребности хлеба. Две трети потребляемой массы хлеба за 1919—1920 гг. в города привезли мешочники³⁵.

В ряде регионов важным источником продовольственного обеспечения рабочих семей в годы Гражданской войны являлось личное хозяйство. Например, рабочие Урала (и при советской власти, и при белых правительствах) от своего личного хозяйства получали 30—50% потребляемых продуктов³⁶.

Закрытие предприятий, экономический кризис, тяжелое продовольственное положение, военные действия обусловили отток из промышленности значительной массы рабочих. В советской литературе приводились сведения о 55—76% рабочих, покинувших свои предприятия в годы войны³⁷. В действительности, сравнение численности рабочих цензовой промышленности за 1917 г. — 3,6 млн чел. и за 1920 г. — 1,5 млн чел.³⁸ позволяет сделать уточняющий вывод об уходе с предприятий примерно 3/5 промышленного пролетариата (58%). Эти данные советскими историками рассматривались как доказательство политической активности рабочих в формировании Красной армии. Но это не так, поскольку только менее четверти рабочих, оставивших промышленные предприятия, оказались в рядах Красной армии (460 тыс. из 2,1 млн человек). Фактором сокращения численности рабочих Советской России, наряду с указанными, была и безработица. Например, к 10 апреля 1918 г. на ее территории было зарегистрировано на биржах труда 324 тыс. безработных, а всего в 1918 г. — 1 512 455 чел., из которых только половина безработных (757 539 чел.) были трудоустроены³⁹.

³³ *Ильяхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917—1941 гг. М., 2010. С. 30.

³⁴ *Ильяхов А. А.* Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. С. 79—81.

³⁵ *Ильяхов А. А.* Трудовые отношения в годы Гражданской войны: Доктрины и реальность // *Гражданская война в России*. М., 2002. С. 559.

³⁶ Подсчитано по: *Бюджеты рабочих и служащих*. Вып. 1: Бюджет рабочей семьи в 1922—1927 гг. М., 1929. С. 24—25.

³⁷ *Рашии А. Г.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930. С. 12, 14.

³⁸ *Гимпельсон Е. Г.* Советский рабочий класс. 1918—1920 гг.: Социально-политические изменения. С. 80.

³⁹ *Суворов К. И.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917—1930). М., 1968. С. 45.

В силу этого акцент в политике на рынке труда был сделан на перераспределение квалифицированной рабочей силы между отраслями промышленности и экономическими районами. Меры директивного, военно-мобилизационного характера стали преобладающими. К ним следует отнести: возвращение из Красной армии квалифицированных рабочих; использование труда военнопленных; проведение мероприятий по привлечению из деревни рабочих, оставших производством; переброску эвакуированных рабочих из районов, занятых белыми; проведение трудовых мобилизаций по профессиям и предприятиям.

Наиболее регулируемым каналом перераспределения стала демобилизация из рядов Красной армии специалистов и квалифицированных рабочих, с последующим направлением на оборонные заводы. Например, в последние месяцы 1919 г. и в начале 1920 г. оборонные заводы получили 10 тыс. квалифицированных рабочих (вместо необходимых, по представленным в Промвоенсовет требованиям, 38 тыс. человек). Если учесть, что общая заявка 34 Главков на 1920 г. требовала почти полмиллиона рабочих, в том числе 125 тыс. квалифицированных и 366 тыс. неквалифицированных⁴⁰ — очевидна

ограниченность ресурсов централизованного распределения рабочей силы. При затухании рыночных регуляторов характерной чертой эволюции трудовых отношений и положения рабочих стало расширение в 1920 г. сферы милитаризации труда, в которой можно выделить меры институционального характера: создание межведомственной комиссии по отсрочкам от призыва в армию и отзыву из вооруженных сил квалифицированных рабочих; создание подотделов учета рабочей силы (вместо бирж труда); введение трудовых книжек; всеобщей трудовой повинности, милитаризации предприятий; появление трудовой армии.

Доля квалифицированных работников в составе промышленных рабочих Советской республики к началу 1920-х гг. составляла 40%⁴¹, не уступая предвоенному показателю, но масштаб сокращения массива занятых в индустрии России носил (кроме военных заводов) столь катастрофический характер, что ставил под угрозу существование промышленности и государства. В. И. Ленин неоднократно писал о деклассировании рабочих, однако угрожающие тенденции относил прежде всего к полупролетарским и мелкобуржуазным слоям в рабочем социуме⁴².

Рабочие организации

Рабочий класс Советской России — «пролетариат», от имени которого выступали большевики, рассматривался ими в качестве основной социальной базы государственного строительства, а также при проведении экономической политики и защите революционных завоеваний на фронтах Гражданской войны. Для этого исполь-

зовались возникшие еще до установления в стране советской власти рабочие организации.

Наиболее массовой и авторитетной среди них были фабрично-заводские комитеты и профсоюзы, ставшие еще в дореволюционный период, и особенно в 1917 г., органами рабочей самоорганизации, зримым

⁴⁰ Гильберт М. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы Гражданской войны // История пролетариата. 1935. № 1. С. 152—153.

⁴¹ Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов. М., 1979. С. 24.

⁴² См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 42.

воплощением процесса, охватившего все группы населения страны, который может быть назван «революцией самоуправления». После Февраля 1917 г. система трудового самоуправления на промышленных предприятиях организационно формировалась в виде фабрично-заводских комитетов (ФЗК). К концу 1917 г. фабзавкомы было охвачено 87% средних и 92% крупных предприятий, действовал Центральный совет фабрично-заводских комитетов. До установления советской власти они контролировали не большинство предприятий, как об этом указывали советские историки⁴³, а лишь около четверти из общего их числа⁴⁴. Половина всех ФЗК, возникших с февраля по октябрь 1917 г. (1070 из 2151), приходилась на две наиболее столичные губернии: Московскую и Петроградскую. В этих губерниях к октябрю 1917 г. ФЗК существовали на 40% промышленных предприятий, а в провинциальных губерниях — только на каждом седьмом предприятии.

Фабрично-заводские комитеты содействовали захвату власти большевиками и ее защите в первые месяцы существования. К осени 1918 г. ФЗК действовали уже на 48,1% промышленных предприятий России. Общая численность членов ФЗК была невелика, составляя к осени 1918 г. 4398 человек⁴⁵. Данный факт свидетельствовал о незначительности «наиболее активной части пролетариата», поверивших в способность самих рабочих управлять производством.

К середине 1917 г. в России было организовано около 2 тыс. профсоюзов, которые объединяли 2,5 млн человек и имели руководящие территориальные и отраслевые органы (Петроградский совет профес-

сиональных союзов, профсоюз железнодорожных рабочих и служащих — Викжель и др.). С августа 1917 г. происходил процесс перехода профсоюзов и фабрично-заводских комитетов (ФЗК) под контроль большевиков. Решением Первого съезда профсоюзов (7—14 января 1918 г.) фабзавкомы вошли в подчинение профсоюзам, подконтрольным большевикам. Это означало огосударствление рабочих организаций, их полное подчинение советской бюрократии. В марте 1918 г. руководство ФЗК было распущено большевиками⁴⁶. В годы Гражданской войны советские рабочие профсоюзы, руководимые ВЦСПС, так же как и фабзавкомы, являлись частью системы государственного управления промышленностью и транспорта и занимались различными народнохозяйственными вопросами: организацией производства, регистрацией и распределением рабочей силы, проведением трудовой повинности, укреплением трудовой дисциплины (товарищеские суды и т.п.), организацией коммунистических субботников и т.д.

В конце 1917 и в начале 1918 г. активная часть рабочих, организованных в фабзавкомы и профсоюзы, приняла участие в осуществлении на практике большевистской политики национализации промышленности — «красногвардейской атаке на капитал». Ее инструментом стал уже упомянутый декрет ВЦИК и СНК о рабочем контроле от 14 (27) ноября 1917 г.⁴⁷

Согласно декрету, рабочий контроль над производством, куплей, распределением и продажей продуктов и сырых материалов, хранением их и финансовой стороной деятельности предприятий вводился в интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных,

⁴³ Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970. С. 375.

⁴⁴ Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности: (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.). М., 1966. С. 46—50.

⁴⁵ Там же. С. 54, 56.

⁴⁶ Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С. 128, 131, 148—150.

⁴⁷ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 78—85.

торговых, банковских, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных предприятиях с наемными рабочими. Контроль осуществлялся всеми рабочими предприятия через выборные рабочие организации (фабзавкомы, советы старост и т. п.). Одновременно они являлись органами местных Советов рабочих депутатов. В Петрограде был создан Всероссийский совет рабочего контроля из представителей соответствующих организаций.

Органы рабочего контроля на предприятиях устанавливали наблюдение над всеми сторонами работы предприятия, коммерческая тайна отменялась, их решения были обязательны для владельца. По данным Всероссийской промышленной переписи 1918 г., к середине 1918 г. специальные контрольные органы действовали на 70,5% предприятий с числом рабочих свыше 200.

Деятельность органов рабочего контроля способствовала активизации процесса национализации промышленных и других предприятий в период так называемой Красногвардейской атаки на капитал (ноябрь 1917 г. — март 1918 г.), когда национализация осуществлялась не только сверху — по декретам СНК и ВЦИК, но и непосредственно рабочими по инициативе фабзавкомов в связи с местными обстоятельствами и условиями, например, саботаж предпринимателей, локауты и пр. (Ликинская мануфактура А. В. Смирнова в г. Ликино-Дулево Московской губернии, Невский судостроительный завод в Петрограде и др.).

Введение рабочего контроля и начавшаяся национализация в виде «красногвардейской атаки на капитал» в первые месяцы советской власти объяснялись несомненным идеализмом большевиков, полагавших, что трудящиеся массы, прежде все-

го пролетариат, окажутся способными управлять экономикой и государством⁴⁸. Но рабочий класс и проводимая при его активном участии «красногвардейская атака на капитал» не оправдали надежд большевиков. С точки зрения экономической эффективности, ФЗК демонстрировали очевидную неподготовленность к управлению производством⁴⁹. На практике декрет о рабочем контроле на частных и национализированных предприятиях, отдавший их рабочим комитетам в управление, привел к тому, что рабочие коллективы в первую очередь решали свои материальные проблемы, «проедали» финансовые счета предприятий, особо не заботясь о судьбе производства⁵⁰. Имели место случаи сговора фабзавкомов с администрацией и бывшими владельцами предприятий с целью выкачки капитала со счетов предприятий из национализированных советских банков для личных нужд. Налицо были и такие издержки рабочего контроля, как падение производства, отток из промышленности квалифицированных управленцев и кадров специалистов, закрытие предприятий.

Характерен пример Урала: национализация коснулась в первую очередь горнозаводских округов, где в годы Первой мировой войны произошло резкое обострение трудовых отношений. Так, на территории первенца большевистской национализации — Богословского горнозаводского округа — в июле 1917 г. рабочими была устранена значительная часть администрации заводов Богословского горнозаводского округа, в том числе почти все начальники цехов и директор крупнейшего на Урале Надеждинского завода⁵¹.

Сказалось и резкое неприятие декрета ВЦИК и СНК о рабочем контроле Советом съезда горнопромышленников Урала.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27, 46, 199, 276; Т. 36. С. 64.

⁴⁹ Чуриков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. С. 122—123, 130, 143.

⁵⁰ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997. С. 57.

⁵¹ Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Т. 2. Свердловск, 1927. С. 11—17.

В ответ на требование признания рабочего контроля с рядом контрольных и даже распорядительных функций им было принято решение закрывать предприятия⁵². Очевидно, что возможности переговорного процесса горнопромышленниками были использованы не до конца, а двухсторонний радикализм ускорил последующую национализацию. Однако основная часть вины ложится на леворадикальные силы. Показательно, что 2 декабря 1917 г., всего через две недели после Декрета о рабочем контроле, Декрет об организации Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ) предусматривал переход от рабочего контроля к управлению национализированным производством.

В ходе национализации промышленно-сти административные методы явно преобладали. Из современников событий картину возникшего в первые месяцы 1918 г. экономического хаоса наиболее ярко выразил председатель Центрального совета фабзавкомов Урала А. А. Андреев: «Мы зачастую видим, что каждый завод или каждое предприятие существуют совершенно самостоятельно, регулируя производство, как ему заблагорассудится. [...] Вся эта бессистемность наносит громаднейший вред народному хозяйству»⁵³.

Но подобные выступления только обобщали мнение пострадавших от национализации. Категоричными оказались выступления рабочих крупнейшего на Урале Надеждинского завода, делегатов Первого съезда представителей бывших казенных и национализированных предприятий Урала (съезд проходил в Екатеринбурге с 4 по 10 января 1918 г.). Результатом национализации стали «остановка производства, голод и паническое бегство рабочих с пред-

приятий Богословского горнозаводского округа»⁵⁴.

Понимание неэффективности проведенной национализации нашло отражение в материалах Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства (25 мая — 4 июня 1918 г.), например, в докладе В. Н. Андронникова, комиссара производства областного Совета Уральской области, отметившего: «Национализировать-то его (Богословский округ) национализировали, а денег-то на это не дали [...] и рабочим пришлось пережить такой период, когда деньги не выплачивали совершенно, продовольствия покупать было не на что, и в этом округе в декабре и январе, благодаря нехватке хлеба и денег, вымерла половина детей, развился голодный тиф»⁵⁵.

В такой ситуации все решения и усилия, направленные на проведение в жизнь тарифного договора и соблюдение строгого нормирования труда в первые месяцы 1918 г., не имели почвы для реализации в условиях милитаризации труда и обесценивания денег.

В то же время реалии Гражданской войны показали, что управлять промышленностью в годы Гражданской войны оказалось возможным только при непосредственном участии буржуазных специалистов. Горстка рабочих-фабзавкомовцев в составе ВСНХ хотя и занимала ряд руководящих постов, но фактически полностью зависела от знаний инженерно-технической персонала. Практика уже первого года советской власти показала всю ограниченность возможностей стремительного «орабочивания» управленческих структур. Так, в центральном государственном аппарате РСФСР к осени 1918 г. в число

⁵² Абрамовский А. П., Буданов А. В. Горные округа Южного Урала в 1917—1918 гг. Челябинск, 2008. С. 78.

⁵³ История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 1. М., 1976. С. 150.

⁵⁴ Государственный архив Свердловской области. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 24—27, 32.

⁵⁵ Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 25 мая — 4 июня 1918 г. М., 1918. С. 220.

12268 служащих — непосредственно с заводов и фабрик вошли только 563 человека (4,3%)⁵⁶. Годы войны только подтвердили эту тенденцию. Из 10650 работников ВСНХ (по переписи служащих советского государственного аппарата 1922 г., т.е. на пятом году советской власти) рабочих насчитывалось всего 2,8%⁵⁷.

Важнейшим направлением деятельности профсоюзов было участие в продовольственной работе: через Центральное военно-продовольственное бюро ВЦСПС, организацию продовольственных отрядов. В январе 1919 г. на Втором Всероссийском съезде профсоюзов был окончательно закреплён производственный принцип организационного строения и было создано 30 укрупненных профсоюзов, среди которых крупнейшими были: текстильщиков (711 тыс. человек), железнодорожников (450 тыс. человек), металлистов (свыше 400 тыс. человек) и др. В апреле 1919 г. в общероссийский профсоюз вошли профсоюзы Украины, Белоруссии и Литвы, а в июле — Туркестана. Руководство профсоюзами между их съездами осуществлял ВЦСПС. В 1921 г. в Советской Республике насчитывалось 23 профсоюза с числом членов более 6 млн человек. Некоторые крупные профсоюзы и их структуры лишь в начальный период существования большевистской власти предприняли безуспешные попытки борьбы с ней, не получив широкой поддержки рабочих (саботаж Викжеля, организация рабочих митингов и демонстраций в связи с разгоном Учредительного собрания и др.).

Последующие шаги профсоюзного движения в Советской Республике лишь уточ-

няли и регламентировали функции союзов рабочих в качестве подчиненных структур. Так, в резолюции о рабочем и государственном контроле Второго Всероссийского съезда совнаркозов (декабрь 1918 г.) рабочий контроль, существующий на предприятиях, сводился до минимума. В его компетенции оставалось только право общего надзора за ходом работы на предприятии. В 1919—1920 гг. произошла передача рабочих контрольных органов в РКИ⁵⁸.

В ряде случаев принудительное перемещение рабочих из «пролетарских столиц» наталкивалось на сопротивление рабочих организаций. Так, в январе 1919 г. Совет Обороны РСФСР поручил Всероссийскому совету профсоюзов принять экстренные меры для отправки квалифицированных металлистов из Москвы и Петрограда на Урал для «создания крепкой заводской организации и образования подлинно советского производства». Редкий случай в истории Гражданской войны — профсоюз металлистов и руководство Петроградского Совета выступили против принудительного перемещения рабочих столиц в район недавних ожесточенных военных действий. Только после непосредственного резкого вмешательства Ленина часть из планируемой группы рабочих (около 1 тыс. человек) прибыла из Петрограда на Ижевский завод⁵⁹.

Не столь успешными оказались и процессы «орабочивания» партийных и советских органов, несмотря на заявленную большевиками «классовую сущность партии». Так, на уездных съездах Советов в 1920 г. рабочие составляли лишь 16,2%, тогда как на губернских — уже 33%⁶⁰.

⁵⁶ История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 1. М., 1984. С. 156.

⁵⁷ Дробизев В. З. Главный штаб социалистической промышленности: (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.). С. 230.

⁵⁸ Филоненко А. Л. Зарождение советской системы управления промышленностью. Магнитогорск, 2000. С. 72.

⁵⁹ История социалистической экономики: В 7 т. Т. 1. С. 349—350.

⁶⁰ История советского рабочего класса: Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917—1920 гг. Т. 1. М., 1984. С. 350.

Также обеспечивалось представительство рабочих в исполнительных органах. Среди членов исполкомов уездного уровня рабочих было 31,9%, а губернского — 36,5%.

Борьбу большевиков за сохранение классовой сущности своей партии наглядно показывают такие данные: на 1918 г. членами партии было 65,4 тыс. рабочих, а на момент перехода к нэпу в 1921 г. — 240 тыс., однако в процентном соотношении число рабочих сократилось с 56,9 до 41%⁶¹. Наиболее пролетаризированы были партийные организации крупных промышленных центров. Так, в 1920 г. в Петроградской партийной организации рабочие составляли 77%, в Ижевской 64%, в парт-организациях девяти губернских городов (Владимира, Вятки, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода, Перми, Тулы, Екатеринбурга, Уфы) примерно в то же время — 52%. Из рабочих — членов РКП(б) примерно половина их общего числа находилась в Красной армии и в советском аппарате.

В промышленности продолжали трудиться около 100 тыс. рабочих-коммунистов, т.е. лишь 6—7% от общего числа занятых в ней кадров. Наибольшим авторитетом РКП(б) обладала среди рабочих-металлистов. Так, в Петрограде из всех рабочих-коммунистов 42,1%, а в Москве — 40,6% составляли именно металлисты⁶².

Проведенная в июле 1921 г. перепись ответственных работников советских, хозяйственных, партийных, профсоюзных органов, армии и фабрично-заводских предприятий 45 губерний и областей охватила 14828 человек, из них 34,6% составляли рабочие фабрично-заводской и кустарной промышленности⁶³. Лишь в хозяйственных органах низшего звена управления — в заводууправлениях промышленных предприятий, рабочие, получившие опыт деятельности в фабзавкомах и органах рабочего контроля, действительно активно использовались, составляя почти 80% рабочей прослойки указанных органов⁶⁴.

Коммунистические субботники

Феноменом трудовой активности рабочих в Советской России в годы Гражданской войны были коммунистические субботники. Первый коммунистический субботник состоялся 12 апреля 1919 г. в железнодорожном депо Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги, где 15 рабочих, из которых 13 являлись членами РКП(б), остались на рабочем месте после смены в ночь на субботу и в течение 10 часов дополнительно отремонтировали три паровоза. 10 мая 1919 г. на Московско-Казанской железной дороге состоялся первый массовый субботник. Первоначально рабочее население с большим энтузиазмом от-

неслось к субботникам, считая, что именно они помогут в кратчайшие сроки восстановить промышленность и улучшить положение самих же рабочих. Но затем партийные и советские органы, видя энтузиазм рабочих, попытались сделать их обязательными. Для контроля рабочих — членов РКП(б) — участников субботников заводились трудовые книжки, в которых отмечалась их работа на субботниках.

С конца 1919 г. в советской печати стали публиковаться объявления о проведении очередных субботников с указанием на то, что к неявившимся будут применяться строгие меры воздействия. Одновременно

⁶¹ История советского рабочего класса: Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917—1920 гг. Т. I. С. 348.

⁶² Там же. С. 347.

⁶³ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 3. (39). С. 41.

⁶⁴ Дробизев В. З. Из истории совнархозов (1917—1918 гг.). М., 1964. С. 148.

на предприятиях явочным путем увеличился рабочий день и повышались нормы выработки, т.е. запускались механизмы принуждения. На Урале, наряду с субботниками, партийные организации организовывали коммунистические воскресники. Ответной реакцией стало недовольство рабочих: некоторые из них отказывались увеличивать свой рабочий день, уходили с субботников самовольно, не закончив работы. В январе 1921 г., чтобы избежать конфликта с рабочими, Екатеринбургский губком РКП(б) принял решение об отмене еженедельных субботников и резолюцию о том, что субботники будут устраиваться только тогда, когда народному хозяйству будет необходима экстренная помощь⁶⁵.

Организационные проблемы с коммунистическими субботниками были известны большевистскому руководству и вызвали дискуссию в его рядах. В декабре 1920 г., накануне VIII съезда Советов, секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский направил на места секретную телеграмму с предложением обсудить на заседаниях губкомов вопрос о целесообразности субботников, а затем принятые резолюции по данному вопросу направить в ЦК партии. В телеграмме сообщалось, что у коммунистов сформировались две точки зрения о субботниках: первая — субботники чрезмерно обременяют рабочие массы, вызывают их недовольство и поэто-

му должны быть отменены как обязательные формы коллективного труда; вторая — субботники являются «средством связи верхов с низами», «поэтому обязательность их должна быть сохранена», и они должны развиваться «в сторону большей хозяйственной целесообразности»⁶⁶.

Критически о субботниках в заметках к X съезду РКП(б), изданных под грифом «Только для членов партии», высказался член президиума ВСНХ И. Т. Смилга: «Дело это в России так плохо организовано, что в ряде мест они (субботники) служат не укрепляющим партию началом, а разлагающим»⁶⁷. Несмотря на вскрытые недостатки, большевистское руководство не отказалось от идеи поддержки субботников по идейным и чисто хозяйственным соображениям. Коммунистические субботники, хотя и с меньшим размахом из-за голода и по другим причинам, организовывались в 1921—1922 гг., в том числе на освобожденных от власти белых территориях. Они были важным средством коммунистической пропаганды и способствовали решению хозяйственных проблем. Ни один антибольшевистский режим за годы Гражданской войны не смог организовать подобное коммунистическим субботникам в РСФСР массовое участие рабочих в труде на благо государства, получить столь ощутимую поддержку с их стороны.

Протестное рабочее движение в Советской России

Гражданская война, проходившая со стороны большевиков под лозунгом защиты революционных завоеваний рабоче-крестьянской власти, ознаменовалась на подконтрольной большевикам территории достаточно активным и в ряде случаев массовым рабочим протестным движением.

Трудности отношений большевистской партии и рабочего движения начались уже в конце октября 1917 г., поскольку идея коалиции социалистов и создания «однородного социалистического правительства» была поддержана не только профсоюзами, включая Петроградский совет профессио-

⁶⁵ Уральский рабочий. 1921. 28 янв.

⁶⁶ ЦХСДАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 2а.

⁶⁷ Смилга И. На повороте: Заметки к X съезду партии. М., 1921. С. 16.

нальных союзов, но и Центральным Советом ФЗК. Широта и синхронность возникновения лозунга «однородного социалистического правительства» объяснялась не только агитацией партий меньшевиков и эсеров, но и массовой поддержкой значительной части рабочих.

Только проявив тактическую гибкость, предложив формулу компромисса: рабочие поддерживают претензии большевиков на власть, большевики поддерживают притязания рабочих непосредственно на уровне предприятий — руководство большевистской партии смогло в начале ноября 1917 г. урегулировать кризис советской власти. Однако события первых недель советской истории привели к водоразделу в рабочем социуме: в лагерь сторонников советской власти вошли организации радикального характера, прежде всего, ФЗК и Красная гвардия. Среди противников большевизма оказались рабочие организации, порожденные развитием капитализма: часть профсоюзов, рабочая кооперация и т.п. Новым шагом размежевания промышленных рабочих России стал разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. Зримым выражением этого стал расстрел рабочих демонстраций красногвардейцами⁶⁸.

Широкий рабочий протест на советской территории возник весной 1918 г. как реакция рабочих на ухудшение продовольственного снабжения и закрытие предприятий в результате национализации. Стихийные забастовки охватили большинство промышленных центров и городов Советской России, бывших в 1917 г. и в предшествующий Великой российской революции период эпицентрами пролетарской борьбы (Петроград, Москву, Коломну, Тулу, Тверь, Владимир, Нижний Новгород, Ярославль, Рыбинск, Казань, Вологду, Брянск, Курск,

Орел, Екатеринбург и др.). Среди крупнейших предприятий, рабочие которых участвовали в акциях протеста и неповиновения, были такие, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, заводы братьев Бромлей, Сормовский, Ижевский оружейный, Сестрорецкий, Тульский оружейный и др. Всего в 1918 г. в протестных выступлениях рабочих на подконтрольных большевикам территориях участвовало 100—250 тыс. рабочих 210—220 предприятий. Преобладали экономические требования⁶⁹.

В Петрограде в начале июля 1918 г. руководимое меньшевиками и эсерами Чрезвычайное собрание уполномоченных от фабрик и заводов попыталось поднять питерских рабочих на политическую стачку против политики большевиков, которая сорвалась из-за решительных мер, принятых ВЧК, объявивших забастовщиков «белогвардейцами»⁷⁰. Меньшевики и эсеры и в других случаях пытались вывести рабочих на забастовки, указывая на большевиков как главных виновников хозяйственных бед и на связь между большевистским режимом и безработицей. В годы Гражданской войны (в первую очередь в 1918 г.) именно по инициативе меньшевиков и эсеров, наряду с фабзавкомами и профсоюзами, потерявшими свою самостоятельность, по мере ухудшения дел в экономике (закрытия предприятий, обострения продовольственного кризиса и т.д.) на подконтрольной советской власти территории РСФСР возникали оппозиционные рабочие организации, пытавшиеся защищать интересы рабочих и даже поддерживавшие антисоветские восстания.

Кульминацией рабочего протеста в 1918 г. стало Ижевско-Воткинское восстание (август—ноябрь 1918 г.) — самое

⁶⁸ Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 годы. М., 2004. С. 36—37, 39, 53.

⁶⁹ Там же. С. 68, 84—87.

⁷⁰ Новая жизнь. 1918. 3 июля; ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 204—218.

крупное антибольшевистское выступление рабочих в годы Гражданской войны. По масштабам и значению стоит в одном ряду с антоновщиной, Западно-Сибирским восстанием, Кронштадтским мятежом.

Восстание обусловилось региональными особенностями положения рабочих Урала. В результате аграрных преобразований на горнозаводском Урале в среде рабочих ценовой промышленности Урала к 1917 г. сформировались три достаточно различные группы: юридические собственники земли; категория рабочих, владеющих земельными наделами, но так и не ставших полноправными собственниками; лица, не владеющие земельными наделами, либо имевшие участки менее 0,5 дес. земли. К этой категории относились 28—29% всех рабочих, в основном, занятые в частновладельческих округах, из числа «пришлых»⁷¹.

Национализация пробудила и подтолкнула эгалитаристские настроения пролетарской части рабочих. Весной 1918 г. в местных Советах Ижевска и Воткинска большинство получили представители несимущих слоев рабочего социума. Курс местных органов власти на «пролетаризацию» и «раскрестьянивание» населения заводских поселков, на «освобождение» его от мелкой частной собственности», фактически разрушавший хозяйственный и социокультурный уклад жизни тысяч рабочих, мастеров оружейного дела, вызывал их массовое недовольство. В этом же ряду были запреты пользоваться покосами, ловить рыбу в пруду, владеть землей, заниматься частной торговлей, требование перечислять деньги за сдаваемые комнаты в своих жилищах в коммунальное правление, потеря накоплений в результате перехода ссудно-сберегательных касс под контроль Советов, насильственный разгон избранных рабочими депутатов местных

Советов, доминирование в Советах «пришлых» и т.д.⁷²

Восстанию способствовали уход с уральских заводов на фронт наиболее активных и просоветских настроенных рабочих (до тысячи коммунистов и эсеров-максималистов), а также антисоветская деятельность эсеров и меньшевиков, значительно активизировавшаяся в связи с установлением в Среднем Поволжье власти Самарского Комуча и успешными действиями против большевиков Народной армии.

Поводом к восстанию стали действия местных органов советской власти в июле — начале августа 1918 г., предпринявших ряд мер по организации борьбы против Самарского Комуча: создание 7 июля в Вятке Чрезвычайного военно-революционного штаба как полномочного органа Вятской губернии; разгон 17—21 июля Ижевского Совета и арест его членов; создание 2 августа в Сарапуле Военно-революционного штаба, арестовавшего популярных в рабочей среде активистов «Союза фронтовиков», и др.

Само восстание началось на ижевских и воткинских оборонных заводах 7 августа 1918 г. как реакция на попытку Ижевского военно-революционного штаба (ВРШ) провести принудительную мобилизацию рабочих в Красную армию для отпора захвативших Казань и Уфу и наступающих в Прикамье частей Народной армии Комуча. На состоявшемся 7 августа в Ижевске общезаводском митинге местный «Союз фронтовиков» для охраны завода потребовал от военного комиссара Ижевского ВРШ вооружения, снаряжения и обмундирования, а также выплаты жалования за две недели вперед. Когда требования были отклонены, рабочие и фронтовики захватили винтовки, лежащие в поверочных мастерских, и подняли мятеж. 7 августа, как дата

⁷¹ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. М., 2009. С. 109.

⁷² Бехтерев С. Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 59.

начала восстания, была помещена на Босвом знамени повстанческой Ижевской дивизии. 8 августа вооруженные силы Ижевского ВРШ были разгромлены повстанцами. Одновременно начался антисоветский мятеж 1-го Московского продовольственного полка А.А. Степанова в Вятской губернии. 17 августа восстание победило в Воткинске. 23 августа Ижевск перешел под власть Самарского Комуча. 31 августа пал советский Сарапул. 1 сентября власть в мятежном районе перешла к Прикамскому комитету членов Учредительного собрания. 5 сентября Ижевский Совет был провозглашен «классовой организацией пролетариата, стоящего на защите Февральской революции», началось восстановление земских учреждений.

Восстание охватило огромный район Прикамья площадью до 35 тыс. верст, ограниченный с юга и востока рекой Камой, с запада — рекой Вяткой, а с севера железной дорогой Вятка—Пермь. В начале сентября 1918 г. под властью Прикомуча находился аграрно-промышленный район площадью с населением до 800 тыс. чел. На севере границы восстания достигли с. Святогорское, Зура, на юге — узловой станции Агрыз, с. Каракулино, Камбарского и Михайловского заводов Пермской губернии, на западе — с. Вавож, Сюмси, Селты, востоке — Воткинского завода.

Ижевско-Воткинское восстание началось под лозунгом советской власти. Однако вскоре после установления связи с Самарским Комучем лозунг был заменен на Учредительное собрание. Советы признавались только классовой рабочей организацией, а не органом верховной власти. В результате на мятежной территории власть перешла от Советов к Комучу. Об этом было заявлено 30 августа в Декларации Прикомуча — политической программе восставших.

Руководителями восстания в Ижевске на первом этапе стали члены Штаба обороны учредилковцев: капитан Я. И. Цыга-

нов, поручик Я. И. Зезбизев и фельдфебель С. И. Солдатов. Затем во главе повстанцев оказались Н. И. Евсеев (крестьянин, удмурт, председатель Прикомуча), В. И. Бузанов (ижевский рабочий, член Прикомуча), Д. И. Федичкин (полковник, военный руководитель повстанцев), Г. Н. Юрьев. Основная масса восставших состояла из рабочих. Кроме них, в восстании приняли участие представители различных городских и сельских слоев, в том числе рабочие, крестьяне, офицеры, гимназисты и другие, недовольные политикой большевиков.

В октябре — начале ноября 1918 г. в результате массовых мобилизаций рабочих Прикамья в повстанческую армию и милиционного характера значительной части ее подразделений общая численность восставших достигла 30—35 тыс. чел. Постоянно на фронте находилось 8—10 тыс. бойцов. 2/3 повстанцев составляли мобилизованные рабочие. Воткинцы создали Галевскую речную флотилию и нанесли в речных боях ряд поражений флотилиям красных. В 20-тысячной Ижевской народной армии было всего 100—150 человек социалистов всех видов, что свидетельствовало о самостоятельности и ограниченном влиянии на повстанцев партии эсеров, стихийном характере Ижевско-Воткинского восстания.

Подавление восстания происходило под непосредственным контролем военно-политического руководства РСФСР: В. И. Ленина, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкого, главноком. И. И. Вацетиса, командующего Восточным фронтом С. С. Каменева. В Красной армии появилась поговорка: «Когда кончится война, все разойдутся по домам, а ижевцы и воткинцы — по гробам». Особое внимание к повстанческому движению в Прикамье большевистского руководства было обусловлено тремя причинами. Первая — восстание лишило советское правительство возможности эвакуации за Волгу в случае обострения отношений с Германией после убийства немецкого

посла Мирбаха и восстания левых эсеров в Москве. Вторая — возникла угроза срыва поступления продовольствия в Москву из Вятской губернии в условиях прекращения его подвоза с Юга России из-за боев за Царицын. Третья — возможные негативные последствия для авторитета большевиков, как внутри, так и за пределами страны, в результате пропагандистских акций ижевских и воткинских рабочих, разрушавших главный идеологический постулат советской власти как диктатуры пролетариата и выразительницы воли рабочего класса.

Для подавления восстания были направлены части 2-й и 3-й армии Восточного фронта, которые действовали в рамках общей военной операции по разгрому сил Комуча и чехословаков в Поволжье и на Урале. Участь повстанцев была решена после взятия Казани Красной армией 10 сентября 1918 г. 5 октября Сводная (Азинская) дивизия 2-й армии захватила Сарапул, 7—9 ноября Ижевск, 13 ноября — Воткинск. 16 ноября 1918 г. завершилась эвакуация Народной армии и мирного населения за Каму. Эта дата по существующей историографической традиции считается окончанием Ижевско-Воткинского восстания. Но оказавшиеся в частях Колчака бывшие повстанцы (около 15 тыс. человек), сформированные в отдельную Ижевскую дивизию, посчитали окончанием восстания 9 сентября 1919 г. — день парада, на котором адмирал Колчак объявил о награждении дивизии Георгиевским знаменем. То есть сами повстанцы рассматривали свое участие в рядах белой армии Верховного правителя как продолжение движения, начатого летом 1918 г.

В ходе восстания и его подавления от рук повстанцев погибло примерно 400 сторонников большевиков и советской власти. Количество жертв «красного» террора только по Ижевску составило 7983 чел., причем физическому уничтожению подверглись не только представители «эксплуататорских классов», но и рядовые рабочие, крестьяне.

Ижевско-Воткинское восстание получило всемирную известность благодаря поездке в Великобританию осенью 1919 г. рабочих Ижевска и Воткинска, а также деятельности с 1961 г. в Сан-Франциско (США) Объединения Ижевцев и Воткинцев. Его события отражены в повести С. А. Самсонова «Над Камой гремит гроза», музыкальной драме «Азин» композитора Г. М. Корепанова-Камского, героико-романтической опере «Мятеж» А. Г. и Г. А. Корепановых, ставших музыкальной визитной карточкой Республики Удмуртия⁷³.

Помимо организованных форм протеста в 1917—1921 гг. на советских территориях были представлены и другие формы протестного рабочего движения. Это были митинги, демонстрации, петиции, письма во власть, избиения и изгнания с рабочих собраний членов администраций национализированных предприятий и большевистский агитаторов, голодные бунты, винные погромы, городские и заводские восстания, самые крупные из которых, помимо Ижевска и Воткинска, имели место в Невьянске, на Полесском и Верхне-Туринском заводах⁷⁴, в поселке Верх-Исетского завода⁷⁵ и др. Крайне негативно на устойчивости большевистского режима на Урале сказалось восстание 1-го Московского про-

⁷³ См.: Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 гг. М., 2004; Фельдман М. А. Ижевско-Воткинское рабочее восстание сквозь призму социальной истории России // Российская история. 2012. № 3. С. 12—20; Воткинская Народная армия в 1918 г. Ч. 1: Людской состав. Ижевск, 2013; Ижевско-Воткинское восстание: Сто лет истории. Ижевск, 2019.

⁷⁴ Данилов В. А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972. С. 73.

⁷⁵ Урал и Прикамье (ноябрь 1917 — январь 1919): Документы и материалы / Ред.-сост. и автор коммент. М. С. Бернштам. Париж, 1982. С. 51; и др.

довольственного полка, формировавшегося не в последнюю очередь из рабочих столичных предприятий. Его можно считать крупнейшим среди подобных событий⁷⁶.

Примерно с конца 1918 г. в условиях развернувшейся фронтовой Гражданской войны происходит затухание забастовочной и прочей протестной активности рабочих на советских территориях. Этому способствовал переход профсоюзов под опеку властей, решительные действия ВЧК против оппозиционных большевикам партий, а также осознание большинством ра-

бочих необходимости подчиниться политике «военного коммунизма» как главного условия победы над белой контрреволюцией⁷⁷. В 1919—1921 гг. политические лозунги, если и выдвигались на волне рабочего протеста, то гораздо реже экономических, и всегда — как часть общего пакета требований, главной частью которых являлись бытовые интересы рабочих. Как только большевистские власти начинали выполнять (как правило — частично) экономические претензии рабочих, политические лозунги сразу же забывались.

Положение рабочих на территории антибольшевистских правительств

Положение рабочих на подконтрольных антибольшевистским правительствам территориях отличалось от положения рабочих в Советской России. При определенных партийных и политических различиях трех правительств «демократической контрреволюции» — Комуча, Временного Сибирского и Уральского Временного областного, в рабочем вопросе их объединяло стремление сохранить и усовершенствовать пакет социальных законов, принятых Временным правительством⁷⁸. За недолгий период существования им удалось разработать и утвердить примерно одинаковый пакет законов и законопроектов об охране труда: о восьмичасовом рабочем дне; о найме и увольнении рабочих; о страховании на случай болезни и производственной травмы; о примирительных камерах и биржах труда и др. Часть указанных законодательных актов была взята за основу при подготовке постановлений колчаковского правительства и вступила в силу уже

в период военной диктатуры⁷⁹. Можно отметить близкое сходство программ в сфере труда правительств «демократической» и «белой контрреволюции». Это объяснялось не только общей исторической основой законов о труде — социальным законодательством Временного правительства, но и стремлением сохранить влияние в рабочей среде. Но в реальности социальную практику определили не декларации о намерениях в рабочем вопросе, а действия «рыночников»-предпринимателей, игнорировавших законы о труде, а также властных структур белых правительств, озабоченных решением чисто военных проблем.

В годы Гражданской войны на неподконтрольной советской власти территории России действовали рабочие профсоюзы. Они поддержали Ижевско-Воткинское восстание. Во время восстания профсоюзы попытались отмежеваться от административных и хозяйственных органов, как это произошло при советской власти, и возвра-

⁷⁶ Октябрь и гражданская война в Вятской губернии: Сборник статей и материалов. Вятка, 1927. С. 45—52, 120.

⁷⁷ Яров С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917—1920-х годов. СПб., 2006. С. 513.

⁷⁸ См. об этом подробнее: т. 12, кн. 1, ч. II, гл. 5; кн. 2, ч. V, гл. 3.

⁷⁹ Никонова О. Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры (июнь—ноябрь 1918 года) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII—XX веках. Челябинск, 1997. С. 147—149, 154—155.

таться к своим прежним функциям защиты чисто экономических интересов рабочих. Но им это не удалось. Они попали под контроль теперь уже военной администрации повстанцев.

На территории белых правительств часть профсоюзов действовали в подполье. Они выступали организаторами политических и экономических забастовок и митингов (общесибирские забастовки железнодорожников в октябре 1918 г., майские (1919 г.) забастовки рабочих в Омске, Томске, Иркутске, Новониколаевске и других городах, забастовки 1919 г. в Харькове, Таганроге, Николаеве, Екатеринославе). В конце 1918 г. в Омске профсоюзы строителей, железнодорожников и транспортных рабочих подняли вооруженное восстание, которое было жестоко подавлено колчаковцами. Часто профсоюзы становились прикрытием для большевистского подполья. В Северной области (в Архангельске и Мурманске) рабочие активисты на железных дорогах, в портах и мастерских устраивали акции протеста, срывали ремонт и отправку кораблей интервентов, паровозов, вагонов и т. д.

Если на белых территориях и большевики, и умеренные социалисты часто были солидарны в том, что поддерживали и даже непосредственно организовывали забастовки рабочих, то на территориях Украины и Грузии, подконтрольных национальным правительствам, подобной «солидарности» уже не наблюдалось. Например, деятели Центральной рады Украинской народной республики и грузинские меньшевики относились к организованным большевиками выступлениям рабочих однозначно враждебно. В этом отношении показательна трагическая судьба рабочих киевского завода «Арсенал», которые в январе 1918 г. по инициативе большевиков организовали

открытое выступление против Центральной рады. Сотни их стали жертвами террора украинских националистов.

В годы Гражданской войны значительное число рабочих волеало за Белое дело. Летом 1919 г. их насчитывалось в частях белых армий приблизительно 70 тыс. человек. Судя по воинским частям, образованным на уральских казенных заводах, доля рабочих среди участников всех белых воинских формирований составляла до 7%. Наибольшее представительство рабочих зафиксировано в белогвардейской Сибирской армии, где из 184,6 тыс. солдат и офицеров в конце 1918 г. насчитывалось около 20 тыс. уральских рабочих, или примерно 9% от общей численности воинских формирований⁸⁰.

Гражданская война стала тяжелым испытанием для рабочих России. Она сопровождалась сокращением их численности и изменением социального состава, обрекла рабочие семьи на полуголодное существование и протестные выступления против власти. В то же время в вихре военных невзгод российские рабочие продолжали трудиться и тем самым сохранили промышленную отрасль России в трудные для нее годы. Это позволяло обеспечивать, хотя и в ограниченном количестве, страну и население промышленными товарами. Особенно был важен труд рабочих на оборонных предприятиях Советской России, в значительной степени обеспечивший большевикам победу в войне.

К концу Гражданской войны была налицо крайне низкая эффективность труда рабочих. Например, в 1920 и зимой 1921 г. на советских предприятиях широкое распространение получили массовые прогулы: от 30 до 40% рабочих систематически не выходили на работу. В 1921 г. забастовочная волна потрясла Петроград и другие

⁸⁰ Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 100; Ижевско-Воткинское восстание. 1918 г. М., 2000. С. 10; Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 143, 211, 226, 231, 255.

промышленные центры на почве недовольства рабочих своим положением⁸¹.

Тем не менее в Гражданской войне рабочие в основной своей массе поддерживали советскую власть, понимая необходимость ее защиты от белой контрреволюции. Об этом свидетельствовал феномен коммунистических субботников — добровольного труда на благо страны, начавшихся как инициатива сознательных рабочих.

Другим подтверждением поддержки советской власти стало участие сотен тысяч рабочих в защите советской власти в рядах Красной армии. Рабочие принимали участие в боевых действиях на всех фронтах Гражданской войны. По приблизительным подсчетам, в Красную армию в 1918—1920 гг. было направлено около 940 тыс. рабочих, из них половина промышленных (т.е. 470 тыс. человек)⁸². Поскольку всего в Красную армию в 1918—1920 гг. было призвано 6,7 млн человек⁸³, доля рабочих была близка к 14—15%. Однако, как следует из соотношения всех рабочих и промышленных рабочих,

удельный вес последних в составе Красной армии не превышал 7%. Факт, свидетельствующий об ограниченном представительстве промышленных рабочих в преимущественно крестьянской Красной армии. Подобная ситуация была не случайной, поскольку мобилизации не подлежали рабочие оборонных предприятий, работающих на войну, где наблюдался дефицит профессиональных кадров и в самую последнюю очередь проводились мобилизации. Были и другие причины.

Судя по материалам переписи бойцов и командиров Красной армии, произведенной в августе 1920 г., среди рабочих-красноармейцев в частях армии в годы Гражданской войны были представлены, наряду с кадровыми рабочими крупных промышленных предприятий, и представители других массовых рабочих профессиональных групп: сапожники — 8,4%, плотники — 8%, слесаря — 5,8%, портные — 4,6%, кузнецы — 3,7%⁸⁴. Таким образом, все слои рабочего класса защищали советскую власть в рядах Красной армии.

⁸¹ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997. С. 160—161.

⁸² Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917 — 1920 гг.). М., 1982. С. 220—222.

⁸³ Ганин А.В. «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны...»: Почему побеждала Красная армия? // Родина. 2011. № 2. С. 16.

⁸⁴ Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством (ноябрь 1917 — 1920 гг.). С. 230.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В ВОЙНЕ**Реакция интеллигенции на захват власти большевиками
и начавшуюся Гражданскую войну**

Интеллигенцией в дореволюционной России называли социальный слой людей, получивших профессиональное (высшее или среднее специальное) образование и занимавшихся квалифицированным умственным трудом¹. Формально-юридически российские интеллигенты, специалисты с высшим и средним специальным образованием, относились к различным сословиям (дворянство, духовенство, купечество, мещанство и т.д.). В предреволюционные десятилетия происходила быстрая демократизация социального состава студенчества, интеллигенции в целом. В советской историографии к 1917 г. численность российской интеллигенции определялась в 1 млн человек², из которых 240 тыс. имели дипломы о законченном высшем и среднем специальном образовании. В современных изданиях чаще говорится о 1,5 млн лиц, которых можно отнести к интеллигенции. Среди занятых профессиональным умственным трудом наиболее крупными социально-профессиональными группами были чиновники (до 500 тыс.), учителя (более 200 тыс.), духовенство (белого и черного по 100 тыс.), офицерство (не менее

150 тыс., до 320 тыс.), профессора и преподаватели вузов (около 7 тыс.), ученые (до 10 тыс.), медицинские работники, инженерно-технические специалисты, другие социально-профессиональные группы³.

К 1917 г. внутренняя структура российской интеллигенции была крайне сложной. На поведение каждого конкретного интеллигента в Российской революции и Гражданской войне влияли различные факторы: происхождение, сословная принадлежность, уровень и качество полученного образования, сфера и место профессиональной деятельности (столицы, крупные города, провинция), размеры доходов, пол, состав семьи и т.д. В годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. существенно ухудшилось материально-бытовое положение большей части интеллигентов, что обусловило радикализацию общественно-политического сознания и поведения многих специалистов.

Историографическое осмысление истории интеллигенции осуществлено и применительно к периоду Гражданской войны. Итоги советского периода в изучении данной темы подведены в статьях

¹ Советская интеллигенция: Словарь-справочник. М., 1987. С. 50—51.

² Интеллигенция // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 227.

³ Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981; Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920. М., 1976. С. 269; и др.

Л. М. Зак, М. Е. Главацкого, А. Г. Кавтарадзе, А. Л. Литвина и др.⁴ В постсоветский период поведение и деятельность интеллигенции в Гражданской войне в целом или ее отдельных профессиональных групп (офицерство, научная интеллигенция, духовенство и др.), ее взаимоотношения с властью получили освещение в монографиях А. В. Квакина, А. В. Ганина, А. Н. Еремеевой и др.⁵, а историография изучения проблем истории интеллигенции в эти годы — в историографических изданиях В. И. Голдина⁶.

Для судеб дореволюционной интеллигенции главным стало отношение к Октябрьской революции, советской власти, партии большевиков⁷. Большая часть российских интеллигентов с осуждением и недоверием отнеслась к захвату власти большевиками⁸. На выборах 12 ноября 1917 г. в Учредительное собрание, с работой которого связывались большие надежды, симпатии интеллигентского электората разделились между эсерами, меньшевиками, большевиками и кадетами. С официальными резолюциями протеста против узурпации власти большевиками выступили руководящие органы целого ряда общественных организаций с преимуществен-

но интеллигентским составом. 29 октября 1917 г. на собрании членов столичного отделения Всероссийского учительского союза (ВУС) была принята резолюция, в которой говорилось: «[...] Петроградский учительский союз, оставаясь верным родине и революции: 1) считает захват государственной власти [...] изменой родине, преступлением перед революцией, попранием основных принципов социализма и демократии; 2) считает лиц, ставших во главе большевистского заговора и захвативших власть, авантюристами, врагами родины и революции; 3) решительно отказывается вступать в соглашение с этими преступными лицами и подчиняться их распоряжениям; 4) надеется, что эти лица будут в ближайшее время в руках нелицеприятного суда; одновременно выражает готовность поддержать Комитет спасения и предлагает ему все свои силы в его борьбе с узурпаторами власти и насильниками свободы»⁹.

26 ноября 1917 г. в Петрограде в здании кинотеатра «Солейль» был организован митинг-протест против действий советского правительства. К митингу был приурочен выпуск специального номера однодневной газеты, называвшейся «Газета — протест Союза русских писателей». «О бурбонах»,

⁴ См.: Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 121—157, 212—223.

⁵ *Купцова И. В.* Художественная интеллигенция России: Размежевание и исход. СПб., 1996; *Коржикина Т. П.* Извольте быть благонадежны! М., 1997; *Квакин А. В.* Между белыми и красными: Русская интеллигенция 1920—1930 годов в поисках Третьего Пути. М., 2006; *Квакин А. В.* Русская интеллигенция и большевистская власть в годы Гражданской войны в России. Саарбрюккен, 2013; *Казанин И. Е.* Власть и интеллигенция: Исторический опыт государственной политики в октябре 1917—1925 гг. Волгоград, 2006; *Репрессированная интеллигенция. 1917—1934 гг.* М., 2010; *Павлов Д. Б.* Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917—1922 гг. М., 2011; *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России. 1917—1921. М., 2011; *Еремеева А. Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...»: Практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар, 2017; *Ганин А. В.* Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России. 1917—1922. М., 2018; и др.

⁶ *Голдин В. И.* Россия в гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 199—203; *Он же.* Гражданская война в России сквозь призму лет: Историографические процессы. Мурманск, 2012. С. 85—86, 105—107, 152—155, 294, 304—305.

⁷ *Федюкин С. А.* Партия и интеллигенция. М., 1983; *Аксютин Ю. В., Гердт Н. Е.* Русская интеллигенция 1917 года: В хаосе событий и смятении чувств. М., 2017.

⁸ *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция: Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972. С. 26—53.

⁹ Петроградский учитель. 1918. 18 янв.

«Слуги дьявола», «Осквернение идеала» и другие статьи представляли собой идейную платформу антисоветского лагеря.

Часть старой интеллигенции включилась в вооруженную борьбу с советской властью¹⁰. Значительная часть генералов и старших офицеров царской армии (М. В. Алексеев, А. И. Деникин, А. В. Колчак, Л. Г. Корнилов и др.), крупных чиновников, активистов политических партий (Ф. И. Дан, П. Н. Милюков, А. Н. Потресов, А. В. Пешехонов и др.) выступила в роли организаторов, инициаторов антисоветского, белого движения¹¹. Из рядов младшего и среднего офицерства, юнкеров, студентов, гимназистов рекрутировались бойцы вооруженных отрядов, участники антибольшевистских восстаний, антисоветского подполья. Врагами Октябрьской революции, идеологами антибольшевистского движения выступали А. Т. Аверченко, А. В. Амфи-театров, Л. А. Андреев, М. П. Арцыбашев, И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцев, Вяч. И. Иванов, Д. С. Мережковский, Ф. К. Сологуб, Н. А. Тэффи, Е. Н. Чириков, Г. И. Чулков и другие представители художественной интеллигенции. Наиболее непримиримые противники советской власти покинули Москву, Петроград, территорию, остававшуюся под контролем большевиков.

Следует подчеркнуть, что у каждого из российских интеллигентов, особенно у заметных фигур, была своя индивидуальная траектория, по которой конкретный персонаж перемещался из Советской России в эмиграцию, в какое-то зарубежное государство. Так, известный писатель, поэт, религиозный философ, общественный дея-

тель Д. С. Мережковский и его жена поэтесса З. Н. Гиппиус с января 1917 до декабря 1919 г. жили в Петрограде. Мережковский осудил «Октябрьские события» как разгул «хамства», воцарение «народа-Зверя». Он выступал с антибольшевистскими лекциями и статьями, предоставлял квартиру для конспиративных заседаний эсеровской фракции. Мережковский сотрудничал с горьковским издательством «Всемирная литература», получал паяк и заработок, но падения большевиков не дождался. Небольшой группой им удалось тайно покинуть Петроград. В Польше (с февраля по октябрь 1920 г.) Мережковский встречался с Б. В. Савинковым, Ю. Пилсудским, призывал соотечественников не воевать с поляками в начавшейся советско-польской войне, а присоединяться к полякам¹².

Осенью 1918 г. из Петрограда на дачу в Крыму смог перебраться ректор Петроградского института инженеров путей сообщения (ПИИПС) А. А. Брандт¹³. Выпускник ПИИПС, профессор и дважды ректор был заметной фигурой: член руководства партии кадетов, член Временного совета (Предпарламента) Российской Республики, председатель совета высших учебных заведений Петрограда. А. А. Брандт опасался ареста. Он своевременно снял все личные сбережения и, не обремененный семьей, покинул сначала Петроград, а в 1920 г. и Крым¹⁴.

Некоторые интеллигенты связали свое имя с белыми правительствами и интервентами. А. В. Колчак был не только адмиралом, но и известным исследователем, вошел в мартиролог, составленный Рос-

¹⁰ Галин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны: Противостояние командных кадров 1917—1922 гг. М., 2019; В жерновах революции: Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: Сборник документов и материалов. М., 2008.

¹¹ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 5 т. Париж; Берлин, 1921—1926 (М., 1991, 2006); Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001; Бунин И. А. Окаянные дни. М., 2010; и др.

¹² Хрисанфов В. И. Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграцию. СПб., 2011. С. 12—22.

¹³ Фортунатов В. В. Перелом в жизни России в уникальных свидетельствах петербургского профессора А. А. Брандта // Вестник Костромского гос. ун-та. Кострома, 2018. № 3.

¹⁴ Брандт А. А. Листья пожелтелые: Передуманное и пережитое. Белград, 1930.

сийской академией наук, в числе ученых, ушедших из жизни¹⁵. Председатель Совета Министров у Колчака В.Н. Пепеляев закончил историко-филологический факультет Томского университета и начал трудовой путь учителем в гимназии. Л.А. Устругов после окончания ПИИПС занимал многие инженерные должности, в том числе заместителя министра путей сообщения с февраля по октябрь 1917 г. В качестве министра путей сообщения вошел в состав «Делового кабинета», сформированного генералом Д.Л. Хорватом, руководителем правления Китайско-Восточной железной дороги. С ноября 1918 г. Л.А. Устругов был министром путей сообщения Временного Всероссийского правительства, затем Российского правительства при Колчаке, считался одним из наиболее компетентных членов правительства. При исполнении Уструговым обязанностей заведующего (начальника) военных сообщений министерством управлял другой выпускник ПИИПС А.М. Ларионов¹⁶. Выпускник юридического факультета Московского университета, профессор Пермского университета Н.В. Устрялов у Колчака был начальником пресс-бюро правительства¹⁷. Затем работал на КВЖД и преподавал в Харбине. Известен как русский правовед, философ, основоположник русского национал-большевизма, идеолог «сменовеховства». Ларионов был расстрелян еще в 1920 г., а Устругов и Устрялов — после возвращения на родину по приглашению советского правительства.

«Интеллигенция массами бежала в белую Россию, массами шла на помощь делу возрождения и там, под вой снарядов, под крики раненых, в тени махровой спекуля-

ции, родила эту свою, новую веру, создала новый свой культ, выдвинувший определенный принцип: все для фронта и все во имя фронта», — писал А.М. Дроздов¹⁸. Он оставил яркую картину работы интеллигентов в Осваг (Осведомительное Агентство), информационно-пропагандистском органе Добровольческой армии, а в дальнейшем — Вооруженных сил Юга России. Сам эмигрант и «сменовеховец», прозаик А.М. Дроздов уже в 1923 г. вернулся в СССР, выпустил ряд книг, работал редактором и умер своей смертью.

Не будет большим преувеличением утверждать, что использование знаний ученых, профессоров, врачей, инженеров, учителей, литераторов и деятелей искусства на территории, которую контролировали белые и интервенты, имело преимущественно утилитарный, ситуативный, дискретный характер без понимания каких-то ясных перспектив развития страны.

На территории, которую контролировало советское правительство и где разворачивалось «триумфальное шествие советской власти», была предпринята попытка сопротивления мероприятиям советских государственных органов. 20 ноября 1917 г. совет ВУСа призвал учителей не подчиняться Военно-революционному комитету, оказывать содействие Комитету спасения родины и революции, начать забастовку. В Москве, Петрограде, Уфе, некоторых других городах были созданы органы руководства забастовкой, занятия были прекращены.

Всероссийский союз инженеров на делегатском собрании 12 ноября 1917 г. заявил, что не признает советскую власть, как захватную, и отказался выделить представителей во Всероссийский совет рабочего

¹⁵ Наука и ее работники. 1920. № 1.

¹⁶ Об Алексее Михайловиче Ларионове // История Петербургского гос. ун-та путей сообщения: В 2 т., 3 кн. Т. 1: История Института инженеров путей сообщения Императора Александра I-го за первую столетие его существования. 1810—1910 / Сост. А.М. Ларионов. СПб., 2009. С. 513—515.

¹⁷ См.: Устрялов Н.В. Белый Омск: Дневник колчаковца // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. 1991. № 2. С. 283—328.

¹⁸ Дроздов А. Интеллигенция на Дону // Архив русской революции. Т. 2. М., 1991. С. 58.

контроля, который тогда создавался. Собрание постановило «не признавать комиссаров и других агентов захватной власти и давать решительный и дружный отпор всяким попыткам упомянутых лиц и организаций стеснить или подчинить себе профессиональную деятельность Союза»¹⁹. Решили «объявить под бойкотом все места, которые могут быть оставлены членами Союза в связи с конфликтами, которые могут возникнуть на основе принятых союзом решений»²⁰. К забастовкам призвали своих членов руководители Пироговского общества врачей, других организаций.

Между тем заводской комитет Путиловского завода в начале декабря 1917 г. в воззвании об укреплении дисциплины призывал рабочих: «Товарищи, никаких эксцессов, никаких репрессий, самосудов, насилия по отношению к администрации завода, технического персонала и других служащих с вашей стороны быть не должно, ибо все это пойдет лишь во вред вам самим и вашим организациям»²¹.

В Петрограде из представителей всех учебных заведений, профессиональных учительских организаций и родительских комитетов был создан Временный петроградский Совет учительских делегатов с задачей создания единого фронта борьбы с советской властью. 5 декабря был основан забастовочный фонд, принята инструкция «О порядке ведения забастовки». Во время нее не допускалась даже выдача завтрака приходящим учащимся, устройство каких бы то ни было детских праздников, елок, запрещалась даже выдача книг из библиотек. Забастовщики планировали изъять в образовательных учреждениях денежные средства, печати, бланки доку-

ментов, а 13 декабря приняли положение «О временной автономной организации управления школами в Петрограде». Большой совет ВУСа 29 декабря 1917 г. подтвердил свое непризнание советской власти, выразил сочувствие бастующим учителям, демонстративно наметил мероприятия в поддержку распущенного 20 ноября Государственного комитета по народному образованию, который с марта 1917 г. ничем существенным себя не проявил. Профессора А. А. Кизеветтер, В. В. Стратонов, С. Ф. Платонов, В. А. Костицын и другие демонстративно бойкотировали тех, кто сотрудничал с новой властью. В интеллигентской среде многие перестали подавать друг другу руку и раскланиваться при встрече. В городах из-за открытого и скрытого саботажа ухудшилась работа городского транспорта, коммунальных учреждений, больниц.

Антисоветский интеллигентский саботаж не получил широкого размаха и оказался малоэффективным. Учительская забастовка началась накануне святочных каникул и ни на что не повлияла. Старых чиновников в министерствах, ставших народными комиссариатами, заменили интеллигенты — члены РСДРП(б), которых к концу 1917 г. было или 30—35 тыс. человек (10% всего состава партии), или, что ближе к реальности, 10—15 тыс. человек, то есть 5—6% от общей численности РСДРП(б)²².

Председатель СНК и лидер большевиков В. И. Ленин не ожидал такого поведения интеллигенции. «Интеллигентская челядь эксплуататоров», «разгильдяи и истерики из интеллигенции», «мерзавцы из лакеев буржуазии», «саботажники, именующие

¹⁹ Цыперович Г. Петроградские профсоюзы в октябре 1917 г. М., 1927. С. 48—49.

²⁰ Известия Петроградского Всероссийского союза инженеров. 1918. № 1. С. 13.

²¹ Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1919 гг. Т. 1: Рабочий контроль в промышленных предприятиях Петрограда 1917—1918 гг. Л., 1947. С. 268.

²² Фортунатов В. В., Платова Е. Э. Интеллигенция в составе Коммунистической партии: Фантазии и реальность (1917—1940) // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. Иваново, 2019. № 1. С. 47—62.

себя интеллигенцией», — яростно клеймил «буржуазную» и «мелкобуржуазную» интеллигенцию выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, сын инспектора народных училищ, действительного статского советника И. Н. Ульянова и потомственный дворянин по формальной сословной принадлежности²³.

31 марта 1918 г. пленум ЦК РКП(б) констатировал поражение «интеллигентского саботажа» и возможность привлечения опытных, высококвалифицированных работников к сотрудничеству. В РККА и РККФ добровольно поступили на службу тысячи офицеров старой армии²⁴. На своих местах оставались в Народном комиссариате путей сообщения инженеры путей сообщения, а также инженерно-технические и другие специалисты на оборонных и крупных промышленных предприятиях.

Большинство крупных ученых, научных работников изначально не приняло Октябрьскую революцию. 21 ноября 1917 г. Общее собрание академии обратилось к ученым страны с посланием, в котором высказывалось негативное отношение к революции. Однако академия при этом не отказалась от профессионального сотрудничества с новой властью. В декабре 1917 г. на годовичном собрании выпускник, затем профессор Санкт-Петербургского университета, неприменный секретарь АН, видный кадет, министр народного просвещения в третьем составе Временного правительства С. Ф. Ольденбург, отметив, что «Россия встала на край гибели», подчеркивал: «Люди науки не могут не сознавать, что без их работы немислимо просвещение и культура, а без этих последних — никакое достойное человеческое существование». На 1 января 1918 г. в Российской академии наук (ранее Петер-

бургская академия наук) было 45 действительных членов (академиков) и 212 научных и научно-технических сотрудников.

Советской власти удалось довольно быстро найти общий язык с Российской академией наук. В январе 1918 г. при Народном комиссариате просвещения был учрежден Отдел привлечения научных сил к делу государственного строительства, в феврале при ВСНХ был создан Совет экспертов²⁵. В апреле 1918 г. Ленин составил «Набросок плана научно-технических работ», в котором намечалась программа деятельности для РАН. В апреле 1918 г. СНК РСФСР постановил: «Принципиально признать необходимость финансирования соответствующих работ Академии и указать ей как важную и неотложную задачу систематическое разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рационального использования ее хозяйственных сил». 16 августа постановлением СНК РСФСР был создан Научно-технический отдел (НТО) при ВСНХ²⁶. В Совете Народных Комиссаров и Совете Труда и Оборона с октября 1917 г. по январь 1921 г. обсуждалось свыше 230 вопросов, связанных с наукой и учеными.

А. П. Карпинский (президент РАН), академики А. Н. Бах, Н. Е. Жуковский, К. Э. Циолковский, И. М. Губкин, А. Ф. Иоффе, И. П. Павлов, И. П. Бардин, К. А. Ти-мирязев, О. Ю. Шмидт и другие крупные ученые работали в Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), создавали новые научные институты, учреждения, вели интенсивную научную работу. В 1918—1919 гг. было создано 117 новых научных учреждений, в том числе 33 научно-исследовательских института, которым были предоставлены дворцы, луч-

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 194, 196, 197, 203, 204.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

²⁵ Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925): Сборник документов. Л., 1968.

²⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 827—829.

ные здания, принадлежавшие ранее членам Дома Романовых, крупным промышленникам, купцам. В эти годы появились Институт по изучению мозга и психической деятельности, Институт физико-химического исследования твердого вещества, Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Российский научный химический институт и др.

Большая группа высококвалифицированных специалистов — более 200 профессоров, 300 инженеров, 240 других специалистов — работала в Научно-техническом отделе Высшего Совета Народного Хозяйства (А. Н. Крылов, А. Н. Туполев, Д. С. Рождественский, Н. Д. Зелинский, А. Д. Архангельский, И. А. Каблуков, А. Е. Фаворский, А. Е. Ферсман и др.), в качестве руководящих работников главков и производственных отделов, технических консультантов и экспертов, директоров предприятий, главных инженеров и т. д. Создавались опытные производства, лаборатории, проводились научно-технические экспертизы, осуществлялся учет и распределение научно-технических кадров. Уже в начале 1918 г. Ленин беседовал с А. В. Винтером о строительстве Шатурской ГЭС, а с Г. О. Графтио о сооружении Волховской ГЭС. Ленин обсуждал с учеными и перспективы развития ядерной энергетики.

Русский и советский математик, механик и кораблестроитель, выпускник Морского училища А. Н. Крылов к 1917 г. был профессором, академиком, генералом, крупным ученым и организатором, в том числе руководителем Русского общества пароходства и торговли. После Октябрьской революции все суда названного общества он передал советскому правительству, продолжал заниматься развитием отечественного флота. С 1918 г. он стал консультантом Комиссии особых артиллерийских

опытов. В 1919—1920 гг. был начальником Морской академии. Много сделал для России, успел описать свою жизнь²⁷.

Следует учитывать, что от позиции крупных специалистов, за которыми шли коллективы, единомышленники, однокурсники, прежние сослуживцы, ученики, научные школы, многое зависело. Выпускник Михайловского артиллерийского училища В. П. Ипатьев к 1917 г. был генерал-лейтенантом, доктором химических наук, профессором, академиком, председателем Химического комитета при Главном Артиллерийском управлении, в который входили все виднейшие химики России. После прихода большевиков к власти Ипатьев уезжать на Запад отказался²⁸.

К сотрудничеству с новой властью Ипатьева привлек выпускник Московского технического училища, российский химик-технолог и революционер Л. Я. Карпов. Он заведовал отделом химической промышленности, был членом Президиума ВСНХ РСФСР и основателем Центральной химической лаборатории ВСНХ. В 1918 г. Ипатьев собрал прежний состав Химического комитета и уговорил работать на новое правительство. Был председателем комиссии при Химическом отделе ВСНХ, членом совета Главного артиллерийского управления, возглавлял другие комиссии²⁹. После смерти Карпова Ипатьев стал членом Президиума ВСНХ, членом Госплана, руководителем Главхимма, организовал Институт прикладной химии, Химико-фармацевтический институт, Институт удобрений и инсектофунгицидов, Радиевый институт. Ленин называл Ипатьева «главой нашей химической промышленности». Ипатьев стал одним из авторов программы химизации страны, но в 1930 г. не вернулся в страну из зарубежной поездки. Но сделанное им для Советской России, для СССР трудно переоценить.

²⁷ Крылов А. Н. Мои воспоминания: Рассказы выдающегося ученого. 9-е изд., исправл. и доп. М., 2016.

²⁸ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика: Воспоминания. Т. 2: 1917—1930. Нью-Йорк, 1945.

²⁹ Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920.

Интеллигенция и советская власть в годы войны

Большевики с момента прихода к власти стремились не только нейтрализовать какие-то активные антисоветские проявления со стороны старой интеллигенции, ускорить идейно-политическое размежевание в различных социально-профессиональных отрядах интеллигенции³⁰, но всячески привлекали ее к сотрудничеству в деле решения проблем, накопившихся еще до революции. Многие интеллигенты понимали, что все четыре состава Временного правительства почти ничего не успели сделать в сферах деятельности различных профессиональных отрядов интеллигенции. И разного рода предложения реформ, изменений, усовершенствований, которые фигурировали в многочисленных резолюциях, обращениях, декларациях съездов, конференций, собраний и т.д., к осени 1917 г. просто «повисли в воздухе». У первых советских Народных Комиссаров были основания рассчитывать на помощь и участие в делах со стороны знающих и профессионально подготовленных людей.

Так, уже 9 ноября 1917 г. декретом ВЦИК и СНК РСФСР об учреждении Государственной комиссии по просвещению предусматривалось делегирование в состав этого органа двух представителей от Всероссийского учительского союза, представителя от Академического союза, от Всероссийской организации художников (как только она возникнет), от Всероссийского студенческого союза (когда таковой образуется)³¹.

27 октября 1918 г. Народный комиссариат просвещения РСФСР обратился к научным обществам с предложением о сотрудничестве. Была выражена готовность пойти

навстречу нуждам обществ, предлагалось представить их Уставы, печатные научные труды, периодические издания и протоколы заседаний. Наркомпрос предлагал обществам включиться в культурно-просветительную работу среди населения, взять на себя чтение научно-популярных лекций и курсов по различным отраслям знания, издательство научно-популярных брошюр и книг, устройство показательных выставок и т.д.³² В обращении советского государственного органа не выдвигалось никаких политических условий, но лишь высказывалось пожелание установить тесный контакт и получать информацию о работе и нуждах обществ.

С приходом к власти большевиками в отношении интеллигентских объединений использовался весьма прагматичный, дифференцированный подход. Многое зависело от того, какими сведениями располагали облеченные властью конкретные руководящие работники.

Большевики не только не препятствовали обычной деятельности интеллигентских организаций, но и оказывали им необходимую помощь и содействие. Так, в октябре—декабре 1917 г. состоялись выставки общества имени А. И. Куинджи (55 участников), общества художников «Звено» (45 участников), общества художников «Бубновый валет» (17 художников), «Общины художников» (68 участников), общества художников «Московский салон» (33 участника), общества «Мир искусства» (56 человек), Союза русских художников (30 участников). Продолжался процесс возникновения новых интеллигентских организаций. Появились ТОВА-

³⁰ Пинегина Л. А. К вопросу о политическом размежевании буржуазной интеллигенции в период Октябрьской революции (1917—1918 гг.) // Вестник Московского гос. ун-та. 1974. № 2.

³¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. С. 26—28.

³² Культурное строительство в РСФСР. 1917—1927 гг. Т. 1. Ч. 1: Документы и материалы. 1917—1920. М., 1983. С. 340—341.

ришество любителей белорусского народного искусства, Российское общество радиоинженеров, Радиовая ассоциация и другие. Составить представление об интенсивности интеллектуальной, культурной, духовной жизни в годы Гражданской войны позволяют десятки изданий, вышедших в СССР в 1960—1980-х гг.³³

С 1917 по декабрь 1918 г. оформлялась Ассоциация научных, технических, сельскохозяйственных, финансово-экономических союзов и обществ, и общественно-промышленных организаций³⁴. В декларации организационного собрания от 30 марта 1918 г. целью ассоциации провозглашалось: «поддержать, усилить и объединить эти союзы, общества и организации в их деятельности, направленной на сохранение и создание культурных ценностей в России, на развитие производительных сил, на восстановление хозяйственно-экономической мощи и независимости страны, на распространение знаний и просвещения в народе, на возрождение свободной, культурной и просвещенной родины»³⁵. Учредители — Народно-Промышленный комитет, Союз инженеров, Русское техническое общество и другие — надеялись, обособившись от окружающей жизни, объединиться на принципах внеклассовости, самостоятельности, независимости от органов власти. Члены общества обязывались подчиняться только руководящему совету Ассоциации. Для тех, кто решится на сотрудничество с большевиками, был создан суд чести. Но в отчете за октябрь 1917 — май 1918 г. отмечалось, что нарушителей кастовой дисциплины было мало³⁶. В декабре

1918 г. прошел учредительный съезд Всероссийской ассоциации инженеров.

В автономном режиме, воспользовавшись ситуацией, решало свои проблемы православное духовенство, достаточно многочисленная, хорошо организованная и специфическая по характеру деятельности социально-профессиональная группа старой интеллигенции. 15 августа 1917 г. в Москве открылся Всероссийский Поместный Собор, который 28 октября (10 ноября по новому стилю) принял решение о восстановлении патриаршества. 21 ноября (4 декабря) 1917 г. выпускник Санкт-Петербургской духовной академии Василий Иванович Беллавин, который среди сокурсников имел прозвище «Патриарх», стал Патриархом Московским и всея Руси Тихоном, первым после восстановления патриаршества в России. Выборы проходили на альтернативной основе (из трех кандидатов). Так духовенство сделало свою «революцию». Мнением новой власти по этому вопросу епископы не очень интересовались.

Большевики всячески поддерживали те организации, которые появлялись уже при советской власти и выражали желание сотрудничать с нею. Например, на Кубани в первой половине 1918 г. возник учительский союз, который занимался ликвидацией неграмотности и образованием взрослых, а также союз дилетантов, объединивший 18 художников³⁷. В январе 1918 г. профсоюзы работников музыки, сцены и кинематографии Сибири заявили о всемерной поддержке советской власти, создали центральное бюро этих организаций,

³³ Культурная жизнь в СССР. 1917—1927: Хроника / Ин-т истории СССР (Академия наук СССР). М., 1975; Культурное строительство в Куйбышевской области 1917—1937 гг.: Сборник документов. Куйбышев, 1979; и др.

³⁴ Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук: Речи и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся в 1917 г. 9 и 16 апреля в Петрограде и 11 мая в Москве. Пг., 1917.

³⁵ Известия Петроградского отдела Всероссийского союза инженеров. Пг., 1918. № 2. С. 18.

³⁶ Там же. С. 20.

³⁷ Культурное строительство на Кубани (1918—1941 гг.). Краснодар, 1978. С. 27—28.

а 11 июня 1918 г. в Иркутске учительский съезд принял резолюцию «О полном деловом контакте с советской властью в деле реформы школ»³⁸. В Воронежской губернии IV Землянский уездный съезд учителей в сентябре 1918 г. признал «союз учащих социалистическим и стоящим на платформе советской власти», послал приветствия Ленину и А. В. Луначарскому³⁹. Зачастую такие объединения возникали в беспартийной среде, без какого бы то ни было влияния коммунистов.

В силу того, что часть рядовых учителей, врачей, инженеров и др., как показала попытка забастовки и саботажа, шла за политиканствующими верхами, руководителями некоторых интеллигентских организаций, большевики прибегли к проверенной тактике расслоения, дифференциации, привнесения раскола в их ряды. Многие специалисты в отношении новой власти придерживались принципа «поскольку — постольку». Но и советская власть пользовалась этим же принципом. Если («поскольку») какая-то организация или какой-то конкретный интеллигент занимались исключительно своей профессиональной деятельностью, не вовлекаясь в политическую борьбу на стороне противников советской власти, то («постольку») такие организации и конкретные лица могли спокойно проводить собрания, мероприятия, вести работу в самых различных формах.

В условиях, когда в Советской России уже в 1918 г. началось формирование однопартийной политической системы, объединения специалистов стали рассматриваться большевиками в качестве важных каналов организационного и идейного влияния. Борьбу за интеллигенцию, за организаци-

онное руководство различными группами интеллигенции против возможного влияния «буржуазии» Ленин определял как одну из форм классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму.

Небольшие группы коммунистов целенаправленно шли на обострение, чтобы ускорить процесс размежевания интеллигенции. Так, на собрании общества беллетристов «Среда», на котором присутствовало около 60 человек, за согласие принять на себя заведывание литературно-художественным отделом «Известий Московского Совета» подвергся осуждению писатель А. С. Серафимович. Он заявил о разрыве с обществом и квалифицировал позицию его членов как предательскую по отношению к народу. Из Пироговского общества вышли врач-большевик И. В. Русаков и врач З. П. Соловьев⁴⁰. В Сибири создание «левых» групп в среде медицинских работников происходило в связи с усилиями местных Советов по созданию отделов здравоохранения и медико-санитарных Советов при них. Большинство томских врачей, занимавшихся частной медицинской практикой, отказались сотрудничать. Тогда другая группа (12 человек) создала 4 апреля 1918 г. организацию под названием «Социалистический союз врачей». Члены только что возникшей организации направили своих представителей в медико-санитарный совет при губсовде, желая «нейтрализовать саботажное настроение практикующих врачей, уклонившихся от представительства»⁴¹.

У некоторых организаций не было никаких перспектив получить «охранную грамоту» от новой власти. В этом плане показательна судьба Всероссийского учительского союза.

³⁸ Культурное строительство в Иркутской области. 1917—1967 гг.: Сборник документов. Иркутск, 1980. С. 330.

³⁹ Культурное строительство в Воронежской губернии (1918—1928 гг.): Сборник документов. Воронеж, 1965. С. 14.

⁴⁰ Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 54—55.

⁴¹ Красильников С. А., Соскин В. Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти. 1917 — лето 1918 г. Новосибирск, 1985. С. 209.

На почве борьбы с антисоветской, саботажнической линией руководства ВУС вокруг трех большевиков, исключенных из него, в декабре 1917 г. возник Петроградский союз учителей-интернационалистов. В апреле 1918 г. ПетроСУИН объединился с Московским союзом, а в сентябре 1918 г. Всероссийский союз учителей-интернационалистов объединял 234 организации с 12 тыс. членов. Председатель ВсеСУИН В.М. Познер подчеркивал, что «значение Союза было не в профессиональной стороне... Его суть и его главное значение было в том, что он представлял собой революционный авангард учительства, который, с одной стороны, был постоянной угрозой для буржуазного учительства и притягательным центром для народного учительства, с другой»⁴². Во многом в результате разъяснительной работы учителей-интернационалистов еще до ликвидации ВУСа декретом ВЦИК (в декабре 1918 г.) 60 его организаций самоликвидировались по решению учительских съездов⁴³. «Левые» группы и объединения, усилив коммунистов и беспартийных интеллигентов, принявших советскую власть, ускоряли политическое размежевание в интеллигентских кругах, позволяли выявить соотношение сил, влияние тех или иных групп или персон, определить или скорректировать дальнейшие действия в отношении различных социально-профессиональных групп интеллигенции и ее объединений.

С весны до осени 1918 г. большая часть специалистов перестраивала свою работу, повседневную жизнь применительно к условиям разгоравшейся Гражданской войны. Многие интеллигенты с негодованием встретили подписание большевиками Брестского мира, воспринимая это как под-

тверждение действий Ленина в интересах Германии. «Самая страшная тема сейчас — это Брестский мир. Он не принят всей мыслящей и грамотной частью России», — записывал в своем дневнике 24 марта 1918 г., в воскресенье, петроградский архивист Г.А. Князев⁴⁴. Было немало интеллигентов, которые ушли в так называемую внутреннюю эмиграцию, то есть оставались в России, но происходившее вокруг воспринимали как нечто чуждое.

События разворачивались стремительно. Появление на окраинах страны войск интервентов, многочисленные мятежи, продовольственные и другие проблемы не привели к свержению советской власти. А в начале ноября 1918 г. Германия капитулировала, Брестский мир был аннулирован 13 ноября 1918 г. На многих территориях восстановилась советская власть. Способные к самостоятельному анализу, образованные люди, ученые, инженеры, врачи, учителя и другие поняли, что заключением Брестского мира Ленин получил передышку, переиграл всех и выступил в роли патриота-государственника.

Этот поворот мелкобуржуазных, непролетарских масс в сторону поддержки советской власти Ленин положительно оценил в статье «Ценные признания Питирима Сорокина» и в ряде публичных выступлений. Впоследствии крупный русский и американский социолог П.А. Сорокин в 1917—1918 гг. был активным эсером, осудил захват власти большевиками, был избран депутатом Учредительного собрания от Вологодской губернии по списку партии эсеров. В начале 1918 г. он сидел в Петропавловской крепости за «подготовку покушения на Ленина», входил в «Союз освобождения России», руководил

⁴² *Аплетин М.Я.* Этапы развития просветительского союзного движения за 5 лет (1917—1923 гг.). М., 1923. С. 31.

⁴³ *Каткова А.П.* О роли союза учителей-интернационалистов в борьбе Коммунистической партии за учительство // Сб. науч. трудов Ульяновского политех. Ин-та. Т. VII. Вып. 3. Ульяновск, 1971. С. 141.

⁴⁴ *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915—1922 гг. // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. 4. СПб., 1993. С. 44.

подготовкой восстания против большевиков в районе Великий Устюг — Котлас. 30 октября 1918 г. он сдался ЧК в Великом Устюге. С разрешения чекистов ему позволили обратиться с телеграммой к Ленину, а затем и с открытым письмом, в котором он отказался от членства в партии эсеров и обещал отойти от политической деятельности. 20 ноября письмо было опубликовано в «Правде», а 21 ноября Ленин оценил в своей статье этот факт, как начало поворота мелкой буржуазии от враждебности к нейтральности в отношении большевиков. П. А. Сорокин был помилован, сотрудничал с Наркоматом просвещения, читал лекции в петроградских вузах, опубликовал двухтомную «Систему социологии» (1920), защитил докторскую диссертацию. За границу был выслан в сентябре 1922 г.

К концу 1918 г. закончился первый, конфликтный период во взаимоотношениях советской власти и старой интеллигенции. Для нового периода во взаимоотношениях старой интеллигенции и советской власти к концу 1918 — началу 1919 г. имелись благоприятные организационно-политические предпосылки⁴⁵.

Первая в истории России, принятая 10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики не покушалась на право интеллигентов участвовать в выборах Советов разного уровня, быть избранными в состав этих государственных органов. В списки «лишенцев» (лишенных избирательного права) интеллигенты попадали крайне редко. Если это происходило, то общественные организации вступались за них и добивались справедливости. Многие из-

бирательные собрания проходили в помещениях вузов, гимназий, театров и т. д.

После убийства М. С. Урицкого и В. В. Володарского, покушения на Ленина в конце лета 1918 г. немало представителей старой интеллигенции попало в жернова «красного террора»⁴⁶. У «расстрелянной стенки» заканчивали свой земной путь бывшие чиновники, священнослужители, офицеры, профессора, студенты. Однако отец, мать и сестра Л. И. Каннегисера, расстрелянного за убийство председателя Петроградской ВЧК М. С. Урицкого, подверглись лишь аресту. Русский инженер, промышленный магнат, член президиума Военно-промышленного комитета при Временном правительстве И. С. Каннегисер окончил Императорский университет Святого Владимира в Киеве и Петербургский институт инженеров путей сообщения, где одно время работал приват-доцентом. В 1919—1920 гг. И. С. Каннегисер работал в Высшем совете народного хозяйства. В марте 1921 г. его вновь арестовали, но выпустили по ходатайству Всероссийской ассоциации инженеров. В 1924 г. ему удалось с женой и дочерью эмигрировать в Париж.

Следует подчеркнуть, что в отношении высококвалифицированных и полезных специалистов большевистское руководство придерживалось весьма прагматичного подхода. Во-первых, «отцы за сыновей не отвечают». Собственно, многие революционеры и сами уходили из семей, «сжигали мосты». Во-вторых, «пусть спец работает, а расстрелять никогда не поздно».

Крупный горный инженер, экономист и политический деятель П. И. Пальчинский окончил Петербургский горный институт. 25 октября 1917 г. он был назначен на-

⁴⁵ *Фортунатов В. В.* Участие интеллигенции в развитии гражданского общества в 1917—1920 гг. // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2018. № 2. С. 178—184.

⁴⁶ *Квакин А. В.* Русская интеллигенция и большевистская власть в годы Гражданской войны в России. Саарбрюккен, 2013.

чальником обороны Зимнего дворца, а после его захвата был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. 6 сентября 1918 г. Пальчинский был включен в список 122 видных заложников. Вместе с тем с 1918 г. он был председателем Русского технического общества. Пальчинский занимался разведкой сланцев в России. Он организовал исследовательский институт «Поверхность и недра», был профессором в Горном институте, участвовал в разработке плана ГОЭРЛО. В 1925 г. Пальчинский стал Героем Труда, а в 1929 г. был расстрелян по «шахтинскому делу»⁴⁷. Похожие судьбы были у Н. Д. Кондратьева, Н. В. Некрасова, А. В. Чаянова и др.⁴⁸

14 декабря 1918 г. Ленин подписал постановление Совета Труда и Оборона (СТО) о порядке арестов ответственных служащих и специалистов, которым действия ВЧК ставились в определенные рамки⁴⁹. «[...] К аресту специалиста надо прибегать лишь тогда, если установлено, что его работа направлена к свержению Советской власти. Арестовать же его лишь за то, что он бывший дворянин, что когда-то был работодателем и эксплуататором, нельзя, если он исправно работает», — говорилось в приказе Президиума ВЧК от 17 декабря 1919 г.⁵⁰ Однако Ленину приходилось неоднократно лично вмешиваться и фактически спасать от худшего исхода немало интеллигентов⁵¹. Так, по малозначительным поводам подвергались арестам профессора И. А. Каблуков, В. И. Вернадский, Ю. В. Готье, М. М. Новиков, композитор А. Б. Гольденвейзер, издатель М. В. Сабашников и др. Глава правительства помогал

не всем. В 1922 г. Ленин стал инициатором высылки за границу большой группы интеллигентов, преимущественно гуманитариев. После смерти Ленина круг имеющих «охранные грамоты» и возможность апеллировать на самый верх стал быстро сужаться.

Ленин, а также Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский и др. разъясняли, что без специалистов защититься и построить новое общество не получится⁵². «Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен», — эту аксиому Ленин не устал повторять⁵³.

Политика советской власти («Ленинская политика») по отношению к интеллигенции, которую партийные и советские органы с «загибами» в сторону «левизны» в целом успешно проводили, заключалась в следующем: 1. Привлечение к деловому сотрудничеству, опора на патриотизм; 2. Обеспечение сносных материально-бытовых и социально-правовых условий жизнедеятельности, стимулирование особо полезных, с точки зрения власти, усилий; 3. Идеино-политическое перевоспитание, хорошо организованное, настойчивое вовлечение интеллигентов старой формации в новую общественную жизнь; 4. Подготовка новой, рабоче-крестьянской интеллигенции через рабочие факультеты, изменение социального состава студенчества, через выдвиженчество.

Важной организационно-политической формой руководства широкими массами старой интеллигенции стали общественные организации, особенно профессиональные

⁴⁷ Гараевская И. А. Петр Пальчинский: Биография инженера на фоне войн и революций. М., 1996.

⁴⁸ Грэхэм Л. Призрак казненного инженера: Технология и падение Советского Союза. СПб., 2000.

⁴⁹ СУ. 1918. № 94. Ст. 941.

⁵⁰ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг.: Сборник документов. М., 1958. С. 346.

⁵¹ Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин и мир литераторов и ученых // На литературном посту. 1927. № 20. С. 33—39.

⁵² В. И. Ленин, КПСС об интеллигенции. М., 1979. С. 78—169.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 178.

союзы. Ленин указывал: «Ради интересов дела мы намерены были использовать не только профсоюзы вообще, но и союз торгово-промышленных служащих, а торгово-промышленные служащие всегда были опорой буржуазного строя. Но раз эти люди прибегают к нам и говорят: мы согласны жить в добрососедских отношениях, встречайте их радушно, нужно взять протянутую руку, рука от этого не отвалится»⁵⁴. В «Наброске правил об управлении советскими учреждениями» (12 декабря 1918 г.) вождь большевиков прямо говорил о необходимости привлекать к работе в Советах «представителей непартийных профессиональных союзов и непартийных союзов интеллигенции»⁵⁵.

Первыми объединились медики. В сфере здравоохранения огромную роль играли врачи-большевики Н. А. Семашко, З. П. Соловьев, Д. И. Ульянов, В. М. Бонч-Бруевич (Величина), И. В. Рукавов, М. Ф. Владимирский, А. П. Голубков, В. А. Обух, А. В. Винокуров и др. Летом 1918 г. был опубликован список крупных медиков, уже работавших в советских учреждениях: Л. А. Тарасевич, Д. К. Заболотный, Г. Е. Владимиров, П. П. Кашенко, П. И. Куркин, В. А. Левицкий, О. В. Петерсен, Г. В. Хлопин, С. И. Златогоров, В. М. Хавкин и др. С образованием в июле 1918 г. Народного комиссариата здравоохранения в него пришли работать П. П. Лазарев, И. В. Попов, Н. И. Тезяков, Е. К. Сепн, А. И. Абрикосов и др.

В сентябре 1918 г. состоялась I конференция профессиональных организаций медиков. В ней участвовали: Всероссийский союз помощников врачей, фельдшеров, фельдшериц и акушеров; Всероссийский союз лекарственных помощников-рот-

ных фельдшеров; Всероссийский союз профессиональных объединений врачей; Всероссийский союз сестер милосердия; Всероссийский союз санитаров; Больнично-санитарная секция младших служащих; Всероссийский союз младших служащих всех ведомств; Больнично-санитарная секция; Центральный союз рабочих и служащих городских учреждений; Союз зубных врачей служащих; Союз фармацевтов лечебно-санитарных учреждений, Союз административно-хозяйственных служащих; Союз массажистов; Союз ветеринарных фельдшеров. Было решено объединиться на основе общей платформы советских профсоюзов. Был избран Организационный комитет, развернувший подготовку первого учредительного съезда⁵⁶.

«Объединительное движение» стремились направлять и возглавлять коммунисты. В Петрограде по инициативе фракции РКП(б) и группы сочувствующих крупнейшего в городе Союза младших служащих лечебных учреждений (25 тыс. человек) в начале ноября 1918 г. состоялось делегатское собрание этого союза с участием представителей других союзов лечебно-санитарного дела. Союзу в его объединительных усилиях непосредственно помогали председатель Петроградского Совета профессиональных союзов Н. М. Анцелович и инструктор губпрофсовета Г. В. Босняцкий. 2 декабря 1918 г. состоялось собрание представителей профсоюзов медиков для избрания руководящих органов. До этого, ночью, состоялось совещание фракции РКП(б), на котором был намечен список кандидатов в правление. Он и был одобрен собранием в 300 человек. Так образовался Союз работников лечебно-санитарных учреждений Петрограда и окрестностей⁵⁷.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 231–232.

⁵⁵ Там же. С. 367.

⁵⁶ Родионова Е. И. Очерки истории профессионального движения медицинских работников. М., 1962. С. 93.

⁵⁷ Лискиер М. Л. История профдвижения ленинградских работников лечебно-санитарного, аптечного и ветеринарного дела. Л., 1925. С. 63.

2—7 марта 1919 г. в Москве состоялся I съезд, основавший Всероссийский профессиональный союз работников медико-санитарного труда (ВМСТ, Всемерикосантруд). 249 делегатов представляли 134 тыс. медицинских работников. К этому моменту в 53 из 68 местных организаций произошло объединение самостоятельных узкопрофессиональных союзов. Однако вне рядов ВМСТ оставались врачи, которые не хотели оказаться вместе с санитарями и прачками, а также аптечные работники, стремившиеся войти в профсоюз химиков, что сулило более прочное материальное положение для членов профсоюза. Председателями ВМСТ в 1919—1920 гг. были коммунисты Ф. М. Михайлов, Г. П. Кузнецов, Н. М. Петров. К сентябрю 1919 г. союз объединял 150 тыс. членов, а к декабрю 1920 г. — 471 тыс.⁵⁸

У работников искусства к началу 1919 г. существовало более 20 всероссийских, московских, петроградских союзов, в 99 городах действовали союзы артистов сцены и арены, оркестрантов, пианистов-иллюстраторов и т. п.⁵⁹ 7 мая 1919 г. в театре «Кино-Арс» в Москве на Тверской улице открылся I Всероссийский съезд работников искусств, учредивший свой профсоюз (Рабис). 114 делегатов с решающим и 49 с совещательным голосом представляли 25 тыс. членов союза в 50 губерниях. В выступлениях представителей ЦК РКП(б), ВЦСПС, Наркомпроса РСФСР указывалось на необходимость творческой, критической переработки старого культурного наследия, на необходимость прочного союза с рабочими, на важность согласованных действий профсоюза и государственных органов. В резолюции по организационному вопросу в качестве основной цели Рабиса провозглашалась «планомерная и твердая подготовка

к деятельному участию в непосредственной работе государственных органов власти и выполнение через союзные организации задач, стоящих перед советской властью в области художественного просвещения страны». К октябрю 1921 г., когда Всерабис ненадолго влился во Всеработпрос, в нем состояло свыше 121 тыс. членов. Председателем Всерабис был Ю. М. Славинский.

Первый в РСФСР производственный союз просвещенцев возник в Петрограде в 1918 г. К 15 июля 1919 г. в нем было 2970 преподавателей, 204 профессора и ученых, 125 человек высшего технического персонала, 537 — среднего технического персонала, 288 врачей школ, 2388 конторских служащих, 3552 работника низкой квалификации. Были представлены 17 научных учреждений, 55 вузов, 933 трудовые школы, 104 культпросветучреждения, а всего — 1109 организаций. В апреле 1919 г. был создан Московский губернский союз работников просвещения (7000 членов), в мае — Ярославский (1000 членов) и другие местные единые союзы на основе обычного Устава ВЦСПС.

В условиях Гражданской войны и разрушения средств сообщения делалось все возможное, чтобы выявить интересы, волю, желания, настроения учителей, профессоров и преподавателей вузов, научных работников. Отдел съездов Наркомпроса работал с огромным напряжением. В 1918 г. в общей сложности состоялось 164 учительских и 13 съездов деятелей по народному образованию. Подверглись фронтальному обсуждению кардинальные, принципиальные вопросы высшего, среднего специального, профессионально-технического, среднего и начального, дошкольного и внешкольного образования, а также вопросы подготовки и повышения квалификации педагогиче-

⁵⁸ Розенфельд О. История профессионального движения в России: Синхронистические таблицы. Схематический текст. М., 1924. С. 135—139.

⁵⁹ Коржихина Т. П. Профсоюзы интеллигенции: Борьба за демократическую интеллигенцию после Октября // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1984. С. 182.

ских кадров и др. В 1918 г. 48,8% учителей не имели педагогического образования, а потребность в специалистах определялась в 100 тыс. человек.

Объединительный процесс, затронувший большое число работников умственного труда, ставил в повестку дня включение возникавших организаций в советскую политическую систему. Какими должны быть эти объединения? Кто мог быть их членами, руководителями? В каких формах и пределах следовало допускать развитие общественно-политической активности разных интеллигентских групп?

Часть коммунистов, например, руководителей Союза учителей-интернационалистов, считала, что формируемый профсоюз работников просвещения может включать лишь тех, кто разделяет полностью платформу Коммунистической партии. 8—23 января 1919 г. состоялось совместное заседание коммунистических фракций двух всероссийских съездов — союза учителей-интернационалистов и заведующих губернскими отделами народного образования. В обсуждениях приняли участие коммунисты, представлявшие ЦК РКП(б), ВЦИК, ВЦСПС, Московский комитет РКП(б), Внешкольный, Дошкольный и Профсоюзный отделы Наркомпроса, Пролеткульт, РВС, Союз коммунистической молодежи и союзы коммунистического студенчества.

«В условиях психологического перелома, в среде мелкобуржуазной интеллигенции, в совершенно необычных и своеобразных условиях, в которых мы живем, может происходить не постепенное медленное накопление коммунистических сил, как в обыкновенное время, а быстрый массовый переход этой мелкобуржуаз-

ной интеллигенции на коммунистическую платформу», — доказывал председатель ВСУИИ В. М. Познер. Большинством в 21 против 9 голосов было решено создавать Коммунистический союз работников просвещения⁶⁰. «Слово “коммунизм” прятать незачем. Большая часть учительства представляет “табула раса” (лат. *tabula rasa* — чистая доска) и в процессе работы воспримет коммунизм не только на словах, но и на деле», — убеждал П. Н. Лепешинский участников заседания⁶¹. Возражавшие говорили о неготовности учителей к такому большому шагу, о том, что название «коммунистический» может быть скомпрометировано вступлением в союз «примазавшихся элементов» (выступления С. И. Мицкевича, Д. М. Лазуркиной). Л. Р. Менжинская, М. Н. Покровский, Л. Г. Шапиро предлагали создать широкое объединение с коммунистической ячейкой внутри профсоюза и добились повторного обсуждения вопроса. После этого А. В. Луначарский обратился за помощью и советом в ЦК РКП(б), просил делегировать авторитетного члена ЦК и дать компетентную политическую директиву⁶².

18 января 1919 г. на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов выступил Ленин. Он определил принципы, основные цели и задачи, стоящие перед профсоюзом просвещенцев. «Привлечь самые широкие учительские массы [...] воспитать наиболее отсталые слои учительства, подчинить их общепролетарской политике, связать в общую организацию», — так Ленин говорил о необходимости обеспечить массовость и сформировать состав союза, на более широкой советской, а не на зауженной коммунистической платформе⁶³. Но в условиях внутрипартийной демократии того времени

⁶⁰ Познер В. М. Красная армия просвещения. М., 1919. С. 55.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 5462. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

⁶² Культурное строительство в РСФСР. 1917—1927 гг. Т. 1. Ч. 1: Документы и материалы. 1917—1920. М., 1983. С. 55, 399.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 432.

вождь партии, как оказалось, не всех коммунистов-просвещенцев, болевших «детской болезнью левизны», сумел убедить.

Более 20 различных союзов работников сферы образования численностью от 200 до 1000 человек насчитывалось к весне 1919 г. в Москве: Союз работников по дошкольному воспитанию г. Москвы и окрестностей, Союз работников по внешкольному образованию, Союз учащихся Рогожско-Симоновского района г. Москвы и т.п.⁶⁴ В Петрограде до осени 1918 г. наряду с ПетроСУИН действовали Союз учащихся высших начальных училищ, Союз педагогов духовных учебных заведений, Союз педагогов правительственных средних учебных заведений, всего свыше 20 организаций. «Все это были в большинстве числом местные (города Петрограда) небольшие группы лиц, без единой программы, без определенных уставов, работавшие без планов и всякой связи с общим рабочим движением. Отдельные просвещенцы состояли членами двух или нескольких таких союзов, зачастую враждовавших друг с другом», — отмечали позже историки Рабпроса (профессионального союза работников просвещения)⁶⁵.

С 28 июля по 1 августа 1919 г. в Москве прошел съезд работников просвещения, на котором 31 июля по просьбе исполнительного комиссии выступил Ленин. На съезде были 277 делегатов из 32 губерний, представлявшие 66 100 просвещенцев.

В составе других профессиональных союзов в 1919 г. в соответствии с Уставом ВЦСПС были созданы инженерно-технические секции (ИТС). На предприятиях и в учреждениях формировались коллективы инженерно-технических работников, являвшиеся составной частью профсоюзов-

ной организации. Высший орган — общее собрание — избирало бюро коллектива. Председатель бюро обычно входил в состав фабрично-заводского комитета. На районных (уездных, окружных), областных, краевых, республиканских конференциях избирались соответствующие бюро ИТС. Их работу координировали межсекционные бюро ИТС (МБИТ), избиравшиеся на межсекционных конференциях и действовавшие при соответствующих советах профсоюзов.

Наиболее квалифицированные инженерно-технические кадры, сформировавшиеся как специалисты до революции и занимавшиеся научно-технической работой, еще в марте 1917 г. объединились во Всероссийский союз инженеров, который в 1919 г. был преобразован во Всероссийскую ассоциацию инженеров. Впоследствии в ВАИ считали, что идея создания ИТС зародилась внутри Всероссийского союза инженеров: «На долю инженерной общественности осталось, главным образом, реагирование на те или иные вопросы текущей хозяйственной жизни страны, поскольку таковые были доступны для обсуждения нашим сочленам»⁶⁶.

В отношении регистрации общественных организаций действовал так называемый заявительный (уведомительный) принцип, в соответствии с которым общественное объединение заявляло о своем учреждении в НКВД и в народный комиссариат юстиции и при отсутствии запрета начинало действовать в соответствии с утвержденным уставом. Такой порядок возник после Февральской революции⁶⁷, был узаконен в 1922 г. и действовал до 1932 г., когда вместо заявительного был введен разрешительный принцип.

⁶⁴ Коржихина Т. П. Профсоюзы интеллигенции: Борьба за демократическую интеллигенцию после Октября. С. 182.

⁶⁵ Щуров Л., Гловацкий Л. Профессиональное движение просвещенцев: Исторический очерк. Л., 1927. С. 13.

⁶⁶ Вестник инженеров. 1927. № 3. С. 87—89.

⁶⁷ Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905—1917 годы. Тамбов, 2002.

Было важно то, что в разгар Гражданской войны не только прошли учредительные съезды интеллигентских профессиональных союзов, но и были разработаны принципиальные основы для профессиональной деятельности практически всех социально-профессиональных отрядов интеллигенции. Интеллигентские профсоюзы, как и остальные, имели значительное тяготение к анархо-синдикализму, претендовали на исключительную роль в организации своих сфер деятельности.

Многие работники интеллектуального труда получали заработную плату, продовольственные пайки, другую материальную поддержку от советских органов, от профсоюзов. Однако многие не пережили голода, холода, болезней и разгула криминала. Условия для работы, особенно у гуманитариев, были крайне тяжелыми⁶⁸. Несколько тысяч печатных листов готовых к печати рукописей, т.е. примерно около 200 томов, подготовленных только Российской академией наук, не смогли к 1920 г. увидеть свет из-за типографской разрухи, по определению вице-президента РАН С. Ф. Ольденбурга.

Результатом переписки с Лениным по инициативе А. М. Горького в конце 1919 г. была создана Комиссия по улучшению быта ученых в Петрограде. Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 декабря 1919 г. устанавливался академический паек — 3539 ккал на день. Мясной паек составляли: мука — 35 фунтов, крупа — 12, горох — 6, мясо — 15, рыба — 5, жиры — 4, сахар — 2,5, кофе — 0,5, соль — 2, мыло — 1, табак — 0,75 фунта, спички — 5 коробок. Это была средняя величина между тыловым (2566 ккал) и фронтовым (боевым) красноармейскими пайками (более 4000 ккал). Академический паек был рассчитан на восстановление

до нормы сил, утраченных учеными. Первоначально было выделено по 250 академических пайков для Москвы и Петрограда и 50 пайков для литераторов. Петроградская Комиссия по улучшению быта ученых заняла Дворец великого князя Владимира Александровича, в котором был создан Дом ученых. Он стал научным клубом и центром материального обеспечения научной и творческой интеллигенции.

10 ноября 1921 г. была создана Центральная Комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) с подчинением ей Московской и Петроградской КУБУ. Наряду с учеными Москвы и Петрограда получали «академический паек» К. Э. Циолковский, чувашский народный просветитель И. Я. Яковлев, сотрудник Сольвычегодского музея И. И. Томский, весьегонский краевед А. А. Виноградов. В списках лиц, которым ЦЕКУБУ оказывала помощь продовольствием, значились М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, Л. В. Собинов, М. М. Ипполитов-Иванов, К. С. Станиславский и многие другие видные мастера искусств, а также историки М. В. Алпатов, М. Н. Тихомиров, Н. И. Конрад и другие известные ученые. ЦЕКУБУ возглавил Артемий (Артащес) Баградович Халатов (Халатянц). В 1919 г. для ученых и профессорско-преподавательского состава вузов было выделено 500 продовольственных академических пайков. К октябрю 1923 г. количество академических пайков достигло максимума — 20755. Из них 7250 (34,92%) приходилось на Петроград⁶⁹.

Первый год во взаимоотношениях между советской властью, большевиками и старой интеллигенцией был напряженным, конфликтным. В следующем году старые интеллигенты пошли на компромисс, признали советскую власть, адаптировались к новым общественным отношениям. Объединение

⁶⁸ Ю. В. Готье и его дневник // Вопросы истории. 1991. № 6.

⁶⁹ *Фортуна* В. В. «Ноев ковчег для русской интеллигенции»: (К 100-летию создания Комиссии по улучшению быта ученых) // *Alma mater: Вестник высшей школы*. 2019. № 11. С. 93—99.

основных групп интеллигенции в три крупных профессиональных союза состоялось на советской платформе, как тогда говорили. Профессиональные союзы аккумулялировали позиции своих членов по вопросам состояния и проблемам развития соответствующей профессиональной деятельности. В последний год Гражданской войны можно констатировать факт многопланового и в целом лояльного сотрудничества большинства старых специалистов с большевиками. Это стало одним из факторов укрепления советской власти и содействовало победе красных над белыми.

На территории, подконтрольной советской власти, все интеллигентские силы брались на учет, а в значительной своей части мобилизовались в принудительном порядке. Можно насчитать не менее 30 декретов, распоряжений и постановлений советских органов разного уровня, в соответствии с которыми осуществлялись различные мобилизационные мероприятия. На основе декрета СНК от 24 марта 1920 г. о срочном выпуске инженеров-специалистов в наиболее работоспособных вузах (Инженеров путей сообщения, Политехнический, Технологический в Петрограде, Техническое училище и др. в Москве) создавались особые комитеты, в которые привлекали самых авторитетных профессоров⁷⁰. В Петрограде с ноября 1920 г. по сентябрь 1921 г. было подготовлено 1355 чел., в том числе 268 механиков, 237 инженеров путей сообщения, 186 электриков, 176 инженеров-строителей, 125 архитекторов, 62 агронома, 43 металлурга, 63 химика, 59 экономистов, 57 гор-

ных инженеров, 23 фототехника, 21 кораблестроитель, 36 лесников. В Москве ускоренное обучение с 1 января по 1 июля 1921 г. дало 868 инженерно-технических специалистов⁷¹.

Особо ценными для руководства Советской России были интеллигенты-коммунисты, а в вузах с 1919 г. большую активность проявляли и рабфаковцы, студенты, члены Российского коммунистического союза молодежи. После победы большевистской революции при приеме в партию предпочтение отдавалось тем работникам умственного труда, которые стояли ближе к производству. Для вступления в РКП(б) интеллигентов предусматривалось немало ограничений, которые должны были преградить доступ в нее обывателям и карьеристам⁷². Проявившие себя пополняли партийные ряды. По данным партийной переписи 1920 г. коммунистами были 6,5 тыс. техников и механиков, 10 тыс. педагогов, 1,5 тыс. врачей и фельдшеров, 1 тыс. специалистов сельского хозяйства, 1,6 тыс. инженеров, статистиков, юристов, 2 тыс. работников искусства, 1,7 тыс. военных специалистов, 5,3 тыс. работников связи, 45 тыс. государственных служащих⁷³. Но коммунистов с законченным высшим образованием было совсем немного: в 1922 г. — 2317 чел., т.е. 0,6% от общего состава партии⁷⁴.

Едва ли не наиболее драматичным и болезненным, если сравнивать разные социально-профессиональные группы интеллигенции, был выбор русского офицерства⁷⁵. По существующим оценкам, с уче-

⁷⁰ *Фортунатов В. В.* Ускоренный выпуск в вузах: Как это было сто лет назад // *Alma mater: Вестник высшей школы.* 2020. № 6. С. 101—105.

⁷¹ Народный комиссариат по Просвещению. 1917 — октябрь 1920: (Краткий отчет). М., 1920. С. 109—110.

⁷² *Фортунатов В. В., Платова Е. Э.* Интеллигенты в составе Коммунистической партии: Фантазии и реальность (1917—1940) // *Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук.* Иваново, 2019. № 1. С. 47—62.

⁷³ Личный состав РКП в 1920 г. М., 1921. С. 22—23.

⁷⁴ Справочник партийного работника. Вып. 2. М., 1922. С. 378.

⁷⁵ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001; *Ганин А. В.* Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны: Противостояние командных кадров. 1917—1922. М., 2019.

том потерь, плена, ротации кадров и многочисленных переходов из лагеря в лагерь через Красную армию могли пройти около 100 тыс. бывших офицеров. Не менее 27 тыс. их прошли через национальные армии. Через белые армии (включая произведенных в белые армии) могли пройти от 110 до 130 тысяч офицеров, в том числе 70—90 тыс. через белые армии Юга России, порядка 30 тыс. через Восточный антибольшевистский фронт и не более 10 тыс. через прочие фронты⁷⁶. Бывшие офицеры и генералы готовили красных командиров в советских военно-учебных заведениях, служили в центральных и местных учреждениях, на строевых должностях в частях и соединениях. Военные специалисты в Красной армии в 1918 г. насчитывали 75% среди командного состава, в 1919 г. — 53%, в 1920 — 42%. На службу новой власти, своему народу встали бывшие офицеры старой армии, известные впоследствии военачальники: М. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Вацетис, С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, Ф. Ф. Новицкий, А. И. Егоров, А. А. Самойло, А. И. Корк, Д. М. Карбышев, В. М. Альтфатер, А. А. Балтийский, В. С. Лазаревич, А. М. Василевский, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, Я. И. Алкснис, Н. Е. Какурин, Р. П. Эйдеман, В. И. Шорин, Р. Ф. Сиверс, В. К. Триандафиллов, В. К. Путна и др.

Судьбы многих военных специалистов уже легли в основу сотен рассказов, повестей, романов, документальных и художественных кинофильмов. Выходец из дворян, выпускник Александровского военного училища А. П. Востросаблин с 1910 г. был комендантом крепости Кушка, в 1914 г. стал генерал-лейтенантом, а после Октябрьской революции встал на сторону советской власти. Во время мятежа в Закаспийской области в июле—августе 1918 г. был избран председателем военного совета крепости. Малочисленный гарнизон крепо-

сти Кушка под командованием А. П. Востросаблина разгромил белогвардейский ашхабадский отряд, осадивший крепость 17 августа 1918 г., и не отдал в руки врага большие запасы артиллерийских снарядов, ружейных патронов, ручных гранат, пулеметов, винтовок и артиллерийских орудий. Востросаблин командовал курсами красных командиров в Ташкенте, был членом Революционного военного совета Туркестанской республики. Предположительно белогвардейские агенты выбросили его из поезда, что впоследствии стало причиной смерти. Посмертно А. П. Востросаблин был награжден орденом Красного Знамени.

За службу советской власти были казнены белыми генералы А. Д. Станкевич, А. П. Николаев, А. А. Таубе. «Мои седины и контуженные ноги не позволяют мне идти на склоне лет в лагерь интервентов и врагов трудящейся России», — так ответил выпускник Михайловского артиллерийского училища барон А. А. фон Таубе на предложение воевать на стороне белых⁷⁷. Он был генерал-лейтенантом в царской армии, но получил известность как «сибирский красный генерал», помогал сибирским большевикам против атамана Дудова, Семенова, чехословаков. Умер закованным в кандалы в одиночной камере от сыпного тифа.

В 1920 г., с началом наступления белополяков, в РККА пришли генералы А. А. Брусилов, А. М. Зайончковский, В. Н. Клембовский, А. Е. Гутор, сотни офицеров. Во избежание измен и предательства (Муравьев, Балахович и др.) в РККА в апреле 1919 г. был учрежден институт военных комиссаров, число которых к концу 1919 г. достигло 5200 человек.

Бывшие офицеры старой армии Б. М. Шапошников, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, Л. А. Говоров, А. М. Василевский, Ф. И. Толбухин, И. Х. Баграмян впоследствии стали Маршалами Советского Союза.

⁷⁶ Ганин А. В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России. 1917—1922. М., 2018. С. 48.

⁷⁷ Центросибирцы: Сборник памяти погибших членов ЦИК Советов Сибири 1918 г. М.; Л., 1927. С. 156.

На полях сражений и в тылу огромную работу выполняли врачи, медицинские работники. Так, выпускник медицинского факультета Московского университета А. Н. Сысин к 1917 г. руководил эвакуационным и госпитальным делом, борьбой с эпидемиологическими заболеваниями в Земгоре. В 1918 г. Сысин был назначен руководителем санитарно-эпидемиологической секции Народного комиссариата здравоохранения, занимал эту должность до 1932 г. Профессор гигиены, заслуженный деятель науки, академик Академии медицинских наук СССР А. Н. Сысин внес крупный вклад в организацию санитарно-эпидемиологической службы в СССР.

Без каждодневного труда медицинских работников потери среди военнослужащих и гражданского населения могли бы быть еще больше. К началу 1920 г. в Советской России (без Украины) насчитывалось 24 тыс. врачей (в том числе около 40% в Красной армии) и около 60 тыс. среднего медицинского персонала. Пироговское общество (П. Н. Диатропов и другие) стало сотрудничать с советской властью и было распущено только в 1925 г.

Поддержавшие большевиков известные деятели культуры принимали участие в агитационно-пропагандистской работе, способствуя тем самым духовной поддержке бойцов и командиров Красной армии. Среди них были литераторы Д. Бедный, В. В. Маяковский, Д. А. Фурманов, скульпторы, графики Н. А. Андреев, В. Н. Дени (Денисов), Д. С. Моор (Орлов) и др. Среди художественной интеллигенции с советской властью сотрудничали А. А. Блок, В. Я. Брюсов, А. М. Горький, А. С. Серафимович и др.

Патриотизм и надежды на «революционное обновление» стали причиной того, что в годы Гражданской войны в Советской России остались: писатели и поэты — А. А. Ахматова, А. Белый, В. В. Вересаев, А. С. Грин, С. А. Есенин, М. М. Пришвин, С. А. Сергеев-Ценский, Н. Д. Телешов,

К. А. Тренев, А. П. Чаплыгин, В. А. Шишков; художники — А. Е. Архипов, Б. М. Кустодиев, В. Е. Маковский, К. С. Петров-Водкин, В. Д. Polenov, В. Е. Татлин, К. Ф. Юон; скульпторы — Н. А. Андреев, М. Г. Манизер, В. И. Мухина, Л. В. Шервуд; артисты — М. Н. Ермолова, Л. В. Собинов, А. И. Южин, В. В. Качалов, Н. А. Обухова, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко; композиторы — А. К. Глазунов, М. Н. Ипполитов-Иванов и многие другие деятели литературы и искусства.

В период Гражданской войны под руководством А. М. Горького осуществлялось издание классиков русской литературы. Вокруг советских издательств и журналов группировались «старые» и «новые» «литературные силы»: Д. А. Фурманов, И. Э. Бабель, Вс. В. Вишневский, А. Г. Малышкин, В. П. Катаев, Б. А. Лавренев, А. П. Гайдар, В. Г. Лидин, А. А. Фадеев, М. А. Светлов, Н. А. Островский, А. И. Безыменский, Э. Г. Багрицкий, Н. С. Тихонов и др.

В Советской России в годы Гражданской войны были национализированы театры. Они перешли в ведение Наркомпроса. Наиболее известные из них получили статус академических. Наряду с подготовкой традиционных спектаклей, артистические бригады нередко в агитационно-просветительских целях выезжали в части РККА и в сельскую местность. Театры обновляли репертуар. В 1920 г., по инициативе Ленина, было учреждено звание «Народного артиста Республики». Первой его получила великая русская актриса М. Н. Ермолова. Это же звание было присвоено К. С. Станиславскому, А. В. Неждановой, Л. В. Собинову, Е. В. Гельцер и др. Формировалось новое поколение мастеров сцены — В. В. Барсова, М. П. Макасова, И. О. Рейзен, И. С. Козловский, Н. К. Черкасов, Б. В. Шукин, А. К. Тарасова, Н. П. Хмелев, И. В. Ильинский и другие. Во главе Петроградской, Московской и Киевской консерваторий стояли А. К. Глазунов, М. М. Ипполитов-Иванов и Р. М. Глиэр.

С. Н. Василенко создал в 1918 г. «Концертно-организационное бюро», был дирижером симфонического оркестра в Москве, сопровождал пояснениями концертные выступления в красноармейских клубах и госпиталях. М. Ф. Гнесин вел обширную музыкально-просветительскую, педагогическую и лекторскую работу в Ростове-на-Дону, участвовал в создании Донской консерватории.

В созданной советской властью Комиссии по охране памятников искусства и старины работали художники В. Н. Мешков, К. Н. Бакшеев, С. Т. Коненков, А. Е. Архипов, В. А. Ватагин, С. М. Волнухин, П. П. Кончаловский, К. А. Коровин, С. Д. Эрзя-Нефедов, П. В. Кузнецов, А. М. и В. М. Васнецовы, Н. А. Касаткин, А. Н. Корин, И. Э. Грабарь, К. Ф. Юон, А. С. Голубкина, В. Е. Маковский, А. В. Щусев, И. В. Жолтовский, Ф. Ф. Федоровский, А. И. Златовратский, Н. П. Ульянов, историки искусства Ю. В. Арсеньев, Е. Ф. Корш и другие. В 1918—1920 гг. было взято на учет более 500 объектов⁷⁸.

В изданиях советского периода по истории фабрик и заводов о становлении социалистической промышленности, экономики в целом крайне скупо или совсем не освещался вклад инженерно-технических работников в функционирование предприятий, работавших в 1918—1920 гг. Между тем, по материалам промышленной переписи 1918 г., из 1177 фабрично-заводских комитетов в 26,8% из них привлекались к работе «буржуазные специалисты». В 38% из 902 предприятий «буржуазных специалистов» привлекали к работе в специальных органах рабочего контроля⁷⁹. Летом 1918 г. на петроградских заводах стали создаваться комиссии по производству, в которые входили технические специалисты

и члены ФЗМК. Так, на Путиловском заводе председателем комиссии стал инженер Липницкий⁸⁰.

Главное бюро учета и распределения научно-технических сил к августу 1919 г. зарегистрировало 29 722 специалиста науки и техники, работавших в различных наркоматах. Из них 15 113 человек имели высшее образование, 6265 — среднее, остальные были практиками. В 1920 г. на учете было уже 50 275 специалистов, из которых 23 986 имели высшее, 12 387 — среднее образование, а 13 902 были практиками. В транспорте и строительстве работало 9287 специалистов, в электротехнической промышленности — 8234, в химической — 5123, в горно-металлургической — 3253, в сельском хозяйстве — 19626⁸¹.

В годы Гражданской войны боееспособность РККА обеспечивали: создатели стрелкового оружия В. Г. Федоров, В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев, «отец русской авиации» Н. Е. Жуковский, его ученики А. А. Архангельский, В. П. Ветчинкин, Г. М. Мусиянц, Г. Х. Сабинин, Б. С. Стечкин, А. Н. Туполев, Б. Н. Юрьев, инженеры и техники на военных заводах. С нарядом остались конструктор парашюта Г. Е. Котельников, создатель противогАЗа Н. Д. Зелинский, конструктор танка и самолетов А. А. Пороховщиков, выдающийся инженер В. Г. Шухов, горный инженер П. И. Пальчинский, основоположник теоретической космонавтики К. Э. Циолковский.

Следует учесть, что наряду с плеядой наиболее известных русских оружейников, решивших поддержать советскую власть, значительную роль играли и другие инженерные, научно-технические работники в РККА, РККФ и оборонном комплексе. Так, выпускник Петербургского техноло-

⁷⁸ Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. М., 1973; Ильина Г. И. Культурное строительство в Петрограде (октябрь 1917 — 1920). Л., 1982; и др.

⁷⁹ Дробизhev В. З. Главный штаб социалистической промышленности: (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.). М., 1966. С. 57.

⁸⁰ История Кировского завода. 1917—1945. М., 1966. С. 74—76.

⁸¹ Работа научно-технических учреждений Республики. 1918—1919 гг. М., 1919. С. 56—64.

гического института Ф. Ф. Лендер, создатель отечественной зенитной артиллерии, изобретатель полуавтоматических затворов, с 1918 г. являлся помощником начальника Управления по формированию зенитных батарей РККА, главным конструктором Артиллерийского комитета, членом Комиссии особых артиллерийских опытов. С февраля 1920 г. он возглавил Артиллерийское конструкторское бюро, созданное им для разработки качественно новой полевой артиллерии всех тактических назначений.

На Ижорском заводе в 1918 г. был изготовлен 1 бронепоезд и 19 бронемашин, в 1919 г. — 6 бронепоездов и 44 бронемшины. Был осуществлен ремонт 40 бронепоездов и 20 бронемашин, выпускались гильзы и щиты для пулеметов. 23 июля 1919 г. на Ижорском заводе был выпущен первый русский танк «Кегресс»⁸². А техническим директором Ижорского завода с июля 1918 г. являлся выпускник Петербургского политехнического института А. Н. Фарфурин, инженер-металлург, крупнейший специалист по корабельной броне и технологии ее производства. Главный металлург Ижорского завода А. Н. Фарфурин принял советскую власть, подготовил учеников и работал до последнего дня тяжелой болезнью.

На службе у большевиков оказалась большая часть инженеров путей сообщения, без которых было бы невозможно спасти транспорт от полного краха. Известные конструкторы паровозов Б. С. Малаховский, А. С. Раевский, М. Е. Правосудович, Е. Е. Нольтейн, А. О. Чечотт, Н. Л. Шукин и другие, а также большинство служащих прежней железнодорожной администрации сотрудничали с советской властью⁸³.

В марте 1919 г. Ленин подписал удостоверение Совета Обороны профессору

И. П. Прокофьеву и инженеру Г. П. Лаппо-Старжинецкому о предоставлении им чрезвычайных полномочий для руководства работой по восстановлению мостов в военное время⁸⁴. Выпускник Московского инженерного училища ведомства путей сообщения (ныне Российский университет транспорта — Московский институт инженеров транспорта) И. П. Прокофьев еще до революционных событий 1917 г. участвовал в строительстве крупных мостов, был известным ученым в области мостостроения, профессором ряда вузов. В начале 1918 г. Прокофьева вызвали в Наркомат путей сообщения, где он дал согласие работать в комиссии по восстановлению мостов, взорванных во время Гражданской войны. Он стал членом научно-технического совета НКПС, выезжал на восстановление жизненно важных железнодорожных мостов через Волгу, Донец, Каму, Белую. Прокофьев, выдающийся ученый в области строительной механики и сопротивления материалов, воспитал 25 докторов наук, был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, другими наградами.

В годы Гражданской войны советское руководство поддержало или инициировало осуществление многих крупных народнохозяйственных проектов. Достаточно называть использование ресурсов Кольского полуострова, Кара-Богаз-гола, Баку, всего Каспийского района, освоение Курской магнитной аномалии, строительство Шатурской тепловой (на торфе) и Волховской гидроэлектростанций, изыскания трассы будущего Волго-Донского канала и многое другое⁸⁵.

В первой половине 1918 г. были национализированы крупные для того времени

⁸² Кутузов Е. В., Ефимова Г. А., Ирклей А. С. Ижорский завод. Ч. II. Л., 1974. С. 88.

⁸³ Сенин А. С. Железнодорожная администрация Советской России в годы Гражданской войны. М., 2015.

⁸⁴ В. И. Ленин: Биографическая хроника. 1870—1924 гг. Т. 7. М., 1976. С. 5.

⁸⁵ См.: Сообщения о научно-технических работах в республике. Вып. I, II. Пг., 1920; Вып. III, IV, V, VI. Пг., 1921; Вып. VII, VIII. Пг., 1922; Вып. X. Пг., 1923.

стройки: Армавир-Туапсинской, Верхне-Волжской и Семиреченской железных дорог, 27 крупных элеваторов, 12 холодильников, автомобильного завода в Москве, машиностроительного завода в Нижнем Новгороде и др. К 1919 г. в структуре Комитета по строительству государственных сооружений (Комгосоора, с 1918 г.) имелось 92 построечных управления по железнодорожному строительству и строительству вспомогательных сооружений на транспорте (элеваторному, холодильному и др.), 4 управления по строительству электростанций, 23 — по городскому, сельскому и промышленному строительству и 8 — по строительству сооружений водного хозяйства. Работы по военно-промышленному и военно-дорожному строительству осуществлял Военстрой, созданный в системе Комгосоора⁸⁶. Сотни инженеров-строителей занимались привычным делом.

В годы Гражданской войны возникло множество новых научных центров, в том числе оборонного назначения, впоследствии получивших широкую известность. Так, Государственный летно-испытательный центр Министерства обороны Российской Федерации имени В.П. Чкалова, в котором было испытано более 390 типов самолетов, из которых 280 типов было принято на вооружение, был основан 21 сентября 1920 г. По инициативе А.Ф. Иоффе в 1918—1919 гг. началась организация Ленинградского физико-технического института и физико-механического факультета Ленинградского политехнического института, которые стали основой для созданной позже сети физических институтов.

«Теперь, когда, собственно, нечего терять, меня очень интересуют продслюдаемые большевиками эксперименты. Не-

которые я прямо приветствую. Например, превращение частных музеев, таких как Строгановский, в народное достояние, превращение многих дворцов в музеи и т.п. [...], — писал в дневнике упоминавшийся выше выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, член-основатель Союза российских архивных деятелей Г.А. Князев. — А эксперименты с единой школой! А сосредоточение управления всеми архивами в одном месте, создание «Единого Государственного архивного фонда» [...]. А знаменитая национализация банков! [...]. Действительно, только с октября можно считать, что мы в полосе подлинной революции»⁸⁷. Князев долгое время работал директором Архива Академии наук в Ленинграде, пережил в Ленинграде самый тяжелый 1941/1942 блокадный год, стал почетным доктором исторических наук, был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, многое сделал для истории и архивоведения.

Своеобразным апофеозом и крупнейшим событием в сотрудничестве с советской властью стало участие более 200 специалистов (профессора Г.О. Графтио, Е.Я. Шульгин, А.Г. Горев, И.Г. Александров, Л.К. Рамзин, К.А. Круг, М.А. Шателен, Б.И. и А.И. Угримовы, инженеры М.Я. Лапилов-Скобло, М.А. Смирнов, А.Г. Коган, Б.Е. Веденеев и др. под руководством коммунистов Л.Б. Красина и Г.М. Кржижановского) в разработке плана ГОЭЛРО⁸⁸, утвержденного в декабре 1920 г.⁸⁹ Прорывная инновационная программа была полностью реализована, во многом предопределив выход советской экономики на самые передовые позиции в мире.

⁸⁶ Строительство в СССР. 1917—1976. М., 1967. С. 18—19.

⁸⁷ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918 г.) // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1993. С. 83.

⁸⁸ Центральный электротехнический совет (ЦЭС) был создан еще осенью 1918 г.

⁸⁹ Чернышев В.И. Из истории развития техники в первые годы Советской власти (1917—1927). М., 1962. С. 33—89.

Строительство нового «социалистического общества» лидерами большевиков (Лениным, Троцким, Бухариным, Луначарским и др.) характеризовалось как процесс, который разворачивался в соответствии с законами, открытыми марксизмом. В то же время Ленин признавал неясность, неопределенность в понимании путей, методов решения многих возникающих проблем в строительстве социализма. Декларировалось, что «социализм есть творчество самих масс», но большие надежды возлагались и на интеллигенцию. Возникла достаточно противоречивая ситуация. Беспартийным интеллигентам, специалистам в своем деле зачастую фактически предлагалось «пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю, что». Нередко получали поддержку самые фантастические, плохо обоснованные проекты, казавшиеся «революционными» и «новаторскими». Было немало сторонников «выбросить за борт современности» А.С. Пушкина, всю классическую культуру и заменить ей «пролетарской культурой». Начались разнообразные эксперименты в единой трудовой политехнической общеобразовательной школе. Сексуальная революция в России, несмотря на Гражданскую войну и интервенцию, началась на полвека раньше, чем в Европе и остальном мире.

Реформа высшего образования, начавшаяся декретом СНК «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР» от 2 августа 1918 г., в ходе которой были отменены ученые степени и звания, нарушен нормальный учебный процесс и т.д., оказалась неудачной и даже провальной. Пришлось создавать сеть рабочих факультетов (1919) для ускоренной довузовской подготовки рабоче-крестьянских детей, не имевших

необходимого среднего образования. «Революционное преобразование высшей школы» проводилось (М.Н. Покровский и др.) в противовес мнению научно-педагогического сообщества, которому удалось сохранить в конечном итоге лучшие отечественные традиции подготовки высококвалифицированных кадров, несмотря на левачьи эксперименты⁹⁰.

«Когда перед нами ставят определенный вопрос, что мы как-то что-то должны сделать, то безусловно мы в праве требовать, чтобы нам доказали правильность того пути, который нам намечают, так как мы можем возражать только после длительных серьезных рассуждений»⁹¹, — говорил на одном из совещаний о ходе реформы высшего технического образования П.Я. Сальдау, выпускник Петербургского горного института, организатор рабочего факультета и впоследствии профессор, проректор по науке Ленинградского горного института. К сожалению, бессмысленной торопливости, уверенной в себе некомпетентности, субъективизма, волюнтаризма и очевидного авантюризма оказалось немало и после окончания Гражданской войны.

Тем не менее в годы Гражданской войны «старая интеллигенция» в своем большинстве поддержала советскую власть и активно с ней сотрудничала в рамках своих профессиональных компетенций. Произошло это потому, что Ленину и большевикам удалось достаточно эффективно использовать ее человеческий ресурс, создав для ее трудовой деятельности благоприятный социально-правовой статус. Достаточно назвать постановление СНК об оплате труда специалистов, выработанное отделом нормирования труда

⁹⁰ *Фортунатов В.В., Платова Е.Э.* Ломать или строить: (К 100-летию ленинского декрета о правилах приема в вузы) // *Alma mater: Вестник высшей школы.* 2018. № 9. С. 104—108.

⁹¹ Материалы по профессионально-техническому образованию. Вып. 4: Реформа высшей технической школы. Ч. 2: Всероссийская конференция высших технических учебных заведений 18 июня 1920 года. М., 1920. С. 13.

ВЦСПС в ноябре и утвержденное в декабре 1920 г.⁹², декрет СНК «О мерах к поднятию уровня инженерно-технического знания в стране и к улучшению условий жизни инженерно-технических работников РСФСР» (25 августа 1921 г.)⁹³ и др. Традиционный патриотизм, определявший вектор духовной эволюции дореволюционного поколения интеллигенции, в сочетании с перспективами масштабной творческой работы в условиях новой России, немыслимой без применения самых передовых знаний и достижений культуры, примирили многих конкретных интеллигентов с неприятными сторонами в действиях советской власти.

«В эти трудные для страны годы Гражданской войны институт не покинул ни один из его профессоров, проработавших здесь к тому времени свыше 25 лет: Г. Д. Гримм, А. И. Дитрих, П. И. Дми-

триев, И. Б. Михайловский, В. Н. Пясецкий, В. Н. Соколовский, Н. К. Чижов, В. В. Эвальд», — констатировали авторы истории одного из старейших вузов страны, Ленинградского инженерно-строительного института⁹⁴. Во многих вузах, гимназиях, сельских школах, больницах, театрах, на предприятиях промышленности, транспорта, связи абсолютное большинство специалистов осталось на своих местах. В результате старая интеллигенция стала частью новой России. Своей творческой деятельностью она способствовала возникновению такого феномена, как «советская социалистическая интеллигенция» и «советская социалистическая культура». Впоследствии специалисты старой формации внесут значительный вклад в социалистическую модернизацию страны и в победу СССР в Великой Отечественной войне.

⁹² Известия ВЦИК. 1920. 23 дек.

⁹³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 756—757.

⁹⁴ Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени инженерно-строительный институт. 1832—1982. Л., 1982. С. 30.

ДЕТИ В УСЛОВИЯХ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫДекларируемая политика и формирование государственной системы
охраны материнства и детства

Вопросы положения детей в России в годы Гражданской войны, проблема ответственности декларируемой большевистским государством «детской» политики повседневным реалиям того времени и возможных альтернатив этой политики являются на сегодняшний день одними из наиболее дискуссионных проблем отечественной истории этого периода¹.

С первых дней советской власти забота о детях была провозглашена одним из приоритетных направлений государственной политики, ежедневной обязанностью государства. Принципиальным отличием новой,

формирующейся системы заботы о материнстве и детстве стало возложение ответственности за благополучие детей на государство, а не на отдельных благотворителей.

В кратчайшие сроки был принят ряд декретов, направленных на обеспечение детей питанием и медицинским обслуживанием, на организацию всеобщего начального образования, охрану труда подростков, развитие сети специализированных учреждений для глухонемых, слепых и умственно отсталых детей². В частности, 14 сентября 1918 г. Совнарком принял декрет об «усилении детского питания», а 26 сентября — о создании

¹ Подробную историографию см.: *Смирнова Т. М.* Дети «страны Советов» в годы Гражданской войны: Историография и источники // *Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Очерки истории и историографии.* М.; СПб., 2018. С. 408—437; *Она же.* Дети и Гражданская война. 1917—1922 гг.: Актуальные проблемы изучения // *Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 1—3 октября 2018 г.).* М., 2018. С. 487—492.

² Нормативно-правовая база формирующейся государственной системы охраны материнства и детства получила достаточно подробное освещение в историографии. См., напр.: *Гедько М. И.* Государственная социальная политика в отношении детей: Опыт и уроки 1920-х годов (на материалах Москвы и Московской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Доллидович О. М., Катцина Т. А.* Становление системы социального обеспечения под руководством А. М. Коллонтай: От сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в Советской России (12 ноября 1917 года — 11 марта 1918 года) // *Журнал исследований социальной политики.* 2011. Т. 9. № 2. С. 255—276; *Конюс Э. М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954; *Нечаева А. М.* Семья и закон. М., 1980; *Она же.* Охрана детства в СССР. М., 1987; *Она же.* Охрана материнства и детства в СССР. М., 1988; *Она же.* Дети-сироты в России (послеоктябрьский период) // *Государство и право.* 1993. № 1. С. 120—127; *Она же.* Охрана детей-сирот в России: (История и современность). М., 1994; *Она же.* Россия и ее дети: (Ребенок, закон, государство). М., 2000; *Смирнова Т. М.* Охрана детства в Советской России: Общество и власть. 1917—1930-е гг. // *Экономическая история: Обзорение.* Вып. 14. М., 2008. С. 93—116; *Она же.* Государство или общественная инициатива? Опыт решения «детских проблем» в 1917—1930-е гг. для современной России // *Социальная история: Ежегодник 2009.* СПб., 2010. С. 296—329; *Она же.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917—1940 гг.). М.; СПб., 2015; *Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890—1991. New Haven; L., 2007; и др.

специального детского продовольственного фонда. Декретом от 17 мая 1919 г. в столицах и промышленных районах было введено бесплатное питание для всех детей младше 14 (а постановлением СНК от 12 июня — младше 16) лет, независимо от их социального происхождения. Позже эта норма была распространена на всю территорию России. Декретом СНК от 14 января 1918 г. были упразднены суды и тюремное заключение для малолетних, а «дела о несовершеннолетних обоего пола до 17 лет, замеченных в деяниях общественно-опасных», передавались в ведение комиссий о несовершеннолетних, находящихся «в исключительном ведении Народного Комиссариата общественного призрения»³. Декрет ВЦИК «О суде» от 7 марта 1918 г. подтвердил отмену судов и тюремного заключения для всех лиц моложе 17 лет, вне зависимости от тяжести совершенного ими преступления.

«Декретом о страховании на случай болезни», принятым ВЦИК 4 января 1918 г., отпуск по рождению ребенка был увеличен с 2 до 16 недель (8 недель до родов и 8 — после). В течение всего этого времени женщине полагалась выплата денежного пособия «в размере полного заработка» (ст. 25, 30)⁴.

«Положение о единой трудовой школе РСФСР», утвержденное ВЦИК 16 октября 1918 г., предусматривало создание новой системы школьного обучения, находящейся в ведении Наркомпроса. На базе прежней сложной системы детских образовательных учреждений (гимназии, реальные училища, ремесленные, технические и коммерческие

училища и т.п.) создавалась Единая трудовая школа с совместным обучением девочек и мальчиков. Школы подразделялись на 1-ю (5-летний курс обучения от 8 до 13 лет) и 2-ю (4-летний курс от 13 до 17 лет) ступени. К единой трудовой школе присоединялись детские сады для детей от 6 до 8 лет. Обучение в школах как 1-й, так и 2-й ступени было бесплатным и обязательным для всех детей школьного возраста, носило «общеобразовательный политехнический характер», особое внимание уделялось «физическому и эстетическому образованию»⁵. Для переростков намечалась организация особых школьных занятий. 26 декабря 1919 г. был подписан декрет, обязывавший обучать грамоте на родном или русском языке все население страны в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать.

Несмотря на тяжелые военные годы, в плане теоретических разработок в области воспитания, образования и физического развития детей послереволюционная Россия не отставала от общемировых тенденций начала XX в. Регулярно проводились съезды по охране материнства и младенчества, педиатрические съезды, разнообразные общероссийские и региональные конференции, совещания и консультации, посвященные различным проблемам воспитания, обучения, оздоровления и общего развития детей. Для систематической разработки этих вопросов были созданы Дом изучения ребенка (1918) с уникальным Музеем детской дефектологии⁶, Институт детского чтения (1920)⁷, Московский институт

³ Цит. по: Дети ГУЛАГа. 1918—1956. М., 2002. С. 27.

⁴ СУ 1918. № 13. Ст. 188.

⁵ Там же. № 74. Ст. 812.

⁶ Это учреждение было создано на базе «Школы-санатория В. П. Кашенко для дефективных детей», а в дальнейшем преобразовано в Медико-педагогическую опытную станцию под руководством того же Кашенко.

⁷ Институт был создан при Наркомпросе РСФСР, в 1923 г. реорганизован в отдел детского чтения Института методов внешкольной работы (ИМВР), в 1931—1933 г. именовался Институтом детской литературы и детского чтения (ИДЛ и ДЧ). Подробнее о нем см.: Безрогов В., Иванченко Г. Детское чтение: От начала к концу XX века // Новое литературное обозрение. 2010. № 102; Калужская Ю. А. Становление и развитие отечественной педагогики детского чтения в первой трети XX века на примере деятельности Научно-исследовательского института детского чтения: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2004.

по изучению детской дефективности⁸, Центральный педологический институт под руководством Н. А. Рыбникова⁹, Научно-педагогический институт методов школьной работы Наркомпроса РСФСР¹⁰, другие научно-исследовательские учреждения.

Признание необходимости радикальных улучшений в сфере охраны материнства и детства, а также институционально-политической поддержки передовых общественных идей в этой области обусловили активное сотрудничество с новой властью многих талантливых педагогов и детских врачей. Однако на практике забота о детях нередко сводилась лишь к звучным декларациям.

Функции охраны материнства и детства поначалу были разделены между тремя ведомствами: социального обеспечения, просвещения и здравоохранения. Четкого разделения сфер ответственности между соответствующими наркоматами не было ни на практике, ни в теории, действовали они несогласованно, зачастую не столько помогая, сколько мешая друг другу. Ситуацию усугубляли бесконечные реструктуризации, передача тех или иных функций от одного ведомства другому, текучка кадров, слабая централизация и отсутствие механизма контроля исполнения решений.

Формально главным «детским» ведомством стал Наркомпрос РСФСР. В его ведении находились все учреждения системы образования и внешкольного воспитания для детей старше трех лет, подавляющее большинство детских домов, городков, приютов,

распределителей и прочих так называемых «детских учреждений закрытого типа», разнообразные опытно-показательные детские учреждения («Опытный дом» Государственного психоневрологического института, Малаховская 4-я опытно-показательная станция и др.), специализированные детские дома (для детей политэмигрантов, для испанских детей, детей III Коминтерна). Учебные заведения бывшего духовного ведомства (церковно-приходские школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы и др.) специальным постановлением Наркомпроса от 11 декабря 1917 г. также были переданы в ведение Комиссариата просвещения¹¹.

В соответствии с декретом СНК РСФСР от 2 декабря 1920 г. «Об изъятии опеки из ведения Народного Комиссариата социального обеспечения» функции опеки и попечительства были переданы отделу охраны детства (позже переименованному в отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних, СПЮН) Наркомпроса РСФСР.

Забота о материнстве и младенчестве оказалась разделена между наркоматами здравоохранения и соцобеспечения. Отдел охраны материнства и младенчества (ОММ) был создан в декабре 1917 г. по решению коллегии Народного комиссариата государственного призрения (с 26 апреля 1918 г. — Наркомат социального обеспечения). В январе 1918 г. в ведение этого отдела были переданы все учреждения, за-

⁸ Создан в 1919 г. при Наркомздраве РСФСР, в 1921 г. преобразован в Медико-педологический институт, в 1924 г. передан в ведение Главпрофобра в качестве Московского института педологии и дефектологии, в 1925 г. объединен с педфаком 2-го МГУ.

⁹ Организационное собрание будущего Педологического института состоялось 20 июля 1920 г., фактически он был образован в 1921 г. Вслед за тем была создана разветвленная педолого-педагогическая служба, включившая Межведомственную педологическую комиссию при Наркомпросе, методические центры (лаборатории, кабинеты) при областных и районных отделах образования, педологические кабинеты в пединститутах. В 1925 г. Педологический институт был слит с Институтом методов школьной работы (ИМШР), который в 1930 г. был переименован в Институт марксистско-ленинской педагогики.

¹⁰ Создан в 1922 г., неоднократно подвергался реорганизациям и переименованиям; с 1995 г. — Институт содержания и методов обучения Российской академии образования.

¹¹ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 210—212.

нимавшиеся обслуживанием матери и ребенка. Возглавившая ОММ В.П. Лебедева привлекла к работе своих коллег, известных врачей-педиатров, с помощью которых была развернута кампания по пропаганде грудного вскармливания, правильного ухода за детьми, норм личной гигиены и общей санитарно-гигиенической культуры. В 1919 г. в столице открылись первые курсы инструкторов-организаторов охраны материнства и младенчества. В составе отдела охраны материнства и младенчества был создан подраздел по борьбе с туберкулезом грудных детей. При Доме охраны младенца, созданном ОММ на базе Московского воспитательного дома, была развернута целая сеть детских лечебно-профилактических учреждений. В то же время в июле 1918 г. был создан Наркомат здравоохранения РСФСР, в составе которого был образован отдел охраны здоровья детей и подростков, что вызвало параллелизм в деятельности двух ведомств. В марте 1920 г. ОММ Наркомата соцобеспечения был передан в ведение Наркомата здравоохранения. Позже на базе объединения этого отдела с Школьно-гигиеническим был создан единый Отдел охраны здоровья детей и подростков (Оздравдет) Наркомздрава

РСФСР. В соответствии с Декретом СНК от 15 сентября 1921 г. «Положение об охране здоровья подростков и детей РСФСР» Оздравдет должен был стать единым государственным «Центром охраны здоровья детей и подростков»¹². Однако на практике соединить все учреждения охраны материнства и младенчества в рамках одного ведомства так и не удалось. На местах возникла путаница. В ряде губерний действовавшие на тот момент учреждения для детей младше трех лет остались в ведении Наркомата соцобеспечения, а новые создавались уже в системе здравоохранения¹³.

Еще более запутанной была система государственной заботы о так называемых дефективных детях, к которым относили детей с ограниченными физическими возможностями, с психическими расстройствами, а также детей с различными «нарушениями поведения»¹⁴. Поначалу они находились в ведении Наркомата государственного призрения, структура которого была нестабильна и подвергалась постоянным реорганизациям. 10 декабря 1919 г. СНК РСФСР принял постановление «О согласовании функций Народных Комиссариатов Просвещения и Здравоохранения в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей»,

¹² СУ 1921 г. № 65. Ст. 497.

¹³ См.: Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сб. статей: Демографические исследования. Вып. 14. М., 2010. С. 13—72; Альбицкий В. Ю., Шер С. А. Дом охраны младенца в Москве // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 1. С. 49—51; Аракелова М. П. Опыт охраны материнства и младенчества // Социс. 1995. № 7. С. 62—65; Коноус Э. М. Общественная и культурно-просветительная работа медицинского персонала. М., 1928; Она же. Охрана матери и ребенка на транспорте: Комнаты матери и ребенка на вокзалах и вагоны для пассажиров с детьми. М., 1937; Она же. Истоки русской педиатрии. М., 1946; Она же. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954. С. 130—134, 175—176, 193; Goldman W. Women, the state and revolution: Soviet family policy and social life, 1917—1936. Cambridge, 1993; Lindenmeyr A. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // Journal of Women's History. Fall 1993. Vol. 2; и др.

¹⁴ Введение в практику весьма сомнительного определения детей как «дефективных» (или «морально-дефективных») вызвало неодобрение наиболее прогрессивных педагогов, детских психологов, социальных работников и общественных деятелей. В частности, активными противниками теории моральной дефективности были Н. К. Крупская и П. П. Блонский, психолог, педагог и общественный деятель. «Позорный термин “морально-дефективный”, развязывающий руки бессовестной и бессознательной части педагогов, должен быть “изгнан” из употребления [...] Беспризорные, заброшенные, больные ребята должны стать родными, любимыми детьми Советской республики», — писала Н. К. Крупская в 1923 г. (Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. Т. 2. М., 1958. С. 153).

в соответствии с которым учреждения для «нервных и психически больных детей» передавались в ведение Наркомздрава РСФСР, а воспитание «умственно отсталых» и «телесно дефективных» (к коим относили слепых, глухонемых и «калек») оставалось в ведении Наркомпроса РСФСР. Относительно воспитания «морально-дефективных» детей и несовершеннолетних, обвиняемых в «общественно-опасных действиях», говорилось, что оно «производится в соответствующих учреждениях Народных Комиссариатов Просвещения или Здравоохранения», без каких-либо пояснений относительно разделения функций между последними¹⁵. Вместе с тем на местах продолжали действовать созданные ранее подотделы социального обеспечения «дефективных» несовершеннолетних в составе отделов соцобеспечения (в частности, такой подотдел был в составе Мосотсобеа). Таким образом, ответственность за «дефективных» детей была разделена между тремя наркоматами — просвещения, здравоохранения и соцобеспечения, причем четкого разделения функций между ними не было. Отсутствие критериев определения «дефективности» привело к тому, что фактически часть этих несчастных детей оказались в исправительных учреждениях, подведомственных НКВД РСФСР¹⁶.

Формально все закрытые детские колонии, трудкоммуны и прочие исправительные детские учреждения должны были находиться в ведении НКВД РСФСР. Однако реальная система исправительных детских учреждений была достаточно запутанной и не имела единой ведомственной принад-

лежности. В ведении Наркомпроса находилась сеть детских учреждений для так называемых трудновоспитуемых детей, которые по своему контингенту на практике почти не отличались от исправительных детских заведений НКВД. Исправительные учреждения были созданы и в системе детских учреждений, подведомственных Наркомату социального обеспечения. В 1918—1919 гг. при этом наркомате действовала специальная Комиссия несовершеннолетних с сетью региональных комиссий на местах, занятая организацией борьбы с детской преступностью. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 г., этим комиссиям передавались все дела несовершеннолетних правонарушителей. В состав комиссий входили представители трех ведомств («общественного призрения», народного просвещения и юстиции) с условием, что один из членов комиссии должен иметь медицинское образование¹⁷.

Как показывают документы, на практике работники органов Наркомпроса и местные власти нередко не делали разницы между детьми с отставанием в развитии, трудновоспитуемыми детьми и несовершеннолетними правонарушителями: все они так или иначе были отнесены к числу «дефективных». К этой расплывчатой категории фактически можно было отнести любого ребенка, вынужденного искать способы выживания в экстремальных условиях Гражданской войны и не имевшего возможность нормально развиваться в силу недоедания, болезней, отсутствия родительской опеки, воспитания и образования¹⁸.

¹⁵ СУ 1919 г. № 61. Ст. 564.

¹⁶ См.: *Замский Х. С.* Умственно отсталые дети: История изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века. М., 1995; *Калинникова-Магнуссон Л. В., Магнуссон М.* Социальная политика в отношении детской «дефективности» в военно-революционный период и в первую декаду Советской власти (1914—1927 гг.) // *Вестник Поморского ун-та.* 2005. № 1. С. 157—166; *Рябинина Н. В.* «Морально-дефективные» — кто они? К истории детской беспризорности и преступности в 1920-е годы // *Век нынешний, век минувший... Исторический альманах.* Ярославль, 1999. С. 56—65.

¹⁷ СУ 1918 г. № 16. Ст. 227.

¹⁸ *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917—1940 гг.). С. 52—55.

Для наведения порядка в сложной, многоступенчатой и нестабильной системе защиты детей Декретом СНК РСФСР от 4 февраля 1919 г. был создан межведомственный Совет защиты детей (СЗД), в состав которого входили представители пяти наркоматов: просвещения (в качестве председателя), соцобеспечения, здравоохранения, продовольствия и труда¹⁹. Совет имел широкие полномочия вплоть до *velo* на распоряжения различных наркоматов. Однако за два года деятельности он так и не смог наладить систематическую работу: не были созданы его местные органы, отсутствовали четкие инструкции и циркуляры для его работы на местах, да и связь с губерниями и уездами была нерегулярной, носила случайный характер. В докладе созданной Деткомиссией специальной комиссии по ликвидации СЗД от 25 марта 1921 г. подчеркивалось, что Совет «фактически как межведомственный Всероссийский орган работы не вел и предоставленных ему прав и полномочий не использовал»²⁰.

К концу 1920 г. стала очевидной необходимость создания единого чрезвычайного органа, сосредотачивающего в своих руках всю власть по вопросам обеспечения де-

тей и защиты их интересов. Таким органом стала учрежденная в феврале 1921 г. при ВЦИК Чрезвычайная Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия). Руководство Деткомиссии возлагалось на председателя ВЧК с заместителем из того же ведомства (первым председателем стал Ф. Э. Дзержинский, а его заместителем — В. С. Корнев). Кроме них в комиссию вошли представители ВЦСПС (Ф. М. Сеньюшкин), РКИ (М. К. Ветошкин) и наркоматов просвещения (М. И. Васильев, вскоре его сменил З. Г. Гринберг), здравоохранения (Е. П. Радин) и продовольствия. С совещательным голосом в состав комиссии включили представителей Женотдела ЦК РКП(б), Отдела правовой защиты детей и ЦК РСМ. Таким образом, в дело охраны детей были вовлечены практически все основные ведомства и общественные организации при особой роли ВЧК. Это подчеркивало значимость так называемого «детского вопроса» и предоставляло Деткомиссии возможность использовать чекистский аппарат в своей практической деятельности, координировать которую на местах должны были специальные уполномоченные Деткомиссии. Позднее были созданы губернские и уездные Детские комиссии²¹.

Особенности повседневной жизни детского населения в годы Гражданской войны

Новая власть приняла на себя всю ответственность за благополучие детского населения. Благотворительные общества

императорской России были закрыты, РПЦ отстранили от образовательно-воспитательной и благотворительной работы. Од-

¹⁹ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 336—337. В литературе встречаются различные датировки создания СЗД: 4 января, 4 и 6 февраля 1919 г. Постановление СНК РСФСР «Об учреждении Совета защиты детей» было подписано 4 января 1919 г. (СУ 1919 г. № 3. Ст. 32), 4 февраля был подписан аналогичный декрет, который вошел в силу после его публикации в № 27 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 6 февраля 1919 г.

²⁰ Цит. по: *Смирнова Т. М.* Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921—1924 гг.) // Социальная история: Ежегодник. 2001—2002. М., 2003. С. 488.

²¹ Подробнее о создании и работе Деткомиссии ВЦИК см.: *Смирнова Т. М.* Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921—1924 гг.). С. 486—528; *Она же.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917—1940 гг.). С. 61—75.

нако в условиях продолжающейся мировой и начала Гражданской войн, тотального дефицита продовольствия, материальных средств и опытных кадров, а также нарастающего кризиса семейных отношений попытка в кратчайшие сроки создать принципиально новую систему охраны детства потерпела неудачу. Детские дома не справлялись с потоком поступавших сирот и детей, родители которых были не в состоянии их прокормить. Не хватало продуктов, одежды, средств личной гигиены, помещения, не говоря уже о полноценном воспитании детей, нормальной организации их досуга и школьного обучения. Тысячи детей оказались просто выброшены на улицу²².

Руководство Деткомиссии ВЦИК, курировавшей все детские учреждения, независимо от их ведомственной подчиненности, попыталось внести плановые начала и единый порядок в хаотичную и неэффективную работу государственной системы охраны материнства и детства. Однако отсутствие достоверных данных об общей численности детей и количестве разнообразных детских учреждений делало невозможным даже нормальное обеспечение их продовольственными пайками. Учитывая ситуацию, руководство Деткомиссии решило начать работу с проведения общереспубликанского обследования всех детских учреждений (детдомов, коммун, колоний, трудовых школ и дошкольных учреждений всех типов, приемников-распре-

делителей, детских площадок, столовых, клубов и т.д.), а также всех центральных и местных органов власти, в ведении которых они находились. Проведенное обследование наглядно показало, что в тот момент основная задача заключалась не в улучшении жизни детей, а в их спасении от голода и эпидемий. Особенно тяжелым было положение воспитанников детских учреждений закрытого типа. В среднем по стране они были обеспечены помещениями не более, чем на 50%, а в период голода 1921—1922 гг. перегруженность детских домов в ряде губерний доходила до 400%²³. При этом большая часть используемых под детские учреждения зданий нуждалась в капитальном ремонте, в них не было ни канализации, ни отопления. Работники Деткомиссии с горечью называли детские дома «ночлежками» или «отапными пунктами»²⁴.

Наиболее остро стоял вопрос продовольственного обеспечения детей. Суточные нормы питания поначалу устанавливались в самих губерниях в зависимости от местных условий. В среднем по стране каждому воспитаннику закрытого детского учреждения в сутки полагалось 200—300 г хлеба, около 100 г мяса или рыбы и столько же крупы, 300—400 г картофеля, по 12 г соли и сахара. В некоторых губерниях в продовольственную норму включали также яйца (по одному в день), молоко (по стакану в день) и овощи (около

²² О повседневной жизни детей в годы Гражданской войны см.: *Синова И. В.* Повседневная жизнь детей в условиях Первой мировой войны // *Война и повседневная жизнь населения России XVII—XX вв.: (К столетию начала Первой мировой войны): Материалы междунар. науч. конф., 14—16 марта 2014 г.* СПб., 2014. С. 487—492; *Смирнова Т. М.* «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.) // *Ежегодник историко-антропологических исследований.* 2003. М., 2003. С. 226—245; *Она же.* Дети лихолетья: Повседневная жизнь советских детдомовцев. 1917 — начало 1920-х гг. // *Материнство и детство в России XVIII—XXI вв. Ч. 1.* М., 2006. С. 255—299; *Она же.* «Картины вымирания...», или «Мы поем и веселимся...»? Будни советских детдомовцев. 1918 — начало 1920-х гг. // *The Soviet and Post-Soviet Review.* 2003. Vol. 33. Iss. 2—3. P. 209—249; *Она же.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917—1940 гг.); *Щербинин П. П.* Повседневная жизнь детей и подростков в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. Тамбов, 2016.

²³ ГАРФ. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д. 39. Л. 5.

²⁴ Цит. по: *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917—1940 гг.). С. 244.

200 г). Однако положенный по норме суточный паек на практике выдавали лишь в некоторых «показательных» детских учреждениях. В большинстве же детских учреждений дети никогда не получали полный паек. В их рационе практически отсутствовали мясо, рыба, молоко, яйца, овощи, гречневая, рисовая, манная и овсяная крупы, соль и сахар. Хуже всех снабжались детские учреждения для «дефективных» детей²⁵. Голод 1921—1922 гг. еще более обострил ситуацию. По данным Деткомиссии, к концу 1921 г. смертность детей до 3 лет в некоторых районах достигала 90—95%. «Смертность детского населения достигла ужасающих размеров, — писал весной 1922 г. ответственный секретарь Деткомиссии ВЦИК. — Достаточно сказать, что детское население до 3-х лет почти все вымерло, его, по заявлению НКЗД, осталось до 2—3% [...] Можно без преувеличения сказать, что 30% детского населения Поволжья и Крыма вычеркнуто голодом и эпидемиями из списков живых»²⁶.

Дети оказались вовлечены в классовую борьбу наравне со взрослыми, попав под удар как «красного», так и «белого» террора²⁷. На территориях, ставших непо-

средственной ареной Гражданской войны, практиковалась система детского «заложничества», в концлагеря отправляли целыми семьями, включая грудных детей. Так, в Тамбовской губернии в 1921 г. было создано 7 концентрационно-полевых лагерей временного содержания для семей участников крестьянской войны под предводительством А. С. Антонова²⁸.

Первая мировая война способствовала быстрому росту сиротства и беспризорности в России. Революция, Гражданская война, обострение классовой борьбы и начавшийся в 1921 г. голод еще более усилили эту проблему.

С конца XX в. тема детской беспризорности после революции стала одной из приоритетных в истории советского детства. Особое внимание к этой проблеме обусловлено ее практической значимостью и политической остротой, актуализировавшимся всплеском детской безнадзорности и беспризорности в постсоветской России. В центре внимания исследователей оказались такие аспекты проблемы, как: формы и методы ликвидации беспризорности; привлечение к борьбе с беспризорностью общественности; состав и динамика половозрастной струк-

²⁵ Подробные «Статистические данные по губерниям о численности детдомовцев и их обеспеченности продовольствием, медицинским обслуживанием и предметами повседневного пользования» см.: *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917—1940 гг.). С. 350—363.

²⁶ Цит. по: *Смирнова Т. М.* «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.). С. 232.

²⁷ Проблема репрессий в отношении детей в годы Гражданской войны, а также места и роли несовершеннолетних в гражданском противостоянии в целом на данный момент изучена слабо. В центре внимания исследователей находятся лишь отдельные ее аспекты. См., напр.: *Смирнова Т. М.* «В происхождении своем никто не повинен...?» Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917—1936 гг.) // *Отечественная история*. 2003. № 4. С. 28—42; *Щербинин П. П.* «Пусть дети ко мне...»: «Дети беды» и попечительство до и после 1917 г. Тамбов, 2018. С. 237—251; *Литвинов В. В.* Дети и Гражданская война в России // *Культура народов Причерноморья*. 2012. № 228. С. 78—87. Значимым вкладом в исследование данной проблемы стала фундаментальная публикация «Дети ГУЛАГа. 1918—1956» (М., 2002), в которую вошли документы ГАРФ, РГАСПИ и ряда других архивов.

²⁸ Подробнее см.: *Славко А. А.* Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005. С. 28—29; *Щербинин П. П.* «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: Выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики*. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 113—115.

туры беспризорных как особой социальной группы; особенности региональной специфики ликвидации безнадзорности и беспризорности²⁹. Параллельно разрабатываются тесно связанные с темой беспризорности проблемы детской преступности и различных форм девиантного поведения, таких как проституция, наркомания, алкоголизм³⁰.

Несмотря на значительный объем историографии, данная проблема, в силу своей политической остроты находящаяся в центре всякого рода псевдоисторических спекуляций, по-прежнему нуждается в отдельном специальном исследовании. До сих пор не определены даже точные масштабы этого социального явления. По разным данным, число беспризорных детей в 1921 г. достигало от 2 до 4,5 млн, а в 1922 г. — от 4 до 7 млн³¹. Однако достоверность этих данных вызывает сомнения³². Вплоть до создания Деткомиссии ВЦИК борьба с беспризорностью не была

централизованной. Изъятием детей с улицы и их последующим устройством занимались Наркомпрос, НКВД, Наркомздрав, женотделы, профсоюзы, комсомольские и партийные органы. Система учета беспризорников относительно наладилась лишь в 1923—1925 гг., за более ранний период располагаем лишь данными о численности детей в детских учреждениях закрытого типа, данные же о численности беспризорных весьма приближительны.

Причины трагедии, как и ее масштабы, также вызывают дискуссии среди специалистов. В советской историографии беспризорность рассматривалась как наследие царского прошлого, усугубленное войнами, экономической разрухой и голодом, послереволюционными социальными катаклизмами. Ряд современных ученых полагает, что стремительный рост беспризорности в послереволюционной России является непосредственным

²⁹ См.: Бендер Е. А. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920—1930-е гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015; Егорькова И. А. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1918—1935 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2011; Лаврова И. А. Борьба с беспризорностью на Урале в 1929—1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009; Мамеева Т. Н. Социально-культурная деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в Москве в 20-х — начале 30-х гг. XX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Маслова О. Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в Советской России в 1920-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010; Реутова А. Д. Ликвидация массовой детской беспризорности в 1921—1935 годах (на материалах Верхневолжья): Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004; Сажина Н. С. Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921—1928 гг. (на материалах Урала): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005; Он же. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Советской России 1917—1952 гг. Сыктывкар, 2009; Ball Alan M. The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade // Slavic Review. 1992. Vol. 51. No. 2; Ibid. And Now My Soul is Hardered. Abandoned Children in Soviet Russia. 1918—1930. Berkeley, 1994; Caroli D. L'Enfance abandonnée et délinquante dans la Russie soviétique (1917—1937). Paris, 2004; Rasel David L. Mothers of Mistry: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988; и др.

³⁰ См.: Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге (40-е XIX в. — 40-е XX в.). М., 1994; Синова И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX — начале XX в.: Проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб., 2014.

³¹ Подробнее см.: Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005. С. 64—65.

³² Сторонники максимальных оценок (6—7 млн беспризорных) обычно опираются на эмигрантскую литературу (Зензинов В. М. Беспризорные. Париж, 1929; Маклецов А. В. Борьба с детской беспризорностью в СССР. Прага, 1927; Соколов Б. Спасите детей! О детях Советской России. Прага, 1921; и др.) либо не указывают источники своих расчетов.

Беспризорные дети на улицах Москвы. 1920 г.
Фотограф Петров. РГАКФД

результатом действий новой власти³³. В частности, среди причин беспризорности называют декларируемый новой властью принцип социального воспитания и обусловленное этим отсутствие профилактической работы по предотвращению беспризорности.

Действительно, борьба с беспризорностью на первом этапе заключалась в основном в выявлении беспризорников и размещении их в специальных учреждениях (приемниках-распределителях, коллекто-

рах, детских домах и т.п.). К профилактической работе, борьбе с самими причинами беспризорности приступили лишь во второй половине 20-х гг. Однако связано это, прежде всего, с отсутствием средств, опыта и времени, необходимых для решения столь сложной проблемы. Тезис о том, что советская власть боролась не столько с беспризорностью, сколько с беспризорниками, не соответствует реальности.

Общеизвестно, что в сфере охраны детства советская власть опиралась

³³ См., напр.: Базаров А. Сирота страны Советов // Родина. 2002. № 3. С. 82—85; История России XX век 1894—1939. М., 2009. С. 928; Рожков А. Ю. Беспризорники // Родина. 1997. № 9. С. 120—127; Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134—139.

на принцип «социального воспитания», предполагавший приоритет общественного воспитания над частным, единство стандартов воспитания и образования в общегосударственном масштабе, а также полную ответственность государства за благополучие всех детей республики³⁴. Однако единства в понимании того, что именно вкладывала советская власть в понятие «социальное воспитание» и каким образом этот принцип реализовывался на практике, до сих пор нет. В отечественной исторической литературе принцип социального воспитания, получивший свое юридическое оформление в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (КЗАГС) 1918 г., зачастую трактуется слишком примитивно, в отрыве от анализа его практического воплощения в жизнь. Между тем документы свидетельствуют, что реальная ситуация была далеко не так однозначна. Отношение советской власти к семейным формам воспитания сирот было противоречивым, претерпевая в течение первых десятилетий советской власти существенные изменения.

Логическим продолжением провозглашения приоритета социального воспитания и принципа ответственности государства за благосостояние и воспитание детей стал запрет усыновления (ст. 183 КЗАГС)³⁵. Как пояснялось во введении к Кодексу, усынов-

ление было запрещено прежде всего в целях защиты интересов детей, из опасений их эксплуатации в крестьянских семьях. У современных специалистов гражданского права твердо устоялось убеждение, что запрет усыновления в 1918 г. был вызван отрицательным отношением к семейным формам воспитания детей-сирот в целом и ориентацией на государственные формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Между тем высказанные во введении к Кодексу опасения имели весьма веские мотивы³⁶.

Юридическая отмена института усыновления не означала полное прекращение его существования на практике. Сохраняли силу все ранее принятые решения об усыновлении (дети, усыновленные в дореволюционный период, приравнивались к родственникам по крови). Допускалось усыновление, связанное с национальными традициями.

Несмотря на провозглашение главенства государственного воспитания, семья и семейные ценности неизменно рассматривались в послереволюционной России как значимый фактор профилактики беспризорности и безнадзорности. В частности, в отношении младенцев и детей в возрасте до трех лет приоритет семейного воспитания на государственном уровне никогда не оспаривался. В отличие от наркома соцобеспечения А. М. Коллонтай, В. П. Лебедева, возглавившая ОММ, последовательно

³⁴ Следует отметить, что идея социального воспитания отнюдь не является порождением большевиков и коммунистической идеологии. Советские теоретики государственного воспитания (А. М. Коллонтай, Я. И. Бранденбургский, Н. И. Бухарин и др.) апеллировали в том числе и к традиции русских дореволюционных и иностранных филантропов (подробнее см.: *Смирнова Т. М.* Семейная политика и трансформация семейно-брачных отношений в послереволюционной России (1917—1920-е гг.): Основные итоги и актуальные вопросы изучения // *Российская история*. 2023. № 1. С. 146—157; *Lindenmeyr A.* Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // *Journal of Women's History*. Fall 1993. Vol. 2. P. 123).

³⁵ Уже в начале 1920-х гг. был поднят вопрос о необходимости отменить запрет на усыновление, а в 1926 г. институт усыновления был восстановлен.

³⁶ Эту точку зрения разделяют и некоторые современные исследователи в области социальной истории, в отличие от специалистов в области права. В частности, В. Голдман в своих работах, посвященных особенностям развития советской семьи, приходит к выводу, что важной причиной отказа государства от института усыновления было именно опасение, что оно может быть использовано крестьянами для эксплуатации детского труда (*Goldman W.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge, 1993. P. 52).

выступала за развитие государственной поддержки семей как одного из наиболее эффективных методов предотвращения детской безнадзорности и беспризорности. «Сохранение ребенку матери — первейшая задача: лучшая для него “капля молока” — из материнской груди», — говорилось, в частности, в циркулярном письме отдела ОММ от 21 мая 1918 г.³⁷ В мае 1919 г. конференция врачей и руководства Дома охраны младенца приняла специальное обращение к населению с целью предотвратить подкидышание детей: «Родители, подкидывающие своих детей, убивают их собственными руками; поэтому как бы тяжело ни было положение матери, она не должна расставаться с ребенком»³⁸. В 1920 г. на Первом совещании ОММ приоритетным направлением было признано именно развитие сети детских учреждений для детей, проживающих в семьях (ясли, детские консультации, молочные кухни). Данная мера рассматривалась не только как помощь семье, но и как профилактика детской безнадзорности и беспризорности. Приюты же для грудных сирот и подкидышей рекомендовалось открывать лишь «в случае крайней необходимости». При этом подчеркивалось, что приюты должны быть «мелкого типа», преимущественно с груд-

ным вскармливанием детей. Одновременно была организована массовая кампания поддержки матерей-одиночек и предотвращения подкидышания ими детей. Усилиями органов ОММ создавались общежития для матерей-одиночек с грудными детьми, а при общежитиях — специальные мастерские для их трудоустройства³⁹. В деле предотвращения безнадзорности детей старшего дошкольного возраста большую роль должна была сыграть формирующаяся сеть детских дошкольных учреждений⁴⁰.

В отношении лишенных родительской опеки детей старше трех лет широкое распространение получила такая форма семейного воспитания детей, как патронирование, т.е. временное устройство детей-сирот в семью для воспитания и профессионального обучения⁴¹. Семейный кодекс 1918 г. не предусматривал применение патронатного воспитания. Советское руководство выступало против патронирования, опасаясь, с одной стороны, того, что в частных семьях дети окажутся под влиянием атмосферы мещанства и индивидуализма. С другой стороны, беспокойство вызывала и вероятность эксплуатации патронированных детей в крестьянских семьях. Таким образом, частное патронирование было признано противо-

³⁷ Отчет по отделу охраны материнства и младенчества с 1 мая 1918 г. по 1 мая 1919 г. М., 1919. С. 135—136. Подробнее см.: Коноус Э. М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М., 1954. С. 101, 104—105, 130—134.

³⁸ ЦГА Москвы. Ф. 108. Оп. 2. Д. 1163. Л. 7—8.

³⁹ См.: Коноус Э. М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). С. 130—134; 175—176, 193; Нечаева А. М. Россия и ее дети: (Ребенок, закон, государство). М., 2000; Goldman W. Women, the State and revolution: Soviet family policy and social life. 1917—1936; Lindenmeyr A. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // Journal of Women's History. Fall 1993. Vol. 2; и др.).

⁴⁰ Смирнова Т. М. Дошкольное воспитание в Советской России в годы Гражданской войны: Декларируемые принципы и реальность // Война в человеческом измерении: Идеология, психология, повседневность, историческая память: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 20 марта 2020 г.). СПб., 2021. С. 261—271. (Труды исторического факультета МГУ; Вып. 194).

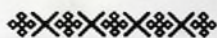
⁴¹ Патронирование должно было осуществляться исключительно на добровольной основе и оформляться специальным договором между местными органами власти и семьей, берущей ребенка на воспитание. В настоящее время понятия «патронат» и «опека» претерпели некоторые изменения. Многие современные специалисты полагают, что в современной практике различия между такими формами устройства детей, как опека, приемная семья и патронирование, весьма формальны. Фактически приемную семью и патронат можно рассматривать как разновидность опеки (попечительства) (см.: Михеева Л. Ю. Проблемы систематизации форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей // Защита прав ребенка в современной России: Материалы науч.-практ. конф. М., 2004. С. 115—123).

речащим как интересам самих детей, так и принципам новой советской социальной политики. Тем не менее отсутствие в КЗАГС 1918 г. запрета патронатного воспитания впоследствии дало возможность для его достаточно широкого применения сначала «в виде исключения», а затем и в качестве общепотребимой практики, вплоть до признания в 1930-х гг. патронатного воспитания одним из «важнейших участков» в деле ликвидации детской беспризорности⁴².

Новая система охраны детства формировалась наспех, методом проб и ошибок, многочисленные постановления и инструкции нередко противоречили друг другу. В условиях военного времени, разрушенной инфраструктуры, социально-политической нестабильности и экономической разрухи реальная забота о детях нередко ограничивалась принятием формальных юридических норм и декларацией красивых лозунгов. Для воплощения их в жизнь был необходим соответствующий государственный механизм, а для налаживания его работы — опытные и исполнительные кадры, средства, время и жесткая система контроля исполнения на местах принятых центром решений. Ничего этого у молодой советской республики не было. Информация о принимаемых центром решениях доходила до местных властей с опозданием, была противоречивой, в результате на местах декларируемые центром принципы реализовывались в меру понимания и по собственному усмотрению.

Реальное положение детей в годы Гражданской войны было сложным и противоречивым, как и сама революционная эпоха, не допускающая упрощенные подходы к ее оценке. С одной стороны, все основные показатели качества жизни (уровень заболеваемости и смертности, обеспечение продовольствием, бытовые условия, медицинское обеспечение, организация воспитания, обучения и досуга и т. п.) свидетельствуют о катастрофическом положении детей. С другой стороны, в сфере охраны материнства и детства была проделана колоссальная работа: борьба с безграмотностью и начало строительства системы всеобщего начального образования; начало формирования государственной системы профилактики детских заболеваний и обучение детей элементарным правилам личной гигиены; первые шаги к созданию сети детских дошкольных и досуговых учреждений; начало строительства сети женских консультаций, снижение материнской и младенческой смертности, увеличение декретного отпуска с двух недель до шестнадцати и сокращение до шести часов рабочего дня для кормящих матерей; создание специализированных детских учреждений для слепых и глухонемых детей, поиски путей их социализации и др. Все эти факторы, как негативные, так и позитивные, необходимо рассматривать в едином комплексе в рамках общесторического контекста.

⁴² См.: Смирнова Т. М. «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России. 1918—1930-е гг. // Вестник РУДН. 2007. № 2. С. 25—37; Она же. Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. М.; Тверь, 2008. С. 174—196. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики»; Вып. 1); Она же. Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России. 1920—1930-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 259—278; Bernstein L. Fostering the Next Generation of Socialists. Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // Journal of Family History. 2001. Vol. XXVI. No. 1. P. 66—89; Ibid. The Evolution of Soviet Adoption Law // Journal of Family History. 1997. Vol. XXII. No. 1. P. 204—226; Ibid. Communist Custodial Contests: Adoption Rulings in the USSR after the Second World War // Journal of Social History. Summer 2001. P. 843—861.

«БЫВШИЕ» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Терминология и историография проблемы

Социальная трансформация и связанные с войной катаклизмы первых после революционных лет, так или иначе затронувшие все слои общества, в наибольшей степени коснулись представителей бывших привилегированных сословий и имущих слоев царской России — тех, кого впоследствии стали называть «бывшими людьми» или просто «бывшими».

С формальной точки зрения едва ли можно говорить о «бывших людях» как об особой единой социальной категории. Социальное пространство «бывших», как и критерии их идентификации, не регламентировались юридически, а формировалось стихийно — на уровне политической практики и общественных представлений. Это обусловило его нестабильность, зависимость от социально-политической конъюнктуры и от ряда других факторов (таких, как удаленность от центра, уровень экономического развития региона, национальная специфика и др.).

Социальной группы «бывшие люди» нет ни в рамках официальной социальной структуры послереволюционного советского общества, ни в широко распространенных в те годы отчетах руководства организаций и предприятий о социальном/классовом составе своих сотрудников. В обязательных вопросах анкет о социальном положении (либо происхождении) граждан также не встретим упоминание о «бывших». Между тем сложный и про-

творечивый социальный феномен, вошедший в историю под символичным названием «бывшие люди», был реальным объектом политической практики первых лет советской власти.

Понятие «бывшие люди» широко использовалось как в политическом дискурсе большевистской власти, так и в общественном лексиконе послереволюционного десятилетия на уровне повседневного-бытового общения. Однако единства в понимании социального спектра «бывших» у современников не было. На языке власти, на уровне обыденного понимания и для самих представителей «социально чуждых» слоев понятие «бывшие» имело свою специфику, что тем не менее не свидетельствует об искусственности или антинаучности данного понятия, якобы не заслуживающего изучения.

На данный момент можно говорить об устоявшейся в историографии дефиниции «бывших», в основу которой положен фактор утраты гражданами после революции своих социальных привилегий и имущественного благополучия. Соответственно, речь идет о верхушке чиновничества, дворянстве, буржуазии, помещиках, купечестве, духовенстве, верхних чинах полиции, то есть о весьма широком по составу и пестром социальном конгломерате. Хотя нередко в литературе можно встретить и ошибочное отождествление «бывших» с «лишенцами» либо ограничение их социального пространства дворянской аристократией.

Охарактеризуем основные тенденции, итоги и актуальные задачи исследования рассматриваемой проблемы.

Объектом самостоятельного исследования «бывшие» как отдельный социум стали лишь в последние десятилетия XX в.¹ В соответствии с господствовавшими в советской исторической науке приоритетами в центре внимания исследований долгое время находились не люди как таковые (их повседневная жизнь, внутренний мир, взаимоотношения, чувства), а классы и связанные с ними социально-политические и экономические процессы (классовая борьба, политика ликвидации эксплуататорских классов, использование «буржуазных» специалистов и т. п.). Применительно к истории «бывших» это означало, что объектом изучения были не судьбы бывших дворян, помещиков или домовладельцев, а вопросы конфискации помещичьих земель и муниципализации строений; не чиновничество и россий-

ская интеллигенция в условиях Советской России, а использование старых чиновников и «военспецов» на советской службе, привлечение на свою сторону «попутчиков революции» и всех «колеблющихся»; не взаимоотношения представителей разных социальных слоев, а классовая борьба и решение задач построения бесклассового общества и т. д.²

Проблема адаптации «бывших» к новым социально-политическим реалиям, поиска ими новой социальной пищи в послереволюционном российском обществе в советской историографии затрагивалась лишь косвенно. Так, например, некоторые вопросы адаптации к новым условиям бывшего чиновничества, служащих ряда ведомств частично нашли свое отражение в исследованиях, посвященных созданию советского госаппарата и его отдельных структур, а также становлению и развитию тех или иных отраслей народного хозяйства³. С конца 1970-х гг. одним

¹ В данной работе кратко отражены основные тенденции и итоги изучения проблемы. Подробный историографический обзор см.: *Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» послереволюционной России: Основные итоги, проблемы и перспективы изучения // Великая российская революция. 1917: Сто лет изучения: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 9—11 октября 2017 г.). М., 2017. С. 502—508; *Она же.* «Бывшие люди» России в 1917—1922 гг.: Проблемы историографии, источников и методов исторического исследования // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 263—292.

² См., напр.: *Глезерман Г.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М., 1949; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982; *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927). М., 1980; Изменение классовой структуры общества в процессе строительства социализма и коммунизма. М., 1961; Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920. М., 1976; Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985; *Комин В. В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин, 1970; *Селунская В. М.* Социальная структура советского общества: История и современность. М., 1987; *Соскин В. Л.* Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973; *Спиринов Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; *Он же.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1975; *Он же.* Россия. 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987; *Трифонов И. Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; *Федюкин С. А.* Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; *Он же.* Великий Октябрь и интеллигенция: Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; *Ярошецкая В. П.* Борьба партии большевиков за художественную интеллигенцию в период подготовки социалистической революции и в первые годы Советской власти. Л., 1973; и др.

³ См., напр.: *Атлас М. С.* Национализация банков в СССР. М., 1948; *Барсуков М. И.* Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения: Октябрь 1917—1920. М., 1958; *Венедиктов А. В.* Организация государственной промышленности в СССР. Т. 1. М.; Л., 1957; Т. 2. М.; Л., 1959; *Виноградов Н. А.* Здравоохранение в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1954; *Жимерин Д. Г.* История электрификации СССР. М., 1962; *Коржухина Т. П.* История государственных учреждений СССР. М., 1986; *Нестеренко А. И.* Как был организован Народный Комиссариат здравоохранения РСФСР. М., 1965; и др.

из приоритетных направлений изучения Российской революции стало исследование места и роли в ней средних социальных слоев города, вместе с тем получили освещение и отдельные аспекты проблемы трансформации социальных отношений в городах послереволюционной России⁴.

Таким образом, в рамках советской историографии изучение проблемы ограничивалось преимущественно реконструкцией политики власти по отношению к «бывшим». Отношение самих «бывших» к революции и к новой власти, их повседневные практики выживания и способы адаптации к новым социально-экономическим условиям, осознание своего места в новом обществе и попытки интеграции в него, отношение к представителям «чуждых» социальных слоев на уровне повседневно-бытового общения и т. п. — все эти вопросы рассматри-

вались фрагментарно, оставаясь на периферии исследовательского поля в традициях изучения истории «сверху».

Качественный скачок в исследовании послереволюционных судеб представителей «социально чуждых» слоев произошел на рубеже XX и XXI вв. Он был обусловлен рядом взаимосвязанных факторов: расширением источниковой базы в результате рассекречивания архивных документов, публикациями источников и привлечением их новых видов, развитием методического инструментария, ростом интереса к западной историографии, преодолением искусственной обособленности отечественной историографии от общемировой⁵, и как результат — изменением исследовательской парадигмы.

Новые подходы к изучению послереволюционных судеб «бывших» начали реализовываться в рамках социальной истории и истории повседневности, исторической

⁴ См., напр.: *Востриков Н. И.* Борьба за массы // *Городские средние слои накануне Октября*. М., 1970; *Он же.* «Третьего не дано!» М., 1988; *Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне*. М.; Тамбов, 1984; *Городские средние слои в трех российских революциях*. М., 1989; *Гречкина Э. В.* Средние слои на пути к социализму. Таллин, 1976; *Степин А. П.* Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев. М., 1975.

⁵ Применительно к истории «бывших» большой интерес, в частности, вызвали работы Ш. Фицпатрик (*Fitzpatrick Sh.* Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *Journal of Modern History*. 1993. № 4; *Фицпатрик Ш.* Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // *Вопросы истории*. 1990. № 8; *Она же.* Жизнь под огнем: Автобиография и связанные с ней опасности в 30-е годы // *Российская повседневность 1921—1941 гг.: Новые подходы*. СПб., 1995; *Она же.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология*. Самара, 2001. С. 174—207) и ряда других исследователей (см., напр.: *Ball, A. M.* Russian last capitalists: The nepmen. 1921—1929. Berkeley, 1987; *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. L., 1990; *Edele M.* Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 8. No. 2 (Spring 2007). P. 349—373; *Hagenloh P.* «Socially Harmful Elements» and the Great Terror // *Stalinism: New Directions*. L.; N. Y., 2000; *Kimerling E.* Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia. 1918—1936 // *The Russian Review*. 1982. Jan.; *Nelson A.* Music for the Revolution: Musicians and Power in Early Soviet Russia. Pennsylvania, 2004; *Rendle M.* Family, Kinship and Revolution: The Russian Nobility. 1917—1924 // *Family and Community History*. 2005. No. 1 (8). P. 35—47; *Rendle M.* The Problems of «Becoming Soviet»: Former Nobles in Soviet Society. 1917—1941 // *European History Quarterly*. 2008. No. 1 (38). P. 7—33; *Краус Т.* Советский термидор: Духовные предпосылки сталинского переворота. 1917—1928. Будапешт, 1997; *Мэттьюз М.* Ограничения свободы проживания и передвижения в России (до 1932 года) // *Вопросы истории*. 1994. № 4; *Куртук С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Бартошек К., Марголен Ж.-Л.* Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М., 1999; *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000; и др.).

антропологии, гендерной истории и т.п.⁶ В центре внимания исследователей оказались люди, их внутренний мир, чувства, система ценностей, сложная система взаимоотношений. Изменения в иерархии исследовательских приоритетов обусловили необходимость расширения исследовательского инструментария, ориентацию на междисциплинарные методы. Большую популярность в 1990-х гг. приобрели микроисследования, биографические реконструкции, методы просопографии и case study, опыты создания так называемых «социальных портретов» различных общественных слоев, в том числе и «бывших», либо относимых к ним групп⁷. Наибольшие успехи в этом плане были достигнуты в реконструкции социального портре-

та и судеб так называемых лишенцев (т.е. лиц, лишенных избирательных прав в соответствии со ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г.), значительная часть которых являлась выходцами из «бывших»⁸.

Новое освещение получили в постсоветской историографии вопросы взаимоотношений власти с интеллигенцией и духовенством⁹, разные аспекты формирования советской номенклатуры и наличия в ней «буржуазных» специалистов¹⁰. В новой иерархии исследовательских задач социальные практики «чуждых», их повседневная жизнь постепенно потеснили изучение разных аспектов государственной политики, переставшей быть главным объектом исследований; биографии лидеров Белого движения, оппозицион-

⁶ См.: *Журавлев С.В.* Современные методы и новые источники изучения истории России XX века. М., 2010; *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история: Ежегодник. 1998/1999.* М., 1999. С. 77—100; *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Там же. С. 7—38; *Она же.* Социальная история в современной историографии. М., 2001; *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: Проблемы методологии и источниковедения // *Социальная история: Ежегодник. 1998/1999; Она же.* Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // *Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология и практика.* М., 2004. С. 5—68; и др.

⁷ См., напр.: *Смирнова Т.М.* Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917—1920 годов: (По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде) // *Социальная история: Ежегодник. 2000.* М., 2000. С. 87—126.

⁸ См., напр.: *Добкин А.И.* Лишенцы. 1918—1936 // *Звенья: Исторический альманах.* Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 600—628; *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920—1930-е годы. М., 1998; *Юшин И.Ф.* Социальный портрет московских «лишенцев» (конец 1920-х — начало 1930-х годов) // *Социальная история: Ежегодник. 1997.* М., 1998. С. 95—122. Подробную историографию проблемы см.: *Серокурова Л.А.* «Лишенцы» Крымской АССР в контексте социально-экономических и политических процессов (1921—1936 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

⁹ См.: *Барбаков К.Г., Мансуров В.А.* Интеллигенция и власть. М., 1991; *Белова Т.Д.* Культура и власть. М., 1991; *Бигуаа В.* Потомки духовного сословия: Семья Вороновых // *Судьбы людей: Россия. XX век: Биографии семей как объект социологического исследования.* М., 1996. С. 42—69; *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. М., 1991; *Павлов Д.Б.* Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917—1922 гг. М., 2011; *Репрессированная интеллигенция. 1917—1934 гг.: Сборник статей.* М., 2010; *Смирнова Т.М.* «...Чтобы нам дали возможность мирно дожить нашу жизнь...»: Представители бывших привилегированных слоев в поисках новой социальной ниши. Октябрь 1917 — 1921 годы // *Советская власть — народная власть? Очерки истории народного восприятия Советской власти в СССР.* СПб., 2003. С. 67—87; и др.

¹⁰ См., напр.: *Измозик В.С.* Глаза и уши режима: Государственный контроль за населением Советской России в 1918—1928 гг. СПб., 1995; *Кавтападзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988; *Он же.* Военспец в революции: Какую роль сыграли в военном строительстве бывшие офицеры и генералы старой русской армии // *Переписка на исторические темы.* М., 1989; *Коржухина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // *Вопросы истории.* 1993. № 7; и др.

ных большевикам партий и анархистских групп, в свою очередь, вытеснили биографии революционеров и большевистских лидеров. Рост интереса к генеалогии, геральдике, вопросам элитообразования, а также оживление дискуссий относительно реституции национализированного имущества стимулировали изучение истории дворянства, в рамках которой выделились особые направления, такие как история дворянских усадеб, реконструкция семейных биографий отдельных дворянских родов, история дворянского быта, традиций и менталитета и др.¹¹

В 2003 г. вышло первое комплексное исследование по истории «бывших», в котором были реконструированы их повседневные практики, методы и мотивы адаптации к новым реалиям на материалах центральной России¹². Региональная, национальная и конфессиональная специфика проблемы не входили в задачи указанной работы

и долгое время оставались неизученными. В работах последних лет, напротив, преобладает именно региональный аспект¹³. Получила развитие и историография национальной специфики проблемы как с точки зрения национальных особенностей социального пространства «бывших», так и в плане изучения зависимости от национальной принадлежности и исповедуемой религии методов адаптации «бывших» (либо отдельных социальных групп, к ним относимых) к послереволюционным социально-экономическим и политическим условиям¹⁴. Значительная часть региональных исследований носит описательный характер, не выходит на уровень концептуальных обобщений, сопоставления местных и национальных реалий с общероссийскими и выявления на этой основе общих и специфических тенденций, а также анализа причин, обусловивших региональную и национальную специфику.

¹¹ См.: *Баринова Е. П.* Дворянство России второй половины XIX — начала XX века: Современная историография // Известия Самарского науч. центра РАН. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 548—557; *Ефремов С. И.* Дворянская семья в Советской России и СССР (1917 — конец 1930-х гг.): Социокультурный аспект: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

¹² *Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003. Основные выводы монографии получили дальнейшее развитие в докторской диссертации автора ««Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917—1936 гг.)» (М., 2010).

¹³ См.: *Карпычева Е. В.* Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: Источниковедческое исследование. 1918—1936 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Мавлютова З. Ш.* Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 23. С. 52—57; *Мистрюгов П. А.* Судьбы «бывших» в российской провинции в годы Гражданской войны (1918—1920 гг.) // Вопросы истории. 2017. Т. 12. С. 61—73; *Рышков В. М.* Социальная мобильность буржуазии на Востоке России в 1918—1922 годы // Вестник Тверского гос. ун-та. 2015. № 3. С. 86—102; *Скубеневский В. А.* «Бывшие»: Купечество Барнаула после 1917 г. // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. История. 2017. № 48. С. 88—93; *Хубулова С. А., Галеева М. С.* «Маленькие люди» в «большой истории»: Повседневная жизнь владикавказских обывателей в 1917—1920 гг. Владикавказ, 2007; и др.

¹⁴ См., напр.: *Волосник Ю. П.* Нова буржуазія України та розвиток приватно підприємницької діяльності на фінансовому ринку в роки непу. Харків, 2002; *Гербер О. А.* Крестьяне-«лишенцы» немецких колоний Сибири (1921—1937) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 138—158; *Мешкова С. И.* Состав служащих засерен «бывшими людьми»: Лишенцы Харькова и Донецка в период чистки советского аппарата 1930—1931 гг. // Вісник НТУ «ХПІ». Сер.: Актуальні проблеми історії України. № 25 (1068). Харків, 2014. С. 90—97; *Морозова Н. М.* Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918—1936 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; *Пузовкина О. Г.* «Бывшие люди» в Туркестане: От Февраля к Октябрю 1917 года // Великая российская революция. 1917: Сто лет изучения: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 9—11 октября 2017 г.). М., 2017. С. 508—515; *Она же.* «Бывшие» и их судьбы в Узбекистане: Исторический аспект (20—30-е годы XX в.). Ташкент, 2022; и др.

Таким образом, современная историография «бывших» носит дискретный характер. В центре внимания исследователей находятся отдельные социальные группы, так или иначе входившие в социальное пространство «бывших». Изучение положения представителей этих групп в послереволюционной России ведется по преимуществу в региональном аспекте, нередко ограничиваясь реконструкцией судеб представителей нескольких наиболее известных семей, взятых вне общеисторического контекста. Так, С. И. Ефремов исследует проблему трудоустройства бывших дворян в Советской России, опираясь на реконструкцию судеб представителей четырех семей: Голицыных, Аксаковых, Хилковых и Зворыкиных. Американский историк Дуглас Смит выводит, полученные на основе изучения биографий Голицыных и Шереметевых, экстраполирует на верхушку российской аристократии в целом¹⁵. Данная тенденция делает актуальным вопрос о репрезентативности источниковой базы работ и о допустимости перенесения выводов, полученных на основании частного случая (или нескольких случаев), на всю совокупность социального явления.

Применение современных методов исторического исследования, в том числе

междисциплинарных, и введение в научный оборот новых комплексов источников (таких, как материалы ВЧК—ОГПУ, разнообразные источники личного происхождения, в том числе ставшие в последние годы особенно популярными источники устной истории, региональные документы и др.) позволили сделать в начале XXI в. значительный шаг вперед в плане реконструкции отдельных сюжетов повседневной жизни «бывших» и путей их интеграции в советское общество. Однако в целом проблема судеб представителей «социально чуждых» слоев в послереволюционной России была и остается одной из дискуссионных и одновременно мифологизированных тем социальной истории советского общества.

На смену многократно разоблаченным догмам и стереотипам советского образца создаются новые легенды и стереотипы, новые «герои» и «антигерои». Политизированные, эмоциональные и морально-нравственные оценки зачастую преобладают над научными. В частности, типичным явлением становится идеализация дворян и участников Белого движения, в силу своего «благородного происхождения» якобы отличавшихся исключительно высокими морально-нравственными качествами¹⁶.

«Бывшие» в условиях послереволюционной России

После Октябрьской революции, в соответствии с новой социальной иерархией, представители вчерашней политической и экономической элиты оказались в роли социальных изгоев, потеряв вслед за высоким социальным статусом и соответствующими

ему привилегиями значительную часть имущества, работу, а зачастую и жилье. Разумеется, не все смогли с этим смириться. Значительная часть представителей крупной буржуазии и высшего чиновничества, а также некоторая часть интеллигенции заняли

¹⁵ Ефремов С. И. Трудовая деятельность бывших дворян в СССР (1920—1930-е гг.) // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2011. № 2. С. 141—145; Smith D. Former People: The Final Days of the Russian Aristocracy. N.Y., 2012.

¹⁶ См., напр.: Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001; Суетов Л. А. Белое дело. СПб., 2000; Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы 1920—1921 гг. М., 2001; Чуйкина С. Дворянская память: «Бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920—30-е годы). СПб., 2006. С. 154; Шинкарьчук С. А. Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921—1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995. С. 18, 27, 31; и др.

активную антибольшевистскую позицию, многие предпочли покинуть страну.

Однако в целом реакция «бывших» на революционные события 1917 г. была значительно сложнее и противоречивее. Нельзя забывать, что под собирательным термином «бывшие люди» оказались объединены представители разных социальных групп «старого общества», между которыми различий (с точки зрения имущественного положения, социального статуса, уровня образования, профессии, мировоззрения, жизненных ценностей, культурных и бытовых традиций и т.п.) иногда оказывалось больше, чем общих черт. Все это предопределило сложность и внутреннюю противоречивость «бывших» как социальной категории советского общества.

Пожалуй, преобладающим ощущением большинства представителей мелкой и средней буржуазии, широких слоев старой интеллигенции, а также некоторой части высшего чиновничества и крупных предпринимателей в первые месяцы после революции была растерянность. Чувства растерянности и страха были вызваны не столько отношением к новой власти (широкие массы обывателей пока еще не были знакомы с идеологией и деятельностью большевиков), сколько разрушением привычного жизненного уклада и неопределенностью будущего. Как справедливо подметил представитель питерского чиновничества В.Б. Лопухин, незадолго до октября 1917 г. назначенный директором департамента Министерства иностранных дел, «за исключением социалистов» никто толком не понимал, «что такое произошло 25 октября»¹⁷.

Ясно было лишь, что надо заново налаживать жизнь, причем делать это, имея за плечами тяжелый груз «эксплуататорского» прошлого, клеймо «плохого» со-

циального происхождения. По образному выражению Ш. Фицпатрик, им приходилось «пересотворять» себя, «находить или создавать в самом себе личность, подходящую для нового послереволюционного общества»¹⁸. Насколько успешными были эти попытки «пересотворения» в условиях диктатуры пролетариата, когда все люди, так или иначе связанные до революции с господствующими слоями, были потенциально включены в категорию «классовых врагов»? И могли ли эти попытки в принципе быть успешными, или, как полагают некоторые исследователи, рождение в «плохом» классе становилось для «бывших» приговором, в лучшем случае приговором с отсрочкой исполнения?

Социальная политика новой власти, формировавшаяся в условиях революции и Гражданской войны, неизбежно должна была носить дискриминационный по отношению к бывшим господствующим слоям характер. «Классовые» стандарты стремительно проникали во все сферы жизни («классовое правосудие», «классовый паек», «классовая культура», «классовое образование» и т.п.). Однако введение «классовых» стандартов было не только проявлением репрессивных мер, зачастую оно было обусловлено прагматическими целями первоочередного обеспечения наиболее «полезных» для общества трудящихся слоев в условиях тотального дефицита ресурсов.

В первые месяцы новая власть наряду с откровенной физической расправой над «классовыми врагами» применяла по отношению к ним и методы убеждения, проявляя «либеральные» жесты, призванные продемонстрировать приверженность режиму большевиков идеалам демократии, социальной справедливости и всеобщего равенства. Как справедливо отметил А.Н. Чистиков, в первые годы после рево-

¹⁷ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 322.

¹⁸ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 4.

люции многим большевикам был присущ «дух революционной романтики»¹⁹. В частности, вплоть до начала «красного террора» нередко были случаи освобождения «классовых врагов» на поруки, под честное слово, под подписку об отказе от вооруженного сопротивления и просто на основании поручительства трудового коллектива или кого-то из большевистских руководителей. Причем «хлопотали» — и весьма результативно — в основном не за арестованных рабочих и крестьян, обычно не имевших знакомых в рядах большевистского руководства, а за тех, кто относился к числу «бывших». Эффективность «системы хлопот» подтверждается как современниками, так и многочисленными документами фондов Управления делами СНК, Следственной комиссии Верховного революционного трибунала при ВЦИК, Следственной комиссии революционного трибунала при Петроградском Совете РСИКД, а также личных фондов ряда государственных и партийных деятелей того периода.

Характерным проявлением «революционной романтики», стремления к классовому миру стал, в частности, Декрет Совета Комиссаров Петроградской трудовой коммуны «О смягчении участи лиц, совершивших преступные деяния» от 1 мая 1918 г. Пункт «3» этого декрета освобождал от наказания всех, «осужденных за политические деяния»²⁰. Весной—летом 1918 г. Следственной комиссией революционного трибунала при Петроградском Совете действительно было прекращено значительное количество дел по таким обвинениям, как: саботаж, контрреволюционная пропаганда, контрреволюционные действия, агитация против советской власти и т. п.²¹

Однако осязательные в центре либеральные тенденции не получили развития в практике местных властей, за исключением отдельных регионов, где во главе местных органов советской власти оказались представители интеллигенции. На местах первые послереволюционные годы характеризовались разгулом революционной стихии и откровенной местью не proletарским слоям за «прошлые грехи», выразившейся не только в бесконечных выселениях и конфискациях, но и в физическом насилии, вплоть до уничтожения.

Юридическое оформление принцип социальной дискриминации получил в Конституции РСФСР 1918 г., в соответствии со статьей 65-й которой «отдельные лица» и «отдельные группы» (в том числе «члены царствовавшего в России дома», лица, «прибегающие к наемному труду» или живущие на доходы с предприятий, домовладений, капитала и прочей собственности, монахи, служащие и агенты бывшей полиции и т. п.) были лишены права избирать и быть избранными. Вскоре после принятия первой советской Конституции постановлением СНК РСФСР «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. фактически был провозглашен курс на усиление репрессий против «классовых врагов», в число которых автоматически попадали «бывшие». Широкая пропаганда классовой ненависти развернулась в прессе. Основанием для ареста все чаще становилось занимаемое до революции социальное и имущественное положение. Привычным явлением становятся обыски, разнообразные «облавы на паразитов».

К этому периоду относится проведение ряда мероприятий учетно-регистрацион-

¹⁹ Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 28. Подробнее об этом см.: *Смирнова Т. М.* «Бывшие»: Штрихи к социальной политике советской власти // Отечественная история. 2000. № 2. С. 37—48; *Она же.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003. С. 55—66.

²⁰ Сборник декретов и постановлений Союза коммун Северной области. Вып. 1. Пг., 1919. С. 99—101.

²¹ *Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 61—62.

ного характера, преследовавших одновременно и экономические, и социально-политические, в том числе репрессивные, цели. Так, 5 октября 1918 г. СНК принял декрет «О трудовых книжках для нestrудящихся», в соответствии с которым лица, живущие на «неструдовые доходы», должны были получить в местном Совете трудовые книжки, для занесения в них специальных отметок о выполнении общественных работ или повинностей. На основании отметок в трудовых книжках «неструдящимся элементам» выдавали продовольственные карточки и предоставляли право свободно передвигаться по территории Республики. В июне 1919 г. декретом ВЦИК трудовые книжки были введены для всех жителей Москвы и Петрограда, достигших 16 лет.

В сентябре 1919 г. в Петрограде, а затем и в Москве была проведена регистрация «неструдового населения мужского пола». 23 сентября того же года СНК принял декрет «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе»²². В соответствии с инструкцией НКВД обязательной регистрации подлежали: а) чиновники в чине не менее действительного статского советника, бывшие офицеры Отдельного корпуса жандармов, прокуратуры, товарищи прокуроров, председатели и члены судебных палат, министры, товарищи министров, директора и вице-директора департаментов, сенаторы, члены Государственного совета, губернаторы, вице-губернаторы, полицмейстеры, исправники,

градоначальники, председатели губернских и уездных земских управ, городские головы губернских и уездных городов; б) бывшие владельцы предприятий, в которых было не менее 20 рабочих и служащих²³; в) бывшие председатели или члены правления акционерных обществ, имевших основной капитал не менее чем полмиллиона рублей; г) собственники, владевшие участком земли менее 100 десятин²⁴ или домом, оцененным в 1916 г. для взимания налога или страхования свыше пятидесяти тысяч рублей²⁵.

В своих регистрационных заявлениях вышеперечисленные граждане должны были указать прежнее общественное, служебное и имущественное положение, нынешнее свое занятие, службу, источник средств существования, состав своей семьи с указанием имени, отчества, фамилии, возраста, занятия (нынешнего и прежнего) и адреса каждого из них «с указанием также всех отсутствующих членов семьи со всеми из указанных сведений, какие известны заявителю». В Инструкции подчеркивалось, что «исполкомы не имеют права вносить на основании представленных им сведений какие-либо отметки в паспорта зарегистрированных лиц или выдавать им взамен паспортов особые удостоверения личности».

Параллельно с регистрацией по анкетам проводилась и регистрация по спискам, поданным домовыми комитетами. В соответствии с приказом № 31 Отдела управления Петроградского Совета «в случае обнаружения в доме лиц, подлежащих регистра-

²² Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 124—125.

²³ В соответствии с первыми проектами декрета регистрации подлежали все лица, владевшие предприятиями, на которых работало не менее 50 рабочих (РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 317. Л. 28).

²⁴ Предварительные варианты декрета предусматривали обязательность регистрации для владельцев участка земли площадью не менее 200 десятин (РГАСПИ. Ф. 19. Он. 1. Д. 317. Л. 28).

²⁵ Власть Советов. 1919. № 10. С. 30. Подробно о проведении регистрации см.: Смирнова Т. М. Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917—1920 годов: (По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде) // Социальная история: Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 87—126; Она же. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 75—79, 97—104.

ции», но не имеющих предусмотренных более ранним приказом Петросовета квнтаций о ее своевременном и добровольном прохождении, председатель домового комитета подлежал «немедленному аресту и самому суровому наказанию по законам осадного положения»²⁶. Выявление «уклонившихся» производилось и другими методами: по спискам служащих, по частным доносам и т.п. Для привлечения широких слоев населения к выявлению и постановке на учет бывших «буржуев» и их «прихвостней» использовали центральную и местную прессу.

Многочисленные учетно-регистрационные мероприятия стимулировали стремление различных слоев «бывших» влиться в новую систему хотя бы формально, путем устройства на советскую службу. Всех, кто не числился на службе, привлекали к уборке мусора, расчистке дорог от снега, рытью могил для умерших от холеры и прочим видам трудовой повинности. «Надо было во что бы то ни стало поступить в какое-нибудь советское учреждение или предприятие на работу, — вспоминал В. Б. Лопухин, во-первых, ради нее самой в идеологических соображениях любого толка, во-вторых, чтобы кушать и не рыть могил»²⁷.

Наиболее легко адаптировались к большевистскому режиму представители бывших имущих слоев, не отягощенные нравственностью и стремившиеся во что бы то ни стало сократить до минимума свои потери после революции. Играв на недостатках советской системы, они порой очень неплохо устраивали свою судьбу.

Ученые, медики, работники искусства нередко шли на сотрудничество с новой властью из патриотических соображений и преданности своему делу. Наряду с теми представителями интеллигенции, кто искал применение своей профессии при новой власти, не принимая ее идеологию, было немало и тех, кто критически относился к царскому режиму и встретил революцию с удовлетворением и надеждой. Значительная часть старой интеллигенции, тех представителей «бывших», кто до революции активно участвовал в общественно-политическом движении, так или иначе поверили в идею социализма, выражаясь словами современников, «поддались демагогическому соблазну» большевистских лозунгов²⁸. Как вспоминала впоследствии известная эсерка Б. А. Бабина, «это был какой-то гипноз слова “социализм”», наивная вера в то, что большевики все же «смогут построить в России справедливый строй, а то, что сейчас происходит — издержки гражданской войны»²⁹.

Основная масса мирных обывателей просто «плыли по течению», не зная, что предпринять и как жить дальше. Позицию большинства далеких от политики граждан можно выразить словами из письма в СНК «курского дворянина» 76 лет, бывшего предводителя дворянства: «Мы желаем только одного, чтобы нам дали возможность мирно дожить нашу жизнь»³⁰.

Помимо относительной юридической безопасности и заработка, советская служба давала также возможность приобрести социально нейтральный статус «служащего»,

²⁶ Петроградская правда. 1919. 2 нояб.

²⁷ Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 343.

²⁸ Цит. по: Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 96.

²⁹ Бармин Н. Беседа с Б. А. Бабиной // Минувшее. Вып. 2. М., 1990. С. 382, 378.

³⁰ Цит. по: Смирнова Т. М. «...Чтобы нам дали возможность мирно дожить нашу жизнь...»: Представители бывших привилегированных слоев в поисках новой социальной ниши. Октябрь 1917—1921 годы // Советская власть — народная власть? Очерки истории народного восприятия Советской власти в СССР. СПб., 2003. С. 71.

а если повезет, то и скрыть (либо немного подкорректировать) свое «чуждое» происхождение. Несмотря на то что при поступлении на службу практически всегда требовалось указать социальное происхождение, а нередко и бывшее имущественное положение родителей, скрыть свое прошлое в те годы было несложно. Вплоть до конца 1920-х гг. отношение к анкетам было формальным, проверять их было некому и некогда. Понимая это, анкетируемые не всегда придерживались реальных фактов. Так, например, из 21 вопроса анкеты, разработанной в 1919 г. Комиссией ВЦИК по обследованию Наркоматов РСФСР, 11 были посвящены дореволюционному положению самого анкетируемого и его семьи. Тем не менее понять истинное дореволюционное социальное положение большинства респондентов по этим анкетам практически невозможно. Так, из 196 служащих Единой трудовой школы и дошкольного отдела Наркомпроса, заполнивших анкету в марте 1920 г., на вопросы о службе и чине отца до революции 54 человека ответили, что отец уже умер, тем самым фактически уйдя от ответа. Десятки человек дали уклончивые ответы («отец старик 75 лет», «в настоящее время отец слепой», «вследствие старости живет на помощь детей» и т.п.). На вопросы о владении до революции собственностью подавляющее большинство респондентов ответили отрицательно («никаким имуществом не владел», «ничем не владел», «средства на содержание себя и семьи зарабатывал всегда личным трудом» и т.п.). Причем,

судя по сделанным на полях анкет пометкам, эти ответы принимались на веру без какой-либо проверки. Если анкетируемый сообщал о наличии у кого-либо из членов семьи собственности (включая крошечный домик или незначительный крестьянский надел земли), то на полях анкеты ставилась пометка «Вл», что означало «владелец»³¹. На анкетах лиц, не предоставивших данные о наличии собственности, подобной отметки нет. А. И. Черных, проанализировав анкеты ЦЕКУБУ, пришла к выводу, что степень их достоверности также крайне мала³².

Несмотря на провозглашенную дискриминационную по отношению к представителям бывших привилегированных классов социальную политику, в 1918 — начале 1920-х гг. среднее звено советских служащих в значительной степени состояло из «бывших». Особенно высоким был процент «бывших» среди служащих Москвы и Петрограда, в том числе и среди верхних слоев номенклатуры. Даже среди руководителей некоторых подразделений ВЧК—ОГПУ (например, отдела информации) преобладали выходцы из непролетарских слоев, в том числе и дворянского происхождения³³. Как справедливо отметил А. Н. Чистиков, детально изучивший аппарат управления послереволюционного Петрограда, в верхние слои номенклатуры «бывшие» попадали редко, но «на более низком уровне их было множество»³⁴.

По данным Моссовета, наибольший процент безработных в 1918—1920 гг. составляли чернорабочие, а также «торго-

³¹ Смирнова Т. М. «Бывшие люди» — социальная категория или элемент идеологической риторики: К вопросу о социальной стигматизации в послереволюционной России // Российская государственность: Опыт 1150-летней истории: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 4—5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 401.

³² Черных А. И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 145.

³³ Интересен профессиональный состав сотрудников Информационного отдела ВЧК—ОГПУ. Как установил В. К. Виноградов, среди них преобладали юристы, учителя, литераторы, редакторы, киноработники; были даже один музыкант и один агроном (Виноградов В. К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 1. М., 2001. С. 66).

³⁴ Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 43—44.

вый, конторский и бухгалтерский персонал» (более 20%). Напротив, специалисты разных отраслей, т.е. те, кто так или иначе входил в социальное пространство «бывших», составляли в этот период минимальный процент безработных, в среднем от 0 до 0,6%³⁵. Занятость на советской службе инженеров, химиков и технических работников в 1919 г. превышала 90%³⁶. Традиционно высокий процент занятости на службе в советских учреждениях Москвы и Петрограда составляли профессора, преподаватели вузов, научные и медицинские работники. Поскольку в первое время после революции вузы еще не подвергались коренной реорганизации, почти все бывшие профессора высшей школы продолжали работать на прежних местах. То же можно сказать и о медицинских работниках, потребность в которых в послеволюционные годы была чрезвычайно высокой³⁷. Занятость в советских учреждениях Москвы и Петрограда бывших чиновников высших государственных учреждений, по данным регистрации 1919 г., колебалась от 70 до 90%³⁸.

Неожиданно востребованными оказались военные специалисты прежнего режима. По подсчетам А. И. Андогского, в годы

Гражданской войны в Красной армии служили около 35% офицеров русского генерального штаба³⁹. Эти данные в основном подтверждаются исследованиями А. Г. Кавтарадзе, считающего, что к концу Гражданской войны в Красной армии служило около 75 тыс. военных специалистов, что составляет около 30% всего корпуса офицеров на октябрь 1917 г.⁴⁰

В первое время бывшие офицеры были востребованы в преподавательской, бухгалтерской, делопроизводственной и других сферах. Так, например, в августе 1918 г. в различных подразделениях Моссовета на службе числилось около 50 бывших офицеров, все они были охарактеризованы руководством и сослуживцами как «любящие по отношению к советской власти» и в большинстве своем «безусловно необходимые»⁴¹. Бывшими офицерами оказались также около 100 технических специалистов райсоветов (чертежники, счетоводы и т.п.); 27 сотрудников финансово-податного отдела; 17 сотрудников административного отдела; 14 сотрудников МОНО; 13 сотрудников транспортного отдела; 16 милиционеров (в том числе старший помощник по уголовно-следственной части Бутырского комиссариата); 10 инспекторов уголов-

³⁵ Красная Москва. 1917—1920 гг. М., 1920. Диаграмма 3.

³⁶ Смирнова Т. М. Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917—1920 годов: (По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде). С. 125—126.

³⁷ В частности, материалы чисток Ленинского районного отдела здравоохранения Москвы 1931 г. свидетельствуют о том, что все 26 врачей — сотрудников отдела, начавшие свою профессиональную деятельность до Октябрьской революции, после 1917 г. продолжали служить по специальности, в основном на прежней должности. Никто из них за 14 лет советской власти не имел перерыва в стаже (ЦАГМ. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 61. Л. 1—21).

³⁸ Подробнее см.: Смирнова Т. М. Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917—1920 годов: (По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде). С. 112—126.

³⁹ Андогский А. И. Как создавалась Красная Армия Советской России: (Уроки недавнего прошлого): Критическо-исторический очерк. Владивосток, 1921. С. 29.

⁴⁰ Кавтарадзе А. Г. Военспец в революции: Какую роль сыграли в военном строительстве бывшие офицеры и генералы старой русской армии // Переписка на исторические темы. М., 1989. С. 192—193; см. также: Кораблев Ю. И. Советская власть и военные специалисты (1918—1941 гг.) // Власть и общество: Россия. XX век. М.; Тамбов, 1999. С. 122.

⁴¹ В данном случае речь идет об офицерах царской армии, не принимавших участия в Гражданской войне.

но-розыскного подотдела; 6 сотрудников пожарной службы; 5 сотрудников Управления делами; 39 сотрудников исполкома Замоскворецкого района и 37 служащих Московского почтамта. Все они получили положительные характеристики⁴².

Несмотря на острый недостаток специалистов, проблемы с трудоустройством возникали у бывших владельцев, директоров и управляющих предприятий, прекрасно знавших все тонкости производства. Согласно принятому ВСНХ в августе 1919 г. постановлению, бывшие владельцы национализированных предприятий лишались права занимать в них технические и административные должности. ЦК Всероссийского союза металлистов обратился в ВЦСПС с просьбой принять меры к отмене постановления, мотивируя свою просьбу острым дефицитом опытных руководителей предприятий. Однако Президиум ВЦСПС постановил считать проект правильным⁴³. В марте—октябре аналогичное решение было принято и по отношению к текстильщикам⁴⁴.

Мелкие и средние предприниматели также с трудом находили себе работу. Как в столицах, так и на местах буржуазию предпочитали использовать, выражаясь языком прессы того времени, «как рабочий скот для черных работ»⁴⁵.

Сложнее всего устроиться на службу в советские учреждения, а следовательно, и получить заветный статус «совслужащего» со всеми вытекающими отсюда возможностями оказалось бывшим домовладельцам, помещикам, рантье. Представители этих групп не всегда имели хорошее образование и редко обладали профессией и какими-либо полезными

для нового общества специальными навыками, соответственно, считались «пригодными» только для черной работы. Так, в Московской губернии им поручали в основном заготовку и возку топлива, разгрузку угля и прочую неквалифицированную физическую работу. Распространенными способами «заработка» для этой группы «бывших» были самогоноварение⁴⁶, частные уроки, переводы, помощь в домашнем хозяйстве (стирка, уборка). Таким образом, они подлежали привлечению к трудовой повинности как не занятые общественно-полезным трудом. По положению Главкомтруда от февраля 1920 г., лицами, не занятыми общественно-полезным трудом, считались: а) живущие на «нетрудовые доходы» (доходы от частных уроков, помощи по хозяйству, шитья на дому для частных лиц и т.п. также относились к разряду «нетрудовых»); б) не имеющие определенных занятий; в) безработные, не зарегистрированные в подотделе учета и распределения рабочей силы; г) хозяева, ремесленники, кустари, не зарегистрированные соответствующими органами и зарегистрированные, но нарушающие кодекс о труде и правила, установленные для частных предприятий; д) торговцы, нарушающие правила частной торговли; е) советские служащие, занимающиеся посторонними делами в рабочее время или «манкирующие службой»; ж) фиктивно-учащиеся. Этот перечень не был окончательным, Центральной комиссии по принудительному привлечению к труду предоставлялось право дополнять его в рабочем порядке⁴⁷.

⁴² Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 101—102.

⁴³ Известия ВЦИК. 1919. 18 сент.

⁴⁴ Вечерние известия Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. 14 окт.

⁴⁵ Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 102.

⁴⁶ Куфаев В. И. Рецидивисты // Преступный мир Москвы. М., 1924. С. 128.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-7275. Оп. 1. Д. 1. Л. 68; Д. 32. Л. 5.

Крайне противоречивой была картина трудовой занятости «бывших» в провинции. С одной стороны, на местах, где представители власти руководствовались преимущественно «классовым чутьем» и «интересами революционной целесообразности», борьба с «классовыми врагами» приобрела наиболее ожесточенный характер. С другой стороны, именно в провинции, где не хватало не только квалифицированных специалистов, но и просто грамотных людей, нередко складывались наиболее благоприятные возможности для интеграции «бывших» в новую жизнь. Отчеты уполномоченных ВЦИК о состоянии советской и партийной работы на местах свидетельствуют о том, что как Советы, так и партийные комитеты в провинции нередко возглавляли лица непростолетарского происхождения.

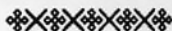
Тесное переплетение этих, на первый взгляд, несовместимых тенденций зачастую приводило к крутым выражам судеб «бывших». Так, в 1919 г. революционный трибунал г. Советска Вятской губернии приговорил отца и сына Стрельниковых к расстрелу за неуплату чрезвычайного революционного налога. А вскоре после вынесения приговора решением того же трибунала оба Стрельниковы были приняты на работу: сын — секретарем, а отец — заведующим одного из отделов. Тот же трибунал обложил чрезвычайным налогом на сумму 10 тыс. рублей

местного «кулака» И. К. Жаровцева. Жаровцев отказался платить и скрылся, но вскоре вернулся в город, где беглого неплательщика сразу же взяли на работу в местный отдел топлива. Примерно такая же история приключилась и с братьями Ольковыми, и со многими другими⁴⁸.

Очевидно, что по формальному признаку занятости на советской службе нельзя оценивать степень интеграции той или иной группы «бывших» в послереволюционное российское общество. Служба в советских учреждениях не означала ни признания самим служащим новой власти, ни принятия его этой властью. Однако очевидно, что, независимо от побудительных мотивов и применяемых методов, большинство представителей «старого, умирающего мира» уже в первые годы после революции попытались адаптироваться к новым условиям, влиться в формирующееся советское общество, сформировать новую, соответствующую этому обществу идентичность. На первый взгляд складывалось впечатление, что попытки эти были весьма успешными. Правда, как показало будущее, успех этот зачастую оказывался мнимым. Используя терминологию Ш. Фицпатрика, созданный «бывшими» новый образ, подходящий к новым жизненным обстоятельствам, «на протяжении довольно долгого времени оставался ненадежным и уязвимым»⁴⁹.

⁴⁸ Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. С. 106—107.

⁴⁹ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. С. 4.

СУДЬБА ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА И ЕГО СЕМЬИ

Трагическая кончина последнего русского императора и его близких в годы Гражданской войны — одна из дискуссионных проблем в отечественной историографии, которая вызывает большой общественный интерес. Первые публикации, посвященные истории гибели семьи Романовых, появились в начале 1920-х гг. и в последующее десятилетие. Это были воспоминания эмигрантов, ранее близко соприкасавшихся с царской семьей¹. Также в указанный период заметным явлением в историографии стала книга Н. А. Соколова, расследовавшего по поручению Колчака обстоятельства гибели в Екатеринбурге Николая II и его семьи².

В советской историографии тема считалась закрытой. Лишь в 1960—1970-х гг.

появились отдельные историко-публицистические и беллетристические произведения на эту тему³. Ситуация изменилась в начале 1990-х гг., когда открытие спецхранов российских архивов позволило российским исследователям ввести в научный оборот ранее неизвестные и засекреченные документы о гибели царской семьи. Импульсом к активизации исследований проблемы послужило и обнаружение останков царской семьи. Среди публикаций на данную тему выделяются документальные издания, на страницах которых воспроизведены наиболее важные документы о трагедии Романовых в период Гражданской войны⁴. В ряду монографических исследований на указанную тему следует отметить работы

¹ Мельник-Боткина Т. Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921; Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Т. 1, 2. Владивосток, 1922; Вырубцова А. А. Страницы из моей жизни. Берлин, 1923; Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923; Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1924; Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925; Марков С. Покинутая царская семья. Вена, 1926; Волков Л. А. Около царской семьи. Париж, 1928; Мосолов А. А. При дворе последнего российского императора. Париж, 1934; Воейков В. Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936.

² Соколов Н. А. Убийство царской семьи.

³ Курочкин Ю. Тобольский узелок. Пермь, 1968; Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз // Звезда. 1972. № 8—9; 1973. № 7—10.

⁴ Последние дни Романовых: Документы, материалы следствия, дневники, версии. Свердловск, 1991; Убийство царской семьи Романовых: Сборник документов, статей, воспоминаний. Свердловск, 1991; Самосуд: Убийство великого князя Михаила Романова в Перми в июне 1918 г.: Документы и публикации. Пермь, 1992; Покаяние: Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи. М., 1998; Скорбный путь Романовых. 1917—1918 гг. // Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. М., 2001; Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения: В 2 т. М., 2015.

Г.З. Иоффе, В.В. Алексеева, И.Ф. Плотникова, Л.А. Лыковой и других авторов⁵.

История гибели царской семьи вызвала интерес у зарубежных исследователей⁶. Их труды на эту тему стали доступными для российских исследователей и широкой общественности в 1990-е гг.⁷

До настоящего времени дискуссионными аспектами проблемы остаются вопросы: где было принято решение о расстреле царской семьи — в Москве или Екатеринбурге⁸, достоверны ли найденные и канонизированные Русской Православной церковью останки членов царской семьи?⁹

Прodelанная российскими и зарубежными исследователями работа позволяет детально восстановить обстоятельства гибели Николая II, его семьи и родственников в годы Гражданской войны.

В конце июля 1917 г. Временное правительство, чтобы не допустить бегства бывшего царя и его семьи за границу, отправило их в Тобольск, где они находились до захвата власти большевиками под охраной «отряда особого назначения». Впервые судьба семьи Романовых обсуждалась большевистским руководством на заседании Совета Народных Комиссаров 30 ноября 1917 г. Предлагалось перевезти Николая II в Кронштадт из-за набиравших силу слухов о возможном его побеге. В декабре

1917 — январе 1918 г. в советской печати неоднократно ставился вопрос «о немедленном назначении революционного суда над Николаем Романовым и его семьей»¹⁰. В результате 29 января 1918 г. Совнарком принял решение о предании Николая Романова революционному суду. По предложению Л.Д. Троцкого открытый судебный процесс планировали провести вначале в Петрограде, но затем остановились на Москве¹¹.

Несмотря на то что к весне 1918 г. власть большевиков уже утвердилась в Екатеринбурге и Омске, в Тобольске, где содержалась царская семья, власть оставалась у меньшевиков и эсеров, а в городе не было большевистской организации. В связи с этим было решено взять под контроль губернаторский дом, где содержались Романовы. Для этого в Тобольск из Омска прибыл вооруженный отряд под командованием большевика Демьянова, который предъявил ультиматум «отряду особого назначения» о допуске их к бывшему царю и переводе его в местную тюрьму. Но командование отряда воспротивилось этому, потребовав от прибывших «мандат» центральной власти.

Такой «мандат» был получен Уральским областным Советом, деятельность которого в решении судьбы Николая II и его семьи

⁵ Платонов О. Убийство царской семьи. М., 1991; Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992; Алексеев В.В. Гибель царской семьи: Мифы и реальность (новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993; Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии. М., 1997; Радзинский Э. Николай II: Жизнь и смерть. М., 1997; Авдонин А.Н. Дело жизни судебного следователя Николая Соколова. Екатеринбург, 2000; Плотников И.Ф. Правда истории: Гибель царской семьи. Екатеринбург, М., 2003; Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи: Историографический и археографический очерк. М., 2007; Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: Источники, вопросы, версии. М., 2020; и др.

⁶ Гибель царской семьи: Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи (август 1918 — февраль 1920). Франкфурт н/М., 1987.

⁷ Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990; Ферро М. Николай II. М., 1991; Дориа де Дзуллини М. Царская семья: Последний акт трагедии. М., 1991; Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи: Историко-критический очерк. М., 1992; и др.

⁸ «Круглый стол» в память 100-летия расстрела царской семьи // Новая и новейшая история. 2019 № 2. С. 210—211.

⁹ Оболенский А.А., Агаджанян Э.Г. Царская ложь: Итоги расследования. СПб., 2020.

¹⁰ Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. М., 2001. С. 98.

¹¹ Там же. С. 189—190.

имела важнейшее значение. Опасаясь побега бывшего царя за границу и использования его в качестве знамени контрреволюционного движения, президиум Уральского облсовета поставил перед ВЦИК и СНК вопрос о перевозке его и семьи на Урал. На эту тему члены облсовета А. Г. Белобородов, Б. В. Дидковский, Ф. И. Голошекин, Г. И. Сафаров, П. Л. Войков и др. буквально «бомбили центр» телеграммами. Под их воздействием 1 апреля 1918 г. Президиум ВЦИК принял решение об усилении охраны Николая II: увеличении числа караулов, пулеметов и гранат для охраны и т. д.¹² В то же время в этот же день Президиумом ВЦИК было принято решение о переводе «всех арестованных в Москву», а не в Екатеринбург¹³. Но 6 апреля, после общения в Москве военного комиссара Уральского облсовета Ф. И. Голошекина с В. И. Лениным и Я. М. Свердловым, решение было изменено. Президиум ВЦИК поддержал озвученное Голошекиным предложение Уральского облсовета о переводе царской семьи из Тобольска в Екатеринбург. Председатель Уральского Совета А. Г. Белобородов вспоминал: «Мы, уральцы, представляли дело таким образом: Николай и его семья должны быть перевезены на Урал. Этим совершенно устраняется [...] возможность к побегу. Кроме того, если бы друзья Николая с германской стороны захотели его от нас вырвать, у нас остается тысяча возможностей его ликвидации в процессе отправки»¹⁴.

Реализация задачи перевода царской семьи из Тобольска в Екатеринбург была возложена большевистским руководством на чрезвычайного комиссара Совнаркома

и ВЦИК В. В. Яковлева (Мячина) — активного участника Октябрьского переворота, бывшего члена Президиума ВЧК¹⁵.

Приехав на Урал, В. В. Яковлев сформировал специальный отряд для перевозки царской семьи в «столицу Красного Урала» и вскоре осуществил ее¹⁶. 30 апреля 1918 г. бывший царь Н. А. Романов, бывшая царица А. Ф. Романова и бывшая великая княгиня Мария Романова были переданы в распоряжение Уральского облсовета для водворения их под стражу¹⁷. 21 мая 1918 г. в Екатеринбург прибыли из Тобольска царевич Алексей и остальные члены царской семьи. Комиссар снабжения Урала П. Л. Войков нашел место для содержания царской семьи в Екатеринбурге — в доме отставного горного инженера Ипатьева, названного «домом особого назначения»¹⁸. В нем наряду с царской семьей оказались после «фильтрации» находившиеся с ней до этого слуги: доктор Е. С. Боткин, повар И. М. Харитонов, лакей А. Е. Трупп, горничная А. С. Демидова и поварской ученик Лёня Седнев. По распоряжению Я. М. Свердлова Уральский облсовет ужесточил режим содержания царской семьи в Екатеринбурге, по сравнению с режимом ее пребывания в Тобольске¹⁹.

После выступления войск Чехословацкого корпуса и левоэсеровского мятежа большевистское руководство отказалось от идеи суда над бывшим царем в Москве и предложило его провести в Екатеринбурге. Но осуществить этот замысел не удалось из-за возникшей угрозы захвата «столицы Красного Урала» белочехами. В связи с этим 12 июля 1918 г. президиум Уральского облсовета, «выполняя волю ре-

¹² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 7, 9.

¹³ Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. С. 138.

¹⁴ Там же. С. 99.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 33. Л. 1.

¹⁶ Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. С. 243—245.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 6.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 143. Л. 7; Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 160.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 136; Д. 34. Л. 2—8; Ф. 1235. Оп. 79. Д. 5. Л. 176—178.

волюции», принял единогласное решение о расстреле Николая Романова и всех членов его семьи, за исключением поваренка Лёни Седнева, с которым играл цесаревич Алексей²⁰. Расстрел и уничтожение трупов возлагались на охрану дома Ипатьева и рабочих-коммунистов.

12 июля 1918 г. состоялась встреча Ф.И. Голошекина с Я.М. Юровским — новым комендантом «дома особого назначения», членом Уральской коллегии ВЧК²¹. Голошекин проинформировал коменданта о тяжелом положении на фронте, готовящейся в связи с этим эвакуацией советских учреждений Екатеринбурга и принятом решении о ликвидации Николая II и его семьи. Ликвидацию следовало поручить «надежным товарищам» и осуществить ее быстро и бесшумно: «прямо в постелях, когда они спят». Юровский посчитал предложенный вариант «неудобным» и взял на себя ответственность найти другой.

Новый план ликвидации царской семьи был утвержден 13 июля 1918 г. на встрече председателя Уральского облсовета А.Г. Белобородова с военным комиссаром Верх-Исетского Совета П.З. Ермаковым и Юровским. Белобородов проинформировал собравшихся о том, что расстрел предполагалось провести тихо, без шума, трупы расстрелянных планировалось спрятать так, чтобы ни одна «белогвардейская ищейка» их не нашла.

Утром 15 июля 1918 г. в дом особого назначения прибыл Ф.И. Голошекин и распорядился отправить в Ярославскую губернию поваренка Лёню Седнева. Затем он поставил в известность Юровского о решении президиума Уральского облсовета ликвидировать Николая Романова в ночь на 16—17 июля, сообщив, что к полуночи в дом особого на-

значения приедет грузовой автомобиль для вывоза трупов расстрелянных.

Для совершения акции Юровский отобрал расстрельную команду, преимущественно из членов большевистской партии. В нее вошли комендант «дома особого назначения», его помощник, сотрудник Уральской ЧК Г.П. Никулин, П.З. Ермаков, еще один сотрудник Уральской ЧК, член партии большевиков с 1911 г. М.А. Медведев (Кудрин), а также группа чекистов-латышей во главе с Я.М. Целмсом. Из выбранных для участия в расстреле царской семьи латышей установлена только одна личность — Я.М. Свикке. Также известно, что двое из латышей, привлеченных к акции, отказались от участия в ней («стрелять в девиц»). Они были заменены на других латышей²². К настоящему времени исследователями установлены достоверно личности пятерых человек, непосредственно участвовавших в расстреле: Я.М. Юровский, П.З. Ермаков, А.Г. Кабанов, Г.П. Никулин, М.А. Медведев (Кудрин)²³.

Исследователями не обнаружено документа за подписью председателя СНК В.И. Ленина и председателя ВЦИК Я.М. Свердлова, в котором был бы приказ об уничтожении Романовых. И если для одних это является доказательством непричастности Москвы к екатеринбургской трагедии, то для других — свидетельством того, что большевистские лидеры стремились максимально скрыть свое участие в решении судьбы царской семьи²⁴.

В данном контексте применительно к событиям накануне трагедии представляют интерес два документа. Первый — это ответ В.И. Ленина 16 июля 1918 г. на запрос датской газеты в Совнарком по поводу распространившихся слухов о казни бывшего царя:

²⁰ Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. С. 193—194.

²¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

²² РГАНИ. Ф.3. Оп. 58. Д. 280. Л.12.

²³ Россия в гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. М., 2021. С. 470.

²⁴ Князев М.А. [Рец. на кн.] Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: Источники, вопросы, версии. М.: РГГУ, 2020. 192 с. // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 1. С. 307.

«Слух беспочвенен, бывший царь невредим. Все слухи такого рода — ложь капиталистической прессы»²⁵. Второй документ — телеграмма на имя Я.М. Свердлова и В.И. Ленина от председателя Петроградского Совета Г.Е. Зиновьева, полученная в Москве из Петрограда 16 июля в 21 час 22 мин.: «Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: «Сообщите [в] Москву, что условленного с Филипповым (Голощекин. — *Авт.*) суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваши мнения противоположны, сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин. Сафаров. Снести по этому поводу сами с Екатеринбург. Зиновьев»²⁶.

В первом случае видна твердая убежденность Ленина в том, что «бывший царь невредим». Телеграмма же членов Уральского облсовета 16 июля не напрямую в Москву, а посреднику в Петроград, в то время как накануне трагедии телеграфная связь между Москвой и Екатеринбургом работала исправно, выглядит странно и говорит о том, что екатеринбургские большевики сомневались в единодушной позиции Ленина и Свердлова по поводу дальнейшей судьбы Николая II, прося «вне всякой очереди» сообщить о том, есть ли в центре «противоположные мнения». При этом не вызывает сомнений факт, что вопрос о судьбе царской семьи в условиях нарастающей военной угрозы Екатеринбургу со стороны антисоветских сил наверняка обсуждался в Москве во время пребывания там в начале июля 1918 г. Ф.И. Голощекина. Но была ли там достигнута негласная договоренность о «крайней мере» при определенных обстоятельствах без санкции центра, неизвестно. Позднее ряд ее ключевых исполнителей пытались утверждать, что все происходило с ведома Центра.

Например, в записке Я.М. Юровского о расстреле царской семьи, составленной в 1920 г. для историка М.Н. Покровского, упоминалась якобы полученная 16 июля 1918 г. телеграмма из Перми «на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых»²⁷. Участник акции, бывший екатеринбургский чекист Г.П. Никулин 13 мая 1964 г. в беседе о расстреле семьи Романовых утверждал: «Я не думаю, чтобы все-таки Урал сам, понимаете, принял на себя такую ответственность расстрела без санкции или хотя бы без молчаливого согласия Ленина, Свердлова или кого-нибудь из руководителей»²⁸. В обоих случаях утверждения голословны и преследуют цель обосновать правомерность своих действий исполнением распоряжений центральной власти. Но их недостаточно, чтобы однозначно утверждать о прямом указании В.И. Ленина и большевистского руководства расстрелять Николая II и его семью в трагическую ночь на 17 июля. Вопрос остается открытым. Но, скорее всего, Уральский облсовет осуществил акцию самостоятельно, без санкции Москвы.

Необходимость изоляции Романовых и их содержания в отдаленных районах страны объяснялась Временным и советским правительствами угрозой их бегства за границу, где они могли бы стать знаменем контрреволюции. Такая возможность появилась после заключения большевиками Брестского мира с Германией, которая претендовала на роль покровителя бывшей немецкой принцессы Александры Федоровны Романовой и ее детей. Через представителей миссии Красного Креста в Екатеринбурге правительство кайзера знало о тех ужасных условиях, в каких находилась царская семья. По дипломатическим каналам оно пыталось давить на со-

²⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6601. Л. 1.

²⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 653. Л. 12.

²⁷ Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. С. 236.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 13. Л. 17—19.

ветское правительство, чтобы убедить его разрешить представителям дома Романовых покинуть страну. Пробным шаром стало разрешение Германии выехать в Данию бывшей императрице Марии Федоровне. Но реализовать его не удалось из-за протеста советского правительства²⁹. В результате германское правительство отменило свое решение о возможности Марии Федоровне уехать в Данию. Стали иллюзорны и перспективы помощи Германии в отъезде из России и остальных Романовых. Вильгельм II не желал портить отношения с Советской Россией из-за бывшего царя и его семьи, считал необходимым «поддерживать большевиков при любых условиях»³⁰.

Хроника трагической ночи 16—17 июля 1918 г. восстановлена в историографии в мельчайших деталях³¹.

Ближе к 12 часам ночи машины все еще не было, как и отвечавших за ее прибытие Ермакова и Медведева (Кудрина). Выяснилось, что задержка произошла из-за ремонта мотора автомобиля. Полвторого ночи грузовик, за рулем которого находился шофер С. Моханов, прибыл с Ермаковым, Медведевым (Кудриным) и неустановленным чекистом-латышом. Юровский разбудил доктора Боткина, который спал в ближайшей от входа в дом особого назначения комнате. Удивившись, что его подняли в столь поздний час, он спросил: «В чем дело, гражданин комендант?» Юровский объяснил, что в городе тревожно, шастают банды, и может быть перестрелка, поэтому нужно разбудить членов царской семьи и их слуг и перевести с верхнего этажа в более безопасное место. При этом комендант указал, чтобы они ничего с собой не брали, так как вынужденные меры предосторожности ненадолго.

Через 40 минут царская семья и их слуги, сонные, кто с подушкой, кто с сумочками

и другой разной мелочью, даже с собачкой Джемми, спустились в полуподвальный этаж и вошли в объемную комнату 24 квадратных метров, за которой располагалась большая кладовка, не имевшая выхода. Единственное окно имело глухие, хорошо сработанные, двойные рамы. С улицы оно было закрыто толстой железной решеткой. Комната уходила в глубь земли и закрывалась высоким забором. Комендант попросил всех встать вдоль каменной стенки, подальше от окна, так как там якобы безопаснее. Никто не был испуган, и все четко выполняли указания Юровского. Лишь Александра Федоровна заметила, что в комнате нет даже стульев, которые сразу же принесли. На один из них в самый угол комнаты села бывшая императрица, а в центре посадили цесаревича Алексея. Юровский вышел и приказал спуститься вниз расстрельной команде, а Павлу Медведеву выйти на улицу и прислушаться: будут ли слышны выстрелы? Затем, встав напротив Николая II, заявил:

— Гражданин Романов! Ваши царственные родственники, близкие вам люди как внутри в стране, так и за рубежом уже не раз пытались вас освободить. Учитывая это, Совет депутатов рабочих Урала постановил вас расстрелять.

Александра Федоровна и все находившиеся в комнате приговоренные начали креститься, а Николай II произнес только одно слово:

— Что?..

Затем он повернулся к цесаревичу Алексею, пытаясь как бы прикрыть собой сына, и в это время раздался выстрел Юровского, сразивший царя. Одновременно началась беспорядочная стрельба расстрельной команды. Некоторые стреляли через порог комнаты и не попадали в свои жертвы. Ударившись о каменную стенку, пули со сви-

²⁹ Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. С. 191.

³⁰ «Круглый стол» в память 100-летия расстрела царской семьи // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 210—211.

³¹ Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. С. 231—233, 236—239, 245—265.

стом и жужжанием отлетали рикошетом. в результате кто-то из палачей был ранен в руку. Юровский приказал остановить стрельбу. Некоторые жертвы были еще живы: одни стонали, другие, притаившись, затихли. Комендант приказал добить всех, что и было сделано выстрелами из наганов и штыками³².

В историографии восстановлены не только детали казни, но и погребения тел бывшего царя, его семьи и слуг.

Юровский отдал команду, чтобы трупы (11 тел) выносили из комнаты и укладывали в грузовик. Но выяснилось, что в суматохе забыли о носилках. Вместо них были использованы оглобли от саней с натянутой на них простыней. Чтобы было поменьше крови, на оглобли положили еще солдатское сукно. Таким же сукном устлали пол кузова. Принимать трупы Юровский поручил Медведеву (Кудрину). При выносе тел выяснилось, что охрана мародерствует, присваивая себе царские ценности. Пригрозив расстрелом, Юровский приказал всем сдать драгоценности и поручил своему заместителю Никулину сопровождать перенос тел, предупредив о наличии драгоценностей в одежде убитых. Сам Юровский собрал все находившиеся на виду ценности, в том числе и сданные охраной, и отправил их в комендатуру. Затем по его указанию мыли, чистили и скоблили от крови полы, стены, двери и окно расстрельной комнаты ипатьевского дома.

В начале четвертого ночи грузовик с телами выехал со двора дома Ипатьева и направился по дороге в направлении Верх-Исетского завода. С собой Юровский взял несколько человек из внутренней охраны. Грузовик двигался по пути, указываемому Ермаковым, так как Юровский в этих местах не бывал и дорогу не знал. Недалеко от Верх-Исетского завода грузовик был встречен группой верховых и людьми, сидевшими в пролетках. Ермаков сообщил,

что это его люди. Затем участвовавшие в акции переехали железную дорогу на Пермь, где грузовик был замечен сторожем переезда № 803. Доехали по дороге до горнозаводской железнодорожной линии, переезда № 184, сторож которого Я. И. Лобухин также увидел автомобиль. Недалеко от деревни Коптяки ехавшие сбились с пути, и грузовик попал в топкие, болотистые места. Его засосало, пришлось разгружать тела на пролетки. Уже светало, когда подъехали к урочищу Четырех братьев, где была заброшенная шахта, и, по словам Ермакова, можно было захоронить царскую семью. Но рядом с ней сидели у костра крестьяне-косари, ночевавшие на сенокосе. Чтобы сохранить в тайне захоронение царской семьи, Юровский решил удалить отсюда крестьян и оцепить эту местность на определенном расстоянии от места предполагаемого погребения.

Часть участников акции во главе с бывшим матросом С. П. Вагановым Ермаков отправил в близлежащую дер. Коптяки, чтобы Ваганов, хорошо знавший жителей деревни, предостерег их от походов в лес, аргументировав это сложной оперативной обстановкой: мол, совсем рядом находится войска чехов, поэтому могут быть жестокие бои. Он должен был предупредить разрушителей, что в случае задержания в лесу «упорно непослушных» могли расстрелять. Оставшиеся с Юровским Ермаков, Никулин и латыш Целмс развели костер и начали стаскивать с убитых одежду, чтобы ее сжечь, как косвенные улики преступления. Выяснилось, что у убитых царских дочерей оказались объемные лифчики с двойными подкладками и корсеты, сплошь усеянные бриллиантами, алмазами и золотыми вещами, общим весом до полпуда. Именно поэтому они защищали их тела словно кольчуги, и их не брали пули. Ценности тут же выпороли, но не все. После того как одежду сожгли, позже в кострах местные

³² РГАН. Ф. 3. Оп. 58. Д. 280. Л. 12—13.

жители находили драгоценности³³. Убитых голыми побросали в шахту, но вода чуть-чуть прикрыла их тела. Тогда Юровский и оставшиеся с ним участники акции попытались взорвать шахту гранатами, но ничего из этого не получилось. Поскольку свидетелями их действий были крестьяне-косари, которым чекисты угрожали нагами, они поняли, что тайну захоронения сохранить не удастся. Поэтому Юровский оставил Никулина и Целмса охранять шахту с телами, а сам, взяв ценности, поехал с Ермаковым в Екатеринбург, чтобы посоветоваться с членами президиума Уральского Совета о том, что делать дальше.

В Уральском облсовете Юровский встретил члена Совета Г. И. Сафарова, который к сообщению о расстреле царской семьи и ее захоронении в шахте отнесся спокойно, махнув рукой: мол, дело сделано и хорошо. Тогда Юровский разыскал Голощекина, который согласился, что оставлять тела в шахте нельзя и, вызвав Ермакова, приказал ему вернуться на место и извлечь трупы. Также Голощекин посоветовал обратиться к председателю Екатеринбургского горисполкома С. Е. Чуцкаеву, который хорошо знал местные окрестности и мог найти надежное место для захоронения Романовых. Чуцкаев предложил сбросить их тела в заброшенные глубокие шахты на Московском тракте, где их невозможно будет найти. Однако сделать это не удалось, поскольку сломалась машина, а перевозка тел на отобранной у крестьян пролетке к указанным Чуцкаевым шахтам оказалась обременительной. По предложению сотрудника Уральского областного ЧК Полушина, прибывшего в урочище Четырех братьев вместе с Юровским, было решено сжечь тела убитых, облив их бензином или керосином. Юровский отправился в Екатеринбург, где получил от комиссара снабжения Уральского облсовета П. Л. Войкова лопаты, серную кислоту и бензин и, погрузив их на грузовик и подводы, привез в урочище

Четырех братьев. Затем, заехав в Екатеринбургскую городскую тюрьму, Юровский получил десять подвод, которые были направлены в урочище Четырех братьев. Туда же Юровский направил грузовик, шофером которого являлся все тот же С. И. Моханов. «Специалиста по сжиганию трупов» — Полушина — Юровский не дождался: как впоследствии оказалось, чекиста, ехавшего верхом, сбросила лошадь, при этом Полушин сильно повредил ногу.

Ермаков с товарищами был занят подъемом тел из шахты. Несколько трупов, поднятых из шахты, Юровский решил захоронить прямо на дороге. Он приказал выкопать для этого яму, к рассвету она была готова. И тут к Юровскому подошел один из копавших и заявил, что к Ермакову приходил его знакомый и видел яму. Место было провалено, решили ее засыпать.

Опять стали ждать вечера, погрузив трупы на подводы, поехали назад, переехали горнозаводскую железнодорожную ветку, где в укрытии чуть в стороне ждал грузовик С. И. Моханова. Трупы перегрузили в грузовик и тронулись по основной дороге. Проехав несколько десятков метров, вновь застряли. Сняли трупы и провозились еще пару часов, вытаскивая машину. Но вскоре на месте просохшего ручья вновь застряли, да так, что вылезали чуть ли не до полуночи. С большим трудом удалось вытянуть машину, чтобы ехать дальше. И тут Юровский принял решение хоронить трупы здесь, на дороге, в этой яме, откуда только что вытащили грузовик. Он послал нескольких человек к железнодорожному переезду № 184 за хранившимися там шпалами, чтобы спрятать под ними место захоронения. Одновременно шпалы, по его мнению, будут указывать, что они укладывались только для перевозки грузовой машины. Пока рыли новую большую могилу, рядом развели большой костер и сожгли тела Алексея Николаевича и Ма-

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 280. Л. 14.

рии Николаевны, их останки сложили в выкопанную яму, заровняли землей, а золой нового костра прикрыли все улики. Затем Юровский и его подельники облили серной кислотой остальные девять тел, уложили их в яму, потом опять облили кислотой и зарыли. Уложив на яму шпалы, утрамбовали, после чего пустили пустой грузовик, который подравнял неровности, и подбросили для видимости сучьев и несколько бревен-кругляков. Грузовик и по ним поехал³⁴. Это место находилось в 18 верстах от Екатеринбурга, на 9-й версте железной дороги между дер. Коптяки и Вехр-Исетским заводом³⁵.

Утром 17 июля, в 12 часов дня, председатель Уральского облсовета А. В. Белобородов сообщил Я. М. Свердлову о том, что бывший царь расстрелян постановлением президиума областного Совета, ввиду «приближения неприятеля к Екатеринбург и раскрытия Чрезвычайной Комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи»³⁶. Была еще одна зашифрованная телеграмма Белобородова на имя секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова для В. И. Ленина, подлинность которой до настоящего времени вызывает сомнение у специалистов. В ней сообщалось: «Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации»³⁷.

18 июля 1918 г. на заседании президиума ВЦИК Я. М. Свердлов сообщил о получении по прямому проводу телеграммы о расстреле Николая II. Президиум ВЦИК постановил признать решение Уральского областного Совета о расстреле бывшего

царя «правильным» и подготовить соответствующее «извещение для печати»³⁸.

Ночью состоялось заседание Совета Народных Комиссаров, где, по свидетельству Я. М. Свердлова, все были уставшими, и никому дела уже не было до бывшего царя³⁹. В протоколе СНК № 159 от 18 июля 1918 г. сохранилась запись: «Принять к сведению внеочередное заявление ВЦИК т. Свердлова о казни бывшего царя Николая II по приговору Екатеринбургского Совдепа и о состоявшемся утверждении этого приговора Президиумом ВЦИК»⁴⁰. 19 июля 1918 г. «Правда» и «Известия» опубликовали постановление Президиума ВЦИК о признании «правильным» решения Уральского областного Совета о расстреле Николая Романова⁴¹.

Трагическая судьба постигла не только последнего русского царя и его семью, но и многих представителей дома Романовых, оказавшихся на подвластной большевикам территории России. В ночь с 11 на 12 июня 1918 г. под Пермью был убит великий князь Михаил Александрович и его секретарь. На следующий день после убийства семьи Николая II, 18 июля, в Алапавске был застрелен при попытке сопротивления великий князь Сергей Михайлович. Были сброшены живьем в шахту и умерли от недостатка воздуха великая княгиня, инокиня Елизавета Федоровна, князя Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи, князь Владимир Павлович Палей, келейница Елизаветы Федоровны монахиня Варвара Яковлева. В конце января 1919 г. в Петропавловской крепости Петрограда за смерть немецких коммунистов Карла Либкнехта и Розы Люксембург в порядке красного тер-

³⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 280. Л. 15—16.

³⁵ Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. С. 196.

³⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 8—9.

³⁷ Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов. С. 197.

³⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 28. Д. 24. Л. 1.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6643. Л. 1—2.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17. Л. 62—65; РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 158. Л. 8.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 14; Правда. 1918. 19 июля, № 149.

рора были расстреляны великие князья Георгий Михайлович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович, Павел Александрович. В те же дни в Ташкенте был убит великий князь Николай Константинович⁴².

Расследование гибели царской семьи происходило дважды. Первое – после занятия белогвардейцами Екатеринбурга. Расследование вели сначала следователь по важнейшим делам А. П. Наметкин, затем член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, с 1919 г. (при Колчаке) следователь по особо важным делам Омского окружного суда Н. А. Соколов. В 1993 г. Генеральный прокурор РФ вновь возбудил уголовное дело в связи с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. Тела Николая II, членов его семьи (за исключением Алексея Николаевича и Марии Николаевны) и лиц свиты были найдены в 1979 г. А. Н. Авдониным и Г. Т. Рябовым. В 1991 г. Свердловский облисполком и областная прокуратура произвели повторное вскрытие останков, обнаружили 9 скелетов. В 1993 г. была учреждена Комиссия по изучению вопросов по исследованию и перезахоронению останков российского императора Николая II. Комиссия признала подлинность останков Николая II, Александры Федоровны, их дочерей Ольги, Татьяны, Анастасии и их приближенных⁴³. В 1998 г. останки царской семьи по указу Президента России Б. Н. Ельцина были захоронены в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. В июне 2007 г. в 70 метрах от места

нахождения первых останков были обнаружены останки Алексея Николаевича и Марии Николаевны⁴⁴. В 2015 г. была создана Комиссия по изучению результатов исследования останков, обнаруженных в 1991 и 2007 гг. близ г. Екатеринбурга. Одновременно Следственный комитет России возобновил расследование по факту гибели царской семьи. С 2015 по 2021 г. проведено сорок различных экспертиз, которые подтвердили подлинность обнаруженных останков на коптяковской дороге. Результаты проведенного следствия опубликованы⁴⁵.

В 1981 г. погибшая в годы Гражданской войны царская семья была канонизирована Русской Православной церковью за рубежом, а в 2000 г. — Русской Православной церковью.

Трагическая гибель Николая II, его семьи и родственников была обусловлена реалиями Гражданской войны, ее эскалацией во второй половине 1918 г. Участники этой войны не жалели друг друга, поскольку речь шла о жизни и смерти противоборствующих сторон, и компромисс между ними был невозможен. Последний русский царь и его близкие разделили судьбу их предшественников времен Английской и Великой Французской революций, поскольку для совершивших тогда революцию в Англии и Франции, а в 1917 г. в России политических сил и поддерживающих их широких народных масс они представляли реальную угрозу, без устранения которой победа в Гражданской войне была бы значительно затруднена.

⁴² Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 471—472.

⁴³ Покаяние: Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи. М., 1998.

⁴⁴ Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия: В 3 т. Т. 3. С. 472.

⁴⁵ Преступление века: Материалы следствия: Документально-архивная хронология событий, связанных с гибелью Российского императора Николая II, его семьи и их приближенных: В 3 т. М., 2021.

МАССОВЫЕ
НАСТРОЕНИЯ ЭПОХИ

Гражданская война, вспыхнувшая в процессе революции 1917 г., стала периодом, для понимания которого недостаточно изучения исключительно военной и политической истории. В это время происходила трансформация социальной структуры, повседневной жизни обывателей, приводившая к изменениям массового сознания, массовых настроений современников по разным стороны фронтов.

Так, уже с 1918 г. Н. И. Кареев, П. А. Сорокин рассматривали революцию и Гражданскую войну как массовый психоз, при этом сами психиатры (В. М. Бехтерев, В. П. Осипов, И. П. Павлов) изучали процессы торможения и возбуждения нервной деятельности в зависимости от политической позиции индивида¹. В это же время в советской историографии устанавливался классовый подход, в соответствии с которым

утверждалось, что угнетенный рабочий класс и крестьянство в целом поддержали советскую власть, в то время как носители буржуазной психологии — буржуазия и помещики, офицеры и генералы, духовенство — выступили против нее.

Тем не менее уже в 1920-е гг. историки отмечали, что классовое сознание порой пасовало перед стихийно распространявшимися слухами, становившимися фактором военно-политической истории². В вышедшей в 1930 г. трехтомной «Гражданской войне» предпринималась попытка выстроить социально-психологическую географию эпохи, однако «История гражданской войны в СССР», вобравшая в себя постулаты «Краткого курса ВКП(б)», воспрепятствовала дальнейшему изучению массового сознания³. Лишь в последующий период этой тематике стало уделяться все больше внимания⁴.

¹ Кареев Н. И. Общие основы социологии. Пг., 1919; Сорокин П. А. Голод как фактор. Пг., 1922; Он же. Социология революции. Прага, 1923; Павлов И. П. Основа культуры животных и человека // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 1999. № 9—10; и др.

² Парфенов П. С. [Петр Алтайский]. Уроки прошлого: Гражданская война в Сибири. 1918, 1919, 1920 гг. Харбин, 1921; Шафир Я. Газета и деревня. М.; Л., 1924. С. 99.

³ Гражданская война. 1918—1921 гг.: В 3 т. Т. 3: Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л., 1930; История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935; «История гражданской войны в СССР» (1935 г.): История текста и текст истории. М., 2017.

⁴ См.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966; Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М., 1966; Соболев Г. Л. Проблемы общественной психологии в исторических исследованиях // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967; Востриков Н. И. Борьба за массы. М., 1970; Грекина Э. Р. Средние слои на пути к социализму. Таллин, 1976; Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920 гг. М., 1976; Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и городские средние слои. М., 1981; Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1984; Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989.

В современной историографии массовое сознание также продолжает изучаться преимущественно сквозь призму психологии отдельных социальных групп: крестьянства, рабочих, городских обывателей и т.д.⁵ Однако в последнее время появляется все больше исследований, в которых авторы принимают попытку выявить сущностные психологические характеристики эпохи, исследуют образы власти в массовом сознании.⁶ В рамках перспективных направлений исследования используются социально-психологический, эмоциологический, имагологический, семиотический подходы, позволяющие соотнести символические практики советской власти с возникающими в массовом сознании образами, понять динамику общественных настроений «маленького человека»⁷.

Источники исследования массового сознания определяются исходя из основных форм, выражающих общественные настроения: формы социальных действий (митинги, акции протеста или поддержки власти, бунты и т.д.) и ментальные формы (идеи, символы, образы, речевые практики, слухи и проч.). В ряде письмен-

ных документов политические симпатии фиксируются прямо или опосредованно. Например, сводки ВЧК включают описание политических настроений на местах, однако, в зависимости от степени профессионализма сотрудника, могут как сгущать краски, так и недооценивать ситуацию. Показательно следующее сообщение сотрудника, демонстрирующее непонимание природы поддержки населением власти: «Власть Советов крепка, продовольствия нет. Население голодает. На этой почве возможны эксцессы»⁸. Ценным источником выступает перлюстрированная корреспонденция, однако в случае, когда адресатом являлся красноармеец, автор письма, догадываясь о действии военной цензуры, мог применять самоцензуру. Отдельную группу источников представляют так называемые письма во власть, при работе с которыми необходимо учитывать психологические особенности людей, ведущих регулярную корреспонденцию с властью, а также всевозможные анонимные доносы. Периодическая печать, несмотря на цензуру, также способна помочь с изучением массовых

⁵ См., напр.: Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.): Материалы междунар. конф. М., 1996; Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века) М.; Тамбов, 2004; Люшкин Д. И. Вторая русская смута: Крестьянское измерение. М., 2006; Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008; Яров С. В. Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918—1919 гг.: Политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; Яров С. В. Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999; Он же. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917—1923 гг. СПб., 1999; Фельдман М. А. Ижевско-Воткинское рабочее восстание сквозь призму социальной истории России // Российская история. 2012. № 3. С. 12—20; Shanin T. The Awkward class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910—1925. [Oxford], 1972.

⁶ См., напр.: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001; Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России, 1917—1932 гг. М., 2010; Яров С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917—1920-х гг. СПб., 2006; Морозова О. М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д., 2012; Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции: Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918). М., 2020; и др.

⁷ См. подробнее: Аксенов В. Б. Массовые настроения эпохи Гражданской войны: Историографические традиции и перспективы изучения // Россия в годы Гражданской войны, 1917—1922 гг.: Очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 485—543.

⁸ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939: В 4 т. Т. 1: Документы и материалы. М., 1998. С. 69.

настроений. Дневники и воспоминания современников событий являются ценным документом, иногда помимо воли их авторов раскрывающим психологические проблемы эпохи. Ценным источником являются массовые слухи, в которых отражаются коллективные страхи, предчувствия современников, вскрываются различные пласты массового сознания, например, эсхатологические ожидания. В последнее время усиливается интерес к визуальным документам эпохи революции и Гражданской войны в рамках имагологии, а также антропологии образов⁹.

Касаясь политических настроений россиян в годы Гражданской войны, следует признать несостоятельность советской историографии в том, что политические пристрастия населения определялись классовой принадлежностью людей, развитостью классовой сознательности или мелкобуржуазного (мещанского) мышления. Многочисленные источники демонстрируют, что среди крестьян и рабочих была достаточно сильно развита оппозиционность к советской власти, что проявилось уже в массовой поддержке рабочими Петрограда, Москвы Учредительного собрания в январе 1918 г., в Ижевско-Воткинском рабочем восстании в августе — ноябре 1918 г. и т.д.¹⁰ На протяжении всей Гражданской войны повсеместно полыхали крестьянские восстания, в ряде случаев сопровождавшиеся созданием соб-

ственных армий (Чапанная война, Тамбовское, Западно-Сибирское восстания и др.). Однако сам по себе факт участия в антибольшевистском движении мало говорит о политической позиции, идеологии рабочих и крестьян. Источники антибольшевистского лагеря свидетельствуют, что население, первоначально встречавшее белых как освободителей от красной диктатуры, вскоре разочаровывалось в новой власти. Бывший министр Северо-Западного правительства Н. Н. Иванов вспоминал, что на территории, контролируемой армией Н. Н. Юденича, крестьяне скоро поменяли отношение к своим «освободителям»: «Крестьянство, приглядевшись к таким “белым”, завывало и вспоминало “красных”. При отступлении “белых” в спину им население стреляло»¹¹. О том же самом писал А. И. Деникин: «Народ встречал их с радостью, на колених, а провожал с проклятиями»¹². Менялась и психология борцов с Советами, на что обращал внимание В. В. Шульгин, когда отмечал морально-психологическое вырождение «белых»: «“Белое дело” погибало. Начатое “почти святыми”, оно пало в руки “почти бандитов”»¹³.

Проблема заключалась не столько в отношении к тем или иным политическим силам, сколько в восприятии самой власти, чья легитимность постепенно разрушалась сначала дискредитацией власти монарха за годы Первой мировой войны,

⁹ См.: *Архипов И.* Смех обреченных: Смеховая культура как зеркало короткой политической жизни «Свободной России» 1917 года // *Звезда*. 2003. № 8. С. 161—176; *Филиппова Т.* «Враг внутренний» — «враг внешний»: Образы революции 1917 г. в русской сатирической журналистике // *Российская история*. 2015. № 6. С. 90—98; *Аксенов В. Б.* Журнальная карикатура как зеркало общественных настроений в 1917 году // *Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. История*. 2017. № 1. С. 4—16; *Гражданская война в образах визуальной пропаганды: Словарь-справочник*. СПб., 2018.

¹⁰ См.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997; *Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918: Собрание уполномоченных фабрик и заводов: Документы и материалы*. М., 2006.

¹¹ *Иванов Н. Н.* О событиях под Петроградом в 1919 г. // *Юденич под Петроградом*. М., 1927. С. 249.

¹² *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин, 1926. С. 270.

¹³ *Шульгин В. В.* 1920: Очерки. Три столицы. М., 2016. С. 57.

а затем власти Временного правительства в 1917 г.¹⁴ На фоне разраставшегося хозяйственного кризиса, наступления голода, эпидемий, любая власть, не способная восстановить нормальную жизнь, представлялась нежелательной, становилась объектом критики. Даже тот факт, что белые правительства пытались восстановить законность и в сравнении с красными наносили меньший ущерб крестьянским хозяйствам, далеко не всегда определял комплиментарные настроения сельских жителей. Генерал А. фон Лампе вспоминал: «Когда уходили красные, население с удовлетворением подсчитывало, что у него осталось [...]. Когда уходили белые — население со злобой высчитывало, что у него взяли [...]. Красные грозили, и грозили весьма недвусмысленно, взяли все и брали часть — население было обмануто и [...] удовлетворено. Белые обещали законность, брали немного — и население было озлоблено [...]. Белые несли законность, и поэтому им ставилось всякое лыко в строку»¹⁵.

Многие современники переживали трагедию Гражданской войны, наделяя ответственностью за нее представителей разных лагерей: «Вовсе не чувствуется просвет в будущем. Над русским обществом продолжается эксперимент тихого удушения всего жизненного и порядочного. Не поймешь, чья здесь большая вина — противники большевизма также хороши!.. Белогвардейцы, по отзывам очевидцев, также ведут себя позорно»¹⁶. В сознании обывателей разница между «красными», «белыми», «зелеными»

и пр. стиралась, и сфера повседневных забот вытесняла сферу политического. Даже активные участники военных действий постоянно колебались, случалось, что переходили по несколько раз из одного лагеря в другой. М. Горький отмечал постоянные колебания крестьян, приводя рассказ сибирского мужика: «Разбили мы отряд колчаковцев [...] сидим, отдыхаем, вдруг ребята мои спрашивают меня: а что, не у Колчака ли правда-то? Не против ли себя идем?»¹⁷

Частая сменяемость власти вырабатывала у обывателей привычку приспособливаться, социально-политический конформизм. Показателен случай с кузбасским крестьянином-красноармейцем, над которым односельчане пытались устроить самосуд, но староста деревни велел его отпустить со словами: «За что мы его расстреляем? Сегодня — белые, а завтра — красные. Нам всех не перестрелять, да и глупо будет»¹⁸.

Гражданская война оказалась продолжением мировой войны как будто в соответствии с первоначальными лозунгами большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Большевики пришли к власти во многом благодаря обещаниям мира, поэтому вспыхнувшие боевые действия уже внутри России вызывали по меньшей мере раздражение уставшего от войны населения. В то время как часть мужчин вынужденно вступала в Красную или белые армии, подчиняясь насильственной мобилизации или в целях получения казенного пайка, оставшиеся дома матери, жены, сестры взва-

¹⁴ См. подробнее: *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* Война, породившая революцию. М., 2015; *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции: Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918). М., 2020.

¹⁵ *Лампе А. А., фон.* Причины неудачи вооруженного выступления белых. Берлин, 1929. С. 20—21.

¹⁶ *Финдейзен Н. Ф.* Дневники. 1915—1920. СПб., 2016. С. 310.

¹⁷ *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 32.

¹⁸ Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М., 1997. С. 30.

ливали на себя непосильные хозяйственные заботы. В политических настроениях эпохи присутствовал сильный гендерный аспект. Показательно перехваченное военной цензурой письмо жены красноармейца от 1 мая 1920 г.: «Ты бы знал, как я страдаю и мучаюсь, все дорого, разуты, раздеты, сама получила боль, дети в чахотке, а ты не думаешь про дом. Всех непартийных распустили домой, а ты партийный, тебя держат. Ты нарочно записался, чтобы семья погибла, надоела война, мое положение безвыходное, ты там веселишься, а я страдаю голодом и болью»¹⁹.

Усталость от затянувшихся на шесть лет боевых действий вкупе с раздражением от политики «военного коммунизма» порождали в массовом сознании предчувствия наступающего голода и всеобщего разорения: «Видно, что рабоче-крестьянское правительство доводят до того, что все будем голодными, наги и босы», «Гибнет страна наша, истекает кровью, рушится сельское хозяйство, проклятая германская война положила начало разорению, а гражданская война окончательно разорила надежды на мирную революцию»²⁰. В женских письмах слышатся наиболее эмоциональные ноты протеста. Не случайно в последнее время история Гражданской войны изучается с акцентом на гендерно-возрастной фактор. Даже в ранней советской историографии некоторые авторы обращали внимание на возрастные особенности политической идентификации: «Среди казаков не было единства. В то время, как старшие тянули к генералам, к старому строю, молодое казачество, побывавшее на фронтах, было настроено по-революционному,

по-большевистски»²¹. Другие обращали внимание на то, что с окончанием Первой мировой войны и с возвращением демобилизованных и дезертиров (49% призванных на войну относились к возрастной группе 20—29 лет²²) в Сибирь местное крестьянство, даже поддерживавшее советскую власть, теряло интерес к политике, концентрируясь на повседневных заботах, стараясь вернуться к мирной жизни²³.

Современные историки углубляют проблему возрастного фактора Гражданской войны исследованием травматического опыта Первой мировой для детства. А. Б. Асташов считает возможным говорить о формировании в 1914—1916 гг. двух когорт нового поколения. Первая когорта 13—17-летних детей (1901—1906 гг. рождения) пошла по стопам отцов в годы Гражданской войны, отмечаясь явной склонностью к разного вида насилию: самовольным обыскам и реквизициям, злоупотреблению служебным мандатом, растратам вверенных казенных сумм, изнасилованию задержанных женщин, служебным подлогам и пр.; вторую когорту составили дети, родившиеся в 1905—1910 гг., на формирование личности которых большое влияние оказало отсутствие отцов и тяготы военного времени: «Усталые от потрясений детства и начала юности, эти люди мечтали о сытости, удобствах, спокойствии, в целом были склонны к консерватизму. Для этого сознания характерна установка не на изменение, а на сохранение существующих социальных отношений, вообще культивирование ценностей семьи, образования, достатка, патриотизма. Думается, что именно эти

¹⁹ «Скоро ли кончится эта проклятая война...» (Из сводок отделения военной цензуры при I трудовой армии о содержании писем, присланных красноармейцам) // Архивы Урала. 2009. № 13. С. 35.

²⁰ Там же. С. 42, 43.

²¹ Мавроган А. Гражданская война в России. М.; Л., 1927. С. 10.

²² Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 84—85.

²³ Парфенов П. С. [Петр Алтайский]. Уроки прошлого: Гражданская война в Сибири. 1918, 1919, 1920 гг. Харбин, 1921. С. 18—19.

установки и стали основой поведения поколения, которое называют «сталинским». Это поколение вышло на арену жизни, когда внесемейное влияние выполняло свою революционную роль по переделке нового человека»²⁴.

Возможно, для более всестороннего изучения массового сознания эпохи Гражданской войны следует в основу новой системы координат положить критерий, позволяющий понять отношение современников и к различным политическим силам, и социальным процессам, и проблемам повседневности. Возможно, таким критерием следует признать феномен времени в широком смысле слова (календарного, исторического, повседневного, религиозного): оценки, выносимые обывателями прошлomu, настоящему и будущему, помогают определить их восприятие исследуемой эпохи, понять психологический фон Гражданской войны.

Условно можно выделить три типа восприятия социального времени: пессимистическое, при котором человек живет прошлым, идеализирует его, актуалистическое, предполагающее погружение человека в текущие проблемы, сужение его видения перспективы, и футуристическое — готовность пожертвовать и прошлым, и настоящим ради «светлого будущего». В чистом виде эти категории встречаются крайне редко, однако в определенных исторические периоды люди могут проявлять склонность к тому или иному типу. Кроме того, государственная политика и пропаганда способны повлиять на восприятие времени гражданами в календарном, религиозном, историческом или повседневном форматах.

Конец года всегда воспринимается как некий эмоциональный рубеж. Но итоги 1917 г. оказались неутешительными: рухнули мечты о свободной, демократической России (современники признавали, что уже в ноябре—декабре надежд на Учредительное собрание у них практически не оставалось), сбылись опасения о погружении страны в пучину Гражданской войны. При этом большевики проводили целенаправленную политику в сфере «монополизации времени»: календарная и часовая реформы должны были противопоставить старое и новое время через способ их исчисления, в результате чего эксперименты со временем наполнялись политическим подтекстом. 26 января 1918 г. был подписан Декрет о введении западноевропейского календаря²⁵, вступавшего на следующий после 31 января день — вместо 1 февраля шло 14. Историк Ю. В. Готье, негативно относившийся к большевикам в годы революции и Гражданской войны, записал 1 февраля о смене летоисчисления: «Готов приветствовать это первое здоровое изменение, проведенное большевиками»²⁶. Поэтесса З. Н. Гиппиус даже сожалела, что большевикам выпала подобная честь: «Жаль, что это сделали они, ибо это давно следовало сделать»²⁷. Другие более лаконично отреагировали на реформу, которая, по существу, не влияла на актуальные проблемы повседневности: «Начался новый стиль, и продолжают старые безобразия»²⁸. Тем не менее дата празднования нового 1919 г. приобрела политическую окраску. Те, кто критически относился к большевикам, иронично именовали себя «староверами» и отмечали первый «старый» Новый год. 13 января 1919 г. автор известных ме-

²⁴ Асташов А. Б. Военное детство Первой мировой войны как фактор социальной истории России первой трети XX в. // Труды Историко-архивного ин-та. Т. 38. М., 2011. С. 61.

²⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 404—405.

²⁶ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 112.

²⁷ Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 9: Дневники. 1919—1941. Из публицистики 1907—1917 гг. Воспоминания современников. М., 2005. С. 384.

²⁸ Окунев Н. П. Дневник москвича. 1917—1924: В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 147.

муаров «Дневник москвича» Н. П. Окунев с нотками ностальгии по прежней эпохе записал: «Окончился “старый” 1918 год. Новый “старый” год официально, конечно, не празднуется, все присутствия и торгуют будут открыты по-будничному, а Церковь справляет новолетие по-прежнему, т.е. 14 января нового стиля. Правовверные “буржуи” тоже старообрядствуют, и весь сегодняшний день с тоской вспоминали как бывало встречался новый год»²⁹.

1918 год принес современникам новые ощущения повседневного времени, которое обычно воспринимается как интенсивность деятельности индивида и связано с ее характером: рутинные дела растягивают время или даже останавливают его для отдельных людей, активная хозяйственная или социально-политическая деятельность, наоборот, ускоряет бег времени. В этом плане в годы Гражданской войны можно обнаружить некий темпоральный раскол общества: идейные большевики и их противники, а также те, кто активно включился в гонку по выживанию в экстремальных условиях войны, голода, эпидемии, демонстрировали признаки футуристического восприятия времени, жили стремительно (зачастую так же стремительно погибали), в то время как на другом полюсе находились обыватели, пассивно пытавшиеся встроиться в новую социально-экономическую систему, демонстрировавшие апатию и крайнюю степень актуализма, приводившую к неверию в будущее. Вторая, темпоральная, модель особенно была характерна для российской интеллигенции, а также средних и зажиточных слоев — тех, кого в скором времени назовут «бывшими». Само это

прилагательное указывало на то, что их время закончилось и им нет места в новой эпохе. «Бывшие» подвергались депрофессионализации, теряли социальный статус, гарантии на будущее, что приводило к подавленному психическому состоянию³⁰.

Следует заметить, что к психическим отклонениям относится не только подавленное состояние, но и сильное эмоциональное возбуждение, поэтому в некоторых случаях развитие чересчур активной деятельности «футуристов» также свидетельствовало о нервно-психических проблемах. В этой связи можно утверждать, что эпоха Гражданской войны проявилась в том числе в изменении суточного ритма людей. О. М. Морозова отмечает сдвиг рабочей активности советских служащих на ночное время. При этом, если сами коммунисты оправдывали свои ночные бдения трудолюбием и большими объемами работы, то их оппоненты объясняли это тягой к праздному образу жизни, обвиняя их в пьянстве и прочих пороках, которым они предавались в ночное время по месту службы³¹. Так или иначе, но разница ритмов суточной активности соответствовала новому «классовому» делению советского общества: в условиях топливного кризиса рядовые обыватели не могли себе позволить подолгу засиживаться по вечерам, страна в годы Гражданской войны в буквальном смысле погружалась во тьму, а освещенные по вечерам и ночам окна кабинетов советских учреждений сильно контрастировали с темными фасадами жилых домов, вызывая раздражение современников.

Исследователи обращают внимание на значимую роль в массовом сознании

²⁹ Окунев Н. П. Дневник москвича. 1917—1924: В 2 т. Т. 1. С. 251.

³⁰ Подробнее на эту тему см.: Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: Город. М., 2001; Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: Интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 2 (60). С. 218—251.

³¹ Морозова О. М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д., 2012. С. 332—333.

эпохи Гражданской войны мифологизации окружающей реальности³². Большое значение в этом имели эсхатологические предчувствия, заставлявшие обывателей в сопутствующих событиях видеть знамения наступающих последних времен. Некоторые обыватели в письмах председателю СНК называли В.И. Ленина Антихристом. Ощущения надвигающегося Апокалипсиса, ранее характерные прежде всего для старообрядческой среды, теперь получили более широкое распространение. Так, например, в феврале 1919 г. анонимный казак в письме клеймил членов казачьего отдела ВЦИК как предателей народа, заявляя, что пришло время Антихриста³³. Распространение эсхатологии заставляло обывателей искать знамения. Кто-то считал предзнаменованием наступающих последних времен начавшиеся эпидемии: «Холера охватила всю Россию, мрут от нее в Петрограде, Москве, Нижнем, Царицыне и везде, где развивается новый флаг с буквами “Ресефесере” — мрут сотнями в день»³⁴. Другие реанимировали средневековые слухи, восходившие к Апокалипсису, о том, что из лесов и рек выходят всевозможные чудища. Так, в 1918 г. появился слух, что из Волги стали вылезать крокодилы. По всей видимости, этот слух продолжал ту традицию, которая отразилась в псковской летописи в записи за 1582 г.: «Того же лета изыдоша коркодили лютии зверии из реки и путь затвориша; людей много поядоша. И ужасошася людие и молиша бога по всей земли. И паки спряташася, а иних избиша»³⁵.

Другую группу слухов представляли истории о чудесных знамениях. Одна из первых и самых резонансных произошла 1 мая 1918 г.³⁶ у стен московского Кремля. В этот день советская власть впервые праздновала Первое мая, которое пришлось на Страстную Среду. Власти задрапировали Кремль, хранивший следы боев ноября прошлого года, красной материей. В том числе завешенной оказалась икона Николая на Никольских воротах. На улицах звучали «Марсельеза» и «Интернационал», а с колоколен доносился печальный перезвон Страстной недели. Наложение двух праздников — пролетарского праздника трудящихся и христианского праздника Воскрешения — усилило психологическую напряженность между сторонниками и противниками новой власти. Ю. В. Готье записал 2 мая: «Вчера они праздновали 1-е мая; мы сидели дома»³⁷. Кое-кто из верующих, кого пролетарская музыка отвлекала от молитв, собиравшись перед Кремлем и недовольно обсуждали его изменившийся облик, видя в этом осквернение христианских святынь. По-видимому, уже вечером 1 мая ветром приподнимало красную матерью, приоткрывая икону Николая Чудотворца, в результате чего у Никольских ворот начала собираться толпа. В конце концов ткань порвалась, и верующие увидели в этом знамение. На следующий день пронесся слух о совершившемся чуде. У Иверской часовни собралась толпа, заставив духовенство отслужить молебен, после чего бросилась к кремлевским стенам и стала срывать красные флаги и плакаты³⁸.

³² Лившин А. Я. Общественные настроения в Советской России. 1917—1929 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 6.

³³ Письма во власть. 1917—1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 95.

³⁴ Окунев Н. П. Дневник москвича. 1917—1924: В 2 т. Т. 1. С. 202.

³⁵ Псковские летописи. М., 1955. Т. 2. С. 262.

³⁶ В источниках указываются разные даты происшествия: вечер 1 мая (Н. П. Окунев), 2 мая (Ю. В. Готье), 3 мая (Газета-копейка) 1918 г.

³⁷ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 137.

³⁸ Газета-копейка. 1918. 3 мая.

Газеты наполняли эту историю новыми подробностями. Так, писали, что икона Николая Чудотворца сначала исчезла к ужасу толпы, но спустя три дня появилась вновь ко всеобщему ликованию («Угодник помиловал нас!»)³⁹. Подлинные и мнимые происшествия с кремлевской иконой Николая Угодника получили большой общественный резонанс. Провинциальная пресса сообщала, что в Великий Четверг (2 мая) «завертелся и как будто сгорел» закрывавший ее красный флаг, причем над Москвой заметили комету⁴⁰.

Однако народная эсхатология существует вне официального религиозного культа, ее ощущение широкими социальными слоями оказывается глубже церковных обрядов. По меткому наблюдению М. М. Пришвина, ожидания «последних дней» в народе не столько способствовали развитию антибольшевистского движения, сколько примиряли народ с политикой новой власти, оправдывая ее эксперименты в сфере поисков социальной правды в контексте скорого Суда: «Это чувство конца (эсхатология) в одинаковой степени развито у простого народа и у нашей интеллигенции, и оно именно дает теперь силу большевикам, а не как просто марксистское рассуждение»⁴¹.

Вместе с тем эсхатологические предчувствия крестьян и интеллигенции различались. Первым в меньшей степени было присуще чувство трагизма, скорее «последние времена» обретали обусловленную природными циклами предрешенность, воспринимались в контексте неотвратимых природных явлений, тогда как представители интеллигенции связывали эсхатологию в первую очередь со своим социальным существованием. В этом отно-

шении предчувствия интеллигенции имеют более выраженный депрессивный характер. Показательно, что в начале 1918 г. М. М. Пришвин, описывая в дневнике ситуацию словами из 6-й главы Апокалипсиса Иоанна: «Звезды почернеют и будут падать с небес», переходил к мысли о самоубийстве: «Господи, неужели Ты оставил меня, и, если так, стоит ли дальше жить и не будет ли простительным покончить с собой и погибнуть так вместе с общей гибелью?»⁴²

Так или иначе эсхатологическая тема в годы революции и Гражданской войны возникла в произведениях разных религиозных мыслителей. При этом кто-то обращался к прошлому опыту постижения Апокалипсиса, кто-то изучал его проявления в современной истории. В числе первой группы можно назвать С. Н. Дурьлина, который в статье «Апокалипсис и Россия» анализировал эсхатологическую тему в творчестве К. Н. Леонтьева и В. С. Соловьева, считая их работы пророческими, таившими «ноуменальную правду». При этом во вводной части он достаточно прямолинейно обозначил актуальность своей темы: «Апокалипсис стал действительностью, потому что действительность стала Апокалипсисом [...]. Апокалипсис, хранимый Россией в утасии, в народной заповедной таиннице, стал явен и почти открыт [...]. Слишком многим представляется и не может не представляться, что перепутье России кончилось и началось несение ею [...] чего? “Скиптра Зверя” или “ига Христа”?»⁴³

В «Религиозно-философских основах истории» Л. А. Тихомиров, доказывая, что социализм не сможет вытеснить религиозные потребности общества, отказывался

³⁹ Голос свободной церкви. 1918. 19 мая.

⁴⁰ Казанское слово. 1918. 5 мая.

⁴¹ Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919. Кн. 2. М., 1994. С. 74.

⁴² Там же. С. 45.

⁴³ Дурьлин С. Н. Апокалипсис и Россия // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. Вып. 3 (59). С. 96—97.

рассматривать социализм как конец эволюции, но включал его в контекст эсхатологического христианского учения. Автор полагал, что современная ему эпоха является лишь потенциальным Апокалипсисом⁴⁴. Не принимая большевизма, Тихомиров вместе с тем считал его представителей слишком ничтожными для того, чтобы искать среди них антихриста. Чуть более прямолинеен был Н. А. Бердяев. В статье «Религиозные основы большевизма» он, называя Ленина хлыстом, проводит параллель и с антихристом, объясняя успех большевизма подменой христианского начала антихристовым⁴⁵. «В большевизме действуют сатанические начала и на место человека ставится антихрист»⁴⁶, — писал Бердяев в 1918 г., а спустя два десятилетия в «Истоках и смысле русского коммунизма» назвал революцию «малым апокалипсисом истории»⁴⁷.

В отличие от упомянутых религиозных мыслителей антибольшевистского направления, остававшихся на территории Советской России, политическая пропаганда белого движения создавала куда более прямолинейные образы. Одна из белогвардейских листовок называлась «Что говорит священное писание об антихристе и какие дела его». В ней сообщалось, что «антихрист засел в Кремле»⁴⁸. Основанное летом 1918 г. А. И. Деникиным Осведомительное агентство (ОСВАГ) активно эксплуатировало антисемитскую тему и представляло большевистских лидеров то в образе Антихриста, то лжепророков. Так, на плакате «В жертву Интернационала» Ленин был изображен в виде лжепророка, по наставлению которого Троц-

кий и другие приносили Россию в жертву языческому идолу-Марксу. Другой плакат Харьковского отделения ОСВАГа, «Мир и свобода в Совдепии», в образе красного зверя с пентаграммой на груди изображал Троцкого. Песня «Интернационал» занимала особое место в прихрамовой эсхатологии верующих: указывали, что слова «вставай, проклятьем заклейменный» могут относиться лишь к ритуалу пробуждения Антихриста⁴⁹. Вообще характерно, что в годы Гражданской войны крестьяне незнакомые им слова автоматически относили насчет знаков грядущего Апокалипсиса.

Параллели между Лениным и Антихристом появлялись в народе и без помощи пропаганды. Религиозный деятель В. Ф. Марцинковский вспоминал, как в 1921 г. после его лекции о христианской религии в Политехническом музее он получил от слушателя записку: «Товарищ лектор! Не является ли Ленин Антихристом? Ведь, по Писанию, Антихрист сядет в храме, как и Бог. А Ленин как раз и находится в русском храме, т. е. в Кремле»⁵⁰. Марцинковский на это ответил, что Ленин слишком мал для роли Антихриста. Риторические вопросы о природе большевистской власти приходили от частных граждан и на имя членов правительства: «Ленин! Умоляю Тебя — Владыко насилия, бесправия и поругания человек — и тобою рожденного растлителя России Троцкого, уясните нам, кто вы именно? Подлые ли ставленники Вильгельма, предатели, ведущие окружным путем к монархизму и уже достигшие цели, глупые ли идиоты, дегенераты, мечтающие растлить государство; убить

⁴⁴ Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 2012. С. 590.

⁴⁵ Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. СПб., 1999. С. 50.

⁴⁶ Там же. С. 8.

⁴⁷ Бердяев Н. А. Философия свободы: Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997. С. 360.

⁴⁸ Бессонов И. А. Русская народная эсхатология: История и современность. М., 2014. С. 257.

⁴⁹ Тарабукина А. В. Фольклор и культура прицерковного круга: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. http://yakov.works/libr_min/19_t/ar/tar01.html

⁵⁰ Цит. по: Бессонов И. А. Русская народная эсхатология: История и современность. М., 2014. С. 256.

культуру, основать пастушескую идиллию, блаженство (Диогеновское) в бочке, так это и без вас было ясно»⁵¹. Неприятие власти и ее преобразований развивало у некоторых обывателей пессимистическое мышление и приводило к переоценке событий недавнего прошлого. В этом случае Ленин сравнивался если не с антихристом, то с Николаем II, и последний царь на его фоне обретал привлекательные черты. «Честь и слава Вам, Владимир Ильич! Как маг и чародей, Вы сумели заставить русский народ забыть и простить Николаю Второму все его преступления и властно повернули его вновь на путь Монархизма», — писал современник 26 декабря 1919 г.⁵² Несмотря на то что последний царь исчез из политического пространства весной 1917 г. и с тех пор уже не играл какой-либо роли, с его судьбой современники связывали конец старой и начало новой эпохи. Неудивительно, что по мере демонстрации большевиками серьезности своих планов у обывателей рождались предчувствия о неизбежности казни отрешившегося императора. Показательно, что массовые слухи об убийстве бывшего царя распространились в центральной России и Поволжье 17—19 июня 1918 г. ровно за месяц до реальных трагических событий⁵³.

20 июля 1918 г. в «Известиях» вышла статья «Конец последыша», интерпретировавшая казнь царя как символический акт перехода от старой России к новой: «С расстрелом Николая Романова, по-

литически давно умершего, окончательно порвалась цепь великая, связывавшая новую революционную Россию с старой царско-помещичьей Россией. В этом смысле казнь последыша является символической»⁵⁴. «Известия» утверждали, что народ встретит эту весть с полным равнодушием. Конечно, общество по-разному отреагировало на сообщение о расстреле бывшего императора. Для кого-то царь становился мучеником, даже критиковавшие царя некоторые современники смягчили к нему свое отношение, отредактировав свои дневники, как поступила, например, З. Н. Гиппиус⁵⁵. Вместе с тем, когда в начале июля прошла новая волна слухов о расстреле Николая Романова, Гиппиус записала в дневнике 6 июля о якобы организованной уральским следком казни 3 числа: «Щупленького офицера не жаль, конечно (где тут еще, кого тут еще “жаль”!), он давно был с мертвинкой, но отвратительное уродство всего этого — непереносно»⁵⁶.

Другие современники сожалели о казни, но отмечали, что давно ждали подобную развязку. Москвич Окунев записал в дневнике 19 июля: «Самое скверное, самое страшное сообщение сегодня о том, что болезненно ожидалось целый год, — императора Николая Второго расстреляли»⁵⁷. У кого-то казнь царя усилила эсхатологические страхи. Некогда популярный поэт-сатирик В. П. Мятлев, высмеивавший накануне революции «героев» старого

⁵¹ Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М., 1997. С. 49.

⁵² Письма во власть. 1917—1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 135.

⁵³ Более подробно см.: Аксенов В. Б. Убить Николая II: Угрозы, слухи, реалии (1914—1918 гг.) // Исторические записки. 2021. № 20 (138). С. 124—150.

⁵⁴ Известия. 1918. 20 июля.

⁵⁵ См.: Колоницкий Б. И. К вопросу об источниках «Синей книги» З. Н. Гиппиус // Русская эмиграция: Литература, история, кинолетопись: (Материалы междунар. конф. Таллинн, 12—14 сентября 2002). Таллинн, 2004. С. 23—34.

⁵⁶ Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники: 1919—1941. Из публицистики 1907—1917 гг. Воспоминания современников. М., 2005. С. 437.

⁵⁷ Окунев Н. П. Дневник москвича. 1917—1924: В 2 т. Т. I. М., 1997. С. 202—203.

строю, создал в стихотворении «Красная дева» апокалиптический образ богородицы в красном хитоне, рубившей секирой россиян⁵⁸. Ксенофоб-конспиролог С. Н. Нилус интерпретировал падение трех императоров — российского, германского и австрийского — с точки зрения катехонической концепции (три императора являлись символами «Удерживающего» мир от прихода Антихриста). Некоторые современники характеризовали эпоху Гражданской войны как «проклятое время»⁵⁹. Вероятно, подобные настроения пессимистической эсхатологии следует отнести к пассеистическому восприятию времени. В то же время существовала и оптимистическая эсхатология, в первую очередь развитая у «футуристов». В письмах коммунистов встречается интерпретация коммунизма как царства божьего на Земле: «Близится тот час, когда восторжествует во всем мире царство священного коммунизма»⁶⁰. Впрочем, психика пассеистов рождала и оптимистические слухи-предсказания. Так, весной 1919 г. в Петрограде распространился слух о найденном письме-завещании Иоанна Кронштадтского, который якобы описал события этого года и предсказал падение советской власти⁶¹.

Настроения современников, включая и эсхатологические предчувствия, отражались в языке и восприятии новой революционной лексики. Показателен случай, произошедший в одной из деревень в апреле 1918 г.: солдат-агитатор выступал перед крестьянами, объясняя настоящие трудно-

сти диверсиями саботажников. Крестьянки, не слышавшие раньше этого слова, долго обсуждали, кто такие саботажники, и в итоге решили, что слово это «собачье» и скоро наступит «светопреставление»⁶². С. Смит рассматривает новую революционную лексику в качестве важного маркера классово-политической принадлежности, отмечая, что для неофитов новые слова обретали почти магическую силу⁶³. Б. И. Колоницкий полагает, что распространявшийся в публичном пространстве 1917 г. «язык социализма» работал «на углубление революции, а затем и скатывание к гражданской войне»⁶⁴. Лингвист С. И. Карцевский, вернувшийся в 1917 г. из политической эмиграции, но вновь покинувший Россию в 1919 г., выпустил в Берлине книгу «Язык, война и революция», в которой, исходя из тезиса, что «чем большим потрясением подвергалась данная область жизни, тем более радикально изменялся ее словарный запас»⁶⁵, исследовал отражения эпохи «русской смуты» в языке обывателей. Характерными, по его мнению, языковыми символами времени стали: «кребилы» (вместе с «керенками», «думками», «липовками», «ленинками», «вавилонками», «китайками», «деникинками», «врангелевками», «колокольчиками» и другими «дензнаками») и «лимончики» (новоявленные миллионеры последних, гиперинфляционных лет Гражданской войны); красный террор проявился в терминах «чайка», «черезчурка», «верочка» (названия ВЧК), «эмочка» (московская ЧК), «женечка» (же-

⁵⁸ Мятлев В. П. После мятежа: Политические памфлеты и стихотворения. 1917—1922. Мюнхен, 1921. С. 42—43.

⁵⁹ Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1915—1920. СПб., 2016. С. 308.

⁶⁰ «Скоро ли кончится эта проклятая война...» (Из сводок отделения военной цензуры при I трудовой армии о содержании писем, присланных красноармейцам) // Архивы Урала. 2009. № 13. С. 44.

⁶¹ Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1915—1920. С. 292.

⁶² Новая жизнь. 1918. 9 апр.

⁶³ Smith S. A. Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890—1920. Oxford, 2017. P. 352—353.

⁶⁴ Колоницкий Б. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 г. // Неприкосновенный запас. 2017. № 6 (116). С. 72—87.

⁶⁵ Карцевский С. И. Язык, война и революция. Берлин, 1923. С. 32.

лезнодорожная ЧК), в глаголах, обозначающих расстрел («чекнуть» или «чикнуть»), «поставить к стенке» — в красном лагере, «угробить» — в белом). Все эти новые словечки отражали то, как с помощью юмора травмированное сознание обывателей приспособлялось к новым, экстремальным условиям повседневности.

Другой чертой времени Карцевский считал проникновение бранных слов и ругательств в пространство официальной печати, не допускавшееся в прежние времена, причем ответственным за охватившую литературу «словесную несдержанность» он называл М. Горького⁶⁶. По наблюдению З.Н. Гиппиус, постепенно словесное нагнетание ненависти переставало работать, к брани происходила психологическая адаптация: «Мы так давно живем среди потока слов (официальных) — “раздавить”, “додушить”, “истребить”, “разнести”, “уничтожить”, “залить кровью”, “заколотить в могилу” и т.д. и т.д., что каждодневное печатное повторение непечатной ругани — уже не действует, кажется старческим шамканьем»⁶⁷. Тему отражения процессов и явлений Гражданской войны в лексике поднимали в своих работах Р. Якобсон, Е. Ремпель и др.⁶⁸ А. Горнфельд считал, что новые революционные слова выступают сильным раздражающим фактором для обывателей: «Людам кажется, что раздражает их некая “неправильность” этих слов, некое нарушение законов родного языка, но это не верно: как всегда, в оскорбительной лингвистической новинке, раздражает скорее то, что за ними: раздражает, например, ощущение их ненужности. Ибо они создаются во имя некой стремительности, во имя высшей энергии, высшей целесо-

образности, а жизнь идет через пень колоду, косолапо и несуразно»⁶⁹.

Язык фиксировал психологические проблемы людей, о том же писали и психиатры-современники. В 1919 г. в Москве психиатрическая комиссия при медико-санитарном отделе Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов инициировала реформу организации психиатрической помощи, в соответствии с которой столица делилась на специальные психиатрические районы. С этой целью московское психиатрическое бюро начало ревизию всех городских душевнобольных⁷⁰. В условиях повышенной нервозности и подозрительности населения эта инициатива породила в среде интеллигенции, для которой депрессия превращалась чуть ли не в классовый признак, слух, что комиссары составляют расстрельные списки из числа «считавшихся по своему душевному строю неспособными стать строителями коммунизма»⁷¹. Те современники, которые попадали в категорию «бывших», чувствовали, что вместо старого сословного деления общества приходит новое социальное расслоение, критерием для которого могло стать психическое здоровье.

Подобные представления подкреплялись и теоретическими работами психиатров, употреблявших термины «психически полноценные» и «психически неполноценные» люди. В.П. Осипов в статье с «говорящим» названием «О контрреволюционном комплексе у душевнобольных» писал об «огне революции» как условии естественного отбора: «Только физиологически, биологически полноценным людям удалось сохраниться в этом

⁶⁶ Карцевский С.И. Язык, война и революция. С. 71.

⁶⁷ Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9. С. 58.

⁶⁸ Jakobson R. Vliv revoluce na ruský jazyk // Nove Atheneum. Praha, 1921; Ремпель Е. Язык революции и революция языка // Новый путь. 1921. 28 авг.

⁶⁹ Карцевский С.И. Язык, война и революция. С. 13—14.

⁷⁰ Известия народного комиссариата здравоохранения. 1919. № 2—3. С. 28.

⁷¹ Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Минск, 2012. С. 207.

очистительном огне»⁷². Неспособность принять новые условия и советскую власть он считал психическим отклонением. Классовые психические особенности отмечал и П. А. Сорокин, полагавший, что нервная система людей интеллектуального труда, в отличие от пролетариата, более болезненно отреагировала на «ужасы революционной борьбы», что привело к резким изменениям «в психике интеллигенции [...]». История старой — типичной — русской интеллигенции кончилась. На место ее приходит новая, с новым психическим укладом [...]. Романтизм, сентиментализм и жертвенность сдuty революцией с психологии интеллигента»⁷³.

Подозрительное отношение к интеллигенции было характерно для новой власти. Это объяснялось не только особенностями «пролетарской революции», но и политической позицией многих представителей старой русской интеллигенции, а также ее нищенскими условиями существования. Современники отмечали, что в 1918—1922 гг. смертность профессуры в Петрограде была вдвое выше смертности остального населения⁷⁴. В этом усматривали либо нежелание, либо неспособность принимать советский строй. «Нечего ждать, поздно приспосабливаться», — записал в дневнике 21 июня 1919 г. музыковед Н. Ф. Финдейзен⁷⁵. Определенная часть интеллектуалов возлагала надежды на интервентов, которые должны были освободить их от большевиков. Надежды порождали слухи об успехах союзнических армий. Так, в январе 1919 г. ожидался захват Петрограда англичанами

(третий по счету)⁷⁶. Впрочем, оптимизм этих слухов корректировался молвой, что в случае сдачи большевиками Петрограда они устроят в городе резню.

Массовое распространение слухов провоцировалось цензурной политикой большевиков в области печати. Интеллигенция официальным газетам не верила, переставала их читать и отдавалась во власть уличной молвы, которая своими абсурдными известиями только усиливала общую нервозность и депрессию. «Перестал читать газеты — снова; так опостылило все, при полной неизвестности чего-либо достоверного», — записал в своем дневнике 1 февраля 1919 г. Н. Ф. Финдейзен⁷⁷. Тем не менее распространение уличных сплетен казалось более обнадеживающим, чем область официальной информации, поэтому слухи пересказывались и распространялись. В какой-то момент, когда очередной оптимистический слух о скором крахе советской власти не оправдался, современники начали думать, что их в целях успокоения населения сознательно распространяют большевики⁷⁸.

Неудивительно, что в условиях общей неблагоприятной психологической атмосферы некоторые ученые пытались объяснить эпоху с помощью психиатрической терминологии. Так, известный физиолог И. П. Павлов в прочитанной 27 мая 1918 г. в Тенишевском училище лекции «Основы культуры животных и человека» охарактеризовал периоды стабильности как процессы торможения, а революции — как процессы возбуждения нервной деятель-

⁷² Осипов В. П. О контрреволюционном комплексе у душевнобольных // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1926. № 2. С. 86.

⁷³ Сорокин П. А. Социология революции. М., 2004. С. 198, 528—529.

⁷⁴ Там же. С. 201.

⁷⁵ Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1915—1920. С. 308.

⁷⁶ Там же. С. 275—277.

⁷⁷ Там же. С. 279.

⁷⁸ Там же. С. 282.

ности⁷⁹. Показательно, что, описывая социальные процессы как рефлекс, Павлов, Осипов и Сорокин приходили к разным выводам: Павлов считал революцию периодом возбуждения нервной деятельности, Сорокин, наоборот, рассматривал ее как торможение, а Осипов считал, что возбуждение и торможение сосуществуют в революции, проявляясь у представителей революционной и контрреволюционной обществственности.

Впоследствии Сорокин, соглашаясь с Осиповым по поводу спутанности сознания как черты эпохи, отмечал снижение когнитивных способностей людей и развитие характерных особенностей так называемого «туннельного мышления»⁸⁰. К другим чертам времени социолог относил повышенную внушаемость людей, чрезмерную эмоциональность и, как следствие, повышенную жестокость⁸¹. Заметим, что психиатрическая терминология использовалась для объяснения эпохи Гражданской войны не только учеными, но и рядовыми обывателями, нередко в качестве метафоры общей психологической атмосферы: «Ощущение тьмы и ямы. Тихого умопомешательства»⁸².

Говоря о факторах невротизации общества, можно выделить несколько групп. Нервную систему человека ослабляло плохое питание (биологический фактор), отрицательно сказывались на душевном здоровье процессы депрофессионализации (социальные причины), эксперименты в области государственного управления, включая репрессивную политику,

обладали травмирующим эффектом (политические причины), сохранявшаяся постоянная угроза жизни в условиях Гражданской войны (военные причины), агрессивная риторика пропаганды классовой борьбы повышала агрессию в обществе (лексические), расстройство привычной повседневности заставляло постоянно приспосабливаться к меняющимся условиям (бытовые). Конечно же, эти и другие причины оказывали комплексное воздействие на психику обывателей, в то время как запустить определенную психическую реакцию в условиях повышенной возбудимости и имевшейся психической предрасположенности могло любое, на первый взгляд незначительное событие, став своеобразным триггером.

Невротизация массового сознания современников отражалась в динамике и структуре самоубийств⁸³. В группе риска оказывалась категория молодых людей от 15 до 30 лет, которые, посвятив свои лучшие годы войне и революции, начинали себя ощущать потерянным (или даже проклятым) поколением. Даже среди идейных коммунистов начинала распространяться меланхолия. 25 ноября 1918 г. в письме В. И. Ленину молодой человек жаловался, что на улицах его окружают унылые или искаженные злобой лица: «Пройдите по улицам и Вы не увидите ни одного улыбающегося лица. Все ходят угрюмыми, подавленными. Это тогда-то, когда яркое солнце социализма, казалось, должно вернуть всех к радости бытия»⁸⁴.

⁷⁹ Павлов И. П. Основа культуры животных и человека // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 1999. № 9—10.

⁸⁰ Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб., 2012. С. 36—37.

⁸¹ Там же. С. 40—41.

⁸² Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 9. С. 56.

⁸³ Аксенов В. Б. Массовые настроения эпохи Гражданской войны: Историографические традиции и перспективы изучения // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 524—526.

⁸⁴ Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М., 1997. С. 45.

Окончание Гражданской войны не сняло проблему самоубийств молодежи: то, с чем готовы были мириться люди в экстремальные времена, стало фактором нервных срывов тогда, когда видимые причины всеобщей неустроенности пропали. Историк И. И. Литвинов в январе 1922 г. писал в своем дневнике, что тема самоубийства стала одной из самых популярных в разговорах среди коммунистической молодежи и что «стреляются, отравляются коммунисты на каждом шагу»: «И вот теперь, когда революция кончилась, когда буря ушла, когда волны улеглись, многие, четыре года жившие, как в дурмане, считать начинают раны, товарищей считать. И приходят к самым печальным заключениям. Личная жизнь разбита. Одиночество. Семьи нет. Поддержки почти никакой. Нервы расшатаны. Здоровье подорвано. Силы на исходе. Материальное положение не обеспечено. А товарищи многие благоденствуют. У одного теплый уголок: семья, жена и дети. Другой скоро кончает высшее учебное заведение. Третий сумел, бог весть каким способом, себя обеспечить. Четвертый торгует вовсю и богатеет. Пятый сановничает, ему — почет и уважение. И тогда многие и многие из коммунистов, увидя, как они остались в дураках, разочарованные и огорченные, лишают себя жизни по всякому поводу и без всякого повода»⁸⁵.

Вместе с тем тяжелее всего адаптироваться к новым реалиям было старшему поколению. В 1922 г. жена Н. П. Окунева совершила самоубийство, что автор дневника воспринял как естественное следствие обрушившихся на них за годы Гражданской войны невзгод: «Эта проклятая война и все последующее, исковеркавши царства, города, дома, квар-

тиры, — доконала и наше не только счастье, но и относительное благополучие. К концу остались истрепанные нервы, изможденные силы, разочарование и трепет перед грядущими неприятностями... Не стало сил у моего бедного и благородного друга! Окончательно надломилось здоровье от этих кухонных забот, стирок, уборок, колоков дров, топок печек, тасканья мешков и разных “торговых” забот»⁸⁶.

Гражданская война и постоянная борьба за выживание в условиях экстремальной повседневности формировали крайнюю степень актуалистического восприятия времени, приводившую к ценностным инверсиям. В 1921 г. поэт Александр Тиняков собирал милостыню на Невском проспекте, читая свои стихи. Среди стихов было одно, под названием «Радость жизни», которое демонстрировало определенную психическую патологию, искривление сознания и моральных установок человека, лишившегося эмпатии:

Едут навстречу мне гробики полные,
В каждом — мертвец молодой.
Сердцу от этого весело, радостно,
Словно безрезке весной!

Вы околели, собаки несчастные, —
Я же дышу и хожу.
Крышки над вами забыты тяжелые, —
Я же на небо гляжу!
Может, — в тех гробиках гении разные,
Может, — поэт Гумилев...
Я же, презренный и всеми оплеванный,
Жив и здоров!

Скоро, конечно, и я тоже сделаюсь
Падалью, полной червей,
Но пока жив, — я ликую над трупами
Раньше умерших людей.

⁸⁵ Иосиф Литвинов: Дневник «красного профессора». Февраль—сентябрь 1924 г. // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 51—74; № 7. С. 59—83.

⁸⁶ Окунев Н. П. Дневник москвича. 1917—1924: В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 197.

Таким образом, Гражданская война оказалась временем кардинальных трансформаций структур повседневности и ментальных сдвигов. Последние можно определить как общую дегуманизацию: Первая мировая война, революция и Гражданская война девальвировали ценность человеческой жизни, сделали насилие обыденной формой социальных отношений. Жестокость, которую проявляли друг по отношению к другу различные военно-политические силы — красные, белые,

зеленые, голубые, черные и пр. — нельзя объяснить без учета психических изменений, произошедших с людьми. М. Горький приводил пример, как один русский крестьянин, убивший в 1921 г. башкира за то, что тот украл у него корову, после того как сам увел у семьи убитого корову, переживал, не накажут ли его за увод скотины. Когда же крестьянина спросили, не боится ли он наказания за убийство человека, тот ответил: «Это — ничего, человек теперь дешев»⁸⁷...

⁸⁷ Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. С. 26.

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Демографическая ситуация

Демографическая ситуация в России в годы Гражданской войны характеризовалась многомиллионными людскими потерями, которые ввергли страну в тяжелый демографический кризис.

Чтобы определить его глубину, необходимо иметь достоверные сведения о численности населения страны в рассматриваемый период. В историографии существует консолидированное мнение о том, что в условиях войны, людских потерь, мобилизаций, значительных миграций, а также изменений в естественном движении населения точные сведения о его численности было довольно трудно зафиксировать. Их получение затруднено и вследствие изменения границ России (образование СССР и РСФСР в его составе), что усложняет пересчеты численности населения в годы Гражданской войны в России в ее «исторических границах», связанные с этими изменениями. Учет данного обстоятельства чрезвычайно важен для исследователя. Расчеты людских потерь необходимо производить строго для сопоставимых территорий. При пренебрежении принципом сопоставимости возникают мифические цифры.

С учетом этого фактора в историографии существуют разные исчисления темпов и размера естественного прироста (убыли) населения в рассматриваемый период, в зависимости от выбора границ государства, на которые приводится оценка общей численности населения (Российская империя, СССР в границах до 1 сентября 1939 г., СССР в границах после Великой Отечественной войны, Российская Федерация в границах 1992 г.).

Вот примеры, подтверждающие сказанное.

По данным ЦСУ, численность населения России (в границах СССР до 1 сентября 1939 г.) в 1917 г. составляла 143,5 млн человек¹. По оценке Е.З. Волкова, население России (в границах СССР на конец 1920-х гг., без Хивы и Бухары) на начало 1918 г. насчитывало 140,9 млн человек², Б.Ц. Урланиса — 162,9 млн человек (СССР в границах после Великой Отечественной войны), В.А. Зайцева — 167,7 млн человек (в тех же границах). На осень 1917 г. Ю.А. Поляков определил численность населения России (в границах СССР 1926 г.) в 147,6 млн человек³.

¹ Народное хозяйство СССР в 1961 г.: Статистический ежегодник. М., 1962. С. 7.

² Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 270—271.

³ Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. М., 1986. С. 94.

Исходя из избранных границ, исследователи рассчитали цифры сокращения населения страны за годы Гражданской войны, происходившего последовательно, по сравнению с 1917 г., в 1918, 1919 и 1920 годах. Например, Е. З. Волков оценивает численность населения на начало 1919 г. в 139,7 млн человек, соответственно на начало 1920 г. — в 137,1 млн человек, 1921 г. — в 134,3 млн человек⁴; В. А. Зайцев соответственно — в 164,9, 162,0, 159,2 млн человек⁵.

Сокращение населения за годы Гражданской войны отображено в данных ЦСУ, которые использовал для расчета потерь населения С. Максудов. Согласно этим оценкам, численность населения страны составила в 1920 г. 136,8 млн человек. Также указанный факт подтверждают расчеты Ю. А. Полякова, И. Н. Киселева, Б. А. Устинова: население России составляло на начало 1920 г. (без Хивы и Бухары) 137 млн 563 тыс. человек, с учетом Хивы и Бухары — 140 млн 563 тыс. человек⁶. По оценке Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской, численность населения на 1920 г. составила 137,7 млн человек⁷. В границах 1992 г. также видно существенное сокращение населения страны: с 91 млн человек в 1917 г. до 88,3 млн человек в 1920 г.⁸ Лишь в 1923—1924 гг., как отмечают исследователи, убыль населения сменяется приростом.

Исчисление потерь населения в годы Гражданской войны связано и с объективными трудностями: масштабными военными действиями, оккупацией интервен-

тами значительной территории страны, неполнотой статистических данных, использованием различных методик подсчета, разнообразием в самих определениях потерь — «жертвы войны», «военные людские потери», «пострадавшие» и проч. Все это обусловило разные оценки людских потерь в годы Гражданской войны в научной литературе. При этом среди исследователей не вызывает сомнений факт, что потери понесло все население страны: как армия, так и гражданское население, причем основные жертвы пришлось именно на мирных жителей.

В современной литературе существуют следующие оценки людских потерь в России в годы Гражданской войны. В монографии «Россия в войнах XX века», опубликованной под редакцией генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева, безвозвратные потери Красной армии на фронтах Гражданской войны оценены примерно в 1 млн человек⁹. Ю. А. Поляков оценил потери военнослужащих Красной и Белой армий, а также различных вооруженных формирований в 2,5—3,3 млн человек (в том числе Красной армии — 1,1—1,2 млн человек)¹⁰.

Значительная часть людских потерь Гражданской войны была обусловлена массовым насилием, связанным с террором (все формы), религиозными конфликтами, национальными погромами и резней. В современном понимании жертвы террора — это погибшие от пыток, казней, побоев, умерщвленные голодом, умершие вследствие намеренного лишения их медицинской помощи. В 1917—1920-х гг. на-

⁴ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. С. 270—270.

⁵ Зайцев В. А. К вопросу о численности населения Европейской России // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Ч. 2. М., 1927. С. 91.

⁶ Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. С. 94.

⁷ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза. 1922—1991. М., 1993. С. 118.

⁸ Население России за 100 лет (1897—1997): Статистический сборник. М., 1998. С. 12.

⁹ Россия в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 149.

¹⁰ Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. Т. 1. С. 95.

блюдался разгул и «красного», и «белого», и «розового»¹¹, и «зеленого» террора. Террор имел массовый характер, осуществлялся на государственном уровне всеми правительствами, действовавшими на территории бывшей Российской империи. Система карательных органов сложилась и у красных, и у белых, и у розовых, и у зеленых. У красных — внесудебные чрезвычайные учреждения, военные революционные трибуналы, система ВЧК, при которой создавались так называемые расстрельные тройки, с 1919 г. при ВЧК существовали особые отделы, у правительства Комуча в Поволжье — «Особая охранка», Чрезвычайный военный суд, у Деникина — военно-полевые суды и судебно-следственные комиссии, у Врангеля — военно-полевые суды, у Колчака — карательные отряды особого назначения и т. д.

Террор всех правительств включал массовые казни, часто на средневековом уровне, тюрьмы, пытки, лагеря, расправу с военнопленными, мирным населением, ранеными, мужчинами, женщинами, подростками. Известны расстрелы заложников красными, повешение на воротах крестьян, осуществлявшееся колчаковцами, эшелоны смерти и плавучие баржи смерти Комуча, еврейские погромы деникинцев, расстрелы пленных по приказу Врангеля, убийство экипажа «Трувора» анархистами. Известны зверства многочисленных «банды» («семеновцы», «анненковцы» и пр.). Особое место в истории террора занимает крымская трагедия — расстрел военнопленных и мирного населения большевиками после эвакуации Врангеля. Террористические действия осуществляли и войска интервентов.

Однако точную цифру потерь от всех видов террора определить практически

невозможно. В литературе имеются приблизительные подсчеты. С. П. Мельгунов и П. Н. Милюков на основе данных «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России», созданной А. И. Деникиным, определили жертвы красного террора в 1918—1919 гг. в 1 млн 766 тыс. человек. Другие исследователи считают их завышенными, тем более что в это число жертв террора были включены как уничтоженные физически и пропавшие без вести, так и разного рода потерпевшие, в том числе от «оскорблений личного достоинства» и экономических конфискаций. В. П. Данилов оценил жертвы от всех видов террора, погромов, бандитизма, подавления крестьянских выступлений в 1918—1919 гг. в 1 млн 300 тыс. человек. А. И. Солженицын пришел к выводу, что жертвами террора только с июня по октябрь 1918 г. было 16 тыс. человек. Исходя из имеющихся в историографии оценок, с учетом всех слагаемых террора, потери от террора в годы Гражданской войны составляют 1—1,5 млн человек¹². Но эти цифры не подкреплены надежной источниковой базой. Поэтому проблема численности жертв большевистского террора нуждается в дальнейшем исследовании, в том числе на региональном уровне.

При подсчете людских потерь в период Гражданской войны необходимо принять во внимание тот факт, что население сильно пострадало от эпидемических и острых инфекционных заболеваний, особенно от сыпного тифа: в 1918—1920 гг. от тифа умерло более 2 млн человек¹³. Общие демографические потери от инфекционных и эпидемических болезней (разные виды

¹¹ «Розовыми» условно называют правительства, включавшие представителей разных партий — эсеров, кадетов, вплоть до черносотенцев. К таким правительствам относился Комуч, уральские и сибирские областники и др.

¹² Жиромская В. Б. Проблема красного и белого террора 1918—1920 годов в отечественной историографии // Труды Ин-та рос. истории. М., 2004. Вып. 4. С. 25.

¹³ Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. Т. 1. С. 95.

тифа, холера, оспа, «испанка») за годы войны, по данным Е. З. Волкова, составили до 5 млн чел.¹⁴ Сотни тысяч жизней унесли трудные условия жизни, лишения, практическое отсутствие медикаментов, недостаточность медицинской помощи.

Фактором сокращения численности населения в рассматриваемый период была эмиграция. Ее потери С. Максудов включил в общую цифру людских потерь страны за годы Гражданской войны, заключив, что в этот период Россия с учетом эмиграции потеряла 13,8 млн человек¹⁵.

Оценку людских потерь в годы Гражданской войны дали А. Я. Боярский, Б. Ц. Урланис и Ю. А. Поляков. По мнению Боярского, они составили 12 млн человек, Урланиса — 10—11 млн человек, Поляков оценил людские потери России с учетом эмиграции (2 млн чел.) в 11—15 млн человек¹⁶. В данные расчеты исследователи включили и потери от голода 1921—1922 гг., который в некоторых районах продолжался до 1923 г., т.е. уже после окончания Гражданской войны.

Исходя из вышеизложенного, без учета погибших от голода в начале 1920-х гг., людские потери в 1918—1920 гг. в границах СССР 1926 г. можно оценить в 10—14 млн человек.

Общедемографические людские потери, наряду с перечисленными (гибель в результате военных действий и террора, сверхсмертность от эпидемических и инфекционных заболеваний, голода, лишения, безвозвратной эмиграции), включают и последствия резкого снижения рождаемости по сравнению с довоенным уровнем (то есть дефицит рождений или так называемый «недород»). С учетом этого

фактора, по оценкам Ю. А. Полякова, общедемографические людские потери России в годы Гражданской войны составили 20—25 млн человек. В эти цифры включены и жертвы голода 1921—1922 гг., составившие, по подсчетам В. П. Данилова, 5,2 млн человек¹⁷, а также жители отошедших от России территорий. Включая в число общедемографических потерь жителей отошедших от России территорий, следует указать, что они не относятся к жертвам войны, но дают представление об общей убыли населения в рассматриваемый период.

При расчете людских потерь страны за годы Гражданской войны необходимо учитывать их отдаленные демографические последствия, так называемое демографическое эхо, которое удваивает число потерь каждые полстолетия. «Эхо» перекрывается последующими волнами в развитии населения, но не исчезает. Не рожденные не рождаются, умершие не воскреснут, не увидят света и их потомство, их дети, дети их детей и внуки их внуков.

Потери населения, снижение рождаемости и повышение смертности изменили возрастную-половую структуру населения и привели к сокращению числа мужчин и увеличению числа женщин, прежде всего в активных брачных и репродуктивных возрастах. Материалы статистики показали, что в 1914 г. отмечалось численное равенство мужчин и женщин. Однако в данных переписи населения 1920 г. отразился численный перевес женщин в составе городского и особенно сельского населения¹⁸. На 1000 мужчин было женщин в составе сельского населения — 1257, городского — 1215, в Москве соответственно — 1235,

¹⁴ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. С. 189.

¹⁵ Максудов С. Потери населения СССР в 1918—1958 гг. // Демоскоп. 2018. № 763—764, 12—25 марта.

¹⁶ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. С. 95; Народонаселение: Энциклопедический демографический словарь. М., 1994. С. 344.

¹⁷ Данилов В. П. Сельское население Союза ССР накануне коллективизации (по данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.) // Исторические записки. М., 1963. Вып. 74. С. 67.

¹⁸ См.: Труды ЦСУ. Т. 8. Вып. 2. С. 333, 343; Статистический ежегодник. 1921. М., 1922. С. 2, 3.

в Петрограде — 1395, в городах Юго-Востока — 1182, Сибири — 1049¹⁹.

Нарушено было и соотношение самих возрастных групп: в РСФСР группа до 30 лет, составлявшая по переписи 1897 г. более 60% всего населения, в 1920 г. насчитывала лишь 48,5%. Доля подростковой и молодежной возрастных групп сократилась в 1920 г. (по сравнению с аналогичными показателями 1897 г.) в 1,5 раза, главным образом за счет молодежи 20—29 лет. Невысоким был удельный вес и следующей возрастной группы — 30—39 лет, на которую приходилось 11,1%. Более трети населения составляли люди 40 лет и старше²⁰.

Такая структура не соответствовала традиционному обществу, характерному в тот период для России и предполагавшему преобладание в возрастном составе детей и молодежи.

Низкие показатели рождаемости и высокие смертности обусловили отрицательный естественный прирост населения. Об этом явлении свидетельствовали данные Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. В 1920 г. естественный прирост населения в 13 губерниях был отрицательным. Ярче всего это проявилось в Московской и Иваново-Вознесенской губерниях, где отрицательная величина естественного прироста населения превысила 13‰²¹. Немного ниже была величина этого печального показателя в Пензенской и Орловской губерниях более 12‰, в Костромской — более 11‰. В других обследованных губерниях

этот показатель был ниже. Так, в Нижегородской, Вятской, Пермской он колебался от 8,9 до 7‰. В Череповецкой губернии он составлял 5,6, в Смоленской 3,7‰. Самым небольшим этот показатель был в Тверской губернии — 0,9‰, но и здесь он был отрицательным. Население сокращалось за счет превышения смертности над рождаемостью²².

Сохранившиеся отрывочные данные статистики свидетельствовали о значительном повышении уровня смертности населения в городах по сравнению с 1918 г., в том числе в столичных — Москве и Петрограде. В Москве показатели смертности были особенно высоки в 1919 и 1920 гг. На 1000 человек населения смертность в Москве составляла в 1917 г. — 23,7, в 1918 г. — 28,0, в 1919 г. — 45,1, в 1920 г. (первое полугодие) — 46,2. В Петрограде показатели смертности населения были выше, чем в Москве — на 1000 человек населения умерло в 1917 г. — 25,0 (без воинских частей — 24,0), в 1918 г. — 43,7, в 1919 г. — 77,1, в 1920 г. — 50,6²³.

Высокий уровень смертности населения наблюдался в 1919 и 1920 гг. и в других городах страны. Например, в городах Череповецкой губернии — на 1000 человек населения умерло в 1919 г. — 70,3, в 1920 г. — 54,7, в 1921 г. — 34,2. Наиболее высокий уровень смертности населения в 1920 г. был в Томске — на 1000 человек населения умерших — 100‰.

Смертность мужчин была традиционно выше, чем женщин. В 1919 г. — на 100

¹⁹ Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928. С. 11. Включая Европейскую Россию (45 территорий), Юго-Восток (4 территории), Сибирь (7 территорий), Киргизию (4 территории).

²⁰ Жиромская В. Б. После революционных бурь: Население России в первой половине 1920-х гг. М., 1996. С. 35.

²¹ ‰ — демографический показатель «промилле». Промилле — это одна тысячная доля в целом или одна десятая процента ($1/10\%$), с латыни переводится как «на тысячу». В промилле измеряют: коэффициенты естественного прироста населения, показатели рождаемости и смертности.

²² Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 101.

²³ Красная Москва. 1917—1920. М., 1920. С. 69, 72; Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1920. Вып. 5. С. 31.

женских смертей приходилось мужских — в городах Нижегородской губернии — 134, в 1920 г. в Перми — 283, в городах Саратовской губернии — 148. В 1920 г. в Саратове мужская смертность была почти на 50% выше женской, а в Перми — даже на 180%²⁴. Положение усугублялось тем, что превышение мужской смертности над женской наблюдалось в самых репродуктивных и трудоспособных возрастах (от 15 до 49 лет).

Показатели смертности сельского населения также были высокими, но ниже, чем городских жителей.

В итоге в период Гражданской войны отмечается сокращение городского населения как в связи с миграционным оттоком в деревню, так и в связи с резким понижением естественного прироста населения. Понизился удельный вес городского населения в населении России. Если в 1917 г. (в границах 1992 г.) он составлял 17% от всего населения, то в 1920 г. — только 14%²⁵. Происходило так называемое обезлюдивание городов.

Высокий уровень смертности населения в значительной мере объяснялся эпидемиями таких остроинфекционных заболеваний, как брюшной, сыпной и возвратный тиф, холера, оспа, «испанка», пневмония и круп. Широкое распространение имели, особенно среди детей, дизентерия, корь, дифтерия. Тяжелая эпидемическая ситуация была в районах, освобожденных от белогвардейцев и интервентов.

О свирепствовавшей эпидемии тифа современник вспоминал: «Целые вагоны вымирают от тифа. Врача ни одного. Медикаментов никаких. Целые семьи в бреду.

Вдоль дороги трупы. У станций штабеля трупов»²⁶. В Омске, колчаковской столице, красноармейцы столкнулись с 15 тысячами брошенных больных белогвардейцев, которыми надо было заниматься. Назвав эпидемию «наследством белых», красные повели борьбу на два фронта, в том числе против тифа.

«Положение сложилось катастрофическое. В Омске ежедневно заболевали 500 человек и 150 умирали. Эпидемией были поражены все общественные места — Боженьский приют, сиропитательный дом, рабочие общежития, почтовая контора и другие помещения, где больные лежали на нарах вповалку, на полу на гнилых тюфяках. На новосибирской станции Кривошеково стояли 3 штабеля по 500 трупов в каждом. Еще 20 вагонов с умершими находились поблизости»²⁷.

В РСФСР в 1918 г. от остроинфекционных болезней умерло 116 тыс. человек. Наиболее высокий уровень смертности населения от этих заболеваний фиксировался в 1920 г. — свыше 1 млн человек²⁸.

По статистическим данным в Петрограде в 1920 г., наряду с остроинфекционными болезнями, были распространены заболевания органов дыхания, особенно туберкулез легких, а также сердечно-сосудистые болезни. На 10 000 жителей умерло от сыпного тифа — 64,2, возвратного тифа — 31,3, дизентерии — 35,9, туберкулеза органов дыхания — 50,4, пневмонии — 30,1, болезней сердца и сосудов — 47,6, голодного истощения (распространенной в то время причины) — 37,0²⁹.

В 1917—1918 гг. в городах туберкулезом были больны 80% детей в возрасте

²⁴ Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 32, 103, 113.

²⁵ Население России за 100 лет (1897—1997): Статистический сборник. М., 1998. С. 32.

²⁶ Эпидемия тифа во время русской гражданской войны <http://unbelievable.ru/articles.php?id=234> (дата обращения: 02.09.2019).

²⁷ Там же.

²⁸ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. С. 102.

²⁹ Там же. С. 101.

до 11 лет³⁰. Каждый четвертый среди умерших детей погибал от туберкулеза.

Особенно высокой была в стране младенческая смертность (до 1 года). В Москве в 1919 г. из каждых ста появившихся на свет младенцев умирало 28, в 1920 г. — 20. В Петрограде ситуация была еще более трагичной. Из каждых 100 новорожденных погибало в 1919 г. 33 младенца, а 1920 г. — 23³¹.

Высокий уровень смертности населения усугублялся еще и крайне неудовлетворительным состоянием медицинской помощи. Система здравоохранения, существовавшая в дореволюционной России, была дезорганизована. Но даже если бы она и полностью сохранилась, она не смогла бы справиться с такой сверхсложной задачей. Прежде всего не хватало врачей. Некоторые из них были мобилизованы на фронт и не вернулись, другие погибли во время красного и белого террора, часть эмигрировала. Так, даже в городах в 1921 г. было 500 педиатров. Остро не хватало медикаментов.

Формирующаяся система здравоохранения была государственной и основывалась на принципах, разработанных земскими врачами, т.е. общественной медициной: обслуживание по участкам, стационарное, специализированное лечение, санитарное обслуживание, бесплатное лечение.

Уже с 1917—1918 гг. в разгар Гражданской войны предпринимались активные попытки по борьбе с эпидемиями и острым инфекционными болезнями. Был издан ряд постановлений советской власти о борьбе с эпидемиями: «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» (28 января 1919 г.), «О мерах борьбы с эпидемиями» (10 апреля 1919 г.), «Об обязательном оспопрививании» (10 апреля 1919 г.)³². Реализовывать

эти постановления в условиях войны было чрезвычайно трудно, однако в соответствии с этими законодательными актами в практику были введены массовые прививки детей от остро-эпидемических заболеваний: оспы, брюшного, сыпного и возвратного тифа. Прививки были обязательными и охватывали массу населения.

Показательна в этом плане деятельность созданной в 1918 г. Сибирской Чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом (Чекатиф) во главе с В.М. Косаревым. Комиссия находилась в Новониколаевске. Комиссия организовала противоэпидемическое обслуживание населения. Были мобилизованы все врачи вплоть до зубных техников, национализированы аптеки. Чекатиф организовал вывоз трупов и захоронение умерших от тифа в братских могилах (на 12—15 тыс. трупов каждая). При опоре на местные власти (милицию, ревкомы) были организованы подвозка дров, уборка нечистот, сбор белья для больных, в том числе путем реквизиций, устройство бесплатного питания и вошебоек (прожарка одежды в печах), больничных изоляторов. В Новониколаевске в помещениях винных складов, женской гимназии, учительском институте и на других объектах были устроены новые больницы, подчинявшиеся Чекатифу³³. В результате тифозную эпидемию удалось подавить.

Проводилась упорная борьба против антисанитарного состояния жилищных условий в городах. Получили распространение «банные недели», «недели чистки», в течение которых проводилась повсеместная дезинфекция жилых помещений, рассыпалась карболка в местах общего пользования, выдавалось мыло, а одежда

³⁰ Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 53.

³¹ Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5. Пг., 1920. С. 28; Новосельский С. А. Демография и статистика: Избранные произведения. М., 1978. С. 111, 214, 215.

³² Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 196—197.

³³ Эпидемия тифа во время русской гражданской войны <http://unbelievable.su/articles.php?id=234> (дата обращения: 02.09.2019).

жителей подвергалась санитарной обработке. Подобные санитарные меры препятствовали распространению инфекционных заболеваний.

Как уже отмечалось, сокращение населения в годы Гражданской войны было связано с резким падением рождаемости. В Москве уровень рождаемости жителей был значительно ниже довоенного: на 1000 человек населения рождения составляли в 1910—1914 гг. — 33,2‰, в 1918 г. — 14,8‰, в 1919 г. — 17,0‰, в 1920 г. — 21,2‰³⁴.

В Петрограде пик снижения уровня рождаемости был зафиксирован в 1919 г. Однако в 1920 г. показатели рождаемости несколько увеличились. В Петрограде — на 1000 человек населения было рождений: в 1918 г. — 15,5‰, в 1919 г. — 13,7‰, в 1920 г. — 21,8‰³⁵.

Уже в годы Гражданской войны принимались меры по охране материнства и детства³⁶. В декретах советской власти провозглашалось, что все дети находятся под охраной государства. Законодательно закреплялась социальная защита материнства и детства. В условиях острого продовольственного дефицита надо было обеспечить питание детей и кормящих матерей. Надо было не просто бороться с эпидемиями, а укреплять защитные силы детского организма, укреплять здоровье детей. Последовала целая серия декретов на эту тему: декрет ВЦИК и СНК от 11 декабря 1917 г., который устанавливал 4-месячный отпуск женщине по беременности и уходу за ребенком, а для кормящей матери вводил 6-часовой рабочий день³⁷. Введены были дополнительные перерывы для отды-

ха беременным женщинам на весь период беременности, а затем и кормления ребенка. Большое значение имела выдача единовременного пособия при рождении ребенка (в размере удвоенной ставки рабочего, имеющего 6-й разряд по квалификации) и постоянного на весь период кормления (одна четверть от вышеозначенной суммы единовременного пособия). Рабочим бесплатно или за половину стоимости выдавалось молоко для ребенка, выдавалось белье на новорожденного или материя на пеленки (из расчета 30 аршин), оказывались и другие виды помощи матери и ребенку, обеспечивалось бесплатное лечение. Были приняты специальные постановления: об улучшении детского питания и увеличения в этих целях детского пайка (14 сентября 1918 г.)³⁸; о создании местными советами фондов детского питания (23 сентября 1918 г.); о бесплатном питании детей в возрасте до 14 лет (17 мая 1919 г.), при этом обращалось особое внимание на развитие детских столовых и пунктов питания³⁹.

В 1919 г. при Совнаркоме РСФСР был создан Совет защиты детей. В декабре 1920 г. была проведена неделя защиты детей в масштабах всей страны. В 1920 г. был создан Фонд помощи детям.

Была проявлена забота о здоровье работающей матери. Налаживалась гинекологическая служба для беременных женщин. Росло число женских консультаций. Если в Москве в 1918 г. действовало 3 консультации, то в начале 1921 г. — 21. Для улучшения питания малышей было увеличено число молочных кухонь. Создавались Дома матери и ребенка, которые были, по сути, приютами для беспризорных матерей-

³⁴ Красная Москва. 1917—1920. С. 65.

³⁵ Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5. С. 28.

³⁶ См.: *Жиромская В. Б., Араловцев Н. А.* Российские дети в конце XIX — начале XXI вв.: Историко-демографические очерки. М., 2018. С. 51—58.

³⁷ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 80, 200, 267.

³⁸ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 193, 311.

³⁹ Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 196—197.

одинок, не имеющих крова и источников средств существования⁴⁰. Возрождалась работа сиротских приютов, которые были преобразованы в дома ребенка и детские дома. В детских домах с 1918 г. было введено обучение ремеслам. В 1919—1920 гг. открывались детские сады и ясли, которые давали возможность сочетать материнство и занятость женщины на производстве. Однако этих детских учреждений резко не хватало, даже в городах.

В целях защиты детей было уделено особое внимание охране детского и подросткового труда на предприятиях: так, по декрету СНК от 29 октября 1917 г. рабочий день подростков ограничивался шестью часами, запрещалось использовать женский и детский труд на ночных, вредных и подземных работах⁴¹. Шла активная борьба с детской беспризорностью. Зарождавшаяся система здравоохранения предполагала создание системы обеспечения детского здравоохранения, развитие педиатрии, обучение врачей-педиатров, создание системы детских лечебных и оздоровительных учреждений.

Но надо иметь в виду, что в то время меры социально-демографической политики были в первую очередь сориентированы на семьи рабочих и на городское население. Кроме того, финансирование социально-демографической политики носило исключительно государственный характер и не предусматривало благотворительности и добровольного привлечения финансовых средств частных лиц, что несколько сужало материальную базу осуществляемых мер.

В итоге в 1920 г. как в связи с начавшейся мобилизацией, так и в результате мер по охране материнства и детства и здоровья населения, предпринимаемых

тогда правительством, во многих регионах страны происходило повышение рождаемости. В 1920 г. на 1000 человек населения родилось в Череповецкой губернии — 24,0‰, в Новгородской — 24,0‰, в Смоленской — 29,7‰, в Тверской — 20,1‰, в Московской — 24,5‰, в Иваново-Вознесенской — 32,8‰, в Костромской — 33,2‰, в Нижегородской — 25,4‰, в Вятской — 16,2‰, в Пермской — 19,0‰, в Пензенской — 28,0‰, в Рязанской — 25,4‰, в Орловской — 24,2‰⁴².

В этот период меняется структура брачности. В довоенной России была традиционно высокая и ранняя брачность, вне брака оставалось очень малое число мужчин и женщин. Разводы были редким исключением, и право на них имели в основном привилегированные слои общества. Огромные потери мужчин на фронтах, длительное откладывание браков в условиях войн значительно повысили численность незамужних женщин. Об этом свидетельствуют материалы Профсоюзной переписи, проведенной в 1918 г. в 31 губернии центральных и северо-восточных территорий Европейской России. По их данным, высокий удельный вес женщин, не состоявших в браке (группа «девицы»), был зафиксирован среди рабочих — 42,1% и особенно среди служащих — 69,7% (от численности всех зарегистрированных женщин). Увеличилось число неполных семей, обозначились изменения ролевых функций мужчины и женщины в семье.

Советская власть принимала законы, регулирующие семейно-брачные отношения. В частности, рядом декретов СНК РСФСР были устранены старые и созданы новые правовые основы брака и семьи. В декретах «О расторжении брака»

⁴⁰ Жирайская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. С. 52—55.

⁴¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. М., 1942. С. 10—13.

⁴² Новосельский С. А. Демография и статистика: Избранные произведения. М., 1978. С. 210.

(декабрь 1917 г.), «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (декабрь 1917 г.) признавалась юридическая сила только за гражданским браком, т.е. оформленным в государственных органах без участия церкви. В то же время церковный брак, заключенный до 20 декабря 1917 г., признавался законным и имел силу зарегистрированного брака. Все ограничения, связанные с вступлением и расторжением брака, снимались. Был разработан и в октябре 1918 г. принят специальный Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачности, семейном и опекунском праве РСФСР⁴³. В новых законах закреплялось равноправное положение супругов в обществе, браке и семье. Женщина становилась юридически свободной. Она могла распоряжаться собственностью, обладала правом самостоятельно принимать решение о вступлении в брак и его расторжении. Признавалось добровольное вступление в брак, оно разрешалось для мужчин по достижении 18 лет, а женщин — 16 лет. Значительно упрощался бракоразводный процесс. Допускалось только единобрачие. Брачные и внебрачные дети были уравнены в правах. Запрещались калым, многоженство, а также принудительные и ранние браки.

Принятые декреты устраняли все прежние социальные, сословные, религиозные, национальные запреты и ограничения при вступлении в брак, способствовали изменению в обществе традиционных взглядов на роль и положение женщины в обществе и семье, на брачно-семейные отношения в целом.

Волны демобилизации и упрощение брачного законодательства привели к увеличению числа браков. Из имеющихся фрагментарных статистических данных

видно, что число браков заметно выросло после окончания Первой мировой войны и особенно повысилось в конце Гражданской войны. В Москве — на 1000 жителей было браков в 1917 г. — 5,3, в 1918 г. — 7,5, в 1919 г. — 17,4, в 1920 г. — 19,6. В Петрограде уровень брачности населения был выше, чем в Москве, соответственно — 8,5, 9,2, 20,7, 27,7⁴⁴.

Широкое распространение получили повторные браки, где оба вступающих в брак или один из них был вдовым. Во второй половине 1919 г. такие браки составляли (по данным по Петрограду) 15,0%, в 1920 г. увеличились до 17,3%. Повысилось число повторных брачных союзов с разведенными мужчинами и женщинами: в 1917 г. их было 2,1%, в 1919 г. — 9,9%. Данные статистики о брачном состоянии вступающего в брак населения свидетельствовали об изменении выработанных ранее в российском обществе жестких норм брачного поведения населения.

Новое законодательство существенно облегчало условия развода. Соответственно число разводов увеличилось, особенно в городах. Так, в 1920 г. в Петрограде — на 1000 браков было зарегистрировано разводов — 92,2. Расторгались уже фактически распавшиеся браки, а также браки, заключенные принудительно, по воле старших членов семьи, без согласия брачующихся. Но имела место и дестабилизация брака, что выражалось в расторжении союзов, оформленных уже по новому законодательству, почти сразу после заключения. В Петрограде, например, в 1920 г. 11% брачных союзов просуществовало менее одного месяца; 22% — менее двух. Облегченные условия вступления в брак и возможность быстрого его расторжения порожа-

⁴³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. Отд. 1. № 10, 2 дек. Ст. 152; 1918. Отд. 1. № 76—77, 22 окт. Ст. 818.

⁴⁴ Красная Москва. 1917—1920. С. 65; Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5. С. 28.

дало легкомысленное отношение к браку у части населения, в основном молодежи. Это явление нашло отражение в художественной литературе⁴⁵.

Увеличение числа вдов, нестабильность брачных союзов увеличивали число неполных семей во главе с женщинами. Начали меняться ролевые функции членов семьи — возросла самостоятельность женщин, демократизировались отношения между супругами, между родителями

и детьми. Молодая семья стала более самостоятельной, ускорилось разрушение патриархальной семьи. Однако патриархальные семьи были еще устойчивы, особенно в деревне.

В целом же семейные традиции были устойчивы в России. Говорить о кризисе семьи после Гражданской войны, несмотря на трудности и потери, было бы неверно. Сохранялся высокий престиж брака и семьи с детьми.

Эмиграция

Особым явлением, изменившим численность российского населения в годы Гражданской войны, была эмиграция. Постереволюционная эмиграция известна как Белая эмиграция, Русская белая эмиграция, Русская эмиграция «первой» волны. Последнее название можно употреблять лишь условно, так как эмиграция периода Гражданской войны не была первой даже в российской истории XX в., не говоря уже о российской истории вообще. Началась она с конца 1917 г. и продолжалась до конца Гражданской войны.

Оценки эмиграции в литературе колебались от нескольких сотен тысяч до 3 млн человек. Миссия Нансена при эмигрантском бюро Лиги наций официально зарегистрировала 863 тыс. человек. В основе наиболее часто указываемых в исторической литературе и публицистике оценок лежат данные американского Красного Креста⁴⁶ — 1 млн 194 тыс. человек на 1 ноября 1920 г., Женевской миссии Российского общества Красного Креста — 1,5 млн человек на 1921 г., и Русского литературного обще-

ства в Дамаске — 2 млн человек на 1923 г. В. Г. Михайловский в 1921 г. писал, что «заграничная эмиграция нашей прессой оценивается в 2 миллиона человек», но при этом отмечал, что с учетом нескольких сотен тысяч бежавших в Грузию и Армению, принявших эстонское, латвийское и литовское подданство, а также военнопленных в Германии и Австрии «число русских за границей можно принять в 3 миллиона»⁴⁷. Л. И. Лубны-Герцык, «по приблизительным прикидкам», обозначил численность эмигрантов в 2 млн человек⁴⁸.

Остановимся подробнее на детальной оценке численности эмигрантов за период с 1918 по 1920 г., которую дает Е. З. Волков. Он отмечает, что, по данным Центропленбежа, Центрозвака и отдела виз, Россию за период 1918—1920 гг. покинуло 4 млн 750 тыс. человек, из них 1 млн 400 тыс. иностранных военнопленных. Остальные 3,5 млн выехавших являлись беженцами и выселенцами из прифронтовых, угрожаемых и оккупированных районов империи. Беженцы перемещались во внутренние рай-

⁴⁵ См., напр.: Зоценко М. Свадебное происшествие. М., 2014. С. 135—139.

⁴⁶ Белковец Л. П., Белковец С. В. Восстановление советским правительством российского (союзного) гражданства реэмигрантов из числа участников белого движения и политических эмигрантов // Юридические исследования. 2014. № 4. С. 106—169.

⁴⁷ См.: Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. М., 2000. С. 134.

⁴⁸ Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 26.

оны России. Затем многие из них возвращались в места, где жили в довоенное время. Часть беженцев осела в Советской России, кроме того, вернулись русские военнопленные, хотя и не все. Среди беженцев, покинувших территорию будущего СССР, были как жители отделившихся от России самостоятельных государств и районов империи, вошедших в состав других государств, так и эмигранты с территории Советской России. Военнопленные и демобилизованные также в значительной своей части расселились на отошедших от России территориях. В итоге, несмотря на оседание части беженцев и возвращение военнопленных, миграционный баланс получился отрицательным. Оценивая число эмигрантов — невозвращенцев, Е.З. Волков в 1930 г. приводит данные миссии Нансена при эмигрантском бюро Совета Лиги Наций, определившие выдачу нансеновских паспортов эмигрантам из СССР на 2 млн человек⁴⁹.

Цифры, приводимые в послевоенной советской литературе, в основном находятся в пределах от 1,5 до 3 млн человек. Например, Л.М. Спирин указывает на 1,5 млн эмигрантов с опорой на неполные статистические сведения об их численности (919 тыс. человек), составленные беженской секцией Международного бюро труда в середине 1920-х гг.⁵⁰ Эти сведения охватывают европейские страны, но не учитывают Румынию, Эстонию, Турцию и Китай. Также следует учитывать, что к этому времени часть эмигрантов переселилась в США, Канаду, страны Латинской Америки и Австралию.

Л.К. Шкаренков и Ю.В. Мухачев пришли к выводу о численности эмигрантов в 2 млн человек⁵¹.

В постсоветской историографии подтверждаются данные советских исследователей о численности эмигрантов из России в годы Гражданской войны, а также приводятся и другие цифры. Например, в коллективной монографии «Население России в XX веке: исторические очерки» исследован большой комплекс источников и на 1920 г. указана численность эмигрантов около 2 млн человек⁵². П.М. Полян на основе анализа зарубежной историографии Белой эмиграции называет цифры 1,5—2,0 млн человек⁵³. Он предлагает не смешивать оптацию (т.е. выбор гражданства жителями территорий, отошедших от России) и эмиграцию. Лиц, сменивших гражданство в результате перехода территории их проживания из России в другие страны (Польшу, Бессарабию) или в образовавшиеся суверенные государства (Финляндию, Латвию, Литву, Эстонию), по справедливому мнению П.М. Поляна, не следует включать в число эмигрантов⁵⁴. В.М. Кабузан оценивал общее число эмигрировавших из России в 1918—1924 гг. почти в 5 млн человек⁵⁵, включая сюда и около 2 млн жителей бывших российских (польских и прибалтийских) губерний, вошедших в состав новообразованных суверенных государств.

В иностранной историографии также существуют различные оценки численности русской эмиграции периода Гражданской войны: Д. Стефан — более 2 млн,

⁴⁹ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 185.

⁵⁰ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 382—383.

⁵¹ Мухачев Ю. В. Белая эмиграция: Численность, состав, размещение // Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР. М., 1988. С. 41—42.

⁵² Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. С. 139.

⁵³ Полян П. М. Эмиграция: Кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: Территория — расселение — миграция. М., 2005. С. 493—519; Демоскоп. 2006. № 251—252, 19 июня — 20 авг.

⁵⁴ Полян П. М. Эмиграция: Кто и когда в XX веке покидал Россию. С. 493—519.

⁵⁵ Кабузан В. М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719—1989): Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996.

П.Е. Ковалевский — 1 млн 160 тыс. человек⁵⁶. Х. Римша, опираясь на данные американского Красного Креста на середину 1920-х гг., оценил эмиграцию из России примерно в 3 млн человек⁵⁷. Но в эти исчисления включены и находящиеся на тот момент за пределами Советской России русские военнопленные. С. Максудов приводит оценку численности российской эмиграции в интервале 1,5—3,5 млн человек⁵⁸.

К числу вынужденных эмигрантов в рассматриваемый период относятся депортированные из РСФСР по политическим мотивам деятели науки и культуры. Осенью 1922 г. два «философских парохода» доставили из Петрограда в Германию (Штеттин) около 50 выдающихся российских гуманитариев (вместе с членами их семей — примерно 115 человек). Аналогичным образом были высланы из СССР и такие видные политики, как Ф.И. Дан, Е.Д. Кукова, С.Н. Прокопович, А.В. Пешехонов и др. Депортация была произведена на основании Декрета ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г.⁵⁹ При относительно небольшой численности эта депортация имела огромный политический и общественный резонанс.

Эмиграция из России за годы Гражданской войны была сложной по структуре и прошла несколько этапов. Эвакуировались армии Деникина, Юденича, Врангеля, Колчака, выезжали политэмигранты, репатриировались беженцы и выселенцы, возвращались на родину иностранные военнопленные. При этом были встречные потоки возвращавшихся русских военнопленных и беженцев. Известно, что

впоследствии началось репатриационное движение среди политической эмиграции. Что касается безвозвратной Белой эмиграции, то она как на основе миграционного сальдо, так и по суммированию эмигрантов, расселившихся в разных странах, составила, по нашему мнению, 2—3 млн человек.

Эмиграция была как организованной, так и неорганизованной. Врангель пытался провести организованную эвакуацию, пароходы быстро заполнялись эмигрировавшими, для их сопровождения были мобилизованы медицинские работники. Однако организовать эвакуацию удалось лишь частично. П.С. Бобровский, один из руководителей Симферопольской городской думы, писал: «Я не говорю про американские пароходы, на которых беженцы пользовались всеми удобствами и даже комфортом [...] Это — иностранные пароходы, и пассажиры их — случайные счастливицы [...] Но, казалось бы, на русских судах условия эвакуации должны были быть более или менее одинаковы. Между тем на одних пароходах была грязь, давка и голод, и лишний багаж сбрасывали в море. На других же была и вода, и провиант, и разрешали брать с собой все, что угодно. [...] Все пароходы были битком набиты, некоторые оказались на полпути без воды и без угля [...] Люди стояли плечо к плечу. Я думал, что это временно, что их разместят по каютам. Но потом я узнал, что каюты были уже переполнены, и все эти люди так и доехали до Константинополя, стоя в страшной тесноте на палубе»⁶⁰.

⁵⁶ Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925—1945. М., 1992. С. 19; Ковалевский П.К. Зарубежная Россия — история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971. С. 12.

⁵⁷ Rimsha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration. 1917—1921. Jena, 1924. S. 50—51.

⁵⁸ Максудов С. Потери населения СССР в 1918—1958 гг. // Демоскоп. 2018. № 763—764, 12—25 марта.

⁵⁹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 104, 105.

⁶⁰ Как белогвардейцы бежали из России в 1920 году // Русская Семерка russian7.ru (дата обращения: 23.09.2019).

Другой очевидец событий, врач Борис Александровский, вспоминал: «Часть кораблей была совершенно не приспособлена для перевозок пассажиров. Другая часть имела поврежденные машины и двигалась со скоростью нескольких узлов. Воды в перегонных кубах не хватало и на десятую часть пассажиров, никем и никогда не предусмотренных. На кораблях воцарился режим голода и жажды. В пути люди рождались и умирали. С первого же дня плавания то с одного, то с другого корабля, груженного ранеными и тифозными больными, опускали в море трупы умерших. На “Херсоне”, “Саратове” и других крупных судах было зарегистрировано несколько рождений»⁶¹.

Покидали Россию участники Белого движения, армий Махно, Петлюры, других антибольшевистских групп и формирований. Социальный состав эмигрантов был разнообразен — офицеры и политические деятели, дворяне, предприниматели, интеллигенция, в том числе творческая, духовенство, чиновники, казаки, мещане, крестьяне. Тот же Борис Александровский вспоминал по этому поводу: «Рядом с жандармским полковником сидел на узлах и чемоданах старый земский врач с семьей, которого, может быть, еще вчера этот полковник допрашивал “с пристрастием”, в качестве обвиняемого, по очередному делу о “потрясении основ”. Около есаула Всевеликого войска Донского, еще недавно во главе сотни казаков с нагайками в руках разгонявшего толпу демонстрантов, можно было увидеть в полумраке трюма фигуру недоучившегося “вечного студента”, быть может участника этой демонстрации. Редактор архичерносотенной газетки, еще вчера призывавшей к погромам, пререкал-

ся с одесским биржевиком-евреем в битком набитой каюте, где яблоку негде было упасть. Чиновники денкинского Освага, сидя на свернутых в кормовой части палубы корабельных канатах, переругивались с бывшими репортерами эсеровских и меньшевистских газет. А я, представитель младшего поколения дореволюционной московской интеллигенции, сын врача и сам врач, стоял, тесно зажатый в сгрудившейся толпе бывших царских и белых офицеров, то есть той касты, которая во все этапы моей жизни глубоко презиралась мною и всеми моими сверстниками и соотаварищами по происхождению, образованию и воспитанию»⁶².

Эмигранты в своем большинстве не воспринимали свой отъезд как долговременный. Вышеупомянутый Александровский следующим образом вспоминал день своего бегства в эмиграцию 15 ноября 1920 г. «Последний взгляд на Севастополь, Сапун-гору, Малахов курган, Северную сторону и [...] палуба “Херсона”. Надолго ли я покидаю родную землю? В тот момент казалось — ненадолго, на каких-нибудь пять-шесть недель. Вместо этих пяти-шести недель — двадцать семь лет [...]»⁶³.

Эмигрировали в основном в страны Западной и Центральной Европы. Первый путь пролегал в государства Прибалтики и в Скандинавские страны. Второй вел в Польшу и далее в Германию и Францию. Третий шел через Турцию и далее в Балканские государства и во Францию. Особым направлением был Китай. Наиболее мощные потоки направлялись по второму и третьему пути, то есть через Польшу и Турцию. Только через Константинополь прошло более 300 тыс. эмигрантов. Размещение белой эмиграции по странам

⁶¹ Александровский Б. Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта // knigosite.org/library/read/88423 (дата обращения: 23.09.2019).

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

никогда не было стабильным. Оно зависело от ряда факторов — отношения правительств принимающих стран к Советской России, экономических условий существования, возможности существования стабильных эмигрантских диаспор, возможностей сохранения родного языка и культуры.

Постоянные перемещения эмигрантов из одних стран в другие в последующем привели к тому, что они оказались в самых отдаленных местах: в США, Канаде, в странах Латинской Америки, в Австралии, на Мадагаскаре. Однако основная масса эмигрантов проживала в европейских странах — Франции (в 1923 г. 400 тыс. человек), Германии (400 тыс.), Польше (125 тыс.), Болгарии, Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Чехословакии, Финляндии (по 50 тыс.).⁶⁴ Более-менее значительные группы эмигрантов расселились в Италии, Австрии, Бельгии, Греции, Англии, Эстонии, Латвии, Литве. Эмигранты осели также в Болгарии и Румынии.

Турция и Польша была местами транзита эмигрантов. Так, в 1920 г. в Польше насчитывалось 650 тыс. эмигрантов, а в Турции — 225 тыс., но к 1923 г. число эмигрантов в этих странах существенно

сократилось. Если в Польше все-таки сохранилась более-менее значительная диаспора, как говорилось выше, то в Турции оставалось не более 10 тыс. человек.

Вне Европы крупным центром сосредоточения был Китай⁶⁵. Общая численность русских колоний в Маньчжурии и Китае в 1923 г., когда война уже закончилась, оценивалась приблизительно в 400 тыс. человек⁶⁶. Некоторые исследователи приводят и более значительные цифры — 500 тыс.⁶⁷ В Латинской Америке эмигранты расселились в Аргентине, Бразилии, Уругвае и Парагвае⁶⁸. Известны крупнейшие эмигрантские центры — Париж, Берлин, Белград, Прага, Харбин, Шанхай, Синьцзян.

Среди эмигрантов выделяется казачья эмиграция⁶⁹. На завершающем этапе Гражданской войны эмигрировали казаки с Дона, Кубани, Волги и Терека, уральские и оренбургские казаки. Несколькое позднее эмигрировали казаки из Восточной Сибири и Дальнего Востока. Казаки, находившиеся на территории Финляндии, Польши и Прибалтики, также не вернулись в Россию. В общей сложности Россию покинули, по разным оценкам, от 250 до более 500 тыс. казаков с членами их семей⁷⁰.

⁶⁴ Мухачев Ю. В. Белая эмиграция: Численность, состав, размещение // Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР. М., 1988. С. 41—42.

⁶⁵ Мелихов Г. В. Китайская историография 90-х гг. о российской эмиграции в Китае // Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР; *Он же*. Русская эмиграция в Китае. 1917—1924 гг. М., 1997; Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М., 2015.

⁶⁶ Полян П. М. Эмиграция: Кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: Территория — расселение — миграции. М., 2005. С. 493—519.

⁶⁷ Поздняев Д. Российская Духовная Миссия в Китае в 1920—1930 гг. // История русской духовной миссии в Китае: Сб. статей. М., 1997. С. 328.

⁶⁸ Мосейкина М. Н. Историография российской эмиграции в странах Латинской Америки (конец XIX — XX век) // История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX — XX в.): Сб. статей. М., 2004. С. 229.

⁶⁹ Цурганов Ю. С. Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001; Малышенко Г. Г. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920—1945 гг.). Омск, 2006; Пеньковский Д. Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920—1945 гг.). М., 2006; *Он же*. Эмиграция казачества из европейской и азиатской частей России и ее последствия (1920—1945 гг.). М., 2009; *Он же*. Предпосылки эмиграции казачества из России // mosgu.ru/nauchnaya/publications... Penkovskiy (дата обращения: 22.09.2019).

⁷⁰ Пеньковский Д. Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920—1945 гг.): *Он же*. Предпосылки эмиграции казачества из России // mosgu.ru/nauchnaya/publications... Penkovskiy (дата обращения: 22.09.2019).

Эмиграция казачества в Европу шла через Константинополь и далее в Болгарию, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Чехословакию, а затем во Францию, Бельгию, Германию, Польшу, США, Канаду, Австралию, в страны Латинской Америки и Африки.

Число казаков-эмигрантов в Западной Европе быстро росло. Крупным центром сосредоточения казачьей эмигрантской диаспоры стал Париж. Именно во Франции была создана самая массовая общественно-политическая организация «Казачий Союз»⁷¹.

Первое время казаков-эмигрантов отпраздники в лагеря в Галлиполи, Лемносе, Чатаджинском районе, Бизерте и др. Все лагеря находились под контролем Франции. Затем казаки расселились по разным странам, причем казаки за рубежом объединялись в колонии, которые со временем приобрели черты казачьих хуторов и станиц. Казаки избирали атаманов, организовали кассы взаимопомощи, учили детей в казачьих школах и корпусах⁷².

Эмиграция казачества в Китай и Монголию имела свою специфику, так как на территории этих государств уже существовали значительные русские диаспоры, и адаптация эмигрантов проходила легче.

В эмиграции, сложившейся по итогам Гражданской войны, исследователи особо выделяют военную эмиграцию, ибо за рубежом оказалось до 300 тыс. бывших военнослужащих белых армий, других антибольшевистских воинских формирований и Императорской армии. Они составили

феномен так называемой «армии в изгнании»⁷³. Усилиями главным образом генерала П. Н. Врангеля предпринимались попытки сохранить в эмиграции ядро белой армии, костяк которой составляла его Русская армия, чтобы выступить в новый антибольшевистский поход в 1921 г. или в последующие годы. В дальнейшем эти усилия трансформировались в создание в 1924 г. ведущей организации военной эмиграции — Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) под руководством великого князя Николая Николаевича и генерала Врангеля. Альтернативной и конкурирующей с РОВС организацией в попытках консолидации вокруг себя бывших военнослужащих в эмиграции стал созданный в том же 1924 г. Корпус Офицеров Императорских Армии и Флота под руководством великого князя Кирилла Владимировича, реорганизованный в 1926 г. в Корпус Императорских Армии и Флота. Замыслы организации военного похода из-за рубежа против Советской России / СССР вынашивались лидерами этих организаций, и прежде всего РОВСа, до начала 30-х гг.⁷⁴

В условиях трансформации российской послереволюционной эмиграции в конце 1920-х — 1930-е гг. в русское зарубежье военная эмиграция составила его ядро — русское военное зарубежье⁷⁵, с действиями которого во многом и связывались надежды значительной части эмигрантов на крах СССР и возвращение на Родину. В свою очередь, действия военных эмигрантских и других антибольшевистских организаций, в том числе попытки организации тер-

⁷¹ Гаврилов А. Н. Казачья эмиграция в странах Западной Европы в 20—30 гг. XX века: Общественно-политический аспект // Вопросы казачьей истории и культуры. Ростов н/Д., 2011. С. 61—72.

⁷² Там же.

⁷³ Голдин В. И. Солдаты на чужбине: Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX—XXI веках. Архангельск, 2006. С. 20; *Он же*. Гражданская война в России и военная эмиграция 20—30-х годов XX века. Архангельск; М., 2011.

⁷⁴ Голдин В. И. Армия в изгнании: Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск; Мурманск, 2002; *Он же*. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX—XXI веках. Архангельск, 2006. С. 18—235.

⁷⁵ Голдин В. И. Русское военное Зарубежье в XX веке. Архангельск, 2007.

пора в СССР и объединения своих усилий с оппозицией здесь для свержения советской власти, вызывали крайнюю обеспокоенность руководства СССР и советских спецслужб, в деятельности которых особое место приобрела так называемая белая линия, т.е. борьба против эмиграции, ее реваншистских организаций и лидеров⁷⁶. Финалом этой борьбы стал период Второй мировой и Великой Отечественной войны⁷⁷.

Сохранились интересные статистические сведения о половозрастном и социальном составе эмигрантов. В 1919—1922 гг. отделение русского Красного Креста провело регистрацию мигрантов, проезжавших через порт Варну. Было заполнено 3554 опросных листа. Основную массу въезжающих — 92% — составляли русские. Мужчин было 73%. Возрастной состав эмигрантов был следующим: 85% в возрасте от 17 до 55 лет, в том числе 65% в возрасте от 20 до 40 лет, пожилых людей старше 55 лет — 11%, детей — 4%⁷⁸. Иными словами, это были мужчины и женщины преимущественно молодого и среднего возраста, хотя и пожилых было относительно много. Детей вывозили довольно редко, старались оставить их на родине у каких-нибудь родственников, а иногда и у нянь и домашней прислуги, поскольку боялись, что дети не перенесут трудностей жизни беженцев. И этот факт говорит о твердом намерении большинства эмигрантов вскоре вернуться домой.

Среди мужчин-эмигрантов лица интеллигентного труда составляли 59,2%, в том числе 127 студентов, 126 чиновников, 80 инженеров, 54 судебных деятеля и адвоката. Среди женщин 88% имели образование⁷⁹.

Особо следует остановиться на репатриационном движении российских эмигрантов. Еще в феврале 1921 г. из Турции вернулись в Россию 3300 эмигрантов, 30 марта пароход «Решид-Паша» увез в Россию еще около 6 тыс. человек. В том же 1921 г. более 5 тыс. человек репатриировали из Константинополя в Баку для работы на бакинских промыслах⁸⁰.

Репатриационное движение активизировалось после объявленной постановлением ВЦИК РСФСР в ноябре 1921 г. амнистии участникам белогвардейских военных организаций, в том числе армий Юденича, Деникина, Колчака, Петлюры, Врангеля и др., но распространялась только на рядовых солдат, находившихся в эмиграции в Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Румынии⁸¹. Впоследствии в 1924 г. эта амнистия была распространена на всех находящихся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае рядовых солдат белых армий⁸². Русские военнопленные и интернированные могли возвратиться в Советскую Россию через обращение в советские постпредства. Офицерам и чиновникам белых армий можно было вернуться, подав соответствующее ходатайство. Вопрос о разре-

⁷⁶ Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010; *Он же*. Генералов похищали в Париже: Русское военное Зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. М., 2016.

⁷⁷ Цурганов Ю. С. Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001; Голдин В. И. Роковой выбор: Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005.

⁷⁸ Мухачев Ю. В. Белая эмиграция: Численность, состав, размещение. С. 41—42.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Белковец Л. П., Белковец С. В. Восстановление советским правительством российского (союзного) гражданства реэмигрантов из числа участников белого движения и политических эмигрантов // Юридические исследования. 2014. № 4. С. 106—169.

⁸¹ СУ РСФСР. 1921. № 74. Ст. 611.

⁸² Белковец Л. П., Белковец С. В. Восстановление советским правительством российского (союзного) гражданства реэмигрантов из числа участников белого движения и политических эмигрантов. С. 106—169.

шении репатриации в этом случае решался в индивидуальном порядке⁸³.

С 1921 г. за рубежом стали образовываться Союзы возвращения на Родину. В Праге был издан сборник «Смена вех». Возникло так называемое сменовеховство. Часть эмиграции поддержала движение за возвращение в Россию, однако значительное число эмигрантов были настроены категорически против возвращения в Советскую Россию.

Тем не менее только в 1921 г. в РСФСР и другие советские республики вернулось 123,8 тыс. человек из эмиграции, а в целом в 1921—1931 гг. в РСФСР и СССР возвра-

тилось 181,4 тыс. человек⁸⁴. Из русской эмигрантской колонии в Китае, составлявшей почти 400 тыс. человек, не менее 100 тыс. получили в 1922—1923 гг. советские паспорта, не менее 100 тыс. человек репатриировались за эти годы в Россию. Вернулись в СССР 15 тыс. казаков⁸⁵.

Таким образом, Гражданская война сопровождалась многомиллионными людскими и общедемографическими потерями, чрезвычайно интенсивными миграционными потоками, включая Белую эмиграцию. Они имели долгосрочные демографические последствия.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Моисеенко В. М. Эмиграция и иммиграция в РСФСР (СССР) в 1920-е гг. // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1. № 1. С. 63—78.

⁸⁵ Гаврилов А. Н. Казачья эмиграция в странах Западной Европы в 20—30 гг. XX века: Общественно-политический аспект // Вопросы казачьей истории и культуры. С. 61—72.

Часть VII

КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
«В КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ»

«Культурная революция» или «культурное строительство»?

Период Гражданской войны занимает важное место в истории отечественной культуры. Ее фон оказал значительное влияние на содержание и средства утверждавшейся модели советской культуры, которая в дальнейшем характеризовалась жестким контролем со стороны государства и правящей партии, идеологизацией и унификацией духовной сферы. Но процесс ее становления не был предопределенным. Культура этого периода не представляла собой целостной статичной системы, включала множество сосуществовавших субкультур, развивавшихся по разным траекториям. Исходя из этого, не представляется возможным детально рассмотреть все многообразие культурной жизни периоды Гражданской войны, остановимся на общих тенденциях ее развития.

Сложный характер культурных процессов характеризовал российскую культуру и до революции 1917 г. События революции и последовавшей Гражданской войны еще более усложнили «культурный ландшафт». Территория России в 1917—1920 гг. контролировалась различными политическими силами, предлагавшими свое видение развития культуры. Даже в партии большевиков не было единства по вопро-

сам культуры. Как отмечает К. Аймермахер, «ни до революции, ни сразу после нее, у партии (большевиков. — *Авт.*) не было четко разработанной литературно-политической концепции»¹. Этот вывод можно распространить и на всю культуру.

Особенностью политической жизни в первые послереволюционные годы были широкие дискуссии в партии большевиков по вопросам пролетарской культуры, отношения к старой культуре, управления культурой. Исследователи использовали разные термины для обозначения основных позиций лидеров большевиков. Так, Л. А. Яшкова говорит о консерваторах (В. И. Ленин), либералах (А. В. Луначарский) и сторонниках революционного обновления культуры (Л. Д. Троцкий)². И. Е. Казанин выделяет сторонников «мягкого» курса (А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий, Н. А. Семашко, Г. М. Кржижановский, К. Б. Радек, А. К. Воронский), «жесткого» курса (Е. А. Преображенский, М. П. Томский, Г. Е. Зиновьев, А. Г. Шляпников) и центристов — прагматиков (В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, И. В. Сталин, В. М. Молотов, Ф. Э. Дзержинский)³. К. Рид отмечает утопистов, призывавших к радикальным реформам, и прагмати-

¹ Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917—1932 гг. М., 1998. С. 29.

² Яшкова Л. А. Политика РКП(б)—ВКП(б) в сфере развития художественной культуры (1917—1930 гг.). Славянск-на-Кубани, 2009. С. 7.

³ Казанин И. Е. Забытое будущее: Советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград, 2001. С. 349—350.

ков, выступавших за частичные преобразования⁴.

Лидеры большевиков не имели единого мнения по поводу содержания культурной политики. В.И. Ленин разделял мнение о закономерности партийного руководства всеми сферами развития нового общества, в том числе и духовной. Л.Д. Троцкий, напротив, считал, что «искусство — не та область, в которой партия призвана командовать»⁵. Позиция Н.И. Бухарина занимала промежуточное положение: «Партия должна намечать общую линию, но нам нужна все-таки известная свобода движения внутри этих организаций»⁶.

Сущность и содержание культурно-исторического процесса рассматриваемого периода обозначались понятиями «культурная революция» и «культурное строительство». Авторство первого термина принадлежит В.И. Ленину, который ввел его в общественно-политический оборот в работе «О кооперации». Интересным представляется замечание Т.П. Коржихиной о том, что сами большевики вкладывали в это понятие разное содержание в различные периоды⁷. Для В.И. Ленина цель «культурной революции» была жестко функциональной и состояла в подъеме общеобразовательного и культурного уровня масс с целью ликвидации неграмотности, осуществления всеобщего образования, резкого подъема культурно-технического уровня рабочих и крестьян, создания социа-

листической литературы и искусства, формирования советской науки, строительства советской школы и новой системы просвещения, выращивания и воспитания народной социалистической интеллигенции, возрождения национальных культур⁸.

Другой смысл «культурной революции» состоял в решительном преодолении остатков «буржуазности» (старой культуры, традиций и т.п.) «с активной заменой их материалистической революционной идеологией со строго выраженным коммунистическим содержанием»⁹. Кроме ряда лидеров большевиков этой позиции придерживались некоторые деятели культуры, особенно левых течений¹⁰; она же была характерна и для идеологов Пролеткульта¹¹.

Разногласия в партии большевиков касались не только смысла «культурной революции», но и ее темпов. П. Дьюкс отметил, что понятия «культура» и «революция» содержательно противоречат друг другу, ибо культура предполагает медленное, эволюционное движение, а революция — быстрое, внезапное, но считал возможным примирить их «в рамках долгой революции»¹². Ш. Плаггенборг обратился к теме разного понимания феномена «культурной революции» в первые послереволюционные и последующие годы. В первом случае решалась задача революционизации умов, фундаментальной перестройки мышления, во втором — изменение «культурного ландшафта» (школа, наука, техника, искусство)¹³.

⁴ Reed C. Bolshevik Cultural Policy // Critical Companion to the Russian Revolution. 1914—1921. L., 2001. P. 492—493.

⁵ Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С. 170.

⁶ О политике партии в художественной литературе: Протоколы совещания // Судьбы русской интеллигенции. Новосибирск, 1991. С. 71.

⁷ Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М., 1997. С. 19.

⁸ См.: Ермаков В.Т. Исторический опыт культурной революции в СССР. М., 1968. С. 33.

⁹ Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! С. 19.

¹⁰ См.: Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Л., 1991.

¹¹ См.: Богданов А.А. Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса. М., 1920; Он же. О пролетарской культуре. М.; Л., 1925; и др.

¹² Culture and Revolution / Ed. by P. Dukes and J. Dunkley. L., 1990. P. 1 (Preface).

¹³ Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 30—31.

Было предложено и компромиссное видение проблемы: Октябрь 1917 г. открыл новый смысл культуры — для трудящихся это был «рабочий инструмент» в деле создания новой общественной жизни, форма осмысления их собственных классовых интересов и перспектив, проблем и противоречий¹⁴. Однако «низовая» практика «культурной революции» явила противоположную линию — на разрушение культурных ценностей и репрессий в отношении деятелей культуры¹⁵.

Специфика культурной политики большевиков тогда состояла в существовании двух линий, которые обозначились уже на этапе относительно мирного периода революции (конец 1917 г. — середина 1918 г.). Одна линия была представлена демократическими преобразованиями — естественным выражением революционных устремлений широких социальных слоев населения и способом утверждения авторитета новой власти (уничтожение сословий, провозглашение свободы совести, реформы в области народного образования, внешкольного просвещения и т.д.). Это способствовало вовлечению народных масс в культурную жизнь. Вторая линия — антидемократическая («Декрет о печати» 27 октября 1917 г., направленный на ликвидацию антибольшевистской печати, сворачивание автономии университетов и т.д.). Власть заявила о себе как о диктатуре с присущей ей ориентацией на монополию и использование силы¹⁶. Судьба этих тенденций решалась именно в годы Гражданской войны.

«Политика военного коммунизма, — полагает известный исследователь истории

интеллигенции и культуры В.Л. Соскин, — основательно перекроила и культурную организацию, и содержание культурной работы, и ее методы»¹⁷. Военно-коммунистическая идеология проникала в культуру, которая, в свою очередь, с помощью присущих ей профессиональных средств способствовала распространению этой идеологии. Во время войны произошло обесценивание личности, под угрозу была поставлена сердцевина культуры — ее гуманистическая сущность. В духовном наследии военного коммунизма был заключен комплекс причин, деформировавших дальнейший ход культурного строительства, вызвавших слом его демократической составляющей. В условиях Гражданской войны усилилось государственное вмешательство в сферу культуры — в связи со специфическим стилем жизни, с правилами иерархического поведения, командными принципами, привнесенными из военной среды¹⁸.

Как отмечала Л.А. Булавка, «политизация и бюрократизация культурного творчества порождали жесткие и мучительные конфликты в культурной среде»¹⁹. Т.П. Коржихина акцентировала внимание на усилении контроля за общественными организациями (союзами, обществами, группами, ассоциациями) творческой интеллигенции²⁰. К. Аймермахер указал на неоднозначность партийного руководства культурой: наряду с «голым диктатом» власть «достаточно тонко использовала выгодные для себя самостоятельные импульсы “снизу”»²¹.

Неоднозначность, противоречивость характеризовали политику большевиков в от-

¹⁴ Булавка Л. Феномен советской культуры. М., 2008. С. 35.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Соскин В.Л. Советская тоталитарная культура: У истоков. 1917—1920 гг. Екатеринбург, 1995. С. 13.

¹⁷ Он же. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. (Конец 1917 — начало 1921 гг.). Новосибирск, 1965. С. 30.

¹⁸ Соскин В.Л. Советская тоталитарная культура: У истоков. 1917—1920 гг. С. 19.

¹⁹ Булавка Л. Феномен советской культуры. С. 35.

²⁰ Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны!

²¹ Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917—1932 гг. М., 1998. С. 57, 64.

ношении интеллигенции. Не было и единого подхода к самому определению этого понятия. Представители первого подхода (А. Б. Залкинд, С. Я. Вольфсон) предлагали квалифицировать интеллигенцию как разновидность рабочего класса, но закрепленную за особым видом общественно-полезного труда. Сторонники второй позиции (Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский) относили ее к непростарским, средним слоям. Выразители третьей позиции (В. И. Ленин) видели у каждого класса свою интеллигенцию. Дискуссии в историко-партийной литературе призваны были способствовать выработке политики в отношении этой социальной группы.

В. И. Ленин исходил из тезиса о существовании трех слоев интеллигенции: буржуазной, которая не приняла революцию, мелкобуржуазной, которая колебалась, и пролетарской, которая стала союзником пролетариата. Эта идея предопределила политику большевиков по отношению к интеллигенции: диктатура пролетариата уничтожала враждебные верхи интеллигенции, боролась за мелкобуржуазную середину и привлекала на свою сторону полупролетарские и пролетарские низы; сама интеллигенция в процессе строительства социализма должна была стать социалистической.

В методах политики большевиков в отношении интеллигенции можно выделить три основные позиции. Первая исходила из признания ведущими методами большевиков убеждение и перевоспитание; вторая — методы насилия; третья рассматривала сочетание «мягких» и «жестких» мер.

Соотношение мер зависело как от объективных, так и от субъективных причин. К первым можно отнести сложности переходного периода, продолжительность

Гражданской войны, оппозиционность части интеллигенции к большевистскому режиму. Ко вторым — привнесение личностного начала в отношения с интеллигенцией, уровень образованности политиков, степень их толерантности, выдержку, умение вести дискуссию. «Жесткий» курс предполагал усиление административного и идеологического вмешательства, контроль за профессиональной и общественной деятельностью, обвинение в оппозиционности, настрой общественного мнения и т. д. III. Фицпатрик отмечала дискриминацию и принуждение, игнорирование культурных традиций, засилье пролетарских культурных учреждений, невнимание к потребностям государства в технических специалистах²². «Жесткие» меры можно подразделить на меры материального и морального давления, меры, ограничивавшие свободу творчества, и меры по перевоспитанию. «Мягкие» меры предусматривали привлечение интеллигенции к участию в культурной и общественной жизни, материальную поддержку, сохранение в определенных границах свободы творчества и т. д. Если в первый год революции преобладал «жесткий» курс, то с началом Гражданской войны элементы «мягкого» курса действовали все более активно, при сохранении ведущего положения «жестких» мер. Многие исследователи отмечают изменение как в настроенной интеллигенции по отношению к новой власти, так и в политике большевиков по отношению интеллигенции в сторону «мягкого» курса²³.

В годы гражданского противостояния все больше представителей интеллигенции шло на сотрудничество с советской властью. Данный тезис вместе с тем не означал принятия большевистской идеологии. Сотрудничество с новой властью советская

²² Fitzpatrick S. The soft line in culture and its enemies. Soviet cultural policy 1922—1927 // Slavic review. Vol. 33. 1974. P. 270.

²³ Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лег: Историкографические процессы. Мурманск, 2012. С. 106.

историография, как правило, объясняла эффективностью политики большевиков; в эмигрантской литературе подчеркивался вынужденный характер такого поведения²⁴. Новейшая российская историография обращает внимание на мотивы прихода интеллигенции на службу в советские учреждения (помимо материальных проблем) — патриотизм, профессиональную этику, демократические традиции²⁵. В зарубежной историографии большое внимание уделялось субъективному фактору — степени терпимости большевиков и руководителей советской власти в центре и на местах к интеллигенции²⁶.

Наряду с крайними позициями выделяются новые, например, миротворчество

в активной и пассивной формах²⁷. Интеллигенция стремилась продолжать свою профессиональную деятельность при разных политических режимах; благодаря этому и художественная, и научная жизнь продолжались.

Период Гражданской войны представляет особый интерес с точки зрения выявления альтернатив развития отдельных сфер культуры, к примеру, в сфере образования. Красные делали ставку в первую очередь на воспитание нового человека через систему образования; белые указывали на роль культуры как основы русской государственности. Общим было понимание: хозяйственные и военные задачи не должны мешать развитию системы образования.

Управление сферой культуры органами советской власти и антибольшевистских правительств

Управление художественной жизнью в годы Гражданской войны на территории Советской России осуществлял Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос). В его составе были созданы отделы, курировавшие управление отдельными сферами культуры: литературно-издательский отдел (ЛИО), отдел изобразительных искусств (ИЗО), театральный отдел (ТЕО). В 1920 г. в составе Наркомпроса был создан отдел Главполитпросвета, возглавивший идеологическое руководство искусством. Специальный орган, сосредоточивший партийное руководство всеми сферами духовной культуры, появился в 1920 г. — Отдел агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) (Агитпроп)²⁸. ЛИО выполнял роль Государственного из-

дательства, целью которого было «дешевое народное издание русских классиков». За 1917—1919 гг. ЛИО вместе с другими отделами Наркомпроса выпустил около 330 книг тиражами от 50 до 100 тыс. экз.²⁹

ТЕО Наркомпроса окончательно оформился в августе 1919 г., после подписания В.И. Лениным Декрета «Об объединении театрального дела»³⁰. В его задачи входило руководство театральной сферой, создание нового революционного театра, нового репертуара. Жизнь театра в годы Гражданской войны была наполнена и творческим поиском, и организационными проблемами: театр рассматривался как средство идеологического воздействия на малограмотного зрителя, и первостепенное значение

²⁴ Штерн С. В огне гражданской войны. Париж, 1922.

²⁵ Казанин И.Е. Забытое будущее: Советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград, 2001. С. 344.

²⁶ Fitzpatrick S. The Civil War as a Formative Experience // *Bolshevik Culture*. [Bloomington], 1989. P. 72—73.

²⁷ Купцова И.В. Художественная интеллигенция России: (Размежевание и исход). СПб., 1996. С. 58.

²⁸ Шульгин В.С., Кошман Л.В., Зезина М.Р. Культура России IX—XX вв. М., 1999. С. 250.

²⁹ Соскин В.Л. Советская массовая культура: У истоков (1917—1927 гг.). Новосибирск, 2001. С. 158.

³⁰ Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 69—73.

приобрел репертуар. При ТEO Наркомпроса была создана специальная репертуарная секция во главе с А. Блоком с целью подбора репертуара для театров, студий, кружков. Репертуарная секция составляла и публиковала рекомендательные списки пьес с упором на классику и с «поправками» на пьесы острого социального звучания³¹.

Центральным для развития театров в годы Гражданской войны стал вопрос об их автономии. Достигнутая при Временном правительстве, она сохранялась и в первые годы советской власти. В феврале 1918 г. сформировался Театральный Совет, куда вошли представители театральных трупп. В марте 1918 г. был принят «Устав автономных государственных театров», в котором отмечалось право государства на контроль в финансовых вопросах и в делопроизводстве. Трудности военного времени и утверждение военно-коммунистической тенденции на национализацию привели к национализации театров в 1919 г.

Задачами отдела ИЗО были социализация и демократизация искусства, подготовка широких масс к восприятию эстетических ценностей, художественное воспитание. Руководителями и сотрудниками Отдела в большинстве были представители «левых» течений (Д. Штеренберг, Н. Альтман, В. Татлин и др.). Отдел ИЗО курировал художественное образование (за 1918—1921 гг. количество художественных учебных заведений увеличилось почти в 10 раз³²), издание художественных газет и журналов, создание музеев, организовывал выставки.

В годы Гражданской войны одним из основных направлений культурной политики стали агитация и пропаганда, ярким примером которой были агитационные поезда, красноармейские театры и т. п. Свидетель-

ством использования искусства в политических целях стал декрет 14 апреля 1918 г. «О памятниках республики», известный как «ленинский план монументальной пропаганды»³³.

Как и в Советской России, управление культурой в антибольшевистских правительствах, как правило, возлагалось на орган, курировавший просвещение. При Центральной Раде в июне 1917 г. был создан секретариат Просвещения, а в явваре — министерство просвещения Украинской народной республики. При Деникине были организованы ведомство народного просвещения, учебные округа. В 1919 г. было сформировано Управление народного просвещения при Особом совещании при главнокомандующем вооруженными силами Юга России. Ведомства народного образования Дона, Кубани, Тереса занимались в основном школами. В отдельных случаях создавались специальные органы по управлению искусством: в начальный период гетманщины руководящим органом в области искусства была Генеральная Рада искусства, а на местах — губернские рады.

В 1918 г. было создано Главное управление по делам искусств и национальной культуры³⁴. В августе 1918 г. по приказу атамана П. Краснова возник отдел народного призрения, труда и искусства на основе культурно-просветительского отделения осведомительного отдела при Правительстве Всевеликого войска Донского с целью религиозно-нравственной, трудовой и эстетически-культурной помощи всем нуждающимся. Функции этих структур были схожи: надзор за публичными зрелищами, печатной продукцией, контроль за уплатой налогов и пропаганда. Для выполнения последней функции создавались осведомительные

³¹ Соскин В. Л. Советская массовая культура: У истоков (1917—1927 гг.). С. 140.

³² Там же. С. 153.

³³ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 95, 96.

³⁴ Еремеева А. Н. «Под рокот гражданских бурь...» (Художественная жизнь Юга России в 1917—1920 годах). СПб., 1998. С. 72, 73.

отделы и бюро. Крупнейшим пропагандистским центром был деникинский ОСВАГ — осведомительное агентство (занимался делами цензуры, инспекцией периодических изданий и типографий). На местах действовали региональные органы ОСВАГа. При Врангеле ОСВАГ был расформирован, на его основе было создано пресс-бюро; при штабе Добровольческой армии существовало агитационно-информационное бюро.

Сходство методов управления искусством у красных и белых состояло и в том, что создавался централизованный орган управления, и в том, что главная роль искусства виделась в его пропагандистском потенциале. «Власти стремились направить течение художественной жизни в такое русло, в котором бы она стала символом если не идеологических постулатов, то стабильности нового строя»³⁵.

Культурное развитие в годы Гражданской войны не сводилось к осуществлению правительственной политики: «От общества — организаций научной и художественной интеллигенции, редакций периодических изданий, различных кружков и пр. — исходили проекты и конкретные действия, направленные на спасение культурных ценностей, открытие новых очагов культуры, на вовлечение в культурную орбиту низовых слоев населения»³⁶.

Важно отметить изменившуюся географию художественной жизни. В силу миграционных процессов военно-революционного времени произошло перераспределение интеллектуальных сил, «рассеивание» их из столиц в провинцию. В Сибири оказались писатели А. М. Ремизов,

С. С. Кондурушкин, А. Н. Толстой, Л. В. Лесная, Н. В. Крандиевская, С. А. Ауслендер, М. Л. Моравская, Н. Ф. Олигер, художник Д. Д. Бурлюк и др. На юг приехали Н. А. Тэффи, Н. Н. Евреинов, И. Г. Эренбург, О. Э. Мандельштам, М. А. Волошин, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, И. Я. Билибин, С. Ю. Судейкин, Е. Е. Лансере и др.

Отток художественных сил начался в середине 1918 г. Среди причин миграции называют «голод, мизерные по сравнению с ценами на продовольствие гонорары за разовые выступления, пошатнувшаяся уверенность в кратковременности большевистского правления, разгон Учредительного собрания, закрытие “буржуазных” органов печати, в том числе литературно-художественных журналов, ряда учреждений искусства»³⁷.

Вторая особенность связана с тем, что художественная жизнь в годы Гражданской войны развивалась не менее интенсивно, чем до революции. Современник писал: «И в этой воспаленной атмосфере — страшный, на первый взгляд, жадный, страстный интерес к искусству. Вернисажи, поэтические турниры, литературные вечера»³⁸. О том же говорит Т. П. Коржихина, указывая, что в годы Гражданской войны каждый город в России превратился в Афины, где без конца писали и читали стихи, решали коренные философские вопросы, создавали театры и т. п.³⁹

Активно развивалось театральное искусство. В годы Гражданской войны возросла текучесть состава актеров. Сильные труппы сложились в Киеве, Саратове, Нижнем Новгороде, Казани, Одессе, Во-

³⁵ Еремеева А. Н. «Под рокот гражданских бурь...» (Художественная жизнь Юга России в 1917—1920 годах). С. 86.

³⁶ Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: Очерки истории. Новосибирск, 2006. С. 11.

³⁷ Еремеева А. Н. «Под рокот гражданских бурь...» (Художественная жизнь Юга России в 1917—1920 годах). С. 58.

³⁸ Цит. по: Сизов С. Г. Культурный процесс Белого Омска (1918—1919) // Сибирь — Евразия: Труды I Междунар науч. конгресса. Т. 1. Новосибирск, 2017. С. 151—158.

³⁹ Коржихина Т. П. Извольте быть благонадежны! С. 35.

ронже, Ярославле, Иркутске⁴⁰. Финансовые сложности, неразвитость культурной инфраструктуры привели к преобладанию театра малых форм. И если в Советской России устанавливается контроль власти над театрами и предпринимаются попытки создания «нового революционного искусства», то в колчаковском Омске в основном присутствовала прежняя культурная традиция⁴¹. С другой стороны, продолжались гастролы театральных и цирковых артистов, проходили показы новых кинофильмов. Наиболее популярными формами проведения досуга были кино, театр, цирк, бега, игравшие большую роль в психологической реабилитации населения.

Третьей особенностью художественной жизни в годы Гражданской войны был эстетический плюрализм, творческая полемика различных направлений, доставшихся в наследство от культурного многообразия «серебряного века». Экстремальные коллизии ломки традиционного уклада жизни «удивительно благотворно воздействовали на процесс творчества. Это был период пробуждения творческих сил, раскрепощения мысли, смелых новаторских поисков, возникновения большого количества новых творческих союзов, ассоциаций и групп»⁴².

Немецкий исследователь Ш. Плаггенборг отмечал многообразие культурных проектов и практик, подчеркивал прогрессивный характер культурных преобразований и то, что, несмотря на политическую изоляцию от Западной Европы, русская

советская культура развивалась в русле европейской традиции⁴³. Допущение такого культурного плюрализма можно объяснить поддержкой новой власти их представителями. Это справедливо в отношении авангарда: представители этого течения надеялись, что революция социальная поддержит революцию в искусстве, поэтому в большинстве не только приняли революцию, но и активно сотрудничали с большевиками, получив возможности реализовать свои идеи ради привлечения масс к своему творчеству и к идеям большевиков. Так, на деле воплощались пропагандистские функции искусства, необходимые правящей партии.

До начала 1920-х гг. художники авангарда колебались между двумя позициями: «марксистской», с ориентацией на государство, и «анархической», с идеей своего мироустройства⁴⁴. В первые годы советской власти авангард сформировал специфический тип художественно-политического дискурса, где художественное произведение оценивалось как политическое решение, и наоборот, каждое политическое решение оценивалось исходя из эстетических последствий⁴⁵.

Плюрализм проявился не только в эстетическом многообразии, изменилась морфология культуры: все более важные позиции занимает массовая культура. 1917 год ознаменовал новый этап в развитии массовой культуры, изменив ее место «в результате революционной ломки устойчивого баланса популярных субкультур»⁴⁶.

⁴⁰ Соскин В. Л. Советская художественная культура (1917—1927 гг.): Социально-политический аспект. Ч. 1. Новосибирск, 2002. С. 138.

⁴¹ Там же.

⁴² Ушаков А. И. Советская российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России. М., 2004. С. 198.

⁴³ Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.

⁴⁴ Яшкова Л. А. Политика РКП(б)—ВКП(б) в сфере развития художественной культуры (1917—1930 гг.). Славянск-на-Кубани, 2009. С. 43.

⁴⁵ Там же. С. 77.

⁴⁶ Лебедева В. Г. Судьбы массовой культуры в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2007. С. 175.

Расширилось художественное пространство массовой культуры за счет неэстетических объектов, переноса деятельности художника на площади и улицы, увеличилось количество потребителей массовой культуры. В ее активизации оказались заинтересованы власти, отводившие массовой культуре роль не только пропагандиста и агитатора, ретранслятора политического мифа, но и активного участника процесса формирования репрезентативного образа, формы коммуникации власти и общества. Это особенно наглядно проявилось в организации праздников — революция породила тягу простых людей к участию в театрализованных представлениях, шествиях, митингах. Н. К. Крупская отмечала присутствие в них «естественной революционной театральности, которая с помощью искусства как резонатора, усиливающего все коммунистическое, все коллективистское,

бодрое, все прекрасное, рождает новое образное, именно документально-художественное действо»⁴⁷.

В первые годы революции для массовой культуры были характерны эстетический плюрализм, символическая размытость и отсутствие идеологической цельности, активный диалог с другими культурами. К концу Гражданской войны характер и содержание массовой культуры меняются, — во многом за счет сворачивания свободы творчества.

Гражданскую войну можно назвать точкой бифуркации в развитии отечественной культуры, переходным этапом от модели «серебряного века» к модели советской культуры. «Война помогла большевикам, она спрессовала процесс формирования нового типа культуры, дала поводы для его ускоренного развития, заострила до крайности идеологическую и политическую составляющую культуры»⁴⁸.

Политико-культурный «ландшафт» Гражданской войны

«Культурное измерение» Гражданской войны в России наиболее наглядно интегрируется ее политико-культурной спецификой как производным от суммы идейно-политических, социально-экономических, духовных, стилистических, психологических перемен в жизни социума. «Родовые», унаследованные от прежних эпох культурные черты, и новые, рожденные в котле революции свойства, причудливо синтезировались в ходе культурной инструментализации властью военного опыта 1918—1922 гг., создав

на время яркий, противоречивый, наполненный энергией (и созидания, и разрушения) образ страны и общества на заре новой эпохи. Стартовые — военно-революционные — особенности культурогенных процессов в ходе создания новой советской реальности не могли не предопределить особенности отечественной политической культуры⁴⁹ в годы вооруженного гражданского противостояния, часто трактуемого как острейший момент проявления традиционного «раскола» российской цивилизации⁵⁰.

⁴⁷ Крупская Н. К. Пролетарская идеология и Пролеткульт // Крупская Н. К. Основы политико-просветительной работы. М., 2014. С. 116.

⁴⁸ Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: Очерки истории. Новосибирск, 2006. С. 31.

⁴⁹ Интегральное понимание политической культуры восходит к определениям американских исследователей Г. Алмонда и С. Вербы, сделавших в 1960-х годах вывод о том, что каждая политическая система поконится на своеобразной структуре ориентаций относительно политического действия (Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4. С. 117—134).

⁵⁰ Об алгоритме воспроизведения подобного «раскола» см.: Булдаков В. П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М., 2007.

Задача политико-культурного осмысления явлений в каждом случае состоит в выявлении интегрального характера социопсихического, интеллектуального, идейного, духовного реагирования на острейшие вызовы истории. Это «человеческое» измерение культурных коллизий Гражданской войны составляет объект повышенного внимания исследователей в последние десятилетия. Подобный взгляд на интерпретацию культурной проблематики отмечает — как признак времени — В. И. Голдин, подчеркивая важность осмысления вековых традиций раскола в российской истории и соотношения их с историческими реалиями начала XX в. Ибо на этом пути существует «возможность приращения знаний об истории человека и общества в переходную и экстремальную эпоху ломки традиционных и формирования новых ценностей, жизни “на краю” или “за краем” возможного»⁵¹.

Представление о политической культуре постреволюционного времени все чаще формулируется в терминах «транзита», «переходного времени», «синтеза старого и нового»⁵². Монологичность политической культуры Руси — России — СССР⁵³, означающая отсутствие исторически укорененной привычки к диалогу — как между властью и обществом, так и внутри социума — в годы революции и Гражданской войны до известных пор растворилась в многоголосии «улицы», криках «толпы», призывах новых лидеров, появлении воз-

можностей волеизъявления масс и их прямого участия в решении своей судьбы.

На российском политико-культурном «ландшафте» столкнулись тогда более, чем две системы ценностей — сведение глубины кризиса лишь к «красно-белой» оппозиции упрощает картину гражданского противостояния. Множественность «времен» и укладов, в которых одновременно жили народы, этносы, социальные слои распавшейся Российской империи, формировали конфликтную, внутренние кризисную систему политико-культурных ориентиров⁵⁴. Политико-культурные типы, последовательно сменявшие друг друга в ходе цивилизационного развития Запада (архаический, патерналистский, подданныческий, культура гражданского участия и пр.), сосуществовали в начале XX в. на пространстве российской цивилизации. «Скрепки» имперского универсализма, до поры поддерживавшие жесткую, но недостаточно гибкую для эпохи кризиса иерархию общественных ценностей, растворились в «котле» революции, а новые пока лишь формировались. Носители различных, упомянутых выше политико-культурных типов по-разному видели цели и способы слома старой власти, а также последующие политические задачи.

У общества, обделенного опытом реального политического представительства и соучастия в управлении государством, но при этом насквозь пропитанного философско-романтической озабоченностью «судьбами

⁵¹ Голдин В. И. Гражданская война в России и на Русском Севере: Поиски новых методологических подходов в изучении и перспективы исследования // Европейский Север в судьбе России. XX век. Мурманск, 2006. parfu.ru/university/library/books/1896.pdf (дата обращения: 03.03.2019).

⁵² [Петров Ю. А.] Послесловие // Российская революция 1917 года: Власть, общество, культура. М., 2017. Т. 2. С. 568.

⁵³ Тема монологичности политической культуры России стала предметом многолетней дискуссии среди западных историков во второй половине 1980-х годов в связи с публикацией работы американского исследователя Эдварда Киннана. Суть его позиции: политическая культура Руси — России — СССР отличается постоянством — функциональной «закрытостью» от внешнего мира. Власть общается с обществом лишь в режиме монолога, не ища «обратной связи»; это политическая культура-интроверт («silent Muscovy»), любые внешние изменения ставящая себе на службу (см.: Keenan E. Russian political folkways // Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 115—181).

⁵⁴ Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 2010. С. 417.

Отечества», способом политического общения в условиях гражданского противостояния становился язык образов, эмблем, символов и метафор. Что уж говорить о народных массах, со свойственными им финалистскими, эсхатологическими настроениями, преобладанием коллективистских и эгалитаристских идей, предпочитавших рациональным ценностям правосознания концепты «справедливости», «воли», «правды». Прибавим к этому своеобразное «манихейство» (жесткое, непреодолимое разделение Добра и Зла), укорененное в ментальности российского социума, и мы получаем картину глубокой политико-культурной фрустрации, подвижности смыслов и быстрой ротации поясняющих стратегий, на фоне которых революционной власти в центре и на местах приходилось в годы Гражданской войны утверждаться в таком качестве.

В этом контексте подлинной находкой большевистских стратегий стало создание рациональных маркеров советской идентичности на основе нового прочтения старых (зачастую внерациональных) политико-культурных смыслов. Широчайшие трактовки прежних понятий «народа» и «долга перед народом» эффективно преобразовывались в «миссию пролетариата», а милленаристские настроения традиционного сознания — в риторику «светлого коммунистического будущего». Работая отныне не на разрушение прежней власти, а на укрепление новой, эти установки требовали символической, метафорической «упаковки», лишь подкреплявшей новую мифологизацию общественного сознания. Поразительно то, насколько традиции веры в верховную власть, готовность в мобилизационном режиме следовать ее установкам, опора на собственные силы и ресурсы, питающие изоляционистские настрое-

ния — все эти достаточно архаические свойства традиционной российской политической культуры — эффективно подпитывали модернизаторские стратегии партии большевиков.

Между тем современные исследователи отмечают и то обстоятельство, что стремление людей превратиться из объектов в субъекты культурного (и политического) действия — вопреки обстоятельствам Гражданской войны — сдетонировало беспрецедентным взрывом культурных инициатив, вдохновивших рабочих на учебу, творчество, добавив им чувство уверенности в себе, вдохновляя на независимость и самореализацию. «И в этом смысле, — делает примечательный вывод американский исследователь П. Херлингер, — Гражданская война была для культуры в меньшей степени войной, а, скорее, мирным периодом. Да и революция как культурный процесс была не столько временем радикальной трансформации, сколько периодом транзита и освобождения, отмеченных в равной степени экспериментаторством и консерватизмом (вкусов, восприятия). Для рабочих, как и для большевистского государства, война в сфере культуры — по вопросам власти, идентичности и повседневного поведения — еще только предстояла в будущем»⁵⁵. Однако небывалый накал общественного активизма, казалось бы, свидетельствующий о переформатировании политико-культурных характеристик российского социума, к концу Гражданской войны сходит на нет: государство начинает играть все большую роль в руководстве развитием культуры⁵⁶.

Трудно не согласиться с мнением, что непомерно высокая человеческая цена, которую в XX в. заплатила Россия за революционный эксперимент, во многом стала следствием того, что прежняя культурная,

⁵⁵ Herrlinger P. Worker Culture(s) during War and Revolution. 1914—20 // Russian Culture in War and Revolution. 1914—22. Bloomington, 2014. Book 1. P. 83.

⁵⁶ Cohen A. J. The Feast in Time of Plague: The Russian Art World, Easel Painting, and the Life Experience of War and Revolution. 1914—1922 // Russian Culture in War and Revolution. 1914—1922. Book 1. P. 133.

государственная и политическая элита, равно как и носители «белой идеи», не справилась с исторической задачей актуализации культурных ценностей, с переводом смыслов традиционной аксиологии патриархального общества на язык цивилизации модерна⁵⁷. Жесткие действия новой власти (в том числе и в области своего «культур-

ного проекта») были этически травмирующим, но исторически неизбежным ответом на реальные, назревшие вопросы российской действительности⁵⁸. Все дело в том, чтобы на конкретных примерах увидеть, как складывались политико-культурные элементы «красного» проекта, проверявшиеся горнилом Гражданской войны.

Культурные интерпретации феномена политического лидерства

Политическая культура, как характеризующий эпоху способ реагирования на ее вызовы, обладает рядом маркеров, позволяющих наглядно увидеть степень новизны происходящего. Из всего многообразия подобных маркеров позволим себе остановиться лишь на некоторых, отражающих современное видение политико-культурного своеобразия эпохи. Среди них — новая природа феномена лидерства в контексте «военизации жизненных миров»⁵⁹, обновление языка политической символики⁶⁰, перемены в риторике и стилистике образа врага⁶¹.

Одной из «площадок», на которых в ходе событий 1918—1922 гг. проявлялись политико-культурные коллизии и новации, была сфера исторических аналогий. Яркий пример — вписывание

революции 1917 г. и Гражданской войны в мировой контекст военно-революционных эпох и более всего — Великой Французской революции. Революционная власть в России, часто апеллируя к событиям во Франции⁶², использовала порожденные тогдашним временем культурные образы, риторику и символику эпохи революционного террора и гражданского противостояния.

Эта особенность политико-культурного самоощущения «красных» откладывалась и на их восприятие угроз внешних и внутренних: «Большевики во многом жили в мире образов Французской революции. Отсюда страх термидора и Бонапарта»⁶³. «Бонапартистская» метафорика как аспект культурного своеобразия Гражданской войны в России придавала особый

⁵⁷ Антоненко С. Г. Духовная составляющая кризиса 1917 года: Грани, факторы, тексты // Российская революция 1917 года: Власть, общество, культура. М., 2017. Т. 2. С. 425—455.

⁵⁸ По мысли А. Г. Вишневого, «при всей невероятности масштабов долговременного “красного террора”, нельзя поручиться, что “белый террор” был бы более умеренным... Белым победителям пришлось бы опираться на те же социальные слои, на которые опирались и красные, а параноики были не только у большевиков» (Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 2010. С. 320).

⁵⁹ См.: Нарский И. В. Первая мировая и Гражданская войны как учебный процесс: Военизация жизненных миров в провинциальной России (Урал в 1914—1921 годах) // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 179.

⁶⁰ См.: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2012.

⁶¹ См.: Баратов П. Н., Филиппова Т. А. Великая война и Великая революция в русской журнальной сатире. М., 2017. С. 270—303.

⁶² См.: Секиринский С. С. Наполеон в России: Судьба легенды // Российская история. 2012. № 6. С. 143—157.

⁶³ Посадский А. Гражданская война: Новый взгляд // Между канунами: Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2011. С. 1127.

окрас феномену военно-политического лидерства эпохи⁶⁴.

Отметим, что причудой времени стала политико-культурная ситуация, при которой новое, демократическое лидерство базировалось не только на европейской, «нововременной» традиции, но и на архаичной по сути потребности любить вождя (правителя, победителя). И если феномен революционного «вождизма» на примере крупных культовых харизматиков эпохи — Ленина, Троцкого, Сталина и др. — всегда был характерной темой историописания Гражданской войны, то интерес к специфике лидерства «среднего звена», полевых командиров и атаманов — в значительной степени отличительный признак постсоветского времени. Подобные культы имели, по наблюдению исследователей, военное происхождение и были милитаристичны по сути; не удивительно, что их подкрепляли проявления ксенофобии, идеологическая вражда и образы «коварных заговорщиков»⁶⁵. Этим своеобразием массового сознания большевики воспользовались в целях эффективной политической мобилизации: новые политические, культурные, ментальные и идеологические формы внедрялись в массовую среду, сплавляясь со структурами патриархального сознания⁶⁶.

Однако аналитический взгляд на эту тему выявляет здесь и поле культурных интерпретаций угрозы (реальной и мнимой) раннесоветскому режиму со стороны популярных в массах советских военачальников.

А момент становления феномена, в современной литературе получивший название «советского бонапартизма» эпохи Гражданской войны⁶⁷, становится знаковым элементом проблематики политико-культурного менталитета новой власти. Череды «полевых командиров» — красных «бонапартов» разных идейных оттенков — в подобной «оптике» предстает изрядно мифологизированным, но от того не менее пугающим объектом страхов, возникавших у большевистского руководства именно на почве культурных аналогий. В каждом конкретно-историческом прецеденте остается выявить, в какой мере за тревогой новой государственной элиты стояли «свежие», актуальные угрозы эпохи Гражданской войны, в котле которой возникали, закалялись и бесследно исчезали буйноголовые атаманы (вспомним, к примеру, колоритные фигуры М. А. Муравьева и Н. А. Григорьева). А в какой — эти страхи отражали лишь структуры исторической памяти, в «культурных депо» которой образ Бонапарта отложился архетипическим воплощением столетних фобий, филий и маний, характерных для разных направлений российского общественной и государственной мысли.

Представляется, что большевистское руководство в меняющихся обстоятельствах 1918—1922 гг. страшила опасная амбивалентность феномена в восприятии его разными слоями и категориями людей. С одной стороны, героико-романтические коннотации образа воина-победителя, славного пол-

⁶⁴ См.: Филиппова Т. А. «Осмеян прозвищем героя...»: Призрак «советского бонапартизма» в реальности Гражданской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Вып. 4 (20). URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000616—6—1> (дата обращения: 25.11.2014); Она же. «Конфисковать революцию в свою пользу»? К вопросу о феномене «советского бонапартизма» // Вестник Тверского ун-та. Сер. История. 2014. № 1. С. 39—57; Она же. «Заменитель Наполеона»: К вопросу о дефинициях «советского бонапартизма» // Там же. № 3. С. 18—33.

⁶⁵ Koloniitskii B. Russian Leaders of the Great War and Revolutionary Era in Representations and Rumors // Russian Culture in War and Revolution. 1914—22. Bloomington, 2014. Book 2. P. 50—52.

⁶⁶ Ibid. P. 54.

⁶⁷ Соколов Б. В. Михаил Тухачевский: Жизнь и смерть «Красного маршала». Смоленск, 1999; Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. М., 2000; Мишина А. В. Н. А. Григорьев — атаман повстанцев Херсонщины // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). С. 169—171; Зданович А. «Теплая компания» «Красного Бонапарта» // Родина. 2008. № 12. С. 43—47.

ководца с популистской риторикой, не могли не вдохновлять «красных командиров» с дореволюционным культурным прошлым на подвиги во имя «светлого будущего». С другой, опасения «бонапартистского переворота» как угрозы для революционной власти не могли не посещать верхние эшелоны большевистского руководства: его лидеры, руководствуясь предупреждениями Карла Маркса («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»), проявляли повышенную бдительность в отношении собственных боевых командиров (не всегда управляемых). Ибо не без основания опасались обострений внутри того политического треугольника, который традиционно становился полем действия бонапартистской идеи и практики: власть — крестьянство — армия⁶⁸.

Многочисленные аналогии с историей Французской революции (как символический знак, как развернутая аллегория) не могли не прийти на ум части тогдашнего общества, не потерявшей способности к интеллектуальным упражнениям и культурным ассоциациям. В «бонапартизме»

исторически образованное большевистское руководство подозревало (помимо М. А. Муравьева и Н. А. Григорьева) И. И. Вацетиса, Ф. К. Миронова и Б. М. Думенко, кавалерийских начальников, командовавших наиболее боеспособными соединениями на европейском театре военных действий, «золотопогонника Тухачевского», даже вполне лояльного С. М. Буденного, не обремененного политическими амбициями. Вереница этих исторических персонажей дает представление о важных политико-культурных метаморфозах в том символическом пространстве раннесоветской истории, в котором происходило разделение типов политического поведения и самопрезентации новой власти. Энергичные провинциальные «бонапарты», вдоволь натешившись «волей» и анархией, сторали в котле стихии гражданского противостояния. Непреодолимый провинциализм и агрессивный дилетантизм политической культуры кандидатов в тогдашние «бонапарты» неизбежно обрекали на неудачу все их попытки оформить режим личной власти в контексте гражданского противостояния⁶⁹.

Культурная семантизация политических фобий

С позиций новой культурной истории, столь популярной в современной науке, прочитывается и тема социокультурной базы «советского бонапартизма». В ее рамках русская деревня, «крестьянская стихия», «народная почва» предстают как культурный архетип, закрепившийся в историко-литературном предании и во многом «ответственный» за остроту Гражданской войны в крестьянской Рос-

сии⁷⁰. Исследования В. В. Кондрашина, продемонстрировавшего неоднозначность, нелинейность поведения различных слоев крестьянства в условиях гражданского конфликта, присутствие в нем общекрестьянских интересов⁷¹, позволяют увидеть в интерпретации остроты и итогов тогдашних событий. Тем более что подчас они облекались в примечательные явления, отра-

⁶⁸ Филиппова Т. А. «Заменитель Наполеона»: К вопросу о дефинициях «советского бонапартизма» // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. История. 2014. № 3. С. 22.

⁶⁹ Филиппова Т. А. «Осмеян прозвищем героя...»: Призрак «советского бонапартизма» в реальности Гражданской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Вып. 4 (20).

⁷⁰ Большакова А. Деревня как архетип: От Пушкина до Солженицына // Филологические науки. 2001. № 3. С. 100—103.

⁷¹ См.: Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: К вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

жавшие новую систему пропагандистских образов приязни и ненависти, восхваления и вражды.

Предельное ожесточение с обеих сторон, готовность к крайним мерам отражали не только ситуацию 1918—1922 гг., но и общую метафизику насилия, в которую Россия и мир погрузились с началом XX столетия, века войн, революций и насильственных «скачков в будущее». Подобный курс нуждался в мобилизационных механизмах, а следовательно — в серьезном пропагандистском сопровождении. Новый характер политической пропаганды, отметивший сдвиги в общественном сознании и в государственной политике, проявлялся в разных формах. Позволим себе остановиться на одной из них, ярко отразившей политико-культурные признаки времени, — политической сатире, неуклонно расширявшей «площадки» своего бытования в исследуемое время.

Отметим, что в своих лучших проявлениях русская предреволюционная сатира (не государственный плакатный официоз и не агрессивнo-правый, черносотенный сегмент пропаганды) очень точно ощутила новый уровень насилия как фактора современного мира. Опыт изучения «старой» русской журнальной сатиры, отражавшей «повседневное» свободомыслие столичного и провинциального общества накануне Гражданской войны, выявляет стойкое неприятие конфликтов и войн, осуждение обоюдного ожесточения сторон, готовность сатириков критически взглянуть на собственные политические и мировоззренческие ошибки⁷². Приход к власти большевиков и начало гражданского противостояния поначалу расценивались сообществом русских сатириков — карикатуристов,

фельетонистов, поэтов — и как результат германской интриги, и как воздаяние России за собственные грехи, пороки власти, ошибки оппозиции, недомыслие интеллигенции, неспособной предотвратить большевистский сценарий развития кризисной ситуации. Это настроение русские сатирики пронесли и в начале Гражданской войны, вплоть до закрытия журналов «старой России» в конце 1918 г.⁷³

По-иному звучит трактовка военно-революционных реалий в пропаганде раннего советского времени. Ситуация здесь выглядит тем более занятой, что часть до-революционных сатириков приняла в той или иной мере власть большевиков. Продолжив свои профессиональные занятия, они вынуждены были оперативно откликаться на актуальности момента, учитывая политический заказ власти. Прецеденты медийного конструирования политической сатирой образов «классового врага» в эпоху массовых крестьянских восстаний позволяют семантизировать социальные и политические фобии, стихийно и сознательно нагнетавшиеся в Советской России. В этом смысле сатира как исторический источник и формирует, и отражает политико-культурный «портрет эпохи», помогая деконструкции «языка вражды» как особой приметы времени⁷⁴. Особенно это касается фобий начала 1920-х гг., усугубленных Гражданской войной (наступление Врангеля), насильственными преобразованиями экономики (продразверстка и продналог, новая экономическая политика) и внешней угрозой («белополяки»). «Расшифровке» визуальных кодов образа «врага» и прочих метафор угрозы, видевшейся со стороны «русской Вандеи» — крестьянских восстаний, помогает обращение к политической

⁷² Баратов П. Н., Филиппова Т. А. Великая война и Великая революция в русской журнальной сатире. 1914—1918. М., 2017. С. 248—256.

⁷³ Там же. С. 261—267.

⁷⁴ См.: Norris S. A War of Images. Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity. 1812—1945. DeKalb, Illinois, 2006.

карикатуре, сатирическим стихам, лозунгам-призывам в популярных сатирических изданиях начала 1920-х гг. («Окна РОСТА»⁷⁵, сатирические плакаты, чуть позднее — сатирические журналы «Мухомор» и «Крокодил»).

Малограмотность значительной части той массы, к которой обращалась массовая политическая сатира, была еще одним вызовом и художникам, и авторам текстов. Власти это понимали: 10 декабря 1918 г. был издан специальный декрет СНК «О мобилизации грамотных для чтения вслух»⁷⁶. Но и «письменная» пропаганда носила тогда «речевой» характер, часто срываясь на грубый крик. К началу 1920-х гг. относится феномен, описанный Ле Февром под впечатлением от посещения России: «Улица — одна сплошная речь, обращаемая к вам с вывесок, фасадов и витрин. Подняв голову в поисках названия улицы, вы читаете: “Все за непрерывную рабочую неделю!”, “Упраздним воскресенье — день попов, пьяниц и лентяев!”, “Социализм спас миллионы крестьян от нищеты и бесправия” и т.п. Улица говорит с вами, она думает и решает за вас, она относится к прохожему как к школьнику, уча его истинам новой России»⁷⁷.

Советские сатирические журналы в массовом порядке появятся лишь на излете эпохи крестьянских восстаний. (В 1922 г. начинают издаваться сразу несколько таких изданий: «Крокодил», «Смехач», «Заноза», в 1923 г. — «Прожектор».) Главным объектом их сатирической критики станет, естественно, нэпман и кулак. А пока, в разгар крестьянского сопротивления большевизму, главными носителями политической сатиры оставались плакаты — традиционный жанр политической сатиры, сохранявший и черты стилистики досоветской эпохи, и авангар-

дистский феномен «Окон РОСТА», новый не только с художественно-пропагандистской точки зрения, но и по технологии изготовления, оперативности отклика и массовости производства. С 1921 г. плакатные рисунки РОСТА стали поступать в провинцию и в деревню. Этот факт не был простым совпадением. Именно в феврале 1921 г. крестьянское движение на Тамбовщине достигло наибольшего размаха. Власть осознала необходимость к силовым методам борьбы с восставшими добавить средства идейного воздействия.

Создатели «Окон РОСТА» избегали прямого упоминания о настоящей войне, полыхавшей тогда в деревне, ситуация преподносилась в привычной тематической связке: разруха, неграмотность, алкоголизм на селе, происки попов и эсеров. Потом к этим темам добавился голод, но не как гуманитарная катастрофа, а как продукт «происков врагов Советской России». Сугубо позитивно подавались меры большевистского режима в отношении деревни, из-за которых на деле и поднялась волна крестьянского негодования. Владимир Маяковский, признанный лидер маленького, но эффективного коллектива «Окон РОСТА», чутко уловил своеобразие момента: краткость текста, простота изображения, прямота призыва, четкость деления мира на «своих» и «чужих», беспелляционность приказа — все эти строгие каноны точно выдерживались и в тематике, и в эстетике «оконов»⁷⁸. Крестьянин в подобной риторике предстал как объект политики или как досадная помеха строительству социализма. Героем же был рабочий (или партиец), призывно и властно обращавшийся к туповатому, растерянному крестьянину. Через жесткий окрик «Эй!», указующий жест и беспрекословный приказ крестья-

⁷⁵ См.: *Иньшакова Е. Ю.* Коллекция «Окон РОСТА и ГПП» в собрании Государственного музея В. В. Маяковского // *Творчество В. В. Маяковского*. Вып. 3. М., 2015. С. 379—380.

⁷⁶ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 194—196.

⁷⁷ *Le Fèvre G.* Un bourgeois au pays des Soviets. Paris, 1929. S. 21, 22.

⁷⁸ *Михатенко Н. В.* Плакаты В. В. Маяковского — единство визуального и вербального: От «Сегодняшнего лубка» к «Окнам РОСТА» // *Rusistica Latviensis 5. Slavica* — 2015. Riga, 2015. С. 20—25.

нину предписывалось: бороться с врагами революции, гнать попов и рушить церкви, экспроприировать кулаков; сдавать плоды своего труда городу, бороться с пьянством и ленью, со всех ног бросаться выполнять распоряжения советской власти⁷⁹.

Именно таким — туповатым мужичком, нелепо торопливым и заполошным, изображается сатириками «Окон РОСТА» русский крестьянин (и это в положительном контексте!). Внезапно становится ясно: не кто иной, как постаревший и поглупевший Иванушка-дурачок — привычная аллегория русского крестьянина (и шире — русского человека) — из плаката в плакат, из сюжета в сюжет присутствует в работах раннесоветских сатириков. Стиль и жанр подобных изображений — своего рода неолубок, изобретенный Маяковским, хорошо знавшим особенности настоящего русского лубка. Очевидно, опора на привычные образы и образцы представлялась Маяковскому верным способом найти путь к народному сознанию, чтобы изменить его в нужном ключе. Деловитый тон приказов, отдаваемых «городом» «деревне» — прием, свойственный всем стихотворным текстам

Маяковского в «окнах» — подчеркивал отношение к крестьянину как материалу социального проектирования.

С затуханием крестьянских боев сходят на нет и «Окна РОСТА». Но параллельно в советском плакате разнообразятся образы угрозы и объекты вражды. Самыми простыми (по методам изображения) объектами критики выступали в тот период Врангель и белополяки. Приемы подобных визуализаций были к тому времени уже отработаны на примере других врагов советской власти (Каледин, Краснов, Колчак, Деникин) — гримаса злости, звериный оскал, страх перед мощью коммунистов. До сознания масс требовалось наглядно довести мысль: лишь служение советской власти спасет их от этих «чудовищ», потерявших человеческий облик. Больше сил, воображения и таланта требовала передача образа врага через абстрактные аллегории — разрухи, тифа, голода, безграмотности и т.д. И в этом на помощь пропаганде пришли новые способы семантизации образов врага, вернее — примечательная перекодировка поясняющих их стратегий.

Архетипы сознания на службе новой культуры

С темой деревенской, «почвенной» интерпретации своеобразия Гражданской войны в тогдашней пропаганде оказывается связанным и гендерный дискурс, игравший символическую роль в пропаганде и красных, и белых. Политико-культурный аспект подобного коллективного «подсознания» наглядно характеризовал своеобразие времени. «Родина», «Отечество», «Мать-Россия»

как источники чувства патриотизма быстро подверглись эрозии в «силовом поле» перемен. «Мужские» и «женские» образы, эффективно работая в процессе создания политической пропаганды новых коллективных идентичностей, проявлялись в демаркации «Нас» и «Их», в фиксации отношений власти и подчинения⁸⁰. Убедительным источником подобных наблюдений предстает сатириче-

⁷⁹ Некоторые авторы подчеркивают «зеркальность» в наиболее ярких проявлениях пропаганды белых: «Читая воспоминания участников Гражданской войны с “красной” и “белой” сторон, начинаешь понимать, что оба “агитпропа” — в Москве и в Ростове-на-Дону — были зеркальным отражением друг друга, только с обратными знаками. В Москве висели “Окна РОСТА” со стихами Маяковского и Демьяна Бедного, в Ростове — “Окна ОСВАГа” с виршами Наживина или “белого Демьяна” рифмоплета А. Гридина» (Сироткин В. Зарубежные клондайки России. М., 2003. С. 203).

⁸⁰ Riabov O. V. The Symbol of «Mother Russia» Across Two Epochs: From the First World War to Civil War // Russian Culture in War and Revolution. 1914—22. Bloomington, 2014. Book 2. P. 90—92.

ский рисунок, сильный инструмент политической пропаганды. В начальный период Гражданской войны до поры лидировавшая в этом сегменте медийного пространства профессиональная журнальная сатира «старой» России наполнилась образами «Матери-России», отданной большевиками — «партией национальной измены» — «на поругание» внешним и внутренним врагам.

Трагическими образами русской женщины, распятой на кресте, прикованной к позорному столбу большевиками и их «германскими доброжелателями», а также голодающей старухи-крестьянки отмечены страницы последних номеров сатирических изданий «старой России» вплоть до их закрытия или ухода в эмигрантское инобытие⁸¹.

Подобная визуализация «Родины» и «почвы» в женских образах подпитывалась глубокими корнями культурной традиции, но в реальности Гражданской войны эта перенятая и транслированная «белой» пропагандой риторика спасения «России-матери» уже безнадежно проигрывала в конкуренции с красной пропагандой — и энергетически, и содержательно, и в смысле проекта будущего.

Становление красной сатиры проходило в режиме развития образов во многом противоположного ценностного наполнения. Формируя новый пропагандистский язык визуальности, большевики поначалу в большинстве случаев отказались от «женской», «материнской» символики. Их «западнический» проектный ориентир формировал представление о «России-бабе толстозадой» как воплощении отсталости, что вело к осмеянию «матушки-Руси» в ее женской символике. Тогда как подвергшийся публичному осмеянию символ «маскулинного» воплощения Отечества — «Царь-батюшка» — столь же причудливо трансформировался в обновленный образ высшего уровня по-

зитивности — рабочего — солдата — матроса как метафоры новой идентичности, преодолевающей границы России и воплощающей новое интернациональное единство мира.

В результате «единым телом нового класса был самодостаточный мужской колосс, не нуждавшийся в женских аспектах образного ряда. Делались попытки представить новый класс как большую семью, противостоящую семье традиционной, что не удивительно: ценности, вдохновлявшие сторонников большевиков, имели другое содержание и другие ориентиры — научный социализм, рационализм, сила воли, организация»⁸².

Вполне закономерно в ряде пропагандистских работ художников и поэтов обобщающей метафорой социальных проблем эпохи Гражданской войны стали негативные образы в «женской» ипостаси. В образе тупой, жадной, недалекой бабы сатирики изображали несвежесть крестьян, жадность кулака, политическую несознательность населения, религиозный дурман. В этом «гендерном» репертуаре риторик вражды присутствовал устойчивый сюжет: спайвание мужиков бабами-самогонщицами. В итоге этого предосудительного занятия баба становится богатой (что плохо), мужик от пьянства слабеет (что плохо), и его легко побеждают контрреволюционеры и интервенты (что еще хуже). Женское начало становится устойчивым символом русской деревни как препятствия на пути социализма.

Возможно, это была своеобразная форма борьбы с базовой традицией исторического уклада. Политико-культурный концепт гендерных норм новой эпохи на время способствовал уходу от «материнского» национального образа. Героический образ крестьянки-колхозницы, дерзновенно шагающей на пару с рабочим к победе коммунизма, будет еще впереди. Пока же женщина (баба) предстает в лучшем случае

⁸¹ См.: Новый Сатирик. 1918. № 2. С. 6; № 5. С. 2; № 14. С. 3; № 15. С. 6. См. также подборку плакатов во вклейке.

⁸² *Riabov O. V.* The Symbol of «Mother Russia» Across Two Epochs: From the First World War to Civil War. P. 96—97.

синонимом забитости и невежества села, в худшем — как внутренняя угроза, подрывающая силы строителей нового мира.

Характерный пример — «антигероиня» стихов и плакатов Маяковского (август 1920 г.) — вредная баба, которая несла на базар бублики, но не поделилась ими с красноармейцем, идущим воевать за новую власть («Прочь, служивый! Отвяжись! // Черта ль мне в республике?!»). Из-за этого ослабевших от голода воинов побили классовые враги, а заодно и бабу съели...⁸³

Еще одной метафорой угрозы, исходящей от тогдашней деревни, был визуальный образ пропасти, грозившей крестьянину и всему советскому строю. «Характер» пропасти мог быть разным: неграмотность, вера в Бога, алкобольные пристрастия, подрывная работа эсеров и контрреволюции. Но итог предсказывался один — падение, крах. Еще одним пространственным символом угрозы был тревожный образ горизонта с изображением на нем фигурок врагов социализма. Это контрреволюционеры-белогвардейцы, интервенты, попы, недобитые помещики, меньшевики и эсеры. Рисунки подобного рода наглядно показывали, что любое отклонение от директив новой власти мгновенно приблизит этот «горизонт угрозы», ведущий к катастрофе. К концу 1920-х гг. (как и в случае с женской метафорой деревни), горизонт «очистится» от противников и станет сугубо положительным символом светлого коммунистического будущего, как казалось, вполне достижимого.

И все же главным врагом на селе (в трактовке тогдашней сатиры), врагом массовым, «внутренним» и оттого наиболее опасным был пресловутый кулак, каноническая традиция изображения которого сложилась в эпоху крестьянских выступлений. Толстый, злобный, неопрятный де-

ревенский буржуй станет характерным вариантом эппмана — главного объекта социально-политической сатиры до самого конца 1920-х гг. Показателен в этом смысле плакат с изображением «пирамиды» из стоящих на плечах друг у друга кулака, попа и контрреволюционера. Подпись к нему нацеливала зрителя — «Бей в корень!» (т.е. по кулаку у основания пирамиды).

Одиозный образ кулака — сельского богатея крепко впечатается в массовое сознание, свидетельствуя об эффективности сатирической стратегии. Так, бывший сотрудник ОГПУ-НКВД С. И. Гот-Гарт, участвовавший в раскулачивании, позже показывал на следствии: «До того времени я представлял себе кулака таким, каким его рисуют на плакатах, а при аресте столкнулся с невзрачными, плохо одетыми и живущими часто в плохих избах крестьянами»⁸⁴.

Сатира в кризисные времена — всегда больше, чем сатира. В 1918—1922 гг. она становится гротескным концентратом политико-культурной самопрезентации власти и общества. Часть ее приемов осталась преходящим свидетельством эпохи, а часть была унаследована более поздней пропагандой. Однако внутренний нравственный конфликт, свойственный ряду художников, все же прорывался в наиболее талантливых и честных образцах отражения реальности — к примеру, в трагических плакатах, посвященных голоду и разрухе. Свободные от прямого идеологического звучания, они стали гуманистическими свидетельствами художественного восприятия одной из величайших трагедий российской истории. Преодолевая жанр сатиры, равно как и пропагандистские задачи момента, Д. С. Моор в плакате «Помоги» (1921 г.) трактует голод в деревне как проблему нравственного восприятия трагедий эпохи.

⁸³ Маяковский В. В. История про бублики и про бабу, не признающую республики («Сия история была...»): [Окно сатиры Роста. 1920. № 241] // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955—1961. Т. 3: «Окна» Роста, 1919—1922. 1957. С. 142—143.

⁸⁴ Измозик В. Дело Гот-Гарта: Что бывает за письмо Сталину летом 1938 года // Родина. 2010. № 1. С. 95.

О том же — ранние работы художника А. М. Герасимова на тему деревни эпохи «антоновщины»: в скупых, черно-белых изображениях отсутствуют сюжеты крестьянских восстаний — в них есть лишь мудрая, горькая простота, осознание трагедии Человека земли пред лицом Власти иди.

Закалявшийся в пламени Гражданской войны новый тип культуры, в том числе и политической, оказался способным перекодировать, поставить себе на службу и архетипы традиционного сознания, и новизну модернистских течений, и стилистическую идентичность авангарда⁸⁵.

Изначальный политико-культурный посыл российской социал-демократии находился в мощном тренде левой глобализации, изменившей надолго мир XX в., привязав историко-политическую ситуацию в России к мировым тенденциям и проектам развития человечества⁸⁶. В этой ретроспективе характерно прочитывается высказывание Л. Д. Троцкого: «Я люблю мое отечество во времени — этот в бурях и грозах рожденный двадцатый век. Он таит в себе безграничные возможности. Его территория — мир»⁸⁷. Однако реальность гражданского противостояния видоизменяла «родовые» политико-культурные признаки большевизма, не связанного строгой нормативностью социал-демократического проекта и прагматически ориентированного на сохранение режима собственной власти в «одной, отдельно взятой стране». Несмотря на изначальную раздробленность политико-культурной «карты» России, «когда установленные нормы, ценности, социальные практики и пр. держатся насилием и репрессиями, а не общественным консенсусом»⁸⁸, именно

большевизм сумел эффективно утилизировать своеобразие народного менталитета и социокультурное многообразие тогдашней реальности, прагматически задействовав новые механизмы культурного воздействия.

В условиях гражданского противостояния культурная активность преобразовывалась в механизмы информационной коммуникации и продвижения (одновременно!) идей патриотизма — в форме лояльности новой власти и интернационализма — в форме лояльности идее мировой революции. В ходе борьбы на «культурном фронте» с прежней иерархичностью общества шло преодоление старых мифов общественного сознания и формирование новых. Энергия культурного энтузиазма эпохи⁸⁹ — и благодаря, и вопреки реалиям времени — становилась мощным инструментом включения народных масс в общественно-политическую жизнь через чтение, слушание, наглядную пропаганду, новое идейное мифотворчество — в прежде недоступных форматах.

Именно поэтому большевики уделяли большое внимание культурной политике и политической культуре как пространству борьбы за умы и души бывших подданных империи, внезапно ставших гражданами республики. На этом историческом фоне недостаточная акцентированность культурных программ, ориентированных на массы, видится одной из важных причин поражения Белого дела. Переформатируя старые и создавая новые культурные коды, новая власть взяла курс на то, чтобы погасить «тигель» революционного кипения в пользу кристаллизации твердых форм государственности нового типа и соответствующей ей политической культуры.

⁸⁵ Buldakov V.P. Mass Culture and the Culture of Masses in Russia. 1914—22 // Russian Culture in War and Revolution. 1914—22. Bloomington, 2014. Book 1. P. 51—52.

⁸⁶ См.: Павловский Г., Гейфтер М. Неостановленная революция 1917: 100 лет в ста фрагментах. М., 2017.

⁸⁷ Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. XX: Культура старого мира. М.; Л., 1926. С. 267.

⁸⁸ Rosenberg W. Summing Up // Russian Culture in War and Revolution. 1914—22. Book 2. P. 344.

⁸⁹ Buldakov V.P. Mass Culture and the Culture of Masses in Russia. 1914—22. P. 51—52.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И НАУКА

Становление советской системы народного образования

В РСФСР управление системой образования осуществлял Наркомат просвещения, созданный в конце 1917 г. (до 1919 г. параллельно существовала Государственная комиссия по просвещению). Он курировал школьное дело, вузы, детские приюты, опеку несовершеннолетних, управление Академией художеств, театры и музеи. В структуре Наркомпроса было 17 отделов с коллегиальным управлением, позже их число увеличилось до 35¹. На местах создавались отделы народного образования под контролем местных Советов. Им подчинялись все местные учреждения культуры, включая общественные и частные. Для управления делами культуры в национальных регионах в Наркомпросе был создан отдел просвещения национальных меньшинств.

В годы Гражданской войны формировалась концепция советской школы, при ее обсуждении в Наркомпросе предлагались разные модели. А. А. Кальсина выделяет два варианта реформы средней школы — московской и петроградской групп. Представители первой (П. Н. Лепешинский, Л. Г. Шапиро, Н. А. Полянский) выступали

за полное разрушение старой школы с обязательными программами, предметной и классно-урочной системами, за создание самоуправляющейся школы-коммуны. Петроградская группа, которую поддерживали А. А. Луначарский, Н. К. Крупская, Л. Р. Менжинская, предлагала модель единой трудовой школы при сохранении в ней позитивных традиций дореволюционной отечественной школы². Именно этот вариант лег в основу принятых в августе 1918 г. на I Всероссийском съезде по просвещению «Положения о единой трудовой школе» и «Основных принципов единой трудовой школы» (Декларация). Школа становилась трудовой, единой, бесплатной, светской, доступной всем независимо от социального, имущественного положения и национальности. Важная роль в ней отводилась трудовой деятельности, широкому самоуправлению, свободному творчеству (вариативность программ, экспериментальные методики и т. п.). Гражданская война не позволила реализовать этот проект, что во многом было связано с ограниченными финансовыми возможностями. Доля расходов на образование в бюджете

¹ Кальсина А. А. Позиции Наркомата просвещения РСФСР и правительства А. В. Колчака в области школьной политики // URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268032894/17.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).

² Там же.

государства, составлявшая в начале 1918 г. до 10%, к концу Гражданской войны сократилась до 2—3%³.

Основной тенденцией развития школьной реформы стало постепенное свертывание первоначального демократизма, что выражалось в усилении контроля, отходе от автономии школы. На VIII съезде РКП(б) в 1919 г. в новой программе партии школе отводилась роль «орудия коммунистического перерождения общества»⁴. Программа расценивала образование как политико-воспитательное средство формирования нового человека. В годы Гражданской войны были заложены основные принципы советской школьной системы: принцип государственной централизации всего дела образования, классовости и партийности⁵.

26 декабря 1919 г. СНК принял декрет «О ликвидации безграмотности». Все население в возрасте от 8 до 50 лет было обязано обучаться грамоте⁶. За годы Гражданской войны решить этот вопрос не удалось. В 1920 г. при Наркомпросе была создана Всероссийская Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, ведавшая созданием сети «ликпунктов», курсов по подготовке преподавателей грамоты, изданием специальной литературы.

2 августа 1918 г. Совнарком принял декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР»⁷. Несмотря на провозглашение равных возможностей при

поступлении в вузы, на деле преимущество отдавалось выходцам из рабочего класса и крестьянства. Для подготовки к обучению в вузах в 1919 г. создавались рабочие факультеты.

В новейшей историографии обосновано положение о том, что высшая школа России в годы Гражданской войны была радикально реорганизована советской властью⁸. Прежде всего, руководствуясь коммунистической идеологией и задачами строительства нового общества, советская власть декретом СНК от 2 августа 1918 г. изменила правила приема в вузы, обеспечив поступление туда рабочей и крестьянской молодежи обоего пола без среднего образования, достигшей 16-летнего возраста, со стипендиальным обеспечением во время учебы⁹. При этом, несмотря на тяготы войны, в данный период возросло число вузов и увеличилось количество студентов в них. Если до начала Первой мировой войны в России насчитывалось 105 вузов со 127 тыс. студентов, то в конце 1920 г. в РСФСР уже было 253 вуза, в которых обучалось 216 тыс. студентов. Данная ситуация объяснялось целенаправленной политикой советской власти по подготовке профессиональных кадров, необходимых для решения задач восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. Причем особенностью периода Гражданской войны было то, что значительное число вузов, в первую очередь технических,

³ Филоненко Т. В. Этапы развития общеобразовательной школы в России: Школьная система в XIX — первой трети XX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2004. С. 30.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 76.

⁵ Карпова Г. Ф. Образовательная ситуация в России в первой половине XX века. Ростов н/Д., 1994. С. 37—38.

⁶ Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1975. С. 26—27.

⁷ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 138—141.

⁸ См.: Ерегина Е. Высшая медицинская школа России в годы Гражданской войны // Высшее образование в России. 2008. № 8. С. 172—176; Малиягина Л. С. Между «красными» и «белыми»: Наука и высшая школа Дальнего Востока в период Гражданской войны // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 4. Т. 66. С. 80—93; Филимонов С. Б. Интеллигенция в Крыму. Симферополь, 2006; Квакин А. В., Постников Е. С. Завоевание высшей школы: Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 — конец 30-х годов). М., 2009; и др.

⁹ Известия ВЦИК. 1918. 4 авг.

было открыто в провинциальных городах. В связи с острой потребностью в условиях военного времени значительно возросло число медицинских факультетов при университетах, которые в 1918—1920 гг. открылись в Симферополе, Воронеже, Нижнем Новгороде, Москве (ВМШ), Самаре, Ярославле, Иркутске, Астрахани, Краснодаре, Екатеринбурге, Омске.

Столкнувшись с явной и скрытной оппозицией к советской власти со стороны большинства профессуры вузов страны в 1917 — начале 1918 г., а также в связи с необходимостью централизации управления всей системы народного образования в условиях начавшейся Гражданской войны большевистское руководство ликвидировало автономию российских университетов и установило контроль над их профессорско-преподавательским составом и студентами. Одновременно были осуществлены меры по созданию научно-образовательных центров для подготовки преподавателей общественных дисциплин в духе коммунистической идеологии, а также претерпело коренную ломку гуманитарное образование. В вузах страны был установлен контроль над учебно-воспитательным процессом со стороны организованных там и подконтрольных местным партийным органам ячеек коммунистической партии.

1 октября 1918 г. был принят инициированный заместителем наркома просвещения М. Н. Покровским декрет СНК о ликвидации прежних ученых званий (магистров, приват-доцентов, адъюнкт-профессоров и др.) и сохранении в университетах лишь двух: профессора и преподавателя. Согласно декрету, профессорами и преподавателями могли теперь стать и лица без ученой степени и даже стажа работы. Это было сделано с целью ослабления настроенной оппозиционно профессорской корпорации и привлечения в университеты молодых

преподавателей — сторонников советской власти. В октябре 1918 г. в вузах появились комиссары для контроля за их деятельностью и решения вопросов, «связанных с реформированием». Они наделялись обширными полномочиями: правом участвовать во всех делах университета, отменять постановления их Советов и факультетов, издавать распоряжения, которые должны были выполняться «под страхом ответственности перед революционным трибуналом».

14 ноября 1920 г. Совет Народных Комиссаров издал декрет «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР», вследствие которого произошли коренные изменения в университетском гуманитарном образовании¹⁰. Вместо исторических факультетов в университетах создавались факультеты общественных наук. Обязательными для преподавания в высшей школе стали новые общественные дисциплины, основанные на марксистском учении: исторический материализм, капитализм и пролетарская революция, политический строй и социальные задачи РСФСР. Все преподаватели должны были в кратчайший срок изучить основы марксизма, успешно сдать экзамен по знаниям марксистской литературы и впредь вести общественные дисциплины только по марксистским программам. Тех, кто не выполнял эти требования, надлежало лишать права преподавания.

11 февраля 1921 г. вышло постановление СНК об учреждении институтов по подготовке красной профессуры в Москве и Петрограде, которые должны были готовить для вузов страны преподавателей курсов теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства¹¹. 4 марта 1921 г. постановлением СНК в университетах страны

¹⁰ Известия ВЦИК. 1920. 3 дек.

¹¹ Известия ВЦИК. 1921. 16 февр.

организовывались факультеты общественных наук с целью подготовки «практических работников социалистического строительства». В составе факультетов организовывались отделения: экономическое с циклом организации промышленности, труда, снабжения и финансово-административным; правовое с циклом судебным и административным; общественно-педагогическое с циклом школьным и внешкольным. В Московском университете в составе факультета общественных наук, кроме перечисленных отделений, учреждались также статистическое, внешних сношений и художественно-литературное отделения. Остальным университетам открывать данные отделения разрешалось лишь «по особому разрешению Народного комиссариата просвещения». При этом во всех советских университетах с 1 мая 1921 г. упразднялись исторические и филологические отделения¹². Положение СНК об управлении факультетом общественных наук от 17 августа 1922 г. общее заведывание и руководство учебно-ученой деятельностью факультетов общественных наук возложило на деканов факультетов и их помощников, назначаемых Главным комитетом профессионально-технического образования.

Декрет СНК об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР от 4 марта 1921 г., ввел во всех вузах страны обязательное преподавание определенных предметов по общественным и естественным наукам. По общественным наукам это были: «Развитие общественных форм», «Исторический материализм», «Пролетарская революция» (исторические предпосылки переворота, включая империализм; его формы и история в связи с историей XIX—XX вв. вообще и рабочего движения в частности); «Политический строй РСФСР»; «Ор-

ганизация производства и распределения в РСФСР»; «План электрификации РСФСР, его экономические основы, экономическая география России, значение и условия осуществления плана». По естественным наукам вводились обязательные предметы: «Физика и космическая физика, включая геофизику»; «Химия», «Биология»¹³. С целью контроля за содержанием учебных программ в советских вузах декретом СНК от 16 августа 1921 г. было предоставлено исключительное право на издание и переиздание «учебников, руководств и пособий» Государственному Издательству, состоящему при Народном Комиссариате по Просвещению (Госиздату при Наркомпросе)¹⁴.

Законодательным актом советской власти, окончательно ликвидировавшим автономию российских университетов, стал вышедший 2 сентября 1921 г. Декрет (Положение) СНК о высших учебных заведениях РСФСР. Управление вузами переходило от Совета профессоров к Правлению, в состав которого входили не только профессоры, но и представители местной власти, политических объединений, профсоюзов и других организаций. Указанным Декретом (Положением) было заявлено о праве на бесплатное обучение в советских вузах всем гражданам обоего пола, достигшим 16 лет. В декрете регламентировалось понятие «научные работники вуза». К их числу относились: профессора, которые вели самостоятельные курсы или заведовали одним из научно-учебных подразделений, избранные на должность Государственным ученым советом; избранные правлением вуза преподаватели, которые вели вспомогательные курсы или работали самостоятельно под руководством одного из профессоров.

Согласно декрету, высшие учебные заведения должны были работать круглый

¹² Известия ВЦИК. 1921. 23 апр.

¹³ Там же. 12 марта.

¹⁴ Там же. 24 авг.

год с перерывом занятий не более чем на три месяца. Декрет утвердил организационную структуру вузов: факультеты, объединяющие основные группы дисциплин, представляющие собой законченное целое в научно-учебном отношении и имеющие целью подготовку практических деятелей определенных профессий, а также научно-исследовательские институты, курсы и научные ассоциации.

Декрет установил систему управления вузами РСФСР. Каждый вуз находился в ведении Наркомата просвещения — его Главного комитета профессионально-технического образования. Управление вузом осуществляло Правление вуза под общим наблюдением Наркомата просвещения. Президиумы факультетов под наблюдением Правления руководили факультетами. Последние, в свою очередь, осуществляли руководство работой предметных комиссий, состоявших из профессоров, курировавших преподавание одной или нескольких из родственных дисциплин (разработка учебных программ, распределение курсов между преподавателями, контроль за учебной работой студентов и т.п.). Половину членов предметных комиссий составляли студенты, которые включались в их состав решением общего студенческого собрания. Общее собрание преподавателей также делегировало своих представителей в предметные комиссии. В Декрете (Положении) СНК от 2 сентября 1921 г. сохранялись существовавшие в дореволюционной высшей школе на факультетах вузов должности деканов, которые председательствовали в совете факультета и единолично отвечали перед Правлением «за все происходящее на факультете»¹⁵.

В принятом 26 ноября 1921 г. Наркоматом просвещения РСФСР «Положении

о научных работниках высших учебных заведений» был закреплён статус сверхштатных профессоров, которые могли быть допущены к преподаванию, и вновь заявлялось, что для «вступления в состав работников всех категорий (профессоров, преподавателей или научных сотрудников) не требуется никаких формальных условий, как-то: дипломов, ученой степени и т.п.». Уровень их научной подготовки мог определяться «исключительно на основании их ученых трудов», «читанных ими курсов», «практической деятельностью». Право назначать профессоров во всех высших учебных заведениях РСФСР закреплялось за Государственным ученым советом, организующим для этой цели «всероссийские конкурсы», с публикацией вакансий в «Известиях ВЦИК» и в провинциальных газетах. Рекомендовать лиц на должности профессоров имели право предметные комиссии вузов¹⁶. В соответствии с Декретом СНК от 3 июля 1922 г. «Положение о высших учебных заведениях» в составе каждого вуза предусматривалось создание рабочего факультета, имеющего целью «подготовку лиц из рядов пролетариата и трудового крестьянства к научным занятиям в высших школах»¹⁷.

В годы Гражданской войны в жизни высшей школы произошло очень важное изменение, связанное с кардинальным расширением прав студентов. Впервые в истории России студенты получили право не только законно защищать свои интересы, но и участвовать в управлении высшими учебными заведениями. Развитие советской властью студенческого самоуправления объяснялось ее стремлением поддержать выходцев из рабоче-крестьянской среды как главного кадрового потенциала Советской республики и с их

¹⁵ Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 65. Ст. 486.

¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 1117—1119.

¹⁷ СУ РСФСР. 1922. № 43.

помощью контролировать оппозиционно настроенную профессуру. С этой целью постановлением Наркомата просвещения от 11 ноября 1918 г. в вузах РСФСР были отменены в прежнем виде государственные экзамены как основная форма контроля знаний студентов, и упразднены все дипломы и свидетельства, дающие их обладателям «какие-либо права и преимущества». Экзамен оставался в вузе лишь «способом проверки усвоения студентом того или иного предмета». Студенты, независимо от года поступления и времени пребывания в вузе, имели право сдавать экзамен «в любое время без всяких формальностей», «по взаимному соглашению с профессором» и «получать соответствующее удостоверение, как от экзаменаторов, так и от высшего учебного заведения»¹⁸.

Решение Наркомпроса РСФСР от 18 ноября 1918 г. «О заведовании студенческими делами и об участии студентов в управлении высшими учебными заведениями» предусматривало участие студентов в управлении вузами посредством их включения с правом решающего голоса в советы факультетов и совет университета. При этом следует отметить, что значительная часть студентов из рабочих и крестьян была настроена агрессивно и враждебно по отношению к представителям профессорско-преподавательского состава, считая их реакционно настроенными, не способными перестроить учебный процесс в соответствии с пролетарской идеологией. Постановление Наркомпроса от 18 ноября 1918 г. возлагало заведование студенческими делами каждого вуза на органы студенческого самоуправления — общее собрание учащихся всего учебного заведения и советы студенческих старост. Советам старост предоставлялась возможность влиять на весь уклад жизни вуза. Они распоряжались фондом социального обеспечения студентов, выделяемым

Наркомпросом, что в условиях полугодного существования большинства студентов было чрезвычайно важным.

В годы Гражданской войны на студентов распространилась воинская повинность. В ноябре 1919 г. РВСР объявил мобилизацию студентов в особые студенческие батальоны, с категорическим указанием, что ни один из студентов не может быть оставлен в гражданских и даже военных тыловых учреждениях. 13 августа 1920 г. был принят декрет Совнаркома о студентах ВТУЗ, по которому они должны были отбывать учебную повинность, и не могли работать где-то на стороне. Выполнение учебной повинности являлось тем же, что и выполнение трудовой повинности, и от нее зависело получение стипендии и пайков, распределением которых занимались специальные комиссии вузов по социальному обеспечению и трудовой повинности студентов. Подобные комиссии создавались почти во всех вузах¹⁹.

В июне 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло «Положение об организации пролетарского студенчества», которому отводилась роль активного участника революционного переустройства высшей школы в решении практически всех вопросов, касающихся работы вуза: защитника материальных, академических и культурных интересов пролетарского студенчества. Представители студенчества должны были входить в состав правлений и предметных комиссий вузов.

Гражданская война стала тяжелым потрясением и испытанием для дореволюционной российской профессуры. Она была зачислена большевиками в «агенты буржуазии», ведущей контрреволюционную пропаганду. Многие ее представители были репрессированы советской властью как участники антибольшевистских организаций (по делу «Национального центра»,

¹⁸ Известия ВЦИК. 1918. 27 нояб.

¹⁹ Известия ВЦИК. 1920. 18 авг.

«Петроградской боевой организации» и др.). Остальные пережили нужду и голод, бесконечные невыплаты заработной платы и т.д. В.А. Крачковская, жена известного востоковеда, профессора Петроградского университета И.Ю. Крачковского, вспоминала, что голод во время Гражданской войны довел ее мужа до той же степени физического истощения, как и во время блокады Ленинграда в 1942 г. Известный в будущем социолог П.А. Сорокин назвал 1918—1920-е гг. самыми ужасными для профессуры и преподавателей, которые «буквально умирали от голода и холода». Из-за тяжелого

материального положения и неприятия идей и практики большевизма с конца 1917 г. начался «исход» вузовских ученых из Петрограда и Москвы на Юг, на Урал, в Сибирь, города Центральной России. Многие из них сыграли немалую роль в создании в этих регионах высших учебных заведений. В январе 1922 г. в Москве, Петрограде и Казани произошла так называемая профессорская забастовка по причине недовольства профессуры своим материальным положением, ликвидировавшим автономию вузов декретом советского правительства от 2 сентября 1921 г. и др.

Развитие системы образования на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам

Другой вариант развития системы образования предложили белые. Антибольшевистские правительства брали за основу дооктябрьский вариант управления. В большинстве белых правительств были созданы «специальные органы управления образованием, имевшие разную структуру»²⁰. Наряду с центральным органом образовательную политику реализовывали земства и общественные организации. Каждое правительство выбирало свою модель. Кому ч. приказами № 180 от 6 августа и № 218 от 10 августа 1918 г. передал заведование школьным и внешкольным образованием земствам. Губернские земства должны были распределять государственные ассигнования на образовательную и просветительскую деятельность и осуществлять контроль за работой в этой сфере²¹.

Во Временном Сибирском правительстве в Омске 1 июля 1918 г. было образовано Министерство народного просвеще-

ния, курировавшее все звенья системы образования. Одним из главных принципов организации системы управления образованием стала децентрализация. Считалось, что в условиях военного времени вопросы школьной жизни эффективно могут быть решены только на местах. Прежние учебные округа были упразднены, вместо попечителей округов учреждены должности уполномоченных Министерства народного просвещения правительства Колчака (МНППК). Начальные школы были переданы в ведение земств и городов. Уполномоченные министерства в губерниях должны были информировать общественные самоуправления, правительственные и частные учебные заведения о постановлениях МНППК, наблюдать на местах за состоянием и деятельностью учебных заведений и расходованием кредитов местными распорядителями, реагировать на нужды школ. В 1919 г. высшие начальные училища были переданы орга-

²⁰ Вузы российских регионов в условиях гражданского противостояния (1917—1920) // URL: <https://almavest.ru/en/node/1394> (дата обращения: 22.07.2019).

²¹ Рышков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 — 1919 г.). Новосибирск, 2008. С. 364.

нам местного самоуправления при сохранении права надзора за правильностью расходования государственных средств и ведения учебного процесса за министерством. В отношении национальных школ использовалась промежуточная модель: национальная школа принималась на государственный счет, обеспечивалась предметами школьного обихода, учебниками и учителями наряду с остальными школами, а хозяйственные расходы брали на себя национальные организации. Особое внимание уделялось реформе средней школы. С января 1919 г. Министерство народного просвещения правительства Колчака разрабатывало проект, в соответствии с которым в России создавалась единая, свободная, трудовая, автономная школа, построенная на принципах здорового национализма и демократизма²². Она состояла из трех четырехклассных ступеней: начальная школа, среднее училище и гимназия. На третьей ступени предполагалась мультифуркация (разделение всех предметов учебного плана на основные и дополнительные). Планировалось в перспективе введение всеобщего начального обучения. Реформа не была реализована, в январе 1920 г. министерство прекратило свое существование по политическим причинам.

Большое внимание уделялось развитию высшего образования. Этому во многом способствовала миграция научной интеллигенции из столиц. Действовавшие в годы Гражданской войны на подконтрольной белым правительствам территории высшие учебные заведения работали по прежнему университетскому уставу. Заметным событием в истории университетского образования России в рассматриваемый период стало образование в белом

Крыму в июле 1919 г. Таврического университета, ректором которого был избран выдающийся русский ученый В. И. Вернадский, а почетным членом университета стал генерал А. И. Деникин. Наряду с Таврическим были открыты Украинский, Екатеринославский, Иркутский, Тифлиссский, Астраханский университеты; политехнические институты в Одессе, Владикавказе, Екатеринодаре; сельскохозяйственные вузы в Одессе, Омске и Ставрополе; коммерческий и археологический институты в Ростове-на-Дону; академия искусств в Киеве и др.²³

На территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам, основная работа по организации вузов, обеспечению их деятельности легла на плечи профессуры. Университеты существовали на началах широкой академической свободы. Условия Гражданской войны создавали материальные трудности для обеспечения учебного процесса. Решать многие вопросы (закупка книг, оборудования) помогали общественные организации.

После поражения Белого движения многие эмигрировавшие из России профессора и преподаватели вузов, в том числе высланные советской властью на «философском пароходе» в 1922 г., продолжили преподавательскую деятельность, работая в университетах Софии, Белграда, Парижа, Праги, Берлина, Нью-Йорка и других центров русской эмиграции.

Анализ красной и белой альтернатив дает показательные результаты. Взгляд на деятельность Наркомпроса РСФСР и МНПБК выявляет отличия в трактовке принципов. Если большевики под принципом единства школьной системы понимали возможность создания однородной для всего общества государственной шко-

²² Кальшина А. А. Позиции Наркомата просвещения РСФСР и правительства А. В. Колчака в области школьной политики // URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268032894/17.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).

²³ Вузы российских регионов в условиях гражданского противостояния (1917—1920).

лы с одинаковыми программами, обеспечивающей равный доступ к получению образования, то МНППК — реализацию государством права на образование в тесной связи с политическими свободами и свободой выбора учащимися на основе вариативности программ. Под принципом организации трудовой школы большевики понимали трудовой метод с точки зрения полезности, преувеличение роли производительного труда даже в ущерб преподаванию основ научных знаний. МНППК не рассматривало принцип трудового обучения как подготовку учащихся к практической жизни. Идея трудовой школы была универсальна. Одной из основных идей реформирования школы для деятелей колчаковского правительства стала идея русской национальной школы, ядром знаний в такой школе становился русский язык.

Особое значение придавалось блоку гуманитарных дисциплин.

Советский вариант реформы основывался на интернационализме и прагматике, акцент делался на рациональные знания, необходимые для модернизации народного хозяйства. Организация управления в модели красных строилась на централизации с опорой на местные советы, у белых — на децентрализации. Большое внимание уделялось воспитанию нового человека: в советской модели — на основе принципа коллективизма, у белых — на принципе индивидуализма. Причину победы красной альтернативы исследователь видит в том, что Наркомпрос действовал в рамках общей ускоренной модернизации и опирался на командно-директивный способ руководства и идею диктатуры пролетариата²⁴.

Наука

Революция и Гражданская война оказали влияние на все сферы жизни общества и государства, и наука не стала исключением. Уже к 1917 г. назрела необходимость реформирования российской науки. Ученые высказывались за «освобождение» от преподавательских функций, за превращение научных институтов в центры научно-исследовательского процесса (К. А. Тимирязев), за расширение государственной и негосударственной поддержки исследований. Первая мировая война и события 1917 г. обострили эти процессы, а приход к власти большевиков

поставил на повестку дня перестройку дореволюционной науки.

Вопросам развития науки и научной интеллигенции в годы Гражданской войны посвящены многочисленные исследования. Если в советской историографии основное внимание уделялось проблеме привлечения буржуазных специалистов к сотрудничеству с советской властью²⁵, государственному регулированию науки²⁶, то в новейшей историографии основными сюжетами стали практики выживания ученых в условиях войн и революций, взаимоотношения научной интеллигенции и власти; идей-

²⁴ Кальсина А. А. Позиции Наркомата просвещения РСФСР и правительства А. В. Колчака в области школьной политики.

²⁵ См.: Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987; Амелин П. П. Интеллигенция и социализм. Л., 1970; Соскин В. Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973; Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927 гг.) М., 1980; и др.

²⁶ Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки (1917—1922 гг.) М., 1973; Иванова Л. В., Есаков В. Д. Первые шаги советской науки и распространение научных знаний среди народных масс // Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917—1927 гг. М., 1985; и др.

но-политическое размешивание, условия профессиональной деятельности, материальное положение²⁷, построение новой модели науки²⁸ и др.

Исследователи стремятся раскрыть специфические черты модели политики большевиков в отношении науки в годы Гражданской войны. Так, Л. Г. Берлявский утверждает, что «после октября 1917 г. решение проблем науки осуществлялось на основе “революционного правосознания”». Стержнем государственной научной политики стала мобилизация науки как составной части политики «военного коммунизма»²⁹. Такая политика включала «использование в доктринально определенных целях строительства социализма старых и создание сети новых научных учреждений, выработку государственной научной политики представителями высшего партийно-государственного руководства в процессе дискуссий со сторонниками оппозиционных общественно-политических взглядов»³⁰. Н. В. Гришина считает, что мобилизационные практики предполагали «с одной стороны, прямые мобилизации ученых на принудительные работы, для чтения лекций, участия в мероприятиях по ликвидации безграмотности и т. п., с другой — консолидацию представителей науки для проведения необходимых стране научных исследований»³¹. Н. В. Гришина указывает также на «модель ограниченной автономии»

как сути развития науки в 1917—1920 гг. Эта модель включала советизацию научных и образовательных учреждений и компромисс между властью и научно-технической интеллигенцией³².

С. В. Сергеев называет время Гражданской войны периодом самосохранения науки: «В первые годы советской власти в стране наблюдался настоящий бум учредительства новых исследовательских и учебных институтов, создание которых инициировали сами ученые...»³³

Новая модель взаимодействия науки и власти строилась на основе компромисса. Это был компромисс власти и научной интеллигенции. Он во многом был связан с негативным отношением научной интеллигенции к событиям октября 1917 г. Но в годы Гражданской войны, руководствуясь как желанием продолжать научную деятельность, патриотическими настроениями, так и необходимостью обеспечить материальное существование, большая часть ученых пошла на сотрудничество с большевиками. Эта была «научная» стратегия выживания, которая позволяла преодолевать депрессивные состояния, максимально реализовывать отрезок времени в экстраординарных обстоятельствах, приумножать профессиональные компетенции, выстраивать оптимистические модели будущей жизни³⁴. Л. С. Малявина отмечает,

²⁷ Еремеева А. Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: Практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар, 2017; и др.

²⁸ Кожевников А. Первая мировая война, Гражданская война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть: 1880—1920-х годов. СПб., 2003. С. 173—184; Колчинский Э. И. Наука и Гражданская война в России // Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 291—334; Чеснова Л. В. Наука и власть в Советской России (1918 — начало 30-х гг.) // ИИЕТ РАН: Годичная науч. конф. 1998. М., 1999. С. 279—282; и др.

²⁹ Берлявский Л. Г. Власть и отечественная наука: Формирование государственной политики (1917—1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2004. С. 474.

³⁰ Там же.

³¹ Гришина Н. В. Отечественная наука и власть в 1910—1920-е гг.: К вопросу о модели взаимоотношений // Вестник Омского ун-та. Сер. Исторические науки. 2014. № 1. С. 72.

³² Там же. С. 73.

³³ Сергеев С. В. Становление системы партийно-государственного управления научным и кадровым потенциалом промышленности (1917—1941-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 13.

³⁴ Там же. С. 19.

что занятая российской научной интеллигенцией позиция компромиссной толерантности позволила ей быть «вне политики»³⁵.

Компромисс также состоял в признании большевиками академической самостоятельности и самоуправления, обеспечения стабильного финансирования Академии наук для усиления ее научно-исследовательского потенциала в обмен на обязанность Академии наук работать над тематикой, отвечающей нуждам государственного строительства³⁶. 16 апреля 1918 г. было принято постановление Совнаркома РСФСР о привлечении Академии наук к государственному строительству.

В руководстве наукой в Советской России в годы Гражданской войны можно заметить дуализм. Первым органом, осуществлявшим руководство наукой, стал Наркомпрос. В его системе были созданы Научный отдел и Академический центр. Научный отдел отвечал за мобилизацию и концентрацию научных сил страны, призван был содействовать и способствовать их развитию. Академический центр Наркомпроса разрабатывал планы и программы деятельности научных учреждений, занимался организацией научных съездов, конкурсов, экспедиций и т.п., заведовал учреждениями, занимающимися чисто теоретической работой. В марте 1918 г. было принято решение об организации Отдела по мобилизации научных сил при Наркомпросе³⁷. В том же году было создано Главное управление научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями (Главнаука), в 1919 г. — Государственный ученый совет (ГУС), в 1920 г. — Главный комитет

профессионально-технического образования (Главпрофобра) Наркомпроса РСФСР.

Вторым руководящим органом государственного управления наукой стал Научно-технический отдел Высшего Совета Народного хозяйства (НТО ВСНХ). Его цель состояла в централизации всего научно-технического опытного дела РСФСР для сближения науки и техники с практикой производства. В отделе были представлены компетентные ученые прикладного профиля. НТО ВСНХ стал центром консолидации советской науки и техники, объединявшим более 54 научно-технических учреждений — институтов, опытных производств, лабораторий, научных обществ. «В их числе были Институт прикладной минералогии и металлургии, Центральный аэрогидродинамический институт, Государственный институт прикладной химии. Научно-исследовательский институт по изучению Севера, Институт механической обработки полезных ископаемых и другие исследовательские организации»³⁸.

Кроме этих двух руководящих центров, существовало большое количество партийных и государственных органов управления наукой в СССР, что позволяет говорить о параллелизме в их работе.

В годы Гражданской войны шел процесс институализации науки. В структуре советской науки можно выделить несколько элементов. На вершине системы была Академия наук. Это положение устраивало власть. Академию наук и до революции отличала «сильная традиция политического повиновения и привилегированной близости к автократической власти»³⁹.

³⁵ *Матвеева Л. С.* Роль ученых Урала и «Белой» Сибири в развитии высшей школы и науки Дальнего Востока России (1918—1922 гг.) // Вестник Томского ун-та. Сер. История. 2010. № 3 (11). С. 69.

³⁶ *Гришина Н. В.* Отечественная наука и власть в 1910—1920-е гг.: К вопросу о модели взаимоотношений // Вестник Омского ун-та. Сер. Исторические науки. 2014. № 1. С. 73.

³⁷ Там же. С. 72.

³⁸ *Берлявский Л. Г.* Власть и отечественная наука: Формирование государственной политики (1917—1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2004. С. 474.

³⁹ *Кожеевников А.* Первая мировая война, гражданская война и изобретение «большой науки» [Электронный ресурс]. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/ps/87—111.pdf>

Первоначально Академия наук негативно отнеслась к новой власти, но уже через несколько месяцев заключила соглашение с советским правительством. 16 апреля 1918 г. Совнарком РСФСР принял постановление о привлечении Академии наук к государственному строительству, признавшее необходимым финансирование Академии и указавшее ей как «особенно важную и неотложную задачу разрешение в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил»⁴⁰. Академия наук стала организующим и привлекающим ученые силы страны центром, отделялась от вузов. Ее учреждения занимались прикладной наукой; нацеливались на новые области исследования, создание новых образцов техники и технологий⁴¹.

Важным элементом было учреждение новых научно-исследовательских институтов. По мнению А. Б. Кожевникова, «созданию новых институтов способствовали также ведомственные конфликты между комиссариатами. Стремление монополизировать те или иные стороны общественной жизни приводило к организации обособленной в рамках отдельного ведомства “НИОКР-империи” с большим количеством институтов»⁴². Ранее существовавшие лаборатории, бюро, экспериментальные производства и станции были переименованы и реорганизованы в институты. По подсчетам Л. Г. Берлявского: в 1918—1919 гг. было создано 33 крупных НИИ, в том числе ЦАГИ, где трудились

Н. Е. Жуковский, С. А. Чаплыгин, А. Н. Туполева, НАМИ (Е. А. Чудаков, Н. Р. Бриллинг, В. А. Климов), Государственный оптический институт (Д. С. Рождественский, Н. Н. Качалов, А. А. Лебедев), Физико-технический институт (А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов, А. А. Чернышев) и др. Всего в 1918—1920 гг. возникли 117 новых научных учреждений⁴³. Институты создавались под руководством ученых Академии наук при профильных наркоматах.

В этом же ряду нужно выделить научные учреждения, которые находились в непосредственном ведении партийного руководства: Социалистическая Академия общественных наук (САОН), Коммунистический НИИ в Петрограде, Государственный НИИ изучения и пропаганды естественнонаучных основ материализма им. К. А. Тимирязева, Научное общество марксистов, Общество воинствующих материалистов-диалектиков, общество «Октябрьской мысли» по изучению культуры современности и т. п.⁴⁴

Еще одним элементом системы советской науки были научные общества. В годы Гражданской войны продолжали действовать как многие дореволюционные научные общества, особенно естественнонаучного профиля, так и создавались новые.

Несмотря на финансовые трудности военного времени, в 1918 г. общая доля расходов на науку составила около 3% от общего бюджета государства. Начиная с 1921 г. ассигнования на развитие науки ежегодно увеличивались более чем на 30%⁴⁵. Наука

⁴⁰ Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925): Сборник документов. Л., 1968. С. 124—125.

⁴¹ Макаренко В. П. Этатизация науки [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/484/883/1219/journal5.4—10.pdf>

⁴² Кожевников А. Б. Первая мировая война, гражданская война и изобретение «большой науки» [Электронный ресурс]. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/ps/87—111.pdf>

⁴³ Берлявский Л. Г. Власть и отечественная наука: Формирование государственной политики (1917—1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. С. 184.

⁴⁴ Там же. С. 192.

⁴⁵ Чеснова Л. В. Наука и власть в Советской России (1918 — начало 30-х гг.) // ИИЕТ РАН: Годичная науч. конф. 1998. М., 1999. С. 279.

полностью перешла на государственное содержание. Для ученых создавались условия работы, предоставлялось снабжение топливом, оборудованием, продуктами питания. В 1921 г. была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ).

Советская наука строилась на прочной и всесторонней связи с потребностями и практикой хозяйственного строительства. Это нашло отражение в работе В. И. Ленина «Набросок плана научно-технических работ» (1918 г.), где намечались основные направления исследовательской работы: обеспечение промышленности сырьем и энергией, ее рациональное размещение и организация в стране, работы по электрификации.

Работа научных учреждений была основана на принципе планирования. Академии наук предлагалось создать несколько комиссий для составления плана реорганизации экономики страны. Была восстановлена созданная в 1915 г. Комиссия по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС). В 1919—1920 гг. Академия наук организовала более 200 экспедиций на Урал, Кольский полуостров, в Сибирь, Среднюю Азию, Поволжье, где велись и поисково-разведочные работы, и связанные с ними теоретические исследования⁴⁶.

Важную роль в развитии советской науки сыграл план ГОЭЛРО (1920 г.). Его целью являлась коренная реконструкция на базе электрификации горнодобывающей промышленности, машиностроения, транспорта, химического производства. На стадии реализации плана ГОЭЛРО внедрялись достижения ученых, в том числе и открытия в фундаментальных областях науки.

Советское государство уделяло особое внимание развитию естественных наук, гу-

манитарные науки рассматривались через призму идейно-политической поддержки.

Развитие науки в 1917—1920 гг. представляется неполным без освещения деятельности альтернативных научных центров, которые создавались антибольшевистскими правительствами. Так, летом 1918 г. на Украине обсуждался вопрос об основании Главной физической обсерватории в ведении Украинской академии наук. Особое совещание правительства А. И. Деникина в 1919 г. учредило Метеорологический комитет при Управлении народного просвещения, который должен был стать Главной физической обсерваторией России, восстановить метеорологическую сеть, организовать снабжение метеорологических станций приборами, осуществлять общее научное руководство и контроль за правильностью производства метеорологических наблюдений⁴⁷. В Омске Западно-Сибирский отдел Российского географического общества взял на себя функции центрального учреждения. По его инициативе в 1919 г. была возобновлена деятельность комиссии «Архив войны». Во Владивостоке в 1920 г. был создан Геологический комитет Дальнего Востока, предпринята попытка создания Приморской областной ученой архивной комиссии, которая должна была взять под контроль и обеспечить сохранность архивов ликвидированных и существующих учреждений и ведомств⁴⁸.

В годы Гражданской войны сложился феномен интеллектуальной миграции, способствовавшей рассредоточению научной интеллигенции из центра по разным регионам страны, многие из которых стали ареной борьбы различных политических сил. В экстремальных условиях Граждан-

⁴⁶ Митин В. В. Трансформация организационной и научной деятельности РАН в 1917—1925 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/metami04/metami04_03.pdf

⁴⁷ Еремеева А. Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: Практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар, 2017. С. 109.

⁴⁸ Милыгина Л. С. Роль ученых Урала и «Белой» Сибири в развитии высшей школы и науки Дальнего Востока России (1918—1922 гг.) // Вестник Томского ун-та. Сер. История. 2010. № 3 (11). С. 68.

ской войны ученые продолжали научную деятельность. Это во многом объяснялось занятой ими позиция компромиссной толерантности в отношении часто сменявшихся властей. Большинство ученых видели свой долг в том, чтобы «делать» науку независимо от характера существующей власти. К этому подталкивал не только инстинкт самосохранения, но и искренняя вера в аполитичность научной работы, ориентация на «служение народу», вера в необходимость его просвещения, качества, которые всегда были свойственны русской интеллигенции⁴⁹. Такая позиция позволила не только сохранить научный потенциал, но и приумножить его, способствуя экономическим потребностям территорий. Вузовские кафедры и научные учреждения сами инициировали исследования и работали по поручению различных организаций.

По инициативе научной интеллигенции при поддержке властей и общественных организаций создавались новые научные институты, многопрофильные научные центры. Созданный в 1919 г. Институт исследования Сибири ставил задачу «научно-практического исследования природы, жизни и населения Сибири в видах наиболее рационального использования природных богатств края и культурно-экономического его развития»⁵⁰. Примером активного привлечения научных сил

к решению насущных нужд региона может служить и деятельность созданного в декабре 1917 г. в Екатеринодаре Совета обследования и изучения Кубанского края, объединившего представителей различных областей знания⁵¹. В КЕПС Крыма, созданной в июне 1920 г. при Крымском обществе естественных наук и получившей стараниями ее руководителя В.И. Вернадского финансовую поддержку от правительства Врангеля, оперативно начали изучать «производительные силы как минерального, так и растительного, и животного царств Крыма, а также воду и воздух»⁵².

В годы Гражданской войны были созданы аналогичные по задачам Центральному геологическому комитету геологические комитеты на Украине, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Таким образом, научная жизнь в годы Гражданской войны не замерла, напротив, несмотря на экстремальные условия военного времени, получила новый импульс к развитию. С одной стороны, произошла ее институализация и этатизация. В руководстве советской наукой сложилась ведомственно-отраслевая система. С другой стороны, интенсивная научная жизнь способствовала интеллектуализации регионов. Таким образом, именно в годы Гражданской войны был заложен фундамент советской науки.

⁴⁹ *Маякина Л.С.* Роль ученых Урала и «Белой» Сибири в развитии высшей школы и науки Дальнего Востока России (1918—1922 гг.). С. 69.

⁵⁰ *Еремеева А.Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...»: Практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. С. 113.

⁵¹ Там же. С. 114.

⁵² Там же. С. 119.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ РЕВОЛЮЦИИ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Символы — важнейшее средство политической идентификации, легитимации и мобилизации. Символы маркируют политические изменения, что проявляется либо в попытках присвоения, монополизации авторитетных государственных и национальных символов, либо в их отрицании и утверждении новой символики в качестве государственной. Наконец, немалое значение имеет и то обстоятельство, что идеологические представления нередко проникают в массовое сознание не с помощью важных программных текстов и посланий политических лидеров, а посредством политических символов, и в этом проявляются их коммуникативная и мобилизующая функции.

Во времена глубоких общественных потрясений, особенно в эпохи революций и гражданских войн, роль символики сильно возрастает: государство теряет монополию и на легитимное осуществление насилия, и на правотворчество, в этой ситуации важнейшим источником власти становится авторитет. Претенденты на власть постоянно должны доказывать свою легитимность, в том числе и активизируя свою символическую политику. Символы апеллируют не только к разуму, но и к эмоциям, а это

особенно важно в условиях архаизации общественного сознания, сопровождающей политические потрясения¹.

Историки революции и Гражданской войны нередко вспоминают о символах, иллюстрируя события «большой» политической и военной истории, главными акторами которой традиционно предстают политические партии и лидеры, правительства и войсковые соединения. Между тем символика нередко не только маркирует свершившиеся процессы, она оформляет, провоцирует и регулирует конфликты разного уровня, она является важнейшим политическим ресурсом и заслуживает специального рассмотрения. К этому подталкивает и изучение истории Гражданской войны в России на современном этапе. Так, исследователи полагают, что крестьянство эпохи Гражданской войны нельзя рассматривать лишь как объект воздействия со стороны политических партий и государственных образований. Крестьянство в разных регионах пыталось стать самостоятельным субъектом политического процесса². Соответственно, важно изучить различные тактики самоорганизации крестьянства, а для этого — среди прочего важно рассмотреть рито-

¹ Об архаизации в эпоху революции см.: *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

² О современной историографии крестьянского движения см.: *Кондрашин В. В.* Крестьянское повстанческое движение 1918—1922: Итоги и направления исследования // *Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Очерки истории и историографии.* М.; СПб., 2018. С. 437—485.

рику и символику, использовавшуюся повстанцами и их вожаками³.

Пропаганда воспринималась в значительной части неграмотным населением либо через устные сообщения, либо через плакаты и карикатуры, кинематограф и театр, а они широко использовали визуальную и музыкальную символику. В политическом просвещении, однако, нуждались не только неграмотные. До революции большинство жителей России не участвовало в политической жизни даже на местном уровне. Это отчуждение от политики спешно преодолевали в новую наступившую революционную эпоху и политизирующиеся массы, и те, кто после свержения монархии включался в осуществление власти. Для неофитов же политической жизни именно символика становилась средством гражданского обучения и одновременно важным инструментом властвования.

К тому же, сакрализация царя продолжала оставаться фактом церковной жизни, а церковь была связана с империей институционально, поэтому антимонархическая революция не могла не привести и к «церковной революции», в которой политический язык и символика использовались разными участниками многообразных конфликтов⁴. Революция часто сравнивалась с Пасхой, а Пасха нередко сопоставлялась с революцией⁵. «Перенос сакральности», изучавшийся исследователями Французской революции⁶, важен и для понимания

Российской революции. Процессы секуляризации, которым свержение монархии придало ускорение, вели к тому, что новая политическая символика приобретала характер сакральных знаков⁷.

Уже в феврале 1917 г., во время восстания в Петрограде уничтожались государственные гербы, подобная «охота на орлов» получила распространение и в других населенных пунктах. Нападения на различные символы империи стали повсеместными. Нередко по своей инициативе, без каких-либо специальных распоряжений революционных организаций группы людей атаковали символы власти, считавшиеся монархическими, в их почти синхронных действиях проявлялось схожее символическое «иконоборческое» сознание. «Стихийная» борьба с символами «старого режима» способствовала политической самоорганизации на низовом уровне.

Временное правительство утвердило новую государственную печать, на ней двуглавый орел был «демократизирован», лишен имперской символики. Это изображение появилось на знаках отличия и денежных знаках, хотя правительство отложило рассмотрение вопроса о новом государственном гербе и государственном флаге до Учредительного собрания. Конфликты вокруг «орлов» продолжались после прихода большевиков к власти, хотя и они первоначально иногда использовали видоизмененный герб как положительный

³ О «народных вожаках» см.: От «германской» к Гражданской: Становление корпуса народных вожак русской смуты: Сб. статей и материалов. М., 2014. См. также: Крестьянский фронт. 1918—1922 гг.: Сборник статей и материалов. М., 2013; «Атаманина» и «партизанина» в Гражданской войне: Идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и материалов. М., 2015. Общие выводы на основе этих публикаций см.: *Посадский А. В.* Народные элиты Гражданской войны: Источники и пути формирования // *Эпоха войн и революции. 1914—1922: (Материалы междунар. colloquiuma, 9—11 июня 2016 года)*. СПб., 2017. С. 175—184.

⁴ *Рогозин П. Г.* Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

⁵ О «пасхальном» восприятии революции см.: *Годунов К. В.* «Красная пасха»: Празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб., 2023.

⁶ *Оуэп М.* Революционный праздник. 1789—1799 / Пер. с фр. Е. Э. Ляминой. М., 2003.

⁷ О «переносе сакральности» в условиях российской революции см.: *Годунов К. В.* «Перенос сакральности» и празднования революционного Октября в годы Гражданской войны // *Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и гражданской войны*. СПб., 2018. С. 58—75.

символ, он встречается на советских плакатах, денежных знаках и даже на некоторых красных знаменах⁸. Иногда использование двуглавого орла большевиками и их союзниками объяснялось чисто техническими причинами, иногда же он служил знаком национальной принадлежности революционно настроенных русских активистов, партизан, красногвардейцев. Такое использование было заметно, например, в регионах со смешанным населением, где шире использовалась различная национальная символика.

Со временем двуглавый орел перестал использоваться красными, он стал преимущественно символом белых. Однако особенности изображения герба отражали разногласия в лагере противников большевиков: отдельные правительства использовали дореволюционного орла с коронами, державой и скипетром, что вызывало протесты некоторых противников самодержавия, боровшихся с коммунистами⁹. Для некоторых антибольшевистских сил — носителей идей Февраля и сторонников новых национальных правительств — подобный «старорежимный» герб становился враждебным символом, что затрудняло сотрудничество разных группировок противников советской власти¹⁰.

Попытки использовать национальный бело-сине-красный флаг после Февраля даже либеральной прессой в 1917 г. порой описывались как «контрреволюционные», хотя официально он оставался государственным символом до апреля 1918 г. и поднимался во время различных политических манифестаций сторонников продол-

жения мировой войны, что вызывало протесты радикалов разного толка. В Челябинске, например, пресса призывала в честь дня «гражданского обновления» России украшать дома красными и красно-черными флагами. Горожан предупреждали, что знамена старого образца, в случае их вывешивания, будут уничтожаться¹¹. Национальный флаг со временем стал важным символом белых, он использовался во время манифестаций и изображался на агитационных плакатах, цвета флага применялись при создании новых знаков различия. Для носителей же революционной политической культуры — в том числе и для ряда противников красных — трехцветный, бело-сине-красный флаг становился узнаваемым знаком, маркирующим «контрреволюцию».

Императорский гимн «Боже, Царя храни!» после Февраля отрицался совершенно, его исполнение даже в неформальной обстановке порождало обвинения в контрреволюционности не только со стороны большевиков. Исполнение этого гимна в годы Гражданской войны порождало конфликты в лагере противников большевиков. Главные центры противостояния красным не рисковали его официально использовать, чтобы не раскалывать антибольшевистский фронт, хотя на некоторых полковых праздниках демонстративно исполнялся дореволюционный гимн¹².

Матросы, особенно решительно отвергавшие разные «старые» символы, после Февраля нередко сохраняли Андреевский флаг: если на мачтах военных кораблей поднимался боевой флаг красного цвета,

⁸ Корнаков П. К. Краски войны // Родина. 1990. № 10. С. 26—28, 34, 50—51; Соболева Н. А., Артамонов В. А. Символы России: Очерки истории государственной символики России. М., 1993. С. 143.

⁹ Николаев Р. Деньги Белой гвардии. СПб., 1993. С. 41, 61; Каталог бумажных денежных знаков России и стран СНГ (1769—1993). М., 1996. С. 7—11, 16—17, 20, 35—36, 37; Герб и флаг России. X—XX вв. М., 1997. С. 355.

¹⁰ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры 1917 года. СПб., 2012. С. 98—100.

¹¹ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 184.

¹² Сахаров К. В. Белая Сибирь: (Внутренняя война 1918—1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 310.

то на корме — традиционный военно-морской флаг. За сохранение традиционного морского символа высказался даже крайне радикально настроенный Центральный комитет Балтийского флота, хотя некоторые активисты требовали заменить его красным флагом, а иногда и пытались самостоятельно произвести замену символов¹³. Корабли флота шли на штурм власти в октябре 1917 г. под Андреевским флагом, а флаги Центральных комитетов флотов, которым передавалась власть в соединениях, создавались на основе адмиралских флагов — большевики в этом отношении первоначально опирались на авторитет морской традиции. Между тем в Черноморском флоте в октябре 1917 г. несколько кораблей спустили Андреевский флаг и подняли украинский флаг, в ответ на что другие суда подняли красный флаг.

Борьба символов продолжалась и после Октябрьской революции, что отражало попытки украинизации флота. 18 ноября общероссийский съезд военного флота, стремившийся избежать раскола Черноморского флота, постановил поднять на кораблях красный «флаг Интернационала», который воспринимался как общереволюционный символ¹⁴. Со временем Андреевский флаг стал символом белых, хотя некоторые противники большевиков и в этом отношении проявляли колебания¹⁵. Пропаганда красных, однако, не использовала изображения Андреевского флага как инструмент дегитимизации противника на плакатах и карикатурах. Возможно, это могло быть связано с тем авторитетом, которым старый символ пользовался среди матросов, многие из ко-

торых носили татуировки, изображавшие традиционную флотскую символику.

Временное правительство отчасти сохранило традиционную наградную систему, постепенно устранив явно монархические эмблемы и реформируя процесс награждения. Многие же революционные активисты требовали полной ликвидации наград как «старорежимных» и противоречащих идеалам всеобщего равенства, а военнослужащие нередко не желали носить медали с изображением бывшего царя. Наблюдалось и стремление ликвидировать всю наградную систему как «старорежимную». Движение за отказ от наград усилилось осенью, и 10 ноября 1917 г. Всероссийский Центральный исполнительный комитет и Совет Народных Комиссаров приняли декрет, упразднивший ордена и медали, хотя отдельные советские ведомства продолжали награждения и после. Ордена империи получили новую жизнь на территориях белых. Хотя часть генералов полагала, что в Гражданской войне неэтично использовать традиционные боевые награды, но все же награждения производились, российские ордена получали даже иностранные офицеры союзных армий¹⁶. Создавались и новые наградные системы, опиравшиеся на дореволюционную традицию. В большевистской же пропаганде пожилой генерал, украшенный «старорежимными» наградами Белого движения, стал узнаваемым образом классового врага, так он изображался на плакатах и карикатурах¹⁷.

Военнослужащие в 1917 г. «революционизировали» погоны: прикалывали к ним

¹³ Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота (1917—1918). М.; Л., 1963. С. 38.

¹⁴ Колоницкий Б. И. Политические символы и борьба за Черноморский флот в 1917 году // «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года: Материалы междунар. науч.-теорет. конф. 3—4 октября 2005 г. СПб., 2006. С. 88—105.

¹⁵ Кадесников Н. З. Краткий очерк Белой Борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России (1917—1922 гг.). СПб., 1992. С. 60.

¹⁶ Можейко И. Награды. М., 1998. С. 312—316; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918—1920 гг. СПб., 1999. С. 307, 328—329.

¹⁷ Герасимова М. М. Белогвардеец // Гражданская война в образах визуальной пропаганды: Словарь-справочник. СПб., 2018. С. 13.

красные банты, обшивали их красной материей. Появлялись и новые знаки различия, в которых комбинировалась старая и новая, революционная символика, она использовалась, например, при создании погон и шевронов ударных частей¹⁸. Часть же матросов воспринимала все погоны как царские, «старорежимные» эмблемы, из-за чего в Кронштадте в марте «обеспогонили» всех офицеров. В Гельсингфорсе, где находилась главная база Балтийского флота, даже избранные матросами комитеты не контролировали нарастающую стихийную борьбу команд с погонами. Морским офицерам, пережившим восстание в Феврале, угрожало избиение, поэтому командующий флотом адмирал А.С. Максимов, желая избежать нового конфликта, 15 апреля приказал снять погоны, а потом ввел для офицеров флота парикавные нашивки, ставшие новым знаком различия. Затем и министр А.И. Гучков издал аналогичный приказ, касающийся моряков. В армии военнослужащие также иногда отказывались от знаков различия, хотя эти действия имели разное значение в разных ситуациях. Между отрицанием погон и политической радикализацией тех или иных войсковых частей существовала связь, хотя некоторые большевики носили их и после Октября и даже присваивали новые звания своим сторонникам. Эгалитарные требования уравнивания солдат и офицеров в отношении жалования и пособий стимулировали борьбу с погонами и другими знаками различия. Войсковые соединения принимали самостоятельные решения в отношении знаков различия. Большевики учитывали эти

настроения. 30 ноября 1917 г. военно-революционный комитет при Ставке упразднил чины и звания, отменил ношение погон¹⁹.

Отказ от важных для кадровых военнослужащих символов (полковые знамена, Андреевский флаг, погоны) болезненно воспринимался многими офицерами армии и флота, тем более что порой они подвергались физическому насилию во время конфликтов вокруг этих символов, что нередко влияло на их политический выбор.

Декреты большевиков, отражавшие настроения многих военнослужащих, юридически оформили уже сложившуюся ситуацию. Антипогонное движение перекидывалось и на те территории и войсковые соединения, которые Совнарком не прямо контролировал или не контролировал вовсе, это касалось, например, некоторых антибольшевистских национальных формирований²⁰. Некоторых противников большевиков также отличали антипогонные настроения. Так, командование Народной армии Комитета членов Учредительного собрания воспретило ношение погон, не носили погоны и в Сибирской армии. Ранее, в декабре 1917 г., от погон отказалось командование Чехословацкого корпуса. Консервативно настроенные военные возмущались «полутоваришеским» видом своих «демократических» и чехословацких союзников, игравших важнейшую роль в борьбе с красными, а для некоторых социалистов-революционеров погоны были символом «монархизма», что порой провоцировало конфликты в лагере противников большевиков²¹. И населением возвращение

¹⁸ Корнаков П. К. Краски войны // Родина. 1990. № 10. С. 26—27, 50—51.

¹⁹ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры 1917 года. С. 152—214.

²⁰ Квинтадзе Г. И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии. Paris, 1985. С. 45; Дерябин А. Гражданская война в России. 1917—1922: Национальные армии. М., 1998. С. 22, 26, 36—40.

²¹ Сахаров К. В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918—1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 7, 10, 17, 22, 26, 35, 85, 221, 228; Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе—феврале 1920 г. // Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923. С. 285—286; Дерябин А. Народная армия Комуца. 1918 г. // Цейгауз. 1994. № 1 (3). С. 34; Он же. Гражданская война в России. 1917—1922: Национальные армии. С. 28—30, 5—6.

прежних знаков различия офицерам порой воспринималось неоднозначно: «Опять офицера погоны надели, как при царях, опять нашему брату плохо придется!» В подобной ситуации многие офицеры иногда побавались вновь пришивать погоны²². В то же время элементы дореволюционной формы одежды могли использоваться и для демонстраций. Так, составленная чекистами сводка о праздновании Пасхи 1920 г. в одном из районов Оренбуржья сообщала: «В станице Кардаиловской [...] происходило поголовное пьянство, раздавались призывы “Да здравствует Николай Второй”, надевали кокарды и погоны»²³.

Погоны были восстановлены и в военном флоте белых. Орлы на адмиральских погонах, однако, лишались при этом корон, что должно было символизировать политику «непредрешенчества»²⁴. Сам факт восстановления погон для моряков, однако, мог восприниматься как отказ от системы политических символов Февраля. В пропаганде красных «золотопогонник» и обладатель имперских орденов, приверженец «старорежимной» символики, стал символом реакционной реставрации. Этот негативный образ можно встретить в пропаганде некоторых противников большевиков. Отношение к погонам символизировало расколы в антибольшевистском лагере. Во время же Кронштадтского мятежа образ ненавистного «золотопогонника» исполь-

зовали в своей пропаганде и большевики, и противостоящие им антикоммунистические повстанцы: они упрекали друг друга в восстановлении «старорежимных» порядков²⁵.

Движение против «старорежимных» символов часто не инициировалось какой-либо политической партией, оно было следствием низовых инициатив политизирующихся и радикализирующихся масс. Временное правительство пыталось сочетать старую — имперскую и новую — революционную символику, в этом проявлялась его установка на достижение широкого политического компромисса. Для многих участников политического процесса, придерживавшихся самых разных взглядов, это было недопустимое соединение своих сакральных символов с символами ненавистных противников. Символическая политика основных участников Гражданской войны делала такой компромисс невозможным.

В России уже к 1905 г. сложилась революционная политическая культура, частью которой были политические символы²⁶. Красный флаг и «Марсельеза» (в различных ее вариантах) стали главными символами Февраля. Развитая система революционных традиций, символов и ритуалов способствовала самоорганизации улыцы, с их помощью стихийные вспышки протеста преобразовывались в массовое

²² Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917—1922 гг. М., 2019. С. 183. Генерал В. В. Марушевский, приказавший в ноябре 1918 г. возвратиться к старой форме одежды в Северной области, вспоминал: «[...] часть офицерства с восторгом одела погоны и кое-как раздобыла кокарды, ордена и другие наружные отличия. Другие боялись этих погон до такой степени, что мне приходилось бороться уже с помощью гауптвахты и дисциплинарных взысканий» (Марушевский В. В. Белые в Архангельске. Л., 1930. С. 100—101).

²³ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. С. 306.

²⁴ Буюков А., Крицкий Н., Кузнецов Н. Адмиральские погоны А. В. Колчака // Цейхгауз. 2002. № 17 (1). С. 34—35; Каревский А. Униформологический портрет адмирала А. В. Колчака // Колчакия [Электронный ресурс]. URL: www.kolchakiya.ru/uniformology/Kolchak_portrait.htm (дата обращения: 02.08.2019).

²⁵ Известия Временного революционного комитета матросов, солдат и рабочих города Кронштадта 1921. 16 марта; Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы: В 2 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 262, 278, 439.

²⁶ Об использовании политической символики в российском революционном движении см.: Соболева И. А. Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии. М., 2018. С. 527—542, 573—602.

политическое движение без прямого руководства и даже без участия политических партий. Одновременные и схожие символические акции, проходившие на территории огромной империи, являлись показателем распространенности и укорененности российской революционной традиции, главными носителями которой были социалисты разного толка. Можно говорить о культурной гегемонии социалистов в революции, которую многие современники и историки именовали «буржуазно-демократической»²⁷.

Красный флаг фактически играл роль символа новой России. Пропаганда всех социалистов создавала культ «святого знамени свободы», которое могло в то же время восприниматься и как «символ Интернационала», знак антимилитаристской борьбы. Члены Временного правительства и генералы либо терпели красный флаг, либо даже использовали его, фактически содействуя утверждению этого символа в качестве государственного. Порой красные флаги заменяли старые полковые знамена. Революционная символика отразилась и на знаменах ударных частей. Достаточно вспомнить Корниловский ударный полк, сыгравший большую роль в организации Белого движения, в его символике использовались красный и черный цвета, что означало готовность пожертвовать своей жизнью во имя свободной родины. В среде Временного правительства возникли и проекты создания «Красного революционного знамени» для награждения отличившихся полков, что предвосхищало символическое творчество большевиков. Об этом сообщалось в приказах по армии.

Красный флаг использовался и как легитимирующий символ различных национальных движений, конкурируя порой

с религиозной и национальной символикой. Его несли во время религиозных процессий, что подтверждало сакральный характер этого важного символа. Политики заявляли о своем исключительном праве на флаг: лишь свою партию, лишь своих вождей они считали «истинными знаменосцами», противопоставляя их оппонентам, «недостойным» использовать красный флаг. Эта тема фигурирует и в большевистской, и в антибольшевистской пропаганде умеренных социалистов. Под красным флагом выступали политические противники. Стремление уничтожить «чужие» красные флаги, присущее уже конфликтам 1917 г., предвосхищало ряд столкновений Гражданской войны, когда некоторые вооруженные формирования сражались друг против друга, используя революционную символику.

Отдельные военачальники, в их числе генералы А. А. Брусилов и Л. Г. Корнилов, верховные главнокомандующие российской армии, использовали в 1917 г. красный флаг для поднятия боевого духа солдат и укрепления дисциплины, это находило отражение в их приказах и речах. Так, Корнилов приветствовал военного министра А. Ф. Керенского словами: «под этим красным знаменем армия пойдет вперед и исполнит свой долг»²⁸.

Красный флаг исполнял и роль нового символа власти. Его, например, поднимали над Зимним дворцом, когда там находился Керенский. Официальный статус красного знамени как государственного символа новой России, однако, был закреплен лишь в апреле 1918 г. декретом ВЦИК²⁹.

Многие противники большевиков считали их узурпаторами, незаконно похитившими символы революции. Сторонники Учредительного собрания под крас-

²⁷ Колоницкий Б. И. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года // Неприкосновенный запас. 2017. № 6 (116). С. 72—87.

²⁸ Русский инвалид. 1917. 27 июня.

²⁹ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 62.

ное знамя призывали своих сторонников. Но в ходе Гражданской войны красный флаг постепенно начал восприниматься как символ большевиков, хотя его использовали и многие участники различных антикоммунистических восстаний: революционный символ быстро становился инструментом политического и социального протеста³⁰. Отношение к красному флагу стало и индикатором раскола в лагере противников большевиков, и фактором, этому расколу способствовавшим.

Роль нового гимна в 1917 г. играла «Марсельеза». Ее исполняли при встрече министров, при приеме иностранных делегаций, во время парадов и перед началом наступления. В то же время «Марсельеза» звучала и во время трудовых конфликтов, а на фронте служила сигналом к братанию. Многие социалисты считали «Марсельезу» гимном «буржуазной» революции, противопоставляя ему «Интернационал». Однако обе мелодии нередко воспринимались как элементы единой политической культуры. Большевики, например, не отказывались полностью от «Марсельезы», не обладали они и монополией на «Интернационал». Его, например, пели делегаты меньшевистских и эсеровских партийных форумов³¹.

Октябрь придал новый смысл песням и пению. 5 января 1918 г. демонстранты, сторонники Учредительного собрания пели революционные песни, а на его открытии звучал «Интернационал», к пению которого присоединились все депутаты, находившиеся в Таврическом дворце. Все это оказало влияние на отношение к Учредительному собранию части либералов и консерваторов, которые воспринимали его как «социалистическое», заведомо

враждебное им³². На III съезде Советов, состоявшемся после разгона Учредительного собрания, исполнялись и «Марсельеза», и «Интернационал». Затем роль главного гимна советской республики перешла к «Интернационалу».

В России после Февраля существовал редкий для военного времени политический плюрализм (возможности монархистов, однако, были ограничены), но в сфере символики почти безраздельно господствовали знаки революционного подполья, даже лидеры многих национальных движений их использовали. Покушение на символы революционной страны воспринималось как контрреволюция, люди разных взглядов болезненно относились к любым попыткам символической реставрации — действительным и воображаемым.

Гнесту, нищете и мраку настоящего вся система революционных символов противопоставляла грядущее — «вольное царство святого труда», «Новый мир». Прорыв в светлое будущее должен был осуществиться в результате грандиозной битвы, «последнего» боя. Такая система революционных символов могла быть использована не только для свержения монархии, но и для углубления социальной революции, образы революционных символов были созвучны самым радикальным политическим призывам, исходившим от большевиков и их союзников. Видение мира, предлагавшееся этими символами, было явно ориентировано на «углубление революции», а не на достижение гражданского мира. Показательны заглавия некоторых сборников песен, изданных в 1917 г.: «Песни народного гнева», «Песни террора», «Песни ненависти, борьбы и мести».

³⁰ Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы. Кн. 1. С. 255, 404; Кн. 2. С. 45.

³¹ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры 1917 года. С. 260—275.

³² Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе—феврале 1920 г. // Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923. С. 250; Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 309.

Разнообразные социальные, этнические, межобщинные конфликты во время революции и Гражданской войны часто протекали без непосредственного руководства партий. Однако их участники не действовали в каком-то политическом и культурном вакууме. Они использовали распространенную революционную риторику и символику для самоорганизации и легитимации насилия³³.

Сторонники политического компромисса, приверженцы классового мира, общенационального единства и продолжения мировой войны не могли полностью опираться на революционную символику. Символическая политика умеренных социалистов противоречила их политической тактике: они не могли отказаться от своих старых сакральных революционных символов, хотя это осложняло достижение гражданского согласия, способствовало культурной и политической подготовке Гражданской войны.

Участники Гражданской войны проводили символическую политику, которая должна была обеспечивать решение военных и политических задач, при этом они не могли не испытывать воздействия символических преобразований 1917 г.

Создавая новую государственную символику, большевики узаконили сложившуюся ситуацию. Опираясь на различные массовые движения, отрицавшие старую символику, они использовали систему символов, утвердившуюся после Февраля, которая не требовала радикальной замены: менялась лишь иерархия символов

и их «перевод» в рамках единого знакового комплекса. Ее использование, придание ей официального статуса, все это делало новый режим легитимным для многих носителей революционной политической культуры. В то же время революционная символика и риторика могли использоваться и для организации антикоммунистического движения: новые огосударственные символы легко превращались в символы политического протеста³⁴.

Политическая и культурная атмосфера революции стимулировала создание новых политических традиций, ритуалов и символов. Вскоре после свержения монархии начала складываться советская «геральдическая» система. Эмблемы, содержащие серп и молот, фиксируются уже весной 1917 г. Они появились фактически одновременно и независимо друг от друга в разных местах и на разных уровнях, одна из таких ранних эмблем украшала даже резиденцию Временного правительства³⁵. В то же время эсер Д. О. Хелаев предложил проект российского герба: на красном знамени был изображен земной шар, обрамленный венком из лавра, где каждый лист обозначал субъекта новой федерации. Так предвосхищался государственный герб СССР³⁶. Соответствующим образом был украшен и зал заседаний Первого съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917 г.): на красном фоне полотна были изображены перевязанные вместе серп, молот и винтовка, а выше размещен глобус, опоясанный лентой с надписью «С.Р. и С.Д.»³⁷.

³³ Engelstein L. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War. 1914—1921*. Oxford, 2018. P. 217, 513.

³⁴ Иногда антикоммунистические повстанцы использовали не только революционные символы, но и образы коммунистических вождей: в декабре 1919 г. в Воронежской губернии повстанцы сохраняли Советы, в помещениях которых оставались красные флаги, портреты Ленина и Троцкого (см.: Павлюченков С. А. *Военный коммунизм в России: Власть и массы*. М., 1997. С. 138).

³⁵ Корнаков П. К. 1917 год в отражении вексиллологических источников: (По материалам Петрограда и действующей армии): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 105.

³⁶ Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г // *Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 363.

³⁷ Русский инвалид. 1917. 4 июня.

К 1917 г. относится и нереализованный проект использования красной звезды как нарукавного знака различия для унтер-офицеров флота³⁸. «План формирования революционных батальонов волонтеров тыла», утвержденный генералом А. А. Брусиловым, предусматривал форму без погон, а знаками различия стали красно-черные нарукавные нашивки, обозначавшие не звание, а должность. Волонтеры погоны все же получили³⁹. Проект новой формы милиции, предложенный министром внутренних дел Временного правительства меньшевиком А. М. Никитиным, тоже предполагал отказ от погон, а знаки различия милиционеров размещались на воротнике⁴⁰. Тем самым также предвосхищалась советская система знаков различия.

Невозможно доказать, что советские власти впоследствии ориентировались на эти дооктябрьские проекты. Вернее было бы предположить, что речь идет об общем символическом сознании, об общих тенденциях революционного символического творчества, которые впоследствии успешно оформлялись партией большевиков, пришедшей к власти осенью 1917 г.

Символы влияли на формирование политической культуры масс, «проснувшихся» к политической жизни после Февраля. Усвоение политических символов было нередко начальной фазой политизации. Они использовались как инструменты описания и интерпретации действительности, как непосредственное руководство к действию. Культовая гегемония социалистов, проявлявшаяся в утверждении символики революционного подполья, оказала особое воздействие на политизирующиеся массы, в том числе на «комитетский класс» — многочисленных чле-

нов разнообразных Советов и комитетов. Бывшие комитетчики играли важную роль в Гражданской войне. Одни из них стали командирами Красной армии и служащими советского аппарата, другие — «полевыми командирами» отрядов и соединений, которые противостояли большевикам. Но и последние порой использовали символику Февраля и революционную риторику как ресурс легитимации. Это затрудняло возможность соглашения между антибольшевистскими силами, ибо в пропаганде белых общая революционная символика маркировала врага.

Большевики стремились монополизировать, «большевизировать» революционную традицию и символический ресурс Февраля, представляя себя единственными хранителями системы революционных символов. И в этом им порой объективно помогала пропаганда белых.

Вместе с тем в пропаганде белых и красных наблюдаются некоторые совпадения⁴¹. В том и в другом случае важнейшим образом позитивной идентификации был мужественный рядовой военнослужащий, чаще всего солдат славянской внешности. На советских плакатах он носил головной убор с красной звездой, а в пропаганде белых был облачен в форму с погонями, нередко его украшали боевые награды. И красные, и белые признавали за врагом «его» политическую символику, которая маркировалась негативно: на плакатах красных, на плакатах белых и на карикатурах главным символом одних был трехцветный флаг (монархический символ — в интерпретации красных), а других — красное знамя, «красная тряпка», символ «смуты» (в оценках многих белых). Неприятие последними красного

³⁸ Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2304. Л. 80, 81, 95, 121.

³⁹ Кибовский А. Революцией призванные: (Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла) // Цейхгауз. 1998. № 8 (2). С. 30—36.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1358. Л. 526, 534.

⁴¹ Герасимова М. М. Белогвардеец // Гражданская война в образах визуальной пропаганды: Словарь-справочник. СПб., 2018. С. 12—19; Богомякова Е. С. Красноармеец // Там же. С. 48—59.

цвета доходило до того, что организация Красного Креста была преобразована в Белый крест⁴². Погоны и боевые ордена для одних были почетными знаками различия и боевыми знаками отличия, а для других — символами «старого режима», знаком контрреволюции. Стремление же большевиков описать белую армию как «царскую» находило отклик и у тех, кто не был сторонником коммунистов: символика Белого дела воспринималась как «старорежимная» не только большевиками и в тех случаях, когда их противники не были монархистами. Это — наряду с иными факторами — затрудняло создание единого антибольшевистского фронта. Напротив, приверженность революционной символике и отрицание символики дореволюционной, «монархической», облегчало большевикам возможность заключать временные тактические альянсы с их бывшими и будущими противниками, которые отождествляли себя с Февралем. Это имело немалое значение для хода Гражданской войны⁴³.

Символическая политика различных врагов большевиков существенно отличалась. Умеренные социалисты, антикоммунистические повстанцы разной политической ориентации использовали революционную символику Февраля и противостояли попыткам большевиков ее монополизировать. Так, председатель Комитета членов Учредительного собрания В. Вольский писал: «Красное знамя [...] является символом борьбы всех угнетенных против большевиков и немцев». Не все союзники Вольского поддерживали бы это утверждение.

Символика же Белого движения разрабатывалась в ходе Гражданской войны. Сам термин «белые» появился не сразу. Участники боев в Москве в ноябре 1917 г., боровшиеся с красногвардейцами, именовали себя «белой гвардией». Термин первоначально был локальным, московским, использовался не на всей территории России, хотя противопоставление красного и белого цветов для политической маркировки враждебных сил, в том числе противопоставление красного и белого террора, существовало в европейской политической традиции давно, по крайней мере с середины XIX в., уже в 1905 г. некоторые правые организации юга России именовали себя Белой гвардией. В конце 1916 г., после убийства Распутина, современники рассуждали о перспективах распространения красного и белого террора. Пропаганда большевиков, обличавшая уже с конца 1917 г. «белых», «белых генералов», а затем и «белогвардейцев» (не без влияния опыта Гражданской войны в Финляндии, в которой белые одержали победу над красными), способствовала распространению этого названия. Белые, принявшие, хотя не сразу и не везде, используемый противником термин, долгое время избегали называть себя Белой гвардией. Здесь существовали различия между разными армиями⁴⁴. С конца же августа 1918 г. двухцветное деление основных воевавших сторон утвердилось, хотя и не повсеместно. Все же белые первоначально предпочитали называть своих противников не «красными», а «большевиками», они часто не желали бросать вызов символике Февраля. Лишь со вре-

⁴² Герб и флаг России. X—XX вв. М., 1997. С. 472.

⁴³ О важности тактических союзов разного уровня см.: Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?—1922?) // Российская история. 2019. № 1. С 3—24. Одним из наиболее длительных и широких примеров таких союзов были коалиции, создававшиеся большевиками для борьбы с японской интервенцией и ее сторонниками. См.: Саблин И. Дальневосточная республика: От идеи до ликвидации. М., 2020.

⁴⁴ См. важное исследование, посвященное цветовой символике революции и Гражданской войны: Душенко К. В. Красное и белое: Из истории политического языка: Сборник статей. М., 2018.

менем красный цвет в белой пропаганде стал символом абсолютного зла⁴⁵.

Антибольшевистские режимы использовали различные элементы дореволюционной символики. Одни из них учитывали символические изменения Февраля, другие прибегали к полной символической реставрации. Это проявлялось, например, в изображениях двуглавого орла: герб в одних случаях сохранял монархическую символику (скипетр, орел, держава), а в других — ее лишался, что маркировало разногласия в рядах противников большевиков, а порой и провоцировало их.

Нередко символическая политика белых выглядела как реставрационная, хотя это фактически и не соответствовало идеологии различных антибольшевистских правительств. Верность лидеров этого движения некоторым символам старого режима, в том числе и тем, которые фактически, а порой и юридически, отменялись после Февраля, привела к тому, что к ним относились как к приверженцам монархии. Это создавало условия для восприятия пропаганды красных, которые не без успеха изображали своих противников «царской армией».

⁴⁵ Душенко К. В. Красное и белое: Из истории политического языка. С. 62, 64; Богомякова Е. С. Красноармеец // Гражданская война в образах визуальной пропаганды: Словарь-справочник. СПб., 2018. С. 52—53.

Часть VIII

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Выработка большевиками советской национальной политики

Национальная политика большевиков в советской историографии Гражданской войны характеризовалась в качестве единственно возможной и необходимой для решения накопившихся проблем. Политическое самоопределение народов на основе признания советской власти, национальное равенство и федеративный принцип образования советского государства трактовались как неизбежный путь прогресса ранее отсталых народов, а их интернациональное братство — как естественный способ совместно противостоять классам угнетателей всех национальностей и затем построить новое социалистическое общежитие народов, имевшее всемирно-историческое значение. Все альтернативные проекты считались буржуазно-националистическими, реакционными и справедливо отвергнутыми трудя-

щимися всех национальностей благодаря лучшей идеологии и практике советской власти¹.

С конца 1980-х гг. становятся неизмеримо разнообразнее тематика и подходы к исследованию всего комплекса национальных проблем и политического самоопределения народов в 1918—1922 гг. Большое значение имеет публикация новых источников², анализ деятельности Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР и советского правительства в решении национального вопроса³, признана важная роль национальных движений, организаций и иных структур и их лидеров в ходе и исходе Гражданской войны, а также в изменении национальной политики большевиков, восстанавливаются конкретно-исторические сюжеты взаимоотношений с центрами антисоветского

¹ Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент, 1969; Устинов В. М. Ленинская национальная политика на Востоке: (О руководстве ЦК РКП(б) Компартией Туркестана в 1918—1924 гг.). Фрунзе, 1963; История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967; Образование Союза Советских Социалистических Республик: Сборник документов. М., 1972; Хармандарян С. В. Сплочение народов в строительстве социализма: (Опыт ЗСФСР). М., 1982; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. 1917—1918. 2-е изд. М., 1987; и др.

² См.: Национальная политика на перекрестке мнений. М., 1992; Элбек-Доржи Ринчино: Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994; В. И. Ленин: Неизвестные документы. 1891—1922 гг. М., 1999; Толчибаев А. М., бек. Избранное: В 4 т. Баку, 2015; Рустамова-Тоғиди С. Алимардан бек Толчибаев: Армянский фактор в Бакинских событиях 1905—1905 и 1918 гг.: Документы из Парижского архива. Баку, 2018; и др.

³ См.: Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917—1920-е годы. М., 2022; и др.

движения. Ценный вклад в изучение истории мусульман в 1917—1920 гг.⁴ выявление и публикацию новых источников внес С. М. Исхаков⁵. Историки бывших советских республик главным образом в рамках «деколониального поворота» фокусируются на обосновании демократического потенциала национальных групп, партий и движений, реконструкции деятельности, биографиях их лидеров⁶.

В анализе комплекса национальных проблем и государственного переустройства интересы ученых сместились на освещение альтернативных проектов анти-советских сил и этнополитических элит, выступавших против большевистского варианта национальной политики и государственности страны, воссоздание противо-

речивой картины взаимодействия разных политических сил в годы Гражданской войны. Обращается внимание на ситуативный и условный характер политики большевиков, развитие и изменение подходов РКП(б) к формированию советской многонациональной государственности и детали этнополитического картографирования, а также тактики в отношении этнонациональных элит, их взаимодействие с побеждавшими в ходе войны большевиками и влияние на характер и специфику советского федерализма⁷.

Гибкость большевистского подхода к национальному вопросу выразилась в допущении унитарного государства, которому изначально отдавалось предпочтение, и федерации автономий или союза само-

⁴ См.: *Тоған З. В.* Воспоминания / Пер. с турецк. В. Б. Феоновой. М., 1997; *Чокаев М.* Орывки из воспоминаний о 1917 г. Токио: М., 2001; *Гражданская война в России и мусульмане: Сборник документов и материалов.* М., 2014; *Из истории мусульманского движения Евразии начала XX века: Сборник материалов.* М., 2016; *Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока.* Москва. 1918, 1919 годы. М., 2017; *Великая российская революция и мусульманское движение: Сборник документов и материалов.* М., 2019; и др.

⁵ *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004; *Исхаков С. М.* Гражданская война и мусульмане // *Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Очерки истории и историографии.* М.; СПб., 2018. С. 361—407; и др.

⁶ См.: *Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости.* Ташкент, 2000; *История таджикского народа.* Т. V: Новейшая история (1917—1941). Душанбе, 2001; *Абдуллаев К. Н.* От Синьцзяна до Хорасана: Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009; *Алиева С. И.* Азербайджан и народы северного Кавказа (XVIII — начало XXI вв.). Баку, 2010; *Гасанлы Дж. П.* Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости. 1917—1920. М., 2011; *Петросян Г. А.* Отношения Республики Армении с Россией (1918—1920 гг.). Ереван, 2012; *Акбаева З.* Роль Мусульманского бюро РКП(б) в деле защиты интересов местного населения Туркестанского края // *Karadeniz.* 2015. № 27. Р. 57—73; *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана в 1917—1918 годы. 2-е изд. Ташкент, 2016; *История белорусской государственности: В 5 т. Т. 3: Белорусская государственность: От идеи к национальному государству (1917—1939 гг.).* Минск, 2019; и др.

⁷ См.: *Поляков Ю. А.* Гражданская война в России: Возникновение и эскалация // *Отечественная история.* 1992. № 6. С. 32—41; *Гражданская война в России: Перекресток мнений.* М., 1994; *Красовицкая Т. Ю.* Власть и культура: Исторический опыт государственного руководства национально-культурным строительством. 1917—1925 гг. М., 1992; *Она же.* О сталинской формулировке нации в контексте времени и места ее существования // *Крайности истории и крайности историков.* М., 1997. С. 129—144; *Она же.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917—1923 гг.). М., 2006; *Голдин В. И.* Россия в Гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000; *Булдаков В. П.* Хаос и этнос: Этнические конфликты в России. 1917—1918 гг.: Условия возникновения, хроника, комментариев, анализ. М., 2010; *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М., 2010; *Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина.* М., 2011; *Становление советской государственности: Выбор пути и его последствия: Материалы XIV Международной научной конференции.* Екатеринбург, 22—25 июня 2022 г. М., 2022. С. 41—58, 93—96, 122—132, 133—140; и др.

стоятельных социалистических республик. Многонациональное социалистическое государство как единая централизованная республика с широкой областной автономией и самоуправлением включала и культурно-национальную автономию. В апреле 1917 г. В. И. Ленин считал возможным совместить право наций на самоопределение вплоть до отделения и областную автономию с отменой обязательного государственного языка при одновременном учете в так называемых самоуправляющихся и автономных областях национального состава населения. Идеалистические мотивы сквозили в его уверенности, что украинцам, чтобы не отделяться, будет достаточно увидеть в России республику Советов, а не «республику Милюкова»⁸. Поначалу он считал необходимым отказаться не только от существа социально-экономической системы Российской империи, но и от сложившейся структуры ее внутреннего устройства, отводя экономике главное место в разграничении регионов. Это обусловило и негативное отношение к федерации, как ослабляющей, по его мнению, экономические связи внутри государства. Сразу после взятия власти он выступил за «подлинное право на самоопределение» для всех народов России⁹. И. В. Сталин накануне революции подчеркивал преимущества крупного государства и добровольность объединения¹⁰.

Поддержка этнополитических устремлений на окраинах бывшей империи стала одним из важных факторов, обеспечивших утверждение советской власти. Солидарность трудящихся на основе социальной справедливости, которая стала базовым советским принципом, предполагала также, что все трудовые слои равно угнетаемы

эксплуататорами независимо от их национальности, и теперь их консолидация лишь найдет еще более прочную опору. Первые национальные автономии и республики создавались во многом для удержания территорий, выживания в рамках местного самоуправления — региональными, в том числе национальными, структурами и теми, что олицетворяли Центр. Особое значение имели Декларация прав народов России от 2 ноября¹¹ и воззвание СНК РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 г.¹² Отрезвляющая реальность привела РКП(б) в 1918 г. к признанию федерации, но ее реализация на практике оказалась одной из самых трудных задач.

На заседании фракции большевиков III съезда Советов 15 января 1918 г. Сталин говорил, что большевики не могут не признавать демократического принципа самоопределения, хотя он уже был использован реакционной буржуазией (Украинской Радой). «Окраины России мигом покрылись “общенациональными” учреждениями [...] “Национальные советы” в Латвии, Эстонском крае, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе, в Киргизии и Среднем Поволжье; “Рада” на Украине и Белоруссии; “Сфатул—Церий” в Бессарабии; “Курултай” в Крыму и Башкирии; “автономное правительство” в Туркестане, — вот те “общенациональные” институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия. Эти “национальные правительства” и слышать не хотели о социалистической революции»¹³.

Но для нас, прагматично утверждал Сталин, принцип самоопределения не фетиш, нужно уметь противостоять децентралистическим стремлениям с точки

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 439—440, 436—437.

⁹ Там же. Т. 35. С. 116.

¹⁰ Сталин И. В. Соч. Т. 3. М., 1946. С. 208.

¹¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 39—41.

¹² Там же. С. 113—115.

¹³ Сталин И. В. Соч. Т. 4. М., 1947. С. 155—167.

Народный комиссар по делам национальностей, член ВКП(б) И. В. Сталин под Царицыном. 1918 г.
Фотограф П. А. Оцуп. РГАКФД

зрения централизации советской власти, объединения и укрепления советских элементов в федерирующихся частях, социалистического переустройства и классовых интересов пролетариата. Поэтому практически следует ограничить применение принципа самоопределения соглашением съезда входящих в советскую феде-

рацию республик. В докладе на съезде он подчеркнул: «Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»¹⁴. С этим увязывалась идея самоопределения трудящихся масс каждой национальности¹⁵.

III Всероссийский съезд Советов учредил РСФСР как федерацию советских республик и принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа»¹⁶. Впервые законодательно определялась форма правления: «Советская российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». В общих чертах структура государственной власти, взаимоотношения между ее центральными и местными органами были определены в постановлении «О федеральных учреждениях Российской республики»¹⁷. Некая надежда на успех революционного порыва народов, видимо, поддерживала убежденность Ленина в несокрушимости России как федерации, вокруг которой «все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций»¹⁸.

Первая конституция РСФСР (10 июля 1918 г.) содержала положение о советах областей, «отличающихся особым бытом и национальным составом», и возможности создавать автономные областные союзы как части РСФСР (ст. 11). Специальной статьи о праве выхода из федерации не было, но в пункте «д» статьи 49

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4542. Л. 2—3; *Сталин И. В.* Соч. Т. 4. С. 32.

¹⁵ Сталин был не одинок в предпочтении централизма самостоятельности национальных структур и элит. Секретарь Северо-Западного обкома РКП(б) В. Кнорин заявил в 1918 г.: «Время национальных государств уже прошло... Мы считаем, что белорусы не являются нацией, и те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты. Нашей задачей является не создание новых наций, а уничтожение старых национальных рогадок. Белорусское же движение является таким воздвижением национальных рогадок» (*Кнорин В. Г.* 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925. С. 76).

¹⁶ Образование Союза Советских Социалистических Республик: Сборник документов. М., 1972. С. 22, 35.

¹⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 15. 1918. 13 янв. Ст. 215; *Городецкий Е. Н.* Рождение советского государства. 1917—1918. 2-е изд. М., 1987. С. 308.

¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 286—290.

говорилось, что к ведению съезда Советов и ВЦИК относится «признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее». Конституция РСФСР не определяла национально-государственный состав республики, не устанавливались и различия между автономной частью РСФСР и суверенной республикой, не были точно установлены и принципы взаимоотношений между возникавшими членами федерации. В ст. 8 указывалось: съезд «ограничивается установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях»¹⁹. Московская область представляла собой федерацию 14 губернских Советов со своими совнарками, что вполне укладывалось в конституционные рамки.

В Наркомнаце во главе с И. В. Сталиным были созданы польский, литовский, белорусский, еврейский и мусульманский комиссариаты. Последний с января 1918 г. руководил всеми мусотделениями местных Советов, летом открылся отдел горцев Кавказа. 29 июня 1918 г. СНК РСФСР подчинил мусульманские комитеты Наркомнацу, осенью было уже 18 национальных отделов²⁰. Мордовский отдел начал работу с февраля 1921 г.²¹ Признавая отсутствие классовой дифференциации у большинства народов восточных окраин России, большевики тем не менее действовали на основе классового подхода. Приоритеты изначально определялись политически-

ми соображениями — диктатура пролетариата и советизация окраин, в том числе путем назначения надежных кандидатур прежде всего из коммунистов, коих среди националов было крайне мало. Последние не желали довольствоваться представительскими функциями. Так, в июле 1918 г. в состав коллегии Наркомнаца не были включены с решающим голосом руководители национальных отделов. Она составлялась по «политическому принципу», как объяснил замнаркома С. С. Пестковский, сославшись на мнение СНК²². Бурятский деятель Э. Д. Ринчино указывал, что «инородческий вопрос в Сибири — это вопрос не чисто национальный и не может быть рассматриваем исключительно на национальной почве. — это прежде всего вопрос глубоко социальный», аналогично рабочему вопросу.

Меж тем грубые ошибки местных властей вели к отчуждению от советской идеи и усиливали риск межэтнических конфликтов вопреки отсутствию у инородцев «узкогруппового или национального эгоизма»²³. Кроме того, как признавал позже М. И. Амагаев, внесший важный вклад в партийное строительство среди бурят, «никакого ни организационного, ни идейного руководства и помощи, никакой финансовой, из центра оказано не было. [...] В органах управления сидели в лучшем случае неподготовленные работники, зачастую бывшие люди — нойоны»²⁴.

Объем властных полномочий стал одним из наиболее острых предметов разногласий. Национальные работники добивались организации при Наркомнаце «своих» отделов с подотчетными им сегментами власти по всей вертикали. Специальное ре-

¹⁹ Образование Союза Советских Социалистических Республик. С. 45.

²⁰ Ульяновский. Через год // Жизнь национальностей. 1919. 27 апр.

²¹ Минеева Е. К. Становление Марийской, Чувашской и Мордовской автономий в 20—30-е годы XX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2008. С. 32.

²² ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 52—54.

²³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2927. Л. 1—9.

²⁴ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 52. Л. 31 об.

шение на сей счет принял, к примеру, съезд депутатов калмыцкого народа Астраханской губернии 23 сентября 1918 г.²⁵ Если для калмыков осенью 1918 г. требовалось создать отдел в Наркомнаце, то у вотяков задача состояла в преодолении сопротивления местных Советов, не желавших открывать вотские отделы под предлогом отсутствия ответственных политработников-националов. Вотский комиссариат при Наркомнаце все же добился открытия отделов, ссылаясь на «разлад» между нацменьшинством и советскими учреждениями. Аналогичная проблема возникла в конце 1918 г. в Витебской губернии, где исполком ликвидировал отделение Белорусского комиссариата²⁶. «На защиту национальных интересов» тут же поднялись московский комиссариат белорусской секции РКП(б) и коллегия Белорусского комиссариата Наркомнаца, направившие в губернию спецпредставителя²⁷.

Когда органы национального представительства поступали вопреки распоряжениям и не подчинялись местным властям, возникало своеобразное двоевластие, и проблема решалась вмешательством центра либо в ходе административно-силового противостояния. В Саратовской губернии СНК предоставил исключительное право управления и ведения дел немецких колоний специально созданному национальному комиссариату. Но уездные власти, озлобленные выполнением подрозверстки, противодействовали его намерениям выделить немецкие поселения в отдельный уезд. Облкомиссариат по делам немцев предписал колонистам подчиняться исключительно его распоряжениям, а не местным совдепам. Вскоре из-за реквизиции помещения и средств комиссариата по делам

немцев Саратовским губисполкомом и ареста его члена Г.Г. Клингера местной ВЧК Наркомнац обратился в НКВД с просьбой уладить дело: «Немецкий комиссариат является нашим отделением, во главе которого стоят люди, заслуживающие полного доверия». Наркомвнудел Г.И. Петровский, в свою очередь, в июле 1918 г. потребовал от властей Саратовской и Самарской губерний соблюдать установленный порядок управления немецкими колониями: «Контрибуции в колониях не согласуются с немкоматом, немецкие кулаки забросали гр. Мирбаха (посла Германии в России) жалобами на притеснения со стороны русских, вызвав его дипломатические ноты в СНК». Клингер был освобожден.

Беспокойство НКВД вызвало и разрешение издавать сельскохозяйственную газету на немецком языке в Новоузенском уезде Саратовской губернии, поскольку она якобы стала органом кулачества, проводившего «имперскую национально-германскую политику», тем паче, что губисполком направил в колонии «заведомых черносотенцев». Колонисты и Поволжский комиссариат по немецким делам одновременно просили Наркомнац прекратить налоговое самоуправство уездных совдепов, ссылаясь, наряду с НКВД, на свой устав, который, как и установки центра, местные советы игнорировали²⁸. Немецкая колония под эгидой Наркомнаца 30 июня 1918 г. провозгласила курс на «Федерацию Среднего Поволжья», что означало символическую дань федерализации. Немецкий комиссариат был упразднен в октябре 1918 г., когда Область немцев Поволжья декретировалась «с характером трудовой коммуны», что отразило вариативный подход Москвы к решению этносоциальных проблем

²⁵ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 52. Л. 95.

²⁶ О национально-государственном строительстве в Беларуси см.: История белорусской государственности: В 5 т. Т. 3. Минск, 2019; и др.

²⁷ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 24. Л. 36, 47.

²⁸ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 133. Л. 52, 35, 25, 24; Оп. 2. Д. 2. Л. 4; Ф. 1318. Оп. 1. Д. 81. Л. 36. Немкомат — немецкий комиссариат.

в условиях военно-политической неопределенности.

Формальное предназначение структур Наркомнаца на местах для его руководства было очевидно изначально, тогда как национальные деятели считали их чуть ли не главным инструментом самоопределения. Так, на 3-м съезде Советов Западной области в Смоленске летом 1918 г. глава Белнацкомата Лагун, согласовавший совместную работу с крайкомом парторганизаций Белоруссии и Литвы, подал в отставку после заявления замнаркомнаца С.С. Пестковского: «Белорусский комисариат нужен только для вывески»²⁹. Однако без участия соответствующих отраслевых наркоматов Наркомнац не мог решать многие практические вопросы. Кроме того, в конфликтные ситуации вмешивался ВЦИК и гораздо чаще — партийные органы как окончательный арбитр и самый правомочный институт. Иногда для согласования интересов сторон, получения бюджетных ассигнований и оптимизации действий создавались межведомственные комиссии³⁰. Несмотря на значительные трудности, связанные с новизной и грандиозностью всех большевистских преобразований, острым дефицитом специалистов, сложной и находившейся в состоянии оформления системы управления, огромными размерами территории, на которой проживали различные по уровню развития и имевшие специфические проблемы этнические общности, Наркомнац в целом проводил большую и полезную работу. Именно эта структура в начале 1920-х гг. стала центром общения власти с этноэлитами.

Автономии создавались на основе декретов и получали разную степень самостоятельности. Независимо от того, стихийно или по инициативе Москвы возникали независимые и автономные советские республики, а также автономные области,

большевики надеялись реализовать в них классово-интернационалистскую доктрину, но были вынуждены временно отступать. Кубано-Черноморская советская республика существовала с 30 мая по 6 июля 1918 г., Донская — с конца марта и после утраты контроля над территорией в мае номинально до конца сентября 1918 г., Социалистическая Советская Республика Тавриды в Крыму формально в составе РСФСР — с 21 марта по 30 апреля 1918 г. 1-й съезд Советов Северного Кавказа (5—7 июля 1918 г.) объединил Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую советские республики в Северо-Кавказскую Советскую Республику в составе РСФСР, которая была упразднена в январе 1919 г. под напором наступавших белых. В ряде случаев автономии создавались как предупредительная мера в связи с изменением международной и военной ситуации или угрозой отчуждения территории (Таврида, автономия немцев Поволжья, Карельская трудовая коммуна).

Однако в процесс самоопределения вовлекались народы с очень разными социально-экономическими и культурными возможностями. Их недовольство реальным состоянием дел использовалось каждой политической силой в интересах борьбы за власть и ресурсы, и практически все автономии пытались по собственному усмотрению провести революционные преобразования. Создание автономий центр использовал прежде всего как рычаг для укрепления власти. Большевики в итоге смогли доказать свою способность поддерживать организационно, политически, финансово и иными мерами амбиции этноэлит, готовых взамен признать программные установки РКП(б), даже если это происходило вследствие военного поражения метавшихся между красными и белыми национальных структур.

Так, сведения о провозглашении Кокандской и Башкирской автономий, образовании

²⁹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 92.

³⁰ Там же. Д. 422. Л. 58.

Алаш-Орды, других национальных и областных правительств стимулировали действия Совнаркома по определению формы взаимоотношений с окраинами. 19 января 1918 г. было опубликовано решение о создании Комиссариата по делам мусульман внутренней России. Он должен был содействовать установлению советской власти в средней России и вести борьбу с «национально-буржуазными правительствами». В связи с провозглашением в начале марта 1918 г. Урало-Волжской советской автономии Сталин предпринял меры к созданию Татаро-Башкирской республики на условиях центра. 22 марта она была провозглашена и дезавуировала самостоятельность местных революционных организаций, включив к тому же в свой состав территорию объявленной в ноябре 1917 г. Башкирской автономии во главе с А.-З. Валидовым. Мусульманский комиссариат Наркомнаца был переименован в татаро-башкирский, хотя башкирский деятель А. Айтбасов выступил за всероссийский учет интересов и равноправный статус объединявшихся народов³¹.

В конечном счете, состоялось разделение татар и башкир на отдельные политические единицы. 20 марта 1919 г. было заключено соглашение СНК и Башкирского правительства, что означало создание автономии, одной из первых в РСФСР, наряду с Туркестанской. Процесс конструирования титульных национальностей в приемлемых границах в случае с татарами и башкирами в 1917—1922 гг. подтвердил общую для всей России данность: провести строгие административные барьеры между соседними республиками по этническому признаку было достаточно сложно.

Большую озабоченность партии вызвала ключевая проблема — как совместить национальное самоопределение с «общенациональной политикой» и вертикальным управлением страной из единого экономического центра³². Ленин заявил о стремлении «к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций». Он в то же время признал: «мы [...] не можем» обеспечить желанный и неизбежный процесс дифференциации пролетариата у киргизов, узбеков, таджиков, туркмен простым вмешательством, предложив: «Мы скинем ваших эксплуататоров». Решением проблемы центру пришлось заниматься постоянно, на всех уровнях управления, хотя указание вождя, что «сделать это надо осторожно»³³, исполнялось далеко не всегда. Да и сами партийные и советские органы создавались в экстремальных условиях, часто не отличаясь устойчивостью и большой дееспособностью.

Вторая программа РКП(б) закрепила признание федерации, но в качестве одной из переходных форм «к полному единству» в централизованном советском государстве³⁴. Своеобразным федеративным договором стал декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г.³⁵, обеспечивавший их сотрудничество в области экономики и культуры, координацию внешнеполитической деятельности. Однако сущность советского федерализма и механизмы его осуществления большевикам пришлось постулировать и реализовать методом драматических проб и ошибок. Только в решениях VIII Всероссийской партконференции в декабре 1919 г. было сказано о праве наций на самоопределение³⁶, что отражало признание сложности военно-политиче-

³¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 48.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 151; Восьмой съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1919. С. 48—71.

³³ Там же. Т. 38. С. 184, 158—159.

³⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 45.

³⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. № 21. Ст. 264.

³⁶ Резолюция ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине, принятая 8 Всероссийской партийной конференцией. 2 декабря 1919 г. // ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1940. С. 316—318.

ской обстановки. Ленин доказывал, что образование национальных государств не противоречит принципу федерализации страны и способствует организации местного самоуправления. В 1920 г. он предполагал, что федерация может быть разных типов, возражая Сталину, который по итогам этнополитических преобразований в годы войны считал почти нулевой разницу в федеративных отношениях внутри РСФСР и ее связями с независимыми тог-

да советскими республиками³⁷. При этом все коммунисты признавали приоритет классовых интересов над национальными и еще верили в мировую революцию, а война развязывала руки для самой непримиримой борьбы за эти приоритеты. В 1918 г. Сталин рекомендовал С. Шаумяну «для внесения классового раскола внутри национальностей» идти на провозглашение «автономии татар, армян и пр., конечно, на советских началах»³⁸.

Реализация советской национальной политики

Большевики создавали и адаптировали свои организации применительно к компактно и дисперсно жившим этническим общностям и группам, стремились использовать конфессиональный фактор для расширения социальной базы. В отношении белорусов, не имевших собственного значимого пролетариата на разделенной территории, основную роль играли организовавшиеся в Минске, Москве и Петрограде структуры. В дальнейшем именно на них делалась основная ставка при реализации в Белоруссии программы советского национализма³⁹.

На Украине ситуация была неразрывно связана с внутривойсковыми конфликтами в условиях социального хаоса, с борьбой международных сил за Украину и конкуренцией лидеров большевиков (Троцкий, Сталин) за влияние на националов⁴⁰. Советская этнонациональная государственность укоренилась на Украине после разгрома Красной армией находившихся там в годы Гражданской войны различных антисоветских режимов (УНР, Гетмана Скоропадского, Деникина и др.)⁴¹.

Советизация ранее образованных, провозглашение новых автономий и формальное признание самостоятельности договорных, а затем союзных республик, в расчете на мировую революцию продиктовали внимание к проблемам меньшинств и народов лимитрофных зон. Так, Средняя Азия и Казахстан рассматривались партией как своеобразный коридор для продвижения мировой революции на колониальный Восток. Замнаркомнаца С.С. Пестковский писал в 1919 г.: «Теперь же Туркестану суждено быть воротами из Европы в Азию: из Советской России, теперешнего центра мировой революции, должны вливаться через Туркестан в Азию идеи социального и политического освобождения многострадальных трудовых масс Востока как от туземных, так и от пришлых поработителей. [...] Имея за собой мусульман Туркестана, будем иметь Афганистан и Персию, а отсюда откроем путь для нашего воздействия на Индию и Монголию».

Центральное Бюро коммунистических организаций народов Востока подтверждало 1 октября 1919 г.: «Туркестан при настоящих

³⁷ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1978. Т. 9. С. 13; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 513.

³⁸ Цит. по: Национальная политика России: История и современность. М., 1997. С. 266.

³⁹ См. об этом подробнее: т. XII, кн. 1, разд. 2, гл. 6; разд. 3, гл. 4; кн. 2, разд. 7, гл. 4.

⁴⁰ О национально-государственном строительстве на Украине см.: т. XII, кн. 1, разд. 8, гл. 3.

⁴¹ См. об этом подробнее: т. XII, кн. 1, разд. 1, гл. 2; разд. 2, гл. 6; разд. 3, гл. 6; разд. 4, гл. 4; кн. 2, разд. 7, гл. 3.

условиях международного политическо-го положения является преддверием социальной революции на Востоке. Через него и только через него мы можем установить связь с Ближним Востоком — Афганистаном, Индией, Персией и т.д. и революционизировать их, подготавливая в них восстание против международного империализма»⁴².

В тех же целях власть стремилась использовать потенциал лидеров мусульманских и буддистских общностей.

В центральноазиатском регионе наиболее организованным и готовым к компромиссу с большевиками оказалось казахское движение Алаш. По предложению Наркомнаца в столицу отправились члены правительства казахской автономии (Алаш-Орда), провозглашенной в конце 1917 г., Д. и Х. Досмухамедовы. 1 апреля из СНК велись переговоры по прямому проводу с Семипалатинском⁴³. Сталин считал возможным признать решение всеказахского съезда при условии признания Алаш-Ордой власти СНК как центральной и Советов на местах. Алаш-Орда постановила «признать центральную власть Федеративной Советской Республики» и выдвинула ряд предложений о границах будущей автономии, а также о взаимоотношениях с местными Советами, организованными «с соблюдением пропорционального представительства от национальностей», настаивая на тесном сотрудничестве с ними и сохранении за собой высшей законодательной и административной власти. Там, где Советов еще не было, до съезда предлагалось сохранить казахские комитеты, земское и городское самоуправление, национальные суды и создавать народную милицию⁴⁴.

Представления большевиков и национальных деятелей о принципах констру-

ирования федерации и правах входящих в нее автономий и органов власти на местах не совпадали. 9 апреля в «Правде» была опубликована телеграмма Наркомнаца от 4 апреля 1918 г. в восточные окраины страны под названием «Одна из очередных задач». В ней наряду с признанием, что на окраинах «Советская власть еще не успела стать [...] народной», содержался призыв использовать как специальный способ вовлечения масс в революционный процесс предоставление им автономии, которую «необходимо взять» у автономно-буржуазных групп, «очистив ее от буржуазной скверны» и превратив в советскую. Наркомнац объяснял нежелание этих групп признавать местные Советы при признании центральной советской власти их стремлением превратить автономию в орудие закабаления масс. Только на базе признания власти Советов на местах возможно образование автономий киргиз, татар, башкир и других народов, — подчеркивалось в директиве. Наркомнац отверг предложения «некоторых буржуазно-националистических групп» о пропорциональном представительстве от национальных «меньшинств» и «большинств», отстаивая классовый принцип. 22 апреля Ленин и Сталин направили телеграмму V съезду Советов Туркестана, где снова подчеркнули, что СНК будет поддерживать автономию края именно на советских началах⁴⁵. Подчиненность национального, как и всего остального, в большевистской политике классовому обусловила прагматизм в отношении к принципу самоопределения народов⁴⁶.

5 апреля Наркомнац сформировал группу по созыву всеказахского съезда Советов,

⁴² Пестковский С. Туркестан и мировая революция // Жизнь национальностей. 1919. № 20 (28); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 249. Л. 142.

⁴³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 898. Л. 32 об., 33. Одновременно в СНК была направлена подробная телеграмма членов Алаш-Орды.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 28. Л. 36.

⁴⁵ ЦГА РУ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 15—16; Правда. 1918. 9 апр.; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 63—64.

⁴⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 86—87, 88.

11 мая образовал киротдел⁴⁷, дабы подготовить советскую автономию. С отступлением белых в северной части Букеевской степи Астраханской губернии были восстановлены Советы, организована комиссия по подготовке учредительного съезда. Но созыв съезда не состоялся в связи с падением Советов⁴⁸. Довольно быстро обострились противоречия между радикальными большевиками, населением и этноэлитами, впечатленными поначалу успехом переговоров с Москвой. Да и в центре вряд ли были уверены в полной лояльности новых партнеров. В Наркомнаше предпочли сообщить во ВЦИК, что партия Алаш является буржуазно-кадетской, а ее председатель, ставленник Временного правительства А. Н. Буксйханов, разыскивается Тургайским облысполкомом⁴⁹. Определенную роль сыграло и активное противодействие контактам СНК с Алаш и ее органами руководителя партии Уш-жуз К. Тогусова, история которой оказалась весьма краткосрочной. Неприятие советским центром предложений Алаш-Орды об автономном устройстве края, наряду с конфликтным характером отношений с местными Советами и большевиками при отсутствии этнонациональных коммунистических организаций, «своеобразная диктаторская власть» на местах, насилие, грабежи и злоупотребления, которыми сопровождалось большевистское движение на окраинах, представлявшее «полнейшую анархию»⁵⁰, толкали алашевцев в антисоветский лагерь.

В 1919 г. они потерпели военно-политическое поражение в союзе с белыми, их

переход на сторону Советов определялся условиями победителя. Ряд лидеров связал судьбу с РКП(б). Фактически до конца военных действий управление осуществлялось руководящими органами Туркфронта, а затем партийными структурами, и ведущую роль в них играли командированные из центра большевики. 21 ноября 1919 г. КирВРК заслушал доклад представителей казахского населения Астраханского и Красноярского уездов Астраханской губернии и постановил образовать Волго-Каспийскую Киргизию с непосредственным подчинением ревкому. Это образование просуществовало до конца августа 1920 г., когда была образована КАССР и члены КирВРК создали комиссию для изучения вопроса о присоединении части Волго-Каспийской Киргизии к Киргизской республике⁵¹.

В Туркестане особенно острой ситуация стала в конце 1917 г. в результате противостояния местных большевиков и большинства мусульманских структур, выступавших за автономию, но считавших неприемлемым образец, по которому вся власть в республиках принадлежит Советам. Ташкентский исполком под влиянием большевиков фактически захватил власть, сосредоточив ее в руках временного ревкома, что побудило их противников в краевых Советах солдатских, рабочих, крестьянских, казахских и общемусульманских депутатов объединиться и перебраться в Скобелев⁵². На краевых съездах Советов провозглашенная в противовес им Туркестанская (Кокандская) автономия оценивалась как миф, а за-

⁴⁷ Киротдел — киргизский отдел. До 1925 г. в отношении казахов использовался этноним *киргизы*.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; Известия ВЦИК. 1918. 12 мая; ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 44. Л. 20; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. Алма-Ата, 1963. С. 151.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 117. Л. 48; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957. С. 345.

⁵⁰ Алаш-Орда: Сборник документов. Кызыл-Орда, 1929. С. 127—128.

⁵¹ ГАРФ. Оп. 1318. Оп. 11. Д. 5. Л. 2, 16.

⁵² Единство. 1917. 14 сент. О сентябрьских событиях см.: История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967. С. 170—179; Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 50—60.

явления об отсутствии почвы для Советской Республики и протесты мусульманских депутатов не возымели действия. В полном соответствии с классовыми постулатами и общими представлениями о федерализме IV краевой съезд Советов признал недопустимой коалиционную власть и буржуазную автономию, решил путем создания профсоюзов и Советов поднять «среди мусульманского пролетариата» классовое самосознание и заявил, что «пролетариат края будет возглавлять всю полноту власти до установления Туркестанской автономной федерации». «Объединенное совещание различных мусульманских групп» (12—15 ноября, Ташкент), умеренные социалисты и эсеры в краевом Совете не добились консолидации, что укрепляло позиции радикально настроенных сил во главе с большевиками. В острых дискуссиях III краевой съезд Советов (15—19 ноября) проигнорировал предложения о коалиции умеренной части делегатов, в том числе мусульманских. В СНК Туркестана не получили доступа не только «оборонцы», но и представители коренного населения «ввиду полной неопределенности отношения туземного населения» к власти Советов и отсутствия у него «пролетарских классовых организаций»⁵³. Главой СНК в составе восьмерых левых эсеров, пяти большевиков и двух максималистов был избран большевик Ф. И. Колесов. Наказ правительству содержал идею о пропорциональном представительстве коренного населения⁵⁴, но выполнен не был. Исполнительная власть оказалась решающей, поскольку ЦИК был образован V съездом Советов края лишь в конце апреля 1918 г.

Столкновение и расстрел манифестантов Ташкента в день рождения Мухаммеда (13 декабря) привели к жертвам и заставили Колесова обратиться в Петроград за директивами. Обещания созвать Учредительное собрание для провозглашения автономии опоздали. I чрезвычайный съезд рабочих, солдатских и дехканских депутатов-мусульман в Коканде 26—30 декабря 1917 г. (8—12 января 1918 г.) принял резолюцию в поддержку Туркестанской автономии и в ответ на призыв комиссара труда П. Полторацкого бороться против «мусульманской буржуазии» и «байской автономии» выразил недоверие СНК Туркестана, обратившись в СНК РСФСР за поддержкой. Однако в рядах местных социалистов, как и среди национальных деятелей, не было единодушия ни по поводу отношения к общероссийской власти, ни в отношении политического устройства многоэтничного региона⁵⁵. Начавшись с отказа Колесова принять делегацию муссовета, конфликт перерос в столкновение кокандцев с русским гарнизоном и повлек за собой вооруженное вмешательство Ташкента. 22 февраля был подписан мирный договор, всему гражданскому населению предписывалось «сдать оружие, признать власть краевого СНК и его местных органов».

Жестокая расправа над кокандцами, насилие и грабежи вызвали резкое неприятие со стороны умеренных социалистов в Ташкентском совете. СНК ТАСССР объявил вне закона руководство Кокандской автономии⁵⁶, которое в итоге потерпело поражение⁵⁷. В длительную и упорную борьбу против советской власти вступили радикальные

⁵³ Наша газета. 1917. 18, 23 нояб.; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сборник документов. Ташкент, 1947. С. 93.

⁵⁴ Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 76.

⁵⁵ Наша газета. 1917. 15 дек.; Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 91—95.

⁵⁶ Свободный Туркестан. 1918. 24, 25 янв.; Наша газета. 1918. 14 февр.; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 133. Л. 1—8.

⁵⁷ См.: Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917—1918 годах. 2-е изд. Ташкент, 2016. С. 209—251.

силы⁵⁸. В этом противостоянии пересеклись борьба за власть разных политических и национальных организаций, межконфессиональные противоречия, взаимные социальные претензии и травмированная историческая память отдельных этнических групп, что обусловило особое ожесточение и непримиримость сторон, длительную тяжелую борьбу с басмачами⁵⁹.

Авантюрная попытка ташкентских большевиков свергнуть бухарского эмира при поддержке младобухарцев провалилась. Центр признал провал попыток лобовой атакой ввести «социализм» на Востоке. В Туркестан в апреле 1918 г. прибыли чрезвычайный комиссар П. Кобозев и представители Наркома Х. Ибрагимов и А. Клевлеев. Перед приездом Кобозев получил директиву Ленина: «Ташкентские коммунисты под влиянием социалистов-революционеров наделали кучу глупостей. [...] провели кругом “социализацию”, а чего — сами не знают. Ввязались в войну с Бухарой и принуждены были заключить позорный Колесовский мир. Заключили союз с андижанскими дашнаками, т.е. со 2-м Интернационалом, и разгромили Коканд». Ленин имел в виду авантюрную попытку красновардейцев во главе с председателем СНК Туркестана Ф.И. Колесовым насильственно «ввести социализм» в Бухарском эмирате в марте 1918 г., окончившуюся провалом. Сталин добавил: «Опоздали объявить автономию советскую и нарушили автономию буржуазную. Не связались с бакин-

скими товарищами. В результате разрушили только что восстановленную через Оренбург нашу связь с Кавказом»⁶⁰.

Посланцы центра развернули реорганизацию власти, временно лишив СНК края полномочий, и подготовку учредительного съезда (20 апреля — 1 мая 1918 г.), который провозгласил Туркестанскую АССР в составе РСФСР. В ЦИК республики во главе с Кобозевым были избраны 26 чел., в том числе семеро от коренного населения, в СНК под председательством Ф.И. Колесова из 16 — трое⁶¹. В Положении о ТАССР указывалось, что республика управляется автономно, но признает и координирует свою деятельность с правительством Российской Федерации⁶². IV съезд КПТ указал, что «коммунисты Туркестана не должны были стремиться к осуществлению “насильственного революционного переворота”»⁶³. Но договоренности властей ТАССР с эмиром до начала 1920 г. не приносили умиротворения, военные стычки продолжались.

Сложный характер межэтнических отношений вызывал серьезные опасения большевиков, вынужденных заниматься последствиями тяжелых конфликтов между разными этническими группами, в том числе русскими и коренным населением. К примеру, в Закаспийской области в 1918 г. широко распространились грабежи и угон скота у русского населения со стороны туркменских родов, враждовавших одновременно между собой⁶⁴.

⁵⁸ Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. С. 100—112. См. также: *Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. Bergen, 2002; *Буттино М.* Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.

⁵⁹ *Абдуллаев К.Н.* От Синьцзяна до Хорасана: Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009. С. 74—75.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2920. Л. 1; Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 9—10.

⁶¹ *Чокаев М.* Национальное движение в Средней Азии // *Гражданская война в России: События, мнения, оценки: Памяти Ю.И. Кораблева: (Сборник)*. М., 2002. С. 676—677; *Победа Октябрьской революции в Узбекистане*. Т. 2. Ташкент, 1972. С. 251—253; *Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости*. С. 118—119; *Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: Сборник документов. 1917—1922 гг.* Т. 1. М., 1959. С. 263—279.

⁶² Наша газета. 1918. 5 мая.

⁶³ *Ишатов А.И.* Бухарская Народная Советская Республика. Ташкент, 1969. С. 130—131.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 40. Л. 28—40.

Спровоцированная лидерами ТАССР Гражданская война в Закаспии затянулась до февраля 1920 г. Столь же радикальные инициативы органов советской власти в Семиречье, которое с 1916 г. погрузилось в тяжелейший социальный и межэтнический конфликт, спровоцировали оформление еще одного фронта. Антисоветские силы казачества, Сибирского правительства, казахского движения Алаш действовали против большевиков до февраля 1920 г. Вкупе с ожесточенным противостоянием коренных жителей и крестьян-переселенцев это создало сложный клубок противоречий, последствия которых ощущались и в 1920-е гг.

Тем не менее, если в середине июля 1918 г. Колесов писал в столицу о катастрофическом положении республики, поскольку «часами опереться не на кого», то уже 4 сентября он докладывал в СНК РСФСР: «В Семиречье занимаем пункт за пунктом. Положение там твердое»⁶⁵. Но борьба с присланными из центра «молодыми» партийцами в декабре обернулась так называемым осиповским мятежом сторонников диктаторского наведения порядка, который был подавлен к концу января 1919 г. Коренное население оставалось в стороне от этих военно-политических батальев, идея освобождения не смогла объединить соперничающие этнические, региональные и другие группы. При этом большевистское руководство РСФСР так же, как и националы, не отказывалось от революционного географического и административного «образа» региона и стратификации его населения на «европейцев» и мусульман. Заявленное самоопределение народов в полиэтничной автономии было отложено, на время юридически оформилось культурно-конфессиональное единство «мусуль-

манской нации» Туркестана, что чуть позднее послужило одним из важных поводов для известного проекта Тюркской республики Т. Рыскулова.

Туркестанская АССР (1918 г.) «имела в [...] гораздо больше прав, чем остальные республики». Позже это дало повод лидерам автономии сослаться на Декларацию прав народов России для обоснования права использовать термин «государство». Москве приходилось оперативно определять, в чем состоит «политическое благоразумие»: национальная автономия должна быть «не настолько узка, чтобы республики затруднены были в своих возможностях национального развития и вызревания, но границы этой автономии должны быть установлены именно точным указанием компетенции республиканских органов»⁶⁶.

Поиск оптимальных вариантов приспособления к этнокультурной специфике сложносоставной страны привел к созданию в июне 1918 г. Российской мусульманской компартии, в ноябре она трансформировалась в мусульманские организации РКП(б). Тогда же оформилась Компартия Туркестана. Это обеспечило организационные основы большевистской власти, хотя представительство национальностей в КПТ было мизерным. 1 апреля 1919 г. крайком КПТ создал Мусульманское бюро на правах отдела. III съезд КПТ (1—15 июля 1919 г.) постановил немедленно приступить к организации мусульманских масс и принял постановление «О национальных секциях»⁶⁷. В июле 1919 г. ЦК РКП(б) направил руководству КПТ и ЦИК ТАССР радиограмму «О пропорциональном представительстве» национальностей в органах власти. ЦК разрешил привлекать беспартийное местное население к государственной деятельности, если кан-

⁶⁵ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. Алма-Ата, 1963. С. 74.

⁶⁶ Асфендияров С. А. Проекты конституций автономных республик // Советское строительство. Сб. IV—V. 1926. С. 113—117.

⁶⁷ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана: Летопись событий. Ч. 2: 1918—1924 гг. Ташкент, 1968. С. 40.

дилатуры будут выдвигаться мусульманскими рабочими организациями⁶⁸, правда, наличие таких организаций было сомнительно.

8 октября 1919 г. была образована комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Турккомиссия), которая стала высшей властью в регионе. 4 ноября она представила в Ташкенте письмо Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана»⁶⁹. Не все местные партийцы были довольны появлением Турккомиссии. Уже в ноябре один из них, Х. Ибрагимов, обратился к Ленину: необходимо сохранить в неприкосновенности объявленную в 1918 г. автономию Туркестана, а Турккомиссия должна быть «аппаратом контрольно-ревизионного характера». Он считал преждевременным слияние всех парторганизаций республики и предложил предоставить руководству коммунистических мусульманских организаций «право разрешения принципиальных вопросов, касающихся местной жизни», формирования красноармейских частей народностей ТАССР. Басмачи, считали делегаты VII съезда Советов РСФСР от Туркестана (декабрь 1919 г.), — «это партизаны, созданные неправильной национальной политикой Туркестанского правительства вплоть до 7-го съезда Советов». Всякое давление и насилие, «распыление ядра сложившихся центральных мусульманских коммунистических организаций может снова отшатнуть мусульманские массы и подорвать их доверие к новым вождям — мусульманским коммунистам», — отмечалось в материалах указанного съезда⁷⁰.

Оперативность и маневренность, разнообразие инструментов утверждения власти, несмотря на слабость и малочисленность «опорных точек» большевизма, постепенно позволяли утверждать власть. В февра-

ле 1920 г. был восстановлен СНК ТАССР, в марте ЦК РКП(б) принял «Положение об автономии Туркестана». В послании Ленину, в ЦК РКП(б) и Президиум ВЦИК членов Турккомиссии ВЦИК и СНК В. В. Куйбышева, М. В. Фрунзе, Д. С. Гопнера и Ф. И. Голощекина от 5 июня 1920 г. отмечалось: «Поскольку мысли о создании национальных республик Туркменской, Узбекской и Киргизской могут повести к какому-либо конкретным действиям в близком будущем, мы считаем необходимым категорически предупредить и предостеречь от подобных мыслей. [...] Решение о республиках может остаться в качестве самой крайней меры, которую придется применить, когда все остальные средства будут исчерпаны, но ни в коем случае не может быть лозунгом дня. [...] Немедленное проведение в жизнь решения о республиках внесет во всю туркестанскую работу величайший хаос и, несомненно, сыграет на руку самым отрицательным националистическим верхушкам всех республик, поскольку в нашем распоряжении нет достаточно сил для обслуживания даже единого Туркестана [...]»⁷¹. Это письмо, очевидно связанное с дискуссией вокруг проекта Т. Р. Рыскулова о Тюркской республике, отражало общую обеспокоенность его авторов сохранением советского влияния в регионе.

29 июня 1920 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане»⁷². Для руководства партработой было образовано Туркбюро ЦК РКП(б). Но, как оказалось, в центре не понимали положения дел на месте: население, «даже в своей коммунистической части, настойчиво стремится к возможно более широкой автономии и насильственно пропитано узконационалистически». Представители Туркфрон-

⁶⁸ Устинов В. М. Ленинская национальная политика на Востоке: (О руководстве ЦК РКП(б) Компартией Туркестана в 1918—1924 гг.). Фрунзе, 1963. С. 49.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 304.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2920. Л. 20, 23 об.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 582. Л. 244—246.

⁷² Образование и деятельность Коммунистической партии Туркестана: Летопись событий. Ч. 2. С. 204.

та, которые стали фактической властью, быстро осознали условность власти партии на месте: «Принимая же во внимание почти полное отсутствие хотя сколько-нибудь политически приемлемых и технически подготовленных сил среди мусульман, выполнение означенных требований было бы равносильно крушению дела. [...] всюду проскальзывают яркие выражения и почти не скрываемые узко националистические тенденции»⁷³. В воинских частях Туркфронта, тем не менее, в середине 1920 г. 29,8% составляли мусульмане: в Сыр-Даринской области — 40,9%, в Семиреченской — 30, в Ферганской — 26,1, в Самаркандской — 31,4, в Закаспийской — 41,2⁷⁴.

С другой стороны, и «восточные коммунисты», писал Ленину Н. Ходжаев, отчетливо осознали, что им не доверяют, проводя идеи коммунизма «через колонизаторов». «РКП не в силах будет бороться без восточных коммунистов в уничтожении всех других некоммунистических течений вплоть до фанатизма. Поэтому если восточные коммунисты не будут иметь широкого поля, то ответственность [...] за своевременное развитие социальной революции на Востоке нести не могут»⁷⁵. Местные коммунисты считали «совершенно неверным» представление в Москве о ситуации в регионе⁷⁶. 14 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) признало «необходимым проведение автономии в соответствующих конкретных условиях формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений»⁷⁷. 18 ноября все национальные парторганизации вошли в Компартию Туркестана, обеспечив консолидацию партий-

ной власти. Турккомиссия работала до августа 1922 г., хотя и среди ее членов возникали стычки и взаимные обвинения в недостаточном соответствии партийным требованиям⁷⁸.

Так или иначе, и победы Красной армии, и этносоциальная политика белых побуждали массы и национальных лидеров к признанию советской власти⁷⁹. Решающую роль играли фактор военного превосходства и способность социально-экономическими реформами добиться поддержки населения. В то же время большевики не без труда добивались раскола в политическом руководстве национальных движений и выделения из них леворадикальных направлений, включали считавшихся авторитетными деятелей в партию или создавали протокоммунистические организации. Осенью 1918 г. из части левых младобухарцев была образована Бухарская компартия, которую Мусбюро и КПТ не считали вполне коммунистической. В начале июня 1919 г. в Ташкенте прошел учредительный съезд БКП, но ясности в отношении внутри небольшой организации, как и КПТ, к ней больше стало ненамного. Попытки спровоцировать революционные перемены в Бухаре не удались, в июле в Ташкенте прошел 2-й съезд БКП, которая подчинялась теперь крайкому КПТ, а не Мусбюро, в декабре — 3-й съезд. Тогда же в Ташкенте в интересах «мировой революции» создается Совет интернациональной пропаганды на Востоке (Совинтерпроп), с октября 1920 г. — Туркбюро Коминтерна, призванное консолидировать просоветские силы Бухары. Началась активная подготовка свержения эмира, что произошло в сентябре 1920 г.⁸⁰

⁷³ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 44. Л. 85—87; Ф. 17. Оп. 65. Д. 10. Л. 130.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 54. Л. 3; Д. 57. Л. 29.

⁷⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1444. Л. 2—4.

⁷⁶ Там же. Ф. 670. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

⁷⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 115. Л. 1—5.

⁷⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2920. Л. 16—19.

⁷⁹ Плоских С. В. Интеллигенция и власть Кыргызстана: Проблема взаимоотношений в советскую эпоху. Бишкек, 2012; Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций. М., 2020.

⁸⁰ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967. С. 450—451, 478—481.

Между тем в начале 1920 г. возникла еще одна прокоммунистическая организация — младобухарцев-революционеров во главе с Ф. Г. Ходжаевым, поддержанная на месте лишь Совинтерпропом. Тогда же Политбюро ЦК РКП(б) обсудило подготовленные Сталиным тезисы о коммунистической работе среди рабочих и крестьян мусульманского Востока. Они оказались не вполне удовлетворительными. Сталину вместе с Раковским было поручено оперативно доработать их общую часть и организовать комиссию из образованных мусульман «для собрания и разработки всего текущего материала по рабочему движению среди мусульман»⁸¹. 29 июля 1920 г. Оргбюро ЦК РКП(б) в ответ на просьбу о включении партии бухарских революционеров в РКП(б) постановило отклонить ее, «признав необходимым оказывать этой организации содействие в ее революционной борьбе». Младобухарцы же не могли принять упрощенный подход большевиков к социальным явлениям на Востоке. Присланная в ЦК программа новой партии содержала ссылки на социальную справедливость шариата, предлагала создание демократической республики и обещала допустить к управлению представителей других национальностей. Устав также отвергал «всякое национальное или классовое подразделение, предлагал объединение со всеми трудящимися мира и обещал «всеми силами стремиться освободить угнетенные народы Востока против ига европейского капитала»⁸².

Политбюро ЦК РКП(б) 10 августа приняло директиву РВС Туркфронта о взаимоотношениях с Бухарой, создав политиче-

скую основу для решительных действий⁸³. Председатель ЦК БКП Н. Хусайнов и председатель Центрального бюро партии младобухарцев-революционеров Ф. Г. Ходжаев были включены в военно-революционное бюро, олицетворяя просоветские силы Бухары. Переговоры с эмиром велись на основе взаимных уступок⁸⁴. Свержение эмирского режима частями Красной армии при участии коммунистов, младобухарцев-революционеров и незначительной части населения завершилось в сентябре 1920 г.⁸⁵

6—8 октября 1920 г. I Всебухарский куртулай народных представителей учредил Бухарскую Народную Советскую Республику (БНСР). В октябре 1920 г. в Ташкенте между РСФСР и БНСР было подписано временное военно-политическое соглашение, 4 марта 1921 г. в Москве между РСФСР и БНСР — союзный договор. Бухарский Народный Совет Назиров 11 марта 1921 г. объявил государственным языком узбекский язык, аналогично ТАССР и ХНСР. Советизация здесь осуществлялась силами эмиссаров Турккомиссии и центра при поддержке регулярных красноармейских частей. При этом Политбюро ЦК РКП(б) рекомендовало своим назначенцам внимательно и рационально подходить к утверждению классового принципа при формировании правительства Бухары⁸⁶. В 1923 г. в конституцию БНСР были внесены изменения, лишившие избирательного права представителей «эксплуататорских классов»; были ликвидированы национальные части и финансы⁸⁷. Сопротивление советской власти в Западной и Восточной Бухаре затянулось. Хотя за четыре года существования Бухарской республики басма-

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 32. Л. 1.

⁸² Там же. Оп. 112. Д. 55. Л. 2, 8—10.

⁸³ Директивы командования фронтов Красной армии: Сборник документов. Т. 3. М., 1976. С. 543.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 44. Л. 210.

⁸⁵ История таджикского народа. Т. V: Новейшая история (1917—1941). Душанбе, 2001. С. 248—272.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 230. Л. 17.

⁸⁷ История Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.): Сборник документов. Ташкент, 1976. С. 198—203.

чество не было уничтожено, именно здесь впервые большевики добились определенных успехов в политике национального примирения⁸⁸.

ХНСР и БНСР, существовавшие до национально-территориального размежевания в Средней Азии в 1924 г., стали одним из переходных форматов в федеративном строительстве в регионе. Процесс советизации северных районов Таджикистана длился с конца ноября 1917 по октябрь 1918 г. Центром распространения влияния большевиков стал Ходжент. На Памире советская власть была установлена силами ТАССР, весной 1919 г. на съездах ревкомов было принято решение об объединении Западного и Восточного Памира. В итоге на всей территории Таджикистана, входившей в состав ТАССР, была установлена советская власть⁸⁹.

Драматично развивалась и борьба за власть в Амударьинском отделе, исход которой зависел еще от решения так называемого хивинского вопроса⁹⁰. В начале 1920 г. отряд Джунaida на территории Хивинского ханства был разгромлен, Сеид Абдулла-хан отрекся от престола, и в апреле была провозглашена Хорезмская народная советская республика (ХНСР) во главе с П. Х. Юсуповым. Коллегия полпреда РСФСР в Хиве не смогла предотвратить расправу над заподозренными в нелояльности туркменскими вождями, и Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР назначила в октябре новым полпредом бывшего командующего Ферганским фронтом М. В. Сафонова. 13 сентября 1920 г. между РСФСР и ХНСР были подписаны союзный договор и торговое соглашение.

Россия официально признала самостоятельность и неприкосновенность ХНСР. Военно-политическое соглашение подразумевало патронаж РСФСР над армией Хорезма⁹¹. Но Хивинская компартия оказалась мало пригодной для большевизации региона, чем занялось специально созданное Политуправление (Пурхив), а правительство ХНСР погрязло в междоусобицах. В Турккомиссии обсуждалась идея территориального разграничения или образования самостоятельного управления для конфликтовавших туркмен и узбеков. В самой ХНСР борьба между полпредством и правительством обострялась, и в марте 1921 г. оно было свергнуто. В Турккомиссии считали, что «против здравого смысла и не имея санкции Центра наши работники в Хиве взяли курс на социалистическую революцию»⁹².

Крым большевики придавали большое значение — как фактору мировой революции. В начале 1918 г. им удалось ненадолго взять власть в Севастополе и Симферополе, используя, как считают А. С. Пученков и В. Г. Зарубин, татарское движение в качестве организованной политической силы. Провозглашение Социалистической республики Таврида не спасло от немецкой оккупации, начавшейся в апреле 1918 г. Интервенция закончилась в апреле 1919 г. К 1 мая полуостров был занят советскими войсками, а партконференция городов одобрила решение ЦК об образовании Крымской ССР в составе РСФСР. 1 июня она вступила в военно-политический союз советских республик⁹³. Но уже в июне советская власть пала. После овладения Крымом в конце 1920 г.

⁸⁸ Перипетии установления советской власти в Бухаре см.: Крушельницкий А. Бухарская революция // Родина. 1989. № 11. С. 31—39; Эргашев Б. Дорогу выбрал курултай // Там же.

⁸⁹ См.: История таджикского народа. Т. V. С. 167—177.

⁹⁰ Подробнее см.: Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. С. 129—139.

⁹¹ История Хорезмской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.): Сборник документов. Ташкент, 1976. С. 56—64.

⁹² См.: Генис В. Л. Свержение младохивинского правительства в 1921 году // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 15—31.

⁹³ История Крыма: В 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 431.

красный террор стал одним из самых жестоких и сократился лишь в 1921 г., когда в июне была создана Полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма. Крымревком формально подчинялся Президиуму ВЦИК РСФСР и обладал достаточно широкими полномочиями, которые использовал для борьбы с голодом и бандитизмом. Однако, по мнению С. Х. Сюнчелея, местные русские и еврейские работники плохо понимали политику центра в национальном вопросе, поскольку власть и партия отмежевывались от татарской массы, а ЧК принимали чрезмерно крутые меры в отношении беспартийного татарского населения⁹⁴.

В Закавказье созданный в феврале 1918 г. из членов Учредительного собрания и национальных партий сейм во главе с Н. С. Чхеидзе в марте объявил об отделении от России, а в апреле была провозглашена Закавказская демократическая федеративная республика. Оформившееся в конце 1917 — начале 1918 г. правительство Союза горских народов Кавказа в марте под натиском Красной армии перебралось в Тифлис. Однако к лету разногласия во внешнеполитической ориентации и амбиции этноэлит привели к ее развалу на три республики. Региональные федералистские образования оказались в конечном счете не способны к объединению на альтернативной для большевиков платформе. Попытки реорганизовать вооруженные силы по национальному признаку привели к конфликтам.

ЦК Компартии Армении сообщал в Наркомнат: «Елисаветполь, Шамхор остаются памятниками кровавой расправы над революционными русскими эшелонами. Тысячи бекских банд совершают гнусные кровавые избиения русских солдат. Внимание татарских крестьян от земли обращено к оружию

русских эшелонов». Правительство Закавказья меж тем попыталось использовать созданное русским национальным советом военное формирование для подавления восстаний осетин и грузин в Цхинвали⁹⁵. Борьба за власть, интересы самозащиты тесно переплелись в межнациональных конфликтах и многовластии. В Баку Совет рабочих и солдатских депутатов во главе с большевиками в конце 1917 г. обеспечил контроль над Бакинским промышленным районом, а С. Шаумян, назначенный СНК РСФСР чрезвычайным комиссаром Кавказа, получил финансовую поддержку, хотя в 1918 г. большевики не смогли удержать Баку. Это подтверждали и события на Северном Кавказе, где провозглашение Терской народной республики в феврале 1918 г. позволило большевикам лишь ненадолго остановить локальные социально-экономические конфликты.

В мае 1919 г. конференция коммунистов Закавказья выступила за создание трех советских республик, что разнообразило возможные варианты будущего политического ландшафта. Вскоре появилась декларация Кавказского крайкома «К трудящимся Закавказья», предлагавшая также создание общекавказской федерации будущих советских республик⁹⁶. Более того, как заявил в 1919 г. Г. Е. Зиновьев: «Мы не можем обойтись без азербайджанской нефти, без туркестанского хлопка. Мы берем эти продукты, которые нам необходимы, но не так, как брали старые эксплуататоры, а как старшие братья, несущие факел цивилизации»⁹⁷.

Правительство Закавказья и Северного Кавказа, пытавшееся лавировать и использовать те или иные силы для сохранения своего влияния, не могли противостоять и антибольшевистским силам, а их поражение в конце 1919 г. позволило Москве реа-

⁹⁴ История Крыма: В 2 т. Т. 2. С. 457—462; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5633. Л. 19—21.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 25, 28; Д. 83. Л. 49.

⁹⁶ См.: Хирмандарян С. В. Сплочение народов в строительстве социализма: (Опыт ЗСФСР). М., 1982. С. 13.

⁹⁷ Цит. по: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Кн. 1. М., 1995. С. 166.

лизовать альтернативный проект. Впрочем, он не слишком отличался от общей схемы, которая включала поддержку лояльных сил, силовое подавление сопротивления установлению советской власти и оформление национально-государственных образований на единых для страны началах. В марте большевики заняли Темир-Хан-Шуру, Петровск, Дербент, в ночь с 26 на 27 апреля 1920 г. XI Красная армия перешла границу Азербайджана. После силового утверждения власти Советов при минимальных и кратковременных боях, в отсутствие массовых антисоветских выступлений, деятельность национальных комитетов была остановлена. Транзитную роль в совствизации регионов здесь также играл ревком. Именно ультиматум Азревкома заставил местный парламент сдать власть. Азербайджан был провозглашен советской республикой. В случае с Грузией и Арменией советизация была отложена с учетом сложностей на других фронтах войны. 7 мая 1920 г. состоялся мирный договор РСФСР и Грузинской республикой, предусматривались легализация компартии в республике и урегулирование пограничных проблем между Грузией и Азербайджаном.

Правда, горцы Северного Кавказа, как докладывал 12 сентября 1920 г. в ЦК партии Вадим (Лукашев В.Л.), после заключения договора пришли к выводу, что российский центр «в руках» их противников, поскольку после разграничения между Грузией и РСФСР «чуть не половина территории горцев южных склонов, с самого начала борющихся за Советскую власть и раньше всех объявивших последнюю, теперь отторгнуты к Грузии, а последняя вырезает их — за «советскую приверженность»». Ко всему этому, писал он далее, добавлялись проблемы из-за «округления территории Армении, а частью и Грузии — за счет азербайджанских горцев-татар». Для овладения регионом большевикам ме-

шали не только противоречия между горцами, конфликтные отношения с соседними закавказскими республиками, но и расхождения представителей ВЧК с главой Северо-Кавказского ревкома С. Орджоникидзе. Вадим предлагал заменить весь местный состав ЧК, заменить или отозвать Орджоникидзе и его группу, восстановить Горский партцентр, подчинив его ЦК, и дать право горцам напрямую обращаться в Москву. Неприязнь горцев к Орджоникидзе и его соратникам, считал он, переносится на центр. Но «если авторитет первых не существует, то поколебленный авторитет РСФСР можно и должно восстановить»⁹⁸.

14 сентября на основе доклада И.В. Сталина и М.И. Фрумкина о настроении кавказских горцев Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о «полной административной автономии» между чеченским и русским населением. Для «руководящего определения во всех деталях нашей политики на Кавказе вообще, горцев в особенности» туда направлялся Сталин. Он действовал решительно. 28 октября краевое совещание коммунистических организаций Кавказа и Дона во Владикавказе по докладу С.М. Кирова опровергло доклад Вадима. 29 октября Сталин сообщил Ленину и в ЦК, что «Кавбюро и Орджоникидзе вели нашу линию умело, связали горцев с Советской властью, а сами горцы удовлетворительно выдержали экзамен». Успехи большевиков в Дагестане, считал он, тоже подтверждали правильный образ действий Орджоникидзе и Кавбюро. Сталин обещал быстро решить проблемы земельно-административного устройства горцев и терских казаков и добавлял: «Не сомневаюсь, что, если бы в Туркестане велась наша политика так же умело, не было бы у нас десятков тысяч басмачей». Так называемый доклад Вадима, как чуть позже сообщал Сталин, «вызвал бурю негодования среди наиболее ценных и незаменимых работников Кавказа». Солидарно с Кавбюро он вы-

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 93. Л. 27 об.

ступил за вывод Вадима из Особого отдела и предание его партийному суду.

30 октября Сталин доложил, что пять казачьих станиц «в военном порядке» и земля переданы чеченцам. Он предлагал выделить казачество в отдельную губернию из состава Терской области, а горцев «придется объединить в одну административную единицу в виде автономной Терской республики на началах Башкирской автономии (чеченцы, кабардинцы, осетины, ингуши, балкарцы). Дагестан, полагал Сталин, придется устроить на тех же началах отдельно от поминенных горцев». На середину ноября он решил созвать общенародный трудовой съезд и не сомневался, что это «окончательно очистит атмосферу на Северном Кавказе»⁹⁹. Показательно, что «недостаточно серьезное отношение к перифериям РСФСР со стороны ЦК» и Северо-Кавказского ревкома, как писал член Дагестанского ВРК М. Коробкин, привело к усилению антисоветских настроений у части населения на границе с Грузией. Но вместо исправления ситуации ответственные за политику в Дагестане «считали единственным выходом из положения выделение Дагестана в самостоятельную единицу»¹⁰⁰. Действительно, расселение по национальным квартирам в ходе войны стало для центра почти единственно возможным вариантом.

Компартии Азербайджана, Грузии и Армении, которые объединили наличные коммунистические силы и стали опорой Москвы в борьбе за советизацию Закавказья, были оформлены с февраля по июнь 1920 г. В апреле было создано Кавбюро ЦК РКП(б). Армянская ССР была провозглашена ревкомом Армении 29 ноября 1920 г.¹⁰¹ 4 декабря красноармейские части и поддерживавшие их армянские повстанцы вступили в Эри-

вань. Меж тем Орджоникидзе и Киров телеграфировали Ленину, что «обеспечить за Советской Россией Азербайджан, не владея Грузией, почти невозможно», так как это повлияет на внешнеполитические интересы РСФСР в регионе и «произведет самое отвратительное впечатление на мусульман». Более того, Киров в письме к Ленину вскоре предсказал, что большевики расценят договор с Грузией как клочок бумаги¹⁰².

18 февраля 1921 г. советская власть провозглашается в Грузии, 25 февраля части Красной армии вошли в Тифлис. 21 мая был подписан «Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и Грузинской ССР», взаимно признававший независимость и суверенитет¹⁰³. В апреле закавказские республики заключили договор об объединении железных дорог, а мае-июне ликвидировались таможенные барьеры и объединились внешнеполитические структуры. В 1921 г. Политбюро было вынуждено вызывать в Москву руководителей Азербайджана М. Гусейнова и В. Ахундова «для разъяснения им правильной коммунистической политики» в республике. Осенью Кавбюро, опережая события, приняло решение о создании Закавказской федерации, и Политбюро ЦК потребовало разъяснить, «как представляете себе взаимоотношения союзного совета Закавказской федерации и РСФСР». Л. Д. Троцкий предлагал заключить конвенцию о военных взаимоотношениях РСФСР с республиками Закавказья, «обеспечив заранее решения [...] партийным путем». «Ввиду исключительной важности» выборы Кавбюро ЦК партии разрешалось проводить на общей партконференции закавказских республик только при согласовании списка его членов с ЦК партии¹⁰⁴.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 93. Л. 30—32, 35—57.

¹⁰⁰ Там же. Д. 94. Л. 229—230 об.

¹⁰¹ Образование Союза Советских Социалистических республик: Сборник документов. М., 1972. С. 157.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1245. Л. 1; Д. 1054. Л. 2.

¹⁰³ Образование Союза Советских Социалистических республик: Сборник документов. С. 215.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 199. Л. 20; Д. 214. Л. 7—8; Д. 230. Л. 39.

Ф. Махарадзе писал Ленину 6 декабря 1921 г., что «вступление в пределы Грузии красных войск и провозглашение советской власти приняло характер внешнего завоевания, ибо внутри страны в этот момент никто и не думал о поднятии восстания», а за организацию «власти Советов» взялись сомнительные и преступные элементы. Не учитывался и «тот факт, что за последние три-четыре года массы в Грузии как-то свыклись с идеей независимости и самостоятельности Грузинского государства, хотя она была эфемерна и фиктивна». Махарадзе призвал осторожно «подходить к массам», не давать повода для разжигания национализма, делать уступки национальной интеллигенции¹⁰⁵. Между тем полиэтничный характер населения региона диктовал усложнение матрицы федеративного устройства: 16 декабря 1921 г. признанная в мас независимой советская Абхазия подписала союзный договор с Грузией и вошла в ее состав. В Азербайджане была создана Нахичеванская автономная республика и АО Нагорный Карабах.

В условиях войны приходилось решать и задачу интегрирования окраин в общую систему управления страной. Одним из самых болезненных был вопрос о границах субъектов федерации разных уровней. На основе решений VII съезда Советов (5—9 декабря 1919 г.) Президиум ВЦИК образовал административную комиссию для регулирования принципов районирования и формирования административно-хозяйственных территорий во главе с замнаркома внутренних дел М. Ф. Владимирским. VIII съезд Советов (22—29 декабря 1920 г.) принял решение за 2 месяца провести такую организацию территорий, дабы центры новых районов были связаны с пролетарским началом¹⁰⁶.

Однако в процессе перераспределения территорий вскрылись противоречия между объективным требованием единства, в том числе и для достижения реального равенства народов, с одной стороны, и разобщающими национально-государственными амбициями окраин, с другой.

Так, в марте 1920 г. группа бурятских автономистов образовала Временный общепобурятский национальный комитет, в мае—июне в Верхнеудинске прошел съезд представителей бурятского населения Хоринского, Селенгинского и Баргузинского аймаков Забайкальской области. Он высказался за территориальную целостность и автономию бурятского народа, органом исполнительной власти стал Бурят-Монгольский народно-революционный комитет. Правда, М. И. Амагаев признавал: «Автономное строительство было делом новым, не имевшим в прошлом почти никакого опыта, и приходилось вновь создавать и административные единицы, и аппараты управления»¹⁰⁷. В апреле 1921 г. был принят Основной Закон (Конституция) ДВР, по которому Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский аймаки объединялись в Бурят-Монгольскую АО (БМАО). В мае народно-революционный комитет преобразовался во Временное областное управление БМАО ДВР¹⁰⁸.

Известный бурятский деятель Э.-Д. Ринчино в соответствии с установками РКП(б) увязывал судьбу бурятской автономии с актуальными внешнеполитическими приоритетами советской власти: «немаловажное значение будет иметь то или иное разрешение инородческой проблемы в Сибири в качестве иллюстрации искренности заверений и политики Советской России... Все работы об улучшении положения инородцев [...]

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5627. Л. 61—66.

¹⁰⁶ Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 152.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 52. Л. 31 об.

¹⁰⁸ См.: *Елаев А. А.* Бурятия: Путь к автономии и государственности. М., 1994; *Он же.* Бурятский народ: Становление, развитие, самоопределение. М., 2000.

в силу общности языка, письменности и единства культуры инородческих народностей Сибири с народами Азии, будут немедленно просачиваться за границу и вызывать соответствующие результаты [...]». В своих обращениях в Наркомнац он также обращал внимание на необходимость территориального единства бурят в рамках одной автономии¹⁰⁹. В августе 1921 г. Временное областное управление было признано официальным органом исполнительной власти БМАО. Уже после войны 30 мая 1923 г. постановлением ЦИК СССР автономные области бурят-монголов были объединены в Бурят-Монгольскую АССР.

Для этнополитического преобразования юга Сибири власть считала важным учитывать внешнеполитические интересы. Автономия горцев Алтая была санкционирована в конце 1921 г. с ясным указанием на решающую роль Москвы: «Не возражать против созыва совещания алтайских народов на предмет их волеизъявления». Сиббюро ЦК РКП(б), правда, выступало против автономии ойратов и хакасов, считая ее «совершенно нежизненной и политически опасной» из-за неспособности алтайцев «обеспечить политическую устойчивость южной границы Сибири». Организовать советскую власть на огромной территории «на национальном принципе представляется явно несущественным делом», если обеспечить классовую сплоченность населения. Требование автономии объяснялось ее пропагандой с 1917 г., в том числе сибирскими областниками и этнографами, влиянием насилие колчаковцев и вылазок белогвардейцев из пограничной Монголии. Тем не менее комиссия Наркомнаца, занимавшаяся этим вопросом с сентября 1921 г., в начале ноября констатировала, что все доводы Сиббюро нельзя считать вескими и обоснованными, а укрепление советской власти возможно

лишь при правильном проведении национальной политики. Да и решение специфических задач политического влияния советской власти в Урянхайском крае и Джунгарии диктовало необходимость автономии¹¹⁰.

В Якутии попытка установить советскую власть летом 1918 г. провалилась, но зимой 1919 г. местные большевики сумели утвердиться. 10 марта 1920 г. на совещании в Иркутске впервые прозвучала идея учреждения национальной и культурно-национальной автономии в Якутской области. Но наличных сил здесь было явно недостаточно, хотя якутский большевик М. К. Аммосов проявил настойчивость в продвижении этой идеи. В апреле 1920 г. по итогам совещания Сибревкома было принято решение упразднить Якутскую область и присоединить ее территорию к Иркутской губернии. Обосновывалось это решение опасениями мятежа против советской власти. 1 мая Аммосов составил записку в Сибревком «о предоставлении Якутии губернской самостоятельности». В сентябре такое решение состоялось, но тяжба между общесибирскими и иркутскими большевиками, якутскими автономистами продолжалась, пока центр не определил свою позицию. В январе 1922 г. по предложению Наркомнаца Политбюро ЦК РКП(б) опросом решило выделить Якутию «в автономную единицу»¹¹¹. В апреле 1922 г. была провозглашена декларация об образовании ЯАССР в составе РСФСР с центром в Иркутске, хотя границы и административный облик автономии еще предстояло уточнить.

Договоры между советскими этнополитическими субъектами на пространстве бывшей империи служили способом апробации нового интеграционного проекта. Как убежденный сторонник централизованного управления, Сталин обосновывал ведущую роли партии в политическом самоопреде-

¹⁰⁹ Элбек-Доржи Ринчино: Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 86, 189—190.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 244. Л. 2, 34—36, 39—42 об., 44.

¹¹¹ Там же. Д. 181. Л. 2—3, 36, 38; Оп. 163. Д. 239. Л. 11.

лении народов и в многонациональном административном аппарате. Отталкиваясь от доктринального тезиса о диктатуре пролетариата, Наркомнац доказывал, что политической и социальной базой диктатуры должны стать центральные промышленные районы, т.е. европaysкая часть РСФСР, а не окраины, населенные преимущественно крестьянством. Ленин считал, что пролетарский интернационализм состоит «не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывалось в жизни фактически»¹¹².

В 1920 г. Сталин предложил, какой должна быть иерархия национально-государственных структур. Республики татар, казахов, башкир он считал более высокой степенью политической автономии в сравнении с административной автономией немцев Поволжья, чувашей или карел и в то же время менее широкой, чем статус Украины, Туркестана и особенно тех республик, которые имели пока договорные отношения с Советской Россией (Азербайджан, например)¹¹³. На 1920 г. в РСФСР насчитывалось 66 554 011 граждан, принадлежащих к 32 этническим общностям, в том числе меньшинства составили 9 847 215 чел.¹¹⁴ К концу Гражданской войны в составе РСФСР были образованы Башкирская, Татарская, Киргизская (с 1925 г. Казахская), Дагестанская и Горская автономные республики, Чувашская и Калмыцкая автономные области. В 1920 г. упрочились просоветские режимы в Хорезме и Бухаре, с которыми РСФСР заключила договоры. В январе 1921 г. Крымревком и обком РКП(б), рассмотрев вопрос о взаимоотношениях с РСФСР и УССР, признал

наиболее желательным подчинить Крым непосредственно Москве с названием Крымская автономная область. Ю. П. Гавен предложил «в целях революционирования мусульманского Востока [...] создать видимость самостоятельного Крыма» под названием «Крымская Коммуна». 18 октября 1921 г. декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об автономной Крымской Советской Социалистической Республике» оформил автономию в составе РСФСР, а в ноябре она была учреждена съездом Советов¹¹⁵.

В резолюциях X съезда РКП(б) отмечалась целесообразность федерации и возможность в ее рамках охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния наций и народностей. На первое место в этносфере вышли землеустройство, социальная помощь населению разоренных окраин, развитие культуры и образования, подготовка национальных кадров для всех областей хозяйственной и общественной жизни, создание органов власти, совмещающих функции диктатуры пролетариата и национального представительства, обеспечения местного самоуправления, и многое другое. При Наркомнаце действовали 21 представительство автономий и 6 отделов национальных меньшинств¹¹⁶.

Федералистские предпочтения участников политического процесса в условиях революции и Гражданской войны были сходны с точки зрения приоритетности новой формы государственного устройства и сохранения целостности бывшего имперского пространства. Но в оценке формата, системообразующих условий функционирования административного и политического целого, принципов взаимодействия автономий с центром будущей федерации и даже

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.

¹¹³ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 351—363; Правда. 1920. 10 окт.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 216. Л. 155.

¹¹⁵ История Крыма: В 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 464—465.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 227. Л. 88, 91.

границ внутри нее представления были различными и не всегда проработанными.

СНК и Наркомнац предлагали автономистам признать классовый характер организации власти и оставляли за собой эксклюзивное право на определение их территориальных и политических границ, формы и состава руководящих органов управления. Все другие возможные вопросы по этому поводу оставались вне поля зрения до конца войны, поскольку главным стимулом было признание права на самоопределение и национальное равенство. От политических сил требовались готовность и умение действовать ситуативно и гибко, выходить на условный, но результативный диалог с национальными элитами. Большевики показали лучшую, в сравнении со всеми своими противниками, способность побеждать в условиях, когда право наций на самоопределение стало одной из доминант мирового развития, а в России социальные, этнические и локально-территориальные проблемы тесно переплелись.

Неудачи и даже безнадежность антисоветских автономистов не спровоцировали сепаратистские настроения и не изменили их стратегического ориентира на государственное единство с Россией. Свою роль сыграла вера в могущество и выживаемость огромного государственного организма. В то же время общий освоенный ландшафт с его понятными и проработанными социально-политическими сетями, официальными и негласными привилегиями, компромиссами и зависимостями был гораздо привычнее и безопаснее, нежели непредсказуемая самостоятельность, в которой ответственность полностью переходила к новому центру власти в лице самой этнополитической элиты. В условиях войны лидеры национальных движений были вынуждены считаться с объективными условиями и примыкали к побеждающей стороне в надежде получить доступ к власти в своих регионах, поддержку культурной самобытности и пр.

Большевики не без труда, но целенаправленно добивались раскола национальных движений, выделения и поддержки леворадикальных групп. В борьбе за удержание власти и территории основную роль в национальной политике РКП(б) играли динамично менявшиеся обстоятельства войны, резко усилившие роль импровизации. Политические подходы базировались на ситуативном понимании приоритетов объединения регионов и возможных образцов государственного единства культурно сложного общества. Административная, политическая, экономическая, социокультурная фрагментация пространства бывшей империи, совмещенная с тяжелейшими кризисными явлениями во всех сферах жизни и плохо управляемыми, спорадическими военными конфликтами заставили большевиков действовать быстро и гибко, нарабатывая инструментарий создания советского государства и управления расколотым культурно сложным обществом.

В ходе войны апробировались разные формы и методы национально-государственного строительства, за основу же был взят федеративный проект. Он реализовывался посредством фактического признания возникавших повсеместно советских национальных республик и политического оформления их декретами центра. Если на начальном этапе Гражданской войны этнополитическая реорганизация страны велась ситуативно и оптимальный алгоритм лишь намечался, то в условиях масштабных военных действий накапливаемый опыт становился все более гибким и адаптивным инструментом формирования новой федеративной системы.

Контуры государственно-правовых форм Союза рождались в противоречивой практике взаимоотношений между возникшими на пространствах бывшей империи автономиями и большевистским центром. Приоритет социальных интересов в ходе Гражданской войны был налицо. Принципиально важным для большевиков было признание

этнополитическими движениями и автономистскими правительствами советской власти: это служило условием сохранения национальных структур и их представительства в советских органах управления в центре и на местах. Как правило, этнополитические единицы федерации создавались не путем заключения договоров с центром, а инициативно и декретированием нового образования сверху — вместе с включением лояльной части местной этнополитической элиты в состав советских органов власти. Сталин изложил тактику декларативных уступок ради обеспечения желаемого единства разрозненных частей страны в письме Ленину 22 сентября 1922 г.: «За четыре года гражданской войны [...] мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе». Мы переживаем такой этап развития, когда коммунисты на окраинах «игру в независимость отказываются понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик». Но «если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик»¹¹⁷.

Постепенный переход от войны к миру ознаменовался определенным упорядочением в сфере управления национальной политикой. В апреле 1921 г. в Наркомнац открылся отдел по делам национальностей, который поначалу вел работу в 15 губерниях. В марте 1922 г. при отделе национальностей Наркомнац было решено организовать «подотдел по охране и управлению пер-

вобытными племенами северной России». В его задачи входили «организация и управление, согласно культурным особенностям, охрана туземцев от эксплуатации и т.д.»¹¹⁸ Рожденный в годы Гражданской войны опыт организации и консолидации представителей разных народов в составе правящей партии и государственном аппарате закрепился в фундаменте последующего партийного и этнополитического строительства.

В целом, несмотря на все противоречия в национальной политике большевиков, предложенный ими вариант самоопределения путем образования автономий соответствовал устремлениям этноэлит и объективным задачам модернизации многочисленных народов бывшей империи через политическую институционализацию этничности. Это сыграло важную роль в расширении социальной опоры советской власти и в победе красных в Гражданской войне. Очевидное противоречие между национальным нигилизмом в теории и необходимостью считаться с проявлениями национализма на практике выразилось в лозунге самоопределения народов на основе признания власти Советов и создания национально-государственных образований как составных частей Российской, а в перспективе — мировой федерации, всемирного «трудового братства», в котором национальности должны были раствориться. В свою очередь, сразу после взятия власти в центре и на местах перед большевиками встала масса вполне конкретных задач политического, хозяйственного, социального, культурного, административного и иного свойства, касавшихся повседневной жизни многоликого этноконфессионального сообщества.

¹¹⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 77, 198—200.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 435. Л. 328; Д. 407. Л. 226, 220 об.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ (БЕЛЫХ) ПРАВИТЕЛЬСТВ

Национальный вопрос представлял собой большую важность для руководства Белого движения, преимущественно в тех регионах, где его обострение после 1917 г. приняло особенно сложные и непримиримые формы. Условия Гражданской войны требовали незамедлительного провозглашения политической программы, способной удовлетворить в той или иной форме межнациональные противоречия. И политика «непредрешения», провозглашавшаяся в качестве основы внутривнутриполитического курса Белого дела, далеко не всегда соответствовала изменившемуся положению в стране. В то же время было очевидно, что среди политиков и военных много сторонников сохранения «единой, неделимой России» и противников даже федеративного принципа государственного устройства. Но не считаться с уже сформировавшимися в предреволюционные и революционные годы национальными элитами было невозможно.

В политике деникинского правительства национальный вопрос занимал важное место. Особому Совещанию следовало определить свою позицию, прежде всего в отношении Украины, Грузии, а также народов Северного Кавказа. Не последнее место, по мере продвижения ВСЮР к Москве, приобретала и позиция по отношению к так называемому еврейскому вопросу. Принципиально Совещание соглашалось с необходимостью перемен в будущем национально-государственном устройстве России и поддерживало возможность вве-

дения федерации в многонациональном российском государстве. Однако данный принцип считался приемлемым лишь после окончания Гражданской войны.

Во время боевых действий ВСЮР не стремились ограничиться операциями исключительно против Красной армии. Из-за агрессивной политики военного руководства Грузии и вторжения грузинских дивизий на территорию Сочинского округа (Сочинский конфликт) Деникину пришлось вести против них боевые действия, закончившиеся поражением грузинских войск. Деникин выступал против признания государств, образовавшихся после 1917 г., за исключением Польши. Категорически отказывался Главком ВСЮР признать автономию Украины. Даже сам термин «Украина» не признавался Деникиным, упорно продолжавшим использовать наименование «Малороссия», «малороссийские губернии». А против войск С. Петлюры ВСЮР вели боевые действия на протяжении почти всего 1919 г. (на территориях Волынской и Подольской губерний).

Будущее административно-территориальное устройство Украины представлялось Деникиным в форме «областной автономии». В 1919 г. эти проекты активно обсуждались в «Комиссии по рассмотрению вопроса об областном управлении» (ее председателем был начальник Управления внутренних дел сенатор В. П. Носович). В ее составе принимал участие и известный правовед, профессор Московского университе-

та П. И. Новгородцев. Основой для автономного устройства он считал экономические и социально-культурные особенности того или иного региона. Им было составлено обращение (опубликованное от имени Деникина) «К населению Малороссии» (12 августа 1919 г.). В нем шла речь о «единстве» России, когда «север и юг, восток и запад обширной державы в свободном обмене несут друг другу все, чем богат каждый край, каждая область». «В основу устройства областей Юга России. — говорилось в обращении, — будет положено начало самоуправления и децентрализации при неслыханном уважении к жизненным особенностям местного быта». Считалось «совершенно недопустимым» «преследование малорусского народного языка», так как «каждый может говорить в местных учреждениях: земствах, присутственных местах и суде — по-малороссийски». В периодической печати, в книгоиздательстве, а также частных школах «малороссийский язык» использовался бы «без ограничений», а в «казенных» и «начальных школах» преподавался бы в качестве факультатива¹.

В официальных распоряжениях белого командования неоднократно говорилось о недопустимости каких-либо репрессий в отношении местного населения «по национальному признаку». Так, например, командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант В. З. Май-Маевский в приказе по армии (31 июля 1919 г.) указывал: «Добровольческая армия, ведущая тяжелую борьбу за воссоздание нашей Великой Родины, за установление в ней правового порядка, должна прежде всего вносить в освобождаемые от большевиков местности порядок, спокойствие и законность. Под

мощной защитой армии всем гражданам, без различия состояний, национальностей и вероисповеданий, должно быть обеспечено спокойное существование, должна быть обеспечена личная и имущественная неприкосновенность; даже и единичные случаи притеснения какого-либо класса населения, какой-либо национальности, например, евреев, не должны иметь места [...] Начальникам всех степеней принять настоящий приказ к строжайшему исполнению и руководству, привлекая к законной ответственности виновных в нарушении его»².

В то же время Май-Маевским были приняты распоряжения о запрете изучения в казенных учебных заведениях украинского языка и украиноведения. На частных учебных заведениях это не распространялось. Более того, если преподавание в них проводилось «в общегосударственном духе», то им гарантировалась государственная поддержка регионов³.

Но приказы и распоряжения власти сами по себе, при отсутствии контроля за их выполнением, в условиях низкой дисциплины, не давали результата. Показательным примером в этом отношении стали еврейские погромы на Украине, в которых участвовали подразделения Белой армии летом—осенью 1919 г. В августе—сентябре 1919 г. произошло несколько погромов в еврейских местечках и городах Правобережной Украины, среди которых наиболее крупным по своим масштабам стал еврейский погром в г. Фастове. Также и в Киеве, после его кратковременного занятия частями Красной армии в начале ноября 1919 г., вспыхнули погромы в ряде районов под предлогом того, что здесь действовали «еврейские боевые дружины», стрелявшие в добровольцев⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 5354. Оп. 1. Д. 16. Л. 3—4; Заря России. Ростов н/Д., 1919. № 1, 15 авг.

² Шехтман И. Б. Погромы Добровольческой армии на Украине: (К истории антисемитизма на Украине в 1919—1920 гг.). Берлин, 1932. С. 333—347.

³ Дикий А. Неизвращенная история Украины—Руси. Т. 2. Нью-Йорк, 1961. С. 210—211.

⁴ Шехтман И. Б. Погромы Добровольческой армии на Украине: (К истории антисемитизма на Украине в 1919—1920 гг.). С. 333—347; Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918—1922 гг.: Сборник документов. М., 2007. С. 177—191.

Антисемитизм нередко проявлялся и в деятельности политических структур, и на страницах периодических изданий, выходявших в свет на территориях белых правительств. На белом Юге, в программных документах Всероссийской Народно-Государственной партии (ВНГП), возглавлявшейся В.М. Пуришкевичем, обличалась политика 1917 г., проводившаяся «самозваной шайкой грабителей во главе с Керенским» (на самом деле бывшим «евреем Аароном Кирбисом», как считали деятели партии). В современных условиях, по мнению лидеров партии, главная опасность исходила от «партии народной свободы, руководимой еврейством, стоящим во главе ее», «принявшей новое название, в целях заманить к себе народные массы под флаг партии Национального Центра, с тем же евреем во главе» регионов⁵.

В ноябре 1919 г., в Ростове-на-Дону Пуришкевич выпустил в свет газету «На Москву» и журнал «Благовест», содержание статей в которых дало повод к их оперативному закрытию «за национальную травлю». Пуришкевич не ограничивался уже общими рассуждениями об опасности «еврейского влияния», а указывал, в частности, на правительственный Отдел пропаганды, в котором, по мнению автора, работало несколько десятков чиновников «еврейской нации». В передовой статье журнала отмечались важность «возвращения России к заветам славной старины — к Царской власти» и проведение «государственно поставленной, открытой борьбы с еврейством»⁶.

Весьма остро проявлялись национальные конфликты на Северном Кавказе. Одним из наиболее серьезных стал конфликт между терским казачеством и народами Чечни, Ингушетии и Дагестана. Еще в 1917—1918 гг. советской властью были приняты

решения об уравнивании в правах терских казаков и горцев, а затем и о перераспределении земель, в частности на территории Сунженской линии в Чечне. Это привело к серьезным конфликтам. В оценке Деникина, «для Терека, при его крайней чересполосности (в расселении казаков и горцев. — В.Ц.), при страшно запутанных межплеменных отношениях, острой вражде к нему чеченцев и ингушей и далеко не соразмерных силах сторон (казаки составляли лишь 20% населения области. — В.Ц.), установление общероссийской власти было вопросом жизни и смерти». По мнению Главкома, в регионе должна была проводиться политика, призванная примирить казачество и горские народы, нужна была «власть, чуждая областных интересов», которая смогла бы, ослабив развитие панисламистских и центробежных тенденций, сохранить край для России. В политико-правовом отношении это означало, в частности, разработку для Терско-Дагестанского Края (Тердага) особого законодательства о местном самоуправлении, отдельно для русского населения и для «горских народов названного Края»⁷.

Но еще до вступления на территорию Терского войска Добровольческой армии, летом 1918 г., здесь предпринимались попытки образования антибольшевистской власти, призванной разрешить местные противоречия. В ходе начавшегося в крае восстания терских казаков, поддержанных частью инородных крестьян, против советской власти в июне 1918 г. в Моздоке был сформирован Терский казацко-крестьянский Совет во главе с меньшевиком Г.Ф. Бичераховым. Им было издано воззвание, в котором заявлялось, что «все мы, казаки и крестьяне, в поте лица своего добывающие хлеб свой, должны стать дружной стеной на защиту своих очагов [...], все хлебобобы Терской области,

⁵ Народно-Государственная партия, Программа и Устав / Изд-е Главного Совета партии. Ростов н/Д., 1919. С. 1, 7, 11—12.

⁶ Благовест. Ростов н/Д. 1919. № 1. С. 1—2, 23—24.

⁷ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 4. Берлин, 1925. С. 114.

Ставропольской губернии. Кубанской области — братья между собою [...], с нами трудовое население наших соседей — горцев».

Восстание на Терек поддерживали в Кабарде и Осетии. Восставшие опирались на кадры Кабардинской конной дивизии во главе с полковником Заур-Бек Даутоковым-Серебряковым. Коалиционный Окружной Народный Совет стал главным органом местного самоуправления. Окончательно политическая программа и структура власти в «казачье-крестьянском крае» сформировалась на прошедшем в Моздоке Чрезвычайном съезде казаков и крестьян (сентябрь 1918 г.). Было создано Временное Народное правительство Терской Республики, ставшее «властью Терского края», также составленное на основе коалиции. Местная власть (народные Советы и «отдельские комиссары») также утверждалась Казачье-крестьянским Советом. При этом судебная власть должна была руководствоваться «правосознанием народов края». Моздокский съезд принял приветствие «Добровольческой армии генерала Алексеева и партизанскому отряду войскового старшины Бичерахова», которые должны были бы объединиться с казачье-крестьянской народной армией в деле борьбы «за истинную народную власть».

В целом политическая программа региональной власти оставалась в рамках типичного для 1918 г. антибольшевистского сопротивления. Лозунги «народной власти» вполне соответствовали ожиданиям демократических преобразований, в том числе и в сфере межнациональных отношений. В начале октября правительством была принята особая декларация — «К народам Терского Края», провозглашавшая «солидарность со всеми народными правительствами, образовавшимися на других частях Российской Земли и стоящими на платформе народного движения за единство России и Всероссийское Учредительное собрание».

Считалось, что наиболее приемлемой формой государственного устройства может стать демократическая и федеративная республика. Земельный вопрос, заметно влиявший на межнациональные отношения на Кавказе, предполагалось решить на основе «сговора национальных и бытовых групп». Актуальность национального вопроса проявлялась и во внешнеполитической ориентации, о чем свидетельствуют соответствующие решения Моздокского съезда и правительственные декларации: «Уже наши верные союзники — англичане и французы — и на западе Европы, и на севере России, и на юге — в Палестине и Персии — наносят один за другим последние решительные удары нашим врагам — германо-туркам»⁸.

Боевые действия повстанческих соединений первоначально имели успех и 24 июля 1918 г. ими был занят Владикавказ — столица Терского казачьего войска, хотя удержать его удалось всего 11 дней. Три месяца продолжалась осада столицы Чечни — Грозного, однако взять город не удалось, и повстанцы отступили в Дагестан. Часть отрядов ушла на соединение с Добровольческой армией. В Дагестане, в декабре 1918 г. представители «казачье-крестьянского края» (К. И. Сапронов и Ф. М. Киреев) подписали соглашение с Горским правительством (А. Чермоевым и П. Коцевым). В соответствии с ним казаки и крестьяне Терского края, «признавая общность интересов экономических, политических и государственных с Горскими народами Кавказа», входили в состав «этих народов и на основах пропорциональных участвовали в органах народного представительства и управления Республики Союза». Вышеназванный земельный вопрос должен был быть решен уже в контексте норм международного права: «Если по каким-либо причинам горцам и казакам не удастся прийти к добровольному разрешению земельного

⁸ Терское Казачье Войско: Памяти годовщины восстания терского казачества. 23 июня 1918 г. Пятигорск, 1919. С. 23—36.

вопроса между ними, то сей вопрос передается на разрешение международной арбитражной комиссии, состоящей из представителей держав Согласия».

Все же перспективы слияния терских повстанцев и военно-политических структур горских народов не устраивали руководство ВСЮР. Ни генерал Деникин, ни Войсковой Круг Терского казачества не одобрили соглашение и в феврале 1919 г. структуры «казачье-крестьянского края» были ликвидированы⁹.

В первые месяцы 1919 г. части ВСЮР заняли почти все регионы горцев Северного Кавказа. Деникинское правительство приступило к созданию местной власти на основе признания верховенства общероссийских интересов. Было решено использовать здесь вариант областной автономии. Ее территориальные пределы составляли Терско-Дагестанский край, Главным начальствующим которого стал бывший командир 1-го Кавказского корпуса генерал-лейтенант В.П. Ляхов. Он хорошо знал особенности национальных отношений на Кавказе, но отличался чересчур резким характером. Тем не менее Ляхов считал необходимым развивать сотрудничество с местной элитой.

Система управления, создававшаяся на Северном Кавказе, была призвана обеспечить возможный паритет интересов главного командования ВСЮР, выступавшего с позиций «единой, неделимой России», и интересов местного населения. С согласия Деникина, Ляхов заявил, в частности, что Правитель Чечни будет «из самих же чеченцев», а при нем будут работать помощники по военной и гражданской части, избранные съездом горских народов. Земские управы должны были состоять из «выборных от чеченского народа». Вводилось также особое управление по судебным делам («ведущее делами адата, шариата, обучения

на туземных языках, горского суда и общих дел»). Аналогичный принцип управления, основанный на согласовании глав местного управления с местным населением, предполагалось ввести и в Дагестане, где губернское управление и сам губернатор должны были быть избраны горцами.

Однако Союз горцев Северного Кавказа, хотя и был готов к заключению тесного союза с Добровольческой армией и казачеством Юга России, в начале 1918 г. (в пределах Юго-Восточного Союза) — весной 1919 г. занял противоположную позицию. 10 февраля 1919 г. его лидер П. Коцев, заявил, что «Добровольческая армия, никем не признанная», не может «назначать генерал-губернатора». Коцев был уверен, что горские народы имеют полное право требовать от Добрармии их признания в равном статусе с казачьими войсками: «Добровольческая армия, которая допускает существование Кубанского правительства и Донского Круга, мы полагаем, не должна посягать на самостоятельность и вообще на неотъемлемость права Горского правительства [...], признание нашей республики одним Деникиным для нас имеет мало значения; нужно заручиться согласием и поддержкой других республик России»¹⁰.

В данной ситуации конфликт между белым командованием и горскими лидерами был неизбежен. Но в открытые формы он перешел только летом—осенью 1919 г., в связи с мобилизациями в ряды ВСЮР и усилением повстанческого движения на Юге России в целом (действия горских повстанцев координировались с большевистскими организациями). В первой половине 1919 г. Деникину удалось создать структуры местного управления, согласовав их состав с горскими народами и достигнув определенной степени поддержки своей власти. Отчасти этому помогло то обстоятельство, что все правители горских

⁹ ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 5—5 об., 38; Ф. 5881. Оп. 1. Д. 535. Л. 1—2.

¹⁰ *Тахо-Годи А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1957. С. 105—106; ГАРФ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 31. Л. 25, 35—36, 65—66.

регионов были военными, бывшими офицерами царской армии, и тем самым генерал смог добиться военной субординации, дополнительно усилившей его полномочия как Главнокомандующего ВСЮР.

Руководство Союза горцев во главе с Косцевым выехало в Тифлис, а оставшиеся члены Совета Союза во главе с генерал-майором М. М. Халиловым приняли решение о переговорах с белым командованием. Еще раньше (29 марта 1919 г.) на Съезде чеченского народа в Грозном были приняты основные принципы новой системы управления в горских регионах. Выступивший на съезде Деникин категорически заявил, обращаясь к делегатам чеченского народа: «Можете ли вы порвать с Единой Россией и жить своей самостоятельной жизнью, и не считаться со своими соседями. Кроме резни ничего не выйдет. Если вас уверяют, что у Добровольческой армии недостаточно сил, чтобы справиться с вами и навести порядок, то вас обманывают». При этом генерал не отрицал важность сотрудничества с горцами: «Чтобы в полной мере были обеспечены интересы Вашего народа, Правителем Чечни будет лицо, выбранное Вами. Правителем всех горцев будет лицо, выбранное всеми горскими народностями. Помощником Главноначальствующего генерал-лейтенанта Ляхова будет также выбранное горцами лицо и при нем Горский Совет; они будут следить, чтобы Ваши интересы были за Вами обеспечены».

Показательно было и выступление терского атамана Вдовенко: «Я заверяю вас, что, если вы будете соблюдать ваши обещания, ни один терский казак не подымет на вас руки. Мы, терские казаки, хотим жить с чеченцами в полном согласии и ищем дружбу, ибо на протяжении целых веков сохраняли всегда добрые отношения». В итоге Съезд постановил признать власть Деникина и «не признавать никакого другого правитель-

ства», принять меры «к немедленному прекращению военных действий и к установлению мирной жизни, изгнать от себя большевиков и агитаторов, возбуждающих народ против Добровольческой армии; немедленно выставить всадников для формирования Чеченской дивизии, которая будет содержаться за счет казны»¹¹.

Весной 1919 г. состоялись горские съезды, избравшие власть в округах. Правителями стали военные, достаточно авторитетные на Кавказе. Кабарду возглавил бывший командир бригады Туземной кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант князь Ф. Н. Бекович-Черкасский. Правителем Осетии стал бывший российский военный агент при дворе шаха Ирана генерал-майор Б. Хабаев. Правителем Ингушетии — генерал-майор Мальсагов. Но в Чечне и Дагестане горские съезды не состоялись, и правители здесь были назначены Главноначальствующим Терско-Дагестанского края с согласия Деникина. Таким образом, правителем Чечни стал генерал от артиллерии Э. Х. Алиев, а генерал-майор М. М. Халилов — правителем Дагестана. При самом Главкоме ВСЮР была введена должность почетного представителя горских народов. Ее занимал генерал от кавалерии Д. К. Абадиев. Правители отвечали за проведение мобилизаций в крае, при них создавались местные Советы из уважаемых жителей.

Особое Совещание разработало закон «Об управлении Терско-Дагестанским краем», в котором Область Войска Терского объединялась с горскими «округами» (Кабардинским, Осетинским, Ингушским, Чеченским) и Дагестанской областью. Столицей Тердага стал Владикавказ, руководство терского казачества располагалось в Пятигорске, а Грозный получил статус «градоначальства»¹².

Народные съезды осуществляли представительную власть в крае. Они созыва-

¹¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 534. Л. 16; Ф. 446. Оп. 2. Д. 114. Л. 7—9.

¹² ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 344—344 об.; Ф. 5913. Оп. 1. Д. 174. Л. 2, 13—16; Ф. 5881. Оп. 1. Д. 534. Л. 9.

лись по инициативе местных правителей и с одобрения Главногоначальствующего Тердага. Для участия в них ежегодно избирались делегаты от собраний жителей аулов (один — от каждых полутора тысяч жителей). В компетенции народных управ (исполнительных структур, состоящих из трех членов и избиравшихся на съездах на три года) находились «заведывание и разрешение внутренне-бытовых и хозяйственно-экономических дел», «заведывание имуществами округа», ежегодное «составление смет расходов и доходов», «разрешение дел, касающихся народного образования, народного призрения, обеспечения народного продовольствия». Решения Народных съездов утверждались Главногоначальствующим.

Региональная и религиозная специфика наложила отпечаток и на деятельность судебной власти. Было разработано специальное «Положение о горских судах», в соответствии с которым были восстановлены полномочия «прежних горских словесных и народных словесных, а равно и шариатских судов с сохранением их прежней подсудности»¹³.

Однако верховное управление в крае осуществлялось Главногоначальствующим. Именно он принимал окончательные решения по всем основным вопросам местного самоуправления. И здесь немаловажное значение приобретал фактор, кто именно будет возглавлять Тердаг. С апреля 1919 г. должностью Главногоначальствующего Терско-Дагестанской области принял генерал от кавалерии И. Г. Эрдели. Многие структуры горского самоуправления при нем так и остались сугубо формальными. По оценке адъютанта князя Бековича-Черкасского К. А. Чхеидзе, «все Правители, начиная с Главного, то есть

Эрдели — были генералами. Но разница между всеми Правителями и Главным состояла в том, что первые были кровно связаны с народами (или войском), находившимися у них в управлении. А генерал Эрдели был здесь человек пришлый, посторонний. Казалось бы естественным, чтобы при особе Главного Правителя был образован как бы Совет Правителей или что-либо подобное. Такая конструкция всецело отвечала бы духу народов Северного Кавказа и находилась бы в соответствии с настроениями эпохи. Но такого Совета образовано не было. Вообще, высшее управление Добрармии не отдавало себе отчета в том, что называется “национальный вопрос”. Генерал Эрдели был в этом смысле вполне типичным “правителем” от добровольцев. И этим обстоятельством объясняется то, что за все время его правления Край никогда не находил спокойствия»¹⁴.

Тем не менее Эрдели был убежден, что «управление для каждого народа должно быть установлено применительно к его бытовым условиям», но при этом считался с опытом и знаниями своих подчиненных — офицеров и гражданских чиновников, многие из которых были связаны не столько с местными национальными структурами, сколько с деятельностью в штабе Кавказского военного округа и Кавказского фронта периода Первой мировой войны. Так, например, бывший генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта генерал-майор Е. В. Масловский стал начальником штаба Войск Северного Кавказа (ими также командовал Эрдели). Помощником Главногоначальствующего по гражданской части стал сенатор П. П. Стремоухов, военным помощником — генерал-лейтенант П. А. Томилов¹⁵.

¹³ ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 174. Л. 17—17 об.; Ф. 446. Оп. 2. Д. 2. Л. 27 об.; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 860. Л. 4.

¹⁴ Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1957. С. 111; ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 1 г. Л. 1—7; La Cause Commune / Общее дело. Париж, 1919. № 44, 30 апр.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 6546. Оп. 1. Д. 11. Л. 191, 199; Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте. 1914—1917 гг. Париж, [б.г.]. С. 429—430.

Не вполне совершенной можно было бы считать и систему формирования местной администрации, в которой нередко на первый план выходили родовые особенности. В Дагестане многие административные должности в аулах занимали члены одного рода. По мнению П. П. Стремоухова, при назначении на те или иные административные должности для командования ВСЮР «не было понятно предложение своих услуг, своего опыта и знания, а только существовала презумпция необходимости служить, и эта мысль — “подкормить” того или другого знакомого — нередко была лейтмотивом назначений на должности; прежний стаж для них ничего не значил». «Институт выборных правителей был невозможен у азиатских народов из-за того, что правители были связаны обязательствами родства и куначества»¹⁶.

Несмотря на создание достаточно лояльной администрации, с лета 1919 г. в Чечне и Дагестане развернулось повстанческое движение, руководство которого (А. Шерипов, Н. Гикало, шейх Узун-Хаджи, князь Дышнинский) было связано как с местным большевистским подпольем, так и с турецкофильскими политиками Азербайджана, и с членами находившегося в Грузии Горского правительства. Против Добровольческой армии был провозглашен «газават» — священная война. В условиях роста военного противостояния власти Тердага постепенно отказались от развития сотрудничества с местными правителями, перейдя к более приемлемым, как считалось, диктаторским методам управления, основанным на введении военного положения. Командование ВСЮР было вынуждено оставить на Северном Кавказе значительные силы терских казаков и добровольцев. Фактическая власть оказалась у назначенного руководить операциями против горцев бывшего начальника

штаба Кавказского фронта генерал-майора Д. П. Драценко. Им практиковались артиллерийские обстрелы мятежных аулов, взятия заложников, публичные наказания. Все это лишь усиливало противостояние с местным населением и не помогало решению межнациональных конфликтов.

Все же и в этих условиях белая власть не исключала возможности взаимодействия с местной «общественностью», но теперь от нее требовалась не формальная лояльность, а готовность принять участие в боевых действиях против своих же соотечественников, то есть безусловная поддержка Белого движения. Такой структурой стал Чеченский Национальный Комитет (ЧНК) во главе с И. Чуликовым. Тогда как генерал Алиев, осуждая силовые методы «наведения порядка» в регионе, подал в отставку с поста Правителя Чечни, Чуликов в сентябре 1919 г. участвовал в создании ополчения (более 2 тыс. бойцов), поддерживавшего командование ВСЮР. Генерала Драценко, по инициативе ЧНК, сделали «почетным тамадой» Чечен-аула. А Правителем Чечни стал генерал-майор Е. А. Пашковский — начальник Грозненского отряда ВСЮР, действовавшего против горских повстанцев. А его «помощником по гражданской части» стал И. Чуликов¹⁷.

В начале 1920 г., в связи с общим поражением белых армий, бесперспективным становилось и продолжение борьбы с повстанчеством. Узун-Хаджи и местные большевики, взаимодействуя в общем противостоянии деникинским властям, напротив, достигли крупных успехов, поставив под свой контроль практически всю нагорную Чечню и Дагестан. В феврале—марте 1920 г. войска Северного Кавказа по Военно-Грузинской дороге отступили в Грузию. Вместе с ними были вынуждены уйти и отряды горцев, поддерживавшие Деникина.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 6546. Оп. 1. Д. 11. Л. 160, 185, 218—219; Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 31, 195—196 об.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 31. Л. 201; Вестник Чеченского комитета по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи // Грозный. 1919. № 2, 17 окт.; № 4, 7 нояб.

Белому движению в данном регионе, несмотря на достаточно перспективные политико-правовые попытки и инициативы, так и не удалось решить национальных проблем. По точной оценке П. П. Стремоухова, «роль Добровольческой армии в Терско-Дагестанском крае была крайне тяжелой и неблагоприятной». Хотя, по его же мнению, «в то послереволюционное время всякая другая власть, как и Добровольческое командование, пожелавшее проявить твердость для водворения порядка в области, встретили бы много групп недовольных. Можно порицать некоторые меры Добровольческого командования, как, например, сожжение ряда селений, но сомнительно, чтобы и другие меры дали лучшие результаты»¹⁸.

Показательны решения, принятые на белом Юге в отношении калмыков. Здесь использовались структуры астраханского казачьего войска, в состав которого было принято калмыцкое население. При этом сохранялось «главенство единого войскового Атамана из коренных казаков», но «с сохранением калмыцкого управления по форме аналогичной казачьей». Помощником астраханского атамана «по калмыцкой части» стал представитель местной знати нойон Д. Д. Тундутов, имевший чин ротмистра. Показательно, что в 1918 г. Тундутов даже исполнял обязанности астраханского атамана, и, хотя Астрахань была под контролем советской власти, «временным местопребыванием штаба астраханского казачьего войска» и «войскового правительства калмыцкого народа» стал Новочеркасск. Тундутов поддерживал донского атамана Краснова, сотрудничавшего с Германией, и сам встречался в Берлине с кайзером Вильгельмом II.

Пронемецкая политика калмыцкого лидера не нашла одобрения у командования Добровольческой армии, и в январе 1919 г., по распоряжению Деникина, Тундутова отпустили от должности, а решением Особого Совещания калмыцкое самоуправление было подчинено «ведению астраханского губернского управления». В ноябре 1919 г. вышло распоряжение деникинского правительства о создании нового государственного образования «Астраханский край», в состав которого должны были войти «бывшая Астраханская губерния вместе с Внутренней Киргизской Ордой и земли Астраханского казачьего войска». Похожий вариант управления уже осуществлялся в Терско-Дагестанском крае. Но данный проект реализовать не удалось ввиду отступления ВСЮР в начале 1920 г. за пределы Астраханской губернии¹⁹.

На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке национальный вопрос, хотя и имел меньшую остроту в сравнении с южнорусскими регионами, но его также следовало учитывать при разработке законодательства Белого движения. В уральском казачьем войске по предложению бывшего председателя съезда крестьянских начальников Гурьевского уезда статского советника П. М. Ерогина предполагалось «использование киргизов, как живой силы, для противодействия большевизму», посредством создания отдельной «Киргизской армии». С этой целью следовало, как он считал, «безотлагательно созвать комиссию из известных уже, обремененных полномочиями киргизских деятелей», а также из «представителей русской власти от ведомств — военного, внутренних дел, юстиции, земледелия, торговли и промышленности, финансов, государственного контро-

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 534. Л. 19—20; Ф. 6546. Оп. 1. Д. 11. Л. 216—217.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 174. Л. 34—35, 38—41; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 45—45 об.; *Каклюгин К. П.* Донской атаман Краснов и его время // *Донская летопись*. № 3. Белград, 1924. С. 97—99; *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое Особым Совещанием при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России*. 1919. № 43, 27 нояб. Ст. 393.

ля и представителей земских и городских управ». Эта комиссия, по мнению Ерогина, сможет наладить взаимодействие с местным населением и получит его поддержку в общем деле «борьбы с большевизмом». Но данный проект не осуществился²⁰.

В сложившемся в 1918—1919 гг. антибольшевистском сопротивлении на Востоке России не последнюю роль играла башкирская автономия. Еще в декабре 1917 г. в Оренбурге состоялось открытие башкирского Курултая, принявшего решение о восстановлении местного самоуправления на основах национальной специфики («кантонное управление») и сформировавшего правительство во главе с А. З. Валидовым. При этом говорилось об окончательном утверждении башкирских органов власти Всероссийским Учредительным собранием. Началось формирование башкирских воинских частей. В течение 1918 г. Валидову удалось добиться признания своего статуса Комучем и Временным Сибирским правительством, хотя башкирские вооруженные отряды перешли в оперативное подчинение оренбургскому атаману Дутову. Но на Уфимском Государственном совещании было решено упразднить башкирскую автономию. Теперь уже не только военные вопросы (автономный статус башкирских воинских частей уже полностью упразднялся), но и внутриполитические вопросы должно было контролировать Российское правительство. Многих башкирских политиков и самого Валидова подобное решение «национального вопроса» не устраивало. В результате в январе 1919 г. делегаты башкирского правительства вступили в переговоры с представителями советской власти, и немалая часть башкир отошла от поддержки Колчака.

Тем не менее многие башкиры остались в рядах Белого движения. Сам Колчак, понимая, очевидно, необходимость сохранения

определенных суверенных прав Башкирии, опубликовал в апреле 1919 г. особую Грамоту «К башкирскому народу». В ней заявлялось, что только «незначительная часть башкир, презревшая вековое сотрудничество своих отцов и дедов с русским населением на ниве мирного труда и на полях ратных, обнаруживает ныне стремление к государственной самостоятельности, забывая, что преуспеяние и развитие культурно-хозяйственной жизни башкирской народности возможно только в составе Великой России». Верховный правитель торжественно обещал башкирскому народу: «правительство Государства Российского не посягнет на вашу веру, на ваш быт национальный и хозяйственный, ни на ваши родные земли. Оно вам, как и всем многочисленным народностям под державой его стоящим, сохранит право благомирного самоуправления, в вопросах местных обеспечив всей полнотой своей власти порядок и законность в управлении, безопасность личную и имущественную и свободу мирного национального развития под сенью государственности. Не верьте тем, кто сулит вам несбыточные обещания государственной самостоятельности [...] Стойте крепко за правительство, мною возглавляемое: только в нем ныне защита ваших близких и вашего достоинства от красных разбойных банд большевиков [...]».

Наиболее оптимальным путем сохранения башкирской автономии, при одновременном признании верховенства всероссийского законодательства, считалось создание особого башкирского казачьего войска. Учитывались при этом и традиционные связи башкирских воинов с русской армией, с оренбургским казачеством, и ссылка на «исторические традиции» (до 1863 г. существовало отдельное башкирское казачество). Религиозные вопросы должно было бы решить Башкирское духовное управление.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 174. Л. 7—8 об.; Ф. 446. Оп. 2. Д. 55. Л. 20; Ф. 1701. Оп. 1. Д. 6в. Л. 186—188 об.; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 263. Л. 1—2 об., 10 об. — 11, 12 об.

В октябре 1919 г. Колчаку от имени башкирских политиков (М. Г. Курбангалиева, Г. Я. Антбаева, Г. Х. Тукаева) был подготовлен проект, в нем предлагались конкретные меры, которые мог осуществить Колчак по созданию новой формы национальной автономии: «1) образовать отдельное башкирское казачье войско во главе с наказным атаманом, назначенным Вашим Высокопревосходительством; 2) учредить Главное управление башкирского Казачьего Войска при Военном министерстве; 3) образовать комиссию для разработки положения о башкирском казачьем войске под председательством господина военного министра и с разрешением представителям от башкир участвовать в этом в качестве сведущих лиц в жизни башкирского народа». Но осенью 1919 г. Белое движение в Сибири было близко к поражению и данный проект остался неосуществленным²¹.

К числу оставшихся на бумаге относились и намерение Колчака воздействовать на деникинское правительство с целью более лояльного отношения к самостийникам на Украине. Осенью 1919 г., получив сведения о конфликте Деникина с Петлюрой, Колчак, при содействии управляющего делами Российского правительства Г. К. Гинса, составил телеграмму, в которой давалась негативная оценка действий ВСЮР. Колчак, в частности, отмечал, что «вооруженное столкновение с петлюровскими войсками может иметь гибельные последствия [...], в сложившейся обстановке более опасны враждебные разногласия и несогласованность, а тем более — столкновения отдельных частей освобожденной территории [...] Я отношусь поэтому с полной терпимостью к объявлению Юденичем самостоятельности Эстонии и готов, если это понадобится, временно считаться

с фактической независимостью Украины, равно как и с установившеюся восточной границей Польши, если это даст возможность согласовать военные действия наших, украинских, польских и прочих антибольшевистских сил»²². Телеграмма так и не была отправлена, однако ее содержание показывает, что позиция Верховного правителя в отношении к возникшим государственным образованиям являлась более терпимой, чем у Главкома ВСЮР. Ради перспективы создания единого «антибольшевистского фронта» признавалось допустимым признание правительства Украинской Народной республики (равно как и Эстонской республики) де-факто.

Интересна и позиция Колчака в отношении Хивинского ханства и Бухарского эмирата, территория и государственный статус которых рассматривались Верховным правителем с точки зрения верховенства общероссийских интересов. Осенью 1919 г. адмирал утвердил особые Грамоты: бухарскому эмиру (25 сентября 1919 г.) и хивинскому хану (30 сентября 1919 г.). В них объявлялось о положении Бухарского эмирата и Хивинского ханства под «исключительным покровительством Российского государства». Заявляя о «победоносном движении» белых армий к Москве, Колчак декларировал намерение: «при первой возможности» «снабдить Туркестан и Бухару хлебом, товарами и продуктами; оказать материальную помощь населению Бухары», «способствовать всеми силами улучшению народного хозяйства, развитию торговли и промышленности и содействовать распространению народного образования». Намечалась отправка «особой военной миссии в бухарские владения, которая будет получать и передавать указания верховного командования»²³.

²¹ Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М., 1927. С. 62, 65—70; ГАРФ. Ф. 148. Оп. 4. Д. 23. Л. 86; Ф. 1700. Оп. 1. Д. 3. Л. 202—203 об.

²² Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Пекин, 1921. С. 318—319.

²³ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Л. 160; Оп. 14. Д. 296; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. С. 303—304.

Но более прочные отношения между Омским и Среднеазиатскими государственными образованиями, ввиду начавшегося наступления Красной армии на Восточном фронте осенью 1919 г., так и не установились.

Похожие обещания содержала и «Грамота Таранчинскому народу Семиреченской области» (16 июля 1919 г.). В ней Колчак обещал «оказать продовольственную помощь беженцам, нашедшим приют в издавна дружественном нам Китае», «своевременно помочь им восстановить разрушенные мятежниками (большевиками. — В.Ц.) хозяйства и мечети путем отпуска лесных материалов из казенных лесных запасов», «открыть нуждающимся хлебопашцам-таранчан дешевой кредит на производство сельскохозяйственных работ и на приобретение необходимого инвентаря». Министерству земледелия предписывалось «произвести из государственного земельного фонда наделение таранчей-земледельцев пахотными землями и другими угодьями»²⁴.

Таким образом, Российское правительство вполне допускало фактическое существование сформировавшихся после распада единой Российской империи государственных образований, полагая это одним из наиболее оптимальных решений национальных проблем. Однако фактическое признание отнюдь не означало согласия на юридическое суверенное существование данных территорий. Как и по другим вопросам внутренней политики, Колчак считал необходимым отложить их решение до окончания Гражданской войны и созыва Национального Собрания. Для будущего государственного устройства Российского государства вполне допустимым признавался федеративный статус или достаточно широкая автономия тех или иных территорий, предполагавшая, прежде всего, возможность участия представителей тех или иных национальностей в местном самоуправлении.

То, что не озвучивалось в большинстве официальных деклараций Белого движения в 1918—1919 гг., оказалось более определенным на последнем этапе Белого движения, в 1920—1922 гг. В белом Крыму генерал Врангель отказался от явной конфронтации со сторонниками украинской автономии. Напротив, новый Главком ВСЮР считал уже неизбежным учитывать происшедшие перемены в национальной политике. В отношении «украинской государственности» признавалось возможным сотрудничество с антибольшевистскими структурами на основе совместных действий. Еще осенью 1919 г. были сделаны важные попытки сближения с Западноукраинской народной республикой (ЗУНР), когда части ВСЮР в районе Киева вступили в контакт с частями Галицкой армии генерала А. Кравса. Между галичанами и генерал-лейтенантом Н.Э. Бредовым был заключен договор, в соответствии с которым «борьба между Добармией и галицийскими войсками прекращалась» и ВСЮР фактически признавали правовой статус войск ЗУНР²⁵.

Военные соглашения на основе совместных действий против РККА оказались достаточно распространенным вариантом взаимодействия руководства ВСЮР с национальными формированиями. В 1920 г. с инициативой возрождения Запорожского казачества выступил служивший в армии Врангеля бывший адъютант гетмана Скоропадского полковник А.А. Сахно-Устимович. В августе 1920 г. им был предложен проект организации отдельного «коша» (полка) запорожских казаков. Комплектование должно было производиться не на основе мобилизации, а на основе добровольчества, «на почве жизненной в народе идеи» «возрождения на берегах Днепра исторического Казачества». Укомплектованный добровольцами («уроженцами Украины, так или иначе связанными

²⁴ Правительственный вестник (Омск). 1919. № 197, 30 июля.

²⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 747. Л. 53—53 об.; Крымский вестник. Севастополь, 1919. № 166, 31 окт.

с Украиной и сочувствующими идее возрождения исторического казачества») казачий кош предполагалось направить «в пределы Украины», где он «явится тем ядром, вокруг которого объединятся и организуются строевые казачьи части, положительные элементы Украины». Добившись военных успехов, следовало восстановить и гражданскую власть на Украине с учетом национальных особенностей.

Врангель не отрицал перспектив подобных планов, что подтверждает и его позиция по отношению к командирам повстанческих отрядов на Правобережной Украине и в Северной Таврии. И если с Н. И. Махно никаких контактов наладить не удалось, то отдельные повстанческие командиры (Яценко, Савченко, Володин и др.) не только согласились сотрудничать с генералом, но и вошли в состав врангелевской армии в качестве иррегулярных формирований. При Врангеле была учреждена должность «докладчика по делам повстанческого движения», на которую был назначен еще один бывший соратник гетмана Скоропадского генерал-лейтенант В. Т. Кирей.

Похожий по форме, но гораздо более радикальный по содержанию «проект необходимых мероприятий для разрешения украинского вопроса» предложил генерал-лейтенант Я. А. Слащов. Он надеялся на сильные антибольшевистские настроения не только среди собственно украинского населения, но и среди немцев-колонистов, большинство которых оказывало активную поддержку белым армиям еще в 1918—1919 гг. По мнению Слащова, следовало «не дать потухнуть народному движению в южной части Правобережной Украины» и планомерно использовать «в наших интересах ее людской контингент и богатые местные средства для борьбы с большевиками», а также сформировать «регулярные части из немцев-колонистов».

Не ограничиваясь сугубо военными проблемами, Слащов считал необходимым сделать «официальное признание Главным Командованием прав Украины на автономное управление на началах общероссийской федерации». Следовало бы создать некий суррогат верховной парламентарной власти — «Народную Громаду», призванную «выражать общественное украинское мнение». Генерал также предложил создать при Главкоме постоянно действующий Совет по украинским делам, «с правом совещательного голоса» и в составе «не менее трех лиц по назначению». Данный Совет должен был взаимодействовать с украинскими общественно-политическими организациями, координировать деятельность повстанческих отрядов, разрабатывать систему местного самоуправления и контролировать «подыскание и представление кандидатов на административные и правительственные должности на местах из лиц, кои были бы приемлемы и авторитетны для местного населения». Слащов был уверен, что «установление демократической, правовой Украины на общероссийских федеративных началах» поможет избежать «самостийничества».

Проект не получил дальнейшего развития, но, очевидно, отражал изменившуюся тенденцию в национальной политике Белого движения. 12 августа 1920 г. было опубликовано «Воззвание к украинцам», объявлявшее борьбу за «родную Украину» частью борьбы за «единую Россию». В документе особо подчеркивалось: «в нашем единении — наше спасение [...], не восстанавливать старые порядки идем мы, а бороться за то, чтобы дать народу возможность самому быть Хозяином своей земли, и волей народа установить порядок во всей России»²⁶.

Контакты Врангеля с украинскими политиками, «чуждыми самостийности»,

²⁶ Слащов-Крымский Я. А. Требую суда общества и гласности: Мемуары и документы. Константинополь, 1921. С. 57—66; Судоплатов А. Заднепровская операция // Первопоходник. 1974. № 21, окт. С. 15, 78.

проводились на уровне взаимодействия с членами так называемого «Украинского Национального Комитета». Его председатель, бывший присяжный поверенный Киевской судебной палаты, издатель «Бюллетеня Украинских федералистов» С. К. Маркотун приехал в Севастополь и встречался с Врангелем 12 сентября 1920 г. Маркотун выразил готовность сотрудничать с Правительством Юга России, признавая важность «единения с Россией», но при сохранении «местной автономии» Украины. Врангель считал Украинский Национальный Комитет «дружественной нам организацией, имевшей некоторые связи как на западе, главным образом во Франции, так и на Украине, и к тому же могущей быть использованной как противовес украинцам-самостийникам». «Выразив принципиальное согласие с предложенными делегацией пожеланиями, — отмечал генерал, — я заявил, что в основу своей политики ставлю объединение всех русских сил, борющихся с большевиками, и готов поддержать развитие национальных образований на тех же основаниях, которые положены в основу моего соглашения с казачеством». Тем самым признавалась возможность участия в составе врангелевского правительства украинских политиков, лояльно настроенных по отношению к Белому движению. Но официальных договоренностей у Врангеля с Маркотуном заключено не было.

В Крыму также работало и «Объединенное собрание украинских организаций». Большую роль в нем играл генерал-лейтенант Д. Н. Безрадецкий, пользовавшийся авторитетом среди военных. В октябре 1920 г. в Крыму на основе собрания началось формирование украинского обще-

ственно-политического блока, программные документы которого провозглашали «воссоздание Украины, как совершенно свободного в своей внутренней жизни государства, входящего как часть в федеративное устройство России»²⁷.

Особое значение национальная политика в антибольшевистском движении приобретала на Дальнем Востоке. В Забайкалье, в 1918—1919 гг. атаманом Семеновым велась энергичная работа по созданию воинских частей из представителей многочисленных дальневосточных народов. Местное бурятское население пополняло ряды Особого Маньчжурского отряда, ставшего первым антибольшевистским воинским формированием в Забайкалье. Различные народности и племена отправляли своих воинов добровольцами и мобилизованными в Азиатскую конную дивизию под командованием генерал-лейтенанта барона Р. Ф. Унгерна. Но, очевидно, наиболее перспективным из вариантов решения национальных проблем Забайкалья, Маньчжурии и Монголии стала попытка создания Бурят-Монгольского государства. В феврале 1919 г. на станции Даурия по инициативе атамана Семенова была созвана конференция князей и правителей нескольких областей Монголии и Бурятии. На ней было принято решение об образовании «Великой Монголии» как федеративной монархии, во главе с религиозным руководителем — Нэйсэ-гэгэном. Столицей предполагалось сделать г. Хайлар, а Семенов был избран Верховным уполномоченным Монголии. Атаман заявил о необходимости международного признания нового государства и намеревался отправить политическую делегацию на проходившую в эти дни Версальскую конференцию²⁸.

²⁷ Врангель П. Н. Записки. Ч. 2 // Белое дело: Летопись белой борьбы. Т. VI. Берлин, 1928. С. 192—193; Военный вестник. Севастополь, 1920. № 154, 13 окт.; Крестьянский путь. Симферополь, 1920. № 32, 6 окт.; № 40, 20 окт.

²⁸ Борисов Б. Дальний Восток: Атаман Г. М. Семенов и его борьба за освобождение России от большевиков. Вена, 1921. С. 47.

Проект был важен в качестве варианта создания государства, в котором представители Белого движения будут занимать ведущее положение. Позднее, в 1920—1921 гг., аналогичная ситуация сложилась в Монголии, когда генерал Унгерн фактически возглавил вооруженные силы в составе упомянутой выше Азиатской дивизии и местных монгольских отрядов. Но, несмотря на постановление Даурской конференции, Бурят-Монгольское государство так и не образовалось. Одной из причин было несогласие колчаковского правительства на выход Бурятии из состава Российского государства. Избегая проявлений сепаратизма, правительство Колчака предложило альтернативный вариант «включения» бурятской государственности в состав «единой России» — создание отдельного бурятского казачьего войска или его включения в состав забайкальского казачества. «Оказачивание» позволяло поставить бурятское население под полный контроль атамана Семенова. Данный вариант оказался более перспективным и прошедшие в Чите осенью 1919 г. бурятские съезды одобрили решение о направлении двух тысяч всадников в ряды отдельного Бурятского отряда. Показательно, что, поддерживая добровольные начала военной службы, бурятские съезды нередко выступали против проведения в регионе мобилизаций из-за их всеобщего, принудительного характера²⁹. В то же время Семенов и его окружение не поддерживали идеи полноправного местного («хошунно-аймачного») самоуправления бурятов, полагая, что оно может стать основой для «сепаратизма».

Однако Российское правительство Колчака вполне допускало наличие национальных «автономий», тем более в случае сохранения за ними военно-политического контроля. Так, главой колчаковского

МВД В. Н. Пепеляевым была разработана специальная «инструкция» для «должностных лиц Урянхайского края». В ней не только говорилось о выделении региона из состава обширной Енисейской губернии, но и о полном сохранении аймачных и хошунных структур местного самоуправления, о признании ряда норм местного «обычного права» (в гражданских, семейных отношениях). Вводилась должность правительственного комиссара по Урянхайскому краю, а в создававшийся при нем Совет должны были войти представители «туземного населения». Предполагалось, что комиссар сможет утверждать уже избранных местных правителей. И хотя осуществить на практике положения разработанной МВД «инструкции» не успели, интересен факт получения санкции от Колчака на назначение Ширетуй-ламы Дашипунцеглынского дацана (буддийского монастыря) Гебиш Хамбо Гелун Чжамцо на должность Бандидо-Хамбо-Ламы — главы Урянхайского ламаистского духовенства. Чжамцо посетил Омск в июле 1919 г. и после взаимного обмена «дарами» (причем его наградили орденом Св. Анны 1-й степени) адмиралом был утвержден указ о его назначении главой местного духовенства. Назначение ламы имело не только сугубо религиозный, но и военно-политический аспект, поскольку летом 1919 г. в Урянхайский край направились отряды красных партизан под руководством А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, и колчаковская администрация надеялась на поддержку своих действий против повстанцев местной знати³⁰.

Национальные особенности стремились учитывать представители Белого движения и в отношении Якутии, Хакасии, побережья Охотского моря и Камчатки. В период 1918—1919 гг. здесь большое значение

²⁹ Барон Унгерн в документах и мемуарах. М., 2004. С. 70; Казачье эхо. Чита, 1919. № 3, 31 (18) окт.

³⁰ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 10—11; Ф. 195. Оп. 1. Д. 45. Л. 1—6; Ф. 5960. Оп. 1. Д. 1а. Л. 159—163; Правительственный вестник (Омск). 1919. № 190, 22 июля.

имели структуры земского самоуправления. Значительным авторитетом пользовались и сибирские областники-автономисты. Но на последнем этапе Гражданской войны стремление втянуть эти регионы в сферу антибольшевистского сопротивления усилилось. В 1921—1922 гг. в крае начались антисоветские восстания и их предполагалось использовать для создания нового центра Белого движения на Дальнем Востоке. Временное Приамурское правительство братьев Меркуловых приняло решение о создании Охотско-Камчатского края в качестве административной единицы, подчиненной белому Владивостоку. Со стороны Охотска и позднее порта Аян предполагалось развивать наступление вглубь Якутии, в расчете на поддержку со стороны местного населения. Залогом успеха планируемой операции стало прибытие во Владивосток весной 1922 г. двух делегатов (членов бывшей Сибирской Областной Думы) от «Съезда представителей восставшего населения Якутской области» (Аяно-Нельканского съезда) — П. А. Куликовского и В. М. Попова. Оба они просили военной и финансовой помощи и гарантировали успех развития восстания в случае активного взаимодействия между Якутией и белым Приморьем. К этому времени на территории края уже действовала повстанческая Якутская народная армия, под командованием бывшего колчаковского офицера корнета М. Я. Коробейникова³¹.

В марте 1922 г. в г. Чурапче (160 км к северо-востоку от Якутска) сформировалось Временное Якутское областное народное управление во главе с кадетом Г. Ефимовым, также посетившим Владивосток в расчете на материальную помощь. Легитимность создания данной структуры

основывалась на решении краевого съезда, участники которого делегировались всеми уездами Якутии³².

По воспоминаниям бывшего начальника 2-й Сибирской стрелковой дивизии, ставшего в 1922 г. помощником командующего всеми повстанческими отрядами Якутии генерал-майора Е. К. Вишневого, «как Куликовский, так и Ефимов обрисовали Временному Приамурскому Правительству положение в Якутской области таким образом: якуты и тунгусы, а также русские, не признающие советской власти, поголовно восстали и ведут борьбу против коммунистов. Город Якутск окружен восставшими [...] Имеются налицо тысячи охотников-партизан, готовых на борьбу с красными, но нет для борьбы оружия, для командования партизанами — инструкторов (офицеров) и нет соответствующего руководителя, который бы своим авторитетом объединил разрозненные отряды повстанцев. При этом П. А. Куликовский просил о присоединении Якутской области к Приамурскому краю»³³.

Правительство белого Приморья с готовностью поддержало инициативу делегатов Якутии. Делегаты получили полномочия официальных представителей Приамурского правительства. Во Владивостоке и в Маньчжурии, где к 1922 г. находилось много бывших чинов армии Колчака, началась вербовка добровольцев. Куликовский и Попов сумели убедить бывшего командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева в возможности успешной военной экспедиции в Якутию³⁴.

В конце лета 1922 г. Пепеляеву удалось собрать около 500 добровольцев для «Якутского похода». В Приморье к этому времени власть меркуловского правительства смени-

³¹ Русская армия. Владивосток, 1922. № 181, 4 окт.

³² Грачев Г. Якутский поход генерала Пепеляева // Сибирский архив. Вып. 1. Прага, 1929. С. 26—27.

³³ Вишевский Е. К. Аргонавты белой мечты: Описание Якутского похода Сибирской Добровольческой Дружины. Харбин, 1933. С. 12—14.

³⁴ Грачев Г. Якутский поход генерала Пепеляева. С. 23—24; Русская армия. Владивосток, 1922. № 181, 4 окт.

ла диктатура генерала Дитерихса. С его стороны не было принципиальных возражений против экспедиции, хотя имеются свидетельства, что Воевода Земской рати предлагал Пепеляеву остаться в Приморье. Но тот не согласился, и в августе—сентябре на двух пароходах 1-я Сибирская Добровольческая дружина была перевезена из Владивостока в порт Аян. По воспоминаниям Вишневого, «экспедиция двинулась в путь, имея в виду объединить якутское партизанское движение и продвинуться вплоть до Иркутска, подготавливая таким образом территорию для будущего Сибирского правительства». В области гражданского управления Дитерихс подтвердил полномочия якутских делегатов, назначив Куликовского управляющим Якутской области³⁵.

В Аяне уже находился отряд повстанцев Коробейникова, а на р. Алдан действовали отряды численностью около 200 чел. под руководством учителя-якута М. К. Артемьева. Генерал Пепеляев объединил под своим командованием местных повстанцев, действовавших на побережье Охотского моря³⁶.

Для укрепления своего военно-политического статуса Пепеляев в конце 1922 — начале 1923 г. постоянно согласовывал свои действия с решениями съездов местного населения. Так, в январе 1923 г. им были полностью одобрены решения 2-го Аяно-Нельканского съезда. Выступая на нем, генерал заявил, что его дружина «пришла по приглашению народа якутского и тунгусского и пришла воевать не с народом, а с насильниками народной воли». Ответная резолюция «представителей населения Аяно-Нельканского района Якутской области» подчеркивала, что население будет «оказывать всемерную поддержку дружине транспортом и мясом».

Готовясь к наступлению на Якутск, Пепеляев предпринял попытки создания структур гражданской администрации. Тыл Дружины составляла довольно широкая полоса вдоль Охотского моря: Аян — Нелькан — Охотск. Генерал учредил Совет народной обороны. 28 января 1923 г. в урочище Эгелькан им был подписан приказ, в котором, со ссылкой на постановления Алданского «свободного народного съезда», говорилось о деятельном участии в формировании новой власти «низовых» органов самоуправления: «[...] только дружными усилиями самого народа может быть свергнута власть захватчиков — коммунистов и организована выборная Народная Власть, которая одна сможет возродить нашу Родину — прекратить смуту и междоусобицу. По пути движения Сибирской Добровольческой Дружины везде будут созываться Народные съезды, которые и будут устанавливать власть на местах [...]»³⁷.

Тем самым Пепеляев использовал решения данных съездов для создания прочной, как ему представлялось, основы собственного тыла и для доказательства преимуществ, которые могла бы обеспечить поддержка местным населением его отрядов, в сравнении с той национальной политикой, которая проводилась на тот период в регионе советской властью (создание Якутской АССР). В случае занятия Якутска предполагался созыв уже Областного народного собрания на основе делегирования полномочий региональных съездов.

Но успехи или неудачи подобных политических решений напрямую зависели от результатов боевых действий Сибирской добровольческой дружины. Рассчитывать на победу в условиях укрепления советской власти на Дальнем Востоке в начале

³⁵ Вишевский Е. К. Аргонавты белой мечты: Описание Якутского похода Сибирской Добровольческой Дружины. С. 16, 22—23.

³⁶ Серебренников И. И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых Русских Армий. 1919—1923 гг. Харбин, 1936. С. 227—228.

³⁷ Вишевский Е. К. Аргонавты белой мечты: Описание Якутского похода Сибирской Добровольческой Дружины. С. 95—96, 104—106.

нэпа и очевидного превосходства сил Красной армии не приходилось. Так и не дойдя до Якутска (удалось занять лишь г. Амгу), дружинники Пепеляева в январе — марте 1923 г. были вынуждены отойти обратно к Охотскому морю. Примечательно, что местная племенная знать отнюдь не стремилась поддержать белых и занимала, скорее, выжидательную политику, будучи готовой и к сотрудничеству с большевиками³⁸.

Следовало учитывать осложнившиеся отношения между русским и коренным населением Якутии. Один из участников похода отмечал: «Солдаты все были якуты, а офицеры русские. Они (солдаты. — В.Ц.) здорово издевались над русскими крестьянами, грозили выслать в Советскую Россию [...] такое отношение якутов оттолкнуло от повстанческого движения сельских жителей русской национальности».

По инициативе Пепеляева в апреле 1923 г. состоялся еще один «съезд тунгусов Аяно-Нельканского района». На нем было принято решение «назвать территорию, на которой кочуют тунгусы, самостоятельной республикой» и просить генерала Пепеляева остаться с Дружиной для охраны этой территории Якутской области³⁹.

Но это уже не меняло положения. В июне 1923 г. в ходе десантной операции красноармейские отряды, прибывшие из Владивостока, заняли Охотск и Аян. Пепеляев попал в плен. Рассеявшиеся по тайге отдельные группы повстанцев продолжа-

ли сопротивление еще несколько месяцев. Последняя попытка использования Белым движением национальной политики в противостоянии советской власти закончилась.

Национальную политику белых правительств трудно считать основным фактором, оказывавшим решающее влияние на успехи или неудачи всего Белого движения в России. Значимость национального вопроса была высокой на белом Юге и Северо-западе, что было обусловлено близостью данных регионов к образовавшимся здесь после распада Российской империи государствам (республики Прибалтики и Закавказья, Финляндия и Украина). В то же время на белом Севере, в белой Сибири и на Дальнем Востоке национальный вопрос был менее острым сравнительно с другими социально-политическими и социально-экономическими проблемами. Тем не менее нельзя не заметить, что недостаточное внимание к нему, недооценка его важности в условиях распада единой государственности стала одной из причин военно-политических неудач Белого движения, не получившего потенциально возможных союзников по антибольшевистскому фронту.

В целом программа Белого движения в национальной политике постепенно эволюционировала от унитарного, централизованного устройства будущей России к принципам и нормам автономии и федерализма.

³⁸ Кошелев К. Ф. Охотско-Аянская экспедиция // Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922): Воспоминания ветеранов. М., 1973. С. 329.

³⁹ Грачев Г. Якутский поход генерала Пепеляева. С. 32, 36.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА УКРАИНЕ

Создание Украинской Народной Республики

Национально-государственное строительство на Украине в годы Гражданской войны — одна из актуальных и дискуссионных тем в современной российской и зарубежной историографии, поскольку ее изучение выходит за чисто научные рамки и связано с политически значимой в настоящее время задачей Российского государства — сохранения исторически сложившегося единства русского и украинского народов¹. Поэтому в этой ситуации важен взвешенный анализ сложных событий общей истории народов России и Украины, к числу которых относится Гражданская война, ее национально-региональные особенности на Украине, в том числе связанные с попытками национально-государственного строительства.

Эта тема широко представлена в трудах российских и зарубежных исследователей, особенно украинских². Их анализ свидетельствует о необходимости на основе использования надежных исторических источников дальнейшего изучения таких аспектов проблемы, как влияние внешних сил на процессы национально-государственного строительства, роль лидеров политических партий и сил в этом строительстве и др.

Имеющиеся в настоящее время в распоряжении исследователей достоверные источники и существующие в историографии наработки дают возможность следующим образом охарактеризовать процессы национально-государственного строительства на Украине в годы Гражданской войны.

Начало XX в. породило у украинцев, прежде всего политически активной части, надежды на изменения в их жизни, положении среди других общностей, социумов. Возникшие партии — Революционная украинская партия (РУП), Украинская народная партия (УНП), Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП), Украинская радикально-демократическая партия (УРДП), организации партии украинских эсеров (УПСР) вместе с участием в борьбе за свержение самодержавия, ориентацией на народоправческие (в значительной мере — просоциалистические) модели переустройства общества рассчитывали на решение национального вопроса, децентрализацию империи, достижение в той или иной форме украинской государственности.

Уже 3—4 марта 1917 г., параллельно с формированием в Петрограде Временного правительства, в Киеве на собрании предста-

¹ См.: Григорьев М. С., Дейнего В. Н., Дюков А. Р. и др. История Украины. 2-е изд., доп. М., 2013.

² См. подробнее: Солдатенко В. Ф. Украинско-российские взаимоотношения в 1917—1924 гг.: Обрушение старого и обретение нового: Краткий историко-историографический очерк: В 2 т. М., 2021; Он же. Украина в водовороте внешнеполитических альтернатив: Исторический экскурс в 1917—1922 годы. М., 2022.

вителей ряда упомянутых партий, местных и некоторых провинциальных групп была создана Украинская Центральная Рада³. Она замышлялась как координационно-руководящий общественно-политический институт для реализации стратегических задач украинства, одной из которых выдвигалось возрождение собственной государственности. Уже в названии «Рада» подчеркивалась дань исторической традиции, звучало напоминание о казаческой, гетманской Украине XVII—XVIII вв., а в термине «Центральная» — определение ее главных функций: стать во главе национально-освободительного движения, в подъеме, масштабности, перспективной эффективности которого выражалась непоколебимая вера⁴. Председателем Центральной Рады заочно был избран видный ученый-историк М. С. Грушевский, возвратившийся в Киев из ссылки 13 марта 1917 г.

Центральная Рада добивалась предоставления автономии Украине с полным обеспечением прав национальных меньшинств, живущих на Украине, а автономистско-федералистский курс Центральной Рады предполагал превращение России в федерацию.

После трений и попыток противодействия неконтролируемым процессам, происходившим на Украине в 1917 г., Временное правительство вынуждено было согласиться со введенной явочным порядком автономией Украины, легитимизировало Центральную Раду договоренностью о ее превращении в краевой орган (через включение в нее представителей национальных меньшинств), утвердило, хотя и с серьезным ограничением прерогатив, Генеральный секретариат как исполнительную краевую, т. е. автономную власть. Таким

образом, невзирая на стремления части тогдашних украинских политиков достичь большего, выдвигавших лозунг самостоятельной Украины, однако не получивший сколько-нибудь массовой поддержки, осуществлялась реальная, в основе своей демократичная трансформация украинско-российских отношений⁵.

Приход к власти большевиков внес существенные коррективы в процесс российско-украинских отношений. Воспользовавшись исчезновением Временного правительства — до того главного тормоза процесса автономизации Украины, а также «Декларацией прав народов России», провозгласившей государственным принцип права наций на самоопределение, Центральная Рада 7 (20) ноября 1917 г. обнародовала свой III Универсал. Идея федеративного переустройства России в этом документе является сквозной, доминирующей, самой рельефной.

«Народ украинский и все народы Украины! — провозглашала Рада. — Тяжелое и трудное время выпало на землю республики Российской. На севере, в столицах идет междоусобная и кровавая борьба. Центрального правительства нет, и по государству распространяется безвластие, расстройство и руина. Наш край точно также в опасности. Без власти, сильной, единой, народной, Украина также может скатиться в бездну усебицы, резни, упадка. Народ украинский! Ты вместе с братскими народами Украины поставил нас охранять права, добытые в борьбе, творить порядок и налаживать жизнь на нашей земле».

«Мы, Украинская Центральная Рада, во имя восстановления порядка в нашем государстве, во имя спасения всей России, сообщаем, — указывалось далее в тексте

³ Українська Центральна Рада: Документи і матеріали: У 2 т. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917 р. Київ, 1996. С. 37—38.

⁴ Там же. С. 38—39.

⁵ Подробнее о развитии революционного процесса на Украине в 1917 г. см.: Солдатенко В. Ф. В горах революции и войн: Украина в 1917—1920 гг.: Историко-историографические эссе. М., 2018.

III Универсала. — Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сохраняя единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика стала федерацией равных и вольных народов [...] Имея силу и власть на родной земле, мы этой силой и властью станем на страже прав и революции не только нашей земли, но и всей России»⁶.

В полном согласии со всей Россией предполагалось решение конкретных неотложных задач текущего момента: прекращение войны и достижение мира, решение земельного, продовольственного вопросов, упорядочение производства и распределение продукции, организации труда и т.д. Заканчивался Универсал таким призывом: «Граждане! Именем Народной Украинской Республики в федеративной России мы, Украинская Центральная Рада, призываем всех к решительной борьбе со всякими беспорядками и разрушениями и к дружественному великому строительству новых государственных форм, которые дадут великой и изможденной республике России здоровье, силу и новую будущность. Выработка таких форм должна быть осуществлена украинским и всероссийским учредительными собраниями [...]»⁷.

За Универсалом последовали обращения, ноты к руководству национально-территориальных и территориально-административных образований с предложениями присылать своих представителей в Киев для решения вопроса о судьбе России, т.е.

о ее федеративном переустройстве. Украинские газеты взахлеб патетически вещали, что подобно тому, как когда-то «свет христианской веры пошел по всей великой земле русской именно из Киева, так и ныне порядка, спасения народы России ждут из все того же златоглавого Киева»⁸.

В ноябре — декабре 1917 г. Центральная Рада предприняла ряд шагов по налаживанию контактов с национально-государственными образованиями, возникшими в основном на восточных границах Украинской Народной Республики (УНР): посылались дипломатические делегации на Дон, Кубань, к правительству «Юго-Восточного Союза»⁹. Основная цель переговоров заключалась в формировании федерации на принципе однородно-социалистической власти. На определенном этапе с подобными предложениями Генеральный секретариат обратился и к Совнарком Советской России.

Логика расчетов Центральной Рады, пусть и с серьезными оговорками, во многом совпадала с генеральным направлением политических поисков путей создания советской федерации. Вспомним хотя бы ленинский лозунг «Пусть Россия будет союзом свободных республик!», родившийся в полемике именно вокруг вопроса об отношениях Украины с другими национально-государственными образованиями, возникновение которых считалось не просто вероятным, но, в сущности, неизбежным и желательным¹⁰. А одно из ключевых положений «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г.) — областная (территориальная) ав-

⁶ Українська Центральна Рада. Т. 1. С. 398—399.

⁷ Там же. С. 401.

⁸ См.: Робітнича газета (Київ). 1917. 5, 7 нояб.; 5, 8 дек.; Селянська думка (Тараша). 1917. 16 нояб.; Известия Армейского комитета VII армии (Проскуров). 1917. 20 нояб.; Народна воля (Київ). 1917. 10 дек.; и др.

⁹ См.: Матвієнко В. Українська дипломатія 1917—1921 років на теренах постімперської Росії. Київ, 2002. С. 62—69; 95—97; Веденсєв Д. В., Будков Д. В. Юність української дипломатії: Становлення зовнішньополітичної служби Української держави. 1917—1923 рр. Київ, 2006. С. 81; Кудлай О. Створення та діяльність народного міністерства міжнародних справ Української Народної Республіки (червень 1917 — квітень 1918 рр.). Київ, 2008. С. 50—57.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 286.

тономия для тех национально-административных единиц, которые не пожелают довести дело до национально-государственного отделения, было четким декларированием прерогатив и принципов взаимоотношений субъектов будущей федерации.

Интересно, что дипломаты, политики западных стран в последние месяцы 1917 г. приходили к заключениям о желательности некой федерации (или конфедерации) антисоветских правительств (в отдельных случаях высказывалась надежда и на участие в предполагаемой коалиции СНК как «правительства Петрограда, Москвы и окрестностей») для того, чтобы сорвать возможность заключения советской властью сепаратного мира с немцами и, конечно же, изменить начавший осуществляться большевиками курс. Центральная Рада при этом фигурировала в планах как один из непеременимых субъектов развития намечавшегося сценария¹¹, ради реализации которого предпринимались серьезные усилия представителей Франции и Англии в Киеве¹². Конечно, не повлиять, хотя бы в определенной мере, на позицию и поведение лидеров Украины это не могло.

Впрочем, логично допустить и то, что в апеллировании Центральной Рады к правительствам краев и областей бывшей Российской империи о необходимости консолидации усилий с целью федеративного переустройства распадающегося государства прослеживается не только уверенность в правильности избранного пути, но и очевидный страх перед перспективой остаться один на один с правительством большевиков, неверие в собственные потенции, неготовность только своими силами решать наболевшие проблемы даже внутриукраинского развития.

Все сказанное, естественно, с вышеупомянутыми предостережениями, может служить предметом для размышлений о тогдашних общих тенденциях, если не закономерностях российского развития. Поэтому и с данной точки зрения лидеры Центральной Рады искали и находили пути совершенствования российского многонационального государственного организма и определения своего созидательного места в нем на обусловленном объективными обстоятельствами направлении. Из всех возможных вариантов они принципиально избирали исходный, перспективный и неуклонно преодолевали самый трудный начальный отрезок пути. Однако именно он привел к эффекту, обратному ожидавшемуся. Вопреки оптимистическим надеждам, никто из «негосударственных» прежде наций и народов не спешил приступить к строительству новой федерации. Ближайшие соседи, на которых рассчитывали, как на непеременимых, заинтересованных партнеров, судя по всему, просто не дозрели до того, чтобы быть активными субъектами этого сложного процесса. Свою роль, очевидно, играю и то, что сторонники более радикального решения вопросов национальной государственности — финны, поляки, отчасти прибалтийцы — не участвовали в этом процессе по иным, известным причинам: они в это время форсированно добивались независимости.

Единственная же позитивная реакция на инициативы Центральной Рады от главного тогдашнего врага большевистской власти генерала А. Каледина была равносильна вызову «огня на себя» как со стороны местных Советов, так и из петроградского центра, объективно и автоматически поставила Центральную Раду в трагически самоубийственное положение

¹¹ См.: Ганелин Р. III. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 259; Старцев В. И. Немецкие деньги и русская революция: Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. 3-е изд. СПб., 2006. С. 73—74.

¹² См.: Парис з історії дипломата України. Київ, 2001. С. 322; Солдатенко В. Ф. Українська революція й пошук зовнішньополітичних орієнтацій УНР Ці України дипломатична // Науковий щорічник. Вип. III. Київ, 2003. С. 377.

Командующий парадом казачества Украинской Центральной рады генерал Маленко (в центре), голова Вольного казачества М. М. Ковенко (1-й справа) и командиры отдельных частей.

Киев. Декабрь 1917 г.

Кинооператор не установлен. РГАСФД

воюющей с большевиками стороны. Один из активных участников событий того времени, историк Д. Дорошенко, писал в связи с этим: «Это была явно непосильная и ненужная для Украины задача. Логика событий показала, что Украине надо было совсем отделиться от России, стать самостоятельным и независимым государством; она должна была признать правительство Народных комиссаров как правительство России на основе обоюдного признания (большевики сами тогда постоянно подчеркивали, что признают за каждой нацией право на самоопределение вплоть до отделения) и дать всероссийским делам покой. Украина имела перед собой такие колос-

сальные задачи внутренней организации, что гоняться за созданием всероссийской федерации, подвергая себя враждебности уже существующего фактически нового русского правительства — это было неосуществимая в тогдашних условиях задача»¹³. Мысли и планы, подобные высказываниям Дорошенко, оформились в систему общепризнанных подходов несколько позднее. А в ноябре — декабре 1917 г. в результате реализации выработанного Украинской Центральной Радой курса вместо достижения нового, демократически-федеративного уровня отношений разразился острый конфликт с военным финалом. По в сочетании со стремлением лидер

¹³ Дорошенко Д. Історія України 1917—1923 рр. Т. I: Доба Центральної Ради. Ужгород, 1932

Делегаты одесского «Айдамацкого куреня смерти» во время работы VIII сессии украинской Центральной рады. Киев. Декабрь 1917 г.
Кинооператор не установлен. РГАКФД

принять участие в Брест-Литовской мирной конференции убедило Центральную Раду в необходимости пересмотра государственного статуса Украины¹⁴.

Впрочем, провозглашенные 9 (22) января 1918 г. IV Универсалом независимость и суверенитет Украины вовсе не означали ее немедленного отказа от выкристаллизовавшихся планов трансформации России в демократическую, федеративную республику. Однако желанная федерация должна была объединить уже не автономные, а суверенные образования, что, собственно говоря, больше соответствует общепринятым представлениям о конфедеративной модели государственного устройства. Как бы там ни было, федеративному принципу (как

способу объединения национально-государственных, территориальных образований в одном государстве) М. Грушевский, В. Винниченко и большинство их единомышленников не изменили и после эмоциональной реакции на сокрушительное поражение от советских войск в январе 1918 г. снова и снова возвращались к нему на новых витках Гражданской войны. Основная причина такого последовательного, в чем-то даже упрямого поведения заключалась, очевидно, в неустранимой вере в неоспоримые преимущества федералистской модели украинско-российских отношений, взаимодействия всех наций полиэтнической страны, несомненное ее торжество в ближней или отдаленной перспективе.

¹⁴ См. подробнее: *Солдатенко В. Ф.* Третій Універсал Центральної Ради і плани федеративного перебудування Росії // Український історичний журнал. 2003. № 4. С. 3—10.

Офицеры австро-венгерской армии на рынке в Жмеринке.
Подольская губерния. Весна 1918 г.
Фотограф не установлен. РГВА

Иное дело, что в процессе национально-государственного строительства оказались задействованными начавшие играть доминирующую роль внешние влияния и обстоятельства. Речь шла сразу о двух серьезных факторах.

Во-первых, интенсивное перерастание конфликта Центральной Рады с Совнаркомом РСФСР в военную фазу. Провал дипломатических инициатив для мирного урегулирования возникшего кризиса обусловил стремление во всех смыслах дистанцироваться от России для объяснения (истолкования) активизации военных действий как межнациональной и межгосударственной войны. Внутриукраинский советский лагерь, интенсивно склонявшийся в сторону большевиков, провозгласивший свою власть на Украине, без колебаний объявлялся агентурой, чуждой Украине, враждебной УНР.

Во-вторых, австро-германский блок ультимативно требовал документально-юридических изменений в официальной государственнической квалификации Украины, представляемой Центральной Радой, для легитимизации готовившихся к заключению договоров с УНР, которые способствовали бы созданию необходимой формальной базы с целью придания видимости «законности» планируемого грабежа материальных ресурсов и беспрепятственных возможностей для оккупации Украины.

Так национально-государственные процессы практически одновременно «затягивали» жителей региона в «военный котел», накладывая или даже переплетая в «военном узле» рецидивы, тенденции нараставшей Гражданской войны на продолжавшем оставаться неразграниченным (административно-национально) российском про-

странстве с неизбежностью иностранной интервенции и оккупации Украины.

Из-за во многом рукотворно созданной самой же Центральной Радой ситуации выпутаться она уже не могла. В возникшем конфликте с оккупантами из-за невозможности реализовать подписанные обязательства (поставить Германии и Австро-Венгрии 1 млн тонн хлеба, огромное количество другой продукции и товаров) иного способа элементарного выживания лидеры национально-демократического лагеря не предложили. И австро-немецкие оккупанты просто грубо разогнали Центральную Раду и национальное правительство Украины. В результате государственного переворота 29 апреля 1918 г. к власти был приведен бывший царский генерал, аристократ, один из крупнейших землевладельцев, консерватор по мировоззрению П. П. Скоропадский.

Для правильной оценки новой ситуации безусловной точкой отсчета является как можно более точная квалификация сущности событий последних дней апреля 1918 г. и оценка ситуации, возникшей в результате контрреволюционного заговора.

Непредвзятые, в том числе новейшие исследования механизма прихода к власти Скоропадского, сущности установленного им режима все больше убеждают, что настоящими инициаторами и организаторами государственного переворота были именно оккупационные войска, вернее их командование, а также немецкое посольство¹⁵.

Достаточно красноречивым является, в частности, такой эпизод. На последнем

заседании Малой Рады 29 апреля 1918 г. был заслушан отчет председателя Совета народных министров В. Голубовича, посетившего перед этим германского посла барона Мумма. Делегация заявила о решении Украинской Рады немедленно пойти навстречу немецким властям, уговаривая и немцев пойти навстречу Раде. «В ответ на это немецкий посол барон Мумм указал, — передавала информацию В. Голубовича “Киевская мысль”, — что заявления Центральной Рады уже опоздали. Барон Мумм, по словам Голубовича, много говорил о прежней любви и симпатии, которыми Центральная Рада пользовалась у немецких властей. Но они, подчеркнул посол, неоднократно указывали и Раде, и правительству на их ошибки, предупреждали о неосуществимости социализации земли и прочих реформ. Указания эти в расчет не принимались, и произошло то, что произошло.

Делегация передала послу, по поручению межфракционного совещания, что Центральная Рада заявляет о своей готовности поручить новому кабинету пересмотр земельного закона с восстановлением частной собственности для мелких землевладельцев. Но и на это заявление барон Мумм ответил, что оно сделано поздно»¹⁶.

Немецкий барон, очевидно, не рассчитывал на изысканный дипломатический талант собеседников, а откровенно пренебрежительным, циничным поведением подчеркивал, кто является действительным хозяином положения на Украине. И этот

¹⁵ Христюк П. Записки і матеріали до історії української революції. 1917—1920 рр.: У 4 т. Т. III. Відень, 1921. С. 7; Дмитришин В. Повалення німцями Центральної Ради у квітні 1918 року: Нові дані з німецьких архівів // Політологічні читання. 1994. № 1. С. 113—114; Солдатенко В. Ф. До питання про механізм державного перевороту 29 квітня 1918 р. // Гетьманат Павла Скоропадського: Історія, постаті, контрверсії. Всеукраїнська наукова конференція 19—20 травня 2008 р.: Збірник. Київ, 2008. С. 41—51; Пиріг Р. Я. Гетьманат Павла Скоропадського: Між Німеччиною і Росією. Київ, 2008; Окупація України 1918 року: Історичний контекст, стан дослідження, економічні та соціальні наслідки. Чернівці, 2009; Дорнік В., Касьянов Г., Ліб П., Ляйдінгер Г., Милер А., Мусял Б., Расаевич В. Україна між самовизначенням та окупацією: 1917—1922 роки. Київ, 2015; Пиріг Р. Я. Діяльність урядів гетьманату Павла Скоропадського: Персональний вимір. Київ, 2016.

¹⁶ Киевская мысль. 1917. 1 мая; Українська Центральна Рада: Документи і матеріали: У 2 т. Т. II. Київ, 1997. С. 329—330.

хозяин еще не раз будет жестоко «проучать» тех, кто будет «запаздывать» с проявлением абсолютного повиновения и верноподданства.

С такой точки зрения все больше опровергается и подхваченное многими современными авторами утверждение главного идеолога украинского монархизма В. Липинского, что государственный переворот 29 апреля 1918 г. Скоропадский совершил собственными силами при нейтралитете оккупационных войск¹⁷.

Правда, в первом официальном документе новый глава государства, скороговоркой отдав должное мощной поддержке Центральных держав в их борьбе «за целостность и спокойствие Украины», преимущественно выступал от собственного имени. Он доказывал, что его действия обуславливались настойчивыми домогательствами населения обеспечить спокойствие, закон и возможность творческого труда¹⁸.

Оказавшись фактической марионеткой в чужих руках, Скоропадский должен был соответственно формировать и политический курс. Все правовые основы нового строя, зафиксированные как в «Грамоте ко всему украинскому Народу», так и в «Законах о временном государственном строе Украины» и других высших актах, В. Винниченко квалифицировал не иначе, как «немецко-помещичье-офицерские литературные произведения»¹⁹. Он был абсолютно солидарен с П. Христюком, который со всей категоричностью утверждал, что вновь созданное вместо УНР Украинское Государство — это «вполне монархический строй во главе с новостриженным и помазанным гетманом»²⁰.

Автором проектов основных законов Гетманата стал А. Палтов — ревностный

сторонник монархии. Не случайно образцом гетманского законодательства он постоянно имел «Проект Основного закона Российской империи» 1905 г. А. Палтов предлагал провозгласить Украину наследственной конституционной монархией во главе с королем, а потому второй раздел, который назывался «Государственный строй и глава государства», он просто переписал из имперского документа²¹. Однако Скоропадский предусмотрительно уклонился от точной квалификации вновь созданной государственности, а вместо короля «скромно» взял себе звание гетмана. Правда, власть последнего объявлялась временной — до созыва Украинского Сойма (парламента), который должен был решить дальнейшую судьбу Украины.

Основной закон, который регламентировал жизнь на Украине, состоял, собственно, из семи специальных документов, объединенных общим названием «Законы о временном государственном устройстве Украины»²².

Согласно закону «О гетманской власти», Скоропадский получил неограниченные права. Он сосредоточил в своих руках не только исполнительную, но и законодательную и судебную власти. У новообразованного государства не было ничего общего с республиканской формой правления, характерной для УНР. Гетман фактически имел диктаторские полномочия, Украинское Государство, соответственно, было одной из форм диктатуры.

Остальные законы — «О вере», «Права и обязанности украинских Казаков и Граждан», «О законах», «О Совете министров и министрах», «О финансовом Совете», «О Генеральном Суде» логично были подчинены основной задаче: формирования

¹⁷ Липинський В. Хам і Яфет: 3 приводу десятих роковин 16/29 квітня 1918 року. Львів, 1928. С. 20.

¹⁸ Державний Вістник. 1918. 16 мая.

¹⁹ См.: Винниченко В. Відродження нації: У 3 ч. Ч. III. Київ; Відень, 1920. С. 18—24.

²⁰ Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції. 1917—1920 рр.: У 4 т. Т. III. С. 7.

²¹ ЦГАОО України. Ф. 1064. Оп. 2. Д. 1. Л. 174.

²² Державний Вістник. 1918. 16 мая.

авторитарной модели государственного управления²³.

Вся власть на Украине принадлежала лично Скоропадскому. Он утверждал законы, назначал весь состав Совета министров и других чиновников. Гетман определял основные направления внутренней и внешней политики, был главнокомандующим украинской армии и флота. Власть Скоропадского не была ограничена законом, каким-либо органом или государственным учреждением. Однако ее нельзя считать диктатурой в классическом понимании этого слова. Ведь с первых дней установления гетманского режима Скоропадский оказался в полной зависимости от оккупационных властей. Его внутренняя политика была ограничена предварительными условиями, с которыми претендент на престол согласился 24 апреля 1918 г. (Центральная Рада их отклонила). Западные «партнеры» обещали поддержку диктаторскому режиму на время «до полного успокоения края» в случае строгого соблюдения Брестских экономических соглашений, чего не способна была сделать Центральная Рада. В пакет требований включались и пункты, рассчитанные не только на приостановление сельскохозяйственного кризиса и спада промышленного производства, но и на решительное противодействие развитию крестьянского движения, в котором виделся значительный разрушительный заряд. Поэтому первые шаги гетманского правительства были направлены на выполнение обещаний, данных оккупационному командованию. Были запрещены печатные органы УПСР «Борьба» и Крестьянского союза — «Народная Воля». Запрещались критика правитель-

ства, проведение антигетманских собраний, митингов и манифестаций.

При всей своей ситуативной обусловленности сущностно, содержательно, ориентационно, стратегически гетманат был не столько шагом вперед в украинском государственном созидании, сколько отчаянной попыткой затормозить революционно-прогрессивное развитие Украины, даже повернуть «колесо истории» вспять²⁴. Производной от этих определяющих факторов оказалась сущность и форма государственного управления, а именно — авторитарно-монархический режим²⁵.

Всесторонний анализ формировавшейся государственности позволяет прийти к обоснованному заключению: украинское общество объективно пододвигалось, активно подталкивалось к состоянию, в котором с неизбежностью должны были обостриться внутренние противоречия. И только время могло показать, до какого предела это могло накалять обстановку, а одним из наиболее вероятных вариантов развития событий были военные столкновения, т.е. эскалация Гражданской войны.

Каждый день гетманского господства не оставлял сомнений в том, что декларирования «цивилизованного реформаторства» («консервативная революция»), в реальности наполняемого реакционными антинациональными и антисоциальными решениями и шагами нового правительства, только усиливали ненависть к режиму, желание побыстрее его уничтожить²⁶.

Политический курс гетманата с неизбежностью приближал государственность, возглавляемую Скоропадским, к усиливав-

²³ Державний Вістник. 1918. 16 мая.

²⁴ См.: *Солдатенко В. Ф.* Гетьманська Держава — альтернатива революційному розв'язанню суспільних проблем в Україні // Політична історія України ХХ століття: У 6 т. Т. 2. Київ, 2003. С. 215—292; *Он же.* Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки: У 6 т. Т. II.: Рік 1918. Київ, 2009. С. 146—340; *Он же.* Гетьманська альтернатива: Шлях до конструктивної суспільної трансформації чи консервативної безвиході // Суспільно-політичні трансформації в Україні: Від задумів до реалій. Київ, 2009. С. 188—227.

²⁵ См. подробнее: *Солдатенко В. Ф.* В горниле революций и войн: Украина в 1917—1920 гг.: Историко-историографические эссе. М., 2018. С. 247—252.

²⁶ См. подробнее: *Солдатенко В. Ф.* Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки. Т. II. С. 224—340.

шемуся в масштабах всей России Белому движению, все более вовлекая жителей региона в полыхавшую по всей стране Гражданскую войну.

На ситуацию наслаивались и другие обстоятельства. Украинские социалисты (УСДРП, УПСР), став в решительную оппозицию к гетманскому правительству, вместе с тем пытались оказывать давление на него и постоянно апеллировали к австро-немецкой оккупационной администрации. На практике это привело к тому, что, отказавшись осуществлять конструктивную программу через правительство, украинцы сами инициировали вмешательство в собственные внутренние дела, подрывая авторитет Украины на международной арене.

Россияне-великодержавники, традиционно неблагоприятно, даже враждебно относившиеся к идее украинской государственности, в конкретно-исторических обстоятельствах 1918 г. усматривали в гетманате оплот в борьбе против грозного для себя врага — социальной революции, олицетворяемой большевизмом, советской властью. Поэтому, до тех пор пока не укрепилось белогвардейское движение на Юге, великороссийские и еврейские политические круги на Украине не проявляли непримиримого отношения ни персонально к Скоропадскому, ни к форме государственности, которую он представлял. Они без больших колебаний (хотя, возможно, и не без тайных корыстных намерений) пополняли своими представителями гетманские правительства, органы власти Украинской Державы на местах.

Совсем неудивительно, что при таких обстоятельствах сколько-нибудь качественных прогрессивных изменений ждать от Скоропадского и его правительства не стоило. Семь с половиной месяцев Гет-

маната предстают как однообразная, целенаправленная цепь усилий, направленных на уничтожение революционных завоеваний, бесцветного отката общества от достигнутых рубежей. Поэтому так категорически-негативно относились к происходящим процессам лидеры «Украинской революции»²⁷.

Думается, в данном случае вполне уместной будет проведение параллели (при всей условности их в истории): ситуация на Украине 1918 г. удивительно напоминала то, что происходило в России, начиная с июля 1917 г. Правда, тогда не было оккупантов. Но захватившие в свои руки руководство страны кадеты попытались осуществить антиреволюционный, контрреволюционный курс, который быстро привел к эскалации социального противоборства, по существу — Гражданской войне — корниловщине, захлебнувшихся тогда только в силу превосходства потенций революционных сил.

Украина в 1918 г. не просто стала центром сосредоточения тех же лидеров, очень многих активных членов партии народной свободы. Их «исход» из столиц бывшей империи в Киев, приютивший потерпевших поражение политиков, привел к тому, что в правительствах Скоропадского они получили численное преобладание и неоспоримое влияние. А предлагаемая кадетами стратегия и тактика, как и в 1917 г., неотвратимо вела к той же Гражданской войне.

Следовательно, можно, не рискуя ошибиться, утверждать, что Украинская Держава существовала в сложных условиях грабительской политики германской и австро-венгерской оккупации и внутренней политической и социальной борьбы между различными партийными, общественными и другими группировками. Рассчитывать на мир и спокойствие в эпоху гетманата не было никаких

²⁷ См.: Винниченко В. Відродження нації. Ч. III. С. 65; Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє — минуле (1914—1920 pp.): У 4 ч. Львів, 1923. С. 82—88; Шаповал М. Велика революція і українська визвольна програма. Прага, 1928. С. 114—115.

оснований²⁸. Неуклонно расширявшаяся сознательная или вынужденная причастность к различным проявлениям, формам Гражданской войны объективно детерминировала неотвратимое углубление всепроникающего и всеохватывающего кризиса, неизбежный финальный крах Украинской Державы. Историческая закономерность не могла не восторжествовать.

Осенью 1918 г. Скоропадский ввел во всех девяти украинских губерниях чрезвычайное или военное положения²⁹, но ни жесткими угрозами, ни решительными репрессивными мерами не смог сбить

динамики нарастания противобластной волны народных выступлений. Агония гетманского режима, ускоренная ноябрьской революцией в Германии и революционным распадом Австро-Венгрии, поставила в политическую повестку дня в качестве неотложного вопрос об изменении государственного строя на Украине. Назревшую задачу весьма оперативно и успешно выполнила созданная 13 ноября 1918 г. Директория («власть пяти»): В. К. Винниченко (председатель), С. В. Петлюра, А. М. Андриевский, А. Г. Макаренко и Ф. П. Швец (члены).

Режим Директории. Падение УНР

Возглавив антигетманское восстание и добившись отречения от власти Скоропадского, Директория провозгласила возрождение Украинской Народной Республики, возобновила действие демократических законов³⁰. Естественно, полного возврата к порядкам, бытовавшим во времена Центральной Рады, в динамично изменяющихся условиях быть не могло.

Ликвидируя авторитарно-монархический режим, возрождая Украинскую Народную Республику, демократически настроенные патриотические силы приняли попытку найти линию поведения, преодолевающую урон, нанесенный обществу гетманским правлением, и одновременно отличающуюся от радикализма большевиков, политики советской власти. Главным идеологом поиска новой концепции

очередного этапа национально-государственного строительства на Украине, определения места УНР в общеевропейских процессах выступил Председатель Директории В. К. Винниченко³¹.

Критически проанализировав причины поражения УНР времен Центральной Рады, предвосхищая неизбежное после жестокого гетманско-оккупационного террора тяготение народа Украины к советской власти (нетрудно было предположить, что на стороне последней тенденции, как и в декабре 1917 г. – январе 1918 г., окажется несравненно превосходящий военно-политический потенциал РСФСР), глава Директории считал единственным способом преодоления умножившейся на протяжении последнего года взаимной национальной вражды, предотвращения надвигавшейся войны,

²⁸ См. подробнее: *Солдатенко В. Ф.* «Коротке інтермецю» гетьмана Павла Скоропадського: (До питання про політико-правову оцінку та історичну долю Української Держави 1918 р.) // *Публічне право: Науково-практичний юридичний журнал*. 2018. № 2 (30). С. 166—183; № 3 (31). С. 182—195; № 4 (32). С. 164—175; 2019. № 1 (33). С. 170—182.

²⁹ *Українська Держава* (квітень — грудень 1918 року): Документи і матеріали: У 2 т. Т. 2. Київ, 2015. С. 59—68.

³⁰ Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки: Документи і матеріали. 1918—1920: У 2 т. Київ, 2006. Т. 2. С. 375, 401—402, 407, 413—417, 429, 437—439, и др.

³¹ См. подробнее: *Солдатенко В. Ф.* Три Голгофи: Політична доля Володимира Винниченка. Київ, 2005. С. 110—114.

введение на Украине «системы советской власти»³².

Доводы и соображения в этом плане были сразу же отвергнуты большинством Директории и руководством основных украинских политических партий, после чего Винниченко весьма оперативно предложил «усовершенствованный» паллиативный вариант — идею формирования на Украине республики трудового народа, политическим и государственным фундаментом которой явились бы трудовые Советы («Рады»), а венчал конструкцию политической системы Трудовой конгресс Украины³³.

Трудовые Советы, сформированные не по классовому принципу, — в их выборах имели бы право принимать участие все, не эксплуатирующие чужого труда, по расчету Винниченко, больше бы отвечали социальной структуре украинской нации, ее крестьянскому характеру и одновременно были достаточно близкими российским, точнее — большевистским Советам. Глава Директории говорил даже о родстве двух «диктатур» — диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в РСФСР и диктатуры трудового народа в УНР³⁴.

Однако в данном случае, очевидно, не столь важно выяснение степени тождества или различия между Советами рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и трудовых Советов (Рад). Важно понять, что таким образом глава Директории, соображения и предложения которого были официально поддержаны руководящими органами украинских партий и правительством, оформлены соответствующими решениями в качестве государственного курса, стремился доказать, что реализацией его плана противоречия между Украиной и Россией снимаются или, по крайней

мере, утрачивают если не принципиальный характер, то уж, во всяком случае, антагонистическую остроту, что при доброй воле можно было не только надеяться на мирную разрядку конфликтной ситуации, но и достичь заключения межгосударственного союза (федерации) для осуществления общих целей.

Нужно учитывать, что к такому варианту развития отношений проявляло интерес большевистское руководство Советской России, вокруг которой с начала 1919 г. затягивалось кольцо фронтов, и разорвать их прочную цепь хотя бы в одном звене — означало облегчить и улучшить общее положение республики. Казалось бы, намечалась вполне привлекательная перспектива. Демократически-революционный курс был зафиксирован в Декларации Директории от 26 декабря 1918 г. Была провозглашена идея создания Республики Трудового Народа, начата подготовка к первому кардинальному шагу на пути ее реализации — Трудовому конгрессу Украины.

Но внутри самой Директории наметились весьма существенные расхождения. Не обладая данными серьезного теоретического аналитика, С. Петлюра не мог ничего публично возразить В. Винниченко и на официальных собраниях вынужден был соглашаться с общим мнением. Однако в душе он вынашивал иные планы, обусловленные совершенно иной оценкой ситуации и гипотетическими вариантами ее развития. Главный атаман войск УНР считал, что вопрос будущего Украины должен решаться только на полях военных сражений. При таких обстоятельствах Директории, правительству, военному руководству УНР надо было практически без передышки разработать планы новой военной кампании. То есть, по существу, только стано-

³² Винниченко В. Відродження нації. У 3 ч. Ч. III. Київ, Відень, 1920. С. 133—140.

³³ Солодотенко В. Ф. «Вінницькі шаблі» державного проводу УНР // Україна: Минуле, сьогодні, майбутнє: Зб. наук. праць. Київ, 1999. С. 3—5.

³⁴ Винниченко В. Відродження нації. Ч. III. С. 141.

вшившиеся на ноги, не успевшее устояться, окрепнуть, государственное новообразование, отказавшись от реализации с помощью дипломатического инструментария налаживания мирных отношений с РСФСР, по субъективной прихоти «партии войны» ввергалось в пучину очередных тягчайших испытаний с непредсказуемым исходом.

Тем временем военная ситуация, перспективы ее развития выглядели более чем тревожно. В частности, выяснилось, что объединительный процесс, апогеем которого стало торжественное провозглашение 22 января 1919 г. Акта соборности (укр. — «Акта Злуки») Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) ведет не к предполагавшемуся общенациональному упрочению и умножению государственного могущества.

Противостоять польской агрессии, начавшейся сразу же после провозглашения образования ЗУНР и вытеснявшей украинских воинов из Восточной Галиции, было просто нечем. А соборная Украина получала дополнительный против Красной, Белой армий, интервентов Антанты еще и польский фронт.

Неутешительно развивались и другие политические процессы. Предложенный В. К. Винниченко и поддержанный ведущими украинскими партиями Трудовой Конгресс Украины, с которым связывались большие надежды выработки нового государственного курса, оказался под угрозой срыва. К моменту выборов делегатов на форум значительная часть Левобережья была занята советскими войсками, а на остальной территории во множестве пунктов крестьяне и рабочие вели войну с войсками УНР: там было не до выборов. На Юге французы и Добровольческая армия беспрятственно захватывали уезд

за уездом. На Правобережье катилась грязная погромная волна. Украинские партии рассыпались. На съезде суммарное представительство их членов оказалось мизерным — менее чем от 10 тысяч³⁵. От ЗУНР делегация была сформирована из лиц, в большинстве настроенных против Директории, придерживавшихся националистически-регионалистских ориентаций³⁶. Вместо ожидаемых почти 600 делегатов на форум смогли прибыть около 300, т. е. половина.

Инициаторы и организаторы конгресса были крайне разочарованы результатами его работы и весьма критично оценивали принятые документы. В. Винниченко назвал форум «мертворожденным», а П. Христук дал красноречивое название соответствующего раздела капитального четырехтомника «Трудовой конгресс — похороны трудового принципа».

Перед вполне осязаемой перспективой утраты Кисва, а, может быть, и власти на Украине в целом, возросли экстремистские настроения лидеров правых сил: «[...] Предложения и речи представителей советских социалистических партий (речь левого укр. с-р. Тараненка, украинского независимца Зиновьева, позже бундовца Рафеса. — В. С.) встречались криком и свистом. Малейший намек на необходимость мира с советской Россией, на передачу власти в Украинской республике рабоче-крестьянским Советам вызывал возмущение со стороны раснаселенной соответствующими речами и агитацией галицийской и социал-демократической фракции. Атаманы Петлюра и Коновалец призывали к решительной борьбе с русскими большевиками, требовали от конгресса одобрения своей контрреволюционной политики, угрожали репрессиями левым партиям и заверяли, что победят всех и вся»³⁷.

³⁵ Христук П. Записки і матеріали до історії української революції: У 4 т. Т. III. Відень, 1921. С. 53—54.

³⁶ Там же. С. 57—58.

³⁷ Там же. С. 61—62.

Генеральный секретарь военных дел УНР С. В. Петлюра (2-й слева)
в группе офицеров Сечевых стрельцов. Киев. Декабрь 1917 г.
Кинооператор не установлен. РГАСФД

Конгресс, как говорится, «трещал по всем швам». Вместо принятия решений со всех сторон сыпались противоречившие друг другу заявления, декларации. До 28 января, т.е. до закрытия форума, успели одобрить всего одну резолюцию (Универсал) о текущем моменте. Ее лейтмотив — представители трудового народа Украины в условиях враждебных агрессий и далее поручают проводить государственную работу Директории, пополненной представителями ЗУНР³⁸.

Завершение работы Трудового конгресса Украины не придало новых импульсов процессам государственного созидания. Наоборот, в наличии были все признаки критического состояния. О тревожности ситуации

свидетельствовало, в частности, то, что потерялись даже Сечевые стрельцы — «пропала их хвастливая самоуверенность и мальчишеское высокомерие». Проявлением этого стало предложение сечевиков всадить личную диктатуру В. Винниченко. Последний, по его словам, отказался в пользу С. Петлюры, однако инициаторам замысла Главный атаман не подходил «ни с политической стороны, ни даже с военной»³⁹. Множество фактов говорят о том, что ни Директория, ни правительство, не говоря уже о партиях, не имели авторитета, практически утратили реальную власть.

Директория разрывалась внутренними противоречиями. В. Винниченко и А. Макаренко почти по всем вопросам проти-

³⁸ *Солдатенко В. Ф.* Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки: У 4 т. Т. III: Рік 1919. Харків. 2008. С. 54—63.

³⁹ *Винниченко В.* Відродження нації. Ч. III. С. 233—234.

встояли С. Петлюра и А. Андриевский. Ф. Швец принимал сторону то первых, то вторых. Во время обсуждения принципиальных вопросов, политических деклараций, заявлений «весы», как правило, склонялись в сторону В. Винниченко. Однако фактическая реальная политика вне Директории проводилась теми силами, выразителем которых в Директории были С. Петлюра и А. Андриевский.

В первые дни февраля 1919 г. руководящие центры УНР спешно эвакуировались в Винницу, начав новую «Одиссею» скитаний по украинской земле. Тем временем 5 февраля 1919 г. в Киев вступили советские войска, предводительствуемые Н. Щорсом и В. Боженко. Украина все больше становилась советской.

Сторонники С.В. Петлюры, активно способствовавшие провалу мирных переговоров посланцев УНР в Москве (миссия С. Мазуренко), потерпели фиаско в стремлении найти поддержку у представителей военного командования интервенционистского корпуса Антанты в ходе контактов, состоявшихся в Одессе и Бирзуле (С.С. Остапенко, А.П. Греков, И.П. Мазепа)⁴⁰.

Оказавшемуся в экстремальной ситуации государственному и военному руководству УНР (она была красноречиво наименована «четырёхугольником смерти»), кроме всего прочего, пришлось столкнуться с разрушительным влиянием на весь зыбкий национально-государственный организм явления, получившего наименование атаманщины.

Надо подчеркнуть, что в историографии сложилось направление, пытающееся

свести сущность этого неоспоримо негативного феномена только к сфере военного строительства, проблемы, неудачи и ошибки которого едва ли не в наибольшей мере оказались следствием своевольного поведения командиров (атаманов) по преимуществу добровольческих повстанческих формирований, не желавших трансформироваться в регулярные армейские части с профессиональным командованием, отрицавшим единоначалие и дисциплину⁴¹. Таким образом пытаются вывести из-под лавины критических стрел Главного атамана, а с мая 1919 г. и официального председателя Директории С.В. Петлюру⁴². На самом деле атаманщина стала своего рода государственной моделью, навязанной Украинской Народной Республике тем же С.В. Петлюрой, его, в общем-то, нешироким окружением⁴³.

Атаманщина как сущность режима Директории, как определяющая и самая примечательная ее черта сформировалась постепенно. Ее истоки легко отыскиваются еще во времена антигетманского восстания, когда центральными политическими фигурами стали те, кто направлял военные действия. Это были, как известно, Главный атаман и когорта военных руководителей разных рангов, которые ему подчинялись. Последние смотрели на Петлюру как на ключевую фигуру в свержении гетманской власти и замене ее республиканской. А Главный атаман, все больше проникаясь верой в свою мессианскую роль, пытался обеспечить как можно больше преимуществ в реальной власти подчиненным ему атаманам.

⁴⁰ См.: *Солдатенко В. Ф.* Упущенный шанс достижения мирного соглашения между УНР и РСФСР в начале 1919 года // *Российская история*. 2010. № 6. С. 137—155; *Он же.* Винниченко и Петлюра: Соратники или соперники. М., 2020. С. 277—281.

⁴¹ *Митрофаненко Ю.* Українська отаманщина 1918—1919 років. Кіровоград, 2016; *Он же.* Отаманщина 1918—1919 років // *Війна з державою чи за державу: Селянський повстанський рух в Україні 1917—1921 років*. Київ, 2017. С. 100—147.

⁴² *Литвин С.* Симон Петлюра у боротьбі за Самостійну Україну. Київ, 2018. С. 213—396.

⁴³ См. подробнее: *Солдатенко В. Ф.* Режим атаманщины в Украинской Народной Республике // *Международный коллоквиум «Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917—1922»*: Сб. докладов. Санкт-Петербург, 10—13 июня 2019 г. СПб., 2019. С. 226—237.

Уже в приказе Штаба революционных войск УНР от 24 ноября 1918 г. речь шла о механизмах ликвидации власти гетмана и закрепления ее в новых руках. Призывая к повсеместной организации воинских частей, приказ определял: «Команду над народным ополчением берут в свои руки в каждом уезде самые старшие по рангу военачальники украинской народности»⁴⁴. Вот эти командиры и получили звание атаманов. К слову, приказ официально подписали сразу два атамана: Главный атаман С. Петлюра и Начальник штаба, атаман А. Осецкий.

Далее говорилось: «Всем атаманам брать власть в свои руки, при чем, во-первых: власть взять военную, административную, судебную, и последние две до тех пор, пока Директория не назначит соответствующих лиц; второе: всех предателей Украинского Народа арестовывать и поступать с ними по закону военному; третье: не допускать мятежа и предотвращать это немедленными военными расправами на месте; четвертое: Директория предоставляет полную власть во время боевых действий командирам отдельных частей, после боевых действий власть атамана земля таква: за главную измену украинскому государству, за военную измену, за невыполнение боевых приказов, за мародерство и грабежи приговаривать исключительно к расстрелу после постановления военного Полевого Суда»⁴⁵.

К этому присовокуплялись весьма существенные уточнения: «Иметь в виду, что к власти административной относятся также железные дороги, почта, телеграф и другие институты в пределах земель, указанных атаманам по согласию между собой. [...] Против предателей и врагов государственной независимости действовать решительно и беспощадно»⁴⁶.

При всей самоочевидности приведенного как своеобразной концентрированной модели атаманщины, нельзя не обратить внимания хотя бы на три важнейших момента.

Во-первых, Директория никогда не принимала решения о передаче «полной власти» «командирам отдельных частей». Следовательно, самовольно сформулированный тезис может быть квалифицирован как оформление узурпации власти военными, точнее, атаманами, которые опирались на силу оружия.

Забегая немного вперед, следует сказать, что на попытки Директории (во время председательства в ней В. Винниченко) поставить атаманов под политическое государственное начало С. Петлюра реагировал очень нервно, резко, ревностно защищал своих подчиненных атаманов от любой ответственности, даже тогда, когда их вина была безусловна.

Во-вторых, концентрация всей полноты власти в одних руках явно диссонировала, более того — прямо противоречила декларируемым демократическим принципам возобновляемой УНР. Территориально же атаманы должны были делить власть «по согласию между собой». Естественно, на роль наиболее весомой фигуры в государстве при такой модели выдвигался Главный атаман.

В-третьих, можно предположить, что статус Главного атамана для Петлюры всегда значил больше, чем статус члена и даже председателя Директории. С этой точки зрения очень интересен принятый Кабинетом Министров Закон о новом составе Директории от 7 мая 1919 г. Оставим за скобками весь алогизм, а если прямо, то всю абсурдность решения исполнительного органа власти — с юридической стороны он ни при каких обстоятельствах не имел пол-

⁴⁴ Петлюра С. Статті. Листи. Документи. Т. IV. Київ, 2006. С. 210.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

номочий принимать закон о формировании высшего органа государственной власти в УНР. Стоит упомянуть, что Директорию избрал высший представительный орган — Трудовой конгресс Украины.

К маю 1919 г. в составе Директории произошли изменения. Еще в феврале ушел в отставку В. Винниченко. А. Андриевского удалили из состава Директории за причастность к мятежу С. Оскилко против С. Петлюры в конце апреля. Вот тогда и был принят упомянутый закон, который гласил:

«(1) Все постановления Директории Украинской Народной Республики действительны и законны только в том случае, если в заседании принимал участие Главный Атаман Петлюра.

2) Для законности постановлений и приказов Директории необходимы подписи двух членов Директории в том числе обязательна подпись Главного Атамана.

3) Директория имеет право вынести постановление о выходе из состава Директории одного из ее членов, когда это будет признано необходимым в государственных интересах.

4) Для действительности постановления о персональных изменениях в составе Директории необходимые подписи 3-х членов Директории, в том числе Главного Атамана»⁴⁷.

Как видно, вес Главного атамана в любых комбинациях здесь был исключительный, ключевой. Без его согласия любое решение было невозможным. Этим как бы прокладывался путь к единоличной власти опять-таки не столько главы Директории, сколько Главного атамана.

Лапидарно и очень точно модель атаманщины охарактеризовал В. Винниченко (хотя писал он об этом с откровенным отворачиванием и, казалось, мог без конца на-

низывать эпитеты негативного толка. — В.С.), однако не в состоянии был исчерпывающе охарактеризовать уродливое явление. «Бесконтрольность, безответственность, самовластность, неспособность к организации, беспринципность, малороссийский патриотизм и бессмысленный шовинизм, словом, все те черты, которыми отличалась атаманщина с самого начала, но которые в лучших условиях сдерживались внешними факторами, теперь вылезли, обнажились, как смрадные раны и отравляли вокруг себя все окружение»⁴⁸, — искренне возмущался этот политический деятель и художник, когда возвращался к периоду весны — лета 1919 г.

Большую долю ответственности за разгул атаманщины несли, по мнению В. Винниченко, руководящие центры УНР, в первую очередь Председатель Директории, Главный атаман С. Петлюра. «Атаманом мог стать всякий, кто хотел, — отмечал автор трехтомника о военной эпохе. — Главным атаманом выдавалось удостоверение, что такой-то должен формировать “отряд”, ему выдавалось несколько миллионов рублей, и новый атаман начинал свою деятельность. Никакого, разумеется, ни отчета, ни контроля, ни ответственности за деньги и за свою “деятельность” эти “национальные герои” по примеру “главного национального героя” не признавали. Формально они как бы и подчинялись “Главному Атаману”, но, по сути, эта славоблюбивая “балерина” боялась этих атаманчиков, искала их милости и не смела ни за какие злодеяния наказать этих “героев”, чтобы не утратить среди них своей популярности. И поэтому атаманы и атаманчики свободно разворовывали деньги, пьянствовали, безобразничали и осуществляли еврейские погромы»⁴⁹.

⁴⁷ Петлюра С. Статті. Листи. Документи. Т. IV. С. 253.

⁴⁸ Винниченко В. Відродження нації: У 3 ч. Ч. III. С. 352.

⁴⁹ Там же. С. 352—353.

Важно иметь в виду, что в качестве политико-правовой конструкции атаманщина не имела никакого идейно-теоретического обоснования, не было даже попытки сделать нечто подобное. Как известно, политики с момента создания Директории потратили немало усилий, чтобы доказать преимущества одного из двух альтернативных путей развития УНР — на основе трудового принципа (трудовые Советы) или парламентской модели западного образца. И на Трудовом конгрессе, и на многочисленных государственных и партийных совещаниях, и на партийных съездах, и в прессе все время шли острые дискуссии, в ходе которых преимущество получало то один, то другой подход. Даже при многочисленных правительственных перестановках считалось, что очередную победу получают сторонники именно упомянутых несовместимых ориентаций. На самом же деле к идейно-теоретическим аргументам никто не прислушивался, а принимаемые на их основании решения неизменно игнорировались. И если эта тенденция мощно проявлялась еще когда во главе Директории был В. Винниченко, то с его отставкой в феврале 1919 г. намерениям и действиям атаманов уже ничто не мешало.

Ввиду некоторой объективной обусловленности феномена атаманщина как своеобразная, специфическая, преимущественно конъюнктурная модель управления общественными процессами, по крайней мере, для отдельных моментов (скажем, критического военного положения), могла бы рассчитывать на оправдание или хотя бы восприниматься с определенной долей понимания. Однако исключительные, чрезвычайные приемы в политике и государственном строительстве приобрели самодостаточный вес и характер, а еще больше — ими были подменены все остальные, не менее важные направления функционирования общественного организма. Иными словами, атаманщина превратилась в государственную политику.

Естественно, не просто сторонником, но главным вдохновителем и организатором в проведении соответствующего курса оставался С. Петлюра. И едва ли не наибольшие трудности в научном определении роли Петлюры в судьбе украинского народа периода Гражданской войны заключаются в отношении к его личности и политике атаманщины. Весна 1919 г. — ноябрь 1920 г. — это период апогея политической карьеры Петлюры, время, когда он, будучи сначала неформальным, однако бесспорным лидером УНР, стал затем законно избранным руководителем высшего государственного органа республики и, наконец, на завершающем этапе периода остался единственным функциональным членом Директории.

Однако личностные качества Петлюры, которые вряд ли можно отнести к выдающимся, вызывали у многих участников событий того времени недовольство и раздражение, нежелание подчиняться человеку с низкими профессиональными данными и обусловили череду заговоров против первого лица государства.

Дестабилизирующее воздействие атаманщины на национально-государственное строительство во многом лишало УНР оптимистической перспективы. Но, может быть, еще большим негативом оборачивалось практически полное отсутствие хотя бы сколько-нибудь разработанной, обоснованной, мобилизующей национальной и социальной программы дальнейшего развития Украины, привлекательной модели ее государственного созидания.

Украинскому обществу все более очевидным становилось, что для С. В. Петлюры, уже в 1919 г. «освободившегося» в Директории от всех вчерашних соратников — попутчиков, высшей ценностью и главной целью является личная власть. Ради ее сохранения он готов был жертвовать даже национальными идеалами и интересами. Удручающее подтверждение тому — Варшавский договор (20 апреля

1920 г.), согласно которому за обещанную военную помощь от Ю. Пилсудского для разгрома советской власти и возвращения в Киев Петлюра согласился уступить Второй Речи Посполитой Восточную Галицию и Западную Волынь с преимущественно украинским населением. Как известно, бросив миллионы этнических братьев под чужеземное господство, положительного эффекта, выигрышных дивидендов глава Директории и украинского войска не получил.

Безусловно, одним из самых убедительных подтверждений приближавшегося краха украинской национальной государственности стала череда кризисных явлений в среде политически активного сегмента украинства, стоявшего у истоков национально-демократической революции.

Будучи в 1917 г. авторитетной авангардной силой, привлекавшей под свои знамена сотни тысяч членов, склонившей на свою сторону миллионные массы, украинские политические партии в процессе сложнейших, противоречивейших событий в значительной мере постепенно утрачивали революционный потенциал. Остававшиеся инициативными, боеспособными, деятельными, творческими их элементы вынуждены были отпочковываться, отмежевываться от своих первородных организаций, создавать новообразования. Приобретая революционный опыт, оценивая уроки Гражданской войны, они брали на идейное вооружение коммунистическую платформу, социалистические ориентации. Так офор-

мились Украинская Коммунистическая партия (боротьбистов), Украинская партия левых эсеров-коммунистов (борьбистов), Украинская Коммунистическая партия, Украинский коммунистический Бунд (Комфарбанд)⁵⁰. Объединяясь с Коммунистической партией (большевиков) Украины, вливаясь в ее ряды, делегируя своих представителей в правительственные круги, органы местной власти, они умножали лагерь активных сторонников социалистического выбора, серьезно укрепляли позиции Украинской Советской Социалистической Республики.

Кратко подытоживая, можно следующим образом ретроспективно выкристаллизовать историческую парадигму национально-государственного строительства на Украине рассматриваемого периода. Зародившись весной 1917 г. как закономерный ответ на вызовы времени, как прогрессивно-демократическая революционная тенденция, вовлекшая в свой фарватер миллионы украинцев, жителей региона, стремление к национальному возрождению, созданию собственной государственности претерпело затем сложнейшие метаморфозы. Сущность, ориентации последовавших в предложениях и реализуемых на практике национальной элитой политико-правовых моделей гетманата и атаманщины все более расходились с доминантными векторами народных, национальных интересов, привнося все новые импульсы в нарастание, обострение социального противостояния, стимулируя новые витки Гражданской войны.

⁵⁰ См. подробнее: *Солдатенко В. Ф. У пошуках соціальної і національної гармонії: (Ескізи до історії українського комунізму)*. Київ, 2006; *Он же. Деміурги революції: Нарис партійної історії України 1917—1920 рр.* Київ, 2017.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО В БЕЛОРУССИИ

Историография проблемы.

Первые шаги национально-государственного строительства

Революционные события 1917 г. в России создали благоприятные предпосылки для практической реализации потенциала белорусской государственности. Однако оккупация Германией большей части белорусской этнической территории в 1918 г., а затем польско-советская война 1919—1921 гг. значительно затруднили процесс национально-государственного строительства. С 1917 по 1921 г. Белоруссия, так же как и Украина и многие другие территории бывшей Российской империи, прошла путь от условной этнографической и административной единицы до суверенной национальной республики — Социалистической Советской Республики Белоруссия (ССРБ). История становления белорусской государственности в условиях революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны активно изучалась и продолжает изучаться российскими, белорусскими и другими исследователями¹.

С учетом тематики рассматриваемой проблемы необходимо затронуть вопрос об адекватности сложившегося в последние десятилетия своеобразного «обвинительного уклона» в отношении сути и направленности национальной политики Российской империи применительно к белорусскому этносу в предреволюционный период.

Весьма суровый исторический счет к руководству империи предъявляется некоторыми белорусскими историками в связи, как они выражаются, с «русификацией белорусского народа, его *исторической памяти и национального сознания* (курсив наш. — Авт.)». По их утверждению, российскими властями «существование белорусского этноса *целиком игнорировалось*, а белорусский язык почитался «*мужичким*», «*хамским*» и «*официально не признавался*» (курсив наш. — Авт.)². Именно так это обвинение было сформулировано в коллективном двухтомнике

¹ См., напр., на эту тему: *Борисевич И. А., Кривчиков В. М.* Гражданская война 1918—1921 гг. на территории Беларуси // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 1. С. 22—24; *Кудрявцев П. А.* Проблема белорусской государственности в национальной политике РКП(б). 1917—1921 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Беларуская Народная Рэспубліка — крок да незалежнасці: Да 100-годдзя абвяшчэння: Гістарычны нарыс.* Мінск, 2018.

² *Буховец О. Г.* Историописание постсоветской Беларуси: Демифологизация «ремифологизации» // Национальные истории на постсоветском пространстве II. М., 2009. С. 25.

Института истории НАН Беларуси «Очерки истории Беларуси», вышедшем в свет в 1994—1995 гг.³ Он сразу же после своего выхода стал выполнять функции основного учебного пособия по белорусской истории для студентов всех вузов страны⁴.

Тема русификации является, безусловно, «сквозной» и фактически «краеугольной» во всех «национальных концепциях истории» новых независимых государств экс-СССР. Есть в этой связи необходимость рассмотреть ее в свете исторических фактов.

Весьма важные сведения на этот счет дают документы из фонда Совета министров РГИА, содержащие обзоры правительственной политики во второй половине XIX — начале XX в. в белорусских, литовских, украинских губерниях, а также предложения по ее совершенствованию и оптимизации. Наибольшую ценность им придает то, что документы эти представляют, как минимум, четыре уровня административной государственной системы: от губернатора до императора Николая II⁵.

В распоряжении исследователей имеется разнообразная документация, отражающая подходы государственных деятелей и чиновников различных министерств и ведомств империи к национально-религиозной политике, а также проекты ее реформирования. Так, в весьма пространной «Записке», подготовленной Канцелярией министра внутренних дел в 1904 г. и одобренной министром П. Д. Святополк-Мирским 17 января 1905 г., прямо и недвусмысленно ставилась задача «пробуждать национальное самосозна-

ние местных уроженцев (курсив наш. — Авт.)»⁶. Под местными уроженцами подразумевались белорусы, литовцы и украинцы.

О том, насколько далеко заходили высокопоставленные деятели царской администрации в своих планах не просто поддержки, но и стимулирования национальных движений, свидетельствует «Прошение Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора К. Ф. Кршвицкого», представленное им в марте 1906 г. Председателю Совета министров С. Ю. Витте. В нем генерал-губернатор с явной симпатией высказался о литовском национально-возрожденческом движении и большое место отвел также предложениям по изменениям правительственной политики на белорусских землях. Полагая, что деятельность польского костела на этих землях чревата ассимиляцией белорусов-католиков, он для предотвращения такой угрозы полагал необходимым, в частности, введение католического богослужения на «белорусском наречии»⁷.

Разумеется, проекты, предусматривавшие столь решительный поворот в практической национально-религиозной политике империи, в немалой степени подпитывались импульсами тогдашнего революционного кризиса. Но именно все-таки подпитывались, а не вызывались. Конечно же, обстановка Первой русской революции явно побудила правительство объявить о ряде существенных мер в области национальной политики. В частности, как явствует из «Проекта Особого журнала Комитета министров 15, 22 и 23 марта 1905 г.», намечено было

³ Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. Мінск, 1994; Ч. 2. 1995.

⁴ Буховец О. Г. Историописание постсоветской Беларуси: Демифологизация «ремифологизации». С. 25.

⁵ См.: Буховец О. Г. Национальная политика Российской империи и СССР: О противоречиях и их последствиях // Великая Российская революция. 1917: Сто лет изучения: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 9—11 октября 2017 г.). М., 2017. С. 339—341.

⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.

⁷ Там же. Д. 114. Л. 7.

введение в Западном крае преподавания в школах ряда учебных предметов на литовском и польском языках⁸. Вместе с тем преподавание на белорусском и на украинском языках участниками данного совещания было признано «не отвечающим потребностям дела» ввиду их близости к русскому языку. Но как бы то ни было, за ними признавался уже статус «языков» (а не просто «наречий», как в предыдущий период)⁹. Весьма примечательно, что в тексте Особого журнала, который император Николай II утвердил 1 мая 1905 г., все положения, касающиеся признания за белорусским и украинским статуса языков, были оставлены без изменений¹⁰.

Принципиально важно в контексте анализируемой проблемы отметить, что даже после подавления революции 1905—1907 гг. власть не отказалась от признания белорусов и украинцев как этносов, обладающих своей особенной культурой и языками. Об этом красноречиво свидетельствует, к примеру, обширная документация персонального учета по выборам в Государственную думу всех четырех созывов, содержащая, в частности, напечатанные типографским способом анкеты с данными о «родном языке» и «народности» всех участников избирательного процесса, в том числе и белорусов¹¹.

Не менее, если не более, красноречивы в данном отношении результаты деятельности образованного в 1906 г. в Петербурге белорусского издательского товарище-

ства «Заглянет солнце и в наше оконце». За 8 лет его работы было издано 38 книг на белорусском языке общим тиражом более 100 тыс. экземпляров¹². А на Всероссийских выставках произведений печати, изданных в Российской империи, было экспонировано в 1908—1910 гг. 26 наименований книг на белорусском языке¹³.

Чрезвычайно важной для расширения ареала белорусскоязычной печати была деятельность газеты «Наша ніва», начавшей выходить в свет в 1906 г. в Вильно. В 14 уездах Виленской, Минской, Гродненской, Витебской и Могилевской губерний за несколько лет возникло более 240 корреспондентских пунктов этой газеты¹⁴. В 1910 г. «Наша ніва» начала издавать «Беларускі календар», тираж которого в лучшие годы достигал 20 тыс. экземпляров. Созданный этой же газетой в 1912 г. журнал «Саха» на сельскохозяйственных выставках 1913—1914 гг. в Вильно и Минске даже награждался серебряными медалями¹⁵.

Белорусский историк С. Х. Александрович обобщил данные об издании белорусскоязычной литературы всех видов в период с 1901 по 1917 г. Согласно им, в указанный период в общей сложности было издано 245 книг на белорусском языке общим тиражом примерно в 600 тыс. экземпляров¹⁶. В их числе 132 книги оригинальной и переводной художественной литературы, а также фольклористики, 43 — научно-популярной, 16 — агитаци-

⁸ РГИА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 431. Л. 22 об.

⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106. Л. 221.

¹⁰ Там же. Л. 398, 419.

¹¹ РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. I Созыв. Д. 117; II Созыв. Д. 107; и др.

¹² *Ляхоўскі У.* Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915—1918 гг. Беласток, 2010. С. 30.

¹³ *Чернявская Ю. В.* Белорусы: От «тутэйшых» — к нации. Минск, 2010. С. 66.

¹⁴ *Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.).* Мінск, 2005. С. 405.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 406.

онной, 13 — учебной, 11 — религиозной и 4 — музыкальной литературы.

Удивительно, но авторов, приводящих столь красноречивые данные о последовательном расширении ареала белорусскоязычной литературы, все это отнюдь не останавливает от безапелляционных обвинений как правительства, так и про-российских «эрзац-интеллигентов» в «русификации белорусов».

Еще более важным представляется то, что авторы-«обличители» явно избегают касаться вектора дальнейшего развития правительственной национальной политики. Хотя это как раз самое важное. Так, в монографии, посвященной школьному образованию в Белоруссии в годы Первой мировой войны, автор, в связи с принятием в 1914 г. IV Государственной думой закона о школе, остановился на его значении для одной лишь Украины. Но зато он ни словом не обмолвился о собственно самой Белорусии!¹⁷

Другой же историк проявил несколько странную «лаконичность», саркастично комментируя правительственный план разрешить (в реализацию думского закона о школе) обучение на белорусском языке: «Ввести белорусский язык в школьную практику царь обещает *только в 1915 г.* (курсив наш. — Авт.)»¹⁸.

В этой связи, безусловно, следует дать оценку и германской национальной политике на оккупированной белорусской территории. Прежде всего нельзя не заметить, что и в этом вопросе трактовки некоторых представителей постсоветской белорусской историографии также характеризуются путанностью и противоречивостью.

Социально-политическая энтропия в стране в послефевральский период стимулировала процесс деградации российской армии. Октябрьский же переворот

большевиков перевел процесс этой деградации уже в фазу полного разложения армии. Это позволило германским войскам практически беспрепятственно занять в феврале—марте 1918 г. огромную территорию северо-запада, запада и юго-запада бывшей империи, намного превышающую площадь самой Германии. В контексте продолжавшейся мировой войны эта германская оккупация, во-первых, кардинально изменила собственно геополитический баланс сил в Восточной Европе. Во-вторых, оккупация повлекла за собой интериоризацию в тогдашнем российском пространстве вообще и в белорусском, в частности, германского фактора. Каковой накануне и даже в начале Первой мировой войны выступал ведь еще как сугубо внешний. В условиях же этнокультурной пестроты захваченных российских регионов оккупация их немцами имела далеко идущие исторические последствия, ведь она самым существенным образом повлияла на сам набор общественно-политических сил, боровшихся за реализацию представляемых ими путей развития России в целом и отдельных ее регионов. Прежде всего таких полиэтнических и многоконфессиональных, как белорусские губернии. А в результате — и на ранжирование вероятностей осуществления тех или иных альтернатив в государственно-политическом их «обустройстве».

Одной из главных стратегических целей Германии в войне с Россией было создание в итоге этой войны на оккупированной российской территории своего рода буферной зоны между двумя странами. Составить ее, согласно германским планам, должны были новые национальные государства. Спонсировать же их создание и надлежало немецким оккупационным властям. В реализацию из-

¹⁷ Ляховікі У. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915—1918 гг. С. 26—27.

¹⁸ Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795—2002 гг.). Мінск, 2003. С. 171.

ложенной в сентябре 1915 г. германским канцлером Бетман-Гольвегом «правительственной программы» по отношению к захваченным территориям командующий Восточным фронтом фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, в частности, издал в декабре 1915 г. директивы, а в январе 1916 г. в дополнение к ним и инструкции, которыми запрещалось на занятых немцами землях преподавание на русском языке и вводилось обязательное обучение в начальных школах на родных языках¹⁹. Но, во-первых, только на основе латинского алфавита. А, во-вторых, обязательным становилось также изучение немецкого языка²⁰.

В совокупности элементы германской «правительственной программы» имели целью изоляцию белорусских и прочих оккупированных земель от культурного влияния России и «закрепления на этой земле пронемецкой идеологии. Через школьное образование кайзеровского образца должно было сформироваться новое поколение [...], которое лояльно относилось бы ко Второму Рейху»²¹. Последовательное «культурное онемечивание» белорусов должно было, в соответствии с немецкими планами, занять несколько десятилетий²². В этой связи риторический вопрос: и как же в свете указанной германской «правительственной программы» белорусам было возможно, как пишут некоторые историки, «воспользоваться немецкими льготами для национального самодетерминации?! (курсив наш. — Авт.)»²³. Практическое осуществление немецкой

оккупационной администрацией директив и инструкций в рамках «правительственной программы» довольно быстро натолкнулось на препятствия, не принимавшиеся в расчет ее разработчиками. Уже в 1916 г. и сами немцы, и аффилированные с ними руководители белорусского национального движения смогли убедиться в том, что жители оккупированных белорусских территорий «враждебно относились к белорусской латинке», которую они, в большинстве своем православные, считали «первым шагом к уни»²⁴. По этой причине немецкие власти в 1917 г. вынуждены были снять запрет с использования в печати кириллического шрифта. А в конце 1918 г., после поражения Германии в войне, оккупационная администрация, уступая нараставшему давлению польского экспансионизма, вообще фактически свернула программу «белорусизации». Ведь для возрожденной Речи Посполитой белорусские земли были, как уже выше отмечалось, «территорией, заселенной польской нацией», а сами белорусы — лишь «бесформенной этнографической массой».

В обобщенном виде анализ накопленных историографических знаний по теме национально-государственного строительства представлен в фундаментальном труде белорусских историков «История белорусской государственности»²⁵. В настоящее время актуальными аспектами в изучении проблемы национально-государственного строительства в Белоруссии в годы Гражданской войны остаются:

¹⁹ Буховец О. Г. Образование новых государств: Общее и особенное в контексте Гражданской войны в России // Гражданская война в России: Проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск, 2022. С. 242.

²⁰ Там же.

²¹ Ляховікі У. Школьна адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915—1918 гг. С. 94.

²² Там же. С. 82.

²³ Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795—2002 гг.). С. 171—172.

²⁴ Ляховікі У. Школьна адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915—1918 гг. С. 125.

²⁵ История белорусской государственности: В 5 т. Т. 3: Белорусская государственность: От идеи к национальному государству (1917—1939 гг.). Минск, 2019. С. 8—48.

история Белорусской Народной Республики (БНР), Литовско-Белорусской республики (ЛитБел), белорусских национальных организаций, особенности их взаимоотношений с государственными структурами РСФСР, Германии, Польши, Украины и др.

К началу 1917 г. сложились не самые благоприятные условия для практического решения белорусами вопроса создания национального государства. Так, белорусская этническая территория еще с октября 1915 г. была разрезана германско-российский фронтом по линии Двинск—Поставы—Сморгонь—Барановичи—Пинск. Ситуация осложнялась также тем, что в результате эвакуации и мобилизации большое количество белорусов оказались за пределами родной земли. Так, на 1 февраля 1917 г. количество беженцев из пяти западных губерний на территории России достигло 1 130 042 чел.²⁶ Кроме того, на неоккупированной и оккупированной германскими войсками территории сложились различные условия для политической деятельности. Исходя из этого, выработка какой-либо единой стратегии по реализации идеи белорусской государственности была невозможна.

Так, в силу узкой социальной базы, необходимой для реализации этнонациональной модели государственности, белорусские политические деятели, объединившиеся вокруг Белорусского народного комитета в Вильно, продолжительное время склонялись к реализации идеи возрождения государственности в форме Великого Кня-

жества Литовского (ВКЛ), объединяющей белорусские и литовские земли в зоне германской оккупации²⁷. Однако после того, как в январе 1917 г. был издан «Меморандум о восстановлении независимой Литвы» от имени Совета литовского народа, заявивший о намерении включить Виленский, Гродненский и Новогрудский уезды в состав Минской губернии во вновь создаваемом Литовском государстве, а в сентябре 1917 г., когда участники Литовской конференции высказались за создание независимого Литовского государства в этнических границах, стало очевидным, что создать в той или форме белорусско-литовское государство будет невозможно²⁸. Эти обстоятельства привели к изменению подхода представителей белорусских организаций, действовавших на оккупированной территории, к решению государственного-территориального вопроса. В июне 1917 г. был основан Союз независимости и неделимости Белоруссии во главе с В. У. Ластовским. В принятой данной организацией 2 июня 1917 г. резолюции была обозначена ее главная цель: «добиваться, чтобы Беларусь, временно и случайно разделенная на две половины военным фронтом, объединилась в один сплоченный и самостоятельный организм»²⁹. В. У. Ластовский и его соратники протестовали против «притязаний литовцев на белорусские земли», требовали «выделения белорусских земель, занятых немцами, в отдельную административную единицу»³⁰.

После Февральской революции в России существенно изменились условия

²⁶ Щавлинский Н. Б. Первая мировая война и национальный вопрос в деятельности белорусских партий, организаций и обществ на территории России и Украины. Минск, 2018. С. 14.

²⁷ Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.). С. 453—454; Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст.: У 2 кн. Кн. 1. Мінск, 2011. С. 305—306.

²⁸ Хомич С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: От незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011. С. 49—50.

²⁹ Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 1: 1917—1922 гг. Мінск, 1997. С. 16.

³⁰ Там же. С. 17.

политической деятельности на неоккупированной части белорусских земель. В результате активизировались организации и партии, которые стали важным фактором общественно-политической жизни в Белоруссии и на Западном фронте. На съезде белорусских национальных организаций, который проходил в Минске 25—27 марта 1917 г., был создан координационный центр национального движения — Белорусский национальный комитет (БНК) во главе с Романом Скирмунтом. Из 18 членов БНК 10 являлись членами Белорусской социалистической громады (БСГ)³¹, которая заявила о необходимости добиваться полного самоопределения (автономии) Беларуси в составе Российской Демократической Республики «с законодательным органом — Краевой Радой, избранной на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального избирательного права»³². БНК сделал попытку добиться от Временного правительства передачи власти Белорусскому краевому органу. Однако Временное правительство не поддержало эту просьбу³³.

8—10 июля 1917 г. на съезде белорусских организаций и партий вместо БНК была избрана Центральная Рада белорусских организаций. Стремление реализовать идею национальной государственности сводилась к требованию предоставления белорусам национально-территориальной автономии в пределах их этнического расселения. Эту идею поддерживали представители белорусских политических партий и организаций, участвовавших в работе Государственного совещания в августе 1917 г. в Москве, Съезда народов России, состоявшегося

8—15 сентября 1917 г. в Киеве. Эта же идея активно обсуждалась и на заседаниях Всероссийского демократического совещания, состоявшегося 14—22 сентября 1917 г. в Петрограде. И. Я. Воронко, представлявший Центральную Раду белорусских организаций, заявил, что необходимо поддерживать Декларацию Совета национальных социалистических партий, которая содержит требование объявить Российскую федеративную демократическую республику с гарантией права всех наций получить национально-территориальную автономию в пределах их этнической территории, а совещание превратить в государственный орган власти — парламент и ввести в его состав представителей от всех национальностей России³⁴.

18—24 октября 1917 г. в Минске состоялся съезд воинов-белорусов Западного фронта, в котором также участвовали представители белорусских организаций XII армии Северного фронта и Балтийского флота. На съезде была создана Центральная Белорусская Войсковая Рада (ЦБВР), избран ее Временный исполнительный комитет в составе 15 человек. Одновременно с созданием ЦБВР, в октябре 1917 г. Центральная Рада белорусских организаций была преобразована в Великую белорусскую раду. 27 октября 1917 г. Великая Белорусская Рада, Центральная Белорусская Войсковая Рада, Белорусский Исполнительный комитет Западного фронта, Белорусская Социалистическая Громада, Белорусская партия народных социалистов обратились с «Грамотой к белорусскому народу». Они призывали население Белоруссии и солдат Западного фронта сплотиться вокруг Великой Белорусской Рады в целях недопущения,

³¹ Рудовіч С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск, 2001. С. 92.

³² История белорусской государственности: В 5 т. Т. 3: Белорусская государственность: От идеи к национальному государству (1917—1939 гг.). С. 63.

³³ Там же. С. 62.

³⁴ БГАМЛИИ. ф. 3. Оп. 1. Д. 292. Л. 34—35.

чтобы «вихрь беспорядка загубил наше святое национальное дело защиты свобод и прав белорусского народа»³⁵.

Таким образом, на протяжении февраля—октября 1917 г. был поставлен вопрос государственно-политического и национально-культурного самоопределения народов России, в том числе и белорусского. К моменту начала Гражданской войны в белорусском национальном движении четко обозначились два направления: национально-демократическое и левое (революционное). Первое направление было представлено Великой белорусской радой, партиями и организациями, входившими в ее состав (Белорусская социалистическая громада, Белорусская партия народных социалистов, Центральная Белорусская Войсковая Рада, Белорусский исполнительный комитет Западного фронта и др.). Белорусские национальные партии не поддержали Октябрьский переворот, а с марта 1918 г. фактически выступали за отделение белорусских земель от России и образование независимого белорусского государства³⁶.

Левое (революционное) направление в белорусском национальном движении представляли Белорусский областной комитет и Белорусская социалистическая партия, выделившаяся в сентябре 1917 г. из левого крыла Белорусской социалистической громады. Его лидеры (Д. Ф. Жилунович, А. Г. Червяков, Е. С. Канчер и др.) выступали за самоопределение Белоруссии в составе РСФСР на советской основе³⁷.

Важнейшим фактором в процессе национально-государственного строитель-

ства Белоруссии была большевистская революция. 25 октября Исполнительный комитет Минского Совета рабочих и солдатских депутатов издал приказ № 1, в котором отмечалось, что в Минске власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов³⁸. В своем обращении от 27 октября 1917 г. Исполнительный комитет Минского Совета рабочих и солдатских депутатов предложил срочно организовать Временный военно-революционный комитет Западного фронта³⁹. 4 ноября 1917 г. было создано бюро ВРК во главе с К. И. Ландером, в состав которого также вошли А. Ф. Мясников, В. С. Селезнев, Н. В. Рогозинский, М. И. Калманович, Н. И. Кривошеин, В. Н. Фрейман⁴⁰. ВРК Западного фронта в первую очередь занимался вопросами укрепления и расширения своей власти за пределами Минска и в воинских частях Западного фронта. 18 ноября 1917 г. в Минске начал свою работу III съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний⁴¹. 19 ноября 1917 г. открылся также съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области⁴². 20 ноября 1917 г. началась работа II съезда армий Западного фронта. 26 ноября 1917 г. был сформирован Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзап), в состав которого были включены 35 человек от съезда рабочих и солдатских депутатов, 35 — от съезда крестьянских депутатов, 100 — от съезда фронта, 11 — от профсоюзов, 4 — от Союза железнодорожников, от Почтово-теле-

³⁵ НАРБ. Ф. 60-п. Оп. 3. Д. 81. Л. 22.

³⁶ История белорусской государственности. Т. 3. С. 76—77.

³⁷ Там же. С. 76.

³⁸ Буревестник. 1917. № 17.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Победа Великой Октябрьской социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г. — март 1918 г.). Т. 2. Минск, 1957. С. 97—98.

⁴¹ НА РБ. Ф. 60-п. Оп. 3. Д. 185. Л. 253—254.

⁴² Звезда. 1917. № 36.

графного союза — 2 человека. Возглавил Облискомзап Н. В. Рогозинский, а СНК Западной области и фронта — К. И. Ландер⁴³. В результате состоявшихся в Минске 19—20 ноября 1917 г. съездов Советов (Областного съезда рабочих и солдатских депутатов, III съезда крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, II съезда армий Западного фронта) на территории Минской, Могилевской, Витебской и части Виленской губернии была провозглашена власть Облискомзапа. Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта возглавил К. И. Ландер⁴⁴. Облискомзап стоял на твердых большевистских позициях и был против создания самостоятельного белорусского государства, с идеей которого выступали белорусские национальные организации. Данная идея связывалась сторонниками Облискомзапа с «интригой польских панов». Лидеры Великой Белорусской Рады обвинялись в стремлении к «национальной диктатуре»⁴⁵. Такую же позицию занимал Северо-Западный областной комитет РКП(б), который возглавлял А. Ф. Мясников. Основываясь на данной позиции, Облискомзап 2 декабря 1917 г. своим постановлением запретил формирование в Белоруссии белорусских национальных частей⁴⁶. Процесс создания Западной области на не оккупированной германскими войсками территории Белоруссии не был завершен⁴⁷.

В ноябре 1917 г. белорусские национальные организации, находящиеся в оппозиции к Облискомзапу, начали актив-

ную подготовку к Всебелорусскому съезду, который, по их замыслу, должен был решить вопрос о власти и государственном устройстве на территории белорусских земель. Идею созыва Всебелорусского съезда поддержали Дриссенский Белорусский революционный комитет, делегаты съезда воинов-белорусов Северного фронта. Второй съезд беженцев-белорусов, состоявшийся по инициативе Белорусской народной громады в Москве 19—21 ноября 1917 г., а также другие белорусские национальные организации⁴⁸.

2 ноября 1917 г. была провозглашена «Декларация прав народов России», в которой отмечалось, что советское правительство в основу своей деятельности в национальном вопросе положило принципы суверенности и равенства народов России, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. В соответствии с положениями данной Декларации, Белорусский Областной комитет (БОК) при Всероссийском Совете крестьянских депутатов 17 ноября 1917 г. призвал трудовое белорусское крестьянство объединиться вокруг идеи создания автономной и свободной Беларуси в составе Российской Федеративной Республики, выступил с инициативой созыва внеочередного белорусского съезда⁴⁹. 18 ноября 1917 г. Исполком Великой Белорусской Рады издал обращение «Ко всем народам Беларуси», в котором подчеркивалось, что «Беларусь должна быть демократической республикой, объединенной

⁴³ История белорусской государственности. Т. 3. С. 79.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. 1917—1957. Т. 2. Минск, 1957. С. 111, 235, 390, 547—548, 598—600, 935.

⁴⁶ История белорусской государственности. Т. 3. С. 83.

⁴⁷ *Игнатенко И. М.* Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск, 1992. С. 87.

⁴⁸ История белорусской государственности. Т. 3. С. 80—82.

⁴⁹ *Турук Ф.* Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921. С. 104.

с Великороссией и другими республиками России на основе федерации»⁵⁰. Таким образом, для ВБР и организаций, которые ее поддерживали, Белоруссия в это время представлялась уже отдельной республикой, которая на равных началах с другими республиками образует общероссийский федеративный союз. Для руководства БОКа, несмотря на эволюцию его взглядов в национальном вопросе, Белоруссия по-прежнему являлась автономной частью в составе реформированного на федеративных началах Российского государства.

24 ноября 1917 г., после согласования позиций с представителем ВБР в Петрограде И. Я. Воронко и ЦБВР И. А. Мамонько, руководство БОКа приняло окончательное решение: созвать съезд 5 декабря 1917 г. в Минске совместными усилиями БОКа, ВБР, ЦБВР и Белорусского исполнительного комитета Западного фронта. Для дальнейшей совместной организационной работы в Минск были командированы представители БОК — его секретарь А. Куссе-Тюз, Е. Макаревич и Л. С. Колядко⁵¹.

2 декабря 1917 г. СНК под председательством В. И. Ленина принял решение о финансовой помощи БОК, а 6 декабря в газете «Известия» были напечатаны «Условия совместной работы» БОК с Наркомнацем, в которых подчеркивалось, что избранному на съезде Совету крестьянских, солдатских и рабочих депутатов должна впоследствии принадлежать краевая власть⁵². 5 декабря 1917 г.

в Петрограде на совещании у И. В. Сталина и Я. С. Канчера М. В. Фрунзе докладывал, «что в Минске и на Западном фронте в связи с Брестскими мирными переговорами положение не в пользу автономии, не говоря уже о советской республике. Местные деятели (А. Ф. Мясников, К. И. Ландер, В. Г. Кнорин, О. А. Алибегов) выступили вообще против автономии и на данном этапе, и против советской республики, к которой, по их мнению, «Западная область не готова»»⁵³.

На протяжении 5—15 декабря мандатная комиссия съезда выдала делегатам 1167 мандатов с правом решающего голоса⁵⁴ и 705 с правом совещательного⁵⁵. 9 декабря на вечернем заседании был избран президиум съезда во главе с С. А. Рак-Михайловским⁵⁶. 14 декабря, когда приехало большинство делегатов, съезд избрал новый состав президиума и сформировал Совет съезда. Президиум съезда возглавил И. И. Середа. В Совет съезда вошли 57 человек, в том числе И. Я. Воронко (председатель), К. А. Алексеевский, А. Л. Бурбис, И. Л. Дыло, Е. Ф. Карский, Е. С. Канчер, А. А. Смолич, С. А. Рак-Михайловский, А. И. Цвикевич и др.

15 декабря 1917 г. Е. С. Канчер, А. Ф. Мясников и В. Г. Кнорин были приняты И. В. Сталиным в Смольном, в Петрограде. На рабочем совещании оба руководителя Облискомзапа не согласились ни с одним из документов, отказались дать гарантию на охрану съезда, но заверили, что не начнут применять насилие. При

⁵⁰ Турук Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921. С. 98.

⁵¹ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку ХХІ ст.: У 2 кн. Кн. 1. С. 340—341.

⁵² АР БАН Літвы. Ф. 21. Спр. 2283. Арк. 88.

⁵³ НАРБ. Ф. 311. Воп. 4. Спр. 31. Аркуш 1—2.

⁵⁴ Участники съезда называют разное количество делегатов: Е. Канчер — 1915, И. Воронко — 1900, Т. Гриб, А. Станкевич и Ф. Турук — 1872. Количество делегатов с правом решающего голоса, по сведениям Е. Канчера, — 1175, а Т. Гриба, А. Станкевича и Ф. Турука — 1167.

⁵⁵ НАРБ. ф. 325. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

⁵⁶ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1. Ф. 582. Дзяржаўнага Архіву Літвы (Рада Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі). Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998. С. 35.

этом они предупредили, что Облискомзап не передаст свою власть до окончания Брестских переговоров и созыва Учредительного собрания⁵⁷.

Вечером 17 декабря было решено провести совещание Совета съезда с лидерами фракций и землячеств для принятия общей резолюции. После долгих дискуссий был выработан единый текст постановления о самоопределении Белоруссии и о временной краевой власти. Он был зачитан делегатам съезда в 1 ч 15 мин ночи с 17 на 18 декабря по причине возможного запрета дальнейшей работы съезда.

Резолюция состояла из 15 пунктов, среди которых центральное место занимал первый пункт. В нем подчеркивалось, что «Всебелорусский съезд, собравшийся в Минске, обсудив тяжелое положение страны и Беларуси, закрепляя их право на самоопределение, завоеванное русской революцией, и утверждая демократический республиканский строй в границах белорусской земли, в целях сохранения целостности Беларуси в составе Российской Федеративной Демократической Республики, постановил выделить из своего состава областную орган государственной власти в лице Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, на который будет возложено управление Беларусью до созыва Учредительного собрания Белорусской Республики»⁵⁸. Делегаты съезда высказались за конфискацию «нетрудового хозяйства» (земли, живого и мертвого инвентаря) и передачу конфискованной земли без выкупа крестьянам через земельные комитеты⁵⁹.

Хотя в решениях съезда ничего не было сказано о Белоруссии как авто-

номной республике, что отражало компромисс между националистами и их оппонентами из БОК и других пробольшевистских организаций, тем не менее в ночь с 17 на 18 декабря 1917 г., по решению начальника Минского гарнизона Н. И. Кривошеина, как представлявший «контрреволюционные гнезда» «помещиков» и «соглашателей-социалистов», съезд был разогнан⁶⁰. Вслед за этим были арестованы лидеры Исполкома Совета съезда, перешедшие на нелегальное положение, в том числе и председатель Совета съезда И. Я. Воронко. Одновременно на территории Западной области была запрещена деятельность националистических организаций, связанных с данным исполкомом.

Инициатива подобных действий и разгона Всебелорусского съезда исходила от Облискомзапа и Совнаркома Западной области и фронта, руководство которых выступало против белорусской государственности в любой форме. В то же время легитимных оснований для разгона съезда у руководства Облискомзапа и Совнаркома Западной области и фронта не было. Непосредственные участники тех событий А. Г. Червяков, Д. Ф. Жилунович, И. Л. Дыло, и даже В. Г. Кнорин высказали позже свое сомнение в необходимости проведения этой акции. Они считали, что, опираясь на левое крыло съезда и повлиев на тех, кто колеблется, можно было сдержать правых и найти компромиссное решение с существующей властью в крае. Поэтому и ход дальнейших событий, связанных с национальным самоопределением Белоруссии и образованием ее государственности, мог быть иным. Как отметил позже секретарь ЦК КП(б)Б

⁵⁷ НАРБ. Ф. 311. Оп. 4. Д. 27. Л. 35.

⁵⁸ Речь А. Т. Вазилло, произнесенная на I-м Всебелорусском съезде / Предисл. Е. С. Канчера. Пг., 1918. С. 2.

⁵⁹ Канчер Е. С. Белорусский вопрос: Сборник статей. Пг., 1919. С. 71.

⁶⁰ История белорусской государственности. Т. 3. С. 96.

А. И. Криницкий, разгон съезда — «это конечно, можно сказать, было ошибкой, основанной на том, что наша большевистская организация была из людей не местных, не знала местных условий и поэтому с ними не считалась»⁶¹.

Поражение антибольшевистских белорусских политических сил в борьбе за власть, в отличие от Украинской центральной рады, во многом объяснялось

отсутствием у них вооруженной поддержки в лице белорусских национальных формирований, создание которых было заблокировано Облискомзапом и СНК Западной области и фронта. Кроме того, действиями председателя СНК Западной области и фронта К. И. Ландера был сорван план Исполкома Совета I Всебелорусского съезда опереться на воинские части г. Орши⁶².

Белорусская Народная Республика

Разгон съезда, решения которого стали политическим ориентиром в дальнейшем развитии белорусского национально-го движения, имел ряд последствий. Так, 18 декабря 1917 г. на заседании делегатов съезда в помещении железнодорожного депо Либаво-Роменской железной дороги было принято решение признать исполнительным органом съезда Совет съезда, обязанностью которого являлось проведение в жизнь всех решений и постановлений съезда. 21 декабря из числа членов Совета съезда был избран Исполнительный Комитет Совета съезда, которому поручалось заняться белорусизацией Советов и взять власть в Белоруссии в свои руки, когда для этого будут благоприятные условия. Можно сказать, что съезд как выразитель интересов политически активной части белорусского народа имел достаточную в условиях того времени степень легитимности для того, чтобы принимать в той или иной степени обоснованные решения по вопросам, касающимся судьбы Белоруссии. В частности, Исполнительным Комитетом Совета съезда была направлена делегация в со-

ставе А. И. Цвикевича и С. А. Рак-Михайловского на мирные переговоры в Брест, возобновившиеся 17 января 1918 г.

19 января 1918 г. этим Исполкомом была утверждена декларация, которую белорусская делегация должна была представить на обсуждение на мирных переговорах белорусская делегация. В декларации были отмечены полномочия членов мирной делегации: «Съезд поручил своей Раде, а через нее и Исполнительному Комитету, послать на мирные переговоры в Берестье представителей Белой Руси для защиты ее прав при подписании общего демократического мира на основе неделимости Беларуси и неотторжимости ее от Российской Демократической Федеративной Республики»⁶³. Однако советское руководство не допустило участия белорусских представителей в переговорах об условиях мирного договора РСФСР с Германией. По требованию главы советской делегации Л. Д. Троцкого эта белорусская делегация была задержана в Барановичах⁶⁴. 19 февраля 1918 г. в своей декларации Исполком Совета съезда настаивал на «неделимости» Белоруссии и ее «неотторжимости»

⁶¹ НАРБ. ф. 60-п. Оп. 3. Д. 147. Л. 53; История белорусской государственности. Т. 3. С. 95.

⁶² История белорусской государственности. Т. 3. С. 98.

⁶³ Краўцюк М. Рада Беларускай Народнай Рэспублікі. Вільня, 1921. С. 11.

⁶⁴ Там же. С. 12.

от Российской Демократической Федеративной Республики»⁶⁵.

19 февраля 1918 г. в условиях проходившей эвакуации из Минска советских учреждений, их фактического бегства в связи с активным продвижением к городу германских войск, Исполком Центральной белорусской войсковой рады постановил «взять на себя охрану порядка и безопасности в Минске» и во всей Белоруссии и предложил Исполкому Совета I Всебелорусского съезда «исполнить волю съезда и взять власть в свои руки»⁶⁶. 21 февраля 1918 г. Исполком Совета съезда в изданной в этот же день Первой уставной грамоте провозгласил себя временной властью в Белоруссии, которая до созыва всебелорусского Учредительного Сейма должна была осуществляться через созданный Исполкомом Народный секретариат⁶⁷. Председателем Народного секретариата и народным секретарем иностранных дел стал И. Я. Воронко.

Первый отряд германских войск прибыл 22 февраля 1918 г. в Минск по железной дороге. Германское военное командование объявило, что немецкие войска «явились к вам не как враги, а с дружескими целями»⁶⁸. Но объявленные намерения не соответствовали практическим мерам. Так, 25 февраля 1918 г. немецкий комендант выселил Народный секретариат из занимаемого помещения и изъясил кассу: около 300 тыс. рублей, преимущественно думскими билетами. К. Б. Езовитов получил приказ о расформировании 1-го Белорусского полка.

3 марта 1918 г. был подписан Брестский мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией —

с другой. В соответствии с условиями этого договора территория Белоруссии была разделена по линии Двинск—Свенцяны—Лида—Пружаны—Брест. Области, находившиеся западнее указанной линии, выводились из-под юрисдикции России, и она отказывалась от любого вмешательства во внутренние дела этих областей. Подчеркивалось, что Германия и Австро-Венгрия будут определять судьбу этих областей. Территория Белоруссии, занятая немецкими войсками на восток от линии Двинск—Свенцяны—Лида—Пружаны—Брест, считалась временно оккупированной.

Как свидетельствовали условия Брестского мирного договора, германское правительство и правительство Советской России не принимали во внимание интересы белорусов. Белоруссия не получала ничего на восстановление разрушенного во время войны хозяйства, потому что правительства Германии и Советской России взаимно отказались от погашения убытков, причиненных войной населению этих государств. Как отмечал М. Кравцов, «Беларусь была изрезана на куски, без какого-либо согласия на это с ее стороны, безо всякого ее голоса при этом. Хотя большевики откатились далеко на восток от старого фронта германо-русской войны, однако немцы держали и этот старый фронт, как сильный кордон, не давая возможности объединяться ранее оккупированной ими части Беларуси с остальной ее частью на Востоке»⁶⁹.

В качестве протеста против несправедливого мирного договора необходимо рассматривать принятие Исполнительным Комитетом Совета Всебелорусского съезда 9 марта 1918 г. Второй Уставной

⁶⁵ Краўцоў М. Рада Беларускай Народнай Рэспублікі // Спадчына. 1998. № 1. С. 11.

⁶⁶ История белорусской государственности. Т. 3. С. 97.

⁶⁷ Варта. 1918. № 1. С. 36.

⁶⁸ Круталевич В. А. Рождение Белорусской Советской Республики. Минск, 1975. С. 155—156.

⁶⁹ Краўцоў М. Рада Беларускай Народнай Рэспублікі // Спадчына. 1998. № 1. С. 28.

Грамоты, в соответствии с которой Белоруссия была провозглашена Народной Республикой (БНР) в рамках расселения и количественного преобладания белорусского народа.

III Уставная Грамота, провозглашавшая БНР независимым и свободным государством, была принята 25 марта 1918 г. На основании этого акта было заявлено о расторжении всех старых государственных связей, а Народному секретариату поручалось обратиться к заинтересованным сторонам с предложением пересмотра условий Брестского мира⁷⁰.

Провозглашение Белорусской Народной Республики и ее независимости в марте 1918 г. явилось продолжением процесса национально-государственного строительства. Разворачивался этот процесс в условиях оккупации.

Народный секретариат предпринимал активные попытки наладить какое-то конструктивное сотрудничество с германскими оккупационными властями Белоруссии, которые формально, как уже отмечалось, на официальном уровне заявляли, что явились к белорусам «не как враги», а «с дружескими целями», поскольку Германия не могла «оставаться глухой к просьбам о помощи угнетенных народов»⁷¹. В условиях оккупации «прогерманская позиция» Народного секретариата была явно вынужденной, так как от германских властей зависел успех его деятельности как властного органа. Но такая позиция определялась и другой причиной: фатальным убеждением многих белорусских национальных активистов в том, что после пресловутой «царской русификации» и полонизации со-

юзником белорусского национального движения может стать только неславянское государство — Германия.

Однако надежды деятелей БНР на поддержку Германией их планов государственного строительства Белоруссии совершенно не оправдались⁷². Прежде всего, несмотря на предпринятые попытки, в том числе направленную 25 апреля 1918 г. кайзеру Германии Вильгельму II «поздравительную» телеграмму от имени Рады Белорусской Народной Республики с благодарностью за освобождение Белоруссии от «тяжелого чужого гнета насилия и анархии», не удалось добиться официального признания Белоруссии правительством Германии как суверенного и независимого государства. Германия отказалась сделать это, поскольку придерживалась условий Брестского мирного договора, по которому белорусские земли считались частью территории Советской России⁷³. Более того, германские власти в своей оккупационной политике отдавали «приоритет» украинской Центральной раде и их «польским сторонникам». Так, желая поддержать Центральную раду, немцы передали ей белорусское Полесье, образовав так называемую Полесскую губернию. Обсуждался также план передачи Германией Польше белорусских земель Гродненщины и части Минщины в качестве компенсации за отказ поляков от притязаний на Познаньщину.

Правительству БНР не удалось добиться признания независимости Белоруссии не только у Германии, но и США, и Советской России, проигнорировавших его обращения к ним по данному вопросу⁷⁴.

⁷⁰ История белорусской государственности. Т. 3. С. 106—111.

⁷¹ Круталевич В. А. Рождение Белорусской Советской Республики. Минск, 1975. С. 155—156.

⁷² История белорусской государственности. Т. 3. С. 104.

⁷³ Ціхаміраў А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны. Мінск, 2003. С. 33; Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1. Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998. С. 300—301; История белорусской государственности. Т. 3. С. 127—128.

⁷⁴ Ціхаміраў А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны. С. 35.

В условиях германской оккупации белорусских земель деятельность БНР как органа власти могла осуществляться лишь в тех сферах, которые не затрагивали интересов оккупантов. При этом германские власти совершенно не церемонились с деятелями БНР, если те нарушали указанный принцип. Например, 31 мая 1918 г. была разогнана Минская городская дума, осмелившаяся возмутиться массовыми арестами и угоном в Германию белорусского населения⁷⁵.

Тем не менее действовавшие на оккупированной территории Белоруссии структуры БНР и активисты белорусского национального движения за относительно небольшой срок все-таки добились некоторых успехов в осуществлении поставленных задач.

Народный секретариат организовал регистрацию белорусов как граждан БНР. Регистрационные удостоверения, выданные Народным секретариатом, временно заменяли население паспорта и были признаны оккупационными властями. Такие документы выдавались гражданам как для перемещения по оккупированной территории Белоруссии, так и для поездок на Украину и в Россию, а также беженцам, возвращающимся в родные места. Так, удостоверение Народного секретариата БНР за № 1042 было выдано на имя Янки Купалы, в котором отмечалось: «Предъявитель этого, гражданин-белорус Янка Луцевич (белорусский поэт Янка Купала. — *Авт.*) был командирован в место Смоленск в свое время Народным секретариатом Белорусской Народной Республики для сбора коллекций для Белорусской выставки в месте Минске, а также для выяснения, в каком положении находится там его семейство, и возвращения семьи в место Минск, где он имеет постоянное местожительство»⁷⁶.

Летом 1918 г. был выпущен общегражданский паспорт Белорусской Народной Республики с изображением ее государственного герба — «Погоня». При поддержке германских оккупационных властей Народный секретариат оказывал противодействие польским и литовским националистическим организациям в их деятельности по выдаче «удостоверений» местным жителям, в которых те причислялись к польской или литовской национальности.

Германские оккупационные власти после обращений Бобруйского уездного Совета и Народного секретариата 21 мая 1918 г. приняли решение о роспуске Первого Польского корпуса под руководством Ю. Довбор-Мусницкого, который по приглашению от 26 февраля 1918 г. подчинялся командованию 10-й германской армии. Роспуск корпуса спасал местных жителей оккупированных поляками уездов от издевательств и насилия, которые там творили легионеры⁷⁷.

В то же время, в отличие от правительств Украинской Народной Республики и Польши, правительство БНР не получило разрешения от немецких оккупационных властей на создание белорусской армии. Не хватало и финансовых ресурсов, необходимых для государственного строительства. Несмотря на все попытки, правительству БНР не удалось добиться юридического признания независимости Беларуси путем дипломатических переговоров с государствами, имевшими влияние на геополитическую ситуацию того времени.

Необходимо подчеркнуть, что крестьяне надеялись на Народный секретариат как на защитника от чрезмерных реквизиций со стороны оккупационных властей. Свидетельством этого являются обнару-

⁷⁵ Иностранная военная интервенция в Белоруссии. 1917—1920. Минск, 1990. С. 97.

⁷⁶ НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

⁷⁷ История белорусской государственности. Т. 3. С. 111—112.

женные в архивах жалобы на действия оккупационных властей, поступавшие в Народный секретариат от крестьян деревень Минского, Игуменского, Слуцкого, Борисовского уездов Минской губернии, Вилейского уезда Виленской губернии⁷⁸.

Через созданные на местах белорусской интеллигенцией, духовенством и предпринимателями городские и уездные рады Народный секретариат БНР пытался развивать народное образование и культуру. 20 апреля 1918 г. был издан «Временный наказ Белорусским Радам»⁷⁹. В результате усилиями Народного секретариата БНР и белорусскими активистами национального движения в Минске возобновил работу Учительский институт, были созданы Белорусская государственная консерватория, Белорусский народный хор, открыт Белорусский государственный театр, завершена была работа по созданию национального университета⁸⁰.

Особое внимание структурами БНР уделялось развитию белорусского языка и народного образования. Постановлением Народного секретариата с апреля 1918 г. белорусский язык провозглашался государственным и обязательным языком республики. Начался номинальный переход на белорусский язык в документации частных учреждений и хозяйственных предприятий. Национальные меньшинства сохраняли право свободно пользоваться своим языком в официальном общении с государственными учреждениями БНР.

В период номинального существования БНР был издан новый белорусский букварь (грамматика), в зоне немецкой оккупации было открыто, по данным разных авторов, от 89 до 450 белорусских начальных школ⁸¹.

Удалось в общем обосновать территориальные границы БНР как государственного объединения, включающего в себя земли, на которых проживало или имело численное преимущество белорусское население (территория около 300 тыс. км², с населением до 15 млн чел., включая восточные земли современной Польши, г. Вильно, земли Смоленщины, Черниговщины). В сентябре 1918 г. была изготовлена карта Белоруссии на белорусском языке с указанием всех «белорусских земель»⁸².

В то же время научно-теоретическое обоснование границ не гарантировало признания этих границ соседними странами, выдвигающими претензии на белорусскую этническую территорию. Например, руководство БНР вынуждено было «отложить» разрешение «территориального спора» с Украинской Народной Республикой до заключения соответствующего договора между УНР и РСФСР⁸³.

Успехи БНР в области образования и культуры, а также в других сферах деятельности были достигнуты на фоне политики ограбления Белоруссии оккупантами и террора, развязанного ими против белорусского населения⁸⁴. Данный факт снижал их эффект и способствовал потере

⁷⁸ НАРБ. ф. 325. Оп. 1. Д. 35; Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1.

⁷⁹ История белорусской государственности. Т. 3. С. 116.

⁸⁰ Там же. С. 123—124.

⁸¹ Ляховіч У. Школьна адукацыя ў Беларусі надчас нямецкай акупацыі 1915—1918 гг. Беласток, 2010. С. 12; История белорусской государственности. Т. 3. С. 123—124.

⁸² История белорусской государственности. Т. 3. С. 107, 110—111; Мазеу В. Г. Грамадзянства і межы БНР // Беларускі гістарычны зб. Беласток, 2001. № 15. С. 89; Он же. Межы БНР // Спадчына. 1993. № 2. С. 109—111.

⁸³ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1. С. 133.

⁸⁴ См. об этом подробнее: т. 12, кн. 1, ч. II, гл. 6.

авторитета и влияния деятелей БНР среди широких масс белорусского народа.

Попытки институционализации БНР в полноценное государство в течение

1918 г. остались незавершенными. Тем не менее провозглашение БНР стало первым опытом создания белорусской национальной государственности.

Создание Советской Белоруссии

В отличие от лидеров БНР, деятели левого крыла белорусского национального движения после разгона I Всебелорусского съезда рассчитывали построить белорусскую государственность на советской основе при поддержке правительства Советской России. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 31 января 1918 г. при Наркомате по делам национальностей 14 февраля 1918 г. был создан Белорусский народный комиссариат во главе с А. Г. Червяковым.

Именно по инициативе Белнацкома и белорусских секций РКП(б) на Всероссийском съезде беженцев из Белоруссии в Москве (15—21 июля 1918 г.), а также на Первой конференции белорусских советских организаций и партий в Петрограде (23—24 августа 1918 г.) была выдвинута идея организации на белорусских землях Белорусской Советской Республики «в тесном братском единении с Российской Советской Республикой»⁸⁵.

На основании статьи 2 Конституции РСФСР об автономных областных объединениях, входящих «на основе федерации в состав Российской Федеративной Советской Республики»⁸⁶, Белорусский национальный комитет разработал и направил в Народный комитет РСФСР «Проект Указа об образовании Белорусской области». По проекту предусматривалось решить белорусский территориальный вопрос путем создания в эт-

нографических границах «Белорусской области» с правами «самостоятельности в своей экономической и политико-административной жизни». Но против данной идеи выступило руководство Северо-Западного комитета РКП(б) и Облискомзапа, назвав ее «белорусско-республиканской химерой», проявлением сепаратизма и национализма. По этой же причине его не устроило и указанное предложение Белнацкома о создании на белорусских землях «Белорусской области»⁸⁷. До середины декабря 1918 г. подобную позицию занимала и часть центрального большевистского руководства. Вследствие этого после освобождения 10 декабря 1918 г. Минска от немецких оккупантов была образована не Белорусская Советская Республика, а Минский губревком.

Ситуация кардинально изменилась после появления на западных рубежах подконтрольной советской власти территории польской угрозы. Расчет большевиков на то, что в Польше после ухода германских войск польская национальная буржуазия под натиском рабочих и крестьян потеряет власть, не оправдался. Вместо этого началась экспансия Польши на восточные земли Белоруссии и Литвы. Чтобы остановить ее и возникла идея «санитарного кордона» в виде советских республик Белоруссии и Литвы. Для ее осуществления имелись и политические силы в лице просоветских белорусских

⁸⁵ Протоколы, постановления и материалы Всероссийского съезда беженцев из Белоруссии в Москве 15—21 июля 1918 года. М., 1918. С. 50.

⁸⁶ История Советской Конституции. 1917—1957. М., 1957. С. 245.

⁸⁷ История белорусской государственности. Т. 3. С. 141—144, 147.

и литовских национальных организаций, уже давно выступавших с данной идеей. Уполномоченный ЦК РКП(б) А. А. Иоффе заявил 22 января 1919 г. на заседании Центрального бюро КП(б) Белоруссии, что создание Белорусской и Литовской республик обусловлено «желанием [...] избежать непосредственного воздействия империализма на Россию», «создать между ним и нами ряд республик-буферов»⁸⁸.

Механизм создания Белорусской Советской Республики был выработан в последних числах декабря 1918 г. на конференции белорусских секций РКП(б) в Москве (21—23 декабря), заседании ЦК РКП(б) (24 декабря) и во время встреч наркомна РСФСР И. В. Сталина с представителями Белнацкома (25 и 27 декабря). Было решено на территории пяти губерний (Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Смоленской), населенных преимущественно белорусами, образовать Социалистическую Советскую Республику Белоруссия на правах областной автономии РСФСР, чтобы, по меткому выражению секретаря Северо-Западного обкома РКП(б) А. Ф. Мясникова, закрыть в Западной области «тот проход, куда устремляются на Советскую Россию силы черного интернационала»⁸⁹.

30 декабря 1918 г. VI Северо-Западная конференция РКП(б), объявившая себя I съездом Коммунистической партии большевиков Белоруссии, приняла резолюцию о создании Белорусской Советской Республики с территорией, ранее утвержденной ЦК РКП(б). Председателем первого советского правительства Белоруссии («Времен-

ного рабоче-крестьянского») стал Д. Ф. Жилунович⁹⁰. В принятом 1 января 1919 г. Манифесте правительства провозглашалась власть Советов, отменялись все законы германских оккупантов и БНР, объявлялись народным достоянием земли помещиков, монастырей и духовенства, фабрики, заводы, банки, железные дороги, пути сообщения, средства связи, устанавливался 8-часовой рабочий день, заявлялось о действии на территории Социалистической Советской Республики Белоруссия (ССРБ) декретов РСФСР⁹¹. В связи с образованием ССРБ 3 января 1919 г. Облискомзап принял постановление о самороспуске.

Большинство белорусских национальных демократических партий и сторонники БНР не признали ССРБ, рассматривая Советскую Белорусскую Республику, как нечто незаконное и привнесенное извне.

Для подобных оценок имелись основания. Во второй половине января 1919 г., вопреки мнению руководства ССРБ, исходя из соображений чисто экономического характера (более эффективной организации подразверстки), ЦК РКП(б) принял решение о выделении из ССРБ Витебской, Смоленской и Могилевской губерний, оставив в ее составе Минскую и Гродненскую⁹².

Следующим шагом в данном направлении стало решение центрального большевистского руководства об объединении ССРБ с Советской Республикой Литвы в Литовско-Белорусскую Советскую Республику (ЛитБел), при вынесении которого было также проигнорировано мнение лидеров ССРБ (Д. Ф. Жилуновича, А. Ф. Мясникова)⁹³. Решение о создании

⁸⁸ Цит. по: *Ненароков А. П.* Регионализм — федерализм — сепаратизм // *Межнациональные отношения в России и СНГ: Семинар Московского центра Карнеги*. Вып. 2. М., 1995. С. 139.

⁸⁹ *Маргунский С. П.* Создание и упрочение белорусской государственности. 1917—1922. М., 1958. С. 148; *Иностранная военная интервенция в Белоруссии. 1917—1920*. С. 177.

⁹⁰ *История белорусской государственности*. Т. 3. С. 152.

⁹¹ *Иностранная военная интервенция в Белоруссии. 1917—1920*. С. 177, 209.

⁹² *История белорусской государственности*. Т. 3. С. 161—164.

⁹³ Октябрь 1917 г. и судьбы политической оппозиции. Гомель, 1993. Ч. 1. С. 135—136; *История белорусской государственности*. Т. 3. С. 166, 172.

ЛитБел стало ответной мерой на еще большую активизацию экспансионистских устремлений Польши, которая начала реализацию плана по захвату белорусско-литовских земель, ранее входивших в состав Речи Посполитой. Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика со столицей в г. Вильно была провозглашена на I Всебелорусском съезде Советов (2—3 февраля 1919 г.) и I съезде Советов Литвы (18—20 февраля 1919 г.)⁹⁴. От участия в управлении ЛитБел был отстранен лидер ССРБ Д. Ф. Жилунович, обвиненный в национализме. Все руководители ЛитБел были назначены на свои должности после утверждения их кандидатур в ЦК РКП(б), либо с санкции представителя ЦК РКП(б) в Белоруссии и Литве А. А. Иоффе. Поэтому ЛитБел, так же, как и ранее ССРБ, не являлась самостоятельным полноценным государством, так как его деятельность полностью контролировалась руководством РСФСР.

Несмотря на предпринятые ЛитБел и центральным советским правительством попытки, остановить наступление польской армии в Белоруссии и Литве не удалось⁹⁵. В августе 1919 г. советские войска потерпели поражение. В этой ситуации Литовско-Белорусская ССР прекратила свое существование, хотя юридических документов о ее ликвидации советской властью издано не было⁹⁶. Большая часть белорусских земель оказалась захвачена войсками Польской Республики.

После их освобождения в ходе польско-советской войны Декларацией от 31 июля 1920 г. на освобожденных белорусских землях была восстановле-

на ССРБ в ее прежнем статусе. Правда, руководство новой республики не внушало доверия центру. Как считал начальник политуправления Западного фронта С. С. Пестковский, ее ЦИК включал бардитов и савинковских агентов, а Наркомвнешторг пытался, не дожидаясь заключения торгового договора РСФСР с Польшей, действовать самостоятельно, заключая с польскими фирмами полулегальные сделки⁹⁷.

Главной проблемой для вновь восстановленной Белорусской Советской Республики стал вопрос о границе с Польшей и общей территории республики. Участвовавшие в антипольском освободительном движении в качестве союзников коммунистов белорусские эсеры отказались подписать Декларацию о провозглашении независимости ССРБ, поскольку в ней не были зафиксированы границы Белоруссии. Представители белорусских партий в созданной для выработки Декларации комиссии настаивали на принципе этнического самоопределения при установлении границ ССРБ, что означало возвращение в состав Белоруссии переданных РСФСР в январе 1919 г. территорий (Могилевской, Витебской губерний и др.). Коммунисты выступили против, сославшись на то, что в указанных губерниях «жили русские люди»⁹⁸. На этом дискуссия закончилась. Восточные этнические белорусские земли остались в составе РСФСР. 16 января 1921 г. в Москве был подписан Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и ССРБ, в котором декларировались ее независимость и суверенитет, а также стремление к объеди-

⁹⁴ История белорусской государственности. Т. 3. С. 182—184; Образование СССР: Сборник документов. М.; Л., 1949. С. 118, 120—121.

⁹⁵ См. об этом подробнее: т. 12, кн. 1, ч. III, гл. 4.

⁹⁶ Крутаевич В. А. История Беларуси: Становление национальной державности. 3-е изд. Минск, 2003. С. 221—231.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5624. Л. 1—5.

⁹⁸ Бюллетень заграничной группы Белорусской партии социалистов-революционеров. 1926. № 5. С. 14—15.

нению всех сил в целях защиты и общей хозяйственной деятельности⁹⁹.

Вопрос о границе ССРБ с Польшей был решен в результате советско-украинско-польских переговоров, завершившихся подписанием Рижского мирного договора 18 марта 1921 г. Представители ССРБ не участвовали в переговорах, передав свой мандат делегации РСФСР. На ход советско-польских переговоров пытались влиять деятели бывшей БНР, выступавшие за сохранение территориальной целостности исконно белорусских земель. Они требовали от польского пра-

вительства признания БНР, высказывали намерение начать прямые переговоры непосредственно с РСФСР и ССРБ. Но всех их попытки не увенчались успехом¹⁰⁰.

По Рижскому мирному договору Польша признала независимость и государственный суверенитет ССРБ. Но при этом к ней отошла почти половина этнической территории Белоруссии — 98 815 км² с населением 3 171 627 человек. После второго провозглашения ССРБ территория республики состояла всего-навсего из шести уездов бывшей Минской губернии, площадью 52,4 км² с населением 1 544 000 человек¹⁰¹.

⁹⁹ Известия ВЦИК. 1921. 6 апр.

¹⁰⁰ История белорусской государственности. Т. 3. С. 209—212, 221, 227; Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998. Кн. 1. С. 879—895; *Краўцоў М.* Рада Беларускай Народнай Рэспублікі // Спадчына. 1998. № 1. С. 122—123.

¹⁰¹ История белорусской государственности. Т. 3. С. 247—248.

Часть IX

ЦЕРКОВЬ, РЕЛИГИИ,
КОНФЕССИИ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Изменение статуса РПЦ в Советской России

В начале XX в. в России действовали 48375 православных храмов, где служили (включая низший клир) 103437 чел., и 475 мужских и женских монастырей с 20199 насельниками¹. После Февральской революции духовенство продолжало сохранять черты сословия, хотя под воздействием быстро меняющихся событий наблюдалось движение контингента: одни — снимали сан, другие стремились его обрести. При наличии вакансий в состав сословия попадали псаломщики и дьяконы по результатам специального экзамена². Несмотря на преследование духовенства, священниками становились бывшие учителя и адвокаты, офицеры и мелкие чиновники³. Отмечалось формирование узкой, но заметной прослойки «лжебратии» — различного рода интриганов и авантюристов, лиц, ранее отстраненных от служения, которые, используя «действенные» обвинения, пытались получить приговоры приходских общин и прогнать с мест «законных» настоятелей⁴. «Церковные анархисты совершенно потеряли совесть,

честь, стыд и свой сан», — отмечал в частной переписке тверской архиепископ Серафим (Чичагов)⁵.

Приход к власти большевиков и последующая Гражданская война не просто изменили положение и статус Русской православной церкви (РПЦ), но поставили ее на грань выживания. Разделение православного мира на красных и белых, территориальный распад страны угрожали РПЦ потерей канонического иерархического управления. Гонения духовенства и закрытия храмов, антирелигиозная пропаганда советской власти вызывали смятение среди верующих и священнослужителей, подрывали имперски-сакральную вертикаль, веками скреплявшую Россию и ее население. В условиях становления «нового мира» перед советским государством и православной церковью стояла, в сущности, одна задача — приспособление к складывающимся обстоятельствам. Но ее решение по мере нарастания гражданского противостояния разводило их на противоположные позиции.

¹ Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг. СПб., 1910. С. 71, 100. Прилож. С. 5, 7, 9.

² ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 60; Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1456. Л. 13—14.

³ Дамаскин (Орловский), иг. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2002. С. 60, 113, 132, 140, 153, 236, 244.

⁴ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 15—16, 1 (14 мая). С. 530.

⁵ ГАТО. Ф. Р-199. Оп. 2. Д. 392. Л. 35 об.

Конституция 1918 г. лишила священников и монашествующих права голоса как «нетрудящихся элементов», что запускало цепную реакцию распада привычных мировоззренческих взаимосвязей. Постановление Наркомата юстиции от 24 августа 1918 г.⁶ лишало белое духовенство статуса «первого лица» в приходе: для «отправления культа» вводилась система приходских «двадцаток» («местных жителей соответствующей религии» численностью не менее 20), получавших право взять в аренду от местных Советов «культовое имущество» и «молитвенные помещения». Надзор за той частью их деятельности, которая «выходила за пределы религиозного культа», возлагался на местные парторганизации. Духовная жизнь оказывалась под жестким контролем советской власти, которая стремилась вырвать верующих из лона «одряхлевшей» церкви и освободить их «от пут религии»⁷.

К началу Гражданской войны в структуре РПЦ произошли существенные перемены. На месте прежней епархиально-приходской системы возникли исполнительные епархиальные комитеты из числа духовенства и мирян, созывались епархиальные съезды, смешавшие прежнее руководство и вводившие выборы духовенства⁸. 15 августа 1917 г. после двухсотлетнего перерыва открылся Всероссийский Поместный собор РПЦ, в ходе первых же заседаний на повестке дня оказался вопрос восстановления патриаршества. Победа большевиков заставила поспешить с выборами патриарха. Из трех претендентов избрали главу Московской епархии Тихона (Беллавина). По ироничному наблюдению современника, «из трех кандидатов в патриархи

самым умным был архиепископ Антоний; самым строгим — архиепископ Арсений; самым добрым — митрополит Тихон. Избрали самого доброго в самое жестокое время». Однако, согласно другому мнению, Тихон «удивительно прозорливо смог уже тогда, в первые месяцы большевистского произвола, обозначить все важнейшие проблемы, как в церковной, так и в государственной жизни»⁹.

На Соборе обсуждалась принципиально новая схема административно-территориального управления церковью. Сообразно количеству губерний (епархий), планировалось ввести митрополии, уезды наделить статусом епархий и тем самым сблизить епископат с приходами. Уже в декабре 1917 г. Собор, по словам современного автора, выработал «новую концепцию государственного-церковных отношений, предлагая, наряду со строительством безусловно демократического государства, сохранить некоторые элементы “государственной религиозности”, характерные для дореволюционной России»¹⁰. Ряд постановлений был нацелен на оптимизацию управления с учетом установившейся *de facto* выборности настоятелей приходов. Предполагалось сохранить участие церкви и в образовательном процессе.

Между тем с мест стали приходить тревожные известия о начавшихся гонениях на священников, и 2 декабря 1917 г. «соборяне» приняли определение «О правовом положении Православной Российской церкви». Этот документ отражал иллюзии относительно возможного правового статуса и материального обеспечения духовенства в атеистическом государстве¹¹. Церковным теоретикам большевистская власть

⁶ Конфессиональная политика советского государства. 1917—1991 гг.: Документы и материалы: В 6 т. Т. 1. Кн. 3. М., 2018. С. 36—42.

⁷ Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 271. Л. 2. (Далее: ТЦДНИ.)

⁸ *Кашигаров А. Н.* Православная Российская церковь и советское государство (1917—1922). М., 2005. С. 70.

⁹ *Митрофанов Г., прот.* История Русской православной церкви. 1900—1927. СПб., 2002. С. 112, 133—134.

¹⁰ *Солдатов А.* После 1917 года // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 127.

¹¹ *Кашигаров А. Н.* Православная Российская церковь и советское государство (1917—1922). С. 82—85.

казалась слабой и неспособной обеспечить создание нового государственного строя и потому решения принимались на перспективу¹².

Действительно, в октябре—ноябре 1917 г., в период поиска форм взаимодействия советской власти и церкви, закона, регламентирующего новую вероисповедную политику, не было, как не было единства и в руководстве РКП(б) по этому вопросу. Практики «безбожия» осуществлялись «на ощупь» с помощью текущих постановлений правительства и партийных директив в рамках внутриведомственных мероприятий. Большевики создавали бюрократическую машину, которой предстояло совершенствоваться на ходу, перерабатывая, в частности, и такой раздражающий их «пережиток прошлого», как религия. Кроме того, отношение большевиков к церкви и вере корректировалось целым рядом разнородных обстоятельств: внутрицерковными противоречиями, «расцерковлением» части населения, надеждами на постепенную секуляризацию представителей духовного сословия. На первых порах «периферийные лидеры» советской власти получили возможность «по-своему» решать «церковный вопрос». В результате заработал механизм борьбы с церковью советской власти, основанный на антиклерикальном насилии и атеизме большевиков.

С декабря 1917 г. стали появляться декреты Совета Народных Комиссаров, из содержания которых следовало, что советская власть нацелена на вытеснение церкви из всех сфер ее традиционной дея-

тельности. Декрет «О земельных комитетах» от 4 декабря в числе прочего предполагал национализацию всех церковных земель¹³. 11 декабря 1917 г. последовало постановление Наркомпроса о передаче в его ведение «дела образования и воспитания» всех образовательных церковных учреждений¹⁴. В светских учебных заведениях упразднялись должности законоучителей любых исповеданий; тем самым удар наносился и по религиозному образованию.

Декрет о гражданском браке от 18 декабря 1917 г. вводил вместо церковных браков гражданскую регистрацию, венчание сохранялось как частная практика¹⁵. Однако оказалось, что разделить полномочия в сфере семейно-брачных отношений не так-то просто, и интересы сторонников новой власти и духовенства столкнулись не менее остро, чем на идейно-политической почве. Не спеша отказываться от «монополии на таинство», влияния на семью, а вместе с тем и от привычных доходов, духовенство допускало, что церковный брак может предваряться «предварительной записью в гражданских книгах»¹⁶. Большевики не желали с этим считаться. В результате воцарилась неопределенность — брачующимся и разводящимся приходилось самим выбирать форму регистрации. Случались курьезные ситуации, когда даже «твердые» партийцы, добившись светского развода, тут же требовали венчания. Воспользовались этим декретом и представители духовенства. Например, священник из Олонецкой губернии обращался к В. И. Ленину

¹² Михайлова (Леонтьева) Т. Г. К вопросу о природе и масштабах большевистских гонений против Русской Православной церкви в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: События, мнения, оценки. М., 2002. С. 480—495; Кашиеваров А. Н. Православная Российская церковь и Советское государство (1917—1922). С. 81.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. М., 1942. С. 17—19.

¹⁴ Леонтьева Т. Г. Православные Российской империи на фронте и в тылу (1914—1917 гг.) // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. История. 2015. № 1. С. 53—54.

¹⁵ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 247—249.

¹⁶ ТЕВ. 1918. № 5—8, 1—28 февр. С. 11.

с просьбой разрешить ему вступить во второй брак¹⁷. Таким образом, институт брака лишался сакральной основы¹⁸.

20 января 1918 г. последовал декрет Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», известный как декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви¹⁹. Его содержание, не согласованное с мнением «соборян», оказалось намного радикальнее прежних проектов церковно-государственных преобразований²⁰. Это свидетельствовало о бескомпромиссности советской власти по отношению к религии и церкви. Декрет лишал церковь прав юридического лица, запрещал владение любым имуществом и денежными средствами, ставил вне закона открытие ею каких-либо учебных заведений, кроме предназначенных для подготовки священнослужителей, запрещал преподавание Закона Божьего во всех школах, включая воскресные. Прекратили деятельность синодальные типографии²¹. Теперь все имущество, включая храмы, считалось находящимся в безвозмездном арендном пользовании у групп мирян.

Современники называли декрет грабительским и противонародным²². Его реализация лишала рядовых служителей культа материальной поддержки со стороны прихожан, втянутых в стихию перераспределения доходов и имущества по «трудовым» нормам.

Вместе с тем декрет содержал в себе и демагогический компонент, весьма характерный для того времени. Большевистская пропаганда пыталась внушить верующим, что ленинские декреты не «антицерковны» и представляют собой лишь защитную реакцию власти на «войну, развязанную патриархом и реакционным духовенством»²³. Следует признать, что таким образом власть выправляла «перекосы» имперской религиозной политики: мусульмане, иудеи, католики, протестанты и даже некоторые секты получали определенные привилегии. Представители неправославных конфессий приветствовали программу отделения церкви от государства. Тем самым советская власть стремилась заручиться нейтралитетом со стороны «иноконфессиональных» граждан²⁴.

В дальнейшем содержание декрета конкретизировалось и закреплялось в ряде советских и партийных документов: Конституции РСФСР (июль 1918 г.), Программе РКП(б), принятой на VIII съезде в марте 1919 г. По обоснованной оценке М. И. Одицова, «через реализацию декрета об отделении церкви от государства в основном была решена задача замены старого конфессионального государства светским. Эта позиция была принята обществом, т.е. верующими и неверующими, а также рядом церквей»²⁵.

Православная элита и рядовые верующие пытались доказать советской власти

¹⁷ *Рогозский П. Г.* К вопросу о проведении в жизнь Декрета об отделении церкви от государства // Межвузовская науч. конф. «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии»: Сб. докладов. СПб., 2012. С. 151—152.

¹⁸ *Михайлова (Леонтьева) Т. Г.* К вопросу о природе и масштабах большевистских гонений против Русской Православной церкви в годы Гражданской войны. С. 500—502.

¹⁹ Декреты Советской власти. Т. I. С. 371—374.

²⁰ *Митрофанов Г., прот.* История Русской православной церкви. 1900—1927. СПб., 2002. С. 126—133.

²¹ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 17—18. С. 579—580.

²² Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб., 2014. С. 760.

²³ *Фирсов С. Л.* Власть и огонь: Церковь и советское государство: 1918 — начало 1940-х гг. М., 2014. С. 49—50.

²⁴ *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX век. М., 1995. С. 60.

²⁵ *Одицов М. И.* Светское государство в советскую эпоху. 1920—1950-е гг.: Основные концептуальные и правовые принципы государственной вероисповедной политики // Конфессиональная политика Советского государства в 1920—1950-е гг. М., 2019. С. 71.

абсурдность принимаемых ею решений. С этой целью, например, в Пензе 2 февраля 1918 г. состоялся многотысячный крестный ход верующих²⁶, откликнувшихся на послание святейшего патриарха Тихона от 19 января, призвавшего встать на защиту «оскорбляемой и угнетаемой» церкви Христовой, используя не силу «смертоносного оружия», а «а силу веры»²⁷. В церковной прессе отмечалось, что за время революции «никогда так не были переполнены церкви, как после советских декретов»²⁸. В марте 1918 г. протестовать против декрета в СНК отправилась делегация соборян во главе с А.Д. Самариним. Но позиция советской власти оставалась бескомпромиссной: об отмене декрета не могло быть и речи²⁹. Однако в мае 1918 г. заговорили о создании межконфессиональной комиссии по его доработке, но ожидаемая «демократизация» декрета так и не состоялась³⁰.

Одновременно в феврале—марте 1918 г. начинается реализация Определения Поместного собора «Об епархиальном управлении», согласно которому органы местно-

го управления — духовные консистории — передавали свои функции епархиальным советам³¹. Местные органы советской власти немедленно начали слом «церковной машины». Так, в Твери комиссар исповедного отдела губернского исполкома издал распоряжение об упразднении тверской духовной консистории и заодно — Архиерейского дома. Архиепископу Серафиму (Чичагову) оставалось только уведомить руководство епархиального совета о переходе служащих консистории в штат канцелярии совета³². К лету того же года комиссар добился отстранения от должности властного авторитетного архиепископа, возбуждения уголовного дела против него и переизбрания епархиального совета³³. Столь откровенное вмешательство гражданской власти в церковные дела вызвали недовольство даже в Наркомате юстиции, и обвинения владыки Серафима (Чичагова) в неподчинении советской власти были признаны обоснованными. Однако тенденция наступления на церковь на низовом уровне становилась очевидной.

Положение РПЦ и священнослужителей в Советской России

Летом 1918 г. по стране прокатилась волна арестов священников, что было связано с реакцией большевиков на левозерское выступление. Как правило, через две—три недели по прошениям прихожан арестованных отпускали. Но с началом

«красного террора» положение изменилось. Делами «контрреволюционеров в рясах» начинают заниматься ревтрибуналы, предъявляя обвинения в антисоветской пропаганде³⁴. К примеру, только в Смоленской губернии ревтрибунал 50—60% рассмо-

²⁶ Священномученик Иоанн (Поммер): Пензенский период служения (1918—1921): В 2 кн. Кн. 1. Пенза, 2018. С. 36—44.

²⁷ Богословский Вестник. Сергиев Посад, 1918. Т. 1: Январь—февраль. С. 74—76.

²⁸ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9—10. С. 366.

²⁹ Власть народа: Газета демократическая и социалистическая. 1918. № 45, 28 (15) марта.

³⁰ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). М., 1999. С. 37.

³¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917—1918 гг. М., 1994. Вып. 1. С. 25—28.

³² ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 1, 61.

³³ Там же. Л. 13—14, 36—38.

³⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22446. Л. 1—2; Д. 22449. Л. 2; Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 115, 546; ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 36 об.; Д. 55. Л. 118.

тренных дел квалифицировал как контрреволюционные³⁵.

«Соборяне» решительно осуждали гонения на церковь. В результате на долю Поместного собора выпала та же участь, что и Учредительного собрания — 8 сентября 1918 г. этот «штаб церковной контрреволюции» вынужденно прекратил работу. Полномочия его членов истекали, а в условиях Гражданской войны новые выборы были невозможны. Конституция 1918 г. лишила приходское и монашеское духовенство избирательных прав. Тем самым конструктивный диалог между церковью и новой властью оказался исчерпан.

Первый постреволюционный год зафиксировал тенденцию снижения авторитета духовенства как «духовного» руководителя народа. Приходское духовенство не только не могло указать нравственные ориентиры деморализованному войной и революцией народу, но и обнаружило собственную дезориентированность. Тяготы военного времени провоцировали нескончаемый разлад внутри причтов из-за доходов и политических разногласий³⁶. Усугублял конфликтность в церковной среде и тот факт, что к началу XX в. существенно изменился социальный состав духовенства, и служение церкви «стало привилегией для детей церковных причетников, зажиточных крестьян и мещан», поскольку дети приходского духовенства предпочитали светские учебные заведения и профессии. В связи

с этим и епископат пополнялся «представителями преимущественно мало тронутого культурой русского простонародья»³⁷.

Своеобразным проявлением расцерковления прежних «учителей жизни» стал феномен «красных попов»³⁸. Отдельные служители церкви демонстративно отрекались от сана, призывали к поддержке большевиков и вступали в партию³⁹. Еще в марте 1917 г. Поместным Собором была создана комиссия для рассмотрения дел «о большевистствующих клириках», чтобы подвергнуть их «соответствующему наказанию, а в апреле 1918 г. принято Определение «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни»⁴⁰, явно свидетельствующее о расколе православного духовенства по политическому признаку. Кризисная ситуация внутри сословия характеризовалась размытостью интересов, сложным осмыслением происходящего: положение казалось шатким, будущее — неопределенным. Обстоятельства подталкивали нестойких духом священников к расцерковлению. На эту тему типично высказывание одного из расстриг: «уж очень много неприятностей и в будущем хорошего ничего не предвидится»⁴¹.

Одним из первых и получивших широкую известность примеров стало снятие сана и переход на службу к большевикам в Наркомат юстиции священника Михаила Галкина, по мнению исследователя истории РПЦ П. Г. Рогозного, — «одного

³⁵ Каиль М. В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: Государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы. М., 2010. С. 126.

³⁶ См.: Леонтьева Т. Г. Православные подданные и большевистская революция: Особенности адаптации к «новому миру» в годы Гражданской войны. С. 502—504.

³⁷ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. С. 871.

³⁸ *Peris D. Commissars in Red Cossacks: Former Priests in the League of the Militant Godless // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No. 2; Roslof E. The Heresy of «Bolshevik» Christianity: Orthodox Rejection of Religious Reform during NEP // Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 3.*

³⁹ Памятник борцам революции, погибшим в 1917—1922 гг. Л., 1925. С. 220; Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: Опыт реконструкции. М., 2011. С. 409; Платонова Н. Н. Дневник (1889—1921). Рязань, 2020. С. 361.

⁴⁰ Рогозный П. Г. Генезис термина «большевизм» в церковной среде: К изучению языка Российской революции // Источник. Историк. История. СПб., 2002. Вып. 2. С. 294, 296.

⁴¹ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 811. Л. 1.

из самых лютых атеистов в отечественной истории»⁴². Прецедент Галкина повторился в ряде губерний, где нашлись служители культа, поменявшие православие на большевизм. Священник Андрей Горохов (Пермская епархия) в 1918 г. в открытом письме провозгласил: «Да здравствует Советская власть! Да здравствуют коммунисты!»⁴³. Случай не единичный — в годовщину революции публично отреклись от Бога и стали коммунистами еще несколько священников той же епархии⁴⁴.

Иные батюшки, используя искусство церковной проповеди, не только заставляли слушателей «рыдать и клясться быть всегда защитниками Совдепа», но и личным примером увлекали крестьян в ряды Красной гвардии⁴⁵. В Томской губернии против Колчака сражался партизанский отряд, возглавляемый священником Никольским⁴⁶. Похожие явления зафиксированы на Алтае⁴⁷, в Омской губернии⁴⁸. В Тверской губернии священник из прихода Весьегонского района открыто агитировал против советской власти, распространял воззвания патриарха, хранил у себя оружие⁴⁹. К очередной годовщине Октябрьской революции дьякон Носов, пожелав стать «честным гражданином РСФСР», провозгласил: «Долой [...] попов! Да здравствует диктатура

пролетариата!»⁵⁰. Известия о публичном ренегатстве большевистская пропаганда охотно тиражировала в прессе.

Изменяя, порой неоднократно, политическую ориентацию, вчерашние пастыри то выдвигали планы создания «красной церкви» на основе «коммунистического христианства»⁵¹, то навсегда оставляли церковную службу⁵², вступали в РКП(б) и помогали устанавливать советскую власть.

Впрочем, в рядах красных иные священники оказывались поневоле в ходе различных мобилизаций и по личным мотивам⁵³. Например, иногда некоторые из них с целью обеспечения средств к существованию шли на работу в советские учреждения, на службу в милицию, волостные и уездные исполкомы. Бывало, что занятые бывшими священнослужителями мелкие канцелярские должности порождали у них чувство превосходства над гонимыми вчерашними собратьями, вплоть до фактов откровенных издевательств над ними. Например, бывший дьякон одного из приходов Тверской губернии, сменивший рясу на красноармейскую форму, третировал своего бывшего «начальника», ругался матом в церкви, потешался над святыми мощами. По словам наблюдателей, из-за «нравственного угнетения» со стороны обольшевичившихся клириков «жизнь

⁴² *Рогозный П. Г.* Духовенство против церкви в 1917—1918 гг.: («Церковный большевизм» и церковные большевики) // *Эпоха войн и революций. 1914—1922*. СПб., 2017. С. 386.

⁴³ Известия Пермского губернского исполкома. 1918. 19 окт.

⁴⁴ См.: *Вяткин В. В.* Церковь на Урале и вооруженные силы России в XIX — начале XX века // *Вестник Пермского ун-та. Вып. 7 (23)*. 2003. С. 80; *Агафонов П. Н.* Духовенство Пермской епархии в годы Гражданской войны // URL: <https://www.permgasp.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-voyna-na-vostoke-rossii/pn-agaonov-duhovenstvo-permskoj-eparhii-v-gody-grazhdanskoj-voyny.html>

⁴⁵ Цит. по: *Партизанское движение в Сибири*. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 105; *Северная Коммуна*. 1918. 28 июня. С. 5; *Сивков В. Ф.* В армейском тылу. Разгром Колчака. М., 1969. С. 195—196; *Сибирская жизнь*. 1919. 26 апр.

⁴⁶ Известия Петроградского совета. 1919. 9 окт.

⁴⁷ См.: *Егоров Г.* Солоня ты, земля. Барнаул, 1963.

⁴⁸ *Ступаков М. И.* За правое дело: Воспоминания. Новосибирск, 1977. С. 116—117.

⁴⁹ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 36 об.

⁵⁰ *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви. 1917—1990. М., 1994. С. 71.

⁵¹ *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917—1922. Пермь, 2004. С. 258.

⁵² НАРК. Ф. Р-2961. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 90, 130.

⁵³ *Дамаскин (Орловский), иг.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2002. С. 216.

священника превратилась в мученический подвиг»⁵⁴.

В годы Гражданской войны остро напомнила о себе еще одна застарелая болевая точка церковной жизни — соотношение прав монашеского и приходского духовенства. Монашествующие, некогда имевшие привилегии, теперь сами потребовали наделить всех равными правами со священниками — в первую очередь применительно к возможности приходского богослужения. В роли инициаторов борьбы за равноправие выступили насельники тверских монастырей, за ними последовали петроградские⁵⁵. Регулярное служение гарантировало хоть какой-то доход.

Монастыри переживали трудности: губернские власти, лишив обители источников существования, требовали платы за землю и здания, донимали чрезвычайными налогами и поборами (например, на содержание милиции), штрафами⁵⁶.

В монастыри проникала «мирская зараза», в результате братия, нередко, по информации Святейшего Синода, превращалась в «сборище людей, чуждых культуре, живущих интересами желудка, зачастую эксплуатировавших веру простого народа»⁵⁷. Примечательно, что подобные «нестроения» замечали прихожане. Они апеллировали к власти, пытаясь скорректировать поведение духовных наставников: «Я скорблю о церкви и религии, последняя стала падать не от молящихся, а от служителей алтаря»; «дайте нам другого священ-

ника [...]». Тогда мы действительно осуществим социализм» — утверждали верующие из Тверской губернии⁵⁸.

Наступление на монастыри советской власти началось с первых месяцев 1918 г. Было закрыто более двух десятков обителей, появились первые жертвы даже в женских монастырях⁵⁹. Монахам вменялось не только «одурманивание народа» и праздный образ жизни, но и неподобающее монашескому чину поведение. Один из случаев на эту тему, известный как бунт монахов против церковных властей, попал в прессу и вызвал всеобщее возмущение⁶⁰. Во второй половине 1918 г. было закрыто большинство монастырей в Олонецкой, Вятской, Костромской губерниях⁶¹. В конце года в Калужской губернии приняли решение закрыть все монастыри и выселить 4 тыс. монахов⁶². Пик ликвидации «черных гнезд» пришелся на 1919 г. Начались выселения монахов курских, тамбовских, московских монастырей, отмечалось массовое бегство монахов из воронежских, новгородских, ярославских обителей. С мест сообщали, что монахини покидают монастыри, причем некоторые выходят замуж, а бывшие послушники поступают в Красную армию, другие разъезжаются по деревням и занимаются сельским хозяйством⁶³. В Тверской губернии, как и в Тульской, решение губисполкома о закрытии монастырей последовало только в 1920 г.⁶⁴ Основанием обычно становились слухи о «нетрудовой» жизни насельников, помноженные на известного рода подозри-

⁵⁴ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 658. Л. 4—5; Д. 649. Л. 1—11; Д. 794. Л. 26 об.

⁵⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22403. Л. 1—2.

⁵⁶ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 22432.

⁵⁷ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. С. 875—876.

⁵⁸ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 370. Л. 4; Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 115. Л. 3.

⁵⁹ Платонова Н. Н. Дневник (1889—1921). Рязань, 2020. С. 343.

⁶⁰ Rogoznyy P. G. Духовенство против церкви в 1917—1918 гг. («Церковный большевизм» и церковные большевики). С. 375—376.

⁶¹ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 55.

⁶² Кашеваров А. Н. К вопросу о судьбе православных монастырей в первые годы Советской власти // Нестор. 2000. № 1. С. 340.

⁶³ Революция и церковь. 1919. № 1. С. 27.

⁶⁴ Козлов В. Судьбы мощей русских святых // Отечество: Краеведческий альманах. Вып. 2. М., 1991. С. 148.

тельность. Соответствующие настроения все глубже укоренялись в обществе, оказывая деморализующее влияние на одних и побуждая к активному противодействию других. К 1921 г. в РСФСР было закрыто более половины всех существовавших монастырей⁶⁵.

С 1919 г. большевики развернули широкую антирелигиозную пропаганду. В Программе, принятой на VIII съезде РКП(б), отмечалось, что партия не ограничится «декретированным уже отделением церкви от государства» и намерена проводить «планомерную научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду»⁶⁶. Несмотря на революционные потрясения, разруху и Гражданскую войну, из государственных средств советским правительством щедро финансировались издания антирелигиозных русскоязычных книг и брошюр⁶⁷, но с высоких трибун настоятельно рекомендовалось «заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих» во избежание проявлений «религиозного фанатизма»⁶⁸. Подобная демагогия не находила отклика на местах, где всерьез намеревались вытеснить церковь из пространства «новой жизни». Не случайно в провинции циркулировали слухи, что «...коммунисты продались и продали церковь и нарочно издеваются над народом»⁶⁹.

С «религиозным дурманом» боролись не одни большевики. В схватке за «души трудящихся» не менее активно вели себя анархисты, синдикалисты-коммунисты, левые эсеры. В их прессе «сосуны-черноризники», наряду с «ожиревшей от безделья буржуазией», обвинялись в преступной

социальной безответственности: «вместо того, чтобы в настоящую критическую минуту голода помочь рабочим практически жизненными советами [...] трезвонят ежедневно в колокола, сытно пьют, едят, мягко спят и предают анафеме, восставший люд, моля Бога наказать “взбунтовавшихся рабов”»⁷⁰.

В октябре 1918 г. Федерация анархистов-коммунистов организовала кампанию против насельников Александровского монастыря. Анархисты обратились в исполком Олонецкого губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с предложением конфисковать все монастырские ценности, богослужебные предметы, медикаменты⁷¹. Антицерковные действия поддерживали некоторые беспартийные представители интеллектуальной элиты, издавна презиравшие церковь за сервильность по отношению к власти. Например, поэт С. А. Есенин, ненавидевший «церковников», иной раз демонстративно прикуривал от лампы и однажды растопил иконами самовар⁷². Нередко соревновались между собой в богохульстве, оскорблениях чувств верующих хулиганствующие представители молодого поколения. Они оскверняли православные святыни, совершали святотатственные действия по отношению к церковной символике⁷³.

Подвляющая часть православного духовенства отказывалась принимать советскую власть и упорно считала своим долгом подержание у прихожан духовной верности «старому миру». В. Д. Бонч-Бруевич, руководитель петроградской комиссии по борьбе

⁶⁵ Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917—1921 гг.). М., 1975.

⁶⁶ Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век. М., 2003. С. 210.

⁶⁷ См.: Глан Я. Антирелигиозная литература за 12 лет (1917—1929). М., 1930.

⁶⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1954. С. 420—421.

⁶⁹ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 193. Л. 1 об.

⁷⁰ Павлов Н. Где же ваш Бог? // Голос труда: Орган анархо-синдикалистов. 1918. № 2, 3 апр.

⁷¹ НАРК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 30. Л. 17—18.

⁷² Мариенгоф А. Роман без вранья: Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л., 1988. С. 45.

⁷³ Лучшев Е. М. Антирелигиозная пропаганда в СССР. 1917—1941 гг. СПб., 2016. С. 59—61.

с погромами и контрреволюцией, признавал, что в церковных проповедях «повсюду в самых глухих закоулках [...] проклинается советская власть»⁷⁴. Уже в 1918 г. началось так называемое антидекретное движение, при этом священники подчеркивали его «еврейское» происхождение⁷⁵.

В уральских епархиях только за ноябрь 1917 — июнь 1918 г. были зафиксированы 52 случая сопротивления советской власти со стороны духовенства — от антисоветской агитации до забастовок⁷⁶. В Оренбурге священнослужители поддержали казаков, противостоявших большевикам (было: не пускавших большевиков в губернию. — *Т.Л.*)⁷⁷. В ходе крупного крестьянского восстания на Тамбовщине («Антоновщина») на стороне мятежников выступили около 30 сельских священников⁷⁸. Не уступали «воинствующему безбожию» и тверские батюшки: организовывали запрещенные властью крестные ходы, паломничества в святы места, объединялись в религиозные союзы⁷⁹. Вооруженные столкновения с местной властью при участии духовенства в 1918 г. произошли под Звенигородом, в Тамбовской губернии⁸⁰. Здесь осенью 1918 г. крестьянским восстанием в Моршанском уезде руководили четверо офицеров — детей священников, объявивших себя «диктаторами», а священники благословляли повстанцев

на борьбу с коммунистами⁸¹. В Ставрополье местные священники собирали обозы с продуктами в пользу Белой армии⁸².

После убийства царской семьи Екатеринбургский архиепископ организовал демонстрацию, а в феврале 1919 г. приветствовал адмирала Колчака. В Уфе чекисты так и не смогли предотвратить организованный местным епископом митинг, где произносились националистические речи⁸³.

Перед лицом «безбожников» не все монашествующие вели себя смиренно. В апреле 1918 г. в Нижнем Новгороде монахини Крестовоздвиженского монастыря не допустили на территорию комиссара. Когда в обитель проникли вооруженные красногвардейцы, то обнаружили в хранилищах припрятанную собственность местных купцов. Монахини стали созывать народ, чтобы не допустить большевистской «инвентаризации», возникла перестрелка. В Оранском монастыре при сходных обстоятельствах было найдено большое количество литературы монархического содержания⁸⁴. В Удмуртии в сентябре 1918 г. в большевистской газете приводилось письмо дьякона, который предлагал «организовать собор белого духовенства и отделиться от монахов, которые стоят за старую проклятую власть»⁸⁵. Разумеется, подобные случаи большевики всячески раздували, но, очевидно, что да-

⁷⁴ *Бонч-Бруевич В. Д.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930. С. 217.

⁷⁵ *Булдаков В. П.* Хаос и этнос: Этнические конфликты в России. 1917—1918 гг.: Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 641.

⁷⁶ *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений. 1917—1922. Пермь, 2004. С. 169, 204—205.

⁷⁷ Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. № 47, 12 нояб.

⁷⁸ *Алленов А. Н.* Власть и церковь: Тамбовская епархия в 1917—1927 гг. Тамбов, 2005. С. 148—151.

⁷⁹ *Дамаскин (Орловский), иг.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. С. 298—299.

⁸⁰ *Кривова Н. А.* Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 14.

⁸¹ *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 268—269.

⁸² *Морозова О.* Священники — жертвы Гражданской войны // URL: <https://tekstus.livejournal.com/730605.html>

⁸³ *Husband W. B.* Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance. 1917—1932 // *Journal Modern History*. 1998. Vol. 70. No. 1. P. 80.

⁸⁴ Революция и церковь. 1919. № 1. С. 45.

⁸⁵ Известия Глазовского Совета Крестьянских, Рабочих и Красноармейских депутатов. 1918. 13 сент.

леко не все насельники монастырей оставались безучастными.

Православный мир реагировал на происходящее неоднозначно. Не только в центральных районах⁸⁶, но и на северных окраинах во многих деревнях крестьяне перестали отмечать престольные праздники, «наблюдалась отказы содержать священника, давать приношения в пользу храма»⁸⁷. Под предлогом «борьбы с контрой» местные Советы, где главенствовали бывшие «окопники», занялись «раскулачиванием» попов и монахов — отбирали причтовые земли и скот, вводили «чрезвычайные налоги» и «единовременные взносы», разграблялись приходские храмы и монастыри, осквернялись богослужебные предметы⁸⁸. Революционные активисты в храмах и монастырях ловили «контру»: искали схроны оружия, денег, драгоценностей. Известия о насилиях в отношении духовенства приходили из Москвы и Тулы, Симферополя и Смоленска, Олонейской и Архангельской, Орловской и Томской губерний⁸⁹. Особенно тяжелым было положение духовенства на территориях менявшихся политических режимов. Так, в Крыму уже в начале 1918 г.

с особой жестокостью революционные матросы убивали «реакционных попов», затем в ходе смены «красных», «белых», «прогерманских» и «проантантовских» режимов им пришлось столкнуться с «равнодушием, и отстраненностью, и с резким неприятием, которое проявлялось в репрессиях»⁹⁰.

Большевизированные массы, не сумев еще окончательно порвать с религией, по-прежнему почитали ритуалы: принуждали священников служить молебны по случаю годовщины революции, всенчать «большевистские» браки, зачастую повторные с нерасторгнутыми предыдущими⁹¹. Повсеместно отмечались случаи ритуальных «расправ с символами» — расстрелы икон и крестов, кошуинства над облачениями, осмеяния обрядов⁹².

Случаи демонстративного богохульства принимали организованный характер. В монастырях устраивались казармы, в церквях — театры, склады, кооперативы, детские сады. Как в центре России, так и на периферии были зафиксированы факты зверских расправ над священнослужителями разных рангов «руками народа»⁹³.

⁸⁶ Чельцов М. Воспоминания 1918 года // Вестник русского христианского движения. 1989. № 156. С. 229; Известия Тверского губернского исполнительного комитета. 1919. 11 февр.

⁸⁷ Олонейская епархия: Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 35.

⁸⁸ Ианнуарий (Недачин), архим. Духовенство Смоленской епархии в гонениях конца 1917 — начала 1919 года. Архангельск, 2013. С. 14—20, 25, 30; Рышков В. М., Ильиних В. А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 31, 33; ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 374. Л. 39; Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений. С. 172—173; ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 790; Олонейская епархия: Страницы истории. С. 35; Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 23—24. С. 684.

⁸⁹ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 23—24. С. 684; Революция и церковь. 1919. № 1. С. 26; Голос труда: Орган анархо-синдикалистов. 1918. 3 апр. № 2; Известия ВЦИК. 1918. № 163. 2 авг. (Из бюллетеня ВЧК о деятельности местных чрезвычайных комиссий № 32, от 2 августа 1918 года).

⁹⁰ Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: Православное духовенство Крыма в 1914—1920 гг. СПб., 2020. С. 312—315, 382.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 151; Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. 1 (14) мая. № 15—16. С. 530.

⁹² Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 432—433.

⁹³ Перельгин А. И. Русская православная церковь в Орловском крае (1917—1953). Орел, 2007. С. 28, 34—35, 42—44; Красный террор в годы Гражданской войны // URL: <http://www.eshatologia.org/1015-krasniy-terror-v-godi-grazhdanskoj-vojni.html?start=1>. Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений. С. 194—199; Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 23—24. С. 711; Карпов И. С. Из воспоминаний перешитого // Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства: Новые материалы Пушкинского дома. СПб., 2014. С. 287, 293.

Бойцы запасной кавалерийской дивизии 7-й армии в церкви, переоборудованной под клуб.
Боровичи. Новгородская губерния. 1918 г.
Фотограф В. Булла. ЦГАКФД

Для многих радикальных сторонников атеизма и большевистской доктрины фигура священника ассоциировалась со всевозможными ограничениями (прежде всего постами), поэтому не исключено, что в основе расправ лежало подсознательное стремление покончить с тягостными запретами, обрубить пути прежней несвободы.

Традиционные взаимосвязи между настоятелями и паствой повсеместно разрушались, приметой повседневности становились немотивированные расправы с членами причтов. Как отмечает американский историк Гр. Фриз, «выживание и будущее православия в те годы зависели не от клириков, а от мирян-активистов»⁹⁴. Организованные

в общины — «двадцатки», они в массе своей оставались аккуратными требопотребителями, которым позволили назначать и смещать настоятелей, манипулировать ими в зависимости от общинных интересов⁹⁵. Служители церкви утратили право на 33 десятины земли (лишь кое-где постановлением общины священникам позволялось сохранять землю с запретом использовать наемный труд⁹⁶), на дополнительные заработки в учебных заведениях и стали полностью зависимыми от прихода, определявшего прежде всего размер добровольных выплат за религиозные требы. В результате и ранее небогатое в массе своей духовенство оказалось на грани нищеты⁹⁷.

⁹⁴ Фриз Г. Вся власть приходом: Возрождение православия в 1920-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3—4. С. 88.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 483. Л. 5.

⁹⁶ Олонечкая епархия: Страницы истории. С. 35.

⁹⁷ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 15—16, 1 (14 мая). С. 531.

Священникам приходилось обороняться и от богоборчества власти, и от разнузданности социальных отщепенцев. В мае 1918 г. белогвардейцами была составлена специальная анкета о взаимоотношениях большевиков и церкви в Кубанской епархии. Из 174 ответов следовало, что только в 10 (из 33) населенных пунктах религиозная жизнь продолжалась, как прежде. Было зафиксировано 13 арестов священников, в 9 случаях священники пострадали имущественно и финансово, состоялось 4 обыска, в одном случае священник был «отстранен от должности»⁹⁸.

По свидетельству протоиерея М. Чельцова, в середине июля 1918 г. начались массовые аресты священников Петрограда, а через месяц в Нарвском районе, где он служил, остались на свободе он и два монаха⁹⁹. В сельской местности разувирившиеся крестьяне специально направляли в монастыри на постой красногвардейцев, предварительно растаскивая оттуда все способное сгодиться в хозяйстве, демонстративно не пускали священников в продовольственные лавки¹⁰⁰. Распространялись всевозможные формы бытового святотатства, участились случаи краж из церквей¹⁰¹. В июле 1918 г. в Москве из церкви Святой Троицы воры похитили 8 икон и богослужебные предметы. В сентябре 1918 г. был ограблен Казанский собор на Никольской улице. Бандиты ранили дьякона, похитили икону Казанской Божьей матери, украшенную драгоценными камнями, среди которых было свыше 60 бриллиантов и 13 изумрудов¹⁰².

Революционное «творчество масс» применительно к духовенству достигло такого накала, что большевики уверовали в готовность народа к «раскулачиванию» попов и монахов и скорую победу над всей «церковной контрреволюцией»¹⁰³.

Нападки на церковь не оставляли безучастными истинно верующих. В городах возникали объединения прихожан, союзы общин верующих и лиц духовного звания, возрождались церковные братства — только в Петрограде и Москве в них записалось до 70 тыс. человек. Эти союзы выделяли невооруженную охрану, защищавшую церкви от агентов 8-го отдела Комиссариата юстиции, призванного осуществлять ликвидацию церковного имущества. Братства и союзы заботились также о пропитании духовенства, помогали репрессированным и их семьям, участвовали в массовых крестных ходах. Подобные организации стали создаваться и в регионах. Так, в Тверской губернии открылись «Новоторжский центральный комитет Советов общин верующих», «Союз приходских Советов» в Твери, «Ржевский пастырско-приходской союз»¹⁰⁴. Но власти скоро запретили их деятельность под предлогом, что они теряют свой приходской характер и превращаются в политические организации.

Крестьяне Покровского прихода с. Соколовское Тюменской губернии в сентябре 1920 г. вынесли постановление: «коленопреклоненно просить Народную власть не допускать насилий над православным духовенством, которое нам необходимо»¹⁰⁵. Некоторые из крестьян готовы были даже

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 147—152.

⁹⁹ Чельцов М., *прот.* Воспоминания 1918 года // Вестник русского христианского движения: Париж — Нью-Йорк — Москва. 1989. № 156. С. 230—231.

¹⁰⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22408. Л. 3; Д. 22432. Л. 24 об.

¹⁰¹ Там же. Д. 22452. Л. 1—2; Ф. Р-163. Оп. 2. Д. 49. Л. 8.

¹⁰² Андреевский Г. Москва. 20—30-е годы. М., 1998. С. 51.

¹⁰³ Рышков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. С. 31—33.

¹⁰⁴ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1588. Л. 94; Ф. Р-1698. Оп. 2. Д. 1. Л. 22; Д. 96. Л. 6, 46.

¹⁰⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. М., 2000. С. 318.

«постоять за веру», хвастливо заявляя, что у них «много оружия на руках», которое при случае можно направить против обидчиков церкви¹⁰⁶.

Перед лицом угрозы духовенство пыталось консолидироваться. С начала 1918 г. в Москве одно за другим стали возникать православные братства, кружки, союзы¹⁰⁷. В феврале 1918 г. в ставропольской епархиальной печати прозвучало предложение объединиться в «профессиональный союз духовенства», «общеепархиальный или даже Всероссийский союз приходских общин», который обязан «категорически протестовать против обречения духовенства на голодную смерть»¹⁰⁸. Но эти инициативы остались нереализованными.

В 1919—1920 гг. меняется характер политики высшего церковного руководства. Понимая, что партия большевиков из небольшой организации превратилась в правящую силу, патриарх Тихон и его окружение признали Декрет об отделении церкви от государства и стали использовать тактику компромисса. Осенью 1919 г. патриарх обратился к православным России с призывом: «уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских, не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти», но требовал при этом отстаивать интересы церкви¹⁰⁹.

Что касается православных масс, то наиболее болезненно они отреагировали на пункт декрета «О религиозных церемониях и обрядах», предполагавший вынос икон из всех учреждений (включая учебные заведения)¹¹⁰ и на проект «безбожной» школы. Апеллируя к провозглашенной большевиками «свободе совести», они пытались разрешить проблему «по-революционному» — приговорами волостных сходов, решениями родительских собраний, письмами «во власть», где настаивали на преподавании Закона божьего как необязательного предмета¹¹¹. В ряде уездов Тверской губернии его стали проводить в храмах, а в Твери возникло «Законоучительское братство», намеренное сосредоточиться на работе с молодым поколением¹¹². В г. Кимры Тверской губернии родители публично пригрозили забрать детей из школ, если оттуда удалят законоучителей¹¹³. Подобные инициативы были отмечены и на европейском Севере (в Олонецкой епархии), и в Сибири¹¹⁴. По свидетельству современника, «не было города, где в той или иной форме не были вынесены резолюции о сохранении закона божия. Родительские организации обычно действовали в контакте с приходскими союзами, и таким образом получался единый церковный фронт»¹¹⁵.

В соответствии с рекомендациями патриарха и Св. Синода от 15 февраля 1918 г. («в случаях нападения грабителей и за-

¹⁰⁶ «Насколько дешево стала цениться жизнь»: Дневник бежецкого священника И. Н. Постникова // Источник. 1996. № 4. С. 13.

¹⁰⁷ Цветочки Оптиной пустыни. М., 1995. С. 146.

¹⁰⁸ Ставропольские епархиальные ведомости. 1918. № 2. С. 69; № 3—4. С. 83, 89, 95.

¹⁰⁹ Акты Святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 гг.: Сборник: В 2 ч. М., 1994. С. 163—164.

¹¹⁰ *Рогозин П. Г.* Революция, иконы и народное православие // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и Гражданской войны. СПб., 2018. С. 42—57.

¹¹¹ Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах: Сборник статей и материалов. М., 1925. С. 26.

¹¹² ТЕВ. 1918. № 5—8. С. 30—31.

¹¹³ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 11—12. С. 421.

¹¹⁴ НАРК. Ф. Р-2961. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 63, 73; *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917—1922. С. 185.

¹¹⁵ *Титлинов Б. В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 128.

хватчиков на церковное достояние [...] призывая православный народ на защиту Церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов», верующие пытались оказывать сопротивление репрессивным действиям власти. «Восстания по набату» (это, скорее, были стихийные бунты) были отмечены в Осташкове (Тверская губерния)¹¹⁶, Белогорском монастыре (Пермская епархия), Яранске (Вятская епархия)¹¹⁷ и т.д. Не случайно в августе 1918 г. Совнарком принял постановление «О набатном звоне», которым предусматривалось наказание за «контрреволюционное использование» тревожных сигналов¹¹⁸.

В годы Гражданской войны, когда большевикам пришлось сосредоточить усилия на удержании власти, они стали смотреть на духовенство как на политического противника, которого, в соответствии с традицией межпартийной борьбы, следовало «разложить» изнутри. Достижению этой цели способствовало отсутствие единства пастырей и паствы, а также наличие застарелых внутрипричтовых противоречий.

Так возникает еще один советский антицерковный проект — «Живая церковь». Его контуры наместились еще в 1920—1921 гг., когда стала очевидной несостоятельность антирелигиозной политики. Православная церковь и патриарх стойко справлялись с сокрушительными, казалось бы, ударами власти. Тогда последовало решение действовать через московский трибунал и привлечь «гражданина Белавина» (патриарха Тихона) к суду за «сопротивление» изъятию церковных ценностей. Отсутствие прямых доказательств расценивалось как наличие «хорошо налаженных конспира-

тивных связей». 19 мая 1922 г. патриарха арестовали. Стремясь направить церковь по «нужному пути», органы ГПУ инициировали временный захват церковной власти группой духовенства¹¹⁹, которая представляла так называемое обновленческое движение в РПЦ, возникшее еще в начале XX в. Примечательно, что Учредительное собрание этой группы состоялось накануне ареста патриарха Тихона, а ее «церковно-революционная» программа призывала к радикальным преобразованиям¹²⁰. Под нажимом патриарх передал шестерке лидеров этой группы временное управление.

Новый орган — Временное церковное управление (ВЦУ) — объявил патриарха государственным преступником, начал искать замену на местах верных патриарху архиереев и священников, готовить съезд сторонников «Живой церкви» для консолидации сил в борьбе «контрреволюционной тихоновской церковью»¹²¹. Так почти на два десятилетия православное духовенство оказалось расколотым на «тихоновцев» («староцерковников») и «живоцерковников». Однако, несмотря на появление сторонников «Живой церкви» практически во всех епархиях¹²², окончательно расколоть духовенство «изнутри» и тем самым покончить с церковью и религией не удалось.

Происходящее подталкивало православных на поиски «новой религиозности» как на концептуальном, так и организационном уровнях. Опасаясь полного запрета привычного культа, верующие иной раз утаивали свои конфессиональные предпочтения, а иногда устремлялись в иное религиозное пространство. При этом лишь крупные объединения регистрировались в местных

¹¹⁶ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 7 об. — 10.

¹¹⁷ Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений. С. 188, 190.

¹¹⁸ Известия ВЦИК. 1918. 3 авг.

¹¹⁹ Савельев С. Н. Бог и комиссары // Религия и демократия. М., 1993. С. 193, 196—197.

¹²⁰ Живая церковь. 1922. № 3. С. 12.

¹²¹ Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999.

¹²² Дамаскин (Орловский), иер. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2002. С. 198, 298, 352, 359.

органах власти. В Тверской губернии в Старицком уезде в январе 1918 г. зарегистрировалась община Евангельских христиан в составе 32 чел., но наиболее активно присоединялись к ней верующие, в том числе и молодежь, в 1919—1920 гг.¹²³ Старицкие евангелисты входили в состав Тверского отдела Всероссийского союза евангельских христиан. Кроме того, в уезде действовала секта Библейских христиан, несколько семей придерживались учения баптистов, сохранялись и очаги старообрядчества¹²⁴.

В Смоленской губернии отмечалась очаговая активизация сектантства¹²⁵. В Центральном Черноземье набирало силу катаномное движение так называемых федоровцев, считавших, что в 1917 г. в Россию пришел антихрист, но царствовал он только до 1922 г., николаевцев, утверждавших, что Дух Божий воплотился в Николая II, чердашников, активно выступавших за торжество «Царства Божия на земле» и т.п.¹²⁶ Большевикам приходилось иметь дело с людской массой, пропитанной «обновленными» предрассудками.

В 1918—1920 гг. советская власть развернула так называемую мощейную кампанию по разоблачению святых мощей, ссылаясь на волю народа, «желающего избавиться от векового заблуждения»¹²⁷. Нетленные мощи изначально почитались в православии. Но с точки зрения атеистов, вера в их чудодейственную силу была одним из предрассудков «невежественного» населения. Власть раздражало и то, что церкви и мона-

стыри с помощью культа мощей «эксплуатировали религиозные чувства» граждан и таким образом обогащались. Проведение кампании по разоблачению святых мощей было поручено Советским правительством VIII отделу Наркомюста. Органом «трансляции» его решений стал журнал «Революция и церковь» (1919—1924). На местах создавались ликвидационные комиссии, в состав которых входили священники, представители местной власти, медицинские работники. Повсеместно результатов вскрытия ожидали толпы верующих, которым позволялось осмотреть вскрытые раки¹²⁸.

Кампания вызвала разноречивые реакции. Специально подобранной группой писателей-«антирелигиозников» была подготовлена целая «библиотека» «антимощейной литературы»¹²⁹, выпущено более 3,5 тыс. антирелигиозных плакатов¹³⁰, что, по замыслу организаторов, должно было смягчить «удар по святыням». В ответ верующие развернули петиционную кампанию в их защиту. В Тверской губернии поползли слухи, что большевики скоро все церкви «отдадут на откуп жидам», а за поклонение иконам будут брать контрибуцию¹³¹.

Несмотря на протесты духовенства, состоялись вскрытия в «знаковых» центрах русской религиозности. В Троице-Сергиевой лавре, где хранились мощи Сергия Радонежского, со слов наблюдавшего эту процедуру писателя И. А. Бунина, в толпе «баб, мужиков, старух с крысиными глазами» не было «ни страха, ни благогове-

¹²³ ГАТО. Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 15. Л. 3—7об.

¹²⁴ Там же. Л. 14—44.

¹²⁵ Кашль М. В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: Государственно-церковные отношений и внутриконфессиональные процессы. М., 2010. С. 127.

¹²⁶ Журавский А. В. Светская и церковная историография о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского) // Нестор. 2000. № 1. С. 350.

¹²⁷ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1463. Л. 48, 50.

¹²⁸ См. подробнее: Революция и церковь. 1920. № 9—12.

¹²⁹ Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917—1922). М., 2005. С. 23.

¹³⁰ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 465.

¹³¹ ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 12.

ния, ни вздохов», зато слышались «остроты и смех»¹³². Но в Александро-Невской лавре (Петроград) верующим удалось приостановить вскрытие раки с мощами князя Александра Невского, жители уездного Кашина (Тверской губернии) и вовсе отстояли мощи Анны Кашинской¹³³. Очевидно, что единый «сценарий» разоблачения мощей советской власти осуществить не удалось, но ее уступки в данном вопросе носили временный характер и скорее были исключением.

В целом в годы Гражданской войны по всей стране оказались вскрытыми свыше 60 рак, отдельные вскрытия проводились и после войны¹³⁴. Судьба всех «разоблаченных» мощей неизвестна. Их изъятия, особенно в провинции, зачастую проходили с помощью применения насильственных мер и сопровождалась оскорблениями над чувствами священнослужителей и верующих. Красноармейцы, без которых, как правило, не обходились подобные акции, часто кощунствовали — надевали останки тел на штыки, оплевывали их и т.п.¹³⁵ На фоне происходившего в условиях военного времени всплеска религиозности эти посягательства на святыни только раздражали население. «Бедная “свободная” церковь! Нет у нее ни дров, ни света, ни мощей», — с горечью иронизировал один из современников событий¹³⁶.

Если разоблачительная кампания по вскрытию мощей, согласно официальной версии, состоялась по инициативе самих трудящихся, которые «успели» избавиться от пережитков прошлого, то последующая — по изъятию церковных ценностей из храмов — произошла по настоянию «со-

знательных священников» и прихожан, сочувствовавших жертвам голода, охватившего Россию в 1921 г.¹³⁷ Все эти антицерковные кампании проводились советской властью под жестким административным контролем и подрывали устои РПЦ. Фактически речь шла об уничтожении церкви как важнейшего института российского общества¹³⁸.

Тем не менее в условиях гонений РПЦ включилась в процесс спасения голодающих практически одновременно со специально созданным в июле 1921 г. государственным органом — Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК (Помгол). Патриарх Тихон обратился с призывом не только к российским гражданам, но и к народам мира помочь бедствующим. На местах епархиальное духовенство инициировало сбор средств. Но против участия церкви в борьбе с голодом резко выступили видные члены партии, в том числе В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Е. М. Ярославский. Формальным основанием была инструкция Наркомюста от 30 августа 1918 г., запрещавшая церкви благотворительную деятельность. В итоге взяла верх идея конфискации «церковного золота», активным сторонником которой выступил Л. Д. Троцкий, детально разработавший план ее реализации. В комиссию, которую он возглавил, вошел известный поп-расстрига М. В. Галкин¹³⁹.

В феврале 1922 г. ВЦИК издал декрет, по которому местные власти должны были в месячный срок изъять из церковных имуществ, переданных согласно советскому законодательству церковным общинам, все

¹³² Бунин И. А. Окаянные дни. Тула, 1992. С. 151.

¹³³ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1461. Л. 79.

¹³⁴ Лучшев Е. М. Антирелигиозная пропаганда в СССР. 1917—1941 гг. СПб., 2016. С. 95.

¹³⁵ См.: Кашеваров А. Н. Высшее церковное управление Русской Православной Церкви в период Гражданской войны // Новый часовой. 1998. № 6—7.

¹³⁶ Окунев Н. П. Дневник москвича. 1917—1920. Т. 1. М., 1997. С. 314.

¹³⁷ Кашеваров А. Н. Православная Российская церковь и Советское государство (1917—1922). С. 34.

¹³⁸ Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 34—37.

¹³⁹ Там же. С. 32, 42.

драгоценные предметы из золота и серебра. При этом оговаривалось, что утрата этих предметов не должна была существенно затронуть исполнение обрядов¹⁴⁰. Предполагалось, что реквизиции пройдут при участии делегатов от голодающих губерний и «надежных» священников. Под конфискацию «церковных излишков» попадали все приходские храмы и действующие монастыри. Инструкция о порядке изъятия ценностей была направлена на места лишь в ноябре 1922 г., поэтому начальная стадия процесса представляла собой «творчество масс», когда, наряду с иконами и утварью, нередко реквизировалось все, что попадалось под руку активистам: самовары, поленицы дров, хозяйственный инвентарь и т.п.¹⁴¹

Неожиданно для советской власти в начале изъятий на местах стихийно вспыхнуло протестное движение: первое крупное столкновение в ходе изъятия церковных ценностей произошло в Шуче 15 марта 1922 г.¹⁴² 28 марта верующие вышли на защиту храмов в Смоленске, красноармейцы, сопровождавшие комиссию в кафедральный собор, стреляли в толпу¹⁴³. Подобные инциденты отмечены и по другим регио-

нам¹⁴⁴. Американский историк Г. Фриз констатирует, что «яростное сопротивление прихожан» заставляло местные власти уступать и даже отказываться от категорического исполнения приказов об изъятии церковных ценностей¹⁴⁵. По эксцессам, связанным с конфликтами между верующими и представителями власти во время кампании по изъятию церковных ценностей, были организованы судебные процессы. На скамье подсудимых оказались священники и монашествующие, обвиненные в сопротивлении власти¹⁴⁶. Вынесенные им приговоры отличались особой суровостью: ссылки, тюремные заключения, расстрелы.

При всех негативных моментах политики советской власти по отношению к РПЦ в период проведения кампании по изъятию церковных ценностей, церковь сумела сохранить свои организационные структуры и значительное влияние на верующее православное население. В то же время в этот период власть создавала «условия для построения агрессивного настроенного к церкви государства», предпринимала усилия для формирования у советских граждан пассивного и отрицательного отношения к РПЦ.

Деятельность Русской православной церкви на антибольшевистских территориях

На территориях, занятых белыми, православная церковь поддерживала сложившиеся

режимы¹⁴⁷. Стремление к сотрудничеству церкви и белой власти было обоюдным,

¹⁴⁰ Известия ВЦИК. 1922. 26 февр.

¹⁴¹ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1414. Л. 1—4; *Постников И. Н.* «Насколько дешево стало цениться жизнь»: Дневник бежущего священника // *Источник*. 1996. № 3. С. 14.

¹⁴² *Кривова Н. А.* Власть и церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. С. 53—62.

¹⁴³ *Каиль М. В.* Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: Государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы. С. 92.

¹⁴⁴ Архивы Кремля. Кн. 1. М.: Новосибирск. 1997. С. 68—71.

¹⁴⁵ *Фриз Г.* Вся власть приходам: Возрождение православия в 1920-е годы // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2012. № 3—4. С. 93.

¹⁴⁶ Архивы Кремля. Кн. 1. С. 197—200; и др.

¹⁴⁷ *Кративин М. Ю., Далгатова А. Г., Макаров Ю. Н.* Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.). М., 2005; *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1919—1922: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 2. М., 2016. С. 101.

будучи обусловлено наличием общего врага — большевизма¹⁴⁸. Не имея возможности установить контакт с патриархом и центральными органами церковного управления, иерархи, служившие на территориях, подчиненных белым правителям, создавали автономные временные Высшие церковные управления (ВВЦУ): с ноября 1918 г. действовало такое «колчаковское» управление в Сибири и Приуралье, в мае 1920 г. — на юге и в Крыму, с 1922 г. действовал Приамурский церковный собор. Каждое объединяло по несколько епархий или приходов (как в Приамурском крае), где продолжали служить православные клирики — в одной Сибири в начале Гражданской войны их числилось около пяти тысяч¹⁴⁹.

По настоянию Верховного правителя Сибири адмирала Колчака, региональное ВВЦУ расположилось в Омске, бок о бок с правительством. Разделяя идею устройства государства на теократических началах, Колчак намеревался с помощью веры решать в первую очередь политические задачи¹⁵⁰. Известно, что в армии Колчака служило около 2 тыс. православных священников, в Добровольческой армии Деникина — более 1 тыс., в войсках Врангеля — около 500¹⁵¹. Всем им вменялось «всячески помогать в деле освобождения Родины». В историографии представлены также сведения об «иисусовых полках», подчиненных сибирскому ВВЦУ и созданных «для поднятия духа» войск Колчака¹⁵², но массовое участие

в них вооруженных священников и монахов вызывает сомнения¹⁵³. В начале 1919 г. Военное министерство Сибири разработало и утвердило «Положение о Главном Священнике Российской Армии и Флота». Выборы претендентов на эту должность осуществляло ВВЦУ, а утверждал избранного Верховный главнокомандующий¹⁵⁴. Этим актом подчеркивался статус православия как «антибольшевистской» веры.

Поддержка властей духовенством на неподконтрольных большевикам территориях способствовала быстрой реанимации дореволюционных церковных структур. Повсеместно восстанавливались епархиальные управления и духовные школы, библиотеки и архиерейские хоры, оживлялась внутри-приходская жизнь, кое-где даже начались выплаты пособий семьям священников — жертвам красного террора. Возобновилась практика созыва епархиальных съездов, где в соответствии с духом времени приветствовалась свобода совести. Вместе с тем духовенство добивалось, «чтобы законом карались всякие кощунственные выпады против Церкви православной и веры»¹⁵⁵.

И все же рядовое духовенство не было единым в своем отношении к власти. Так, хотя на Украине некоторые священники поминали Николая II, в церковной среде нарастали церковно-сепаратистские настроения¹⁵⁶. 9 июля 1918 г. Всеукраинский собор объявил об автокефалии украинской церкви, но в целом местное духовенство ори-

¹⁴⁸ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919—1922: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 2. С. 101.

¹⁴⁹ См.: Агафонов П. Н. Духовенство Пермской епархии в годы Гражданской войны // URL: <https://www.permgasp.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/p-n-agafonov-duhovenstvo-permskoj-eparhii-v-gody-grazhdanskoj-vojny.html>

¹⁵⁰ Кашеваров А. Н. Православная Российская церковь и Советское государство (1917—1922). С. 321.

¹⁵¹ Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917—1923 гг. М., 1968. С. 124—125.

¹⁵² Революция и церковь. 1919. № 1; Абросенко К. П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск, 1938.

¹⁵³ Кашеваров А. Н. Православная Российская церковь и Советское государство (1917—1922). С. 321—322.

¹⁵⁴ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919—1922. Ч. 2. С. 101. С. 34.

¹⁵⁵ Труд (Минусинск). 1918. 6 сент.

¹⁵⁶ Булдаков В. П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России. 1917—1918 гг.: Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 806—907, 825, 869.

Благословение командующему Донской армией генерал-лейтенанту В. И. Сидорину перед смотром войск Новочеркасск. 1919 г.

Фотограф не установлен. ГАРФ

ентировалось на московского патриарха¹⁵⁷. В то же время православные священники Уфимской губернии были готовы поддерживать автономию Башкирии, надеясь таким образом отгородиться от действия большевистских декретов¹⁵⁸. «Сытое сверх меры» кубанское духовенство, со слов протопресвитера Г. Шавельского, члена южного ВВЦУ, «не шло дальше требоисправлений» и оставалось глухим к патриотическим призывам белых¹⁵⁹.

Насколько легитимными были вновь созданные церковные управления? Будучи

отдаленными от московского патриархата, канонически (юридически) они оставались связаны с ним. Формально новое церковное руководство опиралось на постановления Поместного собора и на этом основании признавало незаконными советские декреты 1917—1918 гг. о «свободе» совести¹⁶⁰. Для координации действий было созвано Сибирское церковное совещание с присутствием духовных лиц Поволжья, Урала, Сибири для организации церковной жизни в епархиях, «свободных от советской власти». Православное духовенство

¹⁵⁷ Цыпин В., *прот.* История русской церкви. 1917—1997. М., 1997. С. 52.

¹⁵⁸ Булдаков В. П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России. 1917—1918 гг. С. 717.

¹⁵⁹ Шавельский Г., *протопр.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 395.

¹⁶⁰ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919—1922. Ч. 2. С. 101. С. 30—32; Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917—1922. Пермь, 2004. С. 214—216.

Белого Юга также выступило в поддержку Вооруженных сил Юга России и Добровольческой армии¹⁶¹, где, как и в царской армии, действовал институт полкового духовенства. Автономные церковные образования (территории) положили начало процессу децентрализации церковной власти и постепенной ликвидации канонических органов высшего церковного управления.

Известно, однако, что не все представители Белого движения отличались религиозностью, «для большинства белогвардейцев подлинное православие не было духовной опорой и смыслом борьбы»¹⁶². К тому же на полях Гражданской войны орудовала масса бандитствующих элементов, дискредитировавших всякую власть. Отсюда — жуткие расправы с духовенством на «несоветских» территориях. Больше всего по этой части отличились анархисты. Так, сообщалось, что на Украине по приказу Махно в топке паровоза был сожжен священник, призывавший повстанцев «прекратить войну с немцами во имя Бога и гуманности»¹⁶³, в ноябре 1918 г. в Таврической губернии произошла еще одна жестокая расправа со священником¹⁶⁴. При этом махновцы не относились к воинствующим безбожникам и в отличие от большевиков не практиковали массовое насилие в отношении духовных лиц, соблюдали церковные ритуалы¹⁶⁵.

Факты расправ над священниками имели место на Урале и в Сибири, где, как от-

мечали источники, «духовные дети», забыв страх Божий и снисхождение (как предписывала христианская мораль), зверски убивали своих вчерашних «отцов»¹⁶⁶. На Кубани в разгар трений между генералом Деникиным и казаками был повешен член Кубанского правительства священник Калабухов, не снявший сана и не запрещенный в служении (при этом батюшка всегда ходил в череске и с кинжалом)¹⁶⁷. Случаи немотивированного насилия отмечались и на других территориях. Недаром некоторые противники большевиков, содрогаясь от зверств белых, заявляли: «Мы такие же большевики, как и они! Только они — красные большевики, а мы — белые большевики»¹⁶⁸. Есть основания полагать, что патриарх Тихон именно по этой причине стремился не вовлекать православную церковь в Гражданскую войну, в том числе упорно и порой недипломатично отказывался даже устно и заочно благословлять участников Белого движения, включая духовенство¹⁶⁹.

На территориях белых оставалось немало служителей культа, равнодушных к политике. Генерал Кутепов в октябре 1920 г. известил ВВЦУ Юга России, что намерен привлекать к суду «тех священнослужителей, которые боятся проявлять свой долг» и «не всегда решительно проповедуют против коммунистов»¹⁷⁰. Случалось, священнослужители («рясофорные вояки») уклонялись от служения в решающие минуты.

¹⁶¹ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919—1922. Ч. 2. С. 101. С. 46—64.

¹⁶² Морозова О. М. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д., 2012. С. 261.

¹⁶³ Белаиш А. В., Белаиш В. Ф. Дороги Нестора Махно. Киев, 1993. С. 48—49.

¹⁶⁴ Киевская мысль. 1918. 15 нояб.

¹⁶⁵ Белаиш А. В., Белаиш В. Ф. Указ. соч. С. 53.

¹⁶⁶ Искра (Кунгур). 2010. 14 янв.; Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918—1922 гг. М., 2006. С. 102; Дмитриев Н. П., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 109; Православная Бурятия. 2010. 14 окт.

¹⁶⁷ Шавельский Г., *протопр.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 320.

¹⁶⁸ Вениамин (Федченков), *митр.* На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 325.

¹⁶⁹ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919—1922. Ч. 2. М., 2016. С. 124—139; Цыпин В., *прот.* История русской церкви. 1917—1997. С. 55.

¹⁷⁰ Цит. по: Крапивин М. Ю., А. Г. Далгатова, Ю. Н. Макаров. Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.). М., 2005. С. 41.

Современник событий свидетельствовал: о. Андроник (Федоров), «[...] как парходная крыса, всегда предчувствовал аварию на фронте и заблаговременно уезжал в тыл. На этот счет он, действительно, обладал даром предвидения. Потом у нас составила даже поговорка: Корпоп (корпусный поп. — Т. Л.) в Евпатории — быть скверной историей»¹⁷¹.

Митрополит Вениамин (Федченков), возглавлявший при Врангеле военное духовенство, писал о настроениях всех служителей культа: «Мы не могли сделать ничего особенного в пользу победы над красными, хотя мы и желали этого [...]. Голос наш дальше храмовых проповедей не слышался». «Для поднятия духа» Врангель выписал с Афона известного до революции проповедника Антония (Храповицкого), а из Сербии — Курскую чудотворную икону Божьей Матери; устраивались дни массовых покаяний, крестные ходы¹⁷². Несмотря на все это, духовенство, на помощь которого рассчитывали лидеры Белого движения, не смогло стать его реальной силой.

Таким образом, политические взгляды, позиции, настроения епископата и рядовых священников РПЦ в годы Гражданской войны оказались неоднородными. Изменение статусов, столкновения с мирянами, разлад жизни и общая тревога за будущее России сопровождалась беспощадными гонениями. При всем желании православные священники вряд ли

могли пассивно и равнодушно взирать на насилие, большевистское или чье-либо еще. В подобных условиях вполне естественным было возникновение у священнослужителей не только антисоветских, но и промонархических настроений. Это, в свою очередь, давало основания власти, заботившейся о самосохранении, на ответные меры, которые, как известно, обернулись в годы Гражданской войны открытым противостоянием.

Так или иначе, но духовное сословие понесло в Гражданской войне тяжелые потери. До сегодняшнего дня историкам не удалось установить точное количество жертв¹⁷³. Общепринятым и наиболее часто цитируемым остается утверждение о гибели в результате красного террора, белого бандитизма, стихийных конфликтов около 10 тыс. православных священно- и церковнослужителей (из них 23 архиерея)¹⁷⁴. Согласно данным кафедры информатики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, за 1917—1923 гг. их было репрессировано около 40 тыс., причем 16 тыс. расстреляно¹⁷⁵. Современник событий, некогда входивший в высшие церковные круги князь Н. Д. Жевахов, ссылаясь на «официальные данные», сообщает о 1243 епископах и священниках, погибших к сентябрю 1920 г.¹⁷⁶

Непрозрачные методики подсчетов, размытость терминологии («церковники», «пострадавшие за веру иерархи», «клирики и миряне», «священнослужители — жерт-

¹⁷¹ Калинин И. М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов н/Д., 1991. С. 122.

¹⁷² Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 301, 347, 359—363; Никон (Рклицкий), архиеп. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. Кн. 2. Новгород, 2004. С. 733.

¹⁷³ Леонтьева Т. Г. Власть, православная церковь, общество в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны. 1917—1922 гг.: Очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 209—210; Хмуркин Г. Г. Церковь и революционный террор: Очерки по статистике гонений в 1917—1926 гг. М., 2018.

¹⁷⁴ Митрофанов Г., прот. История Русской православной церкви. 1900—1927. СПб., 2002. С. 219; Лучшее Е. М. Антирелигиозная пропаганда в СССР. 1917—1941 гг. СПб., 2016. С. 58.

¹⁷⁵ Емельянов Н. Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917—1952 годы) // URL: <http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/nmstat4.html?ans>.

¹⁷⁶ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб., 2014. С. 769.

вы большевистского режима») оставляют этот вопрос открытым для исследователей.

Гораздо реже упоминается о жертвах с противоположной стороны. «Независимые» авторы насчитывают до 200 коммунистов, павших от рук воинственных батюшек¹⁷⁷.

Таким образом, историкам еще предстоит проследить динамику гонений и жертв, сопоставить число репрессированных священнослужителей с количеством жертв красного террора из других социальных слоев и, наконец, ответить на вопрос: кто из служителей церкви погиб по государственно-террористической «разнарядке»,

а кто пал от рук бандитов, лишь прикидывавшихся большевиками. Нуждается в дальнейшем изучении и вопрос о соотношении «планового» наступления на церковь и стихийного насилия в условиях Гражданской войны.

Русская православная церковь, несмотря на потери, вышла из Гражданской войны несокрушенной, большинство ее служителей оставались верными христианскому долгу, разделяли консервативные идеи, но наряду с этим сформировались основы государственного атеизма, религиозный «фронт» и многочисленные «отряды» безбожников.

¹⁷⁷ См., напр.: *Адамова Л.* Гражданская война и реакционеры в рясах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://comsomol.info/2015/03/obshhestvo/10804>.

В историографии имеются самые разные подходы к освещению положения ислама и мусульман в годы Гражданской войны в России. Согласно распространенной в историографии точке зрения, психология мусульманских масс в эти годы характеризовалась как панисламистская, а их право на свое самоопределение — как попытка претворения в жизнь панисламистских замыслов, нацеленных против сопредельных народов и стран. Подобные публикации, несмотря на то что некоторые из них выполнены на высоком профессиональном уровне, все же носят слишком общий характер, не обращая внимания на конкретные исторические условия 1918—1922 гг.¹

К началу XX в. преобладающее большинство мусульман² Российской империи воспринимало ее как русско-православный мир, немногие из них владели русским языком, немного знали русскую культуру, но душой принадлежали к исламу, его заветам, считали себя наследниками многовековой исламской культуры и отвечали враждебностью к власти, когда та проявля-

ла неуважение к их религиозным чувствам, всячески боролась против каких-либо их попыток защищать свои традиции и интересы. Чувство религиозной принадлежности угнетенных при царизме в силу своей религии было усилено социально-культурной отчужденностью от русского общества. Перемена строя в 1917 г. в стране была воспринята в мусульманском мире с радостью.

В распавшейся Российской империи населявшие Центральную Россию, Поволжье, Урал, Сибирь, Кавказ, Крым и Центральную Азию мусульмане³ были в той или иной мере вовлечены в Гражданскую войну, но их участие имело особенности, которые в значительной степени определялись позицией мусульманских духовных лиц, священнослужителей, имевших большое влияние на народные массы.

Этот слой религиозных лиц был однороден и состоял из «верхов» (шейхи, муфтии, улемы (богословы) и др.), «среднего» звена (преподаватели мектебов и медресе) и «низового» звена (рядовые муллы при мечетях и др.), а также представителей

¹ См., напр.: *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995; *Горошков Н., Червоная С.* Пантюркизм и панисламизм в российской истории и историографии. М., 1998; Ислам в Евразии. М., 2001; *Yemelianova G. M.* Russia and Islam: A historical survey. Basingstoke, 2002; *Сикоев Р.Р.* Панисламизм: Истоки и современность: Джамалуддин Афгани и его религиозно-политические исследователи XX — начала XXI века. М., 2001; *Шерстюков С.А.* Панисламизм в трактовке большевиков: Освободительное движение, угроза и выдумка? (1917—1924) // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. История. 2021. № 72. С. 101—106.

² Согласно их самоидентификации, представляли собой один и тот же народ — мусульманский; и в официальных документах того времени все это население, исповедующее ислам, обычно определялось общим термином «мусульмане».

³ См. предыл. примеч.

религиозных братств. Все эти религиозные деятели не были политиками, обычно избегали смешения религии с политикой (светская область), имели собственные представления о положении мусульманского населения после падения самодержавия.

С падением России самодержавия в 1917 г. мусульмане повсеместно стали выступать за свободу и равенство, которые в условиях демократического строя, как они считали, позволят любому из них открыто выражать свое мнение и проявлять себя, принося пользу как обществу, так и религии, в основе правовой системы которой лежали представления о свободе, равенстве и справедливости. По их воззрениям, люди не должны были ограничиваться личной верой в бога и соблюдением обрядов, но активно действовать во имя исправления общества и самого человека. Мусульманин, как прямо сказано, в частности, в листовке, отпечатанной осенью 1917 г. в Приуралье, «сам должен стать кузнецом своего счастья!»⁴

В русском общественном мнении и политических кругах между тем ошибочно считалось, что в мусульманском обществе из-за религии отсутствовала какая-либо возможность подобного поведения, путая к тому же фатализм с фанатизмом. Мусульмане бывшей империи в демократических условиях революции выдвинулись в авангард мусульманского мира, демонстрируя невиданную прежде социальную активность. Революция стала оказывать влияние и на религиозных деятелей, которые действовали уже отчасти как политики в тех или иных частях Северной Евразии.

Провозглашенную в Бахчисарае 13 декабря 1917 г. — в мусульманский праздник — Крымскую Народную Республику возглавил недавно там избранный муфтием (главой) Таврического мусульманского духовного правления Ч. Челебиев, из крымских татар. Религиозный деятель впервые

в новейшей истории стал во главе светской республики, которую начали строить крымские мусульмане для всех народов, населявших этот полуостров.

Он призывал к созданию современного государства, основанного на демократии, свободах, с учетом исторического наследия, культуры, традиций, религии. При этом Челебиев и его сторонники, как и многие другие мусульмане страны, поверили в заявления советского правительства, привлекательные лозунги большевиков в отношении народов Востока и их права на свободу совести, а потому были против вооруженного столкновения с большевиками, выступая за соглашение с ними. Такую позицию Челебиева поддержало большинство избранного крымскотатарского Курултая (парламента), который 14 января 1918 г. заключил мирный договор с Симферопольским военно-революционным комитетом на основе признания крымско-татарских учреждений, полков. И в тот же день смешанная комиссия разослала телефонограммы по всему Крыму о прекращении вооруженной борьбы татарских войск против большевиков.

Однако Челебиев вскоре был арестован, расстрелян и затем обезглавлен 23 февраля 1918 г. матросами в Севастопольской крепости, куда был тайно вывезен из Симферополя. Большевиками были нарушены все пункты соглашения с крымскими татарами. Гибель их лидера, ставшего для них шахидом (мучеником, борцом за веру), оказалась мощным фактором подъема вооруженной религиозно-национальной борьбы крымских татар против советской власти, а также произвела крайне удручающее впечатление на весь мусульманский мир Евразии.

Еще одним сильным потрясением для мусульман оказался декрет Совнаркома РСФСР о свободе совести, церковных и религиозных обществах, в котором было ска-

⁴ ГАРФ. Р-9550. Оп. 4. Д. 9407. Л. 1.

зано об отделении церкви от государства и школы от церкви (20 января 1918 г.)⁵, что вызвало у мусульман среде сильную тревогу. Признавая подобное отделение в принципе, они вместе с тем требовали внести поправки в те пункты декрета, которые касались гражданской метрикации, преподавания вероучения в частных школах и национализации имуществ религиозных обществ. Советская власть отвергла эти требования, но ее представители на местах, чтобы успокоить мусульман, порой публиковали разъяснения о неприменимости определенных положений данного декрета к ним, их конфессиональным делам.

Через несколько месяцев после выхода этого декрета настроение мусульман было таким: «Видите, что делают большевики: сегодня они запрещают преподавание вероучения в школах, спустя некоторое время они закроют наши мечети!»⁶ При победившей советской власти произошло недопустимое, с мусульманской точки зрения, вмешательство светской власти в сакральную сферу, т.е. произошло то, что не практиковалось даже при самодержавном режиме. И массы отвернулись от такой власти, начав стихийное сопротивление, которое выражалось в разных формах и масштабах.

Мусульмане Поволжья и Урала, бежавшие в 1918 г. в Сибирь от большевиков, объясняли, что не могли оставаться там, так как большевики оскверняли их религиозные святыни, что они поэтому встали на защиту их во имя спасения веры, что они выступают за установление в России демократического строя и стремятся при этом получить гарантии свободного культурного развития сообразно со своими духовными и культурными особенностями, т.е. добиваются признания своих прав на культурно-национальную автономию со стороны государственной власти.

Летом 1918 г. от имени воинов Черкесского конного полка, входившего в состав Добровольческой армии генерала А.И. Деникина, появилось воззвание к мусульманам России. В нем, в частности, отмечалось: «Большевики отбирают у нас наши имущества [...] издеваются над нашими матерями и женами, осмеивают нашу религию [...] мечети наши превращают в конюшни, а листы священного Корана жгут вместо курительной бумаги [...] поднимают на штыки наших видных общественных деятелей, наших славных вожаков [...] Нам, мусульманам, ничего другого не остается, чтобы избавить 25 миллионов мусульман от большевистского ига, как взяться за оружие [...] И тогда только жизнь наша войдет в нормальную колею, и религия наша освободится от издевательств [...] За оружие! Да будет Аллах с нами!»⁷ Призывы к священной войне с большевиками, написанные мусульманскими религиозными деятелями, получили поддержку среди верующих.

В мусульманских формированиях, воевавших против красных, появились знамена с вышитыми на них религиозными текстами из Корана, оружие с вычеканенными изречениями о священной войне, воззвания к мусульманам с ссылками на Коран. К примеру те, кто вел в Уфимской губернии боевые действия против частей Красной армии, посещали перед этим расположенную в с. Чишмы мусульманскую святыню — мавзолей Хусейн-бека (XIV в.), который распространял ислам в этих землях. Эта борьба, проходившая под религиозным знаменем священной войны на территории бывшей империи, не имела целью создание единого мусульманского государства, не имела единого центра, а носила локальный характер, включала в себя множество разрозненных

⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 371—374.

⁶ Известия Уфимского губернского революционного комитета (Уфа). 1919. 22 авг.

⁷ ГАРФ. Ф. 10073. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.

религиозно-национальных и религиозных движений мусульман.

Между тем в самих мусульманских «верхах» имелись сильные противоречия, которые заметно проявились, в частности, на Северном Кавказе, где духовные лидеры в годы Гражданской войны активно боролись между собой за власть. Здесь соперничали два основных религиозных лагеря. Во главе одного стоял с 1917 г. муфтий, а затем имам Северного Кавказа и Дагестана, Н. Гоцинский, во главе другого — шейхи У.-Х. Салтинский и А.-Х. Акушинский (с 1918 г. шейх-уль-ислам Дагестана). Гоцинский считал, что деникинцы были способны помочь горцам изгнать большевиков. Салтинский и Акушинский считали деникинцев оккупантами, призывали горцев бороться с ними, поддерживать большевиков, ссылаясь на то, что сотрудничество с ними поможет защитить ислам, так как идеалы большевиков якобы соответствовали установкам шариата.

Одни религиозные лидеры выступили за объявление священной войны против наступавших белогвардейцев, другие же были против газавата. Так, 26 мая 1919 г. Акушинский обнародовал письмо, в котором указал, что его целью является введение в Дагестане шариата. В июле 1919 г. он также публично заявил, что «Дагестан признает полное право управлять собой и своими делами, согласно своему быту и священному шариату»⁸. Акушинский выступал за то, чтобы Дагестан стал теократическим государством, Салтинский провозгласил газават против белых.

То, что именно шейхи оказались во главе горского движения, было объяснимо, как отмечал меньшевик А. Цаликов (в 1917 г. председатель Всероссийского мусульманского совета и депутат Всероссийского Учредительного собрания) в статье «Шариатизм горского движения», опубликованной

20 ноября 1919 г. «Какова идеология, вдохновляющая этих людей, — задавался вопросом автор статьи. — Эти лица создают шариатские полки, шариатские суды, борются за торжество начал шариата. Шариатская идеология противопоставляется ими идеологии деникинщины, идеологии большевизма и всем другим идеологиям, носящим с их точки зрения характер иноземных учений». «Это явление [...] вполне закономерно и понятно для всякого наблюдателя горской жизни, — писал Цаликов. — Шариатизм — это народная реакция на деникинщину и большевизм. Народ ищет нравственного оправдания борьбы в сфере близких ему национально-религиозных понятий». «Шариатизм нынешней стадии горского движения, — по мнению автора статьи, — это стремление народа исходить из присущих ему национально-бытовых и религиозно-моральных моментов». Горцы «живут еще теми настроениями и чувствами, какими они жили в эпоху» имама Гамзат-бека и имама Шамиля. При этом мусульмане Северного Кавказа выступали не за схоластический шариат, «как плотины против всяких новшеств, а шариат, очищенный от рутины, строго согласованный с требованиями демократии и прогресса»⁹.

В Поволжье возмущение верующих против оскорбления их религиозных чувств было настолько сильным, что известный татарский общественный деятель Х. Атласов (в 1903—1909 гг. имам-хатиб), возглавляя Бугульминское земство (Самарская губ.), в апреле 1919 г. направил телеграмму верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку, в которой, в частности, заявил, что уездная и волостные земские управы выражают глубокую уверенность в восстановлении «разрушенной и поруганной жизни народа»¹⁰.

⁸ Борьба (Тифлис). 1919. 20 июня; Азербайджан (Баку). 1919. 20 июня, 16 июля.

⁹ Вольный горец (Тифлис). 1919. 20 нояб.

¹⁰ Известия Уфимского губернского революционного комитета (Уфа). 1919. 24 сент.

Здесь проявлялось сильное возмущение местных мусульман вторжением советской власти в сакральную сферу мусульманской жизни. Верующие полагали, что любое государство, с точки зрения их религии, не имеет права вмешиваться в их духовную жизнь, в исполнение велений религиозного закона. Когда же большевики допускали подобное, это давало мусульманам основание к борьбе против их власти. Не случайно приведенное в телеграмме Х. Атласова слово «поруганное» часто встречается в самых разных источниках, поскольку возмущение было распространено среди мусульманского населения, что сказывалось на численности тех, кто решил с оружием в руках воевать в защиту своей веры.

«Мы, — было сказано в листовке-воззвании муллы Д. Цахилова к горцам Северного Кавказа, — не должны бояться умереть на войне, ибо если не настал час смерти, определенный судьбой, то никакая вражеская сила не в состоянии преодолеть определения свыше. В Коране сказано: «Когда настанет час, тогда и умрет человек. Раньше этого часа он не умрет. Кто испугается смерти, тот отдаляет себя от Бога» [...] Близится время, когда мы снова заживем счастливо. Великий Бог любит честно исполняющих свой долг людей»¹¹.

В колчаковской армии имелся довольно большой процент солдат-мусульман, как отмечали летом 1919 г. представители Духовного ведомства Национального управления мусульман внутренней России и Сибири. Они неоднократно поднимали вопрос о восстановлении в армии института военных мулл. До Февральской революции 1917 г. и после нее управление военным мусульманским духовенством и духовно-религиозным воспитанием воинов мусульман находилось всецело в руках этого Духовного ведомства (созданного

на основе бывшего Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе). С целью «духовно-религиозного воздействия на воинво-мусульман» колчаковскому командованию предлагалось, в частности, «составление и распространение среди солдат-мусульман воззваний, листовок и пр. с призывом к борьбе с большевиками, учение которых несовместимо с указаниями шариата», «личное посещение фронта и войсковых частей тыла, в коих имеются воины-мусульмане, для духовно-религиозных бесед» и др.¹²

Это управление и глава его Духовного ведомства муфтий аль-Баруди (накшбандийский шейх, с 1917 г. муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания) ратовали, как писал 28 июля 1919 г. в Омске председатель этого управления С.-Г. Джантюрин военному министру Российского правительства генерал-майору Д. А. Лебедеву, за «создание из воинов-мусульман крепких духом, стойких борцов и притом борцов сознательных, не идущих за всякой демагогической агитацией»¹³, т.е. большевистской, а также вайсовской.

Большая роль в привлечении мусульман на сторону советской власти принадлежала вайсовскому движению — религиозному, социальному и политическому движению, охватившему группу мусульманского населения Поволжья во второй половине XIX — первой трети XX в. В годы Гражданской войны, по инициативе их лидера Г. Вайсова, в составе Красной армии были образованы отдельные добровольческие вайсовские «Божьи полки». Их формирование началось после того, как 9 июля 1919 г. в Казани состоялся съезд вайсовцев, на котором было принято постановление: «Ради освобождения угнетенных народов [...] идти рука об руку с товарищами-большевиками на борьбу против тиранов, для чего

¹¹ ГАРФ. Ф. 10073. Оп. 2. Д. 305. Л. 1.

¹² ГАРФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 110. Л. 16—16 об.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 62—63.

организовать революционные красные армии из вайсовцев [...] волжских болгар-мусульман»¹⁴.

В этом документе налицо сочетание коммунистических идей, религиозных представлений, национальных устремлений, основанных на исторической памяти о Волжской Булгарии, процветающем государстве X—XIII вв. в Волго-Уральском регионе. Идея собственного национального государства стала распространяться среди них. Подобные призывы не соответствовали мусульманской религии, по которой недопустимы объединения на основе немусульманского мировоззрения и этнической связи, проявления национализма, поскольку лишь критерий богобоязности возвышал одних из мусульман над другими.

В колчаковской армии также стали появляться добровольческие мусульманские воинские части. Так, в приказе начальника гарнизона г. Тобольска и уполномоченного командующего 1-й Сибирской армией по охранению государственного порядка и общественного спокойствия по городам Тобольску, Березову и их уездам полковника Я. Н. Перчука от 18 августа 1919 г. отмечалось, что согласно желания местных мусульман, командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев приказал сформировать 4-й Мусульманский добровольческий полк. В документе далее содержался призыв к мусульманам: «Собирайтесь же дружно и быстро под бело-зеленые знамена, с полумесяцем и звездой — символом единения всех народностей Сибири для последней схватки с разрушителями отечества [...] Глубоко верю, что слава седых знамен Чингисхана в недалеком будущем обвеет и Ваши молодые знамена»¹⁵.

Упоминание о Чингисхане, наследники которого, уместно заметить, разгромили

Волжскую Булгарию, о которой мечтали вайсовцы, показывает, что муллы, участвовавшие в подготовке этого приказа, прибегли к данному образу, как успешному полководцу, усиливая религиозную мотивацию историческими реминисценциями, воскрешая победоносную эпоху.

27 августа 1919 г. состоялось собрание представителей беженских лагерей г. Омска для обсуждения вопросов по организации мусульманских добровольческих отрядов. В принятой резолюции было выражено намерение создать вооруженные отряды из мусульман-добровольцев для борьбы с красными: «Мы, беженцы Приволжья, Прикамья и Приуралья [...] не знаем другой родины, кроме родной нашей земли, очищенной от большевиков — разорителей наших домов, осквернителей наших святынь. [...] Мы имеем только одно стремление — встать на защиту нашей родины и наших святынь [...] Мы заявляем о своей твердой решимости встать в ряды армии, под знаменем верховного правителя, во имя спасения веры и родины». Было постановлено образовать из мусульман, вставшими на защиту своей веры, особые отряды с зеленым знаменем.

31 августа в Омске состоялось первое собрание омских мусульман, беженцев и мулл, на котором отмечалось, что движение идет теперь уже не за политические лозунги, а за свою веру и народность. Ораторы призывали единоверцев встать на защиту веры от большевизма. Представитель колчаковского командования, приветствуя начинание мусульман объявить большевикам священную войну, сказал, что крайне необходимо сделать это как можно скорее.

Было решено создать следующее собрание 7 сентября и сообщить населению об этом через печать и воззвания, а 5 сентября, в мусульманский праздник Кур-

¹⁴ Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики 1917—1924 гг. М., 2003. С. 309.

¹⁵ Российская национальная библиотека. ФБЛ п-1/276.

бан-байрам, в мечетях муллы призывают верующих к этой войне. 6 сентября 1919 г. в омской газете появилась заметка «Объявление священной войны», в которой было сказано, что в Омске 7 сентября, по случаю Курбан-байрама состоится торжественное моление, после которого будет объявлена священная война против большевиков. В Иркутске собрание мусульман обратилось к муллам за разрешением выступить добровольческому отряду под зеленым знаменем пророка Мухаммеда¹⁶.

14 сентября 1919 г. в Новониколаевске состоялось собрание мусульман города и беженцев-мусульман, на котором обсуждались вопросы формирования мусульманских добровольческих дружин и объявления священной войны. В итоге участники собрания заявили, что «сознавая всю пагубность большевизма для дорогой родины [...] для религиозных и национальных интересов мусульман, [...] невзирая на те громадные, принесенные мусульманами ранее жертвы», считают «своим долгом перед родиной продолжать беспощадную борьбу с большевиками путем поступления в мусульманские добровольческие части». Собрание постановило просить колчаковское правительство организовать мусульманские воинские части вплоть до армии¹⁷.

18 сентября 1919 г. в Омске состоялся первый смотр первых омских мусульманских отрядов. На шапках и рукавах дружинников-мусульман были звезда и полумесяц. 26 октября 1919 г. в городском театре Омска было устроено торжественное собрание в честь добровольцев. Перед участниками с краткой речью выступил Колчак, который отметил, в частности, что добровольчество возникает уже в среде сибирского населения и на новой основе, под

лозунгом Святого Креста и Зеленого Знамени. «Мы, — говорил он, — переживаем небывалое поистине историческое событие: враждовавшие прежде крест [...] и полумесяц теперь соединились, чтобы вместе ринуться на борьбу с атеизмом большевизма. И крест, и полумесяц победят»¹⁸.

«Все растет и ширится добровольческое движение в Сибири, зародившееся два месяца тому назад [...]», — констатировала омская газета в середине октября 1919 г. К движению присоединились и мусульмане, которые устроили по всей Сибири ряд собраний, где ораторы призывали к борьбе за веру, поруганную и преследуемую большевиками. Мусульмане, выступившие под зеленым знаменем пророка Мухаммеда, объявили большевизму священную войну¹⁹.

Но призыв к джихаду, который был на руку колчаковцам, не был поддержан со стороны Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири. Об этом свидетельствует тот факт, что, когда в Иркутске на совещании 22 октября 1919 г. с участием управляющего губернией П. Д. Яковлева, полковника А. Г. Мусалимова, полковника Ильина и С.-Г. Джантюрина, обсуждался вопрос о возможности священной войны, то было постановлено признать, что ее объявление невозможно, но участие мусульман в общем добровольческом движении необходимо. Для решения способов призыва решено было созвать общее собрание иркутских мусульман, на которое пригласить представителей из мусульманских селений Иркутской губернии²⁰.

Участие в совещании Джантюрина, который в то время возглавлял Национальное управление мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, означает, что

¹⁶ Русская армия (Омск). 1919. 3 сент. № 189; 4 сент. № 1; 6 сент. № 4; 9 сент. № 6; Наша газета (Омск). 1919. 4 сент.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 18. Л. 28, 30; Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 110. Л. 10—10 об.

¹⁸ Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 330, 335—337.

¹⁹ Наша газета (Омск). 1919. 16 окт.

²⁰ Наше дело (Иркутск). 1919. 24 окт.

такова была позиция муфтия аль-Баруди, одного из духовных лидеров мусульман Европейской России и Сибири. Таким образом, священная война в Иркутской губернии не была провозглашена, а в Омской губернии она стала фактом.

Причина такой ситуации состояла в серьезных противоречиях в мусульманских «верхах»: в Омске в окружении Колчака были духовные деятели, такие, как А. Салимгареев (главный военный мулла при его штабе в 1919 г.), которые были противниками политики Национального мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири и муфтия аль-Баруди. Последний, будучи противником «белого» джихада, тем самым объективно сыграл на руку большевикам, веря и надеясь на улучшение положения ислама и верующих при советской власти.

Чтобы увеличить численность мусульман, воюющих с красными, осенью 1919 г. колчаковское правительство начало изменение политического курса в отношении требований мусульман, допуская возможным признать их автономию именно в духовной сфере. Но ничего конкретного эта власть так и не сделала, потерпев поражение.

О том, как на самом деле белое командование относилось к исламу и мусульманам, свидетельствует такой факт: русские националисты, когда Добровольческой армией командовал А. И. Деникин, с негодованием, отвергли предложение кадета Г. А. Фальборка добиться симпатий со стороны мусульман, пойдя на то, чтобы уравнивать в России статус ислама с православием²¹. Деникин и его окружение, продолжая великодержавную политику, не хотели признать равноправие религий, а фактически равноправие народов, в том числе мусульманских.

Отношение к исламу тех, кто конкретно проводил в жизнь политику советской вла-

сти в этой сфере, отражено, в частности, в пространном докладе близкого к партийным «верхам» В. Л. Лукашева (в 1918—1919 гг. на командных должностях и политработе в Красной армии, зам. чрезвычайного комиссара и начальника политотдела ЧК на Юго-Восточном фронте, член Киргизского ВРК, с 1920 г. сотрудник ВЧК) в ЦК РКП(б) в октябре 1919 г. Констатируя, что «ислам — колоссальная сила», этот военный исламовед тут же с неприкрытым сарказмом сравнил эту религию с «гигантским политическим бичом человечества, имеющим в глубине своей фанатической спаянности громадную мощь»²². Такую силу и хотели использовать в своих целях большевики, восставшие против белых и интервентов.

Далее этот практик-востоковед обрисовал довольно зловещую для руководства страну картину: «Спешно [...] объединяющаяся ханская аристократия и международная мусульманская буржуазия, чутко прислушивающаяся к биению пульса таинственного Востока — панисламизма, который райски нежно лелеет осуществление мысли шейхов-халифов — “братьев Вильгельма”, скрытых под оболочкой европеизма, — воплотить в жизнь теократический “идеал” объединения человечества, на почве подмочившего репутацию, но еще далеко не разлагающегося, а крепнущего Ислама, перерядив его в новую личину — панисламизма, более отвечающую протестантским временам мусульманства нашего века как своей диалектической гибкостью, так и научно-философской мишурой изобретательных теологов. И их убеждение, что открывающаяся новая эра поведет Ислам к новым завоеваниям многомиллионных масс язычества и идолопоклонства — Индии, Китая и других “неверных”»²³.

²¹ См.: Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917—1920 гг.) // Архив русской революции. М., 1991. Т. 9—10. С. 180—181.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 129. Л. 111, 115.

²³ Там же. Л. 114 об.

Критикуя здесь политику Вильгельма II в отношении мусульманского мира вообще и Османской империи, в частности, автор доклада излагал известные факты о том, что целью Берлина было направить мусульман, используя их религию, против своих врагов — Англии, Франции и России. Этот эксперт, демонстрируя знание исламоведческой литературы и общеизвестной геополитической ситуации и значения ислама в соперничестве мировых держав, анализировал международную ситуацию так, чтобы создать в ЦК РКП(б) впечатление о неких мусульманских международных силах, якобы ведущих политику с целью распространения ислама во всем мире и представляющих из себя не менее опасных врагов для советской власти, чем белые и интервенты.

Перейдя к внутривластной ситуации в стране, Лукашев, однако, фактически признал неэффективность ранее проводимой высшим политическим руководством страны курса в отношении мусульманского мира, отметив, что «всему мусульманскому Востоку эти лозунги коммунизма и Советов с “неверными” — чужды». Имея большой опыт работы с различными представителями мусульманского населения в разных частях страны, особенно в Средней Азии, этот осведомленный партработник и чекист далее подробно объяснял, почему у советской национальной политики нет здесь каких-либо значимых успехов и даже отделенных перспектив вообще: «И как бы мы, коммунисты, не старались развивать среди мусульманской массы, не зная ее духовной структуры, идеи сближения и объединения трудящихся — пролетариата на почве научного социализма, материализма, сколько бы мы не говорили о классовой борьбе, о бесчеловечной эксплуатации, о предательской политике царизма, империализма, буржуазии, о всех ужасах и последствиях этой политики, о невыно-

симом экономическом гнете крестьянина, рабочего или просто бедняка, о его рабстве и пр., — все это ей если не чуждо совсем, то понятно в сотой лишь доле. И если некоторая часть мусульман и откликается, то это только некоторая очень и очень незаметная частичка, которая идет за нами только потому, что она или совершенно оторвалась от мусульманства, “ассимилировавшись” с русским населением под экономическим гнетом капитала — индустриального и крестьянского хозяйства и желанием механически освободиться от этого гнета, или же она идет под влиянием своих заправил, или же наконец она просто механически увлекается инерцией общего движения, почти не вдаваясь в критику своих действий, стоя особняком и не сливаясь затемненной душой с нашей средой»²⁴.

Иначе говоря, лишь очень небольшая группа населения, различных выходцев из мусульманской среды, по тем или иным мотивам контактировала с советской властью, никакой опоры в народных массах, как верно отметил Лукашев, у этой власти не было и не могло быть.

Что касается угроз со стороны мифического панисламизма, чем Лукашев фактически пугал высшее партийное руководство, то анализ процессов в мусульманском мире, протекавших в годы Первой мировой войны и последовавшей затем революции и Гражданской войны на евразийском пространстве, в том числе в России, привел уже тогда наиболее проникательных и осведомленных аналитиков, в том числе из коммунистов, того времени к выводу, что панисламизм как политическая доктрина, нацеленная на создание единого мусульманского государства, не может объединить мусульман разных стран.

Так, в 1920 г. в большевистской брошюре отмечалось, что мировая война, которая главной своей причиной имела как раз передел Востока между различными

²⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 86. Д. 129. Л. 115.

военно-политическими блоками, показала восточным народам и их лидерам, что европейские государства смотрят на них исключительно с точки зрения сырьевого источника. Однако правящие круги восточных стран не могли объединить своих действий, не могли найти между собой общего языка, чтобы совместно противостоять угрозе. Причем «наиболее мощное из таких национально-религиозных течений — панисламизм, несмотря на всю свою силу, объясняемую распространением магометанства на Востоке, не получил надлежащего политического оформления именно по этой причине». Даже эта «религиозная спайка не давала достаточной возможности для совместных повстанческих действий»²⁵, под которыми подразумевались, в частности, басмаческие вооруженные формирования, разрозненно действовавшие в Средней Азии против советской власти.

«Беспочвенный панисламизм [...], — отмечали, в свою очередь, коммунисты-мусульмане, представлявшие Среднюю Азию, в письме В. И. Ленину от 12 июня 1920 г., — широко популяризированный в колониальной миссионерской литературе европейскими империалистами, трепещущими перед каждым движением угнетенных, предчувствуя свою гибель, известен Азии только через Европу». Они предупреждали руководство Советской России, что если все переселенцы-славяне и советские чиновники в Средней Азии станут помогать в «борьбе с панисламизмом», то этим вызовут «общее антирусское движение, которое, присоединившись к антианглийскому, получит характер резни европейцев [...] и тем положит конец социальной революции, но опять здесь ни при чем будет Аллах»²⁶. Эта «борьба с панисламиз-

мом» на практике оборачивалась борьбой с исламом как с вероучением миллионов преданных ей людей, что приведет, как прогнозировали знающие их психологию немногочисленные коммунисты-мусульмане, к очередному мусульманскому восстанию в Средней Азии, как это было здесь в 1898 г. и в 1916 г.

Чтобы повлиять на мусульманские массы в благоприятном для себя отношении, большевикам необходима была соответствующая национально-религиозная пропаганда, к которой они обратились, учтя самые различные мнения тех, кто действительно знал мусульманскую психологию. Проводившая ранее политико-воспитательная пропаганда большевиков по созданию «борца за интересы угнетенных народов Востока, восстающих против гнета империализма», к усвоению мысли об «общности интересов» рабочих, крестьян, батраков и трудящихся масс всего мира и пр., как оказалось, не принесла сколько-нибудь ощутимых результатов для привлечения мусульманских масс на сторону советской власти.

Для народных масс приоритетное значение имел религиозный фактор, который стал использоваться и в большевистской агитации, которая в мусульманском мире фактически велась под соответствующими лозунгами, несмотря на всю коммунистическую риторику, чтобы противостоять нараставшему «белому» джихаду, поднимая мусульман, соответственно, на «красный» джихад против врагов советской власти, как внешних, так и внутренних. Для этого понадобились подходящие религиозные проповедники.

Вот что, к примеру, говорил популярный и авторитетный среди российских мусульман богослов и красный мул-

²⁵ Псковский С. Революция и Восток (съезд народов Востока). Ростов н/Д., 1920. С. 5, 30. Под этим псевдонимом, скорее всего, выступил заместитель наркома по делам национальностей РСФСР С. С. Пестковский.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3. Л. 14 об. — 15 об.

ла А. Ибрагимов (в 1892—1893 гг. член Оренбургского магометанского духовного собрания), выступая 21 ноября 1919 г. в самарской мечети. До революции 1917 г. имелись два врага исламского мира: первый — Англия, второй — Россия. Цель этих государств состояла в том, чтобы уничтожить мусульманский мир. Царское правительство не раз начинало войну против Турции с целью захватить Стамбул и на мечети Айя-София водрузить крест. Российские мусульмане из-за своей, по словам муллы, «пугливости и невежества» участвовали во всех этих войнах для водружения креста, шли против турок, «в мусульманскую грудь били мусульманским кинжалом». Русские цари, кроме Турции, нанесли ущерб и мусульманам Туркестана, Хивы, Бухары, Крыма, Кавказа, «отняв у них свободу, предали их разделу», «подстрекали их идти войной друг на друга». И татарам досталось: мало того, что их ущемляли материально, их религию оскорбляли, многих силой отделяли от религии. «Теперь российская советская власть взяла на себя освобождение человечества, включая и мусульман. Она теперь на Восток посылает войска», которые идут освободить мусульман. «Это для нас [...] большое счастье. Мы, мусульмане, должны этому радоваться [...] Когда советская власть выступает на дорогу для освобождения мусульман [...] российские мусульмане должны быть в первых рядах идущих за освобождение Востока красных войск. Это наш религиозный и жизненный долг»²⁷.

И эта агитация срабатывала, о чем радостно сообщалось даже в центральной советской прессе. Вступая в ряды Красной армии, некий мусульманин сказал в своей присяге: «Даю свое честное слово гражда-

нина и клянусь Аллахом, что без измены и настойчиво буду драться против белых банд и разбить в прах Колчака и раздавить в пыль монархию, уничтожить навсегда»²⁸.

Направленный Москвой агитатор-мусульманин, выступая перед многотысячной аудиторией в Ташкенте осенью 1919 г., заявил: «Чувство ненависти к мусульманским народам, к нашей религии — исламу, даже к самой личности нашего великого пророка Мухаммеда обще всей Европе, всем христианским народам. Вся Европа, весь христианский мир лелеет мечту уничтожить ислам, поработить мусульман. То, что они, европейцы, у себя именуют священным, национализмом и патриотизмом, то, что у нас, у мусульман, они называют темным фанатизмом и шовинизмом. [...] Советская власть, поставившая себе целью освободить весь угнетенный мусульманский мир от ига европейцев, главным образом, от Англии, этого кровожаднейшего врага мусульман, советская власть, проводящая в жизнь вашу национальную независимость, обещающая оставить ваши земли в ваших руках, — вот где наше спасение, вот за кем должен идти весь мир мусульманский».

После таких выступлений под многими воззваниями к мусульманам стать под знаменами советской власти в ее борьбе против Англии и широко распространяемыми в Туркестане и далеко за его пределами, встречались подписи известнейших и влиятельных имамов, считавших раньше большим грехом вмешиваться в политику²⁹.

Осенью 1920 г., к примеру, большая группа туркестанских религиозных деятелей обратилась с воззванием к мусульманам Восточной Бухары, указывая, что мусульмане «угнетались со стороны европейцев»,

²⁷ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917—1925 гг.): Документы и материалы: В 4 т. Т. 3. Ч. II. Уфа, 2006. С. 218—219.

²⁸ Известия ВЦИК. 1919. 9 июля.

²⁹ Борьба (Тифлис). 1920. 21 янв.

которые «многих детей сбили от нашей правильной религии», крестили их, что англичане в Индии мечети превратили в церкви, что в Стамбуле они же сняли полумесяц с мечети Айя-София и поставили на ней крест, что Кааба и другие священные для мусульман места осквернены англичанами. «Великий пророк Магомет говорит: "[...] Лучшими и желанными из моих подданных считаются рабочие и дехкане". Сам великий пророк Магомет все дело делал только по совету, у него, у великого пророка, в одежде было около 40 заплат [...] Мусульмане всего мира в данный момент, подняв красное знамя, выступили против англичан и проливают кровь, и вы, мусульмане, присоединившись к красному знамени, берите власть в свои руки. И не обрекайте себя на том свете мукам ада, а на этом — разным нуждам и лишениям. В России сейчас власть в руках рабочих и крестьян и РСФСР — подлинные ваши друзья [...] Долой англичан! Да здравствуют [...] героин-революционеры! Да здравствуют красные мусульмане!»³⁰. Не имея поддержки среди мусульманской массы, большевики вынуждены были, чтобы сохранить свою власть, прибегать тогда к покровительству красных мулл.

Такие же проповеди велись в самой Советской России. «В настоящее время весь мусульманский мир очень обеспокоен хозяйничаньем англичан в Стамбуле. Под их властью Египет и Сирия, Йемен и Хиджаз [...] Весь исламский мир унижен [...] Поэтому я как духовный глава и муфтий российских мусульман выражаю протест по поводу тиранического господства там англичан. И вы, надеюсь, присоединитесь в этом ко мне», — сказал аль-Баруди своим слушателям на проповеди в мечети, находясь летом 1920 г. в Казани³¹.

Большевики стали использовать не только отечественных теологов, но и зарубежных религиозных авторитетов, которые призывали поддержать советскую власть. Так, в начале 1919 г. в Ташкент прибыл знаменитый в мусульманском мире Шамидамулла (выслан из Османской империи, находился в Центральной Азии в 1903—1932 гг.), который мыслил фундаменталистски и говорил о том, что при выработке новых решений следует основываться на истоках ислама — Коране и хадисах пророка Мухаммеда. По любым вопросам современности он выносил фетвы (указы)³², которые оказывали сильное влияние на мусульманские массы.

Проповеди таких красных мулл наталкивались на то, что постоянно ощущали верующие при советской власти. С вступлением Красной армии, к примеру, на бухарскую землю начались «грабежи и насилия над мирными жителями в самой безобразной форме», отмечалось в докладе члена Бухарской компартии Мирзы Гуляма (впоследствии известный советский узбекский поэт Гафур Гулям) в Коминтерн осенью 1920 г. «Также осквернились святые места Бухары: около 15 медресе и мечетей были солдатами превращены в конюшни и казармы [...], — указывал автор доклада. — Все это оставило не только среди бухарского населения, но и всего восточного народа самые нежелательные и враждебные большевикам убеждения [...] Большевики грабят, оскверняют мечети, насмеваются над нашими молитвами»³³. Такое поведение вызывало у коренного населения возмущение и разочарование новой властью.

Вот как описывал душевное состояние мусульманских масс другой очевидец подобных событий: «Трагизм коренно-

³⁰ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 23. Л. 27—28.

³¹ Баруди Г. Памятная книжка // Казань. 1998. № 1. С. 29.

³² Бабаджанов Б. М., Муминов А. К., Кюгельген А., фон. Диспуты мусульманских религиозных авторитетов в Центральной Азии в XX веке. Алматы, 2007. С. 59.

³³ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 19. Л. 22—22 об.

го мусульманского населения Туркестана заключается в том, что оно не понимало и не могло никак понять, во имя чего, во имя каких благ в будущем оно приносит столько жертв. Оно слышало слова о свободе, освобождении, самоопределении, а на деле же видело угнетение, истребление [...] И мысль освобожденной бедноты, всегда отличавшейся религиозностью, нашла выход в молитве, в обращении за помощью к Богу. [...] В глубине огромной страны [...] мы слышим [...] молитву об избавлении от большевиков». Вот ее некоторые характерные моменты, которые позволяют судить о том, что говорили белые муллы в своих проповедях: «Велика и недоступна слабому уму человека премудрость создателя неба и земли и восемнадцати тысяч миров. [...] Великий Творец миров [...] ниспослал на землю в образе человека болезнь всех болезней, именуемую большевиками [...] Они, как “даджал” (антихрист), с сладкими для ушей ваших словами о свободе и освобождении, ведут землю вашу к освобождению от вас самих. [...] Гнев Аллаха на нас будет продолжаться до тех пор, пока люди не отвернутся от большевиков». По свидетельству современника, это настроение охватило широкие круги бедноты³⁴.

В том же духе характеризовали положение ислама и мусульман в Советской России те, кто оказался вне ее, в частности, в Европе. Так, в воззвании к Верховному Совету Антанты и к Парижской мирной конференции председатель Национального совета мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири С. Максудов, находясь в Париже, в январе 1920 г. от их имени отмечал, что в России при советской власти вместо свободы мусульмане испытывали на себе самый отвратительный гнет, национальную и религиозную дискриминацию³⁵.

Ситуация в течение 1921—1922 гг. в этом отношении существенно не изменилась.

Обращаясь, в частности, к бухарским и туркестанским мусульманам, авторы одного из воззваний констатировали в декабре 1922 г.: «Вам всем известно, как войска большевиков заводят своих лошадей в наши мечети, надругаются над нашими священными книгами [...] Мало этого, большевики без всяких обрядов выдают наших женщин замуж. Разве это по-мусульмански? Кроме этого, поселяют в наши мечети русских женщин и вообще из мечети устраивают казармы»³⁶.

Такие факты послужили причиной протестных настроений и вооруженного сопротивления верующих против любой власти не только в Средней Азии, но и в других частях Северной Евразии. Шейх Салтинский создал Северо-Кавказский эмират со столицей в чеченском селении Ведено, сформировал правительство и военный штаб. Здесь в 1919—1920 гг. под его руководством шла религиозная война местных горцев с их врагами. Шейх Гоцинский поднял крупное восстание, охватившее осенью 1920 г. значительную территорию Дагестана и Чечни. Восстание было подавлено советской властью в мае 1921 г. Несмотря на поражение, здешние мусульмане проявили верность своей вере, способность ради нее идти на войну с любым противником, чтобы добиться свободы и независимости.

Таким образом, в условиях Гражданской войны ислам был превращен белыми и красными в политический инструмент, посредством которого мусульманские массы втянули в вооруженное противостояние. Советская власть относилась к исламу весьма прагматически. С одной стороны, велась антирелигиозная пропаганда среди верующих, с другой — когда нужно было,

³⁴ Вольный горец (Тифлис). 1920. 2 авг.

³⁵ Гражданская война в России и мусульмане: Сборник документов и материалов. С. 775.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 70. Л. 37—37 об.

большевики прибегали к защите и покровительству Корана, весьма почитательно, особенно на международном уровне, демонстрировали свое отношение к этому вероучению вообще и его известным проповедникам и теологам. Такая политика «заигрывания» с исламом, однако, не вызывала доверия у мусульманских масс, на практике увидевших и почувствовавших реальное отношения советской власти к их вере, к ним самим, к их видным представителям.

То, что происходило в разных частях Северной Евразии, особенно в Средней Азии и на Кавказе, все отчетливее приобретало характер религиозной войны, повсеместной священной для мусульманства войны в защиту своей веры с непредсказуемыми последствиями для самих же белых и красных, для хода Гражданской войны в целом.

Белые заявляли о необходимости восстановления «единой и неделимой России», не считаясь при этом с мнением мусульманского населения бывшей империи,

навязывая ему фактически снова униженный статус инородцев и иноверцев. Большевики же умело манипулировали устремлениями мусульман, предлагая им разные варианты самоуправления, что и решило исход Гражданской войны в пользу советской власти.

Постимперское пространство в годы Гражданской войны не было вовсе исключительно белым или красным, как часто изображается в историографии. Самые разные правительства попытались тогда разыграть «мусульманскую карту» в своих политических интересах. Как красные, так и белые нуждались в боеспособных военных формированиях и потому пытались опереться на мусульман, рассчитывая, что те не сориентируются в сложной политической обстановке, но этого не произошло. В течение 1918—1922 гг. мусульманский фактор превратился в самостоятельную военно-политическую силу, с которой и белые, и красные вынуждены были считаться в своей политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гражданская война в России сыграла важную, но крайне противоречивую роль в отечественной и мировой истории. Поэтому ее осмысление, предпринятое в этом томе, рассмотрение процессов противоборства и противостояния на военном, политическом, социальном и культурном фронтах, внутри страны (и в различных ее регионах) и за ее пределами, осмысление исторических уроков представляется полезным для наших современников.

Прежде всего, следует отметить, что это была трагедия страны, потому что брат шел на брата, а примирение оказалось невозможным ввиду непреодолимой пропасти между ее участниками по вопросам прошлого, настоящего и будущего России. Главное, к чему стремились авторы тома, это представить на суд читателя сбалансированный подход в освещении Гражданской войны, как переломного события в истории России, имевшего историческое значение и исторические последствия. На его страницах нет правых и виноватых, героев и антигероев. И красные, и белые воевали за Россию и были ее патриотами. Но каждый любил ее по-своему, и у каждого была своя правда. Рассказать о ней языком достоверных фактов, не утаивая неудобные из них, а тем более, не искажая их, не занимая ту или иную сторону, встать над схваткой и попытались авторы тома на его

страницах. Они убеждены, что только научное и беспристрастное осмысление истории Гражданской войны — единственно верный путь поиска истины, преодоления разногласий в ее понимании, достижения исторического примирения.

Это сложный путь, но учитывая научную и общественную значимость проблемы, по нему призваны идти и дальше новые поколения российских и зарубежных исследователей. Поэтому представленная в томе авторским коллективом версия истории Гражданской войны не может быть окончательной. Она отражает ее видение авторским коллективом тома и является попыткой познакомить читателя с современным состоянием историографии проблемы. Изложенный в томе материал позволяет высказать основные концептуальные и принципиальные суждения по наиболее важным и дискуссионным вопросам истории Гражданской войны в России.

Остается дискуссионным вопрос о хронологических рамках этой войны. Одни исследователи ее началом считают Февральскую революцию, другие — корниловское выступление, третьи — поход войск Краснова — Керенского на Петроград и т.д.¹ При этом ни у кого не вызывает сомнений факт резкого обострения противоборства после захвата власти большевиками, которое в ряде районов страны

¹ См.: Гражданская война в России: Взгляд через 100 лет: Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С. 187, 193—197.

приобрело уже вооруженный характер. Но в это время Гражданская война носила лишь очаговый, локальный характер, приобретя наиболее острые формы в некоторых казачьих районах и на Украине, где противники большевиков оказались в явном меньшинстве и в начале 1918 г. потерпели поражение. Это было началом Гражданской войны в широком смысле слова, «малой» Гражданской войной, в которую не была втянута основная масса населения. В ней участвовала лишь незначительная ее часть. Остальную же была занята решением насущных вопросов, которые продекларировал II съезд Советов и которые были созвучны ожиданиям и интересам большинства жителей страны: мир, конец войне, возвращение солдат домой, разрешение земельного, рабочего и национального вопроса. У основной массы населения сохранялись надежды на перемены к лучшему. Но им не суждено было сбыться. В результате действий и сверху, и снизу, совокупности внутренних и внешних факторов нарастали кризис, хаос, которые в конце весны — начале лета 1918 г. привели к широкомасштабной и фронтовой Гражданской войне.

Противники советской власти обосновывали свою непримиримую позицию в отношении большевиков фактом их «узурпации власти», роспуском Учредительного собрания. Авторский коллектив тома и большинство исследователей не считают роспуск Учредительного собрания катализатором Гражданской войны, поскольку последующие недели и месяцы не вызвали взрыва сопротивления в стране. Объяснялось это тем, что «поезд» Учредительного собрания к этому времени уже ушел. Если бы оно собралось ранней осенью — у него еще был какой-то шанс стать действительно общенациональной властью, выработать основополагающий законодательный фундамент для разрешения наиболее острых и актуальных проблем страны, определить перспек-

тивы ее развития. Попытка в дальнейшем собрать противников большевиков под знаменем Учредительного собрания успеха не имела, ибо слишком по-разному они относились к составу этого Учредительного собрания (правые и военные — адмирал Колчак, в частности — впоследствии поддерживали его разгон) и по-разному видели программу действий и будущее России. В то же время нельзя не отметить упущенный большевиками (в лице Совнаркома и ВЦИК) и эсеровским большинством Учредительного собрания шанс учредить новую демократическую Россию с помощью компромисса, который обсуждался в конце 1917 г. и в первые дни 1918 г.

Роль катализатора Гражданской войны сыграл и внешний фактор: вынужденный и унижительный Брестский мир, вооруженное выступление Чехословацкого корпуса, иностранная интервенция.

Период широкомасштабной фронтовой Гражданской войны, начавшись в конце весны — начале лета 1918 г. закончился в 1920 г. исходом из Крыма разбитых красными частей Русской армии и находившихся там гражданских лиц — противников советской власти. Но сама война продолжалась еще два года событиями в Kronштадте, «антоновщиной» — крестьянской войной в Тамбовской губернии, крестьянским восстанием в Западной Сибири и другими проявлениями повстанчества, направленного против чрезвычайной политики большевиков, прежде всего в деревне, боями за советскую власть на территории Дальнего Востока. Поэтому окончанием войны следует считать 1922 г., когда, с одной стороны, введение новой экономической политики привело к ликвидации повстанческого движения, крестьянского «фронта» Гражданской войны а, с другой, — пал последний плацдарм белогвардейцев и интервентов на Дальнем Востоке. Большевики, таким образом, победили всех своих врагов в Гражданской войне. Символом этой победы и убедительным фактом необратимости

результатов войны стало создание в 1922 г. Советского Союза.

Кто были основными участниками Гражданской войны? Традиционно эта война воспринималась как противостояние белых и красных армий. И действительно, по большому счету судьба страны решалась в ходе фронтовых сражений между красными и белыми. Но в вооруженной борьбе участвовали не только армейские части. Был еще и «крестьянский фронт», когда воевали в лесах, на тачанках и т.д. На страницах тома показано, как это было, насколько масштабным было крестьянское повстанческое движение, особенно в 1921 г. Для его подавления командование Красной армии задействовало боевые части, применяло бронепоезда и артиллерию. Наконец, в войне принимали участие националисты, отстаивавшие вооруженным путем созданную ими государственность от посягательств и красных, и белых (например, режим С. Петлюры на Украине). Поэтому Гражданская война — это, во-первых, война между красными и белыми; во-вторых, война крестьян против белых и красных за свои чисто крестьянские интересы; в-третьих, война национальных и региональных правительств против центра.

Участники военных действий не могут быть отделены от остального населения страны, которое непосредственного участия в них не принимало и составляло подавляющую массу всего населения. При этом следует иметь в виду, что противоборствующим сторонам по объективным причинам не удалось бы поставить под ружье больше подвластного населения, чем это было сделано в ходе массовых мобилизаций. Солдат ведь надо одеть, обуть, накормить, вооружить, а возможности для этого были ограничены имеющимися ресурсами, как у красных, так и у белых. Тем не менее на нужды армий противоборствующих сторон работало почти все население страны. Например, подрозверстку и другие повинности выполняло все крестьянство. То же самое с трудовой

повинностью для городского населения. Поэтому Гражданская война в той или иной степени коснулась каждого, причем самым непосредственным образом: на фронтах, на производстве и в других сферах деятельности в тылу, в застенках ВЧК и белой контрразведки, в крестьянских повстанческих отрядах и т.д.

Какие факторы предопределили победу в войне Советской России? Итоги войны, ее исход и свою победу сами большевики нередко называли историческим чудом, учитывая крайне неблагоприятное соотношение сил, борьбу с противниками не только внутри страны, но и с международной интервенцией. Но в действительности эта победа была во многом закономерной, обусловленной комплексом причин, связанных, с одной стороны, со слабостями и проблемами противников большевиков, а с другой, — с преимуществами и достоинствами, которыми обладали большевики, Советская Россия и Красная армия.

Начнем все-таки с того, что противники большевиков обладали рядом несомненных преимуществ. Командный состав Белого движения был лучше профессионально подготовлен, и белые, в отличие от большевиков, не боялись измены в своих рядах. Противники советской власти располагали большей частью таких хорошо подготовленных в военном отношении групп населения, как казачество и офицерство. Они, контролируя основные сельскохозяйственные районы и имея на своей территории меньше крупных городов, тем самым лучше обеспечивали продовольственное снабжение, что было важным фактором в Гражданской войне. Кроме того, белогвардейцы получали большую военную и финансово-экономическую помощь из-за рубежа, опирались на поддержку, в том числе вооруженную, иностранных союзников. Антибольшевистские силы пользовались поддержкой Церкви в лице различных ее конфессий. Но, несмотря на все это, они потерпели поражение.

К числу причин поражения противников большевиков относятся территориальная разобщенность, отсутствие согласованности, единого плана действий и военной стратегии, четкой связи и взаимодействия белых армий. Белые на протяжении всей Гражданской войны оставались разрозненными, действовали несогласованно, хотя формально объединились, признав Верховным правителем России адмирала Колчака.

Белое движение опиралось на более слабо развитые регионы, чем красные, на окраины, где не было военной промышленности, что ставило их в зависимость от иностранных поставок, и развитой транспортной системы. Негативную роль играло отсутствие единого и сплоченного руководства антибольшевистского движения, соперничество военных и политических лидеров, дефицит авторитетных руководителей, которые по своему уровню и популярности среди населения могли быть сравнимы с лидерами большевиков.

Характерной чертой военного времени являлось ослабление партийно-политической составляющей антибольшевистского движения при общей тенденции его поправления, движении к военной диктатуре, что означало и сокращение социальной опоры белогвардейских режимов. Неспособность создать широкий политический фронт оппозиционных большевикам сил — от умеренных социалистов до правых и монархистов — и обеспечить их единство действий, привлекая на свою сторону и широкие слои населения, во многом обусловило их поражение в Гражданской войне. Одной из причин неудач, выявившихся уже на начальном этапе борьбы и усилившихся в ходе ее, была несовместимость и противоборство умеренных социалистов, которые могли привлечь на сторону противников большевиков значительные слои населения, и ядра Белого движения — офицерства, которое было призвано обеспечить военную организацию противобольшевистских сил (армий).

Отдельные социальные группы, оказывавшие большую поддержку Белому движению, вместе с тем, реализуя свои частные интересы, несли ему слабость и противоречивость. Речь идет прежде всего о казачестве с его тягой к автономии и стремлением защищать от большевиков только свои земли, часто не желая выходить за их пределы, как того требовали стратегические интересы войны, и с «атаманщиной», как выражением или стремлением к независимости от высшего белого командования.

Среди противоречий Белого движения была борьба сторонников прозападного и традиционного направлений в его рядах. В целом же были очевидны его идейно-политические слабости. Отсутствие общей программы борьбы не компенсировалось наличием формулируемых целей и задач. Тактика «непредрешенства» не столько объединяла, сколько вызывала вопросы и сомнения, связанные с перспективами борьбы, будущим устройством страны и решением ключевых проблем, волновавших общество, в случае победы белых. Лозунг «единой и неделимой России» вызывал большие сомнения у представителей национальностей, а великодержавие и часто агрессивный русский национализм белых отталкивали от них лидеров национальных движений. Слабостью Белого движения была не только национальная, но и рабочая, и аграрно-крестьянская политика. Противники большевиков не смогли сформулировать программу борьбы, которая привлекла бы на их сторону основную часть населения. Отсутствие широкой социальной опоры и прочного тыла белых режимов во многом предопределило исход борьбы в Гражданской войне.

Большой темой Белого движения была низкая эффективность управления, часто пораженного коррупцией. Одной из причин его поражения была морально-нравственная деградация власти и самого движения. Один из его видных участников

В. В. Шульгин писал в связи с этим: «Блосе движение было начато почти что святыми, а кончили его почти что разбойники». «Утверждение это исторгнуто душевной жестокой душевной болью, — добавлял он, — но оно брошено на алтарь богини Правды»².

Крайне противоречивую роль в Гражданской войне сыграла иностранная интервенция в России, первоначально, в 1918 г., государств Четверного союза, и в течение нескольких лет стран Антанты. Она носила комплексный характер: вооруженное вмешательство (с нахождением на российской земле, хотя и одновременно, более 1,5 млн иностранных солдат), политические и финансово-экономические действия, экономическая и торговая блокада Советской России. Осуществление интервенции крайне обострило Гражданскую войну в России, было ее важным компонентом, имевшим противоречивые последствия. С одной стороны, иностранное вмешательство, и прежде всего вооруженное, представляло большую опасность для советской власти, а с другой — создавало, казалось бы, благоприятные условия для расширения и укрепления антисоветского движения и победы противников большевиков в войне. Но в действительности все оказалось неизмеримо сложнее.

Конец 1917 и большая часть 1918 г. прошли под знаком непростого выбора, который делали противники советской власти в России между двумя противоборствовавшими в мировой войне коалициями, расширявшими военное присутствие на российской земле. В ряде случаев это вело к расколу в 1918 г. противников большевиков по вопросу о выборе внешнеполитической ориентации (партия кадетов, «Правый центр», генералы Деникин и Краснов, воевавшие на Юге России). Окончание Первой мировой войны и поражение Четверного союза сделали выбор безальтернативным

и помощь противники большевиков могли получить только со стороны стран Антанты.

Гражданская война обнажила разные варианты отношений интервентов и противников большевиков внутри России. В ряде регионов антисоветские режимы самым своим возникновением были обязаны действиям интервентов (Север России и, в известной мере, Дальний Восток), что предопределяло и характер их отношений, в других — возникшие антибольшевистские правительства стремились получить всемерную военную и финансово-экономическую помощь из-за рубежа. Без иностранной военной помощи белые армии не смогли бы вести сколько-нибудь продолжительные и успешные боевые действия против Красной армии. Но получение помощи из-за рубежа и складывание военно-политического союза с интервентами часто не столько улучшали, сколько осложняли положение антибольшевистских правительств, ибо усиливали их зависимость от внешней поддержки и играли на руку пропаганде большевиков утверждавшей, что они являются марионетками иностранного империализма.

Мотивация действий стран-участниц интервенции в России эволюционировала на протяжении войны, включая в себя комплекс политических, геополитических, военно-стратегических и экономических мотивов и интересов. Если первоначально действия зарубежных государств в России были во многом обусловлены военно-стратегическими интересами, проистекавшими из мировой войны, — ликвидировать Восточный фронт или, напротив, воссоздать его, то в дальнейшем, на протяжении 1918 г. и особенно после окончания мировой войны приобретали ярко выраженный антибольшевистский и антироссийский характер, были направлены на ослабление и раскол российского государства, ликвидацию его как влиятельной силы в меж-

² Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 69.

дународных отношениях, укрепление или восстановление экономических позиций зарубежного капитала в России.

Налицо были глубокие противоречия во взглядах иностранных лидеров и военачальников ведущих стран Антанты на характер и цели интервенции и прежде всего в отношении масштабов вооруженного вмешательства в Россию и объемов помощи противникам большевиков здесь, что мешало выработке стратегии интервенции и ее осуществлению. Не увенчались успехом попытки руководства Антанты вовлечь в активную военную интервенцию против Советской России все граничащие с ней малые страны.

Иллюзией оказались надежды лидеров антибольшевистского движения на бескорыстную помощь союзников по Антанте. В период Гражданской войны и в дальнейшем в эмиграции из лагеря противников большевиков часто звучали суждения, что лидеры держав Антанты предали их, эвакуируя свои войска из России, прекращая или сводя к минимуму военную и иную помощь и, более того, что действия интервентов оказались в большей мере на руку большевикам, чем тем, кому, казалось бы, они призваны были помочь.

Действительно, советская власть успешно вела пропагандистскую войну против интервентов, что дало В. И. Ленину основание заявить, что «мы у нее (Антанты) отняли ее солдат»³, а также и против белогвардейцев. Большевики убеждали население в том, что ведут борьбу за спасение Отечества от иностранного порабощения, что Гражданская война — это во многом и отечественная война против иностранных захватчиков. И это находило отклик среди значительной части населения России и представителей разных его слоев.

С другой стороны, следует иметь в виду, что участники интервенции стремились реализовать в России прежде всего собствен-

ные цели, а противников большевиков хотели использовать для их реализации. К тому же, лидеров ведущих стран Антанты настораживали великодержавные амбиции сторонников «единой и неделимой» России, и им не нужно было возрождение сильного российского государства как конкурента на международной арене.

Вместе с тем своей победой в Гражданской войне большевики обязаны были не только слабостям и противоречиям своих противников. Они имели немало преимуществ и сильных сторон и прежде всего олицетворяли собой и своей программой многовековую мечту людей о справедливом обществе, без насилия и без эксплуатации человека человеком. Советская власть и большевики использовали в своих интересах многовековую ненависть «низов» к «верхам», белые же ассоциировались в широком народном сознании с прежними правителями, и это во многом предопределило исход Гражданской войны.

В отличие от своих противников, которые не смогли выработать и реализовать общегосударственную политическую и социально-экономическую программу, большевики сумели это сделать. Они обеспечили подчинение всей жизни Советской России и общества интересам вооруженной борьбы, проводили жесткую и целенаправленную политику в различных сферах жизни. В сравнении со своими противниками и в отличие от них большевики были способны вести диалог с обществом, говорить с основными слоями населения — рабочими и крестьянами не только на языке насилия, но используя аргументы убеждения и ссылаясь на то, что уже было сделано после революции в их пользу советской властью. Большевики несравненно более умело, активно и успешно, чем противники, умели говорить и взаимодействовали с представителями различных национальностей.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 391.

В широком общественном сознании масс руководители советской власти воспринимались как люди, делавшие ошибки, проводившие чрезвычайную, а нередко и жестокую политику, но в то же время как выходцы из народа, движимые в своих действиях суровыми реалиями войны. Значительная часть населения выражала надежду, что с окончанием войны политика большевиков и советской власти изменится к лучшему.

Особую роль в победе сыграла партия большевиков, которая в годы войны кардинально изменилась, стала ядром и главной цементирующей силой государства и вооруженных сил. Ее руководство прорабатывало и контролировало все вопросы жизни страны и общества, от идеологии и политики до военного дела, экономики, социальных отношений и культуры, организации партизанского движения и подполья в тылу врага и через свою жесткую и дисциплинированную структуру партийной организации проводило намеченное в жизнь.

Идейно-политическая и организационная сплоченность советского лагеря, руководимого коммунистической партией, с целеустремленностью, верой в будущее, революционным фанатизмом и аскетизмом, присущим большинству его членов, была важным фактором победы в войне. К концу Гражданской войны в РКП(б) насчитывалось сотни тысяч человек, составлявших ядро армии и государственного аппарата в центре и на местах. Партия большевиков обладала разветвленной сетью партийных ячеек — более 20 тысяч к концу 1920 г., которые помогали контролировать ситуацию в городской и сельской местности, на фронте и в тылу⁴.

Коммунистическая партия имела плеяду ярких харизматических лидеров, способных говорить с массами, равных кото-

рым не имели их противники. Большевики оказались лучшими строителями новой государственности, более дееспособной в условиях войны, чем у их оппонентов. Несмотря на совершаемые ошибки, советская власть и большевики более умело, гибко и своевременно, в сравнении с противниками, перестраивали свою стратегию и тактику в меняющихся условиях Гражданской войны, постоянно имели в своем распоряжении довольно значительные материальные, военные и социальные ресурсы, предопределявшие поворот в их пользу в критические моменты войны.

В руках большевиков находилась центральная часть страны с ее крупным промышленным потенциалом, транспортными узлами и коммуникациями, что давало им несомненные географические, геополитические, военно-стратегические и экономические преимущества над противниками, действовавшими разрозненно, позволяло эффективно перенаправлять и концентрировать силы для противодействия врагу.

Во многом определяющим фактором победы в войне была Красная армия, армия нового типа, многочисленная (более 5 млн к концу Гражданской войны), организованная и спланиваемая на основе новых принципов, которая, несмотря на многочисленные трудности в строительстве, научилась побеждать армии своих противников. Ее ядро составляли коммунисты (около 300 тыс. человек, более 50 тыс. из которых погибли) и комсомольцы (более 70 тыс. к концу войны)⁵. Партийные, комсомольские и профсоюзные мобилизации в армию были чрезвычайно значимы для укрепления ее рядов.

Победы Красной армии во многом определялись ее командным составом. В создании Красной армии важную роль сыграли военные специалисты. В 1918 г. доля быв-

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 3. Кн. 2. М., 1968. С. 554, 555; Россия в Гражданской войне. 1918—1922: Энциклопедия. В 3 т. Т. 3. М., 2021. С. 77.

⁵ История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 3. Кн. 2. С. 554, 561.

ших офицеров в командном составе Красной армии составляла 75%, но в дальнейшем она снижалась — 53% в 1919 г., 42% в 1920 г., 34% в конце 1921 г. и в 1922 г. — не более 23%. Это являлось и результатом выдвижения на командные должности лучших солдат, матросов, рабочих и крестьян. Тем более что в Советской России действовали в годы войны многочисленные курсы красных командиров, дававших Красной армии новые командные кадры. В РККА числилось: 4710 кадровых офицеров, получивших образование до начала Первой мировой войны, 15 592 офицера военного времени, 39 896 командиров без военной подготовки, 220 выпускников военных академий, 2372 выпускника высших школ, 12 752 выпускника школ и курсов командного состава⁶. В конце Гражданской войны в РККА служили около 130 тыс. командиров, и не менее чем две трети из них составляли представители рабочего класса и трудящегося крестьянства⁷. Следует заметить, что командный состав Красной армии был очень молодой. В 1922 г. люди в возрасте от 18 до 32 лет составляли в нем 93,4%, в том числе около 57% — в возрасте 23—27 лет⁸.

В годы Гражданской войны в Советской России сформировалась блестящая плеяда талантливых и выдающихся полководцев и военачальников, в их числе были и крупные специалисты старой русской армии, и командиры-самородки, выходцы из народа, деятельность которых во многом определила успех в войне.

Родившееся в годы Гражданской войны советское военное искусство имело важные и принципиальные особенности, отличалось единством военной и политической стратегии, способностью сосредоточить основные усилия на главном и решающем направлении, быстро переориентироваться

и перегруппировывать силы в соответствии с меняющейся ситуацией, использовать разнообразие форм оперативного маневра, учитывать боевые и морально-политические факторы и др.

В сплочении Красной армии, повышении ее боевого и морального духа, в политическом и ином воспитании личного состава важную роль играли партийно-политический аппарат и военные комиссары, опиравшиеся на большевистские партийные ячейки в войсках. Кроме того, они держали под своим неослабным контролем деятельность военных специалистов.

Система ВЧК и чрезвычайных комиссий, при всех их проблемах и недостатках деятельности, внесла большой вклад в обеспечение безопасности тыла Советской России, в борьбу с политическими противниками и контрреволюционными организациями.

Массовое подпольное и партизанское движение в тылу противника, дезорганизующее его и охватившее огромные территории, в котором важную роль играли большевики, стало важным фактором победы в Гражданской войне.

Национальная программа с ее привлекательными положениями и лозунгами (право наций на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие всех национальных меньшинств и др.) и политика советской власти обеспечивали сплочение вокруг нее значительной части трудящихся разных национальностей многонациональной страны. Важным фактором победы большевиков в войне стал военно-политический союз советских республик, объединение их усилий и ресурсов. Этому всемерно способствовало наличие единой коммунистической партии, дей-

⁶ Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 41.

⁷ История гражданской войны в СССР: В 5 т. Т. 5. М., 1960. С. 375.

⁸ Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 40—41.

ствовавшей на обширном постимперском пространстве, работа ее национальных структур и подразделений. По мере расширения пределов Советской России большевики получали значительную общественную легитимизацию как собиратели земель распавшейся Российской империи.

Советская власть умело использовала в борьбе с внешними и внутренними противниками для разложения и деморализации их войск идейно-политическое и агитационно-пропагандистское оружие. В условиях иностранной интервенции большевики воспринимались значительной частью общества как государственники, спасающие Отечество от внешнего врага и порабощения страны. Они взаимодействовали и умело использовали в своих интересах нараставшее за рубежом движение под лозунгом «Руки прочь от России!», охватывавшее разные слои населения в странах-участницах интервенции и выступавшее за вывод из России иностранных войск.

Важным фактором поддержки Советской России являлось оформившееся в годы Гражданской войны международное коммунистическое движение (компартии и группы существовали к концу 1920 г. в 40 странах мира⁹), организационным и политическим центром которого был Коммунистический Интернационал, активно взаимодействовавший с советским руководством и партией большевиков. Значимую роль в победе большевиков в войне сыграли несколько сот тысяч иностранцев, именуемых в то время интернационалистами, в большей своей части бывших военнопленных, воевавших в рядах Красной армии и работавших в партийных и государственных органах, в составе чрезвычайных комиссий, действовавших в подполье и в рядах партизанского движения на контролируемых противником территориях.

В ходе Гражданской войны рождалась советская внешняя политика и диплома-

тия, которые осуществлялись не только и не столько на межгосударственном уровне, сколько воздействовали через головы иностранных правительств, обращаясь непосредственно к народам этих стран, использовали противоречия внутри империалистических держав и между странами-участницами интервенции в России, между крупными и малыми государствами.

Чрезвычайная социально-экономическая политика, именуемая «военным коммунизмом», несмотря на все ее недостатки и негативные последствия, позволила советской власти выжить, выстоять в тяжелое военное время, дать фронту необходимое оружие, амуницию и снаряжение, а тылу — хотя бы в минимуме, но промышленные товары, сырье и продовольствие.

В период Гражданской войны были заложены основы советской культуры, образования и науки: осуществлялась политика ликвидации безграмотности, обеспечивалась доступность для населения школьного и высшего образования, создавались научные центры, высшие и специальных учебные заведения, внедрялись передовые методы обучения и воспитания, утверждалась советская государственная символика, новые формы художественного творчества.

Советская власть и большевики при всех перепадах общественного мнения и настроений общества обладали в условиях войны большей поддержкой, и прежде всего низов населения, чем их противники, что, конечно итоге, и предопределило исход Гражданской войны, победу советского лагеря в ней. Эта победа была достигнута колоссальным перенапряжением сил и благодаря использованию методов как убеждения, организации, так и насилия.

Впрочем, сама тема победы в Гражданской войне нередко является предметом дискуссии, ибо существуют суждение, что в подобных войнах нет, и не может быть победителей, но проигрывает все общество

⁹ История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 3. Кн. 2. С. 563.

и население страны в целом, неся колоссальные потери и издержки. Вместе с тем существует и точка зрения, что в войне выиграли не большевики, а крестьянство, заставив советскую власть отступить и ввести нэп.

Действительно крестьянство, составлявшее более 80% населения России, во многом предопределило исход Гражданской войны в России. Но при всей противоречивости поведения крестьянства в Гражданской войне, его массовом протестном движении и стремлении воплотить на практике «свою правду», именно поддержка, оказанная его значительной частью советской власти в борьбе с белогвардейцами, и союз рабочего класса и трудового крестьянства стали одной из причин победы большевиков в войне.

Рабочий класс, при наличии в его рядах протестных настроений и действий в отношении советской власти в военные годы и при резком сокращении его численности, тем не менее в значительной своей части являлся главной и наиболее надежной социальной опорой большевиков, ядром Красной армии, РКП(б) и государственно-го аппарата страны.

Россия вышла из Гражданской войны, понесла большие экономические потери. Ущерб, причиненный народному хозяйству, составил около 50 млрд золотых рублей. Промышленное производство упало до 4—20% от уровня 1913 г. Сельскохозяйственное производство сократилось почти вдвое¹⁰. Все промышленные и производственные мощности европейской части страны находились в критическом состоянии. Особенно пострадали объекты машиностроения, металлургии и в целом тяжелой промышленности. Была разрушена и приведена в негодность большая часть производственного потенциала фаб-

рик и заводов легкой промышленности, принадлежащих ранее частным лицам. Были разрушены ранее существовавшие экономические связи между регионами страны.

Колоссальный ущерб был нанесен транспорту. За время военных действий была нарушена целостность его инфраструктуры, не разрушенными оказались лишь 15 тысяч верст железных дорог из 75 тысяч, существовавших в 1914 г. Была разрушена банковская система, что способствовало оттоку материальных ценностей из страны, несмотря на проведение национализации банковского сектора. Обесценивание национальной валюты привело к переходу на систему товарообмена. Тяжелый ущерб понесли и другие отрасли экономики. В ходе военных действий и последовавшей разрухи пострадали тысячи городов, поселков и деревень, заводов и железных дорог, огромные имущественные потери понесли жители страны.

К числу последствий Гражданской войны относится деурбанизация. Города обезлюдели, происходил массовый отток населения в сельскую местность ради выживания.

Одной из самых трагичных страниц и последствий Гражданской войны являлись человеческие потери. Эта тема относится к числу наиболее сложных и дискуссионных. В большей мере изучены потери Красной армии и антисоветских вооруженных формирований. Согласно существующим оценкам, общие безвозвратные потери Красной армии составили 939 765 человек, и примерно такими же были потери антисоветских вооруженных формирований. Таким образом, безвозвратные потери воюющих армий составили менее 2 млн человек, или 1,4% от всего населения к началу 1918 г.¹¹ Причем основную часть этих потерь составили не погибшие в ходе боевых

¹⁰ Гражданская война в СССР: В 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 406.

¹¹ Гриф секретности снят. М., 1993. С. 54; Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1986. С. 104.

действий, а умершие в результате болезней и прежде всего инфекционных.

Одной из особенностей гражданских войн в сравнении с другими видами войн является то, что в них гибнет главным образом гражданское население, и в первую очередь от болезней и голода. По данным В. П. Данилова, смертность в стране только от эпидемии испанки составила 3—4 млн человек, а от тифа, дизентерии и оспы умерло 2,1 млн¹². Одним из страшных последствий Гражданской войны стал голод 1921—1922 гг., вызвавший массовую смертность населения.

В целом же, данные о прямых потерях населения страны в результате Гражданской войны варьируются в большом диапазоне — от 4,4—8 до 16—18 млн человек, нередко останавливаясь на средней между ними цифре в 10—13 млн¹³. Ю. А. Поляков, многие годы занимавшийся изучением темы населения и его потерь в результате Гражданской войны, утверждал, что оно в сопоставимых границах сократилось с 1917 по 1922 г. почти на 13 млн, а косвенные потери народонаселения составили 12 млн человек¹⁴.

Но потери от Гражданской войны — это не только погибшие, умершие от ран, голода и болезней, а также ушедшие из жизни преждевременно в результате ее последствий. Одной из тяжелых потерь для страны являлась эмиграция из страны, о чем шла речь на страницах этого тома. Наиболее распространенная оценка численности эмигрантов — 2 млн че-

ловек, что соответствует количеству паспортов, выданных бывшим гражданам России от имени верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансена. Но так как эти паспорта получали не все эмигранты, то общая их численность доводится, по некоторым оценкам, до 3,5 млн человек¹⁵. Значительную часть эмигрантов составляла интеллигенция и, хотя трудно оценить интеллектуальные потери, понесенные в результате этого страной, но они были велики.

В результате боевых действий погибла значительная часть наиболее дееспособной и социально активной части населения, а следствием массового террора стало уничтожение или устрашение, подавление или изоляция политически активной части граждан, что не могло не сказаться на послевоенных процессах.

Исход Гражданской войны в России имел различные последствия в разных сферах жизни страны и в международных отношениях, как кратковременного, так и долговременного действия. Одним из результатов Гражданской войны стало сокращение территории страны и создание независимых государств в Финляндии, Польше и Прибалтике, потеря Бессарабии. Россия потеряла территории, где проживало 15,4% населения и находилось 10% железных дорог и треть индустриальных предприятий, производивших пятую часть промышленных товаров¹⁶.

Следствием Гражданской войны стало «усреднение» социально-культурного

¹² Родина. 1990. № 10. С. 15.

¹³ Гражданская война в СССР: В 2 т. Т. 2. С. 406; Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. С. 127—128; Родина. 1990. № 10. С. 14—15; Булдаков В. П. Красная смута. М., 1997. С. 244; Здоров А. А. Гражданская война: потери населения. Опыт сравнительного анализа // Свободная мысль. 1999. № 10. С. 119; Голдин В. И. Россия в гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 216—217.

¹⁴ Поляков Ю. А. Гражданская война: взгляд сквозь годы // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 279; Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. С. 127—128.

¹⁵ Родина. 1990. № 10. С. 15.

¹⁶ Уткин А. И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 1994. С. 508.

уровня населения, архаизация, окрестывание социума, ослабление городской цивилизации. Глубокие изменения произошли в социально-классовой структуре общества, исчезли целые классы и слои населения. Серьезнейшим образом пострадали островки городской культуры в стране, произошли процессы маргинализации.

Переплетение в Советской России в годы войны процессов архаизации, милитаризации и огосударствления, отождествляемого с социализмом, привело к ослаблению демократических и усилению авторитарных компонентов революционного процесса, способствовало «упрощению» всей общественной жизни.

Далеко идущими последствиями Гражданской войны стали централизация и бюрократизация власти, широкое использование ею приказных методов, традиции принуждения и репрессий. На послевоенном развитии сказались укоренившиеся традиции классового подхода и классовой борьбы, доведенные до абсолюта в годы войны. Фактором долговременного действия стала уравнительность и ее конкретные проявления — уравнительная справедливость, уравнительная психология и аскетизм. Произраставшие из революции и развивавшиеся в условиях Гражданской войны они рождали привычку к однородному и более или менее равному низкому уровню жизни. Уравнительность в бедности стала устойчивой традицией советского времени. Но привычка к «затягиванию поясов» и уравнительность не создавали должных стимулов к экономической деятельности и повышению качества труда, не обеспечивали рост его производительности и объективно способствовали нарастанию сложных и негативных явлений, тормозили развитие страны в послевоенные годы.

В целом же советское общество сформировалось во многом и выросло из Гражданской войны, поэтому сложившиеся привычки, традиции, психология и менталитет, поведение как руководителей, так

и представителей широкой народной массы, во многом предопределили путь и направленность послевоенного развития.

Огромные изменения произошли в годы войны в коммунистической партии и советском государстве. Именно Гражданская война и ее чрезвычайные условия определили складывание однопартийной системы и характер функционирования партии большевиков (как своеобразной «партии-государства») и советской государственности. Военное время показало популярность советского типа и формы государственности в международных масштабах и стремление называть государства, где побеждали революции, советскими (Венгрия, Бавария).

Вместе с тем в самой России Советы, формально сохраняя в своих руках всю полноту власти, на деле стали играть подчиненную роль во взаимоотношениях с партией большевиков, которая определяла характер государственной политики и следила за ее осуществлением. Этатизм, резко ослабший в условиях разрушения государственности в 1917 г., вновь возродился в ходе Гражданской войны, и советское государство закрепило за собой право вмешиваться и жестко контролировать все сферы жизни общества и личную жизнь граждан. Происходило растворение человеческой личности в государстве.

Характер борьбы — не на жизнь, а на смерть — вырабатывал соответствующие качества в партийных и советских кадрах: решительность, твердость, жесткость, перераставшую в жестокость, непримиримость, двухцветное — красно-белое видение мира, действительности и др. Политическая культура «воюющей партии» и ее членов, вернувшихся после окончания войны в основной своей массе в гражданское общество, как и в целом нескольких миллионов людей, прошедших в Красной армии школу войны, и у которых сформировался «военный менталитет», выступали гарантами незыблемости политических завоеваний революции и не-

редко противниками «персереждения» общества и власти в эпоху нэпа. Но именно это и крайне затрудняло послевоенную перестройку общества на основе принципов рыночной экономики и гражданского мира.

В период Гражданской войны происходило формирование советской государственной идеологии, проистекавшей изначально из марксистской доктрины, которая вместе с тем претерпела кардинальные перемены. На смену первоначально господствовавшему в эпоху Российской революции политическому и идеологическому плюрализму приходит и утверждается идеология одной партии. «Пролетарский интернационализм», постепенно ослабевая, уступает место советской имперской державности. Неоправдавшиеся надежды на мировую революцию и международную гражданскую войну, в тот числе посредством «красной интервенции», сменились идеями «опоры на собственные силы» и строительства социализма в одной стране. В новой государственной идеологии переплелись авторитаризм, патернализм и новая коллективность, базирующаяся на традициях общинности.

Гражданская война оказала противоречивое воздействие на культуру страны, стала временем глубоких перемен, экспериментов, исканий и потерь, привнесла в политическую культуру нового общества традиции конфронтационности, разделения на «своих» и «чужих». В ходе войны родился особый тип «воюющей культуры», «красный» проект победил «белый» и стала формироваться новая советская культура. Но следствием эпохи войн стали глубокие социально-нравственные перемены в обществе, духовный кризис, дегуманизация, привычка к аргументам подавления и насилия. Духовное, идейно-политическое и психологическое наследие Гражданской войны стало живительным источником сталинизма, способствовало осуществлению так называемой революции сверху в конце 1920-х гг.

Многообразны оказались международные последствия Гражданской войны в России. Это прежде всего сам факт появления на международной арене государства, провозгласившего социалистические цели и идеи, которые стали очень привлекательны в XX в. Резко активизировалась революционная борьба в мире, важным ее фактором стало коммунистическое движение с центром в Советской России в виде Коминтерна. Под влиянием событий в России произошел мощный подъем национально-освободительного движения, обнажился глубокий кризис капиталистической системы, которая в своем последующем развитии должна была учитывать исторические уроки Российской революции и Гражданской войны, проводить в жизнь социальные реформы.

В ходе Гражданской войны Советская Россия отвоевала себе право на самостоятельное существование, но характер складывающихся отношений, торговых, а затем и дипломатических, с капиталистическими государствами оставался сложным.

Важным следствием Гражданской войны в России стали недоверие, неприязнь и враждебность к западным странам и Японии — вчерашним участникам интервенции, укоренившиеся в умах руководителей Советского государства и среди основной массы населения, что стало предпосылкой для формирования менталитета «осажденной крепости». Система Версальско-Вашингтонских договоренностей, которой страны Антанты — победители в Первой мировой войне — попытались скрепить послевоенный мир и международные отношения, создавалась без участия России. Это сформировало негативное отношение советского руководства к ней и стимулировало послевоенное сотрудничество с Германией, другим изгоем новой системы международных отношений, что, в свою очередь, способствовало милитаризации последней и подрыву системы послевоенных договоренностей. В дальнейшем все

вышеуказанное привело к срыву замыслов создания системы коллективной безопасности в Европе и в конечном итоге к Второй мировой войне.

Победа большевиков в Гражданской войне, ставшей завершающим периодом Великой российской революции, открыла возможности для реализации их программы действий. Речь идет об упразднении сословности, классового и социального неравенства, помещичьего землевладения, отделения церкви от государства и школы от церкви, расширения социальной мобильности и открытии вертикальных социальных лифтов для выходцев из народа, стремлении к социальному равноправию, повышению уровня и качества жизни широких слоев населения, к обеспечению равноправия народов и полов, бесплатности образования и медицинской помощи, а также о прогрессе в образовательной, научной и культурной сфере и др. Все это оказало колоссальное влияние на мир, заставило капитализм меняться, способствовало его социализации и гуманизации, ориентации на создание социальных государств, обществ всеобщего благоденствия в развитых странах мира, краху колониальной системы и др.

Вместе с тем победа советской власти в Гражданской войне принесла запрет свободной торговли, частной собственности и рыночной экономики, широкое использование принудительного труда и уравнительность, однопартийную диктатуру, огосударствление разных сфер жизни, подчинение общества государству, зависимость всех ветвей власти от высшего руководства, что вело к злоупотреблениям и попранию законности, к всевластию спецслужб, подавлению оппозиции и проявлений инакомыслия, ограничению деятельности церкви и свободы вероисповедания и др.

В этом смысле можно говорить о том, что в долговременной перспективе победа большевиков в Гражданской войне сформировала те силы, которые установили

в стране сталинскую диктатуру. Победила партия, ориентированная на силовое решение проблем. У ее актива сформировалась идеология классовой ненависти. Коллективизацию и индустриализацию проводили люди с опытом и менталитетом Гражданской войны. Они делали ставку на решительность, бескомпромиссность, силовой вариант и уничтожение мнимых и реальных врагов. Индустриализацию и коллективизацию претворяли в жизнь именно такие люди, сильные, идейно убежденные, знавшие, что такое Гражданская война. Она и сформировала их как личности и их руками выковала сталинизм, как систему, осуществившую жизненно необходимую для подготовки к грядущей войне форсированную индустриальную модернизацию. Без нее одержать победу в Великой Отечественной войне было нельзя. Опыт Гражданской войны пригодился в 1941—1945 гг., помог выстоять в экстремальных условиях.

В данном контексте другое долговременное последствие Гражданской войны состояло в том, что она не закончилась расчленением России, оккупацией части ее территории и созданием марионеточных правительств на остальной. Победителям удалось сохранить российскую государственность, что было признано и их противниками — белыми. Со временем созданный в результате войны Советский Союз превратился в мощнейшую державу. Такой сильной России никогда не было. И это тоже результат Гражданской войны.

Гражданская война стала целой эпохой в истории страны, насыщенной событиями, глубокими переменами, потрясениями, страданиями. Для одних ее участников — это была героическая эпопея, полная свершений, подвигов, самопожертвования и достигнутая победа ради реализации мечты о справедливом обществе. Именно это поколение победителей и его историки создали «героический миф» о Гражданской войне, который лег в основу ее советского

понимания. Для других Гражданская война была драмой и трагедией, временем страданий, террора, а для многих — и потерей Родины.

Как уже отмечалось, на страницах этого тома воссозданы эти сложные и противоречивые страницы истории, раскрыта реальная картина жизни России в эпоху Гражданской войны, и в связи с этим, перефразируя поэта Максимилиана Володина, всем нам, потомкам участников этой войны, нужно молиться за тех и за других, а также знать реальную историю войны, чтобы подобная трагедия никогда не повторилась в России. Для этого важно избегать нагнетания политической нетерпимости и психоза. Памятуя об уроках Гражданской войны, в наше время необходимо осознать, что насилие порождает насилие. Нельзя решать важные, общественно значимые проблемы с помощью насилия, необходимо искать компромисс.

Опыт и уроки иностранного вмешательства и военной интервенции указывают на недопустимость во внутривнутриполитической борьбе апеллировать к зарубежной поддержке, получать помощь из-за рубежа, учитывая то, что политики других стран, вмешиваясь, будут стремиться к реализации прежде всего собственных интересов. Понимание, представление, грамотное и последовательное отстаивание российских национальных интересов является актуальной задачей современного государства, власти в тесном диалоге и сотрудничестве с обществом.

Усвоение уроков российской Гражданской войны начала XX в. требует от современных политиков, лидеров партий и общественных организаций, политологов и конфликтологов грамотных антикризисных решений в нередкое возникающих и сегодня сложных политических и социальных ситуациях. Политическая терпимость, заинтересованный диалог власти, общества и граждан, различных общественно-политических сил, цивилизованные способы

разрешения возникающих споров и конфликтов чрезвычайно актуальны в нынешней российской политике.

Для России, как страны многонациональной, особое значение имеет противодействие культивированию национальной розни, разжиганию национальных, межнациональных и межэтнических конфликтов, воспрепятствование этнофобии. Не менее важным является понимание современным обществом и его гражданами всей драмы и трагедии российской Гражданской войны, глубокое осознание ее последствий, убеждение в том, что методы насилия и вооруженных действий не могут, по большому счету, дать положительных результатов и привести к прогрессу страны.

Настоящий том призван стать важной вехой на пути осмысления и более глубокого понимания Гражданской войны в России. Вместе с тем это не означает завершения исследования этой темы и эпохи. Изучение истории российской Гражданской войны не может закончиться ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Слишком велики ее значение, уроки и последствия для нашей страны, и в силу этого чрезвычайно велика ответственность историков, имеющих дело со столь сложной, актуальной и взрывоопасной темой.

Исключительно важным видится усвоение уроков истории Гражданской войны в стране и примирение российского общества, до сих пор в значительной мере расколото на «красных» и «белых». В этом значимую роль призвана сыграть грамотная мемориализация Гражданской войны, сохранение исторической и культурной памяти о ней. Эта работа требует профессионализма, вдумчивости и комплексных усилий политиков, государственных деятелей, историков, журналистов и писателей, работников образования и культуры, общественных организаций, обеспечения приоритета духовно-нравственного измерения в ней. Те или иные проекты, связанные с Гражданской войной, требуют тща-

тельной научной и общественной экспертизы, ухода от политико-идеологических пристрастий, учета мнения специалистов и предотвращения возможных негативных последствий.

Важно отказаться от нередко выдвигаемых поспешных и непродуманных проектов мемориализации, не прошедших должной исторической экспертизы. Они часто не способствуют делу примирения, а, напротив, создают темы и точки социальных протестов. Не приносят пользы обществу легковесные и далекие от исторической правды литературные произведения и фильмы о Гражданской войне. Важно избегать перехода из крайности в крайность, когда клеймятся и предаются забвению одни, и идеализируются другие. Печальным фактом является то, что памятники Гражданской войны советской эпохи часто разрушаются или находятся в запущенном состоянии, а памятники представителям другой стороны, пусть и с трудностями, но множатся в городах

страны. Важно инвентаризировать и подерживать в надлежащем состоянии все мемориальные места Гражданской войны, памятники и захоронения.

Главное — это сохранить память о Гражданской войне, как о судьбоносном событии национальной истории, чтобы память о нем не разделяла, а объединяла граждан России, содействовала формированию гражданского общества, укреплению народовластия и демократии в стране. Именно об этом говорил президент России В. В. Путин 18 марта 2020 г. в Севастополе на встрече общественных организаций в связи с 6-й годовщиной воссоединения Севастополя и Крыма с Россией¹⁷.

Все вышеназванное и дальнейшая научно-исследовательская работа по изучению Гражданской войны в России призваны способствовать корректному восприятию ее исторического опыта и уроков и сохранению памяти об этой сложнейшей, драматической и трагической эпохе отечественной и мировой истории.

¹⁷ URL: <https://crimea-news.com/society/2020/03/18/624284.html>

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абашиев Д. К. 766
 Абдуллаев К. Н. 736, 747
 Абдуллаев Р. 736, 746, 876
 Абрамов В. В. 111, 121
 Абрамов (комиссар Временного правительства) 255
 Абрамович Р. А. 219, 223, 229
 Абрамовский А. А. 111
 Абрамовский А. П. 576
 Абрикосов А. И. 600
 Аброшенко К. П. 839
 Авалов З. Д. 424
 Аванесов В. А. 16, 120
 Авдеев А. 616
 Авдонин А. Н. 641, 649
 Авербух 341
 Аверченко А. Т. 589
 Авилов А. Ф. 281, 288
 Авксентьев Н. Д. 54, 174, 212, 238, 240, 241, 242, 245, 251
 Аврус А. И. 237
 Агаджанян Э. Г. 641
 Агакишиев И. А. 407, 419
 Агалов В. В. 251
 Адамец С. 529
 Адодин А. И. 281
 Азин В. М. 287
 Аймермахер К. 876
 Айтбаев А. 742
 Акашев К. В. 301
 Акбаева З. 736
 Акрамов М. И. 561
 Аксаковы 631
 Аксельрод П. Б. 104, 222, 227, 229, 231
 Аксенов В. Б. 651, 652, 653, 660, 664, 890
 Аксёнов Г. Н. 171
 Аксиньин Ф. К. 282
 Аксютин Ю. В. 588
 Аксютин В. В. 875
 Акушинский А.-Х. 847
 Алаев П. В. 264
 Алгасов В. А. (Бурдаков) 272
 Александр I 590
 Александр II 268
 Александра Федоровна, императрица 517, 641, 644, 645, 649
 Александров И. Г. 610.
 Александрович (Дмитревский-Александрович) В. А. 260, 261, 268, 270
 Александрович С. Х. 801
 Александровский Б. Н. 680
 Алексеев В. А. 828
 Алексеев В. В. 641, 876
 Алексеев М. В. 51, 90, 156, 158, 195, 240, 241, 519, 589, 764
 Алексеев М. Н. 287
 Алексеев Н. Н. 102, 256
 Алексеев П. В. 715
 Алексеева Г. Д. 236
 Алексеевский А. Н. 246
 Алексеевский К. А. 808
 Алексей Романов (цесаревич) 642, 643
 Алибеков О. А. 808
 Алиев Э. Х. 766, 768
 Алиева С. И. 736
 Алкснис Я. И. 606
 Алленов А. Н. 830
 Алмонд Г. 695
 Алпатов М. В. 604
 Альбицкий В. Ю. 616
 Альтман Н. И. 692
 Альтовский А. И. 251
 Альтфатер В. М. 606

Амагаев М. И. 739
 Амбарцумов Е. А. 308
 Амелин П. П. 715
 Амнатов Ю. Н. 875
 Аммосов М. К. 757
 Амфитеатров А. В. 589
 Анастасия Романова, великая княжна 649
 Андогский А. И. 637
 Андреев А. А. 21, 576
 Андреев В. М. 540, 541
 Андреев Е. М. 668
 Андреев Л. А. 589
 Андреев Н. А. (левый эсер) 258, 268, 274
 Аендреев Н. А. (скульптор) 607
 Андриевский А. М. 790
 Андреевский Г. В. 833
 Андроник (Федоров) 842
 Андронников В. Н. 576
 Анненков Б. В. 172, 173
 Анненков Ю. Л. 688
 Антбаев Г. Я. 771
 Антоненко С. Г. 698
 Антоний (Храповицкий), митрополит 822, 842
 Антонов А. С. 93, 249, 620
 Антонов-Овсеев В. А. 256, 258, 259, 261, 280, 288, 513, 515, 876
 Анфертьев И. А. 10
 Анцелович Н. М. 600
 Апанасенко И. Р. 512, 540
 Аплетин М. Я. 597
 Аракелова М. П. 616
 Аралов С. И. 273
 Араловец Н. А. 674
 Аргунов А. А. 54, 240, 245
 Арсений (Епифанов Ю. А.) 822
 Арсеньев Ю. В. 608
 Артамонов В. А. 723
 Артемьев М. К. 777
 Артемьев Н. И. 251
 Артузов (Фраучи) А. X. 77
 Арутюнов А. А. 10, 11
 Арцыбашев М. П. 589
 Архангельский А. А. 608
 Архангельский А. Д. 593
 Архангельский А. П. 154
 Архангельский Н. А. 289, 290
 Архангельский П. Г. 157
 Архипов А. Е. 607, 608
 Архипов И. 652
 Архипова Т. Г. 28
 Аршинов (Марин) П. А. 302

Аскарар (Якобсон) Г. К. 298
 Астапович З. А. 444
 Астахов А. Б. 529, 654, 655
 Астрахан Е. М. 448
 Астров А. И. 115
 Астров В. И. 115
 Астров Н. И. 51, 53, 197, 200, 206, 207
 Астров П. И. 115
 Асфендиаров С. А. 748
 Атлас М. С. 627
 Атласов Х. М. 847, 848
 Аугенфиш Д. Я. 284
 Ауслендер С. А. 693
 Ахматова А. А. 607
 Ахундов В. 755
 Ашмарина С. В. 456

Б

Бабаджанов Б. М. 855
 Бабель И. Э. 607
 Бабин Е. И. 515
 Бабина Б. А. 635
 Бабинов 546
 Багдасарян С. Д. 563
 Баграмян И. Х. 606
 Багрицкий Э. Г. 607
 Бадаев А. Е. 21
 Баева Л. К. 441, 461, 469
 Баевский Д. А. 565
 Базаров А. 622
 Байков Б. 851
 Бакаев В. Г. 368
 Бакулин В. И. 111, 121
 Бакшеев К. Н. 608
 Балашов И. В. 254
 Балдин Е. М. 258
 Балис П. Я. 264
 Балтийский А. А. 606
 Баранов А. Г. 381
 Баранов Н. С. 114
 Баратов П. Н. 698, 701
 Барбаков К. Г. 629
 Бардин И. П. 592
 Бари В. А. 90
 Баринова Е. П. 630
 Бармаш В. В. 298
 Бармин Н. 635
 Барон С. Я. (Перльмуттер) 304
 Барон Ф. 304
 Барсова В. В. 607

- Барсуков М. И.* 444, 463, 627
Бартошек К. 628
Баруди Г. 848, 851, 855
Бастракова М. С. 715
Баталов П. Ф. 287
Бах А. Н. 592
Бедный Д. 221, 607
Безгин В. Б. 651
Безрадецкий Д. Н. 774
Безыменский А. И. 607
Бейлинсон Б. Г. 94
Бейлис М. 114
Беклешов Л. Л. 255, 263
Бекович-Черкасский Ф. Н. 766
Белаш А. В. 841
Белаш В. Ф. 841
Белецкий С. М. 266, 276
Белковец Л. П. 677, 683
Белковец С. В. 677, 683
Белавин В. И. (см. Тихон, патриарх) 595, 835
Белобородов А. Г. 22, 642, 643, 648
Белов Е. А. 631
Белов И. П. 272
Белова И. Б. 549, 550
Белова Т. Д. 629
Белоусов В. Д. 570
Белый А. (Бугаев Б. Н.) 607
Беляев Е. Н. 445
Бендер Е. А. 621
Берг Е. С. 240, 251
Бердников А. И. 281, 287, 289, 290, 291, 292
Бердяев Н. А. 659
Березин П. Я. 126
Беренбаум М. Л. (Неррис Василий) 288
Берзин Р. И. 540
Берзин Э. П. 90, 269
Берляевский Л. Г. 716, 717, 718
Берман Я. Л. 106, 107, 111, 112, 116, 125,
Бернацкий М. В. 51, 69
Бернштам М. С. 583
Берхин И. Б. 307
Беспалов В. В. 30
Бессонов И. А. 659
Бессонов Н. И. 287, 288
Бессонов Ю. Д. 141
Бехтерев В. М. 467, 650
Бехтерев С. Л. 277, 581, 875
Бехтерева Л. Н. 875
Билибин И. Я. 693
Билимович А. Д. 51, 52
Бирюков В. А. 570
Бищенко А. А. 256, 258, 271, 272
Бичерахов Г. Ф. 763, 764
Блинов М. Ф. 511
Блок А. А. 607, 692
Блонский П. П. 616
Блохин Е. С. 300
Блюмкин Я. Г. 254, 260, 266, 267, 268, 274, 291
Блюхер В. К. 510
Бобровский П. С. 679
Богаевский А. П. 63, 64
Богачев М. П. 137
Богданов А. А. 311, 375, 688
Богданов В. (Васько-Богдан) 282
Богданов Н. Н. 198
Богданов П. А. 59, 358
Богомякова Е. С. 730
Боженко В. Н. 540, 794
Бокарев Ю. П. 332
Болдырев В. Г. 54, 174
Большакова А. 700
Бонч-Бруевич В. Д. 32, 599, 829, 830
Бонч-Бруевич В. М. (Величкина) 464, 600
Бонч-Бруевич М. Д. 606
Бонч-Осмоловский А. 58
Борисевич И. А. 799
Борисов Б. А. 67, 71, 774
Борисов В. И. 309
Борисов И. Б. 874, 877
Борисова А. В. 874
Борисова Л. В. 308, 309, 333, 334, 444, 460, 461,
877
Борман А. А. 154
Бородкин Л. И. 444, 469, 566
Бортневский В. Г. 153, 156, 157, 159, 160
Босняцкий Г. В. 600
Боткин Е. С. 642, 645
Бош Е. Б. 142
Боярский А. Я. 670
Брагин И. Б. 179
Брандт А. А. 589
Бредис 135
Бредов Н. Э. 772
Брешко-Брешковская Е. К. 251
Бриллинг Н. Р. 718
Бройдо Е. Л. 229
Брусилов А. А. 517, 606, 727
Брушвит А. М. 255
Брушвит И. М. 240
Брюггеман К. (*Brüggemann K.*) 423
Брюсов В. Я. 607
Буачидзе С. Г. 263

- Бубнов А. С. 20, 25, 513, 878
 Бугаев А. В. 185
 Бугий Н. Ф. 36, 877
 Буданов А. В. 576
 Будберг А. П. 56, 169, 383
 Буденный С. М. 506, 511, 512, 515, 540, 541
 Будков Д. В. 781
 Бузанов В. И. 582
 Букейханов А. Н. 745
 Буков В. А. 103, 106, 112, 119, 120, 122, 125, 128, 132
 Булавка Л. А. 689
 Булак-Балахович (Балахович) С. Н. 511
 Булгаков А. О. 556
 Булдаков В. П. (Buldaikov V. P.) 11, 49, 307, 308, 311, 504, 653, 695, 721, 736, 830, 831, 839, 840, 868, 877
 Булдырев (анархист) 283
 Булычев И. Т. 510
 Бунегин М. Ф. 423, 428
 Бунин И. А. 589, 693, 836, 837
 Буранов Ю. А. 641
 Бурбис А. Л. 808
 Буревоу К. С. 246
 Бурлюк Д. Д. 693
 Бутин И. А. 258
 Буттино М. 747, 877
 Бутько Л. В. 28
 Бухарцев П. В. 254
 Бухарин Н. И. 9, 14, 16, 20, 22, 24, 25, 30, 259, 260, 312, 313, 334, 599, 611, 623, 687, 688, 690
 Буховец О. Г. 799, 800, 803, 892
 Буяков А. 726
 Быстрова Н. Е. 877
 Быч Л. Л. 63, 64, 68
 Васильев А. А. 309
 Васильев В. П. 510
 Васильев Д. Д. 874
 Васильев И. И. 77
 Васильев К. Г. 445
 Васильев К. К. 445
 Васильев М. В. 541
 Васильев М. И. 618
 Васильева С. А. С. 149
 Васильева С. Н. С. 142
 Васильченко А. В. 877
 Васнецов А. М. 608
 Васнецов В. М. 608
 Ватагин В. А. 608
 Ватлин А. Ю. 877
 Вацетис И. И. 269, 516, 582, 606, 700
 Вдовенко Г. А. 64, 65, 70, 766
 Вдовин А. И. 443
 Вебер К. К. 393, 398
 Веденеев Б. Е. 610
 Веденеев Д. В. (Веденсеев Д. В.) 781
 Веденяпин М. А. 251
 Велидов А. С. 77, 80, 81, 93
 Венедиктов А. В. 627
 Венедиктов Б. Н. 77
 Венецианов (Вершинин) Л. С. 255
 Вениамин, митрополит 121
 Вениамин (Федченков), митрополит 841, 842
 Венцек Ф. И. 111
 Верба С. 695
 Вересаев В. В. 607, 693
 Вернадский В. И. 599, 714
 Вернидуб И. И. 359, 361, 363
 Веселов С. В. 309, 329, 330
 Вест Н. 183
 Ветошкин М. К. 618
 Ветчинкин В. П. 608
 Викорст Н. Э. 181
 Вильгельм II 63, 272, 645, 659, 769, 812, 851, 852
 Вильсон В. 879
 Вильтон Р. 640
 Винавер М. М. 195
 Винглинский Я. К. 268
 Винниченко В. К. 784, 787, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797
 Виноградов А. А. 604
 Виноградов А. Н. 338
 Виноградов В. А. 200
 Виноградов В. К. 252, 636, 874
 Виноградов Н. А. 627
 Виноградова Е. В. 443

В

- Ваганов С. П. 646
 Вазилло А. Т. 809
 Вансов Г. 848
 Вакулин К. Т. 512
 Валетов Т. Я. 469
 Валидов (Валидти) А. -З. А. 742, 770
 Ван Дер Линден М. 444
 Василевский А. М. 606
 Василевский В. И. 874
 Василенко М. И. 260
 Василенко Н. П. 198
 Василенко С. Н. 608
 Василенко С. Ю. 874

Винокуров А.В. 600
 Винокуров А.Н. 448, 449, 464, 474
 Винтер А.В. 593
 Виппер О.Ю. 114, 115
Вишневецкий А. 481
 Вишневецкий В.В. 607
Вишневецкий А. 696, 698
Вишневецкий Е.К. 776, 777
 Вишневецкий Н.Д. 394
 Вишняк М.В. 245, 251
 Владимир Александрович, великий князь 604
 Владимиров Г.Е. 600
 Владимирский М.Ф. 38, 600, 756
Войков В.Н. 640
 Вознесенский А.Н. 256
 Войков П.Л. 642, 647
Войтиков С.С. 10, 14, 46, 877
 Волах Б.М. 279, 289
Волин (Эйхенбаум) В. М. 298, 299, 302
 Волков А.А. 115
 Волков В.Д. 256
 Волков В.И. 54, 188
Волков Е.В. 166, 877
Волков Е.З. 667, 668, 670, 677, 678
Волков Л.А. 640
 Волков Н.К. 198
Волков С.В. 585, 605, 631, 877
Волков Ю.Е. 443
Волкогонов Д.А. 10
 Волнухин С.М. 608
Волобуев О.В. 214
Волобуев П.В. 311
 Вологодский П.В. 55, 56, 57, 382, 877
 Володарский В.В. (Гольдштейн М.М.) 23, 100, 598
 Володин 566, 773
Волосник Ю.П. 630
 Волошин М.А. 693, 872
 Волченский Н. 506
 Вольский В.К. 162, 243, 246, 731
 Вольфсон С.Я. 690
 Воронко И.Я. 805, 808, 809, 811
Воронов В.Н. 877
 Вороновы 629
 Воронский А.К. 687
 Ворошилов К.Е. 21, 515
Востриков Н.И. 628, 650
 Востросаблин А.П. 606
Врангель П.Н. 68, 69, 70, 183, 381, 429, 481, 679, 703, 772, 773, 774, 842, 877
Вырубова А.А. 640

Вычужанина А.С. 111, 121, 125
Вычужанина Е.Ю. 149
 Вышинский А.Я. 229, 235
 Вязьмитинов В.Е. 69
 Вяткин В.В. 827

Г

Гавен Ю.П. 758
 Гаврилов Н.А. 171
Гаврилова А.Н. 682, 684
Гаврилова И.Н. 451
Гажуев Р.Г. 877
Гай Г.Д. (Бжипхян) 273, 274
 Гайдар А.П. 607
Галеева М.С. 630
Галили З. 212
Галин В.В. 877
 Галкин А.В. 250
 Галкин М.В. 826, 827, 837
 Галкин Н.А. 162
Ганелин Р.Ш. 782
Ганин А.В. 49, 154, 516, 586, 588, 589, 605, 606, 726, 865, 877, 878
Гасанлы Д.П. 736, 878
Гапоненко Л.С. 574
Гараевская И.А. 599
 Гаттенбергер А.Н. 56
Гастреля П. 309
Геббс Я. 317
 Гебиш Хамбо Гелун Чжамцо 775
 Гейцман И.М. 302
Геллер М. 753
 Гельфгот А.П. 245
 Гельцер Е.В. 607
 Гендельман М.Я. 251
Генис В.Л. 752
Генкина Э.Б. 9, 11
 Георгий Михайлович, великий князь 649
Герасименко Г.А. 34
 Герасимов А.М., вице-адмирал 69
 Герасимов А.М., художник 706
 Герасимов О.П. 206
Герасимова М.М. 724, 730
Гербер О.А. 630
Гердт Н.Е. 588
 Геруа Б.А. 155
Герцензон А.А. 116, 125, 130, 133
 Герштейн Л.Я. 251
Гейфтер М. 706
 Гикало Н.Ф. 768

- Гильберт М. 573
 Гимпельсон Е. Г. 28, 36, 37, 38, 39, 42, 307, 308, 565, 566, 567, 569, 572, 586, 878
 Гинев В. Н. 236
 Гинес В. Л. 878
 Гинс Г. К. 56, 172, 175, 193, 771, 878
 Гиппиус З. Н. 589, 655, 660, 662, 664
 Главацкий М. Е. 588
 Глаголевский А. В. 43
 Глазенап П. В. 60
 Глазунов А. К. 607
 Глан Я. 829
 Глинка Г. В. 69
 Глиэр Р. М. 607
 Глобачев К. И. 159
 Гловацкий Л. 603
 Глузман А. Г. 101
 Глушко 338
 Гнесин М. Ф. 608
 Гнилорыбов М. Н. 252
 Годунов К. В. 722, 878
 Голдин В. И. 42, 62, 78, 183, 186, 242, 516, 542, 566, 588, 682, 683, 690, 696, 736, 875, 878, 881, 886, 887, 892
 Голдман В. 623
 Голинков Д. Л. 77
 Голицын 551
 Голицыны 631
 Головизнин А. М. 37
 Головин Н. Н. 359, 517, 654, 878
 Голосеева А. А. 237
 Голотик С. И. 492
 Голощекин Ф. И. 642, 643, 644, 647, 749
 Голуб П. А. 151, 161, 162, 163, 165, 168, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 185, 188, 189, 878
 Голубев К. Д. 510
 Голубинцев А. В. 506
 Голубкина А. С. 608
 Голубков А. П. 600
 Голубович В. А. 786
 Голубовский Л. Б. 267
 Гольденвейзер А. Б. 90, 599
 Гольман М. Б. 273
 Гопнер Д. С. 749
 Горбачев М. С. 11, 20, 21
 Горбачев 94
 Горбунов Н. П. 648
 Гордин А. Л. 299
 Гордин В. Л. 302
 Горев А. Г. 610
 Горев Б. И. 229
 Горн В. Л. 59, 380
 Горнфельд А. 662
 Городецкий Е. Н. 9, 11, 77, 735, 738
 Городовиков О. И. 512, 541
 Горохов А. 827
 Горьев Д. А. 119
 Горький А. М. (М.) 607, 653, 666
 Горьков Г. Л. 251
 Горфин Д. В. 445
 Гот-Гарт С. И. 705
 Готье Ю. В. 599, 604, 655, 657
 Гоц А. Р. 108, 212, 238, 245, 249, 251
 Гоцинский Н. 847, 856
 Грабарь И. Э. 608
 Гражданов Ю. Д. 411, 417
 Графтио Г. О. 593, 610
 Грациози А. 310, 878
 Грачев Г. 776, 778
 Греков А. П. 794
 Гренар Ф. 90
 Гречкина Э. Р. 628, 650
 Григорец С. В. 265
 Григорьев 166
 Григорьев И. А. 288
 Григорьев М. С. 779
 Григорьев Н. А. 292, 699, 700
 Григорьева И. А. 443
 Гридин А. 703
 Гримм Г. Д. 612
 Грин А. С. 607
 Гринберг З. Г. 618
 Грингауз Ш. С. 116, 125, 130, 133
 Гришин 556
 Гришина Н. В. 716, 717
 Гришин-Алмазов А. Н. 163
 Грицкевич А. П. 878
 Громан В. Г. 224, 312
 Грондейс Л. 479
 Гронский И. М. 281
 Гроссман (Гроссман-Роцин) И. С. 298
 Гросул В. Я. 45, 46, 879
 Грушевский М. С. 780, 784
 Грэвс (Гревс) У. С. 173, 176
 Грэхэм Л. 599
 Губарев П. Д. 64
 Губкин И. М. 347, 592
 Гузаров В. Н. 10
 Гульбин Р. Э. 380
 Гулям М. (Гулямов Г.) 855
 Гумберт В. П. 178
 Гусев К. В. 236, 253, 254

- Гусев С.И. 21
 Гусейнов М. 755
 Гутор А.Е. 606
 Гучков А.И. 62, 725
- Д**
- Давыдов А. 92
 Давыдов А.Ю. 308, 309, 331, 338, 879
 Дайнес В.О. 880
 Далгатова А.Г. 838, 841
 Дамаскин (Орловский В.А.) 821, 827, 830, 835
 Дамберг Г. 110
 Данилкин Л.А. 10, 12
 Данилов В.А. 583
 Данилов В.П. 9, 327, 384, 527, 651, 669, 670, 868, 874, 875, 876
 Данилова Л.В. 651
 Данишевский К.Х. 100, 102, 120, 132, 137
 Даниэльс Р. 310
 Дарский Л.Е. 668
 Дашевский И.С. 246
 Дегтярев В.А. 608
 Дегтярев Л.С. 256, 258, 264, 270
 Дейч Л.Г. 115
 Деканова Л.К. 451
 Демидова А.С. 642
 Демкин 119
 Демьянов 641
 Демьянович Н.И. 114
 Дени (Денисов) В.Н. 607
 Деникин А.И. 48, 51, 52, 53, 56, 61, 65, 66, 67, 68, 114, 115, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 183, 186, 200, 206, 207, 228, 246, 294, 295, 324, 381, 382, 420, 424, 429, 488, 494, 509, 510, 517, 518, 520, 524, 528, 538, 543, 554, 555, 558, 559, 561, 564, 589, 652, 659, 669, 679, 683, 692, 703, 714, 719, 743, 761, 762, 763, 765, 766, 768, 769, 771, 839, 841, 846, 851, 862, 875, 879, 882
 Денисов А.И. 28
 Дерюгин П.П. (Бессонов С.И.) 264
 Дерюгина И.В. 394
 Дерябин А.И. 725
 Джантюрин С.-Г. 848
 Джунаид 752
 Джунковский В.Ф. 114
 Дзержинский Ф.Э. 15, 20, 78, 79, 85, 93, 96, 119, 126, 134, 144, 145, 270, 334, 618, 687, 874
 Диатроптов П.Н. 607
 Дидковский Б.В. 642
 Диканский М.Г. 469
- Дикий А. 762
 Дикгоф-Деренталь А. А. 252
 Дитерихс М.К. 72, 73, 640, 777, 850, 878
 Дитрих А.И. 612
 Дитятин Т.А. 287
 Дмитренко В.П. 307, 331
 Дмитриев А.С. 156
 Дмитриев Н.И. 407, 419
 Дмитриев П.Н. 505, 585, 841
 Дмитриевский-Александрович В.А. 256, 270
 Дмитрий Константинович, великий князь 649
 Дмитришин В. 786
 Добкин А.И. 629
 Добковский И.Г. 277, 294
 Доброхотова М.Л. 448
 Добровольский С.Ц. 68, 180, 497
 Довбор-Мусницкий И. Р. (Юзеф) 813
 Додонов Б.Ф. 875
 Долидович О.М. 448, 613
 Домогатский П.А. 255, 259, 264
 Дориа де Дзулиани М. 641
 Дорнік В. 786
 Доноп 177
 Донской Б.М. 254, 272
 Донской Д.Д. 251
 Дорогойченко А.Я. 281
 Дорошенко Д.И. 783, 789
 Дорошенко И.А. 77
 Досмухамедов Д. 744
 Досмухамедов Х. 744
 Драгомиров А.М. 50, 51, 53
 Драценко Д.П. 768
 Дрезен Э.К. 254
 Дробижев В.З. 565, 574, 577, 578, 608
 Дроздов А.М. 590
 Дроздовский М.Г. 153, 186, 505, 519, 520
 Дубровин Д.Ю. 556
 Дубровинская А.А. 229
 Думенко Б.М. 137, 515, 521, 540, 544, 700
 Думова Н.Г. 194, 627, 879
 Дунаевский В.А. 102
 Дункер Г. 266
 Дурманов Н.Д. 116, 125, 130, 133
 Дурылин С.Н. 658
 Дутов А.И. 55, 195, 240, 259, 279, 282, 496, 519, 606, 770, 877
 Душенко К.В. 731, 732
 Душин А.Ф. 271
 Дыбенко П.Е. 32
 Дыбенко Ф.Е. 270
 Дыло И.Л. 808

Дышнинский (Арсанукаев) И. 768

Дьюкс П. Х. (Дюкс П.) 688

Дэвис Д. 879

Дэвис Р. У. 309

Е

Евреинов Н. Н. 693

Евсеев Н. И. 582

Егоров А. И. 270, 606

Егоров А. Г. 565

Егоров А. Н. 193

Егоров В. Г. 329

Егоров Г. 827

Егоров Н. Д. 166

Егорова Д. В. 444

Егорькина И. А. 621

Езовитов К. Б. 811

Елаев А. А. 756

Елизавета Федоровна, великая княгиня 648

Ельцин Б. Н. 649

Емельянов 135

Емельянов М. Ф. 274

Емельянов Н. Е. 842

Емельянов П. Ф. 256

Емельянов Ю. Н. 104, 119, 137

Ерегица Е. 708

Еремеева А. Н. 494, 588, 692, 693, 716, 719, 720, 879

Ермаков В. Д. 297, 301, 303, 879

Ермаков В. Т. 688

Ермаков П. З. 643, 645, 646, 647

Ермолаев К. М. 104

Ермолова М. Н. 604

Ермолин Е. А. 876

Ерогин П. М. 769

Есенин С. А. 149, 607, 829

Есаков В. Д. 715

Есиков С. А. 249, 384, 387, 390, 391, 394, 527, 875, 879

Ефимов Г. 776

Ефимова Г. А. 609

Ефремов М. Г. 510

Ефремов (Курбатов) Н. Д. 271

Ефремов С. И. 630, 631

Ж

Жанен М. 176

Жаровцев И. К. 639

Жебенов П. И. 301

Жевахов Н. Д. 824, 826, 828, 842

Железняков А. Г. 274, 288, 301

Жемчугов Н. А. 179

Жилунович Д. Ф. 806, 809, 816, 817

Жильяр П. 640

Жимерин Д. Г. 627

Жиромская В. Б. 90, 184, 185, 190, 533, 547, 548, 550, 669, 671, 673, 674, 675, 879, 891

Жлоба Д. П. 502, 506, 511, 515

Жолтовский И. В. 608

Жуков А. Ф. 277

Жуков Г. К. 510

Жуков И. П. 108, 109

Жуковский Н. Е. 592, 608, 718

Жуковский-Жук И. И. 280, 296

Журавлев В. В. 10, 471

Журавлёв П. С. 878

Журавлев С. В. 629

Журавский А. В. 836

З

Забицкий Е. Н. 280, 291, 294

Заболотный Д. К. 600

Зайончковский А. М. 606

Зайцев Б. К. 589

Зайцев В. А. 667, 668

Зайцев П. А. 281, 288

Зайчек И. И. 163, 164, 167

Зак Л. М. 588

Закгейм М. Д. 294

Закс Г. Д. 254, 261, 271

Залесский В. В. 264

Залкинд А. Б. 690

Залуцкий П. А. 18, 19

Замский Х. С. 617

Зарецкая С. М. 229

Зарубин А. Г. 420, 423, 478, 479, 482

Зарубин В. Г. 420, 423, 478, 479, 482, 752

Захаров В. Н. 879

Захаров В. П. 515

Захаров М. Н. 448

Захотова Е. Н. 448

Заяц Н. А. 506

Зверин А. А. 279, 280, 284, 289, 290, 294

Зворыкины 631

Звягин С. П. 151, 185, 194

Зданович А. А. 78, 699

Зебзиев Я. И. 582

Зеелер В. Ф. 195

Зезина М. Р. 691

Зеленев 136
 Зеленов М. В. 10, 876, 879
 Зеленский И. А. 21
 Зелинский Н. Д. 593, 608
 Зензинов В. М. 54, 238, 242, 621
 Зимин А. Н. 233
 Зимина В. Д. 49
 Зимина М. Н. 444
 Зиновьев 513
 Зиновьев, украинский независимец 792
 Зиновьев Г. Е. (Радомысльский Е. А.) 13, 16, 20, 22, 24, 29, 37, 143, 223, 263, 274, 644, 687, 753
 Зирин С. Г. 495
 Зитта В. О. 255, 258, 267, 290
 Златовратский А. И. 608
 Златогоров С. И. 600
 Злобин Н. П. 167, 168, 170
 Злобин П. В. 251
 Знаменский О. Н. 236
 Зубов П. Ю. 60
 Зубова О. В. 875
 Зуев М. И. 73
 Зуев М. Н. 879
 Зусманович Г. М. 284
 Зыбковец В. Ф. 829

И

Ианнуарий (Недачин) 831
 Ибрагимов А. 854
 Ибрагимов Х. 747, 749
 Иваненко В. Е. 393
 Иванис В. Н. 70
 Иванов А. А. 61
 Иванов А. А. 122, 181, 257
 Иванов В. И. 589
 Иванов Н. Н. 251, 652
 Иванова Г. М. 141, 142, 145, 146, 147, 148, 149, 175, 442, 443, 445, 446, 879
 Иванова Л. В. 627, 715
 Иванова Н. А. 435, 436
 Иванова-Иранова Е. А. 251
 Иванов-Ринов П. П. 188
 Иванченко Г. 614
 Иванушка-дурачок 703
 Игнатенко И. М. 807
 Игнатьев В. И. 60
 Иголкин А. А. 309
 Игорь Константинович, великий князь 648
 Изаксон А. 470

Измайлович А. А. 270
 Измозик В. С. 629, 705
 Изонов В. В. 879
 Ильин (коммунист) 113
 Ильин (полковник) 850
 Ильин В. Н. 177, 181, 182
 Ильин И. И. 254
 Ильин Ю. А. 384
 Ильина Г. И. 608
 Ильинский И. В. 607
 Ильиных В. А. 401, 403, 528, 532, 533, 546, 549, 550, 562, 831, 833
 Ильяхов А. А. 309, 444, 570, 571, 572, 879
 Иммонен Х. С. 237
 Иньшакова Е. Ю. 702
 Иоанн Константинович, великий князь 648
 Иоанн Кронштадтский 661
 Иоффе А. А. 816, 817
 Иоффе А. Ф. 592, 610, 718
 Иоффе Г. З. 194, 641, 879
 Ипатьев В. Н. 593
 Ипатьев Н. Н. 642, 643, 646
 Ипполитов С. С. 492, 493
 Ипполитов-Иванов М. М. 604, 607
 Ирклей А. С. 609
 Ирошников М. П. 9, 11, 28, 448, 879
 Исаев А. П. 879
 Исаев В. В. 528, 544, 557
 Исаев М. М. 116, 125, 130, 133
 Исхаков С. М. 736, 874, 878, 879, 982
 Ишанов А. И. 735, 747
 Ишханов А. А. 255

К

Кабанов А. Г. 643
 Кабанов В. В. 307, 308, 309, 311, 329, 384, 394, 395, 397, 398, 528, 535, 879
 Каблуков И. А. 593, 599
 Кабузан В. М. 678
 Кабытов П. С. 879
 Кавтарадзе А. Г. 588, 629, 637, 879
 Кадейкин В. А. 173
 Кадесников Н. З. 724
 Кадзикава С. 310, 328
 Кадомцев М. С. 285
 Казанин И. Е. 588, 687, 691, 879
 Кашль М. В. 826, 836, 838, 880
 Каклюгин К. П. 62, 66, 769
 Какурин Н. Е. 356, 516, 606, 880
 Калабухов (Кулабухов) А. И. 68, 841

- Каландаришвили Н. А. 301, 303
Калашикова В. В. 878, 879, 884
 Каледин А. М. 62, 66, 185, 240, 244, 282, 703, 782
Калинин И. М. 842
 Калинин М. И. 20, 22, 514
Калиникова-Магнуссон Л. В. 617
 Каллис К. М. 254
 Калманович М. И. 806
 Калмыков И. П. 65, 71, 173
Кальсина А. А. 707, 714, 715
Калягин А. В. 429
 Каменев Л. Б. 13, 15, 20, 22, 24, 85, 86, 88, 97, 129, 139, 223, 225, 243, 249, 322, 327,
 Каменев С. С. 582, 606, 878, 880
 Камков Б. Д. 32, 256, 261, 262, 264, 265, 267, 268, 273, 275, 283, 286
 Камышев (Камышов) П. Д. 289
Канищев В. В. 249
Канищева Н. И. 194, 876
 Каннегисер Л. И. 598
 Каннегисер И. С. 598
 Канчер Е. С. 806, 808, 809
 Каппель В. О. 511
 Карбышев Д. М. 606
Кареев Н. И. 196, 650
 Карелин А. А. 302
 Карелин В. А. 257, 262, 263, 266, 267, 271, 273, 275
 Карклин О. Я. 120, 250
Карпенко С. В. 49, 412, 414, 418, 420, 424, 880
 Карпинский А. П. 592
Карпов И. С. 831
 Карпов Л. Я. 593
Карпов Н. Д. 880
Карпова Г. Ф. 708
Карпычева Е. В. 630
Каррер д'Анкокс Э. 11, 12, 880
 Карский Е. Ф. 808
 Карташов А. В. 59
Карцевский С. И. 661, 662
 Касаткин Н. А. 608
Касимовская Н. А. 445
 Каск А. 263
Касьямов М. С. 46
Касьянов Г. 786
 Катаев В. П. 607
 Катаньян Р. П. 121
Каткова А. П. 597
 Катомкин 341
Катцина Т. А. 448, 613
 Каутский К. 310
Каховская И. К. 253
 Качалов В. В. 607
 Качалов Н. Н. 718
Кашеваров А. Н. 822, 823, 828, 836, 837, 839, 880
 Кашенко В. П. 614
 Кашенко П. П. 600
Квакин А. В. 588, 598, 708
Квинитадзе Г. И. 725
 Кедров М. С. 85, 145
Келли К. 656
 Кельчевский А. К. 64
 Керенский А. Ф. 23, 517, 727
Кибовский А. 730
 Кирбис А. 763
 Кизеветтер А. А. 591
 Киквидзе В. И. 256, 260, 261, 262, 274, 288
 Кингисепп В. Э. 255
Киннан Э. 696
Кирдецов Г. Л. 59
 Киреев Ф. М. 764
Киреев Ф. С. 512
 Кирей В. Т. 773
 Кирилловский Я. И. 302
Кирмелъ Н. С. 150, 155, 156, 157, 158, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 183, 184, 880
 Киров С. М. 21, 754, 755
Кирьянов Ю. И. 469, 565, 880
 Киселев А. С. 20
Киселев А. Ф. 42, 566, 880
Киселев И. Н. 668
 Кисляков В. Н. 257
 Клембовский В. Н. 606
Клементьев В. Ф. 115
Клеменчич В. О. 368
 Климов В. А. 718
 Климов Д. И. 255
Климов М. Е. 77
 Климович Е. К. 183
 Клингер Г. Г. 740
Кляцкин С. М. 539, 880
 Книга В. И. 507, 512
 Кнорин В. Г. 738, 808, 809
 Кнорус С. С. 258
Князев Г. А. 597, 610
 Князев И. Ф. 137
Князев М. А. 643
 Кобозев П. А. 747
Кобяков С. 107
 Ковалев В. С. 264
Ковалева Н. А. (Ковальова Н. А.) 428
 Ковалевич К. И. 298, 303

- Ковалевский П. Е. 679
 Коваленко Д. А. 358, 568, 880
 Ковенко М. Н. 783
 Ковригин А. И. 254, 263, 273
 Коган А. Г. 610
 Коган Л. А. 308
 Коган-Рубин Д. Н. 303
 Кожевников А. Б. 716, 717, 718
 Кожевников В. А. 49
 Кожевников И. С. 288
 Кожевников М. В. 104, 107, 111, 118
 Козлов А. П. 561
 Козлов В. А. 40, 308, 563
 Козлов В. Ф. 828
 Козлова Е. Н. 329
 Козловский И. С. 607
 Козырев 135
 Кокоулин Ф. Ф. 277, 283, 286, 287, 294
 Кокошкин Ф. Ф. 195, 196
 Кокшарова Е. К. 32
 Колегаев (Калегаев) А. Л. 256, 271, 272
 Колесов И. П. 512
 Колесов Ф. И. 264, 746, 747, 748
 Коллонтай А. М. 26, 32, 448, 449, 613, 623
 Колодов П. П. 282, 285, 294
 Колокольцев В. Г. 51
 Колоницкий Б. И. (Kolonitskii B.) 653, 660, 661, 698, 699, 723, 724, 725, 727, 728, 731, 891
 Колостов Д. Б. 263
 Колтыпин А. И. 286
 Колузаев Г. А. 272
 Колчак А. В. 49, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 65, 66, 67, 71, 73, 86, 115, 151, 154, 165, 166, 167, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 183, 185, 187, 188, 193, 200, 206, 207, 220, 225, 240, 242, 243, 245, 246, 294, 324, 380, 382, 383, 403, 407, 410, 419, 432, 505, 510, 514, 519, 524, 538, 540, 541, 551, 552, 553, 554, 555, 557, 558, 559, 561, 564, 583, 589, 590, 640, 649, 653, 669, 679, 683, 703, 707, 713, 714, 715, 725, 726, 728, 770, 771, 772, 775, 776, 827, 830, 839, 847, 850, 851, 854, 859, 861, 875, 877, 878, 879, 881, 884, 886
 Колчинский Э. И. 716
 Колядко Л. С. 808
 Комаров Н. П. 21
 Комин В. В. 297, 627
 Кондаков 166
 Кондофулов 338
 Кондратьев Н. Д. 599
 Кондратьева Т. 459
 Кондрашин В. В. 42, 141, 142, 203, 237, 302, 393, 527, 528, 530, 536, 547, 551, 554, 700, 721, 875, 876, 880, 886, 887, 888, 890, 891, 892
 Кондурюшкин С. С. 693
 Коненков С. Т. 608
 Конкин А. А. 490
 Коновалец Е. М. 792
 Коновалов В. 65
 Коновалова О. В. 237
 Кононенко А. А. 236, 253
 Конрад Н. И. 604
 Константин Константинович, великий князь 648
 Константинова Л. В. 443
 Кончаловский П. П. 608
 Конюс Э. М. 613, 616, 624
 Кораблев Ю. И. 11, 637, 747, 878, 880
 Коренев К. А. (Корнилов Н. М.) 263
 Кореневская Е. И. 128
 Коржихина Т. П. 20, 28, 110, 448, 588, 601, 603, 627, 629, 688, 689, 693
 Корин А. Н. 608
 Корк А. И. 606
 Корнаков П. К. 723, 725, 729
 Корнилов В. В. 282, 880
 Корнилов Л. Г. 90, 185, 517, 519, 520, 589, 727, 879
 Корнилов Н. М. 255, 263
 Корновенко С. В. 405, 428, 429
 Коровин К. А. 608
 Короленко В. Г. 105
 Корнаков П. К. 723, 725, 729
 Корнев В. С. 618
 Корнева А. Е. 162, 167, 168, 170
 Коробкин М. 755
 Кокошкин Ф. Ф. 195, 196
 Косарев В. М. 673
 Косарев М. Ф. 126
 Косиков 338
 Косиор С. В. 334
 Костин Л. Л. 226
 Костицын В. А. 591
 Косторниченко В. Н. 349
 Костюшко И. И. 875
 Котельников Г. Е. 608
 Котляревский С. А. 197
 Котов Н. Я. 273
 Котовский Г. И. 259
 Котылев П. Н. 284
 Корепанов А. Г. 583
 Корепанов Г. А. 583
 Корепанов-Камский Г. М. 583

- Коробейников М. Я. 776, 777
 Коротков И. И. 21
 Короткова Д. А. 880
 Корш Е. Ф. 608
 Коцев П. Т. 764
 Кочубей И. А. 540
 Кош Р. 260
 Кошелев К. Ф. 778
 Кошман Л. В. 691
 Кравец Ю. 302
 Кравс А. 772
 Кравченко А. Д. 775
 Кравченко С. А. 514, 515
 Крайццоу М. 810, 811
 Крандиевская Н. В. 693
 Кранихфельд А. 233
 Кранспортъе Б. В. 513
 Крапивин М. Ю. 838
 Красиков П. А. 120
 Красильников С. А. 596, 876
 Красин Л. Б. 357, 367, 371, 610
 Красников В. Ф. 229
 Краснов В. Г. 880
 Краснов В. М. 114
 Краснов П. Н. 62, 63, 66, 214, 254, 281, 479, 483, 692, 703, 769, 858, 862, 877
 Красноперов П. А. 277, 281, 287
 Красовский П. И. 368
 Красовицкая Т. Ю. 629, 736, 880
 Крачковская В. А. 713
 Крачковский И. Ю. 713
 Крейтер В. В. 156
 Крестинский Н. Н. 13, 22, 349, 376, 579
 Крестьянинов В. Я. 880
 Кржижановский Г. М. 384, 386, 390, 687
 Кривенький В. В. 10, 297, 874, 880
 Кривов Т. С. 21
 Кривова Н. А. 830, 837, 838, 880
 Криворучко А. М. 171
 Кривошеев Г. Ф. 668
 Кривошеин А. В. 51, 70, 197
 Кривошеин Н. И. 806, 809
 Кривошлыков М. В. 264
 Кривчиков В. М. 799
 Криницкий А. И. 810
 Крицман Л. Н. 880
 Крицкий Н. 726
 Кроль Л. А. 193
 Кротт И. И. 428
 Круг К. А. 610
 Крупская Н. К. 616, 695, 707
 Круталевич В. А. 811, 812, 817, 880
 Крушанов А. И. 422
 Крушельницкий А. 752
 Кришвицкий К. Ф. 800
 Крыленко Н. В. 108, 111, 115, 119, 120, 121, 128, 132, 136, 140, 141, 250
 Крылов 114
 Крылов А. Н. 593
 Крым С. С. 478
 Ксенофонтов И. К. 85, 120, 295
 Кубашин М. И. 545, 880
 Кудинов О. А. 49
 Кудинский С. Д. 279, 280
 Кудлай О. 781
 Кудрявцев А. С. 373
 Кудрявцев В. Н. 103, 121
 Кудрявцев И. И. 875
 Кудрявцев П. А. 799
 Кузнецов Г. П. 601
 Кузнецов Н. А. 726
 Кузнецов П. В. 608
 Кузнецов С. А. 154
 Кузнецова Т. В. 569
 Кузьмин В. Л. 237
 Кузьмин С. Л. 826
 Кузьмин-Караваев Н. К. 59
 Кузьмина Т. Н. 571
 Куинджи А. И. 594
 Куйбышев В. В. 21, 749
 Кулагин 338
 Куликов К. И. 585, 841
 Куликовский П. А. 776, 777
 Кулышев Ю. С. 9
 Кулькова М. И. 876
 Кун Б. М. 269
 Купала Я. (Луцевич) 813
 Купцова И. В. 588, 691, 880, 891
 Курбангалиев М. Г. 771
 Куркин П. И. 600
 Курочкин Ю. 640
 Курский Д. И. 89, 106, 116, 118, 132, 139
 Курсков Н. А. 879
 Куршева Г. А. 527
 Курышев И. В. 528, 557, 558
 Кускова Е. Д. 679
 Куссе-Тюз А. 808
 Кустодиев Б. М. 607
 Кутепов А. П. 186, 841
 Кутузов В. А. 93
 Кутузов Е. В. 609
 Кутузов И. И. 21

Кутяков И.С. 540
 Куфаев В.И. 638
 Кучин 342
 Кюгельген А. 855
 Кюнг П.А. 362

Л

Лавренев Б.А. 607
 Лавров В.М. 254, 880
 Лаврова И.А. 621
 Лагун И.В. 741
 Лазарев В.А. 381
 Лазарев П.П. 600
 Лазарев П.С. 256, 258, 260
 Лазаревич В.С. 606
 Лазимир П.Е. 44, 254, 256, 261
 Лазо С.Г. 256, 258, 263
 Лазуркина Д.М. 602
 Ламанов А.Н. 279, 280
 Лампе А.А. 653
 Ландер К.И. 806, 807, 808, 810
 Ланник Л.В. 880
 Лансере Е.Е. 693
 Лапандин В.А. 237
 Лапиров-Скобло М. Я. 610
 Ларин Ю. (Лурье М.А.) 312
 Ларионов А.М. 590
 Ларьков Н.С. 557, 877
 Ластовским В.У. 804
 Латышев А.Г. 10, 143
 Лацис М.Я. (М.И.) 77, 85, 89, 90, 96, 129, 175
 Лашевич М.М. 23, 29
 Лебедев, заводчик 372
 Лебедев А.А. 718
 Лебедев В.А. 52
 Лебедев Д.А. 56, 71, 165, 848
 Лебедева А.П. 258
 Лебедева В.Г. 694
 Лебедева В.П. 616, 623
 Лебедева Л.В. 562
 Лебедева Н.М. 281, 296
 Лебедь Д.З. 21
 Лебина Н.Б. 442, 621
 Левандовский М.К. 281
 Левин М. (Levin M.) 21, 310
 Левин М.А. 256
 Левицкий В.А. 600
 Левицкий В.М. 489, 495
 Левицкий (Цедербаум) В.О. 213
 Левшук М.В. 446, 456

Лейкина-Свирская В.Р. 587
 Лельчук В.С. 10
 Лендер Ф.Ф. 609
 Ленин (Ульянов) В.И. 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 77, 78, 79, 80, 82, 84, 85, 91, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 112, 115, 118, 120, 124, 125, 128, 129, 132, 138, 140, 141, 142, 143, 195, 220, 221, 223, 225, 226, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 238, 240, 241, 242, 245, 249, 257, 259, 261, 268, 272, 291, 295, 308, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 320, 322, 324, 327, 328, 329, 330, 332, 334, 335, 337, 347, 348, 353, 367, 374, 391, 392, 395, 399, 422, 441, 444, 459, 461, 469, 474, 511, 540, 545, 559, 563, 573, 575, 577, 582, 591, 592, 593, 596, 597, 598, 599, 600, 602, 603, 604, 607, 609, 611, 627, 642, 643, 644, 648, 657, 659, 660, 664, 687, 688, 689, 690, 691, 699, 715, 719, 729, 735, 736, 737, 738, 742, 743, 744, 747, 749, 750, 754, 755, 756, 758, 760, 781, 808, 823, 837, 853, 863, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 883, 886
 Леонов М.И. 237
 Леонов С.В. 10, 13, 15, 16, 23, 28, 29, 47, 78, 308, 566, 880, 886
 Леонтьев К.Н. 658
 Леонтьев С.М. 91, 197, 206
 Леонтьев Я.В. 35, 253, 265, 272, 303, 874, 875, 881, 888
 Леонтьева (Михайлова) Т. Г. 653, 823, 824, 826, 842, 892
 Лепетюхин В.Ф. 93
 Лепешинский П.Н. 602, 707
 Лепешкин А.И. 37
 Лепешкина О.В. 28
 Лепсе И.И. 21
 Лесновский Г.Л. 293
 Лесная Л.В. 693
 Лианозов С.Г. 59, 380
 Либ П. 786
 Либерман Л.А. 246
 Либеров А.В. 251
 Либкнехт К. 223, 266, 648
 Лившин А.Я. 651, 657, 881
 Лидин В.Г. 607
 Лисицын А. 140
 Лискиер М.Л. 600
 Лисов Я.М. 156

- Литвин А.Л.* 78, 141, 184, 253, 588, 881
Литвин С.Х. 794
Литвинов Б.Н. 512
Литвинов В.В. 620
Литвинов И.И. 665
Литвинов Н.Д. 141, 148
Литошенко Л.Н. 390, 531, 881
Лифшиц А.Ц. 137
Лихач М.А. 251
Лобов С.С. 21
Лобухин Я.И. 646
Логинов В.Т. 10, 14, 881
Лозовский А. (Дриздо С.А.) 47, 874
Локерман А.С. (Царев) 98
Локкарт Р.Б. 90
Ломов Г.И. 24
Ломоносова М.В. 196
Лопухин В.Б. 632, 635
Лосский Н.О. 662
Лубны-Герцык Л.И. 672, 677
Лукассен Я. 444
Лукашев В.Л. 754, 851, 852
Луков Е.В. 411
Лукомский А.С. 50, 51, 159, 160
Луначарский А.В. 99, 250, 315, 599, 602, 687, 690, 707
Лучшев Е.М. 829, 837, 842
Лыкова Л.А. 641, 874, 881
Лысенко М.Ф. 515
Лысенков Н.А. 876
Львов Г.Е. 61, 551
Львов (Галанов П.С.) М.И. 251
Любимов Н.Н. 389
Люксембург Р. 223, 648
Люкшин Д.И. 651
Лябурб Ж. 157
Ляйдінгер Г. 786
Ляхов В.П. 70, 765, 766
Ляхоускі У. 801, 802, 803, 814
- М**
- Мавлютова З.Ш.* 630
Мавроган А. 654
Магеровский Д.А. 267
Магнуссон М. 617
Мазепа И.П. 794
Мазец В.Г. 814, 892
Мазуренко С.П. 794
Майер Н. 118
Май-Маевский В. 3, 53, 762
Майоров И.А. 267
Майский И.М. 219, 235, 881
Макаревич Е. 808
Макаренко А.Г. 790, 793
Макаренко В.П. 718
Макаров 135
Макаров Н.В. 193
Макаров Ю.Н. 838, 841
Маклаков В.А. 61
Маклецов А.В. 621
Маковский В.Е. 607, 608
Максакова М.П. 607
Максимов А.С. 725
Максимов Г.П. 298, 299
Максимовский В.И. 448
Максимовский В.Н. 353
Максудов С. 668, 670, 679, 856
Макутчев А.В. 104, 107, 111, 120, 121, 128, 881
Малафий И. 292
Малахов А. 379
Малаховский Б.С. 609
Малиновский Б.В. 428
Малкин Б.Ф. 256, 272
Малышева С.Ю. 496
Малышева М.П. 874
Мальшкін А.Г. 607
Мальков П.Д. 120
Мальсагов С.Т. 766
Малявина Л.С. 708, 716, 717, 719, 720
Мамайлов И.В. 268
Мамеева Т.Н. 621
Мамонтов С.И. 555
Мандельштам О.Э. 693
Маневич С.Л. 367
Манизер М.Г. 607
Манохин И.Ф. 283
Мануильский Д.З. 21, 100
Мануйлов А.А. 194
Манцев В.Н. 101
Маргунский С.П. 816
Мариенгоф А. 829
Марин 516
Мария Романова, великая княжна 642, 647, 648, 649
Мария Федоровна, бывшая императрица 645
Маркевич А.М. 444
Марков Б.Д. 295
Марков С. 640
Марков С.Л. 185, 511, 519
Маркотун С.К. 774
Маркс К. 29, 48, 223, 310, 313, 329, 375, 659, 700

- Маркус С. А. 299
 Мартов Ю. О. 33, 126, 180, 215—217, 220, 222, 224, 225—227, 229, 231, 251, 280
 Мартынов И. Д. 338
 Мартынов 92
 Марушевский В. В. 60, 726
 Марцинковский В. Ф. 659
 Марч Ф. 59
Масарик Т. Г. 240
 Маслаков Г. С. 512, 544
 Масленников А. А. 171
 Маслов Н. Н. 9
Маслова О. Б. 621
Масловский Е. В. 767
 Матиясевич М. С. 516
Масянов Л. Л. 65
Матвеев Г. Ф. 881
Матвеева В. С. 881
Матвейчук А. А. 309, 347
Матвієнко В. 781
May В. А. 312
 Махарадзе Ф. 756
 Махнев А. Н. 274
 Махно Н. И. 92, 93, 292, 297, 299, 302, 303, 304, 513, 556, 559, 560, 564, 680, 773, 841, 875, 884
 Махновец Л. П. (Брукэр) 98
Маяковский В. В. 137, 466, 607, 702, 705
 Мгеладзе И. В. 37
Медведев В. Г. 49, 551, 881
 Медведев (Кудрин) М. А. 643, 645, 646
 Межлаук В. И. 515
 Мейстер Э. П. 255
Мелихов Г. В. 681
Мельгунов С. П. 55, 90, 91, 114, 123, 141, 144, 193, 206, 267, 669, 881
Мельник-Боткина Т. Е. 640
Мельников В. П. 448
Мельников Н. М. 68, 185
Мельтюхов М. И. 881
 Менжинский В. Р. 32
 Менжинская Л. Р. 602, 707
 Менциковский А. Л. 256
 Мергин Р. Д. 156
 Мережковский Д. С. 589
 Меринг Ф. 266
 Меркулов Н. Д. 71, 776
 Меркулов С. Д. 71, 776
 Мехлис Л. З. 513
 Мехоношин К. А. 254
 Мешков В. Н. 608
 Мешков Н. 371
Мешковая С. И. 630
 Минкоян А. И. 21
Миллер А. 786
Миллер Е. К. 56, 60—62, 181, 379, 510, 514, 524
 Мильке П. И. 287
 Милюков П. Н. 90, 193—200, 589, 669, 737, 879, 881
 Милютин В. П. 20, 24, 316, 317
Минаев В. Н. 77
 Минкин А. Е. 143
Минц И. И. 179, 881
 Мирбах В. 258, 268, 269, 271, 272, 286, 524, 583, 740
Миронов Б. Н. 41
 Миронов Ф. К. 281, 700, 876
 Миронов (военрук) 96
Миронова М. А. 495
Мирский М. Б. 445
Мистрюгов П. А. 537, 630
 Мисуно А. С. 274
Митин В. В. 719
Митрофаненко Ю. 794
Митрофанов Г. Н. 822, 824, 842
 Мицкевич С. И. 602
 Михаил Александрович, великий князь 648
Михаленко Н. В. 702
 Михайлов 294
 Михайлов В. М. 21
 Михайлов И. А. 54, 56, 57, 382, 383
 Михайлов П. Я. 295
 Михайлов Ф. М. 601
Михайлова (Леонтьева) Т. П. 823, 824
 Михайловский И. Б. 612
 Михайловский В. Г. 440, 677
Михутина И. В. 881
Мишина А. В. 699
 Мовчин Н. Н. 541, 542
 Модели Э. 11, 881
Можейко И. 724
Мозохин О. Б. 78, 90, 91, 94, 97, 252, 881, 887, 890
Моисеенко В. М. 684
 Мокиевская-Зубок Л. Н. (Мокиевский Л.) 282
 Мокроусов А. В. 301
 Мокряк М. И. 540
Моисеев С. И. 504
Молодцыгин М. А. 43, 881
 Молотов В. М. 21, 22, 311, 687
Молчанов Л. А. 49
Молчанова А. В. 448
 Монк Д. 382
 Моор (Орлов) Д. С. 607, 705

Моравская М. Л. 693
Мороз Г. С. 77
 Морозов А. 300
Морозов Б. М. 368, 881
Морозов К. Н. 131, 237, 242, 248, 250, 251, 876, 881
 Морозов С. А. 91
Морозова Н. М. 630
Морозова О. М. 507, 523, 651, 656, 830, 841, 881, 889
 Мотарыгин 249
 Моторин 96
 Моханов С. И. 645, 647
Мунинов А. К. 855
 Муравьев М. А. 94, 254, 256, 258, 273, 287, 606, 699, 700
 Муравьев Н. К. 131
 Муралов Н. И. 267
 Муранов М. К. 22
Муртазин М. Л. 771
 Мусалимов А. Г. 850
 Мусиянц Г. М. 608
Мусял Б. 786
Мухамедина Ш. М. 309
Муханов В. М. 409, 424
Мухачев Ю. В. 678, 681, 683
 Мухин Ф. Н. 171
Мухин М. Ю. 356, 358, 363, 888
 Мухина В. И. 607
 Мышецкая К. А. 294
Мэдисон Б. 446
Мэсси Р. 641
 Мясков К. Г. 535
 Мясликов А. Ф. 806—808, 816
Мятлев В. П. 660, 661

Н

Набоков В. Д. 194, 195, 198
 Наживин И. Ф. 703
Назаренко К. Б. 588, 881
 Назукин И. А. 160
Назыров П. Ф. 428
 Найденов Н. А. 109
 Налбандов В. С. 69
 Наметкин А. П. 649
 Намитоков А. А. 68
 Нансен Ф. 677, 868
Нарский И. В. 651, 698, 723, 726, 881
 Натансон М. А. 256, 272
Наумов В. П. 875

Невский Александр 371, 837
 Невский В. И. 32
Недбайло Б. Н. 877
 Недзвецкий В. Н. 114
 Неженцев М. О. 519
Нежинский Л. Н. 881
 Нейбут А. Я. 171
 Некрасов В. П. 365
 Некрасов Н. А. 563
 Некрасов Н. В. 194, 599
Некрич А. 753
 Немирович-Данченко В. И. 607
 Немцов Н. М. 250
Ненароков А. П. 212—215, 217, 816, 876
Несвижский Ю. В. 445
Нестеренко А. И. 627, 875
Нестеренко П. Л. 493
Нестерович-Берг М. А. 185
 Нестроев (Ципин) Г. А. 278, 279, 281, 289, 290, 291, 293, 294
Нечаев М. Г. 827, 830, 831, 834, 835, 840, 881
Нечаева А. М. 613, 624
 Никитин А. М. 730
Никитин А. Н. 49, 881
 Никифорова М. Г. 301, 522
 Николаев А. П. 606
Николаев В. В. 28
Николаев Р. 723
Николаева С. Ю. 194, 200, 201
 Николай II (Романов Н. А.) 640—642, 645, 648, 649, 660, 726, 801
 Николай Константинович, великий князь 649
 Николай Михайлович 649
 Николай Николаевич, великий князь 649, 682
Никольский С. А. 308
Никон, архиепископ 842
Никонова О. Ю. 584
 Никулин Г. П. 643, 644, 646
 Нилус С. Н. 661
 Новгородцев П. И. 53, 197, 762
 Новгородцева К. Т. 36
Новиков А. П. 237
 Новиков М. М. 599
Новиков П. А. 171
Новикова Л. Г. 423, 529, 566
 Новицкий Ф. Ф. 606
 Новоселов И. П. 303
Новосельский С. А. 673, 675
 Ногин В. П. 24
 Нольтейн Е. Е. 609
 Номоконов С. 171

Носач В.С. 9
 Носов (дьякон) 827
 Носович В.П. 52, 761
 Носович Л.Л. 154
 Нэйсэ-гэгэн 774

О

Оболенский А.А. 641
Оболенский В.А. 70, 194
Оболенский В.В. 333
Обух В.А. 600
Обухова Н.А. 607
Овсянkin Е.И. 378, 413, 881
Оганджаниянц Г. 262
Огановский Н.П. 390
Огнев Е.П. 502
Одинцов М.И. 824
Озол Ф.И. 101, 250
Озюф М. 722
Окунев Н.П. 655—658, 660, 665, 837
Олигер Н.Ф. 693
Оликов С.П. 539, 542, 881
Ольга Романова, великая княжна 649
Ольденбург С.Ф. 115, 592, 604
Ольшевский В.Г. 309
Орджоникидзе С. (Г.К.) 21, 264, 282, 754, 755
Орешкин Г.М. 267
Орлов В.Г. 154, 155, 157, 183
Орлов Н.А. 331
Осецкий А. 795
Осинский Н. (Оболенский В.В.) 21, 333
Оскилко С. 796
Осипов В.П. 650, 662—664
Осипов К.П. 272
Осипова Т.В. 527, 830, 881
Осоргин М.А. 331
Останин А.И. 255
Остапенко П.И. 427, 430, 490
Остапенко С.С. 794
Островкин Д.Л. 445
Островская И.В. 141
Островский Н.А. 607
Оуэн Р. 458
Ошмарин 287

П

Павел Александрович, великий князь 649
Павлов 183
Павлов В.Е. 556

Павлов Д.Б. 103, 138, 209, 215, 217, 224, 228, 230, 235, 253, 277, 297, 588, 629, 875, 877, 882, 887
Павлов И.П. 592, 650, 663, 664
Павлов Н. 829
Павловский Г. 706
Павлуновский И.П. 91
Павлюченков С.А. 10, 14, 18, 19, 26, 308, 309, 312, 315, 317, 319, 321, 327, 328, 353, 355, 527, 528, 575, 586, 729, 882
Пагануцци П. 641
Пайтс Р. 11, 28, 48, 103, 217, 882
Палей В.П. 648
Палтов А. 787
Пальчинский П.И. 598, 599, 608
Панина С.В. 194
Панферов В. 77
Парфенов П.С. (Петр Алтайский) 650, 654
Парфенов-Перфильев А.С. 255
Паришина Н.В. 430
Парыгин Б.Д. 650
Пастухов И.Д. 286
Патрушев В.В. 296
Пашковский Е.А. 768
Пепеляев А.Н. 511, 776—778, 849
Пепеляев В.Н. 56, 57, 67, 73, 168, 170, 189, 193, 206, 207, 590, 775
Первухин Е.П. 464
Перелыгин А.И. 831
Персиц М.А. 875, 882
Перфильев Е.Л. 279
Перцев В.А. 111
Перчук Я.Н. 849
Пестковский С.С. 739, 743, 744, 817, 853
Петерс Я.Х. 85, 92, 119, 121, 136
Петерсен О.В. 600
Петин Д.И. 382
Петлюра С.В. 790—798
Петраков И.А. 279
Петрище В.И. 281, 290
Петров 622
Петров Б.Д. 445
Петров Г.К. 255, 262, 263
Петров И.Е. 510
Петров Н.И. 552
Петров Н.М. 601
Петров Ю.А. 696, 882
Петров-Водкин К.С. 607
Петров-Павлов Н.И. 298, 299
Петровский Г.И. 20, 118, 740
Петросян Г.А. 736, 882

- Петухов Г.Е. 116, 129
 Печатников З.И. 265
 Пешехонов А.В. 589
 Пивоваров Н.Ю. 10
 Пилкин В.К. 516, 524
 Пилсудский Ю. 882
 Пильц А.И. 497
 Пинегина Л.А. 594
 Пинк А. 162
 Пиріг Р.Я. 786
 Писаренко Д.С. 431
 Плаггенборг Ш. 628, 688, 694
 Плаксин Р.Ю. 839
 Платова Е. Э. 591, 605, 611
 Платонов О. 641
 Платонов С.Ф. 591
 Платонова Н.Н. 826, 828
 Плеханов А.М. 78, 87, 874
 Плеханов Г.В. 10, 14, 209, 877
 Плоских С.В. 750
 Плотников И.Ф. 641, 882
 Плотникова Ю.С. 448
 Плющевский-Плющик Ю. Н. 159
 Побережная О.Е. 443
 Подбельский Ю.Н. 249
 Подвойский Н.И. 32, 515
 Подглазов И.Я. 295
 Подтелков Ф.Г. 263, 264
 Познер В.М. 597, 602
 Покровский М.Н. 30, 250, 315, 602, 611
 Поленов В.Д. 607
 Поликарпов В.В. 360
 Поликарпов В.Д. 882
 Полторак С.Н. 882
 Полупанов А.В. 287, 301
 Полуян Я.В. 264
 Поляков В.А. 364, 882
 Поляков И.А. 67, 882
 Поляков М.Х. 258
 Поляков Р.Ю. 543
 Поляков Ю.А. 384, 389, 398, 399, 667, 668, 670, 736, 867, 868, 878, 882
 Полян П.М. 678, 681
 Полянский Н.А. 707
 Попов 92, 94
 Попов В.М. 776
 Попов В.П. 308
 Попов Д.И. 261, 266—269, 274
 Попов И.В. 600
 Попов Н.Н. 229, 235
 Попов П.Х. 64
 Пороховщиков А.А. 608
 Портнов В.П. 102, 104, 882
 Поринев Б.Ф. 650
 Поринева О.С. 566, 882
 Посадский А.В. 506, 556, 698, 772, 877, 880—882
 Посаженникова К.В. 287
 Поспеловский Д.В. 824
 Постников Е.С. 708
 Постников И.Н. 834, 838
 Постников С.П. 581
 Постовский В.И. 517
 Потехин М.Н. 568
 Потресов А.Н. 589
 Потулов Б.М. 444, 445
 Правосудович М.Е. 609
 Прайсман Л.Г. 476, 485
 Преображенский Е.А. 22, 37, 687
 Примаков В.М. 511
 Присяжный Н.С. 309, 358, 513, 514, 882
 Пришвин М.М. 607, 658
 Прокопович С.Н. 679
 Прокофьев И.П. 609
 Прокудин Д.Г. 121
 Протасов Л.Г. 196, 209, 212, 214, 237, 249, 652, 728, 882, 887
 Протопопов А. 283
 Прохоров И.Н. 124
 Прошьян П.П. 32, 256, 257, 259, 263, 265, 269, 274, 275, 290
 Псковский С. 853
 Пуговкина О.Г. 630
 Пугачев М.А. 255
 Пуль Ф.К. 179
 Пупко С.Л. 280
 Пуришкевич В.М. 108, 763
 Путилов А.И. 348
 Путна В.К. 606
 Путырский Е.П. 540
 Пученков А.С. 194, 752, 831, 882
 Пушкин А.С. 611, 700
 Пчелов Е.В. 641, 643, 882
 Пясецкий В.Н. 612
 Пятаков Г.Л. (Ю.Л.) 21, 25, 250, 263, 376, 378
 Пятницкий И.А. 21

Р

- Рабинович А.Е. 17, 19, 137, 270, 882
 Радек К.Б. 20, 223, 259, 687
 Радзинский Э. 641
 Радин Е.П. 618

- Раевский А. С. 609
Разина М. 161
 Разумов Е. 255
Райский Н. С. 882
 Рак-Михайловский С. А. 808, 810
 Ракитин М. Н. 511
 Ракитников Н. И. 243
Раков В. А. 367
 Раков Д. Ф. 251
 Раковский Х. Г. 20, 514, 751
 Рамзин Л. К. 610
Расевич В. 786
Рассказов Л. П. 78
Рассказов П. П. 182
 Ратнер Е. М. 244, 251
Ратьковский И. С. 27, 78, 111, 118, 126, 151, 161, 162, 185, 186, 188, 265, 882
 Рахимбаев А. Р. 21
Рвачева О. В. 480, 489, 490
Рейджи 495
 Рейзен И. О. 607
 Рейснер М. А. 113
 Редькин В. Н. 287
 Ремизов А. М. 693
Ремпель Е. 662
 Репинецкий А. И. 547
Реутова А. Д. 621
Решетников В. А. 445
 Ривкин Г. А. (Ривкин Н. И.) 279, 280, 284, 285, 289, 290, 292, 295
Ригби Т. Х. 46
 Рид Д. 257
 Римша Х. 679
Ринчино Э.-Д. 735, 739, 756, 757
Рклицкий Н. П. (см. Никон, архиепископ) 842
Роганов Е. М. 373
Рогинский Т. 111, 125, 136
 Рогов Г. Ф. 303
Роговин В. З. 443
 Роговский Е. Ф. 161
 Рогозинский Н. В. 806, 807
Рогозный П. Г. 722, 824, 826, 827, 828, 834
Родин Д. Л. 102, 125,
 Родионов И. Ф. 262
Родионова Е. И. 600
 Родченко А. 300
 Рождественский Д. С. 593, 718
 Рождественский И. М. 44
Рожков А. Ю. 622
 Рожков Н. А. 233
 Розанов В. Н. 213, 233
 Розанов Н. И. 265
 Розанов С. Н. 58, 71, 173, 175, 188
 Розенберг А. Я. 137
Розенберг У. 215, 217
 Розенблат 171
Розенфельд О. 601
 Розмирович Е. Ф. 108
 Романец В. В. 300
 Романов Н. А. (император) 641—643, 645, 648, 649, 660
Романов П. В. 442
 Романова А. Ф. (императрица) 642, 644, 645, 649
 Романовский И. П. 51, 160
 Романовы 72, 491, 518, 593, 640, 641, 643, 644, 645, 647, 648, 879
 Ромм В. Г. 254
Росс Н. 481
 Рудзутак Я. Э. 21
 Руднев 94
Рудович С. 805
Румянцева П. В. 435
 Русаков И. В. 464, 596, 600
Рустомова-Тогиди С. 735
 Рыбаков И. М. 280
Рыбакова Е. О. 444
 Рыбников Н. А. 615
Рыбков А. Г. 876, 882
 Рыков А. И. 20, 22, 24, 320, 327, 334, 358, 513, 514, 687
Рынков В. М. 382, 401, 403, 405, 409, 428, 475, 493, 528, 546, 549, 550, 562, 566, 630, 713, 831, 833, 878, 882, 883, 889
 Рыскулов Т. Р. 748
 Рябиков П. Ф. 166
Рябинина Н. В. 442, 617
 Рябов Г. Т. 649
 Рябовол Н. С. 517
 Рязанов Д. Б. 24, 311
 Ряснянский С. Н. 153
- С**
 Сабашников М. В. 599
 Сабинин Г. Х. 608
Саблин В. А. 426, 428, 528, 530, 534, 538, 883
Саблин И. И. 731
 Саблин Ю. В. 255, 259, 260, 265, 267, 269, 270, 274, 282
Савельев С. Н. 835
Савельев П. Ю. 10
Савиных Б. В. 240, 241, 249, 252

- Савинков В. В. 252
Савицкая Р. М. 9
 Савицкий В. Д. 68
 Савич Н. В. 51, 69
 Савченко 556, 773
Савченко В. А. 297, 299, 300, 303, 699, 883
Савченко С. Н. 65
Сажина Н. С. 621
 Сазонов С. Д. 51, 61
 Сакович Н. А. 258
 Салимгареев А. 851
 Салтинский У.-Х. 856
 Сальдау П. Я. 611
 Сальников 342
 Самарин А. Д. 825
 Самойло А. А. 606
 Самойлова (Громова) К. Н. 521
 Самохвалов М. Д. 260, 263
Самошкин В. В. 249
 Самохин С. Л. 300
 Самсонов С. А. 583
 Самсонов Т. П. 248
 Сандомирский Г. Б. 302
 Сандуров К. Ф. 254
 Сапер Д. Л. 254
 Сапожков А. В. 92
 Сапожников В. В. 56
 Сапир Б. 233
 Сапронов К. И. 764
 Сапронов Т. В. 21, 25, 37—39, 353
 Сафаров Г. И. 21, 25, 642, 644, 647
Сафонов В. Н. 90, 252, 881
Сафонов Д. А. 430, 527, 883
 Сафонов М. В. 752
Сафонова Е. И. 444, 566
Сахаров К. В. 723, 725
 Сахно-Устимович А. А. 772
Свердлов Я. М. С. 10, 13—17, 20, 24, 29—31, 35, 37, 44, 107, 257, 259, 272, 582, 642—644, 648
 Светлов М. А. 607
 Светлов Ф. Ю. 278, 281, 283, 286, 287, 290—292
 Свике Я. М. 643
 Свилос 90
Свирин М. 363
 Святицкий Н. В. 243
 Северов-Одоевский А. С. 255, 262
 Севрюгин 269
 Седнев Л. 642, 643
Седов В. Ф. 93
 Сеид Абдулла 752
Секиринский С. С. 698
 Селезнев В. С. 806
 Селиванов (Михайлов) М. И. 280, 284, 294
Селунская В. М. 627
Семашко Н. А. 445, 464, 467, 468, 600, 687
 Семенов Г. М. 55, 67, 71, 165, 166, 172, 173, 207, 240, 282, 288, 383, 487, 606, 774, 775, 874
 Семенов Н. Н. 718
 Семеновы 127
 Семеновская Е. Н. 293
 Сёмушкин В. В. 263
Сенин А. С. 364, 366—368, 522, 609, 883, 888
 Сенкевич Г. 5
 Сенюшкин Ф. М. 618
 Сепп Е. К. 600
 Серафим, епископ 821, 825
 Серафимович А. С. 596, 607
Сервис Р. 11
 Сергеев (Артем) А. Ф. 20, 282
Сергеев Е. Ю. 883
 Сергеев И. А. 649
Сергеев С. В. 716
 Сергеев-Ценский С. А. 607
 Сергей Михайлович, великий князь 648
Серебренников И. И. 56, 777
 Серебряков Л. П. 22, 294
 Сиверс Р. Ф. 606
Сивков В. Ф. 827
 Сигида Н. Ф. 153
Сигельбаум Л. 443
 Сидорин В. И. 64, 840
Сидорина Т. Ю. 443
Сизов С. Г. 693
Симбирцев И. 78
Симонов Д. Г. 883
Симонова Т. М. 879
Синова И. В. 619, 621
 Синявский Д. Е. 266
 Синяев В. М. 281
 Сирота М. Л. 269
Сироткин В. 703
 Склянский Э. М. 44, 143
 Скобелев М. И. 213, 229
Скобцов Д. Е. 417, 431
 Скоморохов П. П. 62
Скорик А. П. 563
Скоркин К. В. 78
 Скоропадский П. П. 159, 198, 266, 480, 484, 560, 743, 772, 773, 786—790
Скорыходов В. П. 528
 Скорыходов П. П. 431

- Скробов В. С.* 510
Скубневский В. А. 630
Скрыпник Н. А. 262
Славин Б. А. 171
Славин М. М. 102, 104
Славинский Ю. М. 601
Славко А. А. 620, 621, 883
Слащев (Слащев-Крымский) Я. А. 479
Смидович П. Г. 269
Смилга И. Т. 20, 579
Смирнов (рабочий) 121
Смирнов (сын бывшего помещика) 437, 438
Смирнов (красноармеец) 438
Смирнов А. В. 575
Смирнов В. М. 25
Смирнов И. Н. 20, 138
Смирнов И. Ф. 157
Смирнов М. А. 610
Смирнов Н. Г. 102, 103, 107, 120
Смирнов Н. П. 246
Смирнова Т. М. 435, 437—440, 442, 443, 456—468, 470, 471, 613, 617—620, 623—625, 627, 629, 630, 633—639, 656, 883, 889, 890
Смирнова Ю. Б. 469
Смолин А. В. 380, 408, 724, 883
Смолич А. А. 808
Смолянский Г. Б. 256, 266
Смородинов (анархист) 284, 285
Смыкалин А. С. 99, 103, 104
Собинов Л. В. 604, 607
Соболев Г. Л. 650
Соболева Н. А. 723, 726
Соколов А. К. 355, 357, 358, 359, 443, 444, 461, 629, 883
Соколов А. С. 79, 84, 94, 97
Соколов Б. В. 699
Соколов Б. Ф. 68, 182, 238, 621
Соколов К. И. 883
Соколов К. Н. 51, 52, 206
Соколов Н. А. 640, 641, 649
Соколова Ф. Х. 878
Соколовский В. Н. 612
Сокольников Г. Я. 20
Солдатенко В. Ф. 779, 780, 782, 784, 786, 788, 790, 791, 793, 794, 798, 883, 892
Солдатов А. 822
Солдатов С. И. 582
Солженицын А. И. 105, 141, 524, 669, 700
Соловьев В. С. 658
Соловьев Е. А. 883
Соловьев З. П. 445, 464, 596, 600
Соловьёва В. А. 445
Сологуб Ф. К. 589
Солоневич И. Л. 100
Солонин Г. И. 281, 286
Сольц А. А. 128
Сорокин А. Н. 544
Сорокин И. Л. 509, 525, 880
Сорокин П. А. 123, 597, 598, 650, 663, 664, 713
Соскин В. Л. 596, 627, 689, 691, 692, 694, 715, 883
Софинов П. Г. 77
Софронов А. П. 288
Спектров А. С. 444
Спиридонова М. А. 134, 254, 256, 257, 259, 265, 267, 268, 270, 273, 274, 275, 290, 880
Спирин Л. М. 17, 236, 627, 678
Спиро В. Б. 258, 261
Сталин (Джугашвили) И. В. С. 9, 13—15, 20, 22, 30, 32, 44, 45, 78, 86, 97, 126, 143, 149, 232, 257, 261, 334, 636, 687, 689, 699, 705, 737, 739, 742, 743, 744, 747, 751, 754, 755, 757, 758, 760, 808, 816, 825, 837, 876, 878, 882
Станиславский А. В. 154
Станиславский К. С. 604
Станкевич А. В. 808
Станкевич А. Д. 606
Станкевич 94
Старцев В. И. 13, 782
Старцев Н. А. 179
Старынкевич С. С. 56, 188
Стасова Е. Д. 22, 31, 36
Сташков Р. И. 257
Стеклов Ю. М. 30, 457
Степанов А. А. 582
Степанов В. А. 52, 195—197, 200, 206
Степанов О. Н. 93
Степанов Н. А. 56
Степанова Н. Г. 238
Стефан Д. 678, 679
Стечкин Б. С. 608
СТИШОВ М. И. 171, 253
Стогов Н. Н. 154
Столыпин П. А. 70, 278
Стратонов В. В. 591
Стремоухов П. П. 767—769
Стрижков Ю. К. 323
Струве П. Б. 59, 69, 200
Струк И. Т. 295
Струмилин С. Г. 224, 235, 394
Ступаков М. И. 827

- Стучка П.И. 98, 99, 105—107, 112, 116, 120, 130, 132, 136, 274
 Субботин В.Ф. 479
 Суворов А.В. 511
Суворов В.П. 299, 300
Суворов К.И. 572
 Суворов М.Н. 59
Суворова Л.Н. 309, 339
 Судейкин С.Ю. 693
Судоплатов А. 773
Суетов Л.А. 631
 Сукин И.И. 56, 57, 172
 Сулимов Д.Е. 21
 Сундуков Д.А. 286
 Суни Р. 878
Суслов А.Ю. 236, 883
Суханов А.И. 340
Суханов Н.Н. 13, 23, 229, 312, 313, 320
Суханова Н.И. 428
 Сухарьков Г.Н. 254
Сухова О.А. 651, 883, 890
 Суховерхов Ф.И. 170
 Сухотин В.А. 136
Сучков В.В. 102
 Сысин А.Н. 445, 465, 607
 Сюнчеля С.Х. 753
- Т**
- Таганцев Н.Н. 69
 Тагер А.С. 131
Талин В.И. 12
 Тананайко Д.Т. 258
Тарабукина А.В. 659
Таранов А.П. 31
 Тараненок 792
 Тарасевич Л.А. 600
Тарасов О.А. 149
Тарасов Ю.А. 558
 Тарасова А.К. 607
Таргулов Я.Н. 332
 Татлин В.Е. 607, 692
 Татьяна Романова, великая княжна 649
 Таубе А.А. 606
 Таукин С.А. 294
Тахо-Годи А.А. 765
 Тверской С.Д. 69
 Тезяков Н.И. 600
 Телешов Н.Д. 607
Телицын В.Л. 309, 329, 384, 883
 Телия В.Т. 265
- Тельберг Г.Г. 54
 Терлецкий Е.П. 255, 258, 262, 263
Тереценко А.С. 176, 184
Тимербулатов Д.Р. 174, 176
 Тимирязев К.А. 592, 715, 718
Тимкин Ю.Н. 37
 Тимофеев Е.М. 239, 251
 Тимошенко С.К. 540
Тинченко Я.Ю. 518
 Тиняков А. 665
Титлинов Б.В. 834
Титов Ю.П. 102, 103, 111, 119, 125, 134
 Тихомиров Л.А. 658, 659
 Тихомиров М.Н. 604
 Тихон, патриарх (Беллавин В.И.) 595, 822, 825, 834, 835, 837, 841
Тихонов В.И. 629
 Тихонов Н.С. 607
 Тихун А.Т. 9
Тишкина А.В. 309
Тишкина К.А. 493
 Ткаченко М. 879
Тоган З.В. 736
 Тогусов К. 745
 Токарев Ф.В. 608
 Толбухин Ф.И. 606
 Толстов В.С. 65
Толстой А.Н. 693
 Томилов П.А. 767
 Томсен В. 339
 Томский И.И. 604
 Томский М. П. 20, 22, 334, 687
Топчибаев А.М. б. 735
 Торнхилл К.Д. М. 177
Трани Ю.П. 879
 Тренев К.А. 607
 Трепов А.Ф. 59
 Третьяк И.Я. 303
 Третьяков Д.М. 301
 Триандафиллов В.К. 606
Трифонов И.Я. 627
 Трифонов П.Р. 229
 Трофимовский И.К. 287
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. С. 9, 10, 12—15, 20, 22, 24, 29, 44, 45, 137, 143, 319, 327, 333, 334, 357, 502, 599, 687, 688, 706, 743, 755, 837, 877, 879, 880, 883
Трошина Т.И. 378, 503, 523, 539
 Трояновский А.А. 235
 Трубецкой Г.Н. 52
 Трубецкой Е.Н. 197

Трубецкой С. Е. 91
 Трупп А. Е. 642
Трукан Г. А. 49, 237, 883
Трусов А. И. 103, 121
 Трутовский В. Е. 32, 258, 289
 Тряпицын Я. И. 296
 Тукаев Г. Х. 771
 Тундутов Д. Д. 769
 Тунтул И. Я. 21
 Туполев А. Н. 593, 608, 718
Турук Ф. Ф. 807, 808
 Тухачевский М. Н. 606, 699
 Тэффи Н. А. 589, 693
Тютюкин С. В. 10
Тяжельникова В. С. 629

У

Уайт С. 11, 20, 881
 Уборевич И. П. 606
 Угланов Н. А. 21
 Угринов А. И. 610
 Угринов Б. И. 610
Удовенко И. В. 141, 175
 Узун-Хаджи 768
Уилер-Беннет Д. 883
Ульрих В. В. 102
Ульянинский 739
 Ульянов Д. И. 600
 Ульянов И. Н. 592
 Ульянов Н. П. 608
Уманский Н. С. 125, 136
 Унгерн-Штернберг Р. Ф. 138, 631, 774, 775, 826
 Уншлихт (Юзеф) И. С. 89
Урилов И. Х. 227, 229
 Урицкий М. С. 29
Урланис Б. Ц. 667, 670
 Урусов С. Д. 91
 Успенский К. Я. 264
 Успенский Н. М. 68
 Успенский П. С. 280
 Устинов А. М. 254, 256, 271, 292, 293
 Устинов Б. А. 688
Устинов В. М. 735, 749
 Устинов П. Ф. 266
 Устругов Л. А. 590
Устрялов Н. В. 193, 590
 Утгоф В. Л. 251
Утевский Б. С. 116, 125, 130, 133
Уткин А. И. 868
Ушаков А. И. 498, 694

Ф

Фаворский А. Е. 593
 Фадеев А. А. 607
Файджес О. 310
Фаткова Ж. З. 448
 Фальборк Г. А. 851
 Фарфурин А. Н. 609
Федичкин Д. И. 582
 Федоренко П. П. 121
Федоров А. 302
Федоров А. Н. 470, 566
 Федоров В. Г. 608
 Федоров (Забрежнев) В. И. 302
 Федоров М. М. 51, 53, 195, 197, 200, 206
 Федорович Ф. Ф. 251
 Федоровский Ф. Ф. 608
Федотова А. 550
 Федотова Г. Н. 604
Федченков И. А. (см. Вениамин, митрополит) 841, 842
Федюк В. П. 498, 884
Федюкин С. А. 41, 588, 596, 627
 Федько И. Ф. 540
Фельдман М. А. 566, 581, 583, 651, 882, 890
Фельдман Н. А. 28, 43
Фельштинский Ю. Г. 45, 254
 Фенин А. И. 52
Ферро М. 641
 Ферсман А. Е. 593
Фигатнер Ю. Ю. 20, 629
 Филимонов 285
 Филимонов А. П. 63, 68, 525
Филимонов Б. Б. 72
Филимонов С. Б. 708
 Филиппов (Голощекин) 644
Филиппов И. Т. 309, 884
Филиппова М. В. 448
Филиппова Т. А. 652, 698, 699, 700, 701, 891
 Филоненко А. Л. 577
 Филоненко Т. В. 708
 Философов Д. В. 252
Финдейзен Н. Ф. 653, 661, 663
Фирсов М. В. 448
Фирсов С. Л. 824
Фирсов Ф. И. 884
Фицпатрик Ш. (Fitzpatrick S.) 435, 439, 440, 527, 567, 628, 632, 639, 656, 690, 691
 Фишман В. М. 258
 Фишман Я. М. 256, 259, 264, 274
 Фогель Я. М. 448

Фокке Д. Г. 884
 Фоменко П. М. 528, 558
 Фортунатов В. В. 589, 591, 598, 604, 605, 611, 890
 Фрейман В. 287, 806
 Френкин М. С. 527, 884
 Фриз Г. 832, 838
 Фрумкин М. И. 754
 Фрунзе М. В. 21, 749, 808
 Фурманов Д. А. 25, 281, 607

Х

Хабаев Б. (Я. В.) 766
 Хабаров М. А. 288
 Хавкин В. М. 600
 Хажеева И. В. 448, 457
 Хазиев Р. А. 309, 884, 888
 Халатов (Халатянц) А. Б. 604
 Халилов М. М. 766
 Ханжин М. В. 553
 Харитонов И. М. 642
 Хармандарян С. В. 735, 753
 Хартулари (Халтулари) В. Д. 155
 Харузин М. А. 160
 Харькова Т. Л. 668
 Хвостов В. М. 159, 299
 Хелаев Д. О. 729
 Херлингер П. 697
 Хилковы 631
 Хинчук Л. М. 224, 229
 Хлопин Г. В. 600
 Хмелев Н. П. 607
 Хмель И. В. (Хміль И. В.) 392
 Хмельницкий А. И. 123, 132
 Хмуркин Г. Г. 842
 Ходжаев Н. 750
 Ходжаев Ф. Г. 751
 Ходырев Н. 283
 Ходяков М. В. 27, 309, 377, 874, 884, 888
 Холодильни К. А. 483
 Холостова Е. И. 443, 448
 Холич С. Н. 804
 Хомяков 136
 Хорак А. 269
 Хорват Д. Л. 55, 199, 240, 590
 Хотимский В. И. 258
 Храмов Ю. А. 295
 Храповицкий А. П. (см. Антоний, митрополит) 842
 Хрисанфов В. И. 589

Хрусталева В. М. 641, 874
 Христюк П. О. 786, 787, 792
 Хрущев А. Г. 195
 Хрущев Н. С. 10, 14, 825, 877
 Хубулова С. А. 630
 Худяков Н. А. 282, 292
 Хусаинов Н. 751

Ц

Цаликов А. Т. 847
 Царев О. 183
 Цахилов Д. 848
 Цванцигер Б. В. 347
 Цветков В. Ж. 150, 153, 156, 158, 160, 184, 185, 187, 189, 382, 838—841, 884, 886, 891
 Цвикевиц А. И. 808, 810
 Целмс Я. М. 643, 646, 647
 Церетели И. Г. 108
 Цивцивадзе И. В. 137
 Циолковский К. Э. 592, 604, 608
 Ципкин Ю. Н. 170—172, 176, 237
 Ціхаміраў А. В. 812
 Цыганков И. Н. 511
 Цыганов Я. И. 582
 Цыпин В. А. 827, 840, 841
 Цыперович Г. 591
 Цюрупа А. Д. 284, 320

Ч

Чайковский Н. В. 55, 60, 61, 68
 Чапаев В. И. 511, 540, 556
 Чаплыгин А. П. 607
 Чаплыгин С. А. 718
 Чаянов А. В. 599
 Чебышев Н. Н. 51
 Челебнев Ч. 845
 Челищев В. Н. 50
 Чельцов М. П. 831, 833
 Ченская Т. В. 528, 560
 Червен-Водали А. А. 197, 200
 Червяков А. Г. 806, 809, 815
 Череванин Ф. А. 224
 Черепанов Д. А. 269, 275
 Черкасов А. А. 237
 Черкасов Н. К. 607
 Черкунов Б. Г. 288
 Чернев А. 10
 Черлунчакевич Н. А. 106
 Чермоев А. М. 764

Черненко Б. Н. 243
 Чернецов В. М. 186
Чернов А. В. 527
 Чернов В. М. 12, 55, 108, 237—240, 244, 245, 249, 251, 252
 Черносвитов К. К. 115
Черных А. И. 636
Чернявский Г. И. 45
 Чернышев А. А. 718
Чернышев В. И. 610
Чернявская Ю. В. 801
Черчилль У. 879
Чеснова Л. В. 716, 718
 Чехонин С. В. 378
 Чечотт А. О. 609
 Чижиков М. И. 282
 Чижов Н. К. 612
 Чингисхан 849
 Чириков Е. Н. 589
Чистиков А. Н. 632, 636
 Чичагов Л. М. (см. Серафим, епископ) 821
 Чичерин Г. В. 32, 243, 881
Чокаев М. 736, 747
 Чубарь В. Я. 21
 Чудаков Е. А. 718
Чуев В. П. 182
Чуйкина С. 631
 Чуликов И. М. 768
 Чулков Г. И. 589
 Чумаченко П. В. 254
Чураков Д. О. 240, 351, 353, 505, 566—569, 574, 575, 580, 583, 884
 Чуцкаев С. Е. 647
 Чхеидзе К. А. 767
 Чхеидзе Н. С. 753

Ш

Шавельский Г. И. 840
Шаламов В. Т. 251
Шамигулов А. Р. 448
 Шапиро А. М. 302
 Шапиро Л. Г. 602, 707
 Шаповал М. 789
Шапошников Б. М. 606
 Шапшукова (Маркина) Н. Д. 522
 Шателен М. А. 610
Шатилов А. П. 95
Шатилов Н. Н. 69
 Шатов В. С. 301
 Шаумян С. Г. 743, 753

Шафир Я. 528, 558, 650
 Шахворестов 92
 Шашков Я. А. 263, 274
 Шведов С. 290
 Швейцер В. (Р.) Л. 521
 Швец Ф. П. 790, 794
 Шевелев Н. В. 380
 Шевченко Е. С. 252
Шекшеев А. П. 528, 557, 884
 Шелудько (левый эсер) 263
 Шепшелевич Л. А. 258
Шер С. А. 616.
 Шервуд Л. В. 607
 Шереметевы 631
 Шерипов А. Д. 768
Шерстюков С. А. 844
Шехтман И. Б. 762
Шиканова И. С. 383
 Шиллинг Н. Н. 53
 Шилов Д. С. 296
Шиловский М. В. 884
Шиловцев А. В. 448, 571
Шильникова И. В. 444, 469
Шинкарчук С. А. 631
Шинин О. В. 880
Шин В. 282
Шинша А. 422
Шишкин В. И. 527, 557, 875, 876, 878, 884
 Шишко П. И. 257, 263
 Шишков В. А. 607
 Шкаревский Д. Н. 101
Шкаровский М. В. 621, 825, 835
 Шкуро А. Г. 506, 517, 559, 884
 Шляпников А. Г. 20, 26, 32, 42, 48, 260, 687
Шмелев А. В. 884
 Шмелев Н. А. 243
 Шмидт В. В. 20
 Шмидт О. Ю. 592
 Шорин В. И. 606
 Шотман А. В. 32
 Шохов М. М. 166
 Шрейдер А. А. 258, 272
 Штейнберг И. З. 32, 130, 256, 257, 262, 263, 265, 272
 Штейннингер В. И. 115, 208
 Штеренберг Д. П. 692
Штерн С. 691
 Штреземан Г. 12
Штырбул А. А. 246, 297, 299, 300, 302
 Шугрин К. А. 257
Шульгин В. В. 156, 652, 862

Шульгин В.С. 691
 Шульгин Е.Я. 610
 Шумилов С.П. 280, 288
 Шумиловский Л.И. 56, 476
 Шуров П.Е. 510
 Шухов В.Г. 608
Шыбека З. 802, 803

Щ

Щавлинский Н.Б. 804
 Щастный А.М. 137
 Щекатуров П.Ф. 281
 Щепкин Д.М. 206
 Щепкин Н.Н. 91, 197, 200, 206, 208
 Щербачев Д.Г. 154, 181
Щербинин П.П. 619
 Щетинкин П.Е. 775
 Щорс Н.А. 794
 Щукин Н.Л. 607, 609
Щуров Л. 603
 Щусев А.В. 608

Э

Әбдіхалық Т.О. 46
 Эвальд В.В. 612
 Эйдеман Р.П. 279, 280, 606, 878
 Эйхгорн Г. 266, 272
 Эйхельбергер Р.Л. 173
 Эйшинский Ф.Г. 59
Энгельштейн Л. 106
 Эндин С. 266
Энсен Б. 493
 Эпштейн (художник) 92
Эпштейн М. 438
Эргашев Б. 752
 Эрдели И.Г. 53, 509, 520, 767
 Эренбург И.Г. 693
 Эрн Ф.А. 59
 Ерьзя-Нефедов С. Д. 608
 Эстрин А.Я. 132

Ю

Юденич Н.Н. 48, 56, 59, 60, 206, 301, 376, 380, 382
 418, 521, 524, 541, 652, 679, 683, 771, 882, 884
 Южин А.И. 607
 Юзefович Я.Д. 492
 Юон К.Ф. 607
 Юровский Я.М. 643, 645—648
Юрченков В.А. 527, 880
Юрьев А.И. 237, 884
 Юрьев Б.Н. 608
 Юрьев Г.Н. 582
 Юсупов П.Х. 752
Юшин И.Ф. 629

Я

Якобсон Р.О. 662
Яковлев А.Н. 876
 Яковлев 437
 Яковлев В.В. (Мячин) 285, 642
 Яковлев И.Я. 604
 Яковлев Н.Д. 510
 Яковлев Н.Н. 170
 Яковлев П.Д. 850
 Яковлева Варвара (монахиня) 648
 Яковлева В.Н. 521
Якубовская С.И. 9
Якушев И.А. 67
Ямпольская Г.А. 309
Янтураева М.А. 448
Янчевский Н.Л. 503
 Янышев 135
Яньшин Л.Я. 494
Яров С.В. 435, 527, 566, 584, 651, 884
 Ярославский Е.М. 20, 22, 25, 837
Ярошецкая В.П. 627
Ярская-Смирнова Е. Р. 442
 Ярчук Е.З. 299
 Яхонтов В.И. 229
 Яценко Г. 556, 773
Яшкова Л.А. 687, 694

A — Z

- Adamets S. G.* 529
Ball A. M. 621, 628
Bernstein L. 625
Beyme K. 441
Caroli D. 621
Chamberlin W. H. 885
Cohen A. J. 697
Daniels R. 310
Davison H. P. 493
Dunscornb P. E. 885
Edele M. 628
Engelstein L. R. 729, 885
Fike C. E. 493
Fitzpatrick S. 567, 628, 691
Goldman W. 616, 623, 624
Hagenloh P. 628
Haugen A. 747
Herrlinger P. 697
Husband W. B. 830
Jakobson R. 662
Jansen M. 885
Keenan E. 696
Kimerling E. 628
Kinvig C. 885
Le Fevre G. 702
Lewin M. 21, 310, 885
Lih L. T. 310
Lindenmeyr A. 616, 623
Malle S. 309, 310
Mawdsley E. 567
Madison B. Q. 441
Moffat I. 885
Nelson A. 628
Norris S. A. 701
Nove A. 224, 441
Osborn R. J. 441
Peris D. 826
Rabinovitch A. 11, 321
Reed C. 688
Rendle M. 628
Riabov O. V. 703, 704
Rimlinger G. V. 441
Rosenberg W. A. 193, 194, 566, 706
Roslof E. 826
Schlesinger R. 103
Shanin T. 651
Smele J. D. 885
Smith D. 631
Smith S. A. 661
Smith S. B. 237, 885
Swain G. 885
Szamuely L. 310
Vogel H. 441
Wright D. 885
Yaney G. 310

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>В. И. Голдин, В. В. Кондрашин</i>)	5
Часть I	
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА	7
Глава 1	
Большевицкая партия — основа советской государственности (<i>В. В. Кондрашин, С. В. Леонов</i>)	9
Историография проблемы	9
В. И. Ленин — вождь большевистской партии	11
Место РКП(б) в советской государственности. Структура, численность, социальный состав партии	15
РКП(б) как правящая партия	23
Глава 2	
Советская государственность в военную эпоху (<i>В. В. Кондрашин, С. В. Леонов</i>)	28
Организационные основы советской власти	28
Советы	34
Госаппарат	40
Военная проблема	43
Советская власть как фактор победы большевиков в войне	46
Глава 3	
Белая государственность (<i>В. Ж. Цветков, В. И. Голдин</i>)	49
Формирование белой государственности на Юге России	49
Власть Верховного правителя адмирала Колчака	54
Образование и деятельность Северо-Западного правительства	59
Органы государственной власти в Северной области (<i>В. И. Голдин</i>)	60
Система управления в казачьих областях	62
«Смена курса» государственной политики на завершающем этапе Белого движения	67
Белая государственность в Забайкалье и на Дальнем Востоке	71

Часть II

СПЕЦСЛУЖБЫ И РЕПРЕССИВНО-КАРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ
ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН

75

Глава 1

ВЧК (О. Б. Мозохин).....

77

Глава 2

Советская судебная и пенитенциарная системы

(Д. Б. Павлов, В. В. Кондрашин).....

98

«Пролетарский суд без буржуазного права, но и без пролетарского»

98

«Единый народный суд» и революционные трибуналы.....

115

Особенности большевистского правосудия.....

121

«Освежение» судейской магистратуры

138

Создание советской пенитенциарной системы (В. В. Кондрашин).....

141

Глава 3

Спецслужбы и репрессивно-карательная система Белого движения (В. И. Голдин).....

150

Создание карательно-репрессивной системы

150

Контрразведка и репрессивно-карательные службы Белого Юга

153

Специальные органы и службы антибольшевистских режимов на Востоке России

161

Деятельность спецслужб и репрессивно-карательной системы белых на Севере России

177

Контрразведка и разведка в белом Крыму

183

Белый террор

184

Часть III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

191

Глава 1

Кадеты (В. В. Кондрашин).....

193

Выработка стратегии

193

Кадеты против советской власти

199

Глава 2

Социал-демократы-меньшевики (Д. Б. Павлов)

209

Октябрь—декабрь 1917 г.: демократические иллюзии в условиях кризиса, «левый» поворот.....

209

1918 г.: на легальных и полулегальных правах

215

1919—1920 гг.: дрейф «влево» в условиях квазилегальности

223

1921—1922 гг.: от полулегальности к подполью

230

Глава 3

Эсеры (В. В. Кондрашин).....

236

Историография. Эсеры и Октябрьский переворот.....

236

«Союз защиты Родины и свободы». Тактика вооруженной борьбы с большевиками

240

Тактика «третьей силы» и «третьего пути»

242

Эсеры на завершающем этапе Гражданской войны

247

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 4

Левые эсеры (Я. В. Леонтьев)	
Союзники большевиков.....	
Мятеж. Левые эсеры после мятежа.....	

Глава 5

Максималисты (Я. В. Леонтьев)	2
За советскую власть.....	2
Разногласия внутри партии, взаимоотношения с большевиками.....	2

Глава 6

Анархисты (Д. И. Рублев)	29
---------------------------------------	----

Часть IV

ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ	305
---	-----

Глава 1

Формирование системы «военного коммунизма» в Советской России: политика и экономика (В. В. Кондрашин)	307
Теория и практика утверждения «военного коммунизма».....	307
«Красногвардейская атака на капитал».....	315
«Военный коммунизм» в деревне. Продразверстка.....	318
Огосударствление кооперации.....	329
Ликвидация свободной торговли.....	330
Милитаризация труда.....	333

Глава 2

Подпольное предпринимательство в условиях «военного коммунизма» (Р. А. Хазиев)	335
---	-----

Глава 3

Промышленность и транспорт Советской России (В. В. Кондрашин, М. Ю. Мухин, А. С. Сенин)	345
Промышленность (В. В. Кондрашин).....	345
Оборонная промышленность Советской России в годы Гражданской войны (М. Ю. Мухин).....	354
Транспорт (А. С. Сенин).....	364

Глава 4

Денежное обращение по обе стороны фронта (М. В. Ходяков)	374
Денежное обращение в первые годы советской власти.....	374
Денежное обращение в антибольшевистском лагере.....	378

Глава 5

Сельское хозяйство (В. В. Кондрашин)	384
Динамика сельскохозяйственного производства.....	384
Причины кризисных явлений и падения сельскохозяйственного производства.....	389
Сельскохозяйственное производство на подконтрольной белым территории.....	399

Глава 6

Экономическая политика антибольшевистских правительств (В. М. Рынков)	405
Регулирование прав собственности.....	405
Финансовая политика	409
Организация торговли, работы промышленности и решение продовольственного вопроса	415
Аграрная политика.....	425

Часть V

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ	422
---	-----

Глава 1

Российское общество в период послереволюционной трансформации: особенности социальных отношений и проблема социальной идентификации (Т. М. Смирнова)	435
---	-----

Глава 2

Советская социальная политика: основные приоритеты, декларируемые принципы и их реализация (Т. М. Смирнова)	441
Предмет исследования и особенности историографии проблемы.....	441
Создание единой государственной системы социального обеспечения и социальной защиты населения, ее основные приоритеты и формы.....	445
Охрана труда в условиях принудительного труда: труд как право и обязанность каждого.....	458
Формирование государственной системы здравоохранения и санитарно-просветительная работа	461
Решение жилищной проблемы: основные задачи, методы и итоги	469
Основные противоречия социальной политики.....	473

Глава 3

Социальная политика антибольшевистских правительств (В. М. Рынков)	475
Рабочий вопрос и регулирование рынка труда.....	475
Решение жилищных проблем	482
Выплаты пенсий и пособий	483
Социальная помощь пострадавшим от боевых действий и разрушений Гражданской войны	489
Организация медицинского обслуживания армии и гражданского населения	491
Проблема беженцев.....	495

Часть VI

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	499
---	-----

Глава 1

Человек на войне. Психосоциальные и каузальные аспекты мотивации участников внутреннего вооруженного конфликта (О. М. Морозова)	501
Роль фронтовиков на начальном этапе боевых действий.....	501
«Партизанщина» и ее наследие в армиях белых и красных	510
Офицерство старой армии на службе у большевиков и в Белой армии.....	516
Использование Советами потенциала женской социальной активности	520
Парадокс веры в победу	523

Глава 2

Крестьянство в войне (<i>В. В. Кондрашин, О. А. Сухова</i>).....	527
Социально-демографические процессы в российской деревне	527
Крестьянство — источник людских и материальных ресурсов в войне для советской власти.....	534
Крестьяне и коммуны	544
Крестьяне и голод	546
Крестьяне и белые правительства	551
Крестьяне и война.....	562

Глава 3

Рабочие в условиях войны (<i>В. В. Кондрашин, М. А. Фельдман</i>).....	565
Историография. Динамика численности рабочих в годы войны.....	565
Рабочая политика советской власти и положение рабочих.....	568
Рабочие организации	573
Коммунистические субботники	578
Протестное рабочее движение в Советской России	579
Положение рабочих на территории антибольшевистских правительств	584

Глава 4

Интеллигенция в войне (<i>В. В. Фортунатов</i>).....	587
Реакция интеллигенции на захват власти большевиками и начавшуюся Гражданскую войну.....	587
Интеллигенция и советская власть в годы войны.....	594

Глава 5

Дети в условиях Гражданской войны (<i>Т. М. Смирнова</i>).....	613
Декларируемая политика и формирование государственной системы охраны материнства и детства.....	613
Особенности повседневной жизни детского населения в годы Гражданской войны.....	618

Глава 6

«Бывшие» в Советской России (<i>Т. М. Смирнова</i>).....	626
Терминология и историография проблемы	626
«Бывшие» в условиях послереволюционной России	631

Глава 7

Судьба последнего российского императора и его семьи (<i>В. В. Кондрашин, О. Б. Мозохин</i>)....	640
---	-----

Глава 8

Массовые настроения эпохи (<i>В. Б. Аксенов</i>).....	650
--	-----

Глава 9

Людские потери и демографическая ситуация в годы Гражданской войны (<i>В. Б. Жиромская</i>).....	667
Демографическая ситуация.....	667
Эмиграция.....	677
	917

Часть VII

КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА..... 685

Глава 1

Гражданская война «в культурном измерении» (И. В. Купцова, Т. А. Филиппова).....	687
«Культурная революция» или «культурное строительство»?	687
Управление сферой культуры органами советской власти и антибольшевистских правительств.....	691
Политико-культурный «ландшафт» Гражданской войны.....	695
Культурные интерпретации феномена политического лидерства	698
Культурная семантизация политических фобий	700
Архетипы сознания на службе новой культуры	703

Глава 2

Народное образование и наука (В. В. Кондрашин, И. В. Купцова).....	707
Становление советской системы народного образования.....	707
Развитие системы образования на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам.....	713
Наука (И. В. Купцова).....	715

Глава 3

Политические символы революции и символическая политика в условиях Гражданской войны (Б. Н. Колоницкий).....	721
---	------------

Часть VIII

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ..... 733

Глава 1

Национальные проблемы и национально-государственное строительство в Советской России (Д. А. Аманжолова).....	735
Выработка большевиками советской национальной политики.....	735
Реализация советской национальной политики	743

Глава 2

Национальный вопрос в политике антибольшевистских (белых) правительств (В. Ж. Цветков).....	761
--	------------

Глава 3

Национально-государственное строительство на Украине (В. Ф. Солдатенко)	779
Создание Украинской Народной Республики.....	779
Режим Директории. Падение УНР	790

Глава 4

Национально-государственное строительство в Белоруссии (О. Г. Буховец, В. В. Кондрашин, В. Г. Мазец).....	799
Историография проблемы. Первые шаги национально-государственного строительства	799
Белорусская Народная Республика.....	810
Создание Советской Белоруссии	815

Часть IX

ЦЕРКОВЬ, РЕЛИГИИ, КОНФЕССИИ..... 819

Глава 1

Русская православная церковь и священнослужители в условиях войны**(Т. Г. Леонтьева)..... 821**

Изменение статуса РПЦ в Советской России..... 821

Положение РПЦ и священнослужителей в Советской России..... 825

Деятельность Русской православной церкви на антибольшевистских территориях 838

Глава 2

Ислам и мусульманство (С. М. Исхаков)..... 844**Заключение (В. И. Голдин, В. В. Кондрашин)..... 858****Библиография..... 874****Указатель имен..... 886**

Научное издание

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 12

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ. 1917—1922 ГОДЫ.
КНИГА 2: ВЛАСТЬ. ЭКОНОМИКА. ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА

Утверждено к печати

Ученым советом Института российской истории РАН

Редактор издательства *Е. Ю. Федорова*

Оформление *П. Э. Палей*

Корректоры *А. Ю. Обод, С. О. Розанова, А. К. Рудзик*

Компьютерная верстка *С. Г. Ковалева*

Подписано к печати 26.04.2024

Формат 84 × 108¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 100,0. Уч.-изд.л. 82,0

Тираж 3000 экз. Тип. зак. 392

ФГБУ Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

E-mail: info@naukapublishers.ru

<https://naukapublishers.ru>

<https://naukabooks.ru>

ФГБУ Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-041024-4

9 785020 410244